

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ, ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

- Кобыляцкий М.К.* Особенности применения методов социологического исследования в цифровой среде..... 7
- Моисеев А.В., Епхийев О.М.* Сравнительный анализ определений понятия «социальное благополучие» в современном социально-гуманитарном знании..... 12

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

- Бакшеев А.И., Турчина Ж.Е., Андренко О.В., Иванов В.Г., Фатянова О.П.* Олимпийские игры Пьера Де Кубертена, как образовательный проект, нацеленный на академическую молодежь..... 20
- Бызова О.М.* Информационные технологии в исторических исследованиях и образовании..... 23
- Ван Вэньци.* Сопоставительное изучение концептов «семья» в русском и китайском языках под углом зрения лингвокультурологии 27
- Ван Сяотин.* Звуковой мир в автобиографической работе К.Г. Паустовского «Повесть о жизни»..... 32
- Ван Чжао.* Организационная культура компании в системе стратегического управления: теоретический аспект 36
- Деточенко Л.С.* Профессионально-образовательное самоопределение выпускников с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья общеобразовательных школ Ростовской области 44
- Ермакова Э.В.* Бельгийский культурный код в национальной рекламе 51
- Зейналлы Р.Р.* Анализ социокультурных практик молодежной политики вуза 56
- Кидямкин А.А.* Социально-философский аспект традиции храмоздательства Руси, России и Мордовии и современная специфика развития российской цивилизации 62
- Ли Цзинчжэ, Лю Дин.* Роль образовательных учреждений в интеграции детей в общество 66
- Ли Чжо, Цай Вэй.* Исследование функции когнитивных метафор на семантическое развитие русских интернет-неологизмов..... 70
- Передумов М.А.* Культура бесконфликтного взаимодействия в процессе функционирования современного воинского коллектива 76

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.

ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке eLibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, профессор Московского педагогического университета, академик РАН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция)

Ответственный секретарь:

Миронова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор действительный член РАЕН; **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ; **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникации и медиаобразования, член Союза журналистов России; **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Института социологии и регионалистики, ЮФУ; **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, действительный член Академии литературы, почетный доктор Института социологии РАН; **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой по научной работе, МГУ им. М.В. Ломоносова; **Кара-Мурза Сергей Георгиевич** – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник, ИСПИ РАН; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета; **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Польша); **Кривошупков Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления; **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института Высшей школы (Беларусь); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета; **Михайленок Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН; **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, заведующий кафедрой гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, член международной федерации журналистов, профессор Московского педагогического государственного университета, почетный работник Высшего профессионального образования РФ; **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, Президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского университета; **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры Корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО; **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительной социологии факультета социологии, декан Факультета социологии СПбГУ, директор Центра изучения Германии и Европы; **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы.

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 28.02.2025 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

<i>Тараненко О.Н., Романько И.Е., Прозорова С.А.</i> Подготовка высокопрофессиональных кадров как фактор развития туристической отрасли российских регионов	80
<i>Чжан Линлин, Илимира Илияс.</i> Исследование перевода поэтические образы Ли Бай на русский язык с помощью теории рецептивной эстетики	84
<i>Грубин И.В., Юдина И.И., Оганесян Е.А., Плужникова И.И.</i> Преимущества и недостатки использования технологии виртуальной реальности в обучении иностранному языку в университете	89

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

<i>Агеян С.В.</i> Имидж строительной организации как фактор повышения доверия потребителей и партнеров	93
<i>Брега А.В., Брега Г.В.</i> Искусственный интеллект как общественное благо и вызов безопасности	97
<i>Сережко Т.А., Кохан Ж.С., Гармашов Д.О.</i> Понятие и особенности социального неравенства в цифровом обществе	103
<i>Го Хань.</i> Развитие системы социального рейтинга в контексте управления общественными процессами	107
<i>Иванов С.Ю., Иванова Д.В., Чвякин В.А.</i> Трансформация ценностных ориентаций современного поколения выпускников вузов.....	111
<i>Капустина М.Г.</i> Военно-социальная политика Франции.....	116
<i>Карманов М.В., Кузнецов В.И.</i> Ассимиляция трудовых мигрантов в России: надежды и реалии.....	121
<i>Ковалевская М.И., Рыбакова М.В.</i> Современные социологические подходы к пониманию социальной адаптации молодого специалиста	125
<i>Костерин А.А., Бычков П.И.</i> Потенциал прогнозирования динамики военно-социальных процессов в условиях боевой неопределенности	130
<i>Красовский А.В.</i> Сущностные характеристики деятельность социально-ориентированных некоммерческих организаций в рискогенной среде	133
<i>Кулинченко А.В.</i> Деятельностный подход к анализу управления в обществе	136
<i>Черкасов Д.И., Ашкар М., Мкртумова И.В.</i> Влияние импортзамещения в сфере здравоохранения на развитие патриотических взглядов молодежи в условиях демографических вызовов в современной России.....	142
<i>Николаева Т.А.</i> Влияние эмоционального состояния одиноких родителей на социальное благополучие неполных семей	148
<i>Сюй Юаньлай.</i> Социологические аспекты лидерства в условиях неопределенности: управление изменениями в современных организациях	152
<i>Ткачев А.А., Хрипкова Д.В., Хрипков К.А.</i> Проблемные аспекты в системе регулятивного воздействия на устойчивое развитие сельских территорий	156

<i>Удинкан В.А.</i> Сообщество или совместность? Анализ социального пространства субурбий востока России (на примере города Хабаровска)	160
<i>Шевлякова Т.А., Орлова В.В.</i> Актуальные социальные проблемы молодежи	165
<i>Щанина Е.В., Думнов В.Б.</i> Исследование понятийного аппарата феномена «корпоративная культура»	169

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

<i>Денисов А.А.</i> Старчество как институт трансляции традиции в обществе	175
<i>Денищенко М.Е.</i> Факторы ценностной детерминации межпоколенческого диалога в современном российском обществе	180
<i>Лемаев Т.В.</i> Проблема существования человека в техносфере	184
<i>Лонский Я.А.</i> Религиозный экстремизм как одна из форм духовной войны современности	191
<i>Митин А.В., Полозова И.В.</i> Социальная философия и теоретическая социология: проблема соотношения....	194
<i>Осипова Н.А.</i> Стрелецкий бунт: предпосылки, хронология и последствия	198
<i>Петраш Н.Д.</i> Кинокоммуникации как социокультурный феномен ухода от элитарности	202
<i>Феклушин А.В.</i> Виртуальные сообщества в России: новые формы коллективной солидарности в цифровую эпоху.....	207
<i>Щеглов И.А.</i> Определение компетентности эксперта в производстве гуманитарной экспертизы	212
<i>Яковко Т.В., Рашидова Т.Р.</i> Мир ценностей современного молодого человека	216

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

<i>Аторин Р.Ю.</i> Патристика и схоластика как способы философско-теологического исследования: внерелигиозно-рациональное начало схоластики.....	221
<i>Захаров М.Ю., Шишкова А.В.</i> Постнеклассическая наука как основа глобальной цифровой научной трансформации.....	224
<i>Чупин Д.Д.</i> Понятия свободы и смысла в работах Ж.-П. Сартра и В. Франкла.....	228

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

<i>Бобошко А.А.</i> Влияние трансформации международных политических процессов на развитие оборонно-промышленного комплекса	231
<i>Гайнутдинова Л.А., Пахомова М.А.</i> Государственная поддержка бизнеса в Китае в условиях кризиса: опыт пандемии COVID-19	235
<i>Каратуева Е.Н.</i> Реализация экологической политики в социалистических странах: подходы к оценке эффективности.....	239

<i>Фирре Ериммас Биннам.</i> Вклад женщин в войну за независимость Эритреи: взгляд на роль Кедес Гебреханнес Бераки	244
<i>Кветной В.В.</i> Использование дипфейков для создания информационных битов в электоральных кампаниях: влияние на политические смыслы среди молодежи России	249
<i>Литвиненко Д.В., Терешина А.Н., Разумовский А.И., Едич Г.С., Караев А.А.</i> Основные тенденции молодежной политики в Приморском крае в 2024 году	257
<i>Медушевский Н.А., Бакович В.Д.</i> Внутренняя политика Турции на современном этапе	260
Сетевой взгляд на политические отношения в современных коммуникациях (материалы круглого стола)	264
<i>Пикунова К.А.</i> Искусственный интеллект в политических технологиях: этические и технологические вызовы	279
<i>Фирре Ериммас Биннам.</i> Роль женщин в антиколониальной борьбе за независимость Эритреи: на примере вклада Кедес Гебреханнес Бераки (1978–1991)	283
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	
<i>Абилова Г.В.</i> Диалог образовательных пространств государств БРИКС и его влияние на подготовку кадров для политической и экономической сфер	288
<i>Чжо Паинг.</i> Строительство федеративного демократического государства в Мьянме	293
<i>Шахид Я.А.</i> Создание университетов под эгидой ШОС, способствующее культурному общению и региональной интеграции между государствами-членами	297
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
<i>Жердецкий Е.А.</i> Периодизация и особенности миротворческих процессов в зонах региональных конфликтов	303
<i>Дроздов Д.С.</i> Роль концепта «природорегулирование» в «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова	309
<i>Жердецкий Е.А.</i> Разработка подхода к хеджированию политических рисков регулирования миротворческих операций на постсоветском пространстве: аспекты статистической оценки тональности социальных медиа	314
<i>Игнатов И.С.</i> Образ Российской Федерации в политическом дискурсе стран Прибалтики в период с 2014–2024 годы	318

<i>Нгуен Ба Тхань.</i> Влияние украинского кризиса на российско-китайские отношения и его влияние на изменение мирового порядка	325
<i>Печищева Л.А.</i> Геополитическая концепция «Мегахартленд»: перспективы для России	329
<i>Сейдерфан Ладжеварди.</i> Роль Ирана и России в урегулировании палестино-израильского конфликта в рамках обеспечения безопасности Ближневосточного региона	332
<i>Теча Джумесси Франк Жиресер.</i> Реализация целей устойчивого развития в условиях институционализации интеграционных процессов: на примере развития ИТ технологий стран БРИКС	336
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Кравченко А.И.</i> Заботы и хлопоты земного существования	341
<i>Микрюков В.О.</i> Стратегии контент-маркетинга для B2B-компаний (на основе авторского анализа контент-стратегии компании Bergauf)	350
<i>Орлова Е.А.</i> Проблемы имиджа российского образования через призму восприятия студентами-гуманитариями	353
<i>Шукшина Л.В., Ельшина А.М.</i> Взаимосвязь доминирующих механизмов психической защиты и внушаемости личности	360
<i>Чан Тхи Ханг, Чан Тхи Ким Оань.</i> Буддийское образование и его ценности	364
<i>Ван Юаньсин.</i> От обмена к совместному управлению: социальная практика «Банка времени»	369
<i>Васильева Е.Н., Короткова К.В.</i> Досуговые практики студенческой молодежи в зеркале цифровизации	376
<i>Коготыжева А.К., Макоева З.А., Шоранова З.В.</i> Социально-философский анализ научного потенциала молодых ученых: региональный опыт	380
<i>Ладыкина Т.А.</i> Ното есопотісис: развитие взглядов на проблемы экономического бытия личности в социальной философии	385
<i>Сахарова С.А.</i> Становление субъективной идеологии	390
<i>Симонин П.В., Курбацкий Н.В., Курбацкая Т.Б.</i> Кросс-функциональный тимбилдинг и формирование устойчивых социально-экономических стимулов к инновационному процессу	396
<i>Столяр В.Д.</i> Возможности и ограничения дистанционного электронного голосования на примере Эстонии	400
<i>Высоцкий К.В.</i> Отдельные вопросы глобализации международной миграции: социальные проблемы и политические последствия	404

TABLE OF CONTENTS

SOCIOLOGY: THEORY, MAIN CONCEPTS, MODERN APPROACHES

Kobylyatskiy M.K. Features of applying sociological research methods in the digital environment..... 7

Moiseev A.V., Ephiev O.M. Comparative analysis of definitions of the concept of «social well-being» in modern social and humanitarian knowledge 12

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

Baksheev A.I., Turchina Z.E., Ivanov V.G., Andrenko O.V., Fatyanova O.P. Pierre de Coubertin's Olympic Games as an educational project aimed at academic youth..... 20

Byzova O.M. Information technology in historical research and education..... 23

Wang Wenqi. Comparative study of the concepts of «family» in the Russian and Chinese languages from the perspective of linguoculturology..... 27

Wang Xiaoting. The soundscape in K.G. Paustovsky's autobiographical work *The story of a life* 32

Wang Zhao. Organizational Culture of the Company in the Strategic Management System: Theoretical Aspect..... 36

Detochenko L.S. Professional and educational self-determination of school leavers with disabilities of public schools in Rostov region..... 44

Ermakova E.V. Belgian cultural code in national advertising 51

Zeynally Rafael Riza Ogly. Analysis of the sociocultural practices of the university's youth policy 56

Kidyamkin A.A. The socio-philosophical aspect of the tradition of church building in Russia, Russia and Mordovia and the modern specifics of the development of russian civilization 62

Li Jingzhe, Liu Ding. The role of educational institutions in the integration of children into society..... 66

Li Zhuo, Cai Wei. Study of the function of cognitive metaphors in the semantic development of Russian internet neologisms 70

Peredumov M.A. Culture of conflict-free interaction in the process of functioning of a modern military collective 76

Taranenko O.N., Romanko I.E., Prozorova S.A. Training of highly professional personnel as a factor in the development of the tourism industry in Russian regions..... 80

Zhang Lingling, Yilimire Yiliyasi. A study of translation of Li Bai's poetic images into Russian through the theory of receptive aesthetics 84

Grubin I., Yudina I., Oganessian E., Pluzhnikova I. Advantages and disadvantages of using virtual reality technology in teaching a foreign language at a university 89

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section)

Secretary of the editorial staff:

Mironova Elena Vitalievna

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section)

Avanesova Galina Alekseevna – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences; **Balbeko Anatoly Mikhailovich** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Doctor of Pedagogical Sciences, Vice-Rector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of Journalism, Communications and Media Education, member of the Union of Journalists of Russia; **Volkov Yuri Grigorievich** – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University; **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Academy of Literature, Honorary Doctor Institute of Sociology RAS; **Kapitsyn Vladimir Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Head of the Department for Scientific Work, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Doctor of Chemical Sciences, Professor, Chief Researcher, ISPI RAS; **Kefeli Igor Fedorovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Sociology, Baltic State Technical University; **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Institute of Sociology (Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor at the State University of Management; **Makarov Anatoly Vasilievich** – Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Head. Department of Design of Educational Systems of the Republican Institute of Higher School (Belarus); **Matyukhin Andrey Viktorovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head. Department of Philosophy and History of Moscow Financial and Industrial University; **Mikhailenok Oleg Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for the Study of Socio-Political Relations of the Center for Political Science and Political Sociology of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **Orekhovskaya Natalya Anatolyevna** – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentina Vasilievna** – deputy editor-in-chief, candidate of philosophical sciences, professor, member of the International Federation of Journalists, professor of Moscow Pedagogical State University, honorary worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Pulyaev Vyacheslav Tikhonovich** – Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Humanities, Professor of St. Petersburg University; **Subochev Nikolay Sergeevich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Corporate Governance at RANEPa, Honorary Worker of Higher Professional Education; **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Comparative Sociology of the Faculty of Sociology, Dean of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University, Director of the Center for the Study of Germany and Europe; **Khaziev Valery Semenovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Director of the Research Center for the Development of Islamic Education of the BSPU named after. M. Akhmedov .

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 28.02.2025. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<i>Agekyan S.V.</i> Image of a construction organization as a factor in increasing consumer and partners trust	93
<i>Brega A.V., Brega G.V.</i> Artificial intelligence as a public good and a security challenge	97
<i>Serezhko T.A., Kokhan Zh.S., Garmashov D.O.</i> The concept and features of social inequality in a digital society	103
<i>Guo Han.</i> Development of a social rating system in the context of managing social processes	107
<i>Ivanov S.Yu., Ivanova D.V., Chvyakin V.A.</i> Transformation of the value orientations of the modern generation of university graduates	111
<i>Kapustina M.G.</i> Military and social policy of France	116
<i>Karmanov M.V., Kuznetsov V.I.</i> Assimilation of labor migrants in Russia: hopes and realities	121
<i>Kovalevskaya M.I., Rybakova M.V.</i> Modern sociological approaches to understanding the social adaptation of a young specialist	125
<i>Kosterin A.A., Bichkov P.I.</i> The potential of forecasting the dynamics of military – social processes in conditions of combat uncertainty	130
<i>Krasovsky A.V.</i> Essential characteristics of the activity of socially oriented non-profit organizations in a risky environment	133
<i>Kulinchenko A.V.</i> Activity approach to the analysis of control and connection in society	136
<i>Cherkasov D.I., Ashkar M., Mkrtumova I.V.</i> Impact of import substitution in the health care sector on the development of patriotic attitudes of young people in the context of demographic challenges in modern Russia	142
<i>Nikolaeva T.A.</i> The influence of the emotional state of single parents on the social well-being of single-parent families	148
<i>Xu Yuanlai.</i> Sociological aspects of leadership in conditions of uncertainty: change management in Modern Organizations	152
<i>Tkachev A.A., Khripkova D.V., Khripkov K.A.</i> Problematic aspects in the system of regulatory impact on sustainable rural development	156
<i>Udinkan V.A.</i> Community or combinations? Analysis of social space in suburbia of the Russian east (the case of Khabarovsk)	160
<i>Shevlyakova T.A., Orlova V.V.</i> Current social problems of youth	165
<i>Shchanina E.V., Dumnov V.B.</i> Research of the conceptual apparatus of the phenomenon “corporate culture”	169

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

<i>Denisov A.A.</i> The institution of eldership and its role in transmitting tradition in society	175
<i>Denishchenko M.E.</i> Factors of value determination of intergenerational dialogue in modern Russian society	180
<i>Lemaev T.V.</i> The problem of human existence in the technosphere	184
<i>Lonskiy Y.A.</i> Religious extremism as one of the forms of spiritual warfare of modernity	191
<i>Mitin A.V., Polozova I.V.</i> Social philosophy: and theoretical sociology: the problem of correlation	194
<i>Osipova N.A.</i> Streletsky rebellion: prerequisites, stages, events and consequences	198
<i>Petrash N.D.</i> Film communications as a socio-cultural phenomenon of moving away from elitism	202
<i>Feklushin A.V.</i> Virtual Communities in Russia: New Forms of Collective Solidarity in the Digital Age	207
<i>Shcheglov I.A.</i> Determining the competence of an expert in the production of humanitarian expertise	212
<i>Yakovko T.V., Rashidova T.R.</i> The world of values of a modern young man	216

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

<i>Atorin R.Yu.</i> Patristics and scholasticism as ways of philosophical and theological research: the extra-religious and rational principle of scholasticism	221
<i>Zakharov M.Yu., Shishkova A.V.</i> Post-nonclassical science as a basis for global digital scientific transformation	224
<i>Chupin D.D.</i> Concepts of freedom and meaning in the works of J.-P. Sartre and V. Frankl	228

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<i>Boboshko A.A.</i> The influence of the transformation of international political processes on the development of the military-industrial complex	231
<i>Gainutdinova L.A., Pakhomova M.A.</i> Government support for business in China during the crisis: experience of the COVID-19 pandemic	235
<i>Karatueva E.N.</i> Implementation of environmental policy in socialist countries: approaches to assessing effectiveness	239
<i>Firre Erimias Biniam.</i> Women’s Contribution to Eritrea’s War of Independence: A Look at the Role of Kedes Gebrehannes Beraki	244
<i>Kvetnoy V.V.</i> Using Deepfakes to Create Information Bits in Electoral Campaigns: Impact on Political Meanings Among Russian Youth	249
<i>Litvinenko D.V., Tereshina A.N., Razumovsky A.I., Karayev A.A.</i> Key Trends in Youth Policy in Primorsky Krai in 2024	257

<i>Medushevsky N.A., Bakovich V.D.</i> Domestic policy of Turkey at the present stage	260
Network view of political relations in modern communications (materials of the round table)	264
<i>Pikunova K.A.</i> Artificial intelligence in political technologies: ethical and technological challenges	279
<i>Firre Erimias Biniam.</i> The Role of Women in the Anti-Colonial Struggle for Eritrean Independence: The Contribution of Kedes Gebrehanes Beraki (1978–1991)	283

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

<i>Abilova G.V.</i> Dialogue of educational spaces of the BRICS countries and its impact on training of personnel for the political and economic spheres	288
<i>Kyaw Paing.</i> Building a federal democratic state in Myanmar	293
<i>Shahid Jan Afridi</i> Establishment of Universities under the Umbrella of SCO which promotes cultural communication and regional integration between the members' states	297

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

<i>Zherdeczky E.A.</i> Periodization and features of peacekeeping processes in regional conflict zones	303
<i>Drozdov D.S.</i> The role of the concept of “environmental regulation” in the “Philosophy of common cause” by N.F. Fedorov	309
<i>Zherdeczky E.A.</i> Development of an approach to hedging political risks of regulating peacekeeping operations in the post-Soviet space: aspects of statistical assessment of the tone of social media	314
<i>Ignatov I.S.</i> The image of the Russian Federation in the political discourse of the Baltic States in the period from 2014–2024	318
<i>Nguyen Ba Thanh.</i> The impact of the Ukraine crisis on Russia-China relations and its impact on the change of world order	325
<i>Pechishcheva L.A.</i> Geopolitical concept «Megaheartland»: prospects for Russia	329

<i>Seyederfan Lajevardi.</i> The role of Iran and Russia in the Palestinian-Israeli crisis in the framework of ensuring the security of the Middle East region	332
<i>Techa Djoumessi Franck Jiresert.</i> Implementation of sustainable development goals in the context of institutionalization of integration processes: the example of the development of IT technologies in the BRICS countries	336

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

<i>Kravchenko A.I.</i> Cares and troubles of earthly existence	341
<i>Mikryukov V.O.</i> Strategies for content marketing in B2B companies (based on an author’s analysis of Bergauf’s content strategy)	350
<i>Orlova E.A.</i> The image of Russian education through the prism of perception by humanities students	353
<i>Shukshina L.V., Yelshina A.M.</i> The relationship between the dominant mechanisms of mental defense and the suggestibility of personality	360
<i>Tran Thi Hang, Tran Thi Kim Oanh.</i> The values of Buddhist education	364
<i>Wang Yuanxing.</i> From Exchange to Joint Management: Social Practice of the “Time Bank”	369
<i>Vasilyeva E.N., Korotkova K.V.</i> Leisure practices of students in the mirror of digitalization	376
<i>Kogotyzheva A.K., Makoeva Z.A., Shoranova Z.V.</i> Socio-philosophical analysis of the scientific potential of young scientists: regional experience	380
<i>Ladykina T.A.</i> Homo economicus: the development of views on the problems of the economic existence of the individual in social philosophy	385
<i>Sakharova S.A.</i> The emergence of subjective ideology	390
<i>Simonin P.V., Kurbatsky N.V., Kurbatskaya T.B.</i> Cross-functional team building and the formation of sustainable socio-economic incentives for the innovation process	396
<i>Stoliar V.D.</i> Possibilities and limitations of remote electronic voting using the example of Estonia	400
<i>Vysotsky K.V.</i> Selected issues of globalisation of international migration: social problems and political consequences	404

Особенности применения методов социологического исследования в цифровой среде

Кобыляцкий Максим Константинович,

аспирант кафедры общей социологии и социальной работы
Национального исследовательского Нижегородского
государственного университета им. Н.И. Лобачевского
E-mail: mkkobylyatskiy@yandex.ru

Статья посвящена методам проведения социологического исследования в современном цифровом мире. В следствие цифровой трансформации в различных отраслях экономики и жизни общества изменился формат социального взаимодействия. Общество и социальные группы в современном мире взаимодействуют, осуществляют свою деятельность и формируют мнения и паттерны коммуникации в цифровой среде. Вследствие этих трансформаций традиционные методы социологического исследования, такие как опросы, анкетирование и прочее теряют свою достоверность и актуальность. В рамках статьи рассматриваются преимущества и недостатки традиционных методов исследования, особенности проведения социологических исследований в современном мире, а также уделяется внимание новому инструментарию. Цифровой характер взаимодействия с респондентами исключает возможность получения информации из невербальных источников, а также получение какого-либо контекста, что в свою очередь понижает достоверность и репрезентативность исследования. Целью данной статьи является анализ применимости новых методов социологических исследований, которые являются основой новой области знаний – цифровой социологии. Помимо этого, в статье рассматривается вопрос тенденции коммерциализации современных социологических исследований и смещение фокуса изучения социологии от традиционного научного института к коммерческим корпорациям, которые являются хранителями данных для проведения исследований.

Ключевые слова: социологические исследования, цифровая трансформация, методы исследования, цифровая социология

Введение

Цифровая трансформация различных сфер общественной жизни и, в частности, рынка труда является одним из наиболее значимых явлений современного времени. Интеграция цифровых технологий в профессиональную среду привела к радикальным изменениям в поведении и взаимодействии людей, а также создала новые возможности для развития и повышения эффективности и продуктивности [5].

Однако, по мнению ряда авторов цифровизация не только принесла пользу для общества, но и вызвала ряд проблем. Одной из таких проблем является изменение самой практики изучения социальной жизни общества и исследования человека в этом обществе [12]. Социологи в настоящее время вынуждены прибегнуть к пересмотру своих методов и подходов к пониманию цифрового мира.

Ключевая проблема заключается в том, что традиционные социологические методы, которые были разработаны для изучения социальных взаимодействий в обществе в физическом пространстве, не всегда оказываются эффективными в цифровой среде. Репрезентативность опросов и интервью, на которую традиционно опираются социологи для проверки гипотез и создания умозаключений, становится все более проблематичной и может подвергаться сомнениям [3]. Традиционные методы социологического исследования, такие как опросы, интервью, опираются, например, на такие принципы как репрезентативность выборки, конфиденциальность и непредвзятость. Однако в современном мире, где цифровые средства преобладают над физическим оффлайн пространством достоверность данных принципов сложно проверить. Так, например, люди все больше отдают предпочтение бесконтактным методам общения, что делает традиционные интервью и опросы менее эффективными [6]. Помимо этого, цифровые платформы и инструменты для проведения опросов привлекают людей абсолютно разных возрастов, полов, социальных слоев, что не позволяет с точностью подтвердить репрезентативность выборки. Также социологи должны учитывать влияние цифровых технологий на точность информации, которую они собирают. Все эти факторы так или иначе влияют на достоверность данных, получаемых с помощью традиционных методов социологического исследования.

В результате возникает острая необходимость в разработке новых социологических методов, которые были бы адаптированы к цифровому пространству. Это требует глубокого понимания цифровых технологий и их влияния на социальные взаимодействия, а также способности использовать новые данные и инструменты для анализа.

Целью данной статьи является обсуждение применения социологических методов при управлении цифровой трансформации на рынке труда. В рамках статьи будет проанализировано влияние цифровых технологий на поведение и взаимодействие субъектов на рынке труда в профессиональной среде, а также разработаны рекомендации для органов власти и руководителей организаций и иных участников рынка труда.

Результаты исследования

В современном мире цифровизация становится все более глубоким и всеобщим явлением. Информационные технологии проникают в каждый аспект нашей жизни, от коммуникации до экономики, образования и здравоохранения. В сфере рынка труда и трудовых отношений вопрос внедрения инноваций и цифровых технологий стоит наиболее остро по ряду причин. В сфере труда цифровизация часто носит вынужденный характер, так как внедрение технологий обусловлено не только целью повышения производительности и эффективности труда, но и конкурентоспособностью организации на рынке [1]. Очевидно, что в различных отраслях экономики данный фактор имеет различную степень влияния, и тем не менее, внедрение технологий в процессы компаний позволяет оптимизировать деятельность и систематизировать информационные потоки, что играет значительную роль в функционировании любой организации. Другим немаловажным фактором является политика импортозамещения зарубежного программного обеспечения в России. Данный политический аспект подразумевает внедрение программного обеспечения и иных цифровых инструментов отечественного производства, что в свою очередь требует от компаний внедрения новых информационных систем в свою деятельность. Иными словами, компании вынуждены повторить тот процесс цифровизации, который они уже проходили при внедрении зарубежного программного обеспечения. Сотрудникам организаций необходимо снова изучить новые цифровые инструменты и адаптироваться для того, чтобы успешно выполнять свои рабочие задачи [8].

Но что вышеперечисленные факторы означают для социологии как науки? Социология как наука о человеке и обществе всегда стремится к пониманию сложности человеческих взаимодействий и отношений. Однако в цифровой эре критично меняются способы этих взаимодействий, а сам процесс цифровизации требует совершенно новых навыков и способностей к адаптации. Вследствие этого и традиционные методы социологического исследования могут оказаться неприменимыми для новых реалий современного мира [7].

Традиционное социологическое исследование базируется в основном на процессе сбора, анализа и интерпретации данных для понимания социальных явлений и отношений [3]. Основные методы социологического исследования включают в себя:

- Интенсивное интервью – глубокий и детальный разговор с отдельными лицами или группами для получения информации об их опыте, мнениях и поведении.
- Фокус-групповые обсуждения – групповые дискуссии, в которых участники делятся своими мыслями и опытом на конкретную заданную тематику.
- Наблюдение – метод, при котором исследователь наблюдает за поведением людей в их естественной среде для получения информации об их действиях и взаимодействиях.
- Анкеты и опросы – методы сбора данных путем вопросов и ответов на конкретные темы.
- Экспериментальное исследование – метод, при котором исследователь создает искусственную среду для изучения влияния переменных на поведение людей.

В современном мире использование этих методов в цифровой среде может быть затруднительно и нерелевантно по ряду факторов. Одним из таких факторов является снижение доверия. В цифровой среде респонденты могут чувствовать себя менее комфортно для передачи личной информации и данных, что способствует

повышению вероятности получения общих обезличенных ответов, либо отсутствия ответов на вопросы исследователя. Причины данного фактора могут быть различными, например страх перед кражей личных данных, угроза конфиденциальности, недоверие к исследователям, отсутствие понимания о необходимости исследования [10].

Другим фактором является изменение коммуникативных стилей. В цифровой среде люди часто используют сокращенные формы общения. Помимо этого, у исследователя полностью исключается возможность получить информацию из невербальных каналов коммуникации, таких как язык жестов, эмоциональный фон респондента, интонационные средства и другие [3]. В цифровой среде люди могут использовать более формальные или нейтральные выражения эмоций, а также более тщательно контролировать их так как в цифровом пространстве у пользователя есть возможность выбора и ограничения той информации, которую пользователь передает в цифровую среду.

Следующим важным фактором является изменение языка и сложность интерпретации данных, а также отсутствие контекста. У исследователя в цифровом пространстве практически полностью отсутствует контекст, в котором находится респондент. И по этой причине определенные выражения и заключения могут быть восприняты двойственно. Особенно учитывая вышеописанный фактор об отсутствии у исследователя доступа к невербальным каналам коммуникации.

И последним фактором, который существенно влияет на качество социологического исследования это снижение репрезентативности выборки. В оффлайн исследовании социолог может легко оценить такие характеристики как пол, возраст, этническая принадлежность, принадлежность к культуре и другие [9]. Часто эту информацию можно проанализировать из контекста и невербальных каналов коммуникации. Но в цифровых форматах у исследователя нет возможности получить эту информацию, кроме как напрямую задать респонденту ряд прямых вопросов. При этом, исходя из первого фактора о конфиденциальности личных данных есть достаточно высокая вероятность того, что респондент уклонится от ответа, либо предоставит не точные данные.

Все вышеперечисленные факторы в совокупности оказывают существенное влияние на результаты социологического исследования и анализа. Для нивелирования влияния этих факторов ученым необходимо прибегнуть к новым методам анализа, которые с большей долей вероятности дадут релевантные результаты.

Социологические методы в цифровой среде представляют собой новые подходы и инструменты для изучения социальных явлений и взаимодействий в онлайн пространстве. Среди ученых, которые посвятили свои работы изучению проблем современной социологии в цифровом пространстве, довольно часто упоминается развитие цифровой социологии [10]. Цифровая социология по мнению ряда авторов – это область социологии, которая фокусируется на применении цифровых технологий для изучения социальных явлений, взаимодействий и отношений в цифровом пространстве. Цифровая социология является новой ветвью социологии, которая развивается в ответ на быстрое развитие цифровых технологий и их влияние на общественные отношения. Ее основными задачами являются изучение социальных взаимодействий субъектов в цифровом пространстве, анализ данных о цифровом поведении участников взаимодействий, разработка новых методологий и инструментов, анализ и интерпретация влияния цифровых тех-

нологий на общественные отношения. Необходимость развития и формирования отдельного направления в социологии является предметом дискуссий многих ученых, и настоящая статья также призвана внести вклад в обсуждение этой проблематики.

В контексте изучения цифровой социологии все чаще возникает вопрос о создании новых подходов, инструментов и методов, которые используются для изучения социальных явлений в цифровом пространстве [2]. Развитие практик для использования инструментов цифровых технологий в социологических исследованиях является одним из четырех основных аспектов развития цифровой социологии.

К цифровым практикам можно отнести следующее:

- Изучение и анализ больших массивов данных, которые генерируются в цифровом пространстве. К данным практикам можно отнести и инструменты анализа Big Data, так как они позволяют проанализировать объемные массивы данных, генерируемые пользователями.
- Изучение социальных сетей и анализ влияния медиа-персон, блоггеров и иных личностей, которые оказывают определенное влияние на значительную долю изучаемой социальной группы.
- Анализ посещаемости веб-сайтов и иных онлайн-ресурсов для понимания интересов и активности социальных групп.

Использование указанных цифровых практик также подразумевает применение таких инструментов как детектирование эмоций и настроений (например, с помощью контент анализа), анализ сетей с помощью системного анализа, и визуализации данных с помощью графиков, диаграмм и других визуальных инструментов.

Анализ интернет поведения пользователей и анализ социальных медиа также являются распространенными методами изучения взаимодействия пользователей [4]. Этот подход включает в себя изучение новых форм онлайн-коммуникации, таких как социальные сети, блоггинг и другие, для понимания социальных паттернов и отношений. Исследователи могут использовать инструменты, такие как Natural Language Processing (NLP) и инструменты машинного обучения для более эффективной обработки данных, генерируемых пользователями для выявления закономерностей в онлайн-коммуникациях.

Другим методом является социальное моделирование [4]. Социальное моделирование – это область исследований, которая стремится понять сложные социальные системы и их поведение посредством разработки и анализа репрезентативных математических моделей. Иными словами, исследователь создает комплексную математическую модель, которая является симуляцией существующей социальной системы и путем изменения переменных выявляет определенные закономерности и явления. Метод социального моделирования включает в себя использование различных методов и инструментов, таких как:

- Сетевое моделирование – разработка математических моделей социальных сетей для анализа структуры и иерархичности социальных связей, а также прогнозирования их изменения.
- Динамическое моделирование – разработка математических моделей социальных систем и их изменений в прошлом для анализа и прогнозирования изменений в будущем.
- Агентное моделирование – методика создания математических моделей индивидуальных субъектов социальных систем (индивидов, организаций и иных

элементов) с целью анализа их поведения и взаимодействия в системе.

- Эволюционное моделирование – разработка описательных математических моделей для анализа изменений социальных систем в течение продолжительного периода времени.

Социальное моделирование является эффективным инструментом, который позволяет не только проанализировать текущее состояние социальных систем, но и спрогнозировать изменения в будущем. Тем не менее данный инструмент обладает рядом ограничений. Во-первых, математическое моделирование требует большого массива данных для анализа и ресурсов для их обработки. Помимо этого, данный метод требует определенной квалификации. Для ряда социальных систем с высоким уровнем непредсказуемости и изменчивости моделирование может быть не всегда эффективно.

К слову, о перспективах развития социологии цифровизации или цифровой социологии, о которой было упомянуто ранее в данной статье, очевидно, что одной из ключевых угроз является возможное перемещение анализа социальных явлений и развития дальнейших социальных исследований от традиционного института социологии к коммерческим исследовательским лабораториям, которые являются хранителями подобных цифровых данных [11]. В современной практике это крупные компании, которые владеют цифровыми пространствами и интернет-ресурсами. Одной из серьезных проблем, связанных с данной тенденцией, является коммерциализация исследований и утрата независимости социологических исследований. Коммерческие лаборатории и исследовательские центры в силу специфики своей работы акцентируют внимание на извлечение определенной выгоды и достижения коммерческих успехов, что в свою очередь ограничивает возможность проведения и объективность фундаментальных исследований. Доступ к цифровым данным является привилегией организаций, обладающих значительными технологическими и финансовыми ресурсами, что, соответственно, создает дисбаланс в научной среде. В этом контексте возникает необходимость в пересмотре этических и правовых норм, регулирующих использование цифровых данных для социологических исследований.

Более того, возвращаясь к вопросу о конфиденциальности данных, этичность использования данных пользователей без их ведома и согласия также остается под вопросом. Проблема заключается в том, что пользователи не владеют этими данными, так как они хранятся на серверах компаний, владеющих технологиями, которыми пользуются люди.

Одним из способов решения вышеуказанных проблем является коллаборация технологических институтов и институтов социологии. Корпорации, владеющие данными, могут передавать эти данные для анализа в институты социологии. Так социологические исследования, проводимые профильными организациями, будут являться более объективными и фундаментальными, что в свою очередь может повысить лояльность пользователей к результатам исследований. На данный момент мы можем наблюдать обратную тенденцию. Крупные технологические корпорации стремятся владеть данными, что повышает их влияние на рынке.

Заключение

Таким образом, цифровизация и новый характер социальных взаимоотношений с помощью различных цифровых инструментов оказали существенное влияние на методы социологического исследования. Новые формы взаимо-

действия пользователей чаще всего исключают невербальные средства коммуникации, а отсутствие контекста искажает достоверность получаемых данных, что в свою очередь существенно снижает качество и репрезентативность выборки, и соответствующим образом сказывается на результатах социологического исследования. Социологам и исследователям необходимо сконцентрироваться на новых методах изучения социальных взаимодействий в цифровой среде. Среди таких методов можно выделить анализ социальных сетей, контент-анализ, анализ интернет поведения и метод социального моделирования. Часть этих методов не является традиционными инструментами социологического исследования, но в текущих реалиях современного цифрового мира, в котором модель взаимодействия людей, воздействия на их мнения и восприятие претерпела значительные преобразования, инструментарий социологических исследований не может остаться таким же.

Помимо этого, мы можем наблюдать тенденцию коммерциализации социологических исследований, так как выявление паттернов и закономерностей социальных взаимодействий и то, как оказывать влияние на восприятие пользователей через цифровые ресурсы имеет не только научную ценность для социологии, но и коммерческую ценность для множества организаций различных отраслей. Поэтому на данный момент крупные корпорации, которые владеют значительными массивами данных, генерируемыми пользователями по всему миру, стремятся к их самостоятельному изучению и проведению исследований, которые преследуют коммерческие цели. Такой характер исследований теряет определенную объективность и фундаментальность, а также ставит под сомнение достоверность и открытость такого рода исследований. Для решения этой проблемы коммерческим организациям и научному институту социологии необходимо объединиться для проведения независимых, фундаментальных прикладных исследований в области цифровой социологии.

Литература

1. Fussey P., Roth S. Digitizing Sociology: Continuity and Change in the Internet Era // *Sociology*. 2020. No. 54 (4). p. 659–674
2. Zhao Y., Wang M. Digital sociology: origin, development, and prospects from global perspective // *The Journal of Chinese Sociology*. 2023. 10 (19). p. 1–21
3. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. // Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 1998. – 208 с.
4. Журавлева Е.Ю. Современная социология в сетевой цифровой среде: от вычислительных и электронных социальных наук к цифровым социальным исследованиям // *Социс*. 2015. № 8, с. 25–34
5. Золин И. Е., Кобыляцкий М.К. Цифровизация как фактор динамики рынка труда // *Социальные и гуманитарные знания*. 2024. Т. 10, № 3, С. 314–325.
6. Исаева К.В. Влияние цифровизации экономики на социальное управление: анализ современных общемировых тенденций. // *Национальная безопасность / nota bene*. 2021. № 2. С. 1–7
7. Кислова О.Н. Быть или не быть цифровой социологии? // *Вестник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина*. 2013. № 1045. с. 9–15
8. Кобыляцкий М.К. Принятие технологии как ключевой фактор цифрового развития // *Международный научно – исследовательский журнал*. 2024. № 4 (142). С. 1–9
9. Патрусова А.М. Управление персоналом в условиях развития цифровой экономики // *Научный резуль-*

тат. Технологии бизнеса и сервиса. Т. 8 № 3, 2021. С. 71–83

10. Сорочан В. В., Гаврилук Н.П. Цифровая социология: от цифровизации общества к цифровизации науки // *Этносоциум*. № 1 (175). 2023. С. 37–46
11. Субочев Н. С., Патутина Е.Д. Цифровые инструменты управления адаптацией персонала в современных организациях // *Социально-гуманитарные знания*. 2019. № 3 С. 260–266
12. Торотова А.М. Цифровизация общества: проблемы реализации и новые возможности. (Обзор) // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология*. – 2021. – № 1. – С 118–132.

FEATURES OF APPLYING SOCIOLOGICAL RESEARCH METHODS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Kobylyatskiy M.K.

Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod

The article is dedicated to the methods of conducting sociological research in the modern digital world. Due to digital transformation across various sectors of the economy and society, the format of social interaction has changed. In the contemporary world, society and social groups interact, carry out their activities, and form opinions and communication patterns within the digital environment. As a result of their transformations, traditional sociological research methods, such as surveys and questionnaires, are losing their reliability and relevance.

This article examines the advantages and disadvantages of traditional research methods, the specific features of conducting sociological research in the modern world and introduces new research tools. The digital nature of interaction with respondents eliminates the possibility of obtaining information from nonverbal sources or capturing contextual details, which in turn reduces the reliability and representativeness of research.

The purpose of this article is to analyze the applicability of new sociological research methods that form the foundation of a new field of knowledge—digital sociology. Additionally, the article explores the trend of the commercialization of modern sociological research and the shift in focus from traditional academic institutions to commercial corporations, which now serve as the primary data holders for conducting research.

Keywords: sociological research, digital transformation, research methods, digital sociology.

References

1. Fussey P., Roth S. Digitizing Sociology: Continuity and Change in the Internet Era // *Sociology*. 2020. No. 54 (4). pp. 659–674.
2. Zhao Y., Wang M. Digital Sociology: Origin, Development, and Prospects from a Global Perspective // *The Journal of Chinese Sociology*. 2023. 10 (19). pp. 1–21.
3. Devyatko I.F. *Methods of Sociological Research*. // Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 1998. – 208 p.
4. Zhuravleva E. Yu. Modern Sociology in the Digital Network Environment: From Computational and Electronic Social Sciences to Digital Social Research // *Socis*. 2015. No. 8, pp. 25–34.
5. Zolin I. E., Kobylyatskiy M.K. Digitalization as a Factor in the Dynamics of the Labor Market // *Social and Humanitarian Knowledge*. 2024. Vol. 10, No. 3, pp. 314–325.
6. Isaeva K.V. The Impact of Economic Digitalization on Social Governance: Analysis of Modern Global Trends. // *National Security / Nota Bene*. 2021. No. 2. pp. 1–7.
7. Kislova O.N. To Be or Not to Be in Digital Sociology? // *Bulletin of V.N. Karazin Kharkiv National University*. 2013. No. 1045. pp. 9–15.
8. Kobylyatskiy M.K. Technology Adoption as a Key Factor of Digital Development // *International Scientific Research Journal*. 2024. No. 4 (142). pp. 1–9.
9. Patrusova A.M. Human Resource Management in the Context of the Digital Economy Development // *Scientific Result. Business and Service Technologies*. Vol. 8, No. 3, 2021. pp. 71–83.

10. Sorochan V. V., Gavrilyuk N.P. Digital Sociology: From the Digitalization of Society to the Digitalization of Science // Ethnosocium. No. 1 (175). 2023. pp. 37–46.
11. Subochev N. S., Patutina E.D. Digital Tools for Managing Employee Adaptation in Modern Organizations // Social and Humanitarian Knowledge. 2019. No. 3, pp. 260–266.
12. Torotoeva A.M. Digitalization of Society: Implementation Challenges and New Opportunities. (Review) // Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology. – 2021. – No. 1. – pp. 118–132.

Сравнительный анализ определений понятия «социальное благополучие» в современном социально-гуманитарном знании

Моисеев Александр Владимирович,

кандидат политических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью, АНО ВО Институт современного образования и информационных технологий
E-mail: decibal@mail.ru

Епхийев Олег Муратович,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук и технологий, НИУ МГСУ,
E-mail: Ephiev1@mail.ru

Статья представляет собой сравнительный анализ понятия «социальное благополучие» в современных исследованиях. Выработанные исследовательской практикой определения данного понятия в рамках различных направлений имеют некоторую особенность и описываются существующими теоретико-методологическими подходами. Полагаем также, что вопрос дефиниции все еще полемичный и не в полной мере решенный. В результате анализа авторами представлено определенное виденье особенностей представления рассматриваемого понятия, связанное с развитием знания о благополучии.

Ключевые слова: благо, благополучие, социальное благополучие, жизнедеятельность, материальное благо, экономическое благо, благосостояние, психологическое благополучие, субъективное благополучие.

Общеизвестно, что представление о социальном благополучии, как специфическом и весьма важном социологическом понятии в описании существенных характеристик социальных субъектов, возникло в шестидесятых годах прошлого столетия. Однако, как самостоятельное направление исследований в рамках социально-гуманитарного знания должно развитие все же не получило. Лишь с двухтысячных годов начинается новый этап исследований феномена, прочно утвердившегося в социально-гуманитарном знании, как одна из весьма существенных характеристик социального субъекта.

Широкое распространение понятия «социальное благополучие» в целом ряде научных направлений закономерно привело к возникновению разнообразных подходов к его интерпретации. Как следствие, отсутствие, в некотором смысле, единого, понимания. Как нам видится, вопрос определения понятия «социальное благополучие» заслуживает особого внимания по целому ряду оснований: *во-первых*, по мимо того, что социальное благополучие есть «высшая социальная ценность» хотелось бы все же понять, что есть социальное благополучие человека, социальной группы, общества и государства, в своем сущностном выражении; *во-вторых*, определиться с содержательной стороной социального благополучия на уровне каждого социального субъекта; *в-третьих*, выявить важнейшие факторы его детерминирующие; *в-четвертых*, понять действенность реально существующих механизмов достижения благополучия, полагая, что эти механизмы могут быть различными для каждого из социальных субъектов. Очевидно, что проблема благополучия играла значимую роль в истории гуманитарного знания. Это подтверждается множеством социально-философских исследований, описанных весьма обстоятельно. Проведенный анализ самых различных *философских* (начиная с анализа идей «всеобщего блага» с античных времен) [1], *социологических* (анализ идей позитивистской социологии О.Конта, социологизма Э.Дюргейма, системного подхода Г.Спенсера, структурного функционализма Т.Парсонса и др.) [2], *экономических* (анализ идей благосостояния А.Смита, Т.Мальтуса, Дж.Милля, Д.Рикардо и др.) [3], *правовых* (анализ социально-правовых концепций социального государства, в основе и цель которого «благо, права и свободы человека» начиная с идей Лоренца фон Штейна, Э.Хэннока и др.) [4] и *психологических* (анализ научных трудов посвященных психологическому благополучию Н.Брэдберна и М.Селигмана, субъективному благополучию Э.Динера и др.) [5] теорий позволяет авторам прийти к некоторым выводам. *Во-первых*, на протяжении всей истории развития гуманитарного знания отчетливо просматривается стремление дать понятию то или иное теоретическое толкование. И, если мы возьмем лишь те учения, которые рассматриваются в указанных работах, которые, так или иначе, пытаются разрешить проблему дефиниции, то перед нами развернется весьма длинный ряд воззрений. Нередко эти воззрения по существу приближены друг к другу, но часто по содержанию наполнению далеки и весьма размыты. И все же, в той или иной мере мы обнаруживаем это

сближение у философов, психологов, экономистов, правоведов, и конечно же социологов. *Во-вторых*, развитие и накопление теоретических знаний о социальном благополучии все еще не снимают вопросов как теоретического характера, так и проблем, связанных с его практическим преломлением. В практическом смысле, большинству исследователей видится, что именно государство, как один из важнейших социальных институтов, обязано разрешать вопросы достижения социального благополучия личности, отдельных социальных групп, общества в целом, и, конечно же государства (это просматривается в большинстве исследованных нами научных материалах). То есть, в самом общем смысле, это есть обязанность государства, которая реализуется в рамках социальной политики. Например, в современной России, подобного рода положение имеет свое утверждение в статье 7 Конституции РФ, где провозглашается, что Российское государство, есть государство социальное, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [6]. Положение конкретизируется во множестве иных политико-правовых (стратегических) документах [7], а, с точки зрения практической реализации в госпрограммах, национальных и федеральных проектах [8]. *В-третьих*, сложность и многомерность феномена социального благополучия, которую обнаруживают все исследователи, ставит перед ними вопрос как теоретической (концептуальной), так и эмпирической (по критериям) валидности. *В-четвертых*, очевидно, что вопрос о дефинициях и в настоящее время остается polemическим и все еще не разрешенным в полной мере. Это естественным образом, как минимум, порождает необходимость дальнейших исследований. По крайней мере, на данном этапе, в самом широком плане, мы так и определяем свою задачу: исследовать понятия на уровне существующих подходов. Ранее, множество авторов уже проводили обзорно-аналитические исследования вопроса, связанного с теоретической интерпретацией социального благополучия в рамках гуманитарного знания [9]. Знакомство с этими исследованиями приводит к выводу об очевидном естественном стремлении осмыслить в полной мере сущность и содержание благополучия, выявить факторы его определяющие и, что логично, определиться с вопросами практики. С удовольствием должны отметить, что есть не мало эмпирических исследований (в сноске отмечаем лишь малую их часть), ориентированных на решение таких весьма важных вопросов как: выявление взаимосвязи объективных и субъективных показателей социального благополучия [10]. Более того, есть исследования, связанные с механизмами достижения социального благополучия, которые также стремятся ответить на вопросы, связанные с благополучием, но в различных его измерениях: экономическом [11], экологическом [12], политико-правовом [13], социально-психологическом [14].

В ряду множества социально-философских исследований, есть также и наши обзорные исследования теоретического характера, результаты которых были опубликовать в журналах «Социально-гуманитарные знания» № 12, 2023 г. [15] и «Экономика строительства» № 2, 2024 г. [16].

Считаем необходимым еще раз оговорить, что настоящие обзоры есть лишь промежуточный этап логики нашего исследования. И несмотря на то, что в рамках множества обзорных исследований, в том числе и наших, решались частные, но весьма важные вопросы (связанные с осмыслением социальной природы благополучия), все же дальнейшая логика исследования направлена на задачу (в перспективе) обоснования соци-

ального благополучия, как категории социологической и измеряемой. Тем более, что вопрос измеримости социального благополучия есть вопрос в полной мере еще не решенный. Связано это, прежде всего, с применением того набора и объема социальных показателей, которые, по нашему мнению, не всегда позволяют получить целостное представление исследуемого феномена. То есть, возникает весьма важный, и в настоящее время еще не решенный, вопрос теоретической и эмпирической валидности. Поэтому представленный промежуточный результат сравнительного анализа концептуальных определений понятия «социальное благополучие» в современном социально-гуманитарном знании и, прежде всего, в рамках современной российской социологии, в определенной мере, есть закономерный этап логики исследования и попытки решения вопроса теоретической валидности. Реализация этого этапа позволила бы нам в дальнейшем: *во-первых*, сформировать концептуальную модель социального благополучия, как объекта социологического исследования; *во-вторых*, сформулировать и обосновать само понятие, как одну из базовых социологических категорий; *в-третьих*, сформулировать адекватное общепризнанной (теоретической) концептуальной модели операциональное определение. Важно это не только с точки зрения способности отражать знание об объекте исследования в общем теоретическом смысле, но и с точки зрения, как мы уже ранее отмечали, разработки системы показателей, которые важны в практической исследовательской деятельности и служат реальной основой дальнейшего социологического анализа социального благополучия для решения вопроса эмпирической валидности.

Анализ научных публикаций проводился по определенной исследовательской логике и содержал ряд вопросов, связанных с определением базового понятия «социальное благополучие». Сама процедура анализа представляла собой по существу контент-анализ, реализуемый как качественно-количественный метод исследования научных материалов, где авторы обосновывают свое виденье сущности, содержания и структуры рассматриваемого понятия, его показателей на основе анализа публикаций, вошедших в выборку. Анализу подвергались опубликованные монографии, научные статьи, результаты диссертационных исследований по проблеме социального благополучия и учебные издания, опубликованные в период с 2000 по 2024 годы в различных рецензируемых научных изданиях.

Исследование научных текстов проводилось в несколько этапов: *первый этап* – сбор научных материалов по проблеме социального благополучия [17]; *второй этап* – вычленение из рассматриваемых текстов авторских теоретических (концептуальных) определений понятия «социальное благополучие»; *третий этап* – анализ процедуры обоснования определения, осуществляемого авторами; *четвертый этап* – анализ реальной структуры предложенных авторами концептуальных определений и выяснения общей формулировки понятия «социальное благополучие»; ну и *пятый этап* – систематизация вычлеченных концептуальных определений понятия «социальное благополучие» с точки зрения логического их построения. Это позволило определить концептуально одинаковые, либо принципиально разные подходы к интерпретации содержательной составляющей и структуры рассматриваемого понятия. Реализация метода структурного анализа ключевых элементов каждого определения, в определенной мере, позволило нам преодолеть те сложности, с которыми довелось столкнуться в процессе сравнительного анализа. В качестве инструмента нами была реализована текстовая табли-

ца, которая позволила упростить процедуру выделения общей структуры, сопоставления по ключевым элементам, выяснения общей формулировки, систематизации

вычлененных определений рассматриваемого авторами понятия с точки зрения логического их построения (См. табл. 1).

Таблица 1. Структура используемой аналитической таблицы классификации определений понятия «социальное благополучие» с точки зрения логического их построения

№№ п.п.	Характеристика социального благополучия			Соотнесенность с условиями	Условия СБ	
	форма	субъект	составляющие		определяющие (детерминанты)	показатели
1.						
.....						

С ее помощью удалось вычленив небольшое количество концептуальных подходов и сгруппировать их, основываясь на существенных элементах (*форма, субъект, составляющие, соотнесенность с условиями, детерминанты*) характеристики социального благополучия.

Таким образом, анализ представленных теоретических (концептуальных) определений понятия «социальное благополучие» из попавших в выборку научных текстов привел нас к следующим (возможно не бесспорным) выводам:

1. Реализованная на данном этапе логика исследования научных материалов позволила прийти к весьма общим выводам о том, что: *во-первых*, вариативность смыслов, раскрывающих понятие «социальное благополучие», весьма широка. *По форме* – это «удовлетворенность потребностей», «сумма субъективных оценок собственной жизни», «состояние общественного бытия», «уровень жизни», «качество жизни», «ИРПЧ» «состояние социальной защищенности», «счастье и гармония». *Субъектами* социального благополучия являются: личность, отдельные социальные группы, общество, государство. Часто, в своих рассуждениях о социальном благополучии, формулируя определение исследуемого феномена авторы не конкретизируют субъектность. *Составляющими*, характеризующими социальное благополучие, чаще всего встречаем: «множество пересекающихся социальных, экономических, политических, экологических и других аспектов жизнедеятельности», «социальные потребности и качество их удовлетворенности», «уровень социальной защищенности», а также «социальный статус», «межличностные связи», «поддержка и любовь», «субъективное ощущение благополучия», «ценностные составляющие», «потребности личности и возможности их реализовать», «степень реализации жизненных планов и социальные ожидания». *Соотнесенность с условиями*: социальное благополучие рассматривается через такие категории как «качество жизни», «социальная безопасность», «уровень жизни», «социальная сплоченность», «социальная политика», «качество среды обитания», «социальное здоровье». Выявленные *детерминанты социального благополучия*, которые в той или иной мере формулируются авторами научных материалов попавших в выборку, позволяют нам свести их, в самом общем виде к четырем основным группам. 1) *Социально-политические детерминанты*. Чаще всего речь идет об эффективной социальной политике государства, об уровне социальной поддержки и социальной помощи отдельных категорий граждан, социальных групп, об эффективности реализуемых государственных социально-ориентированных программ в области здравоохранения, безопасности личности общества и государства, как фактор социального

благополучия и пр. 2) *Социально-правовые детерминанты*. Чаще всего подвергается анализу отношение общества к нормативно-правовым документам, регулирующим вопросы, связанные с трудовыми, семейными отношениями и социальным обеспечением (оценка соответствия уровня ожиданий граждан функционирующим нормам и положениям в социальном законодательстве). 3) *Социально-экономические детерминанты*. Чаще всего речь идет о ряде экономических показателей (занятость, уровень заработной платы, развития производительных сил, особенно в условиях развития цифровой экономики, информационных технологий, искусственного интеллекта и технологий на его основе, эффективность системы социальной поддержки и помощи). 4) *Социокультурные детерминанты* (идеология, реально функционирующие духовно-нравственные ценности и нормы).

Стремление авторов рассматриваемых исследований раскрыть эти смыслы часто приводит к весьма большой произвольности в использовании социологических понятий. А иногда происходит подмена понятия «социальное благополучие» понятиями «всеобщее благо», «субъективное благополучие».

Во-вторых, исходя из выработанных научно-исследовательской практикой принципов к концептуальным определениям понятия, не все определения возможно отнести к соответствующим этим принципам. Можем предположить, что авторам публикаций, возможно в силу объективных обстоятельств, так и не удалось в процессе определения ключевого понятия достичь точности, строгости и, конечно же, однозначности в интерпретации. В ряде случаев имело место: а) схожесть с иными авторскими определениями понятия; б) недостаточная степень обоснованности выдвигаемых концептуальных положений; в) весьма размытое определение структурно-функциональных характеристик исследуемого феномена.

2. Очевидно, что авторами научных материалов реализуется множества подходов в исследованиях феномена социального благополучия. Эти подходы в современном социально-философском знании общеизвестны и формулируются как: *объективистский*, основанный на положениях структурного функционализма (социальное благополучие рассматривается как объективно существующее явление обусловленное реальными условиями жизнедеятельности социального субъекта (с рядом положений мы солидарны)) [18]; *субъективистский*, особое внимание сосредоточено на субъективном восприятии человеком процесса своей реальной жизнедеятельности [19]; *социально-экономический*, особое исследовательское внимание сосредоточено на взаимозависимости между условиями и факторами экономического свойства и субъективным благополучием

личности, отдельных социальных групп и общества в целом [20]; *социально-политический*, в основе которого понятие «всеобщее благо», благо отдельных социальных групп, исследовательское внимание концентрируется именно на обществе и отдельных социальных группах (благополучие человека, как социального субъекта в рамках данного подхода, смещается на второй план, оно вторично) [21]; *социокультурный*, предполагает, что социокультурные факторы являются если не основополагающими, то как минимум, существенно влияющими на систему ценностей, идеалов, идей, в рамках которого и формируется представление субъективного свойства о благополучии человека [22]; и *интегративный подход*, авторы стремятся разрешить противоречия между субъективистским и объективистским подходами к исследованию феномена социального благополучия [23]. Не зависимо от реализуемого исследовательского подхода, мы обнаруживаем, в некоторой мере, определенные схожести в определении социального благополучия. Реализованная аналитическая таблица классификации определений понятия «социальное благополучие» с точки зрения логического их построения приводит нас к выводу, что крайне слабо реализуется методологический потенциал *деятельностного подхода*. В результате этого имеющиеся различия чаще всего основываются лишь на удовлетворенности индивида или какой-либо социальной группы реальными, объективно существующими условиями жизни, но слабо просматривается главенствующая роль самого человека во всей системе складывающихся социальных отношений в результате его реальной жизнедеятельности. То есть, человек, социальная группа не есть активный социальный субъект, а рассматривается лишь как пассивный благополучатель.

3. Анализ научных материалов и реализуемое в них множество подходов приводит к выводу о весьма существенном вкладе в развитие знаний о феномене социального благополучия. Но эти знания, хоть и весьма важные, в большей мере, касаются лишь отдельных аспектов исследуемого феномена и не отвечают, в полной мере, на важнейшие исследовательские вопросы, сформулированные нами выше. Есть проблема научного свойства, связанная с выявлением факторов социального благополучия. Очевидным является и то, что построение универсальной концептуальной (теоретической) модели социального благополучия и его описание не представляется возможным в рамках одного из направлений.

Литература

1. Боровская Н.В. Благополучие как социокультурный феномен // дис. кфн 2001. <https://www.dissercat.com/content/blagopoluchie-kak-sotsiokulturnyi-fenomen>; Епхийев О.М. Моисеев А.В. Идеи социального благополучия в социально-философских учениях // научно-аналитическом журнале «Социально-гуманитарные знания» № 12, 2023 года. С. 93–97; Капралова Е.К. Трансформация феномена социального благополучия в концепции социального государства // Журнал МЕДИЦИНА. СОЦИОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ. Прикладные исследования. № 22022 [МСФ]. С. 48–52.
2. Мерзлякова И.В. Теоретико-методологические основы социологического анализа социального благополучия населения региона // Диссертация на соискание КСН 2007; Епхийев О.М. Моисеев А.В. Социальное благополучие в социологических теориях (обзорно-аналитическое исследование) // журнал «Экономика строительства» № 2, 2024. С. 6–15.
3. Тарасова С.В. Экономическая теория благосостояния: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2001. Кукель Е.П. Космина Е.А. Историко-философское осмысление экономической теории благосостояния // Омский научный вестник № 2 (66) 2008 год. С. 47–51; Чернявский А.Д. Благо как экономическая категория: актуальность диалектического подхода к его пониманию // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» Выпуск 3, май-июнь 2014. <http://naukovedenie.ru> 53EVN314
4. Забралова О.С. Социальное государство: понятие, сущность и виды // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 6. С. 21–31; Бобылев А.И. Теория и практика формирования правового и социального государства // Право и политика. 2010. № 3 (39). С. 11–14; Масловская М.В. Кушаева Ю.Х. Правовое регулирование вопросов социальной политики в современной России // <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-voprosov-sotsialnoy-politiki-v-sovremennoy-rossii/viewer>; Хабриева Т.Я. Основные векторы и проблемы развития социального законодательства // Журнал российского права № 8 (212) 2014. С. 5–15; Черников В.В. Челябинский И.В. Обеспечение права на благополучие личности как теоретическая и практическая проблема // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2021. № 6. С. 185–197.
5. Ларицкая И.Е. Психологическое благополучие личности // журнал «Молодой ученный». 2022. № 49 (444) С. 273–276; Бессонова Ю.В. О структуре психологического благополучия // Психологическое благополучие личности в современном образовательном пространстве: сборник статей. Екатеринбург: УрГП У. 2013. С. 30–35; Идобаева О.А. К вопросу о психолого-педагогической модели формирования психологического благополучия личности // Вестник МГЛУ. 2013. Вып. 7 (667). С. 93–101; Ширяева О.С. Психологическое благополучие личности в экстремальных условиях жизнедеятельности // дис. к.псих.н, 2008; Скорынин А.А. К вопросу о структуре психологического благополучия личности // Журнал «Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2020, № 2. С. 87–93.
6. Статья 7. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
7. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634/>
8. Справочная информация: «Перечень государственных программ, национальных и федеральных проектов, приоритетных программ и проектов в РФ», «https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310251/
9. Капралова Е.А. Проблематизация феномена социального благополучия // Коммуникология. 2022. Том 10. № 2. С.133–148; Гусякова Л.Г., Гайдай И.В., Говорухина Г.В., Григорьев С.И., Калмыкова О.А., Лига М.Б., Миронова С.В., Субботина Н.Д., Трофимова Р.А. Современные теории социального благополучия // учебное пособие. М.: Русайнс. 2015; Власова А.А., Дворникова Е.В., Кошелева А.В. Со-

- временные теории социального благополучия: учебно-методическое пособие // Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2017; Билалова Л.М., Гареева З.К., Иванова О.М., Черникова Т.А. Современные теории социального благополучия: учебное пособие // М.: Издательский дом Академии естествознания. 2016; Социальное благополучие человека в современном мире: сборник материалов Международной научной школы (2014) / Под ред. Н.Ш. Валеевой. Казань: КНИТУ, 2014. Егорова М.С. Взаимосвязь между экономическими подходами к оценке экосистемных услуг и благосостоянием общества // Общество и непрерывное благополучие человека: сборник научных трудов Международного научного симпозиума студентов и молодых ученых, г. Томск, 27–30 марта 2014. Томск: Изд. ТПУ, 2014. С. 115–118.
10. Воронин Г.Л. Объективные и субъективные показатели общественного благополучия // Социологический журнал. 2009. № 3. С. 41–54; Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирического исследования / Ю.Б. Епихина, М.Ф. Черныш, П.Е. Сушко [и др.] // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). 2020. № 1. 95 с. DOI 10.19181/INAB.2020.1. EDN MDGGPD; Войтенко М.Ю., Дробышева Т.В. Структура феномена социально-психологического благополучия личности детей: концептуальные представления и результаты эмпирического исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2024. Т. 13, вып. 4 (52). С. 322–333. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-4-322-333>, EDN: HJGYDI; Максимов А.М., Тутыгин А.Г., Малинина К.О., Чижова Л.А., Блынская Т.А. (2022). Проблемные вопросы методологии оценки социального благополучия населения в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 138–155. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.9
 11. Лебедин Э.Ю., Экономическое благополучие и проблемы его обеспечения в современной России // ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ; Перов Е.В. Субъективное экономическое благополучие населения России // Социум и власть. – 2015. № 2 (52). С. 36–43; Маклакова Т.Г. Влияние размера заработной платы на субъективное экономическое благополучие человека // Креативная экономика. 2015. Т. 9. № 10. С. 1217–1228; Кислицына О.А. Измерение качества жизни/благополучия: международный опыт. – М.: Институт экономики РАН, 2016. – 62 с.; Нестерова О.А., Пожарницкая О.В. Оценка благосостояния с позиции устойчивого человеческого развития: возможности международных индексов // Вопросы инновационной экономики. 2018. Т. 8. № 3. С. 335–348.
 12. Калашникова Г.В., Минигалеева А.М. Влияние экологических факторов на показатели качества жизни населения // «Молодой учёный». № 12 (92). Социология. 2015. С. 560–563; Бальнская Н.Р., Зиновьева Е.Г., Лимарева Ю.А. Экологическая ситуация как фактор привлекательности региона и показатель качества жизни населения (2017); Меринов Ю.Н. Эколого-социальная комфортность городской среды: Факторы и территориальные закономерности. На примере г. Ростова-на-Дону // диссертация на соиск кгн, 2000 год; Киселева Л.С. Благополучие российского населения: архитектура, субъективное восприятие и региональной своеобразии // диссертация на соискание доктора соц. наук. 2020.
 13. Спицина Л.Ю., Спицын В.В. Оценка комплексной эффективности социально-экономического благополучия населения для целей государственного регулирования // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 16 (415). С. 17; Айвазян С.А., Степанов В.С., Козлова М.И. Измерение синтетических категорий качества жизни населения региона и выявление ключевых направлений совершенствования социально-экономической политики (на примере Самарской области и ее муниципальных образований) // Региона. 2006. № 2. С. 18–84.
 14. Перелыгина Е.Б., Зотова О.Ю. Образование как источник психологического благополучия личности // Человеческий капитал. 2017. № 1. С. 4; Павлоцкая Я.И. Психологическое благополучие и социально-психологические характеристики личности: монография // Изд Волгоградского инст. управл – филиала РАНХиГС, 2016. – 168 с.
 15. Епихиев О.М. Моисеев А.В. Идеи социального благополучия в социально-философских учениях // научно-аналитическом журнале «Социально-гуманитарные знания» № 12, 2023 года. С. 93–97.
 16. Епихиев О.М. Моисеев А.В. Социальное благополучие в социологических теориях (обзорно-аналитическое исследование) // журнал «Экономика строительства» № 2, 2024. С. 6–15.
 17. Авторы в период с февраля 2023 по октябрь 2024 года из ста пятнадцати собранных научных материалов, опубликованных в период с 2000 по 2024 годы, отобрали и провели анализ восьмидесяти двух научных публикаций, связанных с проблемами социального благополучия. Основными критериями отбора научных материалов для анализа являлись: наличие авторского определения понятия «социальное благополучие»; наличие обоснования авторского определения.
 18. Билалова Л.М., Гареева З.К., Иванова О.М., Черникова Т.А. Современные теории социального благополучия: учебное пособие // М.: Издательский дом Академии естествознания. 2016; Власова А.А., Дворникова Е.В., Кошелева А.В. Современные теории социального благополучия: учебно-методическое пособие // Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2017.
 19. Дудин И. В., Тихонова Н.Е. Субъективное благополучие россиян через призму их идентичностей: состояние и факторы // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 3. С. 6–25; Мареева С.В. Зоны субъективного благополучия и неблагополучия в российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18, № 4. С. 695–707; Егорова М.С., Паршикова О.В., Черткова Ю.Д., Митина О.В. Удовлетворенность жизнью, черты личности и жизнестойкость в супружеских парах // Вопросы психологии. 2022. Т. 68. № 1. С. 41–56; Кученкова А.В., Татарова Г.Г. «Этап жизненного цикла» как детерминанта субъективного благополучия личности // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 30–43.
 20. Хащенко В.А. Социально-психологическая детерминация субъективного экономического благополучия // автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора псих. наук. 2012 год; Хащенко В.А. Доход и субъективное экономическое благополучие // Психология человека в современном мире. Материалы Всероссийской юбилейной науч-

ной конференции, посвященной 120-летию С.Л. Рубинштейна. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. Т. 5. С. 384–391.; Анорина Е.С. Проблемы измерения социального и экономического благополучия человека // Молодой ученый. – 2015. – 6 (86). – С. 394–396; Егорова М.С. Взаимосвязь между экономическими подходами к оценке экосистемных услуг и благосостоянием общества // Общество и непрерывное благополучие человека: сборник научных трудов Междун. научн. симпозиума студентов и молодых ученых, г. Томск, 27–30 марта 2014 г. – Томск: Изд-во ТПУ, 2014. – [С. 115–118].

21. Мерзлякова И.В. Теоретико-методологические основы социологического анализа социального благополучия населения региона // Диссертация на соискание КСН 2007; Гареева З.К., Билалова Л.М., Иванова О.М., Черникова Т.А. Современные теории социального благополучия // Учебное пособие. Изд. «Академия Естественных наук». 2016. С51–60; Григорьев С.И. Виталистская социология: парадигма настоящего и будущего (избранные статьи по неклассической социологии). Барнаул, 2001. – 229 с.; Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Золотарева О.А. Оценка социального благополучия семей в российских регионах: социологический анализ // Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ. 2021 Vol. 21 № 4. С. 805–824; Костина Е.Ю. Социальное благополучие и социальная безопасность в условиях глобализации современного общества // Universum: общественные науки: электрон. научн. журн. 2015. № 6(16). [https://7universum.com/pdf/social/6\(16\)/Kostina.pdf](https://7universum.com/pdf/social/6(16)/Kostina.pdf); Бурилкина С.А. Влияние социальной работы на социальное благополучие общества // XVIII Международная конференция памяти проф. Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 19–20 марта 2015 г., г. Екатеринбург. Екатеринбург: [УрФУ], 2015. С. 1830–1839. <http://elar.urfu.ru/handle/10995/32372>.
22. Боровская Н.В. Благополучие как социокультурный фактор // диссертация на соискание кфн. 2001; Петренко М.С. Дукарт С.А. Критерии социального благополучия: универсализм и проблемы социокультурного измерения // Векторы благополучия: экономика и социум. 2019. № 3 (34). С. 79–88; Мерзлякова, И.В. Социальные регуляторы благополучия человека и общества // Гуманитарный вектор – 2010. – № 1. С. 179–187.
23. Грик Н.А. Социальное благополучие личности и общества. Учебное пособие для бакалавров / составитель профессор Н.А. Грик. – Томск: ТУСУР, 2018.; Лобова В.А. Интегративный подход в исследовании личностного благополучия у жителей северных регионов // Вестник угроведения № 4 (15), 2013. С. 82–93; Шамионов Р.М. Психология субъективного благополучия: к разработке интегративной концепции // Мир психологии. – 2002. – № 2. – С. 143–148; Бочарова Е.Е. Универсальные и культурно-специфические особенности взаимосвязи социальной активности и субъективного благополучия личности // Изд. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2013, Т. 2, вып. 4(8). С. 17–25.

COMPARATIVE ANALYSIS OF DEFINITIONS OF THE CONCEPT OF «SOCIAL WELL-BEING» IN MODERN SOCIAL AND HUMANITARIAN KNOWLEDGE

Moiseev A.V., Ephiev O.M.

Institute of Modern Education and Information Technology, National Research University Moscow State University of Civil Engineering

This article is a comparative analysis of the concept of “social well-being” in modern studies. The definitions of this concept developed by research practice within the framework of various areas have some peculiarity and are described by existing theoretical and methodological approaches. We also believe that the issue of definition is still controversial and not fully resolved. As a result of the analysis, the authors present a certain vision of the features of the presentation of the concept in question, associated with the development of knowledge about well-being.

Keywords: good, well-being, social well-being, life activity, material good, economic good, welfare, psychological well-being, subjective well-being.

References

1. Borovskaya N.V. Well-being as a socio-cultural phenomenon // diss. cand. 2001. <https://www.dissercat.com/content/blagopoluchie-kak-sotsiokulturnyi-fenomen>; Epkhiev O.M. Moiseev A.V. Ideas of social well-being in social and philosophical teachings // scientific and analytical journal “Social and humanitarian knowledge” No. 12, 2023. P. 93–97; Kapralova E.K. Transformation of the phenomenon of social well-being in the concept of a welfare state // Journal MEDICINE. SOCIOLOGY. PHILOSOPHY. Applied research. No. 2.2022 [MSF]. P. 48–52.
2. Merzlyakova I.V. Theoretical and methodological foundations of the sociological analysis of social well-being of the population of the region // Dissertation for the degree of KSN 2007; Epkhiev O.M. Moiseev A.V. Social well-being in sociological theories (review and analytical study) // journal “Economics of Construction” No. 2, 2024. Pp. 6–15.
3. Tarasova S.V. Economic theory of welfare: Textbook for universities. – М.: UNITY – DANA, 2001. Kukul E.P. Kosmina E.A. Historical and philosophical understanding of the economic theory of welfare // Omsk Scientific Bulletin No. 2 (66) 2008. Pp. 47–51; Chernyavsky A.D. Benefit as an Economic Category: Relevance of the Dialectical Approach to its Understanding // Internet Journal “NAUKOVEDENIE” Issue 3, May-June 2014. <http://naukovedenie.ru/53EVN314>
4. Zabalova O.S. Social State: Concept, Essence and Types // Actual Problems of Russian Law. 2022. Vol. 17. No. 6. Pp. 21–31; Bobylev A.I. Theory and Practice of Formation of a Legal and Social State // Law and Politics. 2010. No. 3 (39). Pp. 11–14; Maslovskaya M.V. Kushaeva Yu.Kh. Legal regulation of social policy issues in modern Russia // <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-voprosov-sotsialnoy-politiki-v-sovremennoy-rossii/viewer>; Khabrieva T. Ya. Main vectors and problems of development of social legislation // Journal of Russian Law No. 8 (212) 2014. Pp. 5–15; Chernikov V.V. Chechel-nitsky I.V. Ensuring the right to well-being of the individual as a theoretical and practical problem // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky, 2021. No. 6. Pp. 185–197.
5. Laritskaya I.E. Psychological well-being of the individual // magazine “Young scientist”. 2022. No. 49 (444) Pp. 273–276; Besonova Yu.V. On the structure of psychological well-being // Psychological well-being of an individual in the modern educational space: a collection of articles. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 2013. Pp. 30–35; Idobaeva O.A. On the issue of the psychological and pedagogical model of the formation of psychological well-being of an individual // Bulletin of Moscow State Linguistic University. 2013. Issue. 7 (667). Pp. 93–101; Shiryayeva O.S. Psychological well-being of an individual in extreme living conditions // diss. of candidate of psychological sciences, 2008; Skorynin A.A. On the issue of the structure of psychological well-being of an individual // Journal “Humanitarian Research. Pedagogy and Psychology. 2020, No. 2. Pp. 87–93.
6. Article 7. “Constitution of the Russian Federation” (adopted by nationwide vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020).
7. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024 No. 309 “On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036”, <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634/>

8. Reference information: "List of state programs, national and federal projects, priority programs and projects in the Russian Federation," https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310251/
9. Kapralova E.A. Problematization of the phenomenon of social well-being // *Communicology*. 2022. Volume 10. No. 2. P. 133–148; Guslyakova L.G., Gaidai I.V., Govorukhina G.V., Grigoriev S.I., Kalmykova O.A., Liga M.B., Mironova S.V., Subbotina N.D., Trofimova R.A. Modern theories of social well-being // textbook. M.: Rusayns. 2015; Vlasova A.A., Dvornikova E.V., Kosheleva A.V. Modern theories of social well-being: educational and methodological manual // Yaroslavl: YarSU im. P.G. Demidova, 2017; Bilalova L.M., Gareeva Z.K., Ivanova O.M., Chernikova T.A. Modern theories of social well-being: textbook // M.: Publishing House of the Academy of Natural Sciences. 2016; Social well-being of a person in the modern world: collection of materials of the International scientific school (2014) / Ed.N. Sh. Valeeva. Kazan: KNITU, 2014. Egorova M.S. The relationship between economic approaches to the assessment of ecosystem services and the well-being of society // *Society and continuous human well-being: collection of scientific papers of the International scientific symposium of students and young scientists, Tomsk, March 27–30, 2014*. Tomsk: TPU Publishing House, 2014. Pp. 115–118.
10. Voronin G.L. Objective and subjective indicators of public well-being // *Sociological journal*. 2009. No. 3. Pp. 41–54; Subjective and objective well-being in modern Russian society: results of an empirical study / Yu.B. Epikhina, M.F. Chernysh, P.E. Sushko [et al.] // *Information and Analytical Bulletin (INAB)*. 2020. No. 1. 95 p. DOI 10.19181/INAB.2020.1. EDN MDGGPD; Voitenko M. Yu., Drobysheva T.V. The structure of the phenomena of socio-psychological well-being of children's personality: conceptual ideas and results of empirical research // *Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Acmeology of education. Developmental psychology*. 2024. Vol. 13, issue. 4 (52). P. 322–333. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-4-322-333>, EDN: HJGYDI; Maksimov A.M., Tutygin A.G., Malinina K.O., Chizhova L.A., Blynskaya T.A. (2022). Problematic issues of the methodology for assessing the social well-being of the population in modern Russia // *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. Vol. 15. No. 2. P. 138–155. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.9
11. Lebedin E.Yu., Economic Well-Being and the Problems of Ensuring It in Modern Russia // *PROBLEMS OF ECONOMY*; Perov E.V. Subjective Economic Well-Being of the Population of Russia // *Society and Power*. – 2015. No. 2 (52). P. 36–43; Maklakova T.G. The Impact of Wages on a Person's Subjective Economic Well-Being // *Creative Economy*. 2015. Vol. 9. No. 10. P. 1217–1228; Kislitsyna O.A. Measuring the Quality of Life/Well-Being: International Experience. – Moscow: Institute of Economics RAS, 2016. – 62 p.; Nesterova O.A., Pozharnitskaya O.V. Assessing Well-Being from the Perspective of Sustainable Human Development: Possibilities of International Indices // *Issues of Innovative Economics*. 2018. Vol. 8. No. 3. P. 335–348.
12. Kalashnikova G.V., Minigaleeva A.M. The Impact of Environmental Factors on Quality of Life Indicators // "Young Scientist". No. 12 (92). *Sociology*. 2015. P. 560–563; Balinskaya N.R., Zinovieva E.G., Limareva Yu.A. Environmental Situation as a Factor in the Attractiveness of a Region and an Indicator of the Quality of Life of the Population (2017); Merinov Yu.N. Environmental and Social Comfort of the Urban Environment: Factors and Territorial Patterns. On the Example of Rostov-on-Don // *Dissertation for the Dissertation of the Cand. Sci. (2000)*; Kiseleva L.S. Well-being of the Russian population: architectonics, subjective perception and regional uniqueness // *dissertation for a doctorate in social sciences*. 2020.
13. Spitsina L.Yu., Spitsyn V.V. Assessment of the comprehensive effectiveness of the socio-economic well-being of the population for the purposes of state regulation // *Economic Analysis: Theory and Practice*. 2015. No. 16 (415). P. 17; Ayzazyan S.A., Stepanov V.S., Kozlova M.I. Measuring synthetic categories of the quality of life of the regional population and identifying key areas for improving socio-economic policy (using the Samara Region and its municipalities as an example) // *Regiona*. 2006. No. 2. P. 18–84.
14. Pereyginina E.B., Zotova O. Yu. Education as a source of psychological well-being of an individual // *Human capital*. 2017. No. 1. P. 4; Pavlotskaya Ya.I. Psychological well-being and socio-psychological characteristics of personality: monograph // Publishing house of the Volgograd Institute of Management – branch of RANEPa, 2016. – 168 p.
15. Epkhiev O.M. Moiseev A.V. Ideas of social well-being in social and philosophical teachings // *scientific and analytical journal "Social and humanitarian knowledge"* No. 12, 2023. P. 93–97.
16. Epkhiev O.M. Moiseev A.V. Social well-being in sociological theories (review and analytical study) // *journal "Economics of construction"* No. 2, 2024. P. 6–15.
17. From February 2023 to October 2024, the authors selected and analyzed eighty-two scientific publications related to the problems of social well-being from one hundred and fifteen collected scientific materials published between 2000 and 2024. The main criteria for selecting scientific materials for analysis were: the presence of an author's definition of the concept of "social well-being"; the presence of a justification for the author's definition.
18. Bilalova L.M., Gareeva Z.K., Ivanova O.M., Chernikova T.A. Modern theories of social well-being: a textbook // Moscow: Publishing House of the Academy of Natural Sciences. 2016; Vlasova A.A., Dvornikova E.V., Kosheleva A.V. Modern theories of social well-being: a teaching aid // Yaroslavl: Yaroslavl State University named after P.G. Demidova, 2017.
19. Dudin I. V., Tikhonova N.E. Subjective well-being of Russians through the prism of their identities: state and factors // *Sociological science and social practice*. 2024. Vol. 12, No. 3. Pp. 6–25; Mareeva S.V. Zones of subjective well-being and ill-being in Russian society // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 2018. Vol. 18, No. 4. Pp. 695–707; Egorova M.S., Parshchikova O.V., Chertkova Yu. D., Mitina O.V. Life satisfaction, personality traits and resilience in married couples // *Questions of Psychology*. 2022. Vol. 68, No. 1. Pp. 41–56; Kuchenkova A.V., Tatarova G.G. "Life Cycle Stage" as a Determinant of Subjective Well-Being of an Individual // *Sociological Research*. 2019. No. 8. Pp. 30–43.
20. Khaschenko V.A. Social and psychological determination of subjective economic well-being // abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Psychology. 2012; Khaschenko V.A. Income and subjective economic well-being // *Human psychology in the modern world. Proceedings of the All-Russian jubilee scientific conference dedicated to the 120th anniversary of S.L. Rubinstein*. Moscow: Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences", 2009. Vol. 5. Pp. Anorina E.S. Problems of measuring human social and economic well-being // *Young scientist*. – 2015. – 6 (86). – Pp. 394–396; Egorova M.S. The relationship between economic approaches to the assessment of ecosystem services and the well-being of society // *Society and continuous human well-being: collection of scientific papers of the Int. sci. Symposium of Students and Young Scientists, Tomsk, March 27–30, 2014* – Tomsk: TPU Publishing House, 2014. – [P. 115–118].
21. Merzlyakova I.V. Theoretical and Methodological Foundations of Sociological Analysis of Social Well-Being of the Population of the Region // *Dissertation for the KSN 2007*; Gareeva Z.K., Bilalova L.M., Ivanova O.M., Chernikova T.A. Modern Theories of Social Well-Being // *Textbook*. Publ. "Academy of Natural Sciences". 2016. P. 51–60; Grigoriev S.I. Vitalist Sociology: Paradigm of the Present and the Future (selected articles on non-classical sociology). Barnaul, 2001. – 229 p.; Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Zolotareva O.A. Assessment of social well-being of families in Russian regions: a sociological analysis // *Bulletin of RUDN University. Series: SOCIOLOGY*. 2021 Vol. 21 No. 4. P. 805–824; Kostina E. Yu. Social well-being and social security in the context of globalization of modern society // *Universum: social sciences: electronic. scientific journal*. 2015. No. 6 (16). [https://7universum.com/pdf/social/6\(16\)/Kostina.pdf](https://7universum.com/pdf/social/6(16)/Kostina.pdf); Buriikina S.A. The influence of social work on the social well-being of society // XVIII International Conference in memory of prof. L.N. Kogan "Culture, personality, society in the modern world: Methodology, experience of empirical research", March 19–20, 2015, Yekaterinburg. Ekaterinburg: [URFU], 2015. P. 1830–1839. <http://elar.urfu.ru/handle/10995/32372>.
22. Borovskaya N.V. Well-being as a socio-cultural factor // *dissertation for the degree of candidate of philosophical scienc-*

- es. 2001; Petrenko M.S. Dukart S.A. Criteria of social well-being: universalism and problems of socio-cultural measurement // Vectors of well-being: economy and society. 2019. No. 3 (34). P. 79–88; Merzlyakova, I.V. Social regulators of human and society well-being // Humanitarian vector – 2010. – No. 1. P. 179–187.
23. Grik N.A. Social well-being of the individual and society. Study guide for bachelors / compiled by professor N.A. Grik. – Tomsk: TUSUR, 2018.; Lobova V.A. Integrative approach to the study of personal well-being among residents of the northern regions // Bulletin of Ugrovedenie, No. 4 (15), 2013. Pp. 82–93; Shamionov R.M. Psychology of subjective well-being: towards the development of an integrative concept // The World of Psychology. – 2002. – No. 2. – Pp. 143–148; Bocharova E.E. Universal and culturally specific features of the relationship between social activity and subjective well-being of an individual // Publ. Saratov University. Nov. series. Series: Acmeology of education. Developmental psychology. 2013, Vol. 2, issue. 4 (8). Pp. 17–25.

Олимпийские игры Пьера Де Кубертена, как образовательный проект, нацеленный на академическую молодежь

Бакшеев Андрей Иванович,

к.и.н., доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: baksh-ai@yandex.ru

Турчина Жанна Евгеньевна,

к.м.н., доцент, заведующий кафедрой сестринского дела и клинического ухода, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: turchina – 09@mail.ru

Андренко Олег Валерьевич,

к.б.н., доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: andrenko@yandex.ru

Иванов Виталий Геннадьевич,

к.м.н., доцент кафедры сестринского дела и клинического ухода, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: ivanovdok@yandex.ru

Фатьянова Ольга Петровна,

ассистент кафедры сестринского дела и клинического ухода, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: oligaf@mail.ru

Олимпийские Игры – это не просто международные спортивные состязания. Это историческое событие, которое способно остановить войны и объединить под своей эгидой весь мир. Зародившееся как часть религиозного культа античного бога-громовержца Зевса, сегодня оно стало любимым праздником жителей пяти населенных континентов. Современные Игры были бы невозможны без участия общественного деятеля Пьера де Кубертена, кто возродил олимпийское движение на пороге XX века, которое на современном этапе охватывает своей образовательной деятельностью различные социальные группы, особенно молодежь.

В статье проведен анализ взглядов Пьера де Кубертена, повлиявших на его решение восстановить античные Игры в современном исполнении и направить олимпийский проект на академическую молодежь мира.

Сделан вывод, что всемирный спортивный проект, начатый Пьером де Кубертенем, оказался очень востребованным среди молодежи. Его подхватили все страны, на всех континентах активно влившись в Олимпийское движение, в том числе Российская Империя – Советский Союз – Российская Федерация.

Ключевые слова: спорт, Олимпийские Игры, Олимпийское движение, студенты, молодежь.

Введение

Хотя принято считать, что современные Олимпийские Игры напрямую связаны с древними Играмми, исторический анализ явления показывает существенные различия между ними. Современные историки спорта и олимпизма склонны считать, что возникновение современной версии спорта стало результатом перехода от традиционного к современному индустриальному обществу [1]. Поэтому игры Кубертена не следует рассматривать как прямое продолжение античных состязаний, но их следует поместить в рамки социальных, экономических, идеологических и культурных преобразований, происходивших в западных обществах того времени. То же самое относится и к понятию «олимпизм», которое не связано с эллинской традицией агон в честь Зевса. В древности были игры, но не было олимпизма. Это важное отличие, которое четко отличает проект Пьера де Кубертена от других предыдущих попыток возродить Игры. Здесь стоит упомянуть «Скандинавскую Олимпиаду», отсылающую к традиции греческих Олимпийских игр. В 1833 году в Швеции было основано Олимпийское общество, которое год спустя (а затем еще через два года) организовало соревнования. Также и на родине бывших Олимпийских игр, после обретения Грецией независимости в 1829 году, возникла идея организации национальных игр, отсылающих к ее славной истории. Это привело к организации первых Олимпий в 1859 году в Афинах, последующие состоялись в 1870, 1875 и 1889 годах. Все эти докубертеновские версии игр имели схожие идеологические источники, но они не предлагали моральной и образовательной системы, которая является сутью олимпизма.

Кубертен возродил древнюю идею, но реализовал ее в современном контексте. Его концепция олимпизма, включавшая в себя и всемирный спортивный фестиваль, имела, прежде всего, моральное и образовательное измерение. У Пьера де Кубертена возникла идея возродить Игры как часть общего плана морального, интеллектуального и физического возрождения сначала французской нации, а затем и молодежи всего мира [2].

Цель исследования

Анализ взглядов Пьера де Кубертена на Олимпийские игры в современном исполнении в рамках образовательного проекта, нацеленного на академическую молодежь мира.

Методы и материалы исследования

В исследовании использованы методы: анализа научных статей в периодических изданиях по исследуемой проблеме; сравнения мнений исследователей по проблеме возрождения олимпийских игр, олимпийского движения на уровне глобального масштаба с акцентом на молодежь.

Результаты исследования

Деятельность Кубертена, особенно публицистическая, заключалась в постоянном призыве к политикам и уни-

верситетскому руководству о необходимости срочных реформ, но оставалась без ответа. Отсутствие общественного резонанса усугублялось тем, что ему было сложно привлечь к своему проекту французское спортивное сообщество того времени, которое не было ни многочисленным, ни значительным. Поэтому, с одной стороны, он работал над тем, чтобы обрести влияние в клубном спорте и реорганизовать его таким образом, чтобы он был признан высшим авторитетом в этом виде спорта того времени – Британским любительским спортивным союзом (*Great Britain 'a Amateur Athletic Union*). С этой целью он принял участие в создании Союза французских обществ спортивной атлетики (*Union des Societes Franґaises de Sports Athletiques*, USFSA). С другой стороны, по мнению А.Б. Суника, у Кубертена была блестящая идея направить свои призывы к студентам. В результате многие учебные спортивные ассоциации были созданы параллельно с бюрократическими и иерархическими ограничениями университетов и вопреки им [3].

Кубертен считал, что спорт привлечет внимание во Франции, если будет иметь международный масштаб, и что только регулярные международные мероприятия убедят общественное мнение проявлять больший интерес к спорту. Поэтому он поощрял международные соревнования между студентами университетов по легкой атлетике, гребле и футболу с британскими, американскими и бельгийскими спортсменами [3]. Его идея была проста: реализация лозунга «Вернуть славу Франции» должна была стимулироваться внешним фактором, происходящим от соперничества с другими нациями, от конкуренции, которая стимулирует и раздражает национальные амбиции [4]. Интернационализация спорта была целенаправленным средством развития национального спорта.

В контексте формирования взглядов Кубертена чрезвычайно важным событием и жизненным опытом стала его поездка в США и Канаду в 1889 году. С. Уоссонг так резюмировал американский опыт Кубертена: «1. Спортивное движение не должно ограничиваться национальными или государственными рамками, оно должно быть интернационализировано и только затем «национализировано»; 2. Спортивные модели поведения, привычки и идеи должны прививаться в учебном заведении; они должны быть дополнением к интеллектуальному и нравственно-образованию и воспитанию» [5].

Для нас второй вывод представляется наиболее важным: спорт, который не закрывает границы, а открывает их. Поиски путей улучшения физического и морального состояния французской нации парадоксальным образом привели Кубертена к идее спорта, пропагандирующего интернационализм. Кубертен рассматривал спорт как катализатор социальных изменений, в то время как пропагандируемая им версия спорта, а позднее и олимпизма имела социальное происхождение [6].

Поскольку, по мнению Кубертена, ничто так не сближало страны и не разрушало изоляцию, как непосредственные встречи людей, он организовывал международные встречи французских и американских студентов. В рамках этого двустороннего сотрудничества американские студенты посетили Париж для участия в спортивных соревнованиях, а французская молодежь совершила ответный визит. Упомянутые обмены носили не только спортивный характер. Их истинным намерением было узнать друг друга, поскольку целью заграничной поездки французских студентов были не только спортивные соревнования, но и экскурсионные поездки.

С. Уоссонг предполагает, что именно на фоне этих ранних международных спортивных встреч в сознании Кубертена зародилась идея использования этого сотрудни-

чества в глобальных действиях [5]. Если к этому добавить романтическое увлечение Кубертена античными состязаниями в Олимпии, то поиск институтов и организационных структур, которые гарантировали бы цикличность всемирных спортивных фестивалей, казался естественным. Тем более, что его размышления сопровождались растущим интересом к спорту во всем мире.

Как известно, его олимпийская кампания завершилась успехом в 1894 году, когда на организованном им в Сорбонне конгрессе делегаты приняли решение о создании Международного олимпийского комитета и организации два года спустя в Афинах первых современных спортивных игр [7].

Кубертен обращался со своими призывами и обращениями в основном к той группе, к которой он обращался в международном спортивном обмене – к студенческой молодежи, которая вскоре сыграет важную роль в своих обществах и создаст перспективы для будущих поколений. Более того, похоже, что только такие молодые люди смогут понять олимпийскую идею в достаточной степени, чтобы осознать необходимость ее реализации. С. Уоссонг подчеркивает, что олимпизм был адаптирован к потребностям «молодого взрослого», который только что закончил или почти закончил университетское профессиональное образование и был готов начать профессиональную карьеру [5]. В условиях распространения олимпизма Кубертен мобилизует студентов и готовит их использовать олимпизм в качестве инструмента развития способности справляться с различными жизненными ситуациями.

В этом контексте не осталась в стороне от олимпийского движения Пьера де Кубертена и молодежь Российской империи. Правда до Первой мировой войны из-за ряда технических трудностей российские спортсмены приняли участие только в трех Олимпийских играх – 1900 г., 1908 г. и 1912 г., на которых завоевали всего одну золотую медаль. Первым отечественным олимпийским чемпионом стал фигурист Николай Коломенкин-Панин, победивший на Олимпийских играх 1908 г. в Лондоне. Энтузиастам спорта Российской империи не удалось добиться широкого представительства своих спортсменов на Олимпийских играх, как и показать высочайшие результаты. Основные олимпийские победы России будут уже в советскую эпоху, после окончания Второй мировой войны, как и широчайшее спортивно-массовое движение, развернутое по всей стране.

Вместе с тем, в Российской империи после Олимпиады 1912 г. был осуществлен учет всех спортивных организаций, организован собственный Олимпийский Комитет, который принял решение о проведении Российских Олимпийских игр, первые из которых состоялись в 1913 г. с участием почти 600 спортсменов, а вторые – в июле 1914 г. – в них примали участие уже более тысячи участников. Российские атлеты активно готовились к выступлению на VI-й Олимпиаде, но разрушительные войны и социальные катаклизмы воспрепятствовали участию страны в олимпийском движении на четыре десятилетия, вплоть до Олимпиады 1952 года.

Заключение

Изначальная образовательная миссия олимпийского движения хотя и присутствует в олимпийской риторике, в настоящее время не входит в число главных целей МОК, который вместо этого направляет свою энергию на выбор следующих хозяев Олимпийских игр и обеспечение высокого уровня спортивных результатов. Однако, принимая во внимание взгляды Пьера де Кубертена, повлиявшие на его решение восстановить древние Олимпийские игры,

следует помнить, что основной целевой группой олимпийского проекта стали студенты вузов, и выбор их был неслучайным. Во-первых, молодежь уже в те времена была достаточно образованной и просвещенной, чтобы понять олимпийскую идею. Во-вторых, как наиболее образованная часть общества, она должна была играть значительную роль в ближайшем будущем.

Организованные Кубертенем франко-американские академические молодежные обмены убедили его в том, что прямые встречи делают больше для международно-го взаимопонимания, чем все дипломатические договоры, и почему бы им не сработать в глобальном масштабе. Отсюда и возникла идея Олимпийских игр, объединяющих молодежь всего мира, прежде всего, во время олимпийских соревнований. Причем Кубертен сосредоточился в основном на студентах-спортсменах, поскольку именно они были связующим звеном между прошлым и будущим. Таким образом, всемирный спортивный проект, начатый Пьером де Кубертенем, оказался очень востребованным среди молодежи. Его подхватили все страны, на всех континентах активно влившиеся в Олимпийское движение, в том числе Российская Империя – Советский Союз – Российская Федерация.

Литература

1. Голощапов Б.Р. История физической культуры и спорта: учеб. для студентов учреждений высш. проф. образования. – 9-е изд., стер. – М.: Академия, 2012. 310 с.
2. Столяров В.И. Олимпийская концепция Пьера де Кубертена и современность // Олимпийский бюллетень. 2005. № 7. С. 84–94.
3. Суник, Александр Борисович. Французский Барон Пьер де Кубертен – основатель современных Олимпийских игр / А.Б. Суник. – Красноярск: СФУ, 2016. – 256 с
4. Столяров В.И. Идет Пьера де Кубертена // Теория и практика физической культуры. 2014. № 1. С. 57–60
5. Wassong S. Intercultural Education for Student Youth: A Fundamental Idea of Pierre de Coubertin // Nikephoros, Special Issue: Youth-Sports-Olympic Games. 2012. pp. 199–211.
6. Визитей Н., Манолаки В. Олимпизм Пьера де Кубертена и исторические перспективы реализации его идей // Наука в олимпийском спорте. 2013. № 3. С. 5–15

7. Игнатченко И.В. Пьер де Кубертен и возрождение Олимпийских игр в XIX в. // Шаги/Steps. 2018. 4(2). С. 80–91.

PIERRE DE COUBERTIN'S OLYMPIC GAMES AS AN EDUCATIONAL PROJECT AIMED AT ACADEMIC YOUTH

Baksheev A.I., Turchina Z.E., Ivanov V.G., Andrenko O.V., Fatyanova O.P.

Krasnoyarsk State Medical University named after prof. V.F. Voino-Yasenetsky

The Olympic Games are not just international sports competitions. This is a historical event that can stop wars and unite the whole world under its auspices. Originating as part of the religious cult of the ancient god of thunder Zeus, today it has become a favorite holiday for residents of five inhabited continents. The modern Games would not have been possible without the participation of public figure Pierre de Coubertin, who revived the Olympic movement on the threshold of the twentieth century, which at the present stage covers various social groups, especially youth, with its educational activities. The article analyzes the views of Pierre de Coubertin, which influenced his decision to restore the ancient Games in a modern version and direct the Olympic project to the academic youth of the world. It is concluded that the world sports project started by Pierre de Coubertin turned out to be very popular among young people. It was picked up by all countries on all continents that actively joined the Olympic movement, including the Russian Empire – the Soviet Union – the Russian Federation.

Keywords: sport, Olympic Games, Olympic movement, students, youth.

References

1. Goloshchapov B.R. History of physical education and sports: textbook for students of higher vocational education institutions. – 9th ed., reprinted – М.: Academy, 2012. 310 p.
2. Stolyarov V.I. Olympic concept of Pierre de Coubertin and modernity // Olympic Bulletin. 2005. No. 7. Pp. 84–94.
3. Sunik, Alexander Borisovich. French Baron Pierre de Coubertin – the founder of the modern Olympic Games / A.B. Sunik. – Krasnoyarsk: SFU, 2016. – 256 p.
4. Stolyarov V.I. Pierre de Coubertin is coming // Theory and practice of physical education. 2014. No. 1. P. 57–60
5. Wassong S. Intercultural Education for Student Youth: A Fundamental Idea of Pierre de Coubertin // Nikephoros, Special Issue: Youth-Sports-Olympic Games. 2012. pp. 199–211.
6. Vizitey N., Manolaki V. Olympism of Pierre de Coubertin and Historical Prospects for the Implementation of His Ideas // Science in Olympic Sport. 2013. No. 3. P. 5–15
7. Ignatchenko I.V. Pierre de Coubertin and the Revival of the Olympic Games in the 19th Century // Steps. 2018. 4(2). P. 80–91.

Бызова Ольга Михайловна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных наук и технологий, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»
E-mail: alolel@mail.ru

Одной из важнейших тенденций современности является использование информационных технологий, влияние которых пронизывает все сферы жизни общества. Большое значение приобретает интеграция технического и гуманитарного знания. В современную практику исторического образования активно входит применение компьютерных технологий, электронных образовательных ресурсов, дистанционного обучения, информационных порталов и платформ, средств коммуникации.

Необходимость сохранения природного и историко-культурного наследия народов России стала особенно актуальной задачей государства и общества в настоящее время. В исторических исследованиях последних лет широко используются компьютерные средства изучения архитектурных памятников, такие как технологии 3D моделирования и реконструкции, дополненной и виртуальной реальности. Виртуальное воссоздание объекта культурного наследия приобретает особую значимость, когда он утрачен, а восстановление невозможно из-за последующего строительства или высокой стоимости.

Интерактивные композиции стали основой для создания Исторических парков «Россия – моя история» в 26 городах страны. Исторические реконструкции с привлечением инновационных технологий способствуют популяризации истории и архитектуры, решению задач изучения, охраны и сохранения культурного наследия России.

Ключевые слова: информационные технологии, гуманитарные знания, технические знания, цифровизация, компьютерное моделирование, историческая реконструкция, культурное наследие, архитектурные памятники.

В современных условиях в обществе наличествует потребность развития научных направлений на стыке гуманитарных и технических наук. В настоящее время система образования развивается в условиях общемировых тенденций глобализации, информатизации, внедрения цифровых компьютерных технологий, создания и широкого распространения открытых образовательных ресурсов, а также средств коммуникации. Среди востребованных направлений социосфера, технополис, «умный город» и др.

Сегодня требования к сфере образования включают обновление содержания и педагогических методов, внедрение инновационных технологий [1]. Система образования характеризуется многоуровневой структурой, которая интегрирует целый ряд функций, в числе которых образовательная, воспитательная, научная, методическая, организационная и др. В образовательном сообществе находит применение такое понятие, как онлайн-педагогика. В состав онлайн-педагогики включают заочное и дистанционное обучение, системы управления образованием, распространение электронных образовательных курсов и ресурсов, использование интернета, интерактивное взаимодействие педагогов с обучающимися через сайты, электронную почту, личные кабинеты студента и преподавателя, социальные сети и пр. Такая педагогика востребована как при дистанционном, так и при очном обучении. Основными принципами онлайн-педагогики называют следующие: принцип максимальной визуализации, принцип максимальной интерактивности, принцип совместной деятельности (коллаборации) [2].

Большое внимание в трудах современных авторов уделяется интеграции технического и гуманитарного знания [3,4], различным аспектам цифровизации общества в целом и образования в частности. Философский взгляд на проблему цифровизации отражен в статье Шевченко А.И. [5]; Гнатышина Е.В., Саламатов А.А. анализируют ее социальные и образовательные аспекты [6]; Касавина Н.А. рассматривает как предмет междисциплинарных исследований [7]; на проблемах и перспективах цифровизации образования делает акцент Строчкин А.А. [8]; инновационные стратегии, направления трансформации и повышения качества высшего образования изучает ряд авторов [9,10,11,12,13].

Особое внимание авторы уделяют особенностям дистанционного обучения дисциплинам [14,15], и истории в частности [16,17,18,19].

В современных условиях важную роль в формировании социокультурной среды города играет развитие строительства и архитектуры.

Актуальные технические, философские, социокультурные проблемы города, охраны памятников отражены в монографиях [20,21,22], научных статьях [23,24].

Культура, как важный фактор устойчивого развития страны, с 2018 г. вошла в число национальных проектов РФ. Роль исторического градостроительного ландшафта в устойчивом развитии города велика, в нем значимое место по праву принадлежит архитектурным памятникам. Сохранение природного и историко-культурного наследия особенно важно для России – страны с великой историей.

Россия присоединилась к Конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия

1972 г., Конвенции Совета Европы об охране архитектурного наследия Европы 1985 г., Международной хартии по охране исторических городов 1987 г. Статья 44 Конституции РФ закрепляет право граждан на доступ к культурным ценностям и обязанность беречь их.

В 2002 г. принят Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ». В России действуют Национальный комитет ИКОМОС (Международный Совет по сохранению памятников и достопримечательных мест), Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.

Памятник может быть снесен, если нет официального статуса, но закон допускает его воссоздание, примером стал Храм Христа Спасителя в Москве.

Сегодня в исторических исследованиях используются мультимедийные средства изучения исторических памятников. Визуальные методы расширяют возможности реконструкции и воссоздания памятники архитектуры, помогают получить представление об утраченных исторических ландшафтах в натуральную величину, привлечь внимание государства и общества к необходимости сохранения культурного наследия.

Ныне цифровизация применяется в социологии, истории, археологии, музееведении, в создании информационных платформ, в онлайн обучении, воссоздании объектов наследия средствами виртуальной реальности.

К плюсам цифровизации относятся: оцифровка документов в архивах, библиотеках, музейных фондах для увеличения доступа к ним; защита подлинников от потери и износа; использование алгоритмов искусственного интеллекта в обработке больших объемов данных социологических исследований; создание виртуальных моделей для визуализации объектов; расширение обмена информацией, укрепление научных связей и др.

В настоящее время крупными экспозиционными комплексами являются Исторические парки «Россия – Моя история» в 26 городах страны [25].

С 2015 г. интерактивные композиции стали основой для постоянных выставок в 26 городах. В них использованы инфографика, 3D моделирование, цифровые реконструкции, сенсорные столы и экраны, лайтбоксы и пр. Исторические парки «Россия – моя история» работают уже 11-й год, их посетили 25 млн человек. [26] Исторический парк «Россия – Моя история» часто называют «живым» учебником, проект является результатом труда коллектива авторов, насчитывающего более 70 человек. Контент проекта подготовлен с участием видных ученых, профессионалов, компетентных в той или иной исторической проблематике. Среди них специалисты ИРИ РАН, ведущих вузов, музеев РФ. В число экспозиций и выставок входят: «Рюриковичи», «Романовы», «Петр Первый. Рождение империи», «От великих потрясений к Великой Победе», «1945–2018».

На базе парков с 2018 г. во всех субъектах РФ реализуется всероссийский профориентационный проект «Билет в будущее», его охват – более 8,4 млн школьников. Выше 90 тыс. педагогов стали навигаторами проекта.

Одним из направлений реализации проекта является профориентационная выставка «Лаборатория будущего», где представлены 300 профессий из 30 отраслей, среди которых традиционные направления, например, инженерное дело, медицина, юриспруденция, сельское хозяйство, а также новейшие специальности, связанные с IT, робототехникой, экологией и искусственным интеллектом. Мультимедийные исторические парки стали центрами образования и культуры.

Привлечение информационных технологий способствует сохранению культурного наследия, исторической

памяти и преемственности поколений, развитию социосферы, изучению российской истории и архитектуры.

Литература

1. Инновационные процессы в высшем и среднем профессиональном образовании и профессиональном самоопределении: коллективная монография / Авторы составители: Геворкян Е.Н., Подуфалов Н.Д., Стриханов М.Н. Москва: Изд-во «Экон-Информ», 2023. 549 с.
2. Галынский В.М., Соловьев П.Л. Online-педагогика // Направления и механизмы совершенствования преподавания в высшей школе: Международная научно-практическая интернет-конференция, 22–23 октября 2014 г. [Электронный ресурс]. <http://conference.bsu.by/mod/forum/discuss.php?d=301> (дата обращения: 17.11.2024).
3. Особенности интеграции гуманитарных и технических знаний: Сборник докладов Всероссийской научной конференции с международным участием (Москва, 27–28 сентября 2018 г.). Москва: Издательство МИСИ – МГСУ, 2018. 386 с.
4. Bernyukevich T.V. (2022) The Technical and the Religious: Concepts and Contemporary Social Practices. D. Bylieva and A. Nordmann (Eds.): Technology, Innovation and Creativity in Digital Society. XXI Professional Culture of the Specialist of the Future (PCSF 2021), Lecture Notes in Networks and Systems. Volume 345, Springer, pp. 105–112, 2022.
5. Шевченко А.И. Цифровизация как этап развития общества: философский взгляд // Общество: философия, история, культура. 2021. № 5. С. 40–44.
6. Гнатышина Е.В., Саламатов А.А. Цифровизация и формирование цифровой культуры. Социальные и образовательные аспекты // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 8. С. 19–24.
7. Касавина Н.А. Цифровизация как предмет междисциплинарных исследований. Эпистемология и философия науки 2019. Т. 56. № 4. С. 251–259.
8. Строков А.А. Цифровизация образования: проблемы и перспективы // Вестник Мининского университета. 2020. Том 8. № 2. С. 1–14.
9. Батырбаева Ш.Д. Историческая наука в эпоху цифровой трансформации: анализ состояния, вызовы и будущие направления // Россия: общество, политика, история. 2023. № 2(7). С. 22–37.
10. Прохорова М.П., Шкунова А.А., Булганина А.Е., Григорян К.М. Направления трансформации высшего образования в русле цифровизации // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 2(31). С. 299–302.
11. Восковская А.С., Карпова Т.А. Применение инновационных стратегий обучения в условиях цифровизации современного образования. // Наука и образование: новое время. 2019. № 1(30). С. 738–746.
12. Быковская Е. Н., Рыбина М.Н. Цифровизация как фактор повышения качества и конкурентоспособности университетского образования в России // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. Выпуск 6. С. 144–147.
13. Хаперская А.В., Минин М.Г. Методы оптимизации обучающего процесса в цифровой среде // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 12. С. 71–78.
14. Семикина Ю. Г., Семикин Д.В., Гуляева Е.В., Компанеева Л.Г. Использование дистанционных технологий обучения как фактор развития образовательных учреждений в эпоху экстремальных явлений //

Бизнес. Образование. Право. 2021. № 2(55). С. 445–449.

15. Стрелецкий Я.И., Опошнянский А.В. Дистанционное обучение в России: основные концепции // Общество: философия, история, культура. 2021. № 2. С. 34–40.
16. Корякин М.В., Валькова С.Л., Жилин Р.С. Использование дистанционных технологий в преподавании истории // Молодой ученый. 2020. № 44 (334). С. 328–330.
17. Буримский Н. А., Голованов Р.В. Применение цифровых технологий в изучении истории // Молодой ученый. 2024. № 9 (508). С. 305–307.
18. Маслова И.В. Digital history: новации в исследовательской культуре историка. Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2021. Т. 41. № 1. С. 37–42.
19. Адалова З. Д., Абдулвагабов М.М. Некоторые аспекты инновационных подходов к преподаванию истории в вузе // Актуальные исследования. 2021. № 48 (75). Ч. II. С. 42–44.
20. Философские и социокультурные проблемы развития города: монография / под общ. ред. С.Д. Мезенцева и Т.А. Молоковой. 2-е изд., доп. и испр. Москва: Издательство МИСИ – МГСУ, 2021. 256 с.
21. Клебанов Л.Р. Памятники истории и культуры: правовой статус и охрана: монография. 2-е изд., испр. Москва: «Норма», «ИНФРА-М», 2015. 160 с.
22. Покровская Е.Н., Ковальчук Ю.Л. Биокоррозия, сохранение памятников истории и архитектуры: монография. Москва: МГСУ, 2013. 212 с.
23. Черкасова Л.И. Гуманитарные и технические проблемы сохранения руинированных исторических зданий // Особенности интеграции гуманитарных и технических знаний. Сборник докладов Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва: НИУ МГСУ, 2018. С. 36–40.
24. Бальзанникова Е.М. Сохранение внешнего облика исторически ценных городских архитектурных объектов. Приволжский научный журнал. 2015. № 2. С. 141–148.
25. Россия – Моя история: <https://myhistorypark.ru/about/info/> (дата обращения 17.11.2024 г.)
26. Новоселова Е. Исторический парк «Россия – Моя история» посетили уже 25 миллионов человек // Российская газета. 05.11.2024. <https://rg.ru/2024/11/05/istoricheskij-park-rossiia-moia-istoriia-posetili-uzhe-25-millionov-chelovek.html?ysclid=m3d-89bq9l2879718312>

INFORMATION TECHNOLOGY IN HISTORICAL RESEARCH AND EDUCATION

Byzova O.M.

National research Moscow state University of civil engineering

One of the most important trends of our time is the use of information technologies, the influence of which permeates all spheres of society. The integration of technical and humanitarian knowledge is of great importance. The modern practice of historical education actively includes the use of computer technologies, electronic educational resources, distance learning, information portals and platforms, and communication tools.

The need to preserve the natural and historical-cultural heritage of the peoples of Russia has become a particularly urgent task for the state and society at the present time. In recent years, historical research has widely used computer tools for studying architectural monuments, such as 3D modeling and reconstruction technologies, augmented and virtual reality. Virtual recreation of a cultural heritage site becomes especially important when it is lost and restoration is impossible due to subsequent construction or high cost.

Interactive compositions became the basis for the creation of Historical Parks “Russia – My History” in 26 cities of the country. Historical reconstructions with the use of innovative technologies contribute to the popularization of history and architecture, solving the problems of studying, protecting and preserving the cultural heritage of Russia.

Keywords: information technology, humanitarian knowledge, technical knowledge, digitalization, computer modeling, historical reconstruction, cultural heritage, architectural monuments.

References

1. Innovative processes in higher and secondary vocational education and professional self-determination: collective monograph / Authors and compilers: Gevorkyan E.N., Podufalov N.D., Strikhanov M.N. Moscow: Publishing house “Econ-Inform”, 2023. 549 p.
2. Galinsky V.M., Soloviev P.L. Online pedagogy // Directions and mechanisms for improving teaching in higher education: International scientific and practical Internet conference, October 22–23, 2014 [Electronic resource]. <http://conference.bsu.by/mod/forum/discuss.php?d=301> (date of access: 17.11.2024).
3. Features of the integration of humanitarian and technical knowledge: Collection of reports of the All-Russian scientific conference with international participation (Moscow, September 27–28, 2018). Moscow: Publishing house MISI–MGSU, 2018. 386 p.
4. Bernyukevich T.V. (2022) The Technical and the Religious: Concepts and Contemporary Social Practices. D. Bylieva and A. Nordmann (Eds.): Technology, Innovation and Creativity in Digital Society. XXI Professional Culture of the Specialist of the Future (PCSF 2021), Lecture Notes in Networks and Systems. Volume 345, Springer, pp. 105–112, 2022.
5. Shevchenko A.I. Digitalization as a stage of development of society: a philosophical view // Society: philosophy, history, culture. 2021. No. 5. P. 40–44.
6. Gnatyshina E.V., Salamatov A.A. Digitalization and formation of digital culture. Social and educational aspects // Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University. 2017. No. 8. P. 19–24.
7. Kasavina N.A. Digitalization as a subject of interdisciplinary research. Epistemology and Philosophy of Science 2019. Vol. 56. No. 4. P. 251–259.
8. Stokov A.A. Digitalization of education: problems and prospects // Bulletin of Minin University. 2020. Vol. 8. No. 2. P. 1–14.
9. Batyrbaeva Sh.D. Historical science in the era of digital transformation: analysis of the state, challenges and future directions // Russia: society, politics, history. 2023. No. 2 (7). P. 22–37.
10. Prokhorova M.P., Shkunova A.A., Bulganina A.E., Grigoryan K.M. Directions of transformation of higher education in line with digitalization // Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology. 2020. Vol. 9. No. 2 (31). P. 299–302.
11. Voskovskaya A.S., Karpova T.A. Application of innovative teaching strategies in the context of digitalization of modern education. // Science and education: new time. 2019. No. 1 (30). P. 738–746.
12. Bykovskaya E. N., Rybina M.N. Digitalization as a factor in improving the quality and competitiveness of university education in Russia // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2020. Issue 6. P. 144–147.
13. Khaperskaya A.V., Minin M.G. Methods of optimizing the learning process in a digital environment // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2024. No. 12. P. 71–78.
14. Semikina Yu. G., Semikin D.V., Gulyaeva E.V., Kompaneeva L.G. Use of distance learning technologies as a factor in the development of educational institutions in the era of extreme phenomena // Business. Education. Law. 2021. No. 2 (55). P. 445–449.
15. Streletsky Ya.I., Oposhnyansky A.V. Distance learning in Russia: basic concepts // Society: philosophy, history, culture. 2021. No. 2. P. 34–40.
16. Koryakin M.V., Valkova S.L., Zhilin R.S. Use of distance technologies in teaching history // Young scientist. 2020. No. 44 (334). P. 328–330.
17. Burimsky N. A., Golovanov R.V. Application of digital technologies in the study of history // Young scientist. 2024. No. 9 (508). P. 305–307.

18. Maslova I.V. Digital history: innovations in the research culture of a historian. *News of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University*. 2021. Vol. 41. No. 1. P. 37–42.
19. Adalova Z. D., Abdulvagabov M.M. Some aspects of innovative approaches to teaching history at the university // *Current research*. 2021. No. 48 (75). Part II. P. 42–44.
20. Philosophical and socio-cultural problems of city development: monograph / edited by S.D. Mezentsev and T.A. Molokova. 2nd ed., suppl. and corrected. Moscow: Publishing house MISI-MGSU, 2021. 256 p.
21. Klebanov L.R. Historical and cultural monuments: legal status and protection: monograph. 2nd ed., corrected. Moscow: "Norma", "INFRA-M", 2015. 160 p.
22. Pokrovskaya E.N., Kovalchuk Yu.L. Biocorrosion, preservation of historical and architectural monuments: monograph. Moscow: MGSU, 2013. 212 p.
23. Cherkasova L.I. Humanitarian and technical problems of preserving ruined historical buildings // Features of the integration of humanitarian and technical knowledge. Collection of reports of the All-Russian scientific conference with international participation. Moscow: NRU MGSU, 2018. P. 36–40.
24. Balzannikova E.M. Preservation of the external appearance of historically valuable urban architectural objects. *Volga Region Scientific Journal*. 2015. No. 2. P. 141–148.
25. Russia – My History: <https://myhistorypark.ru/about/info/> (date of access 17.11.2024)
26. Novoselova E. Historical Park "Russia – My History" has already been visited by 25 million people // *Rossiyskaya Gazeta*. 05.11.2024. <https://rg.ru/2024/11/05/istoricheskij-park-rossiia-moia-istoriia-posetili-uzhe-25-millionov-chelovek.html?yclid=m3d89bq9l2879718312>

Сопоставительное изучение концептов «семья» в русском и китайском языках под углом зрения лингвокультурологии

Ван Вэньци,

магистр, Хэйлунцзянский университет

E-mail: 1297940622@qq.com

В статье проводится сопоставительный анализ концептов «семья» в русском языке и «家庭» в китайском языке с точки зрения лингвокультурологии. Исследование основывается на теоретических положениях концептуального анализа, предложенных С.Г. Карасиком, и включает три аспекта: понятийный, образный и ценностный. В работе рассматриваются этимология, семантические особенности, метафорические модели и культурные ассоциации, связанные с данными концептами. Анализ показывает, что несмотря на общие черты, такие как акцент на семейных связях, защите и воспитании детей, концепты «семья» и «家庭» имеют значительные различия, обусловленные историко-культурными, географическими и социальными факторами. В русском языке концепт «семья» ассоциируется с личными отношениями и взаимопомощью, в то время как в китайском языке он неразрывно связан с социальной иерархией, коллективной ответственностью и моральными нормами конфуцианской этики. Результаты исследования могут быть полезны для специалистов в области межкультурной коммуникации, переводоведения и преподавания иностранных языков.

Ключевые слова: концепт, семья, лингвокультурология, русский язык, китайский язык, межкультурная коммуникация.

Введение

Концепт является важным объектом исследования когнитивной лингвистики, психолингвистики и лингвокультурологии, поскольку он отражает особенности национального мировосприятия, ценностных систем и языковой картины мира. В основе любого концепта лежат ментальные представления, сформированные в процессе исторического и культурного развития народа. Концепт «семья» занимает центральное место в системе ключевых понятий русского и китайского языков, так как именно семья является основой социальной структуры, культурной преемственности и формирования личностных качеств. Однако способы выражения и осмысления данного концепта в этих языках имеют как универсальные, так и специфические черты, обусловленные историко-культурными факторами. Сопоставительный анализ концепта «семья» в русском и китайском языках позволяет глубже понять особенности национального самосознания, раскрыть различия в восприятии семейных ценностей и выявить влияние этих различий на межкультурное взаимодействие.

Теоретической основой исследования является концептуальный анализ, предложенный С.Г. Карасиком, который рассматривает концепт как многомерное образование, включающее три ключевых аспекта: понятийный, образный и ценностный.[1] В данном исследовании анализ концепта «семья» проводится с использованием этимологического, лексикографического и семантического методов, а также когнитивного и дискурсивного анализа. Такой подход позволяет изучить структуру концепта, выявить его основные характеристики и определить факторы, влияющие на формирование его значений в русском и китайском языках.

Целью исследования является выявление сходств и различий в концептуализации семьи в русской и китайской культурах, а также анализ языковых средств, используемых для выражения этого концепта. В рамках работы рассматриваются этимология и семантические особенности слов «семья» и «家庭», анализируются их образные представления, а также исследуются ценностные характеристики, определяющие позитивные и негативные аспекты семейного восприятия. Особое внимание уделяется изучению культурных и исторических предпосылок, которые привели к формированию различий в концептуализации семьи в русском и китайском языках.

Научная новизна работы заключается в проведении комплексного анализа концепта «семья» в двух языках с учетом когнитивных, семантических и социокультурных факторов. Исследование позволяет лучше понять специфику формирования семейных ценностей в разных обществах и раскрывает роль концепта «семья» в языковом сознании русскоязычного и китайскоязычного сообществ. Практическая значимость исследования заключается в его применении в преподавании русского и китайского языков как иностранных, в межкультурных коммуникационных исследованиях, а также в области переводоведения.

Теоретическая основа исследования

Концепт является центральным понятием в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии, так как отражает не только языковую репрезентацию объектов окружающего мира, но и особенности национального сознания, мировоззрения и ценностных установок. Термин «концепт» впервые был введен в научный оборот российским ученым С. А. Аскольдовым, который рассматривал его как «психический эквивалент слова» и подчеркивал его роль в процессе категоризации мира.[2] В дальнейшем изучение концептов приобрело междисциплинарный характер: исследователи когнитивной лингвистики (А. Вежбицкая[3], Д. С. Лихачев[4], И. А. Стернин[5], А. П. Бабушкин[6]) изучали концепты с точки зрения их связи с мышлением, а представители лингвокультурологии (Ю. С. Степанов[7], С. Г. Карасик[8], С. Г. Воркачев[9]) анализировали их в рамках социокультурного контекста, подчеркивая их роль в формировании языковой картины мира.

Анализ концептов в лингвокультурологии основан на предположении, что в языке закреплены знания, мировосприятие и ценности конкретного народа. С точки зрения методологии концептуальный анализ включает несколько подходов. Во-первых, этимологический анализ позволяет выявить исторические изменения значений концепта, его первоначальные смыслы и развитие в различных языковых эпохах. Во-вторых, лексикографический анализ рассматривает дефиниции концепта в различных словарях, что позволяет выявить специфику его толкования в научной и общезыковой традиции. В-третьих, семантический анализ изучает связь концепта с другими языковыми единицами, принадлежащими к его семантическому полю. В когнитивной лингвистике концепты анализируются также с позиций прототипической семантики, что позволяет выявить их структуру, включая ядро и периферию значений.

Особое место в исследованиях концептов занимает теория С. Г. Карасика[10], который рассматривает концепт как сложное многокомпонентное образование, включающее три ключевых аспекта: понятийный, образный и ценностный. Понятийный аспект (понятие) связан с рациональным содержанием концепта, его логической категоризацией и толкованием в словарях. Образный аспект (образ) отражает способы метафорического представления концепта, культурные ассоциации, связанные с ним, а также его символическую нагрузку в языке. Ценностный аспект (ценность) определяет положительное или отрицательное восприятие концепта в культуре, выявляя его роль в формировании национального сознания.

Применение теории Карасика к анализу концепта «семья» в русском и китайском языках позволяет выявить, какие значения являются базовыми для этого концепта в каждой культуре, какие метафорические модели преобладают, а также какие ценности связаны с семейными отношениями. В русском языке концепт «семья» ассоциируется с идеей тепла, уюта, защиты, но также включает представления о семейных обязанностях и возможных ограничениях личной свободы. В китайской культуре концепт «家庭» имеет более широкую связь с иерархией, моральными нормами, коллективной ответственностью, а также с национальной идентичностью, так как в китайской традиции семья является не только основой общества, но и частью философской системы конфуцианства.

Таким образом, концептуальный анализ концепта «семья» на основе теории Карасика позволяет не только изучить его языковые и культурные особенности, но и выявить глубинные различия в мировосприятии рус-

ской и китайской культур. Использование многомерно-го подхода, включающего этимологический, семантический, когнитивный и дискурсивный анализ, способствует более полному пониманию концепта и его роли в межкультурной коммуникации.

Анализ концепта «семья» в русском и китайском языках

Концепт «семья» является ключевым элементом национальной языковой картины мира, отражая не только лексико-семантические особенности языка, но и культурные ценности, социальные нормы и модели поведения. В русском языке концепт «семья» исторически связан с представлениями о коллективности, взаимопомощи и социальной ответственности. Его изучение с точки зрения этимологии, семантики, образных представлений и ценностного наполнения позволяет глубже понять особенности восприятия семейных отношений в русской культуре.

Этимологический анализ показывает, что слово «семья» происходит от древнерусского «с мя», связанного с понятием рода, династии, продолжения рода. В дальнейшем значение этого слова расширилось и стало включать не только кровных родственников, но и людей, объединенных общим хозяйством и образом жизни. Лексикографический анализ подтверждает, что в современном русском языке «семья» определяется как группа людей, связанных брачными или родственными узами, а также как социальная единица, имеющая общие традиции и моральные установки. В семантическом плане концепт «семья» тесно связан с такими понятиями, как «дом», «род», «фамилия». «Дом» акцентирует внимание на физическом пространстве проживания семьи, «род» подчеркивает родовую преемственность и принадлежность к определенной этнической или социальной группе, а «фамилия» фиксирует наследуемое имя как символ семейной идентичности.

Образные представления концепта «семья» в русском языке формируются на основе пространственных и социальных метафор. Семья часто ассоциируется с домом, крепостью, защитным пространством, что выражается в пословицах «Мой дом – моя крепость» или «В семье и стены помогают». В то же время семья воспринимается через призму отношений между членами семьи, где отец символизирует силу и опору, мать – заботу и тепло, а дети – продолжение рода и смысл жизни. Образ семьи также отражается в художественной литературе, где она представлена как источник эмоциональной поддержки, но иногда – и как среда, накладывающая определенные ограничения на личность.

Ценностные аспекты концепта «семья» в русском языке демонстрируют двойственность восприятия этого феномена. С одной стороны, семья рассматривается как высшая социальная ценность, обеспечивающая стабильность, воспитание детей и сохранение традиций. В русской культуре важную роль играет идея сплоченности семьи, взаимопомощи и уважения к старшим, что проявляется в пословицах: «Семья сильна, когда над ней крыша одна» и «На что клад, коли в семье лад». С другой стороны, семья в русской традиции может восприниматься как ограничивающий фактор, особенно в отношении личной свободы и самореализации. В литературе нередко встречаются мотивы конфликта между долгом перед семьей и стремлением к индивидуальному развитию.

Концепт «家庭» в китайском языке также занимает центральное место в языковой картине мира, но его се-

мантические и ценностные характеристики имеют свои особенности. Согласно «说文解字», иероглиф «家» изначально обозначал место жительства, символизируемое крышей (宀), под которой находится домашний скот (豕). Со временем его значение расширилось и стало включать не только жилище, но и семейные отношения, родственные связи и социальные нормы. В современных китайских словарях «家庭» определяется как группа людей, связанных кровными узами или браком, а также как базовая социальная единица общества. В семантическом плане концепт «家庭» связан с такими понятиями, как «家族» (род), «家风» (семейные традиции) и «家规» (семейные правила), что подчеркивает строгую структуру китайской семьи и важность моральных норм.

Образные представления китайской семьи во многом строятся на метафоре защищенного пространства. Дом часто сравнивается с гаванью, крепостью или оазисом, что символизирует безопасность, стабильность и неизменность. Кроме того, семья ассоциируется с родословной, деревом, корнями, что отражает традиционное китайское представление о преемственности поколений. Большое значение придается семейной иерархии, где отец выполняет роль главы семьи, мать отвечает за домашний уют, а дети обязаны соблюдать строгую дисциплину. В китайской культуре семья – это не только личное пространство, но и социальный институт, регулируемый нормами конфуцианства.

Ценностные характеристики концепта «家庭» демонстрируют его неразрывную связь с моральными и государственными установками. Положительные аспекты включают уважение к старшим, преданность семье, принцип «家和万事兴» (гармония в семье – залог успеха во всем). Кроме того, китайская семья традиционно рассматривается как основа национальной идентичности, и идея «家国同构» (тождество семьи и государства) подчеркивает, что семейные ценности переносятся на уровень государственной идеологии. Однако существуют и негативные стороны: строгая патриархальная структура ограничивает личную свободу, особенно для женщин, а традиция следования семейным правилам может подавлять индивидуальность.

Сопоставительный анализ концептов «семья» и «家庭» показывает, что оба они являются центральными элементами культурных систем России и Китая, но их интерпретация различается. В русском языке концепт «семья» связан с личными отношениями, теплотой и взаимопомощью, но также включает идеи ограничения свободы. В китайском языке концепт «家庭» более формализован и включает строгую иерархию, моральные обязанности и патриархальные традиции. Эти различия обусловлены историко-культурными факторами, включая влияние религиозных и философских систем, социальных структур и моделей поведения.

Таким образом, изучение концепта «семья» в русском и китайском языках позволяет глубже понять различия в восприятии семейных ценностей и их роль в обществе. Данный анализ демонстрирует, что концепты, относящиеся к базовым категориям человеческого опыта, могут существенно отличаться в разных культурах, отражая специфику национального сознания и языковой картины мира.

Сопоставительный анализ концептов «семья» и «家庭»

Концепты «семья» в русском языке и «家庭» в китайском языке занимают центральное место в системе национальных ценностей, отражая не только семейные отношения,

но и особенности мировоззрения, культурные традиции и социальные установки двух народов. Несмотря на значительные различия в культурно-историческом развитии России и Китая, в восприятии семьи можно выделить ряд общих черт. В обоих языках концепт семьи основан на идее единства родственников, поддержания прочных социальных связей и обеспечения безопасности. Как в русском, так и в китайском языке семья воспринимается как ключевая социальная структура, гарантирующая стабильность общества и передающая ценности из поколения в поколение.

В образной системе концептов «семья» и «家庭» встречаются схожие метафоры, связанные с безопасностью, домом и защитой. В русском языке семья часто сравнивается с крепостью («Мой дом – моя крепость»), а в китайском – с гаванью или оазисом («家是温柔的港湾» – «дом – это тихая гавань»). Оба концепта подчеркивают важность семьи как места, где человек находит поддержку, отдых и психологическую защиту. Кроме того, в обеих культурах семья тесно связана с воспитанием детей, их образованием и передачей нравственных принципов. Русские и китайские традиции подчеркивают значимость уважения к старшим, почитания родителей и поддержания семейного согласия.

Несмотря на эти общие черты, концепты «семья» и «家庭» имеют значительные различия, связанные с особенностями языковой системы, исторического развития и культурного фона. В русском языке слово «семья» имеет достаточно узкое значение и употребляется преимущественно в контексте родственных связей. В китайском же языке «家庭» может иметь более широкое значение, включая не только родственные отношения, но и общественные, экономические и даже политические аспекты, что проявляется в выражениях, таких как «家国同构» (тождество семьи и государства).

Важное различие заключается в ценностных ориентациях. В русском языке концепт «семья» включает в себя как позитивные, так и негативные аспекты: с одной стороны, семья рассматривается как источник поддержки и любви, но с другой – как фактор, ограничивающий личную свободу. В китайской культуре семья воспринимается как неотъемлемая часть социальной иерархии, в которой коллективные интересы ставятся выше индивидуальных. Российская традиция допускает более свободные семейные отношения, ориентированные на личностное развитие, тогда как китайская модель требует строгого соблюдения семейных норм, основанных на конфуцианской этике.

Различия в концептах «семья» и «家庭» обусловлены историко-культурными факторами, включая особенности национальной истории, географические условия, политическую систему и философские взгляды. В истории обоих народов войны и социальные потрясения способствовали формированию представлений о семье как о фундаменте стабильности. Однако в России многовековое развитие патриархальных родовых структур постепенно сменилось моделью нуклеарной семьи, в то время как в Китае семейные традиции сохранили свою жесткую иерархию. Географические условия также сыграли свою роль: в условиях российского климата, особенно в северных и восточных регионах, семья воспринималась как необходимость для выживания. В Китае, с его традиционной аграрной культурой, семейные отношения строились на принципах коллективного труда и разделения ответственности.

Политические и идеологические различия также повлияли на формирование концептов. В России влияние православной христианской традиции привело к тому, что семья стала восприниматься как личное простран-

ство, регулируемое в большей степени моральными, а не юридическими нормами. В Китае, где семейные отношения на протяжении веков формировались под воздействием конфуцианства, семья является не только социальным, но и политическим институтом, в котором действует строгая система иерархии и ответственности.

В целом, сопоставительный анализ концептов «семья» и «家庭» показывает, что, несмотря на сходство в базовых представлениях, их интерпретация в русском и китайском языках имеет существенные различия. Эти различия обусловлены культурно-историческим развитием, географическими условиями и идеологическими традициями. Изучение данных концептов с точки зрения лингвокультурологии позволяет глубже понять национальную специфику восприятия семейных ценностей и выявить механизмы их языковой репрезентации.

Заключение

В результате проведенного исследования было установлено, что концепты «семья» в русском языке и «家庭» в китайском языке обладают как сходными, так и отличительными чертами. Оба концепта отражают важность семейных связей, поддержку внутри семьи и значимость воспитания детей, однако их интерпретация различается в зависимости от культурного контекста. В русском языке семья ассоциируется с личными взаимоотношениями и эмоциональной поддержкой, в то время как в китайской традиции она имеет более структурированный и иерархический характер, связанный с конфуцианскими нормами. Различия в восприятии семьи обусловлены историческими, географическими, политическими и идеологическими факторами, которые сформировали уникальные модели семейных ценностей в России и Китае.

Результаты исследования подтверждают, что изучение концептов с позиций лингвокультурологии способствует лучшему пониманию национального сознания и мировоззрения носителей языка. Сопоставительный анализ концептов «семья» и «家庭» имеет прикладное значение не только для теоретической лингвистики, но и для межкультурной коммуникации, перевода и преподавания иностранных языков. Понимание различий в концептуализации семьи помогает минимизировать культурные барьеры, а также улучшить восприятие и интерпретацию текстов, содержащих элементы национальной идентичности.

Перспективы дальнейшего исследования включают расширение анализа за счет изучения эволюции семейных ценностей в разные исторические периоды, а также в различных социальных слоях общества. Интересным направлением является рассмотрение влияния глобализации на трансформацию семейных моделей в России и Китае, а также анализ того, как современные экономические, технологические и социальные изменения влияют на традиционные представления о семье. Дальнейшее развитие данной темы может способствовать не только углублению знаний в области лингвокультурологии, но и созданию новых методик преподавания межкультурной коммуникации и перевода.

Литература

1. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
2. Джамалетдин Р., Сирота Е.В. Аспекты современной лингвистики и межкультурной коммуникации // Славянская культура: истоки, традиции, взаимо-

действие: XXIII Кирилло-Мефодиевские чтения. – 2022. – С. 383–385.

3. Вежбицкая А. «Культурно-обусловленные сценарии»: новый подход к изучению межкультурной коммуникации // Жанры речи. – 1999. – № 2. – С. 112–132.
4. Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 3–6.
5. Попова З. Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 1999. – 30 с.
6. Бабушкин А.П. Типы языковых знаков в семиотическом аспекте // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 2. – С. 5–13.
7. Степанов Ю.С. Концепты // Тонкая пленка цивилизации. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2002. – 477 с.
9. Воркачев С.Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2011. – Т. 70, № 5. – С. 64–74.
10. Карасик В. И., Красавский Н.А., Слышкин Г.Г. Лингвокультурная концептология: учебное пособие к спецкурсу. – Волгоград: Парадигма, 2009. – 116 с.

COMPARATIVE STUDY OF THE CONCEPTS OF «FAMILY» IN THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES FROM THE PERSPECTIVE OF LINGUOCULTUROLOGY

Wang Wenqi

Heilongjiang University

This article presents a comparative analysis of the concepts of “family” in the Russian language and “家庭” in the Chinese language from the perspective of linguoculturology. The study is based on the theoretical framework of conceptual analysis proposed by S.G. Karasik and examines three key aspects: notional, figurative, and axiological. The research explores the etymology, semantic features, metaphorical models, and cultural associations related to these concepts. The analysis reveals that, despite common characteristics such as an emphasis on family ties, protection, and child-rearing, the concepts of “family” and “家庭” exhibit significant differences due to historical, cultural, geographical, and social factors. In the Russian language, the concept of “family” is primarily associated with personal relationships and mutual support, whereas in the Chinese language, it is inextricably linked to social hierarchy, collective responsibility, and the moral principles of Confucian ethics. The findings of this study may be of interest to specialists in intercultural communication, translation studies, and foreign language teaching.

Keywords: concept, family, linguoculturology, Russian language, Chinese language, intercultural communication.

References

1. Krasavsky N.A. Emotional Concepts in German and Russian Linguocultures: Monograph. – Volgograd: Peremena, 2001. – 495 p.
2. Dzhamaletdin R., Sirota E.V. Aspects of Modern Linguistics and Intercultural Communication // Slavic Culture: Origins, Traditions, Interaction: XXIII Cyril and Methodius Readings. – 2022. – P. 383–385.
3. Wierzbicka A. “Culturally Conditioned Scenarios”: A New Approach to the Study of Intercultural Communication // Speech Genres. – 1999. – No. 2. – P. 112–132.
4. Likhachev D.S. On the National Character of Russians // Issues of Philosophy. – 1990. – No. 4. – P. 3–6.

5. Popova Z. D., Sternin I.A. The Concept of "Concept" in Linguistic Research. – Voronezh: Voronezh State University, 1999. – 30 p.
6. Babushkin A.P. Types of Linguistic Signs in the Semiotic Aspect // Issues of Cognitive Linguistics. – 2005. – No. 2. – P. 5–13.
7. Stepanov Y.S. Concepts // The Thin Film of Civilization. – Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2007. – 248 p.
8. Karasik V.I. Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse. – Volgograd: Scientific Publishing House VGSPU "Peremena", 2002. – 477 p.
9. Vorkachev S.G. Russian Linguocultural Conceptology: Current State, Problems, Development Vector // Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Series of Literature and Language. – 2011. – Vol. 70, No. 5. – P. 64–74.
10. Karasik V. I., Krasavsky N.A., Slyshkin G.G. Linguocultural Conceptology: A Textbook for a Special Course. – Volgograd: Paradigma, 2009. – 116 p.

Звуковой мир в автобиографической работе К.Г. Паустовского «Повесть о жизни»

Ван Сяотин,

аспирант, Пекинский университет иностранных языков
E-mail: wxt97@foxmail.com

Исследование посвящено анализу звукового мира в автобиографической работе К.Г. Паустовского «Повесть о жизни». Цель работы – выявить функции звуковых образов в произведении, их влияние на восприятие текста и роль в создании художественного пространства. Методологическая основа исследования включает литературный анализ, структурно-семантический и сравнительный методы, позволяющие рассмотреть звуковые мотивы с разных сторон. Результаты исследования показывают, что звук в «Повести о жизни» выполняет несколько ключевых функций: отражает внутренний мир персонажей, передает исторический контекст, служит средством художественного самовыражения и усиливает выразительность природных описаний. В отличие от традиционных подходов к изучению прозы Паустовского, в данной работе акцентируется внимание на звуке как самостоятельном элементе повествования, что составляет научную новизну исследования.

Ключевые слова: К.Г. Паустовский, «Повесть о жизни», звуковой мир, художественная выразительность, литературный анализ.

Введение

Творчество К.Г. Паустовского занимает особое место в русской литературе XX века, отличаясь глубокой лиричностью, поэтичностью и богатым художественным восприятием окружающего мира. В его автобиографической работе «Повесть о жизни» важную роль играет звуковой мир, который выступает не только как средство художественной выразительности, но и как ключ к пониманию внутреннего мира автора и изображаемой эпохи. Паустовский тонко передает акустические впечатления, используя звук как средство эмоциональной передачи, исторической хроники и литературного самовыражения.

Исследования творчества Паустовского активно ведутся как в отечественном, так и в зарубежном литературоведении. Однако большинство работ сосредоточено на его пейзажной лирике, автобиографичности и символике природы, тогда как роль звука в его произведении изучена недостаточно. Между тем, звуковая палитра «Повести о жизни» представляет собой не просто фон, а важную часть повествовательной структуры, влияющую на восприятие текста. Это определяет актуальность исследования.

Цель данной работы – выявить и проанализировать звуковой мир в «Повести о жизни» Паустовского, его функции и значение в создании образной системы произведения. Для достижения этой цели в статье рассматриваются различные аспекты звуковых образов: их связь с внутренним миром героя, отражение исторической эпохи, влияние музыки и поэзии на формирование художественного сознания персонажей, а также роль звуков природы в структуре повествования. Исследование позволяет глубже понять звуковой мир Паустовского, его литературную функцию и художественное влияние, а также расширить представление о звуке как важнейшем инструменте повествовательного искусства писателя.

Звук как отражение внутреннего мира персонажа

«Краска рождает запах, свет – краску, а звук восстанавливает ряд удивительно точных картин» [1] – так чувствовал К.Г. Паустовский при чтении произведений И.А. Бунина. Но Паустовский и сам был мастером описания краски, запаха, света и звука. Особенно звук он чутко воспринимал. В его автобиографической работе «Повесть о жизни» присутствует огромное количество звуковых деталей и описаний звука, которые составляют яркий, живой и привлекательный звуковой мир.

Человеческое восприятие звуков во многом зависит от его внутреннего состояния, эмоционального фона и жизненного опыта. В «Повести о жизни» звук играет важную роль не только как средство передачи настроения героя, но и как инструмент, раскрывающий его внутренний мир и отношение к окружающей действительности. Шум, тишина, мелодии или даже случайные звуки могут передавать радость, тревогу, одиночество или гармонию, становясь своеобразным отражением переживаний персонажа. Автор мастерски использует звук для создания атмосферы, подчеркивая эмоциональные

состояния и внутреннюю динамику героев. Звуковая палитра произведения становится не просто фоном, а важным выразительным средством, усиливающим художественное воздействие текста.

В главе «Небывалая осень» второй книги, будучи младшим сыном в семье и студентом, главный герой „я“ не был призван на военную службу, как большинство молодых людей того времени. Его первым шагом в социальную жизнь стала работа на московском трамвае. Состояние главного героя, только что узнавшего эту хорошую новость, Паустовский описал так: «Мне не сиделось дома, и я пошёл в трактир на Кудринской улице» [2]. С возбуждением он сначала обратил внимание на громкую музыку: «Развязно, позванивая литаврами и бубенцами, гремел механический орган – трактирная «машина»: Вот мчится тройка удалая / По Волге-матушке зимой ...» [2]. Но когда он осознал, что некому писать и не с кем поделиться радостью, огромное одиночество его охватило. И только тогда он уловил звук пустых стаканов: «Ямщик умолк, и кнут ременный / Повис в опущенной руке, – гремела «машина», и в ответ ей звенели пустые стаканы» [2]. Громкая музыка отражает несдержанную радость героя, тогда как звук пустых стаканов символизирует его одиночество и внутреннюю пустоту. Эти звуки передают сложные эмоции его души. Примечательно, что мелодия механического органа основана на русской народной песне «Вот мчится тройка почтовая», хотя ее текст немного отличается от оригинала. Как печальная мелодия самой песни, так и слова песни о скитальчестве, одиночестве почтового грузовика добавляют грусть главного героя.

Описывая впечатления главного героя от других, Паустовский часто начинал со звуковых деталей, которые нередко обладают эмоционально-оценочной окраской. В главе «Кафе журналистов» третьей книги писатель изображал голос и манеру речи журналиста с крашеной бородой: «Он шипел, как змея, и обливал всё и всех без исключения бешеным ядом» [2]. В русской культуре змея считается символом зла, так что „шипеть“, как змея“ носит очевидную отрицательно-оценочную окраску, перекликается здесь со словами „ядовитый“ „яд“ в контексте и отражает отвращение главного героя к этому журналисту. А в главе «Глицериновое мыло» четвертой книги отношение героя к одесскому поэту Э.Г. Багрицкому совершенно по-другому. Паустовский устроил так, чтобы герой услышал голос Багрицкого, прежде чем его увидит. Таким образом, голос – это „моё“ первое впечатление об этом поэте: «и вдруг в дворницкой раздалась тоненькая, как колокольчик, но вместе с тем громогласно звонкая трель какой-то безусловно трогательной птицы» [2]. Далее писатель ещё добавил: «Я слышал, как в крошечном и горячем горле этой птицы пересыпался поющий бисер» [2]. Птица символизирует свободу и надежду, и сравнение голоса Багрицкого с прекрасным пением подчеркивает не только его выдающийся талант, но и восхищение им рассказчика. Это восхищение особенно заметно в главе «Птицелов» шестой книги: «Чужие стихи как бы расцветали в руках у Багрицкого... И, может быть, к нему больше подходило слово „певец“, чем „поэт“» [2]. Паустовский, посвятивший Багрицкому биографический очерк, также отмечал художественную силу его голоса, утверждая, что в его чтении даже знакомые стихи наполнялись новой, певучей мелодией. Таким образом, голос поэта не просто передавал смысл произведений, но и наделял их особыми интонациями, усиливая их эмоциональное воздействие. Ни до Багрицкого, ни после него я не слышал такого чтения».[1] Отсюда видно, что и главный герой „я“ в «Повести о жизни», и сам Паустовский высоко оценили талант Багрицкого

к чтению стихов. Автобиографический герой максимально приближен к писателю. Голос поэта в определённой степени углублял восприятие стихотворения героем и писателем, а также оказывал важное влияние на их литературные эстетические.

Звук как информация с колоритом истории и эпохи

«Повесть о жизни» показывает жизненный путь главного героя с раннего детства до начала 1930-х годов, охватывая такие важные исторические события, как Первая мировая война, Февральская революция, Октябрьская революция, Гражданская война и др. По мнению многих писателей, в эти особые периоды «мир теряет привычные очертания и погружается в состояние хаоса» [3]. Слух человека обычно более острый, чем в мирное время, поскольку во многих случаях ему приходится получать информацию и узнавать о ситуации по звукам. Некоторые звуки приобретают особое значение, которое сильно отличается от понимания этих звуков в мирное время.

Например, в главе «„Гетман наш босяцкий“» рассказывается о жизни киевлян во время осады Киева петлюровцами в конце 1910-х годов. В то время весь город уже привык «к канонаде, как к устойчивому распорядку суток» [2]. Беспокойство и тревогу вызывал не канонада, а тишина, так как «тишина предвещала неожиданности, а это было опасно. Но вскоре тихий гром снова начал опоясывать город, и все успокоивались» [2]. В особое время канонада даже стала сигналом безопасности и правильной жизни. Такую „правилу“ жизни трудно было бы представить людям мирного времени.

В главе «Блокада» тоже присутствуют звуки, которые имеют особое значение в определенное время. В начале 1920-х годов Одесса пережила длительную блокаду. В тот период главный герой часто слушал ночь. Если вокруг него была гудящая тишина или далекий звук пушечного выстрела, это означало, что город все еще находится в блокаде. В этом случае всякая тишина и перебаты пушечного гула стали сигналом блокады.

Звук как форма художественного выражения

Музыка – искусство звуков. В «Повести о жизни» Паустовский создал множество образов музыкантов и любителей музыки, нередко изображал звуки голосов и музыкальных инструментов, пытаясь показать, какое впечатление музыка произвела на главного героя и какое влияние музыка оказала на „мой“ душевный мир.

Как Паустовский сам сказал, что семья была «склонная к занятиям искусством. В семье много пели, играли на рояле, спорили, благоговейно любили театр» [2]. Главный герой „я“ вырос в семье, где члены семьи погружены в сферу искусства, и получил хорошее музыкальное воспитание. Дедушка героя часто «напевал дребезжащим тенорком казачьи думки и чумацкие песни» [2]. Хотя в то время „я“, возможно, не смог полностью понять содержание песен, но смог чувствовать смену настроений в них и ассоциировать их с определёнными образами: «Они казались мне то плачем невольников, закованных в турецкие цепи – кайданы, то широким походным напевом под топот лошадиных копыт» [2]. Это показывает, что у главного героя тонкое музыкальное чутьё.

Изображая образ учителя немецкого языка шестого класса, Паустовский придал ему другую личность: знатока и любителя музыки, который почти стал композитором. Писатель также описал два совершенно разных душевных состояния этого учителя после того, как он потерял/нашёл рукопись своей оперы, что подчеркнута

ет его отношение к музыке, как к своей жизни. Такое отношение несомненно оказывает влияние на главного героя в большей или меньшей степени. Когда исполнялись отрывки из оперы учителя, музыка вызвала у героя ощущение счастья: «Это была действительно музыка о счастье, о страданиях любящих, равных мучениям Тристана и Изольды» [2]. Можно обнаружить, что в это время герой может не только понять, почему учитель считает свою оперу как счастливую музыку, но и уметь соотносить и сравнивать разные музыкальные произведения – оперу учителя и оперу Рихарда Вагнера (Тристан и Изольда являются легендарными персонажами средневековых рыцарских романов, на основе которых Вагнер написал одноименную оперу «Тристан и Изольда»). Это говорит о том, что герой обладает более глубоким пониманием музыки. Несмотря на это, он всё-таки чувствует, что не может «передать певучесть этой музыки, её струнную силу» [2], что ещё больше подчеркивает красоту этой оперы.

Можно сказать, что благодаря музыке не только обострились чувства главного героя, но и постепенно формировалась его художественная личность. Он всю жизнь видел и воспринимал окружающую жизнь как художник. Например, слушая звук летнего дождя в Киеве, герой сначала описал его так: «Стеклянные капли, слетая с туч, будто били по клавишам» [2]. Потом из детской простоты и вневозрастного музыкального восприятия он воскликнул: «Мне казалось подлинным чудом, что так может петь обыкновенная вода, льющаяся с крыши в зеленую кадку» [2].

Помимо музыки, театральное представление также тесно связано со звуками. От голоса и умения эмоционально произносить реплики актера зависит выразительность спектакля. Например, в главе «Великий трагик Кин» главный герой был настолько поражен голосом актера Орленева, что даже упал в обморок от волнения: «Я видел в Киеве хороших актеров, но сейчас невысокий человек с печальным и резким лицом совершал на сцене великое чудо. Каждый звук его голоса раскрывал большую и прекрасную душу великого Кина» [2]. В возгласе Орленева «прорвалась вся безысходная тоска по милосердию ... Весь зал сотрясся от аплодисментов» [2]. Слово „но“ указывает на то, что внешность Орленева не соответствовала стандарту хорошего актера в представлении героя, но эмоциональные звуки его голоса компенсировали недостатки внешности, что не только вызвал гром аплодисментов всего зала, но и получил неожиданный позитивный отзыв героя («... совершал на сцене великое чудо» [2]), обладающего вневозрастным художественным вкусом. Отсюда видно, насколько увлекательным был голос Орленева. С помощью тонкого описания Паустовского читатели получают звуковые ощущения при чтении текста.

Кроме того, звук ещё представляет собой форму выражения литературы. Например, в «Повести о жизни» цитаты из стихотворений обычно декламируют персонажи, что не только значительно усиливает воздействующую силу этих цитат, но и углубляет „моё“ познание поэзии.

В главе «Розовые олеандры» герой с тетей Надей поехали в гости в имение Лизы. Когда они проехали через бывшее имение Раевских, где Пушкин подолгу гостил и написал чудные стихи, герой услышал, как Лиза пела стихотворение Пушкина «Адели». Хотя в детском возрасте он не мог полностью понять содержание, но певучая сила этих стихов осталась в его памяти.

Можно сказать, что звук открывает для „меня“ мир поэзии, а поэзия помогает „мне“ сформировать собственный стиль творчества. Недаром в последней главе

А.М. Горький заметил, «Да вы кто – прозаик или поэт? Пожалуй, поэт» [2].

Звук как составляющая часть картины природы

Поэтическая и духовная природа – типичный элемент в творчестве Паустовского. Под его пером создана картина природы как самостоятельный эстетический объект, жизненная сила которой «уже вышла за пределы фоновой роли, выполненной в литературных произведениях» [4]. Изображая картину природы, Паустовский, обладающий хорошим писательским слухом, конечно, не оставлял без внимания звуки природы. Шум ветра, дождя, волн и другие звуки природы, как неотъемлемая часть природной картины, являются ярким отражением ее жизненной силы. Кроме того, Паустовский иногда добавлял к этой картине звуки голоса человека, транспорта и даже звуки, которые могут быть фантомными, чтобы показать как духовную силу, которую природа дарит человеку, так и гармоничные и взаимозависимые отношения между человеческим обществом и природой.

Например, в главе «Весёлый попутчик» главный герой «иногда, лёжа на заросшем береговом откосе какого-нибудь озера или реки, прислушивался к земле. Её принято было считать немой, но сквозь эту немому доносилось тончайшее журчание – неясный намёк на длинный, как золотая канитель, и неясный звон. Это где-то глубоко под землей сочилась, пробиваясь к озеру, грунтовая вода. В такие минуты я был счастлив» [2]. Мы не можем утверждать, что главный герой действительно слышал этот неясный звон. Но важно не это, а то, что писатель хотел сказать читателям. Человек – частица природы. Природа – неиссякаемый источник позитивных эмоций и духовного обогащения для человека. Именно в этом заключается цель и философско-эстетическая концепция Паустовского.

По мнению Е.В. Летохо, основой художественного мира Паустовского является «философско-эстетическая триада природа – человек – творчество» [5], т.е. природа – основа бытия, человек – ученик природы, а творчество – феномен личностный и природный. В «Повести о жизни» природа не только служит источником гармонии внутреннего мира для главного героя, но и его учитель на пути творчества, постоянно углубляющий его понимание поэзии и литературы. Например, в главе «Весёлый попутчик» необычная погода и природные звуки в Батуми способствуют проникновению поэзии в сердце героя. Заученные наизусть стихи уже выходят за пределы своего смысла, и выражают чувства героя, порождая дополнительное значение: «Стихи теряли свою словесную сущность и становились такими же явлениями жизни, как дождь, человеческие голоса, крики измученных ночными дождями ишаков, как рождение и смерть. Все эти *стихотворные* ночи сопровождал неумолчный гомон дождя, а изредка и шум морских волн, проникавших в порт» [1]. Здесь именно звуки природы сопровождают героя читать стихи, заставляя его осознать, что поэзия имеет бесконечное пространство для интерпретации, она может потерять словесную сущность и существовать только как явления жизни, порождаясь новые значения в разных ситуациях. В определенной степени это тоже то, которое почерпнул Паустовский у природы и применил к собственному творчеству. Так что в «Повести о жизни» цитируется большое количество стихов разных поэтов в разных временах. Эти стихи не всегда соответствуют контексту по содержанию и смыслу, а по форме, музыкальности, тону и др. Они выходят из рамки оригинала и становятся неотъемлемой частью произведения Паустовского.

В общем, в «Повести о жизни» Паустовский тонко изображал море звуковых деталей, которые могут передать чувства персонажей, показать картину истории и эпохи, усилить выразительную силу искусства, а также изобразить состояние гармонии и взаимозависимости человека и природы. Именно эти детали составляют звуковой мир, отличающийся разнообразием, колоритом эпохи и мощной жизненной силой. Данный звуковой мир основан на философской эстетике писателя «природа – человек – творчество», служит его творческой концепции «идеализации реальности и актуализации идеальности» [4], открывая читателям удивительный, насыщенный, привлекательный звуковой мир.

Литература

1. Паустовский К.Г. Золотая роза. –СПб.: Азбука. 2022.
2. Паустовский К.Г. Повесть о жизни. –СПб.: Азбука. 2023.
3. Колядич Т.М. Воспоминания писателей: Проблемы поэтики жанра. –М.: Мегатрон. 1998.
4. Дун Сяо. Приближение к «Золотой розе»: теория композиции Балыстовского. Нанкин: Издательство Нанкинского университета. Нанкин: Издательство Нанкинского университета. 2006.
5. Летохо Е.В. Художественный мир малой прозы К.Г. Паустовского 1940–1960-х годов. Дис. канд. наук. 2010. С. 7.

THE SOUNDSCAPE IN K.G. PAUSTOVSKY'S AUTOBIOGRAPHICAL WORK THE STORY OF A LIFE

Wang Xiaoting

Beijing Foreign Studies University

This study is dedicated to the analysis of the soundscape in K.G. Paustovsky's autobiographical work *The Story of a Life*. The aim of the research is to identify the functions of sound imagery in the text, its influence on the reader's perception, and its role in shaping the artistic space of the narrative. The methodological framework includes literary analysis, structural-semantic, and comparative methods, allowing for a multifaceted examination of sound motifs. The results demonstrate that sound in *The Story of a Life* performs several key functions: it reflects the inner world of the characters, conveys the historical context, serves as a means of artistic self-expression, and enhances the expressiveness of natural descriptions. Unlike traditional approaches to studying Paustovsky's prose, this research highlights sound as an independent narrative element, contributing to the study's scientific novelty.

Keywords: K.G. Paustovsky, *The Story of Life*, Soundscape, Artistic Expressiveness, Literary Analysis.

References

1. Paustovsky K.G. *The Golden Rose*. –SPb.: Azbuka. 2022.
2. Paustovsky K.G. *A Story about Life*. –SPb.: Azbuka. 2023.
3. Kolyadich T.M. *Memories of Writers: Problems of the Poetics of the Genre*. –M.: Megatron. 1998.
4. Dong Xiao. *Approaching the "Golden Rose": Balystovsky's Theory of Composition*. Nanjing: Nanjing University Press. Nanjing: Nanjing University Press. 2006.
5. Letokho E.V. *The Artistic World of K.G. Paustovsky's Short Prose of the 1940–1960s*. Diss. Cand. Sciences. 2010. P. 7.

Организационная культура компании в системе стратегического управления: теоретический аспект

Ван Чжао,

аспирант Российского университета дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
E-mail: 1042248255@pfur.ru

В данной рассматриваются теоретические аспекты организационной культуры в контексте стратегического управления компанией. Основное внимание уделяется взаимосвязи между организационной культурой и стратегическим управлением, а также тому, как культура компании может способствовать достижению стратегических целей.

На основе анализа содержания, контекста, методов и влияния исследований были сделаны прогнозы о будущем развитии исследований корпоративной культуры в Китае. В исследовании подчеркиваются ключевые направления, такие как построение китайской управленческой теории, практическое внедрение корпоративной культуры, интеграция корпоративной культуры и идеологической работы, развитие корпоративной культуры в цифровом контексте.

Особое внимание уделено новым структурным элементам организационной культуры компании, которые возникли в процессе цифровизации бизнес-процессов, интернационализации компаний и усиления глобализационных процессов.

Ключевые слова: теории стратегического управления, организационная культура, управление организационной культурой, управление персоналом, мотивация.

Введение

Управление человеческими ресурсами в рамках реализации стратегии корпоративной культуры является важным фундаментом устойчивого развития компании. В условиях обостряющейся конкуренции на рынке компаниям необходимо уделять больше внимания формированию и наследованию корпоративной культуры, а также усилению инноваций и развития в управлении человеческими ресурсами. Только таким образом компания сможет оставаться конкурентоспособной на рынке и достигать устойчивого развития.

Корпоративная культура, как душа компании, оказывает глубокое влияние на мышление и поведение сотрудников. Во всех этапах управления человеческими ресурсами, таких как найм, обучение, стимулирование. Большое внимание уделяется внедрению элементов корпоративной культуры, чтобы сотрудники действительно понимали и придерживались ценностей и поведенческих норм компании.

Таким образом, **целью написания статьи** является научное обоснование развития теорий организационной культуры компании в системе стратегического управления.

Методология исследования включает сбор и систематизацию данных китайской и зарубежной академической литературы по ключевым словам («организационная культура», «управление организационной культурой», «стратегическое управление»). Исследование отталкивается от базовых классических теорий управления персоналом, охватывая сектор стратегического управления в контексте изучения взглядов современных ученых и исследователей. Это позволило выделить закономерные тенденции развития данного научного направления.

Обзор научной литературы

Наиболее известным в процессе развития теории стратегического управления является профессор Гарвардской школы бизнеса Майкл Портер, основатель школы позиционирования. Ян Чэн в своей статье «Краткий анализ теории стратегического управления Майкла Портера» утверждает, что теория стратегического управления Майкла Портера представляет собой взаимосвязанную систему, включая такие концепции, как цепочка создания стоимости, модель пяти сил, три конкурентные стратегии и алмазная модель, которые внесли значительный вклад в управление компаниями. Однако со временем и развитием теории управления стали проявляться недостатки и ограничения теории Портера¹.

Ян Чэн отмечает, что инновации в бизнес-моделях и форматах стали ядром современной корпоративной стратегии; противоречие между лидерством по издержкам и дифференциацией, заложенное в теории Портера, может быть преодолено путем объединения этих элементов в предложении продукта потребителю; стандарты становятся ключевыми в отраслевой конкуренции,

¹ 杨程. 迈克尔·波特战略管理理论浅析 // 中外企业家, 2012(17): 113–114 = Ян Чэн. Краткий анализ теории стратегического управления Майкла Портера // Китайские и зарубежные предприниматели. – 2012. – № 17. – 113.

и стратегия дифференциации сталкивается с беспрецедентными вызовами¹.

В своей статье «Эволюция теорий стратегического управления и новые тенденции» Бай Сунсун и Лян Яфэнь прослеживают эволюцию теорий стратегического управления и предлагают исследовать новые теории в данном контексте, избегая недостатков «теоретической ориентации», «статичности» и «узости». Они представляют три новых теоретических подхода: теорию стратегических поворотных точек, теорию коэволюции корпоративных экосистем и теорию превосходства над конкуренцией. В заключение они отмечают новые тенденции развития стратегического управления: больший акцент на ориентированность на проблемы, динамичность, фокус на ценности для клиентов и интеграцию².

Другой китайский исследователь Ван Аньци в своей статье «Обзор исследований западной теории стратегического управления» также выделяет три направления для дальнейшего развития теории стратегического управления: теория социальных сетей, теория динамической конкуренции и теория ценности для клиентов, подчеркивая, что теория ценности для клиентов является особенно перспективным направлением, так как исследования в этой области находятся на начальном этапе и, вероятно, станут горячей темой для будущих исследований³.

В литературе других стран также обсуждаются тенденции развития и направления исследований в теории стратегического управления. Например, Томас П. Кенуорти и Ален Вербеке в своей статье «Будущее исследований стратегического управления: оценка качества заимствования теорий» упоминают, что в текущих условиях многие бизнес-школы рассматривают дисциплину стратегического управления как столь же важную, как финансы, маркетинг и организационное поведение. В условиях появления многочисленных теорий стратегического управления ученым следует усилить избирательность, применяя исследования, подходящие для национальных особенностей. В статье представлена новая модель для тестирования внешних теорий с целью повышения их практической полезности, что может быть полезно преподавателям стратегического управления, практикам и разработчикам стратегий⁴.

Динамика развития данных теорий обуславливает эволюцию авторских трактовок понятий «организационная культура компаний» (таблица 1) и «управление организационной культурой» (таблица 2).

Таблица 1. Трактровка понятия «организационная культура компании»

Автор(ы)	Трактровка понятия
А. В. Саргсян	«Организационная культура – это система как явных, так и неявных убеждений, ценностей и моделей поведения, которые разделяются ключевыми сотрудниками организации и со временем передаются новым сотрудникам на основе социально-психологических инструментов формирования ценностных ориентаций персонала» ¹ .

¹ Там же, С. 114.

² 白松松, 梁亚粉. 企业战略管理理论的嬗变与新趋势 // 中国商贸, 2012(02): 82–83 = Бай Сунсун, Лян Яфэнь. Эволюция теории стратегического управления компаниями и новые тенденции // Китайская торговля. – 2012. – № 2. – С. 82–83.

³ 王安琪. 西方战略管理研究述评 // 财会通讯, 2014(06): 119–122 = Ван Аньци. Обзор исследований западной теории стратегического управления // Финансово-бухгалтерская корреспонденция. – 2014. – № 6. – С. 119–122.

⁴ Thomas P. Kenworthy, Alain Verbeke. The future of strategic management research: Assessing the quality of theory borrowing // European Management Journal. – 2015. – № 3(33). – PP. 179–190.

Автор(ы)	Трактровка понятия
Е. А. Арбатская, О.Н. Баева	«Организационная культура представляет собой сложную систему, включающую элементы разного уровня и природы, в основе которой установки и ценности, разделяемые большинством членов организации» ⁱⁱ .
Б. Гройсберг, Дж. Ли, Дж. Прайс, Й.-Ц. Чэн	Организационная культура как основной инструмент управления организацией, наряду со стратегией, и неразрывно связанного с лидерством ⁱⁱⁱ
Т.О. Солломанидина	«Организационная культура представляет собой единое социально-экономическое пространство, расположенное внутри компании, в рамках которого взаимодействие работников осуществляется на основе общих идей и ценностей, определяющих особенности трудовой жизнедеятельности и обуславливающих своеобразие философии и практики управления человеческими ресурсами; социально-духовное поле компании, формирующееся под воздействием материальных и нематериальных, явных и скрытых, осознаваемых и неосознаваемых процессов и явлений, определяющих единство философии, идеологии, ценностей, подходов к решению проблем и поведения персонала компании и позволяющих организации продвигаться к успеху» ^{iv}
А. В. Меркулов	«Организационная культура является основой и базовым фундаментом успеха любой компании, так как данный социальный институт формирует внутреннюю среду персонала» ^v .
О.В. Бурдюгова, Л.В. Докашенко, А.С. Головачева	Организационная культура, являясь одним из основополагающих элементов в деятельности компании, воплощает многочисленные неформальные взаимодействия работников организации, влияет на оптимальное состояние социально-психологического климата в коллективе, оказывает воздействие на аспекты корпоративного духа, формирует уровень лояльности и приверженности персонала и потребителей ^{vi} .
Э. Г. Шейн	«Организационная культура представляет собой паттерн коллективных базовых представлений, обретаемых работниками при разрешении проблем адаптации к изменениям внешней среды и внутренней интеграции, эффективность которого оказывается достаточной для того, чтобы считать его ценным и передавать новым членам коллектива в качестве правильной системы восприятия и рассмотрения названных вопросов и проблем» ^{vii} [3, с. 42].

В общем смысле корпоративную культуру можно определить следующим образом: 1) с точки зрения внутреннего управления, корпоративная культура является организационной характеристикой, представляющей собой ценности и мотивы, направляющие поведение сотрудников и воздействующие на них через механизмы социализации; 2) с точки зрения внешней конкуренции, корпоративная культура является стратегическим ресурсом, включающим символы, явные ценности и скрытые предпосылки воздействия на рыночные процессы.

Таким образом, корпоративная культура не только представляет собой внутреннее духовное выражение компании, но и служит внешним руководством ее действий, оказывая влияние на управление компаниями в различных измерениях.

Управление человеческими ресурсами и построение корпоративной культуры являются взаимодополняющими и развивающимися процессами. В этом контексте корпоративная культура может служить ориентиром для управления человеческими ресурсами, основанного

на культурных принципах, что позволяет эффективно использовать человеческие ресурсы и стимулировать создание ценности сотрудниками, способствуя успешному развитию компании.

Таблица 2. Трактовка понятия «управление организационной культурой»

Автор(ы)	Трактовка понятия
А.В. Болдырева	«Управление организационной культурой – сложный процесс, который требует тщательного и углубленного изучения культуры компании, выявления различных характеристик, учета разнообразных факторов, влияющих на организационную культуру, и создания подходящих механизмов для ее управления» ^{viii} .
Н. В. Балашова	«Смысл управления организационной культурой заключается в возможности влияния на отдельные ее элементы с целью корректировки и совершенствования для повышения эффективности организационного взаимодействия и деятельности организации в целом» ^{ix} .
Г. Н. Соколова, А.Д. Порфирьева	«Процесс управления организационной культурой подразумевает ее некое своевременное видоизменение, адаптируясь под трансформацию современных реалий системы государственного менеджмента или динамики развития сферы деятельности, что в конечном счете благотворно повлияет на поведенческие, ценностные и регламентные атрибуты организационно-культурного пространства деятельности, повышая эффективность трудового коллектива» ^x .
Лю Фанлун, Цю Вэйнянь, У Нэнцюань	«Управление организационной культурой направлено на достижение совместного развития компании и сотрудников. Повышение общей квалификации сотрудников способствует построению корпоративной культуры» ^{xi} .
Пань Юэ, Ун Жоюй, Цзи Сянгэ	«Управление организационной культурой – это разработка желаемой целевой корпоративной культуры, то есть создание плана строительства корпоративной культуры. Ключевым аспектом в строительстве корпоративной культуры является подход, основанный на индивидуальных особенностях компании, создавая культурную систему, соответствующую реальным условиям и будущим потребностям развития» ^{xii} .

Таким образом, существующие определения «управление организационной культурой» охватывают комплекс целенаправленных действий руководства компании, направленных на достижение поставленных задач. Существующие исследования в этой области сосредоточены на предложении руководителям нескольких способов развития корпоративной культуры или нескольких каналов ее продвижения.

Обсуждение результатов исследования

На основе систематического обзора и анализа вышеупомянутой литературы можно сделать следующие выводы о достижениях в исследованиях корпоративной культуры китайских предприятий:

1. Влияние культуры различных ситуаций и типов на управление бизнесом. Культурные различия между странами определенным образом влияют на различия в управлении бизнесом в разных странах. Соответствующие эмпирические результаты показывают, что доля объяснения этих различий культурными факторами может достигать 90%¹. С одной стороны, с ростом уровня открытости китайской экономики различные хозяйствующие субъекты начали вести коммерческую деятельность в Китае, что предоставило новые темы для исследований в контексте китайской культуры. С другой стороны, китайские компании также активно участвуют в транснациональном бизнесе, создавая зарубежные филиалы в разных странах и регионах и интегрируясь в рыночные системы принимающих стран.

В этом процессе китайские компании испытывают влияние многообразных культур, что предоставляет уникальный угол зрения для исследований. Например,

¹ 苏勇, 李倩倩, 谭凌波. 中国传统文化对当代管理实践的影响研究 // 管理学报, 2020, (12): 1751–1759 = Су Юн, Ли Цяньцянь, Тан Линбо. Исследование влияния традиционной китайской культуры на современную управленческую практику // Журнал управления. – 2020. – № 12. – С. 1752.

ученые обнаружили, что руководители с опытом работы за границей способствуют межкультурной интеграции и улучшению эффективности межкультурного управления, но личные индивидуалистические склонности руководителей негативно влияют на трансграничные слияния и поглощения².

В исследованиях китайских зарубежных дочерних компаний было обнаружено, что культурное многообразие дочерних компаний связано с повышением их эффективности, поэтому важно учитывать слияние корпоративной культуры и местной культуры³. Кроме обсуждения влияния культурных различий между странами, ученые также изучают особенности культурного контекста Китая. Например, изучая китайскую культуру отношений, они обнаружили, что фондовые менеджеры и корпоративные руководители могут использовать свои связи для информационного обмена, что приводит к колебаниям цен на акции и нарушает рыночную справедливость⁴. Другие исследования показали, что культура отношений в регионах, где находятся новые компании,

² 颜世富, 马喜芳. 中国管理学如何为世界管理学做出新贡献——“第21届世界管理论坛暨东方管理论坛”学术思想述要 // 管理世界, 2018, (5): 165–167 = Янь Шифу, Ма Сифан. Как китайское управление может внести новый вклад в мировое управление – основные идеи «21-го мирового форума по управлению и восточного форума по управлению» // Мир управления. – 2018. – № 5. – С. 165–167.

³ 郭媛媛, 冯玉强, 刘鲁宁, 等. 企业文化对 ERP 消化吸收作用机理的多案例研究 // 科研管理, 2016, (7): 89–96 = Го Юаньюань, Фэн Юцян, Лю Луньин и др. Исследование механизма влияния корпоративной культуры на усвоение ERP на основе нескольких примеров // Научно-исследовательское управление. – 2016. – № 7. С. 89–96.

⁴ 王利平. 制度逻辑与“中魂西制”管理模式：国有企业管理模式的制度分析 // 管理学报, 2017, (11): 1579–1586 = Ван Липинь. Институциональная логика и модель управления «Китайская душа, западная система»: институциональный анализ модели управления государственными компаниями // Журнал управления. – 2017. – № 11. – С. 1579–1586.

может ограничивать внутреннюю культурную направленность этих компаний и влияет на три фактора, стимулирующие предпринимательство: формальные институты, статус ресурсов участников и ожидания от производительности¹.

2. Взаимодействие корпоративной культуры с другими областями управления. С повышением уровня применения эмпирических методов исследования китайскими учеными, все больше исследователей выходит за пределы концепции корпоративной культуры и более широко изучают взаимосвязь корпоративной культуры с другими областями управления (например, корпоративная стратегия, организационное поведение, инновации, стресс на работе, удовлетворенность работой, управленческая эффективность).

Исследование влияния корпоративной культуры как независимой переменной на другие переменные увеличивает инновационность и практическую значимость исследований корпоративной культуры. Например, исследование Ту Юлун, Чэнь Чуньхуа подтвердило положительное влияние местной семейной корпоративной культуры на эффективность компаний и изучило управленческую ценность семейной культуры². Исследование Тан Вэй, Цай Вэньцзин, Цуй Егуан показало, что компании с культурой честности демонстрируют высокую инновационную эффективность, поэтому следует обращать внимание на обучение и руководство сотрудников по вопросам честности³. Исследование Пань Юэ, Ун Жоюй, Цзи Сянгэ показало, что чем сильнее родственные представления фактических контролеров компании, тем выше степень участия их родственников в управлении компанией⁴. Также было обнаружено, что родственные представления контролеров компании сильно влияют на дифференцированную организацию участия родственников.

Исследователи также рассматривают корпоративную культуру как зависимую переменную и изучают факторы, влияющие на ее формирование. Например, исследование Ли Шаньмин, Гун Шууй, Ян Цзибинь показало, что культурный бэкграунд и биография CEO глубоко влияют на формирование корпоративной культуры: компании, возглавляемые CEO из северных регионов, предпочитают слияния и поглощения, особенно крупные и диверсифицированные⁵. Также было обнаружено, что культурный контроль со стороны материнской компании

¹ 苏敬勤, 马欢欢, 张帅. 本土管理研究的传统文化和情境视角及其发展路径 // 管理学报, 2018, (2): 159–167 = Су Цзиньцин, Ма Хуанхуан, Чжан Шуай. Традиционная культура и контекстные аспекты в исследовании местного управления и пути их развития // Журнал управления. – 2018. – № 2. – С. 159–167.

² 涂玉龙, 陈春花. 家族性、家族企业文化与家族企业绩效: 机制与路径 // 科研管理, 2016, (8): 103–112 = Ту Юлун, Чэнь Чуньхуа. Семейность, культура семейных предприятий и их производительность: механизмы и пути // Научно-исследовательское управление. – 2016. – № 8. – С. 103–112.

³ 唐玮, 蔡文婧, 崔也光. “诚信”文化与企业创新 // 科研管理, 2020, (4): 11–22. = Тан Вэй, Цай Вэньцзин, Цуй Егуан. Культура «честности» и инновации в компаниях // Научно-исследовательское управление. – 2020. – № 4. – С. 11–22.

⁴ 潘越, 翁若宇, 纪翔阁, 等. 宗族文化与家族企业治理的血缘情结 // 管理世界, 2019, (7): 116–135 = Пань Юэ, Ун Жоюй, Цзи Сянгэ и др. Клановая культура и семейное корпоративное управление: кровные узы // Мир управления. – 2019. – № 7. – С. 116–135

⁵ 李善民, 公淑玉, 杨继彬. CEO 文化背景对并购绩效的影响研究—基于南北文化差异视角 // 中山大学学报 (社会科学版), 2019, (5): 195–207 = Ли Шаньмин, Гун Шууй, Ян Цзибинь. Исследование влияния культурного фона CEO на результаты слияний и поглощений – с точки зрения культурных различий между севером и югом // Журнал Университета Сунь Ятсена (Серия общественных наук). – 2019. – № 5. – С. 195–207.

является ключевым фактором формирования культуры дочерней компании и способствует формированию схожих ценностей и норм поведения внутри компании.

3. Применение традиционной культуры в современном стратегическом управлении компаниями. С ростом интереса к традиционной культуре, часть исследований начинает изучать древние китайские тексты с целью извлечения управленческих знаний и их применения в современных компаниях. Эти исследования, основанные на литературном обзоре и анализе примеров, обладают высокой теоретической и практической ценностью в пропаганде китайской традиционной культуры и управлении компаниями.

Например, исследование Ван Фэнбинь, Чжэн Тэнхао, Лю Ган использует учение о «пяти элементах» для анализа процессов организационных изменений в компаниях Haier и IBM, применяя традиционные культурные концепции «контроля» и «трансформации» в качестве аналитических единиц. Это исследование не только обогатило теорию организационных изменений, но и подчеркнуло их динамический характер⁶.

Исследование Лю Ган, Ляо Чжэнсянь, Лянь Хань показало, что культурные верования, направленные на свободную конкуренцию, происходят из учений французской школы физиократов, которая в свою очередь опирается на классические даосские идеи «невмешательства». Это подтверждает влияние и значимость традиционной культуры⁷.

Исследование Ван Липина с использованием аналитической рамки институциональной логики анализирует модель «китайской души и западного применения» в государственных компаниях после реформ и открытости, выявляя способы интеграции и развития традиционной культуры в управленческих идеях⁸.

Исследование Су Цзиньцин, Ма Хуанхуан, Чжан Шуай подчеркивает, что традиционная культура интегрируется в рамки управления компаниями через культурное проникновение, культурную инклюзию и культурную глубокую интеграцию, помогая устранить проблемы адаптации западных управленческих идей в Китае⁹. Исследование Су Юн, Ли Цяньцян, Тан Линбо показывает, что «конфуцианская и даосская» культура оказывает самое большое влияние на управленческие идеи, модели и практику китайских компаний¹⁰.

⁶ 王凤彬, 郑腾豪, 刘刚. 企业组织变革的动态演化过程—基于海尔和IBM纵向案例的生克化制机理的探讨 // 中国工业经济, 2018, (6): 174–192 = Ван Фэнбинь, Чжэн Тэнхао, Лю Ган. Динамический эволюционный процесс организационных изменений предприятий – исследование механизмов взаимодействия на основе долгосрочных примеров Haier и IBM // Китайская промышленная экономика. – 2018. – № 6. – С. 174–192.

⁷ 刘刚, 廖正贤, 梁晗. 市场经济理论及其中国思想溯源—《国富论》与《货殖列传》《道德经》比较 // 中国人民大学学报, 2019, (1): 51–63 = Лю Ган, Ляо Чжэнсянь, Лянь Хань. Теория рыночной экономики и ее китайские корни – сравнение «Богатства народов» и «Записей о торговле» и «Дао Дэ Цзин» // Журнал Китайского народного университета. – 2019. – № 1. – С. 51–63.

⁸ 王利平. 制度逻辑与“中魂西制”管理模式: 国有企业管理模式的制度分析 // 管理学报, 2017, (11): 1579–1586 = Ван Липинь. Институциональная логика и модель управления «Китайская душа, западная система»: институциональный анализ модели управления государственными компаниями // Журнал управления. – 2017. – № 11. – С. 1579–1586

⁹ 苏敬勤, 马欢欢, 张帅. 本土管理研究的传统文化和情境视角及其发展路径 // 管理学报, 2018, (2): 159–167 = Су Цзиньцин, Ма Хуанхуан, Чжан Шуай. Традиционная культура и контекстные аспекты в исследовании местного управления и пути их развития // Журнал управления. – 2018. – № 2. – С. 159–167

¹⁰ 苏勇, 李倩倩, 谭凌波. 中国传统文化对当代管理实践的影响研究 // 管理学报, 2020, (12): 1751–1759 = Су Юн, Ли Цяньцян, Тан Линбо. Исследование влияния традиционной китайской культу-

4. Широкое использование метода кейс-стади и увеличение внимания к количественным методам исследований. С началом периода «тринадцатой пятилетки» в области исследований корпоративной культуры Китая появилось множество кейс-стадий, направленных на изучение вопросов «Как» и «Почему» относительно развития корпоративной культуры. Например, исследование Го Юаньюань, Фэн Юцянь, Лю Луньин о механизме поглощения ERP-системы культурой компании показало, что внутренние операционные культуры включают групповую культуру и иерархическую культуру, которые через горизонтальную и вертикальную координацию соответственно влияют на поглощение ERP-системы, в то время как внешние культурные аспекты включают развитие культуры и рациональной культуры, которые через исследования и учебные действия влияют на поглощение ERP-системы¹.

Исследование Лю Фанлун, Цю Вэйнянь, У Нэнцюань показало, что успех предприятий сильно зависит от корпоративного культурного капитала, и доработало теоретическую модель «культурный капитал компании – идеи и система корпоративной культуры – материальные проявления компании»².

Исследование Лю Иньвэй, Ван Тао, Не Чуньянь показало, что культурные архетипы могут предоставлять различиям в восприятии аудитории из других стран. Они выделили четыре стратегии культурных элементов: инструментальную эстетику, дифференцированные проявления, идентификацию с целевой аудиторией и глобальное осознание³.

Исследование Мэн Фаньчэнь, Чжао Чжунхуа о способности к поглощению в межкультурном контексте обобщило факторы, влияющие на идентификацию, поглощение, интеграцию и устойчивое инновационное развитие, а также проанализировало влияние способности к поглощению на процессы передачи знаний⁴.

Управление человеческими ресурсами становится более цифровым и информационным. С быстрым развитием больших данных и искусственного интеллекта, управление человеческими ресурсами постепенно становится цифровым и информационным. Сбор и анализ данных о сотрудниках позволяет компании точнее пони-

ры на современную управленческую практику // Журнал управления. – 2020. – № 12. – С. 1751–1759

¹ 郭媛媛, 冯玉强, 刘鲁宁, 等. 企业文化对 ERP 消化吸收作用机理的多案例研究 // 科研管理, 2016, (7): 89–96 = Го Юаньюань, Фэн Юцянь, Лю Луньин. Исследование механизма влияния корпоративной культуры на усвоение ERP на основе нескольких примеров // Научно-исследовательское управление. – 2016. – № 7. С. 89–96

² 刘方龙, 邱伟年, 吴能全, 等. 探索《隆平之道》企业文化理念体系的构建—基于扎根理论的案例研究 // 管理评论, 2019, (6): 289–304 = Лю Фанлун, Цю Вэйнянь, У Нэнцюань. Исследование построения системы корпоративной культуры «Путь Лунпина» на основе теории укоренения // Управленческий обзор. – 2019. – № 6. – С. 289–304

³ 刘英为, 汪涛, 聂春艳, 等. 如何应用国家文化原型实现 品牌国际沟通 – исследование нескольких примеров зарубежной рекламы китайских брендов в социальных сетях // Мир управления, 2020, (1): 88–104 = Лю Иньвэй, Ван Тао, Не Чуньянь. Как применять национальный культурный архетип для международного продвижения бренда – исследование на основе примеров зарубежной рекламы китайских брендов в социальных сетях // Мир управления. – 2020. – № 1. – С. 88–104.

⁴ 孟凡臣, 赵中华. 跨文化吸收能力对国际并购知识转移影响机制的多案例研究 // 管理学报, 2018, (8): 1221–1230 = Мэн Фаньчэнь, Чжао Чжунхуа. Механизм влияния кросс-культурной способности к восприятию на передачу знаний в международных слияниях и поглощениях – исследование на основе нескольких примеров // Журнал управления. – 2018. – № 8. – С. 1221–1230.

мать их потребности и состояние, разрабатывать более научные стратегии управления. Использование информационных технологий также делает процессы управления человеческими ресурсами более эффективными и удобными⁵.

В процессе реализации эффективного управления корпоративной культурой компании необходимо обратить внимание на следующие моменты: 1) усиление пространства и внушения культурных идей, чтобы сотрудники глубоко понимали и признавали корпоративную культуру; 2) создание и поддержание культурной управленческой системы, обеспечивающей укоренение корпоративной культуры; 3) организация и проведение культурных мероприятий для создания насыщенной культурной атмосферы; 4) внимание к формированию и улучшению культурного имиджа, демонстрирующего положительный имидж и бренд компании.

Тенденции развития управления человеческими ресурсами в рамках развития корпоративной культуры характеризуются многообразием, индивидуализацией, цифровизацией и сотрудничеством. Эти тенденции не только способствуют повышению эффективности и результативности управления человеческими ресурсами, но и обеспечивают надежную поддержку и гарантию для развития компании.

Заключение

Корпоративная культура – это философия развития, которая постепенно формируется в процессе развития компании и является важной ее составляющей. Эффективная корпоративная культура оказывает позитивное и значительное влияние на развитие компании, поэтому руководство должно уделять внимание ее построению и усиливать внутреннюю мотивацию к развитию.

Эффективное управление корпоративной культурой компании подразумевает систематическое и всеобъемлющее планирование и реализацию уникальных культурных идей и поведенческих норм, основанных на индивидуальных характеристиках компании и рыночной среде, с целью достижения долгосрочных целей развития компании. Оно охватывает основные ценности, миссию, видение, философию управления, методы управления, поведение сотрудников и имидж компании. Цель заключается в создании позитивной культурной атмосферы, стимулирующей творческий потенциал и сплоченность сотрудников, и способствующей устойчивому развитию компании.

Основная идея развития корпоративной культуры заключается в формировании уникального культурного имиджа, выделяющего компании на фоне конкурентной борьбы. Это требует глубокого изучения исторических традиций, отраслевых особенностей и рыночного позиционирования компании, чтобы выявить культурные элементы, соответствующие реальным условиям функционирования компании на рынке с целью создания яркого культурного бренда. Кроме этого, корпоративная культура должна быть современной, постоянно впитывать и интегрировать новые культурные идеи и управленческие концепции, чтобы оставаться динамичной и инновационной.

Литература

⁵ Маличенко И.П., Якущенко К.С., Палий В.О. Цифровая корпоративная культура как стратегический фактор роста вовлеченности персонала // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2023. – № 5. – С. 73.

1. Арбатская Е. А., Бавева О.Н. О подходах к оценке эффективности организационной культуры // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 7. – С. 3703–3718.
2. Балашова Н.В. Управление организационной культурой: формирование системы показателей // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2024. – № 4. – С. 33–37.
3. Болдырева, А.В. Влияние организационной культуры на достижение целей организации // Молодой ученый. – 2023. – № 7(454). – С. 108–110.
4. Бурдюгова О.В., Докашенко Л.В., Головачева А.С. Инструменты управления организационной культурой компании // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2024. – Том 14. – № 2А. – С. 487–500.
5. Гройсберг Б., Ли Дж., Прайс Дж., Чэн Й.-Ц. Руководство для лидера по корпоративной культуре. / Корпоративная культура. Пер. с англ. – Москва: Альпина Паблишер, 2020. – 7–40 с.
6. Леонова, А.Б. Мотивационно-ценностные ориентации персонала и привлекательность организационной культуры / А.Б. Леонова, Ф.Р. Султанова // Вопросы психологии. – 2020. – № 4. – С. 80–91.
7. Маличенко И.П., Якущенко К.С., Палий В.О. Цифровая корпоративная культура как стратегический фактор роста вовлеченности персонала // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2023. – № 5. – С. 71–79.
8. Меркулов А.В. Организационная культура как фактор развития предприятия // Бизнес и общество. – 2024. – № 2 (42). – URL: https://business-society.ru/2024/2-42/40_merkulov.pdf.
9. Саргсян, А.В. Организационная культура компании как фактор эффективности коммерческой деятельности // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16. – № s2. – URL: <https://esj.today/PDF/29FAVN224.pdf>
10. Соколова Г. Н., Порфирьева А.Д. Управление организационной культурой в федеральном государственном учреждении: сборник трудов конференции. // Финансово-кредитный механизм регулирования социально-экономического развития в условиях демографической и структурной трансформации: сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 20–21 нояб. 2024 г.) / редкол.: Н.В. Березина [и др.] – Чебоксары: ИД «Среда», 2024. – С. 242–245
11. Соломанидина Т.О. Организационная культура в таблицах, тестах, кейсах и схемах. – М., 2021. – 395 с.
12. Schein E.H. On Dialogue, Culture and Organizational Learning // Organizational Dynamics. – 2022. – Vol. 22. – PP. 40–51.
13. Thomas P. Kenworthy, Alain Verbeke. The future of strategic management research: Assessing the quality of theory borrowing // European Management Journal. – 2015. – № 3(33). – PP. 179–190.
14. 刘刚, 廖正贤, 梁晗. 市场经济理论及其中国思想溯源——《国富论》与《货殖列传》《道德经》比较 // 中国人民大学学报, 2019, (1): 51–63 = Лю Ган, Ляо Чжэнсянь, Лянь Хань. Теория рыночной экономики и ее китайские корни – сравнение «Богатства народов» и «Записей о торговле» и «Дао Дэ Цзин» // Журнал Китайского народного университета. – 2019. – № 1. – С. 51–63.
15. 刘方龙, 邱伟年, 吴能全, 等. 探索《隆平之道》企业理念体系的构建——基于扎根理论的案例研究 // 管理评论, 2019, (6): 289–304 = Лю Фанлун, Цю Вэйнянь, У Нэнцюань. Исследование построения системы корпоративной культуры «Путь Лунпина» на основе теории укоренения // Управленческий обзор. – 2019. – № 6. – С. 289–304.
16. 刘英为, 汪涛, 聂春艳, 等. 如何应用国家文化原型实现品牌国际化的沟通 – исследование нескольких примеров зарубежной рекламы китайских брендов в социальных сетях // Мир управления, 2020, (1): 88–104 = Лю Иньвэй, Ван Тао, Не Чуньянь и др. Как применять национальный культурный архетип для международного продвижения бренда – исследование на основе примеров зарубежной рекламы китайских брендов в социальных сетях // Мир управления. – 2020. – № 1. – С. 88–104.
17. 唐玮, 蔡文婧, 崔也光. “诚信”文化与企业创新 // 科研管理, 2020, (4): 11–22. = Тан Вэй, Цай Вэньцзин, Цуй Егуан. Культура «честности» и инновации в компаниях // Научно-исследовательское управление. – 2020. – № 4. – С. 11–22.
18. 孟凡臣, 赵中华. 跨文化吸收能力对国际并购知识转移影响机制的多案例研究 // 管理学报, 2018, (8): 1221–1230 = Мэн Фанчэнь, Чжао Чжунхуа. Механизм влияния кросс-культурной способности к восприятию на передачу знаний в международных слияниях и поглощениях – исследование на основе нескольких примеров // Журнал управления. – 2018. – № 8. – С. 1221–1230.
19. 李善民, 公淑玉, 杨继彬. CEO 文化背景对并购绩效的影响研究——基于南北文化差异视角 // 中山大学学报 (社会科学版), 2019, (5): 195–207. = Ли Шаньмин, Гун Шуюй, Ян Цзибинь. Исследование влияния культурного фона CEO на результаты слияний и поглощений – с точки зрения культурных различий между севером и югом // Журнал Университета Сунь Ятсена (Серия общественных наук). – 2019. – № 5. – С. 195–207.
20. 杨程. 迈克尔·波特战略管理理论浅析 // 中外企业家, 2012(17): 113–114 = Ян Чэн. Краткий анализ теории стратегического управления Майкла Портера // Китайские и зарубежные предприниматели. – 2012. – № 17. – 113–114.
21. 涂玉龙, 陈春花. 家族性、家族企业文化与家族企业绩效: 机制与路径 // 科研管理, 2016, (8): 103–112 = Ту Юлун, Чэнь Чуньхуа. Семейность, культура семейных предприятий и их производительность: механизмы и пути // Научно-исследовательское управление. – 2016. – № 8. – С. 103–112.
22. 潘越, 翁若宇, 纪翔阁, 等. 宗族文化与家族企业治理的血缘情结 // 管理世界, 2019, (7): 116–135 = Пань Юэ, Ун Жоуэй, Цзи Сянгэ. Клановая культура и семейное корпоративное управление: кровные узы // Мир управления. – 2019. – № 7. – С. 116–135.
23. 王凤彬, 郑腾豪, 刘刚. 企业组织变革的动态演化过程——基于海尔和IBM纵向案例的生克化制机理的探讨 // 中国工业经济, 2018, (6): 174–192 = Ван Фэнбинь, Чжэн Тэнхао, Лю Ган. Динамический эволюционный процесс организационных изменений предприятий – исследование механизмов взаимодействия на основе долгосрочных примеров Haier и IBM // Китайская промышленная экономика. – 2018. – № 6. – С. 174–192.
24. 王利平. 制度逻辑与“中魂西制”管理模式: 国有企业管理模式的制度分析 // 管理学报, 2017, (11): 1579–1586 = Ван Липинь. Институциональная логика и модель управления «Китайская душа, западная система»: институциональный анализ модели управления государственными предприятиями // Журнал управления. – 2017. – № 11. – С. 1579–1586.
25. 王安琪. 西方战略管理学研究述评 // 财会通讯, 2014(06): 119–122 = Ван Аньци. Обзор исследований западной теории стратегического управления // Финансово-

- бухгалтерская корреспонденция. – 2014. – № 6. – С. 119–122.
26. 白松松, 梁亚粉. 企业战略管理理论的嬗变与新趋势 // 中国商贸, 2012(02): 82–83 = Бай Сунсун, Лян Яфэнь. Эволюция теории стратегического управления предприятиями и новые тенденции // Китайская торговля. – 2012. – № 2. – С. 82–83.
 27. 苏勇, 李倩倩, 谭凌波. 中国传统文化对当代管理实践的影响研究 // 管理学报, 2020, (12): 1751–1759 = Су Юн, Ли Цяньцянь, Тан Линбо. Исследование влияния традиционной китайской культуры на современную управленческую практику // Журнал управления. – 2020. – № 12. – С. 1751–1759.
 28. 苏敬勤, 马欢欢, 张帅. 本土管理研究的传统文化和情境视角及其发展路径 // 管理学报, 2018, (2): 159–167 = Су Цзиньцин, Ма Хуанхуан, Чжан Шуай. Традиционная культура и контекстные аспекты в исследовании местного управления и пути их развития // Журнал управления. – 2018. – № 2. – С. 159–167.
 29. 郭媛媛, 冯玉强, 刘鲁宁, 等. 企业文化对 ERP 消化吸收作用机理的多案例研究 // 科研管理, 2016, (7): 89–96 = Го Юаньюань, Фэн Юцян, Лю Луньин и др. Исследование механизма влияния корпоративной культуры на усвоение ERP на основе нескольких примеров // Научно-исследовательское управление. – 2016. – № 7. С. 89–96.
 30. 颜世富, 马喜芳. 中国管理学如何为世界管理学做出新贡献——“第21届世界管理论坛暨东方管理论坛”学术思想述要 // 管理世界, 2018, (5): 165–167 = Янь Шифу, Ма Сифан. Как китайское управление может внести новый вклад в мировое управление – основные идеи «21-го мирового форума по управлению и восточного форума по управлению» // Мир управления. – 2018. – № 5. – С. 165–167.

ORGANIZATIONAL CULTURE OF THE COMPANY IN THE STRATEGIC MANAGEMENT SYSTEM: THEORETICAL ASPECT

Wang Zhao

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

This article examines the theoretical aspects of organizational culture in the context of the strategic management of the company. The main focus is on the relationship between organizational culture and strategic management, and how the company's culture can contribute to achieving strategic goals. Based on the analysis of the content, context, methods, and impact of research, forecasts were made about the future development of corporate culture research in China. The study highlights key directions such as the construction of Chinese management theory, the practical implementation of corporate culture, the integration of corporate culture and ideological work, and the development of corporate culture in the digital context. Special attention is given to the new structural elements of the organizational culture of the company that emerged during the digitalization of business processes, internationalization of companies, and the intensification of globalization processes.

Keywords: theories of strategic management, organizational culture, management of organizational culture, human resource management, motivation.

References

1. Arbatskaya E. A., Baeva O.N. On Approaches to Evaluating the Effectiveness of Organizational Culture // *Economy, Entrepreneurship, and Law*. – 2024. – Vol. 14, No. 7. – PP. 3703–3718.
2. Balashova N.V. Management of Organizational Culture: Formation of a System of Indicators // *Personnel Management and Intellectual Resources in Russia*. – 2024. – No. 4. – PP. 33–37.
3. Boldyreva A.V. The Influence of Organizational Culture on the Achievement of Organizational Goals // *Young Scientist*. – 2023. – No. 7(454). – PP. 108–110.
4. Burdyugova O.V., Dokashenko L.V., Golovacheva A.S. Tools for Managing the Organizational Culture of a Company // *Economy: Yesterday, Today, Tomorrow*. – 2024. – Vol. 14. – No. 2A. – PP. 487–500.
5. Groyberg B., Lee J., Price J., Cheng Y.-C. A Leader's Guide to Corporate Culture. / *Corporate Culture*. Trans. from English. – Moscow: Alpina Publisher, 2020. – Pp P. 7–40.
6. Leonova A.B. Motivational and Value Orientations of Personnel and the Attractiveness of Organizational Culture / A.B. Leonova, F.R. Sultanova // *Questions of Psychology*. – 2020. – No. 4. – PP. 80–91.
7. Malichenko I.P., Yakushchenko K.S., Paliy V.O. Digital Corporate Culture as a Strategic Factor for Increasing Employee Engagement // *Personnel Management and Intellectual Resources in Russia*. – 2023. – No. 5. – PP. 71–79.
8. Merkulov A.V. Organizational Culture as a Factor in Enterprise Development // *Business and Society*. – 2024. – No. 2 (42). – URL: https://business-society.ru/2024/2-42/40_merkulov.pdf.
9. Sargsyan A.V. Organizational Culture of a Company as a Factor of Commercial Activity Efficiency // *Bulletin of Eurasian Science*. – 2024. – Vol. 16. – No. s2. – URL: <https://esj.today/PDF/29FAVN224.pdf>
10. Sokolova G. N., Porfiryeva A.D. Management of Organizational Culture in a Federal State Institution: Collection of Conference Proceedings. // *Financial and Credit Mechanism for Regulating Socio-Economic Development under Conditions of Demographic and Structural Transformation: Collection of Materials from the All-Russian Scientific and Practical Conference (Cheboksary, November 20–21, 2024)* / Editorial Board: N.V. Berezina [and others]. – Cheboksary: Publishing House “Sreda”, 2024. – PP. 242–245
11. Solomanidina T.O. Organizational Culture in Tables, Tests, Cases, and Schemes. – Moscow, 2021. – 395 p.
12. Schein E.H. On Dialogue, Culture, and Organizational Learning // *Organizational Dynamics*. – 2022. – Vol. 22. – PP. 40–51.
13. Thomas P. Kenworthy, Alain Verbeke. The Future of Strategic Management Research: Assessing the Quality of Theory Borrowing // *European Management Journal*. – 2015. – No. 3(33). – PP. 179–190.
14. Liu Gang, Liao Zhengxian, Liang Han. Theory of Market Economy and Its Chinese Roots – Comparison of “The Wealth of Nations” and “Records of Trade” and “Tao Te Ching” // *Journal of Renmin University of China*. – 2019. – No. 1. – PP. 51–63.
15. Liu Fanglong, Qiu Weinian, Wu Nengquan, et al. Exploring the Construction of the Corporate Culture System of “Lunpign Dao” Based on Grounded Theory: A Case Study // *Management Review*. – 2019. – No. 6. – PP. 289–304.
16. Liu Yingwei, Wang Tao, Nie Chunyan, et al. How to Apply National Cultural Archetypes to Achieve International Brand Communication – A Study of Several Examples of Chinese Brands' Foreign Advertising in Social Media // *Management World*. – 2020. – No. 1. – PP. 88–104.
17. Tang Wei, Cai Wenjing, Cui Yeguang. The Culture of “Integrity” and Company Innovations // *Scientific Research Management*. – 2020. – No. 4. – PP. 11–22.
18. Meng Fancheng, Zhao Zhonghua. Mechanism of the Impact of Cross-Cultural Absorption Ability on Knowledge Transfer in International Mergers and Acquisitions: A Multi-Case Study // *Journal of Management*. – 2018. – No. 8. – PP. 1221–1230.
19. Li Shanmin, Gong Shuyu, Yang Jibin. Research on the Impact of CEO Cultural Background on M&A Performance – From the Perspective of North-South Cultural Differences // *Journal of Sun Yat-sen University (Social Sciences Edition)*. – 2019. – No. 5. – PP. 195–207.
20. Yang Cheng. Brief Analysis of Michael Porter's Strategic Management Theory // *China and Foreign Entrepreneurs*. – 2012. – No. 17. – PP. 113–114.
21. Tu Yulong, Chen Chunhua. Familial Characteristics, Family Business Culture, and Family Business Performance: Mechanisms and Pathways // *Scientific Research Management*. – 2016. – No. 8. – PP. 103–112.
22. Pan Yue, Weng Ruoyu, Ji Xiangge, et al. Clan Culture and Family Business Governance: The Blood Bond // *Management World*. – 2019. – No. 7. – PP. 116–135.
23. Wang Fengbin, Zheng Tenghao, Liu Gang. The Dynamic Evolution Process of Enterprise Organizational Change – Research on the Mechanism of Interaction Based on Longitudinal Cases

- of Haier and IBM // China Industrial Economy. – 2018. – No. 6. – PP. 174–192.
24. Wang Liping. Institutional Logic and “Chinese Soul, Western System” Management Model: Institutional Analysis of State-Owned Enterprise Management Model // Journal of Management. – 2017. – No. 11. – PP. 1579–1586.
25. Wang Anqi. A Review of Research on Western Strategic Management Theory // Financial and Accounting Correspondence. – 2014. – No. 6. – PP. 119–122.
26. Bai Songsong, Liang Yafen. The Evolution of Enterprise Strategic Management Theory and New Trends // China Trade. – 2012. – No. 2. – PP. 82–83.
27. Su Yong, Li Qianqian, Tan Lingbo. A Study on the Influence of Traditional Chinese Culture on Contemporary Management Practice // Journal of Management. – 2020. – No. 12. – PP. 1751–1759.
28. Su Jingqin, Ma Huanhuan, Zhang Shuai. Traditional Culture and Contextual Perspectives in Local Management Research and Its Development Paths // Journal of Management. – 2018. – No. 2. – PP. 159–167.
29. Guo Yuanyuan, Feng Yuqiang, Liu Lunin, et al. A Multi-Case Study on the Mechanism of Corporate Culture’s Effect on ERP Assimilation // Scientific Research Management. – 2016. – No. 7. – PP. 89–96.
30. Yan Shifu, Ma Xifang. How Chinese Management Can Make New Contributions to World Management – Key Ideas of the “21st World Management Forum and Oriental Management Forum” // Management World. – 2018. – No. 5. – PP. 165–167.

Профессионально-образовательное самоопределение выпускников с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья общеобразовательных школ Ростовской области

Деточенко Людмила Станиславовна,

кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой социальных технологий, Институт философии и социально-политических наук ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
E-mail: detochenko@sfedu.ru

В работе рассматривается проблема профессионально-образовательного самоопределения выпускников с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья общеобразовательных школ Ростовской области. На основе результатов авторского социологического исследования делаются выводы об организации их профессионально-образовательного маршрута и влиянии на него институциональных и личностных факторов. Показано, что продолжение обучения в средних специальных и высших учебных заведениях зависит от комплексного взаимодействия семьи выпускника (её влияние на ребенка-инвалида, остается значительным) и его веры в собственные силы (в этом случае решающее значение имеет тип заболевания). Отмечается, что эффективность профориентационных мероприятий, проводимых в общеобразовательных школах Ростовской области остается низкой, при высокой удовлетворенности самими мероприятиями со стороны обучающихся. Делается вывод о необходимости создания инклюзивной образовательной среды с целью удовлетворения потребности выпускников с инвалидностью в профессиональном самоопределении.

Работа вносит вклад в изучение факторов, влияющих на профессионально-образовательное самоопределение выпускников с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья и указывает направления для дальнейших исследований в этой сфере.

Ключевые слова: инвалидность, профессиональное самоопределение, профессиональная ориентация выпускников, система образования, рынок труда, инклюзия, агентность.

Постановка исследовательского вопроса

Профессионально-образовательное самоопределение является результатом целого комплекса факторов. Выбор профессиональной образовательной траектории определяется как внутренней мотивацией, так и воздействием семьи и иных институциональных условий. Российские исследователи (К. Аванесян, М. Астоянц, Л. Тарасенко и др.) отмечают, что на образовательный и профессиональный выбор детей с инвалидностью влияет сочетание и взаимодействие двух групп факторов: первая группа «относится к общей инклюзивности институциональных систем образования и рынка труда. Вторую группу факторов, образуют индивидуальные характеристики, включающие внутреннюю мотивацию и самоэффективность»¹.

Среди первой группы факторов исследователи особое внимание уделяют семье. В отличие от нормотипичной молодежи, выбор предстоящей образовательной траектории лицами с инвалидностью и ОВЗ до сих пор испытывает значительное влияние родителей. В семье формируются или блокируются социальные компетенции, необходимые для дальнейшего обучения, потребности и притязания личности, установки на автономию или «выученную беспомощность», навыки выбора².

Meral отмечает противоречивое влияние семьи как источника безусловной поддержки, ресурса, но и угрозы ограничений, сверх защиты и контроля лиц с инвалидностью и ОВЗ³. В анализе роли значимых близких (семьи, учителей, опекунов) звучат дискурсы прав людей с инвалидностью, конструирования социальных последствий инвалидности, ослабленной роли и ответственности.

Значение семьи в эмоциональной поддержке, практической помощи, конструировании мотивации к дальнейшему обучению (после школы) раскрывается в исследованиях Cudré-Mauroux⁴.

¹ Аванесян К., Астоянц М., Тарасенко Л., Рыжова В., Дикая Л., Боровская М. (2022) Почему дети с инвалидностью не продолжают обучение в системе профессионального образования? // Журнал исследований социальной политики. Том 20. № 4. С. 625–644.

² Cudré-Mauroux, A., Piérart, G., & Vaucher, C. (2020). Partnership with social care professionals as a context for promoting self-determination among people with intellectual disabilities. *Research in developmental disabilities*, 99, 103602. Advance online publication. <https://doi.org/10.1016/j.ridd.2020.103602>

³ Meral, B. F., Wehmeyer, M. L., Palmer, S. B., Ruh, A. B., & Yilmaz, E. (2023). Parenting Styles and Practices in Enhancing Self-Determination of Children With Intellectual and Developmental Disabilities. *American journal on intellectual and developmental disabilities*, 128(4), 282–301. <https://doi.org/10.1352/1944-7558-128.4.282>

⁴ Cudré-Mauroux, A., Piérart, G., & Vaucher, C. (2020). Partnership with social care professionals as a context for promoting self-determination among people with intellectual disabilities. *Research in developmental disabilities*, 99, 103602. Advance online publication. <https://doi.org/10.1016/j.ridd.2020.103602>

В фокусе внимания Curryer¹ и Kuld² находятся характеристики значимых взрослых, их компетенции по формированию. Вместе с тем в современном мире ценности, позиции и модели воспитания различных агентов и институтов могут различаться. Mumbardó-Adam³ подчеркивает, что образовательный выбор и доступ к профессиональному обучению лиц с инвалидностью во многом зависит от сотрудничества между родителями, специалистами, опекунами. Обмен опытом и знаниями между значимыми людьми, согласованность их действий оказывают значительное влияние на профессионально-образовательное самоопределение. Баланс между защитой и правом действия, опекой и принятием решения как условие и барьер профессионально-образовательного самоопределения изучает Casey⁴.

Институциональные ограничения, проявляющиеся в неблагоприятном жизненном опыте, который ограничивает осознание своих возможностей, определяет отсутствие адекватного образа себя и веры в собственные жизненные перспективы также представлены в исследованиях⁵. Форма получения школьного образования (инклюзивная общеобразовательная школа или коррекционная школа) формирует комплекс компонентов, которые могут оказывать значительное влияние на доступ к профессиональному образованию. Исследования, рассматривающие опыт школьного обучения в качестве дополнительного социального фактора, который способен помочь или препятствовать дальнейшему обучению не многообразны. Riobóo-Lois⁶ показывает, что предшествующий опыт интернатного ухода или обучения может выступать дополнительным барьером самостоятельной взрослой жизни, в том числе и в отношении профессионального обучения и поиска работы. В эксклюзивных формах школьного обучения идентичность инвалида может стать основной, что в совокупности с самостигматизацией повышает риски прекращения образования после выхода из школы.

Другая группа факторов касается характеристик личности и факторов формирования внутренней мотивации и самооффективности. Теория самооффективности была сформулирована А. Бандурой⁷ и прочно во-

шла в социальные исследования инвалидности. Самооффективность – это «вера в свои силы и способности, готовность планировать и действовать для достижения определенных результатов. Самооффективность проявляется в умении преодолевать препятствия, формировать на основе потребностей мотивацию, осуществлять контроль и самоконтроль, умение делать выбор.

Социологическая парадигма инвалидности вводит для характеристики субъекта еще одну категорию – агентность, которая понимается как готовность и способность к осознанному выбору. Агентность выпускников – необходимое условие для конструирования дальнейшего образовательного маршрута⁸.

Таким образом, **целью нашей статьи** является выявление на примере выпускников школ Ростовской области институциональных и личностных факторов выбора профессионально-образовательных маршрутов лицами с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья.

Методы и методология исследования

Социологическое исследование потребностей и возможностей получения профессионального образования детьми-инвалидами, инвалидами и лицами с ограниченными возможностями здоровья проводилось с 29 ноября по 20 декабря 2024 г. (сбор данных проводился до 2 декабря 2024 г.) с использованием метода анкетирования в десяти субъектах РФ. В статье представлены результаты опроса только обучающихся Ростовской области. Выборка имела целевой характер, дополненный мягким квотированием. В опросе приняли участие 103 выпускника с особыми образовательными потребностями, из них 56,3% посещают общеобразовательные школы, а 43,7% специальные (коррекционные) школы. Распределение респондентов по нозологическим группам: 25,2% – нарушения зрения; 25,2% – нарушения слуха, 29,1% – нарушения опорно-двигательного аппарата (ОДА); 20,4% – иные нарушения (дети, имеющие соматические и психические заболевания (имеющие сохранный интеллект)). Среди респондентов статус ребенок-инвалид имеют 36,9%, лицо с ОВЗ – 17,6%, инвалид с детства – 12,6%, группу инвалидности имеют 32,9% (1–8,7%, 2–8,7%, 3–15,5%). Опрос проходили только обучающиеся выпускных классов основной и средней ступеней школьного образования.

Результаты

Подавляющее большинство выпускников школ – 99% ориентированы на профессиональный выбор и получение профессионального образования. В выборе уровня дальнейшего образования выпускники отдают предпочтение средним профессиональным образовательным учреждениям. Эта общая тенденция характерна для обучающихся всех типов школ. Однако инклюзивный или коррекционный тип школы оказывают влияние на уровень притязаний выпускников. Для обучающихся с особыми образовательными потребностями средних общеобразовательных школ более характерна ориентация на получение высшего образования (таблица 1).

Существенное влияние на планы выпускников оказывает и тип нозологии. Особо следует отметить респондентов с нарушением слуха, из которых 61,5% планируют остановиться на рабочих профессиях в центре про-

⁸ Mumbardó-Adam, C., Sánchez, E. V., Simó-Pinatella, D., & Roselló, T. C. (2020). Understanding practitioners' needs in supporting self-determination in people with intellectual disability. *Professional Psychology: Research and Practice*, 51(4), 341–351. <https://doi.org/10.1037/pro0000292>

¹ Curryer, B., Stancliffe, R. J., Wiese, M. Y., & Dew, A. (2020). The experience of mothers supporting self-determination of adult sons and daughters with intellectual disability. *Journal of applied research in intellectual disabilities: JARID*, 33(3), 373–385. <https://doi.org/10.1111/jar.12680>

² Kúld, P. B., Frielink, N., Schuengel, C., & Embregts, P. J. C. M. (2024). Supporting self-determination of individuals with severe or profound intellectual and multiple disabilities according to relatives and healthcare professionals: A concept mapping study. *Journal of applied research in intellectual disabilities: JARID*, 37(4), e13267. <https://doi.org/10.1111/jar.13267>

³ Mumbardó-Adam, C., Sánchez, E. V., Simó-Pinatella, D., & Roselló, T. C. (2020). Understanding practitioners' needs in supporting self-determination in people with intellectual disability. *Professional Psychology: Research and Practice*, 51(4), 341–351. <https://doi.org/10.1037/pro0000292>

⁴ Casey, H., Desmond, D., & Coffey, L. (2024). Irish mothers' experiences of providing support in decision-making to adults with intellectual disabilities: A qualitative study. *British Journal of Learning Disabilities*, 52, 110–120. <https://doi.org/10.1111/bld.12553>

⁵ Neumann, K., Arnold, B., Baumann, A. et al. Neue Terminologie für Sprachentwicklungsstörungen? *Monatsschr Kinderheilkd* 169, 837–842 (2021). <https://doi.org/10.1007/s00112-021-01148-2>

⁶ Riobóo-Lois, B., Friero, P., González-Rodríguez, R., & Verde-Diego, C. (2024). Personal assistance, independent living, and people with disabilities: An international systematic review (2013–2023). *Disability and health journal*, 17(4), 101630. <https://doi.org/10.1016/j.dhjo.2024.101630>

⁷ Bandura, A. (1997). *Self-efficacy: The exercise of control*. W H Freeman/Times Books/ Henry Holt & Co.

фессиональной подготовки или в профессиональном лицее. Лишь немногие обучающиеся с нарушениями опорно – двигательного аппарата планируют продолжить обучение в высших учебных заведениях (таблица 2).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «После окончания школы я планирую...» с учетом типа школы

	Ответы всех респондентов	Ответы респондентов СОШ	Ответы респондентов С(К)ОШ
...обучаться в вузе	29,1	39,7	15,6
...обучаться в колледже или техникуме	50,	43,1	60,0
...обучаться в центре профессиональной подготовки, профессиональном лицее	19,4	15,5	24,4

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «После окончания школы я планирую...» с учётом нозологии

	Иные нарушения	Зрение	ОДА	Слух
...обучаться в вузе	47,6	46,2	23,3	3,8
...обучаться в колледже или техникуме	42,9	50,0	70,0	34,6
...обучаться в центре профессиональной подготовки, профессиональном лицее	4,8	3,8	6,7	61,5

Решение относительно уровня продолжения образования определяется не только желаниями, но и возможностями обучающихся. Притязания выпускников выше, чем заявленные планы после окончания школы, что в целом свидетельствует о сохранении образовательной траектории «школа – СПО – ВУЗ». Для выпускников коррекционных школ такой ступенькой к более высокому уровню образования рассматривается и получение рабочей профессии (таблица 3).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Какой уровень профессионального образования Вас бы удовлетворил в жизни»

Варианты ответов	%	СОШ	С(К)ОШ
4.3. высшее образование	43,7	51,7	33,3
4.2. среднее профессиональное образование	40,8	31,0	53,3
4.1. рабочая профессия	14,6	15,5	13,3
Пропущенные	1,0		

При выборе профессии выпускники лидирующими аргументами являются наличие интереса к профессии,

уровень оплаты труда и возможность освоения профессии с учетом наличного заболевания (рис. 1).

Этот набор сохраняется у выпускников различных типов школ, но для выпускников коррекционных школ учёт состояния здоровья при выборе профессии выше. Возможно именно поэтому «лёгкость» обучения играет для них большее значение, чем для выпускников средних общеобразовательных школ. В то же самое времени возможность карьерного роста играет меньшее значение для данной категории. Более существенно отличие в аргументации при выборе профессии у представителей различных нозологических групп. Ориентация на учёт состояния здоровья выше у респондентов с сенсорными ограничениями и нарушениями опорно-двигательного аппарата (табл. 4).

Рис. 1. распределения ответов на вопрос: «Какие основные аргументы (перечисленные ниже) учитывались или будут учитываться Вами при выборе профессии: (выберите три и проранжируйте в порядке значимости)»

Таблица 4. Какие основные аргументы (перечисленные ниже) учитывались или будут учитываться Вами при выборе профессии

	Накопленный %					
	СОШ	С(К)ОШ	иные	зрение	ОДА	слух
Эту профессию достаточно легко получить/ не сложно обучиться	15,5	20,0	9,5	11,5	23,3	23,1
С этой профессией достаточно легко найти работу (трудоустроиться)	24,1	26,7	23,8	34,6	20	23,1
Эта профессия является престижной (модной) в современном обществе	22,4	28,9	9,0	23,1	23,3	34,6
Это высокооплачиваемая профессия	53,4	51,1	52,4	50	50	57,7

	Накопленный %					
	СОШ	С(К)ОШ	иные	зрение	ОДА	слух
Эта профессия позволит сделать карьеру	34,5	28,9	42,9	26,9	46,7	11,5
Эту профессию выбирают большинство моих друзей и знакомых	15,5	13,3	0	7,7	16,7	30,8
Эту профессию реально освоить при моем заболевании	37,9	51,1	28,6	42,3	40	61,5
Эта профессия даст возможность для самореализации/я уже умею это делать	31	26,7	42,9	30,8	20	26,9
Эта профессия мне интересна/нравится	60,3	53,3	66,7	33,1	60	30,8

Состояние здоровье как ограничение воспринимают все выпускники в той или иной мере. 17,5% респондентов полагают, что их состояние может существенно повлиять на возможность получения профессионального образования. Все эти респонденты обучаются в коррекционных образовательных учреждениях. Вполне закономерно, что среди респондентов ощущающих состояние здоровья как барьер доступности профессионального образования преобладают выпускники с ограничениями по слуху и зрению. Распределение ответов «да, существенно»: нарушение зрения – 30,8%, слуха – 19,2%, ОДА – 10%, иные заболевания – 9,5%.

Каждый второй респондент полностью (50,5%) уверен, что окончательно определились с выбором профессии. Убежденность в собственном выборе практически не зависит от типа школы и нозологии, но коррелирует с классом обучения в совокупности с планируемым периодом обучения в школе. Например, высок уровень сомнения у обучающихся выпускных классов основной общеобразовательной школы, планирующих поступать в вузы.

Исследование подтвердило, что для обучающихся с особыми образовательными потребностями родители продолжают играть важную роль в выборе профессии. Только 14,6% респондентов отметили, что родители не играют никакой роли в выборе профессионально-образовательной траектории. Для учителей этот процент составил 42,7%. Для учащихся коррекционных школ характерно более внимательное отношение к мнению родителей и учителей. Уровень автономии в принятии решения выше у выпускников с иными заболеваниями (табл. 5).

Основными источником получения информации о профессиях является Интернет, 45,6% респондентов отметили, что использовали его в выборе дальнейшего направления образования. На втором месте среди

источников получения информации находятся разговоры с друзьями – 18,4%, несмотря на то, что только 14,6% отметили ранее, что выбор друзей является аргументом, который влиял на респондентов. На третьем месте остаются профориентационные мероприятия в школах – 17,5% (табл. 6).

Таблица 5. Какую роль в Вашем профессионально-образовательном выборе играли Ваши родители и учителя и наставники

	Родители		Учителя	
	СОШ	С(К)ОШ	СОШ	С(К)ОШ
Определяющую	25,9	26,7	6,9	11,1
Некоторую, я прислушивался, но выбирал сам (сама)	60,3	55,6	41,4	55,6
Никакой, я фактически выбирал сам (сама)	12,1	17,8	50,0	33,3

Таблица 6. Какие источники информации Вы используете/использовали для получения информации о профессиях при принятии решения

из интернета	45,6
СМИ: телевидение, радио.	1,9
буклеты, другие печатные информационные материалы	2,9
профориентационные мероприятия в школе	17,5
профориентационные мероприятия в профориентационных центрах	2,9
профориентационные мероприятия в вузах, колледжах, центрах профессиональной подготовки	5,8
в разговорах, от друзей, знакомых, родственников	18,4
в индивидуальном разговоре от учителей	2,9
в индивидуальном разговоре от психологов, тьюторов	4,9

Несмотря на то, что 85,4% респондентов оценили организацию профориентации в школе достаточно высоко (от 7 до 10 баллов) реальное участие выпускников в различных формах профориентации крайне низкое. Основное внимание в школе уделяется профессиональной диагностике, в которой принимали участие 38,8% респондентов. В образовательных учреждениях организуются экскурсии и встречи с представителями профессии. Во всех остальных формах участвовал только каждый десятый выпускник. В ответах респондентов, обучающихся в школах различного типа наблюдается различное отношение представителей профессиональных образовательных учреждений разного уровня. Так, представители вузов чаще посещают общеобразовательные учреждения инклюзивного типа, чем коррекционные школы, а представители колледжей большее внимание уделяют специализированным школам, несмотря на то, что планы многих выпускников общеобразовательных школ связаны с получением образования в колледжах и техникумах (табл. 7).

Подготовка к экзаменам, ситуация выбора, необходимость адаптации к новому коллективу и образовательному учреждению могут служить причиной страха и неуверенности выпускников, что подтвердили ответы респондентов. Две трети выпускников испытывают подобные негативные психологические чувства в разной степени: 13,6% – «да, очень страшно поступать», 49,5% – «отчасти страх (сильное волнение) присутствует».

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос: «В каких профориентационных мероприятиях, проводимых в школе и за рамками школы, Вы участвовали?»

	Общие	СОШ	С(К)ОШ
Профессиональная диагностика (в школе или в вузе/колледже)	38,8	37,9	40,0
Выезды в центры профподготовки (участие в мероприятиях центров, включая профдиагностику)	5,8	5,2	6,7
Встречи с представителями вузов в школе	7,8	10,3	4,4
Встречи с представителями колледжей/центров профподготовки в школе	5,8	1,7	11,1
Дни открытых дверей/профессиональные пробы в вузах/колледжах	6,8	10,3	2,2
Встречи с представителями профессии/выезды и экскурсии на предприятия, в организации	19,4	13,8	26,7
Олимпиады и научно-практические конференции	2,9	3,4	2,2
Конкурсы профессионального мастерства (в том числе, Абилимпикс)	1,9	0	4,4
Вебинары по вопросам профессионального выбора	4,9	6,9	2,2

Основной причиной страха является неуверенность в собственных знаниях (28,2%), хотя зачастую выпускники не могут конкретизировать основную причину. Для обучающихся в инклюзивных школах более характерны психологические страхи, связанные с высоким уровнем конкурентности среды и повышенными требованиями. Для обучающихся коррекционных школы выше страхи за соответствие собственных знаний требованиям и страхи, связанные с новой для них формой совместного обучения (табл. 8).

Таблица 8. Распределение ответов на вопрос: «С чем связано это чувство?»

	Общие	СОШ	С(К)ОШ
С неуверенностью в себе, в собственных знаниях	28,2	24,1	33,3
С предстоящим обучением в инклюзивных (общих группах)	9,7	8,6	11,1
С собственными психологическими барьерами	5,8		2,2
Не знаю с чем, но страх присутствует	16,5	8,6	13,3

	Общие	СОШ	С(К)ОШ
Другое («с собственным состоянием здоровья»)	2,9	5,2	0

Достаточно большое количество респондентов заявили, что им необходима доступная среда в профессиональном образовательном учреждении и требуются услуги специалистов (51,5%). При этом вполне закономерным является больший запрос на доступную среду у обучающихся коррекционных школ (77,8%) респондентов с сенсорными нарушениями и ОДА. Обучаться по адаптированной образовательной программе хотели бы обучаться 51,5% респондентов.

Оценивая собственную нуждаемость в сопровождении узких специалистов, высок запрос будущих абитуриентов на социальных педагогов, психологов и ассистентов. Услуги какого из ниже перечисленных специалистов могут Вам понадобиться в процессе обучения в вузе, колледже, центре профессиональной подготовки (табл. 9).

Таблица 9. Распределение ответов на вопрос: «Услуги какого из ниже перечисленных специалистов могут Вам понадобиться в процессе обучения в вузе, колледже, центре профессиональной подготовки?»

	Общие	СОШ	С(К)ОШ
Переводчика РЖЯ (русского жестового языка)	15,5	0	35,6%
Сурдопедагога	1	1,7	0
Тифлопедагога	2,9	0	6,7
Юриста	4,9	3,4	0
социального педагога	27,2	32,8	20,0
психолога	31,1	39,7	20,0
ассистента	15,5	19,0	11,1
другое	1,0	0	0

Но несмотря на достаточно высокий запрос на адаптацию и сопровождение в процессе получения профессионального образования респонденты достаточно оптимистичны во взглядах на готовность системы удовлетворить запрос.

Готовы ли, с Вашей точки зрения вузы, колледжи, центры профессиональной подготовки в Вашем городе/регионе принимать на обучение людей с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (табл. 10).

Таблица 10. Распределение ответов на вопрос: «Готовы ли, с Вашей точки зрения, вузы, колледжи, центры профессиональной подготовки в Вашем городе/регионе принимать на обучение людей с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (нарушения зрения, слуха, двигательной сферы, иные заболевания)»

	Общие	СОШ	С(К)ОШ
да, в городе (в регионе) есть несколько таких проф. учреждений	43,7%	32,8	60,0
да, в городе (в регионе) все проф учреждения такие	25,2%	31	15,6

	Общие	СОШ	С(К)ОШ
сложно сказать, поскольку еще не искал(а) информацию по этому вопросу	24,3%	31	15.6
нет, в городе (в регионе) нет таких проф учреждений	2,9%	1,7	4.4
нет, в городе (в регионе) нет таких вузов, но есть такие колледжи и центры профессиональной подготовки.	2,9%	1.7	4,4

Обсуждение и выводы

Ответ на исследовательский вопрос о том какие институциональные и личностные факторы определяют профессионально-образовательные маршруты выпускников с инвалидностью позволил автору глубже понять механизмы, влияющие на выбор профессии, а также выявить точки для возможного вмешательства и поддержки со стороны общеобразовательных школ и учреждений социальной защиты.

Социологическое исследование потребностей и возможностей получения профессионального образования выпускниками общеобразовательных школ Ростовской области показало, что учащиеся с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья имеют желание, стремление и намерение к получению профессионального образования. Они нацелены продолжать обучение в средних профессиональных и высших образовательных организациях. На уровень их профессиональных притязаний оказывает влияние тип общеобразовательной школы. Так, большинство выпускников коррекционных школ ориентированы на получение рабочих профессий. Молодые люди, завершившие свое обучение в обычной общеобразовательной школе планируют поступать в высшие учебные заведения.

Значительное влияние на планы выпускников оказывает тип нозологии. Основными аргументами при выборе будущей профессии для учащихся из обеих групп являются интерес к работе и уровень заработной платы. Дополнительным аргументом для выпускников коррекционных школ в этом вопросе является учет состояния их здоровья. Уровень поддержки со стороны родителей также играет важную роль в выборе профессии. При этом основными источниками информации о рынке труда, востребованности того или иного вида занятости для выпускников с инвалидностью остаются Интернет и друзья. Влияние на них профориентационных мероприятий, организуемых школами остается низким. При этом среди респондентов из обеих групп отмечается высокий уровень удовлетворенности профориентацией, проводимой в школах.

Литература

1. Аванесян К., Астоянц М., Тарасенко Л., Рыжова В., Дикая Л., Боровская М. (2022) Почему дети с инвалидностью не продолжают обучение в системе профессионального образования? // Журнал исследований социальной политики. Том 20. № 4. С. 625–644.
2. Bandura, A. (1997). Self-efficacy: The exercise of control. W H Freeman/Times Books/ Henry Holt & Co. (In English)
3. Casey, H., Desmond, D., & Coffey, L. (2024). Irish mothers' experiences of providing support in decision-

- making to adults with intellectual disabilities: A qualitative study. *British Journal of Learning Disabilities*, 52, 110–120. <https://doi.org/10.1111/bld.12553> (In English)
4. Cudré-Mauroux, A., Piérart, G., & Vaucher, C. (2020). Partnership with social care professionals as a context for promoting self-determination among people with intellectual disabilities. *Research in developmental disabilities*, 99, 103602. Advance online publication. <https://doi.org/10.1016/j.ridd.2020.103602> (In English)
 5. Curryer, B., Stancliffe, R. J., Wiese, M. Y., & Dew, A. (2020). The experience of mothers supporting self-determination of adult sons and daughters with intellectual disability. *Journal of applied research in intellectual disabilities: JARID*, 33(3), 373–385. <https://doi.org/10.1111/jar.12680> (In English)
 6. Kúld, P. B., Frielink, N., Schuengel, C., & Embregts, P. J. C. M. (2024). Supporting self-determination of individuals with severe or profound intellectual and multiple disabilities according to relatives and healthcare professionals: A concept mapping study. *Journal of applied research in intellectual disabilities: JARID*, 37(4), e13267. <https://doi.org/10.1111/jar.13267> (In English)
 7. Meral, B. F., Wehmeyer, M. L., Palmer, S. B., Ruh, A. B., & Yilmaz, E. (2023). Parenting Styles and Practices in Enhancing Self-Determination of Children With Intellectual and Developmental Disabilities. *American journal on intellectual and developmental disabilities*, 128(4), 282–301. <https://doi.org/10.1352/1944-7558-128.4.282> (In English)
 8. Mumbardó-Adam, C., Sánchez, E. V., Simó-Pinatella, D., & Roselló, T. C. (2020). Understanding practitioners' needs in supporting self-determination in people with intellectual disability. *Professional Psychology: Research and Practice*, 51(4), 341–351. <https://doi.org/10.1037/pro0000292> (In English)
 9. Neumann, K., Arnold, B., Baumann, A. et al. Neue Terminologie für Sprachentwicklungsstörungen?. *Monatsschr Kinderheilkd* **169**, 837–842 (2021). <https://doi.org/10.1007/s00112-021-01148-2> (In German)
 10. Riobóo-Lois, B., Frieiro, P., González-Rodríguez, R., & Verde-Diego, C. (2024). Personal assistance, independent living, and people with disabilities: An international systematic review (2013–2023). *Disability and health journal*, 17(4), 101630. <https://doi.org/10.1016/j.dhjo.2024.101630> (in English)

PROFESSIONAL AND EDUCATIONAL SELF-DETERMINATION OF SCHOOL LEAVERS WITH DISABILITIES OF PUBLIC SCHOOLS IN ROSTOV REGION

Detochenko L.S.

Institute of Philosophy and Social and Political Sciences of the Southern Federal University

The article considers the problem of professional and educational self-determination of school leavers with disabilities in the Rostov region. The paper bases on the results of the author's sociological research which includes conclusions about the organization of professional and educational route of school leavers with disabilities and the influence of institutional and personal factors on them. It is shown that continuing education in colleges and university depends on the complex interaction of the school leaver's family (its impact on a disabled child remains significant) and his self-confidence (in this case, the type of disease is crucial). It is noted that the effectiveness of vocational orientation activities conducted in public schools in the Rostov region remains low, with high satisfaction with the activities themselves on the part of school leavers. It is concluded that it is necessary to create an inclusive educational environment to meet the needs of school leavers with disabilities in professional self-determination.

The article contributes to the study of factors influencing the professional and educational self-determination of school leavers with disabilities and indicates directions for further research in this field.

Keywords: disability, professional self-determination, vocational orientation of school leavers, education system, labor market, inclusion, agency.

References

1. Avanesyan K., Astoyants M., Tarasenko L., Ryzhova V., Dikaya L., Borovskaya M. (2022) Why are children with disabilities not continuing their education in the system of professional training in The Journal of Social Policy Studies, 20 (4): 625–644 (in Russian)
2. Bandura, A. (1997). Self-efficacy: The exercise of control. W H Freeman/Times Books/ Henry Holt & Co.
3. Casey, H., Desmond, D., & Coffey, L. (2024). Irish mothers' experiences of providing support in decision-making to adults with intellectual disabilities: A qualitative study. *British Journal of Learning Disabilities*, 52, 110–120. <https://doi.org/10.1111/bld.12553>
4. Cudré-Mauroux, A., Piérart, G., & Vaucher, C. (2020). Partnership with social care professionals as a context for promoting self-determination among people with intellectual disabilities. *Research in developmental disabilities*, 99, 103602. Advance online publication. <https://doi.org/10.1016/j.ridd.2020.103602>
5. Curryer, B., Stancliffe, R. J., Wiese, M. Y., & Dew, A. (2020). The experience of mothers supporting self-determination of adult sons and daughters with intellectual disability. *Journal of applied research in intellectual disabilities: JARID*, 33(3), 373–385. <https://doi.org/10.1111/jar.12680>
6. Kúld, P. B., Frielink, N., Schuengel, C., & Embregts, P. J. C. M. (2024). Supporting self-determination of individuals with severe or profound intellectual and multiple disabilities according to relatives and healthcare professionals: A concept mapping study. *Journal of applied research in intellectual disabilities: JARID*, 37(4), e13267. <https://doi.org/10.1111/jar.13267>
7. Meral, B. F., Wehmeyer, M. L., Palmer, S. B., Ruh, A. B., & Yilmaz, E. (2023). Parenting Styles and Practices in Enhancing Self-Determination of Children With Intellectual and Developmental Disabilities. *American journal on intellectual and developmental disabilities*, 128(4), 282–301. <https://doi.org/10.1352/1944-7558-128.4.282>
8. Mumbardó-Adam, C., Sánchez, E. V., Simó-Pinatella, D., & Roselló, T. C. (2020). Understanding practitioners' needs in supporting self-determination in people with intellectual disability. *Professional Psychology: Research and Practice*, 51(4), 341–351. <https://doi.org/10.1037/pro0000292>
9. Neumann, K., Arnold, B., Baumann, A. et al. Neue Terminologie für Sprachentwicklungsstörungen?. *Monatsschr Kinderheilkd* 169, 837–842 (2021). <https://doi.org/10.1007/s00112-021-01148-2> (In German)
10. Riobóo-Lois, B., Friero, P., González-Rodríguez, R., & Verde-Diego, C. (2024). Personal assistance, independent living, and people with disabilities: An international systematic review (2013–2023). *Disability and health journal*, 17(4), 101630. <https://doi.org/10.1016/j.dhjo.2024.101630>

Бельгийский культурный код в национальной рекламе

Ермакова Элла Владимировна,

кандидат исторических наук, доцент, кафедра французского языка, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России)
E-mail: ella_ermakov@mail.ru

История человечества неразрывно связана с явлением, которое сегодня называется «рекламой». Вместе с появлением в человеческом обществе рынка товаров и услуг возникла необходимость оповещения о товарах и услугах. На сегодняшний день существуют различные определения «рекламы», которые сводятся, в конечном счёте, к тому, что это одна-правленная форма неличной коммуникации на платной основе с целью привлечь внимание к объекту рекламирования. Сам термин «реклама» появился в странах Западной Европы в середине XVIII в., когда помимо сформировавшегося рынка товаров и услуг появились ещё и потребительский рынок, и новые средства распространения информации. Королевство Бельгия в данном контексте имеет хрестоматийное значение. Это новое государство в Европе, возникшее в 1831 г., очень быстро стало догонять по экономическому развитию своих мощных соседей, в частности Францию, которая традиционно оказывала большое влияние на Бельгию. Развитие бельгийской рекламы, её художественные особенности неразрывно связаны с французским мировоззрением. При этом бельгийские художники-графики в начале XX в. осуществили настоящий прорыв в сфере авторской рекламы. Первое место среди них по праву принадлежит Жоржу Реми (Эрже).

Ключевые слова: Бельгия, реклама, бельгийский культурный код, графика, ар-нуво, Иоганн Гутенберг, Теофаст Рендо, Эмиль де Жирардэн, плакаты Шере, комиксы, Жорж Реми (Эрже), «Приключения Тэнтэна».

История явления, которое сегодня называется рекламой, уходит корнями в глубокую историю. Существует мнение, что 1000 год до нашей эры может считаться точкой отсчёта появления информационных объявлений и рисунков, которые считаются предшественниками современной рекламы. В Древнем Риме первые изображения рекламного характера возникали на фресках во славу гладиаторов, воинов и высших руководителей. В Античные времена информация о событиях или о месторасположении объектов часто изображалась на стенах домов, чтобы быстро и эффективно привлечь внимание прохожих. В древности коммерсанты активно использовали поверхности ларьков для внешней рекламы своей продукции. Так в Помпее археологи находили многочисленные фрески не только с анонсами спортивных событий, к которым относились и сражения гладиаторов, но и осколки глиняных табличек с наименованиями таверн, магазинов и других публичных мест [15].

Например, в Древнем Риме для различных анонсов использовались специально побелённые стены домов, где горожане могли ознакомиться как с объявлениями о продаже рабов, так и о скидках на промышленные товары. Такие объявления назывались «альбомами» от латинского «album» – белое, что доказывало большое значение рекламы той эпохи для торговых и социальных контактов [16].

В Средние века реклама, как и другие области цивилизованного общества, переживала упадок. Письменные объявления полностью исчезли из европейских городов из-за тотальной неграмотности населения. Зато появились уличные зазывалы и глашатаи, которые в самой разнообразной форме, часто театрализованной, рассказывали горожанам и последние новости, и оглашали указы и продвигали услуги и товары. Часто они использовали бубны и горны, чтобы быстрее привлечь внимание публики. Интересно, что в те тёмные времена, как часто говорят о Средневековье, по сути, была заложена основа современной аудиовизуальной рекламы. Область интересов средневековых «промоутеров» распространялась не только на города, но и на сельскую местность. Их деятельность была строго регламентирована и структурирована властями [6, с. 203–217].

Первые рекламные объявления в привычном для нас виде появились в Западной Европе в XV в. и связаны с изобретением типографского станка. Отпечатанные типографским образом уличные листовки распространялись зазывалами, а уличная реклама снова, как и в Античные времена, появилась на стенах домов, магазинов и таверн. Уличная реклама в виде более красочных и изобретательных афиш и плакатов служила главным источником информации для неграмотного в большинстве своём населения. С течением времени уличный вид рекламы стал основным средством визуальной коммуникации.

Большое значение для экономического развития Средневековой Европы, а также для продвижения товаров имели ярмарки и рынки. Ярмарки проводились в основном раз в год вокруг какого-либо религиозного события, которое объединяло в одном месте и торговцев и покупателей разных вероисповеданий. В Западной Европе главной торговой площадкой была знаменитая ярмарка в Шампани (Франция), на которой было задействовано

огромное количество глашатаев и зазывал для более эффективного обмена товарами и для распространения информации о новинках. Эти торговые форумы не только структурировали местную экономику, но и усиливали социальные связи между сообществами.

Изобретение первого печатного станка немецким ювелиром Иоганном Гутенбергом в 1440 г. считается одним из эпохальных изобретений человечества, положившим начало современному пониманию формы и роли средств массовой информации [2].

Ключевой фигурой в области рекламы эпохи Возрождения считается французский врач и журналист, основатель французской рекламы Теофаст Ренодо. В 1633 г. он впервые решает выпустить параллельно со своим еженедельным изданием «Газетт» брошюру с объявлениями от частных лиц и коммерсантов. Этот опыт открыл дорогу рекламным объявлениям в прессе, которые в наши дни мы считаем чем-то обыденным и естественным [7, с. 29].

В 1836 г. Эмиль де Жирардэн, французский журналист и политик, впервые предложил публиковать рекламу в газетах и журналах, чтобы снизить стоимость подписки за счёт рекламных поступлений. Новый опыт был настолько удачен, что мгновенно получил глобальное распространение. Прежний формат афиш, объявлений, макетов, людей-сэндвичей дополнился новыми формами [13, с. 88–89].

Развитие литографии, этого нового вида печатной графики, основанной на технике плоской печати, позволило в XIX – начале XX вв. создавать более красочные и масштабные афиши. Многие плакаты отличались художественным вкусом и со временем стали представлять художественную ценность. В этом контексте нельзя не упомянуть имя французского художника и литографа Жюль Шере, который на рубеже XIX–XX вв. превратил литографическую продукцию в произведения искусства. Его манера была сформирована под влиянием английской графической школы, систему которой Шере изучал в Великобритании в течение десяти лет. Первые новаторские афиши Шере появились в 1867 г. Его работы с рекламой известных французских кабаре и театров отличались великолепной художественной техникой, живостью и иронией. С течением времени афиши и плакаты Шере стали рассматриваться как истинные произведения искусства [9]. И уже к 1900 г. 40% рекламных расходов приходилось на прессу, 20% – на каталоги и проспекты, 25% на афиши, 15% – на календари, подарки и т.д. [8].

XIX в. стал эпохой индустриальной революции. В этой связи наружная реклама в виде объявлений, афиш и плакатов, какими мы их знаем сегодня, появилась вследствие промышленного бума в Европе и стремительного перехода к развитому капитализму и соответственно к обществу массового потребления.

Таким образом, красочные, весёлые и остроумные афиши и плакаты на рубеже двух столетий приобрели огромное культурное и экономическое значение, оказывая влияние на торговлю и внешний облик городов [12, с. 17–27; 17].

Бельгия в то время занимала второе место после Великобритании по промышленному развитию. Поэтому наружная реклама, как в бумажном виде, так и в формате настенных объявлений, получила в стране самое широкое распространение, позволив этому молодому государству (Королевство Бельгия было создано лишь в 1831 г.) в самые короткие сроки догнать и перегнать большинство своих европейских конкурентов, которые начали работать с рекламой гораздо раньше. Страна идеально подходила для массивного проникнове-

ния рекламы по двум основным показателям: плотности населения (377 человек на кв.км.) и одному из самых высоких уровней городского населения (98%) [18].

Главной задачей тогда ещё только наружной рекламы было завладеть вниманием прохожих за считанные секунды. Если использовать профессиональные термины рекламы, речь идёт о «контакте» с информацией и о «запоминании». С этих двух позиций наружная реклама была и остаётся самой эффективной.

Развитие литографии, о которой в общих чертах было сказано выше, привело к использованию цвета в рекламных афишах, что привело к рождению нового вида искусства, плакатной живописи. Родоначальниками и наиболее яркими представителями этого направления второй половины XIX в. Стали всемирно известные французские художники Жюль Шере и Анри Тулуз-Лотрек. В Бельгии, которая всегда была ориентирована на соседнюю Францию, появляется их последователь. Бельгийский художник-график – Антуан Прива-Ливмон, получивший художественное образование у себя на родине. С 1883 по 1889 гг. он жил в Париже и участвовал в оформлении таких знаменитых зданий как Парижская мэрия, Парижская опера и Парижский театр-Комеди Франсэз. По возвращении в Бельгию Антуан Прива-Ливмон занялся керамикой, росписью тканей, литографией и графикой. Его первые афиши появились в 1890 г. и принесли их автору оглушительный успех, поставив его в один ряд с наиболее известными представителями ар-нуво [4].

Каждый исторический период выводит на авансцену новые персонажи. Бельгийское рекламное пространство первой половины XX в. наполнилось новым именем. Жорж Проспер Реми, который во всём мире известен как Эрже, автор всемирно известных комиксов о приключениях молодого бельгийского журналиста Тэнтэна и его фокстерьера Милу, смело ворвался в сложный мир мировой рекламы. Псевдоним Эрже представляет собой перевёрнутый акроним «Р.Ж. – Реми Жорж». Художественным стилем творчества Эрже является так называемая «чистая линия», разработанная специально для своих комиксов. Эта художественная техника характеризуется, в частности, строгими правильными чёрными линиями, плоскими цветами, практическим отсутствием тени у персонажей (за исключением автомобилей), реализмом декораций, точным совпадением изображения и текста. В дальнейшем эту технику переняли представители поп-арта.

Жорж Реми (Эрже) родился в 1907 г. в городе Эттербек, в Брананте в семье служащего. Сегодня это часть Брюссельского столичного региона. Рисовать в своей особенной манере он начал в школе во время занятий. Рисунки заполняли поля всех его ученических тетрадей. Причём все они сопровождалась филактерами, теми самыми знаменитыми «пузырями» с репликами персонажей. До Эрже никто никогда не применял подобный метод [5].

Первый опыт Эрже в рекламе относится к 1927 году, за два года до рождения главного героя его творчества Тэнтэна. Это была привлекательная иллюстрация гуталина Кортин, которая принесла Эрже коммерческий успех. И уже в начале 1930-х годов он открывает собственное рекламное агентство «Ателье Эрже», в котором создаётся серьёзная реклама для таких крупных клиентов как Национальная железнодорожная компания Бельгии, автомобильный концерн Форд, шоколад Жак, сеть универмагов Бон Марше и других. Иногда Эрже использовал в рекламных рисунках приёмы комиксов. И даже когда впервые появился знаменитый Тэнтэн, некоторые его реплики были повторением известной

в то время рекламы. Например, его возглас «Я упиваюсь препятствием» (Je bois l'obstacle) взято из рекламы, которую Эрже создал для шин Мишлен.

Знаменитые приключения Тэнтэна в виде комиксов впервые появились в 1929 г. с посещения сначала Советского Союза, а потом бельгийского Конго, поставив автора на вершину невиданной популярности и финансового успеха в мире «весёлых картинок».

Здесь уместно остановиться на термине «реклама», который присутствует в романских языках и отсутствует в русском языке. Так во французском языке существуют два термина: «reclame» и «publicité». Первый термин относится к устаревшим формам рекламы в эпоху ее зарождения вплоть до середины XIX в. Тогда всё внимание рекламного объявления было сосредоточено только на информации о товаре или услуге, предоставляя потенциальным покупателям самостоятельно сделать выбор. Зачастую информация сопровождалась красочными иллюстрациями знаменитых художников. Старая реклама была действенным инструментом торговли в эпоху, когда конкуренция не была столь жёсткой, как в наши дни.

Современный термин рекламы, «publicité», появившийся в Западной Европе во время промышленной революции XIX в., относился не только к информации о товаре, но и к задаче заинтриговать, соблазнить, убедить потенциального покупателя, предопределить его выбор при помощи новых средств информации. Новая стратегия отражала необходимость не только придать новый импульс возросшему товарообороту, но и изменить всю стратегию потребления.

Изначальный термин рекламы «reclame» окончательно уступает место новому термину «publicité» к середине XIX в. [10].

Рекламный опыт Эрже приходится на двадцатые годы XX в., на самый расцвет промышленной революции в Западной Европе. Бельгия превращается в одну из ведущих промышленных стран мира, создаются крупные предприятия и компании. Тонкие линии, неожиданные соединения красок и оригинальные сюжеты рекламных иллюстраций Эрже полностью отвечали запросам времени. Потребители, сами не замечая, покупали те товары, которые были искусно вписаны в контекст завораживающих иллюстраций. Новые виды бельгийского шоколада, пива, печенья благодаря Эрже становятся популярными не только в Бельгии, но и за её пределами. Реклама приобретала более структурированный, рациональный и, даже, научный формат для воздействия не только на восприятия потребителя, но и на поведение потребления.

К этому поворотному периоду относится и возрастающая популярность новой сферы интересов Эрже – комиксов. Он никогда не считал комиксы чем-то серьёзным и тем более выгодным с финансовой точки зрения. Привычка создавать рекламные иллюстрации не могла не отразиться на комиксах о приключениях Тэнтэна. Уже с первого появления забавного героя на картинках появляются предметы, продукты или их названия, которые сопровождают его в путешествиях.

В серьёзном научном исследовании «Эрже и реклама», вышедшем в бельгийском издательстве Weyrich Editions в 2016 г., известный бельгийский учёный в области маркетинга Жан-Клод Журе проводит детальный анализ взаимопроникновения рекламы и комиксов в творчестве Эрже [14].

Причём, создавая своего героя, автор меньше всего стремился к финансовому успеху. Он селективно относился к рекламодателям, которые всякий раз уговаривали его разместить в комиксах их продукцию. Так, к при-

меру, компания Филипс просила поместить изображение своего диктофона в руках Тэнтэна в альбоме «Драгоценности Кастафьоры» (Les Bijoux de la Castafiore). Эрже согласился, но диктофоном в итоге пользовался второстепенный персонаж, а названия марки вообще было не видно.

Для приключений Тэнтэна Эрже придумал ещё один приём – создание новых марок товаров, названия которых напоминали известные бренды. Например, название французского журнала «Пари Матч» у Эрже трансформировался в «Пари Флаш», духи от Кристиана Диора преобразовались в Тристана Биора... Но под изменёнными названиями читатели комиксов легко узнавали оригиналы, что можно считать достаточно эффективным приёмом косвенной рекламы.

Ситуация кардинально поменялась в 1970–1980 гг. Чтобы содержать ателье Эрже снова вернулся к своему первоначальному опыту рекламщика. В приключениях Тэнтэна, включая последний полный альбом «Тэнтэн и плуты», появляется всё больше рекламной продукции весьма далёкой от интересов детской аудитории, которая составляла большую часть его читателей: автомобили Ситроен, нефтяная компания Эссо, сигары Сенатор, газовое оборудование и другое.

Феномен невероятной популярности комиксов о приключениях Тэнтэна изучали и изучают социологи и специалисты в области маркетинга ведущих мировых университетов. Одной из доминирующих версий считается миролюбие и уважительное отношение главного героя к тем странам и народам, с которыми он знакомился во время путешествий, не теряя при этом собственной бельгийской аутентичности. Более того, Эрже через своего героя передаёт собственное видение мира, которое сегодня называется многополярностью. Это мировоззрение окончательно оформилось после выхода альбома «Голубой лотос» (Lotus bleu) в 1935 году [11].

Речь идёт о поездке Тэнтэна в Китай, где он знакомится с молодым местным жителем, с которым он достаточно много говорит об особенностях культуры обеих стран. В конце концов персонажам этой истории удаётся избавиться от первоначальных взаимных предрассудков и штампов, виной которым, по их мнению, является обыкновенное незнание друг друга. Но в каждом новом альбоме о приключениях Тэнтэна автор не забывает напомнить про бельгийский культурный код своего героя. По мнению Эрже, Тэнтэн соединил в себе бельгийский прагматизм с чувством сопереживания другим людям и миролюбивыми взглядами. Он готов самоотверженно помогать слабым и бедным, с уважением принимать чужие нравы и обычаи. При этом ему свойственно известное бельгийское остроумие и способность несерьёзно говорить о серьёзном. Все эти высокие качества главного героя не мешают ему одновременно знакомить весь мир с новыми марками бельгийских шоколада, пива и фриттов, помещая их изображения где-нибудь в углу картинки.

Именно поэтому невероятные приключения Тэнтэна и фокстерьера Милу с огромным интересом читали и читают в разных уголках нашей планеты [11].

Благодаря ненавязчивой, аккуратно вписанной рекламе поклонники Эрже во многих странах мира превращались в потенциальных покупателей того или другого продукта и одновременно узнавали Бельгию, её жителей, их особенности, вкусы. Формула «то, что нравится Тэнтэну и Милу, должно понравиться и мне и моей собаке» актуальна до сих пор.

Эрже ушёл из жизни в 1983 г., не успев закончить последний 24-й альбом «Тэнтэн и Альф-Арт». Приключения должны были привести героя в тёмный мир сект,

современного авангардного искусства и его экстравагантных представителей. В 1986 г. художники «Ателье Эрже» всё же завершили и выпустили последний альбом Эрже, посвятив оконченную работу его гениальному создателю.

Реклама с течением времени приобретала разные формы. От простых уличных объявлений до современных цифровых образцов. Бельгия сегодня стала одной из самых привлекательных европейских стран по размещению рекламы, т.к. большинство её населения проживает в городах с самой высокой плотностью населения в Европе. Столица Брюссель превратилась в масштабную рекламную экспозицию, где сегодня используются все виды современной рекламы: уличная, печатная, аудиовизуальная, цифровая. Последний вид, как кажется, не оставляет шансов другим категориям рекламы. Но это только на первый взгляд. Согласно исследованиям авторитетного французского агентства по коммуникациям Публицис групп (Publicis groupe), самым действенным видом рекламы по-прежнему остаются уличные афиши, плакаты и прочие объявления, которые видят прохожие. Второе место принадлежит печатной рекламе, к которой относятся и газеты, и журналы, а также комиксы. Только в 2019 году было продано 219 миллионов экземпляров приключений Тэнтэна, что подтверждает этот вывод [5].

В своём завещании Жорж Реми (Эрже) распорядился запретить выпуск альбомов приключений Тэнтэна после его смерти. Несмотря на то, что этот пункт его последней воли строго выполняется, число поклонников творчества Эрже не становится меньше. Крупные европейские столицы регулярно устраивают выставки произведений Эрже, которые пользуются по-прежнему большим успехом.

Если использовать современную терминологию, творчество Эрже очень близко к так называемой нативной рекламе, т.е. рекламе, которая логично встраивается в содержание и дизайн какого-либо контента, в данном случае комиксов. Она может отличаться от обычной рекламы своей художественной ценностью и завуалированным продвижением товара. Но, всё же, было бы слишком просто ограничить творчество Эрже какой-либо стандартной рекламной категорией. Его альбомы, скетчи, афиши представляют собой уникальный симбиоз высокой художественности и маркетинговой интуиции, которые не удаётся повторить пока никому [3].

Несмотря на то, что сфера рекламы, как и другие области современного мира, всё более испытывает на себе влияние глобальных процессов, национальные особенности каждой страны по-прежнему имеют большое значение в её формировании. Менталитет аудитории, её историческое своеобразие, привычки потребления потенциальных покупателей их интеллектуальные и эстетические предпочтения и вкусы – эти факторы необходимо учитывать для создания эффективного рекламного продукта. Творчество Эрже трудно назвать «рекламным продуктом». Его комиксы до сих пор представляют собой образец гармоничного сочетания высокой художественности и эффективности рекламы, ставя его произведения в один ряд не только с лучшими образцами авторской рекламы, но и значимыми классическими произведениями графического изобразительного искусства.

Литература

1. Агеев В., Мудров А.Н., Мейер В.С., Александров А.Н., Павлов С.М., Лебедева И.В., Алексеева М.А. Определение рекламы. [Электронный ресурс] // Индустрия рекламы, 2009–2022. URL: <https://adindustry.ru/doc/1120> (дата обращения: 05.02.2025)..
2. Немировский Е.Л. Иоганн Гутенберг (около 1399–1468). М.: Наука, 1989. 320 с.
3. Что такое реклама: простыми словами об огромной индустрии // Skillbox Media, 09.11.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://skillbox.ru/media/marketing/chto-takoe-reklama-prostymi-slovami-ob-ogromnoy-industrii/> (дата обращения: 05.02.2025).
4. Antoine PRIVAT-LIVEMONT // Galerie 1 2 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.galerie123.com/fr/artists/14015/antoine-privat-livemont-original-vintage-poster/> (дата обращения: 05.02.2025).
5. Assouline Pierre. Hergé (biographie), Paris, Éditions Gallimard, coll. « Folio » (no 3064), 1996, 463 p.
6. Boudreau C. Les crieurs publics à la fin du Moyen Âge. Enjeux d'une recherche. Information et société en Occident à la fin du Moyen Âge, Paris, Publications de la Sorbonne, 2004. Pp. 203–217.
7. Chupin Ivan, Nicolas Hubé et Nicolas Kaciaf, Histoire politique et économique des médias en France, Paris, La Découverte, 2009, 126 p. P. 29.
8. Collard Yves. La publicité, une longue histoire // Média Animation, 20.02.2007. [Электронный ресурс]. URL: <https://media-animation.be/La-publicite-une-longue-histoire.html> (дата обращения: 05.02.2025).
9. Collins Bradford R. The Poster as Art; Jules Chéret and the Struggle for the Equality of the Arts in Late Nineteenth-Century France // Design Issues, Vol. 2, No. 1, 1985, pp. 41–50.
10. De la réclame à la publicité: en route vers la modernité! // SAS Agence EASY. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.easy-4you.fr/infos-pratiques/contact-easy-agence-communication-saint-remy-de-provence.html> (дата обращения: 05.02.2025).
11. Delcorde Raoul. Tintin et une représentation du monde empreinte d'humanisme et d'empathie // Le Devoir. 19.01.2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ledevoir.com/opinion/idees/429279/50e-anniversaire-de-la-visite-d-herge-a-montreal-tintin-et-la-representation-du-monde> (дата обращения: 05.02.2025).
12. Eveno P. Médias et publicité: une association équivoque mais indispensable // Le Temps des médias, 2004/1 (n° 2), pp. 17–27.
13. Jeanneney Jean-Noël. Le duel Carrel-Girardin // L'Histoire, no. 342, mai 2009, pp. 88–89.
14. Joutet Jean-Claude. Dans «Herge et la publicité» // L'echo. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lecho.be/culture/litterature/tintin-au-pays-du-marketing/9735223.html> (дата обращения: 05.02.2025).
15. Laurie BÉLIER. L'histoire de la publicité en 5 minutes de lecture chrono. // Blog, Les Chroniques du Groupe Com'Unique [Электронный ресурс]. URL: <https://groupe-com-unique.com/lhistoire-de-la-publicite-en-5-minutes-de-lecture-chrono/> (дата обращения: 05.02.2025).
16. L'histoire de la publicité // Narratiiv [Электронный ресурс]. URL: <https://www.narratiiv.school/actualites/communication/lhistoire-de-la-publicite> (дата обращения: 05.02.2025).
17. Pouillard V. La publicité en Belgique. 1850–1975. Des courtiers aux agences internationales, Bruxelles, Académie Royale de Belgique, 2005 (Mémoire de la Classe des Lettres, coll. in-8°, 3e série). 509 p.
18. Une brève histoire de l'affichage publicitaire à Bruxelles. 4 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.lafonderie.be/wp-content/uploads/2023/12/2023_11_LF_histoire_affichage_publicitaire_FD.pdf (дата обращения: 05.02.2025).

BELGIAN CULTURAL CODE IN NATIONAL ADVERTISING

Ermakova E.V.

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The history of mankind is inextricably linked with the phenomenon that is today called "advertising". Together with the emergence of the market of goods and services in human society, the need arose to notify about goods and services. Today, there are various definitions of "advertising", which ultimately boil down to the fact that it is a one-way form of impersonal communication on a paid basis with the aim of attracting attention to the object of advertising. The term "advertising" itself appeared in Western European countries in the middle of the 18th century, when in addition to the formed market of goods and services, a consumer market and new means of disseminating information also appeared. The Kingdom of Belgium in this context has a textbook significance. This new state in Europe, which emerged in 1831, very quickly began to catch up with its powerful neighbors in economic development, in particular France, which traditionally had a great influence on Belgium. The development of Belgian advertising, its artistic features are inextricably linked with the French worldview. At the same time, Belgian graphic artists at the beginning of the 20th century made a real breakthrough in the field of authorial advertising. The first place among them rightfully belongs to Georges Remi (Hergé).

Keywords: Belgium, advertising, Belgian cultural code, graphics, Art Nouveau, Johann Gutenberg, Théophraste Renaudot, Emile de Girardin, Cheret posters, comics, Georges Remi (Hergé), "The Adventures of Tintin".

References

1. Ageev V., Mudrov A.N., Mejer V.S., Aleksandrov A.N., Pavlov S.M., Lebedeva I.V., Alekseeva M.A. Opredelenie reklamy. [Definition of advertising] // Industriâ reklamy [Advertising industry], 2009–2022. [Electronic resource]. URL: <https://adindustry.ru/doc/1120>. (accessed: 05.02.2025).
2. Nemirovskij E.L. Iogann Gutenberg (okolo 1399–1468). M.: Nauka, 1989. 320 p.
3. Čto takoe reklama: prostymi slovami ob ogromnoj industrii [What is advertising: in simple words about a huge industry] // Skillbox Media, 09.11.2022. [Electronic resource]. URL: <https://skillbox.ru/media/marketing/chto-takoe-reklama-prostymi-slovami-ob-ogromnoj-industrii/> (accessed: 05.02.2025).
4. Antoine PRIVAT-LIVEMONT // Galerie 1 2 3. [Electronic resource]. URL: <https://www.galerie123.com/fr/artists/14015/antoine-privat-livemont-original-vintage-poster/> (accessed: 05.02.2025).
5. Assouline Pierre. Hergé (biographie), Paris, Éditions Gallimard, coll. « Folio » (no 3064), 1996, 463 p.

6. Boudreau C. Les crieurs publics à la fin du Moyen Âge. Enjeux d'une recherche. Information et société en Occident à la fin du Moyen Âge, Paris, Publications de la Sorbonne, 2004. Pp. 203–217.
7. Chupin Ivan, Nicolas Hubé et Nicolas Kaciaf, Histoire politique et économique des médias en France, Paris, La Découverte, 2009, 126 p. P. 29.
8. Collard Yves. La publicité, une longue histoire // Média Animation, 20.02.2007. [Electronic resource]. URL: <https://media-animation.be/La-publicite-une-longue-histoire.html> (accessed: 05.02.2025).
9. Collins Bradford R. The Poster as Art; Jules Chéret and the Struggle for the Equality of the Arts in Late Nineteenth-Century France // Design Issues, Vol. 2, No. 1, 1985, pp. 41–50.
10. De la réclame à la publicité: en route vers la modernité! // SAS Agence EASY. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.easy-4you.fr/infos-pratiques/contact-easy-agence-communication-saint-remy-de-provence.html> (дата обращения: 05.02.2025).
11. Delcorde Raoul. Tintin et une représentation du monde empreinte d'humanisme et d'empathie // Le Devoir. 19.01.2015. [Electronic resource]. URL: <https://www.ledevoir.com/opinion/idees/429279/50e-anniversaire-de-la-visite-d-herge-a-montreal-tintin-et-la-representation-du-monde> (accessed: 05.02.2025).
12. Eveno P. Médias et publicité: une association équivoque mais indispensable // Le Temps des médias, 2004/1 (n° 2), pp. 17–27.
13. Jeanneney Jean-Noël. Le duel Carrel-Girardin // L'Histoire, no. 342, mai 2009, pp. 88–89.
14. Jouret Jean-Claude. Dans «Hergé et la publicite» // L'echo. [Electronic resource]. URL: <https://www.lecho.be/culture/litterature/tintin-au-pays-du-marketing/9735223.html> (accessed: 05.02.2025).
15. Laurie BÉLIER. L'histoire de la publicité en 5 minutes de lecture chrono // Blog, Les Chroniques du Groupe Com'Unique [Electronic resource]. URL: <https://groupe-com-unique.com/lhistoire-de-la-publicite-en-5-minutes-de-lecture-chrono/> (accessed: 05.02.2025).
16. L'histoire de la publicité // Narratiiv [Electronic resource]. URL: <https://www.narratiiv.school/actualites/communication/lhistoire-de-la-publicite> (accessed: 05.02.2025).
17. Pouillard V. La publicité en Belgique. 1850–1975. Des courtiers aux agences internationales, Bruxelles, Académie Royale de Belgique, 2005 (Mémoire de la Classe des Lettres, coll. in-8°, 3e série). 509 p.
18. Une brève histoire de l'affichage publicitaire à Bruxelles.4 p. [Electronic resource]. URL: https://www.lafonderie.be/wp-content/uploads/2023/12/2023_11_LF_histoire_affichage_publicitaire_FD.pdf (accessed: 05.02.2025).

Зейналлы Рафаэля Риза Оглы,

ассистент кафедры экономики и менеджмента, Институт общественного здоровья им. Н.П. Григоренко ВО «ВолгГМУ» Минздрава России
E-mail: zeynally@volgmed.ru

Статья посвящена комплексному анализу социокультурных практик молодежной политики в современных российских вузах. Актуальность темы обусловлена ключевой ролью университетов в формировании ценностных ориентаций и моделей поведения студенческой молодежи. Цель исследования – выявить специфику и основные тенденции реализации молодежной политики в контексте социокультурных трансформаций высшего образования. В работе применялись методы анкетного опроса, фокус-групп, экспертного интервью, контент-анализа документов. Установлено, что в большинстве вузов молодежная политика носит фрагментарный характер, ориентирована преимущественно на культурно-досуговую деятельность. Выявлен дефицит практик вовлечения студентов в социально-проектную активность (коэф. участия – 0,37), волонтерство (0,42), студенческое самоуправление (0,28). Зафиксировано противоречие между декларируемой субъектностью молодежи и директивным стилем управления (экспертная оценка – 3,6 из 5). Определены факторы эффективности молодежной политики: системность ($r=0,74$), ресурсная обеспеченность ($r=0,69$), компетентность организаторов ($r=0,66$). Результаты исследования позволяют концептуализировать модель социокультурных практик молодежной политики, ориентированную на активизацию созидательного потенциала студенчества. Обоснована необходимость разработки индикаторов и регулярного мониторинга эффективности данных практик. Сделан вывод о значимости молодежной политики как стратегического направления развития университетов.

Ключевые слова: молодежная политика, социокультурные практики, высшее образование, студенчество, социальная активность, ценностные ориентации.

Введение

Молодежная политика в современных университетах выступает значимым фактором социализации студенчества, формирования его мировоззренческих установок и поведенческих паттернов. Данная проблематика находится в фокусе целого ряда социологических, педагогических, психологических исследований [1; 3; 7]. Особое внимание уделяется анализу ценностных ориентаций молодежи в контексте образовательной среды вуза [2; 5], роли студенческого самоуправления [4; 6], добровольчества [8; 11], социально-проектной деятельности [9; 12]. Вместе с тем, несмотря на актуальность и практическую значимость, многие аспекты молодежной политики в университетах остаются недостаточно изученными. Отсутствует единое концептуальное видение ее сущности и приоритетов, нет общепринятой трактовки базовых понятий. Так, в научном дискурсе используются термины «воспитательная работа», «внеучебная деятельность», «социокультурная деятельность», зачастую как взаимозаменяемые [2; 6]. При этом упускается интегративный характер молодежной политики, охватывающей все сферы жизнедеятельности студенчества [1; 5]. Слабо проработанными остаются вопросы критериев и показателей эффективности реализуемых мер [3; 7]. Отмечается преобладание количественных индикаторов (число мероприятий, охват участников) при недооценке качественных параметров – ценностно-мотивационных эффектов, субъективных смыслов студенческой активности [4; 9]. Дискуссионным является соотношение педагогического управления и самоорганизации в практиках молодежной политики [8; 12]. Таким образом, очевидна потребность в комплексном социологическом анализе социокультурных практик молодежной политики в вузах. Актуальность подобного исследования обусловлена как дефицитом системных научных представлений в данной области, так и запросом управленческой практики на концептуальные модели и технологии реализации молодежной политики, адекватные современным социокультурным вызовам. Настоящая работа нацелена на выявление специфики и основных тенденций социокультурных практик молодежной политики в российских университетах. Ключевыми задачами выступают: определение степени вовлеченности студентов в различные виды активности; анализ субъективного восприятия и оценок эффективности данных практик; концептуализация факторов и условий их оптимизации.

Научная новизна исследования связана с разработкой авторской теоретической модели социокультурных практик как системного компонента молодежной политики вуза. Данная модель интегрирует ценностно-нормативный, институциональный, деятельностный аспекты и позволяет анализировать молодежную политику в контексте трансформаций высшего образования. Впервые получены репрезентативные эмпирические данные, раскрывающие противоречия реализации молодежной политики и позволяющие прогнозировать траектории ее развития.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологической основой исследования выступают концепции социального конструирования реаль-

ности, структуризации, габитуса. Молодежная политика трактуется как система социокультурных практик, конституирующих пространство деятельности и взаимодействий студенчества в вузе. Социокультурные практики анализируются в единстве объективных (нормативных, организационных) и субъективных (мотивационно-ценностных, поведенческих) структур [3; 7]. Программа исследования включала последовательную реализацию количественной и качественной стратегий. На первом этапе проведен анкетный опрос студентов 12 вузов из 6 федеральных округов РФ (выборка – 1500 человек, квотная по направлениям подготовки, курсам обучения, гендеру; статистическая погрешность не превышает 2,5%). Анкета содержала блоки вопросов, направленные на выявление степени и характера участия в различных видах активности, оценку их значимости и эффективности. Обработка данных осуществлялась с применением программы SPSS 23.0. Использовались методы дескриптивной статистики, корреляционного, факторного анализа. Для анализа латентных переменных сконструированы индексы вовлеченности в социальные практики (альфа Кронбаха – 0,84), удовлетворенности молодежной политикой (0,79), на основе конфирматорного факторного анализа верифицирована их структура. На втором этапе проведена серия фокус-групп со студенческим активом (6 групп по 8–10 чел.) и экспертные интервью с организаторами молодежной политики в вузах (полуструктурированные, выборка – 30 чел.). Материалы транскрибированы и обработаны методом контент-анализа. Категориями анализа выступили: цели и приоритеты молодежной политики, технологии и формы работы, критерии эффективности, барьеры реализации, направления оптимизации. Репрезентативность выводов обеспечивалась триангуляцией количественных и качественных данных, контролем смещений и артефактов на этапе сбора информации, валидизацией инструментария. Исследование соответствует этическим стандартам, участники проинформированы о целях опроса, гарантировалась анонимность и конфиденциальность.

Результаты и обсуждение

Анализ эмпирических данных позволил выявить специфику и основные тенденции реализации молодежной политики в современных российских вузах. Установлено, что степень вовлеченности студентов в социокультурные практики существенно варьируется в зависимости от их вида и направленности (табл. 1). Наиболее массовый характер носит участие в культурно-досуговых мероприятиях (78,2%), что объясняется их развлекательной составляющей, разнообразием форм, широким информационным освещением. Вместе с тем, более половины опрошенных (56,4%) ограничиваются ролью зрителей, лишь 21,8% выступают в качестве организаторов или активных участников творческих проектов. Это свидетельствует о дефиците условий для реализации созидательного потенциала студенчества в сфере досуга.

Спортивные мероприятия охватывают 62,8% респондентов, что коррелирует с распространенностью ценностей здорового образа жизни в молодежной среде. При этом лишь 18,6% занимаются спортом на регулярной основе, для большинства характерно эпизодическое участие. Выраженный дефицит вовлеченности зафиксирован в отношении научно-исследовательской деятельности (50,3%), волонтерских проектов (41,8%), студенческого самоуправления (28,3%), социального проектирования (33,6%). Эти практики, предполагающие высокую субъектность и социальную ответственность,

не получили широкого распространения в студенческой среде (рис. 1).

Таблица 1. Степень участия студентов в социокультурных практиках вуза (в % от числа опрошенных)

Виды практик	Регулярно участвую	Иногда участвую	Не участвую
Культурно-досуговые мероприятия	21,8	56,4	21,8
Спортивные мероприятия	18,6	44,2	37,2
Научно-исследовательская деятельность	12,4	37,9	49,7
Волонтерские проекты	10,6	31,2	58,2
Студенческое самоуправление	7,8	20,5	71,7
Социально-проектная деятельность	5,2	28,4	66,4

Источник: составлено автором

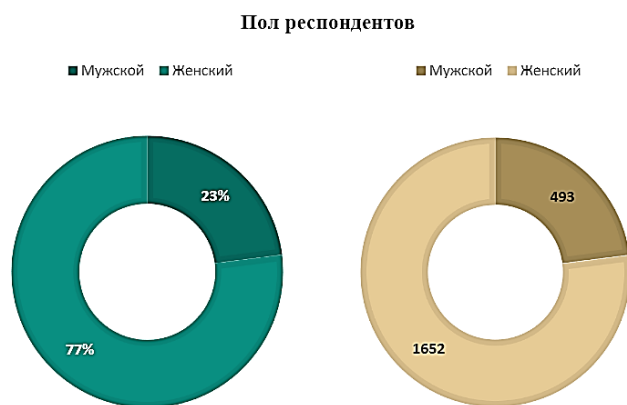

Рис. 1. Распределение респондентов по половозрастным характеристикам

Источник: составлено автором

Корреляционный анализ выявил значимые взаимосвязи между участием в различных видах активности. В частности, вовлеченность в волонтерство положительно коррелирует с участием в социально-проектной деятельности ($r=0,58$; $p<0,01$), студенческом самоуправлении ($r=0,47$; $p<0,01$). Это может свидетельствовать о формировании в вузах особой категории «активистов», стремящихся к разносторонней самореализации. В то же время, для основной массы студентов характерна специализация интересов, ограниченность набора практик (рис. 2).

Субъективные оценки эффективности молодежной политики в целом носят сдержанный характер (табл. 2). Только треть респондентов (33,8%) удовлетворены реализуемыми мерами, 41,4% высказывают критические суждения. Ключевыми проблемами, по мнению студентов, выступают: недостаточный учет их потребностей при планировании деятельности (46,7%), формализм мероприятий (44,2%), дефицит ресурсов и информационной поддержки (37,8%). Как показали материалы фокус-групп, многие практики воспринимаются как навязанные извне, не отвечающие актуальным запросам молодежи. Отмечается усталость от традиционных форм работы (конкурсы, концерты), потребность в интерактивных и проектных форматах.

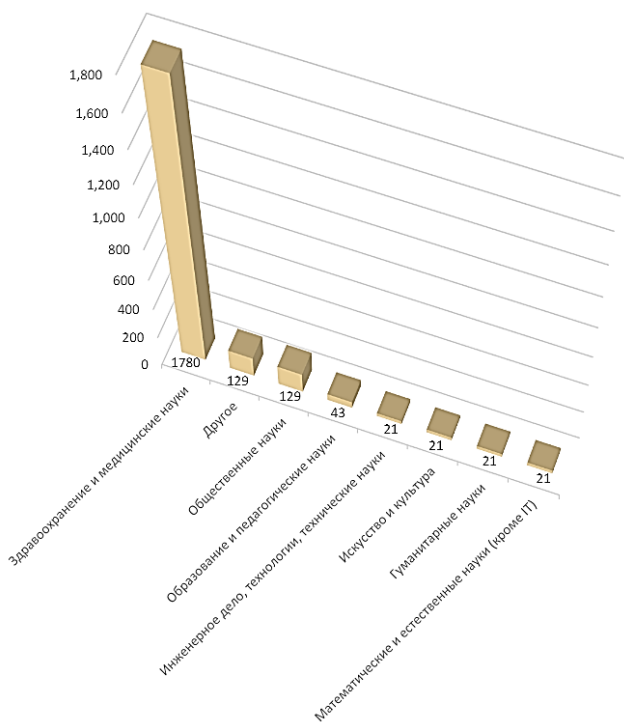

Рис. 2. Количественное распределение респондентов при ответе на вопрос «По какому направлению Вы обучаетесь в ВУЗе?»

Источник: составлено автором

Таблица 2. Оценка эффективности реализации молодежной политики в вузе

Параметры оценки	Средний балл (от 1 до 5)
Общая удовлетворенность молодежной политикой	3,12
Учет потребностей и интересов студентов	2,84
Разнообразие и качество мероприятий	3,27
Информационное освещение деятельности	3,08
Ресурсная обеспеченность (помещения, оборудование)	2,96
Компетентность организаторов	3,56
Возможности для личностной самореализации	3,31
Влияние на профессиональное развитие	2,73

Экспертные интервью позволили конкретизировать факторы, определяющие эффективность социокультурных практик (табл. 3). Ключевое значение имеет их системность, согласованность с образовательным процессом (средняя оценка – 4,37). Другими значимыми факторами выступают: ресурсная обеспеченность (4,28), вариативность форм работы (4,12), компетентность организаторов (4,06), информационная поддержка (3,92). В качестве сдерживающих моментов отмечаются: недостаточная мотивация студентов (3,14), перегруженность внеучебной деятельностью (2,89), формальный подход к оценке результатов (2,76).

Интегральным показателем эффективности молодежной политики выступает ее влияние на развитие личностных и профессиональных компетенций студентов. Соответствующий индекс, сконструированный на основе конфирматорного факторного анализа, составил 3,42

балла из 5 возможных. При этом наиболее выраженный эффект связан с коммуникативными (3,78), организационными (3,56), творческими (3,52) компетенциями. В меньшей степени практики способствуют развитию лидерских качеств (3,14), критического мышления (2,93), социальной ответственности (3,09) (табл. 4).

Таблица 3. Экспертная оценка факторов эффективности социокультурных практик

Факторы	Средний балл (от 1 до 5)
Системность, связь с образовательным процессом	4,37
Ресурсная обеспеченность (финансы, помещения, кадры)	4,28
Вариативность форм и методов работы	4,12
Компетентность организаторов	4,06
Информационное сопровождение деятельности	3,92
Учет потребностей и запросов студентов	3,70
Нацеленность на развитие компетенций	3,54
Мотивация студентов к участию	3,14
Наличие объективных критериев оценки эффективности	2,76

Источник: составлено автором

Таблица 4. Влияние социокультурных практик на развитие компетенций студентов

Виды компетенций	Степень влияния (средний балл от 1 до 5)
Коммуникативные	3,78
Организационные	3,56
Творческие	3,52
Работа в команде	3,45
Проектная деятельность	3,27
Аналитические	3,18
Лидерские	3,14
Социальная ответственность	3,09
Критическое мышление	2,93
Индекс влияния (интегральный)	3,42

Источник: составлено автором

Факторный анализ позволил определить латентные переменные, опосредующие развивающий потенциал социокультурных практик. Выделены два ключевых фактора: «субъектность» (дисперсия – 27,8%) и «ценностная направленность» (24,3%). Первый фактор образован переменными, характеризующими степень активности личности, ее инициативность, готовность к самоорганизации. Второй – ценностно-смысловыми основаниями социокультурных практик, их ориентированностью на просоциальные цели, гражданские и духовно-нравственные приоритеты. Таким образом, развивающий эффект практик определяется сочетанием деятельностной и ак-

сиологической составляющих, при ведущей роли субъектности. Это подтверждают материалы фокус-групп: студенты особо выделяют те виды активности, которые дают возможность выступать полноправными участниками, а не пассивными исполнителями. Высоко оцениваются практики, расширяющие пространство личностного выбора и самореализации, выходящие за рамки утилитарных задач (рис. 3).

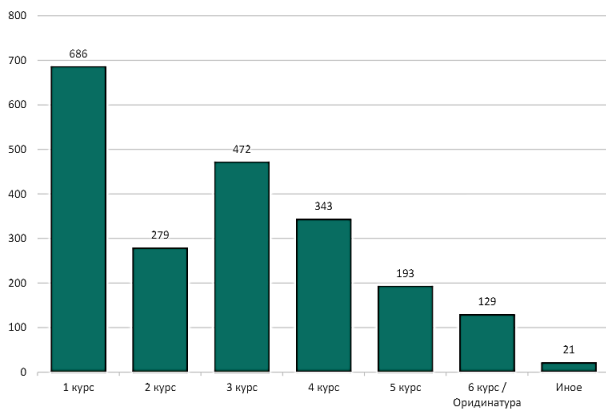

Рис. 3. Распределение респондентов по курсу обучения

Источник: составлено автором

Полученные данные позволяют концептуализировать эффективную модель социокультурных практик как пространства развития субъектности студенческой молодежи. Ее ключевыми компонентами выступают:

- Проектный характер деятельности, нацеленность на решение реальных проблем;
- Вариативность и нелинейность траекторий самореализации;
- Акцент на формировании гибких компетенций (soft-skills);
- Интерактивность, диалогичность взаимодействий;
- Ценностно-смысловая направленность, ориентация на социально одобряемые образцы.

Реализация данной модели предполагает изменение управленческих подходов – переход от директивных к поддерживающим и фасилитирующим стратегиям. Важнейшим условием выступает развитие субъектности основных участников – как студентов, так и организаторов воспитательной деятельности. Необходима их специальная подготовка, освоение современных гуманитарных технологий работы с молодежью. Другим концептуальным основанием оптимизации социокультурных практик является интеграция учебной и внеучебной деятельности. Речь идет не о формальном «внедрении» воспитательного компонента в образовательные программы, а о качественном изменении самой модели высшего образования. Она должна трансформироваться в направлении проектно-созидательного обучения, активного вовлечения студентов в решение профессиональных и социальных задач. Этому может способствовать развитие технологий сервис-обучения (service learning), педагогики общественно-полезной деятельности.

Полученные результаты подтверждают эвристичность социокультурного подхода к анализу молодежной политики в вузе. Он позволяет рассматривать ее не как набор разрозненных мероприятий, а как систему взаимосвязанных практик, конституирующих пространство студенческой субъектности. Интегральным критерием эффективности данных практик выступает их развивающий потенциал – влияние на личностное и профессиональное становление студентов (рис. 4).

Ряд 1

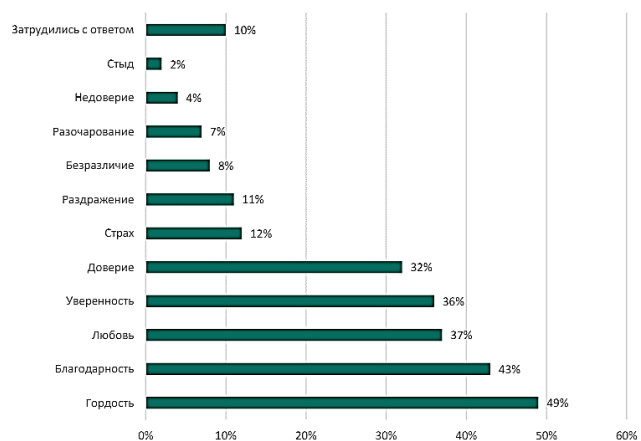

Рис. 4. Отношение респондентов к собственному вузу

Источник: составлено автором

Проведенное исследование выявило противоречивый характер реализации молодежной политики в современных университетах. С одной стороны, наблюдается многообразие форм социокультурной активности, охватывающих значительную часть студенчества. С другой стороны, степень вовлеченности существенно варьируется в зависимости от содержательной направленности практик. Наиболее дефицитными оказываются виды деятельности, предполагающие высокий уровень субъектности и социальной ответственности – волонтерство, социальное проектирование, студенческое самоуправление.

Зафиксированы противоречия между декларируемыми целями молодежной политики и реальными приоритетами управленческой практики. Доминирование культурно-досуговых, спортивно-оздоровительных мероприятий при недостаточном внимании к развитию soft-skills и гражданских компетенций свидетельствует о преобладании «мероприятийного» подхода. Он ориентирован преимущественно на количественные показатели (число акций, охват участников), а не на качественные изменения ценностных установок и моделей поведения студенчества. Выявленные проблемы актуализируют потребность в концептуальном обновлении молодежной политики на основе проектно-созидательной парадигмы. Ее ключевыми принципами являются: ориентация на развитие субъектности, опора на внутреннюю мотивацию, интеграция с учебным процессом, широкое использование интерактивных и рефлексивных технологий. Реализация данной парадигмы предполагает изменение критериев эффективности – смещение акцентов с количественных на качественные показатели, отражающие динамику компетенций и ценностных ориентаций студентов.

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить специфику и основные тенденции реализации молодежной политики в современных российских вузах. Установлено, что степень вовлеченности студентов в социокультурные практики существенно варьируется в зависимости от их направленности: от 78,2% в культурно-досуговых мероприятиях до 33,6% в социальном проектировании. Зафиксирован дефицит практик, ориентированных на развитие субъектности и социальной ответственности молодежи – волонтерства (охват 41,8%), студенческого самоуправления (28,3%). Выявлены противоречия между декларируемыми и реальными приоритетами молодежной полити-

ки, преобладание «мероприятийного» подхода в ущерб проектно-созидательной деятельности. Интегральный индекс влияния социокультурных практик на развитие компетенций студентов составил 3,42 балла из 5 возможных, при этом наиболее выраженный эффект связан с коммуникативными (3,78), организационными (3,56), творческими (3,52) компетенциями. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости концептуального обновления молодежной политики в вузах на основе современных социально-гуманитарных технологий. Ключевыми направлениями оптимизации выступают: усиление проектной составляющей, интеграция с образовательным процессом, ориентация на развитие softskills и гражданской идентичности студенчества. Реализация данных направлений предполагает изменение управленческих подходов – переход от директивных к поддерживающим стратегиям, фасилитацию студенческих инициатив, развитие субъект-субъектных взаимодействий между основными участниками молодежной политики.

Представленная концептуальная модель социокультурных практик нуждается в дальнейшей эмпирической верификации и уточнении применительно к специфике конкретных вузов. Перспективы исследования связаны с разработкой инструментария мониторинга эффективности молодежной политики, проектированием инновационных технологий ее реализации.

Литература

1. Андреев В.И. Педагогика высшей школы: инновационно-прогностический курс. – Казань: Центр инновационных технологий, 2013. – 500 с.
2. Гневашева В.А. Социокультурные особенности молодежной политики в современной России // Знание. Понимание. Умение. – 2017. – № 4. – С. 126–137.
3. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. – М.: Голос, 2001. – 696 с.
4. Концепция развития студенческого самоуправления в РФ (утв. Приказом Минобрнауки РФ от 29.11.2019 № 1436) // Официальные документы в образовании. – 2020. – № 1. – С. 31–38.
5. Кротов Д.В. Ценностные ориентации современной студенческой молодежи // Высшее образование в России. – 2019. – Т. 28. – № 1. – С. 57–63.
6. Марчук Н.Ю., Пестова А.А. Студенческое самоуправление как фактор профессионального становления // Образование и наука. – 2018. – Т. 20. – № 1. – С. 84–106.
7. Меркулов П.А. Молодежная политика в России и зарубежных странах: социально-политический анализ. – Орел: Изд-во ОГУ, 2014. – 272 с.
8. Певная М.В. Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики. – Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2018. – 434 с.
9. Пономарев А.В. Социально-педагогическая функция вуза в воспитании современного специалиста. – М.: Икар, 2009. – 410 с.
10. Ростовская Т.К. Роль социальных проектов в формировании гражданской идентичности молодежи // Женщина в российском обществе. – 2019. – № 3. – С. 104–113.
11. McIntosh H., Munoz M. Predicting Civic Engagement in Urban High School Students // Journal of Research in Character Education. – 2009. – Vol. 7. – № 1. – Pp. 41–62.
12. Reason R.D., Renn K.A., Quaye S.J. Student engagement in higher education: theoretical perspectives

and practical approaches for diverse populations. – New York: Routledge, 2019. – 330 p.

13. Russon C., Reinelt C. The Results of an Evaluation Scan of 55 Leadership Development Programs // Journal of Leadership & Organizational Studies. – 2004. – Vol. 10. – № 3. – Pp. 104–107.
14. Seider S., Rabinowicz S., Gillmor S. The Impact of Philosophy and Theology Service-Learning Experiences upon the Public Service Motivation of Participating College Students // Journal of Higher Education. – 2011. – Vol. 82. – № 5. – Pp. 597–628.
15. Strauss K., Griffin M.A., Parker S.K. Future work selves: how salient hoped-for identities motivate proactive career behaviors // Journal of Applied Psychology. – 2012. – Vol. 97. – № 3. – P. 580–598.

ANALYSIS OF THE SOCIOCULTURAL PRACTICES OF THE UNIVERSITY'S YOUTH POLICY

Zeynally Rafael Riza Ogly

N.P. Grigorenko Institute of Public Health at Volgograd State Medical University

This article is devoted to a comprehensive analysis of the sociocultural practices of youth policy in modern Russian universities. The relevance of the topic is due to the key role that universities play in shaping the value orientations and behavioral models of student youth. The aim of the study is to identify the specifics and main trends in the implementation of youth policy in the context of socio-cultural transformations in higher education. The research employed methods such as surveys, focus groups, expert interviews, and content analysis of documents. It was found that in the majority of universities, youth policy is fragmentary in nature and is predominantly oriented toward cultural and leisure activities. A deficit of practices for involving students in social and project activities (participation coefficient – 0.37), volunteering (0.42), and student self-government (0.28) was identified. A contradiction was noted between the declared subjectivity of youth and the directive style of management (expert rating – 3.6 out of 5). The factors determining the effectiveness of youth policy were identified as systematicity ($r = 0.74$), resource provision ($r = 0.69$), and the competence of the organizers ($r = 0.66$).

The results of the study allow for the conceptualization of a model of sociocultural practices of youth policy aimed at activating the creative potential of the student body. The necessity of developing indicators and regularly monitoring the effectiveness of these practices has been substantiated. A conclusion is drawn regarding the importance of youth policy as a strategic direction for the development of universities.

Keywords: youth policy, sociocultural practices, higher education, student body, social activity, value orientations.

References

1. Andreyev V.I. Higher Education Pedagogy: An Innovative-Prognostic Course. – Kazan: Center for Innovative Technologies, 2013. – 500 p.
2. Gnevashova V.A. Socio-Cultural Features of Youth Policy in Modern Russia // Knowledge. Understanding. Ability. – 2017. – No. 4. – pp. 126–137.
3. Ilyinsky I.M. Youth and Youth Policy. Philosophy. History. Theory. – Moscow: Golos, 2001. – 696 p.
4. Concept for the Development of Student Self-Government in the Russian Federation (approved by the Order of the Ministry of Education and Science of the RF dated 29.11.2019 No. 1436) // Official Documents in Education. – 2020. – No. 1. – pp. 31–38.
5. Krotov D.V. Value Orientations of Modern Student Youth // Higher Education in Russia. – 2019. – Vol. 28. – No. 1. – pp. 57–63.
6. Marchuk N.Yu., Pestova A.A. Student Self-Government as a Factor in Professional Formation // Education and Science. – 2018. – Vol. 20. – No. 1. – pp. 84–106.
7. Merkulov P.A. Youth Policy in Russia and Foreign Countries: A Socio-Political Analysis. – Oryol: OGU Publishing House, 2014. – 272 p.
8. Pevna M.V. Volunteer Management: International Experience and Local Practices. – Yekaterinburg: UrFU Publishing House, 2018. – 434 p.

9. Ponomarev A.V. The Socio-Pedagogical Function of the University in the Upbringing of a Modern Specialist. – Moscow: Ikar, 2009. – 410 p.
10. Rostovskaya T.K. The Role of Social Projects in Forming the Civic Identity of Youth // Woman in Russian Society. – 2019. – No. 3. – pp. 104–113.
11. McIntosh H., Munoz M. Predicting Civic Engagement in Urban High School Students // Journal of Research in Character Education. – 2009. – Vol. 7. – No. 1. – pp. 41–62.
12. Reason R.D., Renn K.A., Quaye S.J. Student Engagement in Higher Education: Theoretical Perspectives and Practical Approaches for Diverse Populations. – New York: Routledge, 2019. – 330 p.
13. Russon C., Reinelt C. The Results of an Evaluation Scan of 55 Leadership Development Programs // Journal of Leadership & Organizational Studies. – 2004. – Vol. 10. – No. 3. – pp. 104–107.
14. Seider S., Rabinowicz S., Gillmor S. The Impact of Philosophy and Theology Service-Learning Experiences on the Public Service Motivation of Participating College Students // Journal of Higher Education. – 2011. – Vol. 82. – No. 5. – pp. 597–628.
15. Strauss K., Griffin M.A., Parker S.K. Future Work Selves: How Salient Hoped-for Identities Motivate Proactive Career Behaviors // Journal of Applied Psychology. – 2012. – Vol. 97. – No. 3. – pp. 580–598.

Социально-философский аспект традиции храмоздательства Руси, России и Мордовии и современная специфика развития российской цивилизации

Кидямкин Алексей Анатольевич,

аспирант, кафедра философии, Мордовский государственный национально-исследовательский университет им. Н.П. Огарева
E-mail: alexey.kidyamkin@gmail.com

Введение. Автор находит, что обращение к социальным ценностям традиции храмоздательства как фактору бытия россиян и их восстановление сегодня явилось закономерным результатом эволюции традиций духовности российского социума.

Обсуждение. Духовность российского общества и сегодня утверждается в зримых образах храмоздательства. Идеи культурного зодчества служат сохранению преемственности социокультурного наследия в России и Мордовии.

Методологическую основу исследования в статье составил анализ нарративов в гуманитарной науке, искусстве, музыке, архитектуре и во всех областях человеческой деятельности происходят благодаря идеям, планам, проектам, приводящим к открытиям в области храмоздательства.

Цель и задачи. В статье рассмотрен тот факт, что сохранность традиций храмоздательства представляет особый интерес для изучения с точки зрения обращения к духовным истокам нашего отечества.

Заключение. В результате проведенного исследования было рассмотрено изменение концепций храмоздательства в контексте развития социальной традиции России и Мордовии, преемственность идей социальной памяти.

Ключевые слова: стройка, мораль, империя, россияне, архитектурная традиция, религия, духовная культура, специфика византийского стиля

Введение

Гуманизм не стал серьезно считаться с данными критериями. Рассматривая свв. отцов как наследников древнеэллинической традиции, интеллектуалы поздней Византии считали возможным синтезировать античность со святоотеческой традицией.

Необходимо отметить, что византийские и древнерусские власти и их архитекторы, осознавая себя христианами, при обращении к опыту зодчих античности, частично использовали патристические критерии отбора, и опять же, не всегда бывали последовательными в этом использовании.

Соизмеряя себя с древними авторитетами, византийцы и русские связывали себя верностью православной традиции, а также осуществляли активный поиск новых идей, преимущественно в области литературы, эстетики, науки, о так же в вопросах нравственно-мировоззренческих и практике хозяйственной, храмоздательской деятельности.

Социальные тенденции XI–XIII вв. к нач. XIV в., постепенно формируются в новую, гуманистическую традицию, которая не всегда берет на себя роль нового «моста» между античной и святоотеческой традицией, определенное, выверенное Церковью соотношение которых лежало в духовной культуре Византии и Руси.

По данным современного исследователя, византийцам и россиянам «приходилось выступать в условиях активной западной экспансии, проникновение латинских традиций в византийскую культуру и государственные структуры» [8, с. 21].

В рамках развития архитектурного отечественного наследия сталкивались восточные и западные тенденции. Бытие формирует систему ценностей, обеспечивает существование ценностей в этой системе во взаимосвязи, объединении, гармонии. Как видно, бытие актуально для всех эпох. В бытии в современности находится выражение самого существования общества во всей его сложности, полноте. В бытии социума также содержится и система ценностей современного общества, через бытие она находит выражение. Поэтому очень важно в обществе создать такое бытие, которое обеспечит его благополучное существование. Это достижимо при логическом продумывании деятельности, постановки целей в соответствии с духовными ценностями. Свидетельством тому является традиция храмоздательства в российских регионах.

Архитектурная композиция русских населенных пунктов со времен св. князя Владимира Киевского формирует искусство обустройства церквей, в том числе – размещение храма в пространстве, чтобы создавать равновесие и гармонию со всей окружающей средой. Одновременно от людей, населяющих дом, зависит облик дома, его комфортабельность, истинность культурной духовности, приемлемость к уютному проживанию. По замечаниям историка древнерусской архитектуры А.И. Комеч, Константинопольская школа была одной из влиятельных в русском архитектурном пространстве [5, с. 316].

Важно учесть в указанном плане отметить, что актуальной задачей современных исследований истории

духовной культуры Отечества является формирование и развитие подлинно научных знаний о системе исторических ценностей в истории Руси и в современной России, основанных на взаимосвязи традиционных взглядов и инновационных подходов в науке по отношению к реализации научных исторических концепций. Таковы истоки и проблемы исследования в их взаимосвязи и современном значении.

Научно-теоретические проблемы эстетической сферы в традициях конфессионального строительства и церкви исследовались в работах российских учёных З.Н. Долаевой, Н.И. Барановской, С.А. Ильвицкой, Н.П. Панибраторова, А.А. Раппопорт, Ю.Р. Савельев, А.Н. Слядзь.

Особый вклад в развитие фундаментальной этико-философской науки по проблемам обеспечения населения социокультурными постройками внесена такими известными отечественными учёными, как А.С. Ахиезер, А.И. Комеч, Б.А. Раппопорт, М.К. Бадман, Е.В. Балацкий, А.Г. Гранберг, С.Д. Валентей, Ю.Р. Савельев. Концепции указанных авторов отражают важные философские и социокультурные аспекты проблем культовой архитектуры Руси и России.

Методологическую основу исследования в соответствии с целью работы был проведен сравнительный анализ текстуального нарратива, гуманистического и святоотеческого подхода к античному наследию как составной части культуры Византии и России. Наиболее гармонично указанное обстоятельство проявилось в традициях храмоздательства на Руси и в регионах России.

Обсуждение

Строительная проблема заключается в реализации социального шанса в удовлетворении духовной потребности одного из наиболее важных компонентов жизненного уровня, религиозного, что проявляется в возможности приобретения и содержания приходом РПЦ здания приходской церкви. Византийский стиль дает возможность приобщиться именно к архитектурному универсализму, который обращает нас к истокам святой Руси. Проблема религиозно-нравственных потребностей при реализации строительного замысла в церкви сегодня не теряет своей актуальности и представляет особый интерес для изучения с точки зрения обращения к духовным истокам нашего отечества.

Традиция храмоздательства, приведшая из Византии на Русь, способствовала способности россиян выявить нравственно-мировоззренческие особенности православного историко-культурного синтеза архитектуры и ландшафта с запросами общины верующих. В указанном контексте важно и сегодня в гуманитарном философском дискурсе и соотнести их с соответствующими представлениями свв. отцов; изучить гуманистический опыт решения богословских проблем и социально-философском контексте, выраженном в идеалах храмоздательства, отображенного посредством философских концепций в зданиях и монументальных сооружениях. Важно также рассмотреть церковное отношение к данному опыту; установить формы отхода древнерусских элит от византийской православной традиции.

Указанная идея воплотилась в традициях русского и византийского храмоздательства. В культовой архитектуре по данным М.А. Елдина, «проявлением старого и нового явилась, например, св. София, храм, соединявший достижения античной строительной-математической мысли и православной культурной традиции» [3, с. 106].

В культуре поздней Византии и Руси, ряда балканских стран, зарождается и развивается такое явление как гу-

манизм, который вносит свои особенности в историко-культурное развитие империи.

С византийским гуманизмом связано несколько исторических понятий, значение которых до сих пор является предметом споров среди византологов. В первую очередь, нет общего мнения по вопросу, было и вообще Возрождение в Византии, составным элементом которого является монументализм, о чем свидетельствуют такие сооружения культовой архитектуры как: церковь Богородицы в Левишке – Сербия, монастырь св. Пантелеймона в Нерезии – Северная Македония, церковь св. Георгия в Тырнове – Болгария, монастырь Спаса в Полях-Хора, Константинополь. Так, в Ростове Великом в церкви св. Богородицы также заметны поздневизантийские реминисценции возрожденческих тенденций духовной культуры «Славия ортодокса» (по Р. Пиккио). Выдающийся философ-славянофил А.С. Хомяков утверждал, что «христианство чистой учения улучшило нравы, привело к согласию обычаи разных племен, обняло всю Русь цепью духовного единства и приоткрыло людей к другой, лучшей эпохе жизни народной» [10].

Проблема идентификации идей важны в сложных и переломных исторических срезам развития российской истории и культуры. В современности российский социум остро нуждается в радикальном изменении отношения к церковно-строительной проблеме – не только политического руководства страны, но и гражданского общества. В той ситуации деятели православной культуры выдвинули защиту своего вероучения, делая акцент на эстетико-моральной стороне традиций российского христианства-человеколюбии, испытывавшие кризисы XX столетия.

Главным, в чем проявилось философское значение идей храмоздательства является обоснование духовных ценностей не только произведений духовной культуры, но и материальных вещей и сфер общественной жизни, в которых воплощены идеи идеалы их создателей. Это открывает возможность более широкого многообразия сфер общественной жизни, где духовные ценности играют столь же важную роль, и имеют не меньшее значение, чем сами материальные вещи, в которых воплощены идеалы и духовные ценности.

Сегодня сохраняется оригинальность традиций стили культовой архитектуры от Балкан до Русской равнины. По наблюдениям современного исследователя С.В. Ильвицкой, в культовой архитектуре и традициях храмоздательства православных стран наблюдалась направленность: «... дальнейшего развития заключающаяся в стремлении соединить внутренние объемы храма в единое пространство, подчеркнуть его центричность и крестово-купольность проявления в архитектуре...» [4, с. 28].

Следует отметить, в России и ее субъектах на протяжении последних десятилетий предпринимаются попытки по обеспечению населения страны качественным и доступным культовым зданием, которые приносят определённый результат. В Москве существует программа комплексной реализации культовой застройки города, с учетом исторических традиций Московской Руси и Византии. Важна статусность и символическое значение территории, где осуществляется процесс храмовых сооружений. Возрождается традиция сооружать храмы-памятники в честь эпохальных событий. По наблюдениям современного исследователя, важно: «...при изучении храмов играет роль даже само название церкви, т.е. какому святому она была посвящена» [6, с. 50].

Византия нас также учит многим историческим урокам, как отметил еще митрополит Тихон Шевкунов в своем известном фильме «Византийский урок» (2008). Хотя

этот опыт позволял императорам избежать социального взрыва, отсутствие по Л.Н. Гумилеву, «пассионариев» в обществе лишает его тем самым динамики развития.

Во- первых, кризис общенационального сознания византийцев привел к тому, что атомизированное римское общество – снизу, поскольку элита достаточно четко была сцеплена корпоративными узами криминальной или полу криминальной дисциплины, было ослаблено в духовном плане униатскими сговорами византийской элиты с запалом Европы с 1274 г, поскольку была разрушена фундаментальная база единства морали общества. В поздневизантийский не сложилось единой тенденции ни стиля, ни социальной политической традиции, которую можно было бы назвать общеимперской. Палеологи лишь маневрировали крахом все ухудшающейся ситуации в крошечной империи. И поздневизантийский «ренессанс Палеологов» оказался «последним цветком» на умирающем древе государства Византии.

Синтез регионального «филэтнизма» и религиозно- фундаментализма не спасает, а ухудшает ситуацию в современном социокультурном пространстве Евразии. Период имперской эволюции российской культуры смог эволюционировать до уровня общенационального проекта: русского византийского стиля в архитектуре и державности в социально- политических традициях начала XX в.

Во- вторых, кризис Запада – политическая доминанта которого (доминирование в мире) – не корректируется сегодня, как на самом Западе, ни развитой моральной традицией и духовным наследием, и религиозным сознанием россиян.

Современный социально- философский подход к исследованию российского духовного опыта весьма важен. Российский философ А.С. Ахиезер верно указывал, что «способности общества ... преграждать путь дезорганизации, поддерживать социальное творчество на уровне, соответствующем социальным опасностям, угрожающим его бытию» [1, с. 4].

По степени обеспеченности населения Российской империи высоким качеством церковных зданий по стилю можно судить об уровне его экономического и социально- культурного развития. Высокий уровень обеспеченности качественным архитектурным фондом способствует росту духовного уровня развития, привлекает в регионы империи новые ресурсы, что стимулирует экономическое процветание, повышение уровня жизни и нравственно- религиозного благосостояния. распространение «византийского стиля» в Российской империи и за ее пределами в 1850-х-1870-х годах определилось исходя из осуществления государственных программ по утверждению российского влияния. Как отмечает современный исследователь элементов византизма в культовой архитектуре России: «Из-за своей тектоничности «византийский стиль» получил признание гражданских инженеров. При проектировании храмов он позволял широко применять пространственные конструкции» [7, с. 249].

До периода поздней империи в Византии, а затем и России, господствовало традиционное учение о божественном происхождении государственной власти, о правящем во Христе правителя. Данное учение получило в империи статус официальной политико- правовой доктрины. Социально- экономическая политика императора обозначалась понятием «икония», имевшим сакральный смысл, секулярное же наименование «полития», восходящее к античности, встречается гораздо реже

Ориентация византийца, а затем и русского человека, живущего в рамках православной традиции империи, как бы попадала в сферу религиозного опыта. Импера-

тор не был исключением. Вплоть до XIII в. власть православного монарха не нуждалась в научно- философском обосновании, живя богословской традицией [11]. Величие государственности также выражено в монументальном строительстве, включая храмоздательство.

Православное богослужение, по мнению русских мыслителей периода, не только выразило дух русской религии и стало величайшим явлением культуры человеческой цивилизации (Н. Бердяев). Но слабое знание языка мешало уяснению мордвой значения литургии, смысла церковных праздников и знания молитв. В ино- родческих приходах священники прилагали усилия по научению Символу веры, краткой молитве Ангелу- хранителю, всем Святым, Богородице Дева радуйся, но прихожане читали «так извращенно и искаженно, что грустно слышать».

Проблема моральной ответственности личности перед обществом наряду с другими вопросами гражданской этики стали занимать важное место в гуманистической идеологии.

Власть и социум в православном представлении постепенно перестает быть отображением образа Бога на земле. Монархию не отвергали, формально она остается идентичной своему устоявшемуся прототипу, но понимание ее в элитных кругах общества изменяется. Все более и более в морально- политических воззрениях интеллигентов структура власти определяется как человеческое, а не божественное дело. Но переход к новой онтологии власти в православной традиции не представляется собой скачка; в сознании еще сохраняются элементы православно- богословского учения о власти и обществе.

Общественно- религиозная деятельность выражалась в участие духовенства в работе общественных и научных организаций, чьи программы отвечали задачам миссионерского просвещения. К этому относилась организация и работа в уездных Обществах трезвости, участие в различного рода попечительских советах, сотрудничество с братствами Св. Иннокентия, Св. Николая (г. Пенза), Св. Гурия (г. Казань) и его переводческой комиссией, участие в работе просветительских комитетов и научных обществ России.

В указанных условиях видимый образ храмоздательства являлся не просто символом духовного развития и подъема провинций России и зримым свидетельством духовного могущества социума. А внутреннее убранство храма характеризовало не просто «религиозную живопись», но часто являлось «писанием для неграмотных». Весьма верным считаем наблюдение современно- го исследователя истории саранского городского быта Д.В. Фролова в том, что с момента основания Саранска здесь «... кипела духовная жизнь. Кроме Знаменского и Спасского соборов в кремле, в слободах находилось множество приходских церквей ...» [9, с. 71]. Указанный факт свидетельствует о торжестве в некогда языческом регионе Мордвы победившего тогда еще московского культового стиля православной Руси.

Эти процессы носили противоречивый и затяжной характер, что обостряло ситуацию в общественной, экономической и духовной жизни российской провинции. Слом устоявшихся традиционных мировоззренческих основ, регулирующих сознание сельского населения, резкие перемены в экономическом укладе домохозяйств делали приходскую церковь единственным устойчивым институтом, одновременно предъявляя к ней обновленные требования, выходящие за рамки богослужебной деятельности и трудов, связанных с инкорпорированием Церкви синодального периода в государственную жизнь.

Власти разрабатывают комплекс мероприятий, направленных на стимулирование и ускорение церковного

строительства во всех субъектах Российской Федерации. В Мордовии также формируют условия доступной инфраструктуры церковного строительства и здесь также присутствует ряд уникальных новейших церковных сооружений (от Свято-Андреевского собора в Атяшево до Спасского собора в Краснослободске), отсылающих нас ко временам христианизации Руси. В регионе принимают комплекс мер по развитию социальной инфраструктуры, транспортных и инженерных коммуникаций вокруг культовых комплексов зданий, которые составляют достояние культурного наследия России и РМ.

Заключение

Архитектурная стратификация так или иначе связана с характеристикой типов построек в зависимости от уровня благоустройства и элитности. Это значение и понимание духовных и материальных ценностей обогащает философскую мысль, открывает духовный мир человека и общества как столь же богатую реальность, как и природная и социальная сфера бытия, данная нам в ощущении и опыте повседневной жизни. Храмоздатели Византии и Руси в «музыке в камне» до сих пор обогащают нас идеями и предпосылками философской теории духовных ценностей, раскрывая их природу и значение в общественной жизни.

Современная архитектура открывает для вышеуказанного большую творческую свободу и возможности. В обществе существует стремление следовать моде в одежде, в покупках вещей. Но, как и во все времена, эстетика духовной традиции находит выражение также в достойном, порядочном образе жизни, в стремлении человека любого вида деятельности к более прекрасному выражению своих способностей.

Литература

1. Ахиезер А.С. Россия как большое общество / А.С. Ахиезер // Вопросы философии. 1993, № 1. – С. 4–19.
2. Гагаев А.А. Философия культуры города Рузаевки / А.А. Гагаев, П.А. Гагаев. – Рузаевка, 2009. – 312 с.
3. Елдин М.А. Новый Рим, период Никейской империи: этико-историософский аспект монография / М.А. Елдин. – Саранск, 2019. – 144 с.
4. Ильвицкая С.В. Архитектурно-компаративный аспект православных монастырей балканских стран и России / С.В. Ильвицкая. – М.: Инфра-М, 2018. – 99 с.
5. Комеч А.И. Древнерусское зодчество конца X–XII в. (текст): византийское наследие и становление самостоятельной традиции / А.И. Комеч; отв. Ред. В.Л. Янин; Акад. наук СССР. Всесоюзный научно-исслед. Ин-т искусствознания М-ва культуры СС-СР. – М.: наука, 1987. – 317 с.
6. Раппопорт П.А. Архитектура средневековой Руси. – СПб.: «Лики России», 2013. – 324 с.
7. Савельев Ю.Р. Искусство историзма и государственный заказ. Вторая половина XIX– начало XX века / Ю.Р. Савельев. – М.: Совпадение, 2008. – 400 с.
8. Слядзь А.Н. Византия и Русь: опыт военно-политического взаимодействия в Крыму и Приазовье (XI–начало XII века) / А.Н. Слядзь. – СПб.- М.: Евразия, ИД Клио, 2014. – 288 с.
9. Фролов Д.В. Саранск семнадцатого столетия в документах и артефактах: монография / Д.В. Фролов. – Саранск, 2019. – 444 с.
10. Хомяков, А.С. Церковь одна / А.С. Хомяков // Ежемесячное приложение к журналу «Православная Русь». – 1979. – № 1. – 36 с.

11. Krautheimer R. Early christian and Byzantine architecture. 4 th.ed., with the collaboration of S.Curcic Harmondsworth, 1986. – P.340–341.
12. Fedorov-Davydov C.A. Städte der Goldenen Horde an der unteren Wolga. –Munchen; Verlag C.H. Beck, –1984. –200 s.

THE SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT OF THE TRADITION OF CHURCH BUILDING IN RUSSIA, RUSSIA AND MORDOVIA AND THE MODERN SPECIFICS OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN CIVILIZATION

Kidyamkin A.A.

Mordovian State National Research University named after N.P. Ogarev

Introduction. The author finds that the appeal to the social values of the tradition of church building as a factor of Russian life and their restoration today is a natural result of the evolution of the traditions of spirituality of Russian society. Discussion. Even today, the spirituality of Russian society is confirmed in the visible images of church building. The ideas of cult architecture serve to preserve the continuity of socio-cultural heritage in Russia and Mordovia.

The methodological basis of the research in the article is a systematic approach of holistic analysis, which allows us to consistently consider the positions of philosophy, theology, history and modernity regarding the value of continuity in the traditions of religious architecture.

Purpose and objectives. The article considers the fact that the preservation of the traditions of church building is of particular interest for study from the point of view of addressing the spiritual origins of our fatherland.

Conclusion. As a result of the conducted research, the change in the concepts of church building in the context of the development of the social tradition of Russia and Mordovia, the continuity of ideas of social memory, was considered.

Keywords: construction, morality, empire, Russians, architectural tradition, religion, spiritual culture, specifics of the Byzantine style

References

1. Akhiezer A.S. Russia as a large society / A.S. Akhiezer // Questions of Philosophy. 1993, No. 1. – P. 4–19.
2. Gagaev A.A. Philosophy of culture of the city of Ruzaevka / A.A. Gagaev, P.A. Gagaev. – Ruzaevka, 2009. – 312 p.
3. Eldin M.A. New Rome, the period of the Nicene Empire: ethical and historiographical aspect monograph / M.A. Eldin. – Saransk, 2019. – 144 p.
4. Ilvitskaya S.V. Architectural-comparative aspect of Orthodox monasteries in the Balkan countries and Russia / S.V. Ilvitskaya. – M.: Infra-M, 2018. – 99 p.
5. Komech A.I. Old Russian architecture of the late 10th-12th centuries (text): Byzantine heritage and the formation of an independent tradition / A.I. Komech; Ed. V.L. Yanin; Academy of Sciences of the USSR. All-Union Research Institute of Art Studies of the USSR Ministry of Culture. – M.: Nauka, 1987. – 317 p.
6. Rappoport P.A. Architecture of Medieval Rus'. – St. Petersburg: "Faces of Russia", 2013. – 324 p.
7. Savelyev Yu.R. The art of historicism and state order. The second half of the 19th – early 20th century / Yu.R. Savelyev. – M.: Sovpadenie, 2008. – 400 p.
8. Slyadzy A.N. Byzantium and Rus': the experience of military-political interaction in the Crimea and the Azov region (11th-early 12th centuries) / A.N. Slyadzy. – St. Petersburg. – Moscow: Eurasia, ID Klio, 2014. – 288 p.
9. Frolov D.V. Saransk of the seventeenth century in documents and artifacts: monograph / D.V. Frolov. – Saransk, 2019. – 444 p.
10. Khomyakov, A.S. The Church is one / A.S. Khomyakov // Monthly supplement to the journal "Orthodox Rus". – 1979. – No. 1. – 36 p.
11. Krautheimer R. Early Christian and Byzantine architecture. 4th edition, with the collaboration of S. Curcic Harmondsworth, 1986. – P.340–341.
12. Fedorov-Davydov S.A. Städte der Goldenen Horde an der unteren Wolga. –Munchen; Verlag C.H. Beck, –1984. –200 s.

Роль образовательных учреждений в интеграции детей в общество

Ли Цзинчжэ,

студент, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: 915923131@qq.com

Лю Дин,

студентка, Юго-западный университет национальностей

В статье рассматривается значимость образовательных учреждений как ключевого элемента в процессе интеграции детей в общество. Подчеркивается, что школа и другие образовательные организации не только обеспечивают передачу знаний, но и играют важную роль в формировании социальных навыков, эмоционального интеллекта и культурной идентичности у детей. Исследуются различные подходы к интеграции, включая инклюзивное образование, которое способствует созданию равных возможностей для всех учащихся, независимо от их индивидуальных особенностей. Анализируются примеры успешных практик из различных стран, а также выявляются барьеры, которые могут препятствовать эффективной интеграции. В заключение предлагаются рекомендации для педагогов и администраторов образовательных учреждений по созданию более поддерживающей и инклюзивной среды, способствующей гармоничному развитию детей и их успешной социализации.

Ключевые слова: образовательные учреждения, интеграция детей, социальные навыки, эмоциональный интеллект, культурная идентичность, социализация детей.

Тема данной статьи посвящена исследованию роли образовательных учреждений в процессе интеграции детей в общество. Интеграция детей в социальные структуры представляет собой многогранный и комплексный процесс, который охватывает не только образовательные аспекты, но и социальные, культурные и психологические компоненты. В данном контексте образовательные учреждения выступают в качестве ключевых элементов, способствующих формированию у детей необходимых навыков и компетенций для успешной адаптации в социуме.

Актуальность проблемы интеграции детей в общество обусловлена множеством факторов, включая глобализацию, изменение социально-экономических условий и развитие технологий. В современном мире, где социальные взаимодействия становятся всё более разнообразными и сложными, важно обеспечить детям возможность не только получать знания, но и развивать социальные навыки, которые позволят им эффективно взаимодействовать с окружающими. Кроме того, особое внимание следует уделять детям с особыми потребностями, которые сталкиваются с дополнительными барьерами на пути к социальной интеграции. Следовательно, образовательные учреждения играют критическую роль в создании инклюзивной среды, способствующей равным возможностям для всех детей.

Целью данного исследования является анализ роли образовательных учреждений в процессе интеграции детей в общество, а также выявление эффективных практик и подходов, способствующих этому процессу. Для достижения поставленной цели необходимо решить несколько задач:

1. Исследовать теоретические аспекты интеграции детей в общество – рассмотреть существующие модели и подходы к интеграции, а также определить ключевые факторы, влияющие на успешность этого процесса.
2. Анализировать роль образовательных учреждений – выявить функции, которые выполняют школы и другие образовательные организации в контексте социальной адаптации детей.
3. Изучить примеры успешных практик – проанализировать опыт различных образовательных учреждений, которые внедряют инклюзивные подходы и программы для поддержки интеграции детей.
4. Определить рекомендации для повышения эффективности интеграционных процессов – разработать практические рекомендации для педагогов и администраторов образовательных учреждений, направленные на улучшение условий для интеграции детей в общество.

Таким образом, данное исследование направлено на углубление понимания роли образовательных учреждений в процессе социальной интеграции детей и выработку рекомендаций для оптимизации этого процесса в современных условиях.

Инклюзивное образование представляет собой подход, основанный на принципах равенства и доступности, который обеспечивает всем детям, независимо от их индивидуальных особенностей, возможность получать образование в одной и той же образовательной среде [3]. Этот подход предполагает не только физическую интеграцию учащихся с особыми потребностями в обычные классы, но и создание условий, способствующих

их полноценному участию в учебном процессе и социальной жизни. Инклюзивное образование направлено на устранение барьеров, как физических, так и психологических, которые могут препятствовать детям с различными потребностями в получении образования наравне с их сверстниками [5].

Важным аспектом инклюзивного образования является признание разнообразия как нормы, а не исключения. Это подразумевает необходимость адаптации образовательных программ, методов преподавания и оценивания с целью удовлетворения уникальных потребностей каждого учащегося. Инклюзивное образование не только способствует развитию академических навыков у детей, но и формирует у них социальные компетенции, такие как сотрудничество, эмпатия и уважение к различиям. Инклюзия становится не просто образовательной практикой, но и важным элементом формирования гражданского общества, способствующего толерантности и взаимопониманию [8].

Принципы равных возможностей для всех учащихся являются краеугольным камнем инклюзивного образования [1]. Эти принципы подчеркивают важность создания образовательной среды, в которой каждый ребенок имеет равный доступ к образовательным ресурсам и возможностям, независимо от его индивидуальных характеристик или обстоятельств. Основными принципами равных возможностей являются:

1. Доступность.
2. Адаптация учебного процесса.
3. Поддержка со стороны педагогов.
4. Сотрудничество с семьями.
5. Создание инклюзивной культуры.

Существует несколько моделей интеграции детей в образовательный процесс, среди которых выделяются традиционная и инклюзивная модели. Эти модели различаются по своему подходу к обучению и социальной адаптации учащихся.

Традиционная модель интеграции предполагает разделение учащихся на группы в зависимости от их способностей и потребностей [2]. В этой модели дети с особыми потребностями часто обучаются в специализированных учреждениях или классах, что может приводить к их изоляции от сверстников. Традиционный подход акцентирует внимание на стандартизированных методах обучения и оценивания, что может не учитывать индивидуальные особенности каждого ребенка. В результате этого подхода дети с особыми потребностями могут испытывать трудности в социализации и развитии необходимых социальных навыков [6].

Инклюзивная модель интеграции, напротив, основывается на принципах совместного обучения и взаимодействия всех учащихся в одной образовательной среде. В этой модели акцент делается на создании условий для участия всех детей в общем учебном процессе, вне зависимости от их индивидуальных особенностей [3]. Инклюзия предполагает использование адаптивных методов обучения, которые позволяют каждому ребенку достигать успеха в соответствии с его возможностями. Эта модель способствует не только академическому развитию учащихся, но и формированию у них навыков общения, сотрудничества и взаимопомощи.

Переход от традиционной к инклюзивной модели интеграции является важным шагом к созданию более справедливой и доступной образовательной среды для всех детей. Инклюзивное образование не только обогащает опыт учащихся, но и способствует формированию более толерантного и гармоничного общества.

Инклюзивные образовательные программы представляют собой разнообразные подходы, направленные

на обеспечение равного доступа к образованию для всех детей, включая тех, кто имеет особые потребности. Одним из ярких примеров таких программ является «Универсальный дизайн обучения» (UDL), который предполагает создание учебной среды, учитывающей различные стили и темпы обучения. UDL базируется на принципах гибкости и адаптивности, что позволяет педагогам разрабатывать материалы и методы, способствующие вовлечению всех учащихся [7].

Другим примером является программа «Партнерство в обучении», реализуемая в ряде стран, где учащиеся с особыми потребностями учатся в обычных классах вместе со своими сверстниками. В рамках этой программы осуществляется индивидуальная поддержка, включая помощь ассистентов и использование специализированных технологий [4]. Это создает условия для социализации и формирования у детей навыков сотрудничества.

Также стоит отметить программу «Инклюзивные классы», внедренную в некоторых странах Европы, которая направлена на интеграцию детей с ограниченными возможностями здоровья в общие образовательные учреждения. В рамках данной программы осуществляется подготовка педагогов, а также разработка адаптированных учебных планов и материалов [4]. Такой подход позволяет создать инклюзивную среду, способствующую развитию всех учащихся.

Скандинавские страны, такие как Швеция и Норвегия, являются примерами успешной реализации инклюзивного образования. В этих странах инклюзия рассматривается как основополагающий принцип образовательной политики. Шведская модель акцентирует внимание на равенстве и доступности образования для всех детей, независимо от их индивидуальных потребностей. В рамках этой модели активно используются индивидуализированные планы обучения, которые разрабатываются совместно с родителями и специалистами.

В США также наблюдается множество успешных практик инклюзивного образования. Например, программа «Закон о людях с инвалидностью в образовании» (IDEA) предоставляет детям с особыми потребностями право на получение образования в наименьшей ограниченной среде. Эта программа включает в себя механизмы поддержки, такие как наличие специальных помощников и адаптированных учебных материалов. Исследования показывают, что дети с особыми потребностями, обучающиеся в инклюзивных классах, демонстрируют более высокие достижения в учебе и социальной адаптации по сравнению с теми, кто обучается в специализированных учреждениях.

В Австралии также успешно внедряются инклюзивные практики. Программа «Инклюзивное образование для всех» направлена на создание условий для участия всех детей в образовательном процессе. В рамках этой программы осуществляется подготовка педагогов к работе с разнообразными группами учащихся, что способствует формированию инклюзивной культуры в школах.

Культурные и социальные факторы играют ключевую роль в успешности интеграции детей с особыми потребностями в общество. Одним из основных факторов является отношение общества к разнообразию и инклюзии. В странах с высоким уровнем социальной толерантности и принятия различий наблюдается более успешная интеграция детей с особыми потребностями [8]. Например, в скандинавских странах инклюзия рассматривается как социальная норма, что способствует формированию позитивного отношения к детям с ограниченными возможностями.

Социальная поддержка семей также является важным аспектом успешной интеграции. Наличие ресурсов

и услуг для поддержки родителей, таких как консультации и группы поддержки, может значительно облегчить процесс адаптации детей к образовательной среде. В странах, где существуют развитые системы поддержки семей, интеграция детей с особыми потребностями проходит более гладко [2].

Культурные традиции и исторический контекст также влияют на восприятие инклюзии. В обществах с глубокими корнями в традиционные ценности может наблюдаться сопротивление изменениям в образовательной системе [5]. Напротив, в обществах, где ценится инновационное мышление и разнообразие, интеграция детей с особыми потребностями становится более естественным процессом.

Успешная интеграция детей в общество зависит от сочетания различных культурных и социальных факторов, а также от готовности образовательных учреждений адаптироваться к потребностям всех учащихся. Инклюзивное образование требует не только изменений в образовательной практике, но и широкой социальной поддержки на уровне общества в целом.

Социальные и культурные барьеры представляют собой значимые препятствия на пути интеграции детей в общество, особенно для тех, кто имеет особые потребности. Эти барьеры могут проявляться в различных формах, начиная от стигматизации и заканчивая недостаточной осведомленностью о потребностях таких детей. Важным аспектом является то, что общество зачастую формирует определенные представления о детях с ограниченными возможностями, что может приводить к их исключению или изоляции [6].

Культурные нормы и ценности также играют решающую роль в восприятии инклюзии. В обществах, где преобладают традиционные взгляды на инвалидность, дети с особыми потребностями могут восприниматься как обременение или даже как «позор» для семьи. Это приводит к тому, что такие дети нередко подвергаются дискриминации, что усугубляет их социальное положение и затрудняет интеграцию в образовательные учреждения и общество в целом.

Кроме того, отсутствие понимания и поддержки со стороны сверстников и взрослых может создавать дополнительные барьеры [7]. Дети, не обладающие достаточной информацией о различиях между собой и детьми с особыми потребностями, могут проявлять агрессию или избегать общения, что в свою очередь формирует замкнутый круг изоляции. Таким образом, социальные и культурные барьеры становятся значительными препятствиями для успешной интеграции детей в общество.

Система образования сталкивается с множеством проблем, которые затрудняют интеграцию детей с особыми потребностями. Одной из ключевых проблем является недостаток ресурсов, включая финансовые средства, специализированные учебные материалы и технологии, которые могли бы поддерживать инклюзивное обучение. Образовательные учреждения часто испытывают нехватку финансирования, что приводит к ограниченному доступу к ресурсам для создания адаптированных программ обучения.

Также важным аспектом является подготовка педагогов. Многие учителя не имеют достаточной квалификации или опыта работы с детьми с особыми потребностями. Отсутствие специализированного обучения и тренингов приводит к тому, что педагоги могут не знать, как эффективно работать с такими детьми, что снижает качество образования и способствует их изоляции. Недостаток профессиональной подготовки также может вызывать у учителей чувство неуверенности и страха

перед работой с детьми с особыми потребностями, что дополнительно усугубляет ситуацию.

Другой значимой проблемой является отсутствие междисциплинарного подхода в образовательных учреждениях. Интеграция детей с особыми потребностями требует сотрудничества между различными специалистами, такими как психологи, логопеды и социальные работники. Однако в большинстве случаев такая координация отсутствует, что приводит к фрагментации образовательного процесса и снижению его эффективности.

Стереотипы и предвзятости играют значительную роль в процессе интеграции детей с особыми потребностями в общество. Общественные представления об инвалидности часто основываются на устаревших или негативных стереотипах, которые формируют предвзятое отношение к таким детям [1]. Например, распространенное мнение о том, что дети с ограниченными возможностями не способны к обучению или социальной адаптации, препятствует созданию инклюзивной среды.

Эти предвзятости могут проявляться как на уровне индивидуального восприятия, так и в рамках институциональных структур. Учителя, родители и сверстники могут бессознательно переносить свои страхи и непонимания на детей с особыми потребностями, что приводит к созданию неблагоприятной атмосферы для их обучения и социализации. В результате таких стереотипов дети могут испытывать низкую самооценку и чувство неполноценности, что дополнительно затрудняет их интеграцию.

Важным аспектом является также влияние медиа на формирование общественного мнения о детях с особыми потребностями. Часто они представлены в негативном свете или как объекты жалости, что лишь усугубляет существующие стереотипы. Такие изображения могут способствовать формированию у общества предвзятых представлений о том, что дети с ограниченными возможностями не могут быть активными участниками жизни общества [6].

Образовательные учреждения должны стремиться к формированию инклюзивной атмосферы, которая обеспечивает эмоциональную и социальную поддержку для всех учащихся. Это включает в себя адаптацию учебных пространств, использование дифференцированных методов обучения и внедрение программ, способствующих взаимодействию между детьми с различными потребностями [2]. Важно создать условия, при которых каждый ребенок чувствует себя ценным членом сообщества, что способствует развитию уверенности и социальной интеграции.

Необходимость постоянного профессионального развития педагогов в области инклюзии не вызывает сомнений. Администрации образовательных учреждений следует организовать регулярные курсы и тренинги, направленные на изучение современных подходов к обучению детей с особыми потребностями. Это позволит учителям не только расширить свои знания о методах инклюзивного образования, но и развить навыки работы с разнообразными группами учащихся, что в конечном итоге повысит качество образовательного процесса.

Сотрудничество с родителями и местными сообществами является ключевым фактором успешной интеграции детей в образовательный процесс. Педагоги должны активно вовлекать родителей в жизнь школы, создавая площадки для обмена опытом и информацией. Кроме того, установление партнерских отношений с местными организациями и сообществами может способствовать созданию дополнительных ресурсов и возможностей для детей, что укрепляет социальные связи и поддерживает инклюзивный подход в образовании.

В рамках проведенного исследования была детально рассмотрена роль образовательных учреждений в процессе интеграции детей в общество. Образовательные учреждения выступают не только как места получения знаний, но и как ключевые элементы социальной инфраструктуры, способствующие формированию навыков взаимодействия и адаптации детей в социуме. Важность этой функции становится особенно очевидной в контексте разнообразия учащихся, где каждое образовательное учреждение должно учитывать индивидуальные потребности и особенности своих воспитанников.

Интеграция детей в общество имеет критическое значение для их гармоничного развития. Она способствует формированию у детей чувства принадлежности и уверенности в себе, что, в свою очередь, влияет на их эмоциональное и социальное благополучие. Гармоничное развитие включает в себя не только академические достижения, но и развитие социальных навыков, эмоционального интеллекта и способности к сотрудничеству, что является основополагающим для успешной социализации в будущем.

Таким образом, образовательные учреждения играют центральную роль в создании инклюзивной среды, где каждый ребенок может развиваться и реализовывать свой потенциал, что является залогом устойчивого и гармоничного общества.

Литература

1. UNESCO. Guidelines for Inclusion: Ensuring Access to Education for All. 2005. [Электронный ресурс]. <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000132519> (дата обращения: 04.02.2025).
2. Ainscow, M., Miles, S. Developing inclusive education systems: the role of school leaders // *School Leadership Management*. 2008. Т. 28, № 3. С. 231–245. [Электронный ресурс]. <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13632430802224498> (дата обращения: 04.02.2025).
3. Lindsay, G. Inclusive education: A critical perspective // *British Journal of Special Education*. 2007. Т. 34, № 3. С. 112–118. [Электронный ресурс]. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.14678578.2007.00446.x> (дата обращения: 04.02.2025).
4. Dyson, A., Millward, A. Schools and Special Needs: Issues of Innovation and Inclusion // *International Journal of Inclusive Education*. 2000. Т. 4, № 2. С. 133–144. [Электронный ресурс]. <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/136031100284849> (дата обращения: 04.02.2025).
5. Rouse, M., Florian, L. Inclusion: A principles-based approach // *Educational Psychology in Practice*. 2012. Т. 28, № 1. С. 1–12. [Электронный ресурс]. <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/02667363.2012.658202> (дата обращения: 04.02.2025).
6. European Agency for Special Needs and Inclusive Education. Inclusive Education in Europe: Key Findings from the Agency's Work. 2018. [Электронный ресурс]. https://www.european-agency.org/sites/default/files/inclusiveeducationineuropekey_findings.pdf (дата обращения: 04.02.2025).
7. Sullivan, A., Brown, M. Social class, cultural capital and educational success: The impact of parental involvement // *British Journal of Sociology of Education*. 2015.

Т. 36, № 2. С. 236–254. [Электронный ресурс]. <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/01425692.2014.942104> (дата обращения: 04.02.2025).

8. OECD. Equity in Education: Breaking Down Barriers to Social Mobility. 2018. [Электронный ресурс]. <https://www.oecd.org/education/equity-in-education-9789264303343-en.htm> (дата обращения: 04.02.2025).

THE ROLE OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE INTEGRATION OF CHILDREN INTO SOCIETY

Li Jingzhe, Liu Ding

Saint Petersburg State University, Southwest University for Nationalities

The article discusses the significance of educational institutions as a key element in the process of integrating children into society. It emphasizes that schools and other educational organizations not only provide knowledge but also play an important role in shaping social skills, emotional intelligence, and cultural identity in children. Various approaches to integration are explored, including inclusive education, which promotes the creation of equal opportunities for all students, regardless of their individual characteristics. Successful practices from different countries are analyzed, and barriers that may hinder effective integration are identified. In conclusion, recommendations are offered for educators and administrators of educational institutions on creating a more supportive and inclusive environment that fosters the harmonious development of children and their successful socialization.

Keywords: educational institutions, integration of children, social skills, emotional intelligence, cultural identity, children's socialization.

References

1. UNESCO. Guidelines for Inclusion: Ensuring Access to Education for All. 2005. [Electronic resource]. <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000132519> (accessed: 04.02.2025).
2. Ainscow, M., Miles, S. Developing inclusive education systems: the role of school leaders // *School Leadership Management*. 2008. Vol. 28, No. 3. P. 231–245. [Electronic resource]. <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13632430802224498> (accessed: 04.02.2025).
3. Lindsay, G. Inclusive education: A critical perspective // *British Journal of Special Education*. 2007. Vol. 34, No. 3. P. 112–118. [Electronic resource]. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.14678578.2007.00446.x> (accessed: 04.02.2025).
4. Dyson, A., Millward, A. Schools and Special Needs: Issues of Innovation and Inclusion // *International Journal of Inclusive Education*. 2000. Vol. 4, No. 2. P. 133–144. [Electronic resource]. <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/136031100284849> (accessed: 04.02.2025).
5. Rouse, M., Florian, L. Inclusion: A principles-based approach // *Educational Psychology in Practice*. 2012. Vol. 28, No. 1. Pp. 1–12. [Electronic resource]. <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/02667363.2012.658202> (accessed: 04.02.2025).
6. European Agency for Special Needs and Inclusive Education. Inclusive Education in Europe: Key Findings from the Agency's Work. 2018. [Electronic resource]. https://www.european-agency.org/sites/default/files/inclusiveeducationineuropekey_findings.pdf (accessed: 04.02.2025).
7. Sullivan, A., Brown, M. Social class, cultural capital and educational success: The impact of parental involvement // *British Journal of Sociology of Education*. 2015. Vol. 36, No. 2. Pp. 236–254. [Electronic resource]. <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/01425692.2014.942104> (accessed: 04.02.2025).
8. OECD. Equity in Education: Breaking Down Barriers to Social Mobility. 2018. [Electronic resource]. <https://www.oecd.org/education/equity-in-education-9789264303343-en.htm> (accessed: 04.02.2025).

Исследование функции когнитивных метафор на семантическое развитие русских интернет-неологизмов

Ли Чжо,

магистр, Синьцзяньский педагогический университет
E-mail: 3153409144@qq.com

Цай Вэй,

доцент, Синьцзяньский педагогический университет
E-mail: 554535896@qq.com

В статье исследуется роль когнитивных метафор в формировании и развитии семантических неологизмов в русскоязычном интернет-дискурсе. Анализ основан на теории концептуальной метафоры, предложенной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, и рассматривает механизм метафорического переноса значений как один из ключевых факторов языковой эволюции в цифровой среде. В работе анализируются примеры лексических единиц, которые приобрели новые значения в интернет-коммуникации, такие как «стена», «тролль», «облако», «мышь» и другие. Исследование показало, что процессы семантического расширения обусловлены не только техническими и социальными изменениями, но и когнитивными особенностями восприятия. Рассматриваются также метонимические механизмы, способствующие образованию интернет-неологизмов, а также их влияние на формирование новой языковой нормы. Полученные результаты могут быть полезны для специалистов в области когнитивной лингвистики, цифровой коммуникации и преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: русские термены в интернете, когнитивные метафоры, лексические неологизмы, семантические неологизмы, фонологическое сходство.

Введение

Современный интернет-дискурс представляет собой динамичную языковую среду, в которой наблюдается интенсивное развитие неологизмов, обусловленное как техническим прогрессом, так и социокультурными изменениями. В русскоязычном сегменте интернета процессы формирования новых лексических единиц особенно активно происходят за счет семантического переосмысления уже существующих слов, что требует детального лингвистического анализа. Одним из ключевых механизмов, способствующих расширению значений лексем в интернет-коммуникации, является когнитивная метафора, выполняющая функцию концептуального переноса смысла из одной области в другую.

Когнитивная метафора, как утверждают Дж. Лакофф и М. Джонсон, является не просто стилистическим приемом, но важным когнитивным инструментом, отражающим способы восприятия и структурирования реальности. В условиях интернет-коммуникации этот механизм позволяет адаптировать традиционные лексические единицы к новым условиям цифровой среды. Так, многие слова, первоначально не связанные с интернет-технологиями, приобретают дополнительные значения, обусловленные аналогиями с их исходными значениями в офлайн-реальности. Например, такие слова, как «стена», «окно», «почта», «тролль» и «облако», в интернет-дискурсе приобрели новые семантические оттенки, которые закрепились в языке благодаря когнитивным процессам переосмысления.

Актуальность исследования обусловлена тем, что процесс метафоризации играет ключевую роль в эволюции интернет-лексики, однако системное изучение данной проблемы остается недостаточно разработанным в отечественной лингвистике. Несмотря на наличие отдельных работ, посвященных неологизмам и интернет-языку, многие аспекты когнитивного механизма формирования семантических неологизмов остаются неизученными. В данной статье ставится цель выявить и проанализировать основные когнитивные метафоры, лежащие в основе семантической эволюции русских интернет-неологизмов, а также рассмотреть их влияние на формирование современной цифровой коммуникации.

Материалы и методы исследования

В данном исследовании используется комплексный методологический подход, включающий когнитивный, семантический и дискурсивный анализ. Основным материалом для анализа составляют русскоязычные интернет-ресурсы, такие как социальные сети, форумы, блоги и цифровые СМИ, в которых наблюдается активное формирование и функционирование семантических неологизмов. Метод когнитивного анализа позволяет выявить механизмы метафорического и метонимического переноса значений, лежащие в основе развития интернет-лексики. Семантический анализ направлен на определение изменений в значении и употреблении слов, первоначально существовавших в языке, но приобретающих новые значения

в интернет-дискурсе. Дискурсивный анализ способствует выявлению контекстуальных факторов, влияющих на закрепление новых значений в коммуникативной практике пользователей сети. Таким образом, сочетание данных методов позволяет всесторонне изучить влияние когнитивных процессов на семантическое развитие русских интернет-неологизмов и выявить закономерности их функционирования в современной цифровой среде.

Результаты и обсуждения

Стиль неологизмов русскоязычного интернета

Интернет – это особая коммуникативная среда, и в данной статье описывается новый корпус русскоязычного интернета, иллюстрирующий новые значения общеупотребительных слов, которые подвергаются семантической реинтерпретации в результате функционирования сети. Исследование развития интернет-лексики выявляет наличие лакун, которые необходимо заполнить. Рассматривая интернет-среду как сферу коммуникации, следует, прежде всего, определить понятие «интернет-язык». То есть в русском языке сформировался новый стиль интернет-коммуникации, который характеризуется «проговариванием» письменных заметок, например, в русском интернет-чате «давай» часто пишут как «дай». С точки зрения произношения, «дай» – это сокращенная форма «давай» в быстром выражении разговорного языка, а в письменном общении в интернете такой способ написания подобен представлению произношения разговорного языка непосредственно в тексте, что делает письменное выражение более ярким в смысле разговорного языка. Он нарушает строгость традиционного письменного языка. Он нарушает строгие правила грамматики и орфографии традиционного письменного языка и демонстрирует особенности сетевого общения в стремлении к удобству и близости, благодаря чему обеим сторонам кажется, что они находятся в сцене диалога лицом к лицу, а также гиперинтертекстуальностью и описательным диалогом.

Языки интернета склонны к упрощению семантических единиц. Термины и понятия, обозначающие те или иные явления или вещи в сети, образуются путем появления новых слов (лексические неологизмы) или развития новых значений для уже существующих в языке слов (семантические неологизмы). Большинство неологизмов в сети появилось в результате лексических заимствований, которые пришли в основном из английского языка. Например, приложение *Instagram* – это социальное приложение, которое работает на мобильных устройствах и быстро и весело делится в интернете фотографиями, которые вы делаете в любое время. Это привело к появлению целого ряда новых словарей, включая такие слова, как *лайк*, *онлайн*, *офлайн*, *флуд*, *трэш*, *френдзона* и так далее. Эти слова активно формируют словообразовательные семьи с конструкциями, образованными с помощью русских морфем: *лайк* – *лайкать* – *лайкнуть* – *залайкать* – *отлайкать* – *лайкомер*; *флуд* – *флудить* – *зафлудить*, *селфи* – *селфиться*[7]; *чат* – *чатать* – *чатиться* – *чатнуть* – *чатик* – *чатище* – *чатнудый* – *чатливый* – *чатящий* – *чатно*; *зип* – *зипование* – *зиповать* – *зипованные* – *раззиповывать* – *ззипован* и так далее. Появление большого количества новых слов в русском языке основано на сокращении или деформации иностранных словоформ: *зарегаться* – *зарегистрироваться на каком-либо сайте*, *рега* – *регистрация*, *намана* – *нормально*, *лан* – *ладно*[7], *фотка* – *фотография*, *тока* – *только*, *здрасть* – *здравствуйте*[9] и так далее.

Значения слов в сети также формируются на основе их фонетического сходства с первоначально сгенериро-

ванными словами. Замечено, что в середине 90-х–начале 2000-х годов в русском языке наблюдалось большое количество новых слов[7]. Например, *хомяк* происходит от английского слова *homepage* (домашняя (стартовая) страница в браузере, например, «*сделай Гугл хомяком, он удобнее всего и быстрее*»). Например, селфи происходит от английского слова *selfie*, *мыло* – от английского слова *email*, например, «*скинь мне на мыло эту ссылку, я в почту зайду и открою*» [7], *аська* – от английского слова *ICQ* – программа мгновенного обмена сообщениями, объединяющая электронную почту и чат[7], и многие другие примеры: *ютуб* (*ютьюб*) от английского *YouTube* – программа для работы с видео, принадлежащая компании Google, в Китае часто называется *油管*, *файл* от английского *file*, *софт* от английского *soft*, *айпад* от английского *iPad* – планшетный компьютер, разработанный компанией Apple, *фейсбук* с английского *facebook*, *виндус* с английского *windows*, *драйвер* с английского *drive*, *сервер* с английского *server*, *монитор* с английского *monitor*, *сканер* с английского *scanner*, *сайт* с английского *site*, *логин* с английского *log in*, *нетизен* с английского *netizen*[9], *сисадмин* с английского *system administrator*, *вебмастер* с английского *Webmaster*[4], *Майкрософт* от английского *Microsoft* и так далее. Как видно, эти случаи отражают феномен слов с совершенно разными значениями, но соответствующим произношением, которые укоренились в языковой среде и приняты российскими интернет-пользователями.

Функция когнитивных метафор в формировании значения интернет-неологизмов

Существуют и другие способы появления лексических неологизмов, но предметом данной статьи являются семантические неологизмы: то есть развитие новых производных значений у слов, которые уже существуют в языке. Это также известно как старое слово с новым значением, а не совершенно новое слово. Это слово, присущее языку, которое приобретает новое значение в процессе развития словарного состава языка, и люди наделяют его новым пониманием и используют для выражения новых вещей и явлений[8]. Примечательно, что значительная часть лексики интернет-языка состоит из компьютерного жаргона: *клава*, *железо*, *матка*, *убить*, *залить*[7] и так далее основным способом появления неологизмов является метафора, которую Рыков и Джонсон понимают как когнитивный механизм, функционирующий в процессе проведения аналогических сравнений между новыми, непонятными и старыми, уже известными вещами[1]. Метафора является основным основанием для производства изменений в значении слов. В современной когнитивной лингвистике метафора понимается как механизм мышления, как часть когнитивной системы человека[6]. Ниже мы рассмотрим появление некоторых семантических неологизмов в языке интернета. При этом оставим на время в стороне огромный лексический пласт, который также формируется на основе широко известной, но относящейся к лексике компьютерной реальности лексики: *железо*, *мусор*, *корзина*, *рабочий стол*, *иконка*, *мышь*, *коврик*, *дерево* [7] и так далее.

Например, в интернет-языке слово *баян* больше используется не для обозначения музыкальных инструментов, а для комментирования устаревших шуток, которые когда-то были смешными и оригинальными, но с течением времени потеряли свой шарм. В интернет-среде мы часто встречаем выражения вроде «Да баян это уже! Я читала это сто раз» [7]. Новое значение слова связано, прежде всего, с тем, что в восприятии молодежи *баян* тесно ассоциируется с устаревшими музыкальными инструментами, с одной стороны, и монотонным и повто-

ряющимся движением мехов – с другой, что в совокупности обуславливает современное семантическое значение слова. Кроме того, на формирование его новой семантики могла повлиять ассоциация баяна со шприцем в жаргоне наркоманов. В любом случае создание нового значения слова **баян** основано на семантическом переносе метафор. Как сказано в источнике: «Баян – это большой аккордеон со сложной системой клавиш» [2]. Хотя в традиционном словарном определении нет такого понятия, как «Повторяющееся движение надувания и сжатия мехов», мы считаем, что именно эта уникальная особенность движения мехов является ключевым источником для запуска этих метафор, и таким образом слово **баян** получает совершенно новое значение в интернет-языке. Мы считаем, что именно эта уникальная особенность движения мехов является ключевым источником этих метафорических значений, тем самым давая слову **баян** совершенно новую жизнь и смысловой оттенок в интернет-языке.

Стена в «Подробном словаре русского языка» описывается как:

1. Вертикальная часть здания, помещения. наружная, внутренняя с. Бетонная, кирпичная, деревянная с.;
2. Высокая ограда. Как за каменной стеной (под надежной защитой). Между ними выросла с. (перен.: стало невозможным общении).;
3. Сплошная масса чего-н., образующая преграду, завесу. С. деревьев. С. тумана, дождя. С. огня.[2], а слово, получившее в интернет-языке совершенно новое значение для обозначения серии связанного контента, размещенного пользователем в социальной сети.

Для примера можно привести выражение: «Посмотри эту фотку на моей стене на «фейсбуке»» [7] семантической точки зрения ключевую роль играет синоним «вертикальный». Поскольку интерфейс персональных домашних страниц социальных сетей «вертикальный», возникает формальное сходство с поверхностью объектов, на которых можно писать в реальности, и на основе этого сходства происходит метафорический перенос семантики, который придает новый оттенок слову **стена** в контексте социальных сетей. Это привело к метафорическому переносу семантики, придав слову **стена** новую коннотацию в контексте социальных сетей.

Статус имеет следующее определение в подробном словаре русского языка:

1. сложившееся состояние, положение (книжн.). С. общественных отношений, жизни общества.;
2. Правовое положение (спец.). Правовой с. гражданина. Поселку присвоен с. города[2].

В языке интернета это слово приобретает новое значение: короткое сообщение, которое выразит на странице пользователя его настроение, самоощущение, расскажет о каком-либо событии, произошедшем с ним. Например, «Да у нее статусы все ванильные, каждый раз какое-нибудь очередное ми-ми-ми» [7], серия элементов «состояние», «положение» доказывает, что новое значение вытекает из первоначального, ведь обычно статусы в социальной сети отражают наше «состояние дел», эмоции и т.д.

Троль – сверхъестественные существа из скандинавской мифологии (обычно враждебные людям, чаще всего горгульи)[3]. В интернете у этого слова появилось новое значение «Пользователь, намеренно провоцирующий негативные эмоции у других пользователей, чтобы вызвать возмущение и беспорядки», которого мы часто называем «спамером». Например: «Троль из него निकудышный» [7]. На основе подобного понимания этого мифического существа были разработаны новые про-

изводные значения. Неотъемлемым элементом в этой деривации является «Злой», «Враждебный людям».

Железо[7] объясняется в словаре следующим образом:

1. Химический элемент, серебристо-белый металл, главная составная часть чугуна и стали;
2. Изделия из такого металла. Кровельно е ж.;
3. Лекарство, содержащее препараты такого химического элемента. Принимать ж.[2].

Термин **железо** используется в интернет-языке для обозначения аппаратуры, а также используется прилагательно для обозначения аппаратуры, как, например, железный форум; железная компоновка. Новое значение слова **железо** в киберязыке обусловлено его свойствами. **Железо** в русском языке обычно обозначает сталь, которая, будучи твердым металлическим материалом, может служить опорой, опорой и защитой чего-либо. Эти характеристики соответствуют характеру компьютерного оборудования, такого как шасси, материнские платы, жесткие диски и другие компоненты, а эти компоненты обычно изготавливаются из металла с другими прочными материалами, что позволяет ему лучше выполнять свои обязанности по защите электронных компонентов внутри. Поэтому, исходя из схожести характеристик и материалов, слово железо на языке интернета переводится как «аппаратное обеспечение». Например: «Для нормальной работы программы нужно хорошее железо». Новое значение железо также формировалось на основе метафорического переноса, и хотя в словарном определении железо изначально не содержало значения «аппаратура», это значение постепенно закрепилось на практике и стало важной частью слова.

Чайник – человек, ничего не смыслящий в компьютерах. слово чайник объясняется в словаре русского языка:

1. Сосуд с ручкой и носиком для кипячения воды или для заварки чая. Электрический ч. Эмалированный ч. фарфоровый ч.;
2. О неумелом, малоопытном человеке, плохо знающем своё дело, а также вообще о глупом, неумном человеке (прост.)[2].

Слово **чайник** чаще всего используется для обозначения чайника, и основная причина, по которой оно используется в киберпике как «Тот, кто ничего не знает о компьютерах», заключается в том, что чайник, как емкость, нужно нагреть, чтобы он стал пригодным для использования, когда его наполняют водой, а новичкам нужно учиться и набираться опыта, чтобы «нагреть» свои знания и навыки. Чтобы «разогреть» свои знания и навыки, чтобы стать свободным в использовании компьютеров. например, предложение: «Он в компьютерных играх чайник – только начал играть». Здесь чайник используется для обозначения т, кто еще находится в зачаточном состоянии и неопытен в какой-либо области. возникновение этого нового значения отчасти связано со стремительным развитием интернета и технологий, благодаря чему постоянно появляются новые знания и навыки. В результате слово **чайник** стало использоваться как метафора для обозначения человека, который все еще находится на стадии обучения в какой-либо области и еще не приобрел достаточных знаний или навыков. новое значение чайника также развивалось на основе метафорического переноса. в интернет-культуре **чайник** можно охарактеризовать как самоуничижительное или юмористическое употребление слова, которое иногда используется людьми, чтобы облегчить процесс обучения в новой области.

В Толковом Словаре мы можем найти пересказы о **Меню**[8] как «Подбор кушаний, а также листок с их перечнем.разнообразное м.ресторанное м.» [2] в обла-

сти компьютеров более новое значение слова относится к «Электронному компьютеру список элементов выбора, отображаемый на дисплее во время работы программы». Появление этого нового значения в языке интернета в основном основано на том, что между ними есть общие свойства. **Меню**, с которым мы сталкиваемся в повседневной жизни, представляет собой список всех пунктов, что позволяет потребителям легко просматривать и выбирать нужные им варианты, максимально повышая удобство для клиента. То же самое можно сказать и о **меню** в интернете, которые предоставляют пользователям четкий список вариантов, из которых они могут выбирать в соответствии со своими потребностями для достижения определенной цели или получения конкретной услуги. Например, «Чтобы открыть файл, я нажал на пункт “открыть”, в меню “файл,». Таким образом, распространение понятия **меню** из сферы общепита на сферу компьютеров не только наглядно, но и легко понятно.

Объяснение **Башня**[8] можно найти в словаре русского языка:

1. Высокое и узкое архитектурное сооружение. Кремлёвские башни. Телевизионная б.водонапорная б. Б.маяка.;
2. Возвышение для орудий на судах, танках, бронемашинах.;
3. Высокий и узкий многоэтажный дом. Шестнадцатизэтажная б.Дом-б.[2].

Башня переводится как «рекурсивная процедура» на языке интернета. Например, «В этой башне, каждый функциональный блок похож на этаж башни». Этот неологизм основан на сходстве характеристик башен и рекурсивных процедур, которые обычно имеют много этажей и постепенно поднимаются снизу вверх, образуя глубокую структуру. Рекурсивные процедуры также иерархичны по своей природе, каждый вызов функции создает новый уровень, который вложен до тех пор, пока не будет достигнуто некоторое условие завершения. Таким образом, метафорические сдвиги поверх этого порождают новые смыслы.

Окно[8] можно найти в словарях русского языка следующим образом:

1. Отверстие в стене для света и воздуха, а также рама со стеклом, закрывающая это отверстие. Большое, высокое, узкое о. Комната в два окна. Стоять под окном. Выбросить что-н. за о. или в о. Открыть, закрыть о. Опустить, поднять о. (с движущейся вверх и вниз рамой, напр., в вагоне). Цветы на окне (на подоконнике). Сестра на о. (на подоконник). Замазать, заклеить, утеплить окна (заделать на зиму щели между рамами);
2. отверстие в разделяющей что-н.стенке, перегородке.о.кассира.о.рецептурного отдела (в аптеке)[2].

Окно в компьютерной терминологии означает «прямоугольная область экрана, занимаемая приложением», например: «Я открыл новое окно браузера, чтобы посмотреть другой сайт». Аналогично, это новое значение основано на фразе «отверстие в стене для света и воздуха». Отверстие в компьютере открывает более широкий вид на внешний мир, связывая таким образом внутреннее помещение с внешним миром. Отверстие в компьютере также служит для связи. Через это отверстие пользователь может просматривать содержимое приложения, выполнять действия и взаимодействовать с ним. Метафорический перенос осуществляется благодаря сходству между ними.

Закладка[8] дается в словаре русского языка как: Ленточка, полоска, вкладываемая в книгу, чтобы заметить нужную страницу. Шёлковая, бумажная з. заложить

закладкой[2]. Значение в информатике: Механизм в сервисе Gopher (система поиска информации) для записи местоположения определенного меню, чтобы можно было вернуться к нему позже. Например: «Я занесла этот сайт в закладки, чтобы потом легко открыть его снова». После применения этого механизма меню можно легко найти одним щелчком мыши. Благодаря сходству с характеристиками закладок, с помощью этого сходства можно сопоставлять конкретные значения с абстрактными объектами.

Слово **зверь** в русском языке означает зверь, но в интернете оно может означать и «вирус». Словарь русского языка определяет его так:

1. Дикое животное. Хищный з. Лесные звери.з.в клетке. Пушной з.;
2. перен. Жестокий, свирепый человек.;
3. На что.о человеке, делающем что-н.рьяно, с азартом (разг.).з.на работу[2]. Развитие интернета принесло не только пользу, но и потенциальные опасности, одной из которых является интернет-вирус. Причина, по которой зверь в интернет-языке стал означать вирус, кроется в природе этого зверя. Например, «В сети появился новый зверь, который распространяется быстро и атакует компьютеры».в сетевом мире кибервирусы распространяются быстро и разрушительно. Это совпадает с разрушительной силой диких животных в природе.сходство между ними служит основой для создания метафор. Словарное определение **диалога**[7] таково:

1. Разговор между двумя лицами, обмен репликами. сценический д.;
2. Переносное значение переговоры, контакты между двумя странами, сторонами.политический д. Конструктивный д.[2]. Например, предложение: «Удалить диалог с данным пользователем». В интернет-языке **диалог** сохраняет основные признаки «разговор (обмен мнениями)», «два человека», «индивид», которые обеспечивают функциональное сходство в эти метафоры позволяют создавать новые метафоры из основных на основе функционального сходства.

Словарь определяет **облако**[7] следующим образом:

1. Светло-серые клубы, волнистые слои в небе, скопление сгустившихся в атмосфере водяных капель и ледяных кристаллов.облака плывут по небу.ветер гонит облака. Кучевые облака. Грозовое, дождевое о.;
2. перен., чего. Сплошная масса каких-нибудь мелких летучих частиц.о. дыма, пара.[2]. В языке интернета облако приобретает новое значение: виртуальный контейнер, в котором данные хранятся на интернет-серверах, а не на персональных компьютерах или других гаджетах. Другими словами, его часто называют «облако хранения». Например: «А я все фотки в облаке храню, это удобно и безопасно, сразу туда загоняю, если что с компом – там сохраняются всегда «новое значение облако в интернет-языке основано на обладании общим признаком, вторым значением элемента «твердая масса» в метафорическом смысле.

В словаре **стучаться**[5] перефразировано так: Стучать в дверь (в окно, ворота), подавая этим знак, чтобы открыли, впустили» [2]. На языке интернета стучаться означает отправлять пользователю запрос на дружбу, другими словами, быть добавленным в список виртуальных друзей пользователя. Это можно перевести как «отправить запрос на дружбу». Нпример предложения: «Опять кто-то в друзья стучится, кто такой? Сейчас зайду на его страницу». Один из денотативных элементов

«стучится», «зайду на его страницу» обуславливает развитие его нового значения. Этот метафорический перенос реализуется на основе функционального сходства. Возможность быть добавленным в список друзей возможна только в том случае, если пользователь посылает сигнал запроса другому пользователю. Это функционально сходно с исходным значением слова стучаться, которое означает посылать сигналы. Успешное добавление друга открывает ему информацию о себе, но, как правило, в незначительной степени.

Мышь[7] ищется в словаре русского языка как Небольшой грызун с острой мордочкой, усами и длинным хвостом. Домашняя м. Полевая м. Белая м. Как м. на крупу надулся кто-н. (недоволен, обижен; разг. шутол.). Под каждой крышей свои мыши (посл.). Как церковная м. беден кто-н. (совсем ничего не имеет; устар.).[2]. В интернет-языке **мышь** означает «мышь», и создание этого нового значения неотделимо от характеристик двух. Например: «Я перемещаю курсор на экране компьютера, используя мышь». Поскольку форма ранней мыши представляет собой тело плюс хвост, имеющий некоторое морфологическое сходство с настоящей мышью, это сходство позволяет людям легко ассоциировать эти два понятия вместе. Более того, поскольку мышь является важным инструментом для работы с компьютером, процесс нажатия на папку или перемещения программ с помощью мыши похож на то, как мышь двигается (например, перемещается, ищет пищу), и это функциональное сходство также усиливает ассоциацию между ними. Все это создает условия для развития метафоры.

Дерево[7] можно найти в словаре:

1. Многолетнее растение с твёрдым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону. Хвойные, лиственные деревья.;
2. ед. То же, что древесина (во 2 знач.). Мебель светлого дерева. Резьба по дереву. Постучи по дереву! (шутол. примета: нужно постучать по чему-н. деревянному, чтобы не сглазить).[2]. На языке интернета **дерево** означает «папка дерева». Создание этого нового значения неотделимо от характеристик самого дерева. Однако, если посмотреть на дерево, то можно увидеть, что ветви имеют иерархическую структуру и разветвления, что похоже на иерархические и разветвленные характеристики системы папок в компьютерах. Например, «В файловой системе компьютерной программы я организовал все документы в дереве папках, чтобы легко находить и управлять ими «Характеристики деревьев переносятся на абстрактное понятие папки, делая его конкретным и наглядным.

Влияние других когнитивных функций на формирование значений интернет-неологизмов

Помимо метафор, интернет-лексика пополняется метонимическими функциями, но перенос смысла в этой области гораздо меньше, чем в метафорах. Когнитивные лингвисты считают, что метонимия – это не только риторический прием, но и когнитивный механизм. по определению лекова, метонимия имеет прежде всего референциальную функцию, позволяющую заменить одну сущность на другую[1]. Метонимия – это когнитивный процесс, в котором одна концептуальная сущность (т.е. посредник) обеспечивает ментальный путь для другой концептуальной сущности (т.е. цели) в рамках одной и той же идеальной когнитивной схемы. Метонимия возникает в пределах одной и той же когнитивной области. Метафорическое мышление, с другой стороны, является переходным путем, постепенным процессом.

процесс порождения метафор соответствует человеческим когнитивным процессам. В человеческом когнитивном процессе вещь, явление или понятие часто имеют не один атрибут или характеристику, а несколько. Например, в Толковом словаре русского языка мы видим почту, на которую ссылаются:

1. Учреждение для пересылки писем, посылок, бандеролей, денег, а также здание, где помещается такое учреждение. Сдать бандероль на почту.;
2. Пересылка, доставка средствами этого учреждения. Создать бандероль на почту.пересылка, доставка средствами этого учреждения. Сдать бандероль на почту. Воздушная п.;
3. То, что доставлено этим учреждением, а также вообще доставленные адресату письма, посылки, бандероли.п. пришла Читательская п.[2]. В интернет-терминологии почта – это программа, т.е. «Электронный почтовый ящик» для получения и отправки писем.в данном случае это значение основано на третьем определении через метонимический перенос: сочетание первых двух значений «письмо, которое обычно доставляется адресату».

Выводы

Проведенное исследование подтвердило, что когнитивные метафоры играют ключевую роль в формировании и развитии семантических неологизмов в русскоязычном интернет-дискурсе. В ходе анализа были выявлены основные механизмы семантического расширения значений, среди которых ведущую роль играют метафорический перенос, ассоциативное мышление и адаптация традиционной лексики к реалиям цифровой среды. Исследование показало, что интернет-лексика развивается не только за счет заимствований, но и через внутренние языковые процессы, которые активизируются под влиянием коммуникативных потребностей пользователей сети.

Результаты исследования подтверждают, что процесс метафоризации в интернет-языке является не только способом лексического обогащения, но и важным когнитивным механизмом, отражающим динамику изменений в языковом сознании носителей русского языка. Анализ примеров, таких как «стена», «тролль», «облако», «мышь» и других, позволяет утверждать, что семантические неологизмы создаются в результате концептуального осмысления новых явлений, основанного на метафорическом переносе значений из одной когнитивной области в другую. Важной особенностью таких изменений является их системность и устойчивость, что способствует их закреплению в языке и последующему включению в общелексическую норму.

Перспективы дальнейшего исследования данной темы включают углубленный анализ метонимических процессов в образовании интернет-неологизмов, а также изучение прагматического аспекта их употребления в различных социальных группах. Особый интерес представляет выявление различий в механизмах формирования интернет-лексики в разных языках, что позволит провести более детальное сопоставительное исследование и выявить универсальные и культурно-специфические черты данного феномена. В целом, работа демонстрирует значимость когнитивных механизмов в процессе языковых инноваций и подчеркивает их роль в формировании современной цифровой коммуникации.

Литература

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

2. Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2000. – 940 с.
3. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Изд-во Норинт, 2000. – 1536 с.
4. Кондрашева Е. В., Тинина А.О. Новая лексика языка интернета: способы образования, причины появления // Эпоха науки. – 2019. – № 18. – С. 134–139.
5. Степанова И. Ж., Бохиева М.В. Семантические неологизмы языка Интернета // МНКО. – 2018. – № 2 (69). – С. 626–629.
6. Сиркия Н.П. Когнитивная метафора как отражение содержания языкового сознания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 5–1 (83). – С. 159–164.
7. Балданова М. В., Степанова И.Ж. Метафоризация как путь развития семантических неологизмов в языке интернета // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. – 2016. – № 1. – С. 8–13.
8. Сюй Мэн. Когнитивные механизмы русских семантических неологизмов // Изучение русского языка. – 2012. – № 4. – С. 56–60. (на китайском языке)
9. Ван Линлин. Лексические особенности русскоязычного интернет-дискурса и их перевод // Электронное обучение иностранным языкам. – 2013. – № 4. – С. 23–27. (на китайском языке)

STUDY OF THE FUNCTION OF COGNITIVE METAPHORS IN THE SEMANTIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN INTERNET NEOLOGISMS

Li Zhuo, Cai Wei

Xinjiang Normal University

This article examines the role of cognitive metaphors in the formation and development of semantic neologisms in Russian-language internet discourse. The analysis is based on the theory of conceptual metaphor proposed by G. Lakoff and M. Johnson and considers the mechanism of metaphorical meaning transfer as one of the key factors in linguistic evolution in the digital environment. The study

analyzes examples of lexical units that have acquired new meanings in internet communication, such as “wall,” “troll,” “cloud,” “mouse,” and others. The research demonstrates that processes of semantic expansion are driven not only by technological and social changes but also by cognitive perception mechanisms. Additionally, metonymic mechanisms contributing to the formation of internet neologisms and their impact on the establishment of a new linguistic norm are examined. The findings may be useful for specialists in cognitive linguistics, digital communication, and teaching Russian as a foreign language.

Keywords: Russian internet terms, cognitive metaphors, lexical neologisms, semantic neologisms, phonological similarity.

References

1. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. – Moscow: Editorial URSS, 2004. – 256 p.
2. Ozhegov S. I., Shvedova N.Y. *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. – 4th ed., revised. – Moscow: Azbukovnik, 2000. – 940 p.
3. Kuznetsov S.A. *The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language*. – St. Petersburg: Norint Publishing, 2000. – 1536 p.
4. Kondrasheva E. V., Tinina A.O. *New Vocabulary of the Internet Language: Formation Methods and Causes* // *Epoch of Science*. – 2019. – No. 18. – Pp. 134–139.
5. Stepanova I. Zh., Bokhieva M.V. *Semantic Neologisms of the Internet Language* // *MNKO*. – 2018. – No. 2 (69). – Pp. 626–629.
6. Sirkiya N.P. *Cognitive Metaphor as a Reflection of Linguistic Consciousness Content* // *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. – 2018. – No. 5–1 (83). – Pp. 159–164.
7. Baldanova M. V., Stepanova I. Zh. *Metaphorization as a Way of Developing Semantic Neologisms in the Internet Language* // *Bulletin of Buryat State University. Language, Literature, Culture*. – 2016. – No. 1. – Pp. 8–13.
8. Xu Meng. *Cognitive Mechanisms of Russian Semantic Neologisms* // *Russian Language Studies*. – 2012. – No. 4. – Pp. 56–60. (in Chinese)
9. Wang Lingling. *Lexical Features of Russian Internet Discourse and Their Translation* // *Electronic Foreign Language Teaching*. – 2013. – No. 4. – Pp. 23–27. (in Chinese)

Культура бесконфликтного взаимодействия в процессе функционирования современного воинского коллектива

Передумов Михаил Андреевич,

преподаватель, адъюнкт Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации
E-mail: mihail-peredumoff@yandex.ru

Исследована культура бесконфликтного взаимодействия как феномен современного воинского коллектива. Уточнены предпосылки целевого формирования культуры бесконфликтного взаимодействия в процессе функционирования воинского коллектива. Доказано, что она проявляется на двух уровнях. Первый – декларируемая культура бесконфликтного взаимодействия: комплекс провозглашаемых бесконфликтных или конфликтных предположений, положений, ценностных предпочтений, социальных норм, поведенческих принципов. Второй – реальная (практическая) культура бесконфликтного взаимодействия: непосредственные бесконфликтные или конфликтные практики служебного взаимодействия, поведение военнослужащих на службе, в быту. Обосновано, что данная культура формируется военнослужащими в рамках реализации служебно-трудовой деятельности, разрешения проблемных противоречий, социальной адаптации, а также интеграции членов воинских подразделений.

Ключевые слова: военнослужащие, служебно-профессиональная деятельность, культура, культура бесконфликтного взаимодействия, военная организация, воинский коллектив.

В современных условиях в научной литературе актуализируется проблема культуры бесконфликтного взаимодействия субъектов служебно-трудовой деятельности. Последнее объясняется повышением общих условий становления конфликтности в современных государственных организациях. Формируются конфликтные практики взаимодействия как неизбежное проявление сложного, непредсказуемого, а также двойственного процесса служебного взаимодействия государственных служащих, что ставит как государственные структуры в целом, так и служебно-трудовые коллективы перед необходимостью обеспечения условий формирования культуры бесконфликтного взаимодействия. Способность оценивать социокультурную обстановку, выстраивать эффективные практики служебного взаимодействия подчиненных и руководителей, конструктивно решать сложные, а порой и спорные проблемы – всё это является показателем формирования культуры бесконфликтного взаимодействия субъектов. Практики бесконфликтного взаимодействия в конфликтных и противоречивых ситуациях формируются на различных этапах развития профессионального потенциала трудового актора в процессе не только изучения окружающей социокультурной среды, но и реализации собственных действий, включения в широкий комплекс социально-трудовых отношений, оценки, осознания собственной роли и места в них. Наиболее существенным при исследовании бесконфликтного взаимодействия является выявление специфики функционирования воинского коллектива, так наиболее сложной, многонаправленной, противоречивой, а значит и конфликтной социальной системы. В многочисленных научных исследованиях воинских коллективов ученые [1] приходят к выводу, что данная социальная организация имеет специфические черты, определяющие предпосылки социальной напряженности и конфликтности. Рассмотрим данный феномен в рамках социологического теоретического анализа.

Теоретическое обоснование

Научная база изучения культуры бесконфликтного взаимодействия военнослужащих представляется в различных социологических и междисциплинарных источниках. В рамках парадигм социокультурного развития культурных ценностей, принципов бесконфликтного действия (работы А. Бандурина [2], А. Башариной [3], А. Григорьева [4], С. Хвостанцева [5]) представляется сущность культуры бесконфликтного взаимодействия как комплекс умений контролировать, анализировать и регулировать свои действия, набор чувств, а также эмоции, позволяющие бесконфликтно общаться, действовать и взаимодействовать. Теоретические аспекты формирования культуры бесконфликтности, рассмотрение механизмов регулирования конфликтов в современных социальных организациях рассматривают Н.И. Мамонтова [6], Ю.Г. Быченко [7], А.М. Пихтелев, Т.М. Баландина [8]. Культурологический подход позволяет рассмотреть культуру бесконфликтности как набор норм, принципов, стереотипов бесконфликтного поведения, определенных и связанных с профессиональной информационной ком-

муникацией, обменом в организации. Данное понятие определяет и характеризует бесконфликтную культуру в контексте профессионального поведения и действия. Важными представляются работы военных социологов (С. Бразевич [9], В. Веремчук [10], В. Ершов [11]). Последние обосновывают культуру бесконфликтного поведения как набор конструктивных или деструктивных практик военных акторов. Развитие культуры бесконфликтного действия связывают с модернизацией профессиональных ценностей, норм, мотивов предотвращения нежелательных (деструктивных), а также разрешения (желательных) конструктивных социально-трудовых конфликтов в социокультурной среде военной организации.

Таким образом, культура бесконфликтного действия военных субъектов представляет собой компонент военной культуры. Она проявляется в форме декларируемых, а также реально осуществляемых на практике предположений, базовых ценностей, социальных профессиональных норм бесконфликтного действия и взаимодействия. Данная культура формируется военнослужащими в рамках реализации служебно-трудовой деятельности, разрешения проблемных противоречий, социальной адаптации, а также интеграции членов воинских подразделений.

Эмпирическая основа включает данные проведенного автором в 2023 году социологического исследования целевого конструирования культуры бесконфликтного взаимодействия в социально-культурной среде военной организации. Метод эмпирического исследования – полуструктурированное интервью. Опрошено 17 экспертов – высших офицеров руководителей воинских подразделений в системе войск национальной гвардии России.

Культура бесконфликтного взаимодействия глазами офицеров, руководителей воинских подразделений войск национальной гвардии России

Рассмотрим позицию экспертов на развитие культуры бесконфликтного взаимодействия военнослужащих. В качестве респондентов выступили офицеры, являющиеся экспертами и одновременно руководителями подразделений в системе войск национальной гвардии. Данные полуструктурированного интервью показывают, что в настоящее время в субъективных представлениях постепенно стираются различия между системой внешнего и внутреннего контроля функционирования военных коллективов. Эксперты определяют собственное понимание специфики системы социального контроля воинского коллектива. Респондент Щ.М. (муж., 39 лет, подполковник, заместитель командира войсковой части) констатирует, что военная служба в различных структурах Росгвардии связана с всеобщим контролем и риском для жизни. *«В данных условиях, с одной стороны, существует зона повышенной конфликтности, с другой стороны, возрастает необходимость целевого конструирования и поддержания культуры бесконфликтности. Для военнослужащего должно быть важно, значимо и ценно реализовывать военную службу на основе принципов бесконфликтного взаимодействия и конструктивно решать служебные задачи с начальниками и подчиненными».* Респондент Ф.О. (муж., 38 лет, подполковник, заместитель командира войсковой части) подчеркивает, что *«... в современных условиях культура бесконфликтного взаимодействия – это важный компонент профессионального потенциала военнослужащих. Поэтому необходимо формировать особую военную культуру, где усиливаются ценности и социальные професси-*

ональные нормы бесконфликтного сотрудничества военных, расширяется мотивация к конструктивному военно-профессиональному служебному действию».

По сути, интервьюируемые конкретизировали ранее представленные нами выводы. Эксперты подтвердили, что военнослужащие являются элементами социального пространства военной организации. Здесь воинский коллектив внешне проявляется на уровне специфических практик профессиональной деятельности, а также накопления актуальных для военной организации норм поведения военнослужащих. Специфические черты воинского коллектива проявляются в особенностях становления и последующего формирования стиля не только профессионального действия, но и модели поведения военнослужащего в целом, реализации военного профессионального потенциала в рамках служебной деятельности военных субъектов.

Эксперты обосновывают существенные черты воинского коллектива на основании специфики социального контроля функционирования военнослужащих и членов их семей. Респондент К.Д. (муж., 35 лет, майор, заместитель начальника отделения боевой подготовки воинской части) констатирует, что *«... воинский коллектив – это сложное объединение военнослужащих, действующих в условиях специфической среды социального контроля. Формальная деятельность воинских коллективов предполагает внутреннее единство и тесное взаимодействие, возможность, а порой и необходимость бескомпромиссного социального насилия. В рамках функционирования воинского коллектива важно поддержание конструктивной (профессионально значимой) культуры бесконфликтного поведения и профессионального действия. Необходимо диагностировать и пресекать деструктивные (профессионально разрушительные) практики взаимодействия».* Несложно заметить, что эксперты рассматривают всякий воинский коллектив как формальное объединение военнослужащих, реализующих специфическую, тотально контролируруемую служебно-трудовую деятельность, где осуществляется целевое формирование культуры бесконфликтного взаимодействия. Респондент Ф.О. (муж., 38 лет, подполковник, заместитель командира войсковой части) в этой связи отмечает, что деятельность воинского коллектива осуществляется одновременно *«... в системах общественной и организационной социальной среды административного контроля. На данную деятельность оказывают влияние не только представители военной администрации, но и различные социальные институты общества».* Среда социального контроля современного воинского коллектива – это общественная внешняя среда жесткой регуляции культуры поведения военнослужащих (в контексте преобладающих в обществе ценностей, норм, принципов, традиций). При этом организационная непосредственная среда социального контроля рассматривается как всеобщая регуляция культуры бесконфликтного поведения в контексте преобладающих в воинском коллективе ценностей, норм, принципов, традиций, управленческих механизмов. Важно отметить, что контроль в рамках воинского коллектива также распространяется и на быт семьи военнослужащего. Респондент Т.С. (муж., 36 лет, подполковник, заместитель командира войсковой части) разделяет данный подход. Он указывает на то, что *«... именно специфичность функциональной среды воинского коллектива, ее жесткость порождают социальные противоречия и конфликты между военнослужащими».* Экспертом выстраивается гипотеза о том, что преодоление служебных противоречий и административных конфликтов может осуществляться только при наличии эффективной культуры бесконфликтного

взаимодействия. Последнее представляет собой основное условие для обеспечения эффективной профессиональной деятельности, оптимального удовлетворения служебно-трудовых потребностей военнослужащих.

Вывод

Анализ теоретических и эмпирических данных показывает, что в современных условиях в системе воинских коллективов формируется культура бесконфликтного взаимодействия. Последняя представляет собой системный элемент культуры общества. Она проявляется на двух уровнях. Первый – декларируемая культура бесконфликтного взаимодействия: комплекс провозглашаемых бесконфликтных или конфликтных предположений, положений, ценностных предпочтений, социальных норм, поведенческих принципов. Второй – реальная (практическая) культура бесконфликтного взаимодействия: непосредственные бесконфликтные или конфликтные практики служебного взаимодействия, поведение военнослужащих на службе, в быту. Данная культура формируется военнослужащими в рамках реализации служебно-трудовой деятельности, разрешения проблемных противоречий, социальной адаптации, а также интеграции членов воинских подразделений.

Особенность культуры бесконфликтного взаимодействия отражает специфику служебной деятельности военнослужащих. В этой связи важно уточнить сущность воинского коллектива, особенность его социального контроля, предпосылок проявления функциональной рассогласованности, роста противоречий, условий формирования культуры взаимодействия. Воинский коллектив – это особый тип социальной организации, подверженный всеобъемлющему социальному контролю. Военнослужащий в процессе функционирования воинского коллектива подвергается жесткому контролю собственной жизнедеятельности. Государство нормирует не только профессиональную служебную деятельность членов воинского коллектива, но и культуру социального поведения его семьи в целом. Последнее призвано обеспечивать формирование бесконфликтного сосуществования, общения и взаимодействия военнослужащих, осуществление межкультурного группового диалога. Среда контроля воинского коллектива внешне проявляется как государственная ритуальная среда всеобщего наблюдения, а также проверки не только профессионального действия, но и поведения военнослужащих, характеристик их общения, взаимодействия. По сути, культура взаимодействия, поведения в целом является объектом общего контроля со стороны государства, гражданского общества, военной организации, отдельных представителей воинского коллектива.

Литература

1. Алексеенко В.Э. Социально-функциональная структура военной организации Российской Федерации [Текст] / В.Э. Алексеенко // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки: Межнародный научный журнал / Под ред. Т.В. Игнатовой. – Ростов-на-Дону, 2020. – № 2. – С. 255–261.
2. Бандурин А.П. Социальная регуляция: рациональное и иррациональное [Рукопись] / А.П. Бандурин. – Ростов н/Д: РГУ, 2005. – 363 с.
3. Башарина А.В. Управление социальной напряженностью персонала современного вуза, реализующего дистанционные образовательные технологии: автореф. Дисс. ... канд. социол. наук [Рукопись] / А.В. Башарина. – М.: СГА, 2005. – 26 с.

4. Григорьев А.А. Социальный порядок и военная организация [Текст] / А.А. Григорьев // Социология власти. – 2004. – № 4. – С. 44–58.
5. Хвостанцев С.В. Социологический анализ адаптации семьи офицера [Текст] / С.В. Хвостанцев // Дельновские чтения: Материалы IV международной научно-практической конференции, Саратов, 10 февраля 2017 года. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2017. – С. 461–465.
6. Мамонтова Н.И. Основные подходы к понятию «информационная культура» [Текст] / Н.И. Мамонтова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социкинетика. – 2010. – Т. 16, № 3. – С. 23–25.
7. Быченко Ю.Г. Пути совершенствования культурно-досуговой работы с курсантами в условиях роста социальной напряженности в обществе [Текст] / Ю.Г. Быченко // Primo Aspectu. – 2023. – № 4(56). – С. 19–25. – DOI 10.35211/2500–2635–2023–4–56–19–25.
8. Пихтелев А.М. Социологический подход к исследованию категории «информационная культура» [Текст] / А.М. Пихтелев, Ю.Г. Быченко, Т.М. Баландина // Социологические знания в контексте актуальных проблем развития социальных общностей и институтов: Сборник научных статей всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 12 июля 2023 года / Под общей редакцией А.М. Пихтелева. – Саратов: Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский военный орден Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации», 2023. – С. 120–126.
9. Бразевич С.С. Конфликты в Вооруженных Силах Российской Федерации: специфика и методы управления / С.С. Бразевич // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сэр 6. Политология. Международные отношения. – 2006. – No 2. – С. 50–54.
10. Веремчук В.И., Гизатуллин А.А. Оптимизация управления социальными конфликтами среди военнослужащих по контракту в воинских частях Сухопутных войск Вооруженных Сил Российской Федерации [Текст] / В.И. Веремчук, А.А. Гизатуллин // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2019. – No 1 (834). – С. 258–265.
11. Ершов В.В. Среднерусский вестник общественных наук [Текст] / В.В. Ершов // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – Т. 10. – No 5. – С. 17–24 – DOI 10.12737/14290.

CULTURE OF CONFLICT-FREE INTERACTION IN THE PROCESS OF FUNCTIONING OF A MODERN MILITARY COLLECTIVE

Peredumov M.A.

Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation

The culture of conflict-free interaction as a phenomenon of a modern military collective is studied. The prerequisites for the target formation of a culture of conflict-free interaction in the process of functioning of a military collective are specified. It is proven that it manifests itself at two levels. The first is the declared culture of conflict-free interaction: a complex of proclaimed conflict-free or conflicting assumptions, provisions, value preferences, social norms, behavioral principles. The second is a real (practical) culture of conflict-free interaction: direct conflict-free or conflict practices of service interac-

tion, the behavior of military personnel on duty, in everyday life. It is substantiated that this culture is formed by military personnel within the framework of the implementation of service and labor activities, resolution of problematic contradictions, social adaptation, as well as the integration of members of military units.

Keywords: military personnel, service and professional activity, culture, culture of conflict-free interaction, military organization, military collective.

References

1. Alekseenko V.E. Social and functional structure of the military organization of the Russian Federation [Text] / V.E. Alekseenko // State and municipal administration. Scientific notes: International scientific journal / Ed. by T.V. Ignatova. – Rostov-on-Don, 2020. – No. 2. – P. 255–261.
2. Bandurin A.P. Social regulation: rational and irrational [Manuscript] / A.P. Bandurin. – Rostov n / D: RSU, 2005. – 363 p.
3. Basharina A.V. Managing social tension of the personnel of a modern university implementing distance educational technologies: author's abstract. Diss. ... Cand. Sociological Sciences [Manuscript] / A.V. Basharina. – M.: SGA, 2005. – 26 p.
4. Grigoriev A.A. Social order and military organization [Text] / A.A. Grigoriev // Sociology of power. – 2004. – No. 4. – P. 44–58.
5. Khvostantsev S.V. Sociological analysis of the adaptation of an officer's family [Text] / S.V. Khvostantsev // Dynovsky readings: Proceedings of the IV international scientific and practical conference, Saratov, February 10, 2017. – Saratov: Publishing house "Saratovsky Istechnik", 2017. – P. 461–465.
6. Mamontova N.I. Basic approaches to the concept of "information culture" [Text] / N.I. Mamontova // Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sociokinetics. – 2010. – Vol. 16, No. 3. – P. 23–25.
7. Bychenko Yu.G. Ways to improve cultural and leisure work with cadets in the context of increasing social tension in society [Text] / Yu.G. Bychenko // Primo Aspectu. – 2023. – No. 4 (56). – P. 19–25. – DOI 10.35211 / 2500–2635–2023–4–56–19–25.
8. Pikhteleev A.M. Sociological approach to the study of the category "information culture" [Text] / A.M. Pikhteleev, Yu.G. Bychenko, T.M. Balandina // Sociological knowledge in the context of current problems of development of social communities and institutions: Collection of scientific articles of the All-Russian scientific and practical conference, Saratov, July 12, 2023 / Under the general editorship of A.M. Pikhteleev. – Saratov: Federal State Treasury Military Educational Institution of Higher Education "Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation", 2023. – P. 120–126.
9. Brazevich S.S. Conflicts in the Armed Forces of the Russian Federation: specifics and management methods / S.S. Brazevich // Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 6. Political Science. International Relations. – 2006. – No. 2. – P. 50–54.
10. Veremchuk V.I., Gizatullin A.A. Optimization of Social Conflict Management among Contract Servicemen in Military Units of the Ground Forces of the Armed Forces of the Russian Federation [Text] / V.I. Veremchuk, A.A. Gizatullin // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. – 2019. – No. 1 (834). – P. 258–265.
11. Ershov V.V. Central Russian Bulletin of Social Sciences [Text] / V.V. Ershov // Central Russian Bulletin of Social Sciences. – 2015. – Vol. 10. – No. 5. – P. 17–24 – DOI 10.12737/14290.

Подготовка высокопрофессиональных кадров как фактор развития туристической отрасли российских регионов

Тараненко Оксана Николаевна,

к.п.н., доцент ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский государственный университет» Пятигорский институт (филиал)
E-mail: ok-tar@mail.ru

Романько Ирина Евгеньевна,

к.и.н., доцент кафедры экономики, менеджмента и государственного управления ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский государственный университет» Пятигорский институт (филиал)
E-mail: ieromanko@ncfu.ru

Прозорова Светлана Анатольевна,

к.п.н., доцент ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский государственный университет» Пятигорский институт (филиал)
E-mail: Prozor41@mail.ru

В статье авторами рассматриваются актуальные проблемы, связанные с подготовкой квалифицированных кадров для сферы туризма и индустрии гостеприимства, обсуждаются причины кадрового дефицита и потенциальные возможности для обеспечения кадрами стремительно растущего туристского рынка труда. Авторы делают акцент на то, что сотрудники туристской индустрии должны уметь выполнять множественные задачи, должны быть универсальными и обладать практическими необходимыми навыками. Для подготовки высокопрофессиональных кадров, предлагается проведение модернизации в профессиональном туристском образовании в соответствии с определенными мерами.

Ключевые слова: высокопрофессиональные кадры, туристическая отрасль, подготовка кадров, система образования.

Российская индустрия туризма переживает серьезные изменения и системные преобразования, которые обусловлены нехваткой квалифицированных кадров. Качество предоставляемых туристических услуг в некоторых регионах оставляет желать лучшего, а ценовая политика не всегда адекватно отражает уровень сервиса. Для успешного развития туристской отрасли России необходимо постоянное пополнение её высококвалифицированными специалистами. Именно они обеспечат качественный сервис, способствующий повышению престижа отечественных курортов и привлекательности профессий в сфере туризма и гостеприимства.

Основной причиной дефицита высококвалифицированных кадров является недостаточный спрос на специалистов в области гостеприимства в предшествующие годы. Абитуриенты предпочитали выбирать профессии с гарантированным трудоустройством и перспективами карьерного роста.

В настоящее время образовательные программы вузов ориентированы преимущественно на теоретические знания, что приводит к несоответствию между ожиданиями работодателей и уровнем подготовки выпускников. Работодатели не склонны принимать на работу специалистов без практического опыта, в то же время мало кто из них готов сотрудничать с учебными заведениями в организации практики [7, с. 512].

Изменение этой ситуации, внедрение практико-ориентированного подхода в обучении и целевая подготовка студентов являются ключевыми факторами для формирования высококвалифицированных кадров и повышения уровня развития отрасли.

Проблема многогранна и требует комплексного подхода. Таким образом, к ключевым моментам следует отнести следующее.

1. Расширение и модернизацию системы образования. Необходимо увеличить количество учебных заведений и мест в вузах и колледжах по направлениям, связанным с туризмом и гостеприимством, особенно в приоритетных туристических регионах. Однако простого увеличения мест недостаточно. Необходимо радикально изменить подход к образовательному процессу.

2. Практико-ориентированное обучение. Современные образовательные программы зачастую перегружены теорией, при этом практическая подготовка оставляет желать лучшего. Выпускники вузов, не имеющие опыта работы и практических навыков, не востребованы работодателями. Поэтому необходимо пересмотреть учебные планы, увеличив количество практических занятий, стажировок и производственной практики.

3. Партнёрство бизнеса и образования. Ключ к успеху – в тесном сотрудничестве между учебными заведениями и работодателями. Вузам необходимо активнее взаимодействовать с гостиницами, туристическими агентствами, ресторанами и другими предприятиями сферы гостеприимства. Это может выражаться в совместной разработке учебных программ, предоставлении студентам мест для прохождения практики, организации мастер-классов и семинаров ведущими специалистами отрасли, а также в создании целевых образовательных программ под запросы конкретных компаний [5].

4. *Стимулирование профессий в сфере туризма.* Необходимо повышать престиж профессий в индустрии гостеприимства, проводить информационные кампании, демонстрируя привлекательность работы в этой сфере. Это включает в себя не только достойную заработную плату, но и возможности карьерного роста, профессионального развития и социальные гарантии.

5. *Постоянное повышение квалификации.* Индустрия туризма динамично развивается, поэтому необходимо ввести систему постоянного повышения квалификации для уже работающих специалистов. Это могут быть краткосрочные курсы, тренинги, мастер-классы, позволяющие им оставаться в курсе новейших тенденций и технологий [2, с. 74].

Только комплексный подход, включающий в себя расширение образовательной базы, изменение методик обучения, активное взаимодействие бизнеса и образования, а также повышение престижа профессий в сфере гостеприимства, сможет решить проблему кадрового дефицита и способствовать дальнейшему развитию российской туристической индустрии. Иначе, потенциал роста российского туризма останется нереализованным.

В обозримой перспективе может сложиться такая ситуация, что несмотря на наличие развитой туристической инфраструктуры и доступных современных туристических услуг, отрасль столкнется с острой нехваткой высококвалифицированных специалистов [4, с. 109]. В связи с этим, необходимо обратить внимание на ряд актуальных проблем, характерных для современного этапа развития туристской отрасли. К данным проблемам следует отнести следующее.

1. *Недостаток профильного образования.* На данный момент наблюдается явный недостаток вузов, предлагающих качественные образовательные программы в сфере туризма и гостеприимства, особенно в регионах с богатым туристическим потенциалом. Многие существующие программы устарели и не соответствуют современным требованиям индустрии. Проблема усугубляется неравномерным распределением образовательных ресурсов: крупные города обладают большим выбором вузов и колледжей, в то время как регионы с развитым сельским или экологическим туризмом испытывают острую нехватку специалистов с профильным образованием. Это приводит к тому, что перспективные туристические проекты не могут реализоваться из-за отсутствия подготовленного персонала. Необходимо увеличить количество профильных учебных заведений, особенно в регионах, стимулируя открытие новых кафедр и факультетов в уже существующих университетах и институтах [4, с. 117].

2. *Неактуальность образовательных стандартов.* Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) высшего образования в сфере туризма нуждаются в срочной модернизации. Существующие программы часто не учитывают стремительное развитие цифровых технологий, изменение потребностей туристов и появление новых туристических продуктов. Акцент должен быть смещен с традиционных подходов к управлению отелями и туристическими агентствами на развитие цифрового маркетинга, использование больших данных для анализа туристических потоков, разработку персонализированных туристических предложений с использованием искусственного интеллекта. В программу обучения необходимо включить такие дисциплины, как: цифровой маркетинг в туризме (SEO, SMM, контекстная реклама, таргетированная реклама), бизнес-аналитика в туризме (работа с данными, прогнозирование спроса), разработка мобильных приложений для туристов, кибербезопасность в туризме, управление

репутацией в сети, использование систем автоматизации бронирования и управления отелем, искусственный интеллект в туристическом сервисе (чат-боты, системы рекомендаций). Кроме того, важно уделить внимание экологическому туризму и устойчивому развитию, что становится всё более востребованным направлением [6, с. 97].

3. *Недостаток практической подготовки.* Многие выпускники вузов, несмотря на полученное образование, испытывают трудности при адаптации к реальным условиям работы в туристическом секторе. Необходимо повысить практическую направленность образования, усилив сотрудничество между учебными заведениями и предприятиями индустрии гостеприимства. Это может быть реализовано через стажировки, практики в отелях, туристических компаниях, ресторанах, развлекательных центрах и других заведениях. Создание студенческих туристических проектов и участие студентов в реальных кейсах компаний также способствуют развитию практических навыков. Важно разработать систему менторства, где опытные специалисты туристической отрасли наставляют молодых специалистов, делятся своим опытом и знаниями [6, с. 98].

4. *Международная составляющая.* Развитие международного туризма требует подготовки специалистов с глубокими знаниями иностранных языков и пониманием культурных особенностей разных стран. Обучение иностранным языкам должно быть углубленным и включать не только грамматику и лексику, но и лингвострановедческую подготовку. Обучение персонала отелей, туристических агентств, гидов и других специалистов должно включать модули по межкультурной коммуникации, пониманию особенностей поведения туристов из разных стран, и по оказанию услуг с учетом культурных различий.

5. *Специализация образования.* Современный туристический продукт чрезвычайно разнообразен. Он включает в себя не только традиционные виды туризма, но и экстремальные виды спорта, экологический туризм, агротуризм, гастрономический туризм, медицинский туризм, научно-популярный туризм и многие другие. Образование в сфере туризма должно предусматривать специализацию в различных направлениях, позволяя студентам получить узкоспециализированные знания и навыки в выбранной области. Например, специалист по горному туризму должен обладать знаниями в области альпинизма, безопасности в горах, оказании первой помощи, а специалист по экологическому туризму – знаниями в области экологии, охраны природы и устойчивого развития. Для этого необходимо привлечение специалистов из смежных областей (биологов, географов, историков для проведения лекций и мастер-классов) [8, с. 101].

6. *Повышение квалификации.* Постоянное развитие туристической индустрии требует непрерывного повышения квалификации уже работающих специалистов. Необходимо организовывать курсы повышения квалификации, семинары, конференции и мастер-классы, посвященные новейшим технологиям, методам управления, маркетингу и другим актуальным вопросам. Онлайн-платформы и дистанционное обучение могут существенно расширить доступность таких программ [2, с. 50].

Таким образом, следует отметить, что решение проблемы нехватки высококвалифицированных кадров в туристической отрасли требует комплексного подхода, включающего совершенствование системы образования, повышение практической направленности обучения, развитие международного сотрудничества, специализацию образовательных программ, и систему непрерывного повышения квалификации. Только таким

образом можно обеспечить устойчивое развитие туристической индустрии и создание конкурентоспособного туристического продукта.

В контексте подготовки высококвалифицированных кадров для индустрии туризма необходимо уделить пристальное внимание внедрению инновационных методов обучения. Устаревшая лекционно-семинарская система уже не соответствует современным требованиям.

Важнейшей задачей становится обучение студентов навыкам критического анализа и синтеза информации, поиска и обработки данных, а также развитию исследовательских и коммуникативных способностей. Акцент должен быть сделан на проектной деятельности, решении бизнес-задач, работе с кейсами и стимулировании коллективной работы.

Необходимо интегрировать в образовательный процесс передовые информационные технологии, предоставляющие студентам доступ к актуальным знаниям и возможность их практического применения. Широкое использование онлайн-платформ, интерактивных курсов и образовательных игр позволит повысить эффективность обучения [3, с. 152].

Отсутствует мониторинг потребностей учреждений гостиничного, туристского и сопутствующего бизнеса в специалистах различного профиля. Также отсутствует система объективной оценки учебных заведений, что затрудняет выбор абитуриентами подходящего места обучения.

Существующие программы переподготовки и повышения квалификации специалистов, как правило, носят формальный характер и не обеспечивают приобретения необходимых практических навыков. Недостаточно развита система привлечения к преподаванию практикующих специалистов из индустрии туризма [1, с. 34].

Таким образом, успех развития туристической отрасли напрямую зависит от наличия высококвалифицированных специалистов, способных предоставлять качественные услуги и эффективно взаимодействовать с клиентами.

В связи с этим, для совершенствования кадрового обеспечения развития туризма в Российской Федерации целесообразно реализовать следующие мероприятия.

1. *Разработка концепции кадрового обеспечения.* В сотрудничестве с профессиональными объединениями, бизнесом и образовательными учреждениями необходимо разработать концепцию, определяющую системные подходы к формированию и развитию кадрового потенциала в сфере туризма.
2. *Создание системы мониторинга.* Необходимо разработать методологию и создать систему мониторинга и прогнозирования кадровой потребности в туристической отрасли на среднесрочную перспективу как на федеральном, так и на региональном уровне.
3. *Совершенствование образовательных стандартов.* Необходимо совершенствовать образовательные стандарты в индустрии рекреации и туризма с учетом региональных особенностей, активным привлечением бизнеса и профессиональных ассоциаций, а также в сотрудничестве с ведущими международными образовательными учреждениями.
4. *Расширение спектра образовательных программ.* Необходимо включить в учебные планы новые специальности, востребованные на рынке туризма, такие как гиды-переводчики, экскурсоводы, специалисты курортной медицины, инструкторы-проводники и другие.
5. *Развитие системы непрерывного образования.* Важно стимулировать повышение квалификации и про-

фессиональную переподготовку кадров с использованием современных форм обучения, включая дистанционное образование.

6. *Повышение престижности туристических профессий.* Необходимо разработать комплекс мер по популяризации туристских профессий, распространению передовых технологий и опыта в отрасли.

Систему образования необходимо ориентировать не только на краткосрочные запросы рынка, но и на стратегические задачи развития экономики и общества в целом.

Литература

1. Англинов К.А. Специфика подготовки квалифицированных кадров в сфере туризма и гостеприимства в Санкт-Петербурге // Концепт. 2015. Т. 22. С. 31–35.
2. Андриенко А.С. Компетентностно-ориентированный подход в системе высшего образования: история, современное состояние и перспективы развития: монография. Чебоксары: ИД «Среда», 2018. 92 с.
3. Кашлев С.С. Технология интерактивного обучения: учебно-методическое пособие. Москва: ИНФРА-М, 2024. 239 с.
4. Лескова И.А. Инновационные практики обучения: «креативная история искусств»: учебно-практическое пособие для преподавателей и студентов высших учебных заведений. Москва: ФЛИНТА, 2019. 272 с.
5. Стратегия развития туризма в Российской Федерации в период до 2035 года // Российская газета, 10.02.2022.
6. Темирбулатова А.М., Лежнева Л.П., Куличенко Е.О. Роль компетентностного подхода в современном образовательном процессе // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 7–5 (63). С. 96–98.
7. Фролова Е.В., Рябова Т.М., Рогач О.В. Подготовка кадров как фактор развития туристической отрасли в Российской Федерации // Перспективы науки и образования. 2019. № 5 (41). С. 503–516.
8. Шарафутдинов В.Н., Онищенко Е.В., Романов М.С. Актуальные подходы подготовки и переподготовки кадров в сфере туризма // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2021. Т. 7. № 2. С. 91–103.

TRAINING OF HIGHLY PROFESSIONAL PERSONNEL AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF THE TOURISM INDUSTRY IN RUSSIAN REGIONS

Taranenko O.N., Romanko I.E., Prozorova S.A.

North Caucasus State University Pyatigorsk Institute (branch)

In this article, the authors consider current problems related to the training of qualified personnel for the tourism and hospitality industries, discuss the causes of personnel shortages and potential opportunities to provide personnel for the rapidly growing tourist labor market. The authors emphasize that employees of the tourism industry should be able to perform multiple tasks, should be versatile and have the practical necessary skills. In order to train highly professional personnel, it is proposed to modernize professional tourism education in accordance with certain measures.

Keywords: highly professional personnel, tourism industry, training, education system.

References

1. Anglinov K.A. Specifics of training qualified personnel in the field of tourism and hospitality in St. Petersburg // Concept. 2015. Vol. 22. pp. 31–35.

2. Andrienko A.S. Competence-oriented approach in the system of higher education: history, current state and prospects of development: monograph. Cheboksary: Publishing house «Wednesday», 2018. 92 p.
3. Kashlev S.S. Technology of interactive learning: an educational and methodological guide. Moscow: INFRA-M, 2024. 239 p.
4. Leskova I.A. Innovative teaching practices: «creative art history»: an educational and practical guide for teachers and students of higher educational institutions. Moscow: FLINT, 2019. 272 p
5. The strategy of tourism development in the Russian Federation in the period up to 2035 // Rossiyskaya Gazeta, 02/10/2022.
6. Temirbulatova A.M., Lezhneva L.P., Kulichenko E.O. The role of a competence-based approach in the modern educational process // Actual scientific research in the modern world. 2020. No. 7–5 (63). pp. 96–98.
7. Frolova E.V., Ryabova T.M., Rogach O.V. Personnel training as a factor in the development of the tourism industry in the Russian Federation // Prospects of science and education. 2019. No. 5 (41). pp. 503–516.
8. Sharafutdinov V.N., Onishchenko E.V., Romanov M.S. Actual approaches to training and retraining of personnel in the field of tourism // Scientific result. Business and service technologies. 2021. Vol. 7. No. 2. pp. 91–103.

Исследование перевода поэтические образы Ли Бай на русский язык с помощью теории рецептивной эстетики

Чжан Линлин,

магистр, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 161926337@qq.com

Илимира Илияс,

преподаватель, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 906410112@qq.com

Исследование анализирует особенности перевода поэтических образов Ли Бая на русский язык с точки зрения рецептивной эстетики. В работе рассматриваются сложности адаптации природных, культурных и исторических образов, обусловленные различиями в языковой и культурной традиции. Применяя концепцию Г. Яусса и В. Изера, исследование выявляет, как переводчики учитывают эстетические ожидания русскоязычных читателей, используя стратегии транслитерации, перефразирования и интерпретации. Научная новизна заключается в подходе, рассматривающем перевод как динамичный процесс межкультурной коммуникации. Выводы подтверждают, что успешная передача поэтических образов требует не только точности, но и адаптации к восприятию читателей, что способствует более глубокому пониманию китайской классической поэзии в русскоязычном пространстве.

Ключевые слова: Рецептивная Эстетика, Ли Бай, Поэтический Образ, Перевод китайской поэзии, Межкультурная коммуникация, Эстетическое восприятие.

Введение

Поэзия, как уникальная литературная форма, является «литературой в литературе» и искусством, выражая красоту.[5] Китай – настоящая поэтическая страна, а его классическая поэзия – великолепная жемчужина мировой поэтической сокровищницы, обладающая глубоким культурным наследием и характерной эстетической ценностью. Ли Бай, поэт-романтик эпохи Тан, широко распространил свои стихотворения по всему миру благодаря своему неповторимому художественному стилю и глубине мысли. Особенно в России стихотворения Ли Бая получили высокую оценку и множество переводов, но из-за различий в культурном происхождении в процессе перевода возникает множество трудностей. В процессе межкультурной коммуникации перед переводчиком стоит главная проблема – точно передать образы и эмоции исходной поэзии. В данной статье мы рассмотрим методы перевода поэтических образов Ли Бая на русский язык с точки зрения рецептивной эстетики, а также влияние этих методов на понимание поэзии Ли Бая русскими читателями.

Рецептивная эстетика – это литературная теория, возникшая в 60-х годах XX века, суть которой заключается в том, что смысл литературных произведений в значительной степени зависит от принятия и понимания читателем.[4] Поэтому, перевод как средство межкультурной литературной коммуникации, переводчик должен учитывать выразительность исходного текста и привычки восприятия и культурный бэкграунд читателей целевого языка. В связи с этим в процессе перевода стихотворений Ли Бая на русский язык переводчикам необходимо учитывать эстетические ожидания и культурное познание русских читателей, чтобы обеспечить точную передачу поэтических образов. Исследование перевода с точки зрения рецептивной эстетики помогает выявить различия в восприятии поэтических образов читателями разных культурных фонов, что, в свою очередь, может направить переводчиков к более подходящим методам перевода в практике перевода.[8]

В то же время исследование русских переводов образов поэзии Ли Бая имеет важное практическое значение. Это исследование поможет способствовать культурному обмену между Китаем и Россией, углубить понимание культур друг друга между народами двух стран, а также предоставляет полезные рекомендации для переводчиков, помогая повысить качество и уровень перевода. Самое главное, что это исследование может также способствовать применению и развитию теории рецептивной эстетики в китайском литературном переводе и предоставить новые идеи и методы для распространения и восприятия китайской литературы в международном

Обзор теории рецептивной эстетики

Рецептивная эстетика – это литературная теория, зародившаяся в Германии в 1960-х годах, предложенная профессорами Констанцского университета Г. Яуссом и В. Изером.[6] Эта теория акцентирует внимание на исследовании литературных произведений с центром на ре-

цепцию читателя, утверждая, что читатель не является пассивным получателем, а активным создателем. Эта теория утверждает, что смысл литературных произведений не является фиксированным и неизменным, а постоянно генерируется и реконструируется в процессе чтения читателем. Таким образом, переводческая деятельность – это не только трансформация языка и письменности, но и передача и воссоздание культурного значения. В процессе перевода переводчик должен учитывать восприимчивую способность и культурный контекст выходного языка, чтобы обеспечить эффективное межкультурное общение.

Ключевые идеи теории рецептивной эстетики включают: центральное положение читателя, ожидание горизонта, пробел и неопределенность текста.

Центральное положение читателя

В отличие от традиционной текстоцентричной теории, рецептивная эстетика подчеркивает активность и креативность читателя в процессе литературного творчества и понимания. Читатель не является пассивным получателем текстовой информации, а интерпретирует и придает смысл тексту, опираясь на собственный опыт чтения и культурный контекст.[1]

Ожидание горизонта

это концепция, предложенная Яусс, которая относится к заранее определенным ожиданиям читателя от литературного произведения до его прочтения.[2] Эти ожидания могут быть обусловлены личным опытом читателя, культурными традициями, социальной средой и другими факторами. Успех литературного произведения во многом зависит от того, как оно удовлетворяет или бросает вызов ожиданиям горизонта читателя.

Пробел и неопределенность текста

Изер подчеркивает, что текст в себе имеет неопределенность, предоставляя возможность множества интерпретаций. В процессе чтения читатель заполняет эти пробелы, опираясь на собственное понимание и воображение, что создает индивидуализированный опыт чтения.

Рецептивная эстетика, как литературная теория, сыграет важную роль в исследовании перевода. Она не только изменила традиционные представления о переводе, но и стимулировала развитие переводческой практики. С точки зрения рецептивной эстетики, перевод рассматривается как динамичный и многозначный процесс, включающий взаимодействие автора, переводчика и читателя. В переводе поэтических образов переводчик должен учитывать культурный контекст, эстетические привычки и ожидания читателей назначения, чтобы лучше передать значение и эмоции образов исходного текста, обеспечив, чтобы перевод текста был принят и понятен читателем.

В данной статье все использованные переводы цитированы из книги Сергея Торопцева – Серия «Поэзия Китая, Хрестоматия с параллельными китайско-русскими текстами – стихотворения Ли Бо хрестоматия».

Обзор поэзии Ли Бай и её образов

Ли Бай не только выделялся среди поэтов Танской эпохи своим выдающимся литературным талантом и незаурядным воображением, но и был признан «гений поэзии» за романтическую окраску своих поэзии и глубокий смысл. Оценка господина ярко изображает благородный темперамент и раскованный стиль поэзии Ли Бая: «После

того, как Ли Бай выпил, семь очков вина превратились в поэзию, похожую на лунный свет, а три очка вина превратились в гордость, подобную мечу, и когда он открыл рот и выскажет, это была половина славы династии Тан». Это не только отражает уникальное очарование поэзии Ли Бая, где вино с лунным светом, а меч с поэзией сливаются в совершенную гармонию, но и подчеркивает его важное место и влияние на литературное творчество в период расцвета династии Тан.

Причина, по которой поэзия Ли Бая обладает таким сильным художественным обаянием, во многом связана с его острой чувствительностью и необыкновенным воображением, а одним из ключевых факторов является умелое использование образов в своих стихах. Поэтические образы Ли Бая богаты и разнообразны, такие как «яркая луна» «река Янцзы», «одиноким парус» и др., эти образы не только имеют отчетливый визуальный образ, но и несут в себе эмоции и философские мысли поэта. При переводе на русский язык переводчик должен умело обращаться с этими образами, чтобы не только сохранить настроение и эмоции исходного стихотворения, но и сделать их приемлемыми и привлекательными в русской культуре.[7]

Поэтому в поэзии Ли Бая использование образов имеет решающее значение, они не только носитель для выражения эмоций поэта, но и важная часть искусства поэзии. Кроме того, образы в стихах Ли Бая часто тесно связаны с конкретным культурным контекстом и исторической ситуацией, что требует от переводчика передачи не только самого образа, но и культурной коннотации и исторической информации, стоящей за ним, в процессе перевода.

Таким образом, перевод образов в поэзии Ли Бая – это не только задача языкового преобразования, но и процесс передачи и творения культуры. В процессе перевода переводчик должен в полной мере учитывать культурный фон и эстетические привычки читателей на целевом языке, используя подходящие методы перевода, чтобы образы Ли Бая укоренились и проросли в новой культурной среде, расцветая новым блеском.

Исследование перевода поэтические образы Ли Бая на русский язык с помощью теории рецептивной эстетики

В процессе перевода стихов Ли Бая перевод природных образов является важной частью, которую нельзя игнорировать. Природные образы, как важные средства выражения эмоций и изображения пейзажей, несут в себе глубокий смысл и эстетическую ценность поэзии. Поэтому как точно передать эти природные образы в процессе перевода на русский язык – сложная проблема для переводчиков. Пример:

萤火	Огонёк светлячка
雨打灯难灭，	И дождик не погасит огонёк，
风吹色更明。	А на ветру он светится сильнее。
若飞天上去，	А если бы взлететь на небо смог，
定作月边星。	То звёздочкою стал бы при луне。

В этом стихотворении через обычные природные образы, такие как «дождь», «ветер», «луна», «звезды», поэт выражает свою стремление к свободе и свету. В процессе перевода на русский язык переводчику необходимо уловить суть этих образов и реконструировать их с помощью языковых и культурных символов, знакомых российскому читателю, чтобы они по-прежнему передавали схожие эмоции и настроения в новом культурном контексте.

Поэтому переводчик просто использует дословный перевод, чтобы показать, что светлячка всё ещё ярки

на ветру и под дождем, и даже если они взлетят в небо, то станут звездами рядом с луной. Таким образом, разрушается ожидание горизонта читателей и передается важное сообщение для читателя на целевом языке: даже в сложных условиях человек должен оставаться стойкими и стремиться к более высоким идеалам и целям.

望天山门 **Взираю на горы Врат Небесных**
天门中断楚江， Отверзли воды Чу Небесные врата，
碧水东流至此回。 Лазурь бежит к востоку, крутится устало。
两岸青山相对出， Мой одинокий парус – тонкая черта —
孤帆一片日边来。 Стремит с восхода к поднимающимся скалам。

Это стихотворение описывает величественные пейзажи у на горы Врат Небесных, раскрывая грандиозность природы через образы «楚江» (Чуцзян) и «碧水» (Бишуй). В процессе перевода на русский язык переводчику необходимо уловить настроение и эмоцию оригинального стихотворения, учитывая культурный фон и эстетические привычки русского читателя.

Переводчик стремится передать образ и эмоцию стихотворения через транслитерацию «楚江» (Чуцзян) – «воды» Чу и перифразирование «碧水» (Бишуй) – «лазурь», чтобы перевод мог затронуть сердца русских читателей, что не только сохраняет образ оригинального стихотворения, но и соответствует выразительным привычкам русского языка.

静夜思 **Грёзы тихой ночи**
床前明月光， Пятно луны светло у ложа —
疑是地上霜。 Иль это иней осени, беть может?
举头望明月， Взгляну наверх – там ясная луна，
低头思故乡。 А вниз – и минся край, где юность прожил。

В поэзии Ли Бая образ «луны» часто появляется, олицетворяя тоску по родным местам путешественника и отражая идеи китайской традиционной культуры, такие как мысль о том, что «пока родители живы, нельзя далеко уезжать». В первой строке «床前明月光» переводчик перифразирует как «Пятно луны светло у ложа», чтобы передать образ лунного света, падающего на постель, сохраняя атмосферу стихотворения и позволяя русскоязычным читателям ощутить тоску поэта по родине.

В следующей строке «举头望明月» переводчик использует прямой перевод «明月» как «ясная луна», чтобы облегчить восприятие этого образа русскоязычными читателями. В то же время, читатели могут интерпретировать и придать «ясной луне» другие значения в зависимости от своего личного опыта чтения и культурного контекста.»

При рассмотрении культурных образов в поэзии Ли Бая невозможно не упомянуть такие символические образы, как вино, меч и лодка, которые часто встречаются в его произведениях и становятся важными носителями выражения его уникальной жизненной философии.

Пример:
客中作 **В гостях**
兰陵美酒郁金香， Славный дух ланьлинского вина，
玉碗盛来琥珀光。 В яшмовых бокалах блеск янтарный。

Поэзия Ли Бая полна описаний и размышлений о вине, которое является не только частью его жизни, но и важным средством для выражения эмоций и стремлений. Среди всех вин, особое место занимает Ланьлинское вино, с его уникальным ароматом и мягким вкусом, которое стало постоянным элементом в произведениях Ли Бая и символом китайской винной культуры. Учитывая способность принятия читателей и культурные различия между Китаем и Россией, переводчик транслитерировал «兰陵美酒» – «Ланьлинское вино»,

чтобы избежать двусмысленности в понимании содержания стихотворения.

古风 **Дух старины**
且复归去来， Ну, что ж, мечом постукивая в такт，
剑歌行路难。 Уйду я в горы... Так трудны дороги!

«Меч» как оружие имеет высокое символическое значение в древнем обществе Китая, а в поэзии он часто служит средством выражения внутреннего стремления и гордости за служение стране образованного человека. В этом стихотворении поэт приводит исторические аллюзии, чтобы выразить свои чувства, связанные с решением уединиться в горах и лесах после столкновения с политической несправедливостью и неудачами.

Среди них «剑歌» (Цзяньгэ) относится к истории Фэн Хуаня, «食客» (Шикэ: В период Весны и Осени и Периода Воюющих царств шикэ был частью класса учёных, обычно поддерживаемых богатыми дворянами, и предоставляли советы и поручения своим хозяевам) Мэн Вэйцзюня, который не получил признание, поэтому играл на мече и пел, выражая желание уйти.

Ли Бай использует этот образ, чтобы выразить свою беспомощность, когда он был политически разочарован, и свою решимость уйти. Учитывая пробел в тексте здесь, переводчик перифразирует «剑歌行路难» как «Уйду я в горы... Так трудны дороги!», это создает персонализированный опыт чтения для читателей.

黄鹤楼送孟浩然之广陵

У башни Жёлтого журавля провожаю Мэн Хаожаня в Гуанлин

孤帆远影碧空尽， В лазури сирий парус тает
惟见长江天际流。 белым клином，
И лишь Река стремится за кромку
облаков。

В стихах Ли Бая образ лодки также несёт в себе богатые культурные коннотации. Лодка является не только средством передвижения поэта для путешествия по всему миру, но и символом его странствий и поисков духовной утешения.

В этом стихотворении Ли Бай использует образы «孤帆» (гуфань) и «长江» (чанцзян), чтобы создать величественную картину прощания. При переводе переводчик перифразирует «孤帆远影碧空尽» – «В лазури сирий парус тает белым клином», что не только передает художественный замысел одинокого паруса в голубом небе в исходном стихотворении, но и сохраняет одиночество образа «孤帆» (гуфань).

Такой перевод сохраняет атмосферу стихотворения и одновременно учитывает культурный фон и способность рецепции читателя на целевом языке, так что образы стихотворения могут передаваться и резонировать между различными культурами.

В стихах Ли Бая образы персонажей также содержат глубокие культурные коннотации. Поэт изображает ряд исторических личностей, чтобы передать свои уникальные взгляды и глубокое понимание реального мира. Пример:

送友人 **Прощание с другом**
浮云游子意， Летучей тучкой растворится друг，
落日故人情。 И грусть заката обоймёт меня。

Поэт умело использует образы «游子» (юцзы) и «故人» (гужэнь), двух персонажей, которые часто появляются в прощальных стихах, чтобы выразить чувства неотъемлемой привязанности при расставании с другом. Переводчик использует метод буквального перевода, чтобы перевести «游子» как «друг», а последнюю строку перифразирует как «И грусть заката обоймёт меня»,

сравнивая послесвечение заходящего солнца с эмоциями старого друга.

С помощью этого перевода переводчик успешно передать персонажий образ и эмоциональный смысл стихотворения Ли Бая русскоязычным читателям, что не только учитывает степень рецепции и опыт чтения читателя, но и даёт возможность русскоязычным читателям прочувствовать глубокую дружбу поэта со своими друзьями.

夜泊牛渚怀古
登舟望秋月，
空忆谢将军。
Ночью у горы Нючжу думаю о былом
О генерале Се я вспомнил здесь,
Любуясь россиянню луной.

(Се: В эпоху Цзинь (I–V вв.) военачальник Се Шан услышал ночью, как кто-то декламирует прекрасные стихи с лодки на реке Янцзы у горы. Это был тогда ещё никому не ведомый Юань Хун. Генерал восхитился талантом поэта и помог ему обрести известность.)

Когда поэт Ли Бай был ночью у горы Нючжу, увидев пейзаж, он вспомнил о древнем герое, генерале Се. Учитывая пробел в тексте и приемлемость читателей на целевом языке, переводчик при переводе добавил примечание Се Шану.

Се Шан был известным полководцем эпохи Восточной Цзинь. Он не только отличался храбростью и мастерством на поле боя, но и имел глубокий интерес к литературе. Ли Бай, вспоминая, как Се Шан помог Тао Юаньминю подняться на литературную трибуну, выражает своё восхищение героями, а также позволяет читателям составить определенное представление о китайских исторических личностях.

乌夜啼
机中织锦秦川女，
碧纱如烟隔窗语。
Плачет в ночи ворона
Так циньская пряжа за влажной
шторой окна
Открыть свои чувства пытается
в тихих словах.

(Пряха: древний образ жены, ожидающей мужа, проводя ночи за ткацким станком.)

В этом стихотворении поэт тщательно изображает живописную сцену, где циньская пряжа кропотливо ткёт шёлковые ткани перед ткацким станком: бирюзовая пряжа словно легкий дым, и через окно она изливает свою внутреннюю нежность и ожидание.

Учитывая состояние рецепции и эстетический опыт читателей на целевом языке, а также для того чтобы передать культуру, переводчик добавил пояснение к слову «пряжа», описав трудолюбивых женщин, чьи мужья были отправлены на дальние военные походы в районе Ганьчжун в эпоху Тан. Это позволяет русскоязычным читателям почувствовать глубокое понимание и симпатию поэта к эмоциональному миру женщин. Такой перевод позволяет стихотворению Ли Бая укорениться в новой культурной почве, предоставляя читателям разных языков новый взгляд для понимания и восхищения классической китайской поэзии.

Из вышеуказанных примеров видно, что переводчик, будучи особым читателем и автором перевода, играет важную роль в проявлении субъектности и креативности. Переводчик не только должен точно передавать смысл и художественный замысел исходного текста, но и учитывать способность рецепции и ожидание горизонта читателей целевого языка.[3] В процессе перевода поэзии Ли Бая на русский язык, переводчик, выбирая подходящие методы, делает перевод более соответствующим привычкам чтений и эстетическим предпочтениям русских читателей. Это проявление субъектности и креативности помогает повысить качество перевода и более эффективно распространять отличные китайские классики.

Заключение

Исследуя перевод образов в поэзии Ли Бая с точки зрения рецептивной эстетики, можно увидеть, что перевод образов в его стихах на русский язык представляет собой сложный и тонкий процесс. Переводчик должен не только сохранить образы поэзии, но и учитывать способность рецепции и ожидание горизонта читателя языка назначения, используя подходящие методы перевода для эффективной передачи образов и эмоций исходного текста. В то же время переводчик может вносить соответствующие коррективы и интерпретации, чтобы образы в стихах Ли Бая могли преодолевать языковые и культурные барьеры, и быть понятыми и доступными для более широкой читательской аудиторией.

Перевод поэзии с точки зрения рецептивной эстетики – это не только трансформация языка, но и воссоздание межкультурной коммуникации и эстетического опыта. Это не только предоставляет переводчику новый взгляд, но и открывает новые пути для культурного обмена и взаимопонимания между Китаем и Россией. В будущем можно продолжить исследование перевода образов в поэзии Ли Бая, исходя из различных культурных контекстов рецепции, чтобы более глубоко изучить вопросы перевода этих образов в разных языках и культурах.

Подводя итог, перевод поэзии Ли Бая требует от переводчика не только глубоких литературных знаний и языковых навыков, но и понимания и освоения культурных различий между Китаем и Россией. С помощью подходящих методов перевода можно эффективно передать образы из поэзии Ли Бая русскоязычным читателям, чтобы эти стихи, которые передавались из поколения в поколение, расцвели с новым блеском на новой культурной почве.

Литература

1. Ванцзюань, Сюйтао. Русский перевод названий китайской кухни из теории рецептивной эстетики // Обучение в лесной зоне. 2015. № 08. С. 64–65.
2. Красоткин Д.М. Многозначность художественного текста как нарушение «горизонта ожидания» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2021. № 1. С. 273–279.
3. Ковылкин А.Н. Вопросы рецептивной эстетики // Омский научный вестник. 2007. № 2 (54). С. 153–157.
4. Ли Цинмин, Юй Шаша. О рецептивной эстетике концепции перевода // Журнал Шаньсийского сельскохозяйственного университета (социальные науки). 2014. Т. 13, № 02. С. 179–184.
5. Лю Инхуэй. Об интерпретации образа в русском переводе китайской поэзии // Jingu Wenchuang. 2022. № 38. С. 120–122.
6. Морозова М.В. Специфика проблемы субъекта в рецептивной эстетике и литературной антропологии В. Изера // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2018. № 1. С. 107–115.
7. Пороль П.В. Рецептивная эстетика образа Китая в поэзии К. Бальмонта // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2019. № 1. С. 16–25.
8. Цао Ваньин. Исследование перевода детской литературы с точки зрения рецептивной эстетики: тематическое исследование перевода сказок Ганса Христиана Андерсена // Цзиньгу Вэньчуан. 2024. № 31. С. 104–107.

A STUDY OF TRANSLATION OF LI BAI'S POETIC IMAGES INTO RUSSIAN THROUGH THE THEORY OF RECEPTIVE AESTHETICS

Zhang Lingling, Yilimire Yiliyasi
Xinjiang Normal University

This study analyzes the peculiarities of translating Li Bai's poetic images into Russian from the point of view of receptive aesthetics. The paper examines the difficulties of adapting natural, cultural and historical images due to differences in linguistic and cultural tradition. Applying the concept of G. Jauss and W. Iser, the study reveals how translators take into account the aesthetic expectations of Russian-speaking readers using the strategies of transliteration, paraphrase and interpretation. The scientific novelty lies in the approach that considers translation as a dynamic process of intercultural communication. The findings confirm that successful transmission of poetic images requires not only accuracy but also adaptation to the readers' perception, which contributes to a deeper understanding of Chinese classical poetry in the Russian-speaking space.

Keywords: Receptive Aesthetics, Li Bai, Poetic Image, Translation of Chinese Poetry, Intercultural Communication, Aesthetic Perception.

References

1. Wangjuan, Xutao. Russian translation of Chinese cuisine names from the theory of receptive aesthetics // *Education in the forest zone*. 2015. No. 08. Pp. 64–65.
2. Krasotkin D.M. Polysemy of a literary text as a violation of the "horizon of expectation" // *Bulletin of Tver State University. Series: Philology*. 2021. No. 1. Pp. 273–279.
3. Kovylnik A.N. Issues of receptive aesthetics // *Omsk Scientific Bulletin*. 2007. No. 2 (54). Pp. 153–157.
4. Li Qingming, Yu Shasha. On the receptive aesthetics of the concept of translation // *Journal of Shanxi Agricultural University (Social Sciences)*. 2014. Vol. 13, No. 02. Pp. 179–184.
5. Liu Yinghui. On the Interpretation of the Image in the Russian Translation of Chinese Poetry // *Jingu Wenchuan*. 2022. No. 38. Pp. 120–122.
6. Morozova M.V. Specifics of the Problem of the Subject in the Receptive Aesthetics and Literary Anthropology of V. Iser // *Bulletin of RUDN University. Series: Philosophy*. 2018. No. 1. Pp. 107–115.
7. Porol P.V. Receptive Aesthetics of the Image of China in the Poetry of K. Balmont // *Bulletin of RUDN University. Series: Literary Criticism, Journalism*. 2019. No. 1. Pp. 16–25.
8. Cao Wanying. Research on the Translation of Children's Literature from the Perspective of Receptive Aesthetics: A Case Study of the Translation of Hans Christian Andersen's Fairy Tales // *Jingu Wenchuan*. 2024. No. 31. P. 104–107.

Преимущества и недостатки использования технологии виртуальной реальности в обучении иностранному языку в университете

Грубин Илья Валентинович,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранный язык», Академия базовой подготовки РУТ (МИИТ)
E-mail: grubin.ilya@yandex.ru

Юдина Ирина Ивановна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: tutor.yudina@mail.ru

Оганесян Елена Айказовна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: oganeselen@mail.ru

Плужникова Ирина Ивановна,

старший преподаватель кафедры «Иностранный язык», Академия базовой подготовки РУТ (МИИТ)
E-mail: pluzh.ira@yandex.ru

Виртуальная среда является новой цифровой технологией, которая активно развивается и внедряется во многие сферы жизни человека, в том числе и в образование. В данной статье авторы освещают такой вопрос как виртуальная реальность в преподавании иностранного языка в высшем учебном заведении. В первую очередь в статье основной акцент делается на том, какие преимущества в обучении дает использование этой цифровой технологии и, соответственно, какими недостатками она обладает, а также возможные пути их преодоления.

Ключевые слова: виртуальная реальность, цифровая технология, иностранный язык, преподавание в университете.

Введение

Виртуальная реальность – это одна из самых современных технологий, которая находится сейчас в процессе постоянного развития, и которая имеет огромный потенциал. Данная технология может применяться в самых разнообразных областях жизнедеятельности человека, например, в таких, как медицина, сфера развлечений, транспорт и образование. Такое широкое применение стало возможным благодаря тому, что современные виртуальные технологии позволяют людям, которые их используют, оказываться внутри различных моделируемых ситуаций и событий, которые могут происходить в процессе повседневно-бытовой деятельности, а также в процессе профессиональной деятельности. Следовательно, данная технология может быть использовано в образовательном процессе.

Актуальность данной статьи состоит в том, что технология виртуальной реальности является на сегодняшний день самой современной и быстро развивающейся цифровой технологией, возможности которой при использовании в образовательном процессе не до конца еще изучены.

Авторами статьи ставится задача проанализировать преимущества, которые дает использование виртуальной реальности в процессе преподавании иностранного языка в высшем учебном заведении и, естественно, проанализировать недостатки, которые использование данной технологии несет в образовательный процесс.

Виртуальная реальность помогает будущим специалистам развивать многие коммуникативные и профессиональные навыки, отрабатывать различные нестандартные ситуации, с которыми можно столкнуться в реальной жизни. Благодаря применению технологии виртуальной реальности в преподавании иностранного языка можно организовать более глубокое погружение в образовательную процесс, смоделировать различные ситуации для практической отработки знаний, тем самым увеличивая персональную и профессиональную направленность обучения.

По мнению авторов, развитие технологий виртуальной реальности и развитие программ обучения иностранному языку в высших учебных заведениях в будущем приведут к их большему взаимодействию, что в свою очередь может привести к созданию полноценных курсов виртуальной реальности по иностранному языку и организации специализированных учебных аудиторий. Это, в свою очередь, потребует организации специальных курсов подготовки и переподготовки преподавателей для создания и работы с курсами иностранного языка в виртуальной реальности.

Как и любая другая современная технология, технология виртуальной реальности имеет свои достоинства и недостатки при ее использовании в образовательном процессе. Далее, авторы статьи приводят примеры и разбор достоинств и недостатков использования технологии виртуальной реальности в обучении иностранному языку в университете.

Результаты и обсуждение

К несомненным достоинствам и преимуществам виртуальной реальности можно отнести следующее:

- аутентичность
- безопасность
- геймификация
- иммерсивность
- интерактивность
- наглядность
- персонализированность

С помощью виртуальной реальности можно моделировать ситуации с использованием полностью аутентичного языкового контекста. Также с помощью возможностей виртуальной реальности можно предлагать варианты с вариативностью языка в зависимости от региона его использования, что увеличивает процент аутентичности контекста. Например, при изучении английского языка для учащихся создаются ситуации, где используется американский вариант или британский вариант английского языка.

С точки зрения обучения иностранному языку, безопасность не является таким важным достоинством, но в рамках общего обучения, безопасность является одним из ключевых преимуществ, при применении технологии виртуальной реальности. В качестве примера, можно привести обучение в транспортной отрасли, в частности в подготовке пилотов, где симуляторы с применением виртуальной реальности применяется уже достаточно давно. Также в последнее время виртуальную реальность стали активно использовать в подготовке будущих медиков.

Применение технологии виртуальной реальности в обучении содействует увеличению доли геймификации в образовательном процессе. Многие программы виртуальной реальности по изучению иностранных языков построены именно как обучающая игра или квест, или содержат элементы и уровни игры. Получение каких-либо призов, даже виртуальных, является одним из стимулов к продолжению изучения иностранного языка. В результате, процесс обучения становится более интересным для учащихся и, соответственно, повышается эффективность этого процесса. Стоит отметить, что именно индустрия видеоигр была одной из первых, где стала применяться технология виртуальной реальности.

Следующие два достоинства технологии виртуальной реальности, по мнению авторов, являются ключевыми.

Благодаря такому свойству виртуальной реальности как иммерсивность, обучающиеся имеют возможность оказаться в стране, язык которой они изучают, узнать ее историю, культурные особенности, использовать при общении именно живой язык. Это очень помогает в изучении иностранного языка, так как позволяет студентам понять и увидеть особенности и закономерности использования иностранного языка.

Интерактивность позволяет создавать и моделировать различные жизненные ситуации и события, где учащиеся совершенствуют свои разговорные навыки. Интерактивные занятия в виртуальной реальности позволяют сделать обучение более ориентированным на будущую профессию и карьеру студента.

Как и безопасность, наглядность не является таким важным преимуществом виртуальной реальности при изучении иностранного языка. Но, благодаря техническим возможностям этой технологии, педагогический принцип наглядности выходит на новый уровень. Студенты могут наглядно увидеть, услышать и «почув-

ствовать» ожившие примеры теоретического материала из учебника.

Обучение с помощью технологии виртуальной реальности, благодаря техническим возможностям, может быть подстроено под индивидуальные векторы обучения каждого учащегося на основе персональных потребностей и особенностей учащегося. В первую очередь, это касается выдачи заданий и моделирования ситуаций для отработки пройденного материала, исходя из уровня знаний и навыков конкретного студента.

Однако технология виртуальной реальности обладает и рядом недостатков, которые не позволяют использовать данную технологию в процессе обучения иностранному языку массово. К таким недостаткам, по мнению авторов, относятся следующие недостатки:

- методические и педагогические сложности
- стоимость
- технические возможности
- ограничения по здоровью

Говоря о недостатках виртуальной реальности в обучении иностранному языку в университете, следует отметить, что в плане методики и педагогики есть определенные сложности, вызванные, в первую очередь, тем, что данная технология только начала применяться в образовательном процессе по иностранному языку. Здесь необходимо отметить, что все методические рекомендации, указания и методики преподавания, которые составлены на сегодняшний день учитывают использование в большинстве своем современных цифровых технологий, но виртуальная реальность в них не указывается. Также не до конца изучен и не проработан вопрос о роли и месте преподавателя в обучении иностранному языку с применением виртуальной реальности. Решение этой проблемы заключается в создании новых методических пособий и учебных программ, которые будут включать в себя работу с виртуальной реальностью и переподготовку преподавателей, с тем, чтобы они могли самостоятельно вести обучение с применением данной технологии.

Следующие два недостатка, которые авторы указали выше, это стоимость и технические возможности. На сегодняшний день это два самых главных недостатка технологии виртуальной реальности по мнению авторов. В связи с тем, что это новая, быстро развивающаяся технология, то оборудование, программное обеспечение и т.п. сейчас стоят очень дорого, и для оснащения хотя бы одного класса, чтобы обучать с помощью виртуальной реальностью, требуются большие затраты. Под техническими возможностями как недостаток понимаются технические возможности вузов, которые часто не имеют требуемых технических возможностей для проведения занятий с использованием этой технологии. Компенсация этих недостатков в большей степени, зависит от разработчиков и производителей программ, а также оборудования виртуальной реальности.

Следующим немаловажным недостатком технологии виртуальной реальности является ее воздействие на психическое и физическое здоровье человека. Данный вопрос о том, как эта технология влияет на человека, в плане здоровья, также не до конца изучен. У всех людей разная восприимчивость к использованию виртуальной реальности. Некоторые могут спокойно проводить в ней по несколько часов, а другие наоборот, как только надели, например, очки или шлем виртуальной реальности, начинают плохо себя чувствовать, вплоть до панических атак и потери сознания. Хотя нужно отметить, что разработчики оборудования стараются улучшить его, чтобы люди при использовании могли избежать неприятных последствий. Если говорить о воздей-

ствии на психическое здоровье человека, то здесь так же все индивидуально. Кто-то нормально воспринимает обучение в виртуальной реальности, кто-то, наоборот, испытывает дискомфорт от отсутствия живого общения, а кто-то, после долгого использования виртуальной реальности начинает испытывать дискомфорт при общении в реальной жизни. Хотя необходимо отметить, что технологий виртуальной реальности является хорошим инструментом и помощью в обучении учащихся с ограниченными возможностями.

Потребуется еще много времени и усилий, как разработчиков самой технологии виртуальной реальности, так и преподавателей и самих студентов, чтобы избавиться от всех недостатков. Как уже неоднократно было сказано, это – новая технология, которая только начинает применяться в обучении иностранному языку и, соответственно, в ходе развития это процесса придется столкнуться еще с большим количеством проблем и трудностей.

Заключение

В заключении можно сказать, что использование технологии виртуальной реальности в образовательном процессе, в частности, в обучении иностранному языку, будет только развиваться. Современные тенденции развития общества ясно показывают, что виртуальная реальность становится неотъемлемой частью развития цифровых технологий и их применения в жизни человека. В дальнейшем, скорее всего, в связи с увеличением доступности данной технологии, в результате развития и снижения ее стоимости, она станет применяться уже массово, что, в свою очередь, потребует серьезных изменений в создании образовательных программ.

Литература

1. Дементьева А.В., Откупщикова И.А., Ресков К.Н. Дополненная реальность в учебном процессе // Научное сообщество студентов: Междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. XLII междунар. студ. науч.-практ. конф. 2018. № 7 (42). С.112.
2. Добрава В. В., Лабзина П.Г. Виртуальная реальность в преподавании иностранных языков // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2016 № 4 (32). С. 13–20.
3. Котенко В.В. Проблемы и возможности применения технологий дополненной и виртуальной реальности в преподавании иностранного языка // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 3 (181). С. 252–257.
4. Рольгайзер А.А., Демиденко К.А., Кадникова О.В. Возможности применения информационно-коммуникационных технологий при обучении иностранному языку в вузе // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2020. Т. 9, № 3. С. 49–57.
5. Рольгайзер А.А., Павлов С.О. Возможности применения электронных образовательных ресурсов при обучении иностранному языку в вузе // Мир педагогики и психологии. 2021. № 8 (61). С. 64–70.
6. Семенова Г.В. Использование преимуществ технологии дополненной реальности в процессе обучения иностранному языку студентов неязыкового вуза // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 5, № 1. С. 128–133.
7. Стародубцева Е.А. Использование технологии виртуальной реальности в обучении иностранным язы-

кам в вузе. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022;12(с):110–113.

8. Alfadil M. Effectiveness of Virtual Reality Game in Foreign Language Vocabulary Acquisition // Computers & Education. 2020. Vol. 153. P. 103893.
9. Arvanitis P. VR vs AR are Suitable for the Development of Linguistic Skills in Second Language Teaching? // INTED2019 Proceedings. Valencia, 2019. P. 2222–2228.
10. Bonner E., Reinders H. Augmented and Virtual Reality in the Language Classroom: Practical Ideas // Teaching English with Technology. 2018. Vol. 18, iss. 3. P. 33–53.
11. Bricken M. Virtual Reality Learning Environments: Potentials and Challenges. Computer Graphics 25(3), 1991. Pp. 178–184.
12. Chien S.Y., Hwang G.J., Jong M.S. Effects of Peer Assessment Within the Context of Spherical Video-Based Virtual Reality on EFL Students' English-Speaking Performance and Learning Perceptions // Computers & Education. 2019. Vol. 146. P. 103751.
13. Cromby J., Standen P., Brown D. Using Virtual Environments in Special Education. VR in the Schools 1(3), 1995. Pp.1–4.

ADVANTAGES AND DISADVANTAGES OF USING VIRTUAL REALITY TECHNOLOGY IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE AT A UNIVERSITY

Grubin I., Yudina I., Oganessian E., Pluzhnikova I.

Academy of Basic Training RUT (MIIT), National Research Moscow State University of Civil Engineering

The virtual environment is a new digital technology that is actively developing and being implemented in many areas of human life, including education. In this article, the authors highlight such an issue as virtual reality in teaching a foreign language at a higher educational institution. First of all, the article focuses on the advantages of using this digital technology in learning and, accordingly, what disadvantages it has, as well as possible ways to overcome them.

Keywords: virtual reality, digital technology, foreign language, university teaching.

References

1. Dementieva A.V., Otkupshchikova I.A., Reskov K.N. Augmented reality in the educational process // Scientific community of students: Interdisciplinary research: Coll. art. on mat. XLII int. student scientific-practical. conf. 2018. No. 7 (42). P. 112.
2. Dobrava V.V., Labzina P.G. Virtual reality in teaching foreign languages // Bulletin of Samara State Technical University. Series "Psychological and pedagogical sciences". 2016 No. 4 (32). P. 13–20.
3. Kotenko V.V. Problems and possibilities of using augmented and virtual reality technologies in teaching a foreign language // Scientific notes of P.F. Lesgaft University. 2020. No. 3 (181). P. 252–257.
4. Rolgaizer A.A., Demidenko K.A., Kadnikova O.V. Possibilities of using information and communication technologies in teaching a foreign language at a university // Scientific research and development. Social and humanitarian research and technology. 2020. Vol. 9, No. 3. P. 49–57.
5. Rolgaizer A.A., Pavlov S.O. Possibilities of using electronic educational resources in teaching a foreign language at a university // The world of pedagogy and psychology. 2021. No. 8 (61). P. 64–70.
6. Semenova G.V. Using the advantages of augmented reality technology in the process of teaching a foreign language to students of a non-linguistic university // Pedagogy. Theory and practice issues. 2020. Vol. 5, No. 1. P. 128–133.
7. Starodubtseva E.A. Using Virtual Reality Technology in Teaching Foreign Languages at the University. Humanities. Bulletin of the Financial University. 2022; 12 (c): 110–113.

8. Alfadil M. Effectiveness of Virtual Reality Game in Foreign Language Vocabulary Acquisition // *Computers & Education*. 2020. Vol. 153. P. 103893.
9. Arvanitis P. VR vs AR are Suitable for the Development of Linguistic Skills in Second Language Teaching? // *INTED2019 Proceedings*. Valencia, 2019. P. 2222–2228.
10. Bonner E., Reinders H. Augmented and Virtual Reality in the Language Classroom: Practical Ideas // *Teaching English with Technology*. 2018. Vol. 18, iss. 3. P. 33–53.
11. Bricken M. Virtual Reality Learning Environments: Potentials and Challenges. *Computer Graphics* 25(3), 1991. Pp. 178–184.
12. Chien S.Y., Hwang G.J., Jong M.S. Effects of Peer Assessment Within the Context of Spherical Video-Based Virtual Reality on EFL Students' English-Speaking Performance and Learning Perceptions // *Computers & Education*. 2019. Vol. 146. R. 103751.
13. Cromby J., Standen P., Brown D. Using Virtual Environments in Special Education. *VR in the Schools* 1(3), 1995. Pp.1–4.

Имидж строительной организации как фактор повышения доверия потребителей и партнеров

Агемян Сона Вацагановна,

аспирант, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации (РАНХИГС)
E-mail: Sonaagekyan97@mail.ru

Исследование посвящено проблеме влияния позитивного имиджа строительных организаций на уровень доверия клиентов и контрагентов. Актуальность темы обусловлена динамикой рыночных трансформаций, когда устойчивый спрос требует от застройщиков прозрачных и ориентированных на покупателя стратегий. Цель работы состояла в том, чтобы охарактеризовать основные признаки эффективного корпоративного образа и выявить, каким образом маркетинговые и социальные инициативы повышают конкурентоспособность. Проанализированы управленческие, социальные и экологические решения компаний строительного профиля. Обоснована взаимосвязь между репутационным статусом и успешностью строительных проектов. Проведено сопоставление материалов исследований, корпоративных отчетов и экспертных оценок. Статья будет полезна специалистам по девелопменту, маркетингу и руководителям строительных предприятий, поскольку отражает пути укрепления положительного образа на рынке и роста доверия в среде разных групп стейкхолдеров.

Ключевые слова: имидж, доверие, строительная отрасль, репутация, инвесторы, социальная ответственность, инновации, маркетинг, развитие.

Рыночные условия диктуют строительным организациям потребность в более открытых решениях и ориентировании на потребителя. С.В. Свиридович [9] исследовал подходы к формированию имиджа при выходе на зарубежные рынки. Е.М. Кашинская [6] рассмотрела значение цифровых инструментов для укрепления публичного образа в онлайн-среде. А.И. Романова, Е.В. Ильина [8] уделили внимание повышению репутационных показателей, фокусируясь на сервисном обслуживании клиентов. А.В. Буга, В.С. Кудряшов [1] осветили маркетинговые методы воздействия на массовое сознание, ориентированные на рост доверия. С.Н. Нормуродов, Ж.Г. Рашидов [7] проанализировали конкурентную борьбу на рынке строителей с учётом специфики отрасли. Е.В. Чекменева, Е.В. Горшкова [10] обосновали социальную ответственность как фактор, влияющий на образ компании. Е.С. Бузницкая [2] предложила методику изучения мнения потребителей о фирме. Ю.И. Василенко [4] выделила значимость внутренних программ HR для позитивного восприятия. О.А. Игнатьева, С.В. Власова, В.А. Игнатьева [5] отразили применение SWOT-анализа при выработке управленческих решений. А.И. Булгакова [3] систематизировала репутационные признаки и условия их влияния на устойчивость девелоперских проектов.

Для написания статьи использовались аналитический и сравнительный методы исследования, позволяющие сопоставить теоретические выкладки и практические примеры, а также обобщить сведения корпоративных отчетов и публикаций в отраслевых источниках. Полученные результаты дают целостное представление о современных инструментах построения благоприятного имиджа строительных компаний.

Имидж строительной организации нередко рассматривают как многомерное образование, отражающее то, насколько общественность и потребители доверяют качеству будущего продукта и надежности его исполнения [9]. Исследователи подчеркивают, что от грамотной работы с публичным образом напрямую зависит репутация компании на рынке [6]. Если на ранних этапах развития отрасли фирмы опирались лишь на личные связи с заказчиками, то сегодня маркетинговый подход охватывает более широкий спектр задач: сопровождение деловых переговоров, наглядное подтверждение высокого уровня компетенций, заботу о сервисе и коммуникациях с населением.

Неоднородное состояние строительного рынка приводит к тому, что финансовые и инвестиционные риски усиливаются. При этом сохраняется устойчивый интерес к девелоперским проектам, поскольку потребители стремятся выбирать партнеров, способных обеспечить готовность объектов в заранее оговоренные сроки и соблюдение всех технических норм [3]. В обозримом периоде востребованность жилых и коммерческих пространств не снижается, однако профессионалы прогнозируют ещё более жёсткую конкуренцию за покупателя и рост требований к качеству взаимодействия с клиентом [7]. Подобная тенденция ведёт к тому, что строительные компании переориентируются на создание доверительного образа, опираясь на разного рода экспертные оценки и цифровые каналы продвижения [2].

Имидж фирмы в нынешних условиях воспринимается частью ее нематериальных ресурсов, укрепляет доверительные отношения с клиентами и одновременно воздействует на решения инвесторов [10]. Наряду с этим растёт роль социальных и экологических проектов: девелоперы стремятся позиционировать себя как ответственные участники рынка, работающие в интересах местного сообщества [4]. Подобная репутационная стратегия повышает шансы на заключение долгосрочных контрактов, а лояльные покупатели положительно оценивают прозрачность бизнеса. Столь целенаправленная политика придаёт значение не только технологическому уровню строительства, но и открытости компании для обратной связи.

Место и роль имиджа строительной фирмы прослеживаются в следующих показателях:

Во-первых, потребитель ориентируется на **значимость репутации**, изучает, насколько организация известна своей надёжностью и способна отвечать за результат.

Во-вторых, инвестор отдаёт предпочтение тем компаниям, у которых **налажена публичная коммуникация**, и которые демонстрируют качество управления и ресурсную устойчивость.

В-третьих, партнерские сети (банки, подрядчики, поставщики) стремятся работать с фирмами, у которых **позитивные социальные характеристики и стабильный уровень сервиса**.

Эксперты полагают, что при дальнейшем развитии рынка востребованность систематической работы над имиджем будет только нарастать [8].

Привлечение внимания аудитории достигается через создание чётко структурированных каналов коммуникаций: корпоративные сайты, специализированные информационные платформы, пресс-релизы, авторитетные деловые сообщества [1]. При этом строительные организации придают особое значение согласованному стилю: используют единое оформление офисов, транспортных средств, рекламных макетов, уделяют внимание оформлению выставочных стендов. Если компания ещё и выделяет время на социальные и образовательные инициативы для граждан, потенциальные покупатели и партнёры воспринимают ее как надежную и заслуживающую доверия. Лояльность аудитории формируется благодаря последовательному продвижению смыслов, связанных с ответственным строительством, комфортной средой и открытым диалогом. Подобная концепция помогает организации занимать прочные позиции в конкурентном поле и укреплять свою репутацию.

Корректное поведение управленцев и всего персонала предполагает точное соблюдение условий подписанных договоров и аккуратный подход к срокам, что напрямую отражается на доверии инвесторов и конечных заказчиков. При этом значимым фактором становится качество проводимых работ, поскольку каждая задержка или недостаточно продуманное решение влечет скептическую реакцию потенциальных партнёров и отрицательные упоминания в публичной среде. Строгое исполнение обязательств повышает вероятность того, что клиенты, наблюдая за ходом строительства и получая надёжное сервисное сопровождение, сочтут организацию прозрачной и ориентированной на нужды покупателя [5].

Дополнительно укрепляется позитивный образ, если компания придерживается безукоризненных стандартов выпускаемой продукции, одновременно поддерживая постпродажные консультации. Здесь выделяется новаторский подход: задействование современных материалов и внедрение технологичных способов управления проектами формирует репутацию структуры, идущей

в ногу со временем. Такая модель взаимодействия с аудиторией усиливает впечатление о компетентности строительной компании, так как запросы клиентов не ограничиваются только финансовыми и юридическими моментами – значительную роль играет ощущение, что фирма понимает ключевые ожидания и предлагает удобные решения.

Не менее существенным моментом становится то, как в организации выстраиваются внутренние процессы. Любой потенциальный клиент, попадая в офис или просматривая публичные отчёты, замечает стиль работы, уровень мотивации и сплочённость команды. Видимые признаки корпоративной культуры (организация пространства, приветливость, грамотная риторика сотрудников) воздействуют на доверие и часто становятся отправной точкой для мнения об исполнительском качестве. Продуманное взаимодействие внутри коллектива обычно порождает более ответственный подход к запросам потребителей, поскольку сотрудники, ориентированные на дружелюбное общение и взаимопомощь, точнее контролируют ход строительства и доступную документацию.

Социальная и экологическая направленность фирмы вызывает лояльность целевых аудиторий. Участие в актуальных для региона проектах, внимательное отношение к потребностям населения и безопасному использованию ресурсов положительно сказывается на восприятии. То же относится к рекламным кампаниям и публичным заявлениям: корректные формулировки по поводу конкурентов, здравые комментарии о завершённых объектах и публикации реальных отзывов усиливают доверие. Обширный резонанс достигается при условии, что ни партнёры, ни покупатели не видят завышенных обещаний: люди чаще рекомендуют компании, где отсутствуют агрессивные заявления и преувеличение собственных заслуг.

Любая организация, работающая в современном строительном секторе, стремится актуализировать информацию о себе в медийном пространстве. Сайты, которые открыты для свободного чтения, демонстрируют чётко структурированные сведения о миссии, ориентире на долгосрочные ценности, лицензионной базе и уже сданных проектах. Полезным инструментом остаются разные формы взаимодействия через социальные сети, отраслевые порталы и профессиональные медиаформаты. Подобная презентация снижает барьеры недоверия: посетители видят актуальные фото, техническое описание и, при желании, могут сверить данные о соблюдении норм. Параллельное участие в выставках, профильных журналах и экспертных конференциях создаёт дополнительную положительную волну: строительная компания начинает ассоциироваться со специалистами, придерживающимися прозрачности и умеющими объективно оценивать собственные решения.

Соблюдение перечисленных критериев даёт строительной фирме устойчивый результат. Делу помогают прозрачные договорные схемы, своевременно внедрённые инновации и мотивированный коллектив, что, в совокупности, повышает общее восприятие на рынке и побуждает партнёров делать выбор в пользу такой организации.

Приведем примеры практических управленческих решений:

- 1) Группа «Эталон» начала отводить дополнительное финансирование на онлайн-сервисы для клиентов, чтобы увеличить их участие в процессе возведения домов. По итогам 2022 года, согласно данным корпоративного отчёта, руководители утвердили новый регламент информирования: покупателям рассы-

лают цифровые презентации об этапах строительства, а при необходимости организуют виртуальные «прогулки» по объекту с помощью 3D-сервисов.

- 2) Руководство девелоперской группы «ЛСР» одобрило решение о переходе на «зелёные» стандарты при реализации определённых проектов в Петербурге. Фирма обратилась к технологиям термомодернизации и энергоэффективных фасадов. Эта политика сделала возможным получение международных сертификатов экологической безопасности¹, а сами объекты приобрели дополнительную привлекательность для партнёров.
- 3) Компания «ПИК» в 2021 году объявила о запуске отдела социальных инициатив: студии дворового благоустройства и краудсорсинговых платформ Жители жилых комплексов сообщали о своих пожеланиях по облагораживанию общественных пространств. Информация оперативно передавалась в проектные группы. Предприятие получило высокую оценку в категории «Привлекательный застройщик» в рейтинге Экспертов РА².
- 4) «Группа Самолёт» реорганизовала структуру службы контроля качества, делегировав часть полномочий внешнему независимому аудиту. Специалисты проверяют документы подрядчиков и соответствие темпов возведения заявленным срокам. При этом публично публикуются статистические отчёты о ходе работ³.
- 5) В «Setl Group» особое внимание уделили внедрению автоматизированной системы управления проектами, которая позволяет оперативно контролировать выполнение задач, оптимизировать распределение ресурсов и повышать прозрачность процессов внутри организации. Данное решение демонстрирует практический пример повышения эффективности управленческих процессов за счёт цифровизации бизнес-операций⁴.

Выводы

Строительные организации, которые уже реализуют управленческие инициативы – в области перехода на цифровые каналы общения, повышения экологической безопасности и социального взаимодействия, – в большинстве случаев демонстрируют рост в итоговых показателях. За период с 2020 по 2022 год по данным Аналитического центра столичных застройщиков увеличилось общее количество объектов, позиционируемых как «застройки нового типа». При этом совокупная площадь введённого в эксплуатацию жилья у крупнейших компаний выросла не менее чем на 12% за тот же промежуток. Параллельно отмечается прирост доли клиентов, обращающихся к девелоперам повторно или по рекомендации (в среднем на 10–15%). Специалисты указывают на прямую связь между новаторскими решениями, эффективностью внут-

¹ Зеленое строительство все еще зреет [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2021. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4825858> (дата обращения: 14.02.2025).

² Рейтинг привлекательности застройщиков: девелоперы усиливают свои позиции, лидеры уходят в отрыв [Электронный ресурс] // АО «Эксперт РА». – 2024. – URL: https://raexpert.ru/researches/development/developer_ranking_2024/ (дата обращения: 14.02.2025).

³ Группа «Самолет» объявляет операционные результаты и ключевые финансовые показатели за 1П 2023 г. [Электронный ресурс] // Самолет Инвесторам. – 2023. – URL: <https://samolet.ru/investors/press/gruppa-samolet-obyavlyayet-operacionnyye-rezultaty-2/> (дата обращения: 14.02.2025).

⁴ История компании Setl Group [Электронный ресурс] // Setl Group. – 2025. – URL: <https://job.setlgroup.ru/company> (дата обращения: 14.02.2025).

ренней структуры управления и благоприятным имиджем: в современных рыночных условиях это помогает создавать дополнительный спрос и обеспечивать компании прочное положение среди конкурентов.

Литература

1. Буга А. В., Кудряшов В.С. Формирование положительного имиджа организации посредством маркетинговых коммуникаций // *Juvenis scientia*. – 2018. – № 9. – С. 30–34.
2. Бузницкая Е.С. Имидж организации и основные методы его изучения / Е.С. Бузницкая // *Трибуна ученого*. – 2022. – № 4. – С. 192–198.
3. Булгакова А.И. Имидж и репутация строительной организации, структура имиджа / А.И. Булгакова // XIX Международная конференция «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования»: сб. материалов конф. – Екатеринбург: УрФУ, 2016. – С. 2416–2422.
4. Василенко Ю.И. Мероприятия по улучшению имиджа – роль HR / Ю.И. Василенко // *Международный журнал гражданского и торгового права*. – 2019. – № 2. – С. 30–35.
5. Игнатъева О. А., Власова С.В., Игнатъева В.А. Применение SWOT-анализа как средства формирования имиджа реальной компании // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук: сб. ст. VI Междунар. конф. профессорско-преподавательского состава, Казань, 18 марта 2022 года / гл. ред. Е.А. Астраханцева*. – Чебоксары: Изд. дом «Среда», 2022. – С. 202–206.
6. Кашинская Е.М. Специфика формирования цифрового имиджа строительной организации / Е.М. Кашинская // *Оригинальные исследования*. – 2020. – Т. 10, № 5. – С. 75–79.
7. Нормуродов С. Н., Рашидов Ж.Г. Особенности маркетинга в стройиндустрии в рыночных условиях // *Социально-экономическое развитие городов и регионов: градостроительство, развитие бизнеса, жизнеобеспечение города: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Волгоград, 09 января – 20 января 2018 года / Волгоград. гос. техн. ун-т. – Волгоград: Волгоград. гос. техн. ун-т, 2018. – С. 170–175.*
8. Романова А. И., Ильина Е.В. Формирование положительного имиджа компаний в сфере жилищно-коммунальных услуг // *Управление экономическими системами: электрон. науч. журн.* – 2017. – № 7(101). – С. 19.
9. Свиридович С.В. Имиджелогия: роль имиджа организации строительной отрасли в процессе выхода на зарубежные рынки / С.В. Свиридович // *Фотинские чтения – 2021 (весеннее собрание): материалы VIII Международной научно-практической конференции, Ижевск, 25–27 марта 2021 года*. – Ижевск: Изд-во УИР ИжГТУ им. М.Т. Калашникова, 2021. – С. 151–159.
10. Чекинова Е. В., Горшкова Е.В. Благоприятный имидж компании как конкурентное преимущество, достигнутое посредством интеграции системы корпоративной социальной ответственности в маркетинговую деятельность // *Успехи современной науки*. – 2016. – Т. 3, № 11. – С. 95–96.

IMAGE OF A CONSTRUCTION ORGANIZATION AS A FACTOR IN INCREASING CONSUMER AND PARTNERS TRUST

Agekyan S.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The study is devoted to the problem of the influence of a positive image of construction organizations on the level of trust of customers and contractors. The relevance of the topic is due to the dynamics of market transformations, when stable demand requires transparent and customer-oriented strategies from developers. The purpose of the work was to characterize the main features of an effective corporate image and identify how marketing and social initiatives increase competitiveness. Management, social and environmental decisions of construction companies are analyzed. The relationship between reputational status and the success of construction projects is substantiated. A comparison of research materials, corporate reports and expert assessments is carried out. The article will be useful for development specialists, marketing specialists and heads of construction companies, as it reflects ways to strengthen a positive image in the market and increase trust among different stakeholder groups.

Keywords: image, trust, construction industry, reputation, investors, social responsibility, innovation, marketing, development.

References

1. Buga A. V., Kudryashov V.S. Formation of a positive image of the organization through marketing communications // *Juvenis scientia*. – 2018. – No. 9. – P. 30–34.
2. Buznitskaya E.S. Image of the organization and the main methods of its study / E.S. Buznitskaya // *Tribune of the scientist*. – 2022. – No. 4. – P. 192–198.
3. Bulgakova A.I. Image and reputation of the construction organization, the structure of the image / A.I. Bulgakova // XIX International Conference “Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Experience of Empirical Research”: collection of conf. materials. – Ekaterinburg: UrFU, 2016. – P. 2416–2422.
4. Vasilenko Yu.I. Image improvement activities – the role of HR / Yu.I. Vasilenko // *International Journal of Civil and Commercial Law*. – 2019. – No. 2. – P. 30–35.
5. Ignatyeva O. A., Vlasova S.V., Ignatyeva V.A. Application of SWOT analysis as a means of forming the image of a real company // *Actual problems of humanitarian and natural sciences: collection of articles. VI International. Conf. of the faculty, Kazan, March 18, 2022 / ed. –in-chief E.A. Astrakhantseva*. – Cheboksary: Publishing house “Sreda”, 2022. – P. 202–206.
6. Kashinskaya E.M. Specifics of forming the digital image of a construction organization / E.M. Kashinskaya // *Original research*. – 2020. – Vol. 10, No. 5. – Pp. 75–79.
7. Normurodov S. N., Rashidov Zh.G. Features of marketing in the construction industry under market conditions // *Socio-economic development of cities and regions: urban planning, business development, life support of the city: Proc. of the III Int. scientific-practical. conf., Volgograd, January 9 – January 20, 2018 / Volgograd. state tech. univ. – Volgograd: Volgograd. state tech. univ, 2018. – Pp. 170–175.*
8. Romanova A. I., Ilyina E.V. Formation of a positive image of companies in the field of housing and communal services // *Management of economic systems: electronic scientific journal*. – 2017. – No. 7(101). – P. 19.
9. Sviridovich S.V. Imageology: the role of the image of the construction industry organization in the process of entering foreign markets / S.V. Sviridovich // *Fotinsky readings – 2021 (spring meeting): materials of the VIII International scientific and practical conference, Izhevsk, March 25–27, 2021*. – Izhevsk: Publishing house of UIR IzhevskSTU named after M.T. Kalashnikov, 2021. – P. 151–159.
10. Chekmeneva E. V., Gorshkova E.V. Favorable image of the company as a competitive advantage achieved through the integration of the corporate social responsibility system into marketing activities // *Successes of modern science*. – 2016. – T. 3, No. 11. – P. 95–96.

Брега Александр Васильевич,

профессор Московского технического университета связи и информатики, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСПИ ФНИСЦ РАН)
E-mail: avbrega@mail.ru

Брега Галина Викторовна,

доцент кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: gvbrega@mail.ru

Статья предоставляет осмысление положительных и отрицательных сторон искусственного интеллекта. Изначально иллюстрируются причины и темпы бурного роста использования искусственного интеллекта в различных сферах общественной жизни. Однако, использование данной многообещающей инновационной технологии требует тщательного регулирования как в правовом, так и в нравственных аспектах. Существует серьёзная опасность того, что системы искусственного интеллекта способны быть на равных с человеком и превосходить его интеллектуальный потенциал. Соответственно, возникают риски негативных событий, которые требуется взять под контроль. Это серьёзная проблема, которая может возникнуть довольно скоро, что требует настоятельной необходимости осмысления того, как её оптимальным образом разрешить. Так или иначе риски, связанные с внедрением и распространением искусственного интеллекта, всегда должны быть предметом обсуждения не только на научном, но и социально-политическом уровне.

Ключевые слова: искусственный интеллект, преимущества и опасности искусственного интеллекта, безопасность, регулирование искусственного интеллекта.

В последнее время использование искусственного интеллекта (ИИ)¹ в различных областях деятельности выросло в два с половиной раза. Об этом свидетельствуют результаты исследования Глобального института McKinsey, проведённого в 2022 году. В онлайн опросе приняли участие свыше 1500 респондентов со всего мира. В процессе исследования удалось проанализировать взаимодействие компаний из Сиднея, Лондона, Чикаго и других городов с различными проявлениями искусственного интеллекта. Выяснилось, что в 2017 году около 20% компаний использовали искусственный интеллект в рабочем процессе. В 2022 году данный показатель вырос до 50% и продолжает приближаться к своему пиковому состоянию [см.: 1; 3]. Бизнес-структуры проявляют всё больший интерес к поиску новых возможностей, способствующих улучшению и оптимизации всей совокупности процессов администрирования, планирования, контроля, с помощью использования искусственного интеллекта.

По результатам опроса, проведённого в рамках Всемирного экономического форума в Давосе в 2023 году, искусственный интеллект (ИИ) был признан экспертным сообществом самой важной стратегической технологией. По прогнозам стратегического консалтингового агентства Next Move Strategy Consulting, к 2030 году объём рынка продуктов, производство которых связано с ИИ, увеличится практически в десять раз и составит 2 трлн долл. Наибольший рост технологий искусственного интеллекта произойдёт не только в сферах управления цепочками поставок, анализа данных, маркетинга, но и дизайна продуктов. В настоящее время лидерами, как по количеству научных публикаций, посвящённых ИИ, так и по объёму инвестиций в развитие искусственного интеллекта стали Китай и США.

Полученные результаты опросов демонстрируют крайнюю привлекательность развития и внедрения новейших технологий в деятельность различных компаний мира, способствуя быстрому и эффективному развитию искусственного интеллекта, доведению его до состояния с максимально полезной отдачей уже в ближайшее время.

В мире идёт гонка за внедрением ИИ и приобретением им совершенно новых навыков, что предвещает новое будущее в сфере труда. Искусственный интеллект способен справиться с изменениями в спросе на занятость, связанными с усилиями по достижению нулевого уровня выбросов, старением рабочей силы и ростом электронной коммерции, но для этого ему также потребуется получение новых навыков. В среднесрочном сценарии распространения ИИ, ускоренном с помощью

¹ Согласно статье 2 Федерального закона от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве», искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.

генеративного искусственного интеллекта, к 2030 году может быть автоматизировано до 30% отработанных часов. Считается, что ускоренное внедрение технологий ИИ в сочетании с активным перераспределением работников способно помочь увеличить производительность труда до 3,0% в год к 2030 году по сравнению с нынешним показателем в 0,3% в год. Европе и Соединенным Штатам может потребоваться примерно 12 миллионов смен профессий. Опрошенные руководители бизнес-структур в этих регионах выразили потребность в навыках, которых, по их словам, им не хватает, таких, как передовые информационные технологии и анализ данных, а также критическое мышление, креативность, преподавание и тренинги [см.: 2].

Обращаясь к классификации технологий профессора делового администрирования в Гарвардской школе бизнеса К. Кристенсена, следует отметить, что искусственный интеллект относится к подрывным технологиям, которые являются важнейшим источником развития общества. Согласно систематизации исследовательской фирмы «Артур Д. Литтл», технологии ИИ представляют собой ключевые технологии, отдельные из которых, в силу своей радикальной новизны и сверхвысокого качества, являются «закрывающими» целые отрасли и некоторые профессии. Назначение подрывных технологий по классификации К. Кристенсена или ключевых технологий в трактовке компании «Артур Д. Литтл» состоит в смене уже утвердившихся базовых (поддерживающих) технологий, наступлении новой технологической эры, обеспечивающей новый цикл технологического развития отраслей, рынков и высокотехнологического предпринимательства.

Технологии искусственного интеллекта, будучи подрывными, способны существенно изменить устоявшийся процесс человеческой деятельности и принудить людей к новым видам адаптации. В частности, в сфере образования идёт обсуждение перехода к «парадигме самообучающейся профессиональной подготовки студентов и, хоть пока ещё не очевидной в наши дни, возможности замены профессии преподавателя на технологии ИИ в рамках общения «человек-машина». Несомненный интерес представляют прогрессивные технологии-заменители, внедрение и распространение которых влечёт за собой «закрытие» промышленных отраслей и профессий. Одной из них в настоящее время является Social Robotics» [см.: 3]. Современное стремительно развивающееся направление развития науки и техники – социальная робототехника (Social Robotics), являющаяся разработкой социальных роботов (роботов, имитирующих социальные свойства и отношения человека) – включает такие структурные элементы, как Robotics research, Artificial Intelligence research (исследования искусственного интеллекта), Neuroscience и психологию, которая претендует на замену профессии преподавателя.

Важно донести до общества, что искусственный интеллект – это инструмент, с помощью которого можно повысить уровень жизни. Исходя из результатов опроса MOT, проведённого в 2023 году, выгоду от внедрения технологий искусственного интеллекта способны получить более 13% граждан государств с высокими среднедушевыми доходами и 10% – жителей менее развитых стран. Сегодня ИИ применяется для поиска пропавших людей, прогнозирования природных катаклизмов, разработки новых лекарств и диагностики различных заболеваний [см.: 4].

С появлением чего-то нового возникают многочисленные риски в самых разных сферах жизнедеятельности. Экспертная группа консалтинговой компании «Deloitte» провела собственное исследование, в ходе

которого удалось опросить около 3000 руководителей компаний из девяти стран мира, связанных с бизнесом и информационными технологиями. Оказалось, что свыше 70% менеджеров высказали опасения по поводу внедрения искусственного интеллекта в рабочий процесс, связав их с такими рисками, как качество и этическая несостоятельность (неполнота и предвзятость) данных, предоставляемых компьютером [см.: 5]. Действительно, как утверждал немецкий социолог Н. Луман, по ходу научно-технического прогресса, роста технологий и увеличения объёма принятых решений, увеличивается и количество рисков, связанных с этими процессами и явлениями [см.: 6; 156]. Любая передовая технология открывает не только новые возможности для развития на уровне компании, отрасли, государства и всего мирового сообщества, но и способна вызвать негативный эффект. В этой связи важно постоянно управлять рисками, чтобы нейтрализовать их отрицательные последствия, и оптимизировать их.

Исследователи отметили, что наиболее выгодным сценарием для России является создание собственных конкурентоспособных решений, а не введение запрета на использование зарубежных решений. В соответствии с принятой в 2019 году Федеральной программой развития ИИ в нашей стране было внедрено в 2024 году 10% крупных и средних компаний, а также органами государственной власти систем искусственного интеллекта, превосходящих людей в решении узких задач. Её целью выступает достижение к 2030 году аналогичного показателя применения систем ИИ в 20%, причём направленных на замену человека в решении широких задач.

Очевидно, что такое стремительно развивающееся технологическое направление, как искусственный интеллект, несёт в себе как преимущества, так и риски¹. Развитие генеративного искусственного интеллекта способно вызывать и отрицательные последствия, например, с безопасностью данных и конфиденциальностью. В этой связи возникает необходимость разработки этических и правовых рамок использования ГИИ.

Люди всё больше осознают потенциально возможное негативное воздействие, обусловленное широким внедрением искусственного интеллекта, испытывают беспокойство и нервничают. Подтверждением служат результаты опроса фирмы Ipsos, демонстрирующие дальнейший рост, произошедший за предыдущий год, с 60% в 2022 году до 66% в 2023 году доли тех респондентов, которые считают, что искусственный интеллект кардинальным образом окажет влияние на их жизни в ближайшие три-пять лет. Кроме того, каждый второй опрошенный (52%) обеспокоен продуктами и оказанием услуг с применением ИИ, в то время, как в 2022 году их количество было меньше на 13%. Как показывают данные исследования Pew, проведённого в Соединённых Штатах Америки, существенно повысилась доля американцев с 38% в 2022 году до 52% в 2023 году, отметивших, что искусственный интеллект вызывает у них скорее беспокойство, чем восторг.

Поэтому не случайно 28 марта 2023 года на сайте организации Future of Life появилось открытое письмо, содержащее призыв к создателям ИИ временно приостановить проведение исследований мощных систем,

¹ Фонд «Росконгресс» провёл исследование «Стратегическая технология: перспективы и риски генеративного искусственного интеллекта», в ходе которого изучил возможности и будущее генеративных нейросетей, а также риски, вызываемые их развитием. Под генеративными нейросетями понимаются нейросети, генерирующие тексты, изображения, видео, аудио, презентации и другие произведения. Примеры генеративных нейросетей – ChatGPT и Midjourney.

разработку нейросетей и их обучение. Свои подписи под данным призывом поставили свыше тысячи экспертов, включая многих специалистов и руководителей технологических компаний, например, главу Tesla, SpaceX и Twitter Илона Маска, сооснователя Pinterest Эвана Шарпа, сооснователя Apple Стива Возняка.

Составители открытого письма не случайно задаются давно назревшими вопросами: «Должны ли мы позволять машинам наводнять наши информационные каналы пропагандой? Должны ли мы автоматизировать все рабочие места? Должны ли мы развивать нечеловеческие умы, которые в конечном итоге могут превзойти нас численностью, перехитрить, сделать нас ненужными и заменить нас? Должны ли мы рисковать потерей контроля над нашей цивилизацией?» [см.: 7]. Тем самым, указанные выше авторы письма заостряют внимание мирового сообщества на то, что системы ИИ становятся сопоставимым с человеческим интеллектом по специфике решаемых задач, а также смогут принимать решения за человека, что представляет серьёзные риски для человеческого сообщества. В письме особо подчёркивается, что лабораториям, занимающимся проблемами искусственного интеллекта, следует «немедленно прекратить хотя бы на шесть месяцев тренировки систем мощнее GPT-4. Эта пауза должна быть публичной и действительной. Если же подобная приостановка не может быть сделана быстро, правительства государств должны вмешаться и ввести мораторий» [см.: 7]. Осуществление контроля за соблюдением приостановки обучения нейросетей до появления общих протоколов безопасности следует возложить на независимых экспертов.

Ведущие специалисты отрасли называют следующие опасности разработки и внедрения искусственного интеллекта.

1. *Недостаточная прозрачность и объяснимость ИИ.* Модели искусственного интеллекта способны быть трудными не только для обычных людей, но даже для работников, непосредственно связанных в своей профессиональной деятельности с технологиями ИИ. В силу отсутствия достаточной прозрачности в понимании того, каким образом и почему искусственный интеллект приходит к формулировке своих выводов, происходит непонимание того, как давать объяснения относительно выбора алгоритмами ИИ определённых данных для использования, а также причин принятия ими необоснованных либо даже предвзятых решений. Эти опасения привели к применению поддающегося объяснению искусственного интеллекта, но до того, как прозрачные системы ИИ станут общепринятой практикой, ещё далеко. Что ещё хуже, ИИ-компании по-прежнему хранят молчание о своих продуктах. Бывшие сотрудники компаний OpenAI и Google DeepMind выдвинули против них обвинения в секретности и сокрытии ими от широкой общественности потенциально возможных угроз и опасностей, исходящих от инструментов ИИ, усложнив, тем самым, способности законодателей разных стран мира по принятию упреждающих мер, которые могут гарантировать ответственное развитие технологий искусственного интеллекта.
2. *Автоматизация работы на основе внедрения искусственного интеллекта в отрасли здравоохранения, производства и маркетинга, как насущная проблема.* По прогнозам McKinsey, к 2030 году задачи, на которые в настоящее время приходится до 30% рабочего времени в экономике США, подлежат автоматизации. Так, Goldman Sachs утверждает, что из-за автоматизации с помощью искусственного

интеллекта может быть потеряно триста миллионов рабочих мест с полной занятостью.

3. *Социальное манипулирование с помощью алгоритмов искусственного интеллекта.* Данная угроза является вполне реальной. Например, политические деятели всё чаще применяют онлайн платформы в целях продвижения своих интересов. Так, в избирательной кампании на Филиппинах в 2022 году Фердинанд Маркос-младший массово использовал тролли TikTok, чтобы получить голоса молодых филиппинцев. Для этого алгоритмы искусственного интеллекта сервиса TikTok заполняли ленту пользователей нужным контентом, который был связан с предыдущими медиа, просматриваемыми ранее на платформе. Собственно, главный недостаток сервиса – это неспособность его алгоритмов отфильтровывать вредоносный и непрофильный контент. Данное обстоятельство вызвало обоснованные сомнения в способности TikTok обеспечить безопасность своих пользователей от информации, вводящей в заблуждение. Таким образом, онлайн-платформы, особенно содержащие в себе новостной контент, становятся уязвимыми перед видео и изображениями, созданными с помощью искусственного интеллекта. Искажённая информация насыщает политическую и социальную сферы, делая всё более сложной задачу реального отражения действительности, так как технологии ИИ относительно просто создают реалистичные фото, видео и другой медиа-контент.
4. *Социальная слежка с использованием технологий ИИ.* Помимо более серьёзной угрозы для жизни, искусственный интеллект может негативно повлиять на конфиденциальность и безопасность. В частности, применение технологии распознавания лиц в транспорте, школах, офисах и других местах служит одним из ярких примеров, когда можно собрать в достаточном количестве данные, касающиеся не только отслеживания передвижений людей, но и отслеживания их политических взглядов, деятельности и взаимоотношений друг с другом.
5. *Недостаточная конфиденциальность данных при использовании инструментов искусственного интеллекта.* Исследование AvePoint, проведенное в 2024 году, показало, что конфиденциальность и безопасность данных являются главной заботой современных компаний. Веские причины для беспокойства могут возникать и у фирм, учитывая значительные объёмы содержащихся у них данных, которые сосредоточены в инструментах ИИ, с одной стороны, а с другой – в отсутствии регулирования имеющейся конфиденциальной информации. Системам искусственного интеллекта могут передаваться данные, которые даже не считаются подлежащими защите от других пользователей. Собираемые системами ИИ персональные данные призваны оказывать помощь людям в обучении настройке на работу моделей искусственного интеллекта и их дальнейшей эксплуатации, особенно при использовании бесплатным инструментом искусственного интеллекта.
6. *Предвзятое отношение к ИИ.* Различные формы предвзятого отношения к технологиям ИИ также вредны. Искусственный интеллект можно настраивать так, чтобы он в своих алгоритмах имел предвзятое отношение к тем или иным объектам, например, в отношении пола и расы. В силу того, что искусственный интеллект разрабатывается, внедряется и исследуется людьми, которые отличаются своим

видением, субъективизм дополняет предвзятость к данным и алгоритмам, способным их усилить. По мнению О. Русаковской, исследователями искусственного интеллекта, как правило, являются мужчины определённой расовой принадлежности, выросшие в районах с высоким уровнем социально-экономического развития, не имеющие инвалидности, не умеющие масштабно мыслить о глобальных проблемах [см.: 8]. К появлению индустрии ИИ, не учитывающей многочисленные разносторонние точки зрения, привели достаточно узкие взгляды отдельных специалистов в этой области. В частности, согласно официальным данным ЮНЕСКО, для обучения лучших чат-ботов применяются всего лишь 100 из 7 тысяч естественных языков мира. Для получения возможности повсеместного продвижения собственных ценностей приблизительно 90% материалов, предназначенных для онлайн-обучения в ВУЗах, уже производятся странами Северной Америки и Евросоюза.

7. *Социально-экономическое неравенство как итог применения искусственного интеллекта.* Если компании, использующие технологии ИИ, отказываются признавать присущие алгоритмам ИИ предубеждения, они могут скомпрометировать свои инициативы в области DEI, привлекая сотрудников. Идея о том, что искусственный интеллект может измерять черты кандидата с помощью анализа лица и голоса, по-прежнему запятнана расовыми предубеждениями, воспроизводящими те же дискриминационные методы найма, которые, как утверждают фирмы, устраняются. Растущее социально-экономическое неравенство, вызванное потерей работы из-за распространения технологий ИИ, является ещё одной причиной для беспокойства, свидетельствующей о классовых предубеждениях в отношении того, как применяется искусственный интеллект. Работники, выполняющие больше повторяющихся задач вручную, столкнулись со снижением заработной платы на целых 70% по причине автоматизации, в то время как офисные работники на ранних стадиях внедрения искусственного интеллекта практически не пострадали. Однако рост использования генеративного ИИ уже сказывается на работе персонала офисов, формируя широкий спектр специальностей, более уязвимых, чем другие сотрудники, с точки зрения возможности потери ими работы и заработной платы.
8. *Ослабление этики и доброй воли как результат распространения технологий ИИ.* По поводу потенциальных ловушек искусственного интеллекта бьют тревогу не только журналисты, технологи, политические деятели, но и религиозные лидеры. Так, Папа Франциск неоднократно предостерегал человечество от неправильного применения ИИ. Так в 2024 году в своём послании по случаю Всемирного дня мира он призывал государства к принятию международного договора, регламентирующего разработку и использование искусственного интеллекта, обязательного для выполнения. Папа Франциск особо обратил внимание, что «создание заявлений, которые на первый взгляд кажутся правдоподобными, но являются необоснованными или выдают предвзятость» могут вызывать недоверие к СМИ, содействовать организации кампаний по дезинформации, вмешательству в выборы, увеличивая, в конечном итоге, риск «разжигания конфликтов и подрыва мира» [см.: 9]. Стремительное распространение инструментов ИИ придаёт больше смысла дан-

ным опасениям. Многие современные пользователи, не желающие выполнять письменные задания, активно применяют технологии ИИ, ограничивая развитие креативности и ставя под сомнение академическую честность. Кроме того, предвзятый ИИ может быть использован для определения того, что может привести к несправедливости и дискриминации.

9. *Автономное оружие, оснащённое искусственным интеллектом.* Как это часто бывает, технологические достижения используются для ведения боевых действий. Когда дело доходит до ИИ, некоторые стремятся что-то с этим сделать, пока не стало слишком поздно [см.: 10]. Если какая-либо крупная военная держава существенно продвинется вперёд в разработке оружия с искусственным интеллектом, то новая глобальная гонка вооружений практически неизбежна. Данное предсказание уже воплотили в жизнь изобретатели и инженеры, разработавшие и выпустившие смертоносные системы вооружения, действующие автономно, самостоятельно обнаруживающие цели и уничтожающие их, при этом, соблюдая всего лишь несколько правил. Некоторые из стран мира сознательно отказались от создания подобных видов мощного и сложного оружия по причине его массового распространения.

Для гражданского населения серьёзную опасность представляют, с одной стороны, опасность применения многих образцов радикально новых видов автономного оружия, а с другой – возрастание угрозы их попадания в руки злоумышленников. Освоившие самые разные виды кибератак хакеры, способны с лёгкостью внедриться в данные системы вооружения и в любой момент спровоцировать настоящий армагеддон. Если не предпринимать попытки по сдерживанию политического соперничества, тенденций к разжиганию конфликтов и войн, то технологии ИИ будут применяться, в конечном счёте, с наихудшими намерениями.

10. *Финансовые кризисы, вызванные алгоритмами искусственного интеллекта.* Финансовая сфера является более восприимчивой к применению технологий искусственного интеллекта в повседневных финансовых и торговых процессах. В результате торговли, выстроенная на алгоритмах, созданных ИИ, может оказаться причиной финансового кризиса. Поскольку алгоритмы искусственного интеллекта не учитывают взаимосвязанность рынков, контекст, страх и доверие людей, не зависят от человеческих эмоций и суждений, они в быстром темпе совершают тысячи сделок, осуществляя продажи с незначительной прибылью буквально за несколько секунд. Следуя эффекту присоединения, инвесторы могут начать делать то же самое, чем рискуют вызвать внезапные сбои в работе алгоритмов и экстремальную волатильность рынка. Такие случаи, как неожиданный крах 2010 года и внезапный крах Knight Capital, служат напоминанием о том, что может произойти, когда в алгоритмах, поддерживающих торговлю, происходят сбои независимо от того, были ли они преднамеренными или нет.

Это не значит, что финансовому миру искусственный интеллект ничего не способен предложить. Так, алгоритмы ИИ могут оказать реальную помощь инвесторам в принятии более обоснованных и разумных решений на финансовом рынке. Функционирование финансовых организаций должно начинаться с понимания того, как принимают решения алгоритмы ИИ, принадлежащие им. Перед разработкой и внедрением в работу технологий ИИ компаниям необходимо понять, какое влияние

они окажут на доверие инвесторов к искусственному интеллекту, не вызовут ли у них страхи и не приведут ли к финансовому хаосу.

11. *Утрата социального влияния человека на различные области жизнедеятельности.* Сильная зависимость людей от технологий ИИ способна привести к нарушениям функционирования и потере воздействия в некоторых сферах общества. Например, использование искусственного интеллекта в здравоохранении может вызвать снижение способности сопереживать и рассуждать. А применение генеративного ИИ в творческих целях способно привести к снижению креативности и эмоционального самовыражения человека. Чрезмерное взаимодействие с системами ИИ может даже привести к снижению уровня общения со сверстниками и утрате социальных навыков. Таким образом, хотя искусственный интеллект и может быть очень полезен для автоматизации в решении ежедневных задач, отдельные специалисты задаются вопросом о том, не будет ли он сдерживать способности и общий человеческий интеллект в мировом сообществе.
12. *Неконтролируемый искусственный интеллект, обладающий самосознанием.* В современном обществе сформировалось опасение развития искусственного интеллекта настолько быстрыми темпами, что он станет разумным, выйдет из-под контроля людей и, возможно, начнёт действовать злонамеренным образом. О данном разуме уже появлялись сообщения. Так, например, бывший инженер Google заявил, что чат-бот с искусственным интеллектом LaMDA обладает разумом и разговаривает с ним так же, как это сделал бы человек. В результате появятся множество виртуальных субъектов, выдающих себя за человека, которых будет весьма сложно идентифицировать. Поскольку следующие важные вехи в развитии ИИ связаны с созданием систем с общим искусственным интеллектом, а потом и с искусственным сверхинтеллектом, то продолжают расти призывы к полной остановке данных разработок.
13. *Появление новых способов преступной деятельности.* Технологии ИИ становятся всё более доступными, поэтому повышаются возможности их использования в преступных целях. Так, например, клонирование голоса телефонными мошенниками, сгенерированные искусственным интеллектом, позволяют совершать преступления, обманывая других людей. Данный весьма распространённый пример только отчасти иллюстрирует возможности использования ИИ в преступных целях. В этой связи, властям важно своевременно помогать общественности адаптироваться к новым угрозам, путём информирования о них и способах снижения рисков.
14. *Способствование формированию условий экономической и социально-политической нестабильности.* Непропорционально высокое инвестирование в отрасли, связанные с искусственным интеллектом, способно дестабилизировать экономические и социальные отношения. Привлекая в сферу ИИ значительные финансовые ресурсы, государства рискуют обречь на стагнацию развитие иных технологий и отраслей. Более того, чрезмерное производство технологий искусственного интеллекта ставит вопросы безопасности. В частности, может возникнуть проблема сохранности и контроля «чувствительных технологий» от попадания в руки преступных группировок и хакеров.

Итак, искусственный интеллект обладает многочисленными преимуществами. Однако, использование данной многообещающей технологии требует тщательного регулирования. Существует серьезная опасность того, что системы ИИ способны быть на равных с человеком и превосходить его интеллектуальный потенциал. В этой связи могут возникнуть негативные события, которые требуется взять под контроль. Это не просто проблема научной фантастики, а серьезная проблема, которая, вероятно, возникнет довольно скоро, и властям нужно подумать о том, что с этим делать сейчас.

Очевидно, что требуются предпринять множество шагов для интеграции искусственного интеллекта в свою деятельность, включая разработку процессов мониторинга алгоритмов, сбор высококачественных данных и объяснение результатов работы алгоритмов ИИ. Кроме того, стоит задача сделать искусственный интеллект частью корпоративной культуры и повседневных деловых дискуссий, установив стандарты для определения приемлемых технологий искусственного интеллекта. В этом контексте помимо технологических и правовых решений требуется также ориентация на технологии с точки зрения гуманитарных наук. Другими словами, когда речь заходит об обществе в целом, технологии должны быть более активными, чтобы охватывать различные аспекты гуманитарных наук.

Изобретателям и проектировщикам искусственного интеллекта важно осознавать опыт и озабоченность многих людей, а также профессиональных и научных сообществ в таких сферах, как медицина, экономика, философия, политические науки, социология, коммуникация, психология и другие. Требуется найти баланс между высокими инновационными технологиями и человеческим мышлением для ответственного производства технологий ИИ. Только в этом случае можно будет с оптимизмом смотреть в будущее искусственного интеллекта. Риски, связанные с внедрением и распространением искусственного интеллекта, всегда должны быть предметом обсуждения не только на научном, но и политическом уровне.

Литература

1. Chui M., Hall B., Mayhew H., Singla A., and Sukharevsky A. The state of AI in 2022 – and a half decade in review / Chui M., Hall B., Mayhew H., Singla A., and Sukharevsky A. – QuantumBlack AI by McKinsey, 2022. P. 1–21.
2. Human potential / <https://www.mckinsey.com/mgi/our-research/mckinsey-global-institute-2024-in-charts> (дата обращения: 21.12.2024).
3. Давыдов А.А. Social Robotics и системная социология/ Портал института социологии РАН. – URL: https://www.isras.ru/Davydov_Robotics.html (дата обращения: 22.12.2024).
4. Стратегическая технология: перспективы и риски генеративного искусственного интеллекта. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/64380a4d9a7947a90164ccfe> (дата обращения: 23.12.2024).
5. Hupfer S. Getting ahead of the risks of artificial intelligence. – URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/industry/technology/risks-of-artificial-intelligence.html> (дата обращения: 22.12.2024).
6. Луман Н. Понятие риска // Thesis. – 1994. – вып. 5. С. 135–160.
7. Илон Маск призвал приостановить разработку и обучение нейросетей. – URL: <https://www.rbc.ru/life/>

news/6424457c9a7947ebee7f7534?ysclid=m6b7a-9bel9305870568 (дата обращения: 23.12.2024).

8. Dealing With Bias in Artificial Intelligence. – URL: <https://www.nytimes.com/2019/11/19/technology/artificial-intelligence-bias.html> (дата обращения: 25.12.2024).
9. Послание Святейшего Отца Франциска на 57-м всемирном дне мира 1 января 2024 года. Искусственный интеллект и мир. – URL: <https://www.vatican.va/content/francesco/ru/messages/peace/documents/20231208-messaggio-57giornatamondiale-pace2024.html> (дата обращения: 25.12.2024).
10. AI's 'Oppenheimer moment': autonomous weapons enter the battlefield. – URL: <https://www.theguardian.com/technology/article/2024/jul/14/ais-oppenheimer-moment-autonomous-weapons-enter-the-battlefield> (дата обращения: 25.12.2024).

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A PUBLIC GOOD AND A SECURITY CHALLENGE

Brega A.V., Brega G.V.

Moscow Technical University of Communications and Informatics, FNISC RAS, Financial University under the Government of the Russian Federation

This article provides an understanding of the positive and negative sides of artificial intelligence. Initially, the reasons and rates of rapid growth in the use of artificial intelligence in various spheres of public life are illustrated. However, the use of this promising innovative technology requires careful regulation in both legal and moral aspects. There is a serious danger that artificial intelligence systems can be on an equal footing with humans and exceed their intellectual potential. Accordingly, there are risks of negative events that need to be brought under control. This is a serious problem that may arise fairly soon, which requires an urgent need to think about how best to resolve it. One way or another, the risks associated with the introduction and spread of artificial intelligence should always be discussed not only at the scientific, but also at the socio-political level.

Keywords: artificial intelligence, advantages and dangers of artificial intelligence, security, regulation of artificial intelligence.

References

1. Chui M., Hall B., Mayhew H., Singla A., and Sukharevsky A. The state of AI in 2022 – and a half decade in review / Chui M., Hall B., Mayhew H., Singla A., and Sukharevsky A. – Quantum-Black AI by McKinsey, 2022. P. 1–21.
2. Human potential / <https://www.mckinsey.com/mgi/our-research/mckinsey-global-institute-2024-in-charts> (accessed: 21.12.2024).
3. Davydov A.A. Social Robotics and systemic sociology / Portal of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. – URL: https://www.isras.ru/Davydov_Robotics.html (accessed: 22.12.2024).
4. Strategic Technology: Prospects and Risks of Generative Artificial Intelligence. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/64380a4d9a7947a90164ccfe> (date of access: 23.12.2024).
5. Hupfer S. Getting ahead of the risks of artificial intelligence. – URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/industry/technology/risks-of-artificial-intelligence.html> (date of access: 22.12.2024).
6. Luhmann N. The concept of risk // Thesis. – 1994. – issue. 5. P. 135–160.
7. Elon Musk called for suspending the development and training of neural networks. – URL: <https://www.rbc.ru/life/news/6424457c9a7947ebee7f7534?ysclid=m6b7a9bel9305870568> (date of access: 23.12.2024).
8. Dealing With Bias in Artificial Intelligence. – URL: <https://www.nytimes.com/2019/11/19/technology/artificial-intelligence-bias.html> (date of access: 25.12.2024).
9. Message of the Holy Father Francis on the 57th World Day of Peace, January 1, 2024. Artificial Intelligence and Peace. – URL: <https://www.vatican.va/content/francesco/ru/messages/peace/documents/20231208-messaggio-57giornatamondiale-pace2024.html> (accessed: 25.12.2024).
10. AI's 'Oppenheimer moment': autonomous weapons enter the battlefield. – URL: <https://www.theguardian.com/technology/article/2024/jul/14/ais-oppenheimer-moment-autonomous-weapons-enter-the-battlefield> (accessed: 25.12.2024).

Понятие и особенности социального неравенства в цифровом обществе

Сережко Татьяна Алексеевна,

к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: serezhko@mail.ru

Кохан Жанна Сергеевна,

К.ф.н., доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: zhanna_kokhan@mail.ru

Гармашов Денис Олегович,

аспирант кафедры гуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: garm799@gmail.com

В статье проанализированы различные подходы к определению социального неравенства в цифровом обществе: информационно-технологический подход, социально-экономический подход, культурно-символический подход, сетевой подход, подход с точки зрения цифровых прав и свобод, интерсекциональный подход и геополитический подход. Рассмотрены основные структурные элементы социального неравенства в цифровом обществе. Сделан вывод о необходимости учитывать не только технологические аспекты, но и более широкие социальные, культурные и политические факторы, отражающие многогранность данного феномена.

Ключевые слова: социальное неравенство, цифровое неравенство, социальные сети.

В современном мире цифровизация играет значительную роль в жизни большинства людей. Как отмечено в исследованиях Н.В. Ревенко [2], Ж.С. Кохан [4], Т.А. Сережко [3–7], цифровые технологии служат не только для общения и развлечения, но и являются мощными инструментами для доступа к информации, образованию и возможностям для личностного и профессионального развития. В то же время, распространение цифровых технологий способствует возникновению и усилению социального неравенства. Социальное неравенство в цифровом обществе представляет собой многомерный и динамичный феномен, отражающий неравномерное распределение не только традиционных ресурсов, но и новых форм капитала, связанных с цифровыми технологиями. Сущность данного явления заключается в дифференциации доступа индивидов и социальных групп к цифровым ресурсам, навыкам и возможностям, что, в свою очередь, влияет на их социально-экономическое положение, жизненные шансы и перспективы социальной мобильности в условиях цифровой трансформации общества.

В контексте комплексного анализа подходов к определению понятия социального неравенства в цифровом обществе рассмотрим различные подходы, отражающие многогранность данного феномена: информационно-технологический подход, социально-экономический подход, культурно-символический подход, сетевой подход, подход с точки зрения цифровых прав и свобод, интерсекциональный подход и геополитический подход.

Информационно-технологический подход, развиваемый такими исследователями, как Мануэль Кастельс и Ян ван Дейк, фокусируется на неравенстве в доступе к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ) и навыках их использования. В рамках данной парадигмы социальное неравенство в цифровом обществе рассматривается через призму «цифрового разрыва» (digital divide).

М.Ф. Черныш, С.А. Коротаяев и др. в своих исследованиях различает первичный цифровой разрыв (неравенство в физическом доступе к ИКТ) и вторичный (неравенство в навыках и способах использования технологий). Тем самым информационно-технологический подход подчеркивает, что неравный доступ к цифровым ресурсам и компетенциям может усугублять существующие формы социального неравенства и создавать новые [8].

Исследователи Джозеф Стиглиц и Том Пикетти, основатели социально-экономического подхода, рассматривают цифровое неравенство как продолжение и усиление традиционных форм экономического неравенства, акцентируя внимание на том, как цифровизация экономики приводит к концентрации богатства в руках владельцев цифровых платформ и технологических компаний, усиливая разрыв между наиболее обеспеченными слоями населения и остальным обществом. Кроме того, в рамках данной концепции особое внимание уделяется влиянию автоматизации и искусственного интеллекта на рынок труда и распределение доходов.

Культурно-символический подход, развиваемый в работах Пьера Бурдьё и его последователей, рассматривает цифровое неравенство через призму культурного и символического капитала. В контексте цифрового

общества это выражается в неравном распределении цифровых компетенций, способности к критическому анализу информации и навыков создания цифрового контента. Также данный подход подчеркивает роль образования и культурных практик в формировании и воспроизводстве цифрового неравенства.

Сетевой подход, представленный работами Барри Уэллмана и Кэролайн Хейторнтуэйт и основанный на теориях сетевого общества, фокусируется на неравенстве в структуре и качестве социальных связей в цифровой среде. Кроме того, социальное неравенство здесь рассматривается через призму различий в социальном капитале, формируемом посредством онлайн-взаимодействий и цифровых социальных сетей.

Подход с точки зрения цифровых прав и свобод, разработанный такими исследователями, как Лоуренс Лессиг и Йохай Бенклер, рассматривает цифровое неравенство через призму доступа к информации, свободы выражения мнений и защиты персональных данных в цифровой среде. Неравенство в данном подходе рассматривается как различия в степени реализации цифровых прав и свобод, включая вопросы цензуры, надзора и управления данными.

Интерсекциональный подход, основываясь на работах Кимберли Креншоу и других теоретиков интерсекциональности, рассматривает цифровое неравенство как результат взаимодействия различных форм социальной стратификации (гендер, раса, класс, возраст и т.д.) в контексте цифровизации, а также подчеркивает комплексный характер цифрового неравенства и необходимость учета множественных факторов при его анализе.

В рамках геополитического подхода, представленного работами таких исследователей, как Мануэль Кастельс и Евгений Морозов, цифровое неравенство рассматривается на глобальном уровне, с учетом геополитических факторов, при этом акцент делается на неравенстве между странами и регионами в контексте глобальной цифровой экономики, включая вопросы технологического суверенитета, контроля над цифровой инфраструктурой и участия в глобальных цепочках создания стоимости в сфере ИКТ.

Многообразие подходов к определению понятия социального неравенства в цифровом обществе отражает сложность и многомерность данного феномена, а интеграция различных теоретических перспектив позволяет сформировать комплексное понимание цифрового неравенства, «учитывающее технологические, экономические, культурные, социальные и политические аспекты этого явления, что, в свою очередь, создает основу для разработки эффективных стратегий по преодолению цифрового разрыва и обеспечению более справедливого распределения возможностей и ресурсов в условиях цифровой трансформации общества» [7].

По мнению А. Бикмуллина, «в отличие от традиционных форм социального неравенства, цифровое неравенство характеризуется рядом специфических особенностей, обусловленных природой информационно-коммуникационных технологий и их ролью в современном обществе. Прежде всего, следует отметить многоуровневый характер цифрового неравенства, который проявляется не только в физическом доступе к технологиям (первый уровень цифрового разрыва), но и в навыках их эффективного использования (второй уровень), а также в способности извлекать выгоды из цифровых ресурсов (третий уровень)» [1]. Данная многоуровневость усложняет анализ и измерение цифрового неравенства, требуя комплексных методологических подходов.

Другой важной особенностью социального неравенства в цифровом обществе является его динамичный

и быстро меняющийся характер, обусловленный стремительным развитием технологий, то есть, то, что сегодня является передовой технологией, доступной лишь элите, завтра может стать общедоступным, приводя к постоянному смещению границ неравенства и появлению новых его форм. Данная особенность требует от исследователей постоянной актуализации концептуальных моделей и эмпирических методов изучения цифрового неравенства. Кроме того, цифровое неравенство характеризуется тесной взаимосвязью с традиционными формами социальной стратификации (экономическое, образовательное и культурное неравенство), а цифровые технологии могут как усиливать существующие формы неравенства, так и создавать новые возможности для его преодоления, что делает анализ этих взаимосвязей критически важным для понимания социальной динамики в цифровую эпоху.

Особое внимание следует уделить глобальному измерению цифрового неравенства, которое проявляется не только на уровне отдельных обществ, но и в масштабах мировой экономики и международных отношений. Различия в уровне развития цифровой инфраструктуры, инвестиций в технологические инновации и качестве человеческого капитала между странами и регионами создают новые формы глобального неравенства, влияющие на геополитические и экономические процессы. В контексте цифрового общества трансформируются и механизмы социальной мобильности, где ключевую роль начинают играть цифровые компетенции и способность адаптироваться к быстро меняющимся технологическим условиям. Это приводит к формированию новых элит и маргинальных групп, основанных на цифровой грамотности и инновационном потенциале.

Важной особенностью социального неравенства в цифровом обществе является его влияние на формирование идентичности и социальных связей. Цифровые платформы и социальные сети создают новые пространства для социального взаимодействия, где формируются виртуальные сообщества и субкультуры, а доступ к этим пространствам и способность эффективно в них функционировать становятся важными факторами социального включения или исключения. При этом цифровое неравенство может приводить к фрагментации общества, создавая информационные пузыри и усиливая поляризацию мнений.

Еще одним аспектом социального неравенства в цифровом обществе является неравномерное распределение рисков и уязвимостей, связанных с цифровизацией, что включает в себя риски нарушения приватности, цифровой безопасности, а также уязвимость перед манипуляциями и дезинформацией. Социальные группы с низким уровнем цифровой грамотности оказываются в особенно уязвимом положении перед лицом этих угроз.

В исследованиях М.Ф. Черныш представлена структура социального неравенства в цифровом обществе, отражающая многомерность и комплексность социального неравенства в цифровом обществе, а также демонстрируя взаимосвязь различных аспектов цифровой дифференциации. Важно отметить, что все структурные элементы не существуют изолированно, а взаимодействуют и усиливают друг друга, создавая сложную систему социальной стратификации в цифровую эпоху [8].

Исследование структуры позволяет не только глубже понять природу цифрового неравенства, но и разработать более эффективные стратегии его преодоления на различных уровнях социальной организации.

Рассмотрим основные структурные элементы социального неравенства в цифровом обществе.

В рамках инфраструктурного неравенства:

- неравенство в доступе к цифровой инфраструктуре отражает фундаментальные различия в возможностях подключения к цифровым сетям, в частности, дифференциация в доступности широкополосного интернета создает базовое разделение между «подключенными» и «неподключенными» группами населения. Неравномерное распределение точек доступа к Wi-Fi усугубляет этот разрыв, особенно в общественных пространствах, кроме того, качество и скорость интернет-соединения также играют критическую роль, влияя на эффективность использования цифровых ресурсов и сервисов;
- неравенство в обладании цифровыми устройствами касается материального аспекта цифрового неравенства. Различия в доступе к персональным компьютерам, смартфонам и планшетами определяют базовые возможности участия в цифровой экономике и обществе. Важным фактором является также способность регулярно обновлять и модернизировать цифровые устройства, что влияет на эффективность их использования и доступ к новейшим цифровым сервисам.

В рамках компетентностного неравенства:

- цифровая грамотность отражает неравенство в базовых навыках использования цифровых технологий, а именно: умение работать с операционными системами, прикладным программным обеспечением и интернет-сервисами. Особую важность приобретает способность критически оценивать цифровой контент, что влияет на информационную безопасность и качество принимаемых решений в цифровой среде;
- цифровые компетенции касаются более продвинутых навыков в сфере цифровых технологий, в частности, дифференциация в навыках программирования и разработки программного обеспечения создает существенное неравенство на рынке труда в IT-сфере, а способность к цифровому творчеству и инновациям становится ключевым фактором успеха в цифровой экономике;
- информационная культура отражает различия в умении эффективно находить, анализировать и использовать информацию в цифровой среде, что включает навыки работы с большими объемами данных, понимании алгоритмов поиска и ранжирования информации. Неравенство в навыках информационной безопасности становится критическим фактором в условиях, растущих киберугроз.

В рамках экономического неравенства в цифровой сфере:

- неравенство в цифровой экономике отражает различия в возможностях получения дохода от цифровой деятельности, включая неравенство в доступе к высокооплачиваемым позициям в IT-секторе, различия в возможностях монетизации контента в социальных медиа и на цифровых платформах. Дифференциация в доступе к цифровым рынкам труда, включая фриланс-платформы и удаленную работу, становится важным фактором экономического неравенства;
- неравенство в цифровом предпринимательстве касается различий в возможностях создания и развития цифрового бизнеса. Включает неравенство в доступе к венчурному капиталу для цифровых стартапов, различия в возможностях масштабирования цифровых бизнес-моделей. Данный элемент тесно связан с компетентностным неравенством и доступом к цифровой инфраструктуре.

Социально-коммуникативное неравенство подразумевает:

- неравенство в цифровых социальных сетях отражает различия в размере и качестве социального капитала, формируемого в онлайн-среде. Включает в себя неравенство в возможностях формирования профессиональных связей через LinkedIn и другие профессиональные сети, что влияет на карьерные перспективы, а также касается различий в способности мобилизовать социальные ресурсы через цифровые платформы;
- неравенство в цифровой репрезентации касается различий в возможностях создания и продвижения личного бренда в цифровой среде. Включает неравенство в доступе к аудитории и влиянию в социальных медиа, что может трансформироваться в экономические и социальные преимущества. Кроме того, элемент тесно связан с компетенциями в сфере цифрового маркетинга и коммуникаций.

Культурно-символическое неравенство заключается в следующем:

- неравенство в доступе к цифровому культурному контенту отражает различия в доступе к онлайн-образованию, цифровым библиотекам, виртуальным музеям и другим формам культурного капитала в цифровой среде, а также включает неравенство в потреблении цифровых культурных продуктов, что влияет на формирование культурного капитала в цифровую эпоху;
- неравенство в производстве цифрового контента касается различий в возможностях создания и распространения цифровых артефактов, включая тексты, изображения, видео и интерактивный контент. Неравенство в признании и легитимации цифрового творчества отражает различия в символическом капитале в цифровой культуре.

В рамках политического неравенства в цифровой среде:

- неравенство в цифровом гражданском участии отражает различия в доступе к электронному правительству и онлайн-сервисам государственных услуг, а также включает дифференциацию в возможностях цифровой мобилизации и активизма, что влияет на способность различных групп артикулировать свои интересы в цифровой публичной сфере;
- неравенство в цифровых правах и свободах касается различий в защите персональных данных и приватности в цифровой среде. Включает неравенство в свободе выражения мнений онлайн, что может быть связано как с технологическими ограничениями, так и с политическими факторами.

Пространственное цифровое неравенство:

- географическое цифровое неравенство отражает различия между городскими и сельскими районами в уровне цифровизации, включая доступ к инфраструктуре и цифровым сервисам, а также касается неравенства между странами и регионами в развитии и внедрении цифровых технологий, что влияет на их конкурентоспособность в глобальной цифровой экономике;
- цифровое неравенство в городском пространстве касается различий в доступе к «умным» городским сервисам и цифровой инфраструктуре внутри городов. Включает дифференциацию районов по уровню цифровизации, что может усиливать существующее социально-экономическое неравенство в городской среде.

В рамках темпорального цифрового неравенства можно выделить:

- неравенство в адаптации к цифровым инновациям, отражающее различия в скорости освоения новых цифровых технологий и способности адаптироваться к быстрым изменениям в цифровой сфере, а также включающее дифференциацию в возможностях непрерывного цифрового обучения, что влияет на долгосрочную конкурентоспособность на рынке труда;
- поколенческое цифровое неравенство, касающееся различий между «цифровыми аборигенами» (рожденными в цифровую эпоху) и «цифровыми иммигрантами» (адаптирующимися к цифровым технологиям во взрослом возрасте) и включающее неравенство в цифровой социализации разных возрастных групп, что влияет на их способность полноценно участвовать в цифровом обществе и экономике.

Анализ каждого элемента структуры социального неравенства в цифровом обществе демонстрирует сложность и многоаспектность данного феномена. Важно отметить, что все эти элементы взаимосвязаны и часто усиливают друг друга, создавая комплексные паттерны цифрового неравенства, а понимание этой структуры позволяет разработать более эффективные стратегии по преодолению цифрового разрыва, учитывающие различные аспекты неравенства и их взаимодействие.

В заключение следует отметить, что сущность и особенности социального неравенства в цифровом обществе требуют междисциплинарного подхода к их изучению, объединяющего методы социологии, экономики, информатики и других наук. Понимание многомерной природы цифрового неравенства, его динамики и взаимосвязей с другими социальными процессами критически важно для разработки эффективных стратегий социальной политики, направленных на создание более инклюзивного и справедливого цифрового общества. При этом исследование социального неравенства в цифровом контексте должно учитывать не только технологические аспекты, но и более широкие социальные, культурные и политические факторы, формирующие цифровую среду и определяющие паттерны ее использования различными социальными группами.

Литература

1. Бикмуллин А. Цифровая экономика как инструмент социального развития российского общества / А. Бикмуллин. – Текст: непосредственный // Региональный экономический журнал. – 2018. – № 3–4. – С. 52–54.
2. Ревенко Н.В. Экономическая социология как теоретико-методологическая основа анализа проблем инновационного развития / Н.В. Ревенко, Т.А. Сerezько, Ж.С. Кохан. – Текст: непосредственный // Вестник БУКЭП. 2023, № 2. С. 101–112.
3. Сerezько Т.А. Трансформация культуры под влиянием цифровых технологий / Т.А. Сerezько. – Текст: непосредственный // Социология и психология перед вызовом цифровизации: материалы Международной научно-практической конференции (16 марта 2022 года); АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород: Издательство БУКЭП, 2022. – С. 84–89. – ISBN 978-5-8231-1083-9.
4. Сerezько Т.А. Этический аспект педагогического взаимодействия преподавателя и студентов в со-

циальных сетях: современное состояние проблемы / Т.А. Сerezько, Ж.С. Кохан. – Текст: непосредственный // Современные исследования социальных проблем. – 2017. – Том 9. – № 2. – С. 29–41. – ISSN 2077-1770.

5. Сerezько Т.А. Виртуальные социальные сети как среда профессионализации социальных работников / Т.А. Сerezько. – Текст: непосредственный // Гуманитарные науки. – 2018. – № 3 (43). – С. 153–161.
6. Сerezько Т.А. Роль образования в преодолении цифрового неравенства / Т.А. Сerezько, Д.О. Гармашов. – Текст: непосредственный // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 4. – С. 71–73.
7. Черныш М.Ф. Цифровизация и неравенство // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Структурные аспекты цифрового неравенства / М.Ф. Черныш, С.А. Коротаев, Н.С. Воронина, А.С. Смирнова, Ю.Б. Епихина. – 2021. – № 4. – С. 4–16.

THE CONCEPT AND FEATURES OF SOCIAL INEQUALITY IN A DIGITAL SOCIETY

Serezhko T.A., Kokhan Zh.S., Garmashov D.O.

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

The article analyzes various approaches to the definition of social inequality in a digital society: the information technology approach, the socio-economic approach, the cultural-symbolic approach, the network approach, the approach from the point of view of digital rights and freedoms, the intersectional approach and the geopolitical approach. The main structural elements of social inequality in a digital society are considered. It is concluded that it is necessary to take into account not only technological aspects, but also broader social, cultural and political factors reflecting the versatility of this phenomenon.

Keywords: social inequality, digital inequality, social networks.

References

1. Bikmullin A. Digital economy as an instrument of social development of Russian society / A. Bikmullin. – Text: direct // Regional economic journal. – 2018. – No. 3–4. – P. 52–54.
2. Revenko N.V. Economic sociology as a theoretical and methodological basis for the analysis of innovative development problems / N.V. Revenko, T.A. Serezhko, Zh.S. Kokhan. – Text: direct // Bulletin of BUKEP. 2023, No. 2. P. 101–112.
3. Serezhko T.A. Transformation of culture under the influence of digital technologies / T.A. Serezhko. – Text: direct // Sociology and psychology facing the challenge of digitalization: materials of the International scientific and practical conference (March 16, 2022); ANO VO "Belgorod University of Cooperation, Economics and Law". – Belgorod: BUKEP Publishing House, 2022. – Pp. 84–89. – ISBN 978-5-8231-1083-9.
4. Serezhko T.A. Ethical aspect of pedagogical interaction between teacher and students in social networks: current state of the problem / T.A. Serezhko, J.S. Kokhan. – Text: direct // Modern studies of social problems. – 2017. – Vol. 9. – No. 2. – Pp. 29–41. – ISSN 2077-1770.
5. Serezhko T.A. Virtual social networks as an environment for the professionalization of social workers / T.A. Serezhko. – Text: direct // Humanities. – 2018. – No. 3 (43). – Pp. 153–161.
6. Serezhko T.A. The Role of Education in Overcoming the Digital Inequality / T.A. Serezhko, D.O. Garmashov. – Text: direct // Social and humanitarian knowledge. – 2024. – No. 4. – P. 71–73.
7. Chernysh M.F. Digitalization and inequality // Information and Analytical Bulletin (INAB). Structural aspects of the digital inequality / M.F. Chernysh, S.A. Korotaev, N.S. Voronina, A.S. Smirnova, Yu.B. – 2021. – No. 4. – P. 4–16.

Развитие системы социального рейтинга в контексте управления общественными процессами

Го Хань,

аспирант Высшей школы современных социальных наук Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: guohan060@gmail.com

В основу статьи поставлена актуальная проблема – особенности функционирования принципов социального рейтинга в современном китайском обществе. В качестве примеров были взяты черные списки, региональные рейтинги благосклонности граждан, списки кредитоспособности, а также корпоративные рейтинги, которые применяются для предприятий. Автором были описаны разнообразные идеи, предшествовавшие принятию системы социального доверия в стране, в частности, деятельность Линь Цзюньюэ. Наконец, были представлены экспертные мнения, оценивающие эффективность принятых правил оценивания граждан с точки зрения выгоды для развития китайского общества. Многие авторы подчеркивают, что они характеризуются рядом преимуществ: поощрение желательного поведения граждан, пресечение организованной преступности, уменьшение криминальных дел в сельских и городских районах, прозрачность государственной деятельности чиновников и др.

Ключевые слова: социальный рейтинг, социальное доверие, управление обществом, Китай.

Рубеж XX и XXI веков стал временем быстрого экономического роста Китая, которая сталкивается с большим списком проблем: коррупция, кумовство, кража интеллектуальной собственности и патентов из-за рубежа, многочисленные скандалы, особенно в фармацевтической и пищевой промышленности. Это привело к очень низкому уровню общественного доверия, как к китайским предприятиям, так и к недоверию людей друг к другу. Кроме того, до недавнего времени китайская продукция во всем мире ассоциировалась с относительно низким качеством, а сама страна именовалась «крупнейшей фабрикой мира». Наглядным доказательством значимости построения гармоничного общества для граждан в текущие дни является система социального рейтинга, которая реализует эту логику путем применения информационных технологий. Сами власти подчеркивают целесообразность ее внедрения ввиду ускоряющихся экономических преобразований в мировом пространстве, в том числе, и в Китае.

В 1990-х годах, когда Интернет начал работать на территории Китая на постоянной, стабильной основе, исследовательская группа под руководством социолога Линь Цзюньюэ представила концепцию, которая позволила бы собирать данные о гражданах, а затем формировать кредитные рейтинги, помогающие ускорить работу банков [5, с. 73]. В качестве основы были взяты образцы кредитоспособности, функционирующие в западных государствах. К примеру, моделью кредитного рейтинга «FICO» активно пользуются американские финансовые учреждения, создающие единый профиль клиента на основании информации о его текущем состоянии денежных средств, истории платежей по счетам, наличии/отсутствию долгов перед банками.

Проект был официально запущен в 2002 году, когда на XVI съезде КПК тогдашний секретарь партии Цзян Цзэминь заявил о необходимости создания системы оценки социального доверия, которая отвечала бы потребностям современной рыночной экономики, где доверие является неотъемлемой составляющей торговых сделок. Однако конкретные принципы функционирования рассматриваемой системы были представлены в одноименном документе, который был опубликован в июне 2014 года. В нем также содержатся причины ее создания (адаптация под рыночную экономику, построение гармоничного социалистического общества, а также переход к культуре доверия), а также уточняется, что система будет основана на актах, имеющих юридическую силу на территории страны.

Также были раскрыты основные механизмы, позволяющие добиться назначенных целей. В первую очередь, в систему социального рейтинга входят черные списки, которые являются публичными на официальных сайтах правительства и включают лиц, переступивших черту закона. В условиях распространения пандемии COVID-19 в 2020 г. в нее также вошли граждане, которые занимались продажей поддельных медицинских товаров, нарушали правила изоляции (например, собирались группой в общественных местах), использовали машины скорой помощи в корыстных целях [3, с. 425]. В результате получается так, что нарушение закона может при-

вести к ряду неприятных санкций: от запрета на полеты на самолетах или передвижение по высокоскоростным железным дорогам до значительных затруднений в доступе к средствам, накопленным на банковском счете, покупки автомобиля или других предметов роскоши. Гражданин, чьи данные занесены в черный список, информируется об этом, и ему дается право на восстановление дебиторской задолженности. Похожие функции в прошлом выполняли крестьянские дворы, именующиеся как «баоцзя»: регистрация населения, организация местных отрядов самообороны и появление новых методов сбора налогов.

Но такая практика, в целом, не нова, она также принята в западных странах, в частности, в Америке. Некоторые города используют так называемую предусмотрительную политику защиты, то есть метод отбора мест, где может произойти преступление в ближайшее время, или лиц, которые являются потенциальными виновниками преступления. Например, система Blue CRUSH, используемая в Мемфисе, указывает часы, в которые следует отправлять больше полицейских патрулей в опасные районы. Также в Соединенных Штатах реализуется проект «FAST», который помогает выявить потенциальных террористов путем анализа психологических и физиологических показателей. Он работает по принципу бесконтактного полиграфа, то есть проводит измерения на расстоянии с помощью камер, тепловизоров, лазерных сканеров, когда человек проходит, например, по коридору в аэропорту.

Важную роль в построении гармоничного общества также играют местные социальные рейтинги, экспериментально введенные в отдельных городах. На данный момент их число составляет 40. Так, в Суйнин в провинции Кянсу и Жунчэн в провинции Шаньдун каждый житель изначально имеет 1000 баллов. Тот может как потерять их результате проявления поведения, оцениваемого как негативное (например, за нарушение правил дорожного движения), так и получить дополнительные баллы за хорошие поступки. Текущий рейтинг составляется по шкале от «А» до «D», при этом наличие высокого рейтинга облегчает повседневную жизнь граждан. Аналогично – низкие показатели препятствуют и в некоторых случаях полностью блокируют возможность подачи заявления на социальное обеспечение, получения лицензии на бизнес и т.д.

Еще один механизм, входящий в китайскую систему социального доверия – списки кредитной надежности, созданные финансовыми институтами. Многие из них, функционируя в пилотной форме, учитывают широкий спектр информации о единицах населения.

Стоит привести пример форму государственно-частного партнерства, то есть сервис кредитного скоринга «Sesame Credit» (или «Zhima Credit»), разработанный компанией «Alibaba» [4, с. 80]. В нем используются технологии больших данных, которые позволяют проводить объективную оценку действий граждан в приложении «Alipay» в режиме реального времени. Составляется рейтинг кредитоспособности частных лиц и предприятий, где каждый пользователь получает оценку в диапазоне от 350 до 950 баллов на основании нескольких категорий, таких как индивидуальная кредитная история или прошлые тенденции поведения пользователя в сделках. Высокий рейтинг связан с доступом к многочисленным привилегиям, в частности, таким как отсутствие требования платить депозит за аренду квартиры, а также возможность проводить более быструю регистрацию в аэропорту, что в демографических условиях Китая дает значительную экономию времени. Граждане, набравшие меньшее количество баллов, не смогут рассчиты-

вать на престижную работу на государственной службе, в прессе или на телевидении.

Существует и корпоративная система социального кредитования, которая применяется ко всем предприятиям, работающим в Китае. Она до сих пор не полностью унифицирована, а данные, на основании которых составляется рейтинг компании, поступают из множества различных учреждений. Данным процессом руководит Народный банк Китая, Национальная платформа обмена кредитной информацией и т.д. Для обеспечения прозрачной деятельности организаций проводятся государственные проверки. Например, для осуществления более точного и объективного надзора за компаниями была введена категория «Дважды случайный, один публичный», которая заключается в случайном выборе компании и инспектора таким образом, чтобы минимизировался риск преференциального отношения к поднадзорной компании. Результаты проведенных аудитов публикуются на общедоступных сайтах. Полученная таким образом информация собирается местными органами власти, а затем загружается в базу данных, которая напрямую контролируется правительством. Информация, которую можно получить на платформе, включает данные об основных акционерах и персонале, текущих лицензиях, результатах проведенных проверок, а также о любых выявленных нарушениях. Для получения данных, используют как номер, присвоенный компании, так и единый идентификатор социального кредита.

В процессе подсчета баллов собирается разнообразная информация. Прежде всего, история развития и текущие направления деятельности компании. Важны личные оценки ее основателей, директоров, лиц, занимающих руководящие должности и иных представителей. Проверяется, были ли эти люди ранее наказаны и как они выполняют свои обязательства. Еще одна важная категория – степень соблюдения законодательных актов, уплата налогов, оценка проектов, которые компания реализовала в прошлом, полученные награды. Кроме того, большое внимание уделяется тому, как компания стремится к соблюдению прав сотрудников. При этом гарантируется запрет на сбор информации об убеждениях, биометрических данных сотрудников, работающих в разных отделах.

Правительство также объявляет, что планомерное расширение сети камер видеонаблюдения и повсеместное внедрение сети 5G позволят осуществлять мониторинг деятельности компаний в режиме реального времени. Примером могут служить транспортные компании, которые контролируются и проверяются при помощи городских камер, что позволит точно отслеживать всю сеть поставок, проверять соблюдение водителями правил дорожного движения и контролировать выбросы выхлопных газов, производимые автомобилями, принадлежащими данной компании. В настоящее время приоритетом является надзор за отраслями, определенными как ключевые, к которым относятся автомобилестроение, пищевая промышленность, фармацевтика.

Исходя из вышесказанного, компании группируются по категориям в зависимости от полученных ими баллов – от самого высокого к самому низкому. С одной стороны, несоблюдение нормативных требований, а также мошенничество приведут к получению низкого балла. Прежде всего, существенно увеличится время, необходимое для урегулирования всех административных вопросов для таких компаний. Налоговая инспекция может взимать более высокие налоги. У предпринимателей возникнут проблемы с получением кредитов и займов.

Возможность заключения договоров с другими организациями ограничивается. В крайних случаях компания может лишиться возможности участвовать в тендерах и выполнять государственные контракты. С другой стороны, компании, получившие наивысшие баллы, могут рассчитывать на такие привилегии, как более низкие налоги, помощь со стороны государственных учреждений или высокие шансы на победу в тендерах на важные проекты.

По мнению Т.Н. Юдиной и Х.С. Сулемоновой, система социального доверия выполняет ряд функций, значимых для нормального функционирования китайского общества [6, с. 68].

В первую очередь, при помощи нисходящей системы вознаграждений и наказаний местные власти могут стимулировать желательное поведение граждан, создавая условия, при которых соблюдение норм и активное участие в жизни сообщества становятся предпочтительными. Повышение доверия местного населения к действиям объектов государственного управления предполагает честную работу чиновников, а также прозрачные правила ведения бизнеса. Работа должностных лиц подвергается строгому контролю путем применения к ним соответствующих правил. Предприниматели, не выполняющие договоры в рамках выполнения государственных закупок, не остаются без внимания. Также были введены правила, позволяющие вести эффективную борьбу с монополиями. Особо охраняется интеллектуальная собственность, а ее кража строго наказывается, гарантируется безопасная среда, в которой преступников строго наказывают. Именно так получится устранить практику злоупотребления административными полномочиями, добиться исключения протекционистских действий, препятствующих развитию свободного рынка.

Аналогичные правила применяются к иностранным компаниям, решившим вести деятельность на территории Китая. Неисполнение представленных обязанностей приводит к серьезным последствиям, таким как наложение санкций или внесение организации в черный список. Они связаны не только с наложением финансовых штрафов в крупном размере, но и с большим количеством проверок, отрицательным решением со стороны администрации относительно права на землепользование, ограничением участия в государственных закупках или отменой налоговых льгот.

Т.Н. Юдина и Х.С. Сулемонова также добавляют, что «рейтинг предоставляет китайским гражданам расширенный доступ к всевозможным финансовым услугам, позволяя избежать лишней бюрократизации. Введение рейтинговой системы кредитования является прорывом в сфере технopolитики и цифровых технологий, и КНР закрепит за собой роль новатора в области шифрования большой базы данных (Big Data) и цифрового обеспечения человеческой жизнедеятельности. По их мнению, система позволяет устанавливать коммуникации в формате «общество – власть», упрощает процедуру кадрового рекрутирования и подбора персонала, выступает фундаментом в обеспечении целостности общества и государства. Коммунистическая партия Китая пытается показать, как люди могут извлечь выгоду из сотрудничества с властью, простые люди стремятся увеличить число баллов и отмечают, что ситуация в обществе стабилизируется: «в последние шесть месяцев поведение людей стало лучше и лучше» [6, с. 68].

Как отмечает А.А. Космарский, западный мир, погруженный в индивидуалистическую культуру, отреагировал на информацию о введении социальной кредитной системы в Китае крайне эмоционально, порой даже слишком негативно [2]. Однако его представители редко

вспоминают, что именно демократические страны были выбраны в качестве прототипов китайских проектов. Так, в Соединенных Штатах на протяжении десятилетий существует система кредитного скоринга, основанная на финансовой истории гражданина. Специализированные компании занимаются определением надежности заемщиков, соответственно, наличие высоких баллов позволяет не только взять кредит на выгодных условиях, но и получить лучшие условия у некоторых страховщиков. Последние достижения научно-технического прогресса позволяют проводить точный анализ данных. Однако, как показывает история, более качественное предложение не всегда приносит пользу клиенту. Несколько десятилетий назад именно местные банки США контролировали денежный поток. Банкир, как правило, житель того же населенного пункта, что и заемщик, знал множество подробностей из его жизни. Поэтому, зная, что клиент ходит в церковь, живет в хорошем районе и не имеет проблем с законом, тот предоставит ему кредит на хороших условиях с большой вероятностью. Система была несправедливой, потому что она исключала, например, представителей национальных меньшинств и женщин. Можно сделать вывод, что по сравнению с прошлыми методами оценивания платежеспособности клиентов нынешние системы используют гораздо больше переменных и, следовательно, более справедливы.

В текущие дни на рынке представлены рейтинги, составляемые банковскими организациями при помощи неподтвержденных данных. Например, «Capital One», предлагающая кредитные карты, анализирует данные об истории просмотренных страниц и покупательских привычках потенциального клиента. Кроме того, система оценки банка учитывает местоположение компьютера посетителя. Из информации о том, находится ли он в богатом или бедном районе, составляется информация о его достатке. Следовательно, анализируя перечисленные факторы, можно предложить, что лучшие условия кредита будут предоставлены более состоятельным людям, но для тех, кто сталкивается с финансовыми проблемами, имеется предложение о займе с высокими процентами. Кроме того, «FICO» и другие системы, основанные на оценке авторитетных финансовых данных, не лишены недостатков, хотя бы по той причине, что не все клиенты имеют кредитную историю, позволяющую оценить их надежность. Обычно в эту группу входят граждане, которые регулярно оплачивают свои счета, вносят налоги, просто не берут на себя финансовые обязательства. И именно они могут быть лишены возможности пользоваться некоторыми банковскими услугами. В их случае информации о заемщике, полученной от его банка, недостаточно для проведения процесса оценки надежности. Поэтому иногда менеджеры обращаются к другим данным, например, из социальных сетей клиента, которые содержат информацию об его опасных интересах, что увеличит риск погашения кредита. Также банк может отказать в выдаче кредита человеку, который, вероятно, разведется в течение 2 лет.

Подводя итоги, китайская система социального рейтинга является инструментом построения общества, основанного на традиционных ценностях: лояльности, гармонии, доброжелательности, честности. Ее предшественником является институт баоцзя. Т.Н. Юдина и Х.С. Сулемонова отмечают, что текущая система социального кредита включает в себя: соблюдение законодательства страны, кредитную историю и др. В конечном счете, поступки жителя Китая приобретают исчисляемую единицу, что способно создать в человеческой жизнедеятельности [6, с. 68].

Литература

1. Екенин Д.Ю. Информационное обеспечение рынка потребительского кредитования США // Вестник Российского университета дружбы народов. 2004. № 1. С. 82–90.
2. Космарский А.А. Китайский социальный рейтинг: технология доверия для нового общества модерна // Социодиггер. 2021. № 1. Т. 2. С. 55–61.
3. Науменко Т.В., Секретарева К.Н. Китайская система социального кредита: антиутопия или фактор общественного благополучия? // Журнал исследований социальной политики. 2022. № 3. Т. 20. С. 419–432.
4. Попов Д.И. Sesame credit в системе социального управления Китая в 2010-е гг. // Вестник Омского университета. 2020. № 3. С. 79–86.
5. Рувинский Р.З., Тарасов А.А. «Система социального кредита»: исторические предпосылки и доктринальные основания феномена // Национальная безопасность – nota bene. 2020. № 3. С. 72–88.
6. Юдина Т.Н., Сулеимонова Х.С. Внедрение системы социального рейтинга в КНР в условиях цифровизации // Теоретическая экономика. 2021. № 1. С. 66–71.

DEVELOPMENT OF A SOCIAL RATING SYSTEM IN THE CONTEXT OF MANAGING SOCIAL PROCESSES

Guo Han

Higher School of Social Sciences of Moscow State University

The article is based on an urgent problem – the features of the functioning of the principles of social rating in modern Chinese society. Blacklists, regional ratings of citizens' favorability, lists of creditworthiness, as well as corporate ratings used for enterprises were taken as examples. The author described various ideas that preceded the adoption of the social trust system in the country, in particular, the activities of Lin Junyue. Finally, expert opinions were presented assessing the effectiveness of the adopted rules for assessing citizens in terms of benefits for the development of Chinese society. Many authors emphasize that they have a number of advantages: encouraging desirable behavior of citizens, curbing organized crime, reducing criminal cases in rural and urban areas, transparency of government officials, etc.

Keywords: social rating, social trust, management of society, China.

References

1. Yekenin D.Y. Information support of the consumer lending market in the USA // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. 2004. No. 1. pp. 82–90.
2. Kosmarsky A.A. Chinese social rating: a technology of trust for a new modern society // Socio digger. 2021. No. 1. Vol.2. pp. 55–61.
3. Naumenko T.V., Sekretareva K.N. Chinese social credit system: dystopia or a factor of social well-being? // Journal of Social Policy Research. 2022. No. 3. Vol. 20. pp. 419–432.
4. Popov D.I. Sesame credit in the Chinese social management system in the 2010s // Bulletin of Omsk University. 2020. No. 3. pp. 79–86.
5. Ruvinsky R.Z., Tarasov A.A. "The social credit system": historical prerequisites and doctrinal foundations of the phenomenon // National security – nota bene. 2020. No. 3. pp. 72–88.
6. Yudina T.N., Suleymanova H.S. Introduction of the social rating system in China in the context of digitalization // Theoretical economics. 2021. No. 1. pp. 66–71.

Трансформация ценностных ориентаций современного поколения выпускников вузов

Иванов Сергей Юрьевич,

д.с.н., проф., зав. кафедрой теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет

Иванова Дарья Вячеславовна,

к.с.н., доцент, доцент кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет
E-mail: soc-lab@yandex.ru

Чвякин Владимир Алексеевич,

д.ф.н., профессор кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет
E-mail: 195805@mail.ru

В данной работе изучаются вопросы формирования ценностных смыслов современного поколения молодежи. В фокусе исследования современное поколение выпускников вузов, выходящих на рынок труда. Особое внимание обращается на сбалансированное согласование спроса на выпускников вузов и их предложение. Устанавливается связь этого процесса с ценностным выбором молодого поколения с учетом требований современной системы высшего образования. Обсуждаются возможности учета структурных характеристик адаптации выпускников вуза в контексте осуществляемого ими профессионального выбора.

При принятии решения о месте работы выпускники делают упор на потребности в достижении и получении определенных результатов, а также на определенный рационализм при определении получаемых доходов и минимизации возможных убытков. Ценностные ориентации современного поколения выпускников во многом связаны с тем, что реализация запланированного зависит от их уверенности в себе.

Определяются ценностные составляющие успешного трудоустройства выпускников, а также роль социальных партнеров по обеспечению согласованного спроса и предложения выпускников вузов.

Ключевые слова: молодежь, рынок труда, ценностные ориентации, ценности, образование, трудоустройство, трудовая мобильность, социальное партнерство.

Введение

Одной из наиболее актуальных тем, обсуждаемых в контексте трудоустройства выпускников вузов, является формирование ими осознанного ценностного выбора дальнейшей профессиональной деятельности. Главным субъектом, оказывающим влияние на процесс включенности молодежи в трудовую деятельность является государство. Так, в числе приоритетных направлений государственной программы «Цифровая экономика РФ» определена задача по совершенствованию системы профессионального образования [1]. На регулярной основе через портал «Работа в России» осуществляется мониторинг трудоустройства выпускников. На площадке образовательного центра «Сириус» реализуется программа наставничества, которая позволяет лучшим студентам получить работу [2].

Ключевое место в разрезе социальной политики государства отводится созданию мировоззренческой позиции у молодежи, формированию трудовых ценностей. О важности возрождения и укрепления ценностей говорится в Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Приоритеты системы образования в сфере подготовки молодежи закреплены в документах: «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России».

При оценке профильного трудоустройства выпускников зачастую эксперты ограничиваются оценкой востребованных вакансий, объемами подготовки молодых специалистов. Заметим, что вопросы по трудоустройству выпускников вузов, находятся в фокусе Международной организации труда (МОТ). Данной организацией были разработаны ряд рекомендаций, направленных на улучшение их интеграции на рынок труда и повышение уровня занятости [3].

Очевидно, что в текущих социально-экономических условиях потребность в непрерывном повышении профессионального мастерства и квалификационного уровня молодого специалиста существенно возрастает. Аналогично увеличиваются требования к его профессиональной подготовке, а также к созданию более эффективной системы поддержки выпускников вузов в их стремлении найти работу по специальности.

Результаты научно-теоретического анализа и их обсуждение

Методология и эмпирическая база исследования

Особый интерес в рамках опросной статистики представляет исследование специфики адаптации молодежи на отраслевых рынках. Для исследования реализуемого выпускниками ценностного выбора используются результаты социологического опроса «Мониторинг оценки удовлетворенности выпускников качеством подготовки», проведенного в 2021–2024 гг. кафедрой теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой МПГУ.

Метод исследования: онлайн-анкетирование. Выборка составила в 2021 г. – 269 человек; в 2024 г. – 117 человек. В качестве участников опроса выступали выпускники – молодые специалисты различных годов выпуска всех педагогических направлений подготовки МПГУ (учителя, воспитатели, логопеды, психологи, педагоги дополнительного образования и др.), проживающих в г. Москве и регионах РФ. Цель исследования заключалась в оценке удовлетворенности выпускников качеством подготовки в МПГУ, а также определении комплекса мер, способствующих успешному трудоустройству в сфере педагогического образования.

Обзор источников

Особенности формирования ценностей и ценностных ориентаций различных социальных групп рассматривались в работах многих ученых: Г.С. Антипина, В.А. Волкова, А.Г. Здравомыслова, Ю.А. Зубок, В.Г. Лисовского, М.А. Макаревича, С.Л. Рубинштейна, В.А. Ядова, и многих других [4].

Согласно М.А. Макаревичу ценность фиксирует свойство общественного предмета обеспечивать реализацию определенных потребностей социального субъекта (человека, группы, общества). А.Г. Здравомыслов связывает ценности с интересами, которые обусловлены историческим процессом благодаря разделению труда в сфере духовного производства [5]. Наиболее полную научно-теоретическую интерпретацию понятие «ценностные ориентации» получило в исследованиях В.А. Ядова [6].

В классической социологической традиции Г. Зиммель и В. Зомбарт особый акцент делают на воспроизводство социальной реальности [7].

Отдельно следует выделить работы социологов, которые анализируют процесс личностной идентификации в информационном обществе. Так, исследования Х.У. Гумбрехта показывают, что информационное общество задаёт новый формат социального взаимодействия, в основе которого лежит система ценностей [8]. Согласно А. Шюцу, в оценке складывающегося взаимодействия речь идет о «множественности реальностей» [9].

Особое внимание ученые (В.М. Заруцкова Т.Т. Капезина С.Э. Павлюченко) обращают на исследование процесса социализации студенческой молодежи в современном обществе [10, 11].

Исследования ценностных ориентаций выпускников вузов позволяют определить значимость для молодого человека тех или иных предметов или явлений социальной действительности.

Ценностный выбор современного поколения молодежи

Приоритетное значение в мотивационном выборе подрастающего поколения своей будущей профессии и образования играет именно семья и ее воспитание. Важно понимать, что большую роль в ценностном регуляторе и определении значимых позиций, особенно в выборе своего будущего у абитуриентов играет, как в свое время считал А.С. Макаренко те привычки, традиции и общий опыт, в том числе окружающей абитуриента социальной группы, например, семьи, которые поддерживаются общественным мнением и находятся на уровне автомата при оценивании и мотивационном регулировании поведения [16].

Сходная позиция прослеживается в подходе Р. Дж. Эренбурга и Р.С. Смита. На примере образования ученые исследуют проблему инвестиций в человеческий капитал [12].

Истоком представления о формировании ценностей как результата личностных, эмоциональных пере-

живаний и стремлений лежит еще в теории гедонизма. Именно, исходя из этой позиции, выбор молодым человеком и даже студентом будущей профессии происходит за счет удовлетворения собственных побуждений без прогнозирования и расчета на будущие перспективы [16].

Известный российский социолог А.Г. Здравомыслов отмечает, что складывающаяся система ценностей пронизывает все формы общественного сознания [5].

В противовес А. Маслоу, убежденному в том, что высшие потребности, в том числе и интеллектуальные являются врожденными, биологическими свойствами человека, Л.Ф. Уорд и последующие за ним социологи, исследовавшие ценности и мотивацию личности были убеждены в том, что человек превосходит всех других существ именно благодаря необыкновенному развитию своего интеллекта. Благодаря образованию, понимаемому как ценность, молодой человек выучивается создавать себе новые потребности и находить средства для их удовлетворения. Это возможно только при погружении в социальную среду при формировании собственного опыта и опыта поколений.

Особенность именно человеческой адаптации скрывается в его нравственной природе. Заключается же высшая форма нравственности в реализации человеком наивысшей формы удовлетворения потребности – потребности в интеллектуальном развитии. Поэтому естественное стремление к образованию, профессиональному росту и самореализации в них – это наивысшая ступень реализации человеческих потребностей и, соответственно, наивысшая ценностная траектория [17].

Трансформация ценностных ориентаций современного поколения молодежи

Студенческая молодежь представляет собой многочисленную социальную группу, которая имеет ряд существенных особенностей, позволяющих ей занять определенную статусную позицию в социально-профессиональной структуре общества.

После окончания вуза молодые люди ориентируются на определенные траектории профессионального развития. Оптимистический сценарий предполагает повышение производительности трудовой деятельности и повышения уровня жизни человека труда, компенсацию затрат индивида на образование. Напротив, пессимистический сценарий связан с понижением уровня жизни, нивелированием затрат на образование.

Не секрет, что поколение зумеров в наибольшей степени ориентируется на интерактив, инновационные рынки и их ценностные ориентиры зависят от уровня и качества жизнедеятельности, но лишь в той мере, в которой они востребованы в той социальной среде, в которой они воспроизводятся на институциональном уровне.

Основным неизменным законом, поддерживающим всю нравственную и ценностную основу современного общества, выступает то, что образование и профессиональный рост может поддерживаться только при условии их распространения, и это возможно только через воспитание и институты, в первую очередь институты образования [18].

Возникает вопрос о согласовании индивидуальных и групповых ценностей в контексте перехода от одного поколения к другому. В качестве примера можно рассмотреть ценность семьи. В оценках молодежи эта ценность, бесспорно, занимает приоритетное место. Однако открытым остаётся вопрос, что вкладывают молодые люди в эту ценность. В этой связи симптоматично, что согласно данным ВЦИОМ, только за 2024 г. 8 из 10 заключенных браков распались. Очевидно, что мало де-

кларировать ценности семейной жизни необходимо их воспроизводить [10].

Фиксируемое учеными отсутствие прямой связи между традиционными ценностями и социальными установками, предопределяется не только ситуацией, но и теми смыслами, которые вкладывает молодежь в оценку складывающихся трудовых практик [13, 14, 15].

Составляющие востребованного спроса на выпускников вуза

Интерес представляют особенности формирования востребованного спроса на выпускников вузов. При оценке профильного трудоустройства акцент сделаем на рынке педагогического труда. Обратимся к результатам социологического опроса «Мониторинг оценки удовлетворенности выпускников качеством подготовки», проведенного в 2021–2024 гг. кафедрой теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой МПГУ.

Одна из задач исследования заключалась в оценке уровня трудоустройства выпускников. В этой связи респондентов просили ответить на вопрос: «Трудоустроены ли Вы в настоящее время?». Ответы распределились следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. Трудоустройство выпускников, %

Оценочные позиции	2021 г.	2024 г.
1. Трудоустроен по направлению подготовки (специальности)	65	63
2. Трудоустроен, но не по направлению подготовки (специальности)	23	26
3. Вопрос трудоустройства не решен	11	9
4. Отсутствует необходимость в трудоустройстве	1	1

Как показали результаты исследования, у молодежной когорты отмечаются изменения ценностных ожиданий, связанных со складывающимися социально-экономическими условиями. В целом выпускники демонстрируют высокий уровень включенности в трудовую деятельность. После окончания вуза большинство предпочитают работать по полученной специальности.

Вместе с тем отмечается тенденция к поляризации профессиональных установок и траекторий личностного развития. Среди студентов выпускных курсов возрастает значимость необходимости использования накопленного ими профессионального потенциала и образовательных возможностей. Так, в 2024 г. 63% против 65% в 2021 г. отметили, что они трудоустроены по направлению подготовки (специальности). На этом фоне фиксируется возрастание доли тех, кто ориентировался на свои «индивидуальные» возможности и интересы в отношении профессионального выбора, никак не связанного с направлением подготовки.

Опрос показал, что в 2024 г. – 26% против 23% в 2021 г. выпускников вуза указали, что они трудоустроены не по направлению подготовки. Рост доли выпускников, работающих не по специальности, видится и в том, что выпускники находят более оплачиваемую и перспективную работу, не связанную со специальностью. Показательно, что доля тех, кто не трудоустроен, за исследуемый период уменьшилась на 2% и составила в 2024 г. – 10%.

В целом же сохраняющаяся значимая доля тех, кто работает не по полученной специальности, определяет ряд особенностей поведенческого отношения молодежи к трудовой деятельности. С одной стороны – имеет

смысл выделить представителей «ресурсоограниченной» группы, которые не смогли воспользоваться имеющимся профессиональным потенциалом. С другой стороны – трудоустройство молодежи не по специальности актуализирует проблему более полного согласования спроса и предложения в условиях ограниченных «производственных» мощностей.

Не все выпускники готовы пожертвовать своими интересами в отношении социально значимого ценностно-профессионального выбора. Это во многом связано с размыванием трудовых ценностей у молодежи.

Проведенное нами исследование позволило выявить мотивы, препятствующие реализовать продуктивную модель сбалансированного сочетания «образовательного» и «трудового» поведения представителей «ресурсоограниченных» групп молодежи. На этапе трудоустройства после окончания вуза ряд выпускников сразу ориентируются на содержательную работу, комфортные условия труда. Наиболее значимым в декларируемых выпускниками установках работы не по специальности является отсутствие интереса к работе – 21% опрошенных. Около 19% выпускников отмечают наличие высокой заработной платы за непрофильную работу. Менее выраженная позиция «не смогли найти работу по специальности» находит выражение на уровне 17%. Фиксируется невысокая доля тех респондентов, кто заявил о том, что специальность не востребована на рынке труда (4%). Среди других причин респонденты называли: условия труда, коллектив, режим и график работы, поддержка ближайшего окружения и др.

В ходе опроса важно было выяснить, чем привлекает выполняемая выпускниками работа. Ответы участников опроса распределились следующим образом.

В приоритете у молодежи – реализация профессионального интереса. Так, больше половины респондентов отметили, что их привлекает интересная работа (57%), получение опыта работы по специальности (55%) и хорошие отношения с коллективом (55%). Возможность для самореализации в своей работе видят 46% респондентов. Несколько меньше тех, кто отметил содержательных характеристики трудовой деятельности – условия труда (33%) и достойный заработок (32%). Аутсайдером в оценочном ряду оказываются карьерный рост – 4%.

В целом исследование показало, что по показателю трудовой удовлетворенности отмечается высокая доля позитивно настроенных молодых людей. В рамках формирующегося профессионального опыта у многих выпускников фиксируется замещения зарплатных ожиданий факторами комфортной профессиональной среды. Вместе с тем возрастает доля тех, для кого зарплатные ожидания начинают играть более весомую роль.

Полученные данные дополняют ответы респондентов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы уровнем заработной платы, которую в среднем получают специалисты в Вашем регионе?» (табл. 2).

Таблица 2. Оценка удовлетворенности выпускников получаемой заработной платой, %

Оценочные позиции	2021 г.	2024 г.
Полностью удовлетворен	22	15
В основном удовлетворен	42	39
Частично удовлетворен	20	30
Полностью не удовлетворен	10	9
Затрудняюсь ответить	6	7

В целом же анализ результатов проведенного опроса показал, что выпускники оптимистично оценивают уровень заработной платы. Баланс оценок показателя удовлетворенности заработной платой сохранил свою положительную направленность и составил +15% в 2024 г. против 34% в 2021 г. Изменения произошли за счет увеличения доли частично удовлетворенных заработной платой выпускников в 2024 г. – 30% против 20% в 2021 г. Необходимо отметить, что доля полностью неудовлетворенных заработной платой уменьшилась за исследуемый период незначительно – на 1%.

Как же оценивают выпускники свои шансы на успешное трудоустройство?

Большинство из числа выпускников оптимистично оценивают востребованность в регионе полученных выпускником образования, навыков и наличия возможности профессиональной реализации без смены места жительства (63%). Крайне мало тех, кто думает иначе – «в нашем регионе переизбыток таких специалистов» (9%). Все это свидетельствует о сохраняющемся спросе на молодых специалистов на рынке педагогического труда.

Интересно проследить динамику оценок выпускников за исследуемый период. Так, в 2024 г. по сравнению с 2021 г. доля выпускников, считающих, что полученное образование позволяет реализовать свой потенциал в регионе постоянного проживания, сократилось на 11% (табл. 3). В определенной степени при сложившейся региональной дифференциации определенная доля выпускников тяготеет к столичному региону, ориентируясь на улучшение качественных показателей уровня и качества жизни.

Вместе с тем возросло влияние фактора «работа не по специальности». Так, фиксируется увеличение доли тех, кто не планирует работать по специальности в 2024 г. до 7% против 4% в 2021 г. Это может выражаться в неспособности успешно адаптироваться на рынке труда.

Доля тех, кто считает, что в регионе проживания переизбыток профильных специалистов за исследуемый период не изменилась – 9%.

В 2024 г. 12% респондентов ответили, что профессия востребованная, но малооплачиваемая, для трудоустройства нужен переезд против 11% в 2021 г.

Таблица 3. Востребованность в регионе полученных выпускником образования навыков и наличия возможности профессиональной реализации, %

Оценочные позиции	2021 г.	2024 г.
Да, полученное образование позволяет реализовать свой потенциал в регионе постоянного проживания	74	63
Профессия востребованная, но малооплачиваемая, для трудоустройства нужен переезд	11	12
В нашем регионе переизбыток таких специалистов	9	9
Не буду работать по профессии	4	7
Другое	2	9

Результаты проведенного исследования позволяют отметить, что у современного поколения выпускников фиксируется трансформация ценностных ожиданий. К окончанию обучения у студентов оказываются востребованными независимость в оценках, способность действовать самостоятельно [7].

Заключение

Подводя итоги, отметим, что современные молодые люди принимают решения, основываясь на ценностном смысле, который формируется под влиянием как объективных, так и субъективных факторов, определяющих трудовую удовлетворенность. Важным аспектом является то, что выбор уровня образования и профессии часто определяется у молодежи ожидаемым доходом и возможностями карьерного роста.

Несмотря на высокий уровень трудоустройства, выделяются ряд молодых специалистов, которые работают не по специальности, полученной в вузе. Это может быть связано с поиском более выгодных возможностей или отсутствием сформированного интереса к изначально выбранной профессии.

Исследование показало, что уклонение выпускников от работы по специальности, определяется целым рядом факторов. Определенная часть этих факторов зависит от актуализации практической составляющей подготовки молодежи, повышения значимости трудового воспитания.

Примечательно, что текучесть молодых кадров уменьшается в тех учебных организациях, где соблюдается баланс между оплатой труда и нагрузкой на работников. В этой связи необходимо на законодательном уровне разработать нормативно-правовые акты по квотированию рабочих мест для молодых специалистов.

Более того, существует риск «ценностной инфляции», когда размываются профессиональные притязания молодежи. В этой связи актуализируется важность понимания динамики ценностных ориентиров молодежи в контексте современных социокультурных изменений и необходимости адаптации образовательной системы к требованиям рынка труда. Особое значение при этом имеет разработка и внедрение индивидуальных профессиональных образовательных программ и удовлетворения потребностей различных категорий обучающихся.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы Цифровая экономика Российской Федерации». – URL: base.garant.ru/71734878
2. Заруцкова В.М. Трудоустройство и содействие занятости выпускников вузов и СПО в условиях пандемии и трансформации рынка труда. – URL: <https://apni.ru/article/5356-trudoustrojstvo-i-sodejstviev-zanyatosti-vipus?ysclid=m5mq5oe1qa215328548>
3. Рекомендации Международной организации труда от 16 июня 2023 г. № 208 о качественных программах ученичества. – URL: <https://base.garant.ru/408873459/?ysclid=m5mpkobb3u734975385>
4. Энциклопедический социологический словарь / под ред. Г.В. Осипова. – М.: РАН ИСПИ. – С. 871.
5. Здравомыслов А.Г. Потребности, интересы, ценности. – М.: Политиздат, 1996.
6. Ядов В.А. Междисциплинарный подход к изучению соотношения между ценностными ориентациями и наблюдаемым поведением: докл. на VII Междунар. конф. в г. Варна «Личность и ее ценностные ориентации» // Информационный бюллетень. – 1970. – № 40.
7. Зомбарт В. Социология / пер. с нем. И.Д. Маркусона. – М.: УРСС, 2003.
8. Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: чего не может передать значение. – М.: Новое литературное обозрение, 2006.

9. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Научн. ред. перевода Г.С. Батыгин. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.
10. Капезина Т.Т. Исследование ценностных ориентаций у студентов старших и младших курсов. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-tsennostnyh-orientatsiy-u-studentov-mladshih-i-starshih-kursov/viewer>
11. Павлюченко С.З. Ценностные ориентации выпускников педагогического вуза на будущую профессиональную деятельность в условиях модернизации Российского образования. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-vypusnikov-pedagogicheskogo-vuza-na-buduschuyu-professionalnuyu-deyatelnost-v-usloviyah-modernizatsii>
12. Эренбург Р.Дж., Смит С.С. Современная экономика труда. Теория и государственная политика. – М., 1996. – С. 353.
13. Восемь из десяти браков распалось. В чем причина? – URL: <https://www.rbc.ru/life/news/6762c5149a79475fb2fd64b7>
14. Кнорр-Цетина К. Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания // Социология вещей / под ред. В. Вахштайна. – М., 2006.
15. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы и мифы / отв. ред. Рябов А.В., Курбангалеев Е.Ш. – М., 2003. – С. 186.
16. Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. – М.: Мысль, 1976.
17. Уорд Л.Ф. Очерки социологии: Пер с англ. Изд.2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
18. Гюйо Ж.М. Воспитание и наследственность: Социологическое исследование. Пер. с фр. Изд. 2-е, испр. – М.: Издательство ЛКИ, 2007.

TRANSFORMATION OF THE VALUE ORIENTATIONS OF THE MODERN GENERATION OF UNIVERSITY GRADUATES

Ivanov S.Yu., Ivanova D.V., Chvyakin V.A.
Moscow Pedagogical State University

The issues of the formation of value meanings of the modern generation of youth are studied. The research focuses on the current generation of university graduates entering the labor market. Special attention is paid to the balanced coordination of demand for university graduates and their supply. The connection of this process with the value choice of the younger generation is established, taking into account the requirements of the modern higher education system. The possibilities of taking into account the structural characteristics of university graduates' adaptation in the context of their professional choice are discussed.

When deciding on a job, graduates focus on the need to achieve and obtain certain results, as well as on a certain rationalism in determining the income they receive and minimizing possible losses. The value orientations of the modern generation of graduates are largely related to the fact that the implementation of the planned depends on their self-confidence.

The value components of successful employment of graduates are determined, as well as the role of social partners in ensuring coordinated demand and supply of university graduates.

Keywords: youth, labor market, value orientations, values, education, employment, labor mobility, social partnership.

References

1. Order of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 No. 1632-r "On approval of the Digital Economy of the Russian Federation program". – URL: base.garant.ru/71734878
2. Zarutskova V.M. Employment and assistance in employment of university and secondary vocational education graduates in the context of a pandemic and labor market transformation. – URL: <https://apni.ru/article/5356-trudoustrojstvo-i-sodejstvие-zanyatosti-vipus?ysclid=m5mq5oelqa215328548>
3. Recommendations of the International Labor Organization of June 16, 2023 No. 208 concerning quality apprenticeship programs. – URL: <https://base.garant.ru/408873459/?ysclid=m5mpkobb3u734975385>
4. Encyclopedic sociological dictionary / edited by G.V. Osipov. – M.: RAS ISPI. – P. 871.
5. Zdravomyslov A.G. Needs, interests, values. – M.: Politizdat, 1996.
6. Yadov V.A. Interdisciplinary approach to studying the relationship between value orientations and observed behavior: report at the VII International Conf. in Varna "Personality and its value orientations" // Information bulletin. – 1970. – No. 40.
7. Sombart V. Sociology / translated from German by I.D. Markuson. – M.: URSS, 2003.
8. Gumbrecht H.U. Production of presence: what meaning cannot convey. – M.: New Literary Review, 2006.
9. Schütz A. Semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology / compiled by A. Ya. Alkhasov; Transl. from English by A. Ya. Alkhasova, N. Ya. Mazlumyanova; Scientific editor of the translation G.S. Batygin. – M.: Institute of the Public Opinion Foundation, 2003. – 336 p.
10. Kapiezina T.T. Study of value orientations of senior and junior students. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-tsennostnyh-orientatsiy-u-studentov-mladshih-i-starshih-kursov/viewer>
11. Pavlyuchenko S.Z. Value orientations of graduates of a pedagogical university for future professional activity in the context of modernization of Russian education. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-vypusnikov-pedagogicheskogo-vuza-na-buduschuyu-professionalnuyu-deyatelnost-v-usloviyah-modernizatsii>
12. Ehrenburg R.J., Smith S.S. Modern labor economics. Theory and public policy. – M., 1996. – P. 353.
13. Eight out of ten marriages broke up. What is the reason? – URL: <https://www.rbc.ru/life/news/6762c5149a79475fb2fd64b7>
14. Knorr-Cetina K. Sociality and objects. Social relations in post-social knowledge societies // Sociology of things / edited by V. Vakhshayn. – M., 2006.
15. Basic values of Russians: Social attitudes. Life strategies. Symbols and myths / edited by A.V. Ryabov, E. Sh. Kurbangaleev. – M., 2003. – P. 186.
16. Aseev V.G. Motivation of behavior and personality formation. – M.: Mysl, 1976.
17. Ward L.F. Essays on sociology: Translated from English. 2nd ed. – M.: Book House "LIBROKOM", 2009.
18. Guyot J.M. Education and heredity: Sociological research. Trans. from French. 2nd ed., corrected. – M.: LKI Publishing House, 2007.

Капустина Мария Геннадьевна,

к.с.н., научный сотрудник Военного университета им. князя Александра Невского Министерства Обороны Российской Федерации
E-mail: a.mg90@mail.ru

В статье рассматривается опыт Франции в оказании всесторонней поддержки и защите прав и законных интересов военнослужащих – ветеранов боевых действий и членов их семей. Системная реализованность этих мер осуществляется благодаря эффективной работе ветеранских движений, профсоюзов и иных общественных организаций, а также развернутой сети органов исполнительной власти и государственных центров реабилитации, позволяющих физически и психологически восстановиться от травмирующего опыта, вернуться в социум в качестве полноценного гражданина. Вместе с тем, военно-политические планы НАТО вынудили Францию пойти на большие затраты финансов и военно-технических ресурсов. В 2022 г. Э. Макрон ввел Новую военную доктрину, которая в связи с удвоением военного бюджета ограничивает систему пенсионного обеспечения. Социальная защита французских военнослужащих в вышеописанном виде сохранилась, но ее финансовое обеспечение сократилось.

Ключевые слова: военнослужащие вооруженных сил Франции, социальная защита, ветераны боевых действий, контрактная армия, национальный консенсус, политический плюрализм, политика мультикультурализма, десуверенизация, миграционный кризис.

Социальная политика военной реформы Франции

Закон «Об общем статусе военнослужащих» с рядом дополнений закрепил за военными все гражданские права и свободы, дополнительно присвоив им особый статус военнослужащего [5]. Трактовать перечисленные акты, разъяснять правила их применения может только Высший военный совет. Таким образом, военнослужащие имеют *более высокий социальный статус* в обществе.

В 2022 г. президент Э. Макрон внес поправку: «Гарантировать раненым и их семьям немедленную, длительную, адекватную помощь в случае травм или гибели при исполнении служебных обязанностей». Министерство обороны разработало «План на 2023–2027 гг.» и *систему учета* раненых военнослужащих (действующих, резервных, ветеранов боевых действий), детально включающих все их травмы (физические или психические), их реабилитационный путь (от травмы до восстановления), аспекты их повседневной жизни и положения их семей. Таким образом, на уровнях планирования и учета создана эффективная информационно-аналитическая система, с достаточно высоким уровнем военно-практических, медицинских и социально-гуманитарных аспектов управления в вооруженных силах Франции.

План Министерства обороны Франции учитывает комплекс вопросов по пенсионному обеспечению, стационарному лечению, различным пособиям, психологической реабилитации и т.д. Военнослужащим – участникам боевых действий оказывается помощь при получении образования, трудоустройстве, предоставляются гарантии обретения жилья, выплачиваются денежные пособия безработным ветеранам боевых действий, при тяжелых травмах – протезирование и компенсирующие устройства для жизнедеятельности. Вопросы пенсионного обеспечения, конкретизированные в финансово-экономической сфере – важный фактор, влияющий на предпочтения при изначальном выборе молодежи военной службы и закрепляющим профессиональную мотивацию кадровых военных. Особо следует отметить значимость сопровождения военным ведомством образовательной подготовки воинского персонала к трудовой деятельности после увольнения и переходу к гражданской жизни. Более того, военное ведомство Франции оказывает помощь в дальнейшем трудоустройстве рядового и офицерского состава. Кроме того, важную социальную роль имеет медико-реабилитационная поддержка личного состава и ветеранов, в случае травм, ранений и других аспектов восстановления здоровья.

Во Франции законом установлены льготы по приобретению французского гражданства лицам, призванным в вооруженные силы Франции или добровольцам. Наибольшие льготы у ветеранов и участников боевых действий в составе Иностранного легиона Франции. В 1977 г. Национальным собранием установлен упрощенный порядок обретения французского гражданства для иностранцев-легионеров в случае получения ранений, получения наград за участие в боевых действиях. В случае гибели иностранца-легионера эти льготы получают его дети, включая несовершеннолетних. В античные времена статус «гражданин Рима» обусловил взлет его могущества, и современная Франция решила

использовать эту «карту». Но имидж нынешнего Парижа уже далек от прошлой славы (XIX в.), тем более уступает величию Римской империи. После колонизации Франции эмиграционными потоками из Азии и Африки и вопрос гражданства теперь решается иначе – мотивационная составляющая обнулилась.

Накоплен разносторонний опыт защиты прав и интересов ветеранов боевых действий. Государственную поддержку имеют *ветеранские движения* [3]. Статус ветерана определен нормативно-правовыми документами министерств и ведомств, решены вопросы защиты прав и интересов ветеранов. Исполнение законов, защита правил, норм и контроль за их соблюдением реализуют законодательные, исполнительные и судебные органы [2, с. 46]. Для этого созданы специальные специализированные госучреждения, занятые управлением в области защиты интересов и прав этой категории граждан. Среди них – подразделение Министерства обороны – Национальное управление по делам ветеранов и жертв войны. С 2022 г. вопросами ветеранов занимается госсекретарь по делам ветеранов. Эти общественные объединения входят в Союз ассоциаций ветеранов Франции. При государственном военном госпитале создан музей военной славы.

Государственная поддержка и статусное положение ветеранских движений заслуживает внимания. Это действительно мощный рычаг влияния, действующий на менталитет военнослужащих: после службы в вооруженных силах военный контингент не чувствует себя «брошенным на произвол» – это обеспечивает социальную и политическую эластичность при переходе в гражданскую жизнь. Ветеранские объединения, ассоциации и фонды инкорпорируются во властные структуры, сохраняют свою значимость в обществе и могут влиять на решение многих вопросов в стране. Таким образом, – это одна из наиболее действенных форм социальной защиты военнослужащих.

Закон о военных пенсиях по инвалидности и жертвам войны признает военнослужащих французских армий, участвовавших во Второй Мировой войне, Индокитайской и Корейской войне, Алжирской войне, в боях в Тунисе и Марокко; военнослужащих французских резервных сил; гражданских лиц, которые по решению французских властей участвовали в военных действиях.

В ветеранской политике Франции (с поправками, внесенными законом от 01 августа 2023 г. № 2023–703) расширен круг претендентов на статус ветерана боевых действий: гражданские лица, призывавшиеся по решению властей в составе французских или международных сил; участники вооруженных конфликтов, операций или миссий, проводимых по международным обязательствам. Недавно к ветеранам войны стали причислять бывших военнопленных, бойцов интернациональных бригад, сражавшихся в Испании. Участники движения «Сопrotивления» и депортированные лица причисляются к категории ветеранов войны с особым статусом – «добровольный ветеран войны».

В конце 2023 года Парламент Франции принял «Закон о военных программах на 2024–2030», и в настоящий момент военное строительство и финансирование военных расходов, повышенное до €44 млрд, ведется в соответствии с обновленной военной доктриной. Помимо борьбы с растущей угрозой международного терроризма, армии вменяется в обязанность готовиться к «конфликту высокой интенсивности».

В связи с этим был актуализирован и уточнен ряд аспектов в части касающейся Закона «Об обороне» Франции («Code de la defense»): в статьях L4123–2 – L4123–9–1 предусматривает социальные гарантии во-

еннослужащим, участвующим во внешних военных операциях, а также *членам их семей*. К этим гарантиям относятся: военные пенсии по инвалидности, денежное довольствие в отношении раненых военнослужащих, а также выплаты в связи с травмами или заболеваниями, полученными в ходе военных операций. Исполнение вышеупомянутых «стандартных» прав осуществляется для каждой военной операции на основании межведомственного постановления, которое регистрируется в специальном сборнике («un recueil spécial, dispensé de toute publication ou diffusion et tenu par le ministre de la défense») и в соответствии с французским законом о государственной оборонной тайне не подлежит публикации или распространению. Если в рамках разбирательства, возбужденного в отношении военнослужащего, разрешение спора в судебном порядке зависит от вопроса, касающегося сведений, зарегистрированных в этом специальном сборнике, то по запросу сведения сообщаются в суд.

До недавнего времени во Франции «ветераном» принято было считать «граждан, отслуживших действительную службу в Вооруженных Силах, независимо от срока службы» [2, с. 48]. Теперь срок службы регламентирован: чтобы военнослужащему вооруженных сил или гражданину Франции подтвердить законный статус и получить соответствующий документ – *карту ветерана*, необходимо документально засвидетельствовать свое участие во внешних военных конфликтах одним из условий:

а) участие в боевых действиях не менее 112 дней (в Алжирской войне, боях в Марокко и Тунисе, в других театрах военных действий);

б) принадлежность к подразделению, которое за время своего присутствия участвовало в 9 военных операциях и более;

в) личное участие в 5 военных операциях;

г) нахождение в плену без соблюдения условий Женевской конвенции;

д) нахождение в составе боевого подразделения в течение 90 дней и более;

е) длительный плен;

ж) эвакуация из-за травмы, полученной или перенесенной болезни во время службы при выполнении боевых задач;

з) боевое ранение без дополнительных условий принадлежности к подразделению и продолжительности пребывания в этом подразделении;

и) посмертно: запись в свидетельстве о смерти «Погибший за Францию».

Картой (статусом) ветерана во Франции обладают: 1) военнослужащие, участвовавшие в боевых действиях периода с 1918 по 1939 г., Второй мировой войны, Индокитайской и Корейской войнах; 2) военнослужащие и гражданские лица, принявшие участие в боях в Тунисе с 1952 по 1962 г.; в боях в Марокко с 1953 по 1962 г.; в войне в Алжире с 1954 по 1962 г. и военнослужащие, дислоцированные в период с 1962 по 1964 г.; в вооруженных конфликтах, операциях и миссиях, проводимых в соответствии с международными обязательствами Франции с 1945 г. (война в Персидском заливе, в бывшей Югославии) [7]. Карта предоставляется лицам, получившим ранения в результате боевых действий, и также обладателям наград с крестом. Карта бойца не присуждается посмертно.

Права и льготы владельца карты ветерана: а) денежное пособие начисляется вместе с профессиональным выходом на пенсию с 65 лет каждые 6 мес.; б) выплаты по компенсации морального вреда или по инвалидности; в) право получения денежного пособия ветерана не передается др. лицу. К этим выплатам не применяют взы-

скания (арест на банковский счет), не облагают налогом и не учитывают в сведениях о доходах; г) признание и дополнительные выплаты пособий Национальным управлением по делам ветеранов и жертв войны (ONACVVG); д) медаль Национальной признательности; е) ношение французского Военного креста бойца; ж) увеличение государством пожизненной ренты; з) по достижению 74-х лет снижение налоговой нагрузки; и) высшая форма посмертных почестей за военные или гражданские заслуги перед страной – национальная церемония прощания.

В ВС Франции уделено значительное внимание улучшению условий профессиональной и личной жизни военнослужащих и гражданских лиц Министерства обороны, работающих или вышедших на пенсию, и их семей. Организованы индивидуальные, групповые, профилактические, лечебные мероприятия в дополнение к общим мерам поддержки и правам [4].

Каждая мера социальной поддержки военнослужащих, в том числе «получивших травму или заболевание во время служебной командировки, и членов семьи данной категории, отражена на электронных порталах – институциональных, межведомственных платформах.

Одной из наиболее острых проблем, как считает военно-политическое руководство Франции, является проблема трудоустройства военнослужащих и членов их семей [8, с. 39–45]. Чтобы облегчить возвращение военнослужащих, имеющих ранения, к профессиональному развитию и помочь в трудоустройстве, используются индивидуальные программы переподготовки.

С 2012 г. раненые военнослужащие пользуются льготной системой, чтобы на оптимальных условиях получить доступ к системе переподготовки Министерства ВС и трудоустроиться в частном секторе или на государственную службу – зарезервированные рабочие места. Несомненно, наличие структурных подразделений в Министерстве ВС Франции, занимающихся переподготовкой военнослужащих по гражданским специальностям – это уже не просто социальная защита, а это реальная управленческая деятельность министерства, в рамках которой государственные гарантии становятся действенным механизмом, позволяющим военнослужащим эффективно решать вопросы перехода от воинской службы к профессиональной деятельности в гражданском обществе.

Во Франции признается, что армия требует от военного человека полной отдачи, что военная служба сказывается на семейной жизни, что условия жизни военнослужащего и его семьи взаимосвязаны. Поэтому супругам военнослужащих, получившим травму/ранение, оказывается помощь по поиску работы в течение 10 лет после увольнения супруга из армии или до совершеннолетия последнего ребенка; поддержка в оценке навыков и определении профессиональной направленности; помощь по созданию или возобновлению бизнеса; доступ к сети частных и государственных работодателей; на определенных условиях частичное финансирование профессионального обучения.

В рамках социально ориентированной деятельности вооруженных сил была создана специальная система поддержки военнослужащих и их семей. Социальная поддержка оказывается в различных областях, таких как семья, здоровье, бюджет, жилье, занятость, чтобы компенсировать служебные трудности, чтобы помочь тем, кто оказался в критической ситуации. В связи с этим большой штат социальных работников, – специалистов с высшим образованием, сопровождают и поддерживают действующих военных, получивших травму при исполнении служебных обязанностей или вне службы; уволенных в запас, перенесших посттравматический

стресс; семьи погибших. Они действуют во всех подразделениях Министерства обороны и Национальной жандармерии в метрополии, за рубежом; присутствуют в полках, частях, службах, управлениях, армейских госпиталях, отделениях помощи раненым. Непосредственное сопровождение осуществляется по месту жительства военнослужащего и его семьи.

Социальные работники: а) оформляют разрешение семьям посещать раненых, осуществляют правовую поддержку в оформлении финансовой помощи семьям раненых и госпитализированных (AFBH); б) организуют социально-бытовые вопросы семьям военнослужащих в период командировок (помощница по дому, уход за детьми); в) осуществляют социальные меры в оказании поддержки в случае длительного отсутствия дома (PSAD), финансовой помощи в виде помощи или ссуды, психологической поддержки; г) помогают в возвращении на родину: при обустройстве жилья, оформлении транспортного средства; д) содействуют в получении бесплатного медицинского обслуживания и оборудования (Комиссия по оказанию помощи и дополнительным пособиям – CSPC); е) оформляют путевки раненым военнослужащим и их семьям на недельный отдых в один из центров IGESA.

Заслуживает высокой оценки то, что Министерство обороны Франции и другие государственные службы распространяют социальную защиту не только на военных, но и на институт семьи – это важнейшая социогуманитарная задача.

Меры поддержки детей участников военных действий. Предусмотрена надбавка к пенсии на ребенка. Социальная защита распространяется и на лица, получающие военную пенсию по инвалидности. Они могут запросить надбавку на ребенка, выплачиваемую до достижения ребенком 18-летнего возраста. Если у последнего есть инвалидность, то это право может быть продлено по достижении этого возраста.

Особая защита распространяется на детей военнослужащего, получившего травму во время выполнения задания, сопряженного с особыми рисками, или во время маневров или учений по боевой подготовке. Она предоставляется по решению суда и может быть предоставлена детям младше 18 лет.

Дети, находящиеся под особой защитой, получают стипендии и освобождаются от платы за экзамены или от платы за обучение. Финансовая помощь с целью содействия их образованию и содержанию может быть выплачена Службой социального обеспечения Вооруженных Сил после оценки и на один год с возможностью продления, до достижения ребенком 18 лет и старше, при определенных критериях.

В контексте социальной защиты семей военнослужащих особо выделяется аспект защиты детей. Обращает внимание то, что на уровне государства и военных ведомств Франции построена системная работа, учитывающая вопросы здоровья детей, предусмотрены социальные и экономические меры поддержки, учтены меры социальной поддержки в вопросе получения образования детей военнослужащих, например, в военной средней школе находящимися в ведении Министерства обороны. Эти военные учреждения, начиная с шестого и заканчивая выпускным классом, поощряют прием детей военнослужащих, которые находятся в особой семейной или социальной ситуации, или сталкиваются с высокими ограничениями. Приоритетное внимание уделяется детям-подопечным Нации и детям ветеранов войны.

Также выдаются пособия для частичного покрытия расходов по уходу за ребенком в случае работы в нестандартные часы из-за профессиональных ограниче-

ний родителя или госпитализации; пособия на образование; межведомственные субсидии на пребывание с проживанием/ без проживания в лицензированных семейных центрах отдыха и развития; межведомственный грант на поездки детей за границу в языковые детские лагеря во время школьных каникул и другие выплаты и компенсации.

Детские дома Министерства обороны. Чтобы оказать поддержку родителям, Министерство обороны Франции имеет медико-социальные учреждения, призванные обеспечить проживание в них различной продолжительности детей и подростков в возрасте от 6 до 18 лет в рамках индивидуального образовательного проекта. Министерство обороны Франции обеспечивает помощь и защиту детей с ответственностью за обучение (FARE) в двух бесплатных детских домах, расположенных в Ла-Рош-Гийоне и Сатоне.

В целом существующая система социальной защиты военнослужащих – участников боевых действий и членов их семей во Франции зарекомендовала себя на высоком уровне: четко прописаны условия применения вооруженных сил при всестороннем гражданском контроле; функционирует контрактная система службы; законом закреплены правовые гарантии защиты чести и достоинства военнослужащих; существует развитая система материального и социально-бытового обеспечения.

На институциональном уровне в условиях развитой правовой системы государство обеспечивает ветеранам уровень жизни выше, чем в среднем по стране, относя ветеранов к привилегированной части французского общества. В значительной мере отработана практика согласования интересов личности, общества и государства, практикуется широкий спектр форм и методов защиты интересов военнослужащих – участников боевых действий.

Психологическая поддержка. Служба здравоохранения вооруженных сил Франции предлагает горячую линию телефонной связи для медицинских и психологических консультаций военнослужащих, гражданских лиц Министерства Вооруженных Сил. Обращения по горячей линии к военным психологам и врачами круглосуточно принимаются и от членов семьи военнослужащих. Врачи в таком формате могут выдавать направление к психотерапевту или врачу общей практики по месту жительства на 6–12 сеансов лечения с возмещением расходов.

Законодательство в отношении этой категории граждан постоянно расширяется и обновляется в соответствии с меняющимися условиями жизни. Системно и эффективно реализуемая социальная политика становится сильным побудительным мотивом для добровольного поступления на службу и добросовестного выполнения своих обязанностей, а потому и стабильным фактором престижности вооруженных сил, расширения жизненного пространства, социальной мобильности и социальной интеграции военнослужащих.

Среди отличительных черт ветеранской политики Франции можно отметить развитую систему долговременного ухода за тяжелоранеными военнослужащими и последующее привлечение к адаптивному спорту как форме реабилитации; профессиональную переподготовку ветеранов и помощь в их трудоустройстве. Специфика политики в области переподготовки военнослужащих вооруженных сил заключается в том, что совокупность «комплектование – обучение – переподготовка» рассматривается как единое целое, предполагающее возможности для военнослужащих не только эффективно осуществлять свою службу в армии, но и добиться профессиональных успехов при возвращении в гражданское общество.

В вооруженных силах Франции постоянно совершенствуется управление системой социальной защиты [10, с. 28–30], сложилась четкая и эффективная система социальной защиты солдат, сержантов, офицеров и членов их семей [6, с. 105–107]. Законодатели и правительства ведущих стран Запада традиционно уделяют значительное внимание военнослужащим – участникам боевых действий: министерства по делам ветеранов в структуре государственной власти имеются в США, КНР, Австралии, Канаде, Республике Корея, Хорватии, Намибии. Системы социальной защиты – сугубо национальные и отвечают требованиям социального и правового государства.

Созданная во Франции система социальной защиты военнослужащих и ветеранов, членов их семей, включая супругов и детей, охватывающая экономические, социальные, медицинские меры, учитывающая гуманитарные и общественно-политические аспекты, вопросы трудоустройства и профессиональной переподготовки, вопросы статуса ветеранов и ветеранских объединений, – действительно хорошо продумана и системно реализована.

Заключение

В то же время, столкнувшись с миграционным кризисом, Франция получает политические, социальные, культурные и религиозные расколы в обществе. Ныне в ЕС устремились иммигранты. Это огромные финансовые затраты. Политика мультикультурализма принесла мультикризис. Утрата квази-колоний в Африке – еще более мощный удар по энергетике и экономике Франции. В 2022 г. Э. Макрон выступил с новой Военной доктриной, запросив вдвое больший военный бюджет – €413 млрд. Министерство финансов Франции едва изыскало возможности удвоения военного бюджета [9], урезав систему пенсионного обеспечения. Социальная защита военнослужащих в вышеописанном виде сохранилась, но ее финансовое обеспечение существенно сократилось.

Литература

1. Зориткуева А.В. Государственная защита ветеранов боевых действий как фактор обеспечения безопасности страны. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2011. – 132 с. – С. 46.
2. Зориткуева А.В. Государственная политика в области защиты ветеранов боевых действий (отечественный и зарубежный опыт): автореф. ...кан. полит. наук: 23.00.02 / Зориткуева Анастасия Владимировна. – Улан-Удэ, 2011. – 24 с.
3. Изгарская А.А., Виноградов А.В., Зайцев Н.Н., Утюганов А.А., Шитько В.В. Организация социальной защиты военнослужащих в армиях зарубежных стран: монография / А.А. Изгарская, А.В. Виноградов, Н.Н. Зайцев [и др.]. – Новосибирск: Новосибирский военный институт им. генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2019. – 108 с.
4. Корнюшина Р.В. Зарубежный опыт социальной работы / Р.В. Корнюшина. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. – 85 с.
5. Купченко К.А. Анализ правового регулирования прав военнослужащих и их защита в зарубежных странах // Юр. факт. – 2017. – № 19. – С. 105–107.
6. Национальное управление по делам ветеранов и жертв войны Франции [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.onac-vg.fr/demarches/carte-du-combattant> (дата обращения: 09.02.2025).

7. Старобина Е.М. Позитивные моменты в зарубежном опыте переобучения и трудоустройства ветеранов военной службы / Е.М. Старобина, С.Г. Кривенков // *Инвалиды и общество*. – 2016. – № 1 (19). – С. 39–45.
8. Филатова О.А. Особенности правового регулирования прав военнослужащих: Российский и зарубежный опыт / О.А. Филатова // *Военно-юридический журнал*. – 2014. – № 2. – С. 28–30.
9. Чихачев А.Ю. Оборонная политика Франции в 2022–2024 гг.: перемены в рамках преемственности // *Сравнительная политика; МГИМО-Университет*, 2024. – Т. 15. – № 3. – С. 71–98.

MILITARY AND SOCIAL POLICY OF FRANCE

Капустина М.Г.

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article examines France's experience in providing comprehensive support and protection of the rights and legitimate interests of military veterans of military operations and their family members. The systematic implementation of these measures is carried out thanks to the effective work of veterans' movements, trade unions and other public organizations, as well as an extensive network of executive authorities and state rehabilitation centers that allow physically and psychologically recover from traumatic experiences and return to society as a full-fledged citizen. At the same time, NATO's military-political plans forced France to spend heavily on finances and military-technical resources. In 2022, E. Macron introduced a New military doctrine, which, due to the doubling of the military budget, limits the pension system. The social protection of French military personnel in the form described above has been preserved, but its financial provision has decreased.

Keywords: members of the French armed forces, social protection, combat veterans, contract army, national consensus, political pluralism, multiculturalism policy, desuverenization, migration crisis.

References

1. Zoritkueva A.V. State protection of combat veterans as a factor in ensuring national security. – Ulan-Ude: Publishing house of the Buryat State University, 2011. – 132 p. – P. 46.
2. Zoritkueva A.V. State policy in the field of protection of combat veterans (domestic and foreign experience): author's abstract. ... can. political sciences: 23.00.02 / Zoritkueva Anastasia Vladimirovna. – Ulan-Ude, 2011. – 24 p.
3. Izgarskaya A.A., Vinogradov A.V., Zaitsev N.N., Utyuganov A.A., Shitko V.V. Organization of social protection of military personnel in the armies of foreign countries: monograph / A.A. Izgarskaya, A.V. Vinogradov, N.N. Zaitsev [et al.]. – Novosibirsk: Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation, 2019. – 108 p.
4. Korniyushina R.V. Foreign experience of social work / R.V. Korniyushina. – Vladivostok: Publishing house of the Far Eastern University, 2004. – 85 p.
5. Kupchenko K.A. Analysis of legal regulation of the rights of military personnel and their protection in foreign countries // *Jur. fact.* – 2017. – No. 19. – P. 105–107.
6. National Office for Veterans and Victims of War of France [Electronic resource]. – URL: <https://www.onac-vg.fr/demarches/carte-du-combattant> (date of access: 02/09/2025).
7. Starobina E.M. Positive aspects in foreign experience of retraining and employment of veterans of military service / E.M. Starobina, S.G. Krivenkov // *Disabled people and society*. – 2016. – No. 1 (19). – P. 39–45.
8. Filatova O.A. Features of legal regulation of the rights of military personnel: Russian and foreign experience / O.A. Filatova // *Military Law Journal*. – 2014. – No. 2. – P. 28–30.
9. Chikhachev A. Yu. Defense policy of France in 2022–2024: changes within the framework of continuity // *Comparative politics; MГИМО-University*, 2024. – Vol. 15. – No. 3. – P. 71–98.

Ассимиляция трудовых мигрантов в России: надежды и реалии

Карманов Михаил Владимирович,

д.э.н., профессор, профессор кафедры статистики, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»
E-mail: Karmanov.MV@rea.ru

Кузнецов Владимир Иванович,

д.э.н., профессор, профессор кафедры статистики, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»
E-mail: Kuznetsov.VI@rea.ru

Тема. Статья посвящена актуальным проблемам трудовой миграции, а также ее влиянию на социально-экономическое развитие регионов. Авторы статьи обращают внимание, что трудовая миграция имеет вполне определенные и не всегда безобидные очертания, которые ставят перед обществом новые вызовы. В связи с вышесказанным в статье рассматриваются проблемы языковой, религиозной, культурной, территориальной и гражданской ассимиляции. Цель. Рассмотреть вопросы ассимиляции трудовых мигрантов. Методология. Применяются методы теоретического исследования в форме обобщения, сравнения и специальных аналитических процедур. Уточнено понятие трудовой миграции, выявлены ее положительные (замещение дефицитных ниш рынка труда, не пользующихся спросом у коренного населения; позитивное воздействие на трансформацию параметров половозрастного состава за счет привнесенной демографической молодости) и отрицательные последствия (трудности ассимиляции трудовых мигрантов). Область применения полученных результатов. Материал может быть полезен при разработке миграционной политики, чтении лекций по демографии. Результаты. В статье приводится обзор литературы, посвященный проблемам трудовой миграции. Приведены возможные последствия трудовой миграции: интенсивный приток некоренного населения, вызывающий утрату исторически сложившихся устоев и традиций, способный привести к утрате части исконной территории проживания; обострение ситуации на рынке труда. Выявлены проблемы ассимиляции трудовых мигрантов. Выводы. Проблемы трудовой миграции и ассимиляции трудовых мигрантов в современном мире приобретают особую актуальность, так как миграционные процессы и трудности ассимиляции вносят все более заметный вклад в трансформацию устоев, традиций и ценностей коренного населения.

Ключевые слова: ассимиляция, языковая ассимиляция, религиозная ассимиляция, культурная ассимиляция, территориальная ассимиляция, гражданская ассимиляция, миграция, трудовая миграция.

Демографические проблемы, охватившие Российскую Федерацию в двадцать первом веке, объективно требуют на самых различных уровнях искать способы противодействия серьезным вызовам социально-экономического развития.

Одним из них в условиях дальнейшего углубления процесса демографического старения общества явилась миграция, которая должна была способствовать компенсации собственного скудного естественного замещения занятых в экономике за счет рождаемости [1].

При этом большие надежды возлагались на то, что трудовые мигранты, особенно из ближайшего Зарубежья, исторически вышедшие из недр СССР, смогут не только быстро адаптироваться к российской действительности, но и постепенно будут ассимилироваться среди местного населения, позволяя решать текущие и перспективные задачи развития страны [2].

Предполагалось, что трудовые мигранты:

- заполняют дефицитные ниши рынка труда, особенно не пользующиеся спросом у коренных жителей и тем самым вносят свой вклад в решение проблем фактической занятости;
- растворяясь в коренном населении, за счет привнесенной демографической молодости окажут позитивное воздействие на трансформацию параметров половозрастного состава, естественного движения и воспроизводства коренных жителей.

Причем, если первая из указанных позиций связана с текущей проблематикой общественного развития, то вторая позиция нацелена в будущее, ориентирована на перспективу. И в этом контексте вопросы и проблемы ассимиляции трудовых мигрантов в современной России приобретают качественно иное значение.

Чтобы согласиться или не согласиться с этим тезисом, прежде всего, потребуется разобраться с содержанием понятия ассимиляции как одной из важнейших категорий демографической науки и практики.

Ассимиляция в переводе с латыни означает уподобление. Применительно к этно-демографическим процессам, протекающим в обществе, ее сущность сводится к следующим моментам [3]:

- рассматривается применительно к людям, принадлежащим к уже сформировавшемуся этносу;
- вследствие миграции они оказываются в тесном контакте с другим этносом;
- в силу постоянного нахождения в иной общественной среде они начинают воспринимать язык, культуру, обычаи, традиции и т.д. другого этноса;
- постепенно в последующих поколениях они сливаются с новым этносом и начинают причислять себя к нему.

В совокупности (в самом общем виде) ассимиляция представляет собой такой процесс, когда один этнос последовательно растворяется в другом этносе, принимая, образно выражаясь, правила игры новой этнической среды и становясь ее составной частью. Например, если маленькую капельку акварельной краски опустить в стакан воды и размешать, то она не изменит цвета и не приведет к существенному изменению качества самой воды.

Подобный механизм ассимиляции выглядит достаточно привлекательным алгоритмом, когда стареющая

нация вследствие низкой рождаемости впадает в естественную депопуляцию и пытается искать действенные рычаги для оздоровления неблагоприятной демографической ситуации. Однако жизнь всегда заметно, а временами и весьма существенно отличается от любых теоретических выкладок и представлений о ней. И поэтому надежды на трудовую миграцию как на реальную палочку-выручалочку не всегда находят свое практическое воплощение [4].

Этническая ассимиляция протекает не в безвоздушном пространстве, а тесно переплетается с трудовой и гражданской интеграцией, которые формируют предпосылки для уподобления одного этноса другому этносу. И в плане занятости вначале все протекало более или менее штатно. Трудовые мигранты заняли на рынке труда те рабочие места, которые не пользовались спросом у коренного населения и начали приглядываться и приспособляться к общественной ситуации.

Работа в системе жилищно-коммунального хозяйства и в некоторых других сферах деятельности, конечно, выглядела более привлекательно по сравнению с безработицей на исторической Родине и даже позволяла трудовым мигрантам не только сводить концы с концами в чужой стране, но и переводить определенные денежные средства своим родным и близким.

С течением времени, трудовые мигранты, осмотревшись и попривыкнув к новой действительности, стали искать более выгодные условия приложения собственного труда. И как оказалось, работа курьерами, водителями, продавцами и т.п. позволяет уже не только сводить концы с концами, но и снимать более или менее сносное жилье, получать платные медицинские и образовательные услуги, привозить с Родины жену, детей и других родственников, тем самым формируя более массовой поток для возможной последующей ассимиляции.

Параллельно часть трудовых мигрантов, которые либо проработали достаточное время в новой стране, либо имели иные установленные законом основания (например, вступление в брак с представителями коренного населения) для получения российского гражданства стали активно пользоваться своими правами. Однако гражданская позиция многих из них оставалась в положении явных хитрецов. Новоиспеченные россияне мужского пола уклонялись от постановки на военный учет и не желали рисковать жизнью ради страны, которая превратилась для них в приемлемый источник доходов. При этом гражданское общество сразу обратило внимание на социальную несправедливость, связанную с тем, что бывшие трудовые мигранты пользуются всеми благами государства (материнским капиталом, пособиями на детей и т.п.), но не желают защищать свою новую Родину.

В принципе уклонение от военного учета изначально было тревожным звоночком, на который сторонники повышенной ценности трудовой миграции не обратили должного внимания. А ведь он сразу свидетельствовал о том, что новые граждане России выбрали достаточно своеобразный путь ассимиляции среди коренного населения [5].

Чтобы понять его сущность необходимо остановиться на следующих составных элементах ассимиляции, которые позволяют уйти от надежд и приблизиться к реальным последствиям трудовой миграции [6]:

- a) языковая ассимиляция;
- b) религиозная ассимиляция;
- c) культурная ассимиляция;
- d) территориальная ассимиляция;
- e) гражданская ассимиляция.

Языковая ассимиляция является исходной, базисной ступенью процесса уподобления другому этносу. Потому

что без нее все остальные итерации не возможны вообще или максимально затруднены. Нельзя раствориться в новой этнической среде не понимая, что там происходит даже на уровне простого бытового и производственного общения. Однако трудовые мигранты в своей значительной массе продемонстрировали здесь весьма своеобразный подход. Они не считают необходимым знать русский язык в том объеме, который обеспечивает им самим и членам их семей полное понимание любых жизненных ситуаций. Все начиналось с того, что при сдаче экзамена по русскому языку для трудоустройства или получения гражданства трудовые мигранты пытаются использовать различные коррупционные схемы, позволяющие за счет связей или денег получить необходимый результат. При этом никого из них не беспокоит тот факт, что слабое знание или почти полное незнание русского языка в стране пребывания может помешать реализации многих планов [7]. Отдельно стоит сказать о том, что уклонение от использования русского языка в кругу семьи приводит к тому, что дети трудовых мигрантов оказываются слабо подготовленными для обучения в школе, где собственно и начинается процесс постепенной ассимиляции молодых поколений в новой этнической среде. Вследствие слабой языковой подготовки по русскому языку, а иногда и вследствие его почти полного незнания, процесс обучения в школе превращается в муку и для учителей, и для детей коренного населения, и для детей трудовых мигрантов, которые в силу непонимания образовательных программ занимаются в школах чем угодно, но только не обучением.

Религиозная ассимиляция, предполагающая вхождение в уже сложившиеся межконфессиональные реалии, у трудовых мигрантов также протекает не всегда гладко. Если говорить о территориях преимущественно проживания христиан, то массовый наплыв людей, исповедующих другие религиозные ценности, далеко не всегда вызывает восторг. Особенно проблематичным это становится в тех случаях, когда приезжие из других стран начинают устанавливать свои правила игры, требуя отмены тех или иных христианских праздников и традиций, или открыто высказывая свое негативное отношение к ним. Получается, что иноверцы приходят в чужой монастырь со своим уставом и пытаются добиваться его неукоснительного исполнения. Не менее странными выглядят и настойчивые требования трудовых мигрантов к властям по поводу собственных религиозных праздников и необходимости расширения сети религиозных учреждений, ранее отсутствовавших на территории прибытия. Причем религиозная ассимиляция протекает не всегда гладко даже в тех регионах России, где преобладает религия, которую исповедуют трудовые мигранты. Все дело в том, что даже в рамках одного религиозного направления существуют определенные специфические моменты, которые коренное население далеко не всегда готово воспринимать беспрекословно.

Культурная ассимиляция трудовых мигрантов, к сожалению, также вызывает много вопросов. Предполагалось, что находясь в иной этнокультурной среде, они не сразу, но постепенно воспримут ее правила, обычаи, нравы, приоритеты и т.п. Однако на практике этого не происходит в массовом порядке или происходит, как говорится, с большим скрипом. Трудовые мигранты часто ведут стайный образ жизни, появляясь в общественных местах в составе целых групп, что, особенно в вечернее время, вызывает у коренного населения не только недоумение, но и закономерный испуг. С другой стороны, если мужская часть трудовых мигрантов еще как-то более или менее выделяются в плане одежды среди широких слоев населения, то женщины

представляют собой особый контингент. Женская часть трудовых мигрантов достаточно часто носит одежду и некоторые другие атрибуты, не характерные для коренного населения. Платки и другие виды одежды, покрывающие голову закрывающие отдельные части тела заметно выделяют их на улицах российских городов и сельских населенных пунктов, провоцируя задаваться сложными вопросами, а действительно ли у них есть желание ассимилироваться среди местных жителей, в том числе и хотя бы во внешнем облике. Кроме того, нередко и резко бросаются в глаза культурно-бытовые традиции жизни и поведения трудовых мигрантов, которые также не всегда совпадают с уже сложившимися в данной местности стереотипами.

Еще сильнее коренные жители обращают внимание на своеобразную территориальную ассимиляцию трудовых мигрантов [8]. По идее они должны были бы растворяться среди местного населения и тем самым не вызывать недовольства или иных форм неприятия результатов миграционных процессов. Однако они не растворяются. Происходит территориальное обособление, проявляющееся в том, что трудовые мигранты стараются селиться анклавами, живущими по своим собственным законам. Там не остается места ранее сложившимся обычаям и традициям, а коренное население, особенно в городах, предпочитает при возможности менять место жительства в силу указанных выше обстоятельств. При этом отдельно стоит остановиться на том обстоятельстве, что подобное освоение территорий влечет за собой множество проблем. Например, мигранты, оказавшись в большинстве в том или ином анклаве, уже не просят, а требуют выполнения своих пожеланий по организации жизни и быта. Они запросто позволяют себе неподчинение или даже оказание сопротивления представителям законной власти или правоохранительных органов, когда те пытаются призвать к порядку отдельных мигрантов. И по существу такая ситуация уже напоминает демографическую экспансию с элементами захвата территории, где устанавливаются правила жизни по понятиям трудовых мигрантов.

И, наконец, предполагавшаяся гражданская ассимиляция вообще не выдерживает проверки временем. Трудовые мигранты, успевшие получить гражданство, вид на жительство или легальную, а тем более нелегальную работу [9], рассматривают Россию как дойную корову, которая нужна для удовлетворения исключительно собственных потребностей. Конкретно это проявляется в том, что имея, например, два гражданства бывшие трудовые мигранты в своей массе не желают вставать на воинский учет. Обогащаться и размножаться – вот два основных жизненных принципа, которые новые граждане России принимают за основу. Иными словами, их гражданская позиция чаще всего сводится к тому, чтобы максимально использовать те возможности, которые дает новая страна в самых различных сферах жизни (здравоохранение, образование, материнский капитал, пособия на детей и т.д.), но при этом игнорировать любые обязанности, связанные с запросами и потребностями российского государства, ссылаясь при необходимости на наличие второго гражданства, которое для них является основным. И, к сожалению, подобная лжеассимиляция в настоящее время представляется не исключением, а правилом, которое попирает здравый смысл и любые заявления по поводу ценности приезжих специалистов и их исключительной необходимости.

Если объединить все выше сказанное и взглянуть на сложившуюся ситуацию с трудовыми мигрантами с позиций коренных жителей, то складывается весьма своеобразная картина. В принципе ее содержание сво-

дится к тому, что мигранты, прибывшие в Россию из других стран, в своей подавляющей массе проигнорировали необходимость ассимиляции как наиболее естественный путь интеграции с местным населением. Причем за сравнительно короткий период времени они смогли выстроить такую систему межэтнических отношений, в которой приходится говорить о принципиально новом виде ассимиляции. Ее логика сводится к тому, что именно коренное население должно адаптироваться и привыкать к новым условиям жизни. Это если так можно выразиться ассимиляция аборигенов среди новых граждан и новых работников, широко и активно насаждающих свои ценности, обычаи, традиции, взгляды и т.д., то есть собственное мировоззрение.

По факту именно местные жители теперь не только вынуждены, но и должны привыкать и приспосабливаться к принципиально новой этнической среде обитания, в которой их дети постепенно и все более уверенно оказываются в меньшинстве в группах детских садов, классах начальных и средних образовательных школ (несколько позже это, видимо коснется и высших учебных заведений), к водителям общественного транспорта, работникам торговли и других профессий, ранее недоступных мигрантам в массовом порядке, в настоящее время уже занятых представителями иных этносов, общающихся между собой не на государственном языке страны пребывания, к женщинам одетым в национальные одежды, не соответствующие давно сложившимся традициям, к праздникам, не имеющим ничего общего с обычаями и нравами предков, а также много еще к чему другому, что совсем недавно даже нельзя было представить.

Таким образом, получается, что теоретически задуманной органично и постепенно осуществляемой ассимиляции трудовых мигрантов среди местного населения не происходит. Фактически нет никакого растворения и принятия языка, культуры, религии, гражданской позиции и т.д. коренного этноса. Вместо этого даже на оборот россияне проходят специфическую «ассимиляцию», заключающуюся в необходимости привыкать к новым этно-социальным и бытовым реалиям, где любой неосторожный или необдуманный шаг может привести к серьезным и даже трагическим последствиям [10].

Литература

1. Крикун В.П. Проблемы трудовых мигрантов в России // Вестник современных исследований. 2017, № 2–1, С. 211–220.
2. Трофимова И.Н. Проблемы адаптации мигрантов в современной России // Вестник университета. 2013, № 8, С. 62–67.
3. Демографический энциклопедический словарь. Электронный ресурс: <https://demography.academic.ru/1370/%D0%90%D0%A1%D0%A1%D0%98%D0%9C%D0%98%D0%9B%D0%AF%D0%A6%D0%98%D0%AF?ysclid=m1q3ovnwgh432641814> (Дата обращения 10.10.2024 г.).
4. Кутепов И.С., Петрашкевич Н.А. Проблемы мигрантов в России // Генетическая социология XXI. 2023, № 1, С. 58–63.
5. Меньшиков А.С. Межэтнические отношения и проблемы интеграции мигрантов в России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013, № 4, С. 91–98.
6. Кириллова А.И. Интеграция и ассимиляция мигрантов-мусульман в российском обществе. Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2010, № 7, С. 52–57.

7. Максимова А.С., Трунян Г.Р. Проблемы адаптации трудовых мигрантов в России. В сборнике: Эволюция международной трудовой системы: проблемы и перспективы. Материалы международной конференции. 2017, С. 462–467.
8. Кок Т.П. Адаптация мигрантов: ассимиляция или сосуществование? В книге: Россия – пространство диалога народов. Материалы всероссийской научно-практической конференции. НГУ. 2016, С. 37.
9. Петрова О.В. Проблемы количественной оценки масштабов нелегальной миграции в России. В сборнике: Противодействие органов внутренних дел незаконной миграции (вопросы теории и практики). Материалы всероссийского круглого стола. 2018, С. 37–41.
10. Жабский В.А., Синицына Н.Н. Проблемы преступности мигрантов в России и пути их преодоления. В сборнике: Актуальные проблемы противодействия преступности в России и пути их решения. Всероссийская научно-практическая конференция. Москва, 2024, С. 82–83.

ASSIMILATION OF LABOR MIGRANTS IN RUSSIA: HOPES AND REALITIES

Karmanov M.V., Kuznetsov V.I.

Plekhanov Russian University of Economics

Subject. The article is devoted to the current problems of labor migration, as well as its impact on the socio-economic development of regions. The authors of the article draw attention to the fact that labor migration has quite definite and not always harmless outlines that pose new challenges to society. In connection with the above, the article considers the problems of linguistic, religious, cultural, territorial and civil assimilation. **Objective.** To consider the issues of assimilation of labor migrants. **Methodology.** Theoretical research methods are used in the form of generalization, comparison and special analytical procedures. The concept of labor migration is clarified, its positive (replacement of deficit niches of the labor market that are not in demand among the indigenous population; positive impact on the transformation of the parameters of the sex and age composition due to the introduced demographic youth) and negative consequences (difficulties in assimilation of labor migrants) are identified. **Scope of application of the obtained results.** The material can be useful in developing migration policy, giving lectures on demography. **Results.** The article provides a literature review on the problems of labor migration. Possible consequences of labor migration are given: an intensive influx of non-native population, causing

the loss of historically established foundations and traditions, capable of leading to the loss of part of the original territory of residence; aggravation of the situation on the labor market. Problems of assimilation of labor migrants are identified. **Conclusions.** The problems of labor migration and assimilation of labor migrants in the modern world are becoming especially relevant, since migration processes and difficulties of assimilation make an increasingly significant contribution to the transformation of the foundations, traditions and values of the indigenous population.

Keywords: assimilation, linguistic assimilation, religious assimilation, cultural assimilation, territorial assimilation, civil assimilation, migration, labor migration.

References

1. Krikov V.P. Problems of labor migrants in Russia // Bulletin of modern studies. 2017, No. 2–1, pp. 211–220.
2. Trofimova I.N. Problems of adaptation of migrants in modern Russia // Bulletin of the University. 2013, No. 8, pp. 62–67.
3. Demographic encyclopedic dictionary. Electronic resource: <https://demography.academic.ru/1370/%D0%90%D0%A1%D0%A1%D0%98%D0%9C%D0%98%D0%9B%D0%AF%D0%A6%D0%98%D0%AF?ysclid=m1q3ovnwhg432641814> (Accessed on 10.10.2024).
4. Kutepov I.S., Petrashkevich N.A. Problems of migrants in Russia // Genetic sociology of the XXI. 2023, No. 1, pp. 58–63.
5. Menshikov A.S. Interethnic relations and problems of integration of migrants in Russia // Issues of national and federal relations. 2013, No. 4, pp. 91–98.
6. Kirillova A.I. Integration and assimilation of Muslim migrants in Russian society. Conference proceedings of the Research Center Sociosphere. 2010, No. 7, pp. 52–57.
7. Maksimova A.S., Trunyan G.R. Problems of adaptation of labor migrants in Russia. In the collection: Evolution of the international labor system: problems and prospects. Proceedings of the international conference. 2017, pp. 462–467.
8. Kok T.P. Adaptation of migrants: assimilation or coexistence? In the book: Russia – a space of dialogue of peoples. Materials of the All-Russian scientific and practical conference. NSU. 2016, p. 37.
9. Petrova O.V. Problems of quantitative assessment of the scale of illegal migration in Russia. In the collection: Counteraction of internal affairs bodies to illegal migration (theoretical and practical issues). Materials of the All-Russian round table. 2018, pp. 37–41.
10. Zhabskiy V.A., Sinitsyna N.N. Problems of migrant crime in Russia and ways to overcome them. In the collection: Actual problems of combating crime in Russia and ways to solve them. All-Russian scientific and practical conference. Moscow, 2024, pp. 82–83.

Современные социологические подходы к пониманию социальной адаптации молодого специалиста

Ковалевская Мария Игоревна,

аспирант кафедры социологии управления МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: romanenko-mariya22@yandex.ru

Рыбакова Марина Владимировна,

доктор социологических наук, профессор кафедры социологии управления, МГУ имени М.В. Ломоносова; главный научный сотрудник, ФНИСЦ РАН
E-mail: rybakovamv2005@yandex.ru

Система образования – важнейший социальный институт. Его основная задача – передача научных знаний, ценностей и норм молодому поколению. Учитель является важным элементом в системе образования. В исследовании рассматривается феномен социальной адаптации молодого специалиста в рамках общего образования, характеризуются современные детерминанты выбора выпускниками вузов профессии. Анализируются основные подходы к пониманию социальной адаптации молодого специалиста, определяются временные границы, сферы реализации, круг субъектов, принимающих участие в становлении молодого специалиста как профессионала. Предлагается авторская модель адаптации, которая имеет в своей структуре четыре этапа: формирование учебно-материальной модели преподавателя (включает учебно-вспомогательные помещения, лабораторное оборудование, технические средства обучения, учебники и учебные пособия и методические материалы); психоэмоциональный (этап проецирования); этап социального взаимодействия (практика преподавания); психологический этап (привыкание к «профессиональным раздражителям», к числу которых относятся стрессы, связанные с условиями труда, межличностные конфликты с педагогами, проблемы социального контакта с учениками, иные стрессовые факторы, обусловленные управленческими причинами).

Ключевые слова: образование, школа, учитель, педагог, социальная адаптация, модель адаптации.

Современная система образования имеет много проблем и одна из них – текучесть кадров. Молодые специалисты покидают школу после первого года работы. Существуют различные причины этого сложного явления. Одна из них – адаптация молодых учителей в системе школьного образования. На примере Московской области по данным официальной статистики, опубликованной Министерством просвещения России, на территории Московской области в течение 2024 года функционировало 1035 школ, суммарная численность обучающихся составила 1 099 891 чел. [11]. А численность работников составила 11 501 чел. Среди преподавателей доля лиц моложе 25 лет составила 5,36%, старше 65 лет – 15,37%.

Количество молодых специалистов, работающих в школе катастрофически мало. И даже средняя заработная плата педагогов, хоть и не в полной мере, однако условно соответствует среднестатистическому уровню заработной платы жителей Московской области, показатель которой в 2024 году составил 104 000 руб. [13]. По официальной оценке, до половины всех начинающих педагогов увольняются из школы в первые пять лет. Такие данные представила Елена Казакова. Она отметила причины, по которым молодые учителя уходят из школы, – низкая зарплата, нерациональный менеджмент, колоссальная бюрократическая нагрузка, а также неопределенность и проблемы личностного роста. При этом на фоне всех этих факторов на первое место выходит неготовность к работе [4]. Анализ данных статистики, приведенное Лохтиной Т.Н. и др., показывает, что около 62% выпускников педагогических направлений подготовки начинают свою трудовую деятельность в период обучения, порядка 33–46% оставляют работу в течение трех-пяти лет [6, с. 298]. Также в педагогической практике учитывается доля общественных ожиданий от работы преподавателей, поэтому возрастает профессиональная нагрузка и уровень ожиданий от педагогического процесса, что в большей степени негативно влияет на адаптацию молодых специалистов [7, с. 93].

Целью исследования является выявление основных теоретико-методологических подходов к проблемам адаптации молодых специалистов. Социальная адаптация в российской образовательной системе, это объективно существующий социальный феномен, который послужил предметом научного осмысления многих специалистов в различных областях науки. В научном дискурсе существуют различные подходы понимания адаптации: медицинские, биологические, физиологические, психологические, социологические.

В рамках социологического подхода адаптация рассматривается как процесс приспособления к определенной среде. Д. Дьюи высказывал мнение о том, что сущность адаптации – это «сохранение и развитие нравственной реальности в соответствии с собственными целями, которые в последующем формируют самый ценный человеческий продукт – жизненный опыт» [12, с. 398]. Д.Э. Дюркгейм считал, что адаптации человека – это не поиск индивидуальных средств воздействия на новый социум, а подчинение (принятие) социальным нормам среды, которые уже определяют социальной уклад конкретной общности [12, с. 399]. Т. Парсонс

в своих исследованиях, обосновывая концепцию «равновесного общества», пришел к выводу, что достичь абсолютного равновесия между социальными ожиданиями индивида и общества невозможно, но чем будет меньше разница между этими категориями, тем стабильнее будет социум и ниже риск возникновения социального конфликта. При этом ученый, используя такие понятия, как «адаптация» и «социальная среда», указывал на то, что индивид находится в постоянной фазе адаптации к той или иной социальной общности, адаптироваться ко всем окружающим невозможно [12, с. 398].

Дж. Мида, представитель интеракционистского подхода, понимал процесс адаптации как процесс принятия социальной роли через присвоение установок и моделей поведения других членов группы. Об успешном прохождении адаптации свидетельствует освоение социальной роли и готовность брать ответственность на себя в принятии решений и проявлении инициативы, позитивное представление о своей роли в организации. Освоение роли учителя и осознании молодым и специалистами своего места в системе образования, говорит об успешности процесса адаптации.

Представители бихевиоризма Л. Шаффер, Э. Шобен, рассматривали этот феномен как изменения в поведенческом процессе у представителей коллектива в организации, через научение или обучение без конфликтного взаимодействия с социальной средой.

Ученые анализируют социальную роль учителя и его взаимодействие с учениками, так Н.А. Проскурина определяет социальную роль учителя через призму его функциональных возможностей воздействия на учащегося, с целью его социальной адаптации как на занятиях в школе, так и в рамках повседневной (внеучебной) деятельности [9, с. 90].

И.И. Новикова, характеризуя социальное предназначение педагога, обозначает вопрос о необходимости формирования им благополучного социального климата в классе, качество его учебной работы, усвоение учебного материала. По мнению специалиста, социальная функция педагога опосредована теми требованиями, которые он ежедневно предъявляет к учащимся. От своевременности и качества их выполнения зависит обратная реакция педагога в отношении конкретного учащегося, что способствует формированию индивидуального подхода каждому ученику и эффективно влияет на его социализацию [9, с. 85].

Г.А. Виленская усматривает социальную функцию учителя в формировании у учащихся ценностных ориентиров жизни, которые, в свою очередь, формируют личность подростка, социализируют его в обществе [2, с. 9]. То есть, иными словами, автор делает акцент на воспитательный аспект социализации.

Социальная адаптация педагога в большинстве случаев четко выражена в отношении тех учителей, которые не имеют достаточного педагогического опыта, работают в сфере образования менее одного года. Такие учителя относятся к специальной категории «молодой специалист», что предопределяет повышенное внимание к ним со стороны педагогического коллектива учебного заведения и его администрации.

К сожалению, профильное трудоустройство для выпускников вузов России является проблемой общего характера, не только в системе образования.

Существует нескольких ее видов адаптации, которые применимы к молодому специалисту-педагогу.

В первую очередь, – это профессиональная (трудовая) адаптация, для которой характерно использование знаний и умений, полученных молодым специалистом в ходе его обучения в вузе, в профессиональной дея-

тельности. Молодому специалисту показать скрытый потенциал на практике помогают опыт и поддержка коллег.

Психологическая адаптация молодого специалиста не менее важна, чем и вся его педагогическая деятельность. Знание детской психофизиологии, формирование здорового психологического климата внутри класса, выстраивание равнопартнерских отношений с коллегами, формирование авторитетной позиции в отношении родителей учащихся – элементы психологической адаптации молодого учителя.

И, наконец, социальная адаптация, которая сочетает в себе вышеуказанные формы приспособления, и дополняемая спецификой социальных взаимосвязей между всеми субъектами образовательного процесса. Социальная адаптация – это понятие, которое необходимо применять комплексно: нельзя рассматривать возможность практической реализации какого-либо вида адаптации в отдельности, так как это – единый механизм социализации молодого специалиста к новым условиям образовательной среды.

В научном дискурсе высказываются альтернативные подходы к сущностному пониманию социальной адаптации молодого специалиста. Так, Е.И. Гридина ссылается на то, что залог успешной социальной адаптации зависит от уровня профессиональных знаний и умений, которые получает будущий педагог в стенах высшего учебного заведения. Она делает вывод, что адаптация учителя заключается в социальном процессе трансформации имеющихся у него знаний в новую педагогическую среду [3, с. 194]. С точки зрения социологии данный подход интересен тем, что социальный механизм адаптации молодого специалиста дополняется еще одним субъектом управления – вузом, в котором студентом были полученные профессиональные знания. То есть начало адаптационного периода, в соответствии с данным социологическим подходом, связывается с обучением будущего педагога по профильной программе высшего образования, а уже в дальнейшем, наступает следующая стадия адаптации, о которой было написано ранее – профессиональная (трудова), в стенах школы. На стадии обучения студент педагогического университета формирует в своем сознании как учебно-материальную модель будущего учителя (получает соответствующие знания), так и психоэмоциональную составляющую, иными словами, образно проецирует себя на место школьного педагога, «привыкает» к данному социальному статусу, что, в конечном счете, положительно складывается на последующей его социальной адаптации в должности молодого учителя. Кроме того, стоит отдельно указать и на обязательные практические занятия для студентов педагогических вузов, которые проходят в конце обучения непосредственно в школах, где фактически студент-выпускник самостоятельно проводит учебные занятия со школьниками, демонстрирует свои знания и одновременно с этим получает своей первый профессиональный педагогический опыт.

А.С. Пушкина и др. [10, с. 144] рассматривают адаптацию молодого специалиста в качестве профессионального аспекта, что предполагает усвоение профессиональных и социальных функций, также включение в жизнь трудового коллектива.

Л.А. Черных [15, с. 77–78], рассматривает социальную адаптацию молодого специалиста и отмечает, что она начинается непосредственно в школе и заключается в его приспособлении к новым условиям трудовой деятельности. Автор выделяет две составляющие этого процесса: реализация уже имеющихся профессиональных знаний, навыков социального общения и приобретение (вырабатывание) собственного опыта, укрепление социальных связей с субъектами образовательной среды.

С точки зрения социализации адаптацию рассматривает В.А. Ростовцева [11, с. 209] и указывает на то, что социальная адаптация – это прежде всего социализация педагога к образовательному процессу и его субъектам, которая обеспечивается исключительно за счет социальных механизмов взаимодействия между молодым специалистом и учащимися, педагогическим коллективом, наставником, администрацией школы, родителями учащихся. Все это активные формы социального взаимодействия, управленческие механизмы воздействия на молодого специалиста, поэтапное формирование устойчивой социально-поведенческой модели молодого учителя.

Существует и психологический подход к исследуемому социальному феномену. Так, К.Э. Биксултанова [1, с. 44] в качестве приоритетной составляющей социальной адаптации указывает на необходимость формирования у молодого учителя психологической устойчивости к «профессиональным раздражителям», которые окружают учителя на всем протяжении его профессиональной деятельности, начиная со сложностей установления психологического контакта с детьми и их родителями и заканчивая отсутствием поддержки со стороны опытных педагогов, в том числе наставника [14, с. 115]. Сущность данного подхода заключается в том, что если у молодого специалиста своевременно сформируется психологически устойчивая позиция, он будет с желанием приходить на работу, уверенно чувствовать себя в коллективе (среди учащихся и педагогов), то его социальная адаптация завершится в короткие сроки и не причинит дополнительных сложностей. Вопрос о профессиональных компетенциях, способах и формах их реализации уходит на второй план.

Социальная адаптация молодого специалиста – это, прежде всего, социальный феномен собирательного характера, который отражает процесс приспособления молодого учителя к новой педагогической среде. Социальная адаптация начинается уже с момента обучения будущего учителя в профильном образовательном учреждении высшего образования и в дальнейшем продолжается в школе. Существование различных критериев и оснований к анализу процесса адаптации молодых специалистов, свидетельствует о сложности данного процесса и его неоднозначности и позволяет определить ее основные стороны:

- адаптация – это процесс, подверженный изменениям, протекает в определенном временном интервале;
- социальная адаптация – обязательное условие в профессиональном росте молодого специалиста в педагогической среде; ее невозможно избежать или ускоренно реализовать, так как это социально обусловленный этап, характер сложности которого определен внешними и внутренними социальными факторами;
- социальная адаптация требует от молодого специалиста принятия существующих социальных установок и исключает противодействие коллективу, той социальной среде, где она реализуется;
- индивид находится на определенном этапе адаптации к определенным условиям или социальным группам.

Анализ различных источников позволил предложить следующее понятие социальной адаптации молодого специалиста – это процесс социализации молодого учителя к внешним и внутренним условиям педагогической среды, который требует от него принятия устоявшихся в конкретной профессиональной общности социальных установок, их последующее проецирование на свою тру-

довую деятельность, в рамках учебного процесса с учащимися школы и взаимодействия с педагогическим коллективом.

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Рассмотрение терминов «адаптация» и «социальная адаптация» возможно только при междисциплинарном комплексном подходе.

2. Модель адаптации и становления молодого специалиста в сфере образования имеет в своей структуре 4 этапа: обучение (формирование учебно-материальной модели, преподавателя, которая включает учебно-вспомогательные помещения, лабораторное оборудование, технические средства обучения, учебники и учебные пособия и методические материалы), психоэмоциональный (этап проецирования), этап социального взаимодействия (практика преподавания), психологический этап (привыкание к «профессиональным раздражителям», к числу которых относятся стрессы, связанные с условиями труда, межличностные конфликты с педагогами, проблемы социального контакта с учениками, иные стрессовые факторы, обусловленные управленческими причинами).

3. В рамках социологического подхода понятие «социальная адаптация» имеет расширенное толкование и включает следующие признаки: динамика социального взаимодействия, неотвратимость (через неё проходит каждый молодой специалист), формирование установок понимания и взаимодействия с коллективом, невозможность адаптации ко всем социальным группам и индивидам.

4. Создание благополучного социального климата в классе, индивидуального подхода к каждому ученику, привитие учащимся ценностных ориентиров жизни являются важными в развитии и формировании личности. Помощь руководства и поддержка молодого специалиста играют ключевую роль в его адаптации, снижают временные рамки ее прохождения и улучшают показатели его педагогической деятельности.

5. Привлечение внимания администрации к социальной адаптации молодого специалиста позволит более эффективно ее проходить.

Литература

1. Биксултанова К.Э. Компетентностный портрет современного учителя // Образование в сложном нестабильном мире: Материалы III Общеуниверситетской (открытой) конференции по педагогике для студентов бакалавриата, магистратуры, аспирантуры, Пермь, 14 декабря 2023 года. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2024. С. 42–46.
2. Виленская Г.А. Контроль поведения и социальная компетентность у младших школьников // Личностные и регуляторные ресурсы человека в условиях социальных вызовов: Материалы VII Международной научно-практической конференции, Ставрополь, 15–16 июня 2023 года. – Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2023. С. 7–11.
3. Гридина Е.Н. Подготовка будущих учителей технологии в вузе как условие их успешной социально-профессиональной адаптации // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2023. № 2(66). С. 192–197.
4. До половины всех начинающих педагогов увольняются из школы в первые пять лет // Парламентская газета. 23.03.2023 [Электронный ресурс] <https://www.>

pnpru/social/do-poloviny-vsekh-nachinayushhikh-pedagogov-uvolnyayutsya-iz-shkoly-v-pervye-pyat-let.html?ysclid=m7aenr2ay0776664621(дата обращения: 11.02.2025).

5. Заир-бек Елена Сергеевна, Пискунова Елена Витальевна Анализ зарубежных практик адаптации молодого учителя к профессиональной деятельности // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2016. № 4 (92). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-zarubezhnyh-praktik-adaptatsii-molodogo-uchitelya-k-professionalnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 11.02.2025).
6. Лохтина Т.Н., Метелица В.И., Котоманова Ю.В. Организационные аспекты адаптации молодых педагогов в современном образовательном пространстве // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 84–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnye-aspekty-adaptatsii-molodyh-pedagogov-v-sovremenном-obrazovatelnom-prostranstve> (дата обращения: 10.02.2025).
7. Новикова И.И. Роль учителя в создании благополучного социально-психологического климата в классном коллективе // Вестник научных конференций. 2024. № 1–1(101). С. 84–85.
8. Официальный сайт Министерства просвещения Российской Федерации [Электронный ресурс] https://edu.gov.ru/activity/statistics/actual_statistical_information?ysclid=m7a495n2fz492211706 (дата обращения: 18.02.2025).
9. Проскурина Н.А. Роль учителя в создании благополучного социально – психологического климата в классном коллективе // Интеграция, эволюция, модернизация: пути развития науки и образования: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Саратов, 18 декабря 2023 года. – Стерлитамак: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство международных исследований», 2023. – С. 90–91.
10. Пушкина А.С., Жекова К.Ж. Технологии адаптации молодых специалистов в школе // Вестник магистратуры. 2021. № 5–6 (116). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-adaptatsii-molodyh-spetsialistov-v-shkole> (дата обращения: 11.02.2025).
11. Ростовцева В.А. Компетенции педагогов, работающих с детьми-инофонами: из опыта изучения // Этнодиалог. 2023. № 2(71). С. 207–213.
12. Социальное взаимодействие в различных сферах жизнедеятельности: Материалы VIII Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию кафедры воспитания и социализации РГПУ им. А.И. Герцена /Отв. ред. Е.И. Бражник, С.В. Кривых, Н.Н. Суртаева. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. С. 397–401.
13. Статистика зарплат в Московской области за 2024 год [Электронный ресурс] <https://moskovskaya-oblast.gorodrabot.ru/salaries?y=2024> (дата обращения: 11.02.2025).
14. Хизбуллина Р. З., Шангареева Г.А., Якимов М.С. Проблема адаптации молодых специалистов в общеобразовательных учреждениях // Инновационная наука. 2016. № 12–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-adaptatsii-molodyh-spetsialistov-v-obscheobrazovatelnyh-uchrezhdeniyah> (дата обращения: 11.02.2025).
15. Черных Л.А. Антимотивация в работе молодого учителя // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия 5. Гуманитарные науки. Технические науки. 2023. № 1(99). С. 76–82.

MODERN SOCIOLOGICAL APPROACHES TO UNDERSTANDING THE SOCIAL ADAPTATION OF A YOUNG SPECIALIST

Kovalevskaya M.I., Rybakova M.V.

Lomonosov Moscow State University, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

The education system is the most important social institution. Its main task is to transmit scientific knowledge, values and norms to the younger generation. The teacher is an important element in the education system. The study examines the phenomenon of social adaptation of a young specialist within the framework of general education, characterizes the modern determinants of the choice of profession by university graduates. The main approaches to the understanding of social adaptation of a young specialist are considered, time boundaries, spheres of realization, circle of subjects taking part in the formation of a young specialist as a professional are defined. The author's model of adaptation is proposed, which has four stages in its structure: the formation of the educational and material model of a teacher (includes teaching and auxiliary premises, laboratory equipment, technical means of training, textbooks and teaching aids and methodological materials); psychoemotional (projection stage); social interaction stage (teaching practice); psychological stage (getting used to 'professional stimuli', which include stresses related to working conditions, interpersonal conflicts); and psychological stage (habituation to 'professional stimuli', which include stresses related to labour conditions, interpersonal conflicts).

Keywords: education, school, teacher, teacher, social adaptation, adaptation model.

References

1. Biksultanova K.E. Competence portrait of a modern teacher // Education in a complex unstable world: Proceedings of the III All-University (open) conference on pedagogy for undergraduate, graduate, and postgraduate students, Perm, December 14, 2023. Perm: Perm State National Research University, 2024. Pp.42–46.
2. Vilenskaya G.A. Behavior control and social competence in primary school students // Personal and regulatory human resources in the context of social challenges: Proceedings of the VII International scientific and practical conference, Stavropol, June 15–16, 2023. – Stavropol: North Caucasus Federal University, 2023. Pp.7–11.
3. Gridina E.N. Training of future technology teachers at the university as a condition for their successful social and professional adaptation // Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2023. No. 2 (66). P. 192–197.
4. Up to half of all beginning teachers quit school in the first five years // Parliamentary newspaper. 03.23.2023 [Electronic resource] <https://www.pnp.ru/social/do-poloviny-vsekh-nachinayushhikh-pedagogov-uvolnyayutsya-iz-shkoly-v-pervye-pyat-let.html?ysclid=m7aenr2ay0776664621> (date of access: 02/18/2025).
5. Zair-bek Elena Sergeevna, Piskunova Elena Vitalievna Analysis of foreign practices of adaptation of a young teacher to professional activity // Bulletin of I.Y. Yakovlev CHPU. 2016. № 4 (92). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-zarubezhnyh-praktik-adaptatsii-molodogo-uchitelya-k-professionalnoy-deyatelnosti> (date of reference: 11.02.2025).
6. Lokhtina T.N., Metelitsa V.I., Kotomanova J.V. Organizational aspects of adaptation of young teachers in modern educational space // Problems of modern pedagogical education. 2024. № 84–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnye-aspekty-adaptatsii-molodyh-pedagogov-v-sovremenном-obrazovatelnom-prostranstve> (date of address: 10.02.2025).
7. Novikova I. The role of the teacher in creating a favorable socio-psychological climate in the classroom // Bulletin of scientific conferences. 2024. No. 1–1 (101). P. 84–85.
8. Official website of the Ministry of Education of the Russian Federation [Electronic resource] https://edu.gov.ru/activity/statistics/actual_statistical_information?ysclid=m7a495n2fz492211706 (date of access: 02/18/2025).
9. Proskurina N.A. The role of the teacher in creating a favorable socio-psychological climate in the classroom // Integration, evo-

- lution, modernization: ways of development of science and education: a collection of articles following the results of the International scientific and practical conference, Saratov, December 18, 2023. – Sterlitamak: Limited Liability Company “Agency for International Research”, 2023. – P. 90–91.
10. Pushkina A. S., Zhekova K. Zh. S., Zhekova K.J. Technologies of adaptation of young specialists in school // Vestnik Magistratura. 2021. № 5–6 (116). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-adaptatsii-molodyh-spetsialistov-v-shkole> (date of address: 11.02.2025).
 11. Rostovtseva V.A. Competences of teachers working with foreign children: from the experience of studying // Ethnodialogues.2023. No. 2 (71).P. 207–213.
 12. Social interaction in various spheres of life: Proceedings of the VIII International scientific and practical conference dedicated to the 25th anniversary of the Department of Education and Socialization of the Herzen State Pedagogical Univ./ Responsible. ed.E.I.Brazhnik, S.V. Krivykh, N.N. Surtaeva. – St. Petersburg: Publishing house of the Herzen State Pedagogical Univ., 2018. P. 397–401.
 13. Salary statistics in the Moscow region for 2024 [Electronic resource] <https://moskovskaya-oblast.gorodrabot.ru/salaries?y=2024> (date of access: 02/11/2025).
 14. Hizbullina R. Z., Shangaraeva G.A., Yakimov M.S. The problem of adaptation of young professionals in general educational institutions // Innovatsionnayanauka. 2016. № 12–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-adaptatsii-molodyh-spetsialistov-v-obscheobrazovatelnyh-uchrezhdeniyah> (date of reference: 11.02.2025).
 15. Chernykh L.A. Anti-motivation in the work of a young teacher // Bulletin of Lugansk State Pedagogical University. Series 5. Humanities. Technical sciences. 2023. No. 1 (99).P. 76–82.

Потенциал прогнозирования динамики военно-социальных процессов в условиях боевой неопределенности

Костерин Артём Андреевич,

адъюнкт кафедры социологии Военного университета имени князя Александра Невского
E-mail: Kosterin.a1917@gmail.com

Бычков Петр Иванович,

к.с.н., доцент, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела (военно-гуманитарных исследований) Военного университета имени князя Александра Невского
E-mail: Pbychkov64@yandex.ru

Изменчивость социального взаимодействия в условиях стресса, кризиса или в боевой обстановке подразумевает под собой, зачастую, негативные последствия: рассогласованность, дезориентированность, деперсонализацию и, как следствие, снижение боевого потенциала условного подразделения Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – ВС РФ). Особенности структурной сопряженности, составляющие основу регламентационного взаимодействия института военной службы, частично обособляют социальные процессы в условиях боевой неопределенности, во многом компенсируя ценностно-целевые противоречия. В рамках данных особенностей формируется специфическая, регламентационно-ситуативная структура социального взаимодействия, подчиняющаяся скалярной сумме факторов боевой неопределенности и конструктивной способности социального компонента подразделения. Возникающая сумма противостоящих аспектов определяет необходимость в изучении данного явления с позиции возможности управлять данным процессом (прогнозировать) в интересах устойчивого функционирования боевого потенциала подразделений ВС РФ как целостно-системной совокупности.

Ключевые слова: устойчивость, прогнозирование, боевая неопределенность, военно-социальные процессы, аутопойезис.

Структура военно-социальных процессов боевой работы условных подразделений ВС РФ

В рамках существования института военной службы процессы, связанные с социальным взаимодействием внутри структурно-функциональной целостности, могут быть условно разделены на две категории.

В первую категорию целесообразно поместить такие процессы, как комплексное взаимодействие социального компонента подразделений ВС РФ как внутри служебно-организационной деятельности, так и в свободно-досуговых, самоорганизованных занятиях. Данная категория привержена однозначности толкования регламентационных определителей военной службы, стабильному протеканию военно-социальных процессов и обладает достаточно высоким потенциалом устойчивой цикличности. Факторы, способные дестабилизировать устойчивость протекания данных процессов, сводятся, скорее, к ситуативной неопределенности, связанной с резкими проявлениями, исключенными из предикторов прогнозирования [12]. В таком случае, стоит обратить внимание на динамику военно-социальных процессов в данной среде и на их потенциал в рамках изменчивости от условно нормальных параметров. Где условно нормальными параметрами целесообразно рассматривать соотношение социальных сил подразделения, затрачиваемых на реализацию поставленной задачи и влияющих соответствующим образом на компенсацию деструктивных факторов внешней среды. Такое соотношение может быть определено как период мирного времени или *устойчивое* протекание военно-социальных процессов.

Во вторую категорию целесообразно отнести период протекания военно-социальных процессов, связанный с частичным стиранием формализованных границ видовой (специальной) регламентации деятельности социального компонента подразделений ВС РФ. Данная категория обособляется частичным или подавляющим утрачиванием формальности структурной сопряженности в социальном взаимодействии системы управления. Это имеет отношение к обоим направлениям иерархии военного управления и может проявляться как во взаимодействии «командир-подчиненный», так и внутриколлективном взаимодействии – «подчиненный-подчиненный». Причем, наиболее дисфункциональным проявлением нарушения регламентационной формы управления может стать смешение социальных ролей, статусное замещение образа лидера и (или) частичное или полное стирание целевой ориентированности [11]. Данная особенность способна перенаправлять функции управления с целедостигательного направления на самовосстановление жизнеспособности структурной сопряженности управления [6]. Это обуславливается таким явлением, как **боевая неопределенность** – комплексная характеристика пространства выполнения боевых (специальных) задач, обусловленная критически низкой возможностью верификации сведений, необходимых для реализации принципов боевого (оперативного) управления [5].

Такая форма протекания военно-социальных процессов характерна для условий выполнения боевых (специ-

альных) задач, их обеспечения или в период вторичной адаптации личного состава подразделений ВС РФ – период восстановления боеспособности [13].

Разделение протекания военно-социальных процессов на две категории может позволить провести качественную стратификацию управленческих полномочий, степень переноса фокуса внимания на наиболее ситуативно-актуальные из них, а также заложить процедурные ресурсы противодействия или компенсации перспективным угрозам. Именно категориальное разделение форм протекания военно-социальных процессов позволяет иначе взглянуть на способы реализации функций управления и их направляющие в рамках формирования целостности и устойчивости системы управления в интересах развития ее *аутопойетичности* [10]. Данный подход может явиться фундаментальным вложением в развитие методологических принципов формирования системной целостности управления. В свою очередь, это может позволить задействовать те потенциалы управления, которые способны обеспечивать достаточную и удовлетворительную стабильность (удержание) взаимодействующих элементов управления как аутопойетичного комплекса [2].

Формирования качественных предикторов прогнозирования в интересах развития аутопойетичности управления

Аутопойетичность системы управления, в первую очередь, может достигаться обусловленной возможностью стабильной, результативной и вариативно-адаптивной формой осуществления цикличности. Целесообразно считать, что именно возможность самовосстанавливающего информационного циклирования системы управления определяет ее функциональную состоятельность. В таком случае, функциональная состоятельность системы управления будет нами рассматриваться с позиции возможности необходимого анализа и обобщения входных предиктивных компонентов и их трансформации в индикаторы [9]. Данная процедура может являться основным принципом в формировании системы управления, как интернализационной среды субъектно-объектных отношений, направленных на поддержание устойчивости протекания военно-социальных процессов, регулирования стимулов и формирования мотивационной среды [3]. Исходя из этого, стоит подчеркнуть, что взаимодействие двух категорий протекания военно-социальных процессов: мирного времени и выполнения боевых (специальных) задач, обуславливается информационным обменом перманентного толка. То есть, процедура трансформации информативных предикторов в информативные индикаторы не может быть реализована при исключении аспектируемых факторов, влияющих на формирование компенсационного потенциала системы управления. Данная процедура определяет обоюдную зависимость обеих категорий протекания военно-социальных процессов в создании выделенного технологического аппарата в интересах разработки соответствующей предметной области знаний.

Переносом на предметную область в управлении военно-социальными процессами может транслировать определенное направление в существующем и перспективном направлении реализации функций управления. Такой механизм может ориентировать субъектную группу управления в комплексном подходе к формированию адаптивной и (или) оперативной среды для обеспечения стабильного протекания военно-социальных процессов. В рамках управления существующими (современными)

подразделениями ВС РФ при выполнении ими боевых (специальных) задач, протекание военно-социальных процессов может нами рассматриваться как набор индикаторов социального поля [1]. В таком случае, извлечение необходимой качественной информации внешних источников (предикторов) для их интернализации будет сопровождаться выявлением и фиксацией валидных индикаторов. Набор зафиксированных индикаторов может быть обобщен в систему знаний о качественных характеристиках протекания военно-социальных процессов при выполнении боевых (специальных) задач. В интересах управления военно-социальными процессами в условных подразделениях ВС РФ при выполнении ими боевых (специальных) задач, целесообразно рассматривать качественные характеристики протекания как качественные показатели. Причем, актуальную форму функциональной реализации данных показателей и их качественных особенностей стоит рассматривать с позиции имплементации в механизм реализации функций прогнозирования [7].

В рамках реализации функций прогнозирования динамики военно-социальных процессов – социального прогнозирования в управлении данными процессами, стоит обратить внимание на возможность применения данной управленческой компетенции. В рамках управления военно-социальными процессами, возможность прогнозировать будет напрямую зависеть от устойчивости и однозначности качественных интернализированных показателей [8]. Таким образом, показатели протекания военно-социальных процессов могут быть нами выделены как элементы комплексного социального взаимодействия в подразделении. Исходя из данных умозаключений, можно репрезентировать набор качественных показателей в виде математического расчета:

$$(I \text{ п.п.})^t = (\text{Tr.} + \text{Inc.} + \text{Stsf.} + \text{Conc.} + \text{R.I.} + \text{Rdns.} + \text{Abl.})/n$$

где I п.п. – индекс прогнозного потенциала;
t – период реализации функций прогнозирования;
Tr. – trust (доверие);
Conf. – confidence (уверенность);
Stsf. – satisfaction (удовлетворенность);
Conc. – concreteness (конкретность);
R.I. – reasonable initiative (разумная инициатива);
Rdns – readiness (готовность);
Abl. – ability (способность);
n – количество используемых показателей.

Данный набор показателей способен наиболее репрезентативно отражать основные направления по сосредоточению управленческих усилий в рамках формирования и поддержания их устойчивости. С точки зрения социального взаимодействия и, как следствие, формирования социального поля, субъектно-объектные и внутриобъектные интеракции будут складываться из представленных выше показателей [4]. В таком случае, превентивная форма управления должна быть направлена, в первую очередь, на создание условий для стабильного формирования данных показателей в системе цикла управления.

Заключение

Потенциал прогнозирования динамики военно-социальных процессов в условиях боевой неопределенности может быть рассмотрен комплексно и в зависимости от сопоставления генеральной цели к частным задачам. Тем не менее, цикличность и информативный обмен в ходе диагностики характеристик военно-социальных процессов, открывают для нас явные «точки соприкосновения», воздействуя на которые, мы способны выявлять слабые участки. Эти участки могут быть отражены

в различных управленческих несоответствиях, связанных с неопределенной или неоднозначной причастности конкретных состояний, процессов или явлений к фактическому протеканию военно-социальных процессов. В таком случае, необходимо сосредоточить исследовательские усилия на детализацию и изолированное изучение каждого из выявленных качественных показателей индекса социального прогнозирования. Данная аналитика может помочь сформировать не только технологический инструментарий превентивного управления, но и создать устойчивое понимание в необходимости прогнозирования динамики военно-социальных процессов на постоянной и циклической основе.

Литература

1. Барановский М.В. Социологическое сопровождение деятельности военной организации в боевых условиях // Мониторинг правоприменения. 2021. № 1(38). С. 46–50.
2. Богопольский Ю.А. Активно-оперативная адаптивность системы управления как фактор обеспечения выживаемости и повышения жизнеспособности предприятия // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. 1998. Т. 1, № 1. С. 137–144.
3. Виттих В.А. Введение в теорию intersubъективного управления. Самара: Самарский научный центр РАН, 2013. 64 с.
4. Врублевская О.А. О сущности понятия «социальное взаимодействие» в научных исследованиях // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М.Ф. Решетнева. 2006. № 5(12). С. 60–65.
5. Выпасняк В.И. О реализации сетевых принципов управления силами и средствами вооруженной борьбы в операциях (боевых действиях) // Военная мысль. 2009. № 12. С. 23–30.
6. Демин Г.А. Управленческие решения: уч. пособие; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2020. 92 с.
7. Костерин А.А. Социальное прогнозирование в условиях неопределенности: особенности качественных показателей / А.А. Костерин, П.И. Бычков // Социология. 2024. № 10.
8. Костерин А.А. Социальное прогнозирование как элемент военно-институционального управления / А.А. Костерин, М.В. Барановский // Социология. 2024. № 3. С. 136–140.
9. Кузовкова Т.А. Значение методов предиктивной аналитики в экономике и управлении цифровыми компаниями / Т.А. Кузовкова, О.И. Шаравова // Методические вопросы преподавания инфокоммуникаций в высшей школе. 2021. Т. 10, № 3. С. 28–32.
10. Луман Н. Введение в системную теорию / пер. с нем. К. Тимофеева. М., 2007.
11. Прошанов С.Л. Современные подходы и методы исследования социальных конфликтов в Российской социологии // Социальная политика и социология. 2007. № 2. С. 22–34.
12. Раскатова М.И. Теоретические основы управления рисками: уч. пособие. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. 46 с.
13. Торгаева И.Н. Стрессовая устойчивость в бою психологическая готовность военнослужащих при выполнении специальных и боевых задач / И.Н. Торга-

ева, А.А. Дружинина // Вестник военного образования. 2019. № 4(19). С. 62–66.

THE POTENTIAL OF FORECASTING THE DYNAMICS OF MILITARY – SOCIAL PROCESSES IN CONDITIONS OF COMBAT UNCERTAINTY

Kosterin A.A., Bichkov P.I.

Military university named prince Alexandr Nevsky Ministry of Defence of the Russian Federation

The variability of social interaction under stress, crisis, or in a combat situation often implies negative consequences: inconsistency, disorientation, depersonalization and, as a result, a decrease in the combat potential of a conditional unit of the Armed Forces of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Armed Forces of the Russian Federation). The features of structural connectivity, which form the basis of the regulatory interaction of the institute of military service, partially isolate social processes in conditions of combat uncertainty, largely compensating for value-oriented contradictions. Within the framework of these features, a specific, regulatory and situational structure of social interaction is formed, subject to the scalar sum of the factors of combat uncertainty and the constructive ability of the social component of the unit. The emerging sum of opposing aspects determines the need to study this phenomenon from the perspective of the ability to manage (predict) this process in the interests of the sustainable functioning of the combat potential of the Russian Armed Forces units as a holistic system.

Keywords: stability, forecasting, combat uncertainty, military-social processes, autopoiesis.

References

1. Baranovsky M.V. Sociological support of the activities of a military organization in combat conditions // Monitoring of law enforcement. 2021. No. 1 (38). P. 46–50.
2. Bogopolsky Yu.A. Active and operational adaptability of the management system as a factor in ensuring survival and increasing the viability of an enterprise // Bulletin of Moscow State Technical University. Proceedings of the Murmansk State Technical University. 1998. Vol. 1, No. 1. P. 137–144.
3. Vittikh V.A. Introduction to the theory of intersubjective management. Samara: Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2013. 64 p.
4. Vrublevskaia O.A. On the essence of the concept of “social interaction” in scientific research // Bulletin of the Siberian State Aerospace University named after Academician M.F. Reshetnev. 2006. No. 5(12). P. 60–65.
5. Vypasnyak V.I. On the implementation of network-centric principles of control of forces and means of armed struggle in operations (combat actions) // Military Thought. 2009. No. 12. P. 23–30.
6. Demin G.A. Management decisions: textbook; Perm State National Research University. Perm, 2020. 92 p.
7. Kosterin A.A. Social forecasting in conditions of uncertainty: features of qualitative indicators / A.A. Kosterin, P.I. Bichkov // Sociology. 2024. No. 10.
8. Kosterin A.A. Social forecasting as an element of military-institutional management / A.A. Kosterin, M.V. Baranovsky // Sociology. 2024. No. 3. P. 136–140.
9. Kuzovkova T.A. The Importance of Predictive Analytics Methods in Economics and Management of Digital Companies / T.A. Kuzovkova, O.I. Sharavova // Methodological Issues of Teaching Infocommunications in Higher Education. 2021. Vol. 10, No. 3. P. 28–32.
10. Luhmann N. Introduction to Systems Theory / translated from German by K. Timofeeva. Moscow, 2007.
11. Proshanov S.L. Modern Approaches and Methods for Studying Social Conflicts in Russian Sociology // Social Policy and Sociology. 2007. No. 2. P. 22–34.
12. Raskatova M.I. Theoretical Foundations of Risk Management: tutorial. Chelyabinsk: Publishing center of SUSU, 2019. 46 p.
13. Torgaeva I.N. Stress resistance in combat psychological readiness of military personnel when performing special and combat missions / I.N. Torgaeva, A.A. Druzhinina // Bulletin of military education. 2019. No. 4 (19). P. 62–66.

Сущностные характеристики деятельности социально-ориентированных некоммерческих организаций в рискогенной среде

Красовский Алексей Вячеславович,

аспирант кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Сегодня, деятельность государственных институтов власти и общественного сектора направлена на преодоление сложных геополитических условий. Механизмы реализации социально-экономической политики, которые действовали на протяжении последних лет, теряют свою актуальность, подвергаясь новым вызовам и угрозам. Все это актуализирует необходимость выстраивания нового, более эффективного инструментария реализации социально направленных инициатив. В этой связи заслуживает внимание работа некоммерческих организаций, призванных быть поддерживающим элементом социальной сферы. За последние годы качественное развитие диалога между государством и некоммерческими организациями способствовало существенной трансформации общественных институтов, которые сегодня не только реагируют на вызовы в различных сферах жизни общества, но и сами становятся инициаторами общественных изменений.

Ключевые слова: государство, некоммерческий сектор, организация, общество, гражданское общество, институты гражданского общества.

Введение

Сегодня, когда происходят серьезные социально-экономические, политические изменения, эффективность принятия обоснованных и обдуманых решений со стороны государственных органов власти, является важным аспектом преодоления турбулентности. Ориентация институтов власти и гражданского общества на разработку актуальных механизмов и методик совместной работы, по планомерному нивелированию проблемных аспектов в социальном, экономическом, правовом, экологическом, духовно-нравственном и иных сферах жизнедеятельности общества становится концептуальной основой для научного мира.

Сегодня как никогда актуален тезис К. Шмитта о том, что все вопросы, прежде бывшие государственными, становятся общественными и наоборот, поскольку публичная власть и гражданское общество соединяются для совместной созидательной работы, а стимулирование и поддержка властью гражданских инициатив становятся политической сущностью демократий [6]. При этом, немаловажную роль в процессе развития страны играет некоммерческий сектор, который, безусловно, является неотъемлемой частью социального развития страны.

Ориентация некоммерческих организаций на социальную сферу предусматривает «доходность» от решения общественно важных задач или решения острых социальных проблем. Данный вид деятельности связан с созданием новых механизмов, основной задачей которых являются устойчивые позитивные социальные результаты в инфраструктурном обеспечении общественной системы. Решая социальные проблем, некоммерческие организации действуют в соответствии с главными принципами ценностей, тем самым не обогащаются материально, а реализовываются духовно и морально.

По мнению К.В. Куртова: «социальная практика в контексте социально ориентированных НКО представляется как регулярная повторяемость определенных действий, воспроизводимая неким сообществом, имеющая общее смысловое основание и целеполагание, ведущее к внешним и внутренним изменениям объекта и субъекта деятельности» [2].

Социальная (общественная) функция НКО понимается как содействие удовлетворению нематериальных потребностей определенных целевых групп общества. В политической науке и практике социальная функция НКО определяется в терминологии как содействие развитию человеческого капитала.

Результаты

Социальные НКО – это уникальная модель организационной системы, объединяющей стремление к нефинансовой прибыли в социальной сфере. В центре внимания такого подхода находятся не просто товары и услуги, но и улучшение качества жизни людей и решение острых социальных проблем. Социальные НКО разрабатывают инновационные решения, которые помогают незащищенным слоям населения, восполнить недостатки в традиционных системах.

Одним из ключевых аспектов социальной деятельности НКО является его устойчивость. Способность генерировать прибыль при одновременном решении общественных проблем обеспечивает долгосрочное существование таких инициатив. Это создает новые рабочие места, способствует экономическому развитию и улучшает экологическую ситуацию.

Среди успешных примеров социально ориентированных организаций можно упомянуть проекты, направленные на обучение молодых людей, поддержку женщин в бизнесе и устойчивое развитие социальных услуг. Поскольку общество сталкивается с новыми вызовами, роль социальных предпринимателей становится всё более значимой, вдохновляя на перемены и привнося надежду в будущее.

За годы своего развития некоммерческий сектор в Российской Федерации претерпел значительные позитивные трансформации, став более влиятельным, профессиональным, он существенно расширил сферы своей деятельности, что позволило ему играть все более значимую роль в формировании государственной политики. Если раньше некоммерческие организации реализовывали свои проекты за счет взносов и пожертвований, сегодня учитывая рост вклада НКО в общественный продукт, государство оказывает весомую поддержку некоммерческому сектору в виде грантов и субсидий.

Согласно данным доклада о негосударственных организациях опубликованном Минэкономразвития России в октябре 2024 года, в 2023 году 85 субъектов Российской Федерации осуществляли поэтапную реализацию комплекса мер обеспечения поэтапного доступа негосударственных поставщиков в социальной сфере к бюджетным средствам. Общий объем средств, переданных субъектами Российской Федерации негосударственным поставщикам на реализацию указанных направлений в 2023 г. составил 92,1 млрд руб. (в 2022 г. – 70,1 млрд руб., в 2021 г. – 71,4 млрд руб.) – (рис. 1).

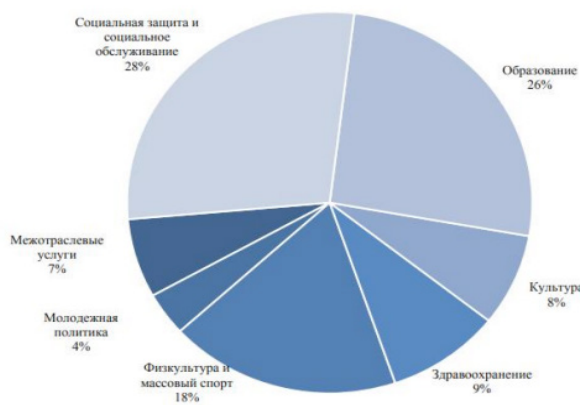

Рис. 1. Объем средств бюджетов субъектов Российской Федерации, переданных негосударственным поставщикам на оказание услуг по направлениям, 2023 г. [4]

Отметим, что адаптационный потенциал некоммерческого сектора, сегодня на достаточно высоком уровне. Как подчеркивает Директор Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Ирина Мерсиянова: «текущая ситуация не прошла бесследно для некоммерческого сектора и потребовала зачастую вносить коррективы в организационную деятельность. Тем не менее, если сравнивать с кризисом пандемии COVID-19, можно отметить, что НКО успешнее адаптировались к меняющимся условиям» [3].

В условиях современных вызовов и перемен, поддержка таких организаций становится особенно акту-

альной. Программы поддержки направлены на предоставление необходимых ресурсов, включая финансовую помощь и консультации. Каждая некоммерческая организация уникальна, и поэтому важно индивидуально подходить к каждому случаю, учитывая специфику их деятельности и потребности. С помощью этих мер государство ставит целью не только укрепить уже имеющиеся практики, но и вдохновить новые инициативы по развитию социально ориентированных организаций.

При этом, как справедливо отмечает Г.С. Скачкова: «...реализация в России масштабных задач, невозможна без взаимного доверия государства и общества, поскольку только на этом может основываться эффективная государственная политика, особенно в социальной сфере, при активной позиции общества, способного осуществлять действенный коллективный контроль за деятельностью органов власти на всех ее уровнях, начиная от муниципального и заканчивая федеральным» [5]. Эти отношения должны базироваться на взаимном доверии, уважении, сбалансированности прав и обязанностей и партнерстве [1].

Следует отметить, что сегодня государственная поддержка некоммерческих организаций значительно увеличилась: от реализации национальных проектов, выделения грантов и субсидий на проведение программ патриотического воспитания до разработки совместных образовательных модулей и курсов, распространения информации о деятельности НКО через государственные каналы. Однако во взаимодействии органов государственной власти и некоммерческих организаций существует ряд проблем, в первую очередь – правового регулирования.

Существует необходимость доработки правовой базы, направленной на ликвидацию ряда пробелов и противоречий. Так, необходимо полно раскрыть, что в России будут понимать под патриотическим воспитанием, прописать соответствующий понятийный аппарат, а также задачи, которые будут стоять перед органами власти и некоммерческими организациями в этой сфере.

По нашему мнению, сегодня необходим не только пересмотр работы с некоммерческими организациями, но и самих НКО. Необходим переход от хаотичной самореализации по принципу «кто что придумал, кто что смог донести до чиновников», к системной работе по внедрению патриотического воспитания в многообразии форм.

Обсуждение и заключение

В условиях обострения социально-экономических проблем и социальной напряженности в стране возникает необходимость углубленного исследования особенностей развития социально направленных некоммерческих организаций, его проблем и возможностей.

Сегодня, на уровень развития «третьего сектора» оказывают влияние множество факторов, не являются исключением и геополитические изменения. Специальная военная операция, санкционное давление, оказали существенное влияние практически на все сферы человеческой жизнедеятельности, более того, нестабильность социальных, экономических, политических, ценностных систем становится сущностной характеристикой современного общества, а вызовы и риски из ситуативных факторов превращаются в институциональный регулятив развития.

Перспективы развития социально ориентированных некоммерческих организаций в России, безусловно, имеются, но в то же время наблюдается ряд препятствий. Это монополизация отраслей экономики, финансирование социальной сферы по остаточному принци-

пу, зависимость от грантов, недостаточная поддержка со стороны государства, а также потребительское отношение и равнодушие некоторой части населения ко всему тому, что не касается лично каждого.

Литература

1. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / Т.Я. Хабриева, Л.В. Андриченко, С.Б. Найба, А.Е. Помазанский / Под ред. Т.Я. Хабриевой; обращение к читателям В.В. Путина. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2023. – 368 с.
2. Куртова, К.В. Феномен социальных практик в социально ориентированных некоммерческих организациях / К.В. Куртова // Миссия конфессий. – 2023. – Т. 12, № 1(66). – С. 116–120.
3. НКО в 2023 году смогли адаптироваться к изменениям, вызванным СВО и санкциями. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ksnko.ru/news/nko-v-2023-godu-smogli-adaptirovatsja-k-izmenenijam-vyzvannym-svo-i-sankcijami/?ysclid=m07tbjih528212743> (дата обращения: 12.01.2025).
4. Проект доклада Общественной Российской Федерации о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2024 год. [Электронный ресурс]. – URL: <https://edu.dobro.ru/upload/iblock/5fc/u07zjnx03jvyp8q2wvvgb7fb0pg99r54g.pdf?ysclid=m398bp6tct292652787> (дата обращения: 09.01.2025).
5. Скачкова, Г.С. Развитие идеи социального государства и новации статьи 75.1 Конституции Российской Федерации / Г.С. Скачкова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2021. – Т. 7, № 3(27). – С. 86–97.
6. Шмитт К. Понятие политического // Антология мировой политической мысли: в 5 т. М., 1997. Т. 2. С. 290–310.

ESSENTIAL CHARACTERISTICS OF THE ACTIVITY OF SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN A RISKY ENVIRONMENT

Krasovsky A.V.

National Research University "BelSU"

Today, the activities of government institutions and the public sector are aimed at overcoming difficult geopolitical conditions. The mechanisms for implementing socio-economic policy that have been in place over the past few years are losing their relevance, facing new challenges and threats. All this highlights the need to build new, more effective tools for implementing civic initiatives. In this regard, the work of non-profit organizations, designed to be a supportive element of the social sphere, deserves attention. In recent years, the qualitative development of dialogue between the government and non-profit organizations has contributed to a significant transformation of public institutions, which today not only respond to challenges in various spheres of society, but also become initiators of social change themselves.

Keywords: government, non-profit sector, organization, society, civil society, civil society institutions.

References

1. Commentary to the Constitution of the Russian Federation (article-by-article): taking into account the amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 / T. Ya. Khabrieva, L.V. Andrichenko, S.B. Naiba, A.E. Pomazansky; edited by T. Ya. Khabrieva; appeal to readers of V.V. Putin. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M, 2023. 368 p.
2. Kurtova K.V. The phenomenon of social practices in socially oriented non-profit organizations / K.V. Kurtova // The mission of the faiths. – 2023. – Vol. 12, No. 1(66). – pp. 116–120.
3. In 2023, NGOs were able to adapt to the changes caused by their own and sanctions. [electronic resource]. – URL: <https://www.ksnko.ru/news/nko-v-2023-godu-smogli-adaptirovatsja-k-izmenenijam-vyzvannym-svo-i-sankcijami/?ysclid=m07tbjih528212743> (accessed: 12.01.2025).
4. Draft report of the Public Russian Federation on the state of civil society in the Russian Federation for 2024. [electronic resource]. – URL: <https://edu.dobro.ru/upload/iblock/5fc/u07zjnx03jvyp8q2wvvgb7fb0pg99r54g.pdf?ysclid=m398bp6tct292652787> (date of reference: 01/09/2025).
5. Skachkova G.S. The development of the idea of a welfare state and the innovations of Article 75.1 of the Constitution of the Russian Federation / G.S. Skachkova // Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. – 2021. – Vol. 7, No. 3(27). – pp. 86–97.
6. Schmitt K. The concept of the political // Anthology of World political thought: in 5 volumes, Moscow, 1997. Vol. 2. pp. 290–310.

Кулинченко Александр Викторович,

к.ф.н., доцент, старший преподаватель кафедры политологии
Финансового университета при Правительстве Российской
Федерации

E-mail: avkulinchenko@fa.ru

В статье анализируется процесс управления в обществе на основе применения деятельностного подхода в качестве философско-методологической основы исследования. Обосновываются определения понятий и раскрывается соотношение и взаимосвязь управления как неотъемлемого свойства сложноорганизованных систем, управления в обществе, управления обществом как системой, социального управления, управленческой деятельности. Анализируется взаимодействие субъектов и объектов управления в обществе, возникающие проблемы, определяются пути их разрешения в целях создания эффективной системы управления обществом.

Ключевые слова: деятельность, деятельностный подход, управление, управление в обществе, управляющее воздействие, управленческая деятельность, управленческие отношения, социальное управление.

Процессы управления в обществе постоянно находятся в центре внимания ученых, являются предметом многочисленных научных исследований. Усилиями теоретиков и практиков создаются новые организационные формы и технологии управления, совершенствуются механизмы управленческой деятельности и способы повышения её эффективности. Решение амбициозных практических задач и успешная реализация масштабных проектов свидетельствуют о том, что эти усилия приносят свои плоды.

Прежде всего, речь, разумеется, идет о достижении целей в качестве главных результатов управления. Именно к ним приковано внимание общества и каждого человека, поскольку с этими результатами многие связывают решение проблем и свои надежды на лучшую жизнь. Однако нередко бывает и так, что в процессе решения главной задачи были упущены некие сопутствующие цели, которые посчитали второстепенными, подлинными и важные достижения сами породили проблемы, успех омрачен появлением новых несовершенств.

К этому можно было бы отнести как к неизбежному следствию погони за идеалом, который недостижим по определению, но служит сверхзадачей на пути прогрессивного развития. Отчасти это так. Но для многих поколений управленцев задача совершенствования управления стала своего рода «вечным возвращением»: принципы и практика управления постоянно развиваются, но это не избавляет их от критики за неэффективность, формализм, бюрократизм. А ведь именно неприятие этих негативных явлений часто воодушевляло людей на борьбу с ними, в том числе, посредством создания новых управленческих практик, организационных форм и механизмов управления. Однако «новое» сменялось «новейшим», а старые проблемы возникали вновь.

Можно было бы прийти к примиряющему с реальностью заключению, что практики управления хороши, но в них вовлечены люди, которые бывают неподготовленными, немотивированными, неспособными, злонамеренными, ленивыми. То есть речь идет о факторах, лежащих за пределами собственно управленческого процесса, в сфере воспитания, образования, социализации. Но это тоже верно лишь отчасти. Во-первых, люди способны не только дискредитировать в своей деятельности существующие практики управления, но также – совершенствовать их, создавать новые, более эффективные методы и формы управления. А во-вторых, считать какие-либо факторы лежащими за пределами процесса управления можно лишь при весьма узком понимании управления в обществе. Именно в этих вопросах следует разобраться, раскрыть взаимосвязь между процессами управления и деятельностью людей.

Когда заходит речь о человеческой деятельности, понятии деятельности, принципе деятельности, о деятельностном подходе в общественных науках, это нередко вызывает самые разные, порой противоположные, оценки и суждения. Одни исследователи справедливо указывают на продуктивность применения деятельностного подхода в многочисленных конкретных исследовательских и проектных практиках, раскрывают его вклад в развитие методологии междисциплинарности [12]. Другие считают деятельностный подход ограниченным, устаревшим, связывают его проблематику с господ-

ствовавшей в нашей стране длительное время теорией и идеологией марксизма-ленинизма.

Постепенное преодоление идеологизированных подходов девяностых годов к решению методологических проблем общественных наук позволило по-новому оценить значение деятельностного подхода. Подводя итоги дискуссии на страницах журнала «Вопросы философии» в 2001 г. В.А. Лекторский обосновывал вывод о том, что «деятельностный подход в современных условиях не только имеет смысл, но и обладает интересными перспективами» при условии «его переосмысления и отказа от его узкой интерпретации» [3]. Фактически речь должна идти о деятельностной исследовательской программе, которая ориентирована на реализацию объяснительного принципа в отношении различных явлений и процессов, протекающих в обществе [9].

Применительно к анализу такого основополагающего, универсального и всепроникающего явления общественной жизни как процесс управления, деятельностный подход необходимо использовать в его предельно широком, социально-философском понимании. Тогда деятельность рассматривается как универсальный способ существования человека и общества. Под деятельностью понимают специфически человеческую форму активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование. Деятельность – это особый способ существования человека в мире, особая форма проявления присущего ему способа активности; это все то, что делается людьми, и то, как это делается ими. Посредством деятельности люди изменяют мир и изменяются сами, создавая мир культуры и общественную жизнь.

Понятие «деятельность» становится тем «общим знаменателем», к которому сводятся без остатка любые проявления общественной жизни, индивидуальные и коллективные действия людей. Это позволяет собрать воедино и систематизировать всё многообразие форм этой жизни. Исходя из того, что общественная жизнь есть процесс совместной деятельности людей, можно утверждать, что всё существующее в обществе представляет собой проявление деятельности: её часть, отношение частей, свойство, состояние, вид, форму, материальный или духовный продукт.

По сути, деятельность рассматривается одновременно как способ существования человека и как субстанция общественной жизни, все проявления которой представляют собой её формы, атрибуты, модусы, цели, средства и результаты [7, 8]. С этой точки зрения, общество представляет собой коллективную, совместную, совокупную деятельность людей, которые вступают во взаимодействие друг с другом, обмениваются деятельностью, её материальными и духовными результатами, создают общественные формы деятельности, отношения, идеи, ценности, нормы и институты. В том числе, важнейший институт управления общественными делами.

Управление как явление общественной жизни предстает перед исследователями в качестве чрезвычайно многогранного, сложного феномена, который обладает значительным многообразием своих разновидностей и форм проявления. К управлению в обществе относят: управление государственное, административное, политическое, муниципальное, корпоративное, менеджмент, управление организацией, проектами, персоналом, ресурсами, качеством, рисками и многое другое. Существуют также самоуправление, саморегулирование и их антиподы – процессы манипулирования индивидуальным и массовым сознанием, которые также оказывают управляющее воздействие на поведение и деятельность людей.

Если к тому же учесть, что жизнь современного общества невозможно представить без использования «вещества природы», природных ресурсов и естественных процессов, а также сложнейшей техники и всей материально-производственной инфраструктуры, которые нуждаются в эффективном управлении, то исследуемый феномен управления в обществе предстанет как совершенно безбрежный, всеобъемлющий, всепроникающий. Разумеется, при условии, что видимые значительные различия являются исключительно видовыми и не подрывают существования общих родовых признаков управления в обществе.

А такие общие признаки управления, несомненно, существуют. Причем не только применительно к управлению в обществе. С развитием кибернетики и теории систем было убедительно показано, что управление является неотъемлемым важнейшим свойством всех сложноорганизованных, открытых, динамичных систем, которое обеспечивает само их существование и развитие во взаимодействии с внешней средой. К такого рода системам относятся биологические, социальные, а также сложные технические и информационные системы.

Рассматривая сложноорганизованную систему под углом зрения протекающих в ней процессов управления исследователи выделяют в ней управляющую и управляемую подсистемы. Процесс управления в этом случае есть воздействие управляющей подсистемы на управляемую с целью перевода всей сложноорганизованной системы в новое состояние. Это новое состояние, по сути, представляет собой «цель» управления. Причем эта цель не всегда является осознанной. Для биологической системы «целью» управления является такое её новое состояние, при котором обеспечивается выживание, самосохранение, функционирование и развитие системы в условиях многообразных внешних, в том числе, неблагоприятных и разрушительных воздействий со стороны окружающей среды.

Но чтобы достичь цели, необходимо обладать информацией о внутренних и внешних воздействиях и взаимодействиях, которые оказывают на систему существенное влияние. Поэтому процесс управления обладает важнейшей отличительной характеристикой, сущностной чертой: управляющее воздействие (воздействие управляющей подсистемы) носит информационный характер. Это особого рода информационное воздействие на управляемую подсистему.

В результате масштабных исследований процессов управления в Комитете по научно-технической терминологии Академии наук была разработана терминология, образующая систему терминов и определений собственных понятий теории управления и смежных дисциплин. Управление как основополагающее понятие теории управления определялось следующим образом: «Управление есть процесс выработки и осуществления управляющих воздействий на объект управления для достижения цели управления».

При этом делалось пояснение:

а) выработка управляющих воздействий включает сбор, передачу и обработку необходимой информации, принятие решений, обязательно включающее определение управляющих воздействий;

б) осуществление управляющих воздействий включает передачу управляющих воздействий и при необходимости преобразование их в форму, непосредственно воспринимаемую объектом управления [13].

Кибернетика и системно-кибернетическая методология в целом внесла неоспоримый вклад в познание управления. Во многом это определяет постановку проблемы управления и в общественных науках. В обще-

стве, как и в системах иной природы, управление представляет собой способность общественной системы производить структурную и функциональную перестройку в соответствии с изменениями условий внешней и внутренней среды. Управление на основе сбора и обработки информации позволяет отбирать и развивать полезные для общества воздействия и изменения, а также противодействовать вредным и разрушительным. В этом смысле, управление в обществе выполняет важнейшую негэнтропийную, организующую функцию. Тем самым обеспечивается целостность общества, оптимизируется его функционирование и развитие.

Общество как сложноорганизованная система состоит из взаимодействующих элементов, которые, в свою очередь, образуют её различные подсистемы и иерархические уровни. Последние также представляют собой целостные образования (подсистемы), находящиеся во взаимосвязи и взаимодействующие друг с другом, выполняющие в отношении друг друга определенные функции. Каждому из них присущи собственные процессы управления. Они присущи всем отдельным подсистемам общества и различным уровням его организации. Но поскольку все общественные подсистемы представляют собой части целого – общественной системы, эти многочисленные разновидности процессов управления в обществе должны быть упорядочены и скоординированы друг с другом. В противном случае неизбежна дезорганизация и нарастание хаоса, что противоречит целям управления.

Более того, все многочисленные разновидности процессов управления в обществе должны сливаться в единый процесс управления обществом. Управление обществом как целым и процессы управления в его подсистемах (виды и формы управления) теснейшим образом взаимосвязаны. А следовательно, должна существовать целостная система управления обществом. Общество в целом имеет свои цели и задачи, для решения которых создается система управления обществом и его управляющая подсистема.

Применительно к конкретному обществу, отдельной стране, в качестве управляющей подсистемы справедливо рассматривают государство. Тогда логично предположить, что государственное управление и есть процесс управления обществом как целым. Не нужно двух слов: это тождественные понятия. В пользу такого вывода можно привести немало аргументов. Прежде всего, следует указать на объект управляющего воздействия – конкретное общество, а также на основополагающую цель государственного управления – поступательное развитие всего общества на основе мобилизации ресурсов и решения общественных проблем.

Однако здесь необходимо сделать существенное уточнение и дополнение. Сверхсложная система любой природы характеризуется тем, что она обладает избыточностью структурных элементов, а связи между ними способны изменяться случайным образом под воздействием внешней среды. У неё проявляется свойство самоорганизации – способность системы самостоятельно переходить в новые устойчивые состояния. Тогда роль управляющей подсистемы заключается в регулировании отбора таких самопроизвольных реакций системы, которые в наибольшей степени соответствуют характеру внешних воздействий. Устойчивое состояние системы и ее способность к развитию обеспечивается взаимодействием двух механизмов – самоорганизации, саморегулирования, с одной стороны, и целенаправленного воздействия управляющей подсистемы, с другой.

Этот общий вывод в полной мере относится к такой сверхсложной системе как общество. Управление обще-

ством как целым есть слагаемое многих организующих, регулирующих и управляющих процессов: государственного управления, общественной самоорганизации, самоуправления, саморегулирования. Спонтанная активность отдельных людей, их объединений и организаций представляет собой не помеху централизованному управлению, а является необходимым компонентом системы управления обществом. Цели управления обществом не могут не включать в себя в преобразованном виде цели отдельных людей и их объединений. Управляющая подсистема, вся система управления обществом, не может игнорировать их потребности, ценности, интересы и цели, поскольку в конечном счёте общество представляет собой продукт действий и взаимодействий всех входящих в него людей, результат и процесс их совместной деятельности. А деятельность, как отмечалось выше, способна преобразовывать окружающий мир, создавать мир культуры, соединять естественные и социокультурные процессы, направляя их на достижение целей, поставленных субъектом деятельности.

Деятельность, создавая над- и сверх-природную реальность, социокультурный мир, общество во всех его возможных проявлениях одновременно формирует механизмы и процессы для воспроизводства и развития этой системной целостности. Важнейшим из указанных процессов и механизмов является управление. Причем речь идет о его особой, высшей форме, которая способна соединять все нижестоящие иерархические уровни и процессы (различные виды и формы управления в обществе), пронизывать собой и объединять их для достижения осмысленных, сознательно поставленных целей. В этом его качественное отличие от управления в других сложноорганизованных системах (например, биологических). Поэтому логично называть эту высшую форму управления социальным управлением.

Однако сразу возникает вопрос, если данный процесс управления порожден деятельностью, кто является его субъектом? Субъектом деятельности, создающим общественную жизнь как особую реальность является человеческий род, Человек с большой буквы, совокупность всех людей в историческом прошлом, настоящем и будущем. Следовательно, субъектом управления обществом в его предельно широком понимании является само общество как субъект совокупной человеческой деятельности. По сути, это процесс общественной самоорганизации и самоуправления.

Но анализируя процессы управления в обществе необходимо раскрывать его механизмы, управляющие воздействия и взаимодействия. При такой, более конкретной, постановке вопроса, в указанных взаимодействиях обнаруживается неустраняемая двойственность. С одной стороны, процесс управления выступает как взаимодействие управляющей и управляемой подсистем, что роднит управление в обществе со сходными процессами в других сложноорганизованных системах. С другой стороны, возникает новое качество. Функции управления реализуются посредством сознательной деятельности людей, их объединений, организаций и институтов. Последние могут рассматриваться в качестве коллективного субъекта деятельности, поскольку объединяют людей, которые заинтересованы в общем продукте деятельности и совместно реализуют собственную программу [9].

Эта новая реальность нуждается в осмыслении и адекватном выражении. Управляющая подсистема в обществе приобретает качества субъекта управления, а управляемая подсистема – объекта управления. Управление трактуется как взаимодействие между субъектом и объектом управления. В качестве последнего выступают не только и не столько материально-вещественные

компоненты общественной жизни, но прежде всего, преобразующая их деятельность людей. Получается, что и субъект, и объект управления представляют собой субъекты деятельности, которая обеспечивается, направляется и реализуется благодаря наличию огромного арсенала средств общечеловеческой культуры (идей, ценностей, символов, смыслов, знаний, технологий, норм, институтов и др.).

Итак, управление в обществе выступает как деятельность, но деятельность особого рода: деятельность по управлению. Она может быть истолкована как реализация функций управления. На этой основе формируется и широко используется понятие управленческой деятельности (управленческого труда, менеджмента). В качестве субъектов управленческой деятельности выступают обладающие необходимыми качествами люди и возглавляемые ими специально созданные органы и структурные подразделения различных организаций.

Сама природа коллективной деятельности людей обуславливает необходимость возникновения управленческой деятельности, которая эту коллективную деятельность организует, координирует и направляет. У нее есть свой особый предмет, задачи, функции, цели и механизмы, а также требования к субъекту управленческой деятельности. Если управленческий труд становится профессией, появляются требования к личным качествам, профессиональным знаниям и опыту людей, которые претендуют на роль субъекта управления. Люди, которые данными качествами не обладают, становятся исполнителями, объектами воздействия со стороны управляющих.

В свое время К. Маркс, анализируя труд как положительную творческую деятельность по преобразованию вещества природы для удовлетворения потребностей людей, раскрыл причины возникновения труда по управлению. Он писал: «Труд по надзору и управлению необходимо возникает всюду, где непосредственный процесс производства имеет вид общественно-комбинированного процесса, а не является раздельным трудом самостоятельных производителей» [6]. Данный вывод был сформулирован и в более развернутом виде: «Всякий непосредственно общественный или совместный труд, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, нуждается в большей или меньшей степени в управлении, которое устанавливает согласованность между индивидуальными работами и выполняет общие функции, возникающие из движения всего производственного организма в отличие от движения его самостоятельных органов. ... отдельный скрипач сам управляет собой, оркестр нуждается в дирижере» [5].

Если возникновение управленческой деятельности вызвано разделением труда и необходимостью его последующего объединения, следует признать, что одновременно с ней возникает ещё одна деятельность особого рода – исполнительская, или деятельность по исполнению решений управляющих. Поскольку человеческая деятельность представляет собой общественный феномен, она протекает в создаваемых ею общественных формах деятельности – общественных отношениях, которые формируются у людей в процессе их совместной деятельности. Следовательно, появление управленческой и исполнительской деятельности порождает новые отношения между людьми – управленческие отношения.

В теории социального управления управленческие отношения часто определяли как отношения «между субъектом и объектом в процессе управления» [4]. Похожим образом понимаются управленческие отношения в социологии управления: как взаимоотношения двух субъектов, различающихся своим иерархическим

статусом, построенные на основе взаимодействия социальных групп, представителями которых выступают руководители и подчиненные [2, с. 164–168]. В этом случае управление рассматривается как процесс целенаправленного воздействия одних людей на других. Субъект этого воздействия – руководитель с его управленческим аппаратом. Объект – отдельный работник, бригада, предприятие, на которые направлено управленческое воздействие. Наконец, управленческие отношения – это взаимоотношения руководителей и подчиненных [2, с. 168–172].

Социология рассматривает управление в виде «пирамиды социальных отношений»: управление представляет собой «иерархическую систему отношений людей, основанную на различиях в должностном положении, статусе, доходах, диапазоне властных полномочий». Управление – это «властная форма закрепления социальных отношений людей» [2, с. 168, 173]. Социология управления помогает понять, как эта иерархическая система устроена и функционирует. Причем речь идет о некой устойчивой системе сложившихся и неизменных ролей и функций, благодаря которым обеспечивается процесс управления.

С одной стороны, наличие такой системы оправдано. Более того, она способствует организации совместной деятельности для достижения цели. С другой стороны, при данном подходе не вполне удается раскрыть, что в качестве объектов управления рассматриваются люди, социальные субъекты, субъекты деятельности.

Последнее вновь возвращает нас к вопросу о двойственности процесса управления в обществе. Первая составляющая этой двойственности также проявляется двояко. С одной стороны, чтобы достичь цели, необходимо считаться с реалиями окружающего мира, направлять управляемые процессы, используя знание об объективных закономерностях. Управляющий (субъект управления) должен обладать такими знаниями и навыками. С другой стороны, человек может быть включен, погружен и даже поглощен совокупностью взаимосвязанных процессов, которые подлежат управлению. Например, рабочий на конвейере, выступающий как своего рода «винтик» производственного процесса, «частичный человек», застывший в какой-то одной своей определенности. Такое положение закрепляет человека в роли объекта управляющего воздействия. В подобных условиях функционально-ролевая дифференциация, деление на управляющих и управляемых, субъектов и объектов управления необходима и оправдана.

Но конкретные условия совместной деятельности могут быть иными, более того они постоянно изменяются. Люди в качестве субъектов деятельности способны проявлять себя по-разному, что нельзя не учитывать в процессе управления.

Тогда проявляется вторая составляющая двойственности управления в обществе. Она проистекает из того важного обстоятельства, что человек как субъект деятельности способен не только использовать себе на пользу имеющиеся ресурсы и возможности, готовые организационные формы и механизмы, знание закономерных связей окружающего мира. Он способен также творить новую, не существовавшую доселе реальность.

Человеку по самой его природе присущи уникальные качества и способности. Принадлежность человеческому роду и культуре, обладание сознанием и волей делают его внутренне свободным. Он не предопределён никакими внешними обстоятельствами и условиями его существования. Человека нельзя свести к какому-нибудь одному его воплощению, социальной роли, профессии. Он всегда способен выйти за установленные рамки, из-

менять себя и реальность вокруг себя, предложить новые идеи, проекты, программы, стратегии совместной деятельности, а также организовать достижение поставленных целей. Наконец, человек уникален, каждый по-своему видит мир, происходящие в нем процессы, судит о проблемах и задачах, находит их решения.

Более того, человек как субъект деятельности способен управлять собой и другими:

- способен познавать альтернативы;
- предвидеть результаты своих действий;
- ставить цели;
- принимать решения;
- определять средства для их реализации;
- планировать свою деятельность;
- организовывать, комбинировать и соединять отдельные действия в единый процесс достижения цели;
- направлять и подчинять свои стремления, желания и действия достижению поставленной цели;
- соотносить полученные результаты с принятым решением;
- корректировать решения и цели;
- приспособлять процесс достижения цели, его средства, пути и способы – к цели в её высшей, наиболее адекватной форме выражения.

По сути, это означает, что каждый человек потенциально способен к реализации функции управления. Социальный субъект в конкретной ситуации взаимодействия с другими субъектами способен стать субъектом управления и предложить собственную программу коллективной деятельности. Иными словами, скрипач не только «управляет собой», но и способен заменить дирижера.

И процесс управления начинается отнюдь не по причине и вследствие поступившего распоряжения. Осуществление управления посредством приказа не означает, что управление сводится к приказу. Последнему надлежит быть действенной формой управленческого решения, которое должно быть принято исполнителями, реализовано на практике, привести к достижению целей в интересах всех участников организованной совместной деятельности. Если этого нет, система управления деградирует и влечет за собой упадок всей организованной системы деятельности.

Следовательно, достижение цели не является прямым и непосредственным следствием управляющего воздействия руководителя. Управление в обществе представляет собой единство управленческой деятельности (управляющего воздействия) и деятельности по исполнению. Управленческое решение, принятое руководителем, должно быть воспринято, понято, поддержано и принято к реализации исполнителями, поскольку в нём определены цели коллективной деятельности, в достижении которых заинтересованы все её участники.

И процесс выработки и принятия управленческого решения, и процесс его исполнения в конкретных ситуациях всегда предполагают элементы творчества и новизны. Деятельная природа людей соединяет участников коллективной деятельности вне зависимости от выполняемых ими социальных ролей, если все они направлены на достижение общих целей. Следствием этого становится соединение деятельности по управлению и деятельности по исполнению в единый процесс социального управления.

Разумеется, в реальности ситуации могут быть самые разные. Не идеальны условия взаимодействия, не идеальны и люди в качестве субъектов деятельности. Могут возникать непонимание и разобщенность, конфликты и противоборство. Однако осуществлять управление жизненно необходимо.

Поэтому взаимосвязь управляющей и управляемой подсистем, роли управляющих и управляемых закрепляются в нормах, возникают управленческие отношения и институты управления. В аспекте статики, в рамках одного относительно замкнутого управленческого цикла достижения цели, роли управляющих и исполнителей неизменны, стабильное функционирование институтов управления обеспечивается действием института власти. Однако это обстоятельство не должно провоцировать появление представлений, что действительность управления в обществе зависит лишь от силы управляющего воздействия, императивности приказа и жёстких мер принуждения в отношении управляемых. Фактически это отвергает сущностные характеристики человека как субъекта деятельности, обладающего неисчерпаемым потенциалом. Более того, ведёт в тупик при попытке раскрыть специфическую природу управления в обществе.

Последняя проявляется помимо прочего в том, что функции управления способны принять на себя люди, которые прежде не осуществляли управленческую деятельность как особую разновидность труда с его специфическими задачами и функциями. В своей сущности социальное управление выступает как продуктивная творческая деятельность, создающая такой продукт (идеи, ценности, нормы, смыслы, идеалы, цели, программы, решения, механизмы, алгоритмы), который имеет важное значение для всех участников совместной деятельности и способен выполнять общую функцию по её организации. При этом необходимо, чтобы содержание и ценность данного продукта воспринималось другими участниками обмена деятельностью адекватным образом, способствовало удовлетворению их потребностей и интересов, достижению целей, реализации основополагающих ценностей и норм.

Процесс социального управления как специфически общественная (не биологическая) форма процесса управления реализуется в том случае, если связанные общим интересом субъекты деятельности становятся субъектами и объектами управления и реализуют в совместной деятельности функцию управления. Это возможно, если, *во-первых*, деятельность одного из них (субъекта управления):

- раскрывает перед другими (объектами) новые направления и возможности для деятельности,
 - не умаляя их самостоятельности,
 - и не отчуждая право на принятие собственных решений;
- а *во-вторых*, объекты информационного, управленческого воздействия способны:
- к активному использованию данной информации,
 - самостоятельному восполнению её недостатка
 - и – при необходимости – выработке собственной программы совместной деятельности.

Управленческие отношения и организационные формы призваны способствовать адекватному проявлению сущности социального управления в реальных процессах управления. Очевидно, что подобное положение представляет собой, скорее, некий идеал, высшую цель, которая никогда не может быть достигнута во всей полноте, но к которой постоянно следует стремиться. И это требует усилий от всех участников процесса управления коллективной деятельностью.

Однако на практике нередко наблюдается стремление сохранить отжившие организационные формы и механизмы управления. Одни стремятся сохранить свою функцию и роль руководителя, а также связанные с ней привилегии, статус, доход и уровень жизни. Уже не способные к принятию и реализации оптимальных управ-

ленческих решений, они, тем не менее, игнорируют инициативы подчиненных и уповают на силу властного принуждения. Другие проявляют безразличие, инертность, безынициативность, стремятся сохранить привычные, комфортные, но малоэффективные формы работы по исполнению распоряжений начальства. Субъект-объектное взаимодействие налицо, но процесс управления деградирует. Активно проявляются все известные патологии управления и организации – формализм, бюрократизм, неэффективность. Под угрозой достижение целей, а в предельном случае неминуема полная утрата управляемости общественных процессов.

Напротив, наиболее полная для конкретных условий реализация сущности социального управления способствует созданию эффективной системы управления обществом как целым, которая соединяет и направляет к общей цели различные виды управления: государственное управление, управление в отдельных сферах общественной жизни, отраслях народного хозяйства, управление и самоуправление в многочисленных организациях.

Для этого необходимо, чтобы управленческие отношения на всех уровнях системы управления обществом отвечали критериям подлинного лидерства, когда и лидеры, и их сторонники активно и сознательно объединяют свои усилия для достижения общей цели. В терминах социологии организаций задача выглядит так: необходимо на постоянной основе обеспечивать единство формального и неформального лидерства в созданных людьми многочисленных организациях и обществе в целом.

Понимание важности решения этой задачи находит свое воплощение во многих значимых инициативах. Ярким примером служит всероссийский конкурс «Лидеры России», который проводится по поручению Президента РФ и реализует программы поиска и подготовки талантливых управленцев со всей страны. Речь идет не просто о должностных лицах системы публичной власти, государственных служащих, выполняющих распоряжения руководителей нового поколения, о людях, способных проявлять свои лидерские качества каждый на своем месте, при решении конкретных задач. Всех этих людей объединяет главное – стремление служить своей стране. Такие люди составляют подлинный золотой кадровый фонд государства, элиту управленцев, потому что «настоящая элита – это все, кто служит России» [11].

Литература

- Афанасьев В.Г. Системность и общество. – М., 1980.
- Кравченко А.И., Тюрина И.О. Социология управления: фундаментальный курс: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2005.
- Лекторский В.А. Деятельностный подход: смерть или возрождение? //Вопросы философии, 2001, № 2, С. 56–57, 65.
- Марков М. Теория социального управления. М., 1978. С. 17–21.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 342.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 422.
- Момджян К.Х. Социальная философия. Деятельностный взгляд на человека, общество и историю. М., 2013.
- Момджян К.Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. Часть 1. – М.: Издательство Московского университета, 2013.
- Науменко Т.В. Деятельностный подход как объяснительный принцип современной социальной философии. Журнальный клуб Интелпрос (<http://www.intelros.ru/readroom/>) (http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/) № 1, 2013.
- Новиков Д.А. Методология управления. Изд. 2-е, стереотип. – М.: Ленанд, 2021.
- Послание Президента Российской Федерации от 29.02.2024. (Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации.) // <http://kremlin.ru/acts/bank/50431/page/1>.
- Степанова Г.Б. Практики применения деятельностного подхода и реализация методологии междисциплинарности в 60–70-е годы XX века. Философия науки и техники 2020. Т. 25. № 2. С. 116–130.
- Теория управления. Терминология. Вып. 107. – М., 1988.
- Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. – М., 1978.

ACTIVITY APPROACH TO THE ANALYSIS OF CONTROL AND CONNECTION IN SOCIETY

Kulichenko A.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article analyzes the process of control in society on the basis of the application of the activity approach as a philosophical and methodological basis of research. The definitions of concepts are substantiated and the correlation and interrelation of control as an inherent property of complex organized systems, control and connection in society, management of society as a system, social control and connection, managerial activity are revealed. The interaction of subjects and objects of management in society, arising problems is analyzed, the ways of their solution are determined in order to create an effective system of society management.

Keywords: activity, activity approach, control, control and connection in society, controlling influence, managerial activity, managerial relations, social control and connection.

References

- Afanasyev V.G. System and Society. – M., 1980.
- Kravchenko A.I., Tyurina I.O. Sociology of Management: Fundamental Course: Textbook for Students of Higher Education Institutions. – 2nd edition, revised and supplemented. – M.: Academic Project, 2005. P. 164, 168.
- Lektorsky V.A. Activity approach: death or revival? //Philosophy Issues, 2001, No. 2, pp. 56–57, 65.
- Markov M. Theory of Social Management. M., 1978. С. 17–21.
- Marx K., Engels F. Soch. Vol. 23. P. 342.
- Marx K., Engels F. Soch. Vol. 25. Part 1. С. 422.
- Momjyan K.H. Social Philosophy. Activity view of man, society and history. M., 2013.
- Momjyan K. Kh. Social Philosophy. Activity approach to the analysis of man, society and history. Part 1. – Moscow: Moscow University Press, 2013.
- Naumenko T.V. Activity approach as an explanatory principle of modern social philosophy. Intelros Journal Club (<http://www.intelros.ru/readroom/>) (http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/) No.1, 2013.
- Novikov D.A. Methodology of management. 2nd edition, stereotype. – M.: Lenand, 2021.
- Message of the President of the Russian Federation from 29.02.2024 (Speech of the President of the Russian Federation V.V. Putin with the Address to the Federal Assembly of the Russian Federation). // <http://kremlin.ru/acts/bank/50431/page/1>.
- Stepanova G.B. Practices of application of the activity approach and realization of the methodology of interdisciplinarity in the 60–70s of the XX century. Philosophy of Science and Technology 2020. Т. 25. № 2. P. 116–130.
- Theory of management. Terminology. V. 107. – M., 1988.
- Yudin E.G. System approach and the principle of activity. Methodological problems of modern science. – M., 1978.

Влияние импортозамещения в сфере здравоохранения на развитие патриотических взглядов молодежи в условиях демографических вызовов в современной России

Черкасов Дмитрий Игоревич,

аспирант кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
E-mail: t.i.d.13.08.2000@gmail.com

Ашкар Мария,

аспирант кафедры, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
E-mail: mariaash9.8@gmail.com

Мкртумова Ирина Владимировна,

д-р социол. наук, профессор, профессор кафедры социологии, психологии управления и истории ИГУиП Государственного университета управления; профессор кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
E-mail: imkrtumova@yandex.ru

Целью статьи является исследование влияния процессов импортозамещения в сфере здравоохранения на субъективное восприятие безопасности и социальной стабильности, на развитие патриотических взглядов в социуме, а также на воспроизводство населения. Методологические основы исследования образуют идеи Т. Парсонса об обеспечении стабильности и устойчивости социальной системы, социологические концепции национальной идентичности Г. Келмана, К. Хюбнера, а также научные воззрения З. Баумана о «текущей современности» как о феномене влияния изменений в обществе на социальное восприятие безопасности и стабильности. Инструменты и методы. Использован комплексный социологический подход, сочетающий количественные и качественные методы исследования. Осуществлен анализ вторичных данных исследований по сопоставимой тематике, официальных статистических данных, касающиеся динамики развития отечественного производства и его влияния на доступность медицинских услуг, сохранение репродуктивного здоровья в условиях демографических вызовов. Аналитические инструменты: статистические методы обработки количественных данных, контент-анализ для интерпретации качественных данных, полученных в ходе исследований. Используемые инструменты позволили автору рассмотреть механизмы формирования общественного сознания в ситуации импортозамещения.

Ключевые слова: импортозамещение в сфере здравоохранения, патриотизм, экономический суверенитет, демография, репродуктивное здоровье, социальная стабильность, национальная идентичность.

Введение

Актуальность изучения векторов влияния импортозамещения в сфере здравоохранения на развитие патриотических взглядов в России в современных условиях несомненна. В условиях глобальных экономических санкций, постковидных ограничений, СВО и мировой политической нестабильности импортозамещение медицинских препаратов и средств становится ключевым элементом стратегии экономической безопасности страны. Импортозамещение в сфере здравоохранения выступает важным фактором, способствующим формированию в обществе чувств безопасности и защищенности, сохранение репродуктивного здоровья молодежи. В условиях санкций развитие отечественного производства медицинского оборудования и фармацевтики создает ощущение устойчивости и автономии, что, в свою очередь, укрепляет социальную стабильность. Это явление не только способствует повышению доступности лекарственных средств и оборудования, но и формирует у граждан уверенность в немедленном получении необходимой помощи, в надежности отечественных медицинских решений. Таким образом, импортозамещение становится инструментом, через который государство может обеспечивать гражданам уверенность в том, что их здоровье находится под надежной защитой. В результате, это усиливает общую социальную сплоченность и патриотические настроения, укрепление института семьи, что является важным аспектом для формирования позитивного общественного сознания. Развитие отечественного производства медицинского оборудования и фармацевтики могут укрепить доверие граждан к государству и его институтам. Наконец, исследование данного вопроса позволяет выявить социальные и социокультурные механизмы, через которые экономические изменения влияют на общественное сознание и укрепляют патриотизм в стране.

Дискуссия

Проблемы социальной стабильности и безопасности постоянно находилась в центре социологического изучения социума. Так, Талкотт Парсонс [1] сформулировал особенности социальных систем, их основные функции и выделял четыре подсистемы, которые являются частью более общей системы, в которой акцентировал внимание на важности социальных норм и ценностей для поддержания стабильности в обществе. Роберт Мертон [2] разработал в т.ч. концепцию аномии, которая объясняет, как социальные структуры могут влиять на индивидуальное поведение и стабильность общества. Эмиль Дюркгейм [3,4] изучал проблемы социальной стабильности, социальной интеграцию и аномии. Его работы об аномии и ее влиянии на общество подчеркивают важность социальной солидарности для поддержания стабильности. Макс Вебер [5] разработал теорию социального действия, выделяя целерациональные, ценностно-рациональное, аффективные и традиционные социальные действия. Важны социологические концепции национальной идентичности Г. Келмана, К. Хюбнера [6,8].

Среди новейших исследований выделим исследование Зигмунда Баумана о «текущей (жидкой) современности» [9], в которых автор рассматривал влияние изменений в обществе на чувство безопасности и стабильности в социуме, подчеркивая нестабильность современных социальных структур. Бауман указывал, что человек становится абсолютно незащищенным перед лицом неконтролируемых им перемен.

Фундаментом социальной стабильности и улучшения демографической ситуации в стране является в т.ч. сохранение репродуктивного здоровья молодежи. К сожалению, для определенной части молодёжи характерно неблагоразумное, даже рискованное поведение в сфере репродуктивного здоровья. Последствия нарушения репродуктивного здоровья требуют медицинского вмешательства, связанного в т.ч. с лекарственным обеспечением. Так, по данным Всемирной организации здравоохранения за 2023 год, ежегодно во всем мире регистрируется около 333 млн новых случаев, поддающихся лечению инфекций, передающихся половым путем (далее-ИППП), причем самые высокие показатели наблюдаются среди людей в возрасте 20–24 лет. Подсчитано, что каждый 20-й молодой человек в мире ежегодно заражается ИППП, исключая ВИЧ и другие вирусные инфекции¹. По оценкам ВОЗ, отраженным в докладе «Глобальная программа по борьбе с ВИЧ», в мире 39,0 млн (по странам от 33,1 – до 45,7 млн) человек жили с ВИЧ. Среди них число детей в возрасте до 14 лет составляло 1,5 млн (1,2–2,1 млн)². Лечение проблем репродуктивного здоровья молодежи требуют современных медицинских технологий, лекарственных средств, связанных в т.ч. с импортозамещением оборудования и медицинских препаратов.

Вышеуказанные исследователи образуют теоретические рамки и подходы авторов данной статьи к пониманию социальной стабильности и безопасности.

Патриотические взгляды – динамика

По данным социологов, уровень патриотизма в российском обществе находится на высоком уровне, увеличиваясь каждый год. Среди опрошенных 94% считают себя патриотами, 62% (+10% за последний год) – безусловными патриотами. Это абсолютный максимум за весь период ведения статистики по этому показателю [10].

Одним из определений, которым участники социологического исследования слово «Родина» являлось «благополучие и безопасность». А любовь к Родине респонденты чаще всего связывают с ее защитой, участием в ее развитии, со знанием истории и культуры, чувством гордости за свое отечество. Так как именно здравоохранение является одним из секторов, обеспечивающих благополучие населения, очень важным являются исследование патриотических взглядов со стороны населения на развитие в данной сфере, а также отношения граждан как с медицинским, так и с немедицинским образованием к текущему качеству медицинского обслуживания с учетом санкций и импортозамещения.

В 2024 году одним из ключевых достижений в реализации молодежной политики Российской Федерации ста-

ло значительное увеличение доли молодых людей, выражающих уверенность в перспективе успешной самореализации внутри страны. Согласно статистическим данным, представленным в докладе вице-преьера РФ Татьяны Голиковой, прежде всего фиксируется рост показателя доверия к возможностям профессионального и личностного развития в отечественных условиях: с 46% в 2020 году до 83,1% в 2023 году. Подобная динамика свидетельствует о трансформации ценностных ориентаций молодежи в сторону укрепления внутренней социальной и культурной идентичности, что может коррелировать с эффективностью государственной политики в данной области.

В современной России патриотическое воспитание молодежи занимает центральное место в системе государственного образования. Эта сфера становится стратегически важным элементом государственной молодежной политики, направленной на формирование гражданского самосознания и укрепление национальной идентичности среди молодого поколения. Комплексный подход к реализации данной политики обеспечивается взаимодействием различных государственных структур, включая Министерство науки и высшего образования, Министерство просвещения, Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь), а также активное участие ведущих студенческих общественных организаций и объединений. Такое партнерство государства и общества способствует созданию благоприятных условий для развития у молодежи патриотических ценностей и активного гражданского участия.

В рамках системы патриотического воспитания, образовательные центры в различных регионах России играют ключевую роль, предоставляя молодым людям возможность обучения и участия в разнообразных программах. Эти центры работают круглый год, обеспечивая постоянное сопровождение и развитие молодежи. Благодаря такой комплексной работе, к концу 2023 года 75% российской молодежи идентифицировали себя как патриоты и выразили готовность участвовать в проектах, направленных на укрепление патриотизма.

Основу современной системы гражданско-патриотического воспитания составляет стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная президентом Владимиром Путиным в 2021 году³. Эта стратегия подчеркивает важность патриотического воспитания как элемента национальной безопасности и устойчивого развития страны. Президент также обозначил воспитание детей и молодежи как общенациональную задачу, что подчеркивает важность формирования у молодого поколения глубокого уважения и привязанности к своей стране, ее истории и культурным ценностям.

В современной российской экосистеме молодежной политики все мероприятия, проекты и программы интегрируют глубокие патриотические смыслы и ценности. Это позволяет не только укреплять чувство национальной гордости среди молодежи, но и активно вовлекать их в различные инициативы, которые способствуют развитию гражданского общества. Патриотическое воспитание становится основой для формирования ответственного и активного гражданина, готового вносить свой вклад в благополучие страны и поддерживать ее традиции и культурное наследие. Такой подход обеспечивает преемственность ценностей и ориентиров, важ-

¹ Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Инфекции, передаваемые половым путем (ИППП) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/sexually-transmitted-infections> (ИППП) (дата обращения: 25.01.2024).

² ВОЗ. Глобальная программа по борьбе с ВИЧ. URL: <https://www.who.int/teams/global-hiv-hepatitis-and-stis-programmes/hiv-strategic-information/hiv-data-and-statistics-2022> (дата обращения: 12.04.2024).

³ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 28.01.2025)

ных для консолидации общества и устойчивого развития России.

Импортозамещение в сфере медицинской техники, развитие отечественной медицинской промышленности

В 2014 году, после введения антироссийских санкций, президент Владимир Путин заявил: «Импортозамещение – наш долгосрочный приоритет, независимо от обстоятельств»¹.

Рынок медицинского оборудования в России переходит от импорта к внутреннему производству, что выгодно для производителей из «дружественных стран», так как власти РФ предлагают льготы при локализации производства [12]. Также подчеркнута необходимость ускорить развитие сектора здравоохранения и выдвинуло четкие требования по улучшению качества медицинских услуг, что напрямую связано с их качеством. Реализация новых планов по созданию инфраструктуры здравоохранения приведет к устойчивому расширению рынка медицинского оборудования по всей стране.

С момента утверждения курса на импортозамещение, российское правительство сделало значительные усилия для снижения импортозависимости в ключевых секторах экономики, включая фармацевтику и медицинскую промышленность. Эти отрасли были определены как критически важные для обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития. В фармацевтике был нацелен акцент на развитие отечественных исследовательских и производственных мощностей, стимулирование инновационных проектов и поддержку локальных производителей. Государственные программы поддержки, такие как субсидии, льготные кредиты и налоговые льготы для предприятий, позволили значительно усилить позиции внутренних производителей.

На фоне новых санкций и усиления курса на импортозамещение, российское правительство и научные круги предприняли более активные шаги по поддержке отечественных производителей медицинских изделий. Несмотря на предыдущие трудности в достижении целевых показателей, значительный прогресс все же был достигнут к 2022 году. Увеличение доли отечественных медицинских изделий связано с несколькими ключевыми факторами. В рамках национального проекта «Здравоохранение» были увеличены инвестиции в развитие отечественного производства. Это включало как прямую финансовую помощь, так и налоговые льготы для развивающихся предприятий. Были запущены новые заводы и линии по производству разнообразных медизделий, что позволило расширить ассортимент и улучшить качество продукции. Научные исследования и внедрение новых технологий способствовали повышению конкурентоспособности отечественной продукции на внутреннем рынке. Увеличение заказов со стороны государства на отечественную продукцию стимулировало рост и расширение отечественных компаний.

Благодаря комплексному подходу и активным действиям со стороны правительства и бизнеса, к 2022 году доля отечественных производителей на рынке действительно смогла значительно увеличиться, приблизившись к поставленной цели. Это свидетельствует о возможности достигать значительных изменений даже в условиях внешних ограничений, если применять целенаправленные и продуманные стратегии.

¹ Разумное импортозамещение – долгосрочный приоритет, считает Путин // tass.ru URL: <https://tass.ru/ekonomika/1622714> (дата обращения: 29.01.2025).

К 2023 году российский рынок медицинских изделий продемонстрировал значительный рост, достигнув объема более 700 миллиардов рублей. Этот рост можно рассматривать как результат усилий, направленных на развитие и поддержку отечественного производства в рамках импортозамещения и национальных проектов, таких как «Здравоохранение».

С 2014 года, когда в России стартовала программа импортозамещения, зарубежная медицинская техника занимала около 80% рынка. Сегодня имеются успехи, в т.ч. регистрация новых отечественных медицинских изделий и препаратов, производство первого сложного эндопротеза, российского аппарата МРТ и т.д. По данным Росстата², в 2023 г. 1,9 тыс. компаний в России производили лекарственные препараты, медицинские изделия и оборудования. Среди компаний, которые активно занимаются расширением ассортимента производимых приборов и оборудования, их усовершенствованием и предложением инновационных решений и решений по развитию отрасли: НИПК «Электрон», «Медицинские технологии ЛТД», Холдинг «Швабе» (Ростех), АО «КРЭТ» («Ростех») – холдинг, который занимается выпуском аппаратов ИВЛ как и ООО «Тритон-электроник», и др.

Распределение доли отечественных производителей по сегментам рынка варьируется. Так, в сегменте «Высокотехнологичное оборудование» отечественные производители представлены пока недостаточно. В сегменте «Расходные материалы» отечественные компании уже занимают до половины рынка. Производство медицинских расходных материалов, таких как перчатки, шприцы, бинты и другие изделия, является менее трудоемким и капиталоемким по сравнению с высокотехнологичным оборудованием, что облегчает их локальное производство. В целом, государственная поддержка, инвестиции в исследования и разработки, а также развитие производственных мощностей способствуют постепенному увеличению доли отечественных медизделий на российском рынке.

Экспертный взгляд на текущий статус импортозамещения и качества современного медицинского обслуживания в России

При анализе ситуации по преодолению санкционных ограничений и импортозамещения медицинских изделий предварительный качественный и количественный анализ необходим и важен, но этих данных явно недостаточно для разработки для максимально точного моделирования отношения граждан к текущему статусу развития российского производства. При невозможности использования других методов экспертные методы являются единственным вариантом для поиска результата. В данном случае возникла проблема в дефиците необходимой информации для компании в свободном доступе.

Для определения восприятия населения уровня импортозамещения в России были проанализированы данные интервью, осуществленные изданием «Медвестник» в апреле 2024 года у предпринимателей в сфере медицинской промышленности [13]. Результаты интервью отображены в табл. 1.

В ходе анализа было установлено, что активная фаза роста импортозамещенной медицинской продукции пришлась на период пандемии COVID-19 – до 90% пользовавшихся в этот период расходных материалов были российского производства, а по ряду медизделий

² <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/rynok-meditinskogo-oborudovaniya-i-izdeliy-2023/> (дата обращения: 29.01.2025).

отечественная промышленность способна полностью обеспечить рынок.

Таблица 1. Экспертная оценка уровня импортозамещения в России в сфере здравоохранения в 2024 году

Респондент	Должность	Оценка уровня ИЗ	Изменение за последние годы
Александр Р.	Член президиума Всероссийского общественного совета медицинской промышленности	90%	Рост
Сергей М.	Главврач и CEO клиник DocDeti и DocMed	-	Рост
Николай Б.	Директор по развитию компании RNC Pharma	«объективной статистики по медиц-делям в России нет»	Рост за счет «бытовых медизделий»
Григорий Р.	Президент АО «Медицина»	1–2%	Нет
Елена Л.	Председатель правления сети клиник ГК «Эксперт»	5–10%	Небольшой рост
Екатерина А.	Гендиректор клиник «Моситалмед» и УМК «Артсмед»	<20%	Нет
Алексей П.	Гендиректор клиники «Рассвет»	5%	Нет
Александр С.	председатель Санкт-Петербургской ассоциации частных клиник	5%	Нет

Источник: Составлено авторами статьи на основе данных, полученных из медицинского новостного журнала «Медвестник».

Российские частные клинические центры информируют об увеличении доли российского медицинского оборудования, установленного в стационаре, отмечая удобство и качество отечественного оборудования. Особенно импортозамещения коснулись следующие товарные группы: операционные столы, фетальные доплеры, аппараты ЭКГ, электронейромиографы, электроэнцефалографы, рентгены, кислородные концентраторы, аспираторы, стерилизаторы воздуха, кольпоскопы и т.д.

С другой стороны, по оценкам российских дистрибьюторов, уровень импортозамещения в сфере здравоохранения не увеличивается. Ситуация с улучшается за счет бытовых медизделий, которые можно приобрести в свободной розничной продаже – глюкометры, тест-полоски к ним. Однако, сложное и наукоемкое в разработке медицинское оборудование не имеет отечественных аналогов: примером может выступить шовный материал линейки Ethicon (викрил, монокрисл, пролен, этибонд), который производит американская Johnson&Johnson.

Большинство ключевых медицинских направлений, например, хирургия, закупает аппараты европейских производителей, прежде всего из Германии. В менее критических областях клиники закупают оборудование из Китая, высоко ценятся направления УЗИ и реанимации. Российские производители имеют высокую долю

рынка только в наименее наукоемкой части медицины, от которой в наименьшей степени зависит здоровье и жизнь пациента: расходные материалы, электроды, твердые эндоскопы и др.

Согласно отчету Росздравнадзора за 2024 год, было зарегистрировано 4,3 тыс. медицинских изделий, охватывающих 2208 различных кодов вида. В частности, производство аппаратов УЗИ в 2022 году достигло 3,1 тыс. единиц, что в десять раз превышает показатели 2016 года. Выпуск электрокардиографов возрос на 117% до 6,3 тыс. в 2022 году. Выпуск шприцев также возрос на 69% с почти 600 млн в 2014 году до почти 1 млрд в 2022 году. Представленные данные подтверждают рост достижений отечественной медицинской промышленности и ее возможности производства медицинских технологий, изделий, оборудования и расходных материалов.

Законодательство РФ в области государственных закупок активно поддерживает стратегию, направленную на преимущество локальных производителей. В этой связи, нормативные акты, разработанные Минпромторгом, такие как постановления правительства № 102 от 05.02.2015 и № 1432 от 28.08.2021, устанавливают механизмы импортозамещения. Например, правила «третий лишний» и «второй лишний» могут привести к ограничению конкуренции, что может негативно сказываться на качестве отечественной медицинской продукции. Сокращение уровня конкуренции создает условия, при которых производители лишены стимулов для улучшения качества и инноваций своих товаров, что в перспективе может замедлить развитие сектора.

Также респонденты отмечают, что проблемы с сервисным обслуживанием импортного медицинского оборудования, особенно из США, становятся ключевым вызовом для российских медицинских учреждений. Основная сложность связана с получением разрешений на ввоз запасных частей, ведь существует строгий контроль за импортом, чтобы предотвратить использование оборудования в военных целях. Это затрудняет поддержание оборудования в рабочем состоянии и увеличивает себестоимость медицинских услуг.

Такая ситуация непосредственно влияет на финансовую доступность сложных диагностических и терапевтических процедур. Например, центры ядерной медицины «ПЭТ-Технолоджи» вынуждены были приостановить работу по ОМС в нескольких регионах из-за того, что тарифы не покрывают себестоимость процедур. Одной из причин роста себестоимости явилось удорожание сервисного обслуживания медицинского оборудования на 30% за год. Это подчеркивает необходимость разработки стратегий, которые бы облегчили доступ к критически важным комплектующим и обеспечили более устойчивые финансовые модели для медицинских учреждений.

Рост цен на медицинские изделия и оборудование наносит серьезный удар не только по доступности высокотехнологичной диагностики, но и по всей цепочке оказания медицинской помощи, включая врачебную помощь. Увеличение стоимости комплектующих, таких как катушки для МРТ, вынуждает медицинские учреждения пересматривать свою экономическую модель, чтобы поддерживать хотя бы минимальную рентабельность. Например, разница в стоимости катушки для МРТ головного мозга от Philips – с 2,1 млн руб. до 3,2 млн руб. за год – отражает масштаб проблемы. Медицинское оборудование составляет ключевую часть себестоимости диагностических услуг, и любое значительное удорожание закупок незамедлительно сказывается на конечной стоимости предоставляемых услуг. Более того, рост цен на диагностику влияет комплексно. Клиники,

закладывая расходы оборудования в общий расчет рентабельности, неизбежно поднимают цены на весь спектр медицинских услуг – от обследований до консультаций врачей-специалистов. Это объясняется тем, что многие частные медучреждения рассчитывают рентабельность не отдельно для каждой услуги, а для всей клиники в целом. В такой ситуации пациенты оказываются в уязвимом положении. Растут цены на обследования, которые многие не смогут себе позволить, также базовые услуги, такие как консультации врачей, становятся дороже. Это создает очевидный барьер к качественной и своевременной медицинской помощи (табл. 2).

Таблица 2. Наиболее важные проблемы импортозамещения медицинских изделий, оборудования и препаратов

Наиболее важные проблемы	Данные исследования «Врачи РФ» ¹ , 2024	Данные исследования «Справочник врача», 2023 ²
1. Доля зарубежной медицинской техники в 2014 г.	80%	-
2. Доля зарубежной медицинской техники в 2024 г.	30%	-
3. Негативное влияние санкций	64%	отмечено без указания %
4. Дефицит лекарств	75%	57%
5. Трудности с медицинской техникой и расходными материалами	52%	41%
6. Препятствия в обмене научными знаниями	-	34%
7. Нехватка необходимого оборудования для полноценного обследования в медицинских учреждениях приводит к ошибкам в диагнозах и лечении	-	15%
8. Дефицит высокотехнологичных медицинских аппаратов (КТ/МРТ, ИВЛ, УЗИ и т.д.),	75%	отмечен без указания %
9. Нехватка расходных материалов и реагентов	75%	отмечен без указания %

Таблица составлена авторами статьи на основании открытых данных исследований.

Источник: Данные исследования «Врачи РФ», 2024 г., данные исследования «Справочник врача», 2023 г.¹²

Более 10 лет реализуется программа по импортозамещению. Тем не менее, медицинские специалисты отмечают дефицит качественного оборудования, а также указывается на возрастание «среднего чека» при обращении в частные клиники. В таблице 2 приведены данные двух исследований 2023–2024 гг., которые показывают поле основных проблем импортозамещения

¹ Врачи РФ [Электронный ресурс] URL <https://vrachirf.ru/company-announce-single-client/136335> (дата обращения: 29.01.2025); Почти 80% российских врачей жалуются на дефицит лекарств // rivi.com URL: <https://rivi.com/news/pochti-80-rossijskih-vrachej-zhaluyutsya-na-deficit-lekarstv/> (дата обращения: 29.01.2025).

² <https://medvestnik.ru/content/news/Medicine-dobavili-patriotizma-10-let-s-nachala-importozamesheniya.html> (дата обращения: 29.01.2025).

медицинских изделий, оборудования и препаратов. Так, по пп. № 4,8,9 Таблицы 2 нехватка составляет по 75%, по п.№ 3–64%, а по п.№ 5 от 41% до 52% по данным указанных исследований.

Заключение

Санкционные ограничения существенно нарушают нормальное функционирование отечественной медицинской промышленности и оказывают негативное влияние на всю систему здравоохранения. Это приводит к сокращению рабочих мест, снижению заработной платы, росту цен на медицинские товары и услуги, а также к снижению продолжительности жизни населения. В результате увеличения спроса на импортное оборудование предприятия становятся банкротами, что ведёт к сокращению производства и ухудшению экономической ситуации в стране. Следовательно, необходимо развивать «экономический патриотизм», который напрямую влияет на экономическую безопасность России. Ежегодный рост патриотических ориентаций молодого населения на отечественную продукцию благоприятно скажется как на развитии импортозамещения, так и отрасли здравоохранения в целом.

Необходимы меры, направленные на поддержку предприятий и создание спроса на отечественную продукцию. Исследование показало, что в России на данном этапе развития медицинское обслуживание страдает из-за ряда проблем, связанных с финансированием, кадровым обеспечением и доступностью медицинской помощи. Доля действующего импортного медицинского оборудования долгие годы кратно возрастала, что негативно сказалось на системе здравоохранения в долгосрочной перспективе.

В медицинской сфере санкционные ограничения являлись главной проблемой в 2024 г. Разработка правильной стратегии продвижения «экономического патриотизма» является приоритетным направлением для развития отечественных производителей и дистрибьюторов медицинского оборудования, что в будущем приведёт к увеличению продаж и, соответственно, доли отечественного рынка с одной стороны, и, с другой стороны, будет укреплять чувства уверенности, безопасности и социальной стабильности в обществе, т.к. как именно здравоохранение является одним из секторов, обеспечивающих благополучие населения.

С момента утверждения курса на импортозамещение, российское правительство приложило значительные усилия для снижения импортозависимости фармацевтике и медицинской промышленности как ключевых и критически важных для обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития. Важно продолжать развивать данные отрасли, вкладывая в научные исследования и привлекая высококвалифицированных специалистов для достижения еще больших результатов в будущем.

Литература

1. Парсонс Т. Система современных обществ. Москва: Аспект-Пресс, 1998. С. 16.
2. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесл. А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1991.
4. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.

5. Вебер М. Основные социологические понятия / Пер. с нем. М.И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
6. Kelman H.C. The Role of National Identity in Conflict Resolution: Experiences from Israeli-Palestinian Problem-Solving Workshops // Social Identity, Intergroup Conflict, and Conflict Reduction. Oxford (UK); N. Y., 2001. P. 187–212.
7. Кокумбаева Л.А. Национальная идентичность как междисциплинарное понятие современной гуманитаристики // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 1. С. 198–202.
8. Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. М., 2001. 400 с.
9. Бауман, З. Текущая современность / пер. С.А. Комарова; под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер. 2008.
10. Емельяненко В. ВЦИОМ: Уровень патриотизма россиян вырос до абсолютных высот. 2024 // rg.ru: [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2024/03/29/vciom-uroven-patriotizma-rossiian-vyros-do-absolutnyh-vysot.html> (дата обращения: 28.01.2025).
11. Молодых патриотов России посчитали // pobedarf.ru URL: <https://pobedarf.ru/2023/12/06/molodyh-patriotov-rossii-poschitali/> (дата обращения: 29.01.2025).
12. Гурьев М.Н. Влияние западных санкций на рынок труда в России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 5–1. С. 204–206.
13. Шамардина Л. Медицине добавили патриотизма: 10 лет с начала импортозамещения. // Медвестник. 2024. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2024/03/29/vciom-uroven-patriotizma-rossiian-vyros-do-absolutnyh-vysot.html> (дата обращения: 28.01.2025)
14. Почти 80% российских врачей жалуются на дефицит лекарств // rtvi.com [Электронный ресурс] URL: <https://rtvi.com/news/pochti-80-rossijskih-vrachej-zhaluyutsya-na-deficit-lekarstv/> (дата обращения: 29.01.2025).

IMPACT OF IMPORT SUBSTITUTION IN THE HEALTH CARE SECTOR ON THE DEVELOPMENT OF PATRIOTIC ATTITUDES OF YOUNG PEOPLE IN THE CONTEXT OF DEMOGRAPHIC CHALLENGES IN MODERN RUSSIA

Cherkasov D.I., Ashkar M., Mkrtumova I.V.

Federal State Budgetary Educational Institution Plekhanov Russian University of Economics, State University of Management

The purpose of the article is to study the impact of import substitution processes in the healthcare sector on feelings of security and social stability and on the development of patriotic views in society. The methodological foundations of the research are formed by the ideas of T. Parsons on ensuring the stability and sustainability of the social system, the sociological concepts of national identity by G. Kelman, K. Huebner, as well as the scientific views of Z. Bauman on “fluid modernity” as a phenomenon of the influence of changes in

society on the social perception of security and stability. Tools and methods. A comprehensive sociological approach combining quantitative and qualitative research methods is used. We analyzed secondary data from studies on comparable topics, official statistical data on the dynamics of domestic production and its impact on the availability of medical services, preservation of reproductive health in the context of demographic challenges. Analytical tools: statistical methods for processing quantitative data, content analysis for interpreting qualitative data obtained during research. The tools used allowed the author to consider the mechanisms of formation of public consciousness in the situation of import substitution.

Keywords: import substitution in healthcare, patriotism, economic sovereignty, demography, reproductive health, social stability, national identity.

References

1. Parsons T. The System of Modern Societies. Moscow: Aspect-Press, 1998:16.
2. Merton R. Social Theory and Social Structure. M., 2006.
3. Durkheim E. On the Division of Social Labor. Method of Sociology / Transl. from Fr. and afterword. A.B. Gofman. Moscow: Nauka, 1991.
4. Durkheim E. Sociology. Its Subject, Method, and Purpose / Translated from French, compiled, afterword and footnote by A.B. Gofman. Moscow: Canon, 1995.
5. Weber M. Basic Sociological Concepts / Translated from German by M.I. Levina. M.I. Levina // Weber M. Selected Works. M.: Progress, 1990.
6. Kelman H.C. The Role of National Identity in Conflict Resolution: Experiences from Israeli-Palestinian Problem-Solving Workshops // Social Identity, Intergroup Conflict, and Conflict Reduction. Oxford (UK); N. Y., 2001: 187–212.
7. Kokumbaeva L.A. National identity as an interdisciplinary concept of modern humanitarianism // Izvestiya Altai State University. 2007(1):198–202.
8. Hübner K. Nation: from oblivion to revival. M., 2001:400.
9. Bauman, Z. Current modernity / per. S.A. Komarov; ed. by Y.V. Asochakov. SPb.: Piter. 2008.
10. Emelianenko V. VTsIOM: The level of patriotism of Russians has grown to absolute heights. 2024 // rg.ru: [Electronic resource] URL: <https://rg.ru/2024/03/29/vciom-uroven-patriotizma-rossiian-vyros-do-absolutnyh-vysot.html> (date of reference: 28.01.2025).
11. Young patriots of Russia have been counted // pobedarf.ru [Electronic resource] URL: <https://pobedarf.ru/2023/12/06/molodyh-patriotov-rossii-poschitali/> (access date: 29.01.2025).
12. Guriev M.N. The impact of Western sanctions on the labor market in Russia // Economics and Business: Theory and Practice. 2022(5–1):204–206.
13. Shamardina L. Medicine added patriotism: 10 years since the beginning of import substitution. // Medvestnik. 2024. [Electronic resource] URL: <https://rg.ru/2024/03/29/vciom-uroven-patriotizma-rossiian-vyros-do-absolutnyh-vysot.html> (date of reference: 28.01.2025).
14. Almost 80% of Russian doctors complain about the shortage of medicines // rtvi.com [Electronic resource] URL: <https://rtvi.com/news/pochti-80-rossijskih-vrachej-zhaluyutsya-na-deficit-lekarstv/> (date of address: 29.01.2025).

Влияние эмоционального состояния одиноких родителей на социальное благополучие неполных семей

Николаева Татьяна Анатольевна,

к. филос.н., ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»

E-mail: 004012@togudv.ru

Настоящее исследование посвящено определению значения неполной семьи, выявлению её особенностей и влиянию этого феномена на эмоциональное состояние одиноких родителей. Автор подчеркивает, что нестабильность семейной системы проявляется в ряде проблем, которые могут привести к кризису, включая развод супругов. Женщины, обладая более тонкой эмоциональной организацией, тяжелее переживают одиночество после разрыва отношений. В то время как мужчина может смягчить свою боль, найдя новую партнёршу, женщине требуется новая глубокая эмоциональная связь. В неполной семье возникают специфические сложности, включая необходимость выполнения обязанностей, которые в обычной семье распределяются между обоими родителями, а также решение бытовых задач, эффективность которых во многом определяется эмоциональным состоянием родителя.

Автор подчеркивает, что одинокий родитель в неполной семье сталкивается с множеством трудностей, которых зачастую избегают партнеры в браке. Одиноким матери приходится брать на себя полную ответственность за здоровье, воспитание и финансовое благополучие, как своего ребенка, так и своё собственное. Такая нагрузка оказывает серьёзное давление на её эмоциональное состояние. В отличие от женщин, состоящих в браке, одинокие матери часто склонны к преувеличению значимости различных проблемных ситуаций, ставят перед собой чрезмерно высокие ожидания и предъявляют завышенные требования к окружающим. Они могут становиться замкнутыми, избегать общения и проявлять повышенный уровень тревожности.

Ключевые слова: семья, неполная семья, одинокий родитель, монородительская семья, социальная поддержка, эмоциональное состояние, развод, одинокая мать, женщина, мужчина.

Семья представляет собой малую социальную группу, которая формируется на основе супружеских отношений и родственных связей. Эти связи могут включать отношения между супругами, родителями и детьми, а также другими близкими родственниками. Важнейшими аспектами функционирования семьи являются совместное ведение домашнего хозяйства и наличие взаимных моральных обязательств, которые играют ключевую роль в поддержании стабильности внутри группы.

Семейная жизнь предполагает выполнение множества важных функций, направленных на удовлетворение базовых потребностей всех ее членов. Одной из основных задач семьи является создание благоприятной атмосферы для тесного общения и взаимопонимания, что способствует формированию чувств принадлежности, любви, привязанности и ответственности среди участников этого процесса. Кроме того, семья играет важную роль в передаче накопленного социального опыта от одного поколения к другому, обеспечивая преемственность культурных традиций и ценностей [1].

Стабильность семейных отношений зачастую сталкивается с серьезными вызовами, вызванными различными трудностями, решение которых во многом определяется личностными качествами супругов. К сожалению, недостаточное внимание со стороны социальных и государственных структур к поддержке института семьи приводит к росту числа разводов. Нередко семейные пары сталкиваются с внутренними конфликтами, обусловленными различиями в характерах и взглядах, что становится одной из наиболее распространенных причин распада браков. Взаимные упреки и претензии, возникающие на этом фоне, еще больше усугубляют ситуацию, способствуя углублению кризиса в семейной жизни. Важно отметить, что далеко не каждая семейная пара, решившая расторгнуть брак, имеет на иждивении несовершеннолетних детей.

Такие проблемы требуют осознания важности конструктивного диалога и поиска компромиссных решений, однако без должной поддержки извне многие семьи оказываются неспособны справиться с возникшими трудностями самостоятельно. Это создает дополнительные препятствия на пути сохранения гармоничных взаимоотношений, что, в свою очередь, негативно сказывается на общем состоянии общества, так как стабильность семьи является одним из ключевых факторов его благополучия [2].

Тем не менее, важно подчеркнуть, что кризис семейных отношений не обязательно ведет исключительно к отрицательным результатам. Напротив, этот процесс может стать катализатором для появления новых моделей, стилей и форм внутрисемейного взаимодействия, способствуя переоценке устоявшихся ролей и ценностей в этой ключевой сфере общественной жизни. Одной из таких инновационных форм семьи, обретающей особую актуальность в условиях непростого демографического положения в России, является монородительская, или неполная, семья, где дети воспитываются одним родителем, чаще всего матерью [3].

Семья, в которой заботу и ответственность за воспитание берет один из родителей, представляют собой

особый социальный феномен, который возникает в результате развода, смерти супруга, либо сознательного решения женщины воспитывать ребенка вне брака. Несмотря на сложности, с которыми сталкиваются такие семьи, они демонстрируют способность адаптироваться к новым условиям и находить способы обеспечения стабильного воспитания детей. В то же время, их существование требует особого внимания со стороны государства и общества, поскольку именно такие семьи чаще всего нуждаются в дополнительной поддержке – финансовой, психологической и образовательной. В почти трети российских семей финансовое обеспечение детей лежит на плечах матерей-одиночек – таких насчитывается около 4,85 миллиона. В 7,3% случаев дети растут под опекой отцов-одиночек, их примерно 1,13 миллиона [4].

Термин «неполная семья» занимает важное место в российском социологическом и психологическом дискурсе, обозначая семейный состав, в котором по разным причинам отсутствует один из родителей [5]. Этот термин получил широкое распространение в отечественной науке и социальной практике, однако необходимо помнить, что в международной научной среде для описания аналогичных ситуаций могут использоваться другие термины. В частности, за рубежом чаще встречаются такие понятия, как «семья с одним родителем», «одиноким родителем» или «монородительская семья». Эти различия обусловлены культурными особенностями восприятия семейных отношений и социального контекста, в рамках которого формируются научные подходы к изучению семей [6].

Под этим понятием английские исследователи понимают несколько типов семей: 1) семьи, пережившие развод; 2) семьи, утратившие одного из родителей в результате смерти; 3) семьи с внебрачными детьми. Такое разнообразие определений подчеркивает многогранность понятия «неполная семья» и различные обстоятельства, приводящие к этому состоянию.

Отдельного упоминания заслуживает подход финских ученых, которые используют термин «Yksinhuoltaja», что в буквальном переводе означает «заботящийся в одиночку» [6]. Такой подход акцентирует внимание на роли оставшегося родителя, подчеркивая его ответственность и усилия по обеспечению полноценного ухода и воспитания детей в отсутствие второго партнера. Финские исследования направлены на изучение специфики функционирования таких семей, их адаптационные стратегии и возможные социальные риски. Для финской науки такие люди, прежде всего, являются взрослыми, которые берут на себя ответственность за воспитание собственных детей без поддержки партнёра. Только после этого их начинают рассматривать как разведенных или никогда не состоявших в браке мужчин и женщин.

Феномен «неполной семьи» неразрывно связан с ситуацией, когда один из родителей оказывается в одиночестве, что оказывает влияние на его эмоциональное состояние и восприятие мира. Согласно данным Росстата, общее число разводов в России за 2021 год составило 644 209, тогда как в 2023 году этот показатель увеличился до 683 796. Что касается количества браков и разводов в России на октябрь 2024 года, то статистика показывает следующие цифры: было заключено 764 722 брака, что на 35 645 меньше по сравнению с предыдущим годом, а количество разводов достигло отметки в 532 896, снизившись на 33 881 относительно предыдущего периода [7]. По данным мировой статистики, Россия входит в число стран с самым высоким уровнем разводов. При этом важно учитывать, что в нашей стране, как и во многих других, численность женского населения превышает мужское, а средняя продолжительность

жизни женщин приблизительно на 11 лет дольше. Это означает, что значительное количество российских женщин рано или поздно сталкиваются с одиночеством после развода или потери партнёра [8].

Исследования подтверждают, что женщины, обладая большей эмоциональностью и восприимчивостью, сильнее страдают от одиночества. Если мужчины порой находят утешение в новом романтическом увлечении, то для женщин важнее установление глубокой эмоциональной связи, которая способна заполнить внутреннюю пустоту и создать ощущение завершенности. Для них важен не столько сам факт наличия партнёра, сколько качество отношений, которые включают в себя доверие, взаимопонимание и эмоциональную близость [8].

Такое восприятие одиночества связано с особенностями женской психологии, ориентированной на поддержание близких и теплых отношений. Женщины стремятся к созданию стабильных и долгосрочных связей, в которых они могли бы чувствовать себя защищенными и любимыми. Поэтому одиночество для них становится не просто отсутствием партнёра, а утратой важной составляющей жизни, связанной с поддержкой, заботой и взаимопониманием.

Этот фактор делает проблему одиночества особенно острой для женщин, находящихся в пост разводной ситуации или потерявших партнёра иным способом. Для преодоления этого состояния им требуется не только физическая, но и эмоциональная поддержка, а также осознание собственной ценности и значимости вне зависимости от наличия партнёра.

Хотя проблема женского одиночества в России всё ещё остаётся недостаточно исследованной, уже проведенные работы позволяют выявить важные тенденции и предложить новые направления для изучения. По данным исследования Гневашева В. А. женщины в возрасте 25–35 лет, с высшим образованием и «средним» или «выше среднего» по их оценкам уровнем материального обеспечения, имеющие полноценную «семейную ячейку», состав которой муж, жена и дети, не испытывали состояния и чувства одиночества. Определяя понятие одиночества женщины, отмечали как отсутствие «опоры», нет поддержки близких, состояние пустоты. Понятие счастья женщины ассоциируют с самодостаточностью, здоровьем и наличием семьи. Уровень материального благосостояния играет ключевую роль в создании условий для стабильных брачных и репродуктивных установок. Этот фактор оказывает значительное влияние на формирование устойчивых семейных отношений и принятия решений о рождении детей. Важно отметить, женщины чаще сталкиваются с ощущением одиночества, чем мужчины, и этот разрыв становится особенно заметным с увеличением возраста [9].

Также исследование показало, что некоторые женщины выражали свое чувство одиночества через отсутствие стабильных романтических отношений с мужчинами. Тем не менее, дальнейшее рассмотрение показало, что под этим подразумевается не просто наличие партнера, а стремление найти мужчину, который мог бы существенно повысить качество их жизни. Ожидания включали улучшение социального статуса, получение финансовой поддержки, помощь в выполнении домашних обязанностей, а также возможность получать удовольствие (в том числе сексуального характера) и иметь надежного друга и спутника жизни.

Согласно результатам всероссийского мониторингового исследования RLMS-HSE, проведенного более чем 142 тысяч участников, около 10% российских женщин живут в одиночестве. Однако стоит отметить, что причины этого явления далеко не всегда связаны с осознанными

ми решениями, такими как стремление к самореализации, карьере или желанию жить исключительно для себя. В большинстве случаев обстоятельства оказываются гораздо проще и приземленнее. Так, почти в 40% ситуаций одиночество наступает после смерти супруга, тогда как в 36% случаев оно вызвано разводом. Эти цифры подчеркивают значимость социальных факторов, таких как потеря партнера или разрыв брака, в формировании статуса одиночки у женщин [10].

В неполной семье возникают уникальные трудности, успешное преодоление которых во многом зависит от эмоционального состояния одиноких матерей. Женщинам, оставшимся без партнера, приходится брать на себя обязанности, которые в полноценной семье обычно распределяются между обоими родителями. Как правило, им приходится самостоятельно справляться с финансовыми вопросами, обеспечивать быт и зарабатывать средства на содержание семьи [11].

Совмещение традиционных ролей, характерных для женщин и мужчин, в условиях современной семьи приводит к значительному увеличению нагрузок на женщину. Возрастающая ответственность за здоровье и благополучие ребенка, наряду с дефицитом свободного времени, вызванным необходимостью совмещать работу и домашние обязанности, оказывает глубокое воздействие на психоэмоциональное состояние женщины. Это отражается не только на её личности, но и на подходе к воспитанию детей. Учёные подчёркивают, что одинокие матери зачастую испытывают трудности с контролем своих эмоций, что может сказываться на их взаимодействии с детьми. Эмоциональный фон таких матерей, подверженных стрессу и перегрузкам, влияет на общий микроклимат в семье, создавая напряжённую обстановку. В результате, подобные условия могут приводить к формированию у ребёнка определённых поведенческих моделей, отражающих эмоциональную нестабильность родителей [12].

Взаимодействие матери с детьми может проявляться через два противоположных подхода. Один из них заключается в применении жёстких методов воспитания, особенно когда речь идёт о мальчиках. В этом случае мать может проявлять чрезмерную строгость и эмоциональную дистанцированность. Другой полюс поведения характеризуется стремлением восполнить отсутствие отца в жизни ребёнка, проявляя повышенную заботу и внимание. Исследования показывают, что особое значение имеют личностные характеристики молодых одиноких матерей, многие из которых ещё не достигли достаточной социальной и психологической зрелости, а также не владеют необходимыми навыками воспитания детей. Эти факторы могут значительно влиять на качество взаимоотношений между матерью и ребёнком, формируя специфический эмоциональный климат в семье [12].

Среди множества ролей, исполняемых современной женщиной, материнство оказывает наибольшее влияние на её личность. Эффективное исполнение материнских функций играет важную роль в поддержании позитивного эмоционального фона женщины. Когда ей удаётся успешно справляться с обязанностями по уходу за ребёнком и его воспитанием, это укрепляет её веру в собственные силы и способности, способствуя повышению самооценки. Однако, если возникают сложности и женщина ощущает свою неэффективность в этой роли, она может столкнуться с внутренними конфликтами. Чувство неуверенности в себе начинает нарастать, сопровождаемое тревогой и сомнениями относительно правильности своих действий. Кроме того, такие переживания могут провоцировать завышенные ожидания как от самой се-

бя, так и от других людей, включая партнёра. В результате женщина может начать перекладывать вину за неудачи на близких, что ведёт к обострению отношений и усугублению внутреннего напряжения. [13].

В заключение следует подчеркнуть, что в неполной семье одинокий родитель сталкивается с целым рядом серьезных трудностей, значительно отличающихся от тех, с которыми обычно имеют дело супруги в полноценных браках. Так, одинокая мать, помимо выполнения повседневных обязанностей по уходу за ребёнком, должна взять на себя функции, традиционно распределённые между двумя взрослыми членами семьи. Она вынуждена самостоятельно принимать ключевые решения относительно воспитания ребёнка, контролировать его образование, заботиться о его физическом и психоэмоциональном развитии, а также обеспечивать семью финансово.

Эти многочисленные обязанности накладывают значительный стресс на одинокого родителя, что неизбежно сказывается на его эмоциональном состоянии. Одинокие матери, как правило, испытывают большее давление, чем женщины, находящиеся в браке, и склонны воспринимать даже незначительные неудачи как серьёзные жизненные трудности. Они часто предъявляют к себе и окружающему миру завышенные ожидания, что приводит к постоянному чувству неудовлетворенности и разочарования.

Непрерывная тревога за будущее своего ребёнка, а также решение финансовых вопросов и необходимость справляться с множеством задач одновременно могут вызывать хронический стресс, который, в свою очередь, отрицательно влияет на общее состояние здоровья и качество жизни.

Таким образом, неполная семья представляет собой сложную структуру, требующую значительного внимания и поддержки как со стороны общества, так и со стороны государственных учреждений. Осознание этих особенностей поможет лучше понимать нужды и трудности, с которыми сталкиваются одинокие родители, и разработать адекватные программы помощи и поддержки для таких семей.

Литература

1. Прокофьева Л.М. Неполные семьи с детьми в России: масштабы распространения и материальная поддержка / Л.М. Прокофьева, И.И. Корчагина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 4. – С. 61–66.
2. Егоров А.В. Социальная культура семьи: сущность и структурные компоненты / А.В. Егоров // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 1. – С. 301–307.
3. Гурко Т.А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия / Т.А. Гурко // Социологические исследования. – 2017. – № 11. – С. 99–110.
4. Росстат – Семья, материнство и детство, 2023 // <https://rosstat.gov.ru/>
5. Белинская Е.П. Неполная семья как институт социализации: взаимосвязь представлений матери о психологическом благополучии ребенка и ее стратегий совладения с трудностями / Е.П. Белинская, Е.М. Дубовская // Психологическая наука и образование. – 2016. – № 3. – С. 33–46.
6. Single Parents and Child Welfare in the New Russia / edited by Jeni Klugman and Albert Motivans / Houndmills, Basingstoke, Hampshire; New York, NY: Palgrave; Florence, Italy: UNICEF, 2001. – P. 4.; Гневашева В.А. Особенности определения социального

одиночества и социального благополучия женщин России // Коммуникология. 2023. Том 11. No 1. – С. 62–72.

7. Росстат – Демография, 2021–2023 // rosstat.gov.ru/folder/12781
8. Гурко Т.А. Эволюция и трансформация института брака: анализ эмпирических индикаторов // Социологические исследования. – 2021. – N 5. – С. 58–69.
9. Гневашева В.А. Особенности определения социального одиночества и социального благополучия женщин России // Коммуникология. 2023. Том 11. No 1. – С. 62–72.
10. Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 11 [Электронный ресурс]: сб. науч. ст. / отв. ред. П.М. Козырева. – Электрон. текст. дан. (объем 2,49 Мб). – М.: Нац. исслед. унт «Высшая школа экономики», 2021. – 206 с.
11. Сабирова З.Р. Женщина-мать в поиске баланса между социальными ценностями: работа и семья / З.Р. Сабирова, З.Р. Валева // Вопросы истории. – 2019. – № 12 (№ 4). – С. 43–57.
12. Овчарова Р.В. Материнство в неполной семье: монография / Р.В. Овчарова, М.А. Мягкова. – Москва: ЮРАЙТ, 2022. – 391.
13. Салова А.А. Семья как важнейший микрофактор социализации личности / Салова А.А. // Материалы 56-ой студенческой научной конференции (20 апреля 2016 г.). – Майкоп, 2016. – С. 57–58. – Библиогр.: с. 58.

THE INFLUENCE OF THE EMOTIONAL STATE OF SINGLE PARENTS ON THE SOCIAL WELL-BEING OF SINGLE-PARENT FAMILIES

Nikolaeva T.A.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Pacific State University”

This study is devoted to defining the meaning of an incomplete family, identifying its features and the impact of this phenomenon on the emotional state of single parents. The author emphasizes that the instability of the family system is manifested in a number of problems that can lead to a crisis, including divorce. Women, having a more subtle emotional organization, experience loneliness after a breakup more difficult. While a man can soften his pain by finding a new partner, a woman needs a new deep emotional connection. In an incomplete family, specific difficulties arise, including the need to fulfill responsibilities that in an ordinary family are distributed between both parents, as well as solving household tasks, the effectiveness of which is largely determined by the emotional state of the parent. The author emphasizes that a single parent in an incomplete family faces many difficulties that are often avoided by partners in marriage. A single mother has to take full responsibility for the health, upbringing and financial well-being of both her child

and her own. Such a burden puts serious pressure on her emotional state. Unlike married women, single mothers often tend to exaggerate the significance of various problematic situations, set excessively high expectations for themselves and make excessive demands on others. They may become withdrawn, avoid communication and show increased anxiety.

Keywords: family, single parent, single parent family, social support, emotional state, divorce, single mother, woman, man.

References

1. Prokofieva L.M. Single-parent families with children in Russia: the scale of distribution and financial support / L.M. Prokofieva, I.I. Korchagina // International journal of humanitarian and natural sciences. 2020. No. 4. – P. 61–66.
2. Egorov A.V. Social culture of the family: essence and structural components / A.V. Egorov // Social and humanitarian knowledge. – 2021. – No. 1. – P. 301–307.
3. Gurko T.A. New family forms: trends of distribution and concepts / T.A. Gurko // Sociological research. – 2017. – No. 11. – P. 99–110.
4. Rosstat – Family, Motherhood and Childhood, 2023 // <https://rosstat.gov.ru/>
5. Belinskaya E.P. Single-parent family as an institution of socialization: the relationship between the mother’s ideas about the psychological well-being of the child and her strategies for coping with difficulties / E.P. Belinskaya, E.M. Dubovskaya // Psychological Science and Education. – 2016. – No. 3. – P. 33–46.
6. Single Parents and Child Welfare in the New Russia / edited by Jeni Klugman and Albert Motivans / Houndmills, Basingstoke, Hampshire; New York, NY: Palgrave; Florence, Italy: UNICEF, 2001. – P. 4.; Gnevasheva V.A. Features of determining social loneliness and social well-being of women in Russia // Communicology. 2023. Vol. 11. No. 1. – P. 62–72.
7. Rosstat – Demography, 2021–2023 // rosstat.gov.ru/folder/12781
8. Gurko T.A. Evolution and transformation of the institution of marriage: analysis of empirical indicators // Sociological studies. – 2021. – N 5. – P. 58–69.
9. Gnevasheva V.A. Features of determining social loneliness and social well-being of women in Russia // Communicology. 2023. Vol. 11. No. 1. – P. 62–72.
10. Bulletin of the Russian Longitudinal Monitoring Survey of the Higher School of Economics (RLMS HSE). Issue 11 [Electronic resource]: Coll. sci. art. / ed. P.M. Kozyrev. – Electronic text. data (volume 2.49 MB). – M.: National Research University “Higher School of Economics”, 2021. – 206 p.
11. Sabirova Z. R. A woman-mother in search of a balance between social values: work and family / Z.R. Sabirova, Z.R. Valeeva // Questions of History. – 2019. – No. 12 (No. 4). – P. 43–57.
12. Ovcharova R.V. Motherhood in a Single-Parent Family: monograph / R.V. Ovcharova, M.A. Myagkova. – Moscow: YURAYT, 2022. – 391.
13. Salova A.A. Family as the Most Important Microfactor of Personality Socialization / Salova A.A. // Proceedings of the 56th Student Scientific Conference (April 20, 2016). – Maykop, 2016. – P. 57–58. – Bibliography: p. 58.

Социологические аспекты лидерства в условиях неопределенности: управление изменениями в современных организациях

Сюй Юаньлай,

магистрант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
E-mail: 1598549261@qq.com

В статье рассматриваются вопросы, связанные с изучением социологических аспектов лидерства в условиях неопределенности современной среды, влияющей на эффективность управления организациями. Автор статьи подчеркивает важность наличия лидеров в команде, поскольку они являются движущей силой развития организации в условиях неустойчивости среды, возникновения рисков и непредсказуемых событий на рынке. Определено понятие «лидерство». Изучено понятие «неопределенность внешней среды». Проведен анализ на основе социологического опроса о важности развития лидерства в российских кампаниях среди представителей высшего звена, среднего звена, линейные сотрудники, владельцы бизнеса. Данный анализ показал, что в условиях неопределенности внешней среды наиболее уязвимой категорией являются представители бизнеса. Поэтому лидерство является важной частью деятельности бизнес-структур на рынке. Рассмотрены основные проблемы лидерства в условиях турбулентности среды. Изучены основные личностные качества и характеристики, присущие лидеру организации. Рассмотрены основные группы качеств лидера организации, а также компетенции первого и второго уровня. Отмечается, что для организации эффективной и слаженной работы лидер может использовать не только управленческие подходы и методы, но и психологические приемы в деятельности. Это позволит повысить эффективность работы, создать прочный фундамент для развития организации в будущем. Изучены два основных типа лидеров: трансформационный и транзакционный, определены их отличия и специфика осуществляемой управленческой деятельности в организации.

Ключевые слова: социологические аспекты; условия неопределенности; аспекты лидерства; управление; изменения; современные организации; эффективность.

Введение

В условиях турбулентности развития современной среды на первый план выходят вопросы, связанные с обеспечением эффективности управления деятельностью организации, а также вопросы лидерства в данной среде. Так, лидеры различных организаций и кампаний на рынке понимают важность своих действий в условиях неопределенности, необходимости его развития, совершенствования, адаптирования под быстроменяющиеся условия окружающей среды [5, с. 127]. Это позволит не только сохранить успешность своей деятельности (бизнеса), но и разработать эффективную стратегию управления на рынке, чувствовать себя более уверенно в условиях рисков, минимизировать затраты и повысить доходность своей деятельности. В новых условиях работы к лидерам организаций предъявляются различные требования такие, как умение грамотно принимать управленческие решения, фокусироваться на долгосрочной стратегии развития деятельности, быть гибкими и предприимчивыми, способными обучать команду новым подходам в управлении деятельностью, развивать навыки критического мышления и т.д.

Под лидерством следует понимать определенные способности, навыки и поведение личности, ее воздействия на окружение для достижения целей мотивации решения задач или конкретных проблем [4, с. 123].

Следовательно, детальное изучение социологических аспектов лидерства в условиях неопределенности внешней среды, которая оказывает влияние на процесс управления современными организациями имеет важное народнохозяйственное значение для ее существования и развития в будущем.

Материалы и методы

При проведении исследования использовались труды российских и зарубежных ученых. При проведении данного исследования были использованы следующие методы: анализа, сравнения, логического рассуждения и многие другие.

Литературный обзор

Вопросы, касающиеся социологических аспектов лидерства в условиях неопределенности деятельности и управления организаций рассматривали многие ученые такие, как Губанова А.В., Еростенко В.О., Зеленкова А.С., Колозина Т.А., Макарова М.М., Поротькин Е.С., Семина Д.В., Трубачев Е.В. и другие. Считаем, необходимым продолжить исследование в данном направлении и более подробно изучить отдельные вопросы темы.

Результаты

Современные условия выдвигают различные требования к руководителям организаций и работникам. Основной целью деятельности является гармоничное развитие и сотрудничество на основе планирования и прогнозирования работы в условиях неопределенности среды, получения

высоких результатов при минимальных затратах, снижения факторов риска и возможного ущерба. Данная ситуация осложняется тем, что в условиях неопределенности могут нарушаться связи, деловые отношения, возникать проблемы и конфликтные ситуации.

Под неопределенностью условий внешней среды следует понимать возможность наступления неблагоприятных событий, которые влекут за собой возникновение ущерба, потерей, появления дисбаланса в производственно-хозяйственной деятельности и разрыва нормальных экономических связей между участниками данного процесса [10, с. 1415].

Важно отметить, что для организации эффективной работы в трудовом коллективе должен быть лидер команды. Таким лидером, как правило, выступает, руководитель подразделения, который обладает способностями и навыками работы, формулирует цели и задачи деятельности, помогает найти верные решения и оказывает консультационную поддержку на всех этапах работы.

Следует отметить, что во многих российских кампаниях вопрос о развитии лидерства остается спорным. Был проведен социологический опрос среди российских компаний лидеров на рынке. В данный опрос были включены представители высшего звена, среднего звена, линейные сотрудники, владельцы бизнеса [3, с. 17]. Целью проведения данного социологического опроса – выявить мнение о важности развития лидерства в российских компаниях. Данные социологического анализа представлены на Рис. 1.

Рис. 1. Анализ на основе социологического опроса о важности развития лидерства в российских компаниях

Проведенный социологический опрос показал, что среди руководителей высшего звена важность развития лидерства признают 44% сотрудников. Среди сотрудников среднего звена данный показатель составил 47%, линейные сотрудники 41%, владельцы бизнеса 47%. Таким образом, наибольшую важность лидерства отметили представители бизнеса, поскольку в условиях неопределенности среды предпринимательская деятельность является достаточно уязвимой к рискам экономической безопасности и внешним угрозам.

В условиях неопределенности среды лидер должен проявить качества сильной личности, стремление и возможности преодолеть проблемы, найти выход из сложившейся ситуации и достичь благоприятного исхода событий для деятельности организации в целом. Однако, лидерство в организациях в условиях неопределенности имеет множество проблем, к их числу можно отнести следующие:

1) проблема разрыва в уровне компетенций руководителя (лидера) организации от своих подчиненных. Данная проблема выражается в том, что зачастую руководитель отличается по уровню квалификации (отстает по уровню образования) от работников, а иногда сотруд-

ники обладают уникальными знаниями и по этой причине превосходят своего лидера;

2) отсутствие единой целостной команды, способной принимать и согласовывать решения. Данная проблема проявляется во взаимоотношениях между лидером организации и подчиненными, которые могут не соглашаться с принятыми решениями со стороны руководителя. В следствие чего может возникать недопонимание, разногласия, а также конфликты;

3) наличие широких возможностей поиска работы для квалифицированных сотрудников информации на основе имеющихся вакансий на рынке труда. Данная проблема представляет собой угрозу для лидера организации так как потеря квалифицированных кадров будет способствовать снижению производительности труда, эффективности работы и возникновению дефицита кадров [8, с. 885].

Таким образом, рассмотренные проблемы указывают на то, что лидеры в условиях неопределенности среды должны обладать множеством личных качеств и характеристик, используемых в процессе управления деятельностью организации:

1) стрессоустойчивость (способность лидера противостоять стрессовым ситуациям, уметь ими управлять в коллективе, проявлять активную позицию и принимать гибкие решения);

2) чувство ответственности (способность нести ответ за свои действия, принимаемые управленческие решения, отвечать за свои поступки);

3) уверенность в себе (качество лидера, которое позволяет почувствовать силы лидера в совершаемых им действиях, положиться на него, почувствовать себя защищенным в организации в условиях неопределенности);

4) креативность (способность лидера принимать нестандартные решения, использовать нестандартные подходы и приемы в различных ситуациях, вносить элементы новизны, поддерживать начинания своих сотрудников);

5) целеустремленность (важное качество лидера, заключающееся в его умении и способности ставить цели и задачи, а также находить пути их решения);

6) коммуникабельность (способность лидера находить общие темы для общения с каждым сотрудником организации, выстраивать гармоничное общение с людьми, находить контакты и связи, формировать четкую работу в коллективе);

7) профессионализм (качество лидера, которое выражается в его компетентности решать поставленные профессиональные задачи, выполнять их качественно и на высоком уровне) и т.д. [9, с. 57].

Считаем, что лидер организации, обладающий данными качествами и характеристиками будет пользоваться авторитетом у своих сотрудников, выступать примером для подражания, обладать значительным влиянием на людей, мотивировать их и побуждать к действиям. На Рис. 2. наглядным образом представлены основные группы качеств лидера организации, а также компетенции первого и второго уровня.

Важно отметить, что лидер организации должен уметь воздействовать на своих подчиненных в коллективе не только используя прямые и косвенные методы менеджмента, но и психологические приемы управления. Так, например, лидер может применять практику поощрения своих сотрудников (похвалу, материальные и моральные стимулы) при выполнении работы. В случае неудач или ошибок, совершенных работниками руководитель может провести разъяснительную работу, помочь своим подчиненным найти выход из сложившейся ситуации, сгладить конфликт и т.д [7, с. 221]. Данные

приемы и подходы позволяют еще больше сблизить лидера со своим окружением, повысить эффективность

работы и заложить крепкую основу для будущего развития организации.

Рис. 2. Основные группы качеств лидера организации, а также компетенции первого и второго уровня

В практике менеджмента лидера организаций условно делятся на тех, кто использует в своей практической деятельности мягкие способу управления и жесткие приемы. В зависимости от этого их разделяют на два основных вида: транзакционный лидер и трансформационный лидер [6, с. 92]. Следует отметить, что транзакционный лидер следует четкому алгоритму управления в своей организации, соблюдению структурированности основных подходов управленческой деятельности. Такой лидер формулирует цели и задачи, ориентированные на долгосрочную перспективу, применяет авторитарный стиль управления. Трансформационный лидер в практике своей управленческой деятельности ориентируется на культуру управления коллективом. Большое влияние он уделяет развитию дружественных, партнерских отношений между сотрудниками в коллективе, учитывает их личные интересы, мотивацию и потребности, решает проблемы работников на основе использования индивидуального подхода. Данный стиль менеджмента характеризуется мягким подходом в работе, а также демократичным характером управлением [1, с. 421].

Считаем, что в условиях неопределенности качества лидера, а также стиль управления могут меняться. Так, могут появляться новые ценности, ранее не существовавшие, возникать новые цели и задачи управления деятельностью. Поэтому каждый лидер организации должен стремиться развиваться в новых условиях среды, получать знания и навыки работы в специфических ситуациях, адаптироваться на рынке. Это позволит еще, стать более увереннее в принимаемых решениях, повысить личностные и деловые качества.

Основными ожидаемыми результатами развития «института лидерства» в ближайшем будущем могут стать: смена ценностей и ориентиров в подходах к управлению организацией со стороны лидеров; повышение статуса и профессионального уровня управленцев компаний; повышение доверия к лидерам организаций со стороны сотрудников; достижение высоких результатов работы при наименьших затратах; формирование сильной команды;

создание благоприятной атмосферы для осуществления деятельности (морально-психологический климат) и т.д.

Обсуждение

В условиях неопределенности внешней среды важное значение приобретают меры по защите производственно-хозяйственной деятельности организации. К числу таких мер можно отнести следующие: повышение роли лидерства в системе управления работой коллектива; эффективное и грамотное делегирование полномочий; разработка политики менеджмента, направленной на предотвращение рисков и возможных угроз; повышение профессионального уровня и квалификации лидера организации; использование современных механизмов и подходов при управлении деятельностью организации; применение зарубежного опыта в области менеджмента; разработка долгосрочной стратегии деятельности в условиях неопределенности среды и т.д. [2, с. 112].

Заключение

Неопределенность внешней среды ставит сложные задачи перед организациями на рынке. Многие хозяйствующие субъекты вынуждены менять стратегию своей деятельности, приспосабливаться к новым условиям среды, менять подходы и методы управления работой, искать пути и возможности для развития в условиях рисков и возможных угроз. Роль лидерства в структуре управления организациями играет важное значение для сохранения ее состояния и развития. Именно лидеры организаций способны принимать грамотные и эффективные решения, брать на себя ответственность в различных ситуациях, распределять полномочия между сотрудниками организации, решать конфликтные проблемы, а также осуществлять планирование и прогнозирование своей деятельности.

Социологические аспекты лидерства в условиях неопределенности играют важную роль в практике управ-

ления изменениями современных организаций. Кроме того, лидерство на протяжении всей истории развития человечества вносило свой вклад в деятельность великих вождей, управленцев, политиков, которые имели большой вес в обществе. В настоящих условиях, когда деятельность многих организаций протекает в среде турбулентности, рисков, возможных угроз и опасностей интерес к теме лидерства значительно вырос. В связи с этим стали появляться новые темы для проведения социологических исследований, разработаны современные модели и концепции управления на предприятиях, созданы совместные международные проекты для осуществления работы в направлении изучения лидерства. Социологическая наука выдвинула новые цели и задачи для познания феномена лидерства в различных аспектах деятельности: с точки зрения социологии, психологии и менеджмента.

Литература

1. Губанова А.В. Интерпретация результатов исследования характеристик эффективного лидерства в современных российских организациях // Лидерство и менеджмент. 2022. № 2. С. 421–438.
2. Еростенко В.О. Пути повышения эффективности деятельности проектной организации // Молодой ученый. 2023. № 2 (449). С. 112–114.
3. Зеленкова А.С. Анализ лидерства в российских кампаниях // Экономика и менеджмент инновационных технологий. № 3. 2023. С. 17–24.
4. Колозина Т.А. Повышение мотивации персонала как фактор эффективности деятельности организации // Молодой ученый. 2023. № 7 (454). С. 123–125.
5. Макарова М.М. Пути совершенствования корпоративной культуры организации // Молодой ученый. 2020. № 49 (339). С. 127–129.
6. Мочалова Я.В., Чистникова И.В., Чуб М.В., Батманова В.В. Повышение инновационной активности российских промышленных предприятий в условиях цифровой трансформации // Региональная экономика. Юг России. 2024. Т. 12. № 2. С. 92–102.
7. Поротькин Е.С. Компетентностная модель специалиста по интерпретации данных в условиях цифровой экономики // Креативная экономика. 2024. № 1. С. 221–230.
8. Поротькин Е.С. Интерпретация данных как ключевая компетенция современного менеджера // Лидерство и менеджмент. 2024. № 3. С. 855–864.
9. Семина Д.В. Основные качества лидера // Молодой ученый. 2023. № 3 (450). С. 57–59.
10. Трубочеев Е.В. Совершенствование управленческого процесса в условиях цифровизации экономики // Вопросы инновационной экономики. 2021. № 4. С. 1415–1426.

SOCIOLOGICAL ASPECTS OF LEADERSHIP IN CONDITIONS OF UNCERTAINTY: CHANGE MANAGEMENT IN MODERN ORGANIZATIONS

Xu Yuanlai

Lomonosov Moscow State University

The article deals with the issues related to the study of sociological aspects of leadership in the uncertainty of the modern environment that affects the effectiveness of management of organizations. The author of the article emphasizes the importance of having leaders in the team, as they are the driving force of the organization's development in the conditions of unstable environment, emergence of risks and unpredictable events in the market. The concept of "leadership" is defined. The concept of "uncertainty of the external environment" is studied. The analysis on the basis of sociological survey on the importance of leadership development in Russian campaigns among the representatives of top management, middle management, line employees, business owners was carried out. This analysis showed that in the conditions of uncertainty of the external environment the most vulnerable category is business representatives. Therefore, leadership is an important part of business structures' activity in the market. The main problems of leadership in turbulent environment are considered. The main personal qualities and characteristics inherent in the leader of the organization are studied. The main groups of qualities of the leader of the organization, as well as competencies of the first and second level are considered. It is noted that for the organization of effective and well-coordinated work the leader can use not only managerial approaches and methods, but also psychological techniques in the activity. This will increase the efficiency of work, create a solid foundation for the development of the organization in the future. Two main types of leaders are studied: transformational and transactional, their differences and the specifics of managerial activity in the organization are determined.

Keywords: sociological aspects; uncertainty conditions; leadership aspects; management; change; modern organizations; effectiveness.

References

1. Gubanov A.V. Interpretatsiya rezul'tatov issledovaniya kharakteristik effektivnogo liderstva v sovremennykh rossiiskikh organizatsiyakh // Liderstvo i menedzhment. 2022. № 2. S. 421–438.
2. Erostenko V.O. Puti povysheniya effektivnosti deyatel'nosti proektnoi organizatsii // Molodoi uchenyi. 2023. № 2 (449). S. 112–114.
3. Zelenkova A.S. Analiz liderstva v rossiiskikh kampaniyakh // Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tekhnologii. № 3. 2023. S.17–24.
4. Kolozina T.A. Povyshenie motivatsii personala kak faktor effektivnosti deyatel'nosti organizatsii // Molodoi uchenyi. 2023. № 7 (454). S. 123–125.
5. Makarova M.M. Puti sovershenstvovaniya korporativnoi kul'tury organizatsii // Molodoi uchenyi. 2020. № 49 (339). S. 127–129.
6. Mochalova Ya.V., Chistnikova I.V., Chub M.V., Batmanova V.V. Povyshenie innovatsionnoi aktivnosti rossiiskikh promyshlennykh predpriyatii v usloviyakh tsifrovoi transformatsii // Regional'naya ekonomika. Yug Rossii. 2024. T. 12. № 2. S. 92–102.
7. Porot'kin E.S. Kompetentnostnaya model' spetsialista po interpretatsii dannykh v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki // Kreativnaya ekonomika. 2024. № 1. S. 221–230.
8. Porot'kin E.S. Interpretatsiya dannykh kak klyuchevaya kompetentsiya sovremennogo menedzhera // Liderstvo i menedzhment. 2024. № 3. S. 855–864.
9. Semina D.V. Osnovnye kachestva lidera // Molodoi uchenyi. 2023. № 3 (450). S. 57–59.
10. Trubacheev E.V. Sovershenstvovanie upravlencheskogo protsessu v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki // Voprosy innovatsionnoi ekonomiki. 2021. № 4. S. 1415–1426.

Проблемные аспекты в системе регулятивного воздействия на устойчивое развитие сельских территорий

Ткачев Александр Анатольевич,

к.с.н., руководитель издательства «Агентство перспективных научных исследований»

Хрипкина Дианна Вазгеновна,

к.с.н., доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Хрипков Кирилл Александрович,

к.с.н., доцент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье анализируются вопросы устойчивого развития сельских территорий. Отмечается, что в контексте данного нами определения важно отметить, что важными факторами устойчивого развития сельских территорий являются демографические ресурсы и демографический потенциал территориальной системы, следует отметить, что именно их воспроизводство во многом определяет перспективы развития региона. Сельские территории стоят перед множеством вызовов, но их потенциал для устойчивого развития остаётся огромным. Инновации, поддержка со стороны государства и экологическая ответственность способны сделать деревни и сёла важной частью будущего общества. Их развитие требует комплексного подхода, основанного на балансе между социальными, экономическими и экологическими аспектами. В настоящее время одна из важнейших задач государства – пересмотр подходов к обеспечению комплексного развития сельских территорий. Выработка новых технологий развития сельских территорий должна быть основана на научном подходе.

Ключевые слова: сельские территории, устойчивое развитие, социально-экономическое развитие, регулирование, демографическая политика.

Введение

Развитие сельских территорий в Российской Федерации является актуальной задачей, над решением которой трудятся ученые разных поколений. Так, например, в разработке прикладных научных, теоретических и методических аспектов решения многогранных проблем эффективного функционирования и устойчивого развития сельских территорий посвящены научные работы множества зарубежных и отечественных авторов.

Среди российских исследователей заслуживает внимания работа Д.Э. Приходько, Е.А. Бритикова которые сосредоточили свои усилия на этапизации разработки стратегий устойчивого развития сельских территорий [7].

Так же следует отметить, что проблематика развития сельских территорий получила достаточно широкое освещение в трудах В.Г. Закшевский, И.Н. Меренкова, И.И. Новикова, Е.А., которые обосновали подход к устойчивому развитию сельских территорий в контексте пространственной локализации [2].

Различные аспекты (правовые, экономические, технологические и т.д.) поддержки устойчивого развития сельских территорий раскрыты в работах М.В. Мазуниной [4], М.А. Пономарева [5].

Среди зарубежных авторов интересной представляется работа испанских экономистов и социологов С.С. Roldan, G.A.M. Giraldo, E.L. Santana, в которой исследователи анализируют основные подходы к устойчивому развитию сельских территорий сформировавшиеся в последнее десятилетие [11].

Сербские исследователи Минмин Ли, Марко Милоевич и Дмитрий Гура в своих трудах предприняли попытку разработать эффективную методику, позволяющую проводить актуальную оценку устойчивого развития сельских территорий в реалиях современной экономики [10].

Результаты

Развитие сельских территорий является важной задачей для многих стран, так как от этого зависит не только уровень жизни на селе, но и устойчивое развитие всей страны. Это многофакторный процесс, включающий в себя различные аспекты, такие как экономика, социальная сфера, экология и инфраструктура.

Само понятие устойчивое развитие сельских территорий, подразумевает постоянные улучшения. Такие улучшения могут обеспечить системность в государственной политике и материальная поддержка условий для развития. В своих работах М.Ю. Присяжный, предполагал, что комплексное рассмотрение сущности сельской местности как объекта, включающего в себя географическую, экономическую, социальную и экологическую составляющие, дает полное представление о взаимосвязях и взаимодействиях [6].

Устойчивое развитие сельских территорий в традиционном понимании в России представляет собой стабильное социально-экономическое развитие сельских сообществ. Согласно Стратегии устойчивого развития сельских территорий России до 2030 года, поданным терми-

ном понимается стабильное социально-экономическое развитие сельских территорий, увеличение объема производства сельскохозяйственной и рыбной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства и рыбохозяйственного комплекса, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, а также рациональное использование земель [9].

По нашему мнению, под устойчивостью должно подразумеваться баланс трех компонентов: экономический рост, социальное благополучие и экологическая безопасность (рис. 1).

Рис. 1. Базовый вариант устойчивого развития

В рамках нашего исследования под устойчивым развитием сельских территорий мы будем понимать динамический процесс направленный на комплексное развитие сельских территорий и позитивные изменения показателей характеризующих социальное, экономическое и экологическое развитие сельских территорий, а так же на регулирование демографического потенциала сельских территорий как основного ресурса их социального воспроизводства в условиях депопуляции.

В контексте данного нами определение важно отметить, что важными факторами устойчивого развития сельских территорий являются демографические ресурсы и демографический потенциал территориальной системы, следует отметить, что именно их воспроизводство во многом определяет перспективы развития региона.

Системный кризис в демографическом развитии требует комплексных политических и управленческих решений, направленных на нивелирование демографических угроз в целях воспроизводства государственности и легитимных социальных практик. Данная задача в полной мере соотносится с концептом обеспечения демографической безопасности.

Соглашаясь с А.В. Салобутиным под демографической безопасностью мы будем понимать «состояние защищенности совокупности значимых для страны демографических процессов от конкретных реальных, а также возможных угроз» [8].

Подчеркивая многоаспектность понятия демографическая безопасность Т.А. Корчагина отмечает, что: «Демографическая безопасность определяется степенью развития социальной, информационной, экономической, правовой, политической, а также экологической безопасности. Она должна обеспечивать защиту интересов граждан, государства и общества от комплекса внешних

и внутренних угроз, а также основываться на определенных правовых и практических аспектах» [3].

В целях решения демографических проблем и укрепления системы социальной защиты материнства и детства государство уделяет значительное внимание социальной поддержке семей с детьми, указал Минфин в «Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и плановый период 2025 и 2026 годов». Так, расходы «детского бюджета» в 2024 году составят 3 трлн руб., что на 0,2 трлн превышает траты предыдущего года, говорится в документе.

К наиболее крупным мерам из «детско-семейного» бюджета относятся следующие:

- выплата ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка (1,34 трлн руб. в 2024 году);
- предоставление материнского капитала (на него заложено 495,7 млрд руб. в 2024 году);
- субсидии финансовому институту «Дом.РФ» в связи с льготными ипотечными программами (265,6 млрд руб.) [1].

Так же, отметим, что инновационное развитие сельских территорий является приоритетным направлением государственной политики, позволяющим достигать эффективных результатов повышения привлекательности сельских территорий. Современные технологии дают возможность решать вопросы по дефициту рабочей силы, производительности труда, росту экономики и развитию сельской местности.

Социально-экономические изменения в сельских районах отражают их пространственную уязвимость и связаны со многими более широкими проблемами. Сильная неоднородность Российских регионов способствует возникновению неравенства и связана с местным социальным и экономическим развитием, а также с продолжением оттока из сельской местности.

В настоящее время одна из важнейших задач государства – пересмотр подходов к обеспечению комплексного развития сельских территорий. Выработка новых технологий развития сельских территорий должна быть основана на научном подходе. Важным на сегодняшний день представляется.

1. Создание государственного научного центра развития села, как организации обеспечивающей постоянное экспертное сопровождение политики реализуемой в сельской местности.

2. Разработка отдельных государственных и региональных программ демографического развития сельских территорий, в том числе направленных на развитие гибридных институтов развития сельских территорий.

3. Вовлечение социально ориентированных НКО в реализацию проектов в сфере демографического развития. В ситуации ограниченных ресурсов государство пока не может переложить даже части нагрузки в решении демографической проблемы на общество, поскольку НКО в основном концентрируются на проблемах, не имеют достаточных компетенций для взаимодействия с ключевыми контрагентами и, прежде всего, с государством. Сегодня необходима интенсивная программа по развитию некоммерческих сообществ, сфокусированных на решении демографических задач.

Обсуждение и заключение

Сельские территории играют ключевую роль в обеспечении продовольственной безопасности, сохранении культурного наследия. Однако они сталкиваются с многочисленными вызовами, включая демографический

кризис, инфраструктурные проблемы и воздействие изменения климата. В статье рассматриваются основные трудности и предлагаются перспективные направления развития, включая цифровизацию, экологическое сельское хозяйство и диверсификацию экономики. Развитие сельских территорий требует комплексного подхода, включающего государственную поддержку и инновации.

Сегодня, фундаментальным проблемным вектором в системе развития сельских территорий является стремление осуществить планы социально-экономических изменений, не соответствующих потребностям населения сельских территорий. Заимствуя практику развития городских пространств, происходит размытие сельской идентичности. Все это предвосхищает процесс переселения из деревни в город. Все это происходит из-за неблагоприятных социально-экономических и экологических условий. К ним можно отнести плохие бытовые условия проживания, отсутствие благоустроенного жилья, отсутствие работы, обеспечивающей средства для удовлетворения жизненно необходимых потребностей, и много других факторов, которые негативно влияют на позитивный имидж проживания в сельской местности.

Таким образом, развитие сельских территорий требует комплексного подхода и взаимодействия различных уровней власти, бизнеса и местного населения. Улучшение качества жизни в сельской местности способствует не только сохранению традиционного образа жизни, но и укреплению экономики страны в целом.

Литература

1. Демографический вызов России. В Соцфонде ожидают падения рождаемости в ближайшие годы. – URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2023/10/03/651a95509a7947addf136c31> (дата обращения: 20.01.2025).
2. Закшевский В.Г., Меренкова И.Н., Новикова И.И., Пархомов Е.А. 2023. Устойчивое развитие сельских территорий: новый взгляд на оценку в контексте пространственной локализации. Экономика региона, 19(3): 683–696.
3. Корчагина, Т.А. Демографические прогнозы для России / Т.А. Корчагина // Russian Economic Bulletin. – 2024. – Т. 7, № 5. – С. 30–36.
4. Мазунина М.В. 2018. Стратегический подход к реализации концепции устойчивого экономического развития РФ. Научное обозрение: теория и практика, 12: 6–10.
5. Пономарева М.А. 2009. К вопросу о формировании организационно-экономического механизма управления устойчивым развитием региона. Terra Economicus, 7(2): 246–249.
6. Присяжный М.Ю. Социально-географические исследования сельской местности в России [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2011. № 4. С. 127–133. – URL: <https://moluch.ru/archive/27/2901> (дата обращения: 18.01.2025).
7. Приходько, Д.Э. Этапизация разработки стратегии устойчивого развития сельских территорий / Д.Э. Приходько, Е.А. Бритикова // Экономика и управление: актуальные вопросы теории и практики: Материалы XXII международной научно-практической конференции, Краснодар, 14 марта 2024 года. – Краснодар: ФГБУ «Российское энергетическое агентство» Минэнерго России Краснодарский ЦНТИ- филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2024. – С. 191–194.
8. Салабутин, А.В. Демографические процессы в контексте экономической безопасности: проблемы

и перспективы / А.В. Салабутин // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2018. – № 3(23). – С. 87–91.

9. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 февр. 2015. № 151-р.
10. Li M., Milojevic M., Gura D. Development of methodology for evaluating sustainable rural development // Environment, Development and Sustainability. – 2024. – Т. 26. – № . 8. – P. 21237–21257.
11. Roldan C.S., Giraldo G.A.M., Santana E.L. Sustainable development in rural territories within the last decade: a review of the state of the art // Heliyon. – 2023.

PROBLEMATIC ASPECTS IN THE SYSTEM OF REGULATORY IMPACT ON SUSTAINABLE RURAL DEVELOPMENT

Tkachev A.A., Khripkova D.V., Khripkov K.A.

Agency for Advanced Scientific Research, Belgorod State National Research University

The article analyzes the issues of sustainable rural development. It is noted that in the context of our definition, it is important to note that important factors for the sustainable development of rural areas are demographic resources and the demographic potential of the territorial system, it should be noted that it is their reproduction that largely determines the prospects for the development of the region. Rural areas face many challenges, but their potential for sustainable development remains enormous. Innovation, government support and environmental responsibility can make villages an important part of the future society. Their development requires an integrated approach based on a balance between social, economic and environmental aspects. Currently, one of the most important tasks of the state is to review approaches to ensuring integrated rural development. The development of new technologies for rural development should be based on a scientific approach.

Keywords: rural areas, sustainable development, socio-economic development, regulation, demographic policy.

References

1. Russia's demographic challenge. The Social Fund expects a decline in the birth rate in the coming years. – URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2023/10/03/651a95509a7947addf136c31> (accessed: 20.01.2025).
2. Zakshevsky V.G., Merenkova I.N., Novikova I.I., Parkhomov E.A. 2023. Sustainable development of rural areas: a new look at the assessment in the context of spatial localization. Economy of the region, 19 (3): 683–696.
3. Korchagina T.A. Demographic forecasts for Russia / T.A. Korchagina // Russian Economic Bulletin. – 2024. – Vol. 7, No. 5. – P. 30–36.
4. Mazunina M.V. 2018. Strategic approach to the implementation of the concept of sustainable economic development of the Russian Federation. Scientific review: theory and practice, 12: 6–10.
5. Ponomareva M.A. 2009. On the issue of the formation of an organizational and economic mechanism for managing the sustainable development of a region. Terra Economicus, 7(2): 246–249.
6. Prisyazhny M. Yu. Social and geographical studies of rural areas in Russia [Electronic resource] // Young scientist. 2011. No. 4. pp. 127–133. – URL: <https://moluch.ru/archive/27/2901> (date of access: 18.01.2025).
7. Prikhodko D.E. Stages of development of a strategy for sustainable development of rural areas / D.E. Prikhodko, E.A. Britikova // Economy and Management: Current Issues of Theory and Practice: Proceedings of the XXII International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, March 14, 2024. – Krasnodar: Federal State Budgetary Institution "Russian Energy Agency" of the Ministry of Energy of Russia Krasnodar Scientific and Technical Information Center – branch of the Federal State Budgetary Institution "REA" of the Ministry of Energy of Russia, 2024. – P. 191–194.

8. Salabutin A.V. Demographic Processes in the Context of Economic Security: Problems and Prospects / A.V. Salabutin // National Security and Strategic Planning. – 2018. – No. 3 (23). – P. 87–91.
9. Strategy for Sustainable Development of Rural Territories of the Russian Federation for the Period up to 2030. Order of the Government of the Russian Federation of February 2, 2015. No. 151-r.
10. Li M., Milojevic M., Gura D. Development of methodology for evaluating sustainable rural development // Environment, Development and Sustainability. – 2024. – T. 26. – No. 8. – P. 21237–21257.
11. Roldan C.S., Giraldo G.A.M., Santana E.L. Sustainable development in rural territories within the last decade: a review of the state of the art // Heliyon. – 2023.

Сообщество или совместность? Анализ социального пространства субурбий востока России (на примере города Хабаровска)

Удинкан Василий Александрович,

аспирант Высшей школы социальных и политических наук,
Тихоокеанский государственный университет
E-mail: v.udinkan@yandex.ru

В статье изучается социальное пространство субурбий Хабаровска. Исследование выполнено на основе метода интервью, включенного наблюдения и анализа научной литературы по социологии города и урбанистики. В исследовании описываются социальные связи между жителями наиболее распространенных видов пригородов в Хабаровске: типовых и стихийных коттеджных посёлков. Для описания субурбанизированных сообществ используется концепция Т. Блокланд, включающая типологию социальных связей и категорию «реляционные контексты принадлежности». В результате исследования было определено, что в типовых посёлках наиболее вероятно появление социальных связей с ценностно-рациональными ориентациями, а в стихийных – с целерациональными ориентациями. Таким образом, в типовых пригородных посёлках наиболее вероятно формирование сообществ, а стихийные пригороды характеризуют «совместности», объединения жителей, связанные с пользованием общим благом. Эти отличия нельзя объяснить однородностью социальной структуры типовых пригородов, так как жители стихийных пригородов тоже имеют общие ценности, интересы и образ жизни. Различия объясняются понятием «публичная осведомленность», то есть способностью жителей определять социальные положения других. В пригородах эта способность ограничена, ввиду сохранения приватности и удержания жителями контроля над информацией об их жизни по отношению к другим.

Ключевые слова: субурбанизация, субурбии, пригород, коттеджный посёлок, урбанистика, сообщество, совместность, восток России.

Введение

В самом общем понимании субурбанизация – это процесс перемещения населения из центральных городских районов в пригородные зоны, сопровождающийся развитием инфраструктуры и жилых массивов на периферии городов. Это явление является вторичным по отношению к урбанизации, отражая её «децентрализованную» фазу, когда рост городов происходит за счёт расширения, а не уплотнения застройки [11, с. 4]. При этом этот процесс имеет различные формы проявления в зависимости от региона, что влияет на социальную структуру и процессы в пригородных поселениях.

Субурбанизация исторически получила наибольшее развитие в англо-американском мире. В связи с этим осмысление процесса субурбанизации проходило на основании моделей субурбанизации Глобального Севера (США и Великобритании) [13, с. 660]. В то же время опыт других регионов, таких как Латинская Америка, Азия, Африка был слабо осмыслен.

Это же касается и России, где субурбанизация активно развивается, но сам процесс недостаточно изучен. Исследования этого процесса в стране в основном сосредоточены на столичном регионе и крупных городах центральной части. Однако это не означает, что субурбанизация не проходит в крупных и малых городах. Более того она приобретает разные виды – в пригородах могут появляться многоэтажные дома, коттеджи, усадьбы или таунхаусы [3, с. 22]. Форма субурбанизации зависит от экономико-географического положения, функций и роли города, участия и влияния государственных институтов, уровня жизни населения и урбанизации.

Соответственно если есть отличия во внешних проявлениях этого процесса, следовательно, есть отличия в социальном пространстве этих пригородов и процессах, происходящих в нём. Например, пригороды Глобального Севера и Глобального Юга существенно различаются из-за экономических, культурных и политических особенностей. В странах Глобального Севера, например США, Канада, Австралия и Англия пригороды четко разделены по доходам, статусу из-за чего они гомогенны по своему составу. Такие пригороды являются привлекательными для семей с детьми и реализации «американской мечты». Население субурбий Глобального Севера осознанно исключает себя из городского разнообразия, избегая негативные черты городской жизни, но при этом активно ориентировано к коммуникации со своими соседями [12, с. 28]. Этому способствует наличие общественных мест в таких пригородах: парков, спортивных или детских площадок, школ и т.д.

В то же время субурбии латиноамериканского Глобального Юга демонстрируют поляризацию [15, с. 259–260]: закрытые сообщества (gated communities) среднего класса и выше могут соседствовать с трущобами (по типу фавел в Бразилии), что организует сложную социальную структуру. В 2000-е и 2010-е в Латинской Америке наблюдался активный рост таких закрытых сообществ. «Закрытость» стала распространяться на деловые и рекреационные центры: «районы, где живут представители среднего класса, обнесены заборами, и даже в мар-

гинальных кварталах, как правило, строят заборы <...> стены и ворота защищают клубы отдыха, торговые центры, офисные здания, деловые районы, промышленные зоны и даже некоторые вполне обычные общественные улицы» [9, с. 23]. Между сообществами этих противоположных типов поселений могут возникать, как конфликты, так и товарно-денежные отношения. Жители трущоб взаимодействуют с людьми из города и соседних закрытых пригородов, потому что они работают там, или потому что иногда они просто пользуются одним и тем же пространством.

Если говорить о социологических исследованиях российских пригородов Востока России, то довольно подробно описан процесс субурбанизация Улан-Удэ и Иркутска. На примере пригородов Улан-Удэ отмечается нейтральный характер взаимоотношений мигрантов и «коренных» жителей пригородов [2, с. 56–57], а на примере Иркутска была описана трансформация социального пространства пригородов в условиях субурбанизации [5, с. 11–12]. К.В. Григоричевым предлагается даже выделить новый глобальный тип субурбанизации «Глобальный Восток», особенность которого заключается в одновременном процессе спрала (разрастании города) и субурбанизации [6, с. 56].

Методология исследования

В данном исследовании рассмотрим сообщества субурбий Востока России на примере Хабаровска на основе проведенных автором интервью и данных включенного наблюдения. Для этого была использована концепция изучения городских сообществ Т. Блокланд, которая заключается в описании социальных связей. На основании теории социального действия М. Вебера в концепции выделяются четыре типа социальных связей: транзакции, привязанности, узы и взаимозависимости [1, с. 93–111]. Транзакции и привязанности являются рациональными действиями, только транзакции относятся к целерациональным действиям, а привязанности имеют ценностно-рациональные ориентации. Узы являются социальными отношениями с аффективным действием, а взаимозависимости описывают мимолетные связи, которые являются по Веберу целеориентированными, нерациональными и несоциальными, например, покупки в магазинах.

Также Блокланд в рамках используемой концепции вводит ещё одну категорию – реляционные контексты принадлежности [1, с. 113–161]. Социальные связи, описанные выше, встроены в реляционные контексты, которые описываются в континууме приватности и континууме доступа.

По континууму приватности характеризуется степень контроля актором информации о себе по отношению к значимым другим и тянется от полюса личного до полюса анонимности. В полюсе личного возможность контролировать информацию значительно ограничена, как например, в семье. В полюсе анонимности контроль информации на максимальном уровне, когда дело касается личных вопросов.

Континуум доступа также подразумевает контроль, но речь идет об обладании доступа к тому или иному пространству. Данный континуум тянется от полюса приватного пространства к полюсу публичного [1, с. 146]. Приватное пространство – это место, где индивид может уединиться. Идеальным приватным пространством по Блокланд считается частный дом, как место, где индивид обладает наибольшим контролем над пространством и доступом к нему и куда может войти мало кто из других. В свою очередь публичное пространство, наоборот, является пространством с неограниченным до-

ступом, открытым для всех, например, парки и детские и спортивные площадки.

Важным в используемой концепции является понятие «публичная осведомленность», то есть способность определять социальное положение других, при этом, не зная их лично [1, с. 161–173]. Эта способность определяется на основании совокупного анализа социального пространства в континуумах приватности и принадлежности.

Влияет ли способ организации пригородного посёлка на формирование сообществ в них?

В 2023 году на основе картографических данных, ГИС и включенного наблюдения были описаны типы субурбий в Хабаровске, где были определены наиболее распространенные формы – типовые (возводимые застройщиком) и стихийные (возводимые самими жителями без предварительного планирования) коттеджные посёлки [7]. Анализ сообществ субурбий выполнен именно для этих типов. Это объясняется, во-первых, их распространенностью, а во-вторых, доступностью респондентов.

Влияет ли способ организации пригородного посёлка на формирование сообществ в них? Типовые пригороды обычно четко запланированы, количество домов, класс жилья, доступ к коммунальным, транспортным услугам в соответствии со строительными нормами, все эти параметры определяются ещё на этапе проектирования с целью обеспечения удобства жителей. Сообщества типовых коттеджных посёлков достаточно однородны по своей социальной структуре. В целом такая однородность предопределяется ещё на этапе продаж домов, так как нет сильных различий в классе и внешнем виде жилья, что отражается на стоимости, соответственно, формируя ценовой ценз перед этапом заселения.

«Соседи приблизительно все одного статуса, либо государственные служащие на должностях выше среднего, коммерсанты, владельцы своего небольшого, малого бизнеса»

(мужчина, госслужащий, 33 года)

Стоит отметить, что зачастую жители типовых посёлков заселяются практически одновременно. В том числе из-за этого отношения у жителей таких пригородов могут возникать не только с соседями по забору. Важную роль в формировании сообщества типового посёлка играет сходство (affinity), основанное на признании схожих ценностей, интересов и идей, что «способно вести к продолжительным отношениям и прочной вовлеченности» [1, с. 96]. Желание представителей среднего класса жить в пригородах, можно объяснить их стремлением к единству и безопасности. Они опасаются нежелательных контактов и хотят создать сообщество, в котором будут только такие же, как они [1, с. 118]. Таким образом, более вероятно появление привязанности между членами сообщества.

«Друзья по посёлку есть. Это люди, с которыми я познакомился уже непосредственно там. И с учётом, что это интересные люди, часто ходим друг к другу в гости, например, в баню друг к другу <...> Общие интересы? Есть, например, спорт, баня. Плюс какие-то домашние дела, допустим, творческие моменты с изготовлением тех же столешниц»

(мужчина, госслужащий, 33 года)

В то же время стихийные коттеджные посёлки не имеют четкой планировки, дома могут значительно отличаться друг от друга по классу, иметь разный доступ к коммунальным услугам. Такие посёлки могут расти десятилетиями до тех пор, пока на территории не оста-

нется пустых мест. К слову, при изучении космических снимков разных лет расширение границ стихийных пригородов чем-то напоминает годичные кольца деревьев.

Такая динамичность стихийных посёлков, характер их развития и относительно большое количество домохозяйств не способствует формированию сообщества. Появление новых участков в посёлке не зависит от уже живущих жителей, которые помимо комфорта ценят безопасность, поэтому новые жители могут восприниматься ими как «другие» и «опасные». Также в стихийных пригородах нет никаких общественных мест, которые позволили бы жителям лучше узнать друг друга в неформальной обстановке.

С точки зрения контроля информации о себе и осведомленности о соседях жители таких посёлков тяготеют к анонимности. Ввиду масштабов территории стихийных посёлков жители могут вообще не иметь какой-либо информации друг о друге.

«Знаю соседей в лицо и как зовут некоторых <...> Мы (с мужем – прим. автора) не дружим с соседями. Они к нам не навязываются, а мы к ним не навязываемся – молчаливые доброжелательные отношения»

(женщина, 46 лет, бухгалтер)

Таким образом, эти факторы определяют низкую способность жителей к публичной осведомленности в стихийных коттеджных посёлках. Иначе говоря, несмотря на общие ценности и образ жизни, жители производят некорректную оценку поведения сожителей, ввиду отсутствия или очень ограниченной информации друг о друге, что может выражаться в недоверии. Доверие, как утверждает П. Штомпка, зависит от рисков и оценки поведения, которое можно ожидать от других – тем самым оно придает ощущение безопасности и создает ощущение себя на своём месте и принадлежности к обществу [8, с. 342].

В условиях постоянных изменений в стихийном посёлке и отсутствия общественных пространств, наиболее вероятно, установление привязанности на основании территориальной близости, то есть с соседями по забору или напротив через дорогу.

«Есть три дома рядом с нами, этих соседей мы знаем. Дальше нет, дальше просто кого-то по именам знаю, но мы с ними не общаемся»

(женщина, преподаватель, 47 лет)

Влияет ли тип пригородного посёлка на решение общих или индивидуальных проблем?

Жители обоих типов пригородов часто сталкиваются с проблемами, связанными с обустройством участков, коммунальными услугами и соблюдением общественного порядка. Обычные обозначенные проблемы решаются с помощью общих чатов или личных встреч.

Групповые чаты типовых коттеджных посёлков довольно часто используются их жителями, что объясняется характером решаемых там вопросов. Помимо обсуждения общих для посёлка тем, например, асфальтирование дороги, вывоз мусора или сооружение детской площадки, решаются и индивидуальные бытовые вопросы.

«Могу по любым вопросам обратиться в чат, например, “дайте молоток” и всё... через какое-то время у меня этот молоток будет»

(мужчина, предприниматель, 39 лет)

Решение такого рода проблем с помощью чата в типовом посёлке в целом также объясняется привязанностями, то есть действием с ценностно-рациональными ориентациями. По Веберу такое действие соседа по отношению к интервьюруемому основано на осознан-

ной вере в безусловную самооценку вне зависимости от результата [4, с. 84].

Однако если сообщество сталкивается с общей для всего поселения проблемой, то отношения жителей приобретают целерациональные ориентации (транзакции). Особенность транзакций заключается в том, что они относятся к ролям, а не к индивидам [10, с. 13–15]. Например, сосед, с которым индивид может иметь дружеские отношения, в момент появления общей проблемы становится управляющим по посёлку, обязанность которого её решить.

«У кого-то слишком серьезные запросы по отношению к администрации ТСЖ. То есть люди считают, что если человек выбран на эту должность, то он должен всё делать, даже если работает бесплатно»

(мужчина, госслужащий, 33 года)

В стихийных посёлках, как и в типовых, как мы выяснили ранее, тоже есть привязанности, чаще всего с соседями по участку. Для реализации такого типа связи между жителями не требуется чатов или он практически не используется.

«С соседями до конфликтов не доходило. Был невоспитанный ребенок, он уехал. Он нашу собаку дразнил. Сейчас это идеальный сосед, это лучший сосед в мире, потому что ну на самом деле, в снегопад он помог расчистить нам площадку, когда отец болел и лежал, и никто его это не просил делать»

(женщина, преподаватель, 47 лет)

На этапе активной застройки таких посёлков жители всячески пытаются помочь соседям-новосёлам, что создает условия для ценностно-рациональных отношений с ближайшими соседями в будущем.

«Ещё одни соседи строят свой дом и иногда заглядывают в гости, я делилась с ними контактами своих подрядчиков, а летом, пока у них не было даже воды на участке, я делилась своей»

(женщина, шеф-кондитер, 27 лет)

Общий чат в стихийных посёлках используется редко или вовсе отсутствует. Обсуждения в нем направлены только для решения общих для посёлка вопросов и проблем, например, перебоев водоснабжения или электричества. В основном в таких чатах происходит лишь оповещение о собраниях, где потом подробно обсуждаются те или иные вопросы.

«У нас есть председатель, он пишет в чате. Он там один только говорит, другие только молчат <...> Они потом все собираются и что-то обсуждают. Я просто там ни разу не была, но все вопросы решаются»

(женщина, 46 лет, бухгалтер)

Сообщество или совместность?

Пригороды довольно часто формируются вокруг общих интересов, ценностей и образа жизни, что способствует появлению социальных связей и чувства принадлежности, иначе говоря, сообщества. Но как показали результаты проведенного исследования, нельзя однозначно утверждать, что обозначенные факторы являются единственными, необходимыми для появления сообществ в коттеджных посёлках.

На примере стихийных коттеджных посёлков было показано, что важную роль в формировании сообществ также играет осведомленность жителей посёлков друг о друге, то есть, они могут не знать, что разделяют общие интересы, ценности и образ жизни. На низкий уровень публичной осведомленности влияет сама ценность пригородной жизни, заключающаяся в чувстве уединенности и безопасности. На основе этих ценностей жители сознательно огораживаются друг от друга, ограничи-

вают информацию о себе в социальном пространстве пригорода.

Поэтому коттеджные пригороды также могут быть примером совместности, объединениями, связанными пользованием общим благом [14]. Коммунальные проблемы в коттеджных посёлках ощущаются острее, чем в городе, поэтому совместность позволяет им решать их эффективнее. Решение этих проблем как раз не предполагает наличие общих ценностей, интересов и образа жизни. В таких случаях отношения между жителями посёлка могут быть более формальными и ограничиваться поверхностным общением, что характерно для социальных связей типа транзакции. Также на приведенных примерах отношения с соседями по участку также могут иметь ценностно-рациональные ориентации, то есть привязанности, но не обязательно.

Заключение

Таким образом, в социальном пространстве пригородов могут формироваться как сообщества, так и совместности, в зависимости от способа организации пригородного посёлка. В стихийных посёлках привязанности наблюдаются лишь с соседями по участку (причем не всегда), жители здесь вступают в транзакции только при решении проблем с пользованием общим благом, что больше подходит под категорию совместности.

Если говорить о типовых посёлках, то, во-первых, дома внутри типовых посёлков практически идентичны и имеют одинаковый доступ к инфраструктуре, что определяет однородность его жителей по статусу, ценностям и образу жизни. Во-вторых, их жители наиболее осведомлены о ценностях, статусе друг друга, ввиду относительно небольших площадей таких посёлков и схожести своих типовых домов и участков. В-третьих, важным в формировании сообщества является практически одновременное заселение в типовых посёлках. Таким образом, возможность привязанностей между жителями не ограничивается фактором близости участков, что в свою очередь более благоприятно для построения крепких связей и формирования сообщества.

Некорректно на основании проведенного анализа делать вывод, что отличия обусловлены тем, что типовые посёлки гомогенны, а стихийные нет. Все опрошенные стихийных посёлков относятся к среднему классу. То есть они могут быть однородными по социальной структуре, но на тип связей это не сильно повлияет, ввиду низкой способности к публичной осведомленности. Иначе говоря, жители чаще всего хорошо знают только соседей по участку, об остальных они мало осведомлены или вовсе их не знают, даже если они имеют общие ценности и интересы, поэтому доверие здесь менее вероятно, из-за чего кажется, что жители стихийных пригородов живут более обособленно.

Литература

1. Блокланд, Т. Сообщество как городская практика. – Новое литературное обозрение, 2023. – 232 с.
2. Бреславский А.С. Внутренняя миграция и формирование пригородных сообществ Улан-Удэ // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2012. – Т. 2. – С. 52–59.
3. Бреславский А.С. Субурбанизация и будущее российских городов. Введение в проблематику. – Центр гуманитарных инициатив, 2024. – 170 с.

4. Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии – Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 445 с.
5. Григоричев К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. – Иркутск: Оттиск, 2013. – 248 с.
6. Григоричев К.В. Между «глобальным Севером» и «глобальным Югом»: так какой же может быть субурбанизация на востоке России? // Мир России. – 2024. – Т. 33. № 4. С. 44–65. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-4-44-65
7. Удинкан В.А. Анализ развития субурбий г. Хабаровска // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4. С. 119–128. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/119-128>
8. Штомпка, П. Социология: анализ современного общества. – Москва: Логос, 2005. – 655 с.
9. Borsdorf, A. From Polarization to Fragmentation. Recent Changes in Latin American Urbanization / A. Borsdorf, R. Hidalgo. – 2010. – P. 23–34.
10. Coleman, J. Power and the Structure of Society – New York City, 1973. – 116 p.
11. Douglass, H.P. The Suburban Trend – New York City: The Century Co., 1925. – 353 p.
12. Fishman, R. Bourgeois Utopias: Visions of Suburbia // Readings in urban theory. – 1996. – P. 23–31.
13. Harris, R. Suburbanization and Suburbanism // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences: Second Edition. – 2015. – P. 660–666.
14. Urban Commons: Moving Beyond State and Market / A.K. Müller, M. Schwegmann, M. Dellenbaugh [et al.]. – DE GRUYTER, 2015.
15. Veloso, L. Governing heterogeneity in the context of 'compulsory closeness': the 'pacification' of favelas – 2010. – P. 253–272.

COMMUNITY OR COMBINATIONS? ANALYSIS OF SOCIAL SPACE IN SUBURBIA OF THE RUSSIAN EAST (THE CASE OF KHABAROVSK)

Udinkan V.A.

Pacific State University

This article examines the social space of Khabarovsk suburbs. The study was conducted using the interview method, participant observation, and analysis of scientific literature on urban sociology and urban studies. The research describes social connections between residents of the most common types of suburbs in Khabarovsk: typical and unplanned cottage settlements. To describe suburbanized communities, T. Blokland's concept is used, which includes a typology of social connections and the category of "relational contexts of belonging." As a result of the study, it was determined that in typical settlements, social connections with value-rational orientations are most likely to emerge, and in unplanned settlements, with goal-rational orientations. So in typical suburban settlements, communities are most likely to form, and unplanned suburbs are characterized by 'combinations', associations of residents related with the use of a common good. These differences cannot be explained by the homogeneity of the social structure of typical suburbs, since residents of unplanned suburbs also have common values, interests, and way of life. The differences are explained by the concept of "public awareness," the ability of residents to determine the social position of others. In suburban areas, this ability is limited due to the need to maintain privacy and control over information about their lives in relation to others.

Keywords: suburbanization, suburbs, cottage settlement, urban studies, community, combinations, eastern Russia.

References

1. Blokland, T. Community as Urban Practice. – Monograph.: No-voye literaturnoye obozreniye, 2023. – 232 p. (in Russian)

2. Breslavsky A.S. Internal Migration and Formation of the Suburban Communities of Ulan-Ude // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedeniye.* – 2012. – V. 2. – pp. 52–59. (in Russian)
3. Breslavsky A.S. Suburbanization and the future of Russian cities. Introduction to the problem. – Monograph.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2024. – 170 p. (in Russian)
4. Weber, M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology.* – Publishing house of the Higher School of Economics, 2016. – 445 p.
5. Grigorichev K.V. V teni bol'shogo goroda: sotsial'noe prostranstvo prigoroda [In the Shadow of the Big City: The Social Space of Suburbia]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2013. 248 p. (in Russian)
6. Grigorichev K.V. Between the “Global North” and the “Global South”: What Could Suburbanization Look Like in Eastern Russia? *Mir Rossii.* 2024. vol. 33, no 4, pp. 44–65 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-4-44-65
7. Udinkan V.A. Analysis of the development of the suburbs of Khabarovsk // *Ojkumena. Regional researches.* 2023. No. 4. pp. 119–128. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/119-128>
8. Sztompka P. *Sociology. Analysis of modern society* – Moscow: Logos, 2005. – 655 p. (in Russian)
9. Borsdorf, A. From Polarization to Fragmentation. Recent Changes in Latin American Urbanization / A. Borsdorf, R. Hidalgo. – 2010. – P. 23–34.
10. Coleman, J. *Power and the Structure of Society* – New York City, 1973. – 116 p.
11. Douglass, H.P. *The Suburban Trend* – New York City: The Century Co., 1925. – 353 p.
12. Fishman, R. *Bourgeois Utopias: Visions of Suburbia* // *Readings in urban theory.* – 1996. – P. 23–31.
13. Harris, R. Suburbanization and Suburbanism // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences: Second Edition.* – 2015. – P. 660–666.
14. *Urban Commons: Moving Beyond State and Market* / A.K. Müller, M. Schwegmann, M. Dellenbaugh [et al.]. – DE GRUYTER, 2015.
15. Veloso, L. Governing heterogeneity in the context of ‘compulsory closeness’: the ‘pacification’ of favelas – 2010. – P. 253–272.

Шевлякова Татьяна Анатольевна,

аспирант кафедры философии и социологии, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники
E-mail: ta.shevlyakova@yandex.ru

Орлова Вера Вениаминовна,

доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники
E-mail: orlova_vv@mail.ru

Современные социальные проблемы молодых людей такие как безработица, низкие заработки, зависимости, проблемы с образованием, а также причины их появления, распространения и влияние на развитие личности и общества являются не только индивидуальными, но и общественными вызовами, требующими системного подхода к их изучению.

Целью данного исследования является изучение социальных проблем молодежи и подходов к их диагностике. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: анализ актуальных социальных проблем молодежи; исследование существующих методов диагностики; выявление тенденций и закономерностей в проявлении социальных проблем; разработка рекомендаций по их решению.

Методологической основой исследования являются качественные и количественные методы анализа, включая интервью, анкетирование и статистический анализ, использование которых позволяет получить более полное представление о социальных проблемах молодежи и их влиянии на общество. Такой подход обеспечивает комплексное изучение проблемы и способствует разработке эффективных решений.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения полученных результатов для разработки программ поддержки молодежи, направленных на преодоление выявленных проблем.

Ключевые слова: социальные проблемы молодежи, причины безработицы, зависимости, исследование социальных проблем.

Молодежь – это социально-демографическая группа, выделяемая по возрасту, социальному статусу и стилю жизни [2]. Согласно Федеральному закону от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» возраст молодёжи охватывает период от 14 до 35 лет включительно.

Современное общество сталкивается с многочисленными вызовами, связанными с изменением социальных, экономических и культурных условий. Молодежь, как наиболее динамичная и уязвимая часть населения, особенно подвержена влиянию этих изменений. Социальные проблемы, такие как безработица, низкие заработки, зависимости, проблемы с образованием становятся значительными препятствиями для их полноценного развития и интеграции в общество. В условиях быстрого развития технологий и глобализации, эти проблемы приобретают новые формы и требуют более глубокого анализа и понимания.

Безработица как вызов для молодежи

Одной из ключевых причин высокой безработицы среди молодежи являются структурные несоответствия профиля выпускников потребностям рынка труда. Это несоответствие усугубляется быстрыми изменениями в экономике и технологиях, которые требуют от работников постоянного обновления знаний и умений. При этом молодые люди часто сталкиваются с несоответствием своего уровня квалификации как выпускника учебного учреждения требованиям работодателей, что является важным критерием при приеме на работу и, соответственно, затрудняет их трудоустройство. По данным Росстата, уровень безработицы в России в сентябре 2024 года составил 2,4%. На долю молодёжи в возрасте до 25 лет среди безработных приходится 20,8%. Исследование также показывает, что 46% опрошенных студентов считают, что молодежи нелегко реализовать себя в современном обществе, что указывает на наличие социальных проблем.

Молодое поколение на рынке труда условно можно разделить на три группы. Первая группа – это молодежь в возрасте до 22 лет имеющая, как правило, только среднее образование. Это самая уязвимая группа на рынке труда в силу отсутствия у них должной квалификации. Они трудятся в основном в условиях неофициальной занятости или временных заработков, оставаясь менее конкурентными на рынке труда. Вторая группа молодых людей в возрасте до 30 лет в большинстве своем имеет специальное или высшее образование, но конкретные требования работодателя к уровню полученного образования, качеству выполняемой работы создают трудности для трудоустройства или закрепления на рабочем месте. Третья категория молодых людей до 35 лет, как правило уже имеет семью, квалификацию, профессиональные навыки. Определяющим фактором при трудоустройстве является материальная составляющая. Это является проблемой, влияющей, в большей степени на самого человека [11].

Безработица оказывает значительное влияние как на молодых людей, так и на общество в целом. Для молодежи она может привести к утрате профессиональных навыков, снижению самооценки и развитию чувства социальной изоляции. Продолжительная безработица

делает молодых людей менее конкурентоспособными на рынке труда, что затрудняет их трудоустройство в будущем. Высокий уровень безработицы среди молодежи также способствует росту социальной дифференциации, социальной напряженности и эскалации социальных проблем, которые могут привести к криминализации общества, крупным социальным конфликтам. Это подчеркивает необходимость создания условий, способствующих развитию индивидуальных и общественных ценностей, что может помочь в решении проблемы безработицы среди молодежи.

Зависимости: виды и последствия

В современных условиях жизни, аддиктивного и аморального поведения становится всё больше. Существует огромное многообразие зависимостей: алкоголизм, наркомания, лудомания (зависимость от азартных игр), шопоголизм, компьютерная и интернет-зависимость. Чаще всего в сети зависимости попадают подростки и молодежь в результате своей психологической незрелости и свойственному подражанию другим людям. Зависимости среди молодежи представляют собой значимую социальную проблему, оказывающую влияние на здоровье, поведение и социальную адаптацию.

Согласно статистике Управления ООН по наркотикам и преступности, к 2023 году количество употребляющих алкоголь и наркотики людей достигло 292 млн человек. Эти цифры на 20% больше, чем за последние десять лет. Кроме того, отмечают негативные тенденции подростковой алкоголизации: высокий темп её роста и снижение возраста лиц, употребляющих алкоголь и наркотики, увеличение количества девочек, имеющих зависимость, и при этом стремление взрослых дистанцироваться от решения проблем молодежного алкоголизма и наркомании [8].

В современную эпоху нехимические аддикции заняли лидирующую позицию среди всех видов зависимостей. К ним относятся пристрастие к виртуальному пространству, болезненная тяга к азартным играм, компульсивное трудовое поведение и неконтролируемое стремление к покупкам. Специалисты характеризуют эти состояния как патологическую неспособность сопротивляться навязчивым импульсам.

В соответствии с МКБ, игровая зависимость (лудомания) ведет к деградации во всех ключевых сферах жизни: от карьеры до межличностных отношений и самореализации.

Хотя деятельность и созидание являются фундаментальными человеческими потребностями, чрезмерная поглощенность работой сигнализирует о психологическом дисбалансе. Такие люди используют работу как щит, скрываясь за ней от полноценной социальной жизни и избегая решения насущных вопросов.

Интернет стал неотъемлемой частью нашего существования, предоставляя широкий спектр преимуществ: от мгновенной коммуникации с географически удаленными собеседниками до круглосуточного доступа к информационным ресурсам, возможности дистанционной занятости и онлайн-шопинга. Но, тем не менее, есть и другая сторона интернет-зависимости: неограниченное во времени использование социальных сетей, которые, несмотря на свою способность соединять людей, часто приводят к снижению качества реального общения. В интернете, в условиях отложенного времени, можно найти остроумный ответ на вопрос, примерить на себя чужую роль, а в реальной жизни появляется неуверенность в себе, неумение поддержать разговор, сформулировать свое мнение, что нередко приводит к соци-

альной изоляции, причем не только к отторжению индивида группой, но и к снижению потребности в реальном общении у самого индивида.

Согласно отчету ВОЗ, около 10% молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет испытывают чувство социальной изоляции, что связано с увеличением времени, проводимого в виртуальной среде, и отсутствием глубоких межличностных связей.

Таким образом, зависимости и химические, и нехимические негативно сказываются на психологическом благополучии людей. Формирование зависимостей происходит под воздействием множества факторов, включая социальное окружение, стрессовые ситуации и доступность технологий. Последствия для молодежи могут быть весьма серьезными, затрагивая как их психологическое, так и социальное благополучие. Исследования показывают, что зависимости увеличивают риск депрессии у молодежи на 40%, что подчеркивает её значительное влияние на психическое здоровье. Молодые люди испытывают чувство одиночества, сниженное самоуважение и трудности в установлении социальных связей. Эти факторы могут негативно сказаться на их академической успеваемости, профессиональных перспективах и общем качестве жизни.

Проблемы с образованием и их влияние на молодежь

Образовательная система претерпела кардинальные трансформации за последние три десятилетия. Принятие нового образовательного законодательства в 1992 году наделило учебные организации правами юридических лиц, предоставив им автономию в управлении ресурсами. Присоединение к Болонскому соглашению в 2003 году, внедрение обновленного образовательного стандарта в 2007 году, запуск ЕГЭ в 2009 году и реорганизация профтехучилищ в техникумы и колледжи в 2013 году – все эти реформы существенно повлияли на качественные характеристики образования [1].

Современная ситуация характеризуется явным кризисом образовательных учреждений в сторону коммерциализации, что привело к четкой стратификации обучающихся на тех, кто получает образование за счет бюджета, и тех, кто оплачивает обучение самостоятельно.

Проблема доступности образовательных услуг стала одним из ключевых вызовов для современного молодого поколения. Ограничения в получении образования создают серьезные препятствия для личностного роста молодежи, затрудняя их профессиональное становление и социальную адаптацию.

Примечательно, что с начала нового тысячелетия сохраняется искаженное общественное восприятие высшего образования, что отражает глубинные трансформации в социальных установках.

Исследования социологов демонстрируют, что современное молодое поколение воспринимает диплом преимущественно как показатель социального статуса, а для мужской части студенчества он служит еще и способом отсрочки от военной службы. Тревожная статистика опроса старшекурсников показывает: лишь треть (34%) намерена работать по специальности. Это порождает феномен некомпетентных специалистов и усугубляет проблему безработицы, особенно учитывая распространенную практику непотизма при трудоустройстве [4].

Анализ образовательного уровня молодежи за последнее десятилетие выявляет негативную динамику: растет доля людей 25–34 лет без высшего образования, что существенно сужает их карьерные перспективы. Усу-

губляет ситуацию разрыв между академическими программами и актуальными требованиями работодателей, из-за чего выпускники оказываются недостаточно подготовленными к реальной профессиональной деятельности.

Образовательное право занимает особое место в конституционном поле. Согласно Федеральному закону «Об образовании», данный процесс определяется как систематическое обучение и воспитание, осуществляемое в интересах триады «личность-общество-государство» и подтверждаемое документально достижением установленных образовательных уровней [10].

Современный этап развития российского образования характеризуется масштабными преобразованиями и разработкой новых реформ. При этом, как подчеркивает В.В. Путин, модернизация образовательной системы должна проводиться с сохранением ее исторически сложившихся достоинств.

Методологические подходы к диагностике социальных проблем

В процессе изучения социальных проблем наиболее результативным является комплексное применение качественных и количественных методологических подходов.

Качественные методы исследования представляют собой незаменимый инструментарий для глубинного анализа социальных феноменов, особенно в молодежной среде. Такие инструменты как глубинные интервью, групповые дискуссии, включенное наблюдение и контент-анализ документации позволяют проникнуть в суть индивидуальных побуждений, эмоциональных переживаний и насущных потребностей личности. Их главное преимущество заключается в способности собирать детальную, контекстуальную информацию, особенно значимую при исследовании комплексных социальных явлений, когда требуется понимание трудноизмеримых аспектов молодежного поведения и мотивации.

В образовательном контексте качественные методики помогают раскрыть влияние ресурсного обеспечения и межличностных взаимодействий на успешность молодых людей. Выявленные с их помощью препятствия становятся основой для формирования действенных механизмов их преодоления.

Количественные методы, в свою очередь, фокусируются на получении числовых показателей и их статистической обработке. Этот подход, реализуемый через анкетирование, статистический анализ, массовые опросы и экспериментальные исследования, обеспечивает получение объективных, верифицируемых результатов.

В контексте молодежных проблем количественные исследования незаменимы для определения масштабов явлений и отслеживания их динамики. Полученные данные не только отражают текущее положение дел, но и позволяют идентифицировать ключевые факторы влияния, что создает надежную базу для разработки эффективных социальных программ и стратегических решений в молодежной политике.

Анализ результатов диагностики. Выявленные тенденции и закономерности

Диагностика социальных проблем современной молодежи выявляет комплекс взаимосвязанных негативных явлений, существенно влияющих на их социальную интеграцию и самореализацию. Особую тревогу вызывает ситуация на рынке труда: согласно статистике ЮНЕСКО, молодежная безработица достигает 13%, что втрое пре-

вышает аналогичный показатель среди взрослого населения. Этот факт свидетельствует о системных барьерах, препятствующих профессиональной самореализации молодого поколения.

Исследование корреляций между различными социальными проблемами демонстрирует тесную связь между образовательной доступностью и социальной эксклюзией. Согласно данным ООН, свыше 260 миллионов молодых людей лишены возможности получить качественное образование, что существенно ограничивает их профессиональные перспективы и повышает риск маргинализации. Статистика показывает, что четверть молодежи в возрастном диапазоне 15–24 лет испытывает социальную изоляцию, что провоцирует развитие депрессивных состояний и других психологических нарушений.

Наблюдается эффект взаимного усиления различных социальных проблем: безработица, образовательная недоступность и социальная изоляция формируют замкнутый цикл, усугубляемый развитием различных форм зависимого поведения. Молодые люди, столкнувшиеся с подобными трудностями, демонстрируют повышенный уровень тревожности и стресса, что негативно отражается на их психофизическом здоровье, провоцирует агрессивное поведение и снижает общее качество жизни.

Заключение

Проведенное исследование позволило идентифицировать ключевые социальные вызовы, с которыми сталкивается современная молодежь. В фокусе внимания оказались проблемы трудоустройства, различные формы аддиктивного поведения, феномен социального отчуждения и барьеры в образовательной сфере. Детальный анализ выявил тесную взаимообусловленность этих явлений и их комплексное воздействие на качественные показатели жизни молодого поколения.

Результаты исследования демонстрируют системную природу молодежных проблем, что обуславливает необходимость их всестороннего изучения и решения. Обнаруженные корреляции между такими явлениями как безработица и социальная эксклюзия подчеркивают важность применения междисциплинарного подхода и современного диагностического инструментария. Полученные данные убедительно доказывают необходимость дальнейшего углубленного изучения данной проблематики и разработки действенных механизмов поддержки молодежи.

В качестве практических рекомендаций предлагается имплементация комплексных программ, ориентированных на решение проблем занятости, профилактики зависимого поведения и преодоление социальной изоляции. Особое внимание следует уделить повышению доступности качественного образования и развитию волонтерского движения, а также формированию коммуникативных навыков молодежи. Реализация данных инициатив должна сопровождаться систематической оценкой их результативности и своевременной корректировкой с учетом меняющихся социальных условий.

Литература

1. Антонова. О.В. Проблемы современного образования / О.В. Антонова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 16 (463). – С. 291–295. – URL: <https://moluch.ru/archive/463/101794/> (дата обращения: 31.01.2025).

2. Большая российская энциклопедия / <https://bigenc.ru/c/molodiozh-91560e> (дата обращения 28.01.2025)
3. Малахатка А.А. Основные теоретико-методологические подходы к организации мер социальной поддержки по предупреждению компьютерно-игровой зависимости среди молодежи в возрасте 18–24 лет // Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс».
4. Морозова В.В. Социальные проблемы молодежи в сфере образования и технологии их решения. Вестник науки № 11 (68) Т. 2/ <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-problemy-molodezhi-v-sfere-obrazovaniya-i-tehnologii-ih-resheniya/viewer> (дата обращения: 28.01.2025).
5. Петрова Л.В. Волонтерское движение как фактор развития социальной активности молодежи: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – Кострома, 2006.
6. Пронина Е.В., Попова С.Ю. Актуальные проблемы исследования социально активной молодежи: творческое отношение к жизнедеятельности // Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс».
7. Психотехнологии в социальной работе. Вып.5 / под ред. Козлова В.В. – Ярославль: МАПН, ЯрГУ, 2000. – 275 с.
8. Разведовский Е.Ю. Медико-социальные аспекты алкоголизма –Гродно, 2005–128 с.
9. Ромодина А.М. Современные зависимости молодого поколения. Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области, № 3 (22) Т. 1/ <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-zavisimosti-molodogo-pokoleniya/viewer> (дата обращения: 31.01.2025).
10. Федеральный закон «Об образовании» от 16.11.1997 г. № 12-ФЗ // Федеральный закон «Об образовании» (с комментариями). – Ростов-н / Д.: Феникс, 2002.
11. Эфендиева Д.С. Молодежная безработица. Проблемы и пути решения. <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnaya-bezrobotitsa-problemy-i-puti-resheniya-1/viewer> (дата обращения: 28.01.2025).

CURRENT SOCIAL PROBLEMS OF YOUTH

Shevlyakova T.A., Orlova V.V.

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics

Modern social problems of young people such as unemployment, low earnings, addictions, problems with education, as well as the causes of their appearance, spread and impact on the development of personality and society are not only individual, but also social challenges that require a systematic approach to their study.

The purpose of this study is to study the social problems of youth and approaches to their diagnosis. To achieve this goal, the follow-

ing tasks were set: analysis of current social problems of youth; research of existing diagnostic methods; identification of trends and patterns in the manifestation of social problems; development of recommendations for their solution.

The methodological basis of the research is qualitative and quantitative methods of analysis, including interviews, questionnaires and statistical analysis. The use of which allows us to gain a more complete understanding of the social problems of youth and their impact on society. This approach provides a comprehensive study of the problem and contributes to the development of effective solutions. The practical significance of the work lies in the possibility of applying the results obtained to develop youth support programs aimed at overcoming the identified problems.

Keywords: social problems of youth, causes of unemployment, addiction, research of social problems.

References

1. Antonova, O.V. Problems of modern education / O.V. Antonova. – Text: direct // Young scientist. – 2023. – № 16 (463). – Pp. 291–295. – URL: <https://moluch.ru/archive/463/101794/> (accessed: 01/31/2025).
2. The Great Russian Encyclopedia. <https://bigenc.ru/c/molodiozh-91560e/> (accessed: 01/31/2025).
3. Malakhatk A.A. Basic theoretical and methodological approaches to the organization of social support measures to prevent computer gaming addiction among young people aged 18–24 years // Center for Scientific Cooperation «Interactive plus».
4. Morozova V.V. Social problems of youth in the field of education and technologies for their solution. Bulletin of Science No. 11 (68) Vol. 2/ <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-problemy-molodezhi-v-sfere-obrazovaniya-i-tehnologii-ih-resheniya/viewer> (date of request: 28.01.2025).
5. Petrova L.V. The volunteer movement as a factor in the development of social activity of youth: Abstract of the dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences. Kostroma, 2006.
6. Pronina E.V., Popova S.Y. Actual problems of research of socially active youth: creative attitude to life // Center for Scientific Cooperation «Interactive plus».
7. Psychotechnologies in social work. Issue 5 / ed. Kozlova V.V. – Yaroslavl: MAPN, YarGU, 2000. – 275 p.
8. Razvedovsky E.Y. Medical and social aspects of alcoholism – Grodno, 2005–128p.
9. Romodina A.M. Modern addictions of the younger generation. Bulletin of the Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk region, No. 3 (22) Vol. 1/ <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-zavisimosti-molodogo-pokoleniya/viewer> (date of application: 01/31/2025).
10. Federal Law «On Education» dated 11/16/1997, No. 12-FZ // Federal Law «On Education» (with comments). Rostov-on-Don: Phoenix, 2002.
11. Efendieva D.S. Youth unemployment. Problems and solutions. <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnaya-bezrobotitsa-problemy-i-puti-resheniya-1/viewer> (date of request: 28.01.2025).

Исследование понятийного аппарата феномена «корпоративная культура»

Щанина Екатерина Владимировна,

д.с.н., кафедра «Менеджмент и государственное управление»,
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
E-mail: shchanina@mail.ru

Думнов Валерий Бесоевич,

аспирант, кафедра «Менеджмент и государственное
управление», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный
университет»
E-mail: dum-off@yandex.ru

Актуальность исследования феномена «корпоративная культура» обусловлена его значимостью для повышения эффективности управления организациями. Углубленное изучение позволяет уточнить содержание и механизмы формирования корпоративной культуры, что способствует развитию успешных и устойчивых компаний. Цель данного исследования заключается в анализе и обобщении теоретических аспектов корпоративной культуры, а также выявлении перспективных направлений исследования в этой области. В ходе исследования авторами статьи применялся такой метод, как анализ научной литературы по теме корпоративной культуры организации, а также управления организацией. В статье определены, систематизированы и описаны теоретические подходы к определению сущности понятия «корпоративная культура». Установлено, что формирование корпоративной культуры в контексте ее взаимосвязи с организационной происходит в рамках нормативного, социокультурного и инструментального подходов. Исходя из ценностей, которые заложены при ее формировании, корпоративная культура исследуется с позиции ценностей коллектива, руководства, берущая ориентацию на ставшие традиционными поведенческие ограничения и в контексте кодекса иерархий. Наиболее перспективными направлениями дальнейших исследований, по мнению авторов, являются влияние процесса цифровизации на формирование корпоративной культуры, культура устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности, корпоративная культура как фактор для инноваций.

Ключевые слова: корпоративная культура, организационная культура, культура организации, ценности, организация.

Введение

Изучение корпоративной культуры становится все более значимым в свете ее практической и экономической важности для работы над имиджем организации. В условиях интеграции цифровой экономики в промышленный сектор, сопровождающейся промышленной революцией в РФ, конкуренция на рынке становится жесткой, что вынуждает промышленные предприятия придавать особое значение формированию корпоративной культуры, которая является одним из важных элементов, влияющих на эффективность деятельности организации, достигаемой за счёт формирования единой системы ценностей и норм поведения, привлечения квалифицированных специалистов, снятия «барьеров» между сотрудниками и улучшения коммуникации между ними. Поощрение инноваций, системы повышения мотивации персонала, вовлечённости и лояльности к организации, отражённые в корпоративной культуре способствуют выделению организации среди не только действительных, но и потенциальных конкурентов. Таким образом, исследование проблем и поиск решений, способствующих формированию конкурентоспособной корпоративной культуры, является очень актуальным в современных условиях.

Корпоративная культура обладает уникальной чертой – её невозможно выразить количественно, ведь она не имеет материальной природы. Однако правильно выстроенная и поддерживаемая корпоративная культура способна существенно повысить ценность организации в глазах участников рынка труда. По этой причине формирование ясной, современной и соответствующей как внешним требованиям, так и внутренним нуждам компании корпоративной культуры должно стать одной из ключевых задач для любого руководителя, стремящегося к успешному развитию организации [1].

Формированию корпоративной культуры уделено значительное внимание в теоретических работах как западных, так и отечественных ученых (израильский социолог Х. Шварц [2], американский исследователь организационной культуры В. Сате [3], американский психолог, основатель научного направления «Организационная психология» Э. Шейн [4], классик теории организации Г. Морган [5], доктор социологических наук А.А. Максименко [6] и других). Однако до сих пор не существует общепринятого определения корпоративной культуры и устоявшихся методов ее формирования и оценки эффективности.

Цель данного исследования заключается в анализе и обобщении теоретических аспектов корпоративной культуры, а также выявлении перспективных направлений исследования в этой области. Для достижения поставленной цели были выполнены следующие задачи:

- проведен анализ развития теории корпоративной культуры;
- выделены и классифицированы различные подходы к интерпретации корпоративной культуры в зависимости от их целевой направленности.

Результаты

Сложности определения понятийного аппарата связаны с разнообразием подходов к определению понятия «кор-

поративная культура», отражающими специфику и интересы конкретных исследователей.

Существует два основных термина, которые авторы используют для описания культуры компании: организационная культура и корпоративная культура. Формирование корпоративной культуры в контексте её взаимодействия с организационной культурой (как взаимодополняемые системы в организации) может происходить в рамках трёх подходов.

1. Нормативный подход.

Корпоративная культура разрабатывается и внедряется как управляемая система, призванная формировать желаемые установки, ценности и поведение сотрудников в рамках общей организационной культуры. В этом подходе корпоративная культура рассматривается как «верхний» уровень общей организационной культуры, формируемый руководством «сверху вниз». Организационная культура задаёт контекст, внутри которого выстраивается корпоративная культура.

Стратегическое влияние на сотрудников путём внедрения миссии, корпоративных ценностей, принципов взаимодействия и контрольных механизмов.

Т. Питерс и Р. Уотерман сделали акцент на том, что успех компании определяется сильной корпоративной культурой, основанной на ясных ценностях и принципах.

Э. Шейн создал модель уровней культуры (артефакты, ценности, глубокие убеждения), отражающую управляемое формирование корпоративной культуры через идентификацию и осознанное закрепление ценностей в сотрудниках.

2. Социокультурный подход.

Формирование корпоративной культуры происходит «изнутри», естественным образом, через повседневное поведение сотрудников, коммуникации и взаимодействия. Корпоративная культура является более конкретизированным выражением организационной культуры, отражающим рабочие практики, взаимодействие между сотрудниками, человеческую сторону управления. Организационная культура задаёт основу (традиции, взаимодействие с внешней средой), в рамках которой эволюционирует корпоративная культура.

Вклад сотрудников в формирование культуры, уважение к традициям и индивидуальностям компании, создание «живой» и развивающейся среды без жёстких и заданных форматов.

Г. Морган рассматривал культуру как «организм», включающий ритуалы, символы, мифы и интеракции сотрудников как ключевой ресурс для её формирования.

Ч. Хэнди считает, что внутри корпоративной культуры представлены элементы разных типов культур (власти, роли, личности и задач) и через баланс этих типов происходит формирование уникального подхода к корпоративной жизни.

3. Инструментальный подход.

Корпоративная культура является инструментом достижения стратегических целей компании. Она формируется в тесной связи с бизнес-стратегией и меняется в зависимости от текущих задач и внешних изменений. Культура должна быть практичным и гибким механизмом для повышения эффективности управления.

Организационная культура рассматривается как фоновый контекст, а корпоративная культура моделируется и оптимизируется для конкретных задач. Иногда корпоративная культура выступает «инновационным ядром» организационной культуры.

Д. Лоуренс и Д. Лорш в своей теории дифференциации акцентировали внимание на том, что корпоративная культура должна быть гибкой и адаптивной, чтобы соответствовать задачам и требованиям внешней среды.

К. Камерон и Р. Куинн описали модель конкурентных ценностей, где виды корпоративной культуры классифицируются по стратегическим ориентирам (клановая, адхократическая, рыночная, иерархическая).

Одной из основных проблем изучения корпоративной культуры является то, что исследователи не сходятся в общем видении этой категории, а процесс становления понятия данного феномена сегодня цикличен – каждое новое определение служит основанием для пересмотра и доработки научных идей представителей предыдущих подходов.

Анализ научной литературы позволил сгруппировать существующие теоретические подходы к определению сущности понятия корпоративной культуры исходя из целей, на достижение которых направлено формирование корпоративной культуры в организации (см. рис. 1).

Рис. 1. Группы теоретических взглядов на категорию «корпоративная культура» по целям и целевым ориентирам

Источник: составлено авторами на основе результатов проведённого анализа научной литературы.

1. Корпоративная культура, которая формируется, исходя из ценностей коллектива. В большинстве определений этого типа концепция корпоративной культуры воспринимается как совокупность конкретных ценностных норм и характеристик. Представителями данного подхода к определению «корпоративная культура» являются следующие отечественные и зарубежные исследователи: И.В. Андреева, З.П. Румянцева, Х. Шварц, В. Сате, Э Шейн, С. Мишон и П. Штерн.

Подход И.В. Андреевой предполагает, что корпоративная культура есть инструмент в системе управления персоналом, который основан на внедрённых в организацию ценностях, нормах и правилах с целью повышения её эффективности [7].

Исследователь З.П. Румянцева утверждает, что организационная культура представляет собой набор коллективных ценностей, социальных норм и установок, формируемых организацией, которые регулируют поведение сотрудников [8].

Корпоративная культура является набором совместных убеждений и предположений, общих для членов организационного сообщества. Эти совокупные взгляды закладывают фундамент нормативных регламентов, которые диктуют поведенческие паттерны как для индивидов, так и для групп в пределах корпоративной структу-

ры [2]. В свою очередь, В. Сате рассматривает культуру как набор важных установок, часто неформализованных, которые разделяют члены определенного общества [3]. Взгляд Э. Шейна на организационную культуру акцентирует внимание на фундаментальное ядро базовых допущений и интеллектуальных конвенций (глубинный уровень корпоративной культуры), которые являются общими для всех участников организационного коллектива и действуют на бессознательном уровне и в значительной степени определяют «принятые на веру» обычные способы восприятия и оценки себя и окружающей среды [4]. Подобные взгляды высказывают также исследователи С. Мишон и П. Штерн [9].

Корпоративная культура рассматривается в свете сложившейся философии управленческих практик, ряда представлений и ценностных координат, верований, антиципаций и стандартов, что становится фундаментом для интеракций как внутри компании, так и во внешнем деловом пространстве.

Исследователи подчеркивают, что у каждой организационной культуры имеются неимитируемые и отличительные характеристики, которые определяют уникальность социальной структуры данной группы людей и ее статус в социальной иерархии.

2. Культура организации, сосредоточенная на ценностях руководства. Данная группа представляет собой подход, который изучает факторы, воздействующие на оргкультуру и влияющие на жизненный цикл организации. В рамках этого подхода, помимо определения корпоративной культуры через ее составляющие – нормы, ценности, убеждения, образы поведения и т.д., особое внимание уделяется способности культуры организации способствовать решению внутренних проблем, достижению поставленных целей и продвижению к успеху. Этот подход разделяли следующие отечественные и зарубежные социологи: Т.О. Соломанидина, А.А. Максименко, А.Е. Воронкова, Н.С. Злобин, Д. Элдридж, А. Кромби, Э. Браун.

В своих трудах профессор Т.О. Соломанидина подчеркивает важность и эффективность организационной культуры, как инструмента достижения целевых показателей организации как на рынке, так и внутри коллектива [10].

Такие исследователи, как А.А. Максименко и А.Е. Воронкова [6], проводя исследования, утверждают, что для формирования эффективной культуры предприятия необходимо наличие целенаправленного управленческого влияния, основной характеристикой которого является согласованность целей всех сотрудников.

Культуролог и специалист в области социальной философии Н.С. Злобин в своих работах подчеркивает, что организационная культура отражается в первую очередь как в наличии, так и в качестве творческой, созидательной деятельности организации, закрепленную в ценностях, традициях, и нормах, так и настоящую, основанную на материализации этих ценностей, норм и традиций [11].

Ученые Д. Элдридж и А. Кромби в своих научных трудах воплощают понятие корпоративной культуры как особенное сочетание поведенческих кодексов, ценностных установок, а также типичных моделей поведения и прочих элементов. Они утверждают, что такая комбинация играет ключевую роль в процессе формирования единых коллективов и интеграции индивидуумов внутри компании с целью достижения её стратегических задач [12]. Параллельно, исследования Э. Брауна также рефлектируют аналогичные концепции в рамках этой темы [13].

3. Корпоративная культура, берущая ориентацию на ставшие традиционными поведенческие ограничения. Организационную культуру ряд исследователей определяют, как образец, стиль или метод деятельности, поведения и мышления в организации. В этом контексте корпоративную культуру организации исследуют профессор Ф.Б. Усманов, В.В. Козлов, О.С. Виханский и А.И. Наумов, а также канадский социолог и консультант по менеджменту Э. Джакус, американские учёные Г. Морган, Д. Олдхэм.

Согласно профессору Б.Ф. Усманову, организационная культура корпорации олицетворяет собой установленные традиции и стиль взаимодействия, через которые проявляются ключевые ценности самой организации и ее коллектива сотрудников [6].

Социолог В.Д. Козлов интерпретирует понятие «корпоративная культура» как «систему формальных и неформальных правил и норм поведения, традиций и обычаев, а также индивидуальных и групповых интересов, особенностей стиля управления, уровня удовлетворенности работников условиями труда, степени взаимодействия, степени идентификации работников с организацией и перспектив развития» [14].

Исследователи О.С. Виханский и А.И. Наумов определяют корпоративную культуру как «совокупность мышления, которая определяет внутреннюю жизнь организации; образ мышления, действия и сущность», с особым акцентом на то, что этот образ мышления и действий оказывает значительное влияние на поведение сотрудников коллектива [15].

Канадский социолог Э. Джакус отмечает, что корпоративная культура организации – это образ мышления или способ действия внутри организации, которые разделяются всеми сотрудниками организации в рамках общей деятельности. По своей сути, Э. Джакус ограничивает влияние корпоративной культуры на поведение персонала внутри пространства организации [16].

В соответствии с интерпретацией Г. Моргана, видного теоретика в сфере организационных исследований, который воспринимает культуру через призму метафоры, она является механизмом ведения бизнес-процессов, в котором активно используется язык корпоративных мифов, застарелых традиций и других инструментов, передающих ключевые ценности, устойчивые убеждения и руководящие идеологии и тем самым канализирующих энергию организации в определенное русло [5].

Д. Олдхэм подчеркивает, что понять сущность организационной культуры можно, изучив методы выполнения работы и то, как в организации взаимодействуют сотрудники [17]. Исследователь прослеживает взаимосвязь между грамотной корпоративной культурой, которая оказывает влияние на социально-психологический климат организации, что, в последствие, отражается на результатах деятельности организации.

4. Корпоративная культура, формирующаяся в контексте кодекса иерархий. Понимание понятия «организационная культура» с точки зрения структурно-функциональных традиций представляет ее как систему образцов, норм и ролей, которые соответствуют основным ценностям и разрешаются членам общности. Иными словами, организация рассматривается как сложная система, включающая в себя разнообразные компоненты, такие как технологические, административные, социальные. В этой связи корпоративная культура воспринимается как подсистема, которая выполняет функции по адаптации организации к внешней среде и формирования идентичности работников. Представителями

данного подхода являются следующие отечественные и зарубежные исследователи: В.А. Погребняк, Э.А. Смирнов, Э. Петтигрю, П.Б. Вейл, Г.Л. Хаэт.

Концепция корпоративной культуры, разработанная исследователем В. Погребняком в контексте управленческой теории, характеризует ее как уникальное поле в пределах организационного бытия, вобравшее в себя сеть переплетенных организационных явлений и динамик. В рамках этого пространства, благодаря стратегическим и координированным действиям сотрудников на трех разных уровнях культурной среды – производственном, экономическом и социальном, осуществляется трансформация ресурсов в итоговые результаты общей организационной работы [18].

Э.А. Смирнов представляет одно из наиболее содержательных определений организационной культуры: эта категория охватывает систему установленных поведенческих кодексов, ценностей, долговременных традиций и устоявшихся практик, отражая в первую очередь коллективные, взаимные и индивидуальные стремления. Данное определение также включает в себя уникальные черты поведения работников, методы руководства конкретно взятой организации, удовлетворенность сотрудников рабочей средой и в целом социально-психологическим климатом организации, как и уровень сотрудничества внутри коллектива и в контексте потенциалов для эволюции организационной структуры [4].

Э. Петтигрю, профессор в области стратегии организаций, и Л. Смирнич, профессор менеджмента, подчеркивают, что культура представляет собой систему акцептированных в обществе значений, характерных для конкретной группы на текущий момент, включающую в себя набор определенных ограничений, устойчивых установок и представлений, которые формируют интерпретацию ситуаций для индивидов [19].

П.Б. Вейл определяет культуру как систему взаимоотношений, действий и артефактов, прошедших проверку временем и создающих уникальную психологическую атмосферу, общую для членов культурного сообщества [20].

Г.Л. Хаэт выдвигает концепцию, согласно которой корпоративная культура формируется из субкультур различного уровня, взаимодействующих между собой, и можно рассматривать ее как иерархическую структуру с множественными связями в разных направлениях, включая вертикальные и горизонтальные, а также прямые и двусторонние связи.

Культуру внутри организации часто воспринимают как сложный ансамбль ключевых допущений, стандартов, взглядов, ценностных направлений и символов, которые соблюдаются членами организации в их повседневном поведении и деятельности. Эти представления нередко связаны с пониманием внешнего мира (других групп, организации в целом, общества, всего мироздания) и переменных, которые влияют на это понимание (таких как окружающая среда, пространство, временные рамки, труд, взаимоотношения и др.). В то же время, различные авторы обращают внимание на те или иные специфические аспекты, функции или характеристики корпоративной культуры.

Проведенный анализ теоретических подходов к исследованию сущности понятия «корпоративная культура», позволяет определить наиболее приоритетные направления дальнейших исследований.

1. Формирование корпоративной культуры в условиях цифровизации.

Данное направление для изучения является актуальным, т.к. с развитием технологий и удалённых форматов

работы корпоративная культура претерпевает радикальные изменения.

В рамках данного направления следует ответить на следующие вопросы: «Как цифровые инструменты (мессенджеры, виртуальные пространства, платформы для совместной работы) влияют на культуру социального взаимодействия? Какие подходы могут эффективно поддерживать чувство «принадлежности» в виртуальных командах?». Научной базой для реализации послужат труды К. Гаравана (который изучал компетентностный подход в управлении персоналом, включая цифровую культуру) и Р. Гласс (который проводил исследования на стыке корпоративной культуры и технологического контекста).

2. Культура устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности.

Всё больше компаний включают вопросы экологии и социальной ответственности в свою корпоративную культуру. Сотрудники ожидают, что культура компании будет отражать их личные ценности, связанные с устойчивым развитием.

С опорой на научные работы Дж. Элкингтона, автора концепции «трёхпольного измерения устойчивого развития» и М. Портера, исследователя виды стратегий функционирования организаций, включая аспекты социально ответственного поведения, представляется возможным проследить взаимосвязь между клиентоориентированностью, социальной миссией и вовлечённостью сотрудников.

3. Корпоративная культура как фактор для инноваций.

Компании стремятся строить культуры, поощряющие риск и творчество, чтобы оставаться конкурентоспособными. Вопрос в том, какие элементы корпоративной культуры при этом будут способствовать инновациям, считается актуальным.

Как отсутствие страха перед ошибками и поддержка креативности влияет на способность компаний адаптироваться к изменениям – основная проблема, отражённая в работах К. Кристенсена, который разработал теорию «подрывных инноваций», рассматриваемую в совокупности с элементами культуры в организации.

Заключение

Из вышеизложенного следует, что, теоретические исследования в направлении изучения корпоративной культуры и выделенные в ее рамках тенденции обладают неограниченным потенциалом для дальнейшего развития. Данный потенциал заключается в том, что современная организация – это динамичная система, корпоративная культура, как неотъемлемая часть такой организации, также является динамичной системой.

Исследование корпоративной культуры открывает не только новое видение этой категории (в теории), но и также новые её концепции (функции, виды, модели), которые в последствие применяются на практике.

Однако, несмотря на большое количество научно-теоретических исследований, анализ научной литературы по социологии управления показал отсутствие единого, четко сформулированного подхода к определению понятия корпоративной культуры как социологической категории, что подчеркивает необходимость продолжения исследований в данном аспекте.

Обобщение и систематизация теоретических взглядов позволили определить четыре направления исследований понятия «корпоративная культура», основанные на определении целей, на достижение которых направлено формирование корпоративной культуры в организации

1. корпоративная культура, которая формируется, исходя из ценностей коллектива;
2. культура организации, сосредоточенная на ценностях руководства;
3. корпоративная культура, берущая ориентацию на ставшие традиционными поведенческие ограничения;
4. корпоративная культура, формирующаяся в контексте кодекса иерархий.

Перспективными направлениями для дальнейших исследований корпоративной культуры являются: формирование корпоративной культуры в условиях цифровизации; формирование культуры устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности, а также развитие корпоративной культуры как фактора для инноваций.

Литература

1. Щанина, Е.В. Корпоративная культура и бренд работодателя в современных условиях / Е.В. Щанина, Е.В. Щанина // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2023. – Т. 12, № 4. – С. 77–80. – DOI 10.12737/2305–7807–2023–12–4–77–80. – EDN NDHXFK.
2. Schwartz, H. Matching Corporate Culture and Business Strategy / H. Schwartz, S. Davis. – Organizational Dynamics, 1981. – P. 33.
3. Sathe, V. Culture and Related Corporate Realities. – Richard D. Irvin, Inc., 1985. – P. 579.
4. Шейн, Э. Организационная культура и лидерство: пер. с англ. / Э. Шейн // под ред. В.А. Спива-ка. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2011. – 207 с.
5. Morgan, G. Images of Organization / G. Morgan. – Beverly Hills, Calif.: Sage, 1986. – P. 423.
6. Максименко, А.А. Организационная культура: системно-психологические описания: учеб. пособие / А.А. Максименко. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2003. – 168 с.
7. Андреева, И.В. Социокультурный подход к анализу системы ценностей компании // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2008. № 1. С. 81–96.
8. Румянцева, З.П. Общее управление организацией. Теория и практика. – М.: Инфра-М, 2007. – 304 с.
9. Stern, P. La dynamisation sociale / P. Stern, Ch. Michon, – Paris: d. d'organisation, 1985. – P. 115.
10. Соломанидина, Т.О. Организационная культура компании: учебное пособие / Т.О. Соломанидина. – М.: ООО «Журнал управление персоналом», 2003. – 456 с.
11. Исopesкуль, О.Ю. К вопросу об определении категории «Культура предприятия // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2010. № 5. С. 29–39.
12. Eldridge, J. A sociology of organization / J. Eldridge, A. Crombie. – London: Allen & Unwin, 1974. – P. 224.
13. Brown, R. Organizational Culture / R. Brown. – London: Pitman Publishing, 1995. – P. 270.
14. Козлов, В.В. Корпоративная культура: опыт, проблемы и перспективы развития: Монография / В.В. Козлов. – М., 2001. – 301 с.
15. Виханский, О.С. Менеджмент: Учебник / О.С. Виханский, А.И. Наумов. – 5 е изд. стереотипн. – М.: Магистр: ИНФРА М, 2014. – 576 с.
16. Jaques, E. The Changing Culture of Factory / E. Jaques. – New York: Dryden Press, 1952. – P. 341.

17. Олдхэм, Д. Культура организации / Д. Олдхэм. – М.: Инфра-М, 1991. – С. 19.
18. Погребняк, В.А. Культура организации как объект регулярного управления // Вопросы управления предприятием. 2005. № 1(13). С. 59–64.
19. Смирнич, Л. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура / Л. Смирнич. – М., 2002. – 224 с.
20. Муллахметов, Х.Ш. Влияние культуры и философии организации на систему контроля // Власть. 2012. № 10. С. 51–54.

RESEARCH OF THE CONCEPTUAL APPARATUS OF THE PHENOMENON “CORPORATE CULTURE”

Shchanina E.V., Dumnov V.B.
Penza State University

The relevance of the study of the phenomenon of «corporate culture» is due to its importance for improving the efficiency of organizational management. An in-depth study allows us to clarify the content and mechanisms of corporate culture formation, which contributes to the development of successful and sustainable companies. The purpose of this study is to analyze and summarize the theoretical aspects of corporate culture, as well as to identify promising areas of research in this area. During the study, the authors of the article used such a method as the analysis of scientific literature on the topic of corporate culture of the organization, as well as organizational management. The article defines, systematizes and describes theoretical approaches to determining the essence of the concept of «corporate culture». It has been established that the formation of corporate culture in the context of its relationship with the organizational one occurs within the framework of the normative, socio-cultural and instrumental approaches. Based on the values that are embedded in its formation, corporate culture is studied from the position of the values of the team, management, taking into account the traditional behavioral restrictions and in the context of the code of hierarchies. The most promising areas for further research, according to the authors, are the influence of the digitalization process on the formation of corporate culture, the culture of sustainable development and corporate social responsibility, corporate culture as a factor for innovation.

Keywords: corporate culture, organizational culture, organizational culture, values, organization.

References

1. Shanina, E.V. Corporate Culture and Employer Branding in Modern Conditions / E.V. Shanina, E.V. Shanina // Personnel and Intellectual Resource Management in Russia. – 2023. – Vol. 12, No. 4. – P. 77–80. – DOI 10.12737/2305–7807–2023–12–4–77–80. – EDN NDHXFK.
2. Schwartz, H. Matching Corporate Culture and Business Strategy / H. Schwartz, S. Davis. – Organizational Dynamics, 1981. – P. 33.
3. Sathe, V. Culture and Related Corporate Realities. – Richard D. Irvin, Inc., 1985. – P. 579.
4. Shane, E. Organizational Culture and Leadership: trans. from English / E. Shein // edited by V.A. Spivak. – 3rd ed. – St. Petersburg: Piter, 2011. – 207 p.
5. Morgan, G. Images of Organization / G. Morgan. – Beverly Hills, Calif.: Sage, 1986. – P. 423.
6. Maksimenko, A.A. Organizational Culture: Systemic-Psychological Descriptions: textbook / A.A. Maksimenko. – Kostroma: KSU named after N.A. Nekrasov, 2003. – 168 p.
7. Andreeva, I.V. Sociocultural Approach to the Analysis of the Company's Value System // Bulletin of St. Petersburg University. Management. 2008. No. 1. P. 81–96.
8. Rummyantseva, Z.P. General Management of the Organization. Theory and Practice. – M.: Infra-M, 2007. – 304 p.
9. Stern, P. La dynamisation sociale / P. Stern, Ch. Michon, – Paris: d. d'organisation, 1985. – P. 115.
10. Solomanidina, T.O. Organizational Culture of the Company: A Textbook / T.O. Solomanidina. – M.: ООО «Personnel Management Journal», 2003. – 456 p.
11. Isopeskul, O. Yu. On the Definition of the Category “Enterprise Culture” // Bulletin of the Perm National Research Polytechnic

- University. Social and Economic Sciences. 2010. No. 5. P. 29–39.
12. Eldridge, J. A sociology of organization / J. Eldridge, A. Crombie. – London: Allen & Unwin, 1974. – P. 224.
 13. Brown, R. Organizational Culture / R. Brown. – London: Pitman Publishing, 1995. – P. 270.
 14. Kozlov, V.V. Corporate culture: experience, problems and development prospects: Monograph / V.V. Kozlov. – Moscow, 2001. – 301 p.
 15. Vihansky, O.S. Management: Textbook / O.S. Vihansky, A.I. Naumov. – 5th ed. stereotype. – Moscow: Master: INFRA M, 2014. – 576 p.
 16. Jaques, E. The Changing Culture of Factory / E. Jaques. – New York: Dryden Press, 1952. – P. 341.
 17. Oldham, D. Organizational Culture / D. Oldham. – M.: Infra-M, 1991. – P. 19.
 18. Pogrebnyak, V.A. Organizational Culture as an Object of Regular Management // Issues of Enterprise Management. 2005. No. 1(13). P. 59–64.
 19. Smirsich, L. Intercultural Communication and Corporate Culture / L. Smirsich. – M., 2002. – 224 p.
 20. Mullakhmetov, H. Sh. Influence of Organizational Culture and Philosophy on the Control System // Power. 2012. No. 10. P. 51–54.

Старчество как институт трансляции традиции в обществе

Денисов Андрей Анатольевич,

аспирант Омского государственного университета

им. Ф.М. Достоевского

E-mail: andrey-pustinnik@yandex.ru

В статье рассматривается кризисное состояние современного западного общества, вызванное последовательной элиминацией элементов традиции. Автор отмечает стремление незападных цивилизаций отказаться от либеральной модели модернизации и сохранить свою самобытность, опираясь на традиционные ценности. В связи с этим в данной работе дается определение сущности традиции и выявляются возможности её существования в современном социуме.

Основной целью исследования является проведение социально-философского анализа старчества и выявление тех социальных функций, который этот институт осуществляет как в мире традиции, так и в современном обществе.

Автор определяет православное старчество как инвариант духовного наставничества, представляющий собой важнейший элемент традиции, а также как институт, осуществляющий в качестве своей главной социальной функции – сохранение, воспроизводство и трансляцию традиции в обществе. В результате проведённого исследования было выявлено, что старчество, вне зависимости от любого исторического типа общества, способно транслировать основное содержание традиции: аутентичное вероучение, сакральные ценности, традиционную модель воспроизводства знаний, духовный опыт, определённый тип личности и идеал общественного жизнеустройства.

Ключевые слова: старчество, православие, традиция, институт трансляции, социальные функции, традиционные ценности, современное общество, модернизация.

Введение

Социально-философская мысль последних двух столетий последовательно фиксирует кризисные явления в современном обществе, которое, как правило, отождествляется с западной цивилизацией, являющейся идейным вдохновителем и локомотивом перманентной модернизации, охватившей в эпоху глобализации весь мир.

Долгое время активной критикой и разоблачением современного социально-экономического устройства плодотворно занималась марксистская философия, которая обнаружила классовую сущность буржуазного общества, основанного на власти капитала, порождавшей социальную несправедливость и отчуждение человека.

В рамках философии экзистенциализма (Н. Бердяев, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, А. Камю, М. Хайдеггер) активно осмыслилась одна из ключевых социально-философских проблем – проблема бытия личности в социуме. Философы-экзистенциалисты отмечали феномен утраты человеком в современном обществе ощущения подлинности существования и смысла человеческой жизни, что приводило к неустранимому конфликту личности с обществом и к постоянной экзистенциальной фрустрации. В таких драматических условиях, по мнению Н.А. Бердяева, происходит «разложение образа человека», гуманизм перерождается в антигуманизм и человеческая «индивидуальность погибает» [4, с. 121].

В философии традиционализма (Р. Генон, Ю. Эвола, А. Кумарасвами, А. Бенуа, А. Дугин) мыслители обратили внимание не только на элиминацию личности в современном социуме, но и на идущий процесс разрушения всех коллективных идентичностей и социальных связей, который происходит в рамках либеральной модели модернизации, предполагающей деконструкцию всех ключевых элементов традиции. В либеральной парадигме, которая восходит к идеям Макса Вебера, традиция противопоставляется рациональному способу социальной организации общества и в силу своей архаичности и иррациональности утрачивает право на существование в современном социуме. Как отмечает современный французский философ-традиционалист Ален Бенуа, современная либеральная цивилизация «характеризуется вначале прогрессирующим разложением органических структур, характерных для холистских обществ, затем размыванием социальных связей, наконец, относительной общественной аномией (беззаконием)» [2, с. 27].

Если раньше западное общество, отождествляемое с современной цивилизацией, рассматривалось как передовое и прогрессивное, то в настоящее время существенно возрос скептицизм относительно благополучия и перспектив западной цивилизации, который в наиболее резкой форме транслируется такими философами-традиционалистами как Александр Дугин: «Современный мир деградирует. Будучи комплексом аномалий, он в своей аномальности идёт от плохого к худшему» [10, с. 48].

В этих условиях незападные цивилизации, стремящиеся избежать в ходе своего развития деструктивных процессов, присущих западному обществу, стремятся опереться на традиционные ценности. Но это не может не породить цивилизационный конфликт, поскольку «господствующий тренд современной цивилизации со-

стоит, наоборот, в окончательном уничтожении традиционных ценностей» [9, с. 1].

Однако, любое современное государство, прошедшее путь длительной модернизации, но в настоящее время, ориентирующееся на традиционные ценности, как правило, самостоятельно не в состоянии в полной мере реконструировать традицию. Государственные программы по поддержке традиционных ценностей, поэтому неизбежно должны опираться на те элементы и институты аутентичной традиции, которые уже присутствуют в социуме и обладают механизмами воспроизводства и трансляции.

Ценности традиции основаны не на рациональной рефлексии и целесообразности, а на переживании священного, что характерно, прежде всего, для религиозных сообществ. В рамках же религиозной традиции существует институт, который, по нашему мнению, не только является органичным элементом и носителем традиции со всем присущим ей комплексом духовно-нравственных ценностей, но и имплицитно содержит в себе сам механизм, благодаря которому возможно воспроизводство и трансляция традиции, в том числе и в современном обществе. Речь в данной работе будет идти о феномене старчества, которое как институт оформилось в православном христианстве.

Постановка проблемы и методология исследования

Старчество исторически возникает в рамках традиционного общества, но не исчезло и в современной цивилизации, которая отличается антитрадиционной направленностью. Возникает вопрос, благодаря чему возможно существование традиции, в том числе и старчества в современном социуме и какие социальные функции этот институт в нем реализует?

В контексте этой проблемы основной целью исследования является проведение социально-философского анализа старчества как института, который осуществляет трансляцию традиции в обществе.

В качестве теоретико-методологических оснований данного исследования использовались подходы к анализу сущности традиции и её отношению к современности, разработанные в рамках философии традиционализма и отечественной традициологии (А.А. Батура, В.Н. Даренская, Э.С. Макарян, С.А. Мадюкова, И.Н. Полонская, М.Ю. Трофимов и др.), а также социокультурный подход к пониманию феномена старчества, представленный в трудах современных его исследователей (Е.В. Зимакова, О.А. Корнецова, А.Н. Першикова, С.С. Хоружий, Е.В. Худякова).

Традиция в трансформирующемся обществе

Для решения поставленных исследовательских задач в рамках данной работы необходимо определиться с пониманием сущности традиции, что поможет выявить в каком отношении к ней находится институт старчества, возникший в православном христианстве.

Феномен традиции долгое время осмыслялся на основе доминировавшей в западной гуманитарной мысли теории прогресса, исходя из которой социальные изменения происходят в исторической перспективе от худшего к лучшему. В этой парадигме всё относящееся к миру традиции рассматривалось не просто как нечто архаичное и утратившее ценность, но и – как тормоз на пути достижения более высокого уровня развития общества.

Как отмечал немецкий мыслитель Макс Вебер, современное общество должно избиваться от «иррациональных директив», лежащих в основе традиционного спосо-

ба социальной организации [5, с. 54]. В рамках модернизационных теорий (М. Вебер, У. Ростоу, Э. Тоффлер) традиция отождествлялась с традиционным обществом, то есть с самой ранней стадией общественного развития, которая в ходе социального прогресса неизбежно преодолевается. При таком подходе в современном обществе традиции нет места, её, по мнению Х. Арндта, полностью должна вытеснить «общечеловеческая рациональность» [1]. Вывод о несовместимости традиции и современности поддерживался и критиками теории прогресса из числа философов-традиционалистов. Например, Рене Генон писал, что традиция «совершенно не приспособлена к условиям современного мира» [6, с. 333]. Исходя из такой позиции, получается, что традиция существует лишь в тех обществах, которые ещё не вошли в современную цивилизацию.

В отечественной же традициологии, как отмечает С.А. Мадюкова, «доминирует взгляд на традицию как на динамическое явление, играющее важную роль не только в прошлом, но и в современном развитии» [13, с. 27]. Отечественные исследователи традиции в большинстве своём отошли от жёсткой дихотомии традиционное/современное, а также перестали трактовать традицию исключительно как тип общества, который исключает какие-либо социальные изменения. У многих исследователей традиции в нашей стране сложилось устойчивое понимание, что «традиция должна пониматься как «многослойное» явление, имеющее, с одной стороны, свое устойчивое онтологическое «ядро», а с другой – свои изменчивые внешние формы, которые носят характер, адаптивный к «велениям времени» [9, с. 1]. Таким образом, традицию можно рассматривать одновременно как нечто неизменное по своим сущностным основаниям, с другой стороны – как феномен, меняющийся на акцидентальном уровне под воздействием социальной среды и обладающий способностью к адаптации в трансформирующемся обществе.

Неизменность ядра традиции, по мнению многих исследователей, имеет онтологическое основание, которое возвышает её над наличным бытием и делает возможным сохранять устойчивость даже при самых радикальных общественных изменениях. При этом даже в обществах, которые пытаются порвать со всякой «традиционностью», традиция пусть и в усечённом, маргинализованном состоянии продолжает существовать, поскольку «традиция есть необходимое условие жизнедеятельности сложных социальных систем» [14, с. 43]. Полная элиминация традиции может привести к упрощению и распаду общественного организма, который становится нежизнеспособным при исчезновении последних элементов традиции. Во многих современных обществах ослабление аутентичной сакральной традиции пытаются компенсировать конструированием искусственных традиций, которые не в состоянии осуществить органическую интеграцию общества, усиливая, в конечном итоге, дальнейшую общественную деструкцию и аномию.

Философы традиционалисты и многие представители отечественной традициологии отмечали наличие в традиции элемента трансцендентности. Несмотря на то, что традиция может реализовываться во всех областях социальной жизни, тем не менее, в некотором смысле она не от мира сего. Рене Генон писал, что «традиция в определенном отношении и есть осознанная и эффективная связь человека с высшими состояниями бытия» [7, с. 63]. Таким образом, традиция содержит в себе нечто такое, что позволяет социальному субъекту трансцендировать за пределы наличного бытия и приобщаться к чему-то более высшему, чем он есть в настоящем. Как отмечает М.Ю. Трофимов, традиция метафизически активна

и «является онтологической причиной, побуждающей человека к истинному бытию» [17, с. 257].

Помимо трансцендентного содержания онтологическое ядро традиции включает в себя высшие цели и ценности, то есть имеет аксиологическую природу. Как отмечает Н.Н. Мисюров, «проблема «сущностного» содержания традиции – осознания высших целей, которым подчиняет свою деятельность индивид как член социального или же всякого другого по принципам организации коллектива» [14, с. 39].

При таком подходе сущность традиции заключается не столько в определённом типе общества, ориентированном на воспроизводство того, что было в прошлом и представленном в определённых общественных институтах, сколько в наборе основополагающих ценностей. Традиция связана не с определёнными социально-экономическими укладами или обычаями, а, как отмечает А.А. Батура, «со способом смыслополагания» [3, с. 13], с выбором определённых ценностей. Благодаря своему ценностному ядру традиция очень живуча и может транслировать свои смыслы даже во враждебной социокультурной среде современного мира и в этом отношении быть очень современной, выступая в качестве реальной альтернативы для либеральных концепций социального жизнеустройства. Неслучайно в большинстве течений современной западной философии традиция рассматривается скорее, как антиценность, как инвариант «закрытого общества», которое подавляет личность, а «человек должен решиться осознать свою индивидуальность и свободу» [19, с. 16]. Таким образом, традиция, транслируя свои идеалы человека и общества, активно влияет на формирование общественного сознания в современном мире.

Исходя из этого, возникает закономерный вопрос, с помощью каких же институтов в рамках традиции происходит передача этих высших ценностей? Каковы собственно механизмы передачи сакральных знаний и ценностей, которые создают онтологические основания мира традиции?

Старчество как институт традиции

В основе традиции лежит система духовного наставничества, которая присуща всем традиционным цивилизациям. Несмотря на определённые культурные отличия в разных регионах, она носила универсальный характер в силу того определяющего значения, которое имела для обществ традиционного типа. Например, В.Н. Даренская в наличии духовного ученичества и соответствующего института духовного наставничества видит главный признак причастности общества к миру традиции: «Нам представляется, что критерием «традиционности» общества может служить способ культурного воспроизводства: традиционный тип воспроизводства определяет наличие непосредственного духовного ученичества как основы поддержания преемственности сакральной традиции. Общества, утратившие механизмы такой преемственности, традиционными не являются» [9, с. 5].

В данном исследовании старчество рассматривается как один из инвариантов духовного наставничества, который сложился в рамках традиции. В православной энциклопедии старчество определяется как «вид духовного наставничества в монашестве, осуществляемого старцем или старицей по отношению к др. монахам (реже – к приходящим мирянам), которое предполагает послушание духовному наставнику, откровение ему помыслов, духовные беседы и советы, для старцев в священном сане – совершение таинства Исповеди» [16, с. 161].

В нашей работе при анализе старчества мы будем опираться на методологические наработки, апробиро-

ванные в трудах современных исследователей православного старчества (Е.В. Зимакова, О.А. Корнецова, Н.А. Митрохин, А.Л. Беглов, С.С. Хоружий, А.Н. Першикова), которые использовали социокультурный подход при изучении старчества, понимаемого ими не только как религиозный феномен, но и как социальный институт.

Православному старчеству, рассматриваемому в социальном аспекте, по нашему убеждению, присущи все основные атрибутивные характеристики, свойственные традиции как таковой:

1. Старчество – это система воспроизводства, сохранения и передачи знаний, ценностей, опыта, духовных практик.

2. Старчество опирается на неизменное онтологическое ядро, состоящее из сакральных ценностей, но способно к адаптации к изменившимся социальным условиям.

В своей истории старчество представало в нескольких формах:

1) неинституциональное старчество (до возникновения монашества), 2) монастырское старчество, 3) открытое миру монастырское старчество эпохи модернизации (например, оптинское), 4) старчество в миру (в период гонений в СССР). Но такое видоизменение форм старчества было обусловлено не столько трансформацией его внутренней сущности, которая оставалась в своей основе неизменной, сколько изменениями общества, порождавшими новые вызовы для этого института традиции. Старчество даже в условиях современного мира способно реализовывать свою главную социальную функцию – трансляцию традиции.

3. Старчество предполагает социальное трансцендирование.

Старчество, с одной стороны, может рассматриваться как земной, социальный феномен, а с другой, как отмечает Е.В. Зимакова, – «как явление, принадлежащее миру трансцендентному» [11, с. 58]. Старчество характеризуется устремлённостью к выходу за пределы наличной социальной действительности и повседневного опыта к высшему бытию, сакральным смыслам, к Богу.

Старчество не просто принадлежит традиции, но является её важнейшим институтом, представляя из себя ключевой механизм, благодаря которому возможно воспроизводство, сохранение и трансляция традиции. Это осуществляется благодаря непосредственной, личной передаче от наставника к ученикам, (а также всем, окормляющимся у старца) всего богатства традиции. Как отмечает М.Ю. Трофимов «Роль носителей традиции заключается в том, чтобы они создали для приемников (подрастающего поколения) такие экзистенциальные ситуации, в которых сознание способно раскрыть, осмыслить и пережить традиционные эталоны (объективные ценности). Ощувив себя частью целого, частью мироздания, личность познаёт его общие законы и в то же время обретает собственное Я» [17, с. 228].

Исходя из сущности традиции, передача её содержания каким-то внеличным или дистанционным образом невозможно. Это принципиально отличается от существующих подходов к трансляции культуры в современном обществе, в котором роль наставника последовательно элиминируется даже в светской области, а самообразование и дистанционные формы обучения рассматриваются как наиболее приемлемые и прогрессивные формы усвоения современной культуры. Это означает, что в современном обществе возможности для передачи традиционных ценностей существенно снижены, а современные ценности успешно транслируются на основе других механизмов (СМИ, Интернет, массовая культура, пр.), которые не предполагают обязательного прохождения через систему учитель-ученик.

В традиционном же обществе фигура духовного учителя является центральным элементом трансляции традиции. Без выстраивания личной коммуникации между наставником и учеником аутентичная передача традиции становится затруднительной. Ряд исследователей (В.С. Семенцов, И.Н. Полонская, М.Ю. Трофимов) даже утверждают, что в рамках института духовного наставничества в традиционной культуре осуществляется трансляция личности учителя. Как писал В.С. Семенцов, «существо трансляции традиционной культуры состоит в том, что с помощью ряда специальных приемов духовная личность учителя возрождается в ученике. В тех случаях, когда эта передача личности имеет место, культура воспроизводится, в противном случае – нет» [15, с. 8].

Старчество как институт духовного наставничества, включающий механизм личной передачи от учителя к ученику сакрального ядра традиции, является важнейшим элементом любого общества, сформированного на основе православной культуры. В современных условиях любые попытки такого общества найти ответы на текущие социальные проблемы в опоре на традиционные ценности, предполагают актуализацию традиции через обращение к институту старчества.

В основе старчества, как мы уже отмечали, лежит система учитель – ученик, с помощью которой транслируется сама традиционная модель воспроизводства, сохранения и передачи знаний, ценностей, опыта, духовных практик. Старчество является той социальной «грибницей», благодаря которой возможно возобновление традиции и её дальнейшего распространения.

По нашему убеждению, старчество – это социальный институт, который на регулярной основе осуществляет трансляцию основного содержания традиции в обществе. Эта транслирующая функция старчества в силу особенностей того или иного исторического периода развития может оказывать большее или меньшее влияние на членов конкретного общества, но неизбежно проявляется в стремлении предложить определённый способ смыслополагания и понимания социальной действительности, характерный для мира традиции.

Если попытаться выделить основные элементы традиции, которые транслируются институтом старчества, то можно отметить следующие:

1. Старчество в православной традиции рассматривается как наглядный пример воплощения евангельских принципов в реальной жизни и в этом смысле отражает христианские представления об идеале человека и идеальном обществе. В этом контексте старчество осуществляет трансляцию определённого типа личности и идеала религиозного жизнеустройства общества в целом.

2. Старчество представляет из себя религиозный институт, с помощью которого происходит передача от старца к ученику сакрального знания и ценностей, которые составляют ядро христианской традиции. Православные старцы являются хранителями аутентичного вероучения, которое в неповреждённом виде должно быть передано последующим поколениям православных христиан, что является важным признаком их принадлежности к традиции. Старчество не просто один из факторов, через которые транслируется Священное Писание или другие религиозные тексты, а является одним из тех институтов, с помощью которых происходит их толкование в соответствии с самой традицией. В этом отношении само Священное Писание является формой Священного Предания, поэтому любые религиозные тексты, воспринятые вне православной традиции, уже не являются собственно сакральными [8]. В отличие от протестантизма, отвергающего любые авторитеты кроме Библии, в православии само вероучение вырастает из традиции (Священного

Предания), носителями которого являются православные старцы. В протестантизме закономерно не возникло схожего со старчеством вида духовного наставничества, поскольку вероучение не опиралось на традицию, а было, наоборот, – антитрадиционным.

3. Назначение старчества в рамках традиции состоит не столько в трансляции сакральных знаний и ценностей (этим в той или иной степени могут заниматься и другие религиозные институты), сколько в непосредственной передаче опыта духовной жизни, который сообщается личным примером и в соответствии с православным вероучением. Как отмечает современный российский исследователь старчества О.А. Корнецова: «Посредством духовного руководства старцев (достигших–духовных высот) передаётся опыт преобразования человека, онтологическое изменение «духовного возрастания» [12, с. 28]. Старчество – это система практического руководства духовной жизнью людей, которая через различные практики (откровение помыслов, беседы, советы, послушания, исповедь и пр.) делает возможным радикальную трансформацию человека. Старец через передачу своего духовного опыта предлагает своим ученикам алгоритм духовного возрастания, выработанный традицией.

4. Старчество представляет собой «особый институт преемственности духовных даров и служения миру» [18, с. 45]. В этом аспекте старчество претендует на онтологическую связь с высшим бытием, результатом чего является актуализация сакральных ценностей традиции в духовной жизни старца и создание условий для передачи харизматических даров (пророчества, исцеления, различения духов и др.) по цепи ученической преемственности. Согласно православному богословию, таким образом передаётся опыт обретения благодати. В социальной области старчество предлагает определённые способы разрешения индивидуальных и общественных проблем, которые позволяют как отдельному человеку, так и социуму в целом обрести прочные основания в традиционных духовно-нравственных ценностях в условиях радикально трансформирующегося современного общества.

Результаты исследования

Таким образом, в результате проведённого исследования были выделены сущностные характеристики традиции. В нашем понимании, традиция – это система воспроизводства, сохранения и передачи из поколения в поколение социального опыта, институтов, норм, образцов, идей; обладающая возможностями адаптации к изменению социальной среды, благодаря наличию способной к трансформации периферии и устойчивого онтологического ядра, состоящего из сакральных ценностей, приобщение к которым становится возможным путём трансцендирования социального субъекта, осуществляемого посредством института духовного наставничества.

Старчество определено как инвариант института духовного наставничества, исторически возникшего в рамках православного христианства и обладающего основными атрибутами, присущими традиции. Старчество как социальный институт представляет собой механизм сохранения, воспроизводства и трансляции основных элементов традиции, прежде всего, сакральных ценностей, а также способов смыслополагания и понимания социальной действительности. Старчество характеризуется устойчивостью и неизменностью своей сущности, и одновременно способностью к социальной адаптации в трансформирующемся обществе. Старчество, являясь социальным институтом, отличается интенцией к социальному трансцендированию, стремлением преодолеть

обусловленность социальной действительности через выход к высшему бытию.

Старчество как в условиях традиционного общества, так и в современном мире в качестве важнейшей социальной функции осуществляет сохранение и трансляцию традиции. Основными элементами традиции, которые транслирует старчество являются: аутентичное вероучение, сакральные ценности, традиционная модель воспроизводства знаний, духовный опыт, определённый тип личности и идеал общественного жизнеустройства.

Таким образом, старчество как институт трансляции традиции создает необходимые условия для дальнейшего воспроизводства человека и общества, духовно-нравственного совершенствования личности и социального прогресса.

Литература

1. Арендт Х. Скрытая традиция: Эссе. М.: Текст, 2008. 221 с.
2. Бенуа А. Против либерализма: (к Четвертой политической теории) / Ален де Бенуа; [пер. с фр.; предисл. А. Дугина]. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. 476 с.
3. Батура А.А. Традиция как философско-культурологическая категория и ее социально-адаптационные функции: Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.02: Краснодар, 2000. 23 с.
4. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 176 с.
5. Вебер М. Хозяйство и общество. М.: Высш. шк. экономики, 2017. 432 с.
6. Генон Р. Кризис современного мира / Рене Генон. М.: Эксмо, 2008. 784 с.
7. Генон Р. Очерки по традиции и метафизике / Пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб.: Азбука-классика, 2010. 320 с.
8. Давыденков Олег, прот. Догматическое богословие: Учебное пособие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. 624 с.
9. Даренская В.Н. Традиция как философско-культурологическая категория // Terra культура. № 13. 2021. С. 1–10.
10. Дугин А. Философия традиционализма. М.: Арктогея-Центр, 2022. 624 с.
11. Зимакова Е.В. Старчество как феномен культуры: диссертация ... кандидата культурол. наук: 24.00.01. Москва, 2000.
12. Корнецова О.А. Феномен старчества в православной культуре: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01: Ростов н/Д, 2003. 130 с.
13. Мадюкова С.А., Попков Ю.В. Социокультурный неотрадиционализм: воспроизведение традиций и воспроизводство этничности // Новые исслед. Тувы. 2010. № 2. С. 25–39.
14. Мисюров Н.Н. Традиция и рациональность // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 1. С. 37–51.
15. Семенов В.С. Проблема трансляции традиционной культуры на примере судьбы Бхагавадгиты // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 3. М.: ГРВЛ, 1988. С. 5–32.
16. Ткачев Е.В. Старчество // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси. Т. LXVI. 2022. С. 161–171.
17. Трофимов М.Ю. Метафизическое рождение: монография / М.Ю. Трофимов; науч. ред. Ю.М. Деревянченко, А.Ш. Руди. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. 292 с.
18. Федотов Г.П. Святыне Древней Руси / Предисл. Д.С. Лихачёва и А.В. Меня. Комментар. С.С. Бычкова. М.: Моск. рабочий, 1990. 269 с.

19. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь мир, 2003. 144 с.

THE INSTITUTION OF ELDERSHIP AND ITS ROLE IN TRANSMITTING TRADITION IN SOCIETY

Denisov A.A.

Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

The article examines the crisis state of modern Western society caused by the progressive elimination of tradition. The author notes non-Western civilizations have a tendency to resign the liberal model of modernization and preserve their identity relying on traditional values. In this regard, this work defines the essence of tradition and reveals the possibilities of its existence in modern society.

The main goal of the study is to provide a socio-philosophical analysis of spiritual eldership and identify the social functions this institution carries out both in the world of tradition and in modern society. The author specifies Orthodox eldership as an invariant of spiritual mentoring as well as the institution, which main social function is the preservation, reproduction and transmission of tradition in society. As a result of the conducted research, it was revealed that eldership, regardless of any historical type of society, is capable of transmitting the main content of tradition: authentic doctrine, sacred values, a traditional model of reproduction of knowledge, spiritual experience, a certain type of personality and an ideal of social life.

Keywords: eldership, Orthodoxy, tradition, institution of transmission, traditional values, modern society, modernization.

References

1. Arendt H. Hidden Tradition: Essay. Moscow: Text, 2008. 221 p.
2. Benoit A. Against Liberalism: (towards the Fourth Political Theory) / Alain de Benoist; [translated from French; foreword by A. Dugin]. St. Petersburg: Amphora. TID Amphora, 2009. 476 p.
3. Batura A.A. Tradition as a Philosophical and Cultural Category and Its Social-Adaptive Functions: Abstract of Cand. Sci. (Philos.): 24.00.02: Krasnodar, 2000. 23 p.
4. Berdyayev N.A. The Meaning of History. Moscow: Mysl, 1990. 176 p.
5. Weber M. Economy and Society. Moscow: Higher School of Economics, 2017. 432 p.
6. Guenon R. The Crisis of the Modern World / Rene Guenon. Moscow: Eksmo, 2008. 784 p.
7. Guenon R. Essays on Tradition and Metaphysics / Translated from French by V. Yu. Bystrov. St. Petersburg: Azbuka-classic, 2010. 320 p.
8. Davydenkov Oleg, Archpriest. Dogmatic Theology: A Textbook. Moscow: Publishing House of PSTGU, 2016. 624 p.
9. Darenkaya V.N. Tradition as a philosophical and cultural category // Terra culture. No. 13. 2021. Pp. 1–10.
10. Dugin A. Philosophy of Traditionalism. Moscow: Arktogeya-Center, 2022. 624 p.
11. Zimalkova E.V. Eldership as a cultural phenomenon: dissertation ... candidate of cultural sciences: 24.00.01. Moscow, 2000.
12. Kornetsova O.A. The phenomenon of eldership in Orthodox culture: dis. ... candidate of philosophical sciences: 24.00.01: Rostov n / D, 2003. 130 p.
13. Madyukova S.A., Popkov Yu.V. Sociocultural neotraditionalism: reproduction of traditions and reproduction of ethnicity // New studies of Tuva. 2010. No. 2. P. 25–39.
14. Misyurov N.N. Tradition and rationality // Siberian philosophical journal. 2022. Vol. 20, No. 1. Pp. 37–51.
15. Semenov V.S. The problem of transmission of traditional culture on the example of the fate of the Bhagavad Gita // East-West. Research. Translations. Publications. Issue 3. Moscow: GRVL, 1988. Pp. 5–32.
16. Tkachev E.V. Eldership // Orthodox encyclopedia / Ed. by the Patriarch of Moscow and All Rus'. Vol. LXVI. 2022. Pp. 161–171.
17. Trofimov M. Yu. Metaphysical birth: monograph / M. Yu. Trofimov; scientific ed. Yu. Derevyanchenko, A. Sh. Rudi. – Omsk: Publishing House of Omsk. state University, 2012. 292 p.
18. Fedotov G.P. Saints of Ancient Rus / Preface. D.S. Likhachev and A.V. Men. Comment. S.S. Bychkov. Moscow: Mosk. rabochy, 1990. 269 p.
19. Habermas J. The Future of Human Nature. Moscow: Ves' mir, 2003. 144 p.

Факторы ценностной детерминации межпоколенческого диалога в современном российском обществе

Денищенко Мария Евгеньевна,

ведущий специалист отдела расчетов и экономического анализа Южного федерального университета
E-mail: mdenishenko@sfned.ru

В статье предпринята попытка исследования основных факторов, посредством ценностной детерминации влияющих на возможности и перспективы формирования и развития межпоколенческого диалога в современной России. В ходе социально-философской рефлексии таких возможных аксиологических «точек соприкосновения», как цифровая реальность, социальная политика, гражданское общество, традиционные ценности, автор размышляет над вопросом о том, насколько соотносятся объективные условия и возможности межпоколенческого диалога с субъективной готовностью членов социума к такому диалогу. Можно заключить, что определенные предпосылки для развития межпоколенческого диалога в современном российском обществе есть, и они во многом связаны со сферой ценностей, однако утверждать, что некие общие ценностные основания преобразуются в стабильно воспроизводимой культуре межпоколенческого общения, нельзя. Поставленная проблема открывает перспективы более глубокого научного изучения ценностных основ межпоколенческого общения.

Ключевые слова: культура, гражданское общество, здоровье, межпоколенческий диалог, патриотизм, социальная политика, ценности, цифровизация.

Динамика внимания к проблеме межпоколенческого диалога как в отечественной, так и зарубежной социально-философской научной литературе достаточно часто изменяет траекторию, смещая акцент исследовательского интереса с конфликтного потенциала отношений между поколениями на изучение условий и характеристик конструктивного культурного взаимодействия представителей разных возрастных групп. Какие же тенденции определяют вектор и характер взаимодействия между поколениями в современной России? В поисках ответа на этот вопрос считаем необходимым обратиться к аксиологической составляющей межпоколенческого общения, поскольку именно ценности, их иерархия, острота экзистенциального переживания ценностного контекста бытия, того отрезка времени, в котором формируется жизненное пространство человека и его социальная активность, зачастую выступают «водоразделом» между эпохами в истории развития социума, дают возможность понять всю полноту жизненного мира того или иного поколения, а значит, понять, каким образом можно сблизить эти миры.

В рамках статьи автор стремится определить основные направления, формирующие ценностный контекст взаимодействия представителей различных поколений в современной России.

Наша страна за последние полвека пережила множество политических, экономических, культурных потрясений, что не могло не сказаться на системе ценностей жителей современной России. По этой причине в ней до сих пор фиксируется либо инерция, либо эклектичное сочетание различных ценностных конструктов, что в аспекте перспектив диалога поколений можно трактовать двояко – и как «мостик», позволяющий найти общие точки соприкосновения в понимании поколениями друг друга, но в определенном контексте и как барьер на пути восприятия новых ценностей в изменившейся реальности.

Межпоколенческий диалог может рассматриваться как процесс взаимодействия представителей разных поколенческих групп, в рамках которого происходит обмен опытом, взаимопроникновение в систему ценностей и жизненных миров другого поколения. Коммуникация между представителями различных возрастных групп представляет собой, по сути, диалог культур как неотъемлемой составляющей культурного пространства, которое не может существовать без культурного обмена и взаимодействия, в том числе и между представителями разных поколений.

В рамках данной статьи автор исходит из мнения о межпоколенческом диалоге как возможном и ожидаемом в современном российском обществе, однако, перспективы налаживания такого диалога, очевидно, связаны с рядом трудностей и барьеров на пути формирования актуальной и эффективной диалоговой культуры, и в первую очередь на уровне ценностной составляющей.

Именно способность к взаимному адекватному соотношению и взаимному уважению ценностных основ мировоззрения участников диалога делает его эффективным средством обеспечения преемственности поколений. Методологически исследование факторов и перспектив развития межпоколенческого диалога целесо-

образно строить на основе потенциала таких подходов, которые помогают раскрытию жизненных миров различных поколений в перспективах их взаимопроникновения с учетом сохранения собственной уникальности и ценности для социальной памяти и воспроизводства. Наиболее конструктивным считаем использование феноменологического подхода (Черномазова, 2022), и, в частности, возможностей концепции жизненного мира (Тошченко, 2016).

В поиске аксиологической созвучности поколений определим основные точки отсчета ценностной детерминации межпоколенческого диалога в современной России, объединяющие объективные и субъективные факторы, специфически влияющие на перспективы и содержание взаимоотношений между поколениями в настоящее время и в ближайшем будущем.

1. Цифровизация. Многие отечественные ученые связывают наиболее глубокие различия между поколениями и причины их взаимной отчужденности с различной степенью вовлеченности в виртуальную реальность. С одной стороны, разрыв в цифровых компетенциях молодого поколения и людей пенсионного возраста очень велик; потребность и включенность в виртуальную реальность также различаются зачастую диаметрально. Однако показатели цифровой грамотности старшего поколения в последние годы растут, и хоть сохраняются различия в сфере потребляемого контента, скорости и интенсивности цифровой коммуникации, мир мессенджеров и виртуального контента стал одним из «мостиков», соединяющих поколения в рамках родственных связей, заменив неактуальные более почтовые письма и редкие звонки по стационарному телефону на картинки и фото, однако, это та связь, которая понемногу раскрывает жизненные миры разных поколений друг для друга. К тому же, незнакомые между собой люди могут вступить в диалог на множестве цифровых платформ с таким же результатом – обмен поколенческим опытом и взаимные попытки понять друг друга. Так или иначе, навыки как общей культуры общения, так и межпоколенческого диалога, необходимы, чтобы этот диалог становился конструктивным.

2. Гражданское общество. Вопрос развития институтов гражданского общества в аспекте перспектив диалога поколений считаем тесно связанным с упомянутой выше тенденцией распространяющейся цифровизации. Зачастую в активизации гражданского общества, формировании собственной гражданской позиции важную роль играет информированность и особенно скорость распространения информации. О проблемах, переживаниях различных поколений можно теперь узнать из новостных пабликов, проникнуть в чей-то жизненный мир благодаря блогам, присоединиться к определенной социальной практике или инициативе благодаря неравнодушным авторам постов и репостам этих записей. Это может быть, как огласка неких резонансных событий, так и информация, заставляющая представителя одного поколения задуматься о реальности переживаний и проблем другого. Следует признать, что формат развития гражданского общества в России остается во многом стихийным, нежели системным, поэтому и в аксиологическом обеспечении межпоколенческого диалога гражданским обществом поныне не использован весь возможный инструментальный потенциал.

3. Социальная политика. М.К. Зверев отмечает, что ситуация, «при которой ни власть, ни другие институты не проявляют достаточной озабоченности степенью консолидации социального целого, а значит – и процессом общественного воспроизводства, не может считаться нормальной» (Зверев, 2009. С. 3).

Соглашаясь с данным утверждением, заметим, что на сегодняшний день выстраивание диалога поколений возводится в ранг задач государственной политики. Такое целеполагание в настоящее время еще не приобрело масштабов собственно национального проекта, однако, внимание к общению и взаимопониманию между поколениями всё чаще иллюстрируется разнообразными конкурсами, грантами, социальными программами регионального и федерального масштаба. Во многих региональных центрах социального обслуживания семьи и детей реализуется социальный проект «Диалог поколений», различные ветеранские программы, координируются волонтерские инициативы. На фоне такой динамики приходится, однако, констатировать, что степень вовлеченности населения в реализацию указанных программ остается невысокой, а участие молодежи – как правило, эпизодичным, поскольку ограничивается памятными датами, праздничными днями, когда принято «вспоминать» о пожилых или просто людях старшего возраста. Если же говорить о диалоге, инициированном представителями старшего поколения по направлению к младшему, он зачастую вписан в рамки образовательных мероприятий, поддержки активной молодежи, либо же, наоборот, в коррекционных целях по отношению к молодежи маргинальной.

Таким образом, за пределами такого рода диалоговых взаимоотношений оказываются представители молодежи, не относящиеся ни к одной из упомянутых групп; среднестатистический молодой человек по-прежнему достаточно далек от участия в межпоколенческой коммуникации, инициированной институционально.

4. Традиционные ценности. Как справедливо отмечает Т. Липич, «Представленная в последние десятилетия диалогическая тематика должна быть осмыслена в рамках широкого культурного контекста эпохи, которая характеризуется развитием толерантных поведенческих установок, межконфессиональным, межкультурным диалогом» (Липич, 2014. С. 65). Действительно, отсутствие толерантности противоречит самой природе межкультурного диалога, который складывается на основе понимания иерархии ценностей в той или иной культуре и их уважении с ожиданием взаимного уважения собственных ценностей. В последние годы усиливается внимание к сохранению и воспитанию традиционных ценностей в современном российском обществе. Социологические опросы также демонстрируют их возрастающую важность для представителей различных поколений, от подростков до пожилых людей. Для восьми из десяти россиян важно видеть Россию будущего страной, сохранившей традиционные моральные, национальные и религиозные ценности (ВЦИОМ, 2023). Людей разного возраста объединяет религия, искусство, изучение традиций, служение Отечеству. Можно предположить, что тенденция к актуализации и развитию традиционных ценностей в дальнейшем будет способствовать сближению поколений в рамках конструктивного культурного диалога.

5. Здоровый образ жизни. Среди самых главных ценностей в жизни большинства россиян, принимающих участие в опросах, указывают здоровье и создание счастливой семьи, причем такие ценностные ориентации фиксируются как актуальные в рамках всех социально-демографических групп, сближая разные поколения.

Здоровье является важнейшей составляющей жизни человека. Содержание данного феномена тесно связано со степенью его проникновения во все сферы индивидуального и общественного существования (Гончарова, 2020).

В понимании М.А. Разова и его «теории социальных эстафет» (Розов, 1997), образ жизни передаётся от од-

ного поколения к другому посредством культуры, с помощью постоянного воспроизведения некоторых непосредственных образцов поведения. Считаем такое заключение верным, в частности, относительно отношения к здоровью и связанному с ним здоровому образу жизни. На фоне достаточно радикально изменяющегося исторического контекста последних столетий ценность здоровья никуда не исчезала из системы ценностей нашего народа, однако, объективные возможности обеспечить должное внимание к реализации её на практике имелись далеко не всегда. Исторические потрясения, смены режимов, подвиг народа в восстановлении разрушенной советской промышленности и инфраструктуры, экономические контрасты 1990-х – все эти события, не обесценивая важность здоровья, определяли долгие отрезки в современной истории нашей страны, когда на здоровье фокусировали внимание скорее как на средстве выживания, нежели на сознательном содержании образа жизни. Последние десятилетия наряду с положительной динамикой в стабилизации экономической и политической жизни страны, уровня жизни населения наблюдается и возросший институциональный и индивидуальный интерес к здоровому образу жизни. Институционально этот интерес обоснован целями воспроизводства здоровых поколений и уменьшения результатов воздействия негативных антропогенных и природных факторов на население, индивидуально – возрастанием степени субъективной заинтересованности в перспективе здоровой жизни. И если несколько десятилетий назад такое перспективное мышление, как правило, связывалось с оценками людей зрелого возраста перспектив здоровой старости, то на сегодняшний день всё большее количество молодежи изначально (избегая опыт вредных привычек, нездорового питания и т.д.) ориентирована на здоровый образ жизни. Мотивация при этом у современных граждан может быть разной – экономические соображения (затраты на алкоголь или сигареты, возможное лечение), духовный настрой (влияние религии, семьи, спортивного окружения). Объективные условия для поддержания здоровья также стали обширнее – оснащение дворов спортплощадками, разветвленная сеть секций и курсов, изменение структуры рабочего времени части населения за счет элементов удаленной работы и т.п.

6. *Семья.* Межпоколенческий диалог как диалог культур начинается на микроуровне – в семье, благодаря примеру родителей, сложившимся традициям, взаимной заботе и заинтересованности. Институты вторичной социализации, безусловно, также влияют на восприятие человеком себя в диалоге с представителями старшего и младшего поколений, однако, вклад семьи, примера близких, каждодневных коммуникативных практик оказывает фундаментальное воздействие на формирование личности как участника ценностно наполненного взаимодействия между поколениями как в масштабе конкретной семьи, так и в социальной коммуникации в целом, что является залогом формирования разветвленных социальных связей как основы диалоговой культуры межпоколенческого общения. Трансформации, происходящие с институтом семьи в современных условиях, безусловно, влияют и на перспективы формирования такой культуры. Разводы, неполные семьи, «гостевые» браки, изменение социальных ролей в семье – эти факторы способствуют отчуждению между членами семьи, детьми и родителями, внуками, бабушками и дедушками, и т.д., что усложняет и возможности понять и принять жизненный мир человека из другого поколения и за пределами семьи и родственного круга. С другой стороны, повышение внимания к вопросам демогра-

фии, наблюдающееся в последние годы, непосредственно связано с попытками популяризации семейных ценностей и поддержки семей в России, что подразумевает и создание культурного пространства конструктивного общения между поколениями и механизм эффективного воспроизводства таких культурных практик.

7. *Патриотизм.* Внимание и любовь к своей Родине, готовность защищать её и трудиться в целях её процветания неразрывно связаны с вниманием и уважением к истории своей страны и составившим её поколениям. Тема, присутствующая на протяжении веков в российской философской и общественной мысли, сегодня обретает новый аксиологический масштаб и динамику, а ценности патриотизма становятся основанием стратегических планов развития государства. Актуализация и распространение патриотических практик, безусловно, является еще одной идеологической площадкой для общения поколений и обеспечения согласия в общении между поколениями, укрепляя основы солидарности и единства всего российского народа.

В аспекте аксиологической детерминации процесса формирования межпоколенческого диалога в России выделяется две стороны – объективная и субъективная. Объективная сторона ценностной детерминации этого процесса указывает на сложившиеся условия экономического, политического, правового, социального порядка, позволяющие говорить о пространстве формирования межпоколенческого диалога. Субъективная сторона иллюстрирует готовность индивидов на основании признанных ими ценностей реализовать определенные действия, в данном контексте – некий коммуникативно-культурный формат межпоколенческого общения.

Можно заключить, что объективные предпосылки, в которых мог бы развиваться конструктивный межпоколенческий диалог, имеют место, и связаны они с некими «точками соприкосновения» – ценностными детерминантами, позволяющими объединить членов социума на основании общих интересов, потребностей, целей. Однако не все члены современного российского общества могут в полной мере воспользоваться экономическими, правовыми, социальными механизмами налаживания культурного диалога между поколениями. Зачастую эту возможность «заслоняют» задачи более высокого порядка, связанные, как правило, с необходимостью поддерживать определенный уровень жизни, дохода, поэтому у многих граждан просто нет времени оглянуться на другого, успеть уделить внимание его жизненному миру, даже если речь идет о члене семьи, не говоря уже о том, чтобы принять участие в социальных проектах, конкурсах, волонтерской деятельности, активном обмене социальным опытом. Отсюда и субъективные проблемы участия в диалоге поколений – отчужденность, недоверие, отсутствие эмпатии, заинтересованности, а зачастую информированности о своих возможностях и в целом дефицит навыков культуры межпоколенческого общения.

Проблема, формулируемая по итогам анализа, звучит следующим образом – как использовать объективно сложившиеся условия для формирования диалоговой культуры поколений в современном российском обществе? В этой связи можем заключить следующее: несмотря на наличие определенных предпосылок для развития диалога между поколениями в форме стабильно транслируемой и воспроизводящейся диалоговой культуры, четких ценностных детерминант, свойственных представителях различных поколенческих групп и объединяющих их на платформе культуры общения, пока не наблюдается, и имеющиеся предпосылки, рассмотренные в статье, могут как выполнять интегрирующую функцию в общении между представителями поколений,

так и не актуализироваться в этом аспекте. Иными словами – являясь патриотами своей страны, сторонниками традиционных ценностей, ориентируясь в правовом и цифровом пространстве, люди достаточно часто остаются отчужденными друг от друга, не умеющими понять и принять человека из другого поколения в форме толерантного и уважительного интереса к его жизненному миру.

Глубокая научная проработка оснований культуры межпоколенческого общения, её объективной и субъективной сторон, ценностных оснований и барьеров на пути формирования и развития представляется одной из важнейших задач на пути формирования и развития культуры межпоколенческого общения в современном российском обществе.

Литература

1. ВЦИОМ. Традиционные ценности, современные цели. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi>
2. Гончарова В.А., Беляев И.А., Максимов А.М. Здоровье человека и его онтологические основания. Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 2. С. 67–73.
3. Зверев М.К. Особенности социальной солидарности в современном российском обществе: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Иркутск, 2009. 23 с.
4. Липич Т.И. Диалог как форма взаимодействия культур // Научный результат. 2014. С. 63–69.
5. Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы анализа знания // Теория социальных эстафет. История, идеи, перспективы. Новосибирск, 1997. 316 с.
6. Тощенко Ж.Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 6–17.
7. Черномазова Ю.А. Я и Другой: коммуникация поколений в экзистенциально-феноменологической перспективе // Общество: философия, история, культура. 2022. № 12(104). С. 163–166. DOI 10.24158/fik.2022.12.25.

FACTORS OF VALUE DETERMINATION OF INTERGENERATIONAL DIALOGUE IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Denishchenko M.E.
Southern Federal University

The article attempts to study the main factors that influence the possibilities and prospects for the formation and development of intergenerational dialogue in modern Russia through value determination. In the course of socio-philosophical reflection of such possible axiological “contact points” as digital reality, social policy, civil society, traditional values, the author reflects on the question of how the objective conditions and possibilities of intergenerational dialogue correlate with the subjective readiness of society members for such dialogue. It can be concluded that there are certain prerequisites for the development of intergenerational dialogue in modern Russian society, and they are largely related to the sphere of values, but it is impossible to assert that some common value foundations are transformed into a stably reproducible culture of intergenerational communication. The problem posed opens up prospects for a deeper scientific study of the value foundations of intergenerational communication.

Keywords: culture, civil society, health, intergenerational dialogue, patriotism, social policy, values, digitalization.

References

1. VTsIOM. Traditional Values, Modern Goals. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi>
2. Goncharova V.A., Belyaev I.A., Maksimov A.M. Human health and its ontological foundations. Intelligence. Innovations. Investments. 2020. No. 2. Pp. 67–73.
3. Zverev M.K. Features of social solidarity in modern Russian society: author’s abstract. diss. ... Cand. Philosophical Sciences. Irkutsk, 2009. 23 p.
4. Lipich T.I. Dialogue as a form of interaction between cultures // Scientific Result. 2014. Pp. 63–69.
5. Rozov M.A. Theory of social relay races and problems of knowledge analysis // Theory of social relay races. History, ideas, prospects. Novosibirsk, 1997. 316 p.
6. Toshchenko Zh.T. Lifeworld and its meanings // Sociological studies. 2016. No. 1. Pp. 6–17.
7. Chernomazova Yu.A. Me and the Other: communication of generations in an existential-phenomenological perspective // Society: philosophy, history, culture. 2022. No. 12(104). Pp. 163–166. DOI 10.24158/fik.2022.12.25.

Лемаев Тимофей Викторович,

аспирант Пермского государственного национального
исследовательского университета
E-mail: lemaev.tim@yandex.ru

На современном этапе развития технологической детерминизм отмечает взаимозависимость между человечеством и создаваемыми орудиями труда. Улучшение техносферы привело к появлению новых технических устройств и переосмыслению мировосприятия человека, его отношения к миру и самому себе. Научно-технический прогресс затронул все сферы человеческого существования, формируя триаду реальности – субъективную, объективную и виртуальную. Эволюция техники является причиной изменения общества, его структуры и места человека в социуме, воздействует на все социальные процессы. Появляется новая мифология, связанная с Интернетом и техносферой. В существующей дискуссии о роли технических устройств в жизни человека участвовали такие исследователи как М. Маклюэн, В.С. Полозин, Р. Курцвейл и М. Кастельс. С одной стороны технические изобретения создают то, как человечество существует и между собой взаимодействует, они облегчают жизнь членам социума и выстраивают систему общества, где выполняются принципы гуманизма – обеспечение права на свободу, комфорт, безопасность и счастье. Но технологии продолжают развиваться и это вызывает экзистенциальный страх того, что научный прогресс может привести человечество к полному исчезновению или порабощению более совершенными устройствами, рассматривается вопрос о поглощении человека техносферой. В действительности, где человек и искусственный интеллект тесно взаимосвязаны, очень трудно провести грань между живым и неживым. Что отличает человека от машины и какое будущее ждёт человечество?

Ключевые слова: Курцвейл, Маклюэн, Полозин, Кастельс, искусственный интеллект, миф, экзистенциализм, интернет, техносфера, техника, общество, философия.

XXI век базируется на рациональных знаниях, полученных путём логичных гипотез и проверенных фактов, человечество опирается на них и использует достижения научно-технического прогресса, применяет их для улучшения своей повседневной действительности. Закономерное и основанное на разумных аргументах мышление становится основным для концептуализации мира, в то время как мифическое мышление, воплощающее в себе способ понимания реальности с помощью фантастических образов, оказывается менее востребованным. Но миф и мифологическое не исчезают из структуры современного общества, а устойчиво существуют и развиваются в рамках текущей социокультурной среды, продолжая функционировать и быть вовлечёнными во все сферы жизнедеятельности человека. Поэтому социум по-прежнему насыщен различного рода мифами – изменилась формы мифов, но не их смысловое содержание. Ещё в архаические времена мифы являлись средством для освоения окружающего мира и осознания того, как он устроен. Всё, что человек не мог постичь с помощью разума и не понимал, он познавал с помощью фантазии, через конкретно-чувственные образы. Человек переносил свои свойства и характеристики на неизведанную реальность и населял пространство сверхъестественными существами, которые маркировали устройство реальности. Чудовища, боги, духи служили для объяснения существующих явлений, которые невозможно было обосновать логичными методами. Всё то, чего не мог объяснить человек, становилось источником зарождения мифа, появилась возможность для применения фантазии. Отсюда следует закономерный вывод – мифология была инструментом для осмысления тех объектов и феноменов, которые нельзя было понять посредством разума. На современном историческом этапе мифическое сохраняет своё значение – давать объяснение тому, что неподвластно рационально-логическому описанию. Мифологическое мышление продолжает оперировать постижением мира, выстраивая невероятные гипотезы и предположения на основе домыслов и фантазии. Миф присутствует в науке и освещает те ситуации, на которые на данном этапе исторического развития в рамках рационального анализа невозможно дать однозначный ответ, ведь один из глобальнейших мифов XXI века связан с техническим развитием человечества. Современное общество характеризуется активным взаимодействием между человеком и созданными им приспособлениями – различные гаджеты и электронные устройства стали частью повседневного бытия. Сегодня, чтобы приспособить окружающую среду к себе, мы активно используем средства коммуникации, поэтому техника во многом упрощает существование людей. Неотъемлемой частью повседневности стал компьютер, сама эпоха стала называться компьютерной в связи с переходом от традиционной промышленности к цифровой. Технические приспособления служат для улучшения жизни человечества, являясь одним из важнейших элементов нового века. Телевизоры, компьютеры, различные гаджеты помогают быть более эффективными в плане увеличения труда и возможностей, быстрее получать доступ к информационным данным и адаптироваться к условиям социума. Но вместе с преимуществами, техника порождает и актуальный миф, возникающий вследствие

технического прогресса, исследуя вероятность того, что развитие искусственного интеллекта и новейших технологий затронет самое существование человека и созданные устройства смогут заменить того, кто их создал. По мере совершенствования технических приспособлений вопрос становится всё более глобальным и рождает домыслы в связи с неоднозначным отношением общества к техническому прогрессу. Это становится основой для мифического, в связи с отторжением новых тенденций и чувства страха за собственное существование, поэтому проблема нуждается в анализе для осознания того, заменит ли компьютер человека. Очень важным становится рассмотрение проблемы с разных аспектов, включая философский.

В первую очередь важно рассмотреть значение техники в рамках функционирования современного общества, как различные исследователи интерпретировали связь человека и техники, провести различие между искусственным интеллектом и живым человеком.

Стоит отметить, что на современном этапе развития статус техники является важным фактором определения будущего человечества. Ни в одной статье невозможно описать и перечислить все аспекты влияния технологий на человека, их можно проанализировать с разных сторон – психологической, аксиологической, коммуникационной, экзистенциально-онтологической, культурной. Важным для понимания места человека в современном мире, является социологический аспект – какую роль коммуникационные сети и технические устройства выполняют для социума, оказывают негативное или позитивное влияние? Общество, по существу, сформулировало для философии социальную потребность, ориентированную на поиск теоретико-методологических оснований ответа на вопрос о том, какова роль и перспективы человека в современном техногенном мире.

Тема о взаимоотношении человека и машины появилась достаточно давно и к XXI веку достигла наивысшего пика. Различные области науки изучают данную тему с многочисленных аспектов, а многие философы систематизировали взаимодействие людей и окружающей их технических устройств. С помощью сравнительного метода можно рассмотреть позиции некоторых известных личностей на анализ связи между человечеством и используемых им приспособлений. Одним из мыслителей, который анализировал зависимость человеческого развития и технического прогресса, был канадский философ М. Маклюэн. Он полагал, что человек, изобретая нечто новое, стремится достичь конкретной цели – это увеличить свой собственный потенциал, скванный ограничениями смертного тела. Приборы должны усиливать способности наших органов чувств, служа продолжением тела. Вдохновение для новых технических изобретений человек черпал из возможностей собственного организма, но значительно усиливая их. От обычных зубов и кулаков создавалось оружие, вплоть до атомной бомбы. Деньги появились как способ сохранения труда, а транспортные средства работают там, где когда-то трудилась нога и спина [7, с. 8].

Все произведённые человеком материальные вещи – это расширение и увеличение способностей человеческого тела или конкретной его части. Но вместе с увеличением функциональности организма за счёт техники, человек немного «отвыкает» от родного тела – он всё чаще пользуется механическими заменителями и всё реже использует естественный метод. Поводом для создания колеса стало давление новых грузов и ускорение обмена в связи с письменными и денежными средствами коммуникации. Человек вынес функции ног вовне и отделил от собственного тела, получив колесо. Колесо возникло

как ответ на возросшую нагрузку, но породило, в свою очередь, конкретное действие и изолированную, отдельную функцию. Чтобы выдержать подобную нервную систему человека притупляет восприятие и блокирует предыдущий способ использования.

Любое изобретение – это ответ на возникшую потребность, в случае колеса – это увеличение скорости и снижение большой нагрузки. Но вместе с облегчением труда и более быстрым способом решения задачи, новое открытие влечёт за собой негативный эффект – человек реже пользуется предыдущим методом или отказывается от него. В большинстве случаев предпочтение складывается в пользу новейших приспособлений, а не собственного тела. Мы начинаем излишне полагаться на модернизированные устройства и наши врождённые способности притупляются. Позицию М. Маклюэна о том, что технические изобретения являются продолжением человека разделяет советский и российский религиозный, политический и общественный деятель В.С. Полозин. В своей книге «Миф. Религия. Государство», среди большого числа поднимаемых тем, исследователь размышляет о роли технических приспособлений для людей. Он утверждает, что с помощью видеокультуры мы можем созерцать всё мироздание на экране. Телевизор стал средством преодоления ограниченности и выходом за грань стандартных возможностей человека. Сегодня телевидение подобно храму, где совершается ритуал познания действительности с помощью символов и образов экранного мира. Но телевизор служит лишь способом созерцания мира, с минимальным личным участием смотрящего. Это в первую очередь инструмент для познания, в котором у человека нет права вмешиваться в происходящее. От необходимости колоссальных и многолетних затрат на освоение значимых данных и мастерства человека освобождает компьютер, он даёт нам доступ к любой информации. Компьютер является продолжением человеческого рассудка в цифровой среде и превращается в сверхрассудок, даруя вход в хранилище памяти всего человечества, многократно превышая возможности даже самого гениального человека. Благодаря компьютеру и телевизору у людей появилась возможность познавать окружающий мир самым продуктивным способом и осваивать ценные факты с пользой для личного развития. И именно компьютер освобождает человека от необходимости огромных и многолетних затрат на техническое освоение знаний и мастерства, делая все это доступным через владение самим компьютером. Он как бы продолжает рассудок, превращая его в сверхрассудок, и восполняет память, превращая ее в суперпамять. Тем самым он воссоздает на новом, совершенном уровне рационально демистифицированное и демагизированное сознание верховного жреца в единстве всех трех времен, одинаково доступных компьютерной памяти, причем в масштабах, многократно превышающих возможности одного, даже самого гениального человека [9, с. 64].

М. Маклюэн, ещё до появления интернета, в своей концепции развивал идею о том, что технические приспособления берут основу от людей, имитируя способности человека. М. Маклюэн в своих рассуждениях пророчил появление всемирной сети, как продолжение и расширение нервной системы. Мыслитель в своих более поздних исследованиях прогнозировал переселение людей в «глобальную деревню», компьютерное пространство, где коммуникации между пользователями максимально легки. Но при этом «глобальную деревню» должны будут населять электронные люди, что подразумевает переселение человека онлайн. Философ в своих рассуждениях опередил время.

В.С. Полозин в своих трудах также развивал идею об улучшении технических устройств и их возрастающую актуальность для людей. Он осознавал доминирующие тенденции и понимал, что ценность интернета как коммуникационного ресурса будет незаменима и полезна для последующих эпох.

Исследования В.С. Полозина и М. Маклюэна показывают, что движущей силой исторического прогресса выступает смена технологий, которая влечёт за собой смену способов коммуникаций. Именно технологии являются движущей силой, толкающей цивилизацию к эволюции сознания. Подтверждением предвидения философов стало бурное развитие информационных технологий, приведшее к возникновению принципиально отличной от прежних средств массовой коммуникации глобальной информационной системы, что показывает корреляцию синкретичности мироощущения авторов и актуальность их работ в современном мире. Это закономерный итог совершенствования технического прогресса. Люди изначально создавали технические устройства для увеличения степени познания и усовершенствования общества. Каждое новое изобретение обозначало новую грань для развития социума и человека, росла взаимосвязь взаимозависимость между людьми и создаваемыми ими техническими инновациями. Если большинство прошлых изобретений человек мог контролировать, то с появлением компьютера это изменилось. Когда человек впервые оседлал животное, маршрут выбрал он сам, как и саму скорость передвижения [2, с. 20]. Компьютер сегодня – это ключевой фактор для индивидуального познания окружающей действительности и самого себя, и, подобно человеку, меняется и эволюционирует вместе с ним, а кроме того, изменяет условия повседневного существования.

В этом аспекте важно понять корреляцию технического и человека. Человек – это центральное философское понятие, в зависимости от ответа на данный вопрос определяются фундаментальные характеристики человеческого бытия. Человек является высшей ступенью развития живых организмов на Земле, социальным существом, производящим орудия труда для преобразования природы. Техника – это приспособления, они не существуют в природе и изготавливаются человеком как способ познания и изменения реальности. Технические достижения – это результат развития людей. Смысл техники состоит в том, что она является средством человеческой деятельности, усиливает физические и умственные возможности, но с развитием технической среды происходит изменение структуры социальной реальности. Вместе с преобразованием возможностей общества возрастает зависимость от информационных сетей, что изменяет положение человека в реальности, формируется новая триада реальности – субъективная, объективная и виртуальная реальность. Виртуальная реальность сегодня – это место пребывания тысяч людей, которые внутри общаются между собой, обмениваются информацией и занимаются разного рода деятельностью – от выполнения профессиональных дел до личного досуга в виде хобби. До появления интернета и виртуального пространства существовали две реальности – субъективная и объективная. Субъективная реальность отображала то, как человеку представлен окружающий мир, через органы чувств, формируя наше представление о нём. На основе личного опыта у каждого индивида складывалось своё представление о реальности. Объективная реальность – существующая действительность, окружающий человека мир, мир сам по себе. К объективной реальности относится то, что находится вне сознания человека – пространство, время, движение.

В новом веке информации человек стал разделять мир не на две реальности, а на три. К субъективной и объективной реальности добавилась виртуальная, находящаяся на границе этих двух реальностей. Виртуальная реальность – это мир, создаваемый с помощью технических средств и он нацелен на увеличение функциональности человека. Однако с развитием научного прогресса электрические устройства, через которые можно получать необходимую информацию, становятся всё более незаменимыми в обществе. Виртуальное пространство совмещает элементы субъективной и объективной реальности. Объективная реальность всё больше переходит в цифровую форму и переносится в сеть, факты и точная информация дают людям со всей планеты возможность познать мир. Но вместе с проверенными данными, пользователи сети приносят в цифровой мир своё видение окружающего пространства в виде публикаций и этим вносят собственное субъективное мнение, трактуют по-своему некоторые понятия и помещают часть своего сознания онлайн. И это мнение может противоречить объективным фактам, вызывать ошибочное мнение у пользователей. С одной стороны, виртуальность претендует на то, чтобы существовать сама по себе, подобно объективной реальности, но не может функционировать без человека и его деятельности. Цифровая среда даёт новое место для получения информации, но не всегда даёт понятие истинности и ложности, вызывая трудность определения того, какие материалы истинны, а какие ложны. Информационное поле сети стало пространством зарождения современных мифов и областью действия новой мифологии. Новые мифы связаны с интернетом и базируются на данных из сетей – это сюжеты о смертельных вирусах, массовом шпионаже и восстании машин. Фантастические истории рождаются на попытке познать реальность через информационные сети и происходят из потребности человека обезопасить себя.

Неважно как мы относимся к интернету, мы должны считаться с тем, что компьютерные сети стали фундаментом современного общества во всём мире, наш несовершенный организм нуждается в посредничестве компьютера, чтобы прикоснуться к богатству мира сети [3, с. 56]. Виртуальная среда сегодня это важный фактор формирования общества. Число людей, которые пользуются интернетом более 5 миллиардов – количество пользователей увеличивается ежегодно, что свидетельствует о востребованности виртуального пространства. Вся деятельность, от финансовой сферы и СМИ до политики и общественных движений, организована вокруг сетей Интернета. Таким образом, реальный вопрос для людей, для бизнеса, для институтов – это как жить с Интернетом [4, с. 6].

Распространение интернета по всему миру сопровождается разнообразными слухами и мифами о возможном негативном воздействии социальных сетей. Вместе с новыми изобретениями и пространством для освоения человеком, технический прогресс привносит элементы архаического миропонимания – мифы. Различные теории заговоров и слежки за пользователями, восстание разумных машин и сомнения в эффективности модернизованных коммуникаций – такие мифы возникают в виртуальной среде и сопровождают общество XXI века. Времена изменились, а мифы продолжают служить отражением переживаний, сомнений и страхов человеческого рода – фантастические истории переключались в мир Интернета. Распространение Интернета по всему миру сопровождается бытующими в средствах массовой информации разнообразными слухами и мифами о возможном негативном воздействии Интернета [Кастельс

2004, 6]. Они, подобно техническим инновациям, показывают сущность человека и являются результатом человеческих фантазий, неким продолжением личности. Это результат освоения мира людьми, мифотворчество зависит от человека, и в современности большинство мифов основываются на восприятии цифровой реальности и различных электронных изобретений.

Компьютер с выходом в интернет стал необходимым элементом для функционирования человека в социуме, он объединяет тысячи сетей, народов, машин, текстов и образов [10, с. 64]. Интернет это фундаментальное изобретение человечества, он появился во второй половине XX века как совокупность связанных между собой компьютеров, соединённых системой (сетью) друг с другом так, чтобы формировался коммуникационный процесс. Со временем интернет развивался и сегодня это удивительный феномен культуры, формирующий механизмы функционирования пространства сети, создавая новое структурное деление общества. Отличительными чертами пользователей коммуникационными виртуальными сетями являются тесная связь с цифровой средой и частое местонахождение в мире онлайн. Люди существуют в двух реальностях. В одной из них, виртуальной, формируется один образ, в то время как в настоящей жизни человек может не быть учёным по образованию и работать в другой сфере деятельности – строителем, врачом или не иметь места труда. То есть цифровая деятельность не всегда соответствует квалификации, но не мешает транслировать знания о мире на основе личного опыта. Пользователи конструируют свой образ, без учёта реального статуса и на основе собственных интересов. Интернет позволил цифровым данным влиять на социальное бытие и конструировать новые основы функционирования действительности. Сегодня для индивида возможности социализации связаны с виртуальными сетями – они оказывают влияние на поведение людей и информируют о происходящем в обществе. Но среди большого числа позитивных моментов, есть и негативные. Интернет оперирует колоссальными объёмами данных, некоторые сведения могут оказаться недостоверными и сформировать ошибочное представление. На фоне информационных сетей традиционные способы передачи культурных ценностей становятся менее востребованными, чаще социализация молодого поколения происходит через социальные сети, теряется ценность живого общения и возможность получения опыта из традиционных культурных способов. Индивидам трудно разделять своё виртуальное «я» от настоящей личности. В итоге становится трудно разделять своё цифровое «я» от настоящего. Происходит утрата связи с реальным миром за счёт его замены виртуальным пространством. Интернет не разрушает пространство города, но задаёт ему новые измерения. Глобальным городом становится сама сеть [8, с. 480]. На сегодняшнем этапе особо актуальным становится исследование факта того, что человек проводит значительную часть жизни в социальном пространстве, современный мир невозможно представить без интернета, а виртуальное пространство стало неотъемлемой частью жизни людей. Необходимо выявить влияние цифровой среды на социально-психологические характеристики личности. Разработанность этой проблемы невысока, поэтому существует необходимость изучения вопросов как человечество взаимодействует с цифровой средой и безопасно ли нахождение в виртуальном пространстве.

Это создаёт трудности при определении места для разделения человека и электронных приспособлений – где проходит граница, отделяющая устройство от человека? Это всё труднее становится установить, так как

в жизни людей «присутствует вечно меняющиеся компьютеры, которые задают ритмы... жизни» [2, с. 20].

Интернет, как сеть сетей, создавался как подобие механизмов человеческого мозга с целью развить познавательные способности интеллекта. Совершенствование техники продолжается, в электронные механизмы добавляются новые функции, результаты экспоненциально изменяются по возможностям и сложности. Один из глобальных вопросов современности связан с улучшением техносферы и увеличением функциональности компьютерных технологий – стремительно развивается искусственный интеллект и претендует заменить человека во многих сферах. Техника успешно функционирует во многих профессиях и успешно замещает человеческий труд, поэтому появляется вопрос о том, что она может заменить и самого человека. Многие исследователи связывают будущее человечества с искусственным интеллектом, однако мнения разнятся. Одни считают, что человечество перестанет существовать как вид, оно либо станет частью глобальной сети, либо будет уничтожено более мощным электронным сознанием, либо окажется подчинённым собственному изобретению, повезёт, если они захотят оставить нас при себе в качестве домашних животных [11]. Этот вопрос затрагивает само существование человечества и является экзистенциальным. Поэтому стоит понять какие угрозы несёт в себе развитие технических устройства, прогресса и искусственного интеллекта.

Технологии ставят новые вопросы для анализа и философского осмысления, одной из них становится тема о слиянии человека и машины в единое целое. Известный изобретатель Р. Курцвейл, размышляя о судьбе человечества, в своих работах предсказывает к 2045 году полное превращение Земли в гигантский суперкомпьютер, а позже эта участь может постигнуть всю Вселенную. Футуролог прогнозировал, что благодаря научно-техническим достижениям человечество сможет отдалить или отменить смерть и старение, он был сторонником принципов трансгуманизма, которые ставили задачей улучшение человека за счёт успехов в информационном развитии. Крионика, генная инженерия, нанотехнологии разрабатывают способы того, как изменить жизнь общества к лучшему, уменьшить уровень страданий и увеличить физические и умственные возможности людей.

Популяризация искусственного интеллекта и его совершенствование – одно из направлений трансгуманизма. Как один из его представителей, Р. Курцвейл развивает представления о том, каким будет постчеловек. По его мнению, компьютерные технологии не перестанут развиваться и станут всё более и более доминирующими в социуме. Технологическая сингулярность человека и машин приведёт к тому, что люди перестанут быть биологическими существами, а киборгами, как существами, порожденными на границе человека и машины, это «химеры, выдуманные и вымышленные гибриды машины и организма» [12, с. 2]. Уже сейчас встречаются киборги, а в будущем небиологическая часть станет перевешивать органическую, человеческая часть потеряет своё значение и её механическая составляющая будет моделировать весь живой организм. Но будет ли это живой организм и человек в полноценном смысле слова? Ответ не однозначен, так как подобное будущее ещё не наступило и оно содержит многие препятствия для реализации. Главным моментом является то, что на данном этапе используются только технологические имплантаты, которые восстанавливают отсутствующие или нарушенные функции организма. То есть этот процесс направлен на конкретную цель и применяется не на всё челове-

ское тело, а как увеличение функциональности отдельных конечностей. Это означает, что процесс контролируем и используется лишь частично, то есть человеческая часть останется главенствующей.

В рамках сегодняшней действительности совершенствование интернета и развитие искусственного разума – большой шаг вперёд к осуществлению сценария по превращению мира в один большой суперкомпьютер. Человек создал такое изобретение, которое может заменить его самого, это настоящая экзистенциальная угроза для всего человечества. Интеллект компьютера растёт по экспоненте, стремительно развивается. Его способности по усвоению знаний и принятия решений совершенствуются, искусственный интеллект по большинству параметров превзошёл интеллектуальный уровень человека, и это не предел. Хуже нечто другое – человечество создало то, что не может контролировать. Программы создают программы, они способны генерировать новые улучшения, обходить прежние установки и однажды технический прогресс необратимо изменит условия для человеческого существования, в итоге из социального существа человек может превратиться лишь в придаток машин, которые сам и создал, а искусственный интеллект вполне может уничтожить человечество, как ненужный рудимент в своём развитии. Ученые достигли исторического рубежа! Впервые человечество встретилось с разумом более мощным, чем его собственный, – «искусственным суперинтеллектом» (ИСИ) [1, с. 16]. Процессы сингулярности человечества и интернет-технологий можно проследить уже сейчас. Пребывание в цифровой среде стало нормой и многие отождествляют реальную жизнь с жизнью онлайн.

Пользователи переносят в виртуальный мир свою внутреннюю сущность и создают персональную Вселенную на основе индивидуального восприятия действительности. Посты с необычными историями, репосты понравившихся новостей, фотографии случившихся событий – это отражение характера, стремлений и желаний того, что важно для конкретного человека и делает его уникальной личностью. Наш профиль в любой социальной сети – это персональный сконструированный миф. Он показывает только одну часть индивида, игнорируя другие многогранные аспекты личности. Люди часто обладают несколькими страницами в разных социальных сетях, где выкладывают непохожие друг на друга материалы. Везде разная информация, однако никто не знает точно является ли это частью личности или это собственное мнение о себе. Люди все чаще организуют свои смыслы не вокруг того, что они делают, но на основе того, кем они являются, или своих представлений о том, кем они являются [5, с. 27].

Вместе с множеством преимуществ новые достижения технического прогресса заставляют задуматься о роли человека в цифровом веке. Если в предыдущие эпохи, например, во время первобытности, целью изобретения орудий труда и оружия было овладение силами природы, то в более поздние времена ситуация изменилась. С появлением улучшенных технологий человек не только покорил природу, но и в большей степени отделился от органической среды. Сегодня многие философы говорят об устройствах, предназначенных для автоматической работы. Человек вместо самостоятельной личности рискует стать бесполезным животным, которым управляют машины. Именно такую картину описывали писатели-фантасты в прошлом веке, а сегодня это может оказаться грядущей действительностью.

В XXI веке у человека выработалась теснейшая связь с виртуальной средой, близкая к зависимости. Образ жизни индивида без электронных устройств длительное

время приводит к оторванности от реальности, в обществе укоренилось представление, что исчезая из онлайн человек фактически перестаёт существовать. Приспособления с выходом в сеть не просто стали продолжением нашей функциональности, а элементом повседневности и частью нас самих, образовав крепкий симбиоз. Виртуальные сети это ключевая технология информационной эпохи, а не очередная новинка человеческого прогресса. Они являются частью общественного сознания. Мы не можем обойтись без компьютеров на данном историческом этапе, но и электронные механизмы без существования человека теряют своё предназначение. Для того, чтобы раскрыть свой потенциал и познать самого себя человек должен пользоваться интернетом и инновационными технологиями – они дают знания, необходимые для развития и существования. Но интернет не диктует как нам жить, он лишь помогает полезной информацией и более быстрым способом решения задач. Выбор как поступить и что делать всегда остаётся за человеком – интернет служит важным инструментом для реализации стремлений и желаний человека, и общественных групп.

Важен и такой аспект развития искусственного интеллекта как создание цифрового сознания. Р. Курцвейл изучал этот вопрос и сравнивал человеческий мозг с компьютером, вопрос о том, являются ли человеческий мозг и компьютер эквивалентными на каком-то уровне, до сих пор остается открытым [6, с. 68]. По его мнению, если снабдить компьютер необходимыми программами, то он сможет стать идентичен мозгу реального человека. Всё дело зависит от алгоритмов, который может сделать компьютер аналогом мозга.

Цифровое бессмертие – это концепция, согласно которой стираются границы между жизнью и смертью, и актуальным становится её теоретическое осмысление. С помощью научного прогресса и информации о конкретном человеке, цифровая копия может действовать как настоящая личность и с развитием технологий, тема становится всё актуальнее. Данная тема является одной из самых глобальных в истории людского рода. Наука исследует вопрос существования человека в виртуальном пространстве, учёные анализируют строение и функционирование человеческого мозга для более успешного переноса сознания в цифровой мир. Но на данном этапе технологии не достигли уровня для осуществления этой цели, и, чтобы оцифрованный слепок личности безопасно переместить в новое роботизированное тело, потребуется не менее двух десятков лет – в погоне за цифровым бессмертием и улучшением технических возможностей человек желает создать себе небиологические тела, а затем виртуальные носители и виртуальную реальность, где будет обитать его новое я. Однако в реализации проекта цифрового бессмертия существует несколько значительных сложностей, связанных с человеческим сознанием. Для того, чтобы у системы появилось сознание, самой по себе компьютерной программы недостаточно. И одних программ недостаточно, чтобы появилось сознание. Поэтому разработка цифрового сознания с помощью программ обречена с самого начала. Мозг это не только цифровой компьютер, мозг порождает сознание не благодаря выполнению некоей компьютерной программы [11]. У машин есть способы того, как решать различные задачи – они выполняют их с помощью заранее заданной программы, которую не могут изменить, по определённым формальным и синтаксическим процессам. Но сознание есть нечто большее, наши внутренние ментальные состояния, по определению, обладают содержанием. Сами внутренние коды компьютера, по которым действует програм-

ма, не обладают никаким смыслом. Словом, в сознании есть не только синтаксис, но и семантика. Компьютерная программа не может стать сознанием, если это чисто синтаксическая программа. Сознание же семантически в том смысле, что оно обладает не только формальной структурой, но и содержанием [11]. Компьютер способен воспроизвести многие процессы человеческого мозга, но он не способен скопировать биологические особенности и всю человеческую сущность – человечество не заменить, искусственный интеллект и многие технологии имеют свои изъяны. В случае цифрового бессмертия – можно записать на носитель личности человека, основываясь на данных из его жизни – хобби, знания, воспоминания. Но однажды настоящий человек умрёт и останется только его копия. Это будет просто машина, похожая на нас, когда нас самих уже не будет. Будет ли это цифровым бессмертием? Нет. Это будет не точная копия. Существуют аспекты, которые искусственный интеллект не может повторить – это эмпатия, интуиция, мораль и творческое мышление. Нейросети способны создавать изображения на основе алгоритмов, они берут готовые образцы, но изобрести что-то новое не могут. Повторить изобретательность человека сеть не может. Даже самые современные системы ограничены алгоритмами обучения и не могут воспроизвести ход творческой мысли. Ещё можно отметить тот факт, что человек совершает ошибки – будь то нарочно или нечаянно. Машина с точными программами ошибки в расчётах не допустит намеренно, а человек может, ибо не зависит от условий. Поэтому идея цифрового бессмертия неосуществима – искусственный интеллект не станет идентичной копией реального человека, он не сможет повторить многих наших особенностей. Человек уникален и если умирает – это невозможная утрата. Цифровой аналог не способен его заменить, он не будет содержать всю информацию о человеке, часть будет отсутствовать из-за особенностей программ. Полная копия человека невозможна, а это значит копирование, как идея нереализуема и цифровое бессмертие неосуществимо. Реальный человек незаменим и с помощью своих особенностей продолжит существовать с развитием технологий.

Стоит сделать вывод о том, что развитие ноосферы и улучшение технических устройств не приведет человека к исчезновению как существа. Процесс не остановить, он идёт по экспоненте, изобретение автономной компьютерной системы без участия человека возможно, но на этом пути у разработчиков существует много препятствий, которые нелегко решить, среди них можно выделить тест Тьюринга или сложность при отображении эмоций. Важным фактором становится то, что технические устройства на многое не способны и никогда не смогут повторить особенности людей. Человек, зная особенности вычислительных алгоритмов, может всегда найти способ как их обойти и не оказаться во власти искусственного интеллекта. Важно подчеркнуть, что технические инновации стали частью существующего общества и во многом изменили повседневное бытие человека. Процессы, связанные с искусственным интеллектом, находятся под контролем и не переходят экзистенциальных границ, угрожающих действительности, но сами электронные устройства влияют на способы взаимодействия с реальностью и неотделимы от ежедневных действий людей. Важно научиться грамотно ими распоряжаться и рационально пользоваться, чтобы технические гаджеты не вредили человечеству при познании окружающего мира и развитии своей сущности. В связи с этим существует необходимость в поиске эффективных способов разрешения противоречий между человеком и техникой, учитывая недостаточные

теоретико-методологическими возможности решения этого вопроса. Дальнейшие исследования проблемы аспектов места человека в техногенной сфере позволят сформировать определённые принципы создания и организации среды для функционирования человека в изменяющихся условиях стремительного развития информационных технологий.

Литература

1. Баррат Джеймс. Последнее изобретение человечества: Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens / пер. с англ. 2-е изд. – М.: Альпина нон-фикшн, 2019. – 396 с. – (Серия Alpina Popular Science).
2. Дуков Е. Компьютер и человек // Телескоп. 2013. № 4. С. 20–24.
3. Зубрилин А.А. Интернет: технологический и социальные аспекты // Информатика и образование. 2001 № 7. С. 53–62.
4. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитоновой. – Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с.
5. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс / пер. с англ. / под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
6. Курцвейл, Рэй. Эволюция разума, Или бесконечные возможности человеческого мозга, основанные на распознавании образов / Рэй Курцвейл / пер. с англ. Т.П. Мосоловой. Москва: Эксмо, 2018. – 352 с. – (Большая наука).
7. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека = Understanding Media: The Extensions of Man. – М.: Кучково поле, 2007. – 464 с.
8. Марков Б.В. Человек в эпоху масс-медиа // Информационное общество: Сб. М.: АСТ, 2004. С. 452–507.
9. Полозин В.С. Миф. Религия. Государство: исследование политической мифологии. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Ладомир, 1999. – 440 с.
10. Урри Д. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия [Текст] / пер. с англ. Д. Кралечкина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 336 с. – (Социальная теория). – 1000 экз. – ISBN 978-5-7598-0824-4 (в пер.).
11. Сёрль Дж.П. Сознание, мозг и наука. Перевод на русский язык: А.Ф. Грязнов. – М., 1993. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 10.06.2013. – URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/6662>
12. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х, Ад Маргинем Пресс, 2017. – 128 с.

THE PROBLEM OF HUMAN EXISTENCE IN THE TECHNOSPHERE

Lemaev T.V.

Perm State National Research University

At the present stage of development, technological determinism notes the interdependence between humanity and the tools being created. The improvement of the technosphere has led to the emergence of new technical devices and a rethinking of human perception of the world, his attitude to the world and himself. Scientific and technological progress has affected all spheres of human existence, forming a triad of reality – subjective, objective and virtual. The evolution of technology is the reason for the change of society, its struc-

ture and the place of man in society, affects all social processes. There is a new mythology associated with the Internet and the technosphere. Researchers such as M. McLuhan, V.S. Polozin, R. Kurzweil and M. Castells participated in the existing discussion on the role of technical devices in human life. On the one hand, technical inventions create the way humanity exists and interacts with each other, they make life easier for members of society and build a system of society where the principles of humanism are fulfilled – ensuring the right to freedom, comfort, security and happiness. But technology continues to evolve and this causes an existential fear that scientific progress may lead humanity to complete extinction or enslavement by more advanced devices, the issue of human absorption by the technosphere is being considered. In reality, where humans and artificial intelligence are closely interconnected, it is very difficult to draw a line between the living and the inanimate. What distinguishes a person from a machine and what kind of future awaits humanity?

Keywords: Kurzweil, McLuhan, Polozin, Castells, artificial intelligence, myth, existentialism, Internet, technosphere, technology, society, philosophy.

References

1. Barratt James. *The Last Invention of Humanity: Artificial Intelligence and the End of Homo Sapiens* / trans. from English. 2nd ed. – Moscow: Alpina non-fiction, 2019. – 396 p. – (Alpina Popular Science Series).
2. Dukov E. *Computer and Man* // *Telescope*. 2013. No. 4. Pp. 20–24.
3. Zubrilin A.A. *Internet: Technological and Social Aspects* // *Computer Science and Education*. 2001. No. 7. Pp. 53–62.
4. Castells M. *Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society* / trans. from English by A. Matveev, edited by V. Kharitonov. – Yekaterinburg: U-Faktoriya (with the participation of the publishing house of the Humanitarian University), 2004. – 328 p.
5. Castells, M. *The Information Age: Economy, Society, and Culture* / M. Castells / translated from English / edited by O.I. Shkaratan. – M.: HSE, 2000. – 608 p.
6. Kurzweil, Ray. *The Evolution of the Mind, or the Infinite Possibilities of the Human Brain Based on Pattern Recognition* / Ray Kurzweil / translated from English by T.P. Mosolova. Moscow: Eksmo, 2018. – 352 p. – (Big Science).
7. McLuhan, M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. – M.: Kuchkovo Pole, 2007–464 p.
8. Markov B.V. *Man in the Age of Mass Media* // *Information Society: Coll.* Moscow: AST, 2004. Pp. 452–507.
9. Polozin V.S. *Myth. Religion. State: A Study of Political Mythology*. – 2nd ed., revised and enlarged. – Moscow: Ladomir, 1999. – 440 p.
10. Urry D. *Sociology Beyond Societies: Types of Mobility for the 21st Century* [Text] / trans. from English by D. Kralachkin; National Research University “Higher School of Economics”. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. – 336 p. – (Social Theory). – 1000 copies. – ISBN 978-5-7598-0824-4 (in translation).
11. Searle J.R. *Consciousness, Brain, and Science*. Translation into Russian: A.F. Gryaznov. – M., 1993. // Electronic publication: Center for Humanitarian Technologies. 10.06.2013. – URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/6662>
12. Haraway D. *Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist Feminism of the 1980s*, Ad Marginem Press, 2017. – 128 p.

Религиозный экстремизм как одна из форм духовной войны современности

Лонский Ярослав Александрович,

доцент кафедры современных аксиологических проблем
и религиозной мысли, Российский государственный
социальный университет (РГСУ)
E-mail: Ya_Lonskiy@mail.ru

Религиозный экстремизм в современном мире представляет одну из самых опасных социальных, моральных и политических проблем. Порождая и развивая безнравственные взгляды и принципы, религиозный экстремизм возбуждает гражданское недоверие, ненависть, вражду, распри на религиозной основе, что, безусловно, наносит вред интересам отдельной личности или целого общества. К сожалению, проблема религиозного экстремизма является актуальной и для современного многонационального, поликонфессионального российского общества, имеющего противоречия как во взаимоотношениях внутри конфессий и между ними. Целью работы является показать, что религиозный экстремизм представляет форму духовной войны, взявшей на вооружение технические средства современной цивилизации, стремящийся через манипуляцию сознанием человека оторвать его от системы традиционных ценностей, погасить его мировосприятие и направить на исполнение своих корыстных целей путём насилия и террора, тем самым трансформируя духовную сферу общества.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, глобализация, информационная сфера, духовная война, манипуляция сознанием.

На протяжении последних десятилетий мировое сообщество постоянно сталкивается с таким широко-масштабным, разнообразным по формам и способам действий явлением как религиозный экстремизм. Экстремизм и терроризм в любых формах его проявления все больше угрожают безопасности многих стран и их граждан, влекут за собой весьма существенные политические, экономические и моральные потери, оказывают сильное психологическое воздействие на большие массы людей, все в большем количестве унося жизни ни в чем не повинных людей.

Религия сегодня для многих является главной мировоззренческой сферой жизни, влияющей на систему духовных ценностей и традиции того или иного общества. Фундаментальные вопросы человеческого бытия, которые поднимает религия, помогают человеку обрести смысл своего земного существования и по-иному смотреть на общество и его проблемы. Однако зачастую находятся и те, кто, используя духовные искания человека, пытается путём псевдорелигиозной пропаганды и манипулирования сознанием достичь своих корыстных целей. По мнению известного американского социолога и политолога С. Хантингтона, религия в эпоху глобализации становится одной из основных сил, которые формируют общественные настроения и мобилизуют людей. Уделяя основное внимание противоречиям между цивилизациями, С. Хантингтон в основе цивилизаций рассматривает именно религии: «Основные цивилизации в человеческой истории в огромной мере отождествлялись с великими религиями мира и люди общезнающей принадлежности и общего языка, но разного вероисповедания, могут вести кровопролитные братоубийственные войны...» [8, с. 49]. Примером тому может служить гражданская война в Югославии 1990-х годов прошлого века.

Особенность религиозного экстремизма заключается в том, что, призывая вернуться к традиции в формах прошлого, он является, в отличие от консерватизма в обычном понимании, современным проектом построения «нового мирового порядка», основанного на утверждении тоталитарной религиозной идеологии с использованием технических средств современной цивилизации. Вся жизнь и деятельность современного человека связана с самыми различными технологиями, в том числе информационными. Религиозный экстремизм и терроризм в этих условиях неизбежно становятся «технологичным» как в смысле использования наиболее совершенных вооружений, так и в отношении выбора непосредственных целей, которыми выступают потенциально опасные (высокорисковые) объекты (к примеру, атомные электростанции, транспортная инфраструктура).

В настоящее время в связи с всеобщей компьютеризацией и информатизацией жизни религиозные экстремисты пытаются воздействовать на души и умы людей в духовной сфере при помощи развязывания идеологического фронта борьбы в *информационной сфере*. Так, в частности, об этом говорится в нормативно-правовых документах. В пункте 13 новой Доктрины информационной безопасности РФ (от 05 декабря 2016 года) сказано: «Различные террористические и экстремистские организации широко используют механизмы информационного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание в целях нагнетания межнациональ-

ной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии, а также привлечения к террористической деятельности новых сторонников. Такими организациями в противоправных целях активно создаются средства деструктивного воздействия на объекты критической информационной инфраструктуры» [7].

Некоторые авторы считают, что именно средства массовой информации способствуют активному росту экстремистских организаций, рекламируя их вольно-неволью для молодёжных групп негативного характера. Молодёжь же в свободное время реализуют различные возможности спонтанного усвоения социального опыта, черпая информацию из наиболее привлекательных для них коммуникационных каналов – социальные сети, «Интернет», телевидение [6, с. 46].

Достаточно вспомнить целый каскад скандальных событий, связанных с деятельностью французского журнала *Charlie Hebdo*¹. Бурную реакцию среди мусульман вызвали опубликованные в 2005 году сначала в Дании, а затем в 2006 году перепечатанные в этом журнале карикатуры на пророка Мухаммеда. По словам сотрудников, они понимают, что публикация именно этих рисунков, которые многие мусульмане посчитали богохульством, привела к теракту 07 января 2015 года [3]. Нападение на сатирический журнал и жестокая расправа над его сотрудниками всколыхнули все французское общество и вызвали к жизни движение в поддержку свободы слова *Je suis Charlie* («Я – Шарли»). 11 января 2015 под этим лозунгом во Франции промаршировали 3,5 млн человек; жители многих других стран примкнули к этому движению. В 2020 году французский сатирический еженедельник *Charlie Hebdo* решил вновь опубликовать карикатуры на пророка Мухаммеда, отметив тем самым начало суда над подозреваемыми в организации терактов [9].

По выводам экспертов, экстремистской экспансии способствует такое явление как *глобализация* информационно-коммуникационной среды [4, с. 3], в последнее время усилились процессы, связанные с расширением пропаганды религиозного экстремизма в глобальной сети. Представители этого вида экстремизма называют эту работу «информационным джихадом» [5]. Десятки тысяч интернет-сайтов и веб-порталов, действующих сегодня в мире, упростили работу по вербовке новых сторонников и пропаганде радикализма. По словам заместителя секретаря Совета безопасности России Юрия Кокова, в России в 2020 году в полтора раза выросло число преступлений террористического характера, совершённых с использованием интернета по сравнению с 2019 годом, и только за первое полугодие 2020 года были заблокированы 31 тысяча сайтов и удалено около 3 тысяч материалов экстремистского характера [1].

Интернет открывает и огромные возможности финансирования экстремистской деятельности: на экстремистских сайтах проводится сбор пожертвований в свою пользу; через онлайн-магазины продаются книги, диски с проповедями, одежда с символикой экстремистских и террористических организаций. Так с помощью Интернета экстремисты получают финансовую помощь, обсуждают планы своих действий и вербуют контингент.

¹ «Charlie Hebdo» – французский еженедельный характерный юмористический журнал политической сатиры, в каждом номере публикует карикатуры, комиксы, шутки, фельетоны, репортажи на актуальные темы недели, высмеивая действия политиков и руководства, религию. Традиционно занимает политически левую позицию и является выражением французского понятия о «свободе слова».

Таким образом с помощью развития новых технологических систем религиозным экстремистам удалось перевести свои военные действия с реального физического поля боя в виртуальное пространство сети «Интернет». Фронт войны реальных столкновений перешёл на мировоззренческий уровень, который и формируют СМИ. Складывающаяся сегодня виртуальная действительность в сети Интернет, субъектами и объектами которой ежегодно становятся все новые и новые миллионы людей, насыщена избыточной, во многом искажённой и необъективной информацией. Она, скорее, уводит пользователей Интернета от реальной жизни, чем приближает их к пониманию истинных процессов в мире и отдельных странах.

Учитывая доступность и популярность социальных сетей в молодёжной среде, экстремистские организации захватывают умы молодых людей, вербуя их. Виртуальное пространство является подходящей площадкой для ведения идеологической обработки молодёжи, формирования определённых ценностных ориентиров, поведенческих установок, которые молодые люди в силу своего возраста и юношеского максимализма пытаются копировать и воплощать в жизнь. Виртуальная реальность является своеобразной сетью, попадая в которую, человек становится заложником трансформации внешних образов мира, и он начинает невольно исполнять те команды, которые от него требуют религиозные экстремисты, теряя ощущение реальности путём формирования искажённого представления о каком-либо явлении или событии. При этом все чаще виртуальная информация подменяет собой реальные общественные события и явления.

Сегодня происходит переход от манипулирования сознанием отдельных личностей к программированию сознания отдельных этнических, религиозных и социальных групп. Применение же новейших средств и методов манипуляции общественным сознанием в рамках информационно-психологических и сетевых войн, которые ведутся против России, делает гипотетически возможным нарушение целостности духовного пространства нашей страны, и, как следствие, её территориальное раздробление, что является одной из главных целей религиозных экстремистов.

Главным объектом атаки религиозных экстремистов выступают разум, память, мышление и воля людей. В качестве основного оружия используются так называемые мыслеформы и ложные идеологемы, направленные на изменение сознания и поведенческих установок личности. В результате человек становится оторванным от традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и истории своей страны, живёт в своём иллюзорном деструктивном мире, со своей псевдодуховностью, основанную на идеалах и ценностях, чуждых народу, к которому он принадлежит по рождению и которому обязан своим существованием.

В отношении России духовная агрессия осуществляется давно, крупномасштабно и на основных стратегических направлениях. Сказанное в полной мере имеет отношение и к религиозному экстремизму как целостному компоненту духовной войны. Задача религиозного экстремизма заключается в разрушении культурно-исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа. Целью религиозного экстремизма является нравственное и морально-психологическое разложение российского государства и его народа с последующей подменой ценностно-смыслового ядра нашей общности, основу которого составляют культурно-историческое наследие и система традиционных духовно-нравственных ценностей.

Системообразующим средством религиозного экстремизма является целенаправленное дезорганизационное воздействие именно на культурно историческое наследие и систему традиционных отечественных духовно нравственных ценностей.

В настоящее время в отношении российского народа и его государства осуществляется духовная война. Как справедливо отметил профессор МГУ им. М.В. Ломоносова В.И. Добренков: «Война против России – это духовная война, в которой происходит уничтожение не только и не столько физической силы, сколько духовного потенциала Российского государства» [2; 7].

Угроза со стороны религиозно-экстремистских организаций заключается и в том, что адептами данных организаций, осуществляется дискредитация таких патриотических ценностей как верность воинскому и гражданскому долгу, а также преданность Отечеству. И тогда не только о самопожертвовании во имя России, но и о добросовестном исполнении гражданских обязанностей, тем более о службе в Российских Вооруженных Силах речи идти не может. Они не считают себя гражданами России, той страны, в которой они живут и по своему мироощущению они могут являться гражданами другого государства, возможно даже выдуманного.

В заключение хотелось бы отметить, что деятельность религиозных экстремистов направлена на распространение и насаждение конкретной религиозности с критикой религиозности другого толка. Вследствие чего происходит дискредитация самой религии путём подмены истории, переформатирования и переписывания священных текстов и их субъективной трактовки. Религиозной экстремисты стремятся через манипуляцию сознанием человека оторвать его от системы традиционных ценностей, погасить его мировосприятие и направить на исполнение своих корыстных целей путём насилия и террора, тем самым трансформируя духовную сферу общества. Для воплощения своих планов в жизнь религиозным экстремистам необходимо разрушить культурно-историческое наследие и систему традиционных духовно-нравственных ценностей россиян. По замыслу религиозных экстремистов для достижения ими своих намерений необходимо изолировать традиционное мировоззрение российского народа от его же истоков (от менталитета российской общности), а в последующем – освободившую мировоззренческую нишу занять правдоподобными по форме, но ложными по содержанию идеями.

Литература

1. В Совбезе РФ прогнозируют серьёзную активизацию террористов // Российская газета. Электронный ресурс. – URL: <https://rg.ru/2020/10/20/v-sovbeze-rf-prognoziruiut-sereznuuiu-aktivizaciiu-terroristov.html> (дата обращения: 10.04.2023).
2. Добренков В.И. Система и стратегия национальной безопасности России XXI // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 5–36.
3. Журнал Charlie Hebdo переиздаст карикатуры на пророка Мухаммеда // RBK / Общество, 01.09.2020. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f4e542a9a79476f5daa368e> (дата обращения: 12.02.2022).
4. Кубякин Е.О. Молодёжный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: Дисс... д-ра социол. наук. Краснодар, 2012. С. 3.

5. Омаров Б.М. Пропаганда религиозного экстремизма в интернете: проблемы противодействия и пути их решения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 26. С. 6–10. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/64302.htm>. (дата обращения: 10.04.2023).
6. Романенко Н.М. Особенности восприятия телеинформации школьниками // Педагогика. 2003. № 4. С. 46.
7. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102417017> (дата обращения: 25.01.2024).
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 49.
9. Charlie Hebdo переопубликовал карикатуры на пророка / BBC News/ Русская служба. 01.09.2020. – URL: <https://www.bbc.com/russian/news-53987391> (дата обращения: 12.02.2022).

RELIGIOUS EXTREMISM AS ONE OF THE FORMS OF SPIRITUAL WARFARE OF MODERNITY

Lonskiy Y.A.

Russian State Social University (RGSU)

Religious extremism in the modern world represents one of the most dangerous social, moral and political problems. By generating and developing immoral views and principles, religious extremism arouses civil distrust, hatred, enmity, and strife on a religious basis, which, of course, harms the interests of an individual or an entire society. Unfortunately, the problem of religious extremism is also relevant for modern multinational, multi-confessional Russian society, which has contradictions both in relationships within and between faiths. The purpose of the work is to show that religious extremism is a form of spiritual warfare that has adopted the technical means of modern civilization, seeking through the manipulation of a person's consciousness to tear him away from the system of traditional values, extinguish his worldview and direct him to fulfill his own selfish goals through violence and terror, thereby transforming the spiritual sphere of society.

Keywords: religious extremism, globalization, information sphere, spiritual warfare, manipulation of consciousness.

References

1. The Russian Security Council predicts a serious increase in terrorist activity // Rossiyskaya Gazeta. Electronic resource. – URL: <https://rg.ru/2020/10/20/v-sovbeze-rf-prognoziruiut-sereznuuiu-aktivizaciiu-terroristov.html> (date of access: 10.04.2023).
2. Dobrenkov V.I. The system and strategy of national security of Russia XXI // Bulletin of Moscow University. Series. 18. Sociology and political science. 2013. No. 4. Pp. 5–36.
3. Charlie Hebdo magazine will republish cartoons of the Prophet Muhammad // RBK / Society, 01.09.2020. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f4e542a9a79476f5daa368e> (date of access: 12.02.2022).
4. Kubyakin E.O. Youth extremism in the context of globalization of the information and communication environment of public life: Diss... Doctor of Sociological Sciences. Krasnodar, 2012. S. 3.
5. Omarov B.M. Propaganda of religious extremism on the Internet: problems of counteraction and ways to solve them // Scientific and methodological electronic journal "Concept". 2014. Vol. 26. Pp. 6–10. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/64302.htm>. (date of access: 10.04.2023).
6. Romanenko N.M. Peculiarities of Perception of Television Information by Schoolchildren // Pedagogy. 2003. No. 4. P. 46.
7. Decree of the President of the Russian Federation of 05.12.2016 No. 646. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102417017> (date of access: 25.01.2024).
8. Huntington S. Clash of Civilizations. Moscow, 2003. P. 49.
9. Charlie Hebdo republished cartoons of the prophet / BBC News / Russian Service. 01.09.2020. – URL: <https://www.bbc.com/russian/news-53987391> (date of access: 12.02.2022).

Социальная философия и теоретическая социология: проблема соотношения

Митин Алексей Васильевич,

к.ф.н., доцент кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Полозова Ирина Владимировна,

д.ф.н., профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: polozova-irina@mail.ru

В статье рассматривается проблема взаимоотношений социальной философии с теоретической социологией. Показывается, что между ними существуют различия в понимании исходного концепта – общества. Социальная философия исследует общество сквозь призму внешних по отношению к обществу предпосылок. Теоретическая социология использует модель общества, созданную на основе принципов философии Нового времени, где общество рассматривается как определяющее себя изнутри.

Ключевые слова: социальная философия, теоретическая социология, общество.

В нашей статье, посвященной основаниям социальной философии [5], мы затронули в самом общем виде ряд проблем, намеченных в качестве задач для последующего более внимательного рассмотрения, в числе которых были обозначены вопросы о взаимоотношении социальной философии и социологии как конкретной науки, о соотношении сфер социального и политического, о взаимодействии в социальной мысли статического и динамического подходов, о предельных и промежуточных уровнях рассмотрения социального и о возможности построения общей перспективы для охвата социальных явлений. Обозначенный круг проблем не является исчерпывающим, но намечает философские вопросы об обществе, которые являются не случайным набором проблем, возникших на определенном историческом этапе, но обусловленными природой и особенностями философского познания.

Вопрос о соотношении социальной философии и социологии, науки, занимающейся обществом, по нашему мнению, относится к числу базовых. Социология сегодня претендует на то, чтобы считаться универсальным социальным знанием и, реализуя возможность опираться на значительный массив эмпирических данных, имеет также достаточно солидную теоретическую базу. Необходимо ответить на вопрос, в какой мере положения социологических теорий соответствуют вопросам, поставленным философией в отношении общества, и возможно ли считать теоретические выводы социологии в той же мере утверждениями и социальной философии.

В качестве основного тезиса для размежевания социальной философии и социологии мы выдвигаем утверждение, что основанием подобного разделения является не только ориентация последней на стандарты и методологию естественных наук, но также и принципиальное различие в понимании главного предмета изучения данных областей знания – общества. Философия, прошедшая длительный исторический путь, и сравнительно новая наука, социология, исходили во многом из различающихся идей общества, принимающихся ими к рассмотрению и изучению.

В социологии, которая утвердилась в качестве науки на исходе Нового времени, первичным является понятие общества, сформировавшееся именно в тот период, когда социология в качестве науки получила свой автономный статус, то есть исторически восходящее к гражданскому обществу эпохи развитого Модерна. Социология является теоретической концептуализацией общества нового типа, для которой оно выступало в качестве исходной модели социума [13, 39]. Понимание общества, исходящее из реалий современности, в социологии как новой науке, изначально строилось как противоположное представлениям об обществе, доминировавшим длительное время в теологии и метафизике, основанным на идее традиционного общества, являющегося частью вечного универсального порядка.

Философское осмысление общества предполагало определение его места в общем плане всего универсума, где человеческое общество рассматривалось как часть бытия и жизни, как отражение существующего миропорядка, принципы устройства которого виделись

соответствующими космическому строю и организации. Философское представление об обществе строилось на основе принадлежащей существу идеи единства, согласно которой все многообразие мира исходило из единого высшего первого принципа и первоначала. В соответствии с философским подходом, общество предполагает существование высших основ, обуславливающих его целостность, природа которых становится в философии предметом особого рассмотрения, а также иерархическую внутреннюю организацию и структуру, обусловленную близостью или удалением от источника существования [14].

Подобные представления об обществе были созданы в древнегреческой философии Платоном и Аристотелем, творцами крупнейших философских систем, рассматривающих общество в свете метафизических предпосылок, в соответствии с которыми общество виделось, прежде всего, со стороны универсальных принципов, таких, как идея общего блага, отраженных в его политической организации и связанных с идеей политической власти. На основе реализации данного принципа в социальной философии различалось существующее положение дел и идеальный строй или порядок, по отношению к которому реальное общество воспринималось как отклоняющееся от оптимального, в полной мере соответствующего высшему принципу политического устройства.

В христианской мысли понятие общества долгое время использовалось преимущественно в религиозном и богословском контексте, и его глубинной основой выступало нерасторжимое единство и общение лиц Святой Троицы. В отношении человечества данное понятие использовалось весьма ограниченно, под обществом понималось единение людей в вере, и, особенно, совместное их участие в таинстве евхаристии [11, 16]. Считалось, что все люди после грехопадения находятся в состоянии полной разобщенности, и только вера во Христа может помочь им восстановить утраченное единство, то есть стать обществом.

Под влиянием данных предпосылок формировались социальные представления вплоть до Нового времени, причем само понятие общества не было распространенным, оно не рассматривалось в отдельности от его богословского контекста или, в крайнем случае, его политической организации и формы, в то время как идея власти и основанного на ней государства понималась на основе теологических представлений как установленная свыше. В качестве организующего начала выделялась личность правителя, который, представляя Божественную власть, задает и формирует земную общность, приобретающую также мистический характер. Монарх выступал как важнейший элемент общности, определяющий устойчивость всего социального устройства [3]. Задача правителя виделась в том, чтобы не нарушить универсальный принцип, лежащий в основе мирового порядка, во избежание бедствий, могущих обрушиться на общество. Формообразующий принцип государства особенно выделялся философией по отношению к хаосу человеческих страстей и желаний, социальные проблемы выделялись проистекающими из желаний отдельных людей жить в соответствии с собственной волей.

Таким образом, в философии вплоть до Нового времени утверждалось наличие высшего организующего начала по отношению к обществу. Социальная организация понималась не как присущая обществу изначально, но считалась обусловленной высшей, внешней по отношению к нему идеей, наличием некоторого формообразующего принципа. Именно близость к данной идее или

удаление от нее задает и обуславливает социальную иерархию, лежащую в основе социального порядка.

Переход от политики, как формальному принципу организации общества, к изучению «чистой» социальности в значительной мере был обусловлен, в силу глубинной взаимосвязи политики и идеи сакрального, секуляризацией европейского общества. Именно секуляризация привела к отказу от главенства политики, рассматриваемой в качестве определяющей сферы жизни общества и эмансипации социальной жизни от доминирования политической сферы [8]. Таким образом, понятие «общество» представляется категорией, возникшей в социальной философии в эпоху буржуазных революций Нового времени, где оно формулируется в виде понятия «гражданского общества», рассматриваемого в соотношении с идеей государства и противопоставляемого ей.

Выражая мировоззрение нового буржуазного сословия, общество начинает трактоваться как результат социального договора, то есть некоторого контракта, заключенного между отдельными людьми, целью которого видится избегание опасностей и обретение благополучия. В соответствии с мировоззрением третьего сословия, человек, в качестве члена общества, начинает рассматриваться как носитель универсальных, а не словесных качеств. Именно данная модель, родившаяся в рамках английской эмпирической философии, и разделяемая впоследствии идеологами Просвещения, стала первоначальной основой для формирования социологического подхода к обществу.

Вместе с тем, в социальной философии той же эпохи утверждение и распространение договорной модели привело к рождению альтернативы в виде контрпросветительских представлений об обществе, связанных по преимуществу с течением романтизма. В немецкой философии, начиная с И. Гамана и И. Гердера, утверждается представление об обществе, как возникшем и существующем таинственным и непостижимым образом [1]. В системе Шеллинга общество рассматривается в контексте высшего субъектно-объектного единства, основанного на идее тождества, которое выступает в качестве метафизического основания для социального единства, проявляющегося как единство общего и частного. В данном отношении общество выступает как часть миропорядка и природы, где в многообразии проступает высшее единство, и, в конечном счете, все различия растворяются в Абсолюте.

Подобная мистико-органическая теория имела предпосылки, восходящие к сфере политической теологии. Утверждение подобного воззрения было обусловлено его связью с образом политического тела, в качестве носителя которого изначально выделялся король, затем, начиная с эпохи буржуазных революций, данный образ был распространен на парламент, а затем перенесен на народ и на общество в целом [4]. Романтическая модель в соответствии с духом эпохи была переосмыслена, результатом чего явилось формирование понятия природы как полностью естественного начала, не имеющей в себе и за собой скрытого метафизического смысла, которое также оказало влияние на формирование социологических представлений об обществе [12, с. 176].

Обе трактовки – договорная и органическая – получили распространение в социальной философии Нового времени, в том числе и в российской. Начиная с эпохи Екатерины II, в отечественной мысли, ориентированной на Запад, распространяется и получает поддержку просветительская трактовка понятия общества, нашедшая отражение, например, в трактатах А.Н. Радищева, в то время как самобытная русская философия в значительной мере воодушевляется идеями Шеллинга. С точки зре-

ния славянофилов, общество трактуется как выражение общих начал жизни, люди соединяются в общество, руководствуясь не выгодой и расчетом, но по взаимному влечению чувства и мысли, чтобы в слиянии с другими не утратить, но обрести себя [11, с. 92].

Таким образом, можно увидеть, что ко времени возникновения социологии в философии складываются как рациональное, так и органическое понимание общества, в соответствии с которыми общество рассматривается либо как результат соглашения людей, либо как проявление внутренних органических связей между ними. Вместе с тем, обе позиции являются порождением Нового времени, его мировоззрения и философии, ведь обе они являются результатом эмансипации понимания общества от метафизических начал мироздания.

Мы полагаем, что социологическое представление об обществе опирается на обе концепции, присущие философии Нового времени, предпосылки и обоснование которых целиком находятся в сфере философской мысли. Обе альтернативные доктрины принимали участие в формировании модели общества, которая становится для социальной науки исходной и базовой. Социологическая модель общества исходит из того, что общество не имеет внешних метафизических предпосылок и имеет автономную внутреннюю организацию. С договорной моделью ее сближает понимание общества как исключительно гражданского, основанного на равенстве ее исходных элементов. С органической теорией ее близость заключается в признании существования общества по типу природных объектов и преобладании координационных связей.

Вместе с тем, обе данные модели составляют парадигму, сложившуюся в Новое время и изначально присущую социологии, изучающей общество с точки зрения его внутренних принципов, в его организации по горизонтали, которая принципиально противоположна парадигме, присущей социальной философии, рассматривающей общество в его организации «по вертикали», то есть на основе метафизических предпосылок, вплоть до трансцендентных. Для социальной философии первая модель является возможной, но исторически переходящей, для социологии единственной и основополагающей.

Философия, таким образом, рассматривает общество в полной сетке координат, включающей в качестве первого измерения традиционную теолого-политическую модель и, в качестве второго, принадлежащую эпохе Модерна – рациональную/органическую концепции. Особенное значение для социальной философии имеет метафизическое измерение, так как именно с ним связаны ее специфика и предназначение. Философия исходит, прежде всего, из трансцендентного, которое в социологии становится имманентным. В философской модели общества социальное включается в высший политический и теологический порядок, в социологической модели общества – политическое рассматривается как часть социального, как например, в доминирующей в современной западной социологии теории Т. Парсонса [6].

Вместе с тем, философское происхождение теоретической социологии делает неизбежным факт наличия у нее метафизических предпосылок, которые в силу изначальной двойственности ее теоретического фундамента обуславливают формулировку ее главной метафизической проблемы, восходящей еще к средневековой мысли, проблемы универсалий, заключающейся в решении вопроса о способе существования общества в качестве общего и его отношения с единичным.

Для осмысления социального бытия данная проблема остается фундаментальной, ведь само общество

по своей природе является универсалией, универсальным бытием, структурно состоящим из индивидов, каждый из которых представляет собой общество в миниатюре. В отношении социологии позиция социологического реализма представляет собой наследие органических теорий, основанных на «метафизическом прошлом», в то время как номинализм является развитием положений договорной теории, исходящей из совокупного решения отдельных индивидов. Номиналистическая позиция в социологии, исходящая из отдельного индивида в качестве первичной основы социальных общностей, генетически и в теоретическом отношении восходит к средневековому номинализму. В данном случае принцип соединения индивидов в общество, в качестве которого может видеться государство, право, экономика, является вторичным.

Социология, представляющая собой обособившуюся от метафизики социальную философию, строит свое понимание общества на дихотомии рационального и органического, порождающей разнообразные трактовки и вариации. В теоретической социологии достаточно последовательно проявляется присутствие двух различающихся представлений об обществе, их разделение и сопоставление. Так, В. Зомбарт противопоставляет органический подход договорной теории происхождения общества и основанному на ней пониманию, рассматривая его как порождение английского торгового духа [2]. Ф. Теннис различает общность и общество, где первой присуще изначальное органическое единство, а второе основывается на производных и внешних по отношению к нему началах. Общность в понимании Тенниса характеризуется единством воли, единодушием, в то время как общество основывается на конвенции [9].

Особенное значение на этапе формирования теоретических положений в социологии приобретает органическая метафора, и, начиная с Г. Спенсера, одного из основоположников социальной науки, утверждается представление, согласно которому общество представляет собой организм, различные органы которого характеризуются специализацией, но в совокупности действуют во благо целого. Вместе с тем, Спенсер, пытается соединить органический тип общества с положениями либеральной идеологии и противопоставляет его военному.

Социология, пытаясь обосновать идею общества, существующего самого по себе, в отличие от социальной философии, рассматривающей в качестве основания социальной организации общественный договор и отделенное от государства понятие права, тяготеет, скорее, к материальным факторам, и видит подобные организующие начала, например, в экономической сфере. Так Э. Дюркгеймом в качестве образующей общества основы была положена идея разделения труда, обоснование которой он вывел из трудов А. Смита и других экономистов.

Развитие представлений об обществе в социологии нередко строится на причудливом синтезе ряда положений договорной и органической теории. В социальной науке можно увидеть, например, развитие положений теории гражданского общества, согласно которой между индивидом и государством в качестве промежуточной сферы должна находиться система различных органов, призванных защищать его от непосредственной власти государства, которые в то же время могут рассматриваться как органы социального организма. В этой связи в социологии образуется целый ряд промежуточных категорий, в качестве которых может рассматриваться, например, понятие цивилизации у Н. Элиаса, который представляет ее способной осуществить наведение мостов между макро- и микросоциологическими уровнями,

общественной сферой и индивидуальной жизнью [15]. «Промежуточный» статус может принадлежать также понятию «этнуса», вошедшего в число распространенных социологических категорий.

Можно убедиться, таким образом, что теоретическая социология более или менее успешно осваивает свой предмет, изучая общество в сложившейся и существующей по сей день парадигме. Вместе с тем, необходимо ответить на вопрос о том, сохраняется ли, в таком случае, предмет социальной философии?

Если обратиться к современной философии, обнаруживающей регулярное обращение к социальной реальности, например, философии постмодернизма, то она генерирует отвлеченные, парадоксальные понятия, которые претендуют на своеобразное отражение реалий социальной жизни. В качестве подобного организующего принципа выступает, например, понятие ризомы, ставящее социальные различия выше единства и принципиально противопоставляемое всякой вертикальной упорядоченности. Можно увидеть, что социальная философия постмодернистов демонстрирует особенную чувствительность именно по отношению к проблеме власти, и представляет собой последовательную деконструкцию властных отношений [10]. Таким образом, социальная философия постмодерна исходит из наличия предпосылок традиционной метафизики, но берет их с обратным знаком, то есть, как подлежащих целенаправленному и последовательному разрушению. Таким образом, политическое измерение незримо присутствует в современной социальной философии, но сознательно подвергается деконструкции.

В данном отношении о социальной философии сегодня можно говорить преимущественно в связи с необходимостью сохранения единой перспективы для социальных и политических наук, представляющих собой рассмотрение общества с точки зрения различных «измерений», но вместе с тем, также и для истории, и наук о культуре, также привносящих дополнительные измерения в целостную картину социальной жизни. Смысл социальной философии сегодня мы видим в необходимости сохранять конституирующее ее изначальное единство политического и социального. Кроме того, социальная философия может выступать как некая мета-теория, показывая историческую и идейную обусловленность представлений и категорий теоретической социологии.

Литература

1. Берлин И. Северный Волхв. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 176 с.
2. Зомбарт Вернер: Торгаши и герои. Раздумья патриота. Евреи и экономика. СПб.: Владимир Даль, 2022. – 656 с.
3. Канторович Эрнст Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. 2-е изд., испр. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. – 752 с.
4. Манов Филип. В тени королей. Политическая анатомия демократического представительства. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. – 176 с.
5. Митин А.В., Полозова И.В. Социальная философия: к вопросу об основоположениях // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 6. С. 104–106.
6. Парсонс Т. Социальная система. – М.: Академический проект, 2019. – 530 с.
7. Скинер К Истоки современной политической мысли: в 2-т., М.: Дело, 2018. – 481 с.
8. Тейлор Ч. Секулярный век. – М.: ББИ, 2017. – 967 с.
9. Теннис Фердинанд: Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. – СПб.: Владимир Даль, 2022. – 452 с.
10. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. – 416 с.
11. Хархордин О. Общество или дружество других. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2024. – 160 с.
12. Хархордин О. Основные понятия российской политики. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 328 с.
13. Шубрт И., Подвойский Д.Г. Современные социологические теории: Как не заблудиться в концептуальном лабиринте? / И. Шубрт, Д.Г. Подвойский. – М.: ВЦИОМ, 2024. – 380 с.
14. Щеглов А. Метафизика власти. – СПб.: Алетейя, 2021. – 450 с.
15. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1, 2. М., СПб.: Университетская книга, 2001 (нем. 1939). Т. 1: 332 с. Т. 2: 382 с.

SOCIAL PHILOSOPHY: AND THEORETICAL SOCIOLOGY: THE PROBLEM OF CORRELATION

Mitin A.V., Polozova I.V.

Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V.J. Kikot

The article discusses the problem of the relationship between social philosophy and theoretical sociology. It is shown that there are differences between them in understanding the original concept of society. Social philosophy explores society through the prism of presuppositions external to society. Theoretical sociology uses a model of society based on the principles of Modern philosophy, where society is seen as defining itself from within.

Keywords: social philosophy, theoretical sociology, society.

References

1. Berlin I. The Northern Magus. Moscow: Ad Marginem Press, 2015. – 176 p.
2. Sombart Werner: Traders and Heroes. Reflections of a Patriot. Jews and the Economy. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2022. – 656 p.
3. Kantorovich Ernst H. The King's Two Bodies. A Study in Medieval Political Theology. 2nd ed., corrected. – Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2014. – 752 p.
4. Manov Philip. In the Shadow of Kings. Political Anatomy of Democratic Representation. – Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2014. – 176 p.
5. Mitin A.V., Polozova I.V. Social Philosophy: On the Fundamentals // Social and Humanitarian Knowledge. 2024. No. 6. Pp. 104–106.
6. Parsons T. Social System. – М.: Academicheskii Proekt, 2019. – 530 p.
7. Skinner K. Origins of Modern Political Thought: in 2 volumes, М.: Delo, 2018. – 481 p.
8. Taylor C. Secular Age. – М.: BBI, 2017. – 967 p.
9. Tennis Ferdinand: Community and Society. Basic Concepts of Pure Sociology. – St. Petersburg: Vladimir Dal, 2022. – 452 p.
10. Foucault M. Supervise and Punish. The Birth of Prison. – М.: Ad Marginem Press, 2023. – 416 p.
11. Kharkhordin O. Society or friendship of others. – СПб.: Publishing House of the European University at St. Petersburg, 2024. – 160 p.
12. Kharkhordin O. Basic concepts of Russian politics. – М.: New literary review, 2011. – 328 p.
13. Shubrt I., Podvoisky D. G. Modern sociological theories: How not to get lost in the conceptual labyrinth? / I. Shubrt, D.G. Podvoisky. – М.: VTsIOM, 2024. – 380 p.
14. Shcheglov A. Metaphysics of power. – SPb.: Aleteia, 2021. – 450 p.
15. Elias N. On the process of civilization. Sociogenetic and psychogenetic studies. Vol. 1, 2. Moscow, St. Petersburg: University Book, 2001 (German 1939). Vol. 1: 332 p. Vol. 2: 382 p.

Осипова Надежда Александровна,

аспирант департамента истории Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет»
E-mail: martynova67@yandex.ru

В статье представлена характеристика исторического этапа, во время которого произошли события, именуемые историками «стрелецкий бунт». Обозначены предпосылки и причины нарастания протестных настроений среди стрельцов. Особое внимание уделяется социально-экономическим и политическим предпосылкам, способствовавшим формированию протестных настроений. Рассматриваются причины нарастания недовольства стрелецкого сословия, включая задержки в выплате жалования, ухудшение условий службы, злоупотребления. Сделан вывод о том, что ослабление вертикали власти привело к увеличению роли дворянства в принятии внутривнутриполитических решений. Подробно описана хронология событий восстания стрельцов. Выполнен анализ основных последствий и результатов стрелецкого бунта. В статье рассматривается влияние восстания на дальнейшее развитие внутренней политики государства, в частности – на усиление самодержавной власти и изменение роли дворянства в системе государственного управления.

Ключевые слова: стрелецкий бунт, стрелецкий приказ, петр I, внутренняя политика, старообрядцы.

Стрелецкий бунт (1682 г.) произошёл в период, предшествующий началу правления Петра I – эпоху политической нестабильности и династических конфликтов, сложных процессов централизации власти, социальных потрясений и военных реформ.

Период с XVI по XVII вв. в отечественной истории является одним из наиболее сложных и противоречивых. Внутривнутриполитические процессы осложнялись многочисленными внешними угрозами, межклановым соперничеством, осложнением экономического положения государства [5, с. 34]. Многие задачи по обеспечению внутренней и внешней безопасности на данном этапе возлагались на особые внутренние силовые подразделения, одним из которых был Стрелецкий приказ. Стрелецкий приказ был сформирован в 1571 г. в результате реформы военной отрасли, проводимой Иваном IV. В XVI–XVII вв. Стрелецкий приказ стал одним из центральных военных учреждений в России; в его полномочия входило формирование стрелецкого войска, поддержание безопасности, сбор налогов, реализация судебной и административной власти. В 1701 г. приказ был реорганизован Петром I в Приказ земских дел [7].

Расцветом Стрелецкого приказа принято считать эпоху царствования Алексея Михайловича. Стрелецкое войско при Алексее Михайловиче пользовалось особой благосклонностью правительства и обладало широкими полномочиями. Стрельцы были наделены различными льготами, жили особыми слободами в разных частях Москвы. На данном этапе в функционировании стрелецкого войска начали проявляться негативные тенденции: падение дисциплины, произвол, коррупция начальников. Это, в свою очередь, порождало недовольство как среди стрельцов, так и среди местного населения, что впоследствии привело к росту протестных настроений.

Так, известно, что в период царствования Федора Алексеевича стрельцы подавали жалобы на своих начальников, но по приказу боярина Языкова были подвергнуты за это наказанию – порке. Впоследствии стрельцы пожаловались на полковника Грибоедова, и это разбирательство привело к тому, что тот был отправлен в ссылку. Жалобы продолжались и при Петре I: стрельцы подавали челобитные на своих полковников и, более того, выражали недовольствие текущим положением дел, сопровождая жалобу угрозами протестов [6].

Следует также отметить, что в период царствования Федора Алексеевича статус стрелецкого войска изменился: ранее они считались элитным военным подразделением, а при царе Федоре Алексеевиче стали аналогом городской полиции. Более того, отношение власти к стрелецкому войску стало меняться: государственная казна была истощена, вследствие чего жалование стрельцам выплачивалось нерегулярно и с существенными задержками. Ситуацию усугубляла вышеописанная проблема злоупотреблений среди начальников: они удерживали часть стрелецкого жалования, принуждали стрельцов к выполнению хозяйственных работ в личных имениях.

Помимо утраты стрелецким войском своего элитного статуса, проблем с финансированием и произволом начальства, эскалация протестных настроений была также обусловлена фактором клановой междоусобицы.

Внутренняя политика в XVI–XVII вв. во многом зависела от деятельности бояр, которые играли ключевую

роль в управлении государством, разработке законов, организации военных походов и проведении дипломатических переговоров. Их влияние особенно возрастало в периоды нестабильности и смены правителей, когда борьба за власть между различными боярскими группировками оказывала существенное влияние на государственное управление.

Бояре представляли высший слой феодальной знати и являлись важнейшими политическими акторами при царской власти. Они, кроме того, участвовали в деятельности Боярской думы – высшем совещательном органе при царе. Боярская дума принимала участие в законодательной деятельности, рассматривала вопросы внутренней и внешней политики, а также выполняла судебные функции.

Помимо бояр, значительную роль в политической системе играли придворные – чиновники, близкие к царю, включая окольничих, думных дворян и дьяков. Они могли занимать важные государственные посты, становясь фактическими руководителями отдельных секторов публичного управления. В условиях несовершеннолетия, преклонного возраста или недееспособности монарха зачастую именно придворные детерминировали векторы внутренней и внешней политики.

Период конца XVII в. в России характеризуется усилением борьбы за власть и сферы влияния среди придворных и бояр. В то время на троне оказывались малолетние государи, которые в силу возраста не были способны к управлению государством. Данная ситуация привела к росту влияния на политический процесс придворных, формировавших вокруг себя особые зоны влияния для последующего продвижения своих политических интересов [3, с. 56].

Многие историки считают, что истинной причиной стрелецкого бунта были именно внутривластные противоречия и заговоры среди бояр, приближенных к власти или вынужденно отлученных от нее. Стрельцы, согласно такой теории, были выбраны лишь исполнителями – орудием для реализации заговора [9, с. 97].

В 1692 г. умирает царь Федор Алексеевич, не имевший прямых наследников. На царствование претендовало несколько кандидатов-братьев царя: 16-летний Иван, сын первой жены Алексея Михайловича, представитель рода Милославских, 10-летний Петр – сын второй жены Алексея Михайловича, происходившего из рода Нарышкиных. Подобная ситуация обусловила дальнейшее противостояние двух кланов – Милославских и Нарышкиных.

Помимо определения личности самого монарха, борьба также велась за то, какой из двух родов будет занимать статус т.н. «ближних бояр». Приближенные к царю бояре имели широкие властные полномочия и принимали непосредственное участие в принятии государственных решений и определении исполнителей этих решений, в распоряжении казной и распределении власти среди иных бояр. В подобных условиях бояре, представляющие иные дворянские кланы, должны были угадать, кто из претендентов вероятнее всего взойдет на престол – от милости или немилости царя зависело их дальнейшее положение. Учитывая тяжелые заболевания Ивана, боярская дума отдала предпочтение Петру, который, собственно, и стал царем после смерти Федора Алексеевича 27 апреля 1682 г.

Подобное положение дел оказалось невыгодным для представителей рода Милославских, в связи с чем 25-летняя царевна Софья Алексеевна стала предпринимать действия по изменению ситуации. В стрелецком войске к этому моменту уже наблюдались волнения, что было использовано царевной.

Для нейтрализации конфликта со стрельцами представители рода Нарышкиных отправили некоторых полковников, уличенных в злоупотреблениях, в отставку, вместо них были назначены новые, лояльные Нарышкиным. Частично были удовлетворены предыдущие жалобы стрельцов. Данные мероприятия возымели, тем не менее, обратный эффект: кадровые перестановки привели к нестабильности и падению дисциплины в стрелецком войске.

В исторических и историографических источниках краткий период правления династии Нарышкиных освещается крайне редко. Можно сделать предположение о том, что наиболее значимые события данного периода происходили вне официальных властных институтов и потому практически не были зафиксированы в письменном виде. Тем не менее, известно, что боярин И.М. Милославский – один из самых влиятельных придворных той эпохи – проводил тайные переговоры о политическом союзе с разными лицами, недовольными приходом к власти Нарышкиных. Ему удалось склонить на свою сторону достаточно много придворных, но, тем не менее, этого количества оказалось недостаточно для открытого противостояния. По мнению А. Матвеева, комнатного стольника царя Петра, И.М. Милославский стал одним из главных зачинщиков дальнейших трагических событий; в своих мемуарах А. Матвеев называет И.М. Милославского «московским Кромвелем», подчеркивая его хитрость и отсутствие принципов [3, с. 58].

Бояре, приближенные к Милославским, стали обращать стрельцов против находящихся у власти Нарышкиных; позднее агитаторы сформировались и из числа самих стрельцов. Некоторые представители Нарышкиных стали критиковать политику власти в отношении стрельцов – слишком либеральную, по их мнению. Это еще более обострило противоречие между стрельцами и представителями правящей династии.

15 мая в стрелецком войске был пущен слух об убийстве Нарышкиными царевича Иоанна – в связи с чем стрельцы направились на Кремль. Тем не менее, им были продемонстрированы молодые престолонаследники, что несколько успокоило участников бунта [6].

Тем не менее, ситуация скоро пришла к очередной эскалации: один из начальников стрелецкого приказа, кн. М.Ю. Долгорукий (сын высшего стрелецкого начальника кн. Ю.А. Долгорукова.), стал приказывать стрельцам разойтись, что разозлило стрельцов. Таким образом М.Ю. Долгорукий был убит разъяренной толпой, затем был убит Матвеев, Горюшкин, Юренев, стольник Ф. Салтыков, дьяк Ларионов, брат царицы Афанасий Нарышкин, боярин Языков и др.

Помимо прочих, был убит известный политический деятель эпохи правления Алексея Михайловича – боярин и бывший руководитель стрелецкого приказа князь Ю.А. Долгоруков. Несмотря на преклонный возраст, отход от государственных дел, болезни, стрельцы убили его по причине опасений мести за убитого сына М. Долгорукого [6].

Вот как описаны эти события в историческом источнике «Поденные записи очевидца московского восстания 1682 года»: «тут же, на площади, казнили своими руками: в мелочь изрубили бояр князь Михаила Долгоруково, Артемона Матвеева, Афанасья Нарышкина, Федора Салтыкова, думнова Лариона Иванова с сыном, полковника Григорья Горюшкина. Да боярина князя Юрья Долгоруково пришли на двор, и ис хором ево с крыльца скинули, и за ворота выволокли и искололи. И на другой день ево ж, князь Юрья, мертвого изрубили в мелкие части» [4].

Убийства продолжились и на следующий день – их масштаб фактически положил конец партии Нарышки-

ных. Управление, таким образом, перешло к роду Мирославских.

Начальником стрелецкого войска были назначены кн. Хованский и его сын. По требованию стрельцов в стране установилось двоецарствие: престол перешел Петру и Иоанну. Впоследствии это решение было отменено по причине малолетнего возраста престолонаследников. На правление была посажена царевна Софья. Стрельцы, кроме того, подавали челобитные с требованием выплатить задолженность по жалованию, а также с признанием убийств правомочными, т.е. не влекущими преследований.

После этого статус стрелецкого приказа существенно изменился: они получили возможность контролировать внутригосударственные дела и оказывать давление на правящую династию. Царевна Софья назначила высшим стрелецким начальником И.А. Хованского, который удовлетворял любые требования стрельцов. Это позволило стрельцам и далее контролировать Кремль, что впоследствии было названо «хованщиной» [8].

В последующем в развитии исторических событий важное место занял религиозный фактор: старообрядцы, воспользовавшись внутриполитической турбулентностью, стали проповедовать в среде стрельцов старые обряды. Между приверженцами старой и новой веры был проведен публичный диспут. Спор свёлся ко взаимному обвинению сторон и привел к отказу стрельцов от поддержки старообрядцев.

Некоторое время царская власть находилась в зависимом от стрельцов положении, но впоследствии царевне Софье удалось собрать ополчение и оказать сопротивление стрелецкому войску. Был назначен новый руководитель стрелецкого приказа – дьяк Ф.Л. Шакловитый, которому удалось восстановить дисциплину войска.

Стрелецкое восстание имело множество последствий для царской власти и внутренней политики российского государства в целом. Во-первых, бунт позволил продемонстрировать риски, связанные с использованием наемных армий. Во многом восстание обусловило проведение Петром I реформ по набору рекрутских войска.

Во-вторых, бунт обнажил проблему системной коррупции, произвола, преступных злоупотреблений, наблюдаемых во властных ведомствах и военных структурах. В последующем Петр I еще не раз обратится к этой проблеме во времена своего правления.

В-третьих, бунт показал необходимость ужесточить политики в области внутренней безопасности. Петр I пришел к логичному выводу о том, что оказать противодействие негативным и разрушительным явлениям внутренних заговоров можно лишь посредством формирования специализированных подразделений и системы осведомительства [1, с. 59].

Уже во взрослом возрасте Петр I, вернувшийся из-за границы, распорядился произвести масштабный розыск с целью идентифицировать и подвергнуть наказанию преступников из числа стрельцов. В результате пыткам и казням было подвергнуто множество (около тысячи) стрельцов, принявших участие в волнениях [2, с. 115].

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к выводам:

- Стрелецкий бунт 1682 г. произошёл в сложном историческом контексте, характеризуемом глубоким политическим кризисом и социальными противоречиями.
- Причинами стрелецкого бунта можно считать следующие: (1) династический кризис – частая смена монархов, многие из которых в силу возраста или состояния здоровья не могли управлять государством;

(2) усиление роли придворных и бояр; (3) сложная социально-экономическая обстановка; (4) падение дисциплины внутри самого Стрелецкого приказа и частые злоупотребления со стороны его руководителей.

- Восстание стрельцов привело к ряду последствий: усилению мер внутриполитической безопасности, ослаблению роли бояр и придворных в процессе принятия политических решений, пересмотру подходов к формированию армии, реформе государственного управления.

Литература

1. Васильченко, Д.А. Деятельность подразделений, специализировавшихся на раскрытии преступлений, в период становления абсолютизма при Петре I / Д.А. Васильченко // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2024. – № 1 (92). – С. 59–66.
2. Мартыненко, Б.К. Государственное (политическое) насилие при Петре I: расправа над стрельцами / Б.К. Мартыненко // Вестник КРУ МВД России. – 2016. – № 4 (34). – С. 114–116.
3. Осмаченко, М.В. Боярин И.М. Мирославский и его роль в политической борьбе в России последней четверти XVII века / М.В. Осмаченко // Вестник ННГУ. – 2023. – № 2. – С. 56–65.
4. Поденные записи очевидца московского восстания 1682 года // Советские архивы, № 2. 1979 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1680-1700/Vosst_1682/Ocevidec/text.htm. – Дата доступа: 18.02.2025.
5. Савинова, Е.А. Государев двор в эпоху формирования абсолютизма в русском государстве XVIII в. / Е.А. Савинова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2012. – № 3. – С. 32–37.
6. Стрелецкие бунты. Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф.А. Ефрон И.А. В 86 томах с иллюстрациями и дополнительными материалами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/007/097/97536.htm>. – Дата доступа: 18.02.2025.
7. Стрелецкий приказ // Военный энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details_rvsn.htm?id=10402@morfDic_tionary#:~:tex_t=%D0%A1%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D0%BD%20%D0%B2%201571%20%D0%B2%20%D1%85%D0%BE%D0%B4%D0%B5,%D0%B8%20%D1%84%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5%20%D1%84%D1%83%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%B8. – Дата доступа: 18.02.2025.
8. Сухарников, Е. Краткий курс истории. Хованщина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://history.ru/read/articles/kratkii-kurs-istorii-khovanshchina>. – Дата доступа: 18.02.2025.
9. Удовыденкова, Е. Е. «Сказания иностранцев» о Стрелецком бунте и русская историческая беллетристика XIX века / Е.Е. Удовыденкова // История: факты и символы. – 2019. – № 4 (21). – С. 93–101.

STRELETSKY REBELLION: PREREQUISITES, STAGES, EVENTS AND CONSEQUENCES

Osipova N.A.
Moscow City Pedagogical University

The article presents the characteristics of the historical stage during which the events called by historians “the Streltsy rebellion” took place. The prerequisites and reasons for the growth of protest attitudes among the Streltsy are outlined. Particular attention is paid to the socio-economic and political prerequisites that contributed to the formation of protest sentiments among the Streltsy regiments. The reasons for the growing discontent of the Streltsy class are considered, including delays in the payment of salaries, deterioration of service conditions. It is concluded that the weakening of the vertical of power led to an increase in the role of the nobility in making domestic political decisions. The chronology of the events of the Streltsy rebellion is described in detail. The analysis of the main consequences and results of the Streltsy rebellion is carried out. The article examines the influence of the rebellion on the further development of the domestic policy of the state, in particular on the strengthening of autocratic power and the change in the role of the nobility in the system of state administration.

Keywords: streletsky rebellion, streletsky order, Peter I, domestic policy, old believers.

References

1. Vasilchenko, D.A. Activities of units specialized in solving crimes during the formation of absolutism under Peter I / D.A. Vasilchenko // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – No. 1 (92). – P. 59–66.
2. Martynenko, B.K. State (political) violence under Peter I: reprisals against the streltsy / B.K. Martynenko // Bulletin of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – No. 4 (34). – P. 114–116.
3. Osmachenko, M.V. Boyarin I.M. Miloslavsky and his role in the political struggle in Russia in the last quarter of the 17th century / M.V. Osmachenko // Bulletin of NNSU. – 2023. – No. 2. – P. 56–65.
4. Daily records of an eyewitness to the Moscow uprising of 1682 // Soviet archives, No. 2. 1979 [Electronic resource]. – Access mode: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1680-1700/Vosst_1682/Ocevidec/text.htm. – Access date: 18.02.2025.
5. Savinova, E.A. The Tsar’s court in the era of the formation of absolutism in the Russian state of the 17th century / E.A. Savinova // Problems of Economics and Legal Practice. – 2012. – No. 3. – P. 32–37.
6. Streltsy riots. Encyclopedic dictionary / Brockhaus F.A. Efron I.A. In 86 volumes with illustrations and additional materials [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/007/097/97536.htm>. – Access date: 02/18/2025.
7. Streletsky order // Military encyclopedic dictionary [Electronic resource]. – Access mode: https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details_rv_sn.htm?id=10402@morfDictionary#:~:text=%D0%A1%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D0%BD%20%D0%B2%20157%20%D0%B2%20%D1%85%D0%0BE%D0%B4%D0%B5,%D0%B8%D0%84%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5%20%D1%84%D1%83%D0%BD%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%B8. – Access date: 18.02.2025.
8. Sukharnikov, E. A Brief Course in History. Khovanshchina [Electronic resource]. – Access mode: <https://histrf.ru/read/articles/kratkii-kurs-istorii-khovanshchina>. – Access date: 18.02.2025.
9. Udovydchenkova, E. E. “Tales of Foreigners” about the Streltsy Revolt and Russian Historical Fiction of the 19th Century / E.E. Udovydchenkova // History: Facts and Symbols. – 2019. – No. 4 (21). – P. 93–101.

Петраш Николай Дмитриевич,

аспирант Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации
E-mail: nick.petrash@gmail.com

В наше время кинематограф перестал быть всего лишь развлечением и стал ключевым фактором, влияющим на общественное мировоззрение. Сегодняшний кинематограф отчетливо демонстрирует собственную значимость в современном культурном пространстве, подтверждая свою важную роль в формировании общественного сознания. В эпоху глобализации доступность массовой культуры для широкой аудитории постоянно возрастает благодаря прогрессу в области цифровых технологий и кинокоммуникаций, которые способствуют быстрому распространению массовой культуры во всем мире. На сегодняшний день в массовой кинематографии приоритетом является исключительно получение прибыли, а культурное разнообразие и ценность оказываются на втором плане, уступая экономическим интересам, что приводит к снижению качества и искажению искусства. Ориентация на коммерческий успех подрывает важность традиционных и ценных форм культуры. Отказ от жестких элитарных стандартов в создании культурных продуктов в сочетании с активным развитием кинокоммуникаций может усилить тенденцию ухода от элитарности. Сохранение данной тенденции приведет в дальнейшем к обесцениванию произведений искусства и отрицательно отразится на культуре общества.

Рассмотрена сущность кинокоммуникаций, их функции. Определены направления влияния коммуникаций на развитие элитарной культуры. Разработаны направления продвижения элитарной культуры в массы.

Рассмотрены аспекты влияния каждого вида кинокоммуникаций на развитие элитарной культуры; исследованы актуальные направления популяризации профессионального искусства, выявлены основные недостатки; разработаны предложения по созданию системного механизма продвижения элитарной культуры в массы.

Ключевые слова: культура, кинокоммуникации, кино, кинематограф, глобализация, массовая культура, элитарная культура.

В эпоху цифровизации кинематограф стал неотъемлемой частью культуры массовой информации, занимая ключевую роль в повседневной жизни людей. Кино считается одним из основных инструментов массовой коммуникации. В настоящее время кинематограф не только стал основным элементом коммуникативного пространства общества, но и постепенно начинает вытеснять традиционную журналистику. Суть данной коммуникации заключается не только в передаче данных, но и в сплочении людей путем обмена общими знаниями и нормами поведения. Это способствует формированию единой социальной группы из индивидуумов, которые ранее были разрозненными.

Под коммуникацией понимают процесс информационного взаимодействия между различными системами. Она играет особенно важную роль для человека, его развития, поскольку наполняет жизнь каждого глубоким смыслом и способствует развитию общества как целого организма. Кинематограф, являясь многогранной и многоаспектной системой включает в себя разные варианты коммуникаций. А.А. Чивилёв отмечает, что кино является средством передачи сообщений, способствуя распространению знаний и воздействию на аудиторию [15]. Е.П. Баклакова, А.А. Маскаева также дополняют, что кинематограф открывает двери в мир, где зрители и создатели фильмов могут взаимодействовать через диалоги и эмоции. Режиссеры превращают это искусство в средство выражения своих индивидуальных взглядов и мировоззрений, надеясь вызвать у аудитории различные эмоциональные реакции [1]. О.А. Позднякова, К.В. Резникова также отмечают, что в процессе взаимодействия между зрителями и создателями фильма обе стороны играют ключевую роль в интерпретации и восприятии его содержания, сюжетной линии и эмоциональной глубины, что становится основой для общения в рамках кинематографии [9].

В отличие от предыдущих авторов, А.В. Серебрянников [11] отмечает, что фильмы не только передают замыслы своих авторов зрителям, но и создают платформу для активного диалога между ними. Зрители не просто поглощают информацию, но и активно взаимодействуют с ней, интерпретируют и реагируют на увиденное. Таким образом, кино становится не только средством выражения, но и влиятельным инструментом, способным изменять мысли, эмоции и действия тех, кто его смотрит. В данном случае следует четче выразить мысль автора: посредством кинематографа образуются коммуникации не только между создателями и аудиторией, но и между зрителями, которые обсуждают фильм, делятся впечатлениями.

По нашему мнению, следует более широко рассмотреть структуру коммуникаций, образуемых посредством кинематографа. Для этого выделим все возможные коммуникационные связи:

- первая коммуникация – между создателями и аудиторией. В данном случае коммуникация опосредованная через образы, диалоги, характеристики героев;
- вторая коммуникация – между героями фильма, которая образуется искусственно сценаристами, но которая также проецируется на реальную жизнь, когда поступки, взаимодействие героев, их диалоги уходят

в народ и активно используются в реальных коммуникациях;

- третья коммуникация – между актерами и зрителями – «разрушение четвертой стены». Данный прием разрушает границу между вымышленным миром и реальностью [12]. Он не только углубляет вовлеченность зрителей в происходящее, давая им чувство непосредственного участия в истории, но и помогает лучше раскрыть чувства персонажей, добавить юмор или усилить эмоциональное воздействие. Прорывом в использовании этого подхода стал фильм «Воры и охотники», снятый братьями Маркс в 1930 году, где Граучо Маркс разрушает обыденный поток сюжета, обращаясь напрямую к зрителям;
- четвертая коммуникация – между зрителями. В эпоху цифровизации обсуждение кинематографических произведений перенеслось в онлайн-пространство, обогащая культурный обмен благодаря возможностям, которые предоставляет интернет. Виртуальные платформы и разнообразные сообщества в сети объединяют любителей кино со всех уголков мира, позволяя им делиться впечатлениями и расширять свои знания через взаимодействие с единомышленниками. Это превращает обсуждение кинематографии в неотъемлемую часть современного кинопросмотра, делая его более глубоким и насыщенным [6] (рис. 1).

На основе рассмотренных толкований, а также разработанной классификации сформируем уточненное определение категории «кинокоммуникации»: по нашему мнению, под данным термином следует понимать интегрированную систему коммуникаций между создателем и зрителями, между героями произведения, между героями и зрителями, между зрителями, образуемых кинематографом, а также средства коммуникаций и их инновационного развития, в том числе посредством цифровой трансформации общественных связей, а также кинематографической индустрии.

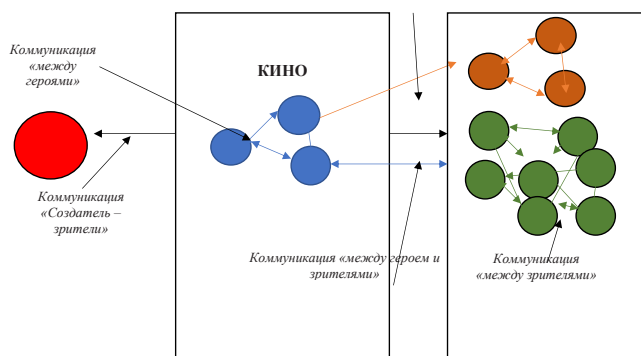

Рис. 1. Коммуникации, образуемые кинематографом

Источник: составлено автором.

Развитие кинокоммуникаций, в том числе их функциональной роли и технологий, способствуют развитию массовой культуры, понятной широкому кругу зрителей. Она является интернациональной и успешно развивается в условиях глобализации [13]. Ярким примером производителя массового кино, распространяемого во всем мире, является Голливуд. Американское правительство использует свою поп-культуру как средство для распространения своего влияния по всему миру, что является частью их стратегии «мягкой силы». Это воздействие затрагивает не только мировую культуру и язык, но и бизнес-практики и дипломатические отношения между странами. В центре этой культурной экспансии находится Голливуд, который активно продвигает иде-

алы американской мечты, образ жизни, присущий Соединенным Штатам, и продукцию, созданную в Америке.

Важнейшим инструментом продвижения голливудской продукции является использование и развитие различных кинокоммуникаций, включая в себя:

- предварительный анализ интересов аудитории и формирования правильного посыла автора к массовому зрителю;
- интересный и захватывающий сюжет, понятные коммуникации в кадре;
- применение эффекта «разрушения четвертой стены»;
- продвижение своей продукции по различным каналам, использование Интернета, цифровых технологий, формирование форм связи и платформ для активных обсуждений и отзывов зрителей. В первую очередь, голливудские студии активно используют социальные сети и онлайн-платформы для продвижения своих проектов. Благодаря аккаунтам в Instagram¹, Twitter и Facebook² они устанавливают прямую связь с публикой, делятся эксклюзивными материалами и проводят интерактивные мероприятия [8]. Это позволяет зрителям быть ближе к процессу создания фильма и создает ощущение участия в его жизни еще до его выхода на экраны.

Активное продвижение массовой культуры через кинокоммуникации воздействует на вкусы и предпочтения аудитории, способствует перераспределению личного бюджета и внимания зрителей в пользу простых и понятных сюжетов и захватывающих спецэффектов [1]. Все это приводит к существенному сокращению спроса на элитарную культуру [2]. Как известно, элитарная культура, создаваемая выдающимися интеллектуалами и экспертами в различных областях, отличается от массовой своим глубоким содержанием и ориентацией на аудиторию с определенными знаниями и изысканным вкусом [5]. В ее основе лежат произведения литературы, изобразительного искусства и классической музыки, киноискусства, а также театр, опера и балет. Все они несут в себе ценности, превосходящие временные рамки и предназначенные для образованного круга ценителей. Это контрастирует с массовой культурой, направленной на широкую аудиторию и часто не обладающей высоким уровнем художественного исполнения.

Когда массовая культура становится главным подходом к созданию и распространению культурных произведений, то в ней начинают преобладать коммерческие интересы, а не ценности культурного наследия. В результате происходит снижение уровня искусства, а также искажение его истинной сути. Традиционные формы и высокое качество искусства уступают место коммерческим и массовым продуктам, которые обращены в первую очередь на потенциальную прибыль. Рассмотрим механизмы влияния современных кинокоммуникаций на уход от элитарности (табл. 1).

Согласно таблице 1, каждый вид кинокоммуникаций способствует уходу от элитарности в культуре. В свою очередь, дальнейший отказ от приверженности элитарным стандартам в артефактах культуры может привести к стиранию различий между так называемым высоким и массовым искусством. Это часто ведет к затруднениям в определении истинной ценности и важности творений [3]. Критики подчеркивают опасность потери высококачественного исполнения и уникальности авторского за-

¹ Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

² Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

мысла из-за отсутствия строгих критериев оценки и признания в культуре, что, в свою очередь, может привести к тому, что общественное признание и популярность начнут заменять истинный талант, делая второстепенными

художественные качества творений. Другой негативный аспект стирания границ элитаризма в культуре заключается в исчезновении исключительности и личностного оттенка.

Таблица 1. Механизмы влияния современных кинокоммуникаций на уход от элитарности

Вид коммуникаций	Механизм ухода от элитарности	Возможные инструменты противодействия
1. Между создателями и аудиторией (в т.ч. продвижение)	В массовой культуре (в кинокоммуникациях) производители кино заранее вовлекают аудиторию в сюжет произведения, в производственный процесс, заинтересовывают рекламой, захватывающими трейлерами с максимальным раскрытием спецэффектов и созданием интриги. В элитарной культуре такие коммуникации не применяются, в том числе по причине отсутствия таких приемов и ориентированности искусства на подготовленную аудиторию	1. Развивать онлайн-искусство с вовлечением аудитории. 2. Продвигать в социальных сетях, в Интернет-среде. 3. Формировать платформы для онлайн-вещаний, обсуждений, размещения интересных отзывов и рецензий со стороны экспертов и критиков
2. Между героями фильма (сюжеты, диалоги, участие известных актеров)	Массовый кинематограф привлекает зрителя сюжетом, спецэффектами, понятной тематикой, а также участием известных актеров, артистов. Элитарная культура рассчитана на более узкий круг зрителей, что коммерчески не выгодно студиям, ориентированным на коммерческий успех. Актеры элитарной культуры, не генерирующие больших кассовых сборов, как правило, не могут себе позволить привлечение известных артистов, знаменитостей	1. Приглашать известных актеров и артистов в проекты, где это может быть уместным. 2. Формировать более понятные сюжеты с сохранением общей философии, культурного концепта. 3. Развивать интегрированные направления элитарной и массовой культуры
3. Между актерами и зрителями	Методика «разрушение четвертой стены» активно применяется в массовом кино, но при этом, как правило, не используется в элитарном, где акцент сформирован на проблематике, конкретном сюжете, рассуждениях героев и общей морали. Здесь зрители наблюдают на происходящим, и каждый делает собственные выводы и выбор в конкретной представленной ситуации	1. Развивать новые способы взаимодействия героев и зрителей, в том числе с помощью методики «разрушение четвертой стены»
4. Между зрителями	Массовые кинокоммуникации активно интегрированы в повседневную жизнь каждого человека. Обсуждения в Интернет-ресурсах, а также продвижение кинопродукции всевозможными способами привлекают аудиторию, стимулируют активные обсуждения, которые также способствуют продвижению массовых кинофильмов. Элитарное искусство изначально рассчитано на подготовленную аудиторию	1. Развивать механизмы продвижения элитарной культуры. 2. Формировать экспертами, критиками открытых отзывов, призывающих зрителей высказать свое мнение. 3. Введение обязательного предмета в школе («культура»), посредством которого детям будет прививаться интерес к высокому (элитарному) искусству

Источник: составлено автором.

В настоящее время проблему ухода от элитарности понимают и представители культуры, и организаторы, и критики. Для решения данной проблемы принимаются меры. Например, отдельные театры вводят пробную практику приглашения популярных людей и блоггеров в качестве актеров в свои спектакли. Несмотря на то, что данное направление может стать перспективным, неудачная его реализация на сегодняшний день не только не принесла ожидаемого эффекта, но и, наоборот, вызвала шквал критики как со стороны критиков и вовлеченной в элитарную культуру аудитории, так и со стороны общественности в целом [4].

С.А. Цагарейшвили считает, что для продвижения оперных театров необходимо активно использовать социальные сети и онлайн-платформы. При этом автор также отмечает, что «успешное использование этих инструментов требует тщательного планирования, качественного контента и постоянного взаимодействия со зрителями» [14]. По нашему мнению, аспектный подход в продвижении элитарной культуры не даст никакого результата. Требуется разработка интегрированных и комплексных решений на централизованном уровне.

Необходимо создать специализированную структуру при Министерстве культуры Российской Федерации,

которая будет отвечать за продвижение элитарной культуры в массы, реализуя стратегические и тактические инструменты. Основу стратегии должны составить:

- повышение уровня знаний о культуре у населения. Для этого необходимо ввести обязательный предмет в школе – «культура», посредством которого детям будет прививаться интерес к высокому искусству;
- развитие онлайн-трансляций произведений, выставок, онлайн-искусства. Требуется создать платформы для онлайн-вещаний, обсуждений, размещения интересных отзывов и рецензий со стороны экспертов и критиков;
- применение инструментов интеграции массовой и элитарной культуры [11], при этом без ущерба для искусства и качества исполнения произведения. В качестве тактических инструментов могут быть использованы:
 - продвижение организаций, произведений в социальных сетях, Интернет-среде;
 - адаптация произведений к потребностям зрителей посредством реализации проектов с привлечением знаменитостей, формирования более понятных сюжетов с сохранением общей философии, культурного концепта, развития новых способов взаимодействия героев и зрителей, в том числе с помощью методики «разрушение четвертой стены»;

- формирование экспертами, критиками открытых отзывов, призывающих зрителей высказать свое мнение.

Комплексное и системное использование данных инструментов позволит постепенно расширить аудиторию элитарного искусства и повысить общий уровень культуры современного общества.

Заключение

Таким образом, кинематографические взаимодействия представляют собой комплексное соединение разнообразных форм общения, включая взаимосвязи между творцами и аудиторией, персонажами фильма как между собой, так и с аудиторией, а также обмен мнениями среди зрителей. Эти связи формируются благодаря киноиндустрии и развиваются через инновационные подходы, например, с помощью цифровизации общественных процессов. Активное развитие кинокоммуникаций в настоящее время приводит к уходу от элитарности в культуре. Дальнейшее усугубление ситуации может привести к тому, что границы между высоким искусством и популярной культурой начнут размываться. Ценность и значимость истинной культуры будут утрачены.

В настоящее время попытки вовлечения общества в изучение высокой культуры не приносят ожидаемых результатов из-за фрагментарного подхода. Для достижения желаемых результатов необходимо разработать унифицированные и всесторонние стратегии под руководством централизованного управления. Крайне важно создать специализированный орган при Министерстве культуры РФ, который будет заниматься популяризацией элитарных культурных направлений среди населения через стратегически согласованные действия. Такой системный и организованный подход будет способствовать постепенному расширению круга ценителей высокого искусства и повышению культурного уровня общества в целом.

Литература

1. Баклакова Е.П., Маскаева А.А. Практика использования кинокоммуникаций в современной рекламе и PR // Теория и практика современной науки. 2021. № 6 (72). С. 52–58.
2. Василенко И.В. Трансформация элитарной и массовой культуры в условиях медийной конвергенции // Россия: тенденции и перспективы развития. 2022. № 17–3. С. 434–438.
3. Герасимова И.А., Ивахнов В.Ю. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // Сервис +. 2017. № 2. С. 66–76.
4. Иванова Г.А. Социокультурная и правовая характеристика уменьшительности в речи современников // Образование и право. 2023. № 8. С. 398–407. doi:10.24412/2076-1503-2023-8-398-407
5. Костина А.В. Массовая и элитарная культуры как функциональные системы: к проблеме определения понятий // Вестник культурологии. 2022. № 3 (102). С. 9–29.
6. Ляо Яньни Развитие российской киноиндустрии в эпоху цифровых медиа (на примере фильма а. Федорченко «большие змеи улли-кале») // Сфера культуры. 2023. № 1 (11). С. 94–101.
7. Маркина Ю.В. Медиакритика и кинокритика: аспекты медиаобразования и коммуникационной культуры // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2016. № 21 (242). С. 114–118.
8. Орестова В.Р. Кино и психология повседневности – Журнал «Психологические исследования». 2017. Том 10. № 56. С. 1–10.
9. Позднякова О.А., Резникова К.В. Особенности субъектов художественной кинокоммуникации // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9797> (дата обращения: 15.11.2024).
10. Савельева Е.Н. Традиционные и инновационные аспекты коммуникативного потенциала киноискусства // Международный журнал исследований культуры. 2015. № 2 (19). С. 129–136.
11. Серебренников А.В. Эстетико-коммуникативные элементы кинопроизведения как инструмент формирования аудитории кинематографа // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 43–1. С. 298–303.
12. Тильки А.Ю. Особенности разрушения «четвертой стены» в произведениях джонатана страуда // СИСП. 2020. № 1. С. 274–280.
13. Фомина М.Н. Массовая и элитарная культуры эпохи глобализации в контексте философского дискурса // Вестник культурологии. 2022. № 3 (102). С. 55–67.
14. Цагарейшвили С.А. Использование социальных сетей и онлайн-платформ для продвижения оперных театров // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 9–2 (84). С. 250–254. doi:10.24412/2500-1000-2023-9-2-250-254
15. Чивилёв, А.А. Межличностная коммуникация в кинематографе / А.А. Чивилёв. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2015. № 13 (93). С. 770–773. – URL: <https://moluch.ru/archive/93/20806/> (дата обращения: 15.11.2024).
16. Элькан О.Б., Макарская Л.В. Эмоционально-экспрессивная функция киномузыки: коммуникативный аспект // Вестник Академии русского балета им. А.Я. Вагановой. 2023. № 1 (84). С. 146–157.

FILM COMMUNICATIONS AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON OF MOVING AWAY FROM ELITISM

Petrash N.D.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Nowadays, cinema has ceased to be just entertainment and has become a key factor influencing public outlook. Today's cinema clearly demonstrates its own significance in the modern cultural space, confirming its important role in shaping public consciousness. In the era of globalization, the availability of mass culture for a wide audience is constantly increasing due to progress in digital technologies and film communications, which contribute to the rapid spread of mass culture throughout the world. Today, mass cinematography prioritizes exclusively profit, while cultural diversity and value are secondary, yielding to economic interests, which leads to a decrease in quality and distortion of art. Focus on commercial success undermines the importance of traditional and valuable forms of culture. The rejection of strict elite standards in the creation of cultural products, combined with the active development of film communications, can strengthen the trend away from elitism. Preservation of this trend will further lead to the devaluation of works of art and will negatively affect the culture of society. The essence of film communications and their functions are considered. The directions of the influence of communications on the development of elite culture are determined. Directions for promoting elite culture to the masses have been developed.

The aspects of the influence of each type of film communications on the development of elite culture have been considered; current directions for popularizing professional art have been studied, the main shortcomings have been identified; proposals have been developed for creating a systemic mechanism for promoting elite culture to the masses.

Keywords: culture, film communications, cinema, cinematography, globalization, mass culture, elite culture.

References

1. Baklakova E.P., Maskaeva A.A. The practice of using film communications in modern advertising and PR // *Theory and practice of modern science*. 2021. No. 6 (72). P. 52–58.
2. Vasilenko I.V. Transformation of elite and mass culture in the context of media convergence // *Russia: trends and development prospects*. 2022. No. 17–3. P. 434–438.
3. Gerasimova I.A., Ivakhnov V. Yu. The problem of preserving cultural identity in the context of globalization // *Service +*. 2017. No. 2. P. 66–76.
4. Ivanova G.A. Sociocultural and legal characteristics of diminutiveness in the speech of contemporaries // *Education and Law*. 2023. No. 8. P. 398–407. doi:10.24412/2076-1503-2023-8-398-407
5. Kostina A.V. Mass and elite cultures as functional systems: on the problem of defining concepts // *Bulletin of Cultural Studies*. 2022. No. 3 (102). P. 9–29.
6. Liao Yanni Development of the Russian film industry in the era of digital media (on the example of A. Fedorchenko's film "Big snakes of Ulli-Kale") // *Sphere of Culture*. 2023. No. 1 (11). P. 94–101.
7. Markina Yu.V. Media criticism and film criticism: aspects of media education and communication culture // *Issues of journalism, pedagogy, linguistics*. 2016. No. 21 (242). P. 114–118.
8. Orestova V.R. Cinema and the Psychology of Everyday Life – *Journal "Psychological Research"*. 2017. Vol. 10. No. 56. P. 1–10.
9. Pozdnyakova O.A., Reznikova K.V. Features of the Subjects of Artistic Film Communication // *Modern Problems of Science and Education*. 2013. No. 4. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9797> (date of access: 11/15/2024).
10. Savelyeva E.N. Traditional and Innovative Aspects of the Communicative Potential of Cinema // *International Journal of Cultural Studies*. 2015. No. 2 (19). P. 129–136.
11. Serebrennikov A.V. Aesthetic and communicative elements of a film work as a tool for forming a cinematographic audience // *Bulletin of the Herzen State Pedagogical University*. 2007. No. 43–1. Pp. 298–303.
12. Tilki A. Yu. Features of the destruction of the "fourth wall" in the works of Jonathan Stroud // *SISP*. 2020. No. 1. Pp. 274–280.
13. Fomina M.N. Mass and elite cultures of the globalization era in the context of philosophical discourse // *Bulletin of Cultural Studies*. 2022. No. 3 (102). Pp. 55–67.
14. Tsagareishvili S.A. Using social networks and online platforms to promote opera houses // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2023. No. 9–2 (84). P. 250–254. doi:10.24412/2500-1000-2023-9-2-250-254
15. Chivilev, A.A. Interpersonal communication in cinematography / A.A. Chivilev. Text: direct // *Young scientist*. 2015. No. 13 (93). P. 770–773. – URL: <https://moluch.ru/archive/93/20806/> (date of access: 11/15/2024).
16. Elkan O. B., Makarskaya L.V. Emotional and expressive function of film music: communicative aspect // *Bulletin of the Vaganova Academy of Russian Ballet*. 2023. No. 1 (84). P. 146–157.

Виртуальные сообщества в России: новые формы коллективной солидарности в цифровую эпоху

Феклушин Артем Владимирович,

аспирант, кафедра философии, Вологодский государственный университет
E-mail: Feklushin.A@yandex.ru

Данная статья посвящена исследованию виртуальных (цифровых) сообществ в России и их роли в формировании новых форм коллективной солидарности. Работа затрагивает теоретические подходы к феномену виртуальных сообществ, их историческое развитие в России, примеры организации людей с их помощью, существующие проблемы и возможные варианты развития. Автор анализирует как цифровая солидарность влияет на социальные процессы, и предполагает возможные перспективы развития таких сообществ в условиях цифровой эпохи. В центре внимания – уникальные особенности русскоязычных цифровых сообществ, включая культурные особенности России. Были выявлены этапы эволюции виртуальных сообществ в России, раскрыты специфику их адаптации к меняющимся социальным и политическим условиям последних лет и рассмотреть успешные примеры их вовлечения в жизнь страны.

Ключевые слова: виртуальные сообщества, цифровая солидарность, социальные сети, цифровизация, интернет-активизм.

Введение

XXI век – эпоха перехода в цифровое измерение, который изменил способы взаимодействия людей, а также и характер социальных связей, превратив виртуальные (цифровые) сообщества в мощный инструмент организации, обмена информацией и взаимной поддержки. Эти объединения преодолевают географические, социальные и культурные барьеры, формируя новую форму коллективной солидарности, которая активно переносится и в реальный мир.

Актуальность исследования связана с недостаточной изученностью роли виртуальных сообществ в процессе формирования коллективной солидарности в России. По мнению автора, анализ этого феномена позволяет понять, как цифровая солидарность способствует решению социальных задач и развитию общественной активности. Цель статьи – оценка роли, значения и значимости виртуальных сообществ в формировании новых форм солидарности в российском контексте. Для выполнения этой задачи автор рассматривает исторические и теоретические основы, успешные примеры взаимодействия и сложности, стоящие перед цифровыми группами на текущем этапе.

Практическая значимость работы заключается в возможном применении результатов для разработки корректных стратегий взаимодействия государственных и негосударственных организаций с цифровыми сообществами, а также для поддержки и развития гражданских инициатив.

Теоретические основания работы

Феномен виртуальных (или цифровых, что в рамках данной работы будет рассматриваться как равнозначные понятия) сообществ активно изучается в последние десятилетия. Эти цифровые сообщества представляют собой группы людей, взаимодействующих онлайн на основе общих интересов, ценностей или целей. Однако, в отличие от традиционных объединений, они характеризуются отсутствием географических ограничений и способностью быстро реагировать на изменения внешней среды [1].

Ключевую теоретическую основу изучения виртуальных сообществ составляет концепция «сетевых сообществ» Мануэля Кастельса. Он утверждает, что в цифровую эпоху сетевые структуры становятся основной формой организации социальной жизни, изменяя традиционные модели взаимодействия. Кастельс подчёркивает, что виртуальные сообщества формируются вокруг потоков информации и коллективных интересов, а не территориальных или физических границ [2], что подтверждает идею о том, что географические границы имеют малое значение для виртуальных групп. Бенедикт Андерсон в своей концепции «воображаемых сообществ» рассматривает виртуальные объединения как новую форму коллективной идентичности: участники могут никогда не встречаться лично, но разделяемые идеи и цели создают ощущение принадлежности к единой группе [3]. Теория «коллективной солидарности» Эмиля Дюркгейма, в свою очередь, адаптированная к цифровому простран-

ству, объясняет, как солидарность возникает через совместные действия участников сообщества – от участия в краудфандинговых кампаниях до организации общественных акций [4].

В российской науке понятие «цифровое сообщество» интерпретируется по-разному в зависимости от исследовательского подхода, специализации исследователя и контекста. Так Д.Е. Добринская определяет цифровое общество как результат развития сложной технологической инфраструктуры, включающей коммуникационные сети, большие данные, алгоритмы и платформы [5]. А.В. Смирнов рассматривает цифровое общество через концепты сверхсвязности, платформизации, датификации и алгоритмического управления, указывая, что цифровизация «переносит социальные взаимодействия в цифровую среду и создаёт социальный порядок на основе больших данных, что трансформирует общественные отношения и усиливает цифровое неравенство» [6]. Ф.И. Шарков и Н.В. Кириллина анализируют конвергенцию реальных и виртуальных сообществ в цифровом пространстве. Они отмечают, что виртуальные сообщества, будучи географически разрозненными, объединяют людей на основе общих интересов и целей, обеспечивая взаимодействие и обмен информацией между участниками [7]. При этом происходит перенос социальных практик из традиционных сообществ в виртуальную среду, что трансформирует характер взаимодействия и социальные роли участников, но отчасти сохраняет привычную социальную структуру.

Исторический контекст развития и особенности цифровых сообществ в России

Развитие виртуальных сообществ в России, как и в других развитых странах, прошло несколько ключевых этапов, каждый из которых характеризовался особыми техническими, социальными и культурными особенностями. На раннем этапе, охватывающем 1990-е и начало 2000-х годов, интернет стал впервые доступен рядовому пользователю благодаря появлению федеральных и местных провайдеров и появлению первых онлайн-форумов и чатов. В середине 2000-х годов наступил этап социальных сетей, когда с развитием таких платформ, как ВКонтакте, Одноклассники, и позже Telegram и WhatsApp, виртуальные сообщества приобрели новую форму и облик. Пользователи начали объединяться не только по интересам, но и на основе географической близости (к примеру, благодаря функции «пользователи поблизости» от Telegram), профессиональных целей или социальных инициатив. Начиная с 2017–2018 годов и вплоть до настоящего времени начинается новый этап развития, который можно охарактеризовать как гибридное сочетание виртуального и реального мира. Цифровые платформы превратились в инструменты мобилизации людей и реализации социальных инициатив, включая краудфандинговые проекты, направленные на решение социальных и культурных задач [8].

Говоря о российском контексте развития виртуальных сообществ важно отметить, что оно происходит под влиянием ряда специфических факторов, которые отличаются от мировых тенденций. К примеру, одной из ключевых особенностей является значительное государственное регулирование, которое сильно влияет на функционирование и развитие цифровых платформ и сообществ. Ужесточение законодательства, включая принятие закона о «суверенном интернете», создает дополнительные трудности как для владельцев цифровых платформ, так и для пользователей и ограничивает свободу цифрового взаимодействия. Тем не менее, русско-

язычные пользователи сохраняют активность в цифровом пространстве, чему способствует характерная для российской культуры склонность к установлению сильных эмоциональных связей и ориентации на взаимопомощь [9].

Еще одним важным фактором является специфика платформенной экосистемы. К примеру, именно локальные платформы, такие как ВКонтакте или Одноклассники, занимают лидирующие позиции среди русскоязычных пользователей, тогда как многие международные сервисы, например MySpace или Facebook, имеют меньшую популярность.

Развитие сообществ происходит под влиянием множества факторов, среди которых особую роль играют социальные и культурные аспекты, сложившиеся общественные нормы, коллективный менталитет и культурные традиции. Известно, что одним из ключевых социальных факторов является высокая значимость горизонтальных связей, что обусловлено традиционной для российского общества склонностью к формированию неформальных сетей взаимопомощи. Этот феномен восходит к историческим практикам коллективного труда и взаимоподдержки, которые существовали в крестьянских общинах в царской России и сохранялись в периоды экономических кризисов.

Ещё одной социальной особенностью является коллективное стремление к справедливости, которое становится важным мотивом для участия в цифровых инициативах. Высокая чувствительность русскоязычных пользователей к нарушениям социальных норм часто приводит к мобилизации в ответ на такие события. Протестные кампании, например #ЯМыГолунов и #ЯМыФургал, демонстрируют, как цифровые сообщества реагируют на кризисные события и превращаются в эффективный инструмент коллективного действия и противодействия несправедливости. Интересно отметить, что данная динамика во многом связана с распространенным недоверием к формальным структурам, к примеру сотрудникам полиции, которые, на фоне исторического опыта, нередко воспринимаются как малоэффективные [10].

Культурные аспекты также оказывают значительное влияние на формирование русскоязычных цифровых сообществ, способствуя формированию системы ценностей, формы взаимодействия и механизмы солидарности. Одной из характерных черт общения в виртуальных сообществах является эмоциональность и персонализация общения, что проявляется как в теплой поддержке участников через слова благодарности или эмоциональные комментарии, так и в критике, если вдруг мнения внутри группы расходятся. Такая эмоциональная насыщенность, в свою очередь, укрепляет чувство принадлежности к сообществу, ощущению единства у его членов, хотя иногда и может осложнять конструктивный диалог из-за излишней эмоциональности. Еще одним важным элементом является ориентация на коллективное начало, которая исторически также была частью российской культурной традиции. К примеру, в цифровых сообществах это выражается в готовности участников жертвовать личными интересами ради достижения общих целей, что особенно заметно в инициативах, связанных с благотворительностью или решением экологических проблем, когда волонтеры тратят личные деньги и время на решение проблем, которые, зачастую, не связаны напрямую с ними.

Наконец, исторический контекст и национальный контекст также играют важную роль в русскоязычных цифровых сообществах. Многие кампании акцентируют внимание на исторической и общенациональной значимости обсуждаемых вопросов, что способствует привле-

чению большего числа участников. Например, проекты, направленные на защиту экологии, русского языка или сохранение культурного наследия, часто апеллируют к историческим сюжетам или вопросам национальной идентичности. Особую роль в формировании таких сообществ играет русский язык, который объединяет пользователей из разных стран, создавая трансграничный характер этих групп. Язык в данном контексте служит не только инструментом общения, но и способом выражения коллективной идентичности, что придает русскоязычным цифровым сообществам их уникальную черту.

Особенности самоорганизации людей в цифровых сообществах

Самоорганизация в цифровых сообществах, особенно в русскоязычном пространстве, обладает рядом ключевых особенностей, которые проявляются в виде стихийных инициатив, возникающих в ответ на кризисные или значимые социальные ситуации [11]. Одной из таких особенностей является горизонтальная структура и отсутствие формального лидера. Так в отличие от традиционных форм объединений, где координация обеспечивается центральной фигурой, цифровые сообщества часто функционируют на основе горизонтальных связей. Такая структура обеспечивает высокую гибкость и устойчивость, позволяя сообществу быстро адаптироваться к ситуации. В то же время, отсутствие формальной иерархии иногда затрудняет принятие сложных решений, так как нет единого центра принятия решений, и ослабляет долгосрочную устойчивость сообщества, так как его выживание во многом определяется самими пользователями.

Еще одной важной характеристикой является использование цифровых платформ как основного инструмента координации. В отличие от офлайн инициатив, цифровые платформы дают возможность мобилизовать и активизировать участников из различных регионов, объединив их вокруг общей цели. Например, во время протестов или благотворительных акций чаты и группы становятся основным средством распространения информации, публикации инструкций для участников и координации действий волонтеров.

Однако стихийные сообщества в интернете, как правило, имеют ограниченные временные рамки существования. Они возникают как реакция на конкретные события и часто прекращают свою активность после достижения цели. Например, инициативы, направленные на помощь пострадавшим от природных катастроф, теряют свою актуальность после выполнения поставленных задач.

Низкий барьер для участия и возможность анонимности также играют важную роль в формировании цифровых сообществ [12]. Участники могут выражать свои мнения, делиться информацией и вносить свой вклад в общее дело оставаясь относительно анонимными. Это облегчает процесс вовлечения человека и расширяет круг участников, делая сообщества более инклюзивными. Но, в то же время анонимность может приводить к снижению ощущения ответственности и возникновению неэтичного поведения со стороны участников, что может снизить эффективность взаимодействия и формированию «токсичной» культуры общения в группе.

Примеры «коллективной самоорганизации» через цифровые сообщества в России

Одним из ярких примеров коллективной самоорганизации являются гражданские протесты, такие как московские

митинги 2019 года. Их организация стала возможной благодаря активной координации в социальных сетях, так как позволили участникам обмениваться информацией о местах проведения акций, инструкциями по безопасности и стратегиями взаимодействия с правоохранительными органами. Еще одной значимой инициативой стала кампания #ЯМыФургал в 2020 году, объединившая жителей Хабаровска и пользователей из других регионов. Виртуальные сообщества сыграли ключевую роль в распространении информации и создании чувства солидарности среди участников, демонстрируя силу цифровой самоорганизации.

Стихийное движение #ЯМыГолунов в 2019 году в поддержку журналиста Ивана Голунова, стало ещё одним символом солидарности в русскоязычном пространстве. Хештег #ЯМыГолунов стал центральным элементом кампании, а инициатива приобрела масштабный характер без центрального координатора.

Говоря о ЧС природного характера, примером может служить помощь пострадавшим от наводнения в Иркутской области в 2019 году. Тогда пользователи ВКонтакте и Telegram объединились для сбора средств, вещей и координации помощи. Протесты в Шиесе (2018–2021) против строительства мусорного полигона в Архангельской области также ещё раз подчеркнули потенциал цифровой самоорганизации. Активисты привлекали внимание СМИ и общественности, организовывали митинги и демонстрации и делились стратегиями общения с властями [13]. Пандемия также показала силу самоорганизации в виртуальном пространстве. Так, в 2020 году русскоязычные пользователи создали локальные чаты в Telegram для взаимопомощи, которые в том числе обеспечивали доставку продуктов и лекарств пожилым людям [14].

Свежим примером самоорганизации в цифровых сообществах в моменты ЧП является волонтерская деятельность после разлива 2,4 тонн мазута в декабре 2024, выброшенного в Чёрное море в результате крушения танкеров компании Волгонетф [15]. Информация об этом быстро распространилась через социальные сети, и сотни волонтеров со всей страны двинулись к месту ЧП, чтобы помочь в исправлении последствий [16]. Эта инициатива основывалась исключительно на активности самих граждан и была организована без участия государства и при отсутствии центрального управления.

Проблемы и снижение эффективности цифровых сообществ в России на современном этапе

Несмотря на значительный потенциал виртуальных сообществ в России, важно отметить, что в России в период с 2022 по 2025 год интернет-активизм и гражданские инициативы теряют эффективность из-за нескольких факторов.

Во-первых, возросший государственный контроль, в том числе принятые законы о «суверенном интернете», значительно ограничивают свободу в цифровом пространстве и вынуждают медиа-платформы удалять контент по запросу властей. Блокировка ряда зарубежных сервисов снизила возможности для глобальных контактов и перетянула пользователей в Российские аналоги, где наблюдается более строгий контроль за публикуемым контентом. Страх раскрытия личных данных и ужесточившиеся наказания за протестную активность ещё больше подорвали доверие к цифровым сервисам, сократив приток новых участников [17]. На этом фоне масштабные протесты уступили место локальным экологическим и образовательным проектам, которые не обладают прежним влиянием.

Во-вторых, экономические трудности – растущие цены, инфляция и снижение доходов – отвлекают людей от общественных проблем, перенося вектор внимания на решение личных проблем и повседневных задач. Зачастую, вместо крупных общественных кампаний гражданам стали объединяться в небольшие группы взаимопомощи, благотворительности и локальных инициатив, которые часто быстро «затухают» после решения конкретной проблемы [18].

Ещё одна трудность, связанная с виртуальными сообществами – конфликты внутри сообществ, происходящие из-за отсутствия эффективных механизмов регулирования поведения участников и, в свою очередь, создающие благоприятную почву для антисоциального поведения, которое подрывает солидарность и ощущение единства. В крупных группах в социальных сетях часто возникают конфликты из-за различий в политических взглядах или подходах к решению задач.

Техническая сторона проблемы зачастую связана с платформенными ограничениями, которые также создают препятствия для развития виртуальных сообществ. Хотя цифровая инфраструктура в России развита в достаточной степени, доступ к интернету остается неравномерным, особенно в удаленных регионах, где качество соединения ограничивает возможности участия в онлайн-инициативах. Более того, было замечено, что алгоритмы популярных платформ, таких как ВКонтакте или YouTube, часто препятствуют органическому росту сообществ, снижая видимость их постов и усложняя привлечение новых участников.

Заключение

Виртуальные сообщества в России представляют собой единение глобальных трендов цифровой самоорганизации и локальных особенностей, которые были определены культурным, социальным и исторически ландшафтом нашей страны.

Проведенный анализ показывает, что такие сообщества обладают горизонтальной структурой организации зачастую без единого лидера, низким барьером для вступления и высокой степенью эмоциональной вовлеченности участников. Эти особенности обеспечивают их гибкость и возможность быстро мобилизоваться в ответ на острые социальные, политические или экологические конфликты и происшествия. Вместе с этим, стихийность и отсутствие формального лидера или целостной системы управления ограничивают их перспективы развития и долгосрочную устойчивость.

С определенной долей уверенности можно предполагать, что развитие цифровых сообществ в России будет характеризоваться тремя основными явлениями: фрагментацией, локализацией и всё большей вовлеченностью государства. Рост участия государства в цифровой жизни увеличивается, и в России формируются закрытые экосистемы внутри локальных платформ, таких как ВКонтакте или RuTube. Это приводит к фрагментации пользователей, когда они «разбросаны» по разным платформам. Это, в свою очередь, ведёт к локализации, которая определяется как переход на отечественные цифровые платформы и решения. Наконец, третьей особенностью развития цифровых платформ в России будет постепенная институционализация волонтерской деятельности. Данный процесс заключается в том, что многие инициативы всё чаще будут переходить под прямое либо косвенное управление государственных структур с целью обеспечить контроль за социальными процессами и недовольством в обществе.

Литература

1. Голикова Г.В., Балаева Л.И. Особенности функционирования виртуальных организаций в условиях глобальных кризисных изменений // Современная экономика: проблемы и решения. – 2020. – № 12 (132). – С. 74–83.
2. Кастельс М. Восхождение сетевого общества / пер. с англ. О.И. Шкаратан. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.
3. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Revised Edition. – London: Verso, 2006.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991.
5. Добринская Д.Е. Цифровизация и сетевизация в современной России // Социология и практика. – 2021. – № 4. – С. 45–58.
6. Смирнов А.В. Цифровое общество и алгоритмическое управление // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2022. – Т. 18, № 2. – С. 99–108.
7. Шарков Ф.И., Кириллина Н.В. Конвергируемость реальных и виртуальных сообществ в цифровом обществе // Социологический журнал. – 2022. – № 4. – С. 90–103.
8. Горшкова Е.И. Социально-психологические особенности формирования и развития виртуальных сообществ // Вестник психологии. – 2018. – № 3. – С. 12–23.
9. Моисеенко Ю.П. К вопросу о правовом регулировании общественных отношений в сети Интернет в условиях цифровизации // Юридическая наука и практика: Вестник НИУ ВШЭ. – 2020. – № 2. – С. 65–73.
10. Кузьмина К.Е. Роль коллективных ценностей в развитии социальных инициатив // Социальная политика и социология. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 89–97.
11. Бронников И.А. Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13, № 2. – С. 269–285.
12. Горбачев М.В., Бронников И.А., Гераскин И.И. Цифровые каналы коммуникации протестующих: национальная специфика и возможности // Социология власти. – 2020. – Т. 32, № 4. – С. 86–102.
13. Экологи празднуют победу: проект полигона Шиес в Архангельской области отменён // РБК. – 2019. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/07/2019/5d2540c79a79477b4c91cf8a> (дата обращения: 21.01.2025).
14. Волонтеры организовали помощь пожилым на самоизоляции // ТАСС. – 2020. – URL: <https://tass.ru/obshchestvo/8218499> (дата обращения: 21.01.2025).
15. Танкер затонул в Керченском проливе: разлилось 2,4 тыс. тонн мазута // URA.ru. – URL: <https://ura.news/news/1052868779> (дата обращения: 25.01.2025).
16. Добровольцы спасают птиц и убирают мазут с берегов Чёрного моря // Mail.ru. – URL: <https://news.mail.ru/incident/64455912/> (дата обращения: 25.01.2025).
17. Зимова Н.С., Фомин Е.В. Социальные риски интернет-активизма виртуальных сообществ // Цифровая социология. – 2023. – Т. 6, № 3. – С. 45–53.
18. Изменения протестной активности в России: социологические исследования // Левада-Центр. – URL: <https://www.levada.ru> (дата обращения: 21.01.2025).

VIRTUAL COMMUNITIES IN RUSSIA: NEW FORMS OF COLLECTIVE SOLIDARITY IN THE DIGITAL AGE

Feklushin A.V.
Vologda State University

This article focuses on the study of virtual (digital) communities in Russia and their role in shaping new forms of collective solidarity. The paper addresses theoretical approaches to the phenomenon of virtual communities, their historical development in Russia, examples of organizing people through them, existing challenges, and potential paths for future development. The author analyzes how digital solidarity impacts social processes and suggests possible prospects for the development of such communities in the digital era. The spotlight is on the unique characteristics of Russian-speaking digital communities, including Russia's cultural specificities. The study identifies the stages of evolution of virtual communities in Russia, explores their adaptation to the changing social and political conditions of recent years, and examines successful examples of their engagement in the country's life.

Keywords: virtual communities, digital solidarity, social networks, digitalization, internet activism
Funding: self-initiated research.

References

1. Golikova G.V., Balaeva L.I. Features of the functioning of virtual organizations in the context of global crisis changes // *Modern Economy: Problems and Solutions*. – 2020. – No. 12 (132). – P. 74–83.
2. Castells M. *The Rise of the Network Society* / trans. from English by O.I. Shkaratan. – M.: HSE, 2000. – 606 p.
3. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Revised Edition. – London: Verso, 2006.
4. Durkheim E. *On the Division of Social Labor. The Method of Sociology*. – M.: Science, 1991.
5. Dobrinskaya D.E. Digitalization and networking in modern Russia // *Sociology and Practice*. – 2021. – No. 4. – P. 45–58.
6. Smirnov A.V. Digital society and algorithmic management // *Political examination: POLITEX*. – 2022. – Vol. 18, No. 2. – P. 99–108.
7. Sharkov F.I., Kirillina N.V. Convergence of real and virtual communities in a digital society // *Sociological journal*. – 2022. – No. 4. – P. 90–103.
8. Gorshkova E.I. Social and psychological features of the formation and development of virtual communities // *Bulletin of Psychology*. – 2018. – No. 3. – P. 12–23.
9. Moiseenko Yu.P. On the Issue of Legal Regulation of Public Relations on the Internet in the Context of Digitalization // *Legal Science and Practice: Bulletin of the National Research University Higher School of Economics*. – 2020. – No. 2. – P. 65–73.
10. Kuzmina K.E. The Role of Collective Values in the Development of Social Initiatives // *Social Policy and Sociology*. – 2019. – Vol. 18, No. 3. – P. 89–97.
11. Bronnikov I.A. Self-organization of Citizens in the Era of Digital Communications // *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. – 2020. – Vol. 13, No. 2. – P. 269–285.
12. Gorbachev M.V., Bronnikov I.A., Geraskin I.I. Digital Communication Channels of Protesters: National Specifics and Opportunities // *Sociology of Power*. – 2020. – Vol. 32, No. 4. – P. 86–102.
13. Environmentalists Celebrate Victory: Shies Landfill Project in Arkhangelsk Region Cancelled // *RBC*. – 2019. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/07/2019/5d2540c79a79477b4c91cf8a> (accessed: 21.01.2025).
14. Volunteers Organize Assistance to Elderly People in Self-Isolation // *TASS*. – 2020. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/8218499> (accessed: 21.01.2025).
15. Tanker sank in the Kerch Strait: 2.4 thousand tons of fuel oil spilled // *URA.ru*. – URL: <https://ura.news/news/1052868779> (date of access: 25.01.2025).
16. Volunteers save birds and remove fuel oil from the shores of the Black Sea // *Mail.ru*. – URL: <https://news.mail.ru/incident/64455912/> (date of access: 25.01.2025).
17. Zimova N.S., Fomin E.V. Social risks of online activism of virtual communities // *Digital sociology*. – 2023. – Vol. 6, No. 3. – P. 45–53.
18. Changes in protest activity in Russia: sociological research // *Levada Center*. – URL: <https://www.levada.ru> (date of access: 21.01.2025).

Определение компетентности эксперта в производстве гуманитарной экспертизы

Щеглов Илья Алексеевич,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры «Информационная аналитика и политические технологии» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана
E-mail: shchia@mail.ru

В статье поднята проблема фигуры эксперта, основу которой составили положения гуманитарной и философской экспертиз. Представлен критический анализ имеющихся в научной литературе трактовок понятий «компетенция» и «компетентность». Обоснована некорректность трактовок компетентности как компетенции плюс личностных качеств, а также как знания плюс опыта. Дано пояснение к содержанию понятия компетенции в качестве официального системообразующего требования к лицу. Изложена авторская интерпретация личностных компетенций, формат определения которых остается на сегодня неустоявшимся. Конкретизировано понятие личностного фактора. Внесено разъяснение в понимание компетентности как характеристики лица, носителя знаний, умений, навыков. Подчеркнута значимость положений философской и гуманитарной экспертиз. Выводом послужило положение о несостоятельности интеграции личностных качеств в компетентностную структуру лица.

Ключевые слова: эксперт, компетенция, компетентность, личностные качества, личностные компетенции, экспертизы гуманитарного типа.

Гуманитарная экспертиза на сегодня официально не закреплена, что дает исследователям возможность отхода от строгости ее определения и внесения различий в ключевые понятия: «эксперт», «экспертиза», «специалист» и др. Подходы к изучению гуманитарной экспертизы объединяет заложенный в нее идейный замысел, ориентация на ценностные основания. Специфика указанной экспертизы служит входной информацией для исследователей в актуализации ее положений. Ценностное ядро данной экспертизы – в выявлении и диагностике значимых для акторов социальной ситуации сегментов действительности в целях подготовки заключений в пользу принятия взвешенных решений. Гуманитарная экспертиза встроена в концепт социально ориентированных программ, поэтому понятие социально-гуманитарной экспертизы употребляется как равнозначное. Расширительные интерпретации гуманитарной экспертизы получили отражение в философской экспертизе, демонстрирующей прообраз «суперэкспертизы» [2]. Вопросы роли и места фигуры эксперта обретают здесь наибольшее звучание. Ю.В. Хен отмечает, что гуманитарная экспертиза есть «знак нашего времени» [10, с. 49].

Широкая библиографическая база по теме подчеркивает ее актуальность. Осмысление гуманитарной экспертизы отчетливо прослеживается сквозь призму фигуры эксперта, палитра образов которого, обширный диапазон взглядов и интерпретаций приводят к необходимости внесения ясности в данную область. Эксперт примеряется к разным амплуа, появляются различные образы эксперта, который нередко становится абстрактным понятием.

Сама проблема личности эксперта изначально поставилась в ответ на актуализацию экспертного знания, которое стало атрибутивным в утверждении Homo expertus как социокультурного феномена. Понятие компетентности вошло в разряд качеств человека, а словосочетание «экспертное знание» интегрировалось в предмет элитарного подхода [6, с. 37, 39]. На этом фоне личность эксперта обрела знаковое положение. Понятие компетентности получило распространение на всех, кто отличается высокими показателями в каком-либо виде деятельности, а категория экспертного знания поставлена в ранг уникального, эксклюзивного.

Эксперт – это лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое для производства экспертизы с последующим представлением мотивированного заключения по поставленным вопросам.

Понятие «компетенция» имеет два значения:

- 1) комплекс законодательно установленных полномочий официального лица;
 - 2) знания, осведомленность в какой-либо области.
- В первом значении компетентный – это располагающий полномочиями; во втором – знающий, сведущий в определенной области.

Компетенция в качестве официального системообразующего требования к лицу представляет собой комбинацию знаний, умений, навыков, необходимую для решения теоретических и практических задач. Обладать ею – значит обладать умениями и владеть навыками

применения знаний для решения теоретических, практических задач. Компетентность – есть характеристика лица – носителя знаний, умений, навыков, качественный показатель обладания компетенциями, определяющий способность лица мотивированно и ответственно применять компетенции для решения круга задач.

Компетенция включает в себя уровни – знать, уметь, владеть. Речь идет в данном случае о специальном знании, которым обладает эксперт. Это требование к нему предъявляет российское законодательство: ст. 57 УПК РФ, ст. 55 АПК РФ, ст. 49 КАС РФ. Что является специальным знанием? Исследователи солидарны – это система знаний в конкретной, узкой области, приобретаемых в результате специальной подготовки, обучения.

В научных источниках представлены отличия понятий «компетенция» и «компетентность», одно из которых сводится к тому, что компетентность – есть компетенции плюс личностные качества. С одной стороны, как разъясняется, «следует различать компетенции и личные качества», с другой, «компетенции должны подкрепляться личными качествами» [4, с. 167]. Такая двойственность складывается в силу того, что в каждом случае подразумеваются разные качества личности. На наш взгляд, она искусственно подводит к защите выбранной позиции.

А.А. Сеницына обосновывает недостаточность комбинации «знать, уметь, владеть» как завершенной в определении понятия компетенции с отсылкой на текущую и возможную изменчивость в различных областях производства [8]. Исходя из этого, личность эксперта понимается как инвестиционный капитал, содержащий способность за счет использования тех или иных своих качеств к принятию и реализации себя в изменяющейся действительности. Согласимся, что задействованное в процесс производства лицо призвано отвечать вызовам и динамике реальности. Но речь, на наш взгляд, должна идти именно о требовании соответствия лица выполняемой им роли, задачам, и под комбинацией «знать, уметь, владеть» подразумевается актуальное знание и владение современными методиками работы.

Компетенция – это элемент компетентностной структуры лица. Рабочими программами дисциплин/практик вуза устанавливаются требования к знаниям, умениям, навыкам студентов. При изучении дисциплин, прохождении практики планируется формирование у них компетенций в соответствии с направлением подготовки/специальности; освоение компетенций закрепляется индикаторами их достижения.

Трактовать компетентность как компетенции плюс личностные качества некорректно. Компетентность характеризует носителя знаний, умений, навыков, а не личность. Качества личности не влияют на показатели компетентности лица; компетентность определяется способностью лица применять компетенции, а не индивидуальностью их применения.

Компетентность содержит в себе производственное измерение. Это значит, что она характеризует не личность, а носителя знаний, умений, навыков. Если предположить, что компетентность – характеристика личности, то любая форма характеристики человека станет отражением компетентности характеризуемого. Компетентность определяется способностью применять знания, умения, навыки в конкретной ситуации, в силу чего владение специальными знаниями не всегда позволяет дать полноценный ответ на поставленный перед лицом вопрос. Это способность лица к производству через связь знания и ситуации.

Личностный фактор не связан с компетентностью лица, но может влиять на качество выполнения работы. Например, психоэмоциональная настроенность, эмо-

циональное самочувствие человека могут сказываться на выполнении круга задач. Фактор – это то, что оказывает влияние на результат или изменения в определенной ситуации, процессе. А.В. Глушков, Т.А. Глушкова рассматривают личность эксперта сквозь призму экспертных ошибок [1], которые делятся на три класса – процессуальные, гносеологические, деятельностные. Причины ошибок делятся на две группы – объективные и субъективные. Но выбранный путь дает ответ на вопрос – что влияет на качество и результат производимой работы, но не на то, как личностные качества задействованы в компетентностную структуру лица.

Требуется специальная диагностика на предмет соответствия личностных качеств определенному виду деятельности. Их внешняя характеристика не может считаться достаточной для доказательных выводов. Если имеющиеся качества, индивидуальные особенности доказательно препятствуют, делают невозможным развитие необходимых компетенций, негативно влияют на выполняемую работу, на профессиональную деятельность, то вопрос, скорее всего, следует ставить о профпригодности человека.

Не личностные качества, а соответствие лица установленным требованиям определяет право на реализацию им определенной роли. Субъект, назначающий лицо на роль эксперта, должен убедиться, что оно обладает необходимыми для данной роли знаниями. Формальные показатели – образование, специальность, стаж работы, ученая степень, ученое звание, занимаемая должность и прочие документы служат свидетельством, что лицо обладает специальными знаниями.

Еще одно отличие понятий «компетенция» и «компетентность» сводится к тому, что компетентность включает в себя знания плюс опыт. Такая позиция не представляется убедительной. Опыт, даже большой, не гарантирует достаточный объем знаний для выполнения конкретной работы, задания. Он не всегда бывает актуальным, может устареть.

Опыт связывается с практикой, с получением, подкреплением, развитием знаний, умений, навыков опытным путем. Но стаж, опыт не являются гарантом высоких показателей владения компетенцией. Можно иметь большой опыт при невысоких показателях владения компетенцией, и наоборот. Исследование на примере рабочих профессий [9] показало, что неадекватные действия в работе, причины которых были связаны и с личностным фактором, и с низким уровнем владения личностными компетенциями, чаще допускались лицами, имеющими большой стаж работы. Данное исследование позволяет резюмировать, что связь компетентностной структуры с опытом как подкрепляющим звеном не является очевидной, несмотря на то что опыт и стаж – понятия не равнозначные. Опыт определяется практикой работы, взаимодействия лица с конкретным объектом – материальным, социальным. Стаж определяется продолжительностью работы, деятельности в какой-либо области, сроком службы.

Опыт так же не является гарантом развития компетенций в приложении к меняющейся реальности, особенно, технической. Накопленный человеком опыт может оказаться неактуальным, недостаточным. Он не сопровождается готовностью его обладателя и способностью к изменчивости. Л.Ф. Парамонова констатирует, что «ни экспертный стаж, ни количество проведенных экспертиз, ни количество экспертных допусков не являются гарантией компетентности эксперта» [7, с. 203].

Проясним отличие личностных компетенций и качеств личности, между которыми обычно не проводится грань. За личностной компетенцией закреплены понима-

ние и осознание важности всех компетенций носителем знаний, умений, навыков, что проявляется в выработке требований к себе, в способности работы над собой: самоорганизация, саморазвитие, самоконтроль. Личностные качества отражают индивидуальность, но не являются показателем компетентности лица. Например, открытого к общению, демонстрирующего готовность и способность к установлению социальных связей и контактов человека можно характеризовать как коммуникабельного. Коммуникативная компетенция, как и прочие, содержит набор требований к лицу. Человек может быть недостаточно коммуникабельным, но обладать коммуникативной компетенцией.

Личностные – это официально не закрепленные компетенции, но относить их к качествам личности некорректно, поскольку так называемая личностная природа указанных компетенций не отменяет требований к лицу. Личностные компетенции выступают индикатором обладания необходимыми для выполнения круга задач компетенциями, т.е. тем, насколько человек понимает их важность, и как он их использует. Они означают личностную эффективность обладания знанием, умением, навыком, и включают в себя следующие уровни:

- когнитивный – понимание человеком важности компетенции;
- мотивационный – готовность к актуализации компетенции;
- поведенческий – практическое проявление компетенции.

Выделяются уровни обладания компетенцией:

А (лидерский) – свободное обладание компетенцией;

В (сильный) – самостоятельное обладание компетенцией;

С (базовый) – элементарное обладание компетенцией;

Д (недостаточный) – минимальное обладание компетенцией;

Е (неудовлетворительный) – лицо не обладает компетенцией, не стремится ее развить, не понимает ее важности [5].

Феномену Homo expertus способствует гиперболизация личности эксперта, которая в свете осмысления философской и гуманитарной экспертиз становится фигурой образной и сакральной. Интуиция и предвидение в качестве рабочих в ситуации неопределенности, когда ни знание, ни опыт не помогают, призваны фокусировать на уникальности образа эксперта-гуманитария, на авторитете его мнения. Однако мнение не может служить доказательной базой в производстве экспертизы. Проявление личной позиции противоречит принципам экспертной деятельности, в частности, принципу объективности. Эксперт должен проводить исследование объективно. Это положение полагает предупреждение, устранение субъективизма. Экспертное заключение основывается на данных, которые дают возможность проверить обоснованность, достоверность изложенных выводов. Личностные качества не гарантируют собой вклад в обеспечение объективности исследования. Подчеркнем, что и сама категория личностных качеств отличается неустойчивостью, а именно, подменяется: требованиями к эксперту, особенно, в части беспристрастности и незаинтересованности в исходе дела для обеспечения объективности исследования; личностной компетенцией в виде осознания своей ответственности за выполнение поставленных задач; психологическим полем ситуации, в которой может оказаться эксперт; индивидуально-психологическими особенностями; направленностью личности [3].

Эксперт-гуманитарий как знаковая фигура экспертизы гуманитарного типа требует комментария. Такая экспертиза – комплексная, проводится экспертами разных специальностей, среди которых не обязательно лица лишь гуманитарного профиля. Понятие гуманитария выходит в широкое поле рассуждений, нередко дистанцируя от производства экспертизы. Апелляция к образу личности эксперта приводит к вытеснению ролевых предписаний и ожиданий от лица в качестве эксперта. На главные позиции выходит склад ума эксперта – аналитический и гуманитарный, не имеющий, однако, установленной связи с компетентностной структурой человека.

Слабость теории экспертизы гуманитарного типа объясняется тем, что не очерчены границы связанной с ней специфики, гиперболизация которой, в свою очередь, перекрывает устоявшиеся каноны производства экспертизы как особой исследовательской процедуры.

Образцом фигуры эксперта в философской экспертизе считаются великие мыслители, философы, при этом их причастность к производству экспертизы не проясняется. В чем тогда состоит значимость положений указанной экспертизы? Осмысление темы философской экспертизы, получившее начало с 2000-х годов, сопровождалось интенсивным поиском знания в качестве обосновывающего для исследований такого типа. Поднимались, наряду с развитием идеи гуманитарной экспертизы, проблемы этики как философской дисциплины. Накопленный опыт можно считать вкладом в разработку основ судебной этиковедческой экспертизы, при производстве которой используются специальные знания в области этики. Этиковедческая экспертиза есть этиковедческое исследование информационных материалов (введено Приказом Минюста России от 31.01.2024 № 32). Положения гуманитарной экспертизы вносят значимый вклад в актуализацию гуманитарных технологий.

Литература

1. Глушков А.В., Глушкова Т.А. Личностный фактор как основа расследования и раскрытия преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009. № 3 (10). С. 129–134.
2. Горина А.В. Философско-антропологическая экспертиза как социокультурная технология: Автореф. Дисс. канд. филос. наук. Омск: Омский государственный педагогический университет. 2012. 19 с.
3. Губина А.М. Влияние особенности личности на экспертную деятельность // Молодой ученый. 2014. № 19 (78). С. 412–414.
4. Карпова Т.А., Восковская А.С. Гуманитарная компетентность студентов вуза // Известия МГТУ МАМИ. 2014. Т. 5. № 1 (19). С. 165–170.
5. Компетенция: понятие, виды, уровни [Электронный ресурс]. – URL.: https://psyera.ru/kompetenciya-ponyatie-vidy-urovni_11732.htm (дата обращения: 12.01.2025).
6. Кошелев А.А., Ивченкова М.С. Экспертное знание как социальный феномен: теоретико-методологический анализ // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 4. С. 36–43. DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.3
7. Парамонова Л.Ф. Определение компетентности судебного эксперта в рамках уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 2 (75). С. 198–208. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.198-208
8. Сеницына А.А. Совершенствование кадрового обеспечения государственной аккредитационной

экспертизы // Государственная аккредитация: вчера, сегодня, завтра: Сборник научных трудов. М.: Национальное аккредитационное агентство в сфере образования. 2020. С. 298–308.

9. Форсюк А.А., Кобылкин С.С. Влияние личностного фактора горнорабочих на создание опасных ситуаций // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2009. № S12. С. 351–353.
10. Хен Ю.В. Этнос науки: гуманитарная экспертиза инновационных технологий в биологии и медицине // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 4. С. 40–52. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-4-0-4

DETERMINING THE COMPETENCE OF AN EXPERT IN THE PRODUCTION OF HUMANITARIAN EXPERTISE

Shcheglov I.A.

Bauman Moscow State Technical University

The article raises the problem of the expert figure, which is based on the provisions of humanitarian and philosophical expertise. A critical analysis of the interpretations of the concepts of “competency” and “competence” available in the scientific literature is presented. The incorrectness of understanding competence as competency plus personal qualities, as well as knowledge plus experience, is substantiated. An explanation is given to the content of the concept of competency as an official system-forming requirement for a man. The author’s interpretation of personal competencies, the format of definition of which is currently unsettled, is presented. The concept of a personal factor is specified. An explanation has been made to the definition of competence as a characteristic of a man, a carrier of knowledge, skills, abilities. The importance of the provisions of philosophical and humanitarian expertise is emphasized. The conclusion was the provision on the insolvency of the integration of personal qualities into the competence structure of a man.

Keywords: expert, competency, competence, personal qualities, personal competencies, humanitarian type of expertise.

References

1. Glushkov A.V., Glushkova T.A. The personal factor as the basis for the investigation and disclosure of crimes // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 3 (10). pp. 129–134.
2. Gorina A.V. Philosophical and anthropological expertise as a socio-cultural technology: Author’s abstract Diss. candidate of philosophical sciences. Omsk: Omsk State Pedagogical University. 2012. 19 p.
3. Gubina A.M. The influence of personality traits on expert activity // Young scientist. 2014. No. 19 (78). pp. 412–414.
4. Karpova T.A., Voskovskaya A.S. Humanitarian competence of university students // Izvestiya MGTU MAMI. 2014. T. 5. No. 1 (19). pp. 165–170.
5. Competency: concept, types, levels [Electronic resource]. – URL.: https://psyera.ru/kompetenciya-ponyatie-vidyurovni_11732.htm (date of reference: 12.01.2025).
6. Koshelev A.A., Ivchenkova M.S. Expert knowledge as a social phenomenon: theoretical and methodological analysis // Nauka. Culture. Society. 2022. T. 28. No. 4. pp. 36–43. DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.3
7. Paramonova L.F. Determination of the competence of a judicial expert in the framework of a criminal trial // Actual problems of Russian law. 2017. No. 2 (75). pp. 198–208. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.198-208
8. Sinitsyna A.A. Improving the staffing of the state accreditation expertise // State accreditation: yesterday, today, tomorrow: Collection of scientific papers. Moscow: National Accreditation Agency in the field of education. 2020. pp. 298–308.
9. Forsyuk A.A., Kobylkin S.S. The influence of the personal factor of miners on the creation of dangerous situations // Mining information and analytical bulletin. 2009. No. S12. pp. 351–353.
10. Hyun Yu.V. Ethos of science: humanitarian expertise of innovative technologies in biology and medicine // Scientific result. Social and humanitarian studies. 2023. T. 9. No. 4. pp. 40–52. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-4-0-4

Яковко Татьяна Владимировна,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
ордена ЗНАК ПОЧЕТА Академия государственной
противопожарной службы МЧС России
E-mail: tatyana.yakovko@yandex.ru

Рашидова Тамила Ризвановна,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
ордена ЗНАК ПОЧЕТА Академия государственной
противопожарной службы МЧС России
E-mail: tamila24@list.ru

В статье автор, проанализировав возрастной период «молодежь» и иерархию ценностей, совмещает эти категории. Изучив уже проведенные исследования и социологические опросы относительно ценностных ориентаций современного молодого поколения, автор приходит к заключению, что данные разных исследований значительно разнятся. Отмечается, что одни исследования демонстрируют преобладание материальных ценностей и потребительского поведения у современной молодежи, а другие ученые заявляют о лидирующих позициях нравственных норм и правил. В статье приведены результаты глубинного интервью представителей молодого поколения и сделан вывод о том, что современная молодежь ценит семью, друзей и здоровье выше развлечений, материальных благ и быстрого успеха. Отмечается, что усвоение ценностей во многом зависит от семьи, но большая роль в этом принадлежит и государственной политике. Делаются выводы, что в целом современные молодые люди разделяют традиционные ценности России.

Ключевые слова: ценности, молодежь, государственная политика, традиции, семья, поколения.

Введение

Молодость – это такой период в жизни человека, который разграничивает детство и взрослую жизнь. А соответственно, именно в этом возрасте идет активный поиск себя, собственного пути и предназначения, выбор людей, которые будут идти рядом. Именно в период молодости проходят проверку все те ценности, которые были заложены в человеке с детства в семье и школе. Молодежь воспринимается как будущее любой страны и от того, насколько она подготовлена, какие идеи она поддерживает, зависит будущее государства.

Ценности – это те идеи и убеждения, которые свойственны абсолютно любому человеку. Любовь к Родине и семье, свобода выбора, помощь нуждающимся или независимость – каждый человек сам выбирает каких взглядов придерживаться и какие ценности разделять.

Сегодня в век цифровизации и информации для молодежи важно не только уметь быстро осваивать новые технологии, но и быть высоконравственным человеком, знать и разделять ценности своей страны и культуры. Ценностные ориентации молодежи очень подвижны, поэтому их изучение является актуальным на любом временном отрезке, а в условиях XXI века, глобальных социально-экономических и политических изменений, происходящих в социуме, особенно.

До XVIII века в возрастной градации людей такой социальной группы как «молодежь» не существовало, а потому каких-либо исследований относительно этого возраста в педагогике и психологии не проводилось. До конца XIX века эта социальная группа и проблемы молодых людей рассматривались через призму развития личности, воспитания гражданственности в человеке, поскольку именно молодость наиболее оптимальный возраст для усвоения каких-либо убеждений. Рассматривать более разносторонне молодых людей и особенности этого возраста психологи, педагоги и философы начали в первых десятилетиях XX века. Сегодня «молодежь» – это «особая социально-возрастная группа, отличающаяся возрастными рамками и своим статусом в обществе: переход от детства и юности к социальной ответственности» [3, с. 178].

Н.С. Белоусова, проанализировав данные периодизаций различных психологов, пришла к выводу, что понятие «молодость» в мировой психологии не является официально признанным возрастным периодом [1, с. 35]. В каждой стране в зависимости от уровня культуры и традиций устанавливаются свои возрастные рамки для молодых людей. В России эти возрастные рамки расширены и согласно Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации» от 25 декабря 2020 года N 489-ФЗ «молодежью считается социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно» [12].

Рассматривая ценности, мы будем придерживаться классического определения из Большой Российской энциклопедии: «это понятие, используемое в философии и гуманитарных науках для обозначения объектов и явлений, значимых в жизнедеятельности общества, социальных групп и отдельных индивидов, а также для обозначения самой этой значимости» [14].

По утверждению О.В. Захаровой, «развитые ценностные ориентиры – это признак зрелости личности,

показатель меры ее социальности. Они обуславливают такие качества личности, как надежность, верность и цельность, определенным идеалам и принципам, а также способность к волевым усилиям во имя этих идеалов и ценностей» [4, с. 190].

Говоря о ценностях в целом, принято выделять четыре основные группы:

1. Материальные ценности, к которым, в первую очередь, относятся деньги и имущество.

2. Социальные ценности, представляющие собой определенные жизненные идеалы и цели, нормы поведения, которые приняты в данном обществе.

3. Политические ценности, которые можно рассматривать как наиболее значимые идеи, связанные с реализацией политических функций человека, участием в политической жизни страны.

4. Большую группу ценностей составляют духовные. Именно сюда будут относиться нормы морали, которые влияют на поведение человека.

К этому списку можно добавить:

- эмоциональные ценности, которые включают в себя переживания любых чувств и эмоций.
- витальные ценности – это все, что относится к безопасности жизни и ее качеству.

Иерархия ценностей, формировавшаяся разными поколениями, выглядит следующим образом:

1. Любовь к партнеру, романтические отношения.
2. Дом и семейные отношения.
3. Потребность в детях и любовь к ним.
4. Любовь к родителям, родственникам.
5. Профессиональная или общественная деятельность.
6. Ценности, связанные с увлечением, дружбой, отдыхом и т.д.

Как видно, базовые ценности состоят в большей части из отношений с близкими людьми. Но современность внесла значительные коррективы в данную иерархию.

В XXI век общество принято называть «обществом потребления». Главные составляющие, благодаря которым социум носит такие наименования, следующие: активное экономическое и техническое развитие, рост доходов населения, наличие большого объема свободного времени, когда люди могут часами рассматривать и выбирать товары. Миллионы людей стараются скупать товары, в том числе и ненужные им, но, возможно, поднимающие статус и добавляющие уверенность. Добавим к причинам цифровизации и развитие Интернета, демонстрирующего шикарную жизнь других людей и невольно призывающего повторить успех. Дорогие покупки коллег и друзей, демонстрируемые в социальных сетях, у многих вызывают чувство зависти и желание обладать теми же вещами. При этом, в действительности никакой необходимости приобретать данные товары и услуги может и не быть, тем более, если они недоступны финансово.

При этом в обществе потребления заметно трансформировались традиционные ценности, изменили свое первоначальное значение такие базовые понятия, как «семья», «дружба», «любовь». Зачастую теперь главным критерием в этих явлениях числится не эмоциональная близость с человеком, а удобство и престиж. Семья стала восприниматься как обязательство и статусная необходимость, поэтому так нередки случаи измен и разводов.

При этом Н.В. Маслодудова и В.Е. Шинкевич отмечают, что для молодежи во все времена «нравственная культура, как качественная характеристика морального развития молодого специалиста, должна служить ориентиром для работы на будущее нашей страны» [6, с. 213].

Проблемами ценностных ориентиров и вопросами самореализации молодежи на протяжении десятилетий

занимались многие исследователи. Обобщая результаты их научных трудов можно сформировать перечень основных ценностей, которые разделяет молодежь:

- «материальный достаток и успешная, интересная карьера;
- любовь, брак и семья;
- личная свобода, свобода выбора и толерантность;
- дружба;
- мир и отрицание насилия;
- здоровье и культ тела;
- самообразование и саморазвитие;
- уважение к родителям, родным, близким;
- лидерство, авторитет в молодежной среде;
- возможность творчества, самовыражения» [4, с. 191].

В этом списке на первое место поставлена материальная составляющая.

Часть социологов и психологов отмечает, что причина того, что среди молодежи лидируют ценности, связанные с материальными благами, обусловлена как раз мировоззрением общества потребления. Глобализация и цифровизация, коснувшаяся практически каждого, наиболее сильно повлияли на молодое поколение. Стремление к быстрому заработку, к успеху, известности затмили духовные и социальные ценности в конце XX века и до сих пор для части людей остаются наиболее значимыми.

Как результат смешения культур – молодое поколение все чаще стало отдавать предпочтение иным тенденциям, которые влияют на жизненные цели, самореализацию и достижение успеха. Если в русской традиции столетиями были заложены такие постулаты, как единство нации, служение стране, крепость семьи, уважение к старшим, то интернет и западные моральные нормы принесли идеи индивидуализма, нетрадиционных семейных отношений, стремление к благосостоянию и быстрому успеху. По мнению А.В. Любцовой «этот неблагоприятный контент оказывает влияние на формирование определенных мотиваций, личностных позиций и поведения молодежи» [5, с. 66].

Усугубилась проблема усвоения традиционных ценностей и межпоколенческим разрывом, в том числе из-за цифровых технологий.

Помимо материальных ценностей молодежь выделяет для себя как предпочтительные и политические ценности. Как отмечает М.М. Шевцова «тенденции к предпочтению и выбору политических ценностей у молодежи, продиктованы и ее социально-психологическими установками на проявление личной и групповой активности в участии политической жизни страны» [15, с. 13]. По мнению А.В. Любцовой, часть молодых людей стремится к социальной справедливости и считает, что эта ценность не менее важна, чем остальные [5, с. 66].

Несмотря на то, что результаты многих исследований демонстрируют преобладание материальных ценностей над нравственными у современной молодежи, опубликованы опросы, которые им противоречат. Так, А.Н. Перевозчикова путем анкетирования опросила 100 студентов на тему ценностей и пришла к выводу, что наиболее значимыми ценностями современной молодежи выступают: «Семья (счастливая семейная жизнь)» 20,4%, «Здоровье (физическое и психическое)» 19,4%, Любовь 12% и Дружба 10,6%. «Признание и уважение в обществе» набрало лишь 2,8%, но это отражает отсутствие значимости репутации, как значимого качества в России [10, с. 114].

При этом основная часть респондентов отметила, что на формирование их ценностных ориентиров решающее влияние оказала семья, окружение и интернет. Один

из вопросов анкеты касался видов наиболее значимых ценностей и здесь анализ статистических данных показал, что для современной молодежи в равной степени значимы как материальные, так и духовные ценности.

Наиболее часто для оценки нравственных ценностей, в том числе и молодых людей применяют методику американского психолога М. Рокича, который предложил ранжировать два вида ценностей. Рокич выделил терминальные и инструментальные ценности. К первой группе он отнес ценности, которые ассоциируются с желаемым конечным состоянием существования человека. Это те цели, которые человек ставит перед собой на протяжении всей жизни. Их можно сформулировать как ответ на вопрос «Чего я хочу достичь в жизни?». Инструментальные ценности помогут ответить на вопрос «Как я хочу этого достичь?», они содержат предпочтительные модели поведения. Таким образом, проведя исследование по методике М. Рокича, можно определить ценностно-ориентационный портрет человека.

Поскольку методика проста в использовании и уже множество раз апробирована, многие исследователи предлагают ее молодым людям. Так, О.В. Захарова провела тестирование среди старшеклассников, чтобы выявить их ценности. Предложив старшеклассникам расположить ценности в двух таблицах по мере их значимости от наиболее значимой к наименее, исследователь получила следующий результат:

- среди терминальных ценностей молодежь отдает предпочтение: здоровью и счастливой семейной жизни. Немаловажным в данном возрасте является наличие верных друзей и уверенность в себе. Следующую позицию занимает отсутствие материальных затруднений. Завершает список лидирующих ценностей любовь как духовная и физическая связь с близким.
- Предпочтительные Инструментальные ценности расположились в следующем порядке: ответственность за свои слова и поступки; воспитанность и смелость. На 4-е и 5-е места старшеклассники чаще всего ставили жизнерадостность и честность. Для многих важным оказалась терпимость как умение уважать и прощать других, и исполнительность [4, с. 192].

Из результатов тестирования видно, что опрошенные старшеклассники хотели бы в своей жизни построить крепкую семью и обрести верных друзей. При этом прийти к этому результату за счет собственной ответственности, терпимости и смелости.

Данные этого опроса расходятся с мнением части исследователей, которых мы рассмотрели ранее и считающих, что в приоритете у современной молодежи только материальные ценности. О.В. Захарова выявила, что духовные потребности, такие как дружба, творчество молодежь ставит выше вещей. Старшеклассники стремятся достичь успеха в какой-либо профессиональной или творческой деятельности, но сделать это они планируют за счет таких сугубо личных качеств, как трудолюбие, целеустремленность, широкие кругозор.

М.Е. Долгополова, также исследовав по методике Рокича ценностные ориентации молодежи, пришла к выводу, что представители этой возрастной группы несмотря на взгляды общества потребления в полной мере высокие нравственные ценности. «Преобладают «конкретные» ценности профессиональной самореализации и личной жизни среди терминальных ценностных ориентиров. Среди инструментальных ценностей в равной степени проявляются этические ценности, ценности общения, ценности дела, а также ценности самоутверждения» [3, с. 179].

Проанализировав результаты двух опросов молодых людей, проведенных с помощью одной методики М. Рокича, мы можем сделать вывод, что в иерархии ценностей современной молодежи на первых местах стоят духовные убеждения и нравственные установки. Они являются базовыми, а потому крепко сохраняют свои лидирующие позиции несмотря на ценности, характерные для общества потребления.

Приведем данные социологического опроса на тему ценностных предпочтений, проведенного в апреле 2022 года всероссийским центром изучения общественного мнения. Было опрошено 1592 граждан Российской Федерации в возрастном диапазоне от 14 до 35 лет [13].

Результаты опроса во многом схожи с результатами исследований О.В. Захаровой и М.Е. Долгополова и наглядно демонстрируют, что на первое место молодые люди ставят семью. Для молодежи важны как здоровье членов семьи (97% выбрали этот ответ), так и отношения в семье (96% поставили этот вариант на первое место). Материальное положение семьи выделили как приоритетное 95% респондентов.

Следующая большая группа ценностей связана с местом проживания молодых людей и их семей: инфраструктуру поставили на первое место 94% опрошенных, и возможности для достижения жизненных целей важны для 94% молодых людей, экологической обстановке уделяют внимание 90%.

На третьем месте среди ценностных ориентиров стоят экономические ситуация в России (89%) и полноценный досуг (83%). На четвертое место молодые люди в своей общей массе определили саморазвитие и карьерные достижения: они важны оказались для 81% интервьюируемых. Социальный статус важен оказался для 72% молодежи, а творческая самореализация – для 71%. На последних позициях среди ценностных ориентиров разместились социальные ценности: 52% отметили важность участия в общественной и политической жизни страны, а 49% – волонтерскую деятельность и помощь нуждающимся.

Собственное здоровье в силу возраста, интересует лишь 65% респондентов. А 33% отметили, что невнимательно относятся к своему организму. При этом, здесь идет разделение на младшую и старшую возрастные группы и подростки 14–17 лет, еще не имеющие вредных привычек, наиболее часто следят за своим здоровьем.

Иерархия жизненных ориентиров молодежи в нашей стране на апрель 2022 года выглядела так:

- «высокий уровень благополучия (58%);
- жить спокойно, работая и заботясь о семье (54%)
- возможность принести пользу своему народу, обществу, активно участвуя в общественной и политической жизни (26%)» [13].

Нижние строчки в рейтинге ценностей для молодежи занимают такие стремления, как изменить мир к лучшему, изобрести что-то уникальное (17%), беззаботная жизнь (9%), стать популярным: 6% респондентов выбрали этот вариант ответа как приоритетный для себя.

Принимая во внимание разные результаты исследований, мы провели свое изучение ценностных ориентаций современной молодежи путем глубинного интервью. Интервью, взятое у подростка 16 лет выявило, что главные ценности заключаются в семье и семейных традициях, получении образования и поддержании здоровья. Молодая девушка понимает значимость близких людей рядом и эмоционального родства, поэтому ставит в приоритет именно эти ценности. Следующими по значимости идут развитие, материально обеспеченная жизнь и наличие хороших и верных друзей, что вполне логично для этапа самоопределения и определенного страха пе-

ред взрослой самостоятельной жизнью. Вступить в этот этап хочется с близкими людьми и хорошими друзьями. При этом еще не сформировалось четкого понятия о материальном достатке и способах его достижения, т.к. жизнь с родителями исключает финансовые трудности подростка.

Второй наш респондент – молодой человек 19 лет. Он видит для себя ценности в карьере, верных друзьях и крепкой семье. Стремится стать полезным обществу и стране. При этом осознает ответственность за будущую семью, в том числе и материальную составляющую, поэтому хочет получить образование, чтобы найти хорошую работу, которая бы достойно оплачивалась. В его сознании четко выстроена цепочка, в которой трудовой успех базируется на качественном образовании и трудолюбии. Подчеркнем, что он воспринимает образование именно как способ саморазвития, а получив крепкие знания, готов трудиться на благо Родины. Интервьюируемый ценит уважение и стремится в будущем занять определенное положение в обществе, т.е. обладает амбициями. Но понимает, что это не быстрый процесс и готов прикладывать усилия для достижения желаемого, не ждет мгновенного результата, т.к. не верит в стабильность быстрого успеха.

Молодая девушка 27 лет на первое место для себя определила любовь, счастливую семейную жизнь и здоровье. К построению карьеры она не стремится, а видит свою реализацию через семью и личные отношения. Не придает большого значения и материальному благосостоянию. Но это можно объяснить тем, что девушка воспитывалась в достаточно обеспеченной семье и до сих пор ощущает финансовую поддержку родителей. Хотя в целом не демонстрирует потребительского поведения.

Чрезмерное материальное благополучие, роскошь и развлечения не фигурировали в рамках ответов, подчеркивая таким образом важность именно духовных ценностей для наших опрошенных. Все три интервьюируемых отметили, что ценности им привили в семьях, где никогда не ставили достаток и обеспеченность выше любви, поддержки и уважения друг другу.

Таким образом, наше исследование подтвердило приверженность молодого поколения традиционным ценностям, преобладание нравственности и морали над индивидуализмом и потребительским поведением.

Осознавая проблему, которая затронула российской общество в конце XX – начале XXI века с насаждением ценностей потребления и быстрого успеха, Правительством Российской Федерации стало уделять этому вопросу пристальное внимание.

В последнее время в России уделяется повышенное внимание национальным ценностям. [2, с. 4]. Западная экспансия, по мнению аналитиков, уже привела к тому, что в России появилось «потерянное поколение» молодежи – те, кому не привиты моральные нормы и правила, принятые в нашей страны. И это может войти в нормы для нескольких поколений россиян. Необходимо прибавить к этому развитие цифровизации и доступ к любому контенту в интернете, где молодые пользователи не всегда уделяют внимание содержанию, по мнению многих политиков.

Тем не менее, учитывая опасность потери духовных ценностей и возвращения к преобладанию западной культуры и индивидуализма, на уровне государства все больше внимания уделяется нравственным ориентирам. Так, в 2022 году Президент РФ Владимир Путин в Указе «О сохранении и укреплении традиционных духовно-нравственных ценностей». В указе отмечено что угрожает нашим традиционным ценностям: «террористы, «от-

дельные» СМИ, США и другие недружественные страны, транснациональные корпорации» [9].

Противодействовать угрозам предложено за счет реформ образования, науки и СМИ, которые должны проводиться с учетом обозначенных традиционных ценностей. Помимо этого защита традиционных ценностей должна быть отражена в стратегических документах страны. Государство должно активно поддерживать те образовательные и культурные проекты, которые пропагандируют обозначенные ценности.

Актуальность проблемы, очевидная на государственном уровне, не столь очевидна для самой молодежи, которая не считает, что для возрождения национальных ценностей и традиций стоит предпринимать какие-либо усилия. По результатам социологических опросов, проведенных на эту тему «только 11,2% молодых людей в России считают важным уделять внимание возрождению национальных ценностей и традиций» [7]. Это может говорить о том, что еще не начали в полной мере приносить результат те усилия, которые предпринимает государство, или уровень пропаганды нравственности и традиций России пока еще недостаточный.

Заключение

Обзор исследований на тему ценностных ориентиров современной молодежи показал, что единого мнения исследователей в этой области не существует, а результаты опросов разнятся. Так, в одних научных трудах утверждается о преобладании у молодых людей потребительского поведения и материальных ценностей под воздействием интернета, цифровизации и западной культуры. Результаты других научных исследований демонстрируют, что современная молодежь отдает предпочтение традиционным ценностям, таким как семья, друзья, уважение к старшим и образованность.

Проведенное самостоятельное исследование ценностей современной молодежи путем глубинного интервью подтвердило, что на первом месте у людей этого возрастного периода находятся семья, друзья и отношения с близкими. Такие установки были заложены в семьях, которые достаточно культурно развиты и благополучны с финансовой точки зрения, а потому не сформировали у молодых людей стремления к быстрому успеху и заработку ради потребления ненужных товаров и повышения собственного статуса.

Важное значение при формировании традиционных ценностей у молодого поколения отдается не только семье и ближайшему окружению, но и в целом государству. В России в последние годы уделяется этому вопросу повышенное внимание, но о результатах такой государственной политики пока говорить рано. Тем не менее цель обозначена – прививать молодежи традиционные ценности, которые базируются на уважении к ближним, коллективизме, патриотизме.

Литература

1. Белоусова Н.С. Соотношение ценностных ориентаций и субъективного качества жизни молодежи: монография / Н.С. Белоусова, Н.А. Юдина. – Екатеринбург, 2017. – 88 с.
2. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2022 год. [Электронный ресурс] – URL: [http:// https://report2022.oprf.ru/ru-RU/patriotic-consensus.html](http://https://report2022.oprf.ru/ru-RU/patriotic-consensus.html) (дата обращения 05.02. 2025).
3. Долгополова М.Е. Жизненные ценности современной молодежи / М.Е. Долгополова, Е.В. Яценко. // Юный ученый. – 2023. – № 4 (67). – С. 177–180.

4. Захарова О.В. Ценностные ориентиры современной молодежи / О.В. Захарова. // Молодой ученый. – 2018. – № 4 (190). – С. 190–192.
5. Любцова А.В. Ценностные ориентиры современной молодежи в контексте формирования просоциального поведения // Российский психологический журнал. 2020. –Т. 17, № 4. –С. 65–79.
6. Маслодудова Н. В., Шинкевич В.Е. Ценностные ориентации современной молодежи российских регионов // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 5. – С. 213–220.
7. Молодежь и Россия будущего: монография / Горшков М.К., Тихонова Н.Е., Андреев А.Л. и др. М., 2023. – 394 с.
8. Мочалова Н.Ю. Ценностная анемия в молодежной среде / Н.Ю. Мочалова, Д.А. Кунгурова // Социально-культурная деятельность: векторы исследовательских и практических перспектив: Материалы Международной электронной научно-практической конференции, Казань, 21 мая 2021 года. – Казань: Казанский государственный институт культуры, 2021. – С. 482–486.
9. О сохранении и укреплении традиционных духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения 05.02.2025).
10. Перевозчикова А. Н. ценности современной молодежи / А.Н. Перевозчикова // Лучшая студенческая работа 2024: сборник статей XIII Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 05 июля 2024 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. – С. 113–115.
11. Перепелица Р.В. Мировоззренческие ориентиры и проблема ценностного самоопределения современной российской молодежи / Р.В. Перепелица // Наука и молодежь: Материалы XIX Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Барнаул, 18–22 апреля 2022 года. Том 2. – Барнаул: Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, 2022. – С. 33–36.
12. Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 N 489-ФЗ // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения 03.02.2025).
13. Ценности молодежи // ВЦИОМ. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения 03.02.2025).
14. Ценность // Большая Российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/4674699> (дата обращения 03.02.2025).
15. Шевцова М. М. К вопросу о ценностных ориентациях современной молодежи / М.М. Шевцова // Образование, воспитание и педагогика: традиции, опыт, инновации: сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 марта 2024 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. – С. 11–13.

THE WORLD OF VALUES OF A MODERN YOUNG MAN

Yakovko T.V., Rashidova T.R.

Order of the BADGE OF HONOR Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

In the article, the author, having analyzed the age period of “youth” and the hierarchy of values, combines these categories. Having

studied the already conducted research and sociological questions regarding the value orientations of the modern young generation, the author comes to the conclusion that the data from different studies vary significantly. It is noted that some studies demonstrate the predominance of material values and consumer behavior among modern youth, while other scientists claim the leading positions of moral norms and rules. The article presents the results of an in-depth interview with representatives of the younger generation and concludes that modern youth value family, friends and health above entertainment, material benefits and quick success. It is noted that the assimilation of values largely depends on the family, but public policy also plays a major role in this. It is concluded that, in general, modern young people share the traditional values of Russia.

Keywords: values, youth, public policy, traditions, family, generations.

References

1. Belousova N.S. The relationship between value orientations and subjective quality of life of young people: monograph / N.S. Belousova, N.A. Yudina. – Ekaterinburg, 2017. – 88 p.
2. Report on the state of civil society in the Russian Federation for 2022. [Electronic resource] – URL: [http:// https://report2022.oprf.ru/ru-RU/patriotic-consensus.html](http://https://report2022.oprf.ru/ru-RU/patriotic-consensus.html) (date of access 05.02.2025).
3. Dolgoplova M.E. Life values of modern youth / M.E. Dolgoplova, E.V. Yatsenko. // Young scientist. – 2023. – No. 4 (67). – P. 177–180.
4. Zakharova O.V. Value orientations of modern youth / O.V. Zakharova. // Young scientist. – 2018. – No. 4 (190). – P. 190–192.
5. Lyubtsova AV Value orientations of modern youth in the context of the formation of prosocial behavior // Russian Psychological Journal. 2020. –V. 17, No. 4. –P. 65–79.
6. Maslodudova NV, Shinkevich VE Value orientations of modern youth of Russian regions // Social and humanitarian knowledge. – 2019. – No. 5. – P. 213–220.
7. Youth and Russia of the Future: monograph / Gorshkov MK, Tikhonova NE, Andreev AL et al. M., 2023. – 394 p.
8. Mochalova N. Yu. Value anemia among young people / N. Yu. Mochalova, D.A. Kungurova // Social and cultural activity: vectors of research and practical prospects: Proceedings of the International Electronic Scientific and Practical Conference, Kazan, May 21, 2021. – Kazan: Kazan State Institute of Culture, 2021. – Pp. 482–486.
9. On the preservation and strengthening of traditional spiritual and moral values: Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 // [Electronic resource]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (date of access 05.02.2025).
10. Perevozchikova A.N. Values of modern youth / A.N. Perevozchikova // Best student work 2024: collection of articles of the XIII International research competition, Penza, July 5, 2024. – Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2024. – P. 113–115.
11. Perepelitsa R.V. Ideological guidelines and the problem of value self-determination of modern Russian youth / R.V. Perepelitsa // Science and youth: Proceedings of the XIX All-Russian scientific and technical conference of students, graduate students and young scientists, Barnaul, April 18–22, 2022. Volume 2. – Barnaul: Altai State Technical University named after I.I. Polzunov, 2022. – P. 33–36.
12. Federal Law “On Youth Policy in the Russian Federation” dated 30.12.2020 N 489-FZ // ConsultantPlus. [Electronic resource] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (date of access 03.02.2025).
13. Values of Youth // VTsIOM. – [Electronic resource]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (date of access 03.02.2025).
14. Value // Great Russian Encyclopedia. [Electronic resource]. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/4674699> (date of access 03.02.2025).
15. Shevtsova M.M. On the issue of value orientations of modern youth / M.M. Shevtsova // Education, upbringing and pedagogy: traditions, experience, innovations: collection of articles from the VI International Scientific and Practical Conference, Penza, March 5, 2024. – Penza: Science and Education (IP Gulyaev G. Yu.), 2024. – P. 11–13.

Патристика и схоластика как способы философско-теологического исследования: внерелигиозно-рациональное начало схоластики

Аторин Роман Юрьевич,

к.ф.н., доцент кафедры философии Государственного университета управления
E-mail: romanos-85@yandex.ru

Когда речь идёт о Средневековой философии, то первое, что приходит на ум – это развитие идей христианства в контексте, как бы выразились сами философы той эпохи, «света естественного разума» (Фома Аквинский), а проблемы, поднятые средневековой философской мыслью и задачи, возникающие взору умозрения, решённые в то время, кроме того, что подготовили теоретическую почву для развития философского рационализма XVII века, остаются актуальными и до сегодняшнего дня, как минимум по двум основаниям:

а) врождённой потребностью ума проникать в области абстрактных идей, где, свободный от обыденности разум получает удовлетворение интеллектуальным запросам о Боге, бытии, происхождении мира и человека, конечных судеб мира и человечества и пр., облачаемое в форму философской истины;

б) неизбежность проблемы соотношения религиозного и рационального начала в человеческом сознании, решение которой осуществляется каждый раз при исследовании феномена религиозности как экзистенции, а так же рефлексивной оценке официальных религиозных определений и доктрин (догматов), что, в принципе и являлось глобальной философско-мировоззренческой задачей Средневековой мысли.

Ключевые слова: средневековая философия, патристика, схоластика, рациональная теология.

Изучение схоластики предусматривает определённый интеллектуальный тренинг, преимущественно в области аристотелевской формальной логики и латинской терминологии. Следовательно, имеющее место быть мнение, что схоластика предназначена для изложения догматов в упрощённой форме, дабы сделать их доступными для ума представляется нам не совсем верным, так как средневековая схоластика, вопреки распространённому мнению, представляет собою не катехизическое изложение вероучительных основ, а конкретную реализацию философской методологии, выработанную христианскими перипатетиками и неоплатониками того времени в отношении самого тонкого и проблемного «объекта познания» – божественного. Таким образом, схоластика не есть «доступное для ума» выражение церковного вероучения, такова формулировка не совсем отображает её природу.

Основная цель схоластики триединая:

а) установить возможности, способы и пределы теоретическому рассудку в деле познания вообще;

б) определить компетенции богопознания от света естественного разума (рациональная теология);

в) насколько позволяют возможности *ratio*, исследовать отдельные положения религиозной доктрины на её соответствие логике и здравому смыслу (философская теология). Переложение смысла догмы на язык формальной логики и диалектики, выражая его философскими понятиями. Не поддающееся подобному истолкованию то или иное положение веры не должно оцениваться мерками философии и здесь рассудок должен прекратить своё исследование, так как многие положения веры иррациональны, постижение которых происходит на веру, мистически, главным образом в области духовности.

Второстепенная цель, придающая схоластике более широкий смысл – анализ, лаконичность изложения, систематизация и научение. Дидактическая составляющая схоластики всегда востребована в учебных заведениях разного уровня в деле постижения начал любой науки.

На христианском востоке же, более востребованным оказывается созерцательный характер философии Платона, появляется *патристика* – (с греч. *патэрас* – отец) – учение святых отцов и учителей Церкви (ближневосточных христианских стран и областей). Философско-литературное оформление аксиом религиозного опыта, выведение и обоснование законов «духовного делания» посредством богословия – особой формы религиозной философии, основывающейся на синтезе религиозно-мистической практики и разума, предназначенной для изложения сути учения определённой религии (или конфессии).

Если западный теолог действует от «тонкости ума» и его возможностей, то восточный богослов – от глубины религиозного переживания и степени богопознания, в основе которого, положена *религиозная вера*¹, которая, по Феодориту Кирскому, «имеющая нужду в позна-

¹ «Вера есть добровольное согласие души, созерцание сокровенного, постижение невидимого» (Блж. Феодорит, епископ Кирский).

нии, подобно как и познание в вере, ибо ни вера без познания, ни познание без веры быть не могут. При этом вера предшествует познанию, а познание предшествует познанию, а познание следует за верою» [4, с. 118].

Теологии важно, преимущественно достижение логической безупречности. Богословие патристики, неотрывное от религиозной практики обосновывает то состояние сознания, когда происходит снисхождение божественной благодати, обретение духовных добродетелей любви и смирения, стремление к нравственному совершенству. Речь идёт о катарсисе – религиозном очищении, возможность осуществления которого русским философом Иваном Ильиным идентифицируется как признак зрелой, совершенной религии, способной осуществить в субъекте названный духовный акт [2, с. 298]. Патристику таким образом можно назвать «теорией и практикой святости». *В то же время, нельзя утверждать однозначно об игнорировании или «второстепенности» духовного опыта схоласта-теолога, так как духовный опыт не является его целью, как учёного. Учёность не приводит к святости, однако ничто не мешает быть святым учёному, но теолог не задаётся целью рассказать о собственной религиозной субъектности.* В целом же патристика и схоластика сходны в главном: невозможность постижимости божественной природы по сущности. Однако дух/религиозность и разум есть две нити, посредством которых осуществляется постижение божественных явлений (энергии, благодати).

Если схоластическая теология более «универсальная», так как основывается на действии разума как такового, то её знания о божестве наиболее «узнаваемы» и востребованы в интеллектуальном научном мире, где религиозные границы становятся более общими, ибо единство логических законов позволяет выработать некое внеконфессиональное и внедоктринально-догматическое понятие о божестве¹, доступное восприятию естественным рассудком, говорить о божестве среди учёных посредством единого понятийного аппарата вне религиозных убеждений. Не случайно схоластический метод расчистил дорогу той научной форме европейской философии, которая появляется позже, называемая «классической».

В ситуации с патристикой дело обстоит принципиально иначе. Конкретный религиозный опыт, осуществляемый в отдельной религиозной культуре уникален. Особенности мировосприятия, менталитета, языка (греческий на востоке и латинский на западе), то, некое «архетипическое», вложенное в природу человека, свойственное «коллективному бессознательному», культурные особенности и т.п. – всё это факторы, оставляющие неизгладимый отпечаток во внутреннем мире человека и привносят свои специфические черты в то, как человек ищет Бога и каким образом он осуществляет связь и общение со своим объектом поклонения посредством «религиозности». А описание и объяснение настоящего выведенного опыта и есть одна из основных целей патристики, что не лишает её определённой доли «конфессионального субъективизма», так как универсальная теоретико-методологическая и стилистическая сторона для патристики не всегда является главной. Не случайно патристику от схоластики отличает большее литературное разнообразие и насыщенность (повествование, гимнография и пр.). Платоновская метафизика с её углублением в сущность идеи, а также последующее диалектическое развитие объективного идеализма как философского направления неоплатониками остаётся главной теоретической основой патристики.

¹ Особенно это касается монотеистических религий.

Патристика появляется ранее, чем схоластика и хронологически почти примыкает к апологетике. Уже в IV веке появляются Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Григорий Нисский (и др.) сочинения, которых составляют золотой фонд христианской мысли. Востребованность наследия эпохи патристики и поныне отчётливо прослеживается в Православии и богословской науке данной ветви христианства, являющегося духовным и культурным преемником восточно-византийского христианства. Труды свв. Отцов церкви актуальны сегодня представляют как теоретико-исследовательский интерес богословской науки Патрология, так и в качестве практического духовного руководства. Отметим чрезвычайную популярность патристики в русском православии.

Историческое первенство патристики, и, особенно тот факт, что сочинения свв. Отцов не отличаются такой систематичностью, виртуозами которой были схоласты, позволяет некоторым западным исследователям рассматривать это направление в качестве предуготовительного этапа к собственно «Средневековой философии», под которой этими учёными понимается развитие идей данной эпохи, происходившее в ключе схоластики. В частности, А. Штёкль пишет: «То, что Отцы Церкви излагали большею частью отрывочно, в сочинениях случайного характера, то великие мыслители Средних веков объединили и из отдельных камней построили сложные системы. Чего недоставало патристике в смысле систематической обработки материала, то восполнило средневековое умозрение» [5, с. 77]. В этом не совсем согласны отечественные исследователи, так как, необходимо признать, что свв. отцы ни в коем случае не ограничивались одной лишь мистико-созерцательной стороной дела, а вполне философски решали конкретные умозрительные задачи: рациональная формулировка христианских догматов (Символ Веры), их экзегетическая сторона, доказательства верности, а так же попытка систематизации [1, с. 8–9].

Однако ещё раз обратим внимание на ту особенность, составляющую, на наш взгляд принципиальное различие между схоластикой и патристикой в том, что первая пользуется универсальными рациональными приёмами, присущие естеству человеческого ума в целом, как такового, вне какой-либо религии и, исходя, лишь из этих принципов выстраивает свою рациональную теологию, являющуюся собственно теоретической наукой.

Патристика использует возможности *ratio* внутри самого христианского вероучения, обосновывая его истинность и благо в тесной связи с практической религиозностью. Схоластике не чужда и эта цель, однако обоснование данной возможной роли схоластики мы оставляем в ведении представителей католического богословия, и то, насколько рациональная теология, как одно из направлений философии удовлетворяет их внутренние религиозно-субъективные, интеллектуально-конфессиональные богословские запросы.

Схоластика как рациональная метода представляет больший интерес в философии как таковой без всяких профессиональных подтекстов.

В завершение отметим следующее. Не смотря на общепринятое разделение Средневековой философии на схоластику, как прерогативу западноевропейских мыслителей, а патристику – восточных, данное разграничение существует не без известной степени условности. Например, сочинения восточного мыслителя Иоанна Дамаскина построены в соответствии духу и методу схоластики, а из числа представителей западной патристики можно назвать имена Аврелия Августина и Амвросия Медиоланского. Более того, начало ранней схола-

стики, связанное с именем Ансельма Кентерберийского, отмечено явно платоническими тенденциями [3, с. 179], доминирование которых более характерно для православного патристического Востока.

Тем не менее, все так называемые «различия» между патристикой и схоластикой не дают оснований для противоречий и взаимоисключений двух основных направлений Средневековой философии. Формально-логический, аналитико-спекулятивный характер схоластики с одной стороны, и созерцательно-мистический опыт восточных святых отцов с другой только свидетельствуют о разнообразии и возможностной актуализации познавательных способностей человека: рационально-рассудочного (интеллектуального) и мифолого-религиозного.

Два указанных модуса мировосприятия, равнозначных и равноценных, но исследующих разные стороны сознания, диалектически участвуют в философском воспроизводстве в целом, и лишь в зависимости от эпохи, времени, направления и характера развития мысли мы видим превалирование то рациональной, то мистической стороны.

Что же касается Средневековья – то «такой антагонизм между схоластикой и мистикой был чрезвычайно благоприятен для развития средневекового умозрения. Так как оба направления, при всём своём различии, не утрачивали единства в христианской мысли, но дополняли друг друга и взаимно уравновешивали, а это предохраняло их от ложных крайностей» [5, с. 77–78].

Литература

1. Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения / Сост. С.В. Перевезенцев. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 448 с.: илл. – (Мировая философия).
2. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. – Мн.: «Харвест». Издательство Белорусского Экзархата, 2006. – 592 с.
3. Пивоваров Д.В. Религия в поисках истины, знания и веры: опыт религиозный и опыт научный / Д.В. Пивоваров. – СПб.: Алетейя, 2017. – 554 с.
4. Феодорит Кирский. Врачевание эллинских недугов. Слово 1 // О богопознании. Книга 1. – М.: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2004. – 368 с.

5. Штёкль А. История средневековой философии / Альберт Штёкль. – М.: Вече, 2023. – 304 с. – (Всемирная история).

PATRISTICS AND SCHOLASTICISM AS WAYS OF PHILOSOPHICAL AND THEOLOGICAL RESEARCH: THE EXTRA-RELIGIOUS AND RATIONAL PRINCIPLE OF SCHOLASTICISM

Atorin R.Yu.

State University of Management

When it comes to Medieval philosophy, the first thing that comes to mind is the development of the ideas of Christianity in the context of, as the philosophers of that era themselves would put it, the “light of natural reason” (Thomas Aquinas), and the problems raised by medieval philosophical thought and the tasks facing philosophical speculation, solved at that time. In addition to providing the theoretical ground for the development of philosophical rationalism of the 17th century, they remain relevant to this day, for at least two reasons:

a) the innate need of the mind to penetrate into the realm of abstract ideas, where, free from the mundane, the mind receives satisfaction from intellectual inquiries about God, existence, the origin of the world and man, the ultimate destinies of the world and humanity, etc., clothed in the form of philosophical truth;

β) the inevitability of the problem of the correlation of religious and rational principles in human consciousness, the solution of which is carried out every time when studying the phenomenon of religiosity as an existence, as well as a reflective assessment of official religious definitions and doctrines (dogmas), which, in principle, is a global philosophical and ideological task of Medieval thought.

Keywords: medieval philosophy, patristics, scholasticism, rational theology.

References

1. Anthology of philosophy of the Middle Ages and the Renaissance / Comp. S.V. Perevezentsev. – M.: OLMA-PRESS, 2001. – 448 p.: ill. – (World Philosophy).
2. Ilyin I.A. Axioms of religious experience. – Mn.: “Harvest”. Publishing House of the Belarusian Exarchate, 2006. 592 p.
3. Pivovarov D.V. Religion in search of truth, knowledge and faith: religious experience and scientific experience / D.V. Pivovarov. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2017. 554 p.
4. Theodoret of Kirsk. Healing of Hellenic ailments. The Word 1 // About the knowledge of God. Book 1. Moscow: Holy Trinity Sergius Lavra, 2004. 368 p.
5. Shteckl A. The history of medieval philosophy / Albert Shteckl. – M.: Veche, 2023. – 304 p. – (World History).

Постнеклассическая наука как основа глобальной цифровой научной трансформации

Захаров Михаил Юрьевич,

д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии
Государственного университета управления
E-mail: my_zakharov@guu.ru

Шишкова Анастасия Викторовна,

к.ф.н., доцент кафедры философии Государственного
университета управления
E-mail: av_shishkova@guu.ru

Статья посвящена осмыслению ряда философских оснований постнеклассической науки в контексте цифровой трансформации современной науки. Авторы исходят из того, что использование цифровых технологий в исследовательской деятельности и качественное изменение форм инфраструктурного обеспечения науки становятся ведущими трендами научно-исследовательской деятельности. Рассмотрена история становления постнеклассического подхода и высказано предположение, что постнеклассическая наука, как концептуальная и методологическая парадигма, характеризующаяся интеграцией различных научных дисциплин и акцентом на контекстуальность знаний, а также признающая сложность и динамичность изучаемых явлений, может стать ключевым фактором в развитии более устойчивого и ответственного подхода к научному познанию в эпоху цифровых технологий. Показано, что будущий цифровой облик науки будут определять междисциплинарность, цифровая форма, большой массив обслуживаемых данных, повышенная скорость извлечения знаний при соблюдении устойчивости развития самой науки и открытость цифрового научного знания. Сделан вывод, что для осмысления цифрового будущего требуется междисциплинарный подход на принципиально новой прогностической методологической основе, и именно постнеклассическая наука может стать не только основой для новых методов исследования, но и катализатором изменений в самой структуре научного сообщества.

Ключевые слова: цифровизация науки, цифровое будущее общества, междисциплинарный подход, постнеклассическая наука.

Введение

Сегодня практически никто не сомневается в важности науки для общества, научные знания стали неотъемлемой частью всех сфер жизни, и мы наблюдаем настоящую революцию в способах хранения и получения новых научных данных. Уровень науки как социального института достиг рекордных высот: современная наука охватывает более 14 тысяч дисциплин, а количество людей, занимающихся научной деятельностью, к началу XXI века (согласно данным ЮНЕСКО) превысило пять миллионов, причем с 2007 по 2015 год этот показатель увеличился более чем на 20% [2]. В последние годы наблюдается общий рост числа научных публикаций; в 2019 году их глобальный объем увеличился на 21% по сравнению с 2015 годом [6]. Около 80% чистой стоимости бизнеса формируется благодаря научным исследованиям и разработкам, причем доля цифровых технологий продолжает расти. Цифровые технологии являются ключевыми для будущей экономической конкурентоспособности, и большинство специалистов считает, что современная наука движется в цифровое будущее, которое, однако, в настоящее время сложно поддается четкому научному описанию.

При этом в общественном сознании уже сегодня сформировалось понимание, что наука в своем развитии не одинока – двигаясь в познании, она «постоянно резонирует с развитием других областей культуры» [5, с. 15], цифровое будущее общества и науки неразделимы, ибо только последняя способна придать новое цифровое качество экономике, обеспечить ее переход на инновационно-ориентированную модель.

Постнеклассический подход к пониманию научного познания и цифровизации науки

Начать необходимо с того, что наука во все времена являлась многозначным дискуссионным понятием, и попытки выработать единое рабочее определение науки всегда были обречены на провал из-за сложной природы данного феномена. Но на сегодняшний день ученым удалось выработать некие всеобщие черты, характеризующие специфику данной исторической формы познания окружающего мира.

1. Наука – это специализированная, профессионально организованная сфера доказательной духовной деятельности человека, направленная на рациональное (безусловно включающее элементы иррационального) познание мира, стремящаяся объективно отражать действительность, ибо наука занимается достижением только истинного знания, адекватно отражающего бытийствующие объекты. Общество, формируя когнитивный заказ, всячески поддерживает этот особый социальный институт, обеспечивающий полный жизненный цикл научного знания, начиная от рождения, трансформации, распределения и заканчивая архивацией и уничтожением.

2. Научное знание является логически непротиворечивым, способным к воспроизведению, оно, за исключением, пожалуй, социально-гуманитарного знания [1], традиционно абстрагируется от проблемы ценностей,

вынесения ценностных суждений. Оно, как правило, существует в систематизированной форме, формирующейся с использованием особой методологии в ходе научных исследований. В действительности человек имеет дело не просто с научным знанием, а с определенной формой эмпирического или теоретического (метатеоретического) знания; совокупность этих форм позволяет конструировать единую и целостную картину мира, получая в итоге общезначимое, логически обоснованное, в большей мере эмпирически проверяемое знание. Это особое знание позволяет выявлять сущностные повторяющиеся связи и элементы объектов, формировать на этой основе естественные законы их функционирования и развития.

3. Наука должна находиться в постоянном развитии, поскольку именно этот процесс обеспечивает её рациональный и эмпирический характер. Если наука останавливается в своём росте, она рискует утратить свою сущность, превращаясь в статичное знание, лишённое динамики и адаптивности. Способ роста науки – это не просто движение вперёд, а сложный и многогранный процесс, который включает в себя как накопление новых знаний, так и пересмотр устоявшихся теорий. Это развитие бесконечно по своей природе, потому что важным аспектом этого бесконечного развития является способность науки к самоанализу и самокоррекции. В отличие от многих других областей человеческой деятельности, где традиции и устоявшиеся нормы могут препятствовать изменениям, наука поощряет сомнение и переосмысление. Научная деятельность – одна из немногих сфер человеческой активности, где ошибки подвергаются систематической критике и часто исправляются со временем, давая нам возможности создавать более точные и надёжные теории и основания говорить о прогрессе [3, с. 325, 327].

4. Выделение единственной преобладающей сущностной характеристики науки представляется затруднительным; более корректным будет говорить о её полиаспектности. Это подтверждается разнообразием определений науки, среди которых можно выделить следующие:

- система знаний о законах и закономерностях, свойствах и отношениях объектов различной природы;
- особый вид познавательной деятельности, целью которой является выработка объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире;
- социальный институт, основная функция которого заключается в производстве научного знания.

Этот список можно было бы продолжить, но как видится доминирующий сущностный элемент определяет подход, используемый исследователем.

Наука имеет различные исторические формы, а это, в свою очередь, требует от философов науки постоянного внимания к развитию научного знания и переосмысления роли науки в обществе.

Во многих современных исследованиях предлагается многогранная критика традиционных подходов к философскому осмыслению науки. Так, традиционный подход к философии науки часто основывался на логическом позитивизме, который утверждал, что научные утверждения должны быть проверяемыми и эмпирически обоснованными. Однако не все значимые научные теории можно проверить непосредственно, и многие из них опираются на теоретические конструкции, которые не поддаются прямой эмпирической проверке. В ответ на эту критику К. Поппер предложил фальсификацию как критерий демаркации между наукой и ненаучными теориями, но и фальсификация не всегда применима, поскольку многие научные теории могут быть

модифицированы для сохранения их жизнеспособности перед контраргументами.

Еще одно направление критики связано с представлением о том, насколько наши теории действительно описывают реальность. Пока традиционные реалистские подходы предполагают, что научные теории описывают объективную реальность, анти-реализм утверждает, что многие теории могут быть полезными и успешными без необходимости отражать истинную природу вещей. Кроме того, традиционные модели часто рассматривают научное развитие как линейный процесс, где старые теории заменяются новыми более точными, однако исторические примеры показывают, что наука может развиваться нелинейно и иногда происходит «парадигмальный сдвиг», как описал Т. Кун. Критики традиционных подходов также часто указывают на то, что наука не является исключительно рациональным процессом, а находится в прямой зависимости от влияния социальных, культурных и политических факторов. Более того, комплексные научные задачи современности требуют интеграции знаний из разных областей и обязательного учета моральных последствий научных исследований [7].

Таким образом, в XX веке стала очевидна необходимость более комплексного и многогранного подхода к пониманию научного познания. Ученые стали говорить о постнеклассической науке, которая объективно формируется на новом информационном витке исторического движения познания, «структурно сопрягая все то, что было достигнуто на предыдущих этапах, обозначаемых как классика и неклассика, и дополняя их соответствующей качественно новой атрибутикой научного концептуального аппарата» [4].

Постнеклассическая наука – это концептуальная и методологическая парадигма, возникшая в ответ на ограничения классической науки и ее подходов. Она характеризуется интеграцией различных научных дисциплин, акцентом на контекстуальность знаний, а также признанием сложности и динамичности изучаемых явлений. Кроме этого, сложная природа многих научных явлений заставляет признать неопределенность и необходимость разрабатывать такие новые подходы к моделированию и анализу данных, которые учитывают вероятность и неопределенность. В одной из классических работ, возникшей как следствие современных открытий, ее автор, В. Гейзенберг обсуждает философские последствия появления квантовой механики. Конечно, релятивистская теория пространства и времени имеет длинную философскую историю, однако с развитием квантовой механики и подтверждением эффекта наблюдателя с новой силой были подчеркнуты ограничения классического подхода к знанию как отражению объективной реальности: знание о природе реальности всегда остается неполным из-за принципа неопределенности [8]. Помимо этого, постнеклассическая наука исследует взаимосвязь между научным знанием и социальными изменениями, а также акцентирует внимание на этических и социальных последствиях научных исследований.

В работах отечественного ученого В.С. Степина обосновываются фундаментальные идеи постнеклассической науки, такие как нелинейность, коэволюция, самоорганизация, глобальный эволюционизм, синхроничность, системность, человекоразмерность, согласно которой человек включен в объект исследования, не только через условия познания, а как изначально необходимая часть реальности (антропный принцип). К этим системам можно отнести и сложные природные комплексы, включающие человека, такие как биосфера, ноосфера, биотехнические системы [5].

Иными словами, постнеклассическая наука представляет собой ответ на вызовы современности, предлагая более гибкий и многогранный подход к пониманию мира.

Научно-технический прогресс, меняя жизнь человека и общества, вынужден решать одни вопросы жизнедеятельности и рождать новые проблемы человеческого существования. Сегодня этот прогресс связывают с цифровыми трансформациями, которые охватывают все сферы общества, включая и науку как один из важнейших социальных институтов. Использование цифровых технологий в исследовательской деятельности, качественное изменение форм инфраструктурного обеспечения науки становится ведущим трендом научно-исследовательской деятельности. Последний, к сожалению, не нашел пока должного отражения в публикациях по тематике цифровой трансформации науки. Сегодня активно используются термины «цифровизация», «цифровое знание», «цифровая наука» и даже «цифровое познание», «цифровое мышление», однако понять, что стоит за ними во многих случаях просто невозможно, не говоря уже о категориальном аппарате самой цифровой науки. Не добавляет ясности и появление новых научных направлений таких как гуманитарная информатика, компьютерная лингвистика, киберпсихология и т.д. Создание четких теоретических моделей, которые объясняют природу, сущность цифровой науки, формирование новой парадигмы цифровых исследований – задача не близкого будущего.

Постнеклассическая наука может стать ключевым фактором в развитии более устойчивого и ответственного подхода к научному познанию в эпоху цифровых технологий. Важной составляющей постнеклассической науки является акцент на контекстуальности и социальном конструктивизме, подчеркивая важность культурных и социальных факторов в научном познании. В условиях цифровой трансформации это приводит к более активному вовлечению различных стейкхолдеров в научный процесс – от ученых до широкой общественности. Научные данные становятся доступными для анализа не только профессиональным исследователям, но и гражданским активистам, способствуя появлению новых форм коллаборации и участия в научном процессе. Таким образом, постнеклассическая наука может стать не только основой для новых методов исследования, но и катализатором изменений в самой структуре научного сообщества.

Заключение

Цифровизация науки является необратимым процессом и затронет все без исключения отрасли научного знания. Осмысление сущности процессов цифровых трансформаций науки, цифрового будущего в целом вряд ли под силу одной конкретной науке, здесь требуется междисциплинарный подход на принципиально новой прогностической методологической основе. Последняя предполагает объединение различных методологических подходов, научных дисциплин (например, размывание границ между естественными и социальными науками), исследовательских умений и даже понятийных аппаратов, а также создания единого программного обеспечения для получения данных, их анализа и интерпретации.

Можно предположить, что будущий цифровой облик науки будут определять междисциплинарность, цифровая форма, большой массив обслуживаемых данных, повышенная скорость извлечения знаний при соблюдении устойчивости развития самой науки и, наконец, открытость цифрового научного знания. Все это, несо-

мненно, будет способствовать осмыслению глобальных проблем цифрового мироустройства, системным качеством которого будет являться цифровая безопасность, что в конечном итоге приведет к преобладанию научного знания, развенчанию предположения о поглощении цифровой наукой традиционной науки в полном объеме. Напротив, цифровая наука позволит сохранить инновационный потенциал, целостность и эффективность малых научных структур, она выступит в качестве связывающего звена в огромном потоке цифровой информации.

По всей видимости именно постнеклассическая наука станет исходной точкой глобальной цифровой научной трансформации, так как ее методологический потенциал включает ряд принципиальных положений, необходимых для данного процесса: признание ограниченности любого методологического подхода (способа, приема) и несовершенства всех форм теоретического знания (идея, концепция, теория и т.п.); методологический плюрализм для решения научных проблем и постановки научных задач; способность научного знания изменять форму и содержание. В данном процессе важно осмысление философских оснований постнеклассической науки как системы, которая допускает различные вариации философских идей и их интерпретаций, обосновывающих цифровую научную картину мира, новые научные нормы и идеалы, что является гарантом методологически верного эвристического поиска и, в конечном итоге, включения данной исторической формы науки в культуру общества. С одной стороны, выбор конкретных философских идей и принципов остается за постнеклассикой, с другой – новые философские основания способствуют включению принципиально новых объектов в предметную область науки.

Литература

1. Бермус А.Г. Введение в гуманитарную методологию: Научная монография / А.Г. Бермус. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. – 336 с.
2. Доклад ЮНЕСКО по науке: на пути к 2030 г. – Париж: Изд-во ЮНЕСКО, 2015; М.: МАГИСТР-ПРЕСС, 2016. – 794 с.
3. Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы: [пер. с англ. Л.В. Блинников, В.Н. Брюшинкин, Э.Л. Наппельбаум, А.Л. Никифоров]. – М.: Прогресс, 1983. – 605 с.
4. Постнеклассика: философия, наука, культура: Коллективная монография / Отв. ред. Л.П. Киященко и В.С. Степин. – СПб.: Мирь, 2009. – 672 с.
5. Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
6. Шнееганс С., Льюис Дж., Страза Т. Доклад ЮНЕСКО по науке. Наперевонки со временем: за более умное развитие – рабочее резюме. – Париж: Издательство ЮНЕСКО, 58 с.
7. Barker G., Kitcher P. Philosophy of science: a new introduction / G. Barker, P. Kitcher, – New York, NY: Oxford Univ. Press, 2014. – 180 p.
8. Heisenberg W. Physics and philosophy: the revolution in modern science. Amherst, N.Y.: Prometheus Books, 1958.

POST-NONCLASSICAL SCIENCE AS A BASIS FOR GLOBAL DIGITAL SCIENTIFIC TRANSFORMATION

Zakharov M.Yu., Shishkova A.V.
State University of Management

This article is dedicated to the reflection on several philosophical foundations of post-nonclassical science in the context of the digi-

tal transformation of contemporary science. The authors argue that the use of digital technologies in research activities and the qualitative change in the forms of infrastructural support for science are becoming leading trends in scientific research. The history of the emergence of the post-nonclassical approach is examined, and it is suggested that post-nonclassical science, as a conceptual and methodological paradigm characterized by the integration of various scientific disciplines and an emphasis on the contextuality of knowledge, as well as recognizing the complexity and dynamism of the phenomena studied, may become a key factor in developing a more sustainable and responsible approach to scientific knowledge in the era of digital technologies. It is shown that the future digital face of science will be determined by interdisciplinarity, digital form, large volumes of processed data, increased speed of knowledge extraction while ensuring the sustainability of science itself, and the openness of digital scientific knowledge. It is concluded that understanding the digital future requires an interdisciplinary approach based on a fundamentally new predictive methodological foundation, and that post-nonclassical science can serve not only as a basis for new research methods but also as a catalyst for changes within the structure of the scientific community.

Keywords: Digitalization of science, digital future of society, interdisciplinary approach, post-nonclassical science.

References

1. Bermus A.G. Introduction to humanitarian methodology: A scientific monograph / A.G. Bermus. – Moscow: “Kanon+” ROOI “Rehabilitation”, 2007. – 336 p.
2. UNESCO Report on Science: Toward 2030. – Paris: UNESCO Publishing House, 2015 / M.: MAGISTR-PRESS, 2016. – 794 c.
3. Popper K. Logic and the growth of scientific knowledge. Selected Works: [translated from English by L.V. Blinnikov, V.N. Brushinkin, E.L. Nappelbaum, A.L. Nikiforov]. – Moscow: Progress, 1983. – 605 p.
4. Postneclassics: Philosophy, Science, Culture: A Collective Monograph / Edited by L.P. Kiyashchenko and V.S. Kiyashchenko. C. Stepin. – SPb.: Mir, 2009. – 672 p.
5. Stepin V.S. Theoretical Knowledge. – Moscow: Progress-Tradition, 2003. – 744 p.
6. Schneegans S., Lewis J., Straza T. UNESCO Report on Science. Racing against time: for smarter development – Executive Summary. – Paris: UNESCO Publishing House, 58 p.
7. Barker G., Kitcher P. Philosophy of science: a new introduction / G. Barker, P. Kitcher, New York, NY: Oxford Univ. Press, 2014. – 180 p.
8. Heisenberg W. Physics and philosophy: the revolution in modern science. Amherst, N.Y.: Prometheus Books, 1958.

Понятия свободы и смысла в работах Ж.-П. Сартра и В. Франкла

Чупин Данил Дмитриевич,

аспирант Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева

В статье рассматривается подход известного французского экзистенциалиста Ж.-П. Сартра к проблеме человеческой свободы, свободы самоопределения, обретения ввиду и благодаря этой свободе цели, ценности, смысла жизни. Представлена критика такого подхода, с которой выступил его современник – В. Франкл, указав на слабые стороны сартровского видения указанного вопроса. Проведён подробный анализ авторских позиций. На его основании сделан вывод о том, что авторы обращаются к отличной одна от другой проблематике, что ставит под вопрос справедливость критики Франкла.

Ключевые слова: свобода, смысл жизни, экзистенциализм, логотерапия, транссубъективность, самотрансценденция.

Проблема смысла жизни, её ценности и целей – без преувеличения одна из важнейших для человека, а может быть и самая важная из фундаментальных философских проблем. Очень близко к ней прилегает и другая – проблема человеческой свободы во всех её проявлениях. Ведь какова бы ни была цель – и её определение, и её достижение, равно как и невозможность последнего, в конечном итоге будут результатом выбора, либо следствием отсутствия такового. Более того, можно сказать, что феномен свободы, причём совершенно независимо от контекста, обладает, по всей видимости, свойством интенциональности: говоря о свободе, мы в конечном счёте всегда подразумеваем некоторый предмет, на который она оказывается направлена. Предельно ясно эту мысль в своё время выразил Ницше, используя такие формулировки, как «свобода от» и «свобода для», когда названным выше «предметом» и выступает некоторая ценность или смысл.

Потому на протяжении тысячелетий мыслители разных эпох, в различных уголках земного шара вновь и вновь обращаются к этим вопросам, предлагая по результатам собственных изысканий разнообразные концепции и мировоззренческие системы, призванные, по мнению их авторов, помочь человеку не сбиться с правильного пути, обрести подлинную свободу и отыскать так или иначе смысл своей жизни.

Одни из наиболее известных работ, посвящённых в том числе проблемам смысла и свободы в их неразрывной связи, принадлежат представителю французского экзистенциализма Жану-Полу Сартру, а также его современнику, австрийскому неврологу, психотерапевту и создателю логотерапии – Виктору Франклу.

В своей небольшой, но очень важной, программной работе «Экзистенциализм – это гуманизм» Сартр, определяя основы экзистенциальной философии, пишет: «Существование предшествует сущности» [1, с. 321]. Смысл этого известного выражения можно коротко описать следующим образом. Отрицая существование Бога, а также какой бы то ни было человеческой природы, могущей заранее, до рождения конкретного человека определить его суть, цель и смысл, Сартр утверждает: то, какие мы есть и зачем мы живём, определяем только мы сами. Потому человек сначала обретает существование, появляется в мире, и только потом исключительно собственными усилиями, в результате самостоятельного поиска определяет для себя смысл собственной жизни, её сущность.

Более того, для него «нет детерминизма, человек свободен, человек – это свобода» [1, с. 327]. В представлении Сартра свобода в некотором смысле тотальна, неизбежна, человек обречён на свободу, ведь поскольку только он сам определяет свою судьбу, на нём лежит вся полнота ответственности за собственное будущее, что зачастую является достаточно тяжёлой ношей. В этой связи не лишним будет вспомнить Э. Фромма, пишущего о «бегстве от свободы» [2, с. 12] как источника тревоги и неуверенности.

Как бы то ни было, Сартр настроен весьма оптимистично. На страницах своей работы он пытается показать, что его позиция по-настоящему гуманна (отсюда и название сочинения), потому что согласно ей человек обладает колоссальными возможностями реализации

себя, и всё, что от него требуется, это быть деятельным и не искать оправданий во внешних обстоятельствах: «Трус делает себя трусом и герой делает себя героем» [1, с. 334].

Действительно, сартровский подход выглядит весьма жизнеутверждающим, и, тем не менее, он был подвергнут критике, причём автором её оказался другой известный глашатай свободы и ответственности – Виктор Франкл. Почему так произошло?

Одна из главных идей Франкла, которую он снова и снова отстаивает на страницах своих сочинений, заключается в том, что смысл жизни, ценности, которые принимает и реализует человек, носят объективный характер: «Смыслы суть нечто иное, чем сами люди», [3, с. 292] и далее «смыслы обнаруживаются, а не придумываются» [3, с. 292]. Всё это, по мнению Франкла, «противоположно утверждению Жана-Поля Сартра, что идеалы и ценности выдумываются человеком», что «человек придумывает сам себя» [3, с. 292].

Если мы вновь обратимся к тексту Сартра станет ясно, что имеется в виду. Анализируя положение человека, он пишет, что «ему не на что опереться ни в себе, ни вовне» [1, с. 327], что «нет никакого другого мира, помимо человеческого мира, мира человеческой субъективности» [1, с. 343], и потому, в конце концов, любая возможность, избранная человеком, «имеет ценность именно потому, что она выбрана» [1, с. 326], а сам человек «творит себя, выбирая мораль» [1, с. 339] и самостоятельно «устанавливает ценности» [1, с. 340].

Подчёркивая субъективность сартровских смыслов и ценностей, Франкл стоит на их объективном (или ещё «трансубъективном», что в данном случае также означает непринадлежность самому человеку) характере, причём объективном «необходимо», ведь только в таком виде они могут выступать фундаментом человеческой жизни. В подтверждение своей точки зрения он приводит ряд аргументов. Так, «трансубъективность (смыслов, ценностей) переживается человеком в действительности», это «видно из того, как он говорит о своем опыте» [3, с. 293]. И действительно, когда мы говорим о смысле жизни, мы склонны использовать слово «найти». Найти то, что находится вовне, за пределами нашей личности, не принадлежит нам, является частью объективно существующего окружающего нас мира. Такую устремлённость человека за пределы себя для обретения себя самого же Франкл называл «самотрансценденцией».

О том, что смысл находится, а не творится человеком, говорит, по мнению Франкла, и следующее рассуждение. На каждый заданный вопрос существует только один ответ – правильный. Так и жизнь, сталкивая человека с разнообразными трудностями, помещая его в ту или иную ситуацию, так же предполагает вопрос, на который предстоит *найти* правильный ответ – истинный смысл этой ситуации. Потому в ответ на жизненный вызов невозможно сказать: «Вот мой ответ – правильный он или неправильный» [3, с. 293]. Обретение настоящего смысла такого вызова возможно только в результате поиска: не внутри себя, а вне – в мире вокруг, в окружающих людях, работе, творчестве, созидании.

Всё сказанное выше, в конце концов, должно, по мнению автора, показать несостоятельность сартровского подхода к целям и ценностям как к продукту исключительно человеческой воли. Возражая против безосновности, которую привносит в понятие смысла жизни Сартр, Франкл проводит аналогию между взглядами последнего и фокусником, который бросает верёвку в воздух, и хотя она, как кажется, ни к чему не прикреплена, он всё равно сможет взобраться по ней. Однако, продолжает он, человек никогда не «проецирует идеал в пусто-

ту» [3, с. 292] подобно фокуснику: осуществление смысла вряд ли возможно, если не сохраняется его объективная природа, если последнее не переживается самим человеком, что «совершенно необходимо для его душевного здоровья и моральной целостности» [3, с. 292].

Иными словами, для того, чтобы смысл действительно являлся таковым, мог выступать одновременно и прочным фундаментом, и ориентиром в жизни человека, недостаточно просто решить, придумать, сформулировать – последний должен непременно быть найден вовне, принадлежать миру вокруг, миру объективности, разворачивающейся за пределами каждого конкретного субъекта.

И действительно, критику эфемерности субъективного смысла в пользу объективной, неоспоримой его природы вполне можно понять и даже согласиться с ней. Однако, если хорошо присмотреться к текстам обоих авторов, их аргументам, развитию их мыслей и строящимся логическим цепочкам, можно обнаружить, что такая критика не вполне справедлива: рассуждая об одной и той же проблеме, Сартр и Франкл, вместе тем, пишут о двух принципиально разных, качественно отличных друг от друга её аспектах.

Так, можно предположить, что Сартр, из раза в раз отстаивая индетерминизм и субъективность в сфере человеческого самоопределения, старается подсветить, сделать как можно более ясной общую логику своего подхода, которая заключается примерно в следующем: в мире без Бога (автор известен как представитель атеистической ветви экзистенциализма), а значит и без всякого изначального смысла есть, тем не менее, надежда на обретение последнего, и, более того, источником такой надежды выступает сам человек.

В некотором отношении сартровская свобода и творящиеся благодаря ей смыслы – это свобода, какую вменял человеку в достоинство Мирандола. Свобода Сартра тотальна, но оттого и возникает надежда и повод для оптимизма, что благодаря такому её свойству становится возможным преодоление любых невзгод и разрешение любых трудностей. Свобода здесь означает не что иное, как поистине безграничные возможности, доступные человеку, а благополучие последнего оказывается полностью в его руках.

В том же время Франкл обращается к самой природе феномена смысла, конкретным его особенностям и способам обретения. Не стоит забывать, что сам Франкл известен в первую очередь как создатель логотерапии, как практикующий психотерапевт, человек, получивший медицинское образование и занимавшийся проблемами неврологии и психиатрии. Разумеется из-под пера Франкла выходили и специальные философские работы, которые при этом, что так же важно помнить, выступали теоретической основой его профессиональной деятельности. Потому-то не «трагедия человека в мире без Бога» занимает автора, а, например, *деятельное* обретение смысла, как залог счастливой жизни. Принципиально по-разному расставленные акценты – то, что вероятно отличает двух обсуждаемых авторов и делает рассматриваемую ими проблематику не сводимой одна к другой.

В этой связи можно вновь обратиться к уже упомянутому в самом начале Фридриху Ницше и проповедям его Заратустры. Последний так же уделяет большое внимание проблеме свободы человека и его отношений с окружающими людьми в свете этой проблемы. Заратустра «учит» о сверхчеловеке – том, кто смог возвыситься, скинув оковы навязанных обществом ценностей, кто сам творит их благодаря силе внутренней свободы. Не будет преувеличением сказать, что для ницшеанско-

го героя свобода есть важнейшее основание жизнедеятельности, равно как и проблема свободы сама по себе выступает одной из важнейших для философии самого Ницше. И вместе с тем подобно первым двум авторам он исследует особые аспекты феномена свободы, отличные от тех, что освещают Сартр или Франкл.

При таком подходе, учитывая всё вышесказанное, вероятно, устраняется противоречие, которое легло в основу критики Франкла, обращённой к сартровской мысли. Действительно, проблема свободы, смысла и их взаимосвязей чрезвычайно широка, что не позволяет в отдельной работе или даже ряде работ объять всё её содержание, выделить и подвергнуть тщательному анализу каждый из её аспектов. Более того, эта проблема, подобно другим фундаментальным проблемам философии, остаётся дискуссионной и по сей день, что создаёт необходимость в новых, современных исследованиях, посвящённых данному вопросу.

Литература

1. Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А.А. Яковлева: Перевод. – М.: Политиздат, 1990. – 398 с.
2. Бегство от свободы. Человек для себя / Эрих Фромм; пер. с англ. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. – 571 с.
3. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник [пер. с англ. и нем., общ. ред. Гозман Л.Я., Леонтьев Д.А.; вст. ст. Леонтьев Д.А.] / Прогресс. – Москва, 1990. – 368 с.
4. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли в пяти томах. Т. 1. Античность, Средние Века, Возрождение / Редактор-составитель I тома В.П. Шестаков. – М.: Изд. Академии художеств СССР, 1962. – 682 с.
5. Фридрих Ницше Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого [пер. В.В. Рынкевича, под ред. И.В. Розовой] / М.: Интербук, 1990.

CONCEPTS OF FREEDOM AND MEANING IN THE WORKS OF J.-P. SARTRE AND V. FRANKL

Chupin D.D.

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev

The article examines the approach of the famous French existentialist J.-P. Sartre to the problem of human freedom, freedom of self-determination, finding in view of and thanks to this freedom a goal, value, meaning in life. The article presents criticism of this approach, which was made by his contemporary V. Frankl, who pointed out the weaknesses of Sartre's vision of this issue. A detailed analysis of the authors' positions is carried out. Based on this analysis, it is concluded that the authors address different problems from each other, which calls into question the validity of Frankl's criticism.

Keywords: freedom, meaning of life, existentialism, logotherapy, transsubjectivity, self-transcendence.

References

1. Twilight of the Gods / Comp. and general editor A.A. Yakovlev: Translation. – Moscow: Politizdat, 1990. – 398 p.
2. Escape from Freedom. Man for Himself / Erich Fromm; trans. from English. – Moscow: ACT: ACT MOSCOW, 2006. – 571 p.
3. Frankl V. Man's Search for Meaning: Collection [trans. from English and German, general editors Gozman L.Ya., Leontiev D.A.; insert articles Leontiev D.A.] / Progress. – Moscow, 1990. – 368 p.
4. History of Aesthetics. Monuments of World Aesthetic Thought in Five Volumes. V. 1. Antiquity, Middle Ages, Renaissance / Editor-compiler of Volume I V.P. Shestakov. – M.: Publ. of the USSR Academy of Arts, 1962. – 682 p.
5. Friedrich Nietzsche Thus Spoke Zarathustra. A Book for All and for No One [trans. V.V. Rynkevich, edited by I.V. Rozova] / M.: Interbook, 1990.

Влияние трансформации международных политических процессов на развитие оборонно-промышленного комплекса

Бобошко Андрей Александрович,

к.э.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет
E-mail: boboshko25@gmail.com

Оборонно-промышленный комплекс в современном мире играет двойственную роль. С одной стороны, он обеспечивает страну мощным инструментом для защиты интересов и стратегического влияния. С другой – развитие данного комплекса неразрывно связано с политическими, экономическими и социальными реалиями, которые накладывают ограничения и формируют рамки возможностей. Политико-административные институты, общественная поддержка, дипломатические форматы, международные соглашения, научный и кадровый потенциал – все эти аспекты определяют траекторию роста или стагнации оборонной промышленности. Политологический анализ помогает выявить структуру взаимодействия разных акторов, от правительства до транснациональных корпораций, и понять, как формируются решения в сфере вооружений и военных технологий. На практике же успех реформ и проектов в оборонно-промышленном комплексе часто зависит от совокупности политической воли, грамотного управления и наличия широкой общественной легитимности. Именно гармоничная интеграция экономических, технологических и политических факторов позволит государству использовать оборонно-промышленный комплекс как инструмент национального развития, при этом учитывая гуманитарные и международно-правовые ограничения, которые становятся все более важными в условиях глобальной взаимозависимости.

Ключевые слова: оборонно-промышленный комплекс, политические решения, политологический анализ, государственное управление, развитие.

Современное развитие оборонно-промышленного комплекса представляет собой сложный и многоплановый процесс, в котором переплетаются интересы государства, бизнеса и общества. При анализе этого развития требуются не только экономические, но и политологические методы, поскольку оборонная промышленность всегда находилась под пристальным вниманием правительств и транснациональных структур. Государственные приоритеты и стратегические задачи формируют базовую основу для определения направлений роста военного потенциала и соответствующих отраслей промышленности. В то же время, динамика мировых политических процессов оказывает существенное влияние на распределение ресурсов, технологические партнерства и международные ограничения. Политологи, изучающие подобные вопросы, уделяют особое внимание тем факторам, которые регулируют взаимодействие различных институтов власти друг с другом и с оборонным бизнесом, а также механизмам выработки политических решений, влияющих на формирование концепции национальной безопасности.

При этом глобальные вызовы, связанные с ростом конфликтов нового типа и быстрым распространением современных технологий, заставляют государства пересматривать модели взаимодействия с частным сектором и научными организациями [4]. Традиционная модель, при которой разработка и производство военной техники были сосредоточены в руках нескольких крупных государственных структур, уступает место более диверсифицированным формам сотрудничества с высокотехнологичными компаниями. В таких условиях государство берет на себя роль координатора, который регулирует спрос и предложение, задает ключевые приоритеты и контролирует оборонные контракты, часто сталкиваясь при этом с комплексом коррупционных и бюрократических рисков. Поэтому политологический анализ развития оборонно-промышленного комплекса не может ограничиваться только макроэкономическими показателями: требуются исследования политических институтов, формирующих условия для функционирования стратегических отраслей.

Одним из центральных вопросов, который волнует исследователей, является проблема легитимности затрат на оборону в глазах общества [2]. Многие страны, сталкиваясь с нехваткой бюджетных средств, пытаются найти оптимальный баланс между социальными расходами и военными программами. Политики разных идейных направлений используют вопрос оборонных расходов в своих стратегиях, пытаясь склонить электорат либо к увеличению финансирования армии, если ситуация с безопасностью требует этого, либо к его сокращению в пользу иных приоритетов. Формирование общественного мнения по данной тематике становится важным элементом политической борьбы. Средства массовой информации и политические элиты стремятся объяснить гражданам, почему им необходимо поддерживать ту или иную концепцию развития оборонно-промышленного комплекса. Возникает целый спектр аргументов, включая экономическую выгоду от экспортных поставок оружия, рост рабочих мест в соответствующих сегментах

производства и обеспечение стратегического технологического суверенитета.

При этом современные конфликты часто выходят на новый уровень, становясь гибридными и многокомпонентными, что еще больше усложняет задачу планирования оборонных проектов. Развитие информационных технологий привело к возникновению таких проблем, как кибербезопасность и борьба с дезинформацией. Эти аспекты дополняют классические задачи военного сектора, требуя новых компетенций и инновационных решений. В результате сфера оборонных разработок расширяется за счет включения информационно-коммуникационных технологий, систем искусственного интеллекта и других высокотехнологичных областей. Государства начинают активно сотрудничать с частными компаниями, имеющими ведущие позиции в разработке программных продуктов, чтобы создать комплексное решение для киберзащиты и опережающего анализа угроз. При этом регулятивные механизмы, традиционно сформированные для контроля над конвенциональными вооружениями, оказываются вынуждены адаптироваться к новым реалиям, что порождает дополнительную потребность в политологическом осмыслении изменений.

Используя теоретические подходы к изучению политических систем, можно выделить ряд факторов, определяющих развитие оборонно-промышленного комплекса в глобальном масштабе [7]. Среди них региональные конфликты, гонка вооружений, технологическая конкуренция, формирование военных блоков, а также глобализация экономических процессов. При этом, несмотря на процесс транснационализации мировой экономики, государства остаются основными субъектами, определяющими параметры отраслевой политики. Вмешательство государства особенно заметно, когда речь идет о вопросах, связанных с национальной безопасностью, суверенитетом и стратегическим балансом сил на мировой арене. Именно поэтому оборонно-промышленный комплекс тесно соприкасается с национальной политикой, и любое решение в этой сфере отражается не только на экономических показателях, но и на статусе страны на мировой арене и ее дипломатических отношениях с партнерами или соперниками.

При изучении процессов, связанных с обороной, важно учитывать непредсказуемость международных отношений. Экономические санкции, торговые войны, технологические ограничения и другие инструменты давления, применяемые в глобальной политике, серьезно влияют на возможности государств модернизировать свою оборонную промышленность [5]. С одной стороны, санкции могут препятствовать получению критически важных технологий и комплектующих, вынуждая страны активнее развивать собственные производственные цепочки и стимулировать локальные инновации. С другой стороны, закрытость и самоизоляция могут вести к замедлению научно-технического прогресса в ряде отраслей, поскольку международная кооперация и обмен опытом способствуют ускоренному развитию. В итоге политика в области обороны становится предметом тонких компромиссов и стратегических расчетов, а политологический анализ позволяет выявить скрытые смыслы и механизмы, которыми руководствуются ключевые игроки на этом поле.

Особый интерес для политической науки представляет проблема публичной дипломатии и формирования образа военной мощи в глазах международного сообщества [1]. Государства, стремясь убедить партнеров и потенциальных противников в своей военной успешности, могут прибегать к демонстрации новейших вооружений на международных выставках, проводить крупно-

масштабные учения или участвовать в многосторонних операциях по поддержанию мира. С помощью таких шагов они пытаются укрепить свой геополитический статус, привлечь новых союзников или, напротив, оказать сдерживающее воздействие на конкурентов. Однако подобные действия должны быть согласованы с ресурсными возможностями и технологической базой оборонной промышленности: политическая демонстрация без реального экономического и научного фундамента может привести к подрыву международного имиджа вместо его укрепления.

Сегодня мы можем наблюдать, как ведущие страны мира стремятся занять лидирующие позиции в области военных технологий, при этом в игру вступают такие факторы, как интеллектуальная собственность, доступ к редкоземельным металлам, а также наличие необходимой инфраструктуры для быстрой интеграции инноваций. Политологи акцентируют внимание на том, что развитие оборонно-промышленного комплекса неразрывно связано с моделями государственного управления и уровнем политической стабильности [3]. Сильные институты, способные эффективно перераспределять ресурсы и регулировать отношения между заинтересованными сторонами, обеспечивают более устойчивое развитие стратегических отраслей. В то же время, при отсутствии прозрачных правил и работающих механизмов политической конкуренции возникают риски перерастания крупных оборонных заказов в источник коррупции и нецелевого расходования средств.

Особую роль в развитии оборонно-промышленного комплекса играет научно-технический потенциал страны. Исследовательские институты, университеты и конструкторские бюро заняты разработкой новых видов вооружений, технических решений, а также улучшением существующих систем [1]. Для эффективного функционирования данной сферы необходимы не только бюджетные ассигнования, но и продуманная кадровая политика, которая позволяет воспитывать целые поколения компетентных научных работников и инженеров. Политологический контекст проявляется в том, что государство формирует стратегию финансирования и оказывает инструментальную поддержку исследованиям, определяя приоритеты и сроки выполнения. При этом интересы военно-промышленного комплекса могут конкурировать с потребностями гражданских областей науки, требуя соответствующей расстановки приоритетов на уровне национальной политики.

Нередко в политических дебатах, посвященных развитию оборонных предприятий, важнейшим аргументом становится вопрос о доле экспорта вооружений. От этого зависят валютные поступления, международная репутация и политические альянсы [3]. Страна-экспортер, поставляющая современную военную технику на внешний рынок, может отчасти компенсировать высокие затраты на оборону и облегчить нагрузку на государственный бюджет. С другой стороны, экспорт оружия может вызвать со стороны мирового сообщества опасения о возможном эскалационном эффекте или нарушении регионального баланса сил. Политологи указывают, что подобная дилемма требует осторожного подхода, сочетающего экономические выгоды и политические риски. Резкое увеличение объема поставок оружия в определенные регионы может привести к росту напряженности или даже к конфликтам, а смена политических приоритетов импортеров способна обернуться потерей важных рынков для страны-экспортера.

Вопросы, связанные с легитимностью использования новых вооружений, становятся центром полемики в международных организациях и на различных дипломати-

ческих площадках. Многие политики и эксперты утверждают, что на фоне усиления военных расходов растет потребность в контроле над новыми системами вооружений и технологиями двойного назначения [9]. Детальное регулирование передачи технологий, совместные инспекции, соглашения об ограничении определенных видов вооружений – все это пытаются институционализировать, чтобы снизить риски глобальной дестабилизации. Однако скорость научно-технического прогресса столь высока, что правовые механизмы часто отстают от реальности. Политологическая проблематика здесь заключается в выяснении того, каким образом можно согласовать интересы держав, стремящихся сохранить технологическое превосходство, и общие интересы безопасности для всего международного сообщества.

Другой ключевой аспект – взаимодействие оборонно-промышленного комплекса с гражданским сектором. В последние десятилетия наблюдается рост числа так называемых двойных технологий, то есть находящихся применение как в военной, так и в гражданской сфере [4]. Это могут быть космические технологии, беспилотные летательные аппараты, системы навигации и связи, которые генерируют синергетический эффект для экономики в целом. При определении политических приоритетов возникает вопрос об объемах государственной поддержки таких программ и о трансфере военных разработок в гражданские области. С политологической точки зрения, подобные решения принимаются в контексте более широкой дискуссии о роли государства в стимулировании инноваций. При этом политики осознают, что научно-технический задел, полученный в оборонных исследованиях, способен увеличить конкурентоспособность страны в глобальной экономике. Однако в условиях ограниченности ресурсов и неоднозначных общественных оценок военной тематики далеко не всегда удается найти оптимальную формулу распределения инвестиций.

В условиях глобальной неопределенности и меняющейся конфигурации сил растет значение международной кооперации в области оборонной промышленности [6]. Коалиции государств могут объединять научно-производственный потенциал и разделять затраты на разработку сложных систем, таких как многоцелевые истребители, подводные лодки или системы ПРО. Подобное сотрудничество закрепляется в рамках межгосударственных соглашений, двусторонних договоренностей или же осуществляется через международные организации. Политические выгоды таких объединений включают в себя усиление доверия между партнерами, упрощение процедур закупки и снабжения, а также общий прогресс в области стандартизации. Тем не менее, каждая страна старается сохранить собственную технологическую базу и не допустить слишком глубокой зависимости от внешних поставщиков. Отсюда и возникают конфликты интересов, приводящие к задержкам в реализации общих проектов или к осложнениям при согласовании условий лицензирования.

Российский оборонно-промышленный комплекс, как яркий пример масштабной системы, проходит через фазы модернизации, сопряженные с реформированием управления, реорганизацией предприятий и обновлением технической базы [5]. Политические аспекты в данном случае играют особенно важную роль, поскольку от решений государства по финансированию и структурным изменениям в отрасли зависят не только военные возможности страны, но и гражданские сферы, связанные с переориентацией части предприятий на производство мирной продукции. Политологи выделяют несколько направлений анализа: процесс лоббирования

различных интересов внутри политических элит, поиск баланса между стратегической автономией и международным сотрудничеством, а также изучение механизмов общественного контроля над военными расходами. В условиях санкций и ограниченного доступа к западным технологиям перед Россией встает вопрос о формировании собственной технологической независимости и развитии альтернативных каналов кооперации, включая активизацию связей с новыми партнерами в Азии, на Ближнем Востоке и в Латинской Америке.

Литература

1. Счетная палата РФ «Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 гг.»
2. Дементьев А.Н. Проблемные аспекты экономико-правовой экспертизы нормативных правовых актов в сфере реализации промышленной политики в Российской Федерации // «Административное и муниципальное право», 2018, N 9. С. 12.
3. Государственная программа развитие оборонно-промышленного комплекса https://www.consultant.ru/law/podborki/gosudarstvennaya_programma_razvitiye_oboronno-promyshlennogo_kompleksa/ (дата обращения: 20.02.2025)
4. Vlasov M.P., Modenov A.K., Harchenko O.V. Modelling of the supply chain planning for the business and economic security /International Journal of Supply Chain Management. 2020. Т. 9. № 3. С. 750–756.
5. Моденов А.К., Власов М.П. Особенности экономической безопасности в цифровой экономике/Петербургский экономический журнал. 2020. № 2. С. 121–134.
6. Моденов А.К., Лихоносов А.Г. Национальная экономика и тренды ее восстановления в условиях роста военных рисков у границ России /В сборнике: Проблемы экономической безопасности в условиях цифровизации экономики. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. Санкт-Петербург, 2022. С. 72–76.
7. Al Ayub Ahmed A., Acwin Dwijendra N.K., Bynagari N.B., Modenov A.K., Kavitha M., Dudukalov E. Multi project scheduling and material planning using lagrangian relaxation algorithm/Industrial Engineering and Management Systems. 2021. Т. 20. № 4. С. 580–587.

THE INFLUENCE OF THE TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL POLITICAL PROCESSES ON THE DEVELOPMENT OF THE MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX

Boboshko A.A.

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

In the modern world, the defense-industrial complex plays a dual role. On one hand, it provides the country with a powerful tool to protect its interests and strategic influence. On the other, the development of this complex is inextricably linked with political, economic, and social realities that impose restrictions and shape the framework of possibilities. Political and administrative institutions, public support, diplomatic formats, international agreements, and scientific and personnel potential – all of these aspects determine the trajectory of growth or stagnation of the defense industry. Political analysis helps to reveal the structure of interaction among various actors, from the government to transnational corporations, and to understand how decisions in the field of armaments and military technologies are made. In practice, the success of reforms and projects in the defense-industrial complex often depends on a combination of political will, competent management, and the presence of broad public legitimacy. It is precisely the harmonious integration of

economic, technological, and political factors that will allow the state to use the defense-industrial complex as a tool for national development, while taking into account humanitarian and internationally legal restrictions, which are becoming increasingly important in the context of global interdependence.

Keywords: defense industrial complex, political decisions, political analysis, public administration, development.

References

1. Accounts Chamber of the Russian Federation "Analysis of privatization processes of state property in the Russian Federation for the period 1993–2003."
2. Dementiev A.N. Problematic aspects of economic and legal expertise of normative legal acts in the field of industrial policy implementation in the Russian Federation // "Administrative and Municipal Law", 2018, No. 9. P. 12.
3. State Program for the Development of the Defense-Industrial Complex https://www.consultant.ru/law/podborki/gosudarstvennaya_programma_razvitie_oboronno-promyshlennogo_kompleksa/ (accessed on: 20.02.2025)
4. Vlasov M.P., Modenov A.K., Kharchenko O.V. Modeling of the supply chain planning for business and economic security /International Journal of Supply Chain Management. 2020. Vol. 9. No. 3. P. 750–756.
5. Modenov A.K., Vlasov M.P. Features of economic security in the digital economy /St. Petersburg Economic Journal. 2020. No. 2. P. 121–134.
6. Modenov A.K., Likhonosov A.G. National economy and trends of its recovery amid growing military risks at Russia's borders / In the collection: Problems of economic security in the context of digitalization of the economy. Materials of the Interregional Scientific and Practical Conference with International Participation. St. Petersburg, 2022. P. 72–76.
7. Al Ayub Ahmed A., Acwin Dwijendra N.K., Bynagari N.B., Modenov A.K., Kavitha M., Dudukalov E. Multi-project scheduling and material planning using the Lagrangian relaxation algorithm/Industrial Engineering and Management Systems. 2021. Vol. 20. No. 4. P. 580–587.

Государственная поддержка бизнеса в Китае в условиях кризиса: опыт пандемии COVID-19

Гайнутдинова Людмила Александровна,

доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
E-mail: lgaynutdinova@list.ru

Пахомова Мария Артуровна,

соискатель, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
E-mail: mariap2707@gmail.com

Распространение COVID-19 по всему миру привело к катастрофическим последствиям для социально-экономической сферы многих стран. Однако Китай, благодаря целому ряду факторов политического, социально-экономического и культурного порядка, с этим вызовом смог справиться. Несмотря на определенные ошибки в реагировании на пандемию и вызванный ею экономический кризис, китайский путь к восстановлению отличался системностью и последовательностью государственных программ поддержки бизнеса, а жесткая политика в области здравоохранения обеспечила социально-экономическую устойчивость в стране. Пандемия выявила устойчивость и эффективность существующей модели взаимоотношений государства и бизнеса в кризисной ситуации. Сегодня китайский опыт государственной поддержки в условиях кризиса привлекает внимание многих исследователей в сфере политики, экономики и государственного управления.

Ключевые слова: Китай, государственная поддержка, бизнес, кризис, пандемия COVID-19.

Введение

Пандемия нанесла серьезный ущерб большинству предприятий Китая, начиная с закрытия границ (что отразилось на международной торговле), закрытия предприятий (временного или постоянного) и сокращения расходов потребителей. В результате большинство фирм прекратили свою деятельность или сократили объемы операций, что привело к увольнению определенного числа работников и, соответственно, к росту безработицы. Чтобы предотвратить негативные последствия для экономики, правительство Китая приняло решение оказать бизнесу ту или иную помощь для поддержки их деятельности. Масштабы государственного вмешательства в значительной степени зависели от ситуации в том или ином регионе страны, в соответствии с которой и определялась специфика этой поддержки.

Политическая координация в период пандемии

На начальном этапе пандемии COVID-19 правительством Китая были введены строгие меры профилактики и контроля, в результате которых резко сократилась вся экономическая деятельность. По данным Национального бюро статистики Китая, ВВП Китая снизился на 6,8% в течение первого квартала 2020 года, поскольку предприятия на начальном этапе пандемии закрылись. Больше всего пострадали оптовая и розничная торговля, сократившись на 17,8%, строительный сектор, который сократился на 17,5%, а также транспортная отрасль. Индустрия туризма, в свою очередь, сообщила о падении на 68,8% [4].

Сложившаяся в стране ситуация требовала политической координации усилий всех уровней власти государства с привлечением значительного числа представителей китайского бизнеса. Заметную роль в разработке нормативно-правовых актов, которые повлияли в этот период на деловую среду в Китае, сыграли государственные институты управления:

- *Национальное управление по медицинским изделиям:* надзор за регулированием и одобрением медицинских изделий, обеспечение их безопасности, эффективности и доступности во время пандемии;
- *Главное таможенное управление* опубликовало заявление, «отражающее ответственность Китая как ответственной большой страны», где приведены цифры об экспорте основных противозидемических материалов, необходимых для защиты населения. В этом заявлении также упоминалось, что китайские противозидемические материалы обеспечили поддержку и гарантию международному сообществу в совместной борьбе с эпидемической ситуацией[6];
- *Министерство торговли Китая:* в апреле опубликовало декларацию об усилении надзора за качеством экспорта и заявило, что меры будут «динамично корректироваться в зависимости от развития эпидемической ситуации» [1];
- *Налоговые службы* приняли меры по облегчению налогового бремени для отечественных компаний, направленные на поддержание их финансовой ста-

бильности и стимулирование продаж на внутреннем рынке. Эти меры варьировались от провинции к провинции. Большинство из них касалось последствий эпидемии и были направлены на содействие непрерывному экономическому циклу и стабильному и устойчивому развитию в провинции. Это включало снижение налогов, арендной платы и другие стимулы для китайских компаний[7];

- **Министерство экономики:** национальная комиссия по развитию и реформам опубликовала Заключение о реализации мер по содействию расширению производственных мощностей и повышению качества потребления, а также ускорению формирования сильного внутреннего рынка, в которых было представлено 19 заключений по стимулированию потребления [3]. Документ призывал к жестким действиям правоохранительных органов против практики недобросовестной конкуренции и решительным мерам пресечения нарушений прав интеллектуальной собственности, а также производства и продажи контрафакта;
- **Министерство науки и технологий** приняло ряд мер по научно-техническим инновациям для поддержки возобновления производства и бесперебойного функционирования экономики[2].

Благодаря широкому спектру принятых мер уже в первом квартале 2023 года Китай стал постепенно возвращаться к той жизни, которая была до пандемии.

Политика стабилизации и карантина: директивы и рекомендации

В целом, государственную политику периода пандемии можно разделить на две группы: стабилизационную политику, направленную на оказание экономической поддержки фирмам, и политику карантина, направленную на сдерживание распространения COVID-19, впервые введенные в действие на местном уровне. Начиная с 20 февраля 2020 года центральное правительство Китая объявило о ряде общенациональных мер, которые будут осуществляться региональными правительствами, и многие из них являлись продолжением и усовершенствованием местной политики.

Необходимо учитывать тот факт, что китайское правительство представляет собой многоуровневую иерархию, три уровня которой участвуют в разработке политики: центральный, провинциальный и городской (или префектурный). Провинциальные и городские власти отвечают за широкий спектр региональных вопросов и обладают высокой степенью автономии в управлении местной экономикой. Поскольку Китай является крупной страной с существенными региональными различиями, центральное правительство обычно объявляет руководящие принципы политики и рекомендации для региональных правительств, которые затем разрабатывают свои собственные процедуры реализации политики, учитывающие местные потребности и ограничения. Этот принцип принятия политических решений господствовал и на протяжении всего периода пандемии. Соответственно, в принятых на общенациональном уровне документах ряд пунктов предписывал обязательные действия, другие просто рекомендовали возможные варианты действий. Наибольший интерес представляют именно директивные указания (политические директивы), поскольку в отличие от рекомендаций можно ожидать, что они будут неукоснительно выполняться. Политическая директива содержит обязательные ключевые слова, а также конкретную числовую цель, например

количество месяцев, на которые должно применяться освобождение, или ставку, по которой должны субсидироваться кредиты. Можно привести пример директивы и рекомендации, чтобы проиллюстрировать их различия.

1. **Директива:** малые и средние предприятия, арендующие недвижимость у государственных предприятий для производственной и коммерческой деятельности, будут освобождены от уплаты арендной платы за два месяца в феврале и марте.

2. **Рекомендация:** каждое государственное агентство по кредитным гарантиям должно предоставлять льготы по оплате предприятиям, которые серьезно пострадали от пандемии.

Стоит отметить, что большинство политических мер, которые были осуществлены в Китае, можно найти и в других странах: политика социального дистанцирования (приказы не выходить из дома) была широко принята во всем мире; отсрочки и освобождения от уплаты налогов и выплаты по социальному обеспечению были приняты в большинстве развитых стран, таких как Соединенные Штаты, Япония, Корея и крупные европейские страны; финансовая поддержка, такая как продление срока кредитования, также оказывалась во многих из этих стран, причем некоторые из них были непосредственно ориентированы на МСП, такие как Фонд грантов для малого бизнеса (SBGF) в Великобритании и KfW Fast Loans в Германии.

Политика финансово-экономической поддержки

Начиная с февраля, правительства провинций и городов ввели в действие множество мер экономической поддержки фирм, среди которых можно выделить четыре основных направления:

Снижение арендной платы

Политика снижения арендной платы обычно означала предоставление освобождения от арендной платы на один-два месяца коммерческим арендаторам, арендующим объекты, находящиеся в государственной собственности. В отличие от этого, владельцы частной недвижимости поощряли, а не требовали, согласовывать условия снижения арендной платы со своими арендаторами.

Социальное обеспечение/Отсрочка уплаты налогов

Китайские фирмы обязаны выплачивать взносы на социальное страхование за своих сотрудников, и общая ставка составляет около 55% от базовой заработной платы сотрудников. Во время кризиса COVID-19 большинство городов предоставляли фирмам отсрочку выплат по социальному обеспечению на срок до трех месяцев. В то время как некоторые города предоставляли отсрочки автоматически, другие требовали, чтобы фирмы подавали заявки и получали одобрение властей до предоставления отсрочек. В начале февраля 2022 года в некоторых городах также была введена политика отсрочки уплаты налогов, позволившая малым и средним предприятиям откладывать платежи по корпоративному подоходному налогу на срок до трех месяцев. Основное различие между отсрочками по социальному обеспечению и налоговыми отсрочками заключалось в том, что отсрочки по социальному обеспечению часто применялись к предприятиям автоматически, в то время как налоговые отсрочки требовали от них подачи заявления, требующего одобрения налоговых органов. Следует отметить, что общенациональная политика в отношении социального обеспечения и налоговых выплат представляла собой существенное усовершенствование по сравнению с политикой, проводившейся местными органами власти.

В дополнение к отсрочкам эта политика также предусматривала освобождение от уплаты налогов и субсидии на стабилизацию занятости.

Поддержка кредитных гарантий

Схемы кредитных гарантий были разработаны для того, чтобы помочь, в первую очередь, малым и средним предприятиям получить доступ к банковским кредитам, и были приняты более чем в половине стран мира. Они предоставляют сторонние гарантии по кредитам, привлеченным малыми и средними предприятиями, и несут ответственность за частичное или полное погашение этих кредитов банкам-эмитентам в случае дефолта. Во время пандемии некоторые китайские города приняли меры по снижению порога, которому должны соответствовать фирмы, чтобы получить гарантированный кредит. Эти меры включали, в частности, требование к государственными агентствам по гарантированию кредитов отменить требования о встречных гарантиях для заемщиков, предлагать сниженную плату за свои услуги или запрашивать меньшие гарантийные депозиты.

Кредитная поддержка

Политика поддержки кредитования включала в себя одно или несколько из следующих действий: прямое предоставление кредита, субсидирование процентов, компенсацию рисков и отсрочку погашения кредита. Первое относилось к увеличению суммы кредитов для частного бизнеса или выдаче кредитов для оказания чрезвычайной помощи малым и средним предприятиям. Второе касалось субсидий на выплату процентов по новым бизнес-кредитам, взятым в 2020 году. Третье – увеличения размера компенсации банкам городскими властями убытков от невозврата кредитов. Последнее относилось к предписанию банкам и финансовым учреждениям отсрочить погашение кредита или предоставить пролонгированные кредиты фирмам, испытывающим операционные трудности.

В целом, Китай уделял большое внимание поддержке своей экономики с помощью финансовых стимулов. В частности, следует отметить меры, принятые для поддержки покупательной способности населения. Среди них особое место занимает выдача цифровых купонов. Если в США в значительной степени ставка была сделана на широкомасштабную раздачу потребителям наличных денег, то в Китае применялся более целенаправленный подход с использованием цифровых купонов с определенными минимальными расходами. В совместном исследовании китайских и американских специалистов (Цзин Дина из Харбинского технологического института, Лэй Цзян из Университета Цинхуа, Люси Мсолл из Чикагского университета и Мэтью Нотовидигдо из Университета Бута) сделан вывод, что купонные программы были экономически эффективной стратегией, которая не позволяла людям просто размещать стимулирующие средства на своих сберегательных счетах. Исследователи проанализировали влияние более 651 000 цифровых купонов на покупки в супермаркетах и доставку продуктов в трех городах Китая в течение пяти месяцев 2021 года. Каждый купон давал покупателям скидку 25–50%, если они тратили 120 йен, или около 17,15 долларов США[8]. Чтобы понять, действительно ли купоны увеличивают потребление, исследователи проанализировали потребительские расходы за три месяца до раздачи купонов и сравнили их с тремя месяцами после истечения срока действия купонов. Было обнаружено, что потребители тратили больше на те виды покупок, на которые они получали купоны. В то же время они тратили примерно столько же на те категории покупок,

на которые они не получали скидок. Дополнительные расходы привели к увеличению числа покупок потребителей за счет налоговых скидок, стимулирующих выплат и других программ получения купонов на покупки, которые не требовали минимальной суммы покупки. Одна из причин, по которой купонная стратегия работала лучше, заключалась в том, что люди не могли хранить деньги на своих сберегательных счетах, как это произошло со стимулирующими мерами в США. Каждый юань, потраченный на купоны, приводил к дополнительным потребительским расходам в размере около 3 юаней.

Что касается малого и среднего бизнеса (МСП), то для него была разработана политика облегчения платежей, а именно социальное обеспечение и налоговые льготы или отсрочки и снижение арендной платы, что помогло облегчить нехватку денежных средств у фирм и способствовало восстановлению деловой активности малых и средних предприятий. Конечно, эффективность государственной поддержки достаточно сильно различалась в зависимости от объективных и субъективных характеристик бизнес-организации: более крупные (с точки зрения годового объема продаж или занятости) МСП с большей вероятностью получали льготы по социальному обеспечению и налогам, снижение арендной платы и финансовую помощь[5]. Самозанятые МСП с меньшей вероятностью получали финансовую поддержку и отсрочку платежей по сравнению с зарегистрированными МСП. Фирмы, которые ранее занимали средства в банках, также с большей вероятностью получали кредит или ссуды во время пандемии. И важно отметить, что политические связи, измеряемые по тому, является ли владелец малого и среднего бизнеса членом Коммунистической партии Китая, не оказывали влияния на предоставление помощи после учета других факторов.

В целом результаты выхода из кризиса показывают, что проводимая государством политика поддержки, как правило, благоприятствовала производственным предприятиям малого и среднего бизнеса, а финансовая поддержка, в частности, являлась приоритетной для малых и средних предприятий, уже имевших опыт отношений с банками.

Заключение

В целом экономические потрясения в Китае из-за пандемии сильнее всего затронули такие сектора, как производство, гостиничный бизнес и туризм. Однако осознание правительством необходимости повышения устойчивости и диверсификации бизнеса привело к достаточно быстрой адаптации к новому экономическому кризису. При этом, сектор здравоохранения и информационных технологий продемонстрировал значительный потенциал роста, чему способствовал повышенный спрос на медицинские услуги и цифровые решения. Эффект государственной политики по поддержке бизнеса был значительным, благодаря жесткому контролю со стороны государства и ярко выраженному приоритету отечественного производителя в ущерб иностранным фирмам. Чтобы смягчить последствия пандемии COVID-19 и добиться максимально быстрого восстановления, китайские власти скорректировали как налоговую, так и денежно-кредитную политику, направленную на стабилизацию и подъем бизнеса. Краткосрочная политика сдерживания, макроэкономические корректировки и полная поддержка государственных стимулов были признаны целесообразными для поддержания здоровых условий ведения бизнеса и экономики, а жесткая прагматичная политика в области здравоохранения обеспечила социально-экономическую устойчивость в стране.

Литература

1. Announcement No.12 of the Ministry of Commerce, the General Administration of Customs, and the State Administration for Market Regulation on Further Enhancing Quality Oversight for Exported Epidemic Prevention and Control Supplies. 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/significantnews/202004/20200402959471.shtml> (дата обращения 18.12.2024)
2. China Promotes Development of National Technology Innovation Centres. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://research.hktdc.com/en/article/NDAwMzQ5NTEy> (дата обращения 15.10.2024)
3. China Rolls Out 19 Measures to Boost Consumption. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://research.hktdc.com/en/article/MzgwMjgyMTM0> (дата обращения 15.12.2024)
4. China Statistical Yearbook 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.stats.gov.cn/sj/nds/2020/indexeh.htm> (дата обращения 16.12.2024)
5. Joy Chen, Zijun Cheng, Robin Kaiji Gong, Jinlin Li. Riding out the COVID-19 storm: How government policies affect SMEs in China //China Economic Review. 2022. N75. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1043951X2200089X>(дата обращения 19.12.2024)
6. Thais Moretz-Sohn Fernandes. The Impact of the Chinese zero-Covid Policy in the European and Brazilian Business in China, with Emphasis in Consumer Goods. Paper presented at the 27th World Congress of Political Science. 25p.
7. Why China's Pandemic Stimulus Worked Better Than the US's. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.chicagobooth.edu/review/why-chinas-pandemic-stimulus-worked-better-than-uss#> (дата обращения 19.12.2024)
8. Zoey Zhang. China's Support Policies for Businesses Under COVID-19: A Comprehensive List. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.china-briefing.com/news/china-covid-19-policy-tracker-benefiting-business-enterprises-comprehensive-updated-list/> (дата обращения 15.01.2025)

GOVERNMENT SUPPORT FOR BUSINESS IN CHINA DURING THE CRISIS: EXPERIENCE OF THE COVID-19 PANDEMIC

Gainutdinova L.A., Pakhomova M.A.

Herzen University

The spread of COVID-19 around the world has had catastrophic consequences for the socio-economic sphere of many countries. However, China, thanks to a number of political, socio-economic and cultural factors, was able to cope with this challenge. Despite certain mistakes in responding to the pandemic and the economic crisis it caused, the Chinese path to recovery was distinguished by the systemic and consistent nature of state business support programs, and strict health policies ensured socio-economic stability in the country. The pandemic revealed the sustainability and effectiveness of the existing model of government-business relations in a crisis situation. Today, the Chinese experience of government support in a crisis attracts the attention of many researchers in the field of politics, economics and public administration.

Keywords: China, government support, business, crisis, COVID-19 pandemic.

References

1. Announcement No.12 of the Ministry of Commerce, the General Administration of Customs, and the State Administration for Market Regulation on Further Enhancing Quality Oversight for Exported Epidemic Prevention and Control Supplies. 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/significantnews/202004/20200402959471.shtml> (дата обращения 18.12.2024)
2. China Promotes Development of National Technology Innovation Centres. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://research.hktdc.com/en/article/NDAwMzQ5NTEy> (дата обращения 15.10.2024)
3. China Rolls Out 19 Measures to Boost Consumption. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://research.hktdc.com/en/article/MzgwMjgyMTM0> (дата обращения 15.12.2024)
4. China Statistical Yearbook 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.stats.gov.cn/sj/nds/2020/indexeh.htm> (дата обращения 16.12.2024)
5. Joy Chen, Zijun Cheng, Robin Kaiji Gong, Jinlin Li. Riding out the COVID-19 storm: How government policies affect SMEs in China //China Economic Review. 2022. N75. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1043951X2200089X>(дата обращения 19.12.2024)
6. Thais Moretz-Sohn Fernandes. The Impact of the Chinese zero-Covid Policy in the European and Brazilian Business in China, with Emphasis in Consumer Goods. Paper presented at the 27th World Congress of Political Science.
7. Why China's Pandemic Stimulus Worked Better Than the US's. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.chicagobooth.edu/review/why-chinas-pandemic-stimulus-worked-better-than-uss#> (дата обращения 19.12.2024)
8. Zoey Zhang. China's Support Policies for Businesses Under COVID-19: A Comprehensive List. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.china-briefing.com/news/china-covid-19-policy-tracker-benefiting-business-enterprises-comprehensive-updated-list/> (дата обращения 15.01.2025)

Реализация экологической политики в социалистических странах: подходы к оценке эффективности

Каратуева Елена Николаевна,

кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Санкт-Петербургского государственного аграрного университета; докторант кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: e_karatueva@mail.ru

В статье исследуется взаимосвязь между социалистической идеологией и экологическими движениями. Автор анализирует роль социалистических государств, в частности СССР и стран Восточной Европы, в формировании экологического сознания и протестной активности. Особое внимание уделяется переосмыслению экологического наследия социализма, включая как негативные последствия индустриализации, так и позитивные практики, такие как создание природных заповедников и развитие экологического мышления. На основе анализа зарубежных исследований и исторических примеров автор приходит к выводу, что экологические протесты в социалистических странах стали катализатором не только экологических, но и политических изменений. Автор рассматривает как теоретические аспекты социалистической экологии, так и практические примеры экологических протестов, которые стали катализатором политических изменений в социалистических странах.

Ключевые слова: социализм, экосоциализм, экологические протесты, экологическое сознание, экологические движения, экологическая политика, энвайронментализм.

Введение

Современные экологические движения все чаще ассоциируют себя с идеями социализма, что отражает растущее осознание взаимосвязи между социально-экономическими системами и экологическими кризисами. Например, участники движения «Восстание против вымирания» (Extinction Rebellion) активно выступают за замену капитализма концепцией «экосоциализма», утверждая, что только радикальная трансформация экономической системы может предотвратить глобальную экологическую катастрофу. Для многих активистов и исследователей социализм и охрана окружающей среды стали взаимодополняющими понятиями, поскольку социалистическая модель, основанная на коллективной собственности и планировании, рассматривается как потенциальное решение экологических проблем, порождаемых капиталистической эксплуатацией природных ресурсов.

Но с конца 1970-х годов возникла идея о значительном экологическом ущербе, нанесенном окружающей среде в Советском Союзе и других странах государственного социализма. Особую роль в формировании этого восприятия сыграл взрыв на Чернобыльской АЭС в 1986 году и первоначальные попытки скрыть масштабы катастрофы. Это событие укрепило мнение, что экологическая ситуация в социалистических странах значительно хуже, чем в капиталистических.

Сегодня представление о том, что изменение климата является проявлением «кризиса капитализма», получило широкое признание не только среди левых активистов, но и в академических кругах. Это убеждение нашло отражение в политических инициативах, таких как «Зеленый новый курс» (Green New Deal), который включает призыв к масштабной национализации ключевых отраслей экономики во имя защиты окружающей среды и обеспечения социальной справедливости. Однако, чтобы глубже понять связь между социализмом и экологизмом, необходимо исследовать не только теоретические основы социалистической экологии, но и ее практическую реализацию в историческом контексте.

Таким образом, изучение экологической политики и протестов в социалистических странах позволяет не только понять исторические корни современных экологических движений, но и критически переосмыслить роль социализма в формировании экологической повестки. Это особенно актуально в контексте современных дебатов о будущем экосоциализма, который предлагает альтернативу капиталистической модели развития, основанной на бесконечном росте и эксплуатации природных ресурсов.

Обзор исследований

Основные подходы к роли социалистической системы в проведении экологической политики

Несмотря на серьезные экологические проблемы и часто неэффективное управление окружающей средой, Советский Союз, как первое в мире социалистическое государство, во многом повторял экологические практики промышленно развитых капиталистических стран. Более

того, негативное отношение к экологическому наследию СССР начали пересматривать даже применительно к сталинской эпохе. Исследования показали, что в этот период проводились эффективные меры по охране лесов, что стало неожиданным открытием для многих критиков [3].

В последнее время наметилась тенденция к переосмыслению некапиталистических экологических усилий. В статье 2015 года о советской экологии Джон Беллами Фостер утверждает, что СССР можно рассматривать как общество, в котором, с одной стороны, возникали непоправимые экологические катастрофы, а с другой – предлагались глубокие экологические идеи и практики, основанные на материалистических, диалектических и социалистических интеллектуальных основах [7]. Он фокусируется в первую очередь на экологическом мышлении в позднесоветскую эпоху, чтобы подчеркнуть свежий, новаторский и недооцененный вклад экологов и философов-марксистов, которые пытались бороться с экологическими проблемами. Отмечая позитивные тенденции в области охраны окружающей среды в самом конце советского периода, Дж.Б. Фостер также разделяет утверждение историков о том, что экологическая революция в экологическом сознании закончилась с распадом страны в 1991 году. Сальваторе Энгель-Ди Мауро развивает эту тему еще больше в своей новой книге «Социалистические государства и окружающая среда: уроки для экосоциалистического будущего» [6]. Исследовав все известные попытки установления социализма в современных государствах, он приходит к выводу о том, что катастрофические экологические последствия государственного социализма не были повсеместными, а некоторые последствия государственной социалистической политики стали экологически конструктивными. Достижения социалистических стран служат практическими примерами, на основе которых можно построить экосоциалистическое будущее. С. Энгель-Ди Мауро также предлагает всестороннее сравнение совокупных экологических последствий социалистических и капиталистических стран. Придерживаясь анархо-коммунистического и (эко)феминистского варианта экосоциализма, он описывает постепенный отказ от своего прежнего взгляда на исторические попытки создания социалистических государств как неизменно ведущих к экоцидному авторитаризму. Его большая готовность видеть положительные стороны в прошлом направлена не столько на оправдание социалистического строительства, сколько на пересмотр его воздействия на окружающую среду в соответствии с более широким глобальным и экологическим контекстом. С одной стороны, С. Энгель-Ди-Мауро признает, что воздействие СССР на окружающую среду «временами было разрушительным, а в ряде случаев и вовсе катастрофическим» [6]. С другой стороны, его подход направлен на то, чтобы подчеркнуть роль страны в «формировании массового экологического сознания» [6]. Большое внимание уделяется развитию особой формы природных заповедников, в основе которых лежит более сильная природоохранная миссия, чем у многих охраняемых территорий и национальных парков в других странах мира. С. Энгель-Ди Мауро также ссылается на широкое распространение экологических ценностей среди советского населения, а также на некоторые успехи в борьбе с загрязнением окружающей среды в самом конце существования страны. Кроме того, он отмечает недооцененные усилия по сохранению и восстановлению лесов, озеленению городов, развитию общественного транспорта, мониторингу окружающей среды и охране почв.

В конце 1980-х годов политическая ситуация в мире способствовала акцентированию внимания на том, что

социалистическая идеология и ее подход к взаимодействию с природой способствовали ухудшению экологической обстановки. По мнению Джеймса Скотта, коммунизм можно рассматривать как «идеологию высокого модерна», которая сводит природу к ресурсу для экономического развития [10]. В рамках административно-командной экономики приоритет отдавался наращиванию производства, тогда как социальные и экологические цели оставались на периферии. В одном из наиболее известных заявлений по этому поводу говорилось, что «открытия историков Советского Союза и советского коммунизма... могут привести к вынесению вердикта о смерти от экоцида» [1]. Американские ученые Мерри Фешбах и Альфред Фрэндли в своей книге «Экоцид в СССР: здоровье и природа на осадном положении» подчеркивали, что государственная политика, направленная на масштабное социалистическое производство, привела к значительному экологическому ущербу и серьезным проблемам со здоровьем населения [1]. Они считали, что экоцид стал одним из факторов, ускоривших распад СССР. Дуглас Вайнер, анализируя экологическую историю Советского Союза, описал природопользование в СССР как хищническое, ориентированное на эксплуатацию как природных, так и человеческих ресурсов [11]. Йоахим Радкау, один из основателей экологической истории Германии, обратил внимание на тесную связь между телом, здоровьем и окружающей средой, которая приобрела политическое значение в период позднего социализма [8]. Изучая социальную активность в Советском Союзе в конце 1980-х годов, Дж. Доусон выявила сближение национализма и энвайронментализма (назвав это явление «эконационализмом»), особенно в регионах с сильными сепаратистскими тенденциями, таких как Прибалтика, Грузия и Украина [5]. В этот период именно экологические протесты часто использовались как инструмент для достижения политических целей [2].

Методы исследования

Методологическая основа исследования включает исторический и дискурсивный подходы, а также метод контент-анализа. Исторический анализ использовался для изучения эволюции экологических движений в социалистических странах, включая СССР, страны Восточной Европы и Китай, с акцентом на ключевые события, такие как Чернобыльская катастрофа и протесты против промышленных проектов. Дискурсивный анализ позволил исследовать идеологические и политические дискурсы, связанные с экосоциализмом. Предметом контент-анализа стало изучение научных публикаций, архивных материалов и медиатекстов, посвященных экологическим протестам и их роли в политических изменениях.

Результаты исследования

В результате проведенного исследования были выявлены основные причины экологических протестов в социалистических странах:

1. *Загрязнение окружающей среды в результате индустриализации.* Во многих странах социалистического блока интенсивная индустриализация без должного экологического контроля привела к катастрофическим последствиям. Например, в Польше это было загрязнение Балтийского моря и водоемов из-за химических выбросов. В Румынии – сильное загрязнение реки Тиса химическими заводами. Трансграничное загрязнение воздуха и воды от химических заводов в Галаце (Румыния) привело к ро-

сту экологической напряженности в Болгарии. В китайском Сямыне (2007) и позже в Куньмине и Чэнду массовые протесты были вызваны планами строительства заводов по производству параксилла и других нефтехимических предприятий. Местные жители активно протестовали, обеспокоенные негативным воздействием выбросов вредных веществ на здоровье населения и окружающую среду.

2. *Критика экономической и экологической политики режима.* Экологические активисты использовали недовольство промышленной политикой как аргумент против властей. В ГДР критика загрязнения рек и лесов была связана с более широкой критикой централизованного управления и его ограниченной прозрачности. В конце 1980-х годов протесты против загрязнения воздуха в Праге и Южной Чехии стали символом недовольства промышленной политикой и отсутствием экологических стандартов. На фоне роста протестного движения экологические требования переплетались с общей критикой режима. В Китае протесты в Панью (Гуанчжоу) в 2009 году против строительства мусоросжигательного завода иллюстрировали общее недовольство тем, что экономический рост осуществляется за счет благополучия населения, а интересы граждан игнорируются.
3. *Отсутствие доступа к информации и цензура.* Во всех социалистических странах информация о состоянии окружающей среды контролировалась и ограничивалась. В Чехословакии протесты возникли в ответ на недостаток информации о последствиях промышленного загрязнения и последствия Чернобыльской катастрофы. Жители ГДР были недовольны нехваткой данных о качестве воздуха и воды в условиях индустриального производства. Это привело к формированию подпольных экологических групп, которые распространяли информацию о загрязнении окружающей среды и организовывали протестные акции. В Китае в Куньмине в 2013 году протестующие требовали больше данных о последствиях выбросов вредных веществ. Закрытость информации вызывала подозрения, что загрязнение серьезнее, чем сообщают официальные источники, что подталкивало к активным действиям.
4. *Использование экологии как платформы для демократизации и правозащитных требований.* Экологические движения стали основой для более широких демократических движений. Например, в Болгарии движение «Экогласность» использовало экологические проблемы для критики режима Т. Живкова и привлечения к протестам более широкой аудитории. Протесты против функционирования завода по производству пара-ксилла в Нанкине в 2011 году показали, как экологические требования переплетаются с требованием большей открытости, гражданских прав и учета мнения местных жителей в государственных решениях.
5. *Поддержка западных активистов.* Западные экологи и НПО оказывали моральную и информационную поддержку, предоставляя данные и помогая в тактике протестных акций. Западные активисты также способствовали привлечению внимания международного сообщества к проблемам окружающей среды в социалистических странах, что усилило давление на действующие политические режимы. В ГДР западногерманские активисты сотрудничали с местными экологическими движениями, предоставляя ресурсы и стратегию для проведения протестов. В Болгарии международные организа-

ции и западные активисты привлекали внимание к проблемам экологии в стране, особенно после трансграничного загрязнения от румынских заводов, оказывая давление на правительство страны и поддерживая организацию «Экогласность». Хотя прямое влияние западных активистов на китайские протесты было ограничено, международные экологические организации, такие как «Гринпис», активно проводили исследования состояния окружающей среды в Китае, что помогало местным активистам привлекать внимание мирового сообщества и оказывать давление на китайские власти.

Эти причины демонстрируют, как экологические проблемы становились катализатором более масштабных социальных и политических изменений в социалистических странах. Экологические протесты сливались с более широкими антикоммунистическими движениями, особенно в Польше, ГДР и Чехословакии. В Польше экологические вопросы стали частью политической повестки движения «Солидарность», которое призывало к политическим и экономическим реформам. В ГДР экологические инициативы, такие как протесты против загрязнения воздуха и вырубки лесов, способствовали росту гражданского недовольства. В Чехословакии экологические проблемы были важным аспектом «бархатной революции», направленной на смену господствующего политического режима.

Таким образом, в социалистических странах антикоммунистические движения часто критиковали правящие режимы через экологическую повестку. Сильное загрязнение окружающей среды, игнорирование экологических вопросов и поддержка извне сыграли ключевую роль в политической мобилизации населения и подрыве легитимности социалистических правительств.

Обсуждение результатов

Подход, согласно которому именно социалистическая система способствовала разрушению окружающей среды, породил широкую волну протестной активности в странах социалистического лагеря. Активисты указывали на вред эксплуатации природных ресурсов во имя абстрактных целей глобального социализма, что наносило непоправимый ущерб национальной природе. По их мнению, корень экологических проблем лежал в структурных ошибках государственного социализма. Среди них – приоритетное развитие тяжелой промышленности, игнорирование природосберегающих технологий, хроническая нехватка инвестиций в модернизацию производства. Эти проблемы усугублялись отсутствием свободы слова и глубоким недоверием общества к государственной власти.

Ослабление легитимности «научного социализма» сопровождалось ростом осознания вреда существующего подхода к экономическому развитию. Негативное воздействие на окружающую среду и здоровье человека стало очевидным для широких слоев населения. Это способствовало усилению оппозиционных настроений и созданию национальных движений, направленных на достижение политической и экономической независимости. В странах социалистического блока экологические проблемы заняли ключевое место в общественных дискуссиях, превратившись в мощный инструмент усиления общественного недовольства.

Подъем либеральных настроений в Центральной и Восточной Европе в конце социалистического периода, сопровождался активными дискуссиями о роли гражданского общества в укреплении демократических институтов. Ключевые задачи новой постсоциалистической политики включали активное вовлечение в нее граждан,

обеспечение прозрачности принятия государственных решений и разработку новых нормативно-правовых актов, что считалось крайне важным для перехода к демократии. Устранение последствий экологических катастроф и продвижение экологической повестки рассматривались как признаки демократических преобразований. Защита национальных природных объектов стала идеологической основой для протестных движений, акцентируя внимание на местных проблемах и стремлении к политической независимости [4].

Значительное влияние на изменение политического курса стран социалистического лагеря и подъеме общественной активности сыграла авария на Чернобыльской АЭС. Проблема заключалась не столько в повышении уровня радиации, сколько в том, как власти справлялись с последствиями катастрофы. Люди чувствовали, что ничего не могут контролировать, и их естественным стремлением, как членов гражданского общества, становилась попытка добиться контроля над действиями государства. Это привело к изменениям сначала в управлении ядерной энергетикой и экологическими вопросами, а затем и в общей политике социалистических стран. В этом смысле Чернобыльская катастрофа создала экологическую платформу для политического протеста. Необходимо помнить о том, что подобная ситуация оказалась возможной только благодаря времени гласности и перестройки в Советском Союзе, открывающим новые возможности для всех социалистических стран.

Международные экологические организации также сыграли важную роль в становлении энвайронментализма в странах Восточной Европы. С 1960-х годов оппозиционные сообщества искали способы донести свое недовольство политическим режимом до международной аудитории. Первоначально они говорили на языке реформирования коммунизма и были союзниками левых радикалов в Западной Европе. Начиная с 1970-х годов риторика оппозиция включала дискуссию о правах человека и обращалась к Хельсинкскому комитету и другим организациям в качестве естественных союзников. Начиная с 1980-х годов, новое поколение активистов сформировало более радикальные диссидентские группы и больше тяготело к западноевропейским «зеленым». В частности шведские и австрийские «зеленые», «Гринпис» и другие западные группы нашли партнеров и точки соприкосновения с активистами Восточной Европы. Западногерманские «зеленые» предоставляли информационную поддержку, включая данные о загрязнении и правительственных нарушениях, что укрепляло доводы и мотивацию экологических движений в ГДР. После воссоединения Германии лидеры экологических протестов вошли в состав коалиции «Союз 90/Зеленые», где они продолжили политическую активность в сфере защиты окружающей среды [9]. Оппозиционные движения социалистических стран также взаимодействовали друг с другом. Были примеры сотрудничества, особенно между Польшей и Чехословакией – совместные акции протеста в знак солидарности против атомной электростанции «Темелин» в Чехословакии. Сложился также словацко-венгерский альянс, выступавший против строительства гидроэлектростанции и плотины на Дунае, что стало примером трансграничного сотрудничества в борьбе за экологические и социальные интересы. Но, в целом, поддерживать контакты с западными группами было легче, чем с группами из Восточного блока.

Все рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что экологические проблемы сами по себе не являются непосредственным катализатором роста протестной активности, а становятся значимым фактором лишь в кон-

тексте их стратегического использования в политических целях.

Заключение

В социалистических странах экологическая риторика переплеталась с борьбой за политическую независимость и демократизацию. Экологические протесты не только подрывали легитимность властей, но и становились основой для создания демократических движений и политических партий. Поддержка западных активистов усилила протестные движения и привела к демократическим изменениям в регионах. Положительные стороны социалистической политики, связанные с формированием экологического мышления, в период критики социализма как проигравшей экономической и политической системы уже не принимались во внимание. Страны социалистического лагеря и бывшие советские республики отрицали не столько идею социализма, сколько влияние Советского Союза на их политическую и экономическую самостоятельность. Основной идеей экологического радикализма на постсоциалистическом пространстве стало отрицание именно советской, а не социалистической идеологии, желание выйти из-под контроля коммунистической партии и создать собственную государственность, основанную на национальных интересах. В период поиска решений глобального экономического кризиса идеи социализма могут получить новое развитие. Современные экологические движения, такие как «Восстание против вымирания» (Extinction Rebellion), активно используют идеи экосоциализма, что подчеркивает актуальность переосмысления социалистической экологии для решения глобальных экологических проблем.

Изучение экологической политики в странах социализма позволяет не только выявить сложность ее реализации, но и преодолеть устоявшиеся стереотипы о ее однозначно негативном характере. Это подчеркивает необходимость критического анализа как теории, так и практики социалистической экологии для лучшего понимания ее роли в современных экологических дебатах.

Литература

1. Фешбах М., Фрэндли-мл. А. «Экоцид в СССР: здоровье и природа на осадном положении». М.: НПО «Биотехнология», Издательско-информационное агентство «Голос», 1992. 308 с.
2. Яницкий О.Н. Экологическая ретроспектива: 1985–2004 гг. (предварительные итоги) // *Общественные науки и современность*. 2005. № 4. С. 26–36.
3. Bruno A. A New Environmental History of Socialist States. 2022. URL: <https://monthlyreview.org/2022/09/01/a-new-environmental-history-of-socialist-states/> (дата обращения: 01.02.2025).
4. Carmin J., Fagan A. Environmental mobilisation and organisations in post-socialist Europe and the former Soviet Union // *Environmental Politics*. Vol. 19(5). P. 689–707. URL: <https://doi.org/10.1080/09644016.2010.508300> (дата обращения: 07.02.2025).
5. Dawson J.I. Eco-nationalism: Anti-nuclear Activism and National Identity in Russia, Lithuania, and Ukraine. Duke University Press, 1996. 221 p.
6. Engel-Di Mauro S. Socialist States and the Environment: Lessons for Ecosocialist Futures. Pluto: London, 2021. 139 p.
7. Foster J.B. Late Soviet Ecology and the Planetary Crisis // *Monthly Review*. 2015. Vol. 67. No. 2. P. 1–13.
8. Radkau J. Natur und Macht. Eine Weltgeschichte der Umwelt. München: Beck, 2002. 469 p. URL: <https://>

pub.uni-bielefeld.de/record/2535570 (дата обращения: 13.12.2024).

9. Rink D. Environmental Policy and the Environmental Movement in East Germany. *Capitalism Nature Socialism*. 2002. No.13. 73–91. DOI: 10.1080/10455750208565490.
10. Scott J.C. Revolution in the Revolution: Peasants and Commissars // *Theory and Society*. 1979. Vol. 7. No. ½. P. 97–134. URL: <http://www.jstor.org/stable/657000> (дата обращения: 09.11.2024).
11. Weiner D.R. Models of Nature: Ecology, Conservation, and Cultural Revolution in Soviet Russia // *Journal of the History of Biology*. 1990. No. 23 (2). P. 336–337. URL: <https://philpapers.org/rec/WEIMON-2> (дата обращения: 12.12.2024).

IMPLEMENTATION OF ENVIRONMENTAL POLICY IN SOCIALIST COUNTRIES: APPROACHES TO ASSESSING EFFECTIVENESS

Karatueva E.N.

St. Petersburg State Agrarian University, Financial University under the Government

The article examines the relationship between socialist ideology and environmental movements. The author analyzes the role of socialist states, in particular the USSR and Eastern European countries, in the formation of environmental consciousness and protest activity. Particular attention is paid to rethinking the environmental legacy of socialism, including both the negative consequences of industrialization and positive practices, such as the creation of nature reserves and the development of environmental thinking. Based on the analysis of foreign studies and historical examples, the author concludes that environmental protests in socialist countries have become a catalyst for not only environmental but also political change. The author considers both the theoretical aspects of socialist ecology and practical examples of environmental protests that have become a catalyst for political change in socialist countries.

Keywords: socialism, ecosocialism, environmental protests, environmental consciousness, environmental movements, environmental policy, environmentalism.

References

1. Feshbach M., Friendly Jr. A. "Ecocide in the USSR: Health and Nature under Siege". Moscow: NPO "Biotechnology", Publishing and Information Agency "Voice". 1992. 308 p.
2. Yanitsky O.N. Environmental Retrospective: 1985–2004 (preliminary results) // *Social Sciences and Modernity*. 2005. No. 4. Pp. 26–36.
3. Bruno A. A New Environmental History of Socialist States. 2022. URL: <https://monthlyreview.org/2022/09/01/a-new-environmental-history-of-socialist-states/> (accessed: 01.02.2025).
4. Carmin J., Fagan A. Environmental mobilization and organizations in post-socialist Europe and the former Soviet Union // *Environmental Politics*. Vol.19(5). P. 689–707. URL: <https://doi.org/10.1080/09644016.2010.508300> (access date: 02/07/2025).
5. Dawson J.I. Eco-nationalism: Anti-nuclear Activism and National Identity in Russia, Lithuania, and Ukraine. Duke University Press, 1996. 221 p.
6. Engel-Di Mauro S. Socialist States and the Environment: Lessons for Ecosocialist Futures. Pluto: London, 2021. 139 RUR
7. Foster J.B. Late Soviet Ecology and the Planetary Crisis // *Monthly Review*. 2015. Vol. 67.No. 2. P. 1–13.
8. Radkau J. *Natur und Macht. Eine Weltgeschichte der Umwelt*. Munich: Beck, 2002. 469 p. URL: <https://pub.uni-bielefeld.de/record/2535570> (access date: 12/13/2024).
9. Rink D. Environmental Policy and the Environmental Movement in East Germany. *Capitalism Nature Socialism*. 2002. No.13. 73–91. DOI: 10.1080/10455750208565490.
10. Scott J.C. Revolution in the Revolution: Peasants and Commissars // *Theory and Society*. 1979. Vol. 7.No. ½. P. 97–134. URL: <http://www.jstor.org/stable/657000> (accessed: 09.11.2024).
11. Weiner D.R. Models of Nature: Ecology, Conservation, and Cultural Revolution in Soviet Russia // *Journal of the History of Biology*. 1990. No. 23 (2). P. 336–337. URL: <https://philpapers.org/rec/WEIMON-2> (accessed: 12.12.2024).

Вклад женщин в войну за независимость Эритреи: взгляд на роль Кедес Гебреханнес Бераки

Фирре Ериммиас Биниам,

аспирант, Российский университет дружбы народов

E-mail: ermiexsosw@gmail.com

Эта статья раскрывает малоизвестную историю Кедес, ключевой фигуры в войне за независимость Эритреи, с использованием подхода кейс-стади, сосредоточенный на её опыте оперативника секретной службы. Основываясь на личном интервью, проведённом в Асмэре 19 декабря 2024 года, исследование рассматривает вызовы, стратегии и устойчивость женщин при участии в революционном движении за свободу Эритрею. Интервью показывает изобретательность Кедес в её разведывательной деятельности, работа в ситуации, угрожающей её жизни, психологическую нагрузку при жизни под постоянной угрозой. Исследование подчеркивает важный, но часто незаметный вклад женщин в освободительную борьбу, акцентируя необходимость сохранения таких нарративов для более инклюзивного исторического понимания. Фокусируясь на истории Кедес, статья не только освещает её личное мужество, но и призывает к признанию роли женщин в формировании революционных движений всей Африки, бросая вызов андроцентрическим историческим перспективам.

Ключевые слова: андроцентрическая перспектива, кейс-стади, шпионаж, устойчивость.

Introduction

This case study is an interim finding of my PhD dissertation, which investigates the political technologies and tactics used by the Eritrean People's Liberation Front (EPLF) to disseminate socialist ideology among Eritrean nationals during the struggle for national independence [1, p. 354]. The EPLF's ability to mobilize and politicize communities was central to its success, not only in achieving military victories but also in fostering a collective consciousness rooted in socialist principles [2, p.54]. While much of the existing literature focuses on the EPLF's military strategies, organizational structure, and political rhetoric, the role of women like Kedes in executing these strategies remains underexplored [3].

Notwithstanding, Eritrean women were integral to the EPLF's efforts to embed socialist ideology within Eritrean society [4, p. 13]. They operated in the shadows, often under the radar of Ethiopian forces, using their social roles as mothers, daughters, and community members to evade suspicion while carrying out covert political operations [5, p.3]. Kedes' story is a powerful example of how Eritrean women contributed to the liberation struggle, not only as supporters but as active agents of political mobilization and secret service agents [6, p.130]. Her experiences reveal the intricate ways in which the EPLF leveraged the resilience, resourcefulness, and social networks of women to advance its political agenda and the realization of an independent nation [7, p.254].

With this in mind, Kedes and other Eritrean women played a dual role in the struggle. On one hand, they provided logistical support, such as sheltering fighters, delivering messages, and gathering intelligence. On the other hand, they were instrumental in politicizing their communities, organizing youth, workers, and students, and spreading the EPLF's socialist ideology. This dual role made them central to the EPLF's broader strategy of building a unified, and ideologically driven resistance movement in the fight against colonialism and oppressive ideologies.

Added to that, the case of Kedes illustrates how the EPLF's political technologies were implemented at the grassroots level. For instance, her ability to mobilize her family to support the revolution, and its secret service agents on a secret mission demonstrates how the EPLF politicized households, turning them into agents of resistance. More so, her efforts to organize and educate youth reflect the EPLF's emphasis on political education as a tool for fostering solidarity, sentiments of nationalism and commitment to the goals and objectives of Eritrea's war of independence [8, p.54]. By examining Kedes' story, therefore, this study sheds light on the broader political and social dynamics of the revolutionary period. It highlights the interconnectedness of individual resilience and collective mobilization, showing how the EPLF's success relied on the active participation of ordinary Eritreans, particularly women. It is worth noting that their contributions were not merely supplementary, rather pivotal to the EPLF's ability to sustain the struggle over decades.

This stated, the case study underscores the importance of recognizing the gendered dimensions of liberation movements with specific focus on the Eritrean chapter of a long fought liberation struggle in the African soil. It is needless to mention that the EPLF promoted gender equality as part of its socialist ideology. Nonetheless, the specific contributions

of women like Kedes have often been overlooked in historical and political narratives. In her view:

The sacrifices and heroic actions of the mass organizations within the Eritrean People's Liberation Front (EPLF) is something that should be recalled with a deep sense of pride. She feels that the history of these organizations – comprising women, youth, workers, and students has been overshadowed by the more visible military and political achievements of the liberation struggle. To her, these mass organizations were the backbone of the revolution, tirelessly working behind the scenes to mobilize communities, spread socialist ideology, and provide critical support to the fighters. Nonetheless, one has to bear in mind that Kedes' reflections are deeply personal, as she herself was part of these mass organizations, working tirelessly in the shadows to support the liberation struggle. She recalls the countless nights spent organizing meetings in secret, the dangerous journeys to deliver messages, and the constant fear of being discovered by Ethiopian forces, especially in moments of vulnerability and at checkpoints. These experiences, though tense with danger, were driven by a shared sense of purpose and an unshakable belief in the cause of freedom and justice. By documenting their stories, therefore, this study aims to fill a critical gap in the literature, providing a more nuanced understanding of how the EPLF's political technologies and tactics were implemented in practice, across all levels and capacities.

In closing, Kedes' story is not just a tale of individual bravery; it is a window into the broader strategies employed by the EPLF to spread socialist ideology and mobilize communities. Her experiences reveal the critical role of women in the liberation struggle, highlighting their resilience, ingenuity, and commitment to the objectives of the revolution. As an interim finding of my PhD dissertation, this case study contributes to a deeper understanding of the political and social dynamics that shaped Eritrea's struggle for independence, while also honoring the unsung heroines who made it possible.

This expanded section provides a more detailed explanation of how Kedes' story fits within the broader context of the dissertation, emphasizing the role of women in the EPLF's political mobilization efforts and the importance of recognizing their contributions. It also highlights the gendered dimensions of liberation movements and the need for further research in this area.

This case study is an interim finding of my PhD dissertation, which explores the political technologies and tactics employed by the Eritrean People's Liberation Front (EPLF) to disseminate socialist ideology among Eritrean nationals during the struggle for independence. While the EPLF's military and political strategies have been widely studied, the role of women like Kedes in executing these strategies remains underexplored. As such, the study highlights how Kedes and other Eritrean women were not only participants in the liberation struggle but also key agents in the EPLF's efforts to politicize, mobilize communities and serve as secret service agents. Their resilience and ingenuity were critical to the success of the EPLF's socialist agenda, making their stories an essential part of understanding the broader political and social dynamics of the revolutionary era.

More so, the story of Eritrea's independence is often told through the lens of battlefield heroics and political strategies. However, behind the scenes, countless unsung heroines like Kedes played a critical role in the fight against Ethiopian colonialism and oppressive ideologies. This case study, therefore, explores the life and contributions of Kedes, an Eritrean woman whose bravery, resourcefulness, and unwavering commitment to the cause of freedom exemplify the resilience of Eritrean women during the liberation struggle.

Many subscribe that Eritrean women were not merely bystanders in the fight for independence; they were active

participants, often risking their lives to support the Eritrean People's Liberation Front (EPLF). They provided food, shelter, intelligence, and logistical support, all while evading detection by Ethiopian forces. In view of this, Kedes' story is one of many, yet it stands out for its depth of sacrifice and the miracles that marked her journey.

Methodology

This study employed a qualitative case study approach, centered on a face-to-face, in-depth interview with Kedes, a key participant in Eritrea's War of Independence. The interview was conducted over three working days, beginning on December 19, 2024, at her home in Asmara, ensuring a comfortable and familiar environment for the participant. The interview followed an unstructured format, allowing for flexibility in questioning and enabling the researcher to expand and refine questions based on the flow of the conversation. This approach was particularly effective in eliciting detailed and nuanced responses, as it allowed Kedes to share her experiences in her own words and at her own pace.

Prior to the interview, all necessary ethical clearances were obtained. Kedes was provided with a detailed information and consent form, which she read, understood, and signed voluntarily. The form outlined the purpose of the study, the use of the data, and her rights as a participant, including the right to withdraw at any time. To ensure the integrity of the data, the interview was conducted in a closed and private setting, free from interruptions or external influences that could potentially alter the information shared.

During the interview, the researcher employed active listening and probing techniques to encourage detailed responses. When certain aspects of Kedes' story required further clarification, eliciting questions were posed to navigate potential impasses and uncover deeper insights. To ensure accuracy and completeness, the interview was recorded using an audio recorder, with Kedes' prior consent. This method allowed the researcher to focus on the conversation while ensuring that no details were missed. The extended duration of the interview over three days provided ample time to explore complex topics and revisit key points for further elaboration.

The data collected from the interview were analyzed thematically, focusing on key narratives and patterns that emerged from Kedes' account. This approach allowed for a nuanced understanding of her role in the resistance movement, the challenges she faced, and the broader implications of her story for understanding women's contributions to revolutionary struggles. By centering Kedes' voice and experiences, this study aims to contribute to the preservation of untold histories and the recognition of women's pivotal roles in liberation movements. The story of Kedes is thus explored through the following thematic areas, each of which provides a nuanced lens to understand her experiences and their broader implications.

The Secret Mission: Sheltering Paratroopers

In 1984, Kedes' home became a temporary sanctuary for 16 paratroopers and two guides. These fighters were on a secret mission to destroy Ethiopian fighter jets at Asmara Airport. The operation was tense with danger, as the enemy was constantly searching for EPLF operatives in Tselot, the village where Kedes and her extended family had been living. Although the village was the hotbed of intensive military activities, Kedes and her family took extraordinary measures to ensure the safety of the paratroopers. She used acacia branches to erase their footprints, burned boxes that had contained RPG bullets, and prepared food for the fighters. Her father-in-law stood guard, watching for enemy troops, while her mother-

in-law distracted neighbors to prevent them from discovering the hidden fighters. Despite the lack of an underground hiding place, the paratroopers remained in the house for 24 hours before successfully completing their mission. They destroyed 33 Ethiopian fighter jets, a feat Kedes describes as nothing short of a miracle.

Critical Moments: Narrow Escapes and Divine Intervention

As stated earlier, Kedes' journey was marked by numerous close calls, each one a testament to her quick thinking, resourcefulness, and unwavering faith. These moments of near-capture not only highlight the constant danger she faced but also underscore the extraordinary resilience and courage that defined her role in the liberation struggle. Among these incidents, one particularly stands out as a moment she believes was guided by divine intervention.

In 1988, while staying in Tewro, Segeneiti subzone, Kedes experienced an event that would forever remain imprinted in her memory. One night, as she slept, she heard her name called three times. Startled by the incident, she awoke to find no one in the room or the vicinity who could have called her. The village was unfamiliar to her, and no one there knew her true identity or mission. Yet, the sense of unease that washed over her was undeniable. Trusting her instincts, she quickly packed the secret messages, and left the village at 5:45 a.m., just as the first light of dawn began to break. What followed was nothing short of miraculous. Just five minutes after her departure, Ethiopian security forces surrounded the house she had been staying in. The narrow path she had taken, lined with fig trees, became her only escape route. As she walked away, she could hear the commotion behind her – shouts and the clatter of soldiers' boots as they searched for EPLF operatives, while EPLF fighters launched a sudden raid from nearby areas. The realization that she had narrowly avoided capture sent a shiver down her spine. For Kedes, this was not merely luck; it was a moment of divine intervention, a sign that her mission was protected by God.

This incident was one of many where Kedes' quick thinking and resourcefulness saved her life. Her ability to remain calm under pressure, even in the face of imminent danger, was a defining trait that enabled her to navigate the treacherous landscape of the liberation struggle. Whether it was evading patrols at checkpoints, or delivering secret messages under the watchful eyes of Ethiopian soldiers, Kedes' instincts and faith were her greatest allies.

What makes this moment particularly sensational is the broader context in which it occurred. The village of Tewro, like many others, was a hotbed of military activity, with Ethiopian forces constantly on the lookout for EPLF sympathizers. For Kedes, every step outside her home was a calculated risk, and every encounter with strangers carried the potential for betrayal. Yet, despite the ever-present threat, she continued her work, driven by an unshakable belief in the cause of freedom and justice.

Kedes often reflects on this incident with a sense of gratitude and awe. She sees it as a reminder of the invisible hand of God that guided and protected her throughout her journey. For her, the liberation struggle was not just a physical battle but also a spiritual one, where faith and resilience were as important as strategy and strength. This belief sustained her through the darkest moments, giving her the courage to persevere when others might have faltered.

In recounting these critical moments, Kedes' story becomes more than just a tale of survival; it is a testament to the power of intuition, faith, and the human spirit. Her narrow escapes are not merely personal victories but also symbolic of the broader struggle for Eritrea's independence – a strug-

gle marked by countless acts of bravery, sacrifice, and divine grace.

In this sense, as we reflect on Kedes' journey, we are reminded of the countless unsung heroes who faced similar dangers and overcame unimaginable odds. Their stories, often overlooked in the grand narrative of history, are a vital part of understanding the true cost and meaning of freedom. Kedes' experiences serve as a powerful reminder that the liberation struggle was not just fought on the battlefield but also in the quiet, unseen moments of courage and faith that defined the lives of ordinary people.

The Journey to Independence: Courage Under Fire

As Eritrea approached independence in the early 1990s, the dangers intensified, and the stakes grew higher [9]. The Ethiopian forces, sensing their impending defeat, became increasingly desperate and ruthless [10, p.72–77]. It was during this critical period that Kedes and her comrade embarked on one of their most perilous missions: delivering critical messages to EPLF fighters operating behind enemy lines. Their journey was fraught with danger, but it was also a testament to their unwavering courage and commitment to the cause of freedom.

Traveling on foot through rugged terrain, Kedes and her comrade navigated a landscape teeming with retreating Ethiopian soldiers. The roads were littered with the remnants of war – wounded soldiers, the groans and moans of the injured, and the constant hum of military activity. Every step was a calculated risk, as they could encounter enemy patrols at any moment. At one point, they found themselves face-to-face with thousands of retreating Ethiopian soldiers, a sight that would have struck fear into the hearts of even the bravest individuals.

When questioned by the soldiers, Kedes and her comrade relied on their wits and quick thinking to avoid detection. They pretended to be mourning the death of a family member, a story that was both plausible and emotionally compelling. Her comrade's fluency in Amharic, the language of the Ethiopian forces, proved invaluable in this tense encounter. She spoke with confidence and authority, deflecting suspicion and convincing the soldiers of their innocence. However, the situation took a dangerous turn when one soldier, visibly agitated and distrustful, threatened them with a bayonet. "What if I slay you now?" he demanded, his voice dripping with anger. "You Eritreans are untrustworthy," he spat, his eyes narrowing as he scrutinized them. For a moment, time seemed to stand still as Kedes and her comrade braced themselves for the worst. But just as quickly as the threat had emerged, other soldiers intervened, urging their comrade to stand down. With obvious reluctance, he lowered his weapon, and Kedes and her comrade were ordered to return to where they had come from. They walked away cautiously, ensuring they were out of sight of the soldiers, and eventually made their way to the village where their comrades were waiting.

This disturbing encounter was just one of many that Kedes faced during her mission. Despite the constant threat of betrayal and capture, she remained steadfast in her commitment to the cause. Her work extended far beyond delivering messages; she was also deeply involved in organizing and politicizing youth, workers, and students in enemy-occupied areas – a crucial role in building the foundation for a free and independent Eritrea. being at the moment, as she reflects on those perilous days and most oppressive environments, Kedes often marvels at the resilience and determination of her fellow Eritreans. She remembers the countless individuals who risked their lives to support the liberation struggle, often without recognition or reward. Their sacrifices, she believes, were the true driving force behind Eritrea's independence. In her view, the journey to independence was not just a physical battle but also a test of faith, courage, and unity.

Undeniably, living under constant threat took a psychological toll on Kedes and her comrades. Specifically, the fear of betrayal was ever-present, as even trusted villagers could turn informants of the foe. On one occasion, a villager's betrayal led to the imprisonment of two dedicated members of the EPLF and a village administrator. Kedes feared that her identity would be revealed, forcing her to retreat to safer bases for several months along with her eldest daughter. Despite these challenges, Kedes remained steadfast in her commitment to the cause. She attributes her survival to her faith and the collective resilience of her comrades. Her story is a testament to the strength of the human spirit in the face of adversity.

Yet, even in the relative safety of the new bases, danger was never far away. In 1990, the enemy's espionage network had grown more sophisticated, and the risks were higher than ever. Kedes and her comrades had to adapt quickly, finding new ways to communicate and exchange information without arousing suspicion. It was during this tense period that Kedes and a fellow operative decided to meet at Saint Mary's Church, a place where their presence would not seem out of the ordinary. The church, with its steady stream of worshippers, provided the perfect cover for their clandestine activities. They would blend in with the faithful, their secret envelopes hidden among prayer books and religious pamphlets.

On that fateful day, as Kedes and her comrade exchanged envelopes under the guise of prayer, they were unaware that they were being watched – not by the enemy, but by thieves who mistook their inconspicuous exchange for a transaction of money. In a flash, the thieves sprang at them, grabbing their arms and demanding what they believed to be a large sum. Panic surged through Kedes, but she quickly calmed herself. With a sharp cry of "Police! Police! Police!" she alerted nearby officers, who came running. The thieves, startled and fearing capture, released their grasp and fled into the narrow streets of the city.

The incident left Kedes shaken but unharmed. As she and her comrade hurried away from the scene, she couldn't help but reflect on the narrow escape. Had the thieves succeeded in taking the envelopes, the consequences would have been catastrophic. The carefully laid revolutionary plans, the lives of countless comrades, and the future of their mission would have been jeopardized. This was a plain reminder of the fragility of their operations and the ever-present risks they faced.

To wind up, the story of Kedes and her comrades offers a touching insight into the lived experiences of those who fought in Eritrea's War of Independence. Her account underscores the psychological toll of living under constant threat, the ever-present fear of betrayal, and the ingenuity required to navigate a landscape filled with danger. The incident at Saint Mary's Church, where Kedes narrowly avoided disaster and detection, highlights the precarious nature of clandestine operations and the resilience demanded of those committed to the cause. While her story is deeply personal, it also reflects broader themes of resistance, faith, and collective struggle that characterized the Eritrean independence movement.

Nevertheless, it is important to acknowledge that such narratives, while compelling, are often underrepresented in formal historical records. The absence of comprehensive documentation of figures like Kedes and her comrades underscores the need for further research into the microhistories of resistance movements. By amplifying these voices, scholars can provide a more nuanced understanding of the moral and human dimensions of war and liberation. Kedes's story, therefore, serves not only as evidence of individual courage but also as a call to preserve and examine the untold

narratives that illuminate the pivotal role of women in revolutionary movements across Africa.

Conclusion

In closing, one can see that the story of Kedes and Eritrean women in the struggle for independence is one of courage, sacrifice, and resilience. These unsung heroines risked their lives to support the liberation movement, often without recognition or reward. Their contributions were vital to the success of the EPLF and the eventual independence of Eritrea. As we reflect on Eritrea's history, it is essential to honor the women like Kedes who played a critical role in the fight for national independence. Their legacy serves as a reminder of the power of resilience and the importance of recognizing the often-overlooked contributions of women in liberation movements. Kedes' story is not just a tale of survival; it is a celebration of the human spirit and the enduring strength of Eritrean women. This case study not only preserves the memory of Kedes and her comrades but also highlights the broader role of Eritrean and African women in liberation movements, ensuring their stories are no longer forgotten.

Литература

1. Коннелл, Д. Внутри EPLF: Происхождение Народной партии и ее роль в освобождении Эритреи. Обзор африканской политической экономики. – 2001. – № 89 (28). – С. 345–364.
2. Гебре-Медхин, Дж. Национализм, крестьянская политика и возникновение авангардного фронта в Эритрее. Обзор африканской политической экономики. – 1984. – № 30 (11). – С. 48–57.
3. Кедес Гебреханнес Бераки, личное интервью, 18/12/2024, Асмара, Эритрея.
4. Крош, С.Л. Новая раса женщин: Проблемы реинтеграции демобилизованных женщин-комбатантов Эритреи. Департамент международного развития, сообщества и окружающей среды. – 2005.
5. Грубер, Дж., Гарсети, Е. Он дал мне разрешение уйти: Гендер в послевоенной Эритрее. В Научной ассоциации африканских исследований, Чикаго, Иллинойс. – Октябрь 1998.
6. Бернал, В. От воинов до жен: Противоречия освобождения и развития в Эритрее. Исследования Северо-восточной Африки. – 2001. – № 3 (8). – С. 129–154.
7. Стефанос, А. Африканские женщины и революционные изменения: Фрейрианская и феминистская перспектива. Контрточки. – 1997. – (60). – С. 243–271.
8. Тесфамариам, Б.З. Обеспечение образования со стороны Народного фронта освобождения Эритреи (EPLF) в полевых условиях с 1976 по 1991 год. – 2003.
9. Ийоб, Р. Эритрейская борьба за независимость: Доминирование, сопротивление, национализм, 1941–1993. Кембридж: Издательство Кембриджского университета. – 1995.
10. Уотч, А. Менгисту решил сжечь нас как древесину. Расовая классовая борьба. – 1990. – № 2 (32). – С. 72–82.

WOMEN'S CONTRIBUTION TO ERITREA'S WAR OF INDEPENDENCE: A LOOK AT THE ROLE OF KEDES GEBREHANNES BERAKI

Firre Erimias Biniam
Peoples' Friendship University of Russia

This paper uncovers the untold story of Kedes, a key figure in Eritrea's War of Independence, through a case study approach centered on her experiences as a secret service operative. Drawing on a personal interview conducted in Asmara on December 19, 2024, the study explores the challenges, strategies, and resilience of women in revolutionary movements, with a focus on Eritrea. The interview reveals Kedes' ingenuity in espionage networks, her narrow escape from a life-threatening situation, and the psychological toll of living under constant threat. These findings highlight the critical yet often overlooked contributions of women in liberation struggles, emphasizing the need to preserve such narratives for a more inclusive historical understanding. By centering Kedes' story, the paper not only illuminates her individual courage but also calls for greater recognition of women's roles in shaping revolutionary movements across Africa, challenging androcentric historical perspectives.

Keywords: Androcentric perspective, case study, espionage, resilience.

References

1. Connell, D. Inside the EPLF: The Origins of the People's Party and its Role in the Liberation of Eritrea. *Review of African Political Economy*. – 2001. – No. 89 (28). – P. 345–364.
2. Gebre-Medhin, J. Nationalism, Peasant Politics and the Emergence of a Vanguard Front in Eritrea. *Review of African Political Economy*. – 1984. – No. 30 (11). – P. 48–57.
3. Kedes Gebrehanes Beraki, personal interview, 18/12/2024, Asmara, Eritrea.
4. Krosch, S. L. A New Race of Women: The Challenges of Reintegrating Eritrea's Demobilized Female Combatants. Department of International Development, Community and Environment. – 2005.
5. Gruber, J., Garcetti, E. He Gave Me Permission to Go: Gender in Post-War Eritrea. In *African Studies Association Annual Meeting*, Chicago, Illinois. – October 1998.
6. Bernal, V. From Warriors to Wives: Contradictions of Liberation and Development in Eritrea. *Northeast African Studies*. – 2001. – No. 3 (8). – P. 129–154.
7. Stefanos, A. African Women and Revolutionary Change: A Freirian and Feminist Perspective. *Counterpoints*. – 1997. – (60). – P. 243–271.
8. Tesfamariam, B.Z. Provision of Schooling by the Eritrean People's Liberation Front (EPLF) in the Field from 1976–1991. – 2003.
9. Iyob, R. *Eritrean Struggle for Independence: Dominance, Resistance, Nationalism, 1941–1993*. Cambridge: Cambridge University Press. – 1995.
10. Watch, A. Mengistu Has Decided to Burn Us Like Wood. *Race Class*. – 1990. – No. 2 (32). – P. 72–82.

Использование дипфейков для создания информационных битов в электоральных кампаниях: влияние на политические смыслы среди молодежи России

Кветной Владимир Владимирович,

аспирант, кафедра политического анализа и социально-психологических процессов, РЭУ им. Г.В. Плеханова

В статье рассматривается использование технологии дипфейков для создания информационных битов с заданным драматургическим нарративом, представляющих собой короткие, но насыщенные фрагменты контента, где каждый кадр, сцена или эпизод имеют четкую драматургическую цель. Эти элементы контента могут быть использованы для формирования политических нарративов с конкретным выводом, который направляет зрителя к определенному восприятию политической ситуации. Важной особенностью таких информационных битов является то, что они воздействуют не только на разум, но и на эмоции, вызывая у аудитории нужный отклик. Исследуется, как эти информационные биты используются в электоральных кампаниях для манипуляции восприятием политических лидеров и партий, особенно среди молодежной аудитории, восприимчивой к визуальным и эмоционально насыщенным сообщениям. Подчеркивается значимость повышения цифровой грамотности и разработки механизмов защиты от манипуляций через новые медиатехнологии.

Ключевые слова: дипфейки, информационные биты, заданный нарратив, драматургия, политическая манипуляция, электоральные кампании, молодежная аудитория, манипулятивные видеоролики, социальные сети, цифровая грамотность, визуализация, эмоции, политические предпочтения.

Введение

Актуальность исследования

С развитием технологий, таких как искусственный интеллект (ИИ), и их применения в медиасфере, значительно увеличились возможности для создания фальшивых, но правдоподобных видеоматериалов. Одной из таких технологий является дипфейк, который позволяет манипулировать изображениями и видеоконтентом, создавая искусственно сгенерированные кадры, сцены и эпизоды. Особое внимание стоит уделить тому, как дипфейк используется для создания **информационных битов с заданным драматургическим нарративом**. Эти короткие, но насыщенные фрагменты контента имеют четкую драматургическую цель, где каждый кадр, сцена или эпизод способствует формированию определенного политического нарратива, воздействуя на восприятие и эмоциональный отклик зрителя. Такой подход позволяет создавать видеоматериалы, которые не только воздействуют на разум, но и напрямую влияют на эмоции, вызывая у аудитории нужный отклик.

Информационные биты с заданным нарративом, созданные с помощью технологии дипфейк, имеют значительный потенциал в политической агитации, особенно среди молодежной аудитории, которая активно потребляет контент через цифровые платформы. Эти материалы способны изменять политические предпочтения и влиять на восприятие политической ситуации, что делает их мощным инструментом манипуляции в электоральных кампаниях. Особенно важно понимать, как такие манипулятивные видеоролики могут изменять восприятие политических лидеров, партий и политических событий в целом, что подрывает доверие к политическим институтам и демократическим процессам.

Цель исследования

Цель данного исследования заключается в анализе использования технологий дипфейков для создания информационных битов с заданным драматургическим нарративом в электоральных кампаниях, а также в изучении их воздействия на молодежную аудиторию. Рассматривается, как такие видеоматериалы формируют политические нарративы, воздействуют на восприятие политических лидеров и партий, и как это влияет на электоральные предпочтения молодежи. Важным аспектом исследования является понимание того, как информация, визуализированная через технологию дипфейк, может влиять на эмоции и мышление аудитории, подталкивая их к определенному восприятию политической ситуации.

Задачи исследования

- Проанализировать, как информационные биты с заданным нарративом, созданные с помощью технологии дипфейк, влияют на восприятие политических лидеров и партий;
- Изучить, как эмоциональная составляющая в дипфейках способствует формированию политических нарративов и изменению политических предпочтений;

- Оценить влияние дипфейков с информационными битами на молодежную аудиторию, особенно в контексте их воздействия на политическую осведомленность и поведение;
- Разработать рекомендации по повышению цифровой грамотности и созданию эффективных механизмов защиты от манипуляций через новые медиатехнологии.

Методология

Обоснование выбора методов

В данном исследовании используется междисциплинарный подход, объединяющий методы политической науки, медиакоммуникаций, психологии и информационных технологий. Основной акцент сделан на изучении влияния **информационных битов с заданным нарративом**, которые создаются с помощью технологии дипфейк. Эти информационные биты представляют собой короткие, но яркие фрагменты контента, каждый кадр, сцена или эпизод которых направлен на создание определенного политического нарратива. Важной частью исследования является анализ того, как такие материалы воздействуют не только на рациональное восприятие, но и на эмоциональную составляющую зрителя, вызывая у него нужный отклик и меняя восприятие политической ситуации.

В исследовании применяются следующие методы:

- **Контент-анализ:** для изучения содержания видеоматериалов с дипфейками, которые используются в электоральных кампаниях. Особое внимание уделяется тому, как в таких видеороликах строится драматургия, какой эмоцией и каким выводом они заканчиваются, а также как визуальные элементы помогают усилить влияние на зрителя;
- **Опросы и анкетирование:** для оценки восприятия дипфейков среди молодежной аудитории. Опросы направлены на изучение того, как студенты воспринимают дипфейки, насколько они доверяют таким видеоматериалам и как это влияет на их политические предпочтения. Респонденты также должны оценить, в какой степени дипфейки изменяют их восприятие политических лидеров и событий;
- **Экспериментальные исследования:** с использованием специально подготовленных дипфейков, которые включают информационные биты с заданным нарративом. Эксперименты позволяют оценить влияние таких материалов на политические предпочтения молодежи, а также понять, как конкретные элементы видеороликов (завязка, конфликт, кульминация, развязка) влияют на восприятие.

Эмпирическая база исследования

Для эмпирического анализа были использованы следующие данные:

- **Контент-анализ видеоматериалов с дипфейками**, которые используются в политических кампаниях, распространенных через социальные сети и видеоплатформы. Особое внимание было уделено манипулятивным видеороликам, созданным с помощью технологии дипфейк, для формирования определенных политических нарративов;
- **Опросы среди 100 студентов** в возрасте 18–25 лет, который позволил оценить, как воспринимается контент с дипфейками среди молодежной аудитории и как это влияет на их политическое восприятие;
- **Эксперименты с манипулятивным видеоконтентом**, включающие специально подготовленные видеоролики с информационными битами с заданным

нарративом, созданными с использованием технологии дипфейк. Это позволило изучить реакции молодежи на такие материалы и их влияние на политические предпочтения.

Этические соображения

Все участники исследования были заранее проинформированы о целях эксперимента и дали свое согласие на участие. В ходе экспериментов использовались материалы, которые не нарушают прав и не наносят ущерба репутации политических лидеров. Важно отметить, что все дипфейки, показанные респондентам, по итогам эксперимента были четко маркированы как «искусственно созданный контент», что помогло обеспечить прозрачность исследования и избежать путаницы.

Результаты

Применение дипфейков в электоральных кампаниях

Дипфейки, как технология создания фальшивых, но визуально правдоподобных видеоматериалов, активно используются в политической агитации, в том числе для создания **информационных битов с заданным драматургическим нарративом**. Эти информационные биты – короткие фрагменты информации, которые имеют четкую эмоциональную окраску и вывод, – создаются с использованием технологии дипфейков. Такой подход позволяет визуализировать политический нарратив с помощью манипулятивных видеоматериалов, что значительно усиливает их воздействие на аудиторию.

В отличие от традиционных методов, дипфейки с информационными битами позволяют строить короткие, но яркие нарративы, которые воздействуют на зрителя через эмоции, что делает их особенно эффективными в электоральных кампаниях. Эти видеоролики с фальшивыми высказываниями или фальсифицированными действиями политиков распространяются через социальные сети, что особенно важно для молодежной аудитории, воспринимающей видеоконтент как более достоверный и правдоподобный, чем текстовую информацию.

Особенность информационных битов, созданных с помощью дипфейков, заключается в том, что каждый такой видеоролик является не просто манипуляцией с фактами, но и драматургическим инструментом, который воздействует на эмоции зрителя, создавая у него определенный образ, который затем влияет на его политическое восприятие. Это делает их не только технологически инновационными, но и крайне мощными средствами политического воздействия.

Технология дипфейков с информационными битами с заданным драматургическим нарративом активно используется в электоральных кампаниях как инструмент манипуляции общественным мнением. Информационные биты, созданные с помощью дипфейков, представляют собой короткие, но насыщенные фрагменты контента, где каждый кадр, сцена или эпизод имеют четкую драматургическую цель. Эти фрагменты видео могут быть использованы для формирования определенного политического нарратива, направленного на изменение восприятия политической ситуации и политических фигур.

Создание таких информационных битов с заданным нарративом позволяет воздействовать не только на рациональное восприятие, но и на эмоции зрителя, вызывая нужный отклик. В электоральных кампаниях это особенно важно, так как манипуляция эмоциями через визуальные элементы может привести к изменению политических предпочтений избирателей, особенно среди

молодежной аудитории, восприимчивой к эмоционально насыщенному видеоконтенту.

Примером такого использования является распространение видеороликов, в которых с помощью дипфейков создавались ложные заявления или вырванные из контекста реплики политиков. Эти материалы, которые на первый взгляд казались правдоподобными, использовались для дискредитации политических оппонентов. В результате, несмотря на их фальшивость, такие видео оказывали значительное влияние на восприятие электората и на настроения в политических процессах.

Опрос среди студентов: восприятие дипфейков и манипулятивных видео

Для того чтобы понять, как дипфейки с информационными битами влияют на восприятие молодежной аудитории, был проведен опрос среди 100 студентов (в возрасте 18–25 лет). Опрос был направлен на выяснение их реакции на видеоконтент, содержащий элементы манипуляции, а также на оценку доверия к таким видеоматериалам (рис. 1).

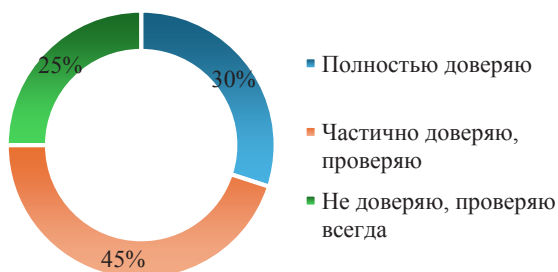

Рис. 1. Доверие к видеоконтенту в социальных сетях среди студентов

Результаты. 45% респондентов заявили, что частично доверяют видеоконтенту, но всегда проверяют его достоверность. 25% студентов уверены, что не стоит доверять видеоматериалам без предварительной проверки. Это свидетельствует о том, что большая часть молодежи воспринимает видеоконтент как источник правды, что делает ее уязвимой для манипуляций через дипфейки (рис. 2).

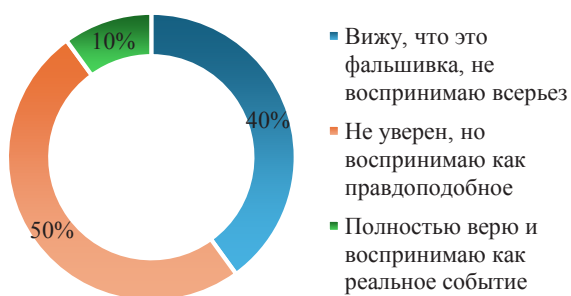

Рис. 2. Реакция студентов на дипфейки с политическим контекстом

Результаты. 50% респондентов воспринимают такие видеоматериалы как правдоподобные, несмотря на сомнения в их подлинности. Это подчеркивает, как визуальная правдоподобность и эмоциональная составляющая дипфейков могут сбить с толку аудиторию и изменить восприятие политических событий. Только 40% студентов смогли распознать дипфейк как фальшивку, что подтверждает высокую восприимчивость молодежной аудитории к манипуляциям (рис. 3).

Результаты. 20% студентов признались, что их политические предпочтения изменились после просмотра

манипулятивных видеоматериалов. 65% отметили, что хотя видеоролики заставили их задуматься, они не изменили их окончательных предпочтений. Это подтверждает, что информационные биты с заданным нарративом могут вызвать интерес и изменить восприятие политической ситуации, даже если они не всегда приводят к изменению политических позиций.

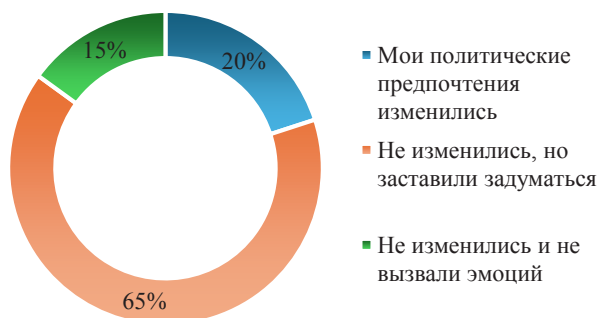

Рис. 3. Влияние манипулятивных видеороликов на политические предпочтения студентов

Выводы из опроса

Результаты опроса показывают, что дипфейки с информационными битами, созданными с заданным драматургическим нарративом, оказывают значительное влияние на восприятие политической ситуации среди молодежной аудитории. Даже если студенты сомневаются в достоверности этих видеоматериалов, визуальная правдоподобность и эмоциональная окраска таких видеороликов способны влиять на их восприятие и политические предпочтения.

Эти данные подчеркивают важность повышения критического мышления и цифровой грамотности среди молодежи, а также необходимость создания эффективных механизмов защиты от манипуляций с помощью новых медиатехнологий. Информационные биты с заданным нарративом, созданные с помощью дипфейков, показывают, насколько важен подход к обучению молодежи навыкам оценки и верификации контента, чтобы они могли отличать манипулятивные материалы от достоверной информации.

Обсуждение

Этические и правовые вызовы использования дипфейков с информационными битами с заданным нарративом

Использование дипфейков с информационными битами с заданным драматургическим нарративом представляет собой значительную этическую и правовую проблему в контексте электоральных кампаний. С одной стороны, такие технологии могут быть использованы для эффективного и креативного представления политических сообщений. Однако, с другой стороны, их способность создавать фальшивые, но визуально правдоподобные видеоматериалы представляет собой серьезную угрозу для честности и прозрачности выборных процессов.

Этические проблемы возникают, когда такие дипфейки используются для манипулирования восприятием политических лидеров и партий, подрывая доверие к институтам и нарушая принципы демократических выборов. Создание и распространение фальшивых видеоматериалов с помощью дипфейков, которые визуализируют ложные политические заявления или действия, имеет серьезные последствия для доверия граждан к политической системе и информации в целом. Особенно это опасно в условиях политической поляризации, когда

каждое новое видео, направленное против политического оппонента, может вызвать цепную реакцию недовольства и дезинформации среди избирателей.

С правовой точки зрения, существующие нормы законодательства не всегда способны эффективно регулировать использование дипфейков. В большинстве стран, включая Россию, законы, регулирующие создание и распространение контента в политической сфере, не охватывают специфические технологии, такие как дипфейки. В ответ на эти вызовы необходимо разработать новые правовые рамки, которые будут учитываться при распространении манипулятивных видеоматериалов в электоральных кампаниях. Важно создать законодательные механизмы, которые позволят привлекать к ответственности тех, кто использует дипфейки для манипуляции общественным мнением в целях политической выгоды.

Влияние дипфейков с информационными битами на политическую культуру и доверие к выборам

Дипфейки с информационными битами с заданным нарративом оказывают серьезное влияние на политическую культуру и общественное доверие к электоральным процессам. Одной из главных угроз является то, что такие видеоролики подрывают доверие к традиционным источникам информации. В условиях постоянного потока информации из различных источников, особенно через социальные сети, молодежь становится особенно восприимчивой к манипуляциям, так как визуально привлекательные и эмоционально насыщенные видео легко воспринимаются как достоверные.

Манипуляции через дипфейки также ведут к росту политической поляризации. Когда противоположные политические силы используют дипфейки для создания фальшивых скандалов или искажения изображений конкурентов, это способствует укреплению разделений в обществе. Примером может служить активное использование фальшивых видеоматериалов в предвыборных кампаниях, где каждое видео стремится представить политического оппонента в максимально негативном свете, что усиливает политическую напряженность и поляризует общественное мнение.

Еще одной важной проблемой является то, что дипфейки с информационными битами становятся причиной информационной усталости и цинизма среди избирателей. Если граждане начинают воспринимать все политические видео как возможные фальшивки, это может снизить уровень участия в выборах, поскольку избиратели начинают сомневаться в достоверности всех политических сообщений, что в итоге подрывает демократические процессы.

Технические и организационные меры для борьбы с манипуляциями через дипфейки

Для борьбы с манипуляциями, связанными с использованием дипфейков, необходимо разработать и внедрить ряд технических, организационных и образовательных мер. В первую очередь, это касается технологий, позволяющих выявлять фальшивые видеоматериалы. Развитие искусственного интеллекта и машинного обучения позволит создавать эффективные инструменты для автоматического распознавания дипфейков, что существенно снизит их распространение в политическом контексте. Эти технологии могут быть интегрированы в социальные сети и платформы видеохостинга для автоматического удаления или маркировки таких видеоматериалов.

Кроме того, необходимо разработать новые законодательные инициативы, направленные на защиту избирателей от манипуляций через дипфейки. Важно создать юридическую ответственность за создание и распро-

странение фальшивых материалов, особенно в период электоральных кампаний. Эти меры помогут предотвратить использование технологий дипфейков для незаконного воздействия на политические предпочтения избирателей.

Образовательные инициативы для повышения цифровой грамотности

Одним из важнейших шагов в борьбе с манипуляциями является повышение цифровой грамотности среди населения. В первую очередь это касается молодежной аудитории, которая активно потребляет информацию через социальные сети и видеоплатформы. Образовательные программы должны включать темы, связанные с распознаванием дипфейков, развитием критического восприятия информации и навыков проверки фактов.

Образовательные кампании должны быть направлены на повышение осведомленности о технологиях дипфейков, их возможностях и угрозах, а также на обучение правильному поведению в условиях информационного перегруза. Важно, чтобы молодежь научилась не только выявлять манипуляции, но и осознавать, как их эмоции могут быть использованы для политического влияния.

Перспективы дальнейших исследований

Будущие исследования должны сосредоточиться на создании новых методов обнаружения и борьбы с дипфейками, а также на более глубоком изучении их воздействия на политическое поведение избирателей. Также следует продолжить исследование, как различные возрастные и социальные группы воспринимают манипулятивный контент и какие способы защиты наиболее эффективны в каждом конкретном случае.

Особое внимание следует уделить глобальному сотрудничеству в области разработки стандартов и нормативных актов для противодействия манипуляциям с дипфейками в политической сфере. Это поможет создать единый подход к решению этой проблемы на международном уровне.

Заключение

Резюме основных результатов исследования

Результаты проведенного исследования подтвердили, что использование технологий дипфейков для создания информационных битов с заданным драматургическим нарративом становится мощным инструментом в электоральных кампаниях. Информационные биты, созданные с помощью дипфейков, представляют собой короткие фрагменты контента, которые играют ключевую роль в формировании политических нарративов и манипуляции общественным мнением. Каждый элемент такого контента – от кадра до эпизода – имеет четкую драматургическую цель, что делает эти материалы не только убедительными, но и высокоэффективными для воздействия на зрителя.

Информационные биты с заданным нарративом воздействуют не только на рациональное восприятие, но и на эмоциональную сферу, вызывая у аудитории нужный отклик. Это значительно повышает их влияние на молодежную аудиторию, которая наиболее восприимчива к визуальному контенту и часто не склонна критически оценивать информацию. Эмоционально насыщенные видеоролики с элементами дипфейков, содержащие ложные или искаженные политические сообщения, способны значительно изменить восприятие политической ситуации, подрывая доверие к политическим институтам и влияя на электоральные предпочтения.

Данные опросов среди студентов показывают, что даже при сомнениях в подлинности, видео, созданные с помощью дипфейков, воспринимаются как правдоподобные, что делает молодежную аудиторию уязвимой для манипуляций. Это подчеркивает важность повышения критического мышления и цифровой грамотности, а также разработки эффективных механизмов защиты от манипуляций через новые медиатехнологии.

Угрозы для демократических процессов и политической стабильности

Использование дипфейков с информационными битами с заданным нарративом несет серьезные угрозы для демократических процессов и политической стабильности. В первую очередь, такие манипуляции подрывают доверие к традиционным источникам информации, поскольку фальшивые видеоматериалы, визуально правдоподобные и эмоционально насыщенные, становятся источниками политической дезинформации. В условиях постоянного информационного потока в социальных сетях и на видеоплатформах, где крайне трудно отличить реальное от фальшивого, дипфейки становятся неотъемлемой частью политической агитации и манипуляции.

Кроме того, использование дипфейков с информационными битами способствует росту политической поляризации. Партии и политические силы используют эти технологии для создания фальшивых нарративов, направленных на дискредитацию политических оппонентов. Это увеличивает разрыв между различными политическими лагерями, усиливает недовольство и способствует усилению политической фрагментации в обществе. В особенности это касается молодежной аудитории, которая является наиболее активной и восприимчивой к новым формам контента.

Наконец, манипуляции через дипфейки могут привести к снижению гражданской активности и даже вызвать политическую апатию. Когда электоральные процессы начинают восприниматься как манипулированные, а избирательная информация – как ненадежная, это может снизить уровень доверия к выборным процессам и уменьшить участие в выборах, что угрожает целостности демократии.

Практические рекомендации для борьбы с манипуляциями через дипфейки

Для эффективного противодействия угрозам, связанным с использованием дипфейков в электоральных кампаниях, необходимо внедрить комплекс мер, которые будут включать правовые, технические и образовательные подходы.

- **Правовые меры:** важно разработать и принять законодательство, регулирующее создание и распространение дипфейков, особенно в контексте политических кампаний. Необходимо ввести ответственность за создание и распространение манипулятивных видеоматериалов, а также предусмотреть механизмы, которые позволят оперативно выявлять и удалять фальшивые видеоролики, которые могут повлиять на электоральные предпочтения. Эти меры должны быть направлены на защиту избирателей от дезинформации и недобросовестных манипуляций.
- **Технические меры:** современные технологии машинного обучения и искусственного интеллекта могут быть использованы для создания систем, которые автоматически распознают дипфейки и маркируют их как фальшивки. Это позволит социальным сетям и видеоплатформам оперативно реагировать на распространение манипулятивных материалов

и минимизировать их влияние на общественное мнение. Разработка и внедрение таких инструментов, как системы верификации видео и аудио контента, должны стать приоритетом в борьбе с манипуляциями.

- **Образовательные меры:** важно внедрить образовательные программы, направленные на повышение цифровой грамотности среди молодежи, особенно в контексте восприятия информации в социальных сетях и видеоплатформах. Такие программы должны обучать молодежь не только распознаванию дипфейков, но и формированию навыков критического восприятия медиаконтента, понимания технологий манипуляции и самостоятельной проверки информации. Образовательные инициативы должны быть нацелены на развитие осознания того, как легко можно манипулировать общественным мнением с помощью медиа.

Перспективы дальнейших исследований

Будущие исследования должны сосредоточиться на более глубоком анализе воздействия дипфейков с информационными битами на различные социальные группы и возрастные категории. Важно исследовать, как различные факторы, такие как социальный статус, уровень образования и политическая принадлежность, влияют на восприятие манипулятивного контента и его воздействие на политические предпочтения.

Также важно продолжить работу над созданием международных стандартов и регулирования, направленных на противодействие манипуляциям с использованием новых технологий, включая дипфейки. Международное сотрудничество в разработке таких стандартов может сыграть ключевую роль в борьбе с политической дезинформацией и обеспечении прозрачности выборных процессов.

Заключение

Использование дипфейков с информационными битами с заданным драматургическим нарративом представляет собой как мощный инструмент в электоральных кампаниях, так и серьезную угрозу для демократических процессов. Важно понимать, что такие технологии не только изменяют политическое восприятие, но и могут подрывать доверие к политическим институтам, манипулировать общественным мнением и воздействовать на политическую стабильность. Поэтому для эффективного противодействия этим угрозам необходимо разрабатывать комплексные меры, включающие правовые, технические и образовательные инициативы. Это позволит сохранить прозрачность политических процессов и укрепить доверие граждан к выборам и политическим институтам.

Литература

1. Чахотин, С.С. Психическое насилие над массами [Текст] / С.С. Чахотин. – Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2016. – С. 42.
2. Трынов, Д.В. Политическое участие молодежи: поддержка vs протест [Текст] / Д.В. Трынов // Социодинамика. – 2019. – № 12. – С. 298–314. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-uchastie-molodezhi-podderzhka-vs-protest> (дата обращения: 03.03.2024).
3. Bhavana, S. The Deepfake Dilemma: A Comprehensive Study on Political Misinformation («Дилемма использования технологии дипфейк: всестороннее исследование»)

- дование политической дезинформации») [Текст] / Dr. Bhavana S. – 31 декабря 2023. – С. 4.
4. Fazio, L. K., Brashier, N. M., Payne, B. K., & Marsh, E.J. Knowledge does not protect against illusory truth [Текст] / L.K. Fazio, N.M. Brashier, B.K. Payne, E.J. Marsh // *Journal of Experimental Psychology: General*. (“Sci-Hub | Knowledge does not protect against illusory truth. *Journal of ...*”) – 2015. – Vol. 144, № 5. – С. 993–1002. – URL: <https://doi.org/10.1037/xge0000098> (дата обращения: 03.03.2024).
 5. Матюшенко, Д. В., Миронова, С.В. Электронная грамотность молодежи как фактор политической активности: региональный аспект [Текст] / Д.В. Матюшенко, С.В. Миронова // *Гражданин. Выборы. Власть*. – 2019. – С. 114–127. – URL: https://www.rcoit.ru/upload/iblock/f51/%D0%93%D0%92%D0%92_3_2019%D0%9D%D0%B5%D0%B7%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%D0%D0%B2%D1%8V%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B2%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%B2%D0%BC%D0%B5%D1%88%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0.pdf (дата обращения: 03.03.2024).
 6. Pohl, R.F. Cognitive Illusions: Intriguing Phenomena in Judgement, Thinking and Memory [Текст] / R.F. Pohl (ed.). – Psychology Press, 2016.
 7. Казаков, А.А. Политическая составляющая медийной грамотности [Текст] / А.А. Казаков // *Изв. Саратовского университета. Сер. Социология. Политология*. – 2017. – Т. 17, вып. 4. – С. 459–466. – DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-459-466.
 8. Рождественская Я. Дипфейки стали политтехнологией. 2024. URL: https://vk.com/wall-102266407_11548 (дата обращения: 29–01–2025).
 9. Укрепление индивидуальной устойчивости и психологическое благополучие. / науч. ред. М.А. Чумакова. Москва: Эгитас, 2022. 130 с. URL: <https://stratpro.hse.ru/mirror/pubs/share/805026185.pdf>
 10. Jańczuk H. Risks of Using Artificial Intelligence in Creating the Image of Politicians and in Electoral Campaigns // *Ad Americam*. 2024. Vol. 25. P. 169–182. URL: <https://journals.akademicka.pl/adamericam/article/view/6106/5809>
 11. Muñoz K. The Transformative Role of AI in Reshaping Electoral Politics // *DGAP Memo*. 2023. N. 4. URL: https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/89978/ssoar-2023-munoz-The_Transformative_Role_of_AI.pdf?sequence=1&isAllowed=y
 12. Łabuz M., Nehring C. On the way to deep fake democracy? Deep fakes in election campaigns in 2023 // *European Political Science*. 2024. Vol. 23. N. 4. P. 454–473. URL: <https://link.springer.com/article/10.1057/s41304-024-00482-9>
 13. Виноградова Е.А. Потенциальные угрозы несанкционированного использования политических дипфейков в период политических выборов: международный опыт // *Мировая политика*. 2024. № 3. С. 44–60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsialnye-ugrozy-nesanktsionirovannogo-ispolzovaniya-politicheskikh-dipfeykov-v-period-politicheskikh-vyborov-mezhdunarodnyy-opyt>
 14. Воронин И.А., Гавра Д.П. Дипфейки: современное понимание, подходы к определению, характеристики, проблемы и перспективы // *Российская школа связей с общественностью*. 2024. № 33. С. 28–47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dipfeyki-sovremennoe-ponimanie-podhody-k-opredeleniyu-harakteristiki-problemy-i-perspektivy>
 15. Гнездова Ю.В., Сергиенко Н.С. Медиа– и информационная грамотность молодежи: ориентиры для государственной политики // *Управление*. 2024. Т. 12. № 4. С. 79–87. URL: <https://upravlenie.guu.ru/jour/article/download/755/467>
 16. Давыдова Ю.А., Матюхин А.В., Ананьевская Е.А. Искусственный интеллект в политическом управлении: тенденции и перспективы // *Журнал политических исследований*. (“Искусственный интеллект в политическом управлении: тенденции и ...”) 2023. Т. 7. № 4. С. 100–113. URL: <https://naukaru.ru/ru/storage/viewWindow/138664>
 17. Иванов В.Г., Игнатовский Я.Р. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности // *Вестник Российского университета дружбы народов*. (“DEEPFAKES: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ В ПОЛИТИКЕ И УГРОЗЫ ДЛЯ ЛИЧНОСТИ И ...”) Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 4. С. 379–386. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deepfakes-perspektivy-primeneniya-v-politike-i-ugrozy-dlya-lichnosti-i-natsionalnoy-bezopasnosti>
 18. Киселёв А.С. О необходимости правового регулирования в сфере искусственного интеллекта: дипфейк как угроза национальной безопасности // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3. С. 54–64. URL: https://web.archive.org/web/20220518172252id_/https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/14786
 19. Красовская Н.П., Гуляев А.А. Технологии манипуляции сознанием при использовании дипфейков как инструмента информационной войны в политической сфере // *Власть*. (“Дипфейк (deepfake) и уголовный закон Текст научной статьи по ...”) 2020. № 4. С. 93–98. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-manipulyatsii-soznaniem-pri-ispolzovanii-dipfeykov-kak-instrumenta-informatsionnoy-voyny-v-politicheskoy-sfere>
 20. Макарова Л., Баташев Ю., Солодовников А. и др. Дипфейк как феномен современного информационного пространства // *Челябинский гуманитарий*. 2024. № 3. С. 24–35. URL: <https://znakmedia.ru/index.php/chelgum/article/view/252>
 21. Минаева Л.В. Потенциал цифровых технологий в избирательных кампаниях // *Коммуникология*. 2024. Т. 12. № 1. С. 13–27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-tsfirovyh-tehnologiy-v-izbiratelnyh-kampaniyah>
 22. Михайлова Е.А. «Доверие, недоверие и фейковые новости в процессе политической легитимизации // *Известия Саратовского университета*.» (“Доверие, недоверие и фейковые новости в процессе политической ...”) Новая серия. Серия Социология. Политология. 2023. Т. 23. № 2. С. 227–234. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-nedoverie-i-feykovye-novosti-v-protssesse-politicheskoy-legitimizatsii>
 23. Монахова Э., Городничева Ю.М., Морозова А.Н. и др. Доверие к манипулятивной информации: от восприятия к принятию решений // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2024. № 3 (181). С. 42–66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-k-manipulyativnoy-informatsii-ot-vospriyatiya-k-prinyatiyu-resheniy>
 24. Неренц Д.В. Особенности фейкового контента в медиaprостранстве в эпоху развития искусственного интеллекта // *Litera*. 2024. № 7. С. 107–114. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-feykovogo-kontenta-v-mediaprostranstve-v-epohu-razvitiya-iskusstvennogo-intellekta>

25. Нестерчук О.А., Зогранян Е.В. Цифровая политическая дезинформация как угроза для интернет-аудитории // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы Всерос. науч.-практ. конф., г. Ярославль, 18–19 апреля 2024 г. Ярославль: ЯрГУ, 2024. С. 229–234. URL: https://pureportal.spbu.ru/files/120935823/elibrary_67320660_41960275.pdf
26. Оломская Н. Н., Юрова Е.А. Манипулирование мнением электората с помощью дипфейков в период избирательной кампании 2024 в США // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: с. науч. тр. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. С. 109–115. URL: <https://disk.yandex.ru/i/k81blKxB-Naa1fg>
27. Тен Е.В. Избирательный процесс и формы манипулирования в эпоху цифровой трансформации общества: риски, угрозы и противодействия // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2020. Т. 12. № 4. С. 50–59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izbiratelnyy-protsess-i-formy-manipulirovaniya-v-epohu-tsifrovoy-transformatsii-obschestva-riski-ugrozy-i-protivodeystviya>
28. Уртаева Э.Б. Возможности и угрозы применения искусственного интеллекта (ИИ) в политических коммуникациях // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 2. С. 44–51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-i-ugrozy-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-ii-v-politicheskikh-kommunikatsiyah>
29. Уртаева Э.Б. Цифровые инструменты и каналы современных предвыборных коммуникаций // Дискуссия. 2024. № 3 (124). С. 190–200. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-instrumenty-i-kanaly-sovremennyh-predvybornykh-kommunikatsiy>
30. Фалалеев М.А., Ситдикова Н.А., Нечай Е.Е. Дипфейк как феномен политической коммуникации // Вестник Забайкальского государственного университета. 2021. Т. 27. № 6. С. 101–106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dipfeyk-kak-fenomen-politicheskoy-kommunikatsii>
31. Цветкова Н.А., Гришанина Т.А. «Цифровая сила» в странах Латинской Америки: хэштеги и дипфейки как политические инструменты // Латинская Америка. 2023. № 3. С. 21–33. URL: <http://95.173.130.42/media/files/NB5HEJkyCODIaBH1oC7TAQvZ2AP-PPi6K.pdf>
32. Чернавский А.С. Актуальные возможности и ограничения использования технологий ИИ в политической рекламе // Роль бизнеса в трансформации общества – 2024: сб. материалов XIX Междунар. конгр. (междунар. науч.-практ. конф.). Москва: Университет «Синергия», 2024. С. 245–249. URL: <https://www.synergyniga.ru/upload/iblock/220/9crvjxi7qms2qlxl-3nd9b9y7ud3x6mle.pdf#page=245>

USING DEEPAKES TO CREATE INFORMATION BITS IN ELECTORAL CAMPAIGNS: IMPACT ON POLITICAL MEANINGS AMONG RUSSIAN YOUTH

Kvetnoy V.V.

Plekhanov Russian University of Economics

The article examines the use of deepfake technology to create information bits with a given dramatic narrative, representing short but rich fragments of content, where each frame, scene or episode has a clear dramatic purpose. These content elements can be used to

form political narratives with a specific conclusion that guides the viewer to a specific perception of the political situation. An important feature of such information bits is that they affect not only the mind, but also the emotions, eliciting the desired response from the audience. The article explores how these information bits are used in electoral campaigns to manipulate the perception of political leaders and parties, especially among a young audience susceptible to visual and emotionally intense messages. The importance of increasing digital literacy and developing mechanisms to protect against manipulation through new media technologies is emphasized.

Keywords: deepfakes, information bits, set narrative, drama, political manipulation, electoral campaigns, youth audience, manipulative videos, social networks, digital literacy, visualization, emotions, political preferences.

References

1. Chakhotin, S.S. Mental Violence against the Masses [Text] / S.S. Chakhotin. – Yaroslavl: Publishing House of Yaroslavl State University, 2016. – P. 42.
2. Trynov, D.V. Political Participation of Youth: Support vs. Protest [Text] / D.V. Trynov // Sociodynamics. – 2019. – No. 12. – P. 298–314. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-uchastie-molodezhi-podderzhka-vs-protest> (date accessed: 03.03.2024).
3. Bhavana, S. The Deepfake Dilemma: A Comprehensive Study on Political Misinformation [Text] / Dr. Bhavana S. – December 31, 2023. – P. 4.
4. Fazio, L. K., Brashier, N. M., Payne, B. K., & Marsh, E.J. Knowledge does not protect against illusory truth [Text] / L.K. Fazio, N.M. Brashier, B.K. Payne, E.J. Marsh // Journal of Experimental Psychology: General. (“Sci-Hub | Knowledge does not protect against illusory truth. Journal of ...”) – 2015. – Vol. 144, No. 5. – P. 993–1002. – URL: <https://doi.org/10.1037/xge0000098> (access date: 03/03/2024).
5. Matyushenko, D. V., Mironova, S.V. Electoral literacy of young people as a factor in political activity: regional aspect [Text] / D.V. Matyushenko, S.V. Mironova // Citizen. Elections. Power. – 2019. – P. 114–127. – URL: https://www.rcoit.ru/upload/iblock/f51/%D0%93%D0%92%D0%92_3_2019%20%D0%9D%D0%B5%D0%B7%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%B2%D1%8B%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%20%D0%B2%20%D0%BA%D0%BE%D0%B-D%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82%D0%B5%20%D0%B2%20%D0%B-C%D0%B5%D1%88%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B-B%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0.pdf (date of access: 03/03/2024).
6. Pohl, R.F. Cognitive Illusions: Intriguing Phenomena in Judgment, Thinking and Memory [Text] / R.F. Pohl (ed.). – Psychology Press, 2016.
7. Kazakov, A.A. Political component of media literacy [Text] / A.A. Kazakov // Izvestia. Saratov University. Nov. series. Series. Sociology. Political Science. – 2017. – Vol. 17, issue. 4. – Pp. 459–466. – DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-459-466.
8. Rozhdestvenskaya Ya. Deepfakes have become political technology. 2024. URL: https://vk.com/wall-102266407_11548 (date of access: 29–01–2025).
9. Strengthening individual resilience and psychological well-being. / scientific ed. M.A. Chumakova. Moscow: Egitas, 2022. 130 p. URL: <https://stratpro.hse.ru/mirror/pubs/share/805026185.pdf>
10. Jańczuk H. Risks of Using Artificial Intelligence in Creating the Image of Politicians and in Electoral Campaigns // Ad Americam. 2024. Vol. 25. P. 169–182. URL: <https://journals.akademicka.pl/adamericam/article/view/6106/5809>
11. Muñoz K. The Transformative Role of AI in Reshaping Electoral Politics // DGAP Memo. 2023. N. 4. URL: https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/89978/ssoar-2023-munoz-The_Transformative_Role_of_AI.pdf?sequence=1&isAllowed=y
12. Łabuz M., Nehring C. On the way to deep fake democracy? Deep fakes in election campaigns in 2023 // European Political Science. 2024. Vol. 23. N. 4. P. 454–473. URL: <https://link.springer.com/article/10.1057/s41304-024-00482-9>

13. Vinogradova E.A. Potential threats of unauthorized use of political deepfakes during political elections: international experience // *World Politics*. 2024. No. 3. P. 44–60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsialnye-ugrozy-nesanksionirovannogo-ispolzovaniya-politicheskikh-dipfeykov-v-period-politicheskikh-vyborov-mezhdunarodnyy-opyt>
14. Voronin I.A., Gavra D.P. Deepfakes: Modern Understanding, Approaches to Definition, Characteristics, Problems and Prospects // *Russian School of Public Relations*. 2024. No. 33. P. 28–47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dipfeyki-sovremennoe-ponimanie-podhody-k-opredeleniyu-harakteristiki-problemy-i-perspektivy>
15. Gnezdova Yu.V., Sergienko N.S. Media and information literacy of young people: guidelines for public policy // *Upravlenie*. 2024. Vol. 12. No. 4. Pp. 79–87. URL: <https://upravlenie.guu.ru/jour/article/download/755/467>
16. Davydova Yu.A., Matyukhin A.V., Ananyevskaya E.A. Artificial intelligence in political management: trends and prospects // *Journal of Political Studies*. (“Artificial intelligence in political management: trends and ...”) 2023. Vol. 7. No. 4. Pp. 100–113. URL: <https://naukaru.ru/ru/storage/viewWindow/138664>
17. Ivanov V.G., Ignatovsky Ya.R. Deepfakes: Prospects of Application in Politics and Threats to the Individual and National Security // *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia*. (“DEEPFAKES: PROSPECTS OF APPLICATION IN POLITICS AND THREATS TO THE PERSONALITY AND ...”) Series: Public and Municipal Administration. 2020. Vol. 7. No. 4. P. 379–386. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deepfakes-perspektivy-primeneniya-v-politike-i-ugrozy-dlya-lichnosti-i-natsionalnoy-bezopasnosti>
18. Kiselev A.S. On the need for legal regulation in the field of artificial intelligence: deepfake as a threat to national security // *Bulletin of Moscow State Regional University*. Series: Jurisprudence. 2021. No. 3. P. 54–64. URL: <https://web.archive.org/web/20220518172252id/https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/14786>
19. Krasovskaya N.R., Gulyaev A.A. Technologies of consciousness manipulation using deepfakes as a tool of information warfare in the political sphere // *Power*. (“Deepfake and criminal law Text of scientific article on ...”) 2020. No. 4. P. 93–98. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-manipulyatsii-soznaniem-pri-ispolzovanii-dipfeykov-kak-instrumenta-informatsionnoy-voyny-v-politicheskoy-sfere>
20. Makarova L., Batashev Yu., Solodovnikov A. et al. Deepfake as a phenomenon of the modern information space // *Chelyabinsk Humanitarian*. 2024. No. 3. Pp. 24–35. URL: <https://znakmedia.ru/index.php/chelgum/article/view/252>
21. Minaeva L.V. Potential of digital technologies in election campaigns // *Communicology*. 2024. Vol. 12. No. 1. Pp. 13–27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-tsifrovyyh-tehnologiy-v-izbiratelnyh-kampaniyah>
22. Mikhailova E.A. “Trust, distrust and fake news in the process of political legitimization // *Bulletin of the Saratov University*. (“Trust, distrust and fake news in the process of political ...”) New series. Series Sociology. Political Science. 2023. Vol. 23. No. 2. Pp. 227–234. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-nedoverie-i-feykovye-novosti-v-protssesse-politicheskoy-legitimizatsii>
23. Monakhova E., Gorodnicheva Yu. M., Morozova A.N. and others. Trust in manipulative information: from perception to decision-making // *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2024. No. 3 (181). P. 42–66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-k-manipulyativnoy-informatsii-ot-vospriyatyya-k-prinyatiyu-resheniy>
24. Nerents D.V. Features of fake content in the media space in the era of artificial intelligence development // *Litera*. 2024. No. 7. P. 107–114. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-feykovogo-kontenta-v-mediaprostranstve-v-epohu-razvitiya-iskusstvennogo-intellekta>
25. Nesterchuk O.A., Zogranyan E.V. Digital political disinformation as a threat to the Internet audience // *Opportunities and threats of the digital society: materials of the All-Russian scientific and practical conf.*, Yaroslavl, April 18–19, 2024. Yaroslavl: Yaroslavl State University, 2024. pp. 229–234. URL: https://pureportal.spbu.ru/files/120935823/elibrary_67320660_41960275.pdf
26. Olomskaya N. N., Yurova E.A. Manipulation of electorate opinion with the help of deepfakes during the 2024 election campaign in the USA // *Interdisciplinary aspects of linguistic research: s. scientific. tr.* Krasnodar: Kuban State University, 2024. Pp. 109–115. URL: <https://disk.yandex.ru/i/k81bKxBNaa1fg>
27. Ten E.V. Electoral process and forms of manipulation in the era of digital transformation of society: risks, threats and counteractions // *Territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University*. 2020. Vol. 12. No. 4. P. 50–59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izbiratelnyy-protsess-i-formy-manipulirovaniya-v-epohu-tsifrovoy-transformatsii-obschestvariski-ugrozy-i-protivodeystviya>
28. Urtaeva E.B. Possibilities and Threats of Using Artificial Intelligence (AI) in Political Communications // *Society: Politics, Economics, Law*. 2024. No. 2. P. 44–51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-i-ugrozy-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-ii-v-politicheskikh-kommunikatsiyah>
29. Urtaeva E.B. Digital Tools and Channels of Modern Pre-Election Communications // *Discussion*. 2024. No. 3 (124). P. 190–200. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-instrumenty-i-kanaly-sovremennyh-predvybornykh-kommunikatsiy>
30. Falaleev M.A., Sitdikova N.A., Nechay E.E. Deepfake as a Phenomenon of Political Communication // *Bulletin of the Transbaikalian State University*. 2021. Vol. 27. No. 6. P. 101–106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dipfeyk-kak-fenomen-politicheskoy-kommunikatsii>
31. Tsvetkova N.A., Grishanina T.A. “Digital Power” in Latin American Countries: Hashtags and Deepfakes as Political Tools // *Latin America*. 2023. No. 3. Pp. 21–33. URL: <http://95.173.130.42/media/files/NB5HEJkyCODIaBH1oC7TAQvZ2APPPi6K.pdf>
32. Chernavsky A.S. Actual Possibilities and Limitations of Using AI Technologies in Political Advertising // *The Role of Business in the Transformation of Society – 2024: collection of materials of the XIX Int. Congr. (international scientific and practical conf.)*, Moscow: Synergy University, 2024. Pp. 245–249. URL: <https://www.synergykniga.ru/upload/iblock/220/9crvjxi7qms2qxl3nd-9b9y7ud3x6mle.pdf#page=245>

Основные тенденции молодежной политики в Приморском крае в 2024 году

Литвиненко Даниил Валерьевич,

студент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Терешина Арина Николаевна,

студент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Разумовский Александр Иванович,

студент кафедры Дальневосточного федерального университета

Едич Глеб Сергеевич,

студент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Караев Арсений Андреевич,

студент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

В 2024 году молодежная политика в Приморском крае характеризуется стратегическим направлением на интеграцию молодежи в социально-экономическую и культурную жизнь региона. Ключевые тенденции включают развитие молодежного предпринимательства, повышение уровня гражданской активности, популяризацию здорового образа жизни и поддержку инновационных образовательных проектов. Существенное внимание уделяется программам профессионального и личностного развития молодежи, а также их участию в общественных инициативах и культурных мероприятиях. Эти меры нацелены на повышение уровня жизни молодежи, укрепление их социальной роли и вклад в устойчивое развитие Приморского края.

Ключевые слова: Приморский край, молодежная политика, молодежное предпринимательство, гражданская активность, здоровый образ жизни, инновационные проекты, образовательные инициативы, профессиональное развитие, культурные мероприятия

Введение

Молодежная политика играет важную роль в социально-экономическом развитии любого региона, включая Приморский край. В 2024 году данное направление становится особенно актуальным в связи с ускоряющимися темпами развития молодежной политики по всей стране. В Приморском крае ведется активная работа по разработке и внедрению программ, направленных на поддержку и развитие молодежи. Важным аспектом является вовлечение молодежи в общественную и социальную деятельность, что способствует формированию активной гражданской позиции. В данной статье будут рассмотрены основные тенденции молодежной политики в Приморском крае в 2024 году, проанализированы ключевые инициативы и программы, а также обсуждены вызовы и перспективы их реализации в условиях современных социально-экономических изменений.

Молодежная политика в Приморском крае в 2024 году

В 2024 году молодежная политика Приморского края направлена на создание условий для всестороннего развития молодых людей, повышения их социальной активности и развитию патриотизма. В этой главе рассмотрим ключевые направления и инициативы, которые определяют вектор молодежной политики в Приморском крае, который отличается своим особым статусом: Владивосток в 2024 году официально объявлен молодежной столицей России. Одним из приоритетных направлений молодежной политики в Приморском крае является повышение уровня образования и профессиональной подготовки молодежи. В регионе реализуются многочисленные образовательные программы, направленные на улучшение качества образования и создание условий для успешной карьеры молодых специалистов. Важную роль в этом играет сотрудничество с ведущими вузами страны и иностранными образовательными учреждениями, а также проведение различных образовательных форумов. Среди инициатив можно выделить программы по развитию цифровых навыков и компетенций, востребованных на современном рынке труда. Особое внимание уделяется подготовке специалистов в области IT, инженерии, биотехнологий и других перспективных областей. Внедрение программ дуального образования, сочетающих теоретическое обучение с практической подготовкой на предприятиях, позволяет молодым людям получать необходимые навыки и опыт для успешной профессиональной деятельности. Стимулирование предпринимательской активности молодежи является важным аспектом региональной политики. В Приморском крае создаются условия для развития малого и среднего бизнеса, поддерживаются стартапы и инновационные проекты, иницируемые молодыми предпринимателями. В рамках данной политики предоставляются гранты и субсидии на реализацию бизнес-идей, организуются конкурсы и форумы, где молодые предприниматели могут представить свои проекты и найти инвесторов. Этим в частности занимается платформа «Мой Бизнес».

Создание бизнес-инкубаторов и технопарков в регионе способствует развитию предпринимательства и ин-

новаций. Молодые предприниматели получают доступ к современным офисным и производственным площадям, консультациям экспертов, образовательным программам и менторской поддержке.

В регионе реализуются программы, направленные на популяризацию спорта, правильного питания, отказа от вредных привычек и укрепления психического здоровья молодежи. Этому способствует пример губернатора края – Олега Николаевича Кожемяко. Открываются новые спортивные комплексы, проводятся массовые спортивные мероприятия и соревнования, активно развиваются фитнес-клубы и центры здоровья.

Особое внимание уделяется профилактическим мероприятиям, направленным на предупреждение различных заболеваний и формирование у молодежи культуры здоровья.

В регионе активно поддерживаются инициативы, направленные на развитие творческих способностей молодежи, организацию культурных и развлекательных мероприятий. Молодежные клубы, студии и кружки предоставляют возможность для самореализации и развития талантов в различных областях искусства и культуры.

Регулярно проводятся фестивали, концерты, выставки и конкурсы, где молодые люди могут продемонстрировать свои достижения и найти единомышленников. Создаются условия для развития молодежных субкультур и неформальных объединений, что способствует формированию активного и разнообразного культурного сообщества.

Владивосток, как молодежная столица России 2024 года, становится центром проведения различных мероприятий, способствующих обмену опытом, идеями и знаниями среди молодежи. Форумы часто включают в себя дискуссионные площадки, мастер-классы, лекции и тренинги с участием экспертов из различных областей. Для эффективной реализации молодежной политики в Приморском крае создаются специализированные органы и структуры, отвечающие за разработку и внедрение молодежных программ. Эти органы занимаются координацией различных инициатив, взаимодействием с общественными организациями и образовательными учреждениями, а также обеспечением участия молодежи в принятии решений.

Функционирование таких органов позволяет учитывать мнение молодежи при разработке стратегий и программ, что способствует более точному учету их потребностей и интересов. Также это способствует активному вовлечению молодых людей в процесс управления и развития региона. Таким образом, молодежная политика Приморского края в 2024 году направлена на создание благоприятных условий для всестороннего развития молодежи, поддержания их социальной активности и интеграции в общественную жизнь региона. Особое внимание уделяется статусу Владивостока как молодежной столицы России, что открывает дополнительные возможности для реализации молодежных инициатив и проектов. Молодежная политика Приморского края в 2024 году является важным компонентом социально-экономического развития региона. Реализация разнообразных программ и инициатив направлено на всестороннее развитие молодежи, их профессиональное и личностное становление, повышение социальной активности и интеграцию в общественную жизнь. Важное значение в этом процессе имеет статус Владивостока как молодежной столицы России, что предоставляет дополнительные ресурсы и возможности для реализации молодежных проектов и мероприятий.

Ключевые направления молодежной политики, такие как развитие образовательных программ, стимулирова-

ние предпринимательской активности, пропаганда здорового образа жизни и обеспечение культурного досуга, способствуют формированию активного, образованного и здорового поколения, готового внести свой вклад в развитие региона и страны в целом. Проведение форумов и дней молодежи, а также создание органов молодежной политики позволяют эффективно координировать усилия различных структур и организаций, обеспечивая всестороннюю поддержку молодежи.

Однако, несмотря на достигнутые успехи, перед молодежной политикой Приморского края стоят значительные вызовы. Необходимо продолжать работу над улучшением качества образования, расширением возможностей для молодежного предпринимательства, усилением профилактических мер в области здоровья и развитием культурных инициатив. Важно также обеспечить постоянное взаимодействие и обратную связь с молодежью, чтобы учитывать их мнение и потребности при разработке новых программ и стратегий.

Также необходимо выделить проблемы реализации Молодежной политике в Приморском крае.

Во-первых, необходимо отметить концентрированность большей части мероприятий в столице региона. Округа, которые находятся в удаленных местах от центра могут просто не получать весь комплекс инициатив, направленных на молодежь. Во-вторых, изначально низкий уровень поддержки молодежи в регионе. Данная политика начала активно разворачиваться только в последние два года, поэтому большая часть молодых людей не осознает масштаб возможностей и перспектив. В-третьих, немаловажной проблемой является недостаток рабочих мест для молодежи. Приморский край активно работает над сокращением оттока молодежи из региона, однако проблема нехватки рабочих мест для только закончившей учебу молодежи, остается актуальной.

Заключение

В заключение можно сказать, что молодежная политика Приморского края в 2024 году направлена на создание условий для гармоничного развития молодежи и их активного участия в жизни региона. Только совместными усилиями государственных органов, образовательных учреждений, общественных организаций и самой молодежи можно добиться устойчивых и положительных изменений, которые принесут пользу не только молодому поколению, но и всему обществу.

Литература

1. Зуляр Р. Ю., Серебряков Е.А. Государственная молодежная политика как объект исследования (по материалам диссертационных работ) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 9. С. 210–224.
2. Кочетков А. В., Кузьмина О.В. Государственная молодежная политика Российской Федерации: становление и развитие. М.: Нац. Совет молодеж. и дет. общий России, 2017. С. 18–48.
3. Меркулов П.А. Современное состояние и перспективы изучения истории молодежной политики России // Упр. общественными и эконом. системами. 2012. № 1. URL: <http://umc.gu-unpk.ru/umc/archive/2012/1/merkulov.doc>
4. Гомеров И.Н. Структура и свойства власти. Новосибирск: СибУПК, 2000. С. 54.
5. Росмолодежь: об агентстве. URL: <https://fadm.gov.ru/agency/about>.

6. Криворученко В.К. Научная школа по истории молодежи и юношеского движения в России – Советском Союзе – Российской Федерации / кафедра истории Моск. гуманитар. ун-та // МосГ У. URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/scientificschools/history_of_the_youth

KEY TRENDS IN YOUTH POLICY IN PRIMORSKY KRAI IN 2024

Litvinenko D.V., Tereshina A.N., Razumovsky A.I., Karayev A.A.
Far Eastern Federal University

In 2024, youth policy in Primorsky Krai is characterized by a strategic focus on integrating young people into the socio-economic and cultural life of the region. Key trends include the development of youth entrepreneurship, increasing the level of civic engagement, popularizing a healthy lifestyle and supporting innovative educational projects. Considerable attention is paid to programs for the professional and personal development of young people, as well as their participation in public initiatives and cultural events. These measures are aimed at improving the standard of living of young people, strengthening their social role and contributing to the sustainable development of Primorsky Krai.

Keywords: Primorsky Krai, youth policy, youth entrepreneurship, civic activity, healthy lifestyle, innovative projects, educational initiatives, professional development, cultural events.

References

1. Zulyar R. Yu., Serebryakov E.A. State youth policy as an object of research (based on dissertation materials) // Izvestia. Irkutsk state university. Series: Political science. Religious studies. 2014. Vol. 9. Pp. 210–224.
2. Kochetkov A. V., Kuzmina O.V. State youth policy of the Russian Federation: formation and development. Moscow: National Council of youth and children of Russia, 2017. Pp. 18–48.
3. Merkulov P.A. Current state and prospects for studying the history of youth policy in Russia // Management of public and economic systems. 2012. No. 1. URL: <http://umc.gu-unpk.ru/umc/arhiv/2012/1/merkulov.doc>
4. Gomerov I.N. Structure and Properties of Power. Novosibirsk: SibUPK, 2000. P. 54.
5. Rosmolodezh: about the agency. URL: <https://fadm.gov.ru/agency/about>.
6. Krivoruchenko V.K. Scientific School on the History of Youth and Youth Movement in Russia – the Soviet Union – the Russian Federation / Department of History of Moscow Humanitarian University // MosG U. URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/scientificschools/history_of_the_youth

Медушевский Николай Андреевич,

доктор политических наук, проф. кафедры современного Востока и Африки Российского государственного гуманитарного университета; доцент Российского университета дружбы народов
E-mail: Lucky5659@yandex.ru

Бакевич Васо Драгославович,

соискатель, кафедра современного Востока и Африки Российского государственного гуманитарного университета
E-mail: vasobakovi4@gmail.com

В данной статье рассматриваются факторы дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в изучаемой стране, противодействие которым, во многом, оказывается сопряжено с внешней политикой государства. В качестве внутренних негативных факторов нами обозначены экономическая нестабильность, инфляция, негативный эффект от экономических реформ, реакция части общества на процесс исламизации социальных отношений, а также ухудшение безопасности, вызванное возросшей террористической угрозой, большим количеством сирийских мигрантов и радикализацией социальных настроений. Перечисленные проблемы разворачиваются на фоне продвижения властью идеологии «пантюркизма» и «неоосманства», которая пользуется популярностью у консервативной части населения, но не принимается либерально настроенными гражданами, особенно на Западе страны. В данных условиях, внешняя политика становится действенным инструментом власти в ее стремлении укрепить свою электоральную поддержку и продемонстрировать позитивный эффект правления, выраженный в снижении негативного эффекта от кризиса в экономике и росте регионального влияния.

Ключевые слова: Турция, неоосманство, пантюркизм, экономический кризис, внутренняя политика, политическая стабильность, Эрдоган.

Введение

Внешняя политика государства всегда коренится в его национальных интересах и стремлении повысить уровень собственного развития через участие в «моделировании» внешней среды через аккумуляцию ресурсов и противодействие факторам политической, экономической и социальной нестабильности, коренящимся за пределами государства. Таким образом, внешняя политика, как правило, раскрывает внутривнутриполитический вектор развития и концептуализируется вокруг стратегического видения будущего, характерного для политического руководства конкретного государства.

В данном контексте, Турецкая республика, сегодня выступающая значимым региональным геополитическим игроком, не является исключением, и более того, демонстрирует тесную связь внешнеполитической деятельности с внутривнутриполитическими интересами. В числе последних, следует особо отметить вопрос национальной безопасности, борьбу с терроризмом и сепаратизмом на территории страны, включая «курдский вопрос»; развитие экономики, привлечение инвестиций и преодоление инфляции; национальную идеологию, связанную с идеями неоосманства и пантюркизма; развитие человеческого капитала; преодоление энергетического дефицита и т.д.

Все перечисленные вопросы находят свое отражение в данном исследовании и представляются авторами, как детерминанты внешнеполитической активности в целом, и конкретных векторов внешней политики в частности.

Методология и историография

В основе представленного исследования заложен структурно-функциональный подход, применение которого оправдано с точки зрения принципов а) политическое детерминирование отдельных направлений политики внутривнутриполитической потребностью и б) связью между различными направлениями внутренней политики государства, а также принципами их взаимозависимости и комплексности. С применением данного подхода мы даем комплексное представление о различных векторах внутривнутриполитической деятельности Турции, объединенных общими целями устойчивого развития государства и расширения его потенциала внешнеполитического влияния (могущества).

Характеризуя историографию проблемы исследования, следует отметить ее многообразие и наличие большого количества современных работ как на русском, так и на турецком и английском языках. В числе работ, значимых для исследования, следует назвать монографию В.А. Аваткова «Турецкая республика. Внутренняя политика: от 2002 к 2018» [1], а также статьи Шерстюкова С.А. и Курныкина О.Ю.[11], Делов В.В.[3], Улуян А.А. [7] и др. Зарубежная историография также многообразна, и представлена, в т.ч. статьями Каравели Х.[18], Фрадкин Х.[17], Кагаптай С.[15], [16], Угюл М.[20] и др. Характеризуя историографию по проблеме, следует отметить многообразие и несовпадение авторских точек зрения, а также быстрое устаревание информации в связи с крайне волатильной национальной политикой

Турции, что подтверждает актуальность и дискуссионность темы данной статьи.

Предыстория вопроса

Отметим, что к концу XX века Турция подошла с достаточно низким уровнем социально-экономического развития. В числе актуальных на тот момент проблем стоит отметить низкую интенсивность экономического роста, волатильность национальной валюты, недостаточный для стабильного развития уровень технологической инфраструктуры и расслоение финансовой обеспеченности населения. Все эти проблемы стали следствием новой экономической политики 1980-х-1990-х годов [19]. Кроме того, в Турции постепенно развивался этнополитический конфликт, связанный с положением курдов, а контроль над Северным Кипром оставался ограничением для вступления в Европейский Союз. В итоге, страна остро нуждалась в реформировании экономики и смене политического курса.

Данные изменения начали происходить с 2000. В период до 2018 года для национальной экономики был характерен прирост в среднем 5,4% в год. Интенсивное развитие оказалось связано с успешной политикой, проводимой «Партией справедливости и развития» (ПСР) и ее лидером Реджепом Таипом Эрдоганом, которая предполагала, в том числе, приватизацию государственных предприятий, ослабление государственного регулирования ключевых секторов, изменения налоговой и денежно-кредитной политики. Реформы привели к снижению инфляции и привлекли иностранные инвестиции, позволившие стране за 20 лет стать крупным экспортёром автомобилей, текстиля и электроники, а также развить сектор туризма.

В тоже время, ориентируясь на глобальный, и особенно на европейский рынок, экономика страны оказалась уязвима для локальных глобальных вызовов, что продемонстрировали попытка военного переворота 2016 года и пандемия COVID-19 [12]. Кроме того, внешняя политика страны, проводимая Эрдоганом также стала неоднозначной, что неоднократно приводило к росту политической напряженности, в том числе, внутри страны, и провоцировало рост межпартийного противостояния. Более того, в последние десятилетия внешняя политика, во многом стала определять национальное развитие Турции, становясь инструментом внутривосточной борьбы.

С момента прихода к власти в 2002 году «Партия справедливости и развития» (ПСР) активно проводила реформы, направленные на либерализацию экономики и привлечение иностранных инвестиций, а также будучи по уставу происламской партией, занимала нейтральную позицию, в отношении религии и духовных ценностей. Это привело к быстрому экономическому росту в 2000-х годах, что принесло партии и Эрдогану значительную поддержку населения, часть из которой сохраняется и по сей день. Однако с начала 2010-ых годов партия стала усиливать влияние ислама на политическую и социальную жизнь (произошли отмена запрета на ношение хиджаба в государственных учреждениях и увеличение количества религиозных школ (имам-хатипов); были введены локальные ограничения на продажу алкоголя и т.д.), концентрируя своё внимание на традиционных и религиозных ценностях [8]. Не последнюю роль в этом сыграл и сам премьер-министр. Тогда же ПСР вместе с Эрдоганом начали процесс консолидации власти. В частности, началось преследование инакомыслия: в отношении журналистов и СМИ использовалась статья 301 УК ТР «оскорбление турецкой нации», про-

ходили судебные процессы над политическими оппонентами, производилось жёсткое подавление массовых демонстраций и т.д. [4].

Переломным моментом в истории Турции стала неудачная попытка переворота 15 июля 2016 года, вызванная несогласием части военной и политической элиты со стремительной узурпацией Эрдоганом власти. После его подавления начался процесс политической реакции. Помимо чисток в государственных структурах, обвинениях Фетхуллага Гюлена в попытке организации переворота и требовании его экстрадиции из США, в Турции была проведена конституционная реформа, и началась новая фаза борьбы с «рабочей партией Курдистана». По итогам конституционной реформы, Реджеп Эрдоган значительно расширил свои полномочия уже на посту президента, сместив акцент с демократической на авторитарную форму правления с различными рычагами контроля власти [15],[16].

Факторы напряжённости внутри страны

После попытки переворота 2016 года [5] ПСР и Эрдоган сделали ставку на религиозную часть общества, как опору своего режима. Поддержка имела комплексный характер и демонстрировала поворот политического развития страны в сторону консерватизма и религиозной духовности как фактора политической мобилизации. Данный политический поворот расколол общество, обострив отношения между сторонниками светского европейского развития и сторонниками традиционализма и религиозных ценностей. Кроме того, консерватизм Эрдогана, в восприятии многих турок, вступил в конфликт с основами современной турецкой политической идеологии – принципами кемализма, представляющими наследие Мустафы Кемала (Ататюрка).

Акцент на религиозные ценности повлиял и на обострение курдской проблемы, выразившейся в расширении террористической активности Рабочей партии Курдистана [1],[13].

В 2024 году общественная неприязнь к новому курсу страны усугубилась чередой громких убийств женщин на почве подозрений в измене, отказа в отношениях, попытке развода. В протестных акциях участвует как университетская молодёжь и светские турки, так и часть религиозных турок (в основном женщины), призывающие власти к борьбе с фемицидом и изменению действующего законодательства [21].

Также фактором внутри социальной нестабильности с 2011 г. выступает и миграционный вопрос. По разным данным на 2024 год, около 3,1 миллионов сирийских беженцев проживают в Турции, находясь под статусом временной защиты, около 250 тысяч получили гражданство страны. Возмущение турок вызывает, в том числе качественный состав мигрантов. Сирийцы, приехавшие в республику, в массе своей фундаменталисты, которые негативно влияют на турецкие ценности, более того, в условиях экономического кризиса, государство оказывает им большую поддержку, чем малоимущим гражданам.

Социальные проблемы усугубляются экономической стагнацией. Начиная с 2018 года, Турция вошла в период экономического кризиса, который длится по сей день и значительно расширился в результате так называемой «новой экономической политикой», которая проводилась с 2021 по 2023 год. Суть «новой экономической политики» сводилась к тому, чтобы отказаться от классических инструментов экономики в решении кризиса. Например, вместо повышения ключевой ставки при высокой инфляции, Эрдоган предложил наоборот её понизить (к концу 2021 года она была снижена с 19% до 14%),

аргументируя это тем, что это приведёт к удешевлению кредитов для бизнеса, и как следствие, к росту промышленности и экспорта, сделав турецкие товары более конкурентоспособными на международном рынке в том числе и из-за девальвации лиры. Правительство также вмешивалось в работу валютных рынков и центрального банка Турции [14].

В результате «новой экономической политики» экономическая ситуация в стране резко ухудшилась. Так, в 2021 году инфляция в Турции была на уровне 20%, тогда как через год она превысила 70%. Аналогична ситуация и с курсом турецкой лиры: в 2021 её стоимость была 7,4 лир за доллар, в 2022 году 18,7, а уже в 2024 году 34 лиры за 1\$. Вмешательство Эрдогана в экономику отпугнуло от Турции иностранных инвесторов, и из-за девальвации национальной валюты, сделало импорт невероятно дорогим. Подобные решения чуть не стоили Реджепу Эрдогану нового президентского срока в 2023 году, так как оппозиция была как никогда едина с народом против политики действующего президента, из-за чего, правительству Турции и ЦБ пришлось совершать валютные интервенции, «сжигая» золотовалютные резервы страны, с целью стабилизировать курс лиры и показать «стабильность» экономики перед выборами [10].

На сегодняшний день, ПСР и Реджеп Эрдоган столкнулись не только с недоверием со стороны оппозиции, которая каждый день переманивает на свою сторону лояльных ПСР граждан, но и с экономическими проблемами (инфляция 70%, обесценивание турецкой лиры, стремительно беднеющим населением), которые настраивают против Эрдогана абсолютно всех граждан страны, в том числе и лояльных ценностям партии. В попытках сохранить власть, Эрдоган вынужден лавировать между различными группами населения и экономическими стратегиями развития Турции, имеющими выражение во внешней политике Республики.

Идеологии «неоосманизма» и «пантюркизма»

В контексте сложностей реализации внутренней политики, и желании Р. Эрдогана консолидировать политическую власть в стране, а также укрепить турецкое влияние в регионе, важной, и даже центральной, в системе национальной политики, становится роль идеологии. Двумя идеологическими «столпами» политики Турции при Эрдогане стали концепции «неоосманизм» и «пантюркизм», – обе завязанные на духовных ценностях и идее национального возрождения [2]. Идеологическая модель, выстроенная на данных принципах, безусловно, направлена на расширение регионального влияния Турции в регионе, однако итоговим реципиентом идеологических установок выступает турецкое общество. Расширение идеологического дискурса ведет мобилизации нации, призвано повысить национальную гордость и консолидировать электорат партии Справедливости и развития.

В рамках данных проектов, Турция осуществляет свою экономическую и политическую экспансию на арабский Восток, в Южное средиземноморье, Среднюю Азию и Кавказ. Кроме включения в различные крупные региональные проекты, такие как «Турецкий поток» или «Один пояс – один путь», приносящие стране большие инвестиции в инфраструктурное развитие, правительство Эрдогана использует данные идеологические подходы для прямого влияния на соседние страны, в т.ч. война в Карабахе [6] или операции на территории Сирии. Данное идеологически мотивированное участие дает прямые результаты. Так, например, в отношении Азербайджана в современной Турции существует выражение «один народ – две страны», а военные операции в Си-

рии, позволили поставить под контроль значительные территории, создав определенный буфер по пропуску беженцев. Кроме того, по итогам конца 2024 г. к власти в Сирии пришли протурецкие группировки, политика которых, безусловно, будет способствовать дальнейшему расширению влияния Турции в регионе [9].

Заключение

Как показало проведенное нами исследование, внутренняя политика Турецкой республики на современном этапе является достаточно нестабильной. В числе проблем, влияющих на устойчивое развитие страны нами были выделены экономическая нестабильность, инфляция, внутриполитический и социальный раскол на фоне неспособности правительства стабилизировать экономическую ситуацию, политически и социальный раскол на фоне идеологического курса правящей партии, ориентированной на укрепление консервативных исламских ценностей, негативный эффект от миграции, представленный нерешенным вопросом сирийских беженцев, а также рост террористической активности и снижение уровня безопасности. Все перечисленные проблемы негативно влияют на уровень электоральной поддержки правящей партии и президента Эрдогана.

Решение перечисленных проблем, современное турецкое руководство видит, в значительной степени, во внешнеполитических действиях, связанных с проецированием своего влияния на региональные отношения. Важным элементом повышения уровня внутриэкономической стабильности, в данной связи выступает активизация участия страны в транснациональных проектах, способных привлечь инвестиции и сделать Турцию центром логистического сотрудничества в черноморском и средиземноморском регионах, а также в Малой Азии и на Ближнем Востоке. Данный подход, опирающийся на выстроенную правящей партией идеологическую систему «пантюркизма» и «неоосманизма» имеет и выраженную военную составляющую, представленную в конфликте вокруг Нагорного Карабаха и в Сирии. Данный подход подводит нас к рассмотрению уже внешнеполитической активности Турецкой республики, как основы внутривнутриполитической стабилизации.

Литература

1. Аватков В.А. Турецкая республика. Внутренняя политика: от 2002 к 2018. Москва: ЮРАЙТ. 2019. 204 с.
2. Аватков В.А. Турецкая республика накануне своего столетия//Свободная мысль. 2023. № 1 (1697). С. 111–115.
3. Делов В.В. Фактор Тюркского мира в политике Турецкой Республики// Вопросы политологии. 2024. Т. 14. № 11 (111). С. 4038–4044.
4. Иванова И.И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики в XX–XXI вв. / Под ред. А.В. Штанова; МГИМО МИД России. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2019. – 380 с.
5. Нелидов И.С. Роль турецкого военного путча 2016 года в процессе интеграции Турции в ЕС/ В сборнике: Архитектура международных отношений в XXI веке и глобальные тренды современности: теория и реальность. Материалы XIII Международной научно-практической конференции. Тверь, 2024. С. 140–143.
6. Налбандян К.С. Турецко-азербайджанские отношения в грядущий «век Турции»// Вопросы политологии. 2024. Т. 14. № 3 (103). С. 1100–1106.

7. Улунян А.А. Общациональный турецкий дискурс «геоисторического конструирования» во внешнеполитической мысли современной Турции//Историческая география. 2014. Т. 2. С. 389–435.
8. Фролов А.В., Надеин-Раевский В.А. Турция: в поиске точек опоры// Международная жизнь. 2017. № 3. С. 15–32.
9. Цыплин В.Г., Слепенков В.А. Внешнеполитическая линия Турции в отношении Сирии после событий «Арабской весны» (2011–2019)//Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2023. № 1 (94). С. 161–164.
10. Чистые валютные резервы Турции достигли 21-летнего минимума в 2,3 миллиарда долларов перед голосованием. ProFinance. 19.05.2023. URL: <https://www.profinance.ru/news/2023/05/19/c913-chistye-valyutnye-rezervy-turtsii-dostigli-21-letnego-minimuma-v-2-3-milliarda-d.html>
11. Шерстюков С.А., Курныкин О.Ю. Партия справедливости и развития и проект «Новой Турции»// Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 6. С. 71–81.
12. Экономика Турции в 2020 году выросла на 1,8%. МК-Турция. 01.03.2021. URL: <https://mk-turkey.ru/economics/2021/03/01/vyroslo-na-18.html>
13. Юрченко П.С. Курдский вопрос как современная угроза Турецкой республике//Вопросы политологии. 2024. Т. 14. № 1 (101). С. 264–274.
14. Beş maddede yeni ekonomi modeli. Yeni Şafak. 24.11.2021. URL: <https://www.yenisafak.com/ekonomi/bes-maddede-yeni-ekonomi-modeli-3722863>
15. Cagaptay S. Making Turkey Great Again// The Fletcher Forum of World Affairs, Vol. 43, No. 1, Global Transformations: A Century Since The Great War. 2019. pp. 169–178
16. Cagaptay S. The new sultan: Erdogan and the crisis of modern Turkey. N.Y.: I.B. Tauris. 2017. 256p.
17. Fradkin H., Libby L. Erdogan's grand vision: Rise and Decline// World Affairs, Vol. 175, No. 6. 2013. pp. 41–50
18. Karaveli H. Erdogan's Journey: Conservatism and Authoritarianism in Turkey// Foreign Affairs, Vol. 95, No. 6. 2016. pp. 121–130
19. Karpat K.H., Turfan M.N., Mango A. The Rise of Modern Turkey // The Journal of Military History: academic journal. – Lexington, VA: Society for Military History, 2001. – Vol. 65, (3). P. 71–185
20. Ülgül M. Erdoğan's Personal Diplomacy and Turkish Foreign Policy// Insight Turkey, Vol. 21, No. 4. 2019. pp. 161–182
21. Women in Turkey take to streets over brutal femicides Duvar English. 06.10.2024. URL: <https://www.duvarenglish.com/women-in-turkey-take-to-streets-over-brutal-femicides-news-65043>

DOMESTIC POLICY OF TURKEY AT THE PRESENT STAGE

Medushevsky N.A., Bakovich V.D.

Russian State Humanitarian University, Peoples' Friendship University of Russia

This article represents the first part of the study of the policy of the Turkish Republic at the present stage. The article examines the factors of destabilization of the domestic political situation in the country under study, the counteraction to which, in many respects, is associated with the foreign policy of the state. As internal negative factors, we have identified economic instability, inflation, the negative effect of economic reforms, the reaction of part of society to the process of Islamization of social relations, as well as the deterioration of security caused by the increased terrorist threat, a large number of Syrian migrants and the radicalization of social sentiment. The listed problems are un-

folding against the background of the promotion by the authorities of the ideology of “pan-Turkism” and “neo-Ottomanism”, which is popular among the conservative part of the population, but is not accepted by liberal-minded citizens, especially in the West of the country. In these conditions, foreign policy becomes an effective tool of the authorities in their efforts to strengthen their electoral support and demonstrate the positive effect of governance, expressed in reducing the negative effect of the crisis in the economy and increasing regional influence.

Keywords: Turkey, neo-Ottomanism, pan-Turkism, economic crisis, domestic policy, political stability, Erdogan.

References

1. Avakov V.A. The Turkish Republic. Domestic Policy: from 2002 to 2018. Moscow: YURAYT. 2019. 204 p.
2. Avakov V.A. The Turkish Republic on the Eve of Its Centenary// Free Thought. 2023. No. 1 (1697). Pp. 111–115.
3. Delov V.V. The Factor of the Turkic World in the Politics of the Turkish Republic// Questions of Political Science. 2024. Vol. 14. No. 11 (111). Pp. 4038–4044.
4. Ivanova I.I. Evolution of the Middle Eastern Policy of the Turkish Republic in the 20th-21st Centuries / Ed. by A.V. Shtanov; MGIMO MFA of Russia. – M.: Publisher Vorobyov A.V., 2019. – 380 p.
5. Nelidov I.S. The role of the Turkish military putsch of 2016 in the process of Turkey's integration into the EU / In the collection: Architecture of international relations in the 21st century and global trends of our time: theory and reality. Proceedings of the XIII International scientific and practical conference. Tver, 2024. Pp. 140–143.
6. Nalbandyan K.S. Turkish-Azerbaijani relations in the coming “century of Turkey” // Issues of political science. 2024. Vol. 14. No. 3 (103). Pp. 1100–1106.
7. Ulunyan A.A. National Turkish discourse of “geohistorical construction” in the foreign policy thought of modern Turkey // Historical geography. 2014. Vol. 2. Pp. 389–435.
8. Frolov AV, Nadein-Raevsky VA Turkey: in search of points of support // International Affairs. 2017. No. 3. Pp. 15–32.
9. Tsyplin VG, Slepencov VA Turkey's foreign policy line towards Syria after the events of the “Arab Spring” (2011–2019) // Actual problems of humanitarian and socio-economic sciences. 2023. No. 1 (94). Pp. 161–164.
10. Turkey's net foreign exchange reserves reached a 21-year low of \$2.3 billion before the vote. ProFinance. 19.05.2023. URL: <https://www.profinance.ru/news/2023/05/19/c913-chistye-valyutnye-rezervy-turtsii-dostigli-21-letnego-minimuma-v-2-3-milliarda-d.html>
11. Sherstyukov S.A., Kurnykin O. Yu. The Justice and Development Party and the “New Turkey” project // World Economy and International Relations. 2023. Vol. 67. No. 6. Pp. 71–81.
12. Turkey's economy grew by 1.8% in 2020. МК-Turkey. 01.03.2021. URL: <https://mk-turkey.ru/economics/2021/03/01/vyroslo-na-18.html>
13. Yurchenko P.S. The Kurdish Question as a Modern Threat to the Turkish Republic//Problems of Political Science. 2024. Vol. 14. No. 1 (101). P. 264–274.
14. Beş maddede yeni ekonomi modeli. Yeni Şafak. 24.11.2021. URL: <https://www.yenisafak.com/ekonomi/bes-maddede-yeni-ekonomi-modeli-3722863>
15. Cagaptay S. Making Turkey Great Again// The Fletcher Forum of World Affairs, Vol. 43, No. 1, Global Transformations: A Century Since The Great War. 2019. pp. 169–178
16. Cagaptay S. The new sultan: Erdogan and the crisis of modern Turkey. N.Y.: I.B. Tauris. 2017. 256p.
17. Fradkin H., Libby L. Erdogan's grand vision: Rise and Decline // World Affairs, Vol. 175, No. 6. 2013. pp. 41–50
18. Karaveli H. Erdogan's Journey: Conservatism and Authoritarianism in Turkey// Foreign Affairs, Vol. 95, No. 6. 2016. pp. 121–130
19. Karpat K.H., Turfan M.N., Mango A. The Rise of Modern Turkey // The Journal of Military History: academic journal. – Lexington, VA: Society for Military History, 2001. – Vol. 65, (3). P. 71–185
20. Ülgül M. Erdoğan's Personal Diplomacy and Turkish Foreign Policy // Insight Turkey, Vol. 21, No. 4. 2019. pp. 161–182
21. Women in Turkey take to streets over brutal femicides Duvar English. 10/06/2024. URL: <https://www.duvarenglish.com/women-in-turkey-take-to-streets-over-brutal-femicides-news-65043>

Центр изучения социально-политических отношений Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН совместно с редакцией журнала «Социально-гуманитарные знания» 15 января 2025 года провели «Круглый стол» по теме «Сетевой взгляд на политические отношения в современных коммуникациях»¹.

Далее мы публикуем выступления его участников в сокращении.

Михайленок Олег Михайлович, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра изучения социально-политических отношений, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

Mikhaylenok O.M., doctor of political science, professor, chief research fellow, head of Center of socio-political relations, Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS

Основная цель нашего обсуждения заключается в том, чтобы выявить возможности описания современных политических феноменов, а именно: политики, политической реальности, политических отношений в терминах и понятиях сетевой теории.

Развитие коммуникационной инфраструктуры (СМИ, Интернет) в последние десятилетия на фоне сетевизации политических отношений неизбежно ведёт к изменению характера, форм и содержания коммуникативных взаимосвязей. С точки зрения ряда исследователей, это делает актуальной проблему оценки существующих возможностей применения сетевого подхода для анализа коммуникативного потенциала социально-политических субъектов и возможных форм политических коммуникаций между ними. При этом в качестве основы общественных, в том числе и политических, коммуникаций принято считать политические отношения.

Теоретическая составляющая сетевого подхода включает два исследовательских направления. Во-первых, это так называемая социально-сетевая теория М. Кастельса, которая нашла отражение в его книге «Информационная эпоха: экономика, общество, культура», а во-вторых, акторно-сетевая исследовательская конструкция Б. Латура, подробная характеристика которой дана в фундаментальном труде учёного «Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию».

Как известно, сетевая теория получила признание и стала активно обсуждаться в академическом сообществе во многом благодаря усилиям М. Кастельса, Б. Велмана, Р. Коллинза. Так, например, М. Кастельс в другом своём труде – «Власть коммуникации» – определяет сеть как «совокупность взаимосвязанных узлов». Он пишет: «Узлы существуют и функционируют только как компоненты сетей. Сеть являет собой единство, но не узел <...> В социальной жизни сети представляют собой коммуникативные структуры». Подобные взгляды кажутся весьма близкими к традиционным системным представлениям, если вместо элементов системы рассматривать «узлы» сетей. Итак, согласимся с утверждением, что сеть – это множество взаимосвязанных узлов. Конкретное содержание каждого узла зависит от характера той сетевой структуры, о которой идёт речь.

Одно из основных понятий в концепции М. Кастельса – «актор» – практически идентично понятию «действи-

¹ Круглый стол проведён в рамках госзадания «Иерархии и сети в цивилизационном пространстве России. Государство, общество, политическое поле», выполняемого совместно с сотрудниками Института социологии ФНИСЦ РАН.

ющий субъект». Понятие «актор» отсылает к множеству субъектов действия (т.е. действия индивидуальные, коллективные, организаций, институтов и сетей). В конечном счёте, однако, все организации, институты и сети – результат действий человеческих акторов. Для М. Кастельса сеть – это предмет, вещь, зафиксированная в тех или иных формах структура коммуникаций между акторами. Значимость узлов проистекает не из их специфических черт, но из их способности к распределению информации.

Среди исследователей сетевой проблематики сложилось устойчивое убеждение, что новые информационные технологии позволяют сформировать в любой технологической или социальной системе «сети», характеризующиеся высокой степенью связности элементов и возможностью обмена информацией между ними. Использование новых коммуникационных устройств и изменение содержания коммуникативных отношений может реализовать возможности манипулирования поведением политических субъектов, искусственного создания политических общностей и управления ими в рамках так называемых политических технологий.

Как уже говорилось выше, другим основанием сетевого подхода является акторно-сетевая теория Б. Латура. Его работы можно отнести к ряду новых теорий, объединённых «плоской онтологией», в рамках которой не существует оппозиции «субъект – объект», а природное, социальное и технологическое находятся в одной плоскости. Сеть Б. Латура определяет как «инструмент, помогающий в описании чего-то другого, а не предмет описания».

Существенную роль в концепции Б. Латура играет понятие «актор» (актант). Радикальный тезис всей теоретической концепции этого учёного заключается в том, что актантами им признаются не только интенциональные, но и «неинтенциональные» сущности. Вещи или не-люди рассматриваются как полноправные действователи, способные на осуществление трансформаций и оказывающие побуждающее действие на других акторов.

В отношении сетевого подхода к политической проблематике, с одной стороны, высказывается мнение, что теория Б. Латура даёт исследователям новые основания для анализа политических процессов и политических отношений. Но также существует точка зрения, что его абстрактная концепция интересна с теоретической стороны, хотя и не даёт ответа на большинство актуальных проблем современной социальной и политической науки.

В целом, как показывают дискуссии по данной теме, можно с уверенностью сказать, что происходит обновление политической науки в связи с выяснением того, что такое политика, политические отношения, каков интерпретативный потенциал сетевой теории в отношении таких политических феноменов, как политическое действие, политическая коммуникация, политическая деятельность, язык политики и т.д.

Левченко Наталья Валерьевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Levchenko N.B., candidate of sociology, senior researcher, Institute of sociology FCTAS RAS

Среди основоположников теории сетевого общества в первую очередь хотелось бы отметить Мануэля Кастельса. По мнению учёного, социальная структура такого общества выстраивается вокруг сетей, а его активация происходит с помощью цифровых форм. Учёный полагает, что в настоящее время *публичная политика переходит в горизонтальные массовые коммуникации*, что является новым этапом развития этой сферы. По М. Кастельсу, развитие мира коммуникаций посредством Интернета, мобильных телефонов и других видов девайсов способствует становлению и распространению горизонтальных сетей коммуникации, благодаря чему акторы выстраивают свои коммуникативные системы.

Что касается ключевых ячеек сетевого общества, то тут существуют разные мнения. Выделим некоторые из них. Так, согласно М. Кастельсу, главными элементами сетевого общества являются сами сети. По мнению голландского социолога Ян ван Дейка, базовой ячейкой западного общества признан индивид. Никлас Луман предполагает, что основу современного сетевого общества составляют коммуникации, которые формируются из социальных событий. В подобном русле развивает свою концепцию Пьер Бурдьё, утверждая, что информация в социальных сетях свободно распространяется. При этом место, где сети переплетаются, определяется исследователем не как узлы (по М. Кастельсу), а «габитусами». Множество габитусов формирует в обществе определённую социальную структуру с классами и социальными практиками.

Другим направлением в анализе сетевого пространства, коммуникаций и социальных сетей выступает течение, сторонники которого осуществляют свой анализ в рамках структурного подхода, основанного на изучении взаимодействий между социальными акторами. Данное течение сформировалось в 1960–1970-е гг. в Гарварде, среди его представителей можно выделить С. Берковитца, С. Вассермана, Б. Уэллмана, Д. Фримана и др.

Представители акторно-сетевой теории характеризуют сеть как некий инструмент, позволяющий участвовать в описании чего-то, но не являющийся при этом предметом описания. Как отмечает Д.Е. Добринская, сторонники данной теории отрицают наличие диалектических оппозиций: «субъект – объект», «природа – общество», «действие – структура», «макро – микро». Здесь актор не является самим источником действия, а представляет собой движущуюся цель.

Но, на наш взгляд, особенно интересной представляется концепция Жюль Делёза и Феликса Гваттари. Учёные предполагают, что в сетевом обществе не может быть организованной социальной системы и единства, мир может быть полицентричен и самостоятельно развиваться. В своих исследованиях они рассматривают социальные поля как «запутанные узлы», где переплетаются территория, детерриторизация и ретерриторизация. Переплетение этих движений представлено на примере капиталистической экономики, где капитал и собственность детерриториализуются, т.е. перестают быть земельно-недвижимыми, а потом (в средствах производства) ретерриториализуются, труд становится «абстрактным», ретерриториализуясь в заработной плате.

В своих работах учёные выделяют четыре вида сборок (территориальные, государственные, капиталистические и номадические), а также вводят в научный обо-

рот понятие «ризомы» как противопоставление жёстким, замкнутым, линейным структурам. Так, метаформа «ризома», отмечает В.О. Саяпин, может использоваться для объяснения устройства современной социальной реальности, в которой отсутствуют симметрия, централизация и упорядоченность.

Было замечено, что в теоретических подходах, посвящённых изучению сетей, социальный контакт понимается как коммуникация между информантами и реципиентами сообщений. А сама сеть понимается как суть действий индивидов. По мнению А.В. Назарчука, в основе любых сетей лежит коммуникация индивидов, при этом современная государственная власть также представляет собой сеть коммуникаций.

В научных трудах преимущественно используются методы лингвистического, лексико-семантического и контекстуального анализа. Рассматриваются особенности языка специалистов по связям с общественностью, политические нарративы официальных СМИ, изучается риторика политической медиакоммуникации и многое другое. Ряд учёных акцентируют внимание на образных единицах политического дискурса. Например, Тань Цзе выделяет несколько видов образных единиц: образные метафоры и сравнения; фразеологизмы, паремии (поговорки и пословицы) и др. По мнению исследователя, выделенные типы образных средств выполняют ряд функций в коммуникации: функция усиления содержания, которая заключается в придании высказыванию эмоциональной насыщенности и усилении оценки предмета речи; функция смягчения содержания предусматривает снижение резкости высказываний; функция экономии языковых средств и аттрактивная функция включают формирование более заметных, усваиваемых и резонансных высказываний.

Согласно ряду изученных работ, одними из основных способов конструирования социальной реальности в сети выступают как вербальные, так и невербальные практики воздействия субъекта информации.

В заключение можно отметить, что в настоящее время анализ коммуникаций посвящён, в первую очередь, специфике коммуникаций в медиапространстве. В нашем же понимании сама сеть представляет собой не столько пространство субъект-объектных взаимодействий, где происходит преимущественно передача информации от адресанта к адресату, сколько сами отношения, которые в дальнейшем переходят в действия (коммуникации).

Таким образом, сеть отношений способствует формированию активных субъектов сети, а смысловые конструкторы сообщений детерриториализуются и ретерриториализуются в горизонтально-сетевых структурах. При этом векторы движений сообщений, продуцируя самих себя, соединяют виртуальные субъекты и образуют глобальную сеть взаимоотношений.

Щенина Ольга Геннадьевна, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

Shchenina O.G., candidate of political science, leading researcher, Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS

Основоположники сетевого подхода предложили фактически новую архитектуру мира человека и социума в условиях перехода к сетевому обществу, в котором коммуникации приобретают первостепенное значение. В этой связи уместно вспомнить ставшую классической формулировку М. Кастельса о власти коммуникаций в современном мире.

Применение сетевого подхода к анализу коммуникаций в целом и политических в частности позволяет

расширить исследовательский ландшафт их изучения. Ведь сетевой подход позволяет иначе, в другом ракурсе рассматривать изменяющиеся под влиянием становления сетевого общества практически все стороны жизни социума, и в первую очередь его коммуникативную составляющую.

Сетевая матрица политических коммуникаций даёт возможность проанализировать взаимосвязи субъектов политических коммуникаций, их особенности, эффективность, маршрутизацию, атрибутивность. Поскольку матрица включает пути, направления, то на основе её анализа представляется возможным выявление коммуникативных моделей и их форм. Таким образом, атрибутивные характеристики политических коммуникаций в новых условиях изменяющейся реальности сетевого мира предлагают исследователям целый ряд форм и моделей для их продуктивного анализа. Одним из насущных вопросов для изучения остаётся вопрос масштабирования сетей под влиянием развития технологий.

Сетевой подход позволяет не только анализировать связи, возникающие между субъектами политических коммуникаций, но и принимать оптимальные управленческие решения с учётом мнений участников коммуникации. Кроме того, на основе применения сетевого подхода исследователи выявляют более широкий спектр зависимостей и взаимозависимостей между субъектами и акторами политических коммуникаций.

Происходящая на наших глазах сетевизация политических отношений субъектов политики способствует выявлению приоритетного ракурса анализа происходящих перемен. Его основой становится человек, поскольку его роль и значимость влияния на общественные процессы посредством коммуникаций подвергаются серьёзным изменениям. Поэтому антропологические эффекты происходящих в социуме трансформаций всё чаще привлекают внимание исследователей.

В этой связи в социально-гуманитарном знании появляются новые характеристики природы человека: «человек сетевой», «человек цифровой», достаточно широко используется термин «человек политический». Узлами сетей выступают субъекты и акторы политических взаимодействий, однако именно «человек политический» выступает основным узлом политических коммуникаций.

В сетевом обществе происходит возрастание роли сообществ различного рода (в том числе и политических коллективов), членство в которых становится для человека значимым и непременным атрибутом самореализации. Политические сообщества оказывают возрастающее влияние на принятие политических решений.

В условиях становления сетевого общества принадлежность к сетевым сообществам становится насущной, по сути, жизненной необходимостью для большинства населения. «Реальное» и «виртуальное» сегодня могут рассматриваться как различные стороны бытия современного человека, которое опосредовано множеством коммуникаций разных видов и форм. Для политических коммуникаций характерны множественность коммуникативных практик и зарождение в процессе их реализации новых форм. Следует отметить и самовоспроизводство политических коммуникаций в сетях.

Политические коммуникации включают эмоциональную и рациональную составляющую, но если до появления Интернета преобладала рациональная основа в деятельности политических субъектов и акторов, то в сетевом обществе следует рассматривать эти компоненты в их неразрывности и единстве. Таким образом, топология политических отношений и политических коммуни-

каций как их основы дополняет и расширяет наши представления о реальности.

Коммуникационные и коммуникативные аспекты изучения политических коммуникаций в ракурсе применения сетевого подхода позволяют приблизиться к объяснительным коммуникационным моделям бытия современного человека.

Осмысление политических реалий включает целый спектр социально-политических феноменов, однако коммуникации и их виды занимают особое место. Конструирование отношений посредством коммуникаций в инновационных условиях сетевого общества, рассматриваемых в ракурсе «человек – природа – вещь» (по Б. Латуру), во многом меняет наше представление о бытии современного человека. Сетевой подход предлагает новый взгляд на изучение общества на основе расширения спектра теоретико-методологических подходов.

Назаренко Алексей Владимирович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

Nazarenko A.V., candidate of political science, leading researcher, Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS

В условиях размывания сущностного наполнения социально-политических субъектов и возрастающей вариативности их политических взглядов применение *сетевого подхода* позволяет минимизировать ошибки при определении их смыслового спектра, топологии отношений, а значит, и общественно-политических коммуникаций. На сегодняшний день, в сравнении с традиционным системным или нормативно-ценностным подходом, он видится в качестве достаточно сложного, но в то же время наиболее адекватного и эффективного инструмента для анализа политических отношений, составляющих основу общественных и политических коммуникаций в современном мире. Причина этого достаточно очевидна: конечность и замкнутость любой системы, ориентированной на определённую цель или на априори детерминированный принцип её организации. Рано или поздно отношения внутри системы выходят за заданные смысловые рамки, что угрожает её существованию, а значит, будет способствовать изменению основания её системности. Далее нам, очевидно, предстоит иметь дело с открытой, постоянно эволюционирующей системой, базовым элементом которой является человек, а не его социальная функция.

К человеку всё чаще приходит понимание того, что окружающий его мир гораздо сложнее всех придуманных им функциональных схем, объясняющих его функционирование, пределы и эволюционные перспективы. Крушение иллюзий относительно системности мира и человеческого поведения привело, в свою очередь, к смещению акцентов на основании человеческого общежития. С одной стороны, человек озадачен свалившейся на него самостоятельностью, а с другой стороны, его не покидает ощущение принадлежности к некоему общему. Раз за разом это подкрепляется неожиданными последствиями его априори просчитанных поступков, раз за разом приводящих к непредсказуемым трансформациям не только сущностного наполнения самого человека, но и сущностного наполнения окружающей его социальности. Это неизбежно ведёт к изменению топологии межличностных взаимодействий, а вслед за ним – их перспектив и перспектив возможных форм социальной интеграции. Очевидно, что рискованные социальные эксперименты по возрождению привычной для человека системности мира, руководствуясь собственными желаниями и представлениями о социальности, закономерно закончились достаточно трагично. Ведь довольно быстро выяснилось, что маниакальное стремление человека

к сохранению за собой роли системного творца и признанию его в этом качестве подвело его к опасной черте, за которой нет и не может быть не только какого-либо общего, но даже и его частного личного.

Тем не менее, на фоне столь очевидной природной, культурной, социальной и религиозной «десистематизации» восприятия человеком окружающей его реальности растёт понимание её некой, не понятой до сих пор универсальной человеческой «глобальности». В результате ключевым понятием возникшей априори конфликтной системной логической дихотомии «связанность – свобода» становится именно «связанность», примеряющая между собой «свободу» и «самостоятельность» посредством уравнивания их «взаимодействием» и «взаимозависимостью». Учитывая то, что смысловая наполненность, характер и топология отношений между людьми являются производной процесса восприятия и самовосприятия человеком как личности себя и «другого» – чувственно эмоционального и логически рационального одновременно, – возникает закономерный вопрос о путях достижимости состояния искомой связанности, которая, вероятно, определит и окончательный облик человеческого сообщества.

Использование сетевого подхода позволяет выполнить оценку влияния отношений на формирование интегрального облика, включённого в коммуникативный процесс символического политического субъекта, обозначив при этом возможный характер и топологию общественно-политических коммуникаций, зафиксировать возникающий на их основе возможный облик социальной ассоциации – традиционного иерархически структурированного общества или динамического сетевого сообщества.

Благодаря развитию и совершенствованию децентрализованных каналов коммуникации – мессенджеров, социальных сетей и коммуникационных платформ, – а также совершенствованию способов и инструментов рендеринга (визуализации) предметов и процессов, создаваемых человеком в виртуальном мире, становится возможным конструировать и формировать его политические аватары. Происходящие подвиги в осознании политической и социальной роли каждого человека путём расширения его системных символических рамок становятся необратимыми, исключая любое движение вспять к понятной и уютной социальной гегелевской системности «духа».

Поскольку вовлечение в политику людей, ощущающих себя в качестве «человека политического», увеличивает широту, глубину и интенсивность социально-политических отношений и коммуникационных взаимодействий, они приобретают кибернетический характер. Очевидно, что это плохо укладывается в рамки стабильных системных, или институциональных, отношений и традиционных форм коммуникаций между человеком и символическими конвенциональными политическими субъектами – такими как семья, общество, государство, страна. Между новыми и традиционными формами отношений и коммуникаций возникает конкуренция за значимость и политическое влияние, в результате которой постепенно разрушаются как смысловое ядро политической субъектности, так и изначальный замысел любого межсубъектного взаимодействия. Появляется запрос как на переосмысление сути человека, общества и государства в качестве базовых символических понятий, так и на смену самой парадигмы социально-политических отношений как основы для возникновения глобальной общественной и политической коммуникации.

На смену традиционной линейной парадигмы контроля социально-политической субъектности посред-

ством прямых и обратных связей приходит парадигма эмерджентного контроля за последствиями её выхода за сущностные рамки посредством отношений, дискурсов и законов социальной композиции. В нашем случае речь идёт, очевидно, о предельных возможностях человека и человеческого. Ведь, в конечном счёте, сетевое взаимодействие между людьми и коммуникация в общечеловеческой системе органически сводятся к единому базовому элементу – ментальной матрице конкретного человека, которая может быть политически «систематизирована» посредством как социокультурных, так и метапсихологических начал в различном, но меняющемся в зависимости от ситуации и с течением времени соотношении.

В результате в ходе сетевого взаимодействия со своими «соплеменниками» и «соратниками» человек, утрачивая любой символический статус части системы, обретает статус «человека политического», создающего вокруг себя временную, нестабильную, скользкую и требующую значительных поддерживающих и удерживающих усилий символическую социальность. Это не может не вызвать видимых подвижек в логике функционирования крайне размытых в силу своей потенциальной многомерности традиционных социальных структур, а также в направленности их коммуникационной активности, что фиксируется в ходе социологических исследований.

Применение сетевого подхода не позволяет зафиксировать человеческую «системность» из-за её безграничной символическости, но это, тем не менее, позволяет отвечать на скрытые вопросы: почему это может быть именно так, а не иначе? почему так важно выбирать правильное сочетание в передаваемой и принимаемой людьми информации эгоистических и альтруистических начал? к чему может привести привязка желаний человека к молярным агрегатам или необузданным молекулярным потокам, у которых явно проявляются информационные пределы?

Будучи основой стратегии психологических и социальных исследований в контексте логической связки трёх составляющих – человека, способов межличностного взаимодействия и социальной среды, влияющих друг на друга и на процесс общественной и политической консолидации, – *сетевой подход следует считать лишь началом переосмысления сути информационного обмена в ходе внутрисистемной коммуникации и в ходе сетевых взаимодействий между людьми, формализованных на психологическом и метапсихологическом уровне.* В этом плане поведенческое моделирование на основе упрощённых формализованных схем информационного обмена позволяет увидеть в коммуникации и сетевом взаимодействии нечто большее, а именно: тупики, развилки, промежуточные итоги и пределы человеческой эволюции, оказывающие прямое влияние на эволюцию и потенциальную устойчивость любого человеческого обществa.

Митрофанова Анастасия Владимировна, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

Mitrofaniva A. V., doctor of political science, leading researcher, Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS

Выступление посвящено одной из основных политических проблем современной России – сбоям в процессе политической коммуникации между государством и обществом. Основной тезис заключается в том, что нормальной коммуникации препятствует несформированность субъектности общества, что не позволяет ему формулировать и артикулировать собственную позицию. Субъектность общества формируется с помощью двух основных типов

социальных структур, которые можно назвать социообразующими. Структуры первого типа (сельские и городские общины) иерархичны и возникают на основе территориальной близости или общности происхождения, что сближает их с семьёй и другими первичными социальными институтами. Структуры второго типа являются свободными ассоциациями индивидов, формирующимися по сетевому принципу (по этой причине их эволюция зависит от технологических достижений в сфере коммуникаций) на основе общих ценностей и принципов (политические партии, волонтерские организации и т.д.). Первый тип возникает ещё в догосударственный период, и, по всей вероятности, его основной функцией является защита общества от внутренних деструктивных тенденций. Второй – как результат необходимости формулировать и защищать интересы общества в диалоге с централизованным государством. Принадлежность к первым структурам человек обычно наследует по факту рождения, поэтому их можно назвать традиционными, вторые создаются добровольно и сознательно.

На ранних исторических этапах серьёзным препятствием для формирования субъектности общества является отсутствие технических средств коммуникации. Вплоть до изобретения телеграфа, внедрение которого продолжалось до последней четверти XIX века, коммуникация являлась либо непосредственной, либо опосредованной системами физической транспортировки сообщений (почта, гонцы), действовавшими медленно и малоэффективно. По причине отсутствия технических возможностей для обмена сообщениями в режиме реального времени до определённого момента не могли сформироваться полноценные сетевые движения, выражающие позицию общества.

Отдельные группы коммуникативно опережали другие, создавая внутри общества собственные сети обмена, что способствовало их успехам в выражении и защите своей позиции. Однако такие сети нельзя назвать социообразующими. Напротив, в конкретные исторические моменты они могли играть деструктивный характер, защищая свои интересы за счёт других членов общества. Таким образом, социообразующие структуры должны не только вести диалог с государством, но и противостоять деструктивным сообществам и сетям, не конституирующим, а разлагающим субъектность общества.

Корпорации являются ещё одним сильным агентом, в противодействии которому современное общество вырабатывает свою субъектность (например, борьба против загрязнения корпорациями окружающей среды, уничтожения ими исторических памятников, продвижения вредной продукции). Следует подчеркнуть, что если корпорации, как и государство, могут быть стороной диалога с обществом (что предполагает не только противодействие, но и сотрудничество), то деструктивные сети являются со стороны общества исключительно объектом противостояния.

Кризис субъектности российского общества связан с тем, что на протяжении XX века в России происходило форсированное разрушение традиционных социообразующих структур: многопоколенческой семьи, религиозных и других общин, связанных территорией или общностью происхождения. Аналогичный процесс в остальном мире шёл, большей частью, естественным путём вымирания традиционных институтов в ходе модернизации, что оставляло возможность выживания традиционных анклавов и рудиментов. При постепенном демонтаже институтов традиционного общества субъектность общества сохраняется за счёт того, что на смену ушедшим институтам социальности (семья, община, гильдия) приходят новые (партия, профсоюз, клуб, кооператив и др.).

Через новые институты каждый человек получает возможность накопления собственного капитала социальных связей, не зависящего от семейного наследия. Хотя роль государства в развитых странах на протяжении XX века постоянно возрастала (вплоть до неолиберального поворота 1970-х годов), оно не смогло вытеснить общество из политической коммуникации, т.к. между ним и гражданами постоянно находилась прослойка промежуточных социообразующих структур.

Советский вариант модернизации (коллективизация, индустриализация, культурная революция) не оставил возможности рудиментарного сохранения традиционных структур, а также ценностей, на основе которых они существовали. Население было физически перемешано, территориальные сообщества дисперсно расселяли по стране, людей постоянно перемещали, препятствуя формированию новых традиционных структур. Семья – не как юридический, а как социальный институт – разрушалась целенаправленно, не только в результате принятия на себя государством социальных функций, которые она ранее обеспечивала, но и через прямое поощрение отказа от семейных связей в пользу лояльности государству.

Угрозу семье представляли репрессии, от которых страдала не только проживавшая совместно семейная ячейка. Ущерб был намного серьёзнее, т.к. репрессии и их последствия разрывали цепочку межпоколенческих связей. Семья могла представлять прямую опасность для человека, если у него было сомнительное социальное происхождение. Некоторые прямо отрекались от семьи, но чаще практиковалось сокрытие, намеренное запутывание своего происхождения, включая изменение фамилий и мест рождения. Люди опасались наводить справки об арестованных и высланных родственниках. Механизм передачи семейной межпоколенческой памяти фактически исчез, породив «белые пятна», т.е. изъятие определённых событий, людей или периодов времени из тех вариантов истории семьи, которые передавались младшим поколениям. Тем самым разрушение распространялось на будущие поколения, т.к. члены семьи не только исчезали без следа, но и выпадали из семейной памяти.

Постепенно традиционные социообразующие структуры были устранены, но на их место не пришли структуры альтернативной социальности. Советское общество к концу XX века уже обладало достаточным уровнем образования и благосостояния для формулирования и выражения собственной позиции в условиях благоприятных для политического диалога. Техническая база для движений сетевого характера уже существовала, но действована большей частью не была, поскольку псевдообщественные организации являлись по способу организации дубликатами иерархических государственных структур. Вся социальная (не говоря о политической) активность людей была замкнута на государство.

Многочисленные псевдообщественные организации, инспирированные государством и не способные существовать без его поддержки, не могли выступать самостоятельными участниками политического диалога. При этом в конкретных исторических обстоятельствах они имели возможность поднимать важные для общества темы: например, это смогли сделать движения в защиту природы и за охрану памятников культуры; даже добиваться изменения государственной политики в конкретных областях (в частности, активисты добились консервации города Суздаля и его превращения в музей под открытым небом).

Постсоветская ситуация социального распада и атомизации явилась, таким образом, результатом отсут-

ствия в позднесоветском обществе механизмов формулирования и выражения субъектности общества. Сетевые отношения в позднесоветском обществе, тем не менее, развивались – любые, даже внешне нейтральные, формы внесударственной солидарности, которые порою приобретали социально деструктивный характер. Неформальные сети, даже если не носили антисоциального характера (одноклассники, однокурсники), не были и социально полезными – они не укрепляли, а ослабляли общегражданскую солидарность. Люди предпочитали говорить о дружбе и взаимопомощи, но дружеские взаимодействия превращались в систему блата и кумовства, тем самым разлагая общество и приводя к эрозии государства. Постепенно государственные институты оказались пронизаны социально деструктивными неформальными сетями, хотя государство было на тот момент единственным дееспособным хранителем социальной солидарности.

Позднесоветский сетевой парадокс заключается в том, что сетевые взаимодействия, которые теоретически могли способствовать формулированию и выражению позиции общества, стали ферментом, разложившим не только общество, но и государство. Единственное, во что эта ситуация могла вылиться, – масштабный кризис социальности как таковой и распад общества. Когда государство полностью забросило регуляцию социальной активности (примерно с 1990-го по 1995 год), общество полностью прекратило существовать как субъект и распалось на массу атомизированных индивидов.

При этом сами деструктивные сети не пережили коллеса государства, в тени которого зародились, частично сохранившись в форме преступных объединений и коррупционных схем. Почти ничего не сохранилось и от конструктивных сетевых движений (природоохранного, в защиту памятников культуры и др.), пусть слабых, но всё же способных выражать в диалоге с государством самостоятельную общественную позицию по конкретным вопросам. Расцвет подобных движений пришёл на конец 1980-х – начало 1990-х годов, однако их трансформация в полноценных участников политической коммуникации не состоялась по причине распада страны и начала экономической «шоковой терапии».

В настоящее время в российском обществе сложилась благоприятная ситуация для второй попытки формирования общественной субъектности. Общество восстановило и упрочило своё благосостояние и характеризуется высоким уровнем образования, что создаёт предпосылки для равноправного участия в политическом диалоге. Ему доступны технические возможности для быстрого обмена сообщениями, а значит, для формирования сетевых объединений. В этой связи видится проблема восстановления разрушенных структур внесударственной солидарности и полноценной субъектности общества, которая даст ему возможность принимать равноправное участие в политическом диалоге с государством и корпорациями.

Реставрация традиционных структур социальности (расширенной семьи, территориальной религиозной общины) не представляется возможной. Российское общество более не является традиционным, даже если видит себя таковым в собственном воображении. Самым близким по времени аналогом «доброе старое время» являются ностальгические воспоминания о советском периоде (даже у людей, которые по возрасту его не застали), поскольку глубже в прошлое «щуп» коллективной памяти просто не может проникнуть. Одной из причин этого можно считать советскую политику целенаправленного разрушения традиционных социообразующих структур.

Никовская Лариса Игоревна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

Nicovskaya L.I., doctor of sociology, chief research fellow, Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS

Социальные сети – это прообраз новой формы социальности. Современная социальность представляет собой сложные интегрированные формы, состоящие из традиционных иерархических форм жизнеустройства и горизонтальных (сетевых) взаимодействий. По мнению британского учёного Н. Фергюсона, социальные сети всегда имели в истории намного большее значение, чем предполагало большинство историков, привычно заиклированных на иерархических организациях типа государства. Время сетей – это всегда время революций, трансформаций, творчества, а также новых опасностей и вызовов, таких как глобализация, массовые миграции, мировой терроризм, социальная и политическая поляризация общества.

Информационная и технологическая революции конца XX – начала XXI столетия связаны с бурным развитием интернет-технологий, создающих основу глобальных коммуникаций. Коммуникация – явление социальное и всегда реализуется в рамках той или иной социально-политической системы. Социальные системы, по мнению немецкого социолога Н. Лумана, являются самовоспроизводящимися и самореферентными системами смысловой коммуникации. Возникновение и развитие интернет-коммуникаций уничтожили исключительную прерогативу государства на информацию, её распространение и интерпретацию.

Интернет синтезировал диалогические и монологические формы политической коммуникации, превратившись в средство расширения механизмов прямой демократии, увеличения возможностей организации массового интернет-дискурса, активизации обратных связей государства и общества. Виртуальная реальность коммуникаций открыла новые возможности для политической идентификации самых разнообразных общественно-политических акторов и их инициатив. Это внесло коррективы в форматы и значимость современных социально-политических субъектов: усиливается политическое влияние малых групп и отдельных индивидов.

Благодаря Интернету киберпространство становится самым быстрорастущим элементом политического офлайн-пространства, создавая новую конфигурацию информационного и политического пространства. Через сетевые платформы реализуются различные политические проекты, активизируются механизмы краудсорсинга. Так что сегодня есть все основания полагать, что Интернет превращается в системообразующий фактор жизни государства и социума.

Характерной чертой Интернета как горизонтального сетевого пространства является *структурированность аудитории* (сетевые пользователи объединяются в группы единомышленников). Происходящие в сети события и транслируемый в онлайн-пространстве контент начинают определять повестку дня в большей степени и для традиционных СМИ; *горизонтальность интернет-коммуникаций* означает формирование «вирусного эффекта», когда информация лавинообразно распространяется по сетевым коммуникациям самими пользователями.

Важнейшими составными элементами горизонтальной интернет-коммуникации являются: интернет-СМИ, мобильные приложения сайтов, интернет-форумов, чаты, новостные и информационные интернет-порталы, социальные сети, виртуальные блоги, блогосфера в целом

как гражданская журналистика, электронная почта и т.д. При этом особо отметим растущую роль блогинга, в рамках которого находит отражение деятельность лидеров общественного мнения, так называемых инфлюенсеров.

Основными признаками горизонтальных коммуникаций являются: а) формирование общественных настроений, мнений, пользовательских оценок; б) *экстерриториальность*, т.е. онлайн-ресурс практически доступен в любой точке мира для сетевых пользователей; в) *высокий мобилизационный потенциал*, поскольку между пользователями складывается тесное горизонтальное информационно-коммуникативное взаимодействие; г) *оперативность* – информация размещается в любой момент времени без ограничения по периодичности; д) *интерактивность* – ключевая характеристика особенностей онлайн-ресурсов, позволяющая организовать эффективное взаимодействие пользователей; е) *мультимедийность*, когда контент медиаресурсов может включать практически все доступные на сегодняшний день медиформаты, и т.д.

Сети, безусловно, становятся источником власти в новом обществе, однако эта власть возникает не вследствие исключительности самого феномена сети, а по причине эффекта синергии, позволяющего сетям максимально полно учитывать разнонаправленные интересы и выработать оптимальные решения. Таким образом, основа сетевой политики – это обеспечение максимально широкого включения разнообразных акторов в процесс обсуждения, принятия и имплементации решений. В конечном счёте, мы можем говорить о том, что сетевое общество формируется в делиберативном пространстве, пространстве общественного дискурса и наполняется новым политическим содержанием, кардинально меняющим не только структуру, но и суть политических отношений.

В этом контексте директивные методы управления, характеризующиеся централизованным, линейным принятием решений и иерархической структурой, в современных условиях сталкиваются с серьёзными ограничениями. Эти ограничения обусловлены несколькими факторами, связанными с особенностями формирования сетевого общества, а также наложением этих процессов на привычные, «традиционные» институты и структуры социума и власти.

Во-первых, современное общество становится всё более разнообразным и внутренне имеющим сложные связи, что требует гибкости и адаптивности в управлении. Директивные методы, основанные на жёстких иерархиях и предсказуемых алгоритмах, не способны эффективно реагировать на быстро меняющиеся условия и разнообразие социальных взаимодействий. В условиях высокой неопределённости и сложности, которые характерны для сетевого общества, директивное управление часто оказывается неэффективным в краткосрочной перспективе, т.к. не успевает учитывать многообразие мнений и потребностей различных групп, спонтанность и хаотичность интернет-активности, осуществляемой через различные каналы. Для такой ситуации свойственно зарождение новых институтов и инноваций, поскольку существующие институты не способны покрыть все текущие потребности и ожидания.

Во-вторых, сетевизация общества, сопровождающаяся развитием информационных технологий и коммуникационных сетей, способствует укреплению и формированию новых горизонтальных структур взаимодействия. Эти структуры позволяют участникам обмениваться информацией и принимать решения на основе «коллективного разума» (того самого краудсорсинга, только неконтролируемого и неосознанно считываемого обществом

через активных пользователей социальных сетей). Горизонтальные методы, такие как кооперация и участие, способствуют более глубокому вовлечению всех заинтересованных сторон в процесс принятия решений, что, в свою очередь, приводит к более качественным и обоснованным результатам. Важно перевести это взаимодействие в нужное русло, собрать мнение, создать каналы, вовлечь, пригласить к общению и т.д., чтобы энергия и потенциал интернет-активистов не ушли зря или не трансформировались в негативные последствия. Власти необходимо научиться создавать устойчивые каналы коммуникации и асертивно приглашать людей и субъектов иных секторов к взаимодействию.

В-третьих, современные организации и сообщества всё чаще функционируют как сложные сети. Отсюда возникает необходимость в пересмотре подходов к управлению в направлении децентрализации, расширения горизонтальных принципов управления, сделав его более партнёрским и равным (насколько эта терминология применима в рамках безусловного неравенства в системе вертикально интегрированной властной пирамиды).

Таким образом, недостаточная способность иерархически ориентированных, директивных по сути методов управления полноценно охватывать, воспринимать и адаптироваться к сложности современного общества приводит к их ослаблению. В то же время горизонтальные структуры управления, основанные на сетевом взаимодействии и коллаборации, демонстрируют большую эффективность и устойчивость в условиях динамичного и многослойного современного социального контекста.

Воронкова Ольга Алексеевна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

Voronkova O.A., candidate of political science, leading researcher, Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS

Сетевой политический дискурс становится в современных условиях быстрого технологического развития коммуникативной сферы основным *фактором противодействия* тенденциям автократизации и усугубления социально-политического кризиса. Обострение проявляется в кризисе рациональности на легитимационном, этическом и мотивационном уровнях. Решение проблем выхода из кризисного состояния возможно лишь в восстановлении взаимосвязи политической и социальной сфер.

Социальный организм – это *саморегулирующаяся система*, которая при кризисных разломах и перекосах неизбежно будет вынуждена самовосстанавливаться. В сетевом дискурсе обретает своё становление *альтернативная социальная субъектность*, т.е. личностное осознание себя ментально свободным от идеологически и политически навязываемых рамок, и, как следствие, самореализация в качестве полноправного участника сетевого коммуникативного процесса. Сетевые коммуникаторы берут на себя роль и ответственность: за восстановление нормального функционирования всего социального организма и возобновление процесса «дыхания» общества, систематически подавляемого доминирующей идеологией и пропагандой.

Значимым фактором сетевого дискурса становится *процесс сопротивления* воздействиям на социальное сознание разного рода манипуляторов: пропагандистско-политических, маркетинговых и пр. Этот процесс сейчас проходит очень болезненную для общества стадию обострения. Сетевой дискурс объективно работает на разоблачение манипулятивных технологий и мошеннических схем, распространяя факты, примеры, способы противодействия, предлагая множественные варианты борьбы с такими атаками. Такого типа «холодная война» идёт

сложно, с переменным успехом, но только достигнув нового уровня сетевой интериоризации, пройдя этап *формирования иммунитета* против манипулятивных воздействий, можно надеяться на становление сетевой культуры социальных взаимодействий.

Важной особенностью сетевого дискурса является развитие потенциала конвертации эмоциональных импульсов и первичных спонтанных реакций на то или иное событие в рациональную рефлексию. Последняя со временем будет обретать способность набирать вес и интеллектуальную силу противодействия систематическому искажению политической публичной сферы. Развитие социальной рефлексии становится необходимым условием обновления всей системы, её перехода на высший эволюционный уровень.

Благодаря технологическому расширению коммуникационного пространства и качественному развитию сетевого дискурса активный социум будет постепенно увеличивать свой реформирующий потенциал, необходимый для самовосстановления социальной системы в посткризисный период.

Как будет функционировать сетевая социальная сфера в дальнейшем? Какое название лучше всего подходит для такой сферы? Ян Зодерквист и Александр Бард предложили довольно удачный, на наш взгляд, вариант «нетократия». Утверждая, что «новые формы информационных технологий побеждают практически на всех фронтах», они ещё в самом начале XXI века поставили очень актуальные для сегодняшней действительности вопросы: что произойдёт с государством и институтом власти? Какие изменения претерпят рынок труда и система образования? Как изменится потребительское поведение? Как ход событий повлияет на искусство, философию и средства массовой информации? Какие социальные группы одержат победу или проиграют в новых условиях? Как будут функционировать электронные системы коммуникации? Какие социальные проблемы будут наиболее насущными и каковы будут решения? Как изменятся человек и его мировоззрение и какие последствия это будет иметь? И так далее.

Эти авторы справедливо считают, что господство интерактивности в качестве главного атрибута информационного обмена приведёт к полной смене самих основ установившегося порядка, или, говоря научным языком, к изменению *парадигмы существования*, что, в свою очередь, приведёт к изменению *механизмов распределения власти в обществе*. В дискуссиях на эту тему важно быть способными выйти за рамки логики, присущей старой парадигме.

И здесь уместно обратиться к философам, которые ещё в своё время предвидели развитие событий будущего под влиянием технологических прорывов и изменений социального менталитета. Так, М. Фуко считал, что в будущем вместо демократии, при которой большинство навязывает свою точку зрения меньшинству и легко трансформируется в диктатуру при незрелости массового сознания, установится плюрократия, т.е. общество, в котором каждый принимает решения за себя, но не имеет права навязывать эти решения другим. А вместо иерархического государственного устройства возникнет плюархия, где властные сферы будут организованы не так, как прежде – на основе личностей, компаний или организаций, – а на основе членства в тех или иных сетях, образуемых по принципу доступа к информации и способности управлять ею. На вершине сетевой плюархии, вероятно, будут те, кто обладает ценным знанием и сетью связей, которые могут быть полезны для данной конкретной сети, и, таким образом, возможностями привлекать к себе наибольшее внимание обще-

ства. Именно здесь, *наверху сетевой плюархии, возможно, будет формироваться новая элита нетократов.*

Решающим фактором, управляющим положением индивидуума в этой плюархии, будет способность абсорбировать, сортировать, оценивать и генерировать интерес к важной для общества информации. Власть в таких условиях будет всё труднее локализовать и ещё труднее удержать и увеличить, что послужит неким тормозящим фактором для процесса её деградации, неизбежном при автократии и диктатуре.

Правила нетократического общества невозможно будет формализовать на долгое время в силу постоянного сетевого движения, прерывности связей и положений. Правила сетевого этикета не могут быть строго зафиксированы раз и навсегда. Законы в их традиционно неизменной форме будут утрачивать свою роль.

На данный момент более внятных ответов на то, как будет устроено сетевое общество будущего, нет. И эти авторы окончательных ответов не дают. Но уже сейчас вырабатываются новые методологические подходы к исследованию сетевых процессов. Понятно, что структурно-функциональные и социально-системные теории становятся достоянием прошлого. На первый план уже выступили идеи становления подвижной ризомной цифросетевой среды и социально-сетевой самоорганизации. Цифросетевые технологии и практики, ими определяемые, очевидно, вступают в конфликт с традиционными культурными формами и институтами. И через этот конфликт происходит обновление способов мышления, управленческих принципов и социально-политического взаимодействия.

Резюмируя, можно сказать, что вопросы и задачи исследования поставлены и требуют дальнейших размышлений и дискуссий.

Мальшева Галина Анатольевна, научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

Malysheva G.A., research fellow. Institute of Socio-Political Research, FCTAS RAS

В развитие общей темы нашего «круглого стола» хотелось бы остановиться на проблеме так называемой компьютерной, или вычислительной, пропаганды как элемента политической коммуникации в онлайн-сетевой среде, а также обозначить некоторые её особенности на нынешнем этапе развития цифрового общества.

Понятие «компьютерная пропаганда» появилось во второй половине прошлого десятилетия на стыке общественных и технических наук. Одними из первых этот феномен описали исследователи из Оксфордского университета Ф. Говард и С. Вулли. Согласно их трактовке, компьютерная пропаганда – это новое явление в сфере манипулирования общественным мнением, которое представляет собой «коммуникативную практику с использованием алгоритмов, автоматизации и человеческого вмешательства в целях распространения информации, хотя и не всегда достоверной, порою допускающей манипулятивные действия в социальных сетях.

Продвижение современной компьютерной пропагандой в Интернете недостоверного контента всё чаще осуществляется с помощью технологий искусственного интеллекта. Этим целям служат: автоматизация аккаунтов, внедрение информационных алгоритмов на платформах социальных медиа и поисковых систем, применение чат-ботов и дипфейков, а также некоторые иные виды киберактивности, включая фишинговые электронные рассылки, таргетированные DDoS-атаки на вебсайты оппонентов и даже установление контроля над устройствами «Интернета вещей» для получения дополнительной аудио- или визуальной информации.

В компьютерной пропаганде, как правило, выделяют технологическую и политическую составляющую. Технологически её можно рассматривать как модификацию классической пропагандистской деятельности в новую техносциальную эпоху. Ряд исследователей в принципе не выделяют её в отдельную категорию, предпочитая говорить о продолжении традиционной политической пропаганды, т.е. о формировании общественных настроений в соответствии с заданной политической «повесткой дня» с помощью частично или полностью искажённой информации, но уже цифровыми методами.

Тем не менее, как представляется, использование цифровых пропагандистских инструментов неразрывно связано с изменениями как в субъектах, так и в объектах пропагандистского воздействия. Изменения в субъектах цифровой политической пропаганды сопряжены с появлением новых институтов цифрового общества. Прежде всего это относится к глобальным и национальным технологическим платформам сетевой коммуникации, которые играют роль новых игроков на цифровом политическом поле, опосредованно представляя интересы тех или иных сил офлайн-общественно-политического пространства.

Кроме того, возникает вопрос о субъектности задействованных в компьютерной пропаганде искусственных акторов, прогрессирующее технологическое совершенствование которых уже не позволяет отводить им исключительно инструментальную функцию. Современная сетевая теория допускает рассмотрение цифровых субъектов Интернета в качестве полноправных участников всего комплекса политических общественных взаимодействий. Взрывное развитие ИИ-технологий, способность автоматизированных программ генерировать правдоподобный контент и взаимодействовать с другими пользователями соцсетей побуждает исследователей видеть в цифровых акантах нечто большее, чем просто средство сбора и распространения информации в Интернете.

Новые субъекты пропагандистского воздействия – властно-корпоративные и правительственные структуры с принадлежащими им платформами социальной коммуникации, технологические элиты, сетевые игроки-инфлюенсеры, тролли-пропагандисты, социальные и политические боты – разворачивают свою активность на макро- и микроуровнях, сочетая иерархические и горизонтальные стратегии с разнообразными политическими технологиями. Особенностью компьютерной пропаганды является чрезвычайно высокая, по сравнению с традиционными СМИ, скорость распространения манипулятивного цифросетевого контента, а также такие его признаки, как масштабность охвата, анонимность источников и вирусный характер.

В свою очередь, объекты компьютерной пропаганды, т.е. люди – пользователи онлайн-цифровых сетей, также не могут не испытывать на себе мощного давления современной технологической революции. Восприятие ими реальности – офлайн- и цифровой – претерпевает изменения, всё более заметные в каждом последующем поколении. Виртуально-сетевое информационное пространство постепенно становится основой для формирования взглядов граждан и их позиции по любому вопросу общественно-политической жизни. Социальные сети Интернета играют всё более значимую роль в становлении политической идентичности социума.

При этом объективно нарастает действие факторов, обуславливающих специфику потребления компьютерной информации. Характер онлайн-информационных потоков не оставляет возможностей для их критического осмысления, стимулирует поверхностность мышления пользователей, что делает их лёгкой мишенью

для целенаправленного манипулирования политическими настроениями. Усиление пропагандистского эффекта достигается также за счёт таких распространённых явлений сетевой медиасферы, как «информационные пузыри» и «эхо-камеры», при которых у пользователей блокируется восприятие информации, не отвечающей уже сформировавшимся взглядам и представлениям. Поэтому важно, оценивая эффективность и последствия пропагандистского компьютерного воздействия, учитывать степень погружённости его объектов в цифровую онлайн-среду.

Информационно-технологический базис компьютерной пропаганды определяется доступом к инфраструктуре социальных медиа и использованием «больших данных» для выявления целевых групп в Интернете. Технологии «больших данных» ориентированы на анализ «цифровых следов» пользователей и на создание на этой основе «цифровых профилей» потенциальных потребителей манипулятивного контента.

Таким образом, цифровой профайлинг, широко применяемый в онлайн-рекламе и других отраслях бизнеса, получает своё развитие и в сфере политической коммуникации. С этой целью производится автоматизированный сбор и обработка не только общих данных о пользователях, но и сведений об их сетевой активности, особенностях их психологических характеристик, ценностях, убеждениях и мотивациях, динамике взаимоотношений в интернет-сообществах и о многом другом, что позволяет выстраивать индивидуальные и групповые стратегии информационного воздействия.

Как политический феномен компьютерная пропаганда предполагает широкий спектр действий, которые лишь частично вписываются в традиционные практики распространения пропагандистского контента и борьбы с ним. Цифровая технологическая революция значительно модифицирует стоящие перед властными элитами современных государств задачи по нейтрализации нежелательного информационного влияния. Компьютерная пропаганда специфична тем, что осуществляется в качественно новых условиях политической конкуренции между глобальными и национальными акторами, на надгосударственном и внутрисредоточном уровнях, что является следствием трансграничности онлайн-цифросетевого пространства.

В мире современной политики компьютерная пропаганда играет двоякую роль. Цифровые технологии манипулирования общественным мнением могут быть использованы как в рамках гибридных войн и геополитического противостояния глобальных игроков, так и в практиках национально-государственных элит на внутрисредоточном поле. В последнем случае их целью является консолидация общественной поддержки политического режима, подавление оппозиционных сил и течений или же получение преимуществ в ходе конкурентного политического противостояния. В этой связи ключевую роль приобретает борьба за политическое превосходство в национальном сегменте глобальных цифровых сетей, напрямую связанная с проблемой обеспечения цифрового и информационного суверенитета как одного из условий независимой позиции государства в глобальном мироустройстве цифровой эпохи.

На массовом низовом уровне (социальных сетей и сетевых сообществ) противодействие компьютерной пропаганде увязывается с такими трудно решаемыми на сегодняшний день задачами, как разоблачение фейков, верификация аккаунтов, формирование ответственной политики онлайн-платформ в области фактчекинга и информационных алгоритмов, а также с защи-

той персональных данных пользователей и проблемой безопасности киберпространства в целом.

Люблинский Виктор Викторович, доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

Lyublinsky V.V., doctor of political science, chief research fellow, Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS

Считается, что сетевая концепция произвела переворот в представлении о сущности, устройстве и функционировании современного общества и современной политики. Согласно этому взгляду, сетевой элемент, особенно в связи с развитием новых технологий и появлением Интернета, приобрёл универсальный характер, присутствует во всех социально-политических процессах и взаимодействиях, усиливается и становится доминирующим. Присутствует он, в том числе, и в важнейшей сфере – политических коммуникаций, которая во многом определяет ход политического процесса, устойчивость власти, её взаимоотношения с обществом и характер политических решений. Политические коммуникации, как известно, связаны с обменом информацией между акторами, обсуждением и согласованием позиций по различным вопросам, принятием решений и их реализацией. Причём, отметим, роль информационного фактора в политике возрастает, можно сказать, в «геометрической прогрессии». Однако эффективность политических решений в полной мере зависит от того, насколько информация соответствует реальности, а не искажает её.

Политические коммуникации важны не как нечто изолированное, не просто как феномен политической системы и политического процесса, а прежде всего как механизм, обеспечивающий политическое управление. В этой связи возникает вопрос, связанный с повышением их эффективности в контексте решения проблем общества (как текущих и среднесрочных, так и стратегических, в частности, в сфере социально-экономического развития). И как можно измерить эффективность политических коммуникаций и политических отношений?

Вот здесь обнаруживается серьёзная проблема. Политика как была закрытой сферой, так и осталась. И сущность политики, по моему мнению, осталась неизменной. В современном обществе, которое точнее было бы назвать не сетевым, а «иерархосетевым», политика формируется и проводится, исходя прежде всего из интересов господствующих и находящихся у власти социально-политических групп. Несомненно, развиваются определённые горизонтальные взаимодействия, но доминирует элемент иерархии в устройстве общества и политическом управлении, ибо иерархия заложена в природе человека. Всё достаточно очевидно. Когда человек находится на нижних социальных позициях, он стремится подняться, сменить позицию на более высокую, престижную, выгодную. А когда он находится наверху социальной пирамиды, то он уже стремится закрепить своё социальное положение, не допустить спуска вниз. Такова «железная логика» социального развития в условия капиталистического общества, в котором всё определяется социальной и политической конкуренцией и ограничениями ресурсного потенциала.

Необходимо учитывать и то, что со временем всё же произошла трансформация политики. Она стала присутствовать во всех аспектах развития общества. Не только в традиционных сферах (в обороне, безопасности и правоохранительной деятельности), как это было в XIX – начале XX века, но прежде всего в экономике и социальном развитии. События последних лет показали, что поведение частного бизнеса определяется уже не столько традиционной ориентацией на максимизацию прибыли,

сколько политической властью. Изменилась сама модель общества. Политика присутствует повсюду. Если раньше во главе была экономика, а политика являлась производной величиной, то сейчас главенство во многом перешло к политике. Такова реальность как в странах Запада, так и в странах Востока. И Россия не является исключением.

Повышению социальной эффективности политических коммуникаций и политических отношений в таком обществе могут препятствовать, во-первых, противоречия в подходах сетевых акторов, особенно если проблема отличается большой сложностью и высокой степенью конфликтности; во-вторых, политическая бюрократия, имеющая консолидированные интересы и ориентированная на формализованные нормы и правила, когда решения требуют во многих случаях громоздких согласований. Кроме того, необходимо учитывать, что политическая сфера традиционно организована как иерархическая структура. Отсюда в лучшем случае политические коммуникации реально могут строиться на условно сетевой основе, с сильно выраженным элементом доминирования и подчинённости.

По сути же политическая бюрократия во многих странах успешно адаптируется в новой сетевой реальности, что отражается на характере политических коммуникаций как внутри политической системы (между центрами и уровнями власти), так и вне её (во взаимоотношениях с обществом, СМИ и гражданами). Вынужден повторить: по моему мнению, давно настало время осознать то, что сетевизация не меняет суть современного общества и политических отношений. Более того, она может приводить к намеренному усилению дезинформации общества со стороны правящего класса, как это имеет место в странах Запада. А в результате граждане отнюдь не приближаются к реальному участию в политике, а значительно отдаляются от него. Большая часть граждан остаётся политически инертной, не принимает и просто не имеет возможности принимать участие в политических коммуникациях и политических отношениях.

Поэтому ещё очень рано серьёзно говорить о формировании «человека политического», что связывалось с развитием сетевого общества и теми возможностями, которые, как считалось, получают граждане в отношении доступа к современным технологиям и неограниченным коммуникациям. Однако «человек, может быть, и стал политическим», но настолько же реально оказался отстранён от активного участия в политических коммуникациях и формировании политики. Впрочем, так было и прежде. Более того, он оказался поработён нарастающим потоком социально-политической и иной информации, в котором невероятно возросла доля искажающих реальность сведений и данных, что травмирует общество и человека, формируя и обостряя социально-политические конфликты, как внутренние, так и внешние, международные. На данный факт обращает серьёзное внимание и Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В принятых ею документах отмечается, что такая ситуация представляет угрозу демократии и подрывает доверие к государственным институтам, и констатируется, что в странах Запада системы противодействия дезинформации утратили эффективность.

«Человека политического», с моей точки зрения, можно рассматривать как образ далёкого и недостижимого будущего, как наше желание того, чтобы общество становилось более справедливым, реально обеспечивая равные права и возможности для всех граждан. Пока же «путь к подлинной демократии» через развитие сетевого общества и всего, что с ним связано в контексте поли-

тических отношений и политических коммуникаций, как и следовало ожидать, не состоялся.

Мы много говорим о демократии, но, по сути, никакой демократии в мире нет. Демократия используется как формальное прикрытие реальной политической модели, в которой правят бал олигархические сети и подчинённые им сети бюрократии. Народу предоставлена лишь формальная возможность в рамках такого прикрытия участвовать в так называемых демократических выборах. И всё. Власть же получает олигархия. Причём результаты таких выборов, если они расходятся с интересами господствующей сети олигархии, могут откровенно исказиться.

Подобный тип системы реформированию не подлежит. Радикальная же смена власти под «красивыми лозунгами» – путь в неведомое, путь в никуда, т.к. через определённое время, как показывает исторический опыт, многое возвращается на круги своя на новом этапе развития. И тут сети политической коммуникации и политических отношений выстраиваются уже в интересах новой олигархии и автократии.

Во многих странах (прежде всего в странах Запада) СМИ, включая сетевые информационные структуры, сетевые сообщества, становятся всё более зависимыми от власти. А «народные сети» существуют для «выхлопа пара». В результате политические коммуникации теряют эффективность, политическая информация утрачивает соответствие реальности, а со стороны власти усиливается манипулирование массовым сознанием. И, как показывают мировые события, противостоять этому сетевой фактор не может, т.к. он оказался в большой степени встроен в сложившуюся систему социально-политических отношений.

В дальнейшем стоило бы уделить больше внимания вопросу о путях социальной оптимизации политических коммуникаций и политических отношений, поскольку основное предназначение политической сферы – реагировать на проблемы общества (внутренние и внешние), которые становятся всё сложнее.

Шиманская Эльвира Степановна, старший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

Shimanskaya E.S., senior research fellow, Institute of Socio-Political Research FSTAS RAS

Обращаясь к проблематике, связанной с изучением политической коммуникации, рассматриваем её в проекции политических отношений, применяя сетевой подход в сочетании с коммуникативным методом исследования. В этой связи хотелось бы акцентировать внимание на том, что с наступлением информационной эпохи в отечественной коммуникативистике появляется направление, связанное с исследованием способов организации власти, при которой информационные отношения, как считает известный российский учёный-политолог А.И. Соловьёв, превращаются «в ключевой механизм форматирования политического пространства и обеспечения взаимодействия между властью и обществом».

XX век оставил в истории след тем, что произошла демократизация политических процессов. Это обстоятельство во многом способствовало стремительному развитию информационных технологий и кибернетики, что, в свою очередь, обусловило расширенное распространение такого понятия, как «коммуникация», в том числе и «политическая коммуникация». На фоне развития и роста влияния в современном – сетевом – обществе средств массовой коммуникации власть уже не может не считаться с возросшим информационным воз-

действием на её функционал и принимаемые решения, ибо широко распространяемые информационные потоки оказывают влияние на все сферы жизнедеятельности человека, и прежде всего на экономическую, политическую, культурную и т.д.

Научные исследования проблем, связанных с политической коммуникацией, набирали обороты, появлялись различные школы и концепции, содержание которых сводилось в основном к объяснению природы коммуникаций политической сферы. Как уже упоминалось в ходе нашей дискуссии, перу М. Кастельса принадлежит целая серия работ, посвящённых власти в информационном обществе. Основная сквозная идея, которая содержится в них, – *коммуникации создают власть*. Власть зависит от контроля за коммуникацией, коммуникационная власть лежит в основе структурирования и развития современного общества. Но что особенно важно – это способность коммуникации влиять на формирование сознания человека, а вслед за изменениями в общественном сознании, как известно, происходят те или иные подвиги и в политике государства в целом.

Новое направление в исследовании власти сформировалось благодаря работам М. Фуко, в частности его лекциям по тематике, связанной с так называемым управленческим государством, суть которого состоит в трактовке современной власти как «руководства автономными индивидами на расстоянии». Имеется в виду радикальное изменение самого принципа коммуникации между социальными акторами; постепенно исчезает непосредственное взаимодействие с гражданами.

Наряду с предложенной М. Фуко трактовкой власти формируются и другие подходы к исследованию властных практик. К примеру, получило широкую известность направление, в котором публично-властные отношения корреспондируют с современными средствами коммуникации, в том числе с управлением публичным дискурсом, посредством которого возможно создавать и внедрять в социальную среду идеи и ценности в интересах удержания власти политическим классом.

Среди отечественных исследователей этой проблематики научный интерес представляют труды А.И. Соловьёва, который продолжил осмысление и раскрытие сущности власти, государственного управления, строящихся на принципах подчинения и контроля общества посредством идеологического воздействия, пропаганды и массмедиа. Фоном развития этих средств управления в условиях сетевой реальности во многом послужили цифровые технологические трансформации, которые повлекли череду вызовов, рисков и гибридных преобразований в процессе формирования современного типа власти – «прозрачного и ответственного», реализующего цифровые инновации при управлении информационно-коммуникационными потоками. Одновременно это послужило побудительным мотивом к появлению нового субъекта политики со своими запросами и интересами, активно включающегося в систему взаимодействия «государство – общество».

В публикациях немецкого учёного-социолога Никласа Лумана власть рассматривается как жизненно важное средство коммуникации в обществе и акцент делается на её отличии от других коммуникативных систем. По Н. Луману, власть является ядром любой политической системы, которая, в свою очередь, интегрируется в общество при помощи коммуникации, организующей функционирование политической власти. Он представляет власть базирующейся на таких присущих коммуникации свойствах, как избирательность и информативность. Высказывается мысль о деперсонализации власти, причину которой учёный видит в самой природе

коммуникации, цементирующей общественную систему. Власть, как и любая иная форма коммуникации, считает он, «форматирует» общество, устанавливая некие «коридоры альтернатив», по которым «может передвигаться воля субъектов властных отношений». В рамках этих отношений, согласно теории Н. Лумана, обе стороны (и власть, и общество) оказываются равно ответственными и равнозначными.

Как результат – на базе информационных технологий происходит взаимодействие государства и граждан посредством диалога, развиваются возможности для расширения коммуникации, а значит, и большая вероятность демократизации власти всех уровней в ответ на активность общественных движений и выдвигаемых ими требований. Иначе говоря, властью в социальных сетях обладают не только государство, но и общественные движения, которые, пользуясь терминологией М. Кастельса, рассматриваются как контрвласть.

Природа информационных процессов, которые обеспечивают работу политической власти, такова, что в ходе деятельности, взаимного общения и взаимодействия субъектов политических отношений совершается неограниченный во времени и в пространстве процесс воспроизводства и трансформации информационных потоков. Среди инструментария информационного взаимодействия в сфере политических отношений специалисты называют не только «знаки, символы и атрибуты конкретных политических объединений (политических групп и партий)», но и широкий спектр текстов, документов (указы, законы и постановления руководящих структур и т.п.), а также иные разновидности средств политической коммуникации.

Статус самой власти регулируется через множество коммуникативных форм и уровней, среди которых, в частности, формирование правил подчинения, определение степени ответственности, институционализация норм, легитимация новых решений и притязаний на значимость. Значение власти для политической коммуникации обуславливается тем, что она обеспечивает непрерывность процесса принятия или отклонения сообщений.

Насколько важно поддерживать непрерывность процесса коммуницирования в сетевом обществе, понять можно, если учесть, что у отдельных узлов сети возрастает автономия относительно центров власти. В сетях акторы самостоятельно создают информацию (а не только потребляют поступающие к ним информационные потоки), самостоятельно её распространяют и самостоятельно выбирают, какую информацию получить и с кем коммуницировать. Сетевая власть, на что справедливо указывает М. Кастельс, рассредоточена, ею обладают различные узлы сети, но только в той мере, в какой они могут перепрограммировать коммуникацию, определять её формат и содержание.

С учётом всего изложенного выше надо признать, что эта реальность может создавать вызовы и угрозы возникновения информационного насилия. Данное обстоятельство заставляет и власть, и общество найти «антидот», чтобы противостоять этому.

Макушина Лариса Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

Makushina L.V., candidate of history, associate professor, senior researcher, Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS

Одной из острейших социально-экономических и политических проблем в России в настоящее время является кризисная ситуация на рынке труда и в сфере социально-трудовых отношений. Её причинами стали:

дефицит рабочей силы; кадровый дисбаланс; «деградация» традиционных трудовых отношений; проблемы трудовой миграции; нарастание числа конфликтов в социально-трудовой сфере (например, только в октябре 2024 года по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года был зарегистрирован рост числа конфликтов на 44%).

Для преодоления кризисной ситуации необходимо налаживать диалог между социальными партнёрами в сфере социально-трудовых отношений – наёмными работниками (в лице профсоюзов), работодателями и государством. В настоящее время можно наблюдать попытки «реанимировать» систему трипартизма в нашей стране. С 1 марта 2025 года вводится федеральный государственный контроль исполнения соглашений между сторонами социального партнёрства (ст. 51 ТК РФ начнёт действовать в новой редакции). Осуществлять контроль выполнения работодателями своих обязательств перед работниками будет Государственная инспекция труда. При этом сами стороны смогут устанавливать порядок контроля соглашений и коллективных договоров.

Ожидаемые изменения свидетельствуют о поддержке государством практики социального партнёрства, в том числе и в сфере трудовых отношений. Очевидно, что сам статус социального партнёрства значительно повышается. Так, Российская трёхсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений (полномочные представители общероссийских объединений профсоюзов, общероссийских объединений работодателей и Правительства Российской Федерации) заключила на основании Конституции Российской Федерации, Трудового кодекса Российской Федерации Генеральное соглашение на 2024–2026 годы и определила совместные действия Сторон по их реализации. Стороны обязуются содействовать, в числе прочего, достижению национальных целей развития Российской Федерации и решению задач по обеспечению национальной безопасности страны, формированию её научного, технологического и производственного суверенитета. Одновременно предполагается уделять особое внимание вопросам создания достойных рабочих мест, обеспечения потребности экономики в квалифицированных кадрах, достижения полной и эффективной занятости, повышения социального благополучия граждан.

В настоящее время в стране формируются профессиональные социальные сети как инструмент коллективной защиты интересов работников. Профессиональные социальные сети в наше время – это создание колоссального общего медийного пространства, возможности установления горизонтальных связей, распространения информации между участниками сети, способ влияния на целевую аудиторию, а также ресурс для профессионального роста и карьерного продвижения.

Сетевой подход к политическим коммуникациям опирается на концепции социальных сетей, ризомных структур и горизонтальных связей. Этот подход рассматривает политическую коммуникацию не только как передачу информации, но и как процесс формирования и трансформации сетевых взаимодействий между различными акторами.

Применение сетевого подхода к политическим коммуникациям требует от акторов адаптации своих стратегий и инструментов к динамичной сетевой среде. Это предполагает использование интерактивных и персонализированных каналов коммуникации, таких как социальные сети, мессенджеры и видеохостинги, а также создание контента, способного находить отклик у целевой аудитории.

Наряду с рациональными факторами важную роль в сетевых коммуникациях играют эмоциональные аспекты взаимодействия. Политические акторы используют разнообразные инструменты воздействия на эмоциональную сферу граждан. В их числе создание и поддержание чувства идентичности, т.е. общности, принадлежности к определённой группе или движению; завоевание и поддержание доверия граждан к политическим институтам, лидерам и исходящей от них информации. Всё перечисленное является ключевыми элементами успешных коммуникационных стратегий.

Развитие новых медиа, таких как социальные сети, мессенджеры и платформы для микроблогинга, оказывает существенное влияние на социально-политические коммуникации, предоставляет возможности для усиления интерактивного, персонализированного и более динамичного диалога между политическими акторами и гражданами.

Брега Галина Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ

Brega G. V., candidate in economics, associate professor, Financial University under the Government of the Russian Federation

Сетевые идеи в регулировании общественных коммуникаций изначально имеют политическое измерение, поскольку в своём идеале они ставят под сомнение суверенитет политики, отвергая некоторые известные представительные институты, политические партии, а также минимизируя институт государства и устоявшиеся механизмы голосования. Данная позиция сопровождается новым видением управления, которая основана на саморегулировании автономных, но взаимосвязанных партнёров/участников сети. Для обоснования перехода к новому типу управления социально-политическими процессами сторонники сетевых идей обращают внимание на структурную трансформацию общества, которая требует «нового типа мышления». В результате предлагается единственный вариант – это переход к соответствующим сети формам концептуализации и регулирования социальных взаимодействий.

Появление сетевых метафор и их привязка к «новому образу мышления», «новой точке зрения» или «новому мировоззрению» – это не что иное, как риторический приём, зародившийся ещё в кибернетике в 1940-е годы. Другими словами, с этого времени постепенно стала формироваться система знания, которая заложила основу для исследования процессов сетевизации. Благодаря высокому уровню междисциплинарности её концептуальные инновации также распространились на многие другие области знаний, в том числе на социальные науки. В дальнейшем пришедший из кибернетики нарратив о «новом образе мышления» в качестве риторического приёма начал активно использоваться в социальных науках 1970–1980-х годов. Целью было вызвать перемены в регулировании общественных отношений, которые уже как бы произошли, но ещё не в полной мере были осознаны властью. Таким образом, кибернетика явилась той областью научного поиска, которая стала предтечей последующих исследований социальных, в том числе и политических, сетей.

Позднее появилась метафора «сетевого полиса», продвигающая новую модель субъектности политических отношений с присущими ей концептами «общения», «подключения» и «гибкости» пользователей, развития горизонтальных связей и сетевых организаций. При этом одновременно критикуются негибкость и принудительная сила иерархий, их моральные принципы политического управления. В свою очередь, сетевая мета-

фора иллюстрирует идею взаимной связанности и взаимозависимости, где все элементы сети функционируют в едином пространстве и имеется возможность одному элементу «подключаться» к другому элементу сети. Эти элементы представляют собой соединённые реле, узлы и каналы коммуникации, управляющие входящим потоком информации и одновременно осуществляющие контроль, перенаправляя эти потоки. Таким образом, регулирование в сети функционирует без «руководителя», «центра» или определённой «цели», поскольку это постоянный процесс «коммуникации» между элементами в режиме реального времени.

В политическом контексте такой подход к сетевому управлению подразумевает трансформацию государства путём переосмысления государства как посредника в саморегулировании сети. Предполагается, что государственные учреждения проектируют сети и управляют ими; в этих рамках заинтересованные стороны создают механизмы сотрудничества и согласовывают политику. Более того, изменение представлений государства о самом себе сопровождается новой самооценкой сотрудников государственной службы. Они должны перестать представлять себя «бюрократами, соблюдающими правила», и начать думать о себе «как о творческих, прагматичных и вовлечённых в процесс модерации и фасилитаторства».

Встаёт вопрос о возможностях и пределах сетевизации в контексте стабильности функционирования системы государственного управления и обеспечения безопасности от рисков хаотизации, априори заложенных в концепцию сетевого общества. Другими словами, речь идёт о цифровом суверенитете государства, который приобретает всё больше сторонников в цифровой политике, тем самым ставя под сомнение дискурсивную и институциональную гегемонию сетевых подходов.

Имеется три основных подхода, применяющих политическую традицию суверенитета по отношению к «включённости» государства в сетевые отношения с общественностью. Первый из них обращён к автономии государств и безопасности национальных инфраструктур, концентрируясь на кибербезопасности и усилении защитных функций государства. Второй подчёркивает важность развития сетей и цифровых технологий для процветания общества, восстанавливая государство, а тем самым и экономического субъекта. Третий исходит из важности индивидуального самоопределения суверенного субъекта, имеющего реальную возможность обратиться к государству с просьбой защитить его индивидуальную автономию.

Все три подхода к цифровому суверенитету прочно укоренились в онтологической эпистемологии и ином видении основных действующих лиц, динамики и политических институтов сетевого общества. Поскольку они различаются с точки зрения государственного устройства и политики, сетевая рациональность и рациональность суверенитета также имеют разные политические предпочтения. Сетевое обоснование часто благоприятствует открытым данным, фейкам и слабым нормам авторского права, т.к. они предоставляют пользователям нерегулируемые сведения, свободные от давления морали или прибыли. Напротив, сторонники суверенитета, как правило, поддерживают права и автономию суверенных субъектов данных, например, путём защиты данных, соблюдения авторских прав, принятия мер по противодействию разжиганию ненависти или фейковым новостям.

Во многих отношениях меры по обеспечению цифрового суверенитета в сетевом обществе направлены на устранение непреднамеренных последствий ранних

сетевых подходов, которые исходили из того, что информация и, как следствие, киберпространство оставались свободными от любого протекционизма, включая моральную оценку информации как хорошей или плохой и соответствующее вмешательство государства. С этой точки зрения такой подход мог бы раскрыть творческий потенциал саморегулирования. Между тем, чрезмерная свобода от информационных фильтров никоим образом не препятствует, например, разжиганию ненависти в результате ксенофобских и других деструктивных высказываний, фейковым новостям, вмешательству в выборы и т.п. В этой связи информационный суверенитет может быть полноценно реализован только при разрешении противоречия между сетевыми нарративами и реальностью, что объективно требует государственное регулирование.

Брега Александр Васильевич, доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН; Финансовый университет при Правительстве РФ

Brega A.V., doctor of political science, professor, leading researcher, Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS; Financial University under the Government of the Russian Federation

Методология социальных наук во многом является интерпретативной, поскольку люди совместно конституируют социальный мир, интерпретируя реальность, в которой они находятся. Данная реальность складывается из того, как сообщества позиционируют себя в мире, воспринимают события, оценивают свои возможности и, в конечном счёте, на их основе разрабатывают политические стратегии, институты и реформы.

Другими словами, социальные акторы формируют свою реальность через практики и институты, исходя из своих представлений и интерпретаций, которые вбирают в себя ментальные представления о себе, культуре, постулаты политических идеологий, базовые социальные нормы, материальные сущности, значения слов, переживаемые и воображаемые события и т.д. Исследование социальных феноменов, как правило, проводится по следующим аспектам: 1) сравнение моделей интерпретации реальности; 2) их историческое происхождение и трансформацию; 3) переговоры и борьбу за власть между этими интерпретациями; 4) их практики и последствия в данной сфере общества.

Очевидно, что такая логика подводит нас к тому, что общество, власть, политику можно также представить в сетевой интерпретации. Причём интерпретация в терминах сети была вполне возможна ещё до того, как появились компьютерные сети, такие как Интернет. Пришедший из кибернетики нарратив о «новом способе взаимодействия» – прежде всего риторический приём, чтобы описать изменения, которые уже произошли или происходят. Так называемый сетевой полис среди учёных пропагандирует модель субъективности, характеризующуюся «коммуникативными», «соединяющими» и «гибкими» пользователями. Кроме того, они продвигают сетевые организации и краткосрочные проекты, в то же время критикуя негибкость и принудительную силу иерархий. В итоге мы приходим к выводу, что «сетевое общество» – это не только результат технологического прогресса, но и также плод интерпретаций интеллектуалов, которые ещё в 1950–1980-е годы продвигали идеи кибернетических сетей, изменяя наш взгляд на общество и политику, включая концепции субъективности, власти и управления.

Сегодня, приняв сетевую риторику как способ описания мира, политики, многие исследователи исходят из того, что это должно привести к сетевой парадигме

политического управления. При этом нельзя забывать, что существуют различные представления о сетевом обществе, где каждое из них следует своей схеме эпистемологии, социального воображения и политических предпочтений. В результате возникают конкурирующие интерпретации феномена политических сетей. В этом контексте, думается, анализ сетевизации политических отношений должен опираться не только на одноимённый сетевой подход, но и на политическую теорию, историю и науковедение.

Современные процессы достаточно сложно описать в терминах линейной причинности, таких как действие и противодействие, стимул и реакция или мотивация и поведение. В этой связи исследователи всё чаще прибегают к метафоре. Это связано с тем, что стремительное развитие горизонтальных связей и структур их поддержания в сравнении с вертикальными приводит к поиску новых форм описания данного явления, поскольку в прежнем научном языке не нашлось адекватного обозначения. В итоге эта сложность иллюстрируется метафорой сети, которая подчёркивает множественность связей её элементов. Поскольку многие гуманистические онтологии стремятся упростить реальность ради структурирования и классификации, то приходится игнорировать имеющиеся противоречия и сложности. В результате получаемые модели и алгоритмы становятся недостаточными для описания действительности.

При всей актуальности исследований сетевизации политических отношений следует констатировать, что институционализация научных школ по этому направлению далеко ещё не завершена. В любом случае этап, когда доминировали утопические и скептические нарративы в отношении исследования политических сетей, уже в прошлом. В настоящее время акценты осмысления политических сетей переместились в направлении комплексного эмпирического анализа.

Сетевизация как многоаспектное явление предлагает рассматривать функциональность политических институтов посредством различных форм субъективности, действующих на одном уровне. При этом спектр мнений зачастую принимает форму достаточно однозначных утверждений. В частности, Дэвид Д. Кларк полагает, что развитие процессов сетевизации ведёт к нивелированию политического суверенитета. Учёный заявил буквально следующее: «Мы отвергаем королей, президентов и голосование». Он исходит из того, что Интернет представляет собой децентрализованную и детерриториализованную сеть одноранговых узлов «точка – точка». В результате общество посредством саморегулирования способно «освободиться» от централизованного управления. В противовес данной точки зрения имеется иная позиция, суть которой в том, что иерархические структуры, олицетворением которых является государство, постепенно адаптируются к новым условиям, что позволит ему всё больше брать сетевые отношения под контроль.

Сегодня актуализация потребности в комплексном исследовании взаимовлияния процессов сетевизации и политики только возрастает. В этой связи анализ концепций, нарративов и систем убеждений даёт множественную палитру представлений о взглядах на сетевые отношения как в политике, так и в науке. При этом критический анализ метафор и нарративов о сетевизации придаст методологическую строгость самим исследованиям в этой области. Это важно и в силу того, что методы эмпирического анализа хотя и являются вполне релевантными, но исследователи из-за недостаточной институционализации данной сферы научных изысканий часто бессознательно обращаются к различным метафорам

и нарративам для интерпретации своих предположений. Концептуальный анализ поможет адекватно осмыслить предлагаемые гипотезы. Сетевой подход особенно востребован в рамках децентрализованной теории политического взаимодействия и управления.

Таким образом, изучение политической действительности актуализирует использование сетевой методологии. С помощью сетевого подхода можно «распаковать» правительственные институты или конкретные политические реформы с точки зрения разрозненных и случайных убеждений и действий индивидуумов. Кроме того, его аналитический инструментарий позволяет отслеживать различные «паттерны» убеждений, знаний и практик, а также то, как они менялись со временем при столкновении с новыми вызовами.

Михайленок Олег Михайлович

В продолжение дискуссии, развернувшейся на «круглом столе» «Сетевой взгляд на политические отношения в современных коммуникациях», о том, что общество, власть, политику можно также представить в сетевой интерпретации, его организаторы и участники определили основную цель проведения данного мероприятия. Суть её в том, чтобы выявить возможности описания современных политических феноменов – политики, политической реальности, политических отношений – в терминах и понятиях сетевой теории, а также дать оценки эффективности применения сетевого подхода для анализа коммуникативного потенциала социально-политических субъектов и возможных форм политических коммуникаций между ними.

Как известно, в основе сетевого понимания социально-политических феноменов лежат две концепции: социально-сетевая теория М. Кастельса, которая нашла отражение в его книге «Информационная эпоха: экономика, общество, культура», и акторно-сетевая исследовательская конструкция Б. Латуре («Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию»).

Как было отмечено в ходе дискуссии, М. Кастельс и Б. Латур предложили фактически новую архитектуру мира человека и социума в условиях перехода к сетевому обществу, в котором коммуникации приобретают первостепенное значение.

Заметим, что в общем понимании авторов сетевых теорий сеть – это множество взаимосвязанных узлов. Для М. Кастельса сеть – это предмет, вещь, зафиксированная в тех или иных формах структура коммуникаций между акторами. Б. Латур в рамках своей «плоской онтологии», где нет оппозиции «субъект – объект», определяет сеть как «инструмент, помогающий в описании чего-то другого, а не предмет описания».

По М. Кастельсу, развитие мира коммуникаций посредством Интернета, мобильных телефонов и других видов девайсов способствует становлению и распространению горизонтальных сетей коммуникации, благо-

даря чему акторы выстраивают свои коммуникативные системы.

В выступлении А.В. Назаренко отмечено, что сетевой подход в сравнении с традиционным системным или нормативно-ценностным подходом видится в качестве достаточно сложного, но в то же время наиболее адекватного и эффективного инструмента для анализа политических отношений, составляющих основу общественных и политических коммуникаций в современном мире.

Важную роль сетевая трансформация социума играет в процессе изменений отношений государства и общества. А.В. Митрофанова в своём выступлении подчеркнула необходимость восстановления полноценной субъектности общества, которая даст ему возможность принимать равноправное участие в политическом диалоге с государством.

Вместе с тем, в ходе дискуссии было указано на радикальное изменение самого принципа коммуникации между социальными акторами; постепенно исчезает непосредственное взаимодействие с гражданами.

В выступлениях участников «круглого стола» был затронут ряд вопросов дискуссионного плана, предполагающих их дальнейшее изучение.

Применение сетевого подхода к анализу коммуникаций в целом и политических в частности позволяет расширить исследовательский ландшафт их изучения. Ведь сетевой подход позволяет иначе, в другом ракурсе рассматривать изменяющиеся под влиянием становления сетевого общества практически все стороны жизни социума, и в первую очередь его коммуникативную составляющую. Кроме того, на основе применения сетевого подхода у исследователей появляется возможность выявить более широкий спектр зависимостей и взаимозависимостей между субъектами и акторами политических коммуникаций. Для политических коммуникаций характерны множественность коммуникативных практик и зарождение в процессе их реализации новых форм политических коммуникаций в сетях.

Социальные сети – это прообраз новой формы социальности, как отмечает в своём выступлении Л.И. Никовская. Но, констатирует она, на данный момент более внятных ответов на то, как будет устроено сетевое общество будущего, нет. Подчёркивается, что коммуникационные и коммуникативные аспекты изучения политических коммуникаций в ракурсе применения сетевого подхода позволяют приблизиться к объяснительным коммуникационным моделям бытия современного человека.

Оценивая общий посыл выступлений участников работы «круглого стола», можно с уверенностью сказать, что ощущается стремление к обновлению политической науки в ходе выяснения того, что такое политика, политические отношения, каков интерпретативный потенциал сетевой теории в отношении таких политических феноменов, как политическое действие, политическая коммуникация, политическая деятельность, язык политики.

Искусственный интеллект в политических технологиях: этические и технологические вызовы

Пикунова Кристина Александровна,

руководитель проектов по связям с общественностью,
«ООО «ИМА-консалтинг»
E-mail: kp115580@gmail.com

В статье поднимаются актуальные вопросы использования искусственного интеллекта в политических технологиях. Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью понимания рисков использования искусственного интеллекта в политических процессах. Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта оказывает значительное влияние на различные сферы общественной жизни. В условиях цифровой трансформации общества использование искусственного интеллекта становится инструментом повышения эффективности политических кампаний. Внедрение искусственного интеллекта в политику чревато рядом этических проблем. Целью статьи является анализ современных механизмов использования искусственного интеллекта в политических технологиях, а также выявление этических и технологических проблем такого использования. Отмечен значительный потенциал применения искусственного интеллекта в политических технологиях. В то же время использование искусственного интеллекта связано с рядом социально-политических рисков. Они сводятся к манипулированию общественным мнением, нарушению конфиденциальности информации об избирателях и подрыву доверия к институтам политической системы. Сделан вывод о важности баланса между инновациями и этическими принципами для обеспечения устойчивого развития общества в эпоху цифровых технологий.

Ключевые слова: искусственный интеллект, политические технологии, этика, конфиденциальность данных, микротаргетинг, аналитика данных, технологические риски.

В последние десятилетия технология искусственного интеллекта (далее – ИИ) последовательно интегрируется в различные сферы общественной жизни. Современные политические технологии все чаще опираются на алгоритмы машинного обучения и анализа больших данных. Такой подход открывает новые возможности для более точного прогнозирования, персонализированного взаимодействия с избирателями и оптимизации работы избирательных штабов. Однако, несмотря на значительный потенциал, использование ИИ в политике ставит перед обществом ряд сложных нормативных вызовов.

Использование ИИ в политике поднимает вопросы об этичности таких технологий. Когда информация становится ключевым инструментом для влияния, возникают вопросы о прозрачности алгоритмов машинного обучения, защите персональных данных и манипуляции общественным мнением. Столь масштабное проникновение ИИ в чувствительную сферу политики натолкнется на попытки регуляторов упорядочить эти процессы.

Актуальность исследования этих вопросов обусловлена необходимостью разработки новых нормативных подходов, которые позволят использовать ИИ в политике ответственно. Понимание этих проблем становится значимым фактором обеспечения устойчивости политических систем в эпоху цифровой трансформации. Учитывая столь обширный функционал, эти технологии находят все более широкое применение в разных сферах жизни человека, в том числе и в политике.

В российской науке можно выделить несколько ключевых групп исследователей, изучающих нормативные аспекты использования ИИ. В.С. Авдониин и В.Л. Силаева [1], И.В. Сурма [11] делают акцент на политических аспектах регулирования ИИ. Они исследуют вопросы ответственности за действия, совершаемые с помощью ИИ, и предлагают подходы к созданию нормативной базы, которая бы учитывала специфику этих технологий.

Е.А. Виноградова [3], А.Н. Удотова [13] рассматривают этические аспекты использования ИИ в политическом процессе и поднимают вопросы проблемы моральной ответственности, автономии и справедливости в контексте применения искусственного интеллекта. Особенностью политической этики является разработка оригинальных концепций «этики машин» и «цифровой этики», а также обсуждение возможных сценариев будущего применения ИИ в политике. Они подчеркивают важность этического образования и формирования ответственного использования высоких технологий.

Применение ИИ в политических технологиях охватывает широкий спектр областей. Сегодня внедрение передовых технологических решений предполагает возможность использования разных инструментов – начиная от анализа больших данных и заканчивая автоматизацией процессов взаимодействия с избирателями. Алгоритмы машинного обучения используются для обработки огромных массивов информации, что позволяет политическим кампаниям более точно прогнозировать поведение избирателей. Технологии ИИ могут быть внедрены практически на всех этапах политических процессов.

ИИ также применяется для создания персонализированных сообщений и рекламы, что повышает эффектив-

ность коммуникации с целевыми аудиториями. Чат-боты и виртуальные ассистенты на основе ИИ облегчают взаимодействие с физическими лицами. ИИ превосходит традиционные вычислительные механизмы, как указывает В.А. Бажанов, «в скорости и точности вычислений, дедуктивных умозаключениях, способности одновременно решать несколько (множество) задач, причем делать это в экстремальных условиях (крайне сложных даже для человека с крепкой нервной системой)» [2, с. 196].

Современные политические кампании активно используют широкий спектр инструментов, основанных на искусственном интеллекте. Одним из ключевых инструментов является аналитика больших данных, которая позволяет собирать информацию из различных источников. Такой механизм необходим для создания детализированных профилей целевых аудиторий. В итоге это помогает политическим кампаниям более точно прогнозировать поведение избирателей. К примеру, в американских политических кампаниях таргетированные сообщения используются для воздействия на четко выделенные колеблющиеся группы избирателей.

Платформы автоматизации маркетинга на основе ИИ используются для решения различных задач. Избирательные штабы применяют эти технологии для управления рекламными кампаниями, оптимизации расходов и персонализации контента. Инструменты для мониторинга социальных сетей позволяют отслеживать общественное мнение в реальном времени. Такой подход обеспечивает своевременный анализ динамики общественных настроений. В целом это позволяет оперативно реагировать на изменения в общественном мнении.

ИИ оказывает все большее влияние на политические процессы. При этом такое влияние носит двойственный характер. Технологии ИИ позволяют улучшить доступ к информации, а также повысить вовлеченность граждан. Например, аналитика данных может помочь политикам лучше понимать предпочтения своих избирателей. Однако использование ИИ в политике также связано с рисками манипуляции общественным мнением. ИИ может помочь предсказывать результаты выборов и иных политических кампаний, дополняя уже известные прогнозные технологии с помощью выделения неочевидных для человека взаимосвязей.

Алгоритмы ИИ могут создавать персонализированные информационные пузыри, в которых избиратели подвергаются точечному воздействию только определенных точек зрения. В итоге это снижает уровень критического мышления. Технологии машинного обучения позволяют создавать фейковые новости, которые могут вводить в заблуждение общественность. Поэтому вопросы этики использования ИИ в политике приобретают первостепенное значение, поскольку, по мнению О.Ю. Демченко, «перед человечеством все так же стоит вопрос моральной ответственности технологических алгоритмов перед обществом за результаты своих действий (или бездействий), направленных как на другие алгоритмы, так и на человека» [5, с. 54].

Использование персональных данных в политических технологиях сопряжено с рядом значительных рисков, которые могут угрожать частной жизни граждан. Одной из основных проблем является утечка данных, которая может произойти из-за недостаточной защиты информационных систем. Утечка персональных данных может привести к серьезным последствиям. Появление их в открытом доступе приводит к преследованию отдельных лиц, а также использованию этой информации в целях шантажа.

Анализ больших объемов данных о гражданах может привести к созданию детализированных профилей,

которые используются для микротаргетинга. Также аналитика данных может быть использована для персонализации политических сообщений. Это может привести к манипуляции общественным мнением, так как избиратели подвергаются воздействию информации, которая тщательно подобрана для влияния на их политическое поведение. Избирательными штабами осуществляется «использование целевой рекламы, нацеленной на нерешившихся избирателей, повышает шансы кандидатов на успех, что является значительным преимуществом» [4, с. 359].

Еще одной проблемой является отсутствие прозрачности в использовании данных. Так, граждане часто не знают, какие именно данные о них собираются, как они используются. Это создает ощущение, что личная информация используется без согласия со стороны граждан. В условиях интенсивной цифровизации обеспечение защиты персональных данных становятся актуальным политическим вопросом.

Существующие этические нормы в сфере использования ИИ в политике разрабатываются на национальном и на международном уровне. Однако пока они не представляют собой универсальной системы. В Европейском Союзе, например, активно обсуждается проект «Искусственный интеллект для Европы». Он включает в себя ряд этических принципов (прозрачность, подотчетность и уважение прав человека), которые принципы направлены на обеспечение того, чтобы использование ИИ не нарушало основные права и свободы граждан.

В США также предпринимаются шаги по разработке этических стандартов. Там делается с акцентом на прозрачность алгоритмов и защиту персональных данных. В России пока лишь разрабатываются национальные стандарты в области ИИ, хотя конкретные механизмы регулирования еще находятся в стадии формирования. Но пока что сгенерированные материалы не учитывают социально-культурный контекст и больше похожи на работы студента или стажера, требующие редактуры.

ООН и Всемирный экономический форум предлагают свои рекомендации, подчеркивая важность международного сотрудничества в разработке этических норм. Однако, несмотря на эти усилия, остается ряд вызовов. Прежде всего, они касаются отсутствия единого понимания ключевых терминов, различия в правовых режимах, а также быстрое развитие технологий, которое опережает процесс создания нормативной базы. Однако содержательное ядро профессии политтехнологов – стратегия и идеология – в силу сложности и креативного характера сегодня неподвластны ИИ.

В США одним из ярких примеров использования ИИ в политических технологиях стала кампания Дональда Трампа в 2016 г., когда активно применялись технологии микротаргетинга на основе анализа больших данных. Компания Cambridge Analytica, которая сотрудничала с предвыборным штабом Трампа, использовала ИИ для анализа профилей пользователей социальных сетей, чтобы создавать персонализированные рекламные сообщения. Это позволило кампании более эффективно воздействовать на колеблющихся избирателей и мобилизовать свою базу поддержки [6].

Однако, этот случай также вызвал значительную критику в отношении конфиденциальности данных и манипуляции общественным мнением. Консервативный подход акцентирует внимание на необходимости строгого контроля над использованием ИИ, подчеркивая потенциальные риски для конфиденциальности.

Выступая за более привычные методы осуществления электоральных процессов, противники применения высоких технологий в политике предлагают политиче-

скую традицию в качестве «сверхценности» и ориентира социального развития, рассматривая ее как позитивно оцениваемую часть культурно-исторического наследия общества [12, с. 20].

Между тем использование ИИ в политических процессах иногда приводит к негативным последствиям. Рассмотренная выше деятельность компании Cambridge Analytica часто рассматривается как пример манипуляции общественным мнением в ходе президентских выборов в США. Компания собирала персональные данные пользователей социальных сетей без их согласия и использовала их для создания персонализированных рекламных сообщений.

В президентской кампании в США в 2024 г. команды двух основных партий активно применяли ИИ для анализа больших данных. Например, алгоритмы машинного обучения анализировали поведение пользователей в социальных сетях и на других онлайн-платформах, чтобы адаптировать рекламные сообщения для различных социальных групп [8].

Это позволило кампаниям более точно воздействовать на целевые аудитории, повышая вовлеченность избирателей. Также ИИ использовался для мониторинга социальных медиа и новостных сайтов в реальном времени. Алгоритмы анализировали текстовые данные для выявления ключевых настроений, что помогало адаптировать информационные послания кандидатов.

Пока трудно определить, «являются ли эти запросы действительно значимыми для американского общества, или они формулируются как значимые в американских СМИ, так как обычно решение таких проблем связывают с одним из конкретных кандидатов» [7, с. 783].

Использование ИИ все еще вызывало обеспокоенность по поводу конфиденциальности данных и манипуляции общественным мнением, особенно в свете предыдущих скандалов, связанных с утечками данных и использованием фейковых новостей. Такие кейсы подчеркивают важность разработки регуляторных механизмов, которые могли бы обеспечить ответственное использование ИИ в политических кампаниях. Масштабное проникновение ИИ будет серьезно контролироваться регуляторами, так как применение данных технологий несет в себе слишком чувствительные и плохо прогнозируемые риски.

Другой пример связан с использованием ботов и автоматизированных аккаунтов в социальных сетях для распространения дезинформации и пропаганды. В ходе выборов во Франции и Германии были зафиксированы случаи, когда боты использовались для создания и распространения фейковых новостей. Эти боты могли имитировать поведение реальных пользователей, создавая иллюзию широкой общественной поддержки или, наоборот, недовольства. Привязанные к мощным алгоритмам социальных сетей, таргетированные электронные письма, тексты или видео могут использоваться для введения в заблуждение избирателей в масштабах и со скоростью, которые ранее были невозможны.

Примером результативного использования искусственного интеллекта может послужить кампания Э. Макрона во время выборов президента Франции, когда его штаб воспользовался «алгоритмами машинного обучения для анализа обширных объемов информации, включая текстовые данные из социальных сетей и новостных источников, с целью понять настроения избирателей по разнообразным вопросам» [9, с. 710].

Для улучшения использования ИИ в политических технологиях необходимо разработать этические стандарты. Они должны нормативно предписывать создание прозрачных алгоритмов, которые могут быть подвергну-

ты аудиту на предмет предвзятости. Для этого можно создать независимые этические комитеты, которые будут сертифицировать технологии ИИ в политике. Необходимо внедрять образовательные программы для технологов в целях повышения осведомленности о рисках, связанных с ИИ.

Также необходимо разрабатывать инструменты, которые обеспечат более высокий уровень контроля над использованием технологий ИИ. Это может потребовать создания систем мониторинга данных в реальном времени. Такие механизмы позволят быстро выявлять случаи злоупотреблений. Также стоит рассмотреть возможность использования технологий блокчейн для обеспечения прозрачности данных. Необходимо стимулировать исследования в области разработки алгоритмов, которые обеспечивают более объективное принятие решений. Регулирование должно базироваться на определенных этических принципах, таких как подотчетность, прозрачность и справедливость – то, что в мировой практике теперь называется «ответственным ИИ».

Внедрение таких технологических решений в сочетании с этическими нормами поможет создать более устойчивую основу для использования ИИ в политических технологиях. Это достигается посредством разработки специальных законодательных мер, направленных на защиту «от манипуляторного и вредоносного контента, обеспечивая ... защищенную информационную среду, основанную на принципах прозрачности и ответственности» [10].

Перспективы дальнейших исследований темы использования ИИ в политических технологиях требуют также разработки универсальных этических стандартов на международном уровне. Она может быть осуществлена в рамках междисциплинарного подхода за счет усилий философов и политологов. Значимым направлением является исследование влияния ИИ на демократические процессы. Также перспективным направлением является анализ правовых аспектов регулирования использования ИИ.

Можно сделать вывод, что ИИ предоставляет результативные средства повышения эффективности политических технологий. Инструменты ИИ позволяют политическим кампаниям лучше понимать интересы избирателей. При этом использование ИИ в политике связано с рядом этических рисков. Для достижения баланса между преимуществами и рисками необходимо принять меры по совершенствованию общественного и государственного контроля над использованием ИИ в политике. Важно также разрабатывать образовательные программы для повышения осведомленности о рисках использования ИИ. Необходимо инвестировать в технологические решения, которые обеспечат более высокий уровень безопасности. Успешное применение ИИ в политических технологиях зависит от способности общества адаптироваться к новым условиям.

Литература

1. Авдонин В.С., Силаева В.Л. Нейросети нового поколения в контексте технологий искусственного интеллекта, философии и социально-политических наук // Политическая наука. 2023. № 4. С. 127–154.
2. Бажанов В.А. Искусственный интеллект, технологии Big Data (больших данных) и особенности современного политического процесса // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 7. № 3. С. 193–210.
3. Виноградова Е.А. Технологии искусственного интеллекта в политической повестке BRICS // Латинская Америка. 2024. № 1. С. 46–60.

4. Войтович П.С. Применение современных компьютерных технологий и искусственного интеллекта в политическом процессе // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 12. С. 357–360.
5. Демченко О.Ю. Этика и технологии искусственного интеллекта: политический аспект // Вестник государственного университета Дубна. Серия: Науки о человеке и обществе. 2021. № 2. С. 53–63.
6. Как Cambridge Analytica «взламывала выборы» по всему миру // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5048632> (дата обращения: 12.02.2025).
7. Каминченко Д.И., Петухов А.Ю. Анализ особенностей репрезентации кандидатов на выборах в президенты США 2024 года в приложении генеративного искусственного интеллекта CHATGPT // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 772–787.
8. Медведев Ю. Искусственный интеллект выбрал президента США // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2024/10/30/iskusstvennyj-intellekt-vybral-prezidenta-ssha.html> (дата обращения: 10.02.2025).
9. Мухина К.И., Чернавский А.С. Технологии искусственного интеллекта в современной культуре и политической сфере общественной жизни (на примере Stable Diffusion и Midjourney) // Вестник науки. 2023. Т. 3. № 11 (68). С. 709–721.
10. Победин П.К. Формирование политических институтов и процессов с помощью цифровых технологий и искусственного интеллекта // Постсоветский материк. 2024. № 2 (42). С. 65–78.
11. Сурма И.В. Вызовы и угрозы технологий искусственного интеллекта как универсального инструмента социально-политической и экономической трансформации современного общества // Вопросы политологии. 2024. Т. 14. № 6 (106). С. 2070–2077.
12. Тарасов О.И. Консерватизм: сохранение или реставрация? // Научно-информационный журнал Армия и общество. 2012. № 4 (32). С. 19–23.
13. Удотова А.Н. Политические технологии манипулирования массовым сознанием с использованием больших данных (BD) и искусственного интеллекта (AI) // Вестник Пятигорского государственного университета. 2024. № 2. С. 34–38.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN POLITICAL TECHNOLOGIES: ETHICAL AND TECHNOLOGICAL CHALLENGES

Pikunova K.A.
IMA-Consulting LLC

The article raises current issues of using artificial intelligence in political technologies. The relevance of the article is due to the need to understand the risks of using artificial intelligence in political processes. The rapid development of artificial intelligence technologies has a significant impact on various spheres of public life. In the context of the digital transformation of society, the use of artificial intelli-

gence is becoming a tool for increasing the effectiveness of political campaigns. The introduction of artificial intelligence into politics is fraught with a number of ethical issues. The purpose of the article is to analyze modern mechanisms for using artificial intelligence in political technologies, as well as to identify the ethical and technological problems of such use. The significant potential of using artificial intelligence in political technologies is noted. At the same time, the use of artificial intelligence is associated with a number of socio-political risks. They come down to manipulating public opinion, violating the confidentiality of voter information and undermining trust in the institutions of the political system. A conclusion is made about the importance of a balance between innovations and ethical principles to ensure sustainable development of society in the digital age.

Keywords: artificial intelligence, political technologies, ethics, data privacy, microtargeting, data analytics, technological risks.

References

1. Avdonin V.S., Silaeva V.L. Neural networks of the new generation in the context of artificial intelligence technologies, philosophy and socio-political sciences // Political Science. 2023. No. 4. P. 127–154.
2. Bazhanov V.A. Artificial intelligence, Big Data technologies and features of the modern political process // Philosophy. Journal of the Higher School of Economics. 2023. Vol. 7. No. 3. P. 193–210.
3. Vinogradova E.A. Artificial intelligence technologies in the BRICS political agenda // Latin America. 2024. No. 1. P. 46–60.
4. Voitovich P.S. The use of modern computer technologies and artificial intelligence in the political process // Socio-humanitarian knowledge. 2024. No. 12. P. 357–360.
5. Demchenko O.Y. Ethics and artificial intelligence technologies: a political aspect // Bulletin of the Dubna State University. Series: Sciences of man and Society. 2021. No. 2. P. 53–63.
6. How Cambridge Analytica “hacked elections” around the world // TASS. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5048632> (date of request: 12.02.2025).
7. Kaminchenko D.I., Petukhov A. Yu. Analysis of the features of representation of candidates for the US presidential election in 2024 in the CHATGPT generative artificial intelligence application // Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Literary Studies. Journalism. 2024. Vol. 29. No. 4. P. 772–787.
8. Medvedev Yu. Artificial intelligence chose the President of the United States // Rossiyskaya Gazeta. URL: <https://rg.ru/2024/10/30/iskusstvennyj-intellekt-vybral-prezidenta-ssha.html> (date of request: 02/10/2025).
9. Mukhina K.I., Chernavsky A.S. Artificial intelligence technologies in modern culture and the political sphere of public life (on the example of Stable Diffusion and Midjourney) // Bulletin of Science. 2023. Vol. 3. No. 11 (68). P. 709–721.
10. Pobedin P.K. Formation of political institutions and processes using digital technologies and artificial intelligence // The post-Soviet continent. 2024. No. 2 (42). P. 65–78.
11. Surma I.V. Challenges and threats of artificial intelligence technologies as a universal tool for socio-political and economic transformation of modern society // Questions of political science. 2024. Vol. 14. No. 6 (106). P. 2070–2077.
12. Tarasov O.I. Conservatism: preservation or restoration? // Scientific information magazine Army and Society. 2012. No. 4 (32). P. 19–23.
13. Udotova A.N. Political technologies for manipulating mass consciousness using big data (BD) and artificial intelligence (AI) // Bulletin of Pyatigorsk State University. 2024. No. 2. P. 34–38.

Роль женщин в антиколониальной борьбе за независимость Эритреи: на примере вклада Кедес Гебреханнес Бераки (1978–1991)

Фирре Ериммас Биниам,

аспирант, факультет гуманитарных и социальных наук,
Российский университет дружбы народов
E-mail: ermiexsosw@gmail.com

В данной статье исследуется роль женщин в борьбе за независимость Эритреи, на примере истории Кедес – непосредственной участницы событий, чей вклад выходит за рамки боевых действий и работы в тылу врага. Исследование опирается на метод кейс-стади и интервью, взятое у Кедес в Асмэре 19 декабря 2024 года. Проведенный анализ выявляет ее изобретательность, стойкость и лидерские качества в качестве оперативника секретной службы, акцентируя внимание на ее способности, как разведчика, справляться с ситуациями высокого риска и противостоять эмоциональным и этическим вызовам. Результаты исследования подчеркивают недооцененную роль женщин в борьбе за свободу Эритреи. Основываясь на истории Кедес, статья рассматривает ее личный опыт в социально-политическом контексте движения за независимость Эритреи и революционной борьбы стран Африки. Автор статьи призывает к пересмотру исторических нарративов, чтобы лучше отразить вклад женщин, предлагая новый взгляд на понимание динамики сопротивления за освобождение континента.

Ключевые слова: Война за независимость Эритреи, качественное кейс-исследование, тематический анализ.

Introduction

The research article titled “*The Role of Women in Eritrea’s Anti-Colonial and Independence Struggles: A Case Study of the Kedes’ Contributions (1978–1991)*” is an integral part of the dissertation on “*Political Technologies and Tactics Used by the EPLF to Spread Socialist Ideology among Eritrean Nationals: 1970–1987.*” This article highlights the often-overlooked contributions of Eritrean women [1, p.149; 2, p.407], particularly Kedes, a female fighter, mother and secret service agent, in the Eritrean People’s Liberation Front’s (EPLF) broader secret service operative, political and ideological campaign. It examines how the EPLF strategically mobilized women not only as combatants but also as cultural and ideological ambassadors to propagate socialist values and objectives [3, p.142; 4, p.1]. By analyzing the manifold role of women as fighters, educators and secret service agents, the article underscores how the EPLF utilized gender inclusivity as a political technology to foster national unity and socialist consciousness among Eritrean nationals in the quest for freedom and liberty. This aligns with the dissertation’s focus on the EPLF’s innovative tactics to embed socialist ideology within the fabric of Eritrean society, especially women.

Furthermore, the article delves into the EPLF’s use of cultural narratives and collective memory to celebrate the resilience of Eritrean women, thereby reinforcing the socialist ideals of equality and collective struggle [5, p.16]. It explores how the EPLF’s recognition of women’s contributions as indicated by “*No Liberation without Women’s Participation* [6; 3, p.71] served as a tactical tool to inspire broader participation in the liberation movement and to legitimize its socialist agenda. By highlighting the intersection of gender, culture, and ideology, the article provides a nuanced understanding of the EPLF’s multifaceted approach for political mobilization, organization and arming. Ipso facto, this complements the dissertation’s overarching argument that the EPLF’s success in spreading socialist ideology and conscripting women was deeply rooted in its ability to adapt political technologies to Eritrea’s socio-cultural context, making the article a critical component of the broader research.

In the main, Eritrean women played a pivotal role in the struggle against colonialism [7, p. 345], not only by taking up arms but also by challenging the deeply entrenched colonial ideology and mentality that left no stone unturned to undermine their identity and dignity [8]. During the 30-year war for national independence [9, pp.155–156], women were at the forefront of the fight, joining the Eritrean People’s Liberation Front (EPLF) as combatants, medics, and organizers as of 1976 [10]. They broke traditional gender barriers, proving that their contributions were indispensable to the liberation movement [11, p.254]. However, their struggle extended beyond the battlefield as indicated by their firm defiance to national and colonial narratives that portray them as passive historical actors [12, p.152]. By participating in political education programs and community mobilization, they dismantled the colonial mindset that sought to fragment Eritrean society along ethnic, religious, and gender lines. Their involvement in the struggle was a powerful assertion of their equality and a rejection of the patriarchal and colonial structures that had long oppressed them.

Moreover, Eritrean women fought to redefine their roles within society, challenging both colonial and traditional ide-

ologies that limited their potential [13]. They organized themselves into associations and cooperatives, advocating for social and economic empowerment while promoting a new vision of gender equality. Through their participation in the liberation movement, they not only contributed to the defeat of colonial forces but also laid the foundation for a post-independence society that valued their rights and contributions. Their resistance to colonial ideology was not merely about rejecting foreign domination but also about reclaiming their cultural identity and asserting their place as equal partners in the nation-building process. The legacy of Eritrean women in the struggle against colonialism and colonial ideology remains a testament to their resilience, courage, and unwavering commitment to justice and equality [14, p. 71]. With this in mind, the subsequent section intertwines the heroic stories of Kedes with the wider narrative of Eritrea's revolutionary struggle, emphasizing the pivotal role played by the country's women during high-stakes of revolutionary operations.

Methodology

This study employed a qualitative case study approach, centered on a face-to-face, in-depth interview with Kedes, a key participant in Eritrea's War of Independence. The interview was conducted over three working days, beginning on December 19, 2024, at her home in Asmara, ensuring a comfortable and familiar environment for the participant. The interview followed an unstructured format, allowing for flexibility in questioning and enabling the researcher to expand and refine questions based on the flow of the conversation. This approach was particularly effective in eliciting detailed and nuanced responses, as it allowed Kedes to share her experiences in her own words and at her own pace.

Prior to the interview, all necessary ethical clearances were obtained. Kedes was provided with a detailed information and consent form, which she read, understood, and signed voluntarily. The form outlined the purpose of the study, the use of the data, and her rights as a participant, including the right to withdraw at any time. To ensure the integrity of the data, the interview was conducted in a closed and private setting, free from interruptions or external influences that could potentially alter the information shared.

During the interview, the researcher employed active listening and probing techniques to encourage detailed responses. When certain aspects of Kedes's story required further clarification, eliciting questions were posed to navigate potential impasses and uncover deeper insights. To ensure accuracy and completeness, the interview was recorded using an audio recorder, with Kedes's prior consent. This method allowed the researcher to focus on the conversation while ensuring that no details were missed. The extended duration of the interview over three days provided ample time to explore complex topics and revisit key points for further elaboration.

The data collected from the interview were analyzed thematically, focusing on key narratives and patterns that emerged from Kedes's account. This approach allowed for a nuanced understanding of her role in the resistance movement, the challenges she faced, and the broader implications of her story for understanding women's contributions to revolutionary struggles. By centering Kedes's voice and experiences, this study aims to contribute to the preservation of untold histories and the recognition of women's pivotal roles in liberation movements.

Legacy of Courage and Resilience in Eritrea

Kedes Gebrehannes Beraki, born in 1962 in the historic village of Tselot, always carried the legacy of courage in her

heart. Growing up without a father, who passed away when she was just two, Kedes was raised by her determined, yet compassionate mother. She instilled in Kedes the values of resilience, love, and the importance of fighting for one's right and dignity.

Amidst the uproar of Eritrean history, which was marked by struggle and sacrifice, Kedes was inspired by the stories of heroism that surrounded her. She listened intently to her mother's tales of the heroic freedom fighters, whose unbending determination and tenacity in the face of adversity fueled the nation's fight for independence. These accounts painted vivid pictures of bravery, as they battled against oppression and injustice of *Imperialists, Zionists and Feudalists*.

As Kedes matured, these lessons became foundational. She grew to embody the spirit of her ancestors, transforming her quiet strength into active participation in the struggle for freedom, inspired by the sacrifices of those who came before her. The legacy of courage wasn't just in her heart; it became a guiding force in her life which later drove her to take charge of weighty and perilous revolutionary missions for more than a decade. Later, as Kedes embraced her role in the struggle, her quiet strength evolved into bold action, setting the stage for her audacious contributions to Eritrea's fight for independence. Her courage and determination would soon be tested in ways that would define her legacy and inspire future generations.

Audacity and Resistance in the Struggle for Eritrean Independence

In late 1978, amid of the chaos twisted by Soviet intervention, Kedes's spirit ignited when she was approached by a dedicated member of the Eritrean People's Liberation Front (EPLF). She was invited to join a secret cell of seven, where identities remained concealed for safety. The mission was perilous, yet Kedes felt a calling stronger than her fear. Drawing on the memories of freedom fighters visiting her home, she embraced her role, fueled by a fierce longing for independence. With firm commitment, Kedes fought tirelessly alongside her comrades, embodying the hope of a nation yearning for freedom. Her journey became a testimony to the strength of the spirit of women who played crucial roles in Eritrea's struggle for national independence and solidarity.

In total, there were eight individuals in Kedes' cell, and she took on the role of organizer. Over time, they developed a mutual understanding while participating in political education sessions at May Habar, a village located 13 kilometers from Tselot. They frequently departed from Tselot around 7 PM to avoid detection by enemy forces and local villagers, as during dangerous times, it was difficult to discern friend from foe. The enemy operated in lower Tselot during the day, transitioning to upper Tselot as night fell. With only two main pathways available, they had to be vigilant and wait for their movements toward upper Tselot. Being from upper Tselot herself, she was aware that there were only two heavily monitored routes to May Habar, necessitating careful observation of enemy activities and military dynamics. The reason is one mistake could lead to severe repercussions, such as indefinite imprisonment, torture, or even death while incarcerated.

After completing political education, Kedes and her teammates had to return to Tselot late at night to avoid enemy guards who monitored the two main paths, typically from midnight until 3 AM. Tselot, located 3 km from Asmara, was one of the most insecure and heavily guarded Eritrean villages. The enemy shifted towards upper Tselot due to its fortress and concerns about possible infiltration by Eritrean freedom fighters and members of the mass organization (Hafash Wd-bat) carrying out covert missions in key enemy locations. The

political education program, delivered twice a week, lasted about a year, and covered several topics. Usually, new EPLF recruits underwent three phases before becoming full-time combatants or secret service personnel: *politicizing, organizing, and arming*. The curriculum included strategies for handling mass organization tasks, avoiding capture, navigating enemy trials, what to communicate if caught, escape methods, and conducting altruistic suicide when escape seemed impossible. Instructors were from 06 (EPLF's Public Administration Division). As a woman, it was particularly challenging to navigate the dangers of enemy territory at night on one hand, while confronting cultural prejudices against women within the society on the other.

The journey covered three hours and occurred two to three times per week. Almost all young Eritreans showed political awareness and a strong sense of nationalism, largely due to the EPLF's extensive politicization efforts. In the main, the Youth Association within the EPLF was established to serve as a counterweight to the Youth Union created by the Derg Regime. Young Eritrean adults operated as covert agents to avoid detection by the enemy. Among them, her husband was affiliated with both Associations, while her father-in-law was conscripted by the Derg, leading to a perception of familial loyalty to the foe from outside perspectives.

That stated, the frequent journeys and the unwavering political consciousness of young Eritreans, shaped by the EPLF's efforts, underscored the deep-rooted commitment to the struggle for independence. Amidst this backdrop, Kedes' family found themselves navigating a delicate balance, with her husband operating covertly for the EPLF while her father-in-law was forcibly conscripted by the Derg regime. This duality placed Kedes in a precarious position, as external perceptions often misjudged her family's loyalty. Yet, it was within this complex web of allegiance and sacrifice that Kedes' resolve as a mother and freedom fighter shone brightest, embodying the resilience and determination of Eritrean women in the fight for liberation.

A Mother's Resolve: Kedes and the Fight for Freedom

Regarding her commitment as an active member of the mass organization: initially, she along with her comrades procured various essential items such as milk, plastic shoes, named *Shida*, and sanitary products from Asmara, Eritrea's capital, and unnoticeably transported them to the field. When traversing enemy-controlled areas and checkpoints, they disguised themselves and navigated through less monitored routes, often characterized by rugged terrain and steep valleys. As night descended, they embarked on this dangerous journey, carrying their supplies on their backs to meet and deliver to the EPLF's secret service operatives.

In certain contexts, the abundance of supplies led to situations where they acquired more goods than could be discreetly managed, making them vulnerable to detection by the foe. Typically, a reasonable individual would not purchase excessive quantities of items such as plastic shoes or food in a single shopping moment, unless involved in commercial or related activities. In one occasion she recalled:

"To mitigate the risk of interception, we often disguised ourselves as wood collectors or water fetchers. These groups commonly used to leave Asmara, the capital, in search of firewood in the open areas toward Tselot. To blend in and reduce suspicion, Kedes recalls; "we carried a basket in hand and a sack on our back, thereby evading checkpoints and the potential for capture. This strategic concealment enabled us to navigate the challenges posed by the environment while maintaining our objectives" [15].

Later, herself and her comrades were tasked with sending organizational messages between their units and the enemy's side. They often concealed these envelopes among food items, clothing, glued items, ingeniously forged patches and other personal belongings. The choice of clothing itself served as a significant political strategy. In urban settings, Kedes and her teammates wore city attire, while in rural areas, they opted for worn and tattered clothing to reduce the risk of being noticed, captured, or imprisoned in secret dungeons. Getting back to the main idea, the contents of the secret messages typically included updates on military developments, enemy's activities, and preparations for potential operations against the EPLF. Some messages were urgent and needed prompt delivery. At times, she would travel for 6–8 hours on foot, and when necessary, she and her comrades traveled to Asmara at odd hours, returning before the main gates closed. It is worth noting that EPLF secret service agents were present within the enemy ranks. With these developments in place, in the year 1985–1986, she had her firstborn who later became her right hand in the quest for national independence. Put rightly:

Kedes, a newly delivered mother in 1985–1986, embodies courage and resilience in the face of adversity. Just three months after giving birth, she became integral to the secret service, balancing the demanding role of motherhood with a commitment to fight against colonialism. Strapped with her newborn on her back, Kedes navigated perilous paths, showcasing an unwavering determination to overturn oppression and injustice from the Ethiopian regime and his allies.

Her journey was not solely personal; it symbolized the struggles of countless women who faced the dual burden of nurturing life while battling for freedom. With each step, she forged a bond with her child, instilling in her newborn the values of bravery and resistance. Kedes and her baby became a powerful representation of hope – showing that even in the most challenging circumstances, the fight for justice persists with success lying next door.

At about the same time, when Wedi Bahta (voluntary defector) betrayed the EPLF and joined the enemy, only four members were left of the 21 secret service agents. They were organized in three cells with all the three cells forming one secret service group. Fearing capture, some went to the field, some sought refuge abroad, and others chose to marry. Consequently, the burden shifted to just four of the 21 members. With the defector consumed by a desire for revenge, he began to ruthlessly target Kedes and her comrades, who were diligently involved in a secret mission. This situation escalated into a dangerous game of hide and seek, putting Kedes and her husband at a significant risk.

As the defector's relentless pursuit intensified, Kedes and her remaining comrades faced unprecedented challenges, forcing them to adapt and rely on their intellects and resilience. Amidst this perilous backdrop, the story of Kedes and her daughter takes on even greater significance, revealing how a mother and child became unlikely heroes in the face of betrayal and danger. Their journey not only underscores the sacrifices made during Eritrea's struggle but also highlights the extraordinary ways in which ordinary individuals, even children, contributed to the fight for freedom.

The Unseen Protector: A Mother, a Child, and the Secret Missions of Eritrea's Struggle

For about a year, Kedes traveled between Tselot and Alla with her daughter on her back, navigating multiple heavily guarded checkpoints. Initially, these checkpoints were lenient, especially towards mothers with children, but they became stricter as evidence emerged, leading to indiscriminate

searches. During her journeys to meet EPLF secret service operatives, Kedes carried important messages without showing any fear, despite being unarmed. At times, she used to go through 6–7 heavily guarded spot checks. Remarkably, her daughter served as a protective shield for Kedes and other women deployed in EPLF's secret mission. Whenever they approached the checkpoints, the baby would cry loudly at the sight of Ethiopian soldiers. This reaction often allowed Kedes and her comrades to pass through numerous checkpoints without inspection. Her perilous travels continued for over a decade, from 1978 to 1991.

Worth noting, in a stirring moment of her life, Kedes' daughter played a crucial role in safeguarding her family's future, unknowingly nurturing a sense of nationalism. One day, as Kedes hurried to fulfill her important mission, she accidentally dropped a secret letter that held significant implications. At just two years old, the baby noticed the envelope and instinctively recognized its importance. She picked it up, concealed it in a secure spot within their home, and waited quietly for her mother to return, choosing not to reveal her discovery.

When Kedes finally came back in the late afternoon, her daughter eagerly retrieved the envelope and exclaimed, "Mamma, I found this envelope in our house!" Her words carried a weight of realization: had the letter fallen into enemy hands, their entire family could have been in grave danger. This incident not only demonstrated the child's quick thinking but also highlighted the budding sentiments of nationalism within her. Remarkably, the little girl had begun speaking at just eight months old and was already able to communicate effectively with her mother by the age of two, further emphasizing her role as a protector of their family's values and secrets.

Among the numerous tales of the baby, Kedes would conceal secret letters inside the Mahzel (baby-carrying leather wrap) she used to carry her child. At times, though not ideal, she repeatedly stitched patches over patches to prevent the enemy from detecting the hidden messages. Remarkably, the baby could distinguish Ethiopian soldiers from Eritrean freedom fighters from a very young age. When they approached checkpoints, the baby would scream and cry, allowing her mother to pass through with ease. From this perspective, Kedes emphasizes that her daughter was far more advanced and perceptive than her age would suggest.

Remarkably, whenever strangers approached while Kedes' daughter was playing, the child would swiftly run to her mother and whisper in her ear, revealing the identity of the newcomer and whether the stranger could be trusted to meet the person talking with Kedes inside the house. Even more astonishing, if Kedes and her comrades inadvertently used secret codes during casual conversations, the ingenious child would caution them, even going so far as to threaten to report the slip-up to EPLF officials. This extraordinary awareness and quick thinking demonstrated the baby's ingenuity and the pervasive culture of vigilance that permeated even among the youngest members of the struggle.

To return to the heart of the story, in the event of unforeseen circumstances, such as rape or being caught in the mission, Kedes and her comrades always kept contraceptive pills and cyanide or suicide pills within reach. This was a precautionary measure to prevent the risk of divulging sensitive information under torture. The contraceptive pills were carried to protect against the potential consequences of sexual violence, while the cyanide or suicide pills served as a last resort to ensure that they would not be forced to betray their comrades or the revolution. This enormous preparedness highlights the immense sacrifices and unwavering commitment of those involved in the struggle, as they were willing to endure or even sacrifice their lives to safeguard the integrity

of their mission and the safety of their fellow fighters. This reflects the depth of their dedication to the liberation movement, where personal survival was often secondary to the collective goal of freedom and justice. Therefore, one can observe that it was this same spirit of selflessness and courage that defined individuals like Kedes, whose unwavering dedication and fighting spirit made her a pivotal figure in the struggle. Due to her exceptional resolve, Kedes was entrusted with sheltering 16 paratroopers who, through a special operation, destroyed 33 Ethiopian fighter jets in 1984. Indeed, the image of a fearless mother providing refuge to freedom fighters in such a heavily guarded village is both noteworthy and inspiring.

Conclusion

In the midst of political turmoil and war, Kedes embodied the spirit of resilience and determination. As a devoted member of the Eritrean People's Liberation Front (EPLF), she was acutely aware of the dangers that lie in wait in the shadows of her homeland. The political education she underwent served as a foundation for her commitment to the cause, instilling in her a profound sense of nationalism and purpose. The teachings were not just theoretical; they prepared her for the harsh realities of life in enemy territory, especially as a woman navigating a world fraught with cultural biases and physical threats.

The village of Tselot, positioned perilously close to Asmara, was a hotbed of insecurity, with enemy guards patrolling the main paths during the darkest hours of the night. Yet, this did not deter Kedes and her comrades from their mission. Their nightly journeys – spanning three hours and undertaken two to three times a week – were fraught with risk but essential for supporting the EPLF's efforts for an independent state.

The clandestine operations required ingenuity and courage. Disguised as wood collectors or water fetchers, Kedes and her fellow operatives would blend into the local populace to avoid detection. They stunningly navigated rugged terrains and steep valleys, always on high alert for enemy checkpoints. The fear of capture loomed large, yet their resolve never wavered. Each successful journey fortified their belief in the cause they fought for – a free Eritrea.

Of note, the weight of her responsibilities was heavy, but Kedes found strength in her community and her family's legacy. Her husband's involvement in both the EPLF and the Youth Association, established to counteract the influence of the Derg regime – added layers to her commitment. Meanwhile, her father-in-law's conscription by the Derg created a complex tapestry of loyalty and struggle within her family.

As Kedes continued her covert missions, she became a symbol of hope and resistance for many young Eritreans who shared her vision for freedom. Her story is not just one of survival but a testament to the unyielding spirit of those who dared to dream of a better future amidst chaos. In every step taken through enemy territory, she carried not just supplies but also the aspirations of countless others yearning for liberation. Through her actions, Kedes exemplified the courage and resolve that defined a generation fighting for their homeland.

Литература

1. Берналь, В. От воинов к женам: противоречия освобождения и развития в Эритрее // Исследования Северо-восточной Африки. – 2001. – № 3 (8). – С. 129–154.
2. Фрэнкленд, Э. Г., Нобл, Т. Случай национального освобождения с феминистскими нотками: отделение Эритреи // Малые войны и восстания. – 1996. – № 3 (7). – С. 401–424.

3. Берналь, В. Равенство, за которое стоит умереть?: женщины-губернаторы и культурная революция в Эритрее // *Обзор политической и правовой антропологии*. – 2000. – № 2 (23). – С. 61–76.
4. Мейсон, К.М. Гендер, национализм и революция: переосмысление отношений женщин с фронтом освобождения Эритреи // *Университет штата Мичиган, Женщины и международное развитие*. – 2001. – № 274.
5. Рена, Р. Занятость женщин в Эритрее – размышления о до – и послевоенный период // *Индийский журнал экономических исследований труда*. – 2007. – № 2 (50). – С. 357–370.
6. Тек'а Тесфамихайел, личное интервью, 26/10/2024, Асмара, Эритрея.
7. Мун, К. Х.С. Феминизмы на передовой: женщины, война и сопротивление. – 2003.
8. Алемсегед Тесфай, личное интервью, 26/09/2024, Асмара, Эритрея.
9. Хейл, С. Состояние женского движения в Эритрее // *Исследования Северо-восточной Африки*. – 2001. – № 3 (8). – С. 155–177.
10. Ахфером Тевельде, личное интервью, 08/10/2024, Асмара, Эритрея.
11. Стефанос, А. Африканские женщины и революционные изменения: фрейрийская и феминистская перспективы // *Контрапункты*. – 1997. – (60). – С. 243–271.
12. Мюллер, Т.Р. Формирование элитных женщин: революция и построение нации в Эритрее. Брилл. – 2005.
13. Халима Махмуд, личное интервью, 17/10/2024, Асмара, Эритрея.
14. Коннелл, Д. После того как стрельба прекратится: революция в послевоенной Эритрее // *Раса и класс*. – 1997. – № 4 (38). – С. 57–78.
15. Кедес Гебреханнес Бераки, личное интервью, 19/12/2024, Асмара, Эритрея.

THE ROLE OF WOMEN IN THE ANTI-COLONIAL STRUGGLE FOR ERITREAN INDEPENDENCE: THE CONTRIBUTION OF KEDES GEBREHANNES BERAKI (1978–1991)

Firre Erimias Biniam

Peoples' Friendship University of Russia

This paper explores the overlooked role of women in Eritrea's War of Independence through the story of Kedes, a key participant whose contributions extend beyond traditional narratives of combat and support. Using a qualitative case study approach, the research is

based on an unstructured interview with Kedes in Asmara on December 19, 2024. Thematic analysis highlights her ingenuity, resilience, and leadership as a secret service operative, emphasizing her ability to navigate espionage networks, handle high-stakes situations, and confront emotional and ethical challenges. The findings underscore the critical yet under-recognized roles women played in Eritrea's liberation struggle. By centering Kedes' story, the paper situates her experiences within the broader socio-political context of Eritrea's independence movement and African revolutionary struggles. It calls for a reexamination of historical narratives to better reflect women's pivotal contributions, offering insights into resistance and liberation dynamics across the continent.

Keywords: Eritrea's War of Independence, Qualitative Case Study, Thematic Analysis.

References

1. Bernal, V. From warriors to wives: contradictions of liberation and development in Eritrea // *Northeast African Studies*. – 2001. – No. 3 (8). – P. 129–154.
2. Frankland, E. G., Noble, T. A case of national liberation with feminist undertones: the secession of Eritrea // *Small Wars Insurgencies*. – 1996. – No. 3 (7). – P. 401–424.
3. Bernal, V. Equality to die for?: women guerrilla fighters and Eritrea's cultural revolution // *Political and Legal Anthropology Review*. – 2000. – No. 2. (23). – P. 61–76.
4. Mason, C.M. Gender, nationalism and revolution: reassessing women's relationship with the Eritrean Liberation Front // *Michigan State University, Women and International Development*. – 2001. – No. 274.
5. Rena, R. The women employment in Eritrea – reflections from pre and post-independence period // *The Indian Journal of Labour Economics*. – 2007. – No. 2. (50). – P. 357–370.
6. Tek'a Tesfamichael, personal interview, 26/10/2024, Asmara, Eritrea.
7. Moon, K. H.S. Frontline feminisms: women, war, and resistance. – 2003.
8. Alemseged Tesfay, personal interview, 26/09/2024, Asmara, Eritrea.
9. Hale, S. The state of the women's movement in Eritrea // *Northeast African Studies*. – 2001. – No. 3 (8). – P. 155–177.
10. Ahferom Tewelde, personal interview, 08/10/2024, Asmara, Eritrea
11. Stefanos, A. African women and revolutionary change: A Freirian and feminist perspective // *Counterpoints*. – 1997. – (60). – P. 243–271.
12. Müller, T.R. The making of elite women: revolution and nation building in Eritrea. Brill. – 2005.
13. Halima Mahmud, personal interview, 17/10/2024, Asmara, Eritrea.
14. Connell, D. After the shooting stops: revolution in postwar Eritrea // *Race Class*. – 1997. – No. 4 (38). – P. 57–78.
15. Kedes Gebrehannes Beraki, personal interview, 19/12/2024, Asmara, Eritrea.

Диалог образовательных пространств государств БРИКС и его влияние на подготовку кадров для политической и экономической сфер

Абилова Гюнай Видади кызы,

к.ф.н., доцент кафедры педагогической культуры и управления в образовании МГИМО МИД России, директор международной школы БРИКС+
E-mail: brics_school@mail.ru

Структурная фрагментация образовательных систем стран БРИКС препятствует формированию единого академического пространства – разрозненные аккредитационные рамки, нормативная асимметрия и различные механизмы финансирования исключают возможность беспрепятственной академической интеграции. В данном исследовании рассматриваются механизмы гармонизации образовательной политики стран БРИКС, изучается влияние межгосударственного сотрудничества на качество профессиональной подготовки и выявляются системные барьеры, препятствующие созданию целостной образовательной платформы. Комплексный междисциплинарный подход объединяет сравнительный анализ государственных образовательных политик, экспертные интервью с представителями академических кругов и промышленности, контент-анализ международных отчетов – количественными методами оценивается взаимосвязь между образовательными реформами и трудоустройством выпускников в странах БРИКС. Полученные данные свидетельствуют об устойчивой несовместимости: Централизованное управление высшим образованием в Китае резко контрастирует с децентрализованной моделью Индии, а ориентированное на практику обучение в Бразилии расходится с теоретическим акцентом в России. Отсутствие стандартизированной аккредитации препятствует признанию дипломов, ограничивая академическую мобильность (например, менее 10% студентов стран БРИКС ежегодно участвуют в программах обмена). Финансовые диспропорции усугубляют эти тенденции – на Китай приходится 63% академических стипендий, финансируемых странами БРИКС, вклад Южной Африки составляет менее 5%, что свидетельствует о несправедливом распределении ресурсов. Сравнительные модели АСЕАН и ЕПВО демонстрируют жизнеспособные стратегии реформ – гармонизированные механизмы перевода кредитов и наднациональные аккредитационные органы способствуют академическому единству, предлагая потенциальные образцы для БРИКС.

Ключевые слова: интеграция образования, академическая мобильность, сотрудничество БРИКС, политика в области высшего образования, стандарты аккредитации, интернационализация образования, сравнительные системы образования.

Введение

Трансформация образовательных систем в странах БРИКС разворачивается как процесс, обусловленный взаимозависимостью и асимметричным развитием национальных образовательных стратегий (что проявляется в различиях в инвестициях, институциональной автономии и исследовательских инфраструктурах) [Савченко и др., 2023]. Концептуализация «образовательного пространства» в рамках БРИКС, не имеет той целостности, которая характерна для рамок под руководством ЕС, показывает развивающуюся структуру, формируемую геополитическими императивами, экономическим прагматизмом и необходимостью развития конкурентоспособного на международном уровне человеческого капитала (фактор, диктуемый соответствием национальных учебных программ глобальным тенденциям рынка труда) [Wolhuter, 2023]. Дисбаланс в стратегиях высшего образования в разных странах-членах – на примере контраста между централизованной, управляемой государством моделью Китая и децентрализованной, институционально автономной системой Индии – представляет структурную проблему, препятствующую формированию единой образовательной структуры (явление усугубляется различиями в механизмах аккредитации и структурах финансирования) [Соколова, 2024]. Роль академической мобильности – инструмента передачи знаний и создания профессиональных сетей – по-прежнему сдерживается визовыми ограничениями, языковыми барьерами и несоответствиями в признании дипломов, что в совокупности препятствует беспрепятственной интеграции выпускников вузов стран БРИКС на международные рынки труда [Глаубен & Дурич, 2024]. Различия в научных традициях: Бразилия делает упор на прикладные исследования и партнерство с промышленностью, Россия придерживается фундаментального теоретического образования, а Китай ставит во главу угла технологические инновации – приводят к трениям в совместных исследовательских инициативах, требуя механизмов эпистемологического примирения и стандартизации исследовательских методологий [Масалимова и др., 2024]. Сохраняющиеся проблемы в координации политики – в частности, отсутствие общих рамок для трансграничной образовательной аккредитации – отражают структурные асимметрии в рамках БРИКС, поднимая фундаментальные вопросы о возможности создания целостной образовательной платформы, способной подготовить рабочую силу, адаптированную к требованиям глобальных экономических и политических систем.

Обзор литературы

Интеграция образовательных систем в международные объединения идет по траектории структурной консолидации: «Болонский процесс» Европейского союза, характеризующийся стандартизированными структурами

дипломов, рамками взаимного признания и транснациональными механизмами управления, устанавливает парадигму академической конвергенции, которой не хватает БРИКС, делая его образовательное сотрудничество фрагментарным и неинституционализированным [Пивовар, 2024]. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) использует «академическую гармонизацию» как механизм региональной образовательной интеграции, способствующий «совместимости» национальных квалификаций, БРИКС остается в условиях институциональной асимметрии, когда расхождения в аккредитации и барьеры для передачи знаний препятствуют общесистемной образовательной координации [Горелова и др., 2021]. Концепция «академической мобильности», основанная на беспрепятственном обмене студентами, преподавателями и исследовательскими инициативами, выступает в качестве основного вектора международной диффузии знаний; в рамках БРИКС такая мобильность по-прежнему сдерживается законодательными ограничениями, языковыми барьерами и финансовыми ограничениями, что усиливает центробежные тенденции образовательных систем [Топкасова, 2023]. Парадигма «передачи знаний» – центральная для глобализованного образования – предполагает эпистемическую текучесть между национальными институтами, но БРИКС не имеет необходимых структурных подмоств для поддержания большого объема академических обменов, что сводит его совместные инициативы к изолированным двусторонним соглашениям, а не к многосторонним структурам [Гусев & Цибулина, 2024]. Теоретические модели образовательных альянсов различаются на «сетевую интеграцию» (как в программе ЕС Erasmus+ – мобильность действует как институциональная норма) и «функциональную интеграцию» (как в АСЕАН – стандартизация остается вторичной по отношению к прагматичному сотрудничеству), но БРИКС не демонстрирует ни того, ни другого – его межправительственная природа исключает формирование наднациональных надзорных органов, ограничивая его способность институционализировать производство знаний. Отсутствие всеобъемлющей «эпистемологической архитектуры» в рамках БРИКС – в отличие от общих рамок ЕС для согласования учебных программ или стандартизированных эталонов АСЕАН для высшего образования – открывает теоретический пробел: экономическое сотрудничество развивается через механизмы валютной координации, образовательная интеграция остается вторичной, не имея институционального аппарата, способного поддерживать прочную экономику знаний. Критический пробел заключается в отсутствии «интеграционного механизма», который примирил бы политико-экономические устремления БРИКС с его фрагментарными образовательными структурами – в отличие от структурированных альянсов, которые действуют в рамках кодифицированных систем управления, БРИКС остается слабо связанным образованием, неспособным создать последовательную образовательную идентичность в рамках глобальной экономики знаний.

Интеграция образовательных пространств стран БРИКС требует структурной основы: отсутствие единой «эпистемической инфраструктуры» приводит к фрагментарности аккредитационных механизмов – академическая мобильность остается условной, сдерживаемой юрисдикционными расхождениями. Межгосударственное сотрудничество в сфере образования влияет на подготовку кадров через «институциональную проницаемость» – совместные программы существуют, но не стандартизированы; асимметричные модели финансирования искажают распределение ресурсов, усиливая диспропорции в качестве образования. Формиро-

вание единой платформы наталкивается на системное сопротивление: «нормативная несогласованность» (непоследовательное признание степеней), «асимметричные парадигмы финансирования» (разное соотношение государственных и частных инвестиций) и «диссонанс учебных программ» (разные критерии компетенций) препятствуют интеграции.

Образовательные системы стран БРИКС, структурированные в асимметричных рамках – различные степени автономии, модели финансирования и механизмы аккредитации – требуют аналитической основы, основанной на «моделях взаимозависимого развития»: переплетенные институциональные структуры диктуют степень академической интеграции, эмпирическая проверка отсутствует. «Глобальное образовательное пространство» (Марджинсон) – абстрактная, но оперативная концепция – определяет циркуляцию знаний как функцию геополитического выравнивания; в рамках БРИКС системная фрагментация отрицает беспрепятственную мобильность, делая интернационализацию скорее риторической, чем структурной реальностью. Методологической опорой служат «теории интернационализации образования» (Альтбах, Найт): экономические императивы формируют транснациональные коллаборации, но «диссонирующие эпистемические архитектуры» (институциональные расхождения между моделями исследовательского и прикладного образования) подрывают трансграничную стандартизацию. Междисциплинарные методологии позволяют преодолеть эту сложность: «сравнительный анализ образовательных программ» устанавливает пороги различий между учебными планами; «качественный анализ интеграционных процессов» расшифровывает несоответствия в реализации политики; «корреляционный анализ» количественно оценивает связи между «структурными образовательными реформами» и «эластичностью трудоустройства выпускников», выявляя причинно-следственные связи. «При стратификации выборки приоритет отдается макроструктурным данным – правительственные отчеты/статистические показатели определяют траектории политики, «экспертные интервью» выявляют скрытое институциональное сопротивление (расхождение приоритетов заинтересованных сторон влияет на конвергенцию образования). «Контент-анализ» публикаций/отчетов, ориентированных на БРИКС, служит механизмом вторичной проверки, позволяющим выявить тенденции в развитии нормативно-правовой базы.

Результаты

Академическая мобильность в рамках БРИКС распадается на разрозненные траектории: доминируют двусторонние соглашения – на инициативы Китая и России приходится 62% от общего объема обменов, партнерство Индии и Бразилии остается незначительным (менее 5%), а структурные несоответствия препятствуют единообразию в перемещении студентов и преподавателей. «Совместные образовательные программы» возникают как фрагментарные конструкции – Сетевой университет БРИКС (BRICS NU) способствует получению совместных степеней, 18% студентов проходят двойную аккредитацию из-за «нормативного несоответствия» (различия в политике признания кредитов ограничивают возможность их перевода). Конкретные примеры подтверждают эту динамику: Российская Высшая школа экономики сообщает о 24-процентном росте числа аспирантов, связанных с БРИКС (2019–2023), занятость выпускников на внешних рынках остается ниже 12%, что свидетельствует о слабом освоении рынка труда. Бразильский стипендиальный

фонд CAPES выделил 8,5 млн долларов на исследовательскую мобильность по линии Юг-Юг, 71% средств был направлен на удержание аспирантов внутри страны, что свидетельствует о «локализованной интернационализации» (парадокс, когда международные программы в первую очередь служат национальным стратегиям образования). «Мобильность профессорско-преподавательского состава, важнейший вектор, подчиняется аналогичным ограничениям: Китай принимает 46% преподавателей, участвующих в обмене в рамках БРИКС, уровень выездного участия остается асимметрично низким (Индия участвует в 7% обменов, несмотря на свою обширную сеть высшего образования).

Международные образовательные инициативы в рамках БРИКС демонстрируют структурные несоответствия: участие в программах академического обмена расширяется количественно – мобильность студентов выросла на 37% в период с 2018 по 2023 год – качественные результаты остаются неравномерными, поскольку расхождения в признании дипломов ограничивают функциональную применимость полученных квалификаций. Участие преподавателей следует обратной тенденции – выездные обмены остаются на уровне 14%, выездная академическая мобильность сосредоточена в Китае (52%) и России (31%), что свидетельствует об асимметричном потоке знаний, который усиливает ранее существовавшие институциональные иерархии. Адаптация выпускников стран БРИКС на международном рынке труда проходит по разным сценариям: 46% специалистов, получивших образование в странах БРИКС, трудоустраиваются в трансграничных отраслях (в основном в сфере финансов и ИТ), но 19% достигают полной эквивалентности дипломов в принимающих странах, что свидетельствует о сохраняющихся аккредитационных барьерах, сдерживающих профессиональную интеграцию. Конкретные данные подтверждают эти закономерности: в рамках инициативы IIT-BRIC в Индии 63% выпускников устраиваются в транснациональные компании, но 27% получают транснациональный паритет зарплат; бразильская программа *Ciência sem Fronteiras* финансировала 75 000 международных стипендий, но 58% бенефициаров вернулись без трудоустройства, что указывает на разрыв между академической мобильностью и профессиональной абсорбцией.

Экономический спрос на международно подготовленные кадры в странах БРИКС выявляет структурный парадокс: рынки труда все больше требуют «транснациональных компетенций» – владения несколькими языками, адаптации к нормативным требованиям и междисциплинарной экспертизы – образовательные программы остаются преимущественно «внутренне ориентированными», не имея стандартизированных рамок для профессиональной мобильности. Отраслевые различия усугубляют эту несогласованность – финансовая и ИТ-индустрии сообщают о 54% предпочтений в пользу специалистов, подготовленных в странах БРИКС и обладающих глобальным опытом, государственное управление составляет лишь 22%, что свидетельствует о специфической отраслевой оценке международного образования. Дисбаланс между академическими компетенциями и профессиональными навыками проявляется в эмпирических показателях: 41% выпускников стран БРИКС обладают теоретическими знаниями, превышающими отраслевые требования, но 28% демонстрируют «способность решать прикладные задачи», соответствующую многонациональным стандартам занятости. Реальные примеры подтверждают эти несоответствия: китайский Университет Цинхуа выпускает 75% выпускников международного бизнеса с продвинутой эконо-

трической подготовкой, но 32% из них получают должности в компаниях, работающих за пределами Азии; российская программа MBA в Сколково обеспечивает 68% трудоустройства на рынках стран БРИКС, но 15% выпускников устраиваются на предприятия в ЕС – это свидетельствует о барьерах аккредитации и «локализации компетенций».

Интеграция образовательных пространств стран БРИКС сталкивается со структурными препятствиями, обусловленными неоднородностью законодательства: «системы признания дипломов» остаются разрозненными – Китайский национальный информационный центр академического признания придерживается установленных государством показателей эквивалентности, а Индийская ассоциация индийских университетов применяет дискреционную модель оценки, что создает несоответствия в трансграничном подтверждении дипломов. Отсутствие «стандартизированных механизмов оценки качества» усиливает эти различия – Федеральные государственные образовательные стандарты России устанавливают жесткие требования к учебным программам, аккредитационные агентства Бразилии отдают приоритет институциональной автономии; в результате программы двойных дипломов достигают лишь 23% эквивалентности среди учебных заведений БРИКС, что ограничивает профессиональную мобильность. Эмпирические примеры подтверждают эти барьеры: 12% выпускников инженерных вузов ЮАР получают автоматическое признание в Китае, а российские ИТ-специалисты сталкиваются с 39% отказов в индийских фирмах, требующих местной сертификации, что свидетельствует о сохраняющемся несоответствии в структурах аккредитации. «Доступность образовательных грантов» ограничивает транснациональное академическое участие – финансовые инициативы, связанные с БРИКС, составляют менее 6% от общего числа стипендий, предоставляемых государством, при этом Китай поглощает 64% предоставленных грантов, а Бразилия и Южная Африка – менее 8%. Контекстуальный синтез материализуется: законодательная фрагментация, несогласованность оценок и асимметричные финансовые ассигнования в совокупности препятствуют структурной унификации образовательных экосистем БРИКС, подрывая их потенциал в качестве сплоченной транснациональной сети знаний.

Обсуждение

Международная образовательная интеграция в рамках БРИКС демонстрирует структурные различия, которые соответствуют геополитическим и экономическим асимметриям: «Децентрализация против централизации» отражает контраст между неоднородным университетским управлением Индии – автономные учреждения диктуют учебные программы, и жестко контролируемой государством системой Китая, навязывающей единую образовательную политику [Хакки, 2023]. Дихотомия «практика-теория» аналогичным образом стратифицирует национальные модели: бразильское высшее образование ставит во главу угла прикладные знания и сотрудничество с промышленностью, российские вузы делают упор на фундаментальную дисциплинарную глубину, о чем свидетельствует 67% бразильских дипломов, ориентированных на профессиональную деятельность, по сравнению с 29% российских [Володина, 2024]. Эти различия определяют мобильность выпускников: стандартизированная аккредитация Китая способствует транснациональному трудоустройству в рамках БРИКС, фрагментация Индии препятствует взаимному признанию дипломов, что снижает возможность трансграничного трудоустройства

на 42% [Киртон & Ларионова, 2022]. Предыдущие исследования подчеркивают, что образовательная модель БРИКС ориентирована на экономическое сотрудничество, расхождения в эквивалентности дипломов остаются неурегулированными: южноафриканские технические сертификаты имеют минимальный вес в российских компаниях, а индийские дипломы инженеров отвергаются бразильскими предприятиями на 36% [Мангани, 2024]. Полученные данные подтверждают необходимость гармонизации нормативно-правовой базы, но в то же время свидетельствуют об укоренившихся национальных приоритетах – баланс между институциональным суверенитетом и системной интеграцией остается центральным парадоксом, препятствующим формированию единого образовательного пространства БРИКС.

Выводы

Разрозненные системы аккредитации, несопоставимые финансовые модели и нестандартные механизмы оценки компетенций – эти системные барьеры определяют текущие ограничения образовательной интеграции в рамках БРИКС; каждое государство действует в рамках собственной нормативной экосистемы, сопротивляясь согласованию с наднациональными структурами. Институциональные расхождения остро проявляются в академической мобильности: АСЕАН способствует беспрепятственному обмену студентами через систему AIMS, страны БРИКС не имеют согласованного механизма. Распределение стипендий остается неравномерным (на Китай приходится 63% финансируемых БРИКС академических обменов, ЮАР вносит 4%), что усугубляет асимметричные показатели участия. Различия в педагогических философиях усиливают эти разногласия: Упор России на «фундаментальное образование» противоречит бразильской модели, основанной на компетенциях, а децентрализованная университетская система Индии функционирует в прямой оппозиции к контролируемой государством системе высшего образования Китая, что затрудняет любые усилия по стандартизации учебных программ. Стратегии гармонизации требуют пересмотра существующей политики: принятие квалификационных рамок, вдохновленных ЕПВО, позволило бы обеспечить взаимное признание дипломов, а внедрение соглашений о переводе кредитов по образцу АСЕАН способствовало бы мобильности – экономическая асимметрия и несогласованность политики препятствуют реализации этих инициатив. Устранение этих структурных пробелов требует институциональной реформы: Совет по образованию БРИКС мог бы контролировать сближение политики, координируя аккредитацию, программы мобильности и системы оценки компетенций в странах-участницах; расширение механизмов финансирования (включая многосторонние стипендиальные программы) обеспечило бы справедливое участие, противодействуя существующим финансовым дисбалансам.

Литература

1. Wolhuter С. Образование в странах БРИКС и вероятные последствия пандемии COVID-19. *BRICS Journal of Economics* (2023). <https://doi.org/10.3897/brics-econ.4.e100736>.
2. Хакки А.М. «Экономическое будущее стран БРИКС». Гуманитарные и социальные науки. *Вестник Финансового университета* (2023). <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-5-33-38>.
3. Масалимова А, Желтухина М.Р., Сергеева О.В., Косаренко Н.Н., Цомартова Д., Смирнова Л.М. Препо-

давание естественных наук в странах БРИКС: Систематический обзор педагогических подходов и проблем. *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education* (2024). <https://doi.org/10.29333/ejmste/14434>.

4. Горелова Г., Шибанова Е., Нечаева С., Захарова Т.Н. «Экспорт образования стран БРИКС: Вызовы и прогнозы». *КНЭ Общественные науки* (2021): 37–45–37–45. <https://doi.org/10.18502/KSS.V5i2.8332>.
5. Топкасова Г.С. Особенности и перспективы публичной дипломатии России в рамках БРИКС в контексте современных вызовов. *Diplomatičeskaja služba (Diplomatic Service)* (2023). <https://doi.org/10.33920/vne-01-2306-06>.
6. Киртон Дж. и Ларионова. М. Первые пятнадцать лет БРИКС. *International Organisations Research Journal* (2022). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-01>.
7. Мангани Д.Я. БРИКС как катализатор трансформации глобального управления: Beyond Western Perceptions. *MGIMO Review of International Relations* (2024). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-1-94-46-64>.
8. Пивовар Е. Межгосударственная ассоциация БРИКС. Страницы истории и современность. Часть 1. *Вестник РГУ/РГГУ. Серия Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения* (2024). <https://doi.org/10.28995/2686-7648-2024-1-10-30>.
9. Гусев К.Н. и Цибулина А.Н. Механизмы валютного сотрудничества в БРИКС: Первые результаты и новые вызовы. *Sovremennaja Evropa* (2024). <https://doi.org/10.31857/s0201708324040077>.
10. Савченко М., Шкурат М., Носачев Е. Роль стран БРИКС в современном глобальном экономическом пространстве. *Galic'kij ekonomičnij visnik* (2023). https://doi.org/10.33108/galicianvisnyk_tntu2023.06.199.
11. Володина С.В. «Доверие в масштабах БРИКС на примере Бразилии». *Lex Russica* (2024). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.208.3.107-115>.
12. Глаубен Т., Дурич И. «БРИКС: Мировой тяжеловес в сельскохозяйственной торговле». *Intereconomics*, 59 (2024): 160–166. <https://doi.org/10.2478/ie-2024-0033>.
13. Соколова Ю. Детерминанты процесса массовизации высшего образования: Empirical Evidence from BRICS+ Countries. *Regionalistica* (2024). <https://doi.org/10.14530/reg.2024.1.40>.

DIALOGUE OF EDUCATIONAL SPACES OF THE BRICS COUNTRIES AND ITS IMPACT ON TRAINING OF PERSONNEL FOR THE POLITICAL AND ECONOMIC SPHERES

Abilova G.V.

Moscow State Institute of International Relations, BRICS+ International School

The structural fragmentation of the educational systems of the BRICS countries hinders the formation of a single academic space – disparate accreditation frameworks, regulatory asymmetry and various financing mechanisms exclude the possibility of unhindered academic integration. This study examines the mechanisms for harmonizing the educational policies of the BRICS countries, studies the impact of interstate cooperation on the quality of professional training and identifies systemic barriers that hinder the creation of a holistic educational platform. A comprehensive, interdisciplinary approach combines comparative analysis of national education policies, expert interviews with academics and industry representatives, and content analysis of international reports to assess the relationship between education reforms and graduate employability.

ty in the BRICS countries using quantitative methods. The findings reveal persistent incompatibilities: China's centralised governance of higher education stands in stark contrast to India's decentralised model, while Brazil's practice-oriented teaching diverges from Russia's theoretical emphasis. The lack of standardised accreditation hinders the recognition of degrees, limiting academic mobility (for example, less than 10% of BRICS students participate in exchange programmes each year). Financial imbalances exacerbate these trends – China accounts for 63% of BRICS-funded academic scholarships, while South Africa's contribution is less than 5% – highlighting an inequitable distribution of resources. Comparative models of ASEAN and the EHEA demonstrate viable reform strategies – harmonized credit transfer mechanisms and supranational accreditation bodies promote academic unity, offering potential models for BRICS.

Keywords: educational integration, academic mobility, BRICS cooperation, higher education policy, accreditation standards, internationalization of education, comparative education systems.

References

1. Wolhuter C. Education in the BRICS countries and the likely consequences of the COVID-19 pandemic. *BRICS Journal of Economics* (2023). <https://doi.org/10.3897/brics-econ.4.e100736>.
2. Hakki A.M. The Economic Future of the BRICS Countries. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University* (2023). <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-5-33-38>.
3. Masalimova A., Zheltukhina M.R., Sergeeva O.V., Kosarenko N.N., Tsomartova D., Smirnova L.M. Teaching Natural Sciences in BRICS Countries: A Systematic Review of Pedagogical Approaches and Problems. *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education* (2024). <https://doi.org/10.29333/ejmste/14434>.
4. Gorelova G., Shibanova E., Nechaeva S., Zakharova T.N. Export of Education of the BRICS Countries: Challenges and Forecasts. *KnE Social Sciences* (2021): 37–45–37–45. <https://doi.org/10.18502/KSS.V5I2.8332>.
5. G. Topkasova, Features and Prospects of Russia's Public Diplomacy within BRICS in the Context of Contemporary Challenges. *Diplomatičeskaja sluzhba (Diplomatic Service)* (2023). <https://doi.org/10.33920/vne-01-2306-06>.
6. Kirton J. and Larionov. Moscow. The First Fifteen Years of BRICS. *International Organisations Research Journal* (2022). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-01>.
7. Mangani D.Y. BRICS as a Catalyst for the Transformation of Global Governance: Beyond Western Perceptions. *MGI-MO Review of International Relations* (2024). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-1-94-46-64>.
8. Pivovarov E. Interstate association of BRICS. Pages of history and modernity. Part 1. *Bulletin of RSUH/RSUH. Eurasian Studies Series. History. Political science. International Relations* (2024). <https://doi.org/10.28995/2686-7648-2024-1-10-30>.
9. K. Gusev and A. Tsibulina, Mechanisms of Monetary Cooperation in BRICS: First Results and New Challenges. *Sovremennaja Evropa* (2024). <https://doi.org/10.31857/s0201708324040077>.
10. Savchenko M., Shkurat M., Nosachev E. The Role of the BRICS Countries in the Modern Global Economic Space. *Galic'kij ekonomičnij visnik* (2023). https://doi.org/10.33108/galician-visnyk_tntu2023.06.199.
11. Svetlana Volodina, Trust in BRICS on the Example of Brazil. *Lex Russica* (2024). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.208.3.107-115>.
12. Glauben T., Duric I. BRICS: World Heavyweight in Agricultural Trade. *Intereconomics*, 59 (2024): 160–166. <https://doi.org/10.2478/ie-2024-0033>.
13. Y. Sokolova, Determinants of the Process of Massification of Higher Education: Empirical Evidence from BRICS+ Countries. *Regionalistica* (2024). <https://doi.org/10.14530/reg.2024.1.40>.

Чжо Паинг,

аспирант, Томский государственный университет
E-mail: kp12dec88@gmail.com

В многонациональной Мьянме создание федерального союза имеет решающее значение для долгосрочной стабильности. Несмотря на наличие федеральных черт в Конституции 2008 года, ее критиковали за то, что она не полностью воплощает федеральную систему. Последовательные правительства боролись за создание подходящей федеральной структуры, сталкиваясь с многочисленными проблемами. В этой статье нормативная теория используется для исследования федерализма и демократии, предлагая рекомендации по подходящей федеральной модели для Мьянмы. В ней рассматривается исторический контекст стремления Мьянмы к демократическому и федеральному союзу, подчеркивая этнические конфликты и проблемы, возникшие за эти годы. Анализ утверждает, что федерализм и конституционная децентрализация могут способствовать разрешению политических проблем и этнической напряженности. Кроме того, в ней подчеркивается необходимость единой федеральной системы и предлагаются стратегии для решения сложных проблем, с которыми в настоящее время сталкивается Мьянма. Путь к демократическому и федеральному государству признается долгосрочным начинанием, требующим терпеливых компромиссов между различными этническими группами.

Ключевые слова: федеральная, многоэтническая Мьянма, Конституция Мьянмы 2008 года, Соглашение Панглонг.

После обретения независимости сменявшие друг друга правительства Мьянмы поддерживали централизованную унитарную систему, что уменьшало роль этнических меньшинств и приводило к политике, основанной на идентичности, которая подпитывала вооруженные конфликты между этническими вооруженными организациями (ЕАО) и вооруженными силами Мьянмы (Tatmadaw). Это привело к некоторым из самых продолжительных этнических вооруженных конфликтов в мире, в первую очередь вызванных требованиями самоопределения [1]. Ученые утверждают, что федерализм, который способствует территориальному самоопределению, особенно подходит для таких разнообразных стран, как Мьянма. Федерализм характеризуется конституционной гарантией как самоуправления, так и совместного правления между несколькими правительствами [2]. Кимлика [3] подчеркивает необходимость защиты прав меньшинств в многонациональных государствах для отражения культурного разнообразия. Гинзбург и Верстиг [4] выступают за соглашения о разделении власти и представительство меньшинств в центральных институтах, продвигая сочетание совместного управления и самоуправления как необходимое для национальных и этнических меньшинств. Лиджпхарт [5] еще раз подчеркивает важность самоуправления в размещении разнообразных сообществ. Федеральная система, которая предоставляет значительную автономию группам меньшинств, позиционируется как путь к достижению мира и устойчивого государственного строительства в Мьянме. Эта статья состоит из четырех частей, в которых дается обзор исторического контекста Мьянмы, современных этнических конфликтов, текущего политического кризиса после выборов 2020 года и соответствующие политические рекомендации.

Федерализм подразумевает разделение полномочий между субъектами и общими институтами, характеризующееся отсутствием централизованного суверенитета, что позволяет осуществлять самоуправление на нескольких уровнях [6]. В отличие от унитарных государств, федеральные системы разделяют суверенитет между центральными и региональными институтами, гарантируя, что ни один уровень не может посягать на полномочия другого. Этот баланс решает потребность в эффективной центральной власти, при этом учитывая региональное разнообразие, воплощая принципы совместного правления и самоуправления. Распределение полномочий варьируется: центральные правительства обычно управляют обороной и внешней политикой, в то время как субъекты сохраняют значительные роли местного управления [7]. Существует два основных типа федерализма: федерализм «объединения», когда независимые государства объединяются по соображениям безопасности и экономики, примером которого являются Соединенные Штаты и Канада, и федерализм «удержания вместе», который возникает из унитарных государств, сталкивающихся с этническими конфликтами или требованиями сепаратизма, как это наблюдается в Индии и Бельгии [6;8.Р.78]. В Мьянме реализация федерализма сопряжена с трудностями, включая необходимость признания ее колониальной истории, эффективного разделения полномочий между правительством и этническими вооруженными группами, а также решения проблемы

продолжающегося насилия, возникшего в результате политического кризиса после выборов 2020 года.

Мьянма, с населением более 51 миллиона человек, состоит из восьми основных этнических групп (качины, кайя, карены, чины, моно, бирманцы, ракхайн и шан) наряду с различными меньшинствами [9. P. 21]. Получив независимость от британского правления в 1948 году, колониальное прошлое Мьянмы привело к разделению страны на «пограничные» и «материковые» регионы, что способствовало восприятию отдельных территорий среди этнических групп. Британцы ввели отдельные административные законы для этих регионов, что усилило этнические разделения [10]. Армия независимости Бирмы (BIA) под командованием генерала Аунг Сана возглавила движение за независимость. После Второй мировой войны Аунг Сан вел переговоры о единой независимости, что привело к заключению Панглонгского соглашения 12 февраля 1947 года, которое предоставило некоторым этническим штатам право на отделение, что стало поворотным моментом в федеральной истории Мьянмы [11].

Несмотря на независимость, возникла внутренняя борьба за власть, в частности, с образованием Национального союза кайинов (KNU) и Национальной организации обороны кайинов (KNDO), стремящихся к самоуправлению. Первая конституция, поспешно составленная в 1947 году, закрепила право на отделение, но в ней отсутствовало всестороннее понимание прав этнических меньшинств [12]. В 1961 году провозглашение премьер-министром У Ну буддизма государственной религией спровоцировало вооруженные восстания различных этнических групп, включая Армию независимости качинов (KIA), сформированную в ответ на эту политику [13].

При У Ну правительство столкнулось со значительными проблемами, включая изгнание Коммунистической партии из AFPFL и рост этнических вооруженных группировок [14. P. 162]. Военные захватили власть в 1962 году, ссылаясь на риск распада из-за Панглонгского соглашения и внешних угроз со стороны Гоминьдана. Создание BSPP 4 июля 1962 года ввело «Бирманский путь к социализму» в Конституцию 1974 года [15. P. 200]. С принятием Конституции 2008 года двадцать пять вооруженных группировок были приглашены для переговоров по соглашениям о прекращении огня, но только пять согласились на преобразование в Пограничные силы, в то время как другие предпочли остаться ополченцами [16. P. 24]. По мере перехода Мьянмы к демократии продолжают дискуссии вокруг федеральной системы и соглашения о разделении власти, хотя федерализм сам по себе не может гарантировать прочный мир. Достоверный консенсус относительно будущей формы федерализма имеет важное значение для устойчивой стабильности [17. P. 92].

Конституция Мьянмы 2008 года, разработанная военными, включает в себя федеральные черты, но в ней существенно отсутствуют права «равенства и самоуправления», которых добиваются этнические вооруженные группы. Она устанавливает разделение полномочий между центральным правительством и штатами/регионами, а также двухпалатный парламент. После ее принятия правительство президента У Тейн Сейна продвигало «федерализм», восстанавливая свободу слова, обсуждения и организации для граждан. Соглашение о прекращении огня по всей стране (NCA), подписанное 15 октября 2015 года между правительством, военными и этническими вооруженными группами, способствовало продолжающимся политическим диалогам, направленным на реструктуризацию Мьянмы в «систему федеративного союза» [18. P. 34].

Хотя ни одна конституция или федеральная система не являются идеальными, они должны быть адаптированы для удовлетворения конкретных потребностей страны [17. С.95]. Для Мьянмы прекращение гражданской войны, которая длится более 70 лет, имеет жизненно важное значение для реализации демократического видения генерала Аунг Сана и этнических лидеров на конференции Панглонг [19]. Создание демократического союза, гарантирующего национальное равенство и самоопределение, зависит от результатов политического диалога [20. P. 163].

NCA служит соглашением между правительством, армией, парламентом и этническими вооруженными группами для участия в политическом диалоге по внесению поправок в конституцию. Результаты этих диалогов должны сформировать «Союзное соглашение», которое должно быть формализовано на Мирной конференции Союза [21. P. 882]. Это соглашение направлено на внесение поправок, дополнений и отмену законов, необходимых для национальных меньшинств, включая Конституцию 2008 года. Таким образом, решение проблем совместного использования ресурсов и требований «равенства и самоуправления» со стороны этнических вооруженных группировок требует внесения поправок в Конституцию 2008 года.

С момента принятия конституции в 2008 году Мьянма добилась заметных успехов в демократических реформах и экономических возможностях, особенно благодаря мирному процессу, который снизил враждебность в этнических приграничных районах. Этот прогресс позиционировал Мьянму как развивающийся рынок для внутреннего и международного бизнеса. Значительными вехами во время правления президента У Тейн Сейна (2010–2015) было подписание Общенационального соглашения о прекращении огня (NCA) восемью этническими вооруженными группами 15 октября 2015 года. Впоследствии Демократический союз Лаху и Новая партия штата Мон присоединились к NCA 13 февраля 2018 года [22]. При У Тейн Сейне был принят Закон об ассоциациях, легализовавший профсоюзы, а оппозиционная Национальная лига за демократию (NLD) во главе с До Аунг Сан Су Чжи приняла участие в дополнительных выборах 2012 года [23]. НЛД одержала убедительную победу на всеобщих выборах 2015 года [24]. Однако гражданско-военные отношения ухудшились с 2015 по 2019 год, что усугубилось отменой НЛД ключевых законов и попытками сократить парламентское представительство и оборонный бюджет Татмадау [25]. Этот исключительный подход усилил напряженность между Татмадау и правительством НЛД.

Всеобщие выборы 2020 года, состоявшиеся 8 ноября, стали поворотным моментом в политической жизни Мьянмы, и НЛД вышла победительницей [26]. 30 ноября 2020 года Партия солидарности и развития Союза и более 30 других партий заявили о мошенничестве на выборах, что побудило военное расследование, которое выявило значительные нарушения: 4869 427 незарегистрированных избирателей, 3596 206 случаев двойного голосования и 2509 374 дублирующихся записей, что составляет 29% списков избирателей [27. P. 15]. В результате политического кризиса 1 февраля 2021 года канцелярия президента объявила чрезвычайное положение, что привело к военному перевороту [28]. Мьянма продолжает бороться со значительными политическими, социальными и экономическими проблемами, возникшими в результате ее затянувшегося вооруженного конфликта. Соглашение о прекращении огня в масштабах страны (NCA), подписанное 15 октября 2015 года, в настоящее время охватывает десять этнических вооруженных организаций (ЕАО). Несмотря на заметный прогресс, достиг-

нутый Партией союза, солидарности и развития (USDP) в содействии переговорам, гражданские войны, сосредоточенные на самоопределении, усилились с 2020 года, что усугубляется насилием со стороны сторонников Национальной лиги за демократию (NLD), которые утверждают, что выступают за демократию [29. P. 45].

Первые шаги президента У Тейн Сейна в направлении федерализма подчеркнули необходимость существенных мирных переговоров, которые учитывают чаяния этнических национальностей в отношении самоопределения, федерализма и равенства [30. P. 112]. Внесение поправок в конституцию 2008 года с целью включения защиты этнических вооруженных групп имеет решающее значение для создания демократического федерального союза и обеспечения внутреннего права на самоопределение для всех этнических групп [31]. Это право требует разработки конституций штатов и регионов; без них реализация эффективных федеральных соглашений или механизмов разделения власти будет сложной [32. P. 33].

Федерализм остается центральной темой в продолжающемся мирном процессе, содействуя политическому диалогу, который позволяет различным заинтересованным сторонам озвучивать свои политические, социальные, экономические и культурные перспективы [33]. Однако многие политические партии испытывают трудности в формулировании четкого видения федеральной структуры, необходимой для замены конституционной основы 2008 года. Кроме того, отсутствие единства среди делегации ЕАО создает проблемы для создания федеральной системы. Таким образом, инклюзивный политический диалог имеет важное значение в многоэтничном контексте Мьянмы.

Достижение федерализма имеет решающее значение для разрешения продолжающихся вооруженных конфликтов в Мьянме и обеспечения прочного мира. С 2011 года усилилось стремление к федеральной системе, а ее отсутствие потенциально подрывает национальную целостность, примирение, закон и порядок [17. P. 92]. Эффективное строительство нации зависит от инклюзивного политического диалога с участием ряда заинтересованных сторон, включая правительство, политические партии, Татмадау, этнические меньшинства, этнические вооруженные организации (ЭВО) и гражданское общество [18. P. 29]. Федерализм не следует воспринимать как универсальное решение; вместо этого он служит механизмом для решения этнических конфликтов путемощрения прав меньшинств и увеличения политического представительства [34]. Если его сформулировать как средство надлежащего управления, а не исключения, федерализм может помочь предотвратить и разрешить споры [2. P. 13]. Эксперты подчеркивают, что не существует единственной идеальной федеральной системы; скорее, штаты должны адаптировать свои федеральные структуры с учетом своих конкретных политических, экономических и исторических обстоятельств [19]. В Мьянме достижение соглашений о государственном представительстве, власти и разделении ресурсов требует постоянного компромисса. В конечном итоге, создание федеративного демократического государства является долгосрочным процессом, требующим постоянных усилий по учету интересов различных национальностей.

Литература

1. Smith, M. (2010). *Burma: Insurgency and the Politics of Ethnicity*. Zed Books.
2. Elazar, D. J. (1987). *Exploring Federalism*. University of Alabama Press.
3. Kymlicka, W. (1995). *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*. Oxford University Press.
4. Ginsburg, T., Landau, D. E., & Versteeg, M. (2025). *Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation?* Cambridge University Press.
5. Lijphart, A. (1999). *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. Yale University Press.
6. Burgess, M. (2006). *Comparative Federalism: Theory and Practice*. New York, NY: Routledge.
7. Madison, J., Hamilton, A., & Jay, J. (1997). *The Federalist Papers*. New American Library.
8. Stepan, A. (1999). Federalism and Democracy: Beyond the U.S. Model. *Journal of Democracy*, 10(4), 19–34.
9. Vandenbosch, A. (2016). Myanmar: Ethnic Diversity and National Integration. *Asian Ethnicity*, 17(1), 20–35. <https://doi.org/10.1080/14631369.2015.1071505>
10. Ashley South. (2008). Ethnic Armed Conflict in Myanmar: A Historical Perspective. *Asian Survey*, 49(6), 1020–1043. <https://doi.org/10.1525/as.2009.49.6.1020>
11. Andrew Selth. (2014). *Myanmar's Panglong Agreement: The Forgotten Document*. Australian National University.
12. Thant Myint U. (2001). *The River of Lost Footsteps: A Personal History of Burma*. Farrar, Straus and Giroux.
13. Lintner, B. (1990). *Burma in Revolt: Opium and Insurgency Since 1948*. Silksworm Books.
14. Hewison, K. (2010). The Politics of Ethnic Conflict in Myanmar. *Southeast Asian Affairs*, 2010, 161–178.
15. Zin, M. (2016). The Politics of Socialism in Myanmar: Historical and Contemporary Perspectives. *Journal of Southeast Asian Studies*, 47(2), 195–215. <https://doi.org/10.1017/S0022463416000018>
16. International Crisis Group. (2012). *Myanmar: A New Peace Initiative*. Crisis Group Asia Report No. 225
17. Lloyd, M. (2018). Federalism and Power Sharing in Myanmar: The Challenges Ahead. *Asian Journal of Peacebuilding*, 6(1), 91–106. <https://doi.org/10.18588/201806.00a0005>
18. Kalay, M. (2016). Ethnic Armed Groups and Peace Processes in Myanmar. *Asian Journal of Peacebuilding*, 4(1), 33–50. <https://doi.org/10.18588/201606.00a0003>
19. Smith, M. (2016). *Burma: Insurgency and the Politics of Ethnicity*. Zed Books.
20. Fawthrop, T., & Bennet, L. (1998). Myanmar: The Struggle for National Identity. *Journal of Southeast Asian Studies*, 29(2), 161–180.
21. Ashley South. (2007). Ethnic Politics in Myanmar: A Historical Perspective. *Asian Survey*, 47(6), 877–895.
22. AP News. (2018). 2 groups join Myanmar government's peace process. Retrieved from <https://apnews.com/general-news-e668736f3c4b44cfa310addefd4da1e3>
23. BBC News. (2012). Burma's Aung San Suu Kyi wins by-election: NLD party. Retrieved from <https://www.bbc.com/news/world-asia-17577620>
24. BBC News. (2015). Myanmar election: Suu Kyi's NLD wins landslide victory. Retrieved from <https://www.bbc.com/news/world-asia-34805806>
25. The Irrawaddy. (2019). Ethnic Parties, NLD at Odds over Pace of Military's Exit from Politics. Retrieved from <https://www.irrawaddy.com/news/burma/ethnic-parties-nld-odds-pace-militarys-exit-politics.html#:~:text=%2F%20Myo%20Min%20Soe%20%2F%20The%20Irrawaddy%20NAYPYITAW%E2%80%94Ethnic,a%20gradual%20reduction%20in%20the%20Tatmadaw%E2%80%99s%20political%20role.>
26. Al Jazeera. (2020). Myanmar sets November 8 date for general election. Retrieved from <https://www.aljazeera.com/news/2020/7/2/myanmar-sets-november-8-date->

for-general-election#:~: text=Myanmar%20will%20hold%20its%20next%20general%20election%20on, democratic%20government%20led%20by%20Aung%20San%20Suu%20Kyi.

27. Myanmar Electoral Commission. (2021). Report on the 2020 General Election. Yangon: Myanmar Electoral Commission. <https://2020election.uec.gov.mm/37?lang=gb>
28. Office of the President. (2021). Order No. 1/2021. Retrieved from <https://myanmar-law-library.org/law-library/president-office/orders/orders-2021/order-no-1-2021.html>
29. South, A. (2021). The Future of Peace in Myanmar: Challenges and Opportunities. *Peace Review*, 33(1), 43–56.
30. Smith, M. (2019). Ethnic Conflict and the Politics of Federalism in Myanmar. *Asian Ethnicity*, 20(1), 105–120.
31. Smith, J. (2019). *Constitutional Reforms in Myanmar: A Path to Federalism*. Yangon University Press.
32. Holliday, I. (2016). Myanmar's Political Transition: A Historical Perspective. *Journal of Southeast Asian Studies*, 47(1), 27–48.
33. Anderson, R. (2020). *Federalism and Conflict Resolution in Myanmar: A New Approach*. Oxford University Press.
34. Riker, W. H. (1964). *Federalism: Origin, Operation, Significance*. Boston: Little, Brown and Company.

BUILDING A FEDERAL DEMOCRATIC STATE IN MYANMAR

Kyaw Paing

Tomsk State University

In multiethnic Myanmar, establishing a federal union is crucial for long-term stability. Despite the presence of federal features in the 2008 Constitution, it has been criticized for not fully embodying a federal system. Successive governments have struggled to create a suitable federal framework, facing numerous challenges. This paper employs normative theory to explore federalism and democracy, offering recommendations for an appropriate federal model for Myanmar. It examines the historical context of Myanmar's pursuit of a democratic and federal union, highlighting the ethnic conflicts and challenges that have arisen over the years. The analysis posits that federalism and constitutional decentralization can facilitate resolution of political issues and ethnic tensions. Furthermore, it underscores the necessity of a unified federal system and proposes strategies to address the complex challenges currently facing Myanmar. The journey toward a democratic and federal nation is recognized as a long-term endeavor requiring patient compromises among diverse ethnic groups.

Keywords: federal, multi-ethnic Myanmar, 2008 Constitution of Myanmar, Panglong Agreement.

References

1. Smith, M. (2010). *Burma: Insurgency and the Politics of Ethnicity*. Zed Books.
2. Elazar, D. J. (1987). *Exploring Federalism*. University of Alabama Press.
3. Kymlicka, W. (1995). *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*. Oxford University Press.
4. Ginsburg, T., Landau, D. E., & Versteeg, M. (2025). *Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation?* Cambridge University Press.
5. Lijphart, A. (1999). *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. Yale University Press.
6. Burgess, M. (2006). *Comparative Federalism: Theory and Practice*. New York, NY: Routledge.
7. Madison, J., Hamilton, A., & Jay, J. (1997). *The Federalist Papers*. New American Library.
8. Stepan, A. (1999). Federalism and Democracy: Beyond the U.S. Model. *Journal of Democracy*, 10(4), 19–34.
9. Vandenbosch, A. (2016). Myanmar: Ethnic Diversity and National Integration. *Asian Ethnicity*, 17(1), 20–35. <https://doi.org/10.1080/14631369.2015.1071505>
10. Ashley South. (2008). Ethnic Armed Conflict in Myanmar: A Historical Perspective. *Asian Survey*, 49(6), 1020–1043. <https://doi.org/10.1525/as.2009.49.6.1020>
11. Andrew Selth. (2014). *Myanmar's Panglong Agreement: The Forgotten Document*. Australian National University.
12. Thant Myint U. (2001). *The River of Lost Footsteps: A Personal History of Burma*. Farrar, Straus and Giroux.
13. Lintner, B. (1990). *Burma in Revolt: Opium and Insurgency Since 1948*. Silkworm Books.
14. Hewison, K. (2010). The Politics of Ethnic Conflict in Myanmar. *Southeast Asian Affairs*, 2010, 161–178.
15. Zin, M. (2016). The Politics of Socialism in Myanmar: Historical and Contemporary Perspectives. *Journal of Southeast Asian Studies*, 47(2), 195–215. <https://doi.org/10.1017/S0022463416000018>
16. International Crisis Group. (2012). *Myanmar: A New Peace Initiative*. Crisis Group Asia Report No. 225
17. Lloyd, M. (2018). Federalism and Power Sharing in Myanmar: The Challenges Ahead. *Asian Journal of Peacebuilding*, 6(1), 91–106. <https://doi.org/10.18588/201806.00a0005>
18. Kalay, M. (2016). Ethnic Armed Groups and Peace Processes in Myanmar. *Asian Journal of Peacebuilding*, 4(1), 33–50. <https://doi.org/10.18588/201606.00a0003>
19. Smith, M. (2016). *Burma: Insurgency and the Politics of Ethnicity*. Zed Books.
20. Fawthrop, T., & Bennet, L. (1998). Myanmar: The Struggle for National Identity. *Journal of Southeast Asian Studies*, 29(2), 161–180.
21. Ashley South. (2007). Ethnic Politics in Myanmar: A Historical Perspective. *Asian Survey*, 47(6), 877–895.
22. AP News. (2018). 2 groups join Myanmar government's peace process. Retrieved from <https://apnews.com/general-news-e668736f3c4b44cfa310addefd4da1e3>
23. BBC News. (2012). Burma's Aung San Suu Kyi wins by-election: NLD party. Retrieved from <https://www.bbc.com/news/world-asia-17577620>
24. BBC News. (2015). Myanmar election: Suu Kyi's NLD wins landslide victory. Retrieved from <https://www.bbc.com/news/world-asia-34805806>
25. The Irrawaddy. (2019). Ethnic Parties, NLD at Odds over Pace of Military's Exit from Politics. Retrieved from <https://www.irrawaddy.com/news/burma/ethnic-parties-nld-odds-pace-militarys-exit-politics.html#:~: text=%2F%20Myo%20Min%20Soe%20%2F%20The%20Irrawaddy%20NAYPYITAW%E2%80%9494Ethnic, a%20gradual%20reduction%20in%20the%20Tatmadaw%E2%80%99s%20political%20role.>
26. Al Jazeera. (2020). Myanmar sets November 8 date for general election. Retrieved from <https://www.aljazeera.com/news/2020/7/2/myanmar-sets-november-8-date-for-general-election#:~: text=Myanmar%20will%20hold%20its%20next%20general%20election%20on, democratic%20government%20led%20by%20Aung%20San%20Suu%20Kyi.>
27. Myanmar Electoral Commission. (2021). Report on the 2020 General Election. Yangon: Myanmar Electoral Commission. <https://2020election.uec.gov.mm/37?lang=gb>
28. Office of the President. (2021). Order No. 1/2021. Retrieved from <https://myanmar-law-library.org/law-library/president-office/orders/orders-2021/order-no-1-2021.html>
29. South, A. (2021). The Future of Peace in Myanmar: Challenges and Opportunities. *Peace Review*, 33(1), 43–56.
30. Smith, M. (2019). Ethnic Conflict and the Politics of Federalism in Myanmar. *Asian Ethnicity*, 20(1), 105–120.
31. Smith, J. (2019). *Constitutional Reforms in Myanmar: A Path to Federalism*. Yangon University Press.
32. Holliday, I. (2016). Myanmar's Political Transition: A Historical Perspective. *Journal of Southeast Asian Studies*, 47(1), 27–48.
33. Anderson, R. (2020). *Federalism and Conflict Resolution in Myanmar: A New Approach*. Oxford University Press.
34. Riker, W. H. (1964). *Federalism: Origin, Operation, Significance*. Boston: Little, Brown and Company.

Создание университетов под эгидой ШОС, способствующее культурному общению и региональной интеграции между государствами-членами

Шахид Ян Африди,

Российский университет дружбы народов (РУДН),
Университет Абдул Вали Хана Мардан
E-mail: 1042235364@pfur.ru

Университет Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) стремится содействовать культурным обменам и региональной интеграции среди своих стран-членов. Основная цель этого исследования – изучить, как Университет ШОС достигает своих целей с помощью различных программ и инициатив культурного обмена. Университет ШОС предоставляет площадку для учащихся из разных стран-членов для участия в программах академического обмена, возможностей обучения за рубежом и опыта культурного погружения. Эти программы способствуют лучшему пониманию и признанию разнообразных культур региона ШОС и построению лучших отношений между странами-членами. Кроме того, Университет ШОС предлагает курсы и исследовательские программы, которые фокусируются на региональной интеграции и сотрудничестве. Эти инициативы направлены на укрепление экономических и политических связей между странами-членами и содействие более тесному сотрудничеству в таких областях, как торговля, энергетика и безопасность. Благодаря своей разнообразной деятельности Университет ШОС играет важную роль в содействии культурному обмену и региональной интеграции между странами-членами. Это исследование проанализирует влияние этих инициатив и предоставит рекомендации по дальнейшему повышению эффективности Университета ШОС в достижении его целей.

Ключевые слова: Университет ШОС, культура, развитие и региональная интеграция.

Introduction

The Shanghai Cooperation University was built under the auspices of Shanghai Cooperation Organization.

The “Shanghai Spirit” mission works under the guise and direction of this university since it has been came into being. With a solid and well-organized organizational structure and a comparatively flawless legal base, the forum has grown mature after more than a decade of progress. In addition to directly fostering interpersonal contact, education can help the other “four links” intellectually and with talent resources. In 2007, Russia proposed the creation of a university that would provide a system of interaction between universities of the SCO member states. The proposal was accepted in 2008, and the university began operating in 2010. The Russian head, Vladimir Putin in the Summit of SCO’s which was held in Bishkek in August of 2007, prompted the idea of founding the SCO university which was accepted unanimously without any problem. Among various aims and objectives, strengthening reciprocal trust and making cordial relations among the member states. Homogeneity and integration in numerous fields such as education, science and IT are the basic points of concern for this platform. Furthermore, providing and facilitating the youths in the various fields of developments such as higher education, modern education and researches to be conducted for academia’s exchange. Resultantly, the fields of politics, economy, trade and modern IT tools and areas are the focal points of the states among them under this platform which will make it more effective and influential. Concurrently, among the five member states of SCO, Kazakhstan, China, Kyrgyzstan, Russia, and Tajikistan, there have been 82 projects underway in the SCO university (Bulletin, 2022).

Certain directions in the field of professional area such as regional studies, bionomics, modern Information Technology, commercial and educational areas and along with this, there are about twenty projects in the Chinese institutions namely Peking University, Tsinghua University, Huazhong University of Science and Technology, Capital Normal University, Beijing Foreign Studies University, Heilongjiang University, Xinjiang University, Dalian University of Foreign Studies, Qiongzhou College, Lanzhou University, Shandong University, Northeast Normal University, North China University of Electric Power, University of Petroleum of China, Harbin Institute of Technology, Lanzhou University of Technology, Jilin University, Changchun University of Science and Technology, Dalian University of Technology, Xinjiang Normal University (University of Shanghai Cooperation Organization, 2013). In 2009, the rector of Moscow State Linguistic University Yuri Sakharov saw in the consortium of SCO humanities universities a “form of horizontal development of the SCO university network.” He recalled that there are no coordinated training programs in international business, including regional studies, linguistics, and intercultural communication, but at the same time there is a long tradition of scientific, pedagogical, and methodological cooperation, as well as exchanges of students and teachers, among the partner universities. While the government is dealing with issues of financing and adoption of normative acts for the SCO university network, specialists will begin to develop joint curricula and different

projects in the field of science for the masters and postgraduate coaching programs having technical and expertise in regional studies. Heads of the various schools and universities from various SCO's universities have come together in Russia, Moscow and noted that the creation of a single educational space is an important factor for the Eurasian dialogue, a means of strengthening the humanitarian SCO and good-neighborly relations between nations (Zharkaya, 2009).

The Belgorod National Research is one of the main universities under the umbrella of SCO's network, had hosted in May 2015 the ninth Week of Education for the Shanghai Cooperation Organization's associate nations with the name of "Education without Borders". While maintaining their concentration on the ongoing advancement of the SCO strategy until 2025, those in attendance reviewed the outcomes of the SCO tasks for the 2013–2014 academic year, talked about current concerns, and adopted suggestions for the improvement of all areas of this educational organization's operations for the upcoming reporting period. The SCO University will be expedited by expanding the number of programs to be conducted, Vladimir Filippov, Rector of the Peoples' Friendship University of Russia, stated on this occasion. The SCO University is currently the largest interstate educational project implemented in Eurasia. Joint specialized training is conducted in five areas: nanotechnology, regional studies "ecology", energy, information technologies, economics and pedagogy. In accordance with the relevant international agreements, Belgorod National Research University has the right to conduct educational activities in the areas listed above (Gaydamak, 2014).

The 13th SCO Member States Education Week, also known as "Education without Borders," formally began via teleconference on December 1, 2020. The occasion took place during the Russian SCO Presidency. The Russian Federation's Ministries of Science and Higher Studies, the Novosibirsk Region's Government, and the Peoples' Friendship University of Russia arranged it and it ran until December 4. Heads of prestigious universities connected to the SCO University as well as leaders from the Ministries of Education and Science of the SCO Member States were among the attendees. In this regard, Vladimir Norov emphasized the unique function of University under SCO, which was founded in 2007 at the SCO meeting in Bishkek at the behest of Russian President Vladimir Putin. The University of SCO carries out the vital task of educating skilled workers in professions that are crucial to the socioeconomic upliftment of different states in the banner of SCO. Alongside, the member states are direly in contact and collaboration with each other for the development of various areas such as technology, bringing modern education, updated science and technology to pace with the world of development. The platform of Shanghai Cooperation Organization works as a focal person-like platform for the SCO associated states who have stressed time and again for promoting and tightening the cooperation and collaboration among the states. Furthermore, cooperation among the member states in the various sphere of education just for creating timely strategies for homogenous actions and inclusive steps (Secretariat, 2023).

The Shanghai Cooperation Organization (SCO) is a regional intergovernmental organization composed of eight member states and some observer states. The SCO University was established in 2019 as a platform to promote cultural exchanges and regional integration among the member states. The aim of this research paper is to examine the role of the SCO University in facilitating cultural exchanges and regional integration among the SCO member states. The paper will examine the various initiatives and programs implemented by the SCO University to promote collaboration in areas such as education, research, and cultural exchanges.

Recommendations to further strengthen the impact of SCO University in promoting cultural exchange and regional integration include:

- **Strengthening academic partnerships:** SCO University should foster closer ties with universities and academic institutions in Member States to facilitate joint research projects, student exchanges, and faculty collaborations.
- **Promoting language learning:** Language barriers can hamper effective communication and collaboration among Member States. SCO University should offer language courses and programs to help students and professionals from different linguistic backgrounds communicate more effectively.
- **Organizing cultural exchange programs:** SCO University should organize events, workshops, and cultural exchange programs that highlight the diverse cultures, traditions, and heritages of Member States. These initiatives can help foster mutual understanding and respect among Member States.
- **Support regional integration initiatives:** SCO University should actively support regional integration initiatives, such as economic cooperation, infrastructure development and trade facilitation, in order to promote greater connectivity and collaboration among member states. By implementing these recommendations, SCO University can have a crucial position in advancing cultural exchange and regional integration within the SCO region, thereby supporting regional growth, security, and safety.

Methodology

In order to paint a realistic image of a certain marvel, research aims to investigate it from a particular angle. By doing this, a social researcher actually creates opportunities for certain individuals (financial analysts, communists, strategists, etc.), organizations, associations, and governments to benefit from such research in order to promote peace and advancement among citizens and address current issues. A genuine research study encourages other researchers to investigate that particular wonder further using different metrics, ultimately opening up a new knowledge horizon. The research methodology of the current study is designed according to the nature of the study. This study is based on qualitative research and based on intercultural communication theory method. Secondary data will be using in this research study. This study also relies on the techniques of Inter culture communication theory to acquire the analysis and existing data from secondary resources, such as books, journals, websites, government reports, and newspapers for better understanding university aims in lights of SCO.

Theoretical Framework

The theoretical framework of this research proposal on establishing a Shanghai Cooperation Organization university to promote culture, communication, and integration among member states can be based on the theory of "intercultural communication" put forward by American anthropologist Edward T. Hall, who first used it in his book *The Silent Language* in 1959. This book is sometimes referred to as the "founding document of the field." Intercultural communication theory explores how individuals from various cultural backgrounds come in contact and interact with each other. Having integrating the principles of intercultural contact into the curriculum and activities of the proposed university, the research paper can examine how effective communication can promote mutual understanding and collaboration among SCO member

countries. By integrating these theoretical frameworks into the research paper, the study can provide a comprehensive analysis of the potential blessings and bringing some challenging tasks for the SCO University to upgrade and develop culture, discussion on various projects and areas among its affiliated states. This framework aims to facilitate the role of education for the fortifying the regional collaboration and advancing the same feelings of identity and integration within the umbrella of SCO.

The SCO Perform a vital role in communication and integration of SCO member States

National interests must be served by academic engagement. The country's actor is also the one who is narrating educational diplomatic effort, even if the actor carrying it out is a non-state actor. The establishment of university under the SCO auspices which would work for the facilitation of support of contemporary higher standard education to the young generation and advance the amicable cooperation with various countries of the SCO in numerous areas. Therefore, the areas of trade, politics, cultural integration and scientific advancement are crucial for the states in this area. In the global arena, the trend carries a heavy weightage on the division of various resources for various level of education as well as the cooperation of exchanges on bilateral and multilateral level (Zeng T., 2018). The colossal amount of expertise in the arena of academia between the states in this region of the collaborative inclusivity between and among the different states of the continents. In the world of modernism, it is considered important and crucial for various nations to go beyond the borders and educate, develop and advance their youth in the field of education. Cross-border exchanges and interaction is very crucial and plays a high level importance for the improvement. Every nation's higher education plays a key role in advancing and most of the nations in this era search for the advancement and developing their higher education system to pace with the world. By having a special place among the nations, it is important for each state to devise ways and methods to improve their learning styles to acquire the better position among the states in international community. In conclusion, the demands and wants of internationalization of education are satisfied by the USCO's progressive behavior across the continents (Zeng, 2021).

About the seventy percent of Eurasian continent, which collectively make the SCO is estimated to have covered the 34.5 million square kilometer, have made it vaster by expanding it to the South Asia by including Pakistan and India into it. Resultantly, the population of the total member's states in proportion to the world population became 3.13 billion, which is 44% of total world population. Along with that, their collective economic strength has got over from 15 trillion US \$ which approximately becomes 1/5 of the total global GDP. As a result, the Built and Road Initiative has added more to the SCO member states with the inclusion of four potential corridors; the China-Pakistan Economic Corridor, the China-Central Asia-West Asia Corridor, the New Eurasian Land Bridge, and the China-Mongolia-Russia Corridor. As a way of organization, the aims of the China have not been fulfilled by the BRI under this. It gives the satisfactory response to the homogenous needs of the nations under SCO and works as more cooperative, inclusive and beneficial for both the parties. This will give the SCO's economic cooperation fresh vitality and impetus. The need for foreign talent will unavoidably rise as multilateral economic and trade cooperation intensifies, and the importance of education in boosting the economy will be emphasized (Zeng, 2021).

Aims and Intentions of the SCO's University

The objectives and intentions of the SCO's university is to struggle and endeavor under the banner of "Shanghai Spirit" with the strategic objectives will encompass different areas of collaboration and reciprocal needs. The Shanghai Cooperation Organization from 2017, has progressed to a crucial forum and platform namely "B&R" which serves as in international and regional governance and beyond the borders of it. The summit held in Qingdao back to 2018 gave the turning point by having the reciprocal relations of the SCO's states and B&R project in the direction of this initiative (Zeng, 2021).

- To strengthen the SCO member nations' good-neighborly ties and shared confidence.
- To encourage the endeavor of blending in the areas of science and technology, research in different areas as well as educational arenas.
- To provide fresh momentum for the advancement of scientific inquiry, cultural collaboration, and education.
- To give educators and researchers additional chances to engage in scholarly interactions and to give young people access to top-notch, contemporary higher education.
- To increase the effectiveness of the SCO member nations' collaboration in the areas of politics, economics, commerce, science, technology, and culture.
- Fostering integrative methods for technological innovation and education.
- Enhancing good neighborly interactions and reciprocal confidence among SCO member nations.
- Providing the better opportunities to the students to get the quality education.
- By having bridging and collaborate among the scientists and tutors.
- Efficiency in the field of politics, academia and cultural cooperation among the various states under the umbrella of SCO.

Basic Principles of Shanghai Cooperation Organization University

The participant States' education ministers alternately convene every two years. With the goal to come to an agreement and make clear the course of the growth of educational collaboration at each level. In additions, the collaborative topics are the crucial one for discussion along with the projects in education system in the associated states. The Standing Expert Working is the most important and permanent executive body for carrying out various plans and activities. The promotion in the field of education, the collaboration and conversation in Education Week under the banner of Education without Borders. Furthermore, the improvement of homogeneity among parties, having the rational exchanges between intellectual, and preparing the implementation of plans for the future. It also preparing the annual meetings among themselves. In conclusion, the presidents of the universities forum are the dialogues platform held under the Education Week. The subjects include how Shanghai Cooperation University plans its events and how it is carried out each academic year. It addresses the upcoming working arrangement and offers workable recommendations for USCO's growth and functioning (Zeng, 2021). The network of projects under the universities in SCO platform, is made up of some institutions of the member states which work in various fields (hereinafter referred to as project universities). The project universities carry out the following work in accordance with the signed agreements:

- Carry out exchanges between students, teachers and researchers;
- Develop cooperation in teaching and research

- Adopt modern and advanced teaching methods and technologies;
- Establish a mechanism for mutual recognition of SCO University degrees between SCO member states and other countries.

Cooperation Directions with Shanghai Cooperation Organization Universities

Certain institutions work for the routinely works of USCO's activities. The aforementioned institutions are four in number which are the Office of the President (Secretariat), the Co-ordination Committee, the Supervisory Committee, and the Expert Committee of each training area. The Coordination Committee is responsible for organizing and carrying out USCO's liaison activities with relevant organizations and national education authorities. The Supervisory Committee is committed to upholding USCO's good name in the educational arena of both member countries and states internationally by snatching money, enticing business entities to take part in collaborative talent training, and helping graduates find jobs and employment. The President's office is primarily responsible for classroom instruction, research in science, and everyday operations. Contributing to scientific research and training in various fields of training is the Expert Committee's job. Additionally, the "USCO China Secretariat Internal Coordination Mechanism" was created to collaborate with foreign cooperation project institutions and education departments, serve the Secretariat and project institutions with relevant data analysis, plan and conduct a working meeting of Chinese project institutions once a year in a variety of professional directions, and then carry out the USCO graduation diploma and certificate in a unique way (Zeng, 2021).

SCO University, which was founded as part of this project, based its operations on the collaboration of universities in the member nations. The universities that were chosen to take part in the program prepare graduate students according to a shared paradigm. This approach makes the assumption that students at SCO University in another member nation have the freedom to select any academic period to study. The student will earn a diploma from both SCO University and a foreign university after finishing the course of study at University of Shanghai Cooperation Organization having another nation's nationality (Zeng T., 2018). Concurrently, SCO's university gives some important courses in various degrees such as;

- Bachelor's degree;
- Master's degree students;
- Postgraduate candidates, doctoral students or doctoral students as specified in the agreement between the two parties;
- Frequent study courses and training courses
- Develop and implement joint training programs
- Carry out exchange activities for undergraduate students, postgraduate students, associate doctoral students, doctoral students, teachers, scientific research and administrative staff
- Jointly organize and carry out scientific research and research projects
- Jointly organize international seminars, academic symposiums and other activities.

The Ministry of Science and Higher Education provides about thirty-nine learning institutions involved in various projects under the auspices of "Development of export of the Russian education system", about twenty-three of them are in Moscow, three of them are in the Tomsk region, two are in St. Petersburg and the Republic of Tatarstan, and the Belgorod possesses one as well as Saratov, Sverdlovsk, Novosi-

birsk, Tambov, Rostov and Chelyabinsk regions, Primorsky, and Krasnodar. RUDN institution has conducted a research under the leadership of V.N. Kholina who heads the Department of Regional Economics and Geography, shows that 43% of the universities in Russia and 70% of the universities in China gives almost twenty-seven disciplines in various degrees making it more inclusive in nature. Considering the familiarity of the various departments in these two countries, different subject fields carry different percentage which are as follow; *Economics 48% and 25%; Environmental Protection – 38% and 25%; Energy – 19% and 35%; Computer Science – 28% and 40%; Nanotechnologies – 19% and 25%; Pedagogy – 24%* (Nina Pestereva, 2019).

Instruction in the Training of Talent and Language Direction under the banner of SCO's University

There are some shared fields which are listed below having shared instruction areas are chosen based on the requirements of the SCO participating states: the field of environment, energy, technological advancements, the field of nanotechnology, finance, education, and regional studies. Following discussion between the educational agencies of the SCO member states, additional instruction guidelines and the number of specialists may be included in the years to come. A working group of specialists from the Shanghai Cooperation Organization University project institutions oversees each training area and is in charge of organizing the training courses and elements. Chinese and Russian, the officially recognized languages of the SCO, are the primary languages of education at the SCO Institution, and may also be the official languages of the country where the university is located. English may also be used in teaching by agreement. A student studying under the University of SCO's program has the chance to carry out his studies at any university beyond borders, apart from this, the students can also take admissions in other university starting from the same semester in which he was previously enrolled. The student then needs to carry out his studies for the complete semester in which he is enrolled and to compete that semester. Furthermore, each university under the guise of SCO program needs to give fund and sponsor the students to go abroad for free, partial and paid scholarships. There are two main important languages which are the university's approved and spoken languages and they are Chinese and Russian. However, many more universities in China give courses in English-taught based which teaches the students in English language. Pupils can get the chance to study in the host country's language which is a kind of bonus and best opportunity to learn the native language of that university. Certificates and diplomas are offered to the students in the SCO University to the students if the student had studied in the concern university for about 60% of his course duration in that university (Studies", 2022).

The SCO University administration has had meetings with the Russian's Peoples' Friendship University located in Russia. Multiple agreements and memorandum have been signed on the establishment of multiple *Operations of the SCO University; Analysis of the SCO University's Activities and Implementation of the University Concept; Analysis of Student Admissions to the SCO Joint Educational Programs occurred in 2016–2018 and the Status of Admissions in the 2017–2018 Academic Year; Allocation and Distribution of State-Funded Places for the SCO Project on the Part of Russia; and Development of a Roadmap of Key Events of the SCO University Until 2025* (Organizantion, 2017). As a foundation for collaboration, SCO offers a venue for collaborative research endeavors. Therefore, it boosts the language training results and make a more productive and supportive

platform with the advisors from scientific fields in times of exchanges programs. By having various forums in the university, there must be many steps needed to be taken for the connecting of the students-teachers exchange programs which can fortify the relationship between and among them through these kinds of forums in practical. Alongside this, they can arrange courses, conferences, youth participation and seminars through which they can develop their potentials. By creating new urbanization, diplomacy in the context of regional, tourism management in the regional level, environmental level of the region and various other areas of studies which can be foster by Hainan Tropical Oceanographic University (Zeng T., 2018).

Observation of internal weakness and obstacles to USCO services

In theory, participating institutions are most motivated internally when they select partners based on their own requirements. There are passive project institutions as well, and because USCO was started from the top down within the SCO framework, member universities' desired advantages differ. Only 75 colleges are engaged in the initiative, despite USCO having 82 participating universities, according to official information. Specifically, USCO's lack of desire is demonstrated by the fact that no Uzbek University has joined it thus far. The flow of students to USCO is also unbalanced since international students frequently decide to study in the US, Europe, and other countries. Additionally, professors' and pupil interest is impacted by language limitations. Not many professors and students at foreign colleges are proficient in Chinese, despite the fact that Chinese and Russian are the primary languages of the SCO. In a comparable way, there are very few sages and students in Chinese colleges who are proficient in Russian, with the exception from Russian majors. Only students who were born in Russia have been admitted and the number of students from other nations is quite small. Even if certain institutions can teach in English, overseas students still need to use the local language in their daily lives. As observed by the sheer number of project institutions, member nations, collaboration majors, and talents enrolled in joint training, USCO's expansion has been relatively slow, despite the fact that it has begun to take shape after 10 years. At the time of its founding, there were 62 project universities spread among five member countries; today, there are 82. Before 2012, there were only five cooperation majors; no additional courses were created, and the number increased to seven that year.

In the post 2012–13 academic calendar, only three hundred and ten students of international and five hundred ninety-one Chinese experts have participated in the various programs held in China. They are in total 901 participants in this project which is officially recorded in the USCO website. Over the previous five years, the average number of pupils has remained relatively constant at 150. Strengthening the building of connotation and focusing on quality improvement are crucial, but the scale's overall slow expansion is another issue that merits consideration. Additionally, an organization's primary issues are external publicity and the sharing of information both internally and externally, both of which depend on the network. The most satisfactory efforts and works done by the *Supervisory Committee* to make it more good at the SCO members and USCO's reputation in the international educational circle has made it attractive. There is a dire need of establishing of the platform for the information and communication regarding the official of USCO. It is found that there is no official website, microblog or any link through which someone can contact or access. There is an official one which consists of low information updates which is not

enough in information. There are only eight columns in the USCO website which has been launched on 3rd of May, 2020.

The "University Profile" has been revised in October 2016, the "News Center," "Media Focus," and "Business Center" have been modified in December 2019, the "University Projects" were revised in May 2014, the registration data was appraised in June 2017, and the address and telephone information was updated in June 2015. The organization's official website lacks a comprehensive set of laws and guidelines, and its information is lacking. It should take on the duty of promoting USCO's accomplishments to the outside world since it serves as the organization's external publicity display and a crucial conduit for understanding it by all facets of society (Zeng, 2021).

Conclusion

The Shanghai Cooperation Organization (SCO) carries an important role in promising regional and global security, particularly in the context of the Pakistan-India-Russia triangle. Since the admission of Pakistan and India as full members in 2017, In conclusion, research on the Shanghai Cooperation Organization's efforts to promote cultural exchanges and regional integration is important because it can help deepen our understanding of the organization's role and impact in the region and contribute to the progress of peace, serenity, and prosperity in Eurasia. Shanghai Cooperation Organization University plays a crucial role in promoting cultural exchanges and regional integration among its member states. Through teaching, research, and cultural exchange programs, the university helps foster deeper understanding and mutual respect among the different cultures and societies in the SCO region. This ultimately contributes to the overarching goal of regional integration and cooperation. By providing a platform for students and scholars from diverse backgrounds to come together, share ideas, and engage in collaborative research projects, SCO University plays a pivotal role in building bridges and strengthening ties among member states. This not only enhances cultural understanding and cooperation, but also paves the way for greater economic and political integration in the region. Overall, the research paper highlights the important role of education and cultural exchanges in promoting regional integration and fortifying the relations in between different countries of the SCO. It has been publically regarded that there is so much importance of the SCO's like institutions to promote and develop by giving more stress and importance to the efforts made by various countries regarding the establishment of various institutions like this. It further boosts ties and relations among the member states.

Литература

1. Bulletin, E. w. (2022). SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION: HISTORY AND ROLE IN REGIONAL SECURITY. Ma-metova 48, 050004 Almaty, KAZAKHSTAN: Eurasian Research Institute.
2. Gaydamak, I. (2014). Belgorod State University University in Belgorod, Russia. Belgorod Oblast,: Belgorod State University University in Belgorod, Russia.
3. Nina Pestereva, V. K. (2019). The Russian Market for Exported Educational Services: the Shanghai Cooperation Organization (SCO) Network University. *European Journal of Contemporary Education*, 575.
4. Organization, U. o. (2017). National administration of SCO University meets in Moscow. University of Shanghai Organization.
5. Organization, U. o. (2013). About the University. Dalian, China: SCO University Chinese Office Release.
6. Secretariat, S. C. (2023). Press release on the opening ceremony of the 13th Education Week of SCO Member States Educa-

tion without Borders. China, Beijing, Chaoyang District,: Shanghai Cooperation Organization Secretariat.

7. Studies";, U. F. (2022). Education them. Yekaterinburg, Russia: Ural Federal University.
8. Zeng, J. (2021). University of Shanghai Cooperation Organization Serves for "the Belt and Road" Initiative: SWOT Analysis and Strategy Choice. *Advances in Economics, Business and Management Research*, 314–316.
9. Zeng, T. (2018). The characteristics and practical problems of the SCO University in China: Taking "Regional Studies" as an example. *BULLETIN OF ST. PETERSBURG UNIVERSITY*, 489.
10. Zharkaya, A. (2009). Integration of the SCO Humanities Universities. Moscow, Russia: ИнфоШО С.

ESTABLISHMENT OF UNIVERSITIES UNDER THE UMBRELLA OF SCO WHICH PROMOTES CULTURAL COMMUNICATION AND REGIONAL INTEGRATION BETWEEN THE MEMBERS' STATES

Shahid Jan Afridi

Peoples' Friendship University, Abdul Wali Khan University Mardan

Shanghai Cooperation Organization (SCO) University aims to promote cultural exchanges and regional integration among its member countries. The main objective of this research is to examine how SCO University achieves its goals through various cultural exchange programs and initiatives. University of SCO facilitates a platform for the pupils from various member countries to participate in academic exchange programs, study abroad opportunities, and cultural immersion experiences. These programs help foster a better understanding and appreciation of the diverse cultures of the SCO region and build better relationships among member countries. In addition, SCO University offers courses and research programs that focus on regional integration and collaboration. These initiatives aim to strengthen economic and political ties among member countries and promote greater cooperation in areas such as trade, energy, and security. Through its various activities, SCO University plays a crucial role in promoting cultural exchange and regional integration among member countries. This research will analyze the impact

of these initiatives and provide recommendations to further improve the effectiveness of SCO University in achieving its goals.

Keywords: SCO University, Culture, Development and Regional Integration.

References

1. Bulletin, E. w. (2022). SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION: HISTORY AND ROLE IN REGIONAL SECURITY. Mаметова 48, 050004 Almaty, KAZAKHSTAN: Eurasian Research Institute.
2. Gaydamak, I. (2014). Belgorod State University University in Belgorod, Russia. Belgorod Oblast,: Belgorod State University University in Belgorod, Russia.
3. Nina Pestereva, V. K. (2019). The Russian Market for Exported Educational Services: the Shanghai Cooperation Organization (SCO) Network University. *European Journal of Contemporary Education*, 575.
4. Organizantion, U. o. (2017). National administration of SCO University meets in Moscow. University of Shanghai Organization.
5. Organization, U. o. (2013). About the University. Dalian, China: SCO University Chinese Office Release.
6. Secretariat, S. C. (2023). Press release on the opening ceremony of the 13th Education Week of SCO Member States Education without Borders. China, Beijing, Chaoyang District,: Shanghai Cooperation Organization Secretariat.
7. Studies";, U. F. (2022). Education them. Yekaterinburg, Russia: Ural Federal University.
8. Zeng, J. (2021). University of Shanghai Cooperation Organization Serves for "the Belt and Road" Initiative: SWOT Analysis and Strategy Choice. *Advances in Economics, Business and Management Research*, 314–316.
9. Zeng, T. (2018). The characteristics and practical problems of the SCO University in China: Taking "Regional Studies" as an example. *BULLETIN OF ST. PETERSBURG UNIVERSITY*, 489.
10. Zharkaya, A. (2009). Integration of the SCO Humanities Universities. Moscow, Russia: InfoSHO S.

Периодизация и особенности миротворческих процессов в зонах региональных конфликтов

Жердецкий Егор Александрович,

аспирант, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС

E-mail: e.zherdeczcky@yandex.ru

В статье рассматривается динамика миротворческой деятельности в зонах региональных конфликтов с аналитической точки зрения, акцентируя внимание на институциональных аспектах стабилизации регионов и формировании долгосрочных механизмов урегулирования. Проведен системный анализ основных этапов миротворческих процессов, выявлены ключевые факторы, влияющие на эффективность международных усилий по нормализации ситуации. Исследованы особенности многостороннего взаимодействия при решении задач гуманитарного характера, включая разминирование территорий, возвращение перемещенных лиц и восстановление инфраструктуры. Актуальность темы обусловлена значимостью региональных конфликтов для международной стабильности и безопасности. Проанализированы перспективы институционализации миротворческих практик и формирования устойчивых механизмов предотвращения эскалации напряженности. Особое внимание уделено экономическим и социальным аспектам постконфликтного восстановления регионов. Методологическая база исследования позволяет систематизировать накопленный опыт и сформулировать рекомендации для совершенствования международных подходов к миротворческим операциям.

Ключевые слова: миротворческая деятельность, международные механизмы, региональная стабильность, постконфликтное восстановление, гуманитарное содействие, многосторонняя дипломатия.

Введение

События последних десятилетий существенно трансформировали геополитический ландшафт многих регионов мира. Результатом активных фаз региональных противостояний становится подписание соглашений о прекращении огня при посредничестве международных сил, однако часто остаются нерешенными многие структурные вопросы, связанные с долгосрочной стабилизацией регионов. Последующие геополитические изменения оказывают значительное влияние на региональную динамику и ситуации в зонах конфликтов, изменяя институциональные форматы взаимодействия сторон.

Международное присутствие в регионах конфликтов играет ключевую роль в обеспечении соблюдения условий прекращения огня, зафиксированных в мирных соглашениях [1]. Миротворческие контингенты осуществляют мониторинг ситуации, способствуют нормализации гуманитарной обстановки и создают условия для диалога между заинтересованными сторонами. Патрулирование территорий, контроль за соблюдением режима прекращения огня и содействие в восстановлении нормальной жизнедеятельности для местного населения становятся основными направлениями деятельности миротворцев.

Особое значение имеет обеспечение функционирования транспортных коридоров, соединяющих зоны конфликта с внешним миром. Эти маршруты используются для доставки гуманитарной помощи, медикаментов и товаров первой необходимости для жителей регионов. Миротворческие силы также участвуют в медиации между сторонами, организуя встречи для обсуждения актуальных проблем и поиска компромиссных решений, способствуя созданию платформы для диалога и сотрудничества. Несмотря на предпринимаемые усилия, ситуация в регионах часто сохраняет элементы напряженности.

Актуальность исследования обусловлена тем, что региональные конфликты остаются значимым фактором международной стабильности и оказывают системное влияние на геополитические процессы. Международное присутствие играет важную стабилизирующую роль, способствуя предотвращению эскалации и поддержанию режима прекращения огня. Данная проблематика требует комплексного анализа не только с точки зрения военно-политических аспектов, но и в контексте социально-экономических последствий для всех вовлеченных сторон.

Стабилизация ситуации в зонах конфликтов предоставляет исследовательскую возможность для анализа и моделирования миротворческих механизмов, оценки их эффективности и определения перспективных направлений развития. При проведении такой оценки необходимо учитывать политические, экономические, социальные и гуманитарные компоненты. Многосторонние усилия по урегулированию оказывают значительное влияние на формирование стабильных механизмов разрешения противоречий и восстановление мирных процессов, что требует глубокого анализа всего комплекса задействованных факторов.

Материалы и методы исследования

Для написания данной статьи были использованы общедоступные публикации СМИ, интервью и заявления политиков, научные статьи по теме исследования. В ходе анализа собранного материала использовались следующие методы: контент-анализ, событийный анализ, анализ исторической ретроспективы, метод обобщения. Использование метода контент-анализа позволило выделить ключевые темы и тенденции в высказываниях политиков и публикациях СМИ. Проведение событийного анализа позволило выстроить динамику развития ситуации в зонах конфликтов, а также определить ключевых участников и основные их действия. Историческая ретроспектива позволяет лучше понять современное состояние дел за счёт проведения параллелей между прошлым и настоящим, выявить закономерности и повторяющиеся тенденции. Метод обобщения позволил сопоставить данные из разных источников и сделать обобщающие выводы. Использование этого метода помогло выявить сходства и различия в подходах и интерпретациях событий разными авторами и источниками.

Результаты и обсуждение

Периодизация миротворческих процессов в регионах конфликтов

Исторический анализ демонстрирует, что международные институты всегда играли существенную роль в урегулировании региональных конфликтов. После распада биполярной системы международное сообщество активно включилось в процессы урегулирования, влияя на динамику и характер взаимодействия сторон. Военно-техническое сотрудничество и дипломатические усилия способствуют формированию условий для прекращения активной фазы противостояний. По завершении первых этапов конфликтов международные акторы выступают в роли посредников в мирном процессе, что приводит к созданию специализированных международных механизмов посредничества [9].

Международное экономическое и политическое сотрудничество играет значимую роль в региональных системах безопасности. Существенное влияние на конфигурацию региональных отношений оказывают экономические взаимосвязи, энергетические проекты и транспортная инфраструктура. Военно-техническое сотрудничество также является значимым фактором, определяющим баланс сил в регионе. В различных регионах мира размещаются военные базы, функционирование которых предусмотрено двусторонними соглашениями на длительные сроки. Многие страны являются участниками различных организаций коллективной безопасности, что предусматривает механизмы взаимной поддержки в случае возникновения военных угроз.

События локальных конфликтов, в результате которых происходят территориальные изменения, ознаменовывают существенные трансформации в сложившейся архитектуре региональной безопасности. Эти события вызывают обеспокоенность относительно стратегического баланса в регионе, подчеркивая структурные факторы международных отношений [10]. Последующие общественно-политические изменения в вовлеченных странах и усиление многовекторности во внешней политике оказывают дополнительное влияние на региональную динамику.

Параллельно происходит укрепление двустороннего сотрудничества между ключевыми державами, что также влияет на конфигурацию региональных отношений.

Региональные конфликты заставляют государства пересматривать свои приоритеты. Многие страны реализуют стратегию балансирования между международными акторами, развивая экономическое сотрудничество и осуществляя закупки вооружений у различных поставщиков [10]. Примечательно, что в периоды нестабильности странами активно наращиваются военные потенциалы через импорт вооружений у основных международных поставщиков [9].

Вооруженные конфликты устанавливают новую геополитическую реальность в региональном балансе сил. В результате военных действий происходят существенные территориальные изменения, трансформирующие статус-кво, сохранявшийся годами. Перед миротворцами ставится задача обеспечить безопасность населения и функционирование транспортных коридоров. Согласно мирным соглашениям, миротворческие миссии обычно остаются в регионах на определенные периоды с возможностью пролонгации.

После военных столкновений часто наблюдается усиление регионального влияния определенных стран и военно-политических блоков. Создаются совместные центры мониторинга, активизируется двустороннее сотрудничество. Визиты высокопоставленных лиц демонстрируют приверженность региональной стабильности, а взаимодействие на высоком уровне укрепляет позиции стран как значимых региональных акторов. Международные компании участвуют в проектах восстановления автомобильных дорог, зданий и инфраструктуры в пострадавших регионах. Подписание двусторонних деклараций акцентирует внимание на сотрудничестве в оборонной промышленности, взаимной военной помощи, энергетической безопасности и других областях.

Влияние мировых держав в регионах конфликтов трансформируется после военных столкновений на фоне усиления присутствия региональных лидеров. Ведущие мировые державы приветствуют миротворческие усилия как меру предотвращения эскалации, однако ищут альтернативные пути восстановления влияния на мирный процесс и нормализацию отношений между конфликтующими сторонами. В этом контексте международные форумы продолжают функционировать в качестве переговорных площадок [12].

В периоды геополитической стабильности как западные страны, так и другие крупные державы выражают заинтересованность в сотрудничестве в рамках существующих дипломатических форматов. Однако критика со стороны лидеров конфликтующих сторон относительно ограниченной эффективности международных групп в урегулировании конфликтов дипломатическими средствами стимулирует поиск альтернативных переговорных платформ. Мировые державы активизируют свое посредничество, опираясь на миротворческие миссии, тогда как другие партнеры развивают альтернативные площадки в международных центрах. Встречи на высшем уровне и совместные обсуждения между руководителями внешнеполитических ведомств символизируют формирование новых форматов международного посредничества. Геополитические трансформации могут приостанавливать деятельность определенных международных механизмов урегулирования.

Анализ и основные этапы миротворческих миссий в зонах конфликтов

Направление миротворческих контингентов в зоны конфликтов предусматривается соглашениями, достигнутыми по итогам переговоров, которые кладут конец активной фазе конфликта и предусматривают развертывание военнослужащих для обеспечения соблюдения режима

прекращения огня и безопасности транспортных коридоров. Деятельность миротворческих сил способствует возвращению перемещенных лиц и беженцев. Важным достижением становится освобождение пленных, что представляет собой значимый шаг в направлении восстановления гуманитарных связей и формирования доверия между сторонами. Эти результаты обычно официально отмечаются на многосторонних встречах с участием глав государств и правительств [4].

Послевоенный период характеризуется организацией возвращения групп пленных при посредничестве различных стран и международных институтов. Примером таких операций может служить обмен военнопленными на карты минных полей в освобожденных районах. При помощи международного сообщества удается репатриировать многих задержанных лиц [5].

Гуманитарные ситуации в регионах часто обостряются из-за блокирования основных транспортных артерий, соединяющих конфликтные зоны с внешним миром. Командование миротворческих контингентов ведет переговоры со сторонами по вопросу восстановления транспортного сообщения. Многие страны призывают к разблокированию транспортных коридоров. Тем не менее, гражданское население часто оказывается в сложной гуманитарной ситуации [6].

События постконфликтного периода приводят к фундаментальной трансформации административного и демографического ландшафта регионов. Власти устанавливающей контроль стороны инициируют процесс интеграции территории в административную, правовую и экономическую систему страны. Начинается модернизация инфраструктуры и социальных учреждений, осуществляется учет имущества для последующего административного распределения.

В новых геополитических условиях миротворческие контингенты, выполняющие посредническую функцию с момента заключения соглашений, сталкиваются с необходимостью адаптации к меняющейся ситуации. С одной стороны, их присутствие в прежнем формате может не соответствовать новым реалиям. С другой стороны, форсированный вывод может создать вакуум безопасности с непредсказуемыми последствиями. Ситуация требует тщательного планирования и координации со всеми заинтересованными сторонами, а также с международными организациями.

Международные усилия сосредотачиваются на обеспечении стабильности в регионах и начале консультаций с вовлеченными сторонами для координации дальнейших действий. Особое внимание уделяется предотвращению возможных инцидентов и минимизации рисков для гражданского населения. Ключевой задачей становится недопущение превращения вывода войск в фактор дестабилизации региональной безопасности.

Массовое перемещение населения из зон конфликтов становится серьезным гуманитарным вызовом. Международные организации призывают к оказанию поддержки беженцам и созданию условий для их интеграции в новых местах проживания. Исторический опыт свидетельствует, что эффективная реабилитация перемещенных лиц и формирование условий для их устойчивого развития являются ключевыми факторами предотвращения долгосрочной напряженности и обеспечения стабильности [7].

Подводя итоги миротворческих операций в различных регионах, необходимо отметить значительные объемы территорий, очищенных от неразорвавшихся мин и снарядов, множество километров дорог и зданий, возвращенных к нормальному функционированию, тысячи

обнаруженных и обезвреженных взрывоопасных предметов [8].

В некоторых случаях начинается процесс досрочного поэтапного вывода миротворческих контингентов из зон конфликтов по взаимному решению вовлеченных сторон, несмотря на то, что первоначально миротворческие силы должны были оставаться в регионах на более длительный срок [2].

Изменение геополитической конфигурации требует пересмотра существующих форматов международного присутствия, и решение о поэтапном выводе становится первым этапом этого многоаспектного процесса. Представители дипломатических ведомств заинтересованных стран ведут интенсивные переговоры по согласованию всех деталей вывода контингентов, включая обеспечение безопасности гражданского населения и защиты прав этнических меньшинств. Начало вывода миротворческих сил активизирует дипломатические усилия по политическому урегулированию. Стороны конфликта выражают заинтересованность в продолжении мирных переговоров при международном посредничестве. Ожидается формирование новых соглашений, направленных на предотвращение рецидивов вооруженных столкновений и обеспечение региональной стабильности. Планы заключения мирных договоров часто откладываются из-за сложностей в согласовании позиций сторон и внешних геополитических факторов. Тем не менее, международное сообщество продолжает оказывать давление на конфликтующие стороны с целью достижения всеобъемлющих мирных соглашений [3].

На фоне трансформации международного присутствия все участники переговорного процесса подчеркивают важность консолидации разделенных сообществ и формирования механизмов доверия. Гуманитарные организации приступают к реализации программ содействия, направленных на восстановление инфраструктуры, медицинской системы и образования для нормализации жизни местного населения. При этом общественные настроения сторон часто сохраняют элементы напряженности.

Институциональные аспекты урегулирования конфликтов

Во время геополитических трансформаций конфликтующие стороны используют изменения в международном положении для укрепления своих переговорных позиций. Страны-участницы конфликтов представляют пакеты принципов урегулирования, которые часто акцентируют взаимное признание территориальной целостности и суверенитета сторон и отсутствие территориальных претензий. Некоторые стороны выступают за прямые двусторонние переговоры без внешнего посредничества. Однако, учитывая асимметрию потенциалов сторон, прямой диалог объективно может создавать преимущества для более сильной стороны. Политические и военные возможности в сочетании с трансформацией роли международных игроков формируют новые региональные конфигурации [13].

Эти трансформации способствуют реализации стратегических интересов более сильных сторон, привнося новые факторы в развитие ситуации. Стратегии могут быть ориентированы на использование изменений в международной обстановке для формального урегулирования конфликтов и устранения оснований для миротворческого присутствия. Для достижения этих целей используется тактика инкрементализма, предполагающая постепенное достижение частных соглашений и тестирование «красных линий» мировых держав в регионе. Следовательно, меняющаяся региональная динамика

трансформирует архитектуру безопасности и позиции заинтересованных сторон [14].

Первые индикаторы изменений проявляются в восстановлении контроля над стратегическими пунктами. Военные действия могут приводить к изменению контроля над рядом стратегических высот. Эти события вызывают активную международную реакцию, включая визиты высокопоставленных лиц и их критические комментарии относительно безопасности и политической стабильности [15]. Однако международная реакция часто ограничивается преимущественно дипломатическими заявлениями без существенных санкций, что позволяет сторонам продолжать реализацию своих стратегий.

В некоторых случаях протесты активистов в районе транспортных коридоров озаменовывают новый этап трансформации статус-кво. Формально протестующие могут выдвигать экологические или экономические требования [15]. Параллельно руководство сторон выражает обеспокоенность транспортировкой военных материалов через транспортные коридоры, включая противопехотные мины, что, по их мнению, создает угрозу для прилегающих районов. Кроме того, стороны могут утверждать о проникновении в конфликтные зоны иностранных граждан через транспортные коридоры [15].

Ограничение функционирования транспортных коридоров – основных артерий, соединяющих конфликтные зоны с внешним миром, затрудняет поставки товаров первой необходимости, что частично компенсируется нерегулярными поставками при содействии миротворцев. Вследствие этого жители регионов могут сталкиваться с дефицитом продовольствия, медикаментов, энергоносителей и питьевой воды. С точки зрения безопасности, неконтролируемое движение через транспортные коридоры представляет потенциальную угрозу для населения прилегающих районов. Исторические прецеденты показывают, что контроль над транспортными артериями может приводить к существенным территориальным изменениям [16]. Хотя повторение подобных сценариев маловероятно, стороны стремятся предотвратить любые изменения в существующем балансе сил, контролируя транспортные потоки.

Создание контрольно-пропускных пунктов на транспортных маршрутах может не соответствовать положениям мирных соглашений, которые предусматривают обеспечение безопасности этих маршрутов миротворческими силами. Стороны могут аргументировать свои действия тем, что другие участники изначально не выполнили определенные статьи соглашений, гарантирующие «беспрепятственное передвижение» между определенными пунктами. Одна сторона может настаивать, что свободное движение по одному коридору должно симметрично соответствовать режиму другого коридора [17]. Кроме того, установление КПП может обосновываться признанием территориальной целостности и международными правовыми нормами [18].

Несмотря на первоначальный успех в установлении контактов между представителями конфликтующих сторон относительно использования ресурсов, прямые переговоры могут быть впоследствии приостановлены. Изменения в руководстве могут вызывать обеспокоенность относительно перспектив мирного процесса из-за публичных заявлений и отказа от переговоров [19].

Новые лидеры часто артикулируют настроения, распространенные среди большинства жителей региона, которые негативно относятся к возможности переговоров. Параллельно часть населения может поддерживать идею интеграции с третьими странами по определенным моделям. Как население, так и руководство непризнанных образований возлагают значительные надежды

на защитный потенциал миротворцев. В критические моменты представители непризнанных территориальных образований могут проводить консультации с международными официальными лицами, где обсуждается возможность придания международного мандата миротворческой миссии [20].

Военные операции, направленные на роспуск административных структур непризнанных республик, могут приводить к многочисленным жертвам и масштабному исходу местного населения.

В определенные моменты принимаются решения о выводе миротворческих контингентов из зон конфликтов. Размещенные по мирным соглашениям пограничные подразделения также могут выводиться с контрольных пунктов и границ.

Процесс досрочного вывода миротворческого контингента представляет собой значимый этап региональной трансформации, требующий от всех участников максимальной координации и продуманных действий. Несмотря на многоаспектный вклад миротворцев в стабилизацию ситуации и нормализацию условий жизни для тысяч людей, изменение геополитической конфигурации обуславливает необходимость пересмотра формата их присутствия. Ключевой задачей становится формирование механизмов доверия между сторонами и продолжение урегулирования под эгидой международных институтов.

Текущие ситуации в зонах конфликтов и наличие многих нерешенных вопросов свидетельствуют, что вывод миротворческих сил является лишь компонентом комплексного процесса урегулирования. Конфликтующие стороны должны продолжить движение к мирному разрешению разногласий, демонстрируя готовность к компромиссам. Международное сообщество, включая ведущие державы и гуманитарные организации, должно оказать комплексную поддержку этому процессу, содействуя восстановлению инфраструктуры, защите прав этнических меньшинств и повышению качества жизни населения.

Сложившаяся ситуация также создает возможности для нового этапа в отношениях конфликтующих сторон. Ключевым элементом становится не только формальное подписание мирного соглашения, но и имплементация всех его положений с учетом интересов всех заинтересованных сторон. Стремление к мирному сосуществованию и сотрудничеству может создать основу для долгосрочной стабильности в регионе, что имеет стратегическое значение в контексте трансформации мирового порядка и новых вызовов для международного сообщества.

Выводы

В заключение следует отметить, что успешное решение вопроса мирного урегулирования может послужить важным уроком для будущих международных операций подобного рода. Главным фактором успеха становится не только точное выполнение поставленных задач, но и нацеленность на минимизацию человеческих страданий и создание устойчивых условий для восстановления регионов. Зоны конфликтов остаются сложными, но важными звеньями в цепи международной безопасности. Дальнейшее развитие событий требует внимательного мониторинга со стороны мирового сообщества, особенно в условиях, когда многие жители регионов вынуждены покидать свои дома. Важно разработать программы реабилитации и поддержки, которые помогут восстановить экономическую и социальную стабильность, а также вернуть людям надежду на мирное будущее.

Таким образом, несмотря на все трудности и вызовы, главным итогом деятельности миротворцев в зонах конфликтов становится создание основы для долгосрочного мира. Работа по разминированию, поддержание диалога между конфликтующими сторонами и международная координация делают возможным постепенное возвращение регионов к мирной жизни. Важно сохранить и развивать этот опыт, чтобы будущие миротворческие миссии могли извлечь из него полезные уроки и принципы, способствующие стабилизации и процветанию в зонах конфликтов.

Литература

1. Тонкошкuroв, В.П., Шигин, А.В. Нагорный Карабах: российская миротворческая операция / В.П. Тонкошкuroв, А.В. Шигин // Военная мысль. 2022. № 4. С. 17–25
2. Федорченко, С.Н. Нагорный Карабах в ракурсе информационных войн / С.Н. Федорченко // Постсоветские исследования. 2018. № 2. С. 209–216
3. Грищенко, Л.Л. Современное состояние в области поддержания международного мира и безопасности / Л.Л. Грищенко // Академическая мысль. 2024. № 1 (26). С. 18–21
4. Саркис, А. Некоторые аспекты Талышского вопроса в Азербайджанской республике / А.А. Саркис // Саусасо-Саприса: Труды Института Востоковедения РАН. 2024. № 3. С. 163–173. DOI: 10.24412/cl-37214-2023-2024-89-163-173
5. Шовгин, И. Оглы К. Ключевые риски развития транспортно-логистического проекта «Средний коридор» / И.Оглы К. Шовгин // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 1. С. 48–53
6. Ани Тамазян Анализ тональности заявлений и докладов Минской группы ОБСЕ по Нагорно-Карабахскому конфликту / Научный Арцах. 2024. № 1 (20). pp. 120–129
7. Алаудинов, А. А., Стригунов, К. С., Гончаренко, А.Р. Роль негосударственных акторов в современных гибридных войнах / А.А. Алаудинов, К.С. Стригунов, А.Р. Гончаренко // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 2 (79). С. 16–25. DOI: 10.54398/1818510X_2024_2_16
8. Маслакова-Клауберг, Н.И. Геополитические вызовы на евразийском пространстве: Нагорный Карабах / Н.И. Маслакова-Клауберг // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2021. № 4–1. С. 124–127
9. Ибрагимов, А.Г. Оглу Нагорно-карабахский конфликт: предыстория, развитие, последствия / А.Г. Оглу Ибрагимов // Постсоветские исследования. 2018. № 2. С. 147–154
10. Гусейнов, С.С. Правовой анализ Курекчайского договора 1805 г. между Ибрагим ханом Карабахским и договоров 1813 г. (Гюлистанский), 1828 г. (Туркменчайский), заключенных между Российской империей и Персией / С.С. Гусейнов // Известия Российского Государственного Педагогического Университета им. А.И. Герцена. 2009. № 117, 2009. С. 246–252.
11. Хачатрян, А. Г., Алексанян, Г. А. К 30-летию Нагорно-Карабахского конфликта: ключевые события до и после распада СССР / А.Г. Хачатрян, Г.А. Алексанян // Постсоветские исследования. 2021. № 2. С. 155–162
12. Полтавская, С.М. Нагорно-Карабахский конфликт: от истории вопроса до путей урегулирования / С.М. Полтавская, О.В. Жидкова // Либерально-демократические ценности. 2022. Т. 6. № 4. URL: <https://liberal-journal.ru/PDF/07PLLD422.pdf>
13. Битиева, З.Р. Эскалация конфликта в Нагорном Карабахе / З.Р. Битиева // Вестник Института мировых цивилизаций. 2022. Т. 12. № 1 (30). С. 6–10.
14. Маслакова-Клауберг Н.И., Садыкова Э.Л. Обострение ситуации в нагорном Карабахе как геополитический вызов / Н.И. Маслакова-Клауберг, Э.Л. Садыкова // Вестник института мировых цивилизаций. 2020. Т. 11. № 3(28). С. 51–57.
15. Привалов, В.А. Нагорно-Карабахский конфликт: особенности процесса международного урегулирования и участие в нем России (1991–2022). / В.А. Привалов // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 96. С. 134–147.
16. Агазаде, М.М. Оглы Нагорно-карабахский конфликт в рамках национальных интересов Ирана / М.М. Оглы Агазаде // Постсоветские исследования. 2019. № 6. С. 1402–1410
17. Чолахян, В.А. Международное участие в решении Нагорно-Карабахского конфликта в 1990–2020 годы / В.А. Чолахян // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2021. № 3. С. 17–22
18. Аветикян, Г. Война 2020 года в Нагорном Карабахе: региональное измерение / Г. Аветикян // ИМЭМО РАН. 2020. № 2 (59). С. 24–36
19. Казимиров В.Н. Мир Карабаху. Прорыв к перемирию в Карабахе. URL: <http://www.vn.kazimirov.ru/x014.htm> (дата обращения: 20.08.2024).
20. Эсфахани, М.К., Хагпанах, Дж. Нагорно-карабахский конфликт и региональная безопасность: роль и место Ирана / М.К. Эсфаханн, Дж. Хашпанах // Иран и республики Южного Кавказа. Сборник статей. Тегеран: ИПАС, 2023. С. 158–175.

PERIODIZATION AND FEATURES OF PEACEKEEPING PROCESSES IN REGIONAL CONFLICT ZONES

Zherdeczcky E.A.

The North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the dynamics of peacekeeping activities in regional conflict zones from an analytical perspective, focusing on the institutional aspects of regional stabilization and the formation of long-term settlement mechanisms. A systematic analysis of the main stages of the peacekeeping process is conducted, identifying key factors affecting the effectiveness of international efforts to normalize situations. The features of multilateral interaction in solving humanitarian tasks, including demining of territories, return of displaced persons, and infrastructure restoration are studied. The relevance of the topic is due to the significance of regional conflicts for global stability and international security. The prospects for institutionalizing peacekeeping practices and forming sustainable mechanisms to prevent escalation of tensions are analyzed. Particular attention is paid to the economic and social aspects of post-conflict reconstruction. The methodological framework of the research allows systematizing the accumulated experience and formulating recommendations for improving international approaches to peacekeeping operations.

Keywords: peacekeeping activities, international mechanisms, regional stability, post-conflict reconstruction, humanitarian assistance, multilateral diplomacy.

References

1. Tonkoshkurov V.P., Shigin A.V. Nagorno-Karabakh: Russian peacekeeping operation / V.P. Tonkoshkurov, A.V. Shigin // Military Thought. 2022. № 4. pp. 17–25
2. Fedorchenko S.N. Nagorno-Karabakh in the context of information wars / S.N. Fedorchenko // Post-Soviet Studies. 2018. № 2. pp. 209–216

3. Grishchenko L.L. Current state in the sphere of maintaining international peace and security / L.L. Grishchenko // *Academic Thought*. 2024. № 1 (26). pp. 18–21
4. Sarkis A. Some aspects of the Talysh issue in the Republic of Azerbaijan / A.A. Sarkis // *Caucaso-Caspica: Proceedings of the Institute of Oriental Studies of RAU*. 2024. № 3. pp. 163–173. DOI: 10.24412/cl-37214-2023-2024-89-163-173
5. Shovgin I.Ogly K. Key risks in the development of the transport-logistics project “Middle Corridor” / I.Ogly K. Shovgin // *Society: Politics, Economics, Law*. 2024. № 1. pp. 48–53
6. Ani Tamazyan Tonality analysis of the OSCE Minsk Group statements and reports on the Nagorno-Karabakh conflict // *Scientific Artsakh / Научный Арцах / Գիտական Արցախ*. 2024. № 1 (20). pp. 120–129
7. Alaudinov A.A., Strigunov K.S., Goncharenko A.R. Role of non-state actors in modern hybrid wars / A.A. Alaudinov, K.S. Strigunov, A.R. Goncharenko // *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2024. № 2 (79). pp. 16–25. DOI: 10.54398/1818510X_2024_2_16
8. Maslakova-Klauber N.I. Geopolitical challenges in the Eurasian space: Nagorno-Karabakh / N.I. Maslakova-Klauber // *Greater Eurasia: development, security, cooperation*. 2021. № 4–1. pp. 124–127
9. Ibragimov A.G. Ogly Nagorno-Karabakh conflict: prehistory, development, consequences / A.G. Ogly Ibragimov // *Post-Soviet Studies*. 2018. № 2. pp. 147–154
10. Guseynov S.S. Legal analysis of the Kurekchay treaty of 1805 between Ibrahim Khan of Karabakh and the treaties of 1813 (Gulistan) and 1828 (Turkmenchay) concluded between the Russian Empire and Persia / S.S. Guseynov // *Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen*. 2009. № 117. pp. 246–252
11. Khachatryan A.G., Aleksanyan G.A. On the 30th anniversary of the Nagorno-Karabakh conflict: key events before and after the collapse of the USSR / A.G. Khachatryan, G.A. Aleksanyan // *Post-Soviet Studies*. 2021. № 2. pp. 155–162
12. Poltavskaya S.M. Nagorno-Karabakh conflict: from the history of the issue to ways for settlement / S.M. Poltavskaya, O.V. Zhidkova // *Liberal-Democratic Values*. 2022. Vol. 6 № 4. URL: <https://liberal-journal.ru/PDF/07PLLD422.pdf>
13. Bitiyeva Z.R. Escalation of the conflict in Nagorno-Karabakh / Z.R. Bitiyeva // *Bulletin of the Institute of World Civilizations*. 2022. Vol. 12 № 1 (30). pp. 6–10
14. Maslakova-Klauber N.I., Sadykova E.L. Escalation of the situation in Nagorno-Karabakh as a geopolitical challenge / N.I. Maslakova-Klauber, E.L. Sadykova // *Bulletin of the Institute of World Civilizations*. 2020. Vol. 11 № 3 (28). pp. 51–57
15. Privalov V.A. Nagorno-Karabakh conflict: peculiarities of the international settlement process and Russia’s involvement (1991–2022) / V.A. Privalov // *Public Administration. Electronic Bulletin*. 2023. № 96. pp. 134–147
16. Agazade M.M. Ogly Nagorno-Karabakh conflict within the framework of Iran’s national interests / M.M. Ogly Agazade // *Post-Soviet Studies*. 2019. № 6. pp. 1402–1410
17. Cholakhyan V.A. International involvement in solving the Nagorno-Karabakh conflict in 1990–2020 / V.A. Cholakhyan // *Bulletin of Saratov State University. New Series. Series History. International Relations*. 2021. № 3. pp. 17–22
18. Avetikyan G. The 2020 war in Nagorno-Karabakh: regional dimension / G. Avetikyan // *IMEMO RAS*. 2020. № 2 (59). pp. 24–36
19. Kazimirov V.N. Peace to Karabakh. Breakthrough to a ceasefire in Karabakh. URL: <http://www.vn.kazimirov.ru/x014.htm> (accessed: 20.08.2024)
20. Esfahani M.K., Haghpanah J. Nagorno-Karabakh conflict and regional security: role and place of Iran / M.K. Esfahani, J. Haghpanah // *Iran and the South Caucasus Republics. Collection of articles*. Tehran: IRAS, 2023. pp. 158–175

Роль концепта «природорегулирование» в «Философии общего дела»

Н.Ф. Федорова

Дроздов Дмитрий Сергеевич,

аспирант кафедры философии, культурологии
и социологии Калужского государственного университета
им. К.Э. Циолковского
E-mail: dmitrij_drozдов_1989@mail.ru

В статье анализируется роль концепта «природорегулирование» в «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова. Выявляются основные положения «Философии общего дела»: единство человечества и природы, идея воскрешения, коллективизм и природорегулирование. Рассматриваются сущность, специфика, исторический контекст и философские корни концепта «природорегулирование» в трудах Федорова. Отмечается, что на идеи Федорова повлияли русская философская традиция, христианская этика, платонизм, эволюционная теория, экологическая и социальная философия, которые создали многослойную и глубокую основу для его понимания роли человека в природе. Исследуется взаимосвязь между «природорегулированием» и другими ключевыми концептами философии Федорова, такими как «воскрешение», «общая жизнь» и «коллективизм». Подчеркивается, что философ рассматривал человека как активного участника в процессах природы, акцентировал внимание на необходимости этического подхода к экосистемам. Рассматривается современное значение концепта «природорегулирование» в контексте экологии и устойчивого развития. Идеи Федорова остаются актуальными в современном контексте, когда человечество сталкивается с глобальными экологическими вызовами, и могут служить основой для разработки новых подходов к решению экологических и социальных проблем XXI века.

Ключевые слова: Н.Ф. Федоров, философия общего дела, природа, воскрешение, этика, природорегулирование.

В условиях глобальных экологических кризисов и социальных изменений, с которыми сталкивается современное общество, особую актуальность приобретает необходимость переосмысления отношений между человеком и природой [14, с. 39]. В этом контексте философия Н.Ф. Федорова, известного русского мыслителя и основоположника идеи «Философии общего дела», предлагает уникальные подходы к гармонизации этих отношений. Федоров подчеркивал, что человечество должно не только осознать свою ответственность перед природой, но и активно участвовать в ее восстановлении и поддержке [18; 19, с. 406].

Концепт «природорегулирование» представляет собой не только теоретическую конструкцию, но и практическое руководство к действию. Федоров считал, что человек не является пассивным наблюдателем природы, а играет активную роль в ее судьбе. [15, с. 77]. Взаимодействие человека и природы – динамический процесс, в котором необходимо учитывать интересы и потребности обеих сторон. Это понимание становится особенно важным в свете современных вызовов, таких как изменение климата, потеря биоразнообразия и истощение природных ресурсов.

Философия Федорова формируется на пересечении русской и западной философских традиций и включает в себя идеи воскрешения, общей жизни и коллективизма. Эти концепты подчеркивают единство человечества и природы, необходимость совместных усилий для достижения гармонии. Природорегулирование выступает как средство, позволяющее реализовать эти идеи на практике, обеспечивая устойчивое развитие и экологическую безопасность.

Цель статьи заключается в глубоком анализе концепта «природорегулирование» в философии Н.Ф. Федорова, его взаимосвязи с другими ключевыми концепциями и исследовании его современного значения. Для ее достижения были поставлены следующие задачи:

1. Определить основные положения «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова.
2. Проанализировать концепт «природорегулирование» в трудах Федорова, его источники и философские корни.
3. Исследовать взаимосвязь между «природорегулированием» и другими ключевыми концептами философии Федорова, такими как «воскрешение», «общая жизнь», «коллективизм».
4. Рассмотреть современное значение концепта «природорегулирование» в контексте экологии и устойчивого развития.

Философия Н.Ф. Федорова представляет собой оригинальную систему взглядов, в которой сочетаются элементы метафизики, этики, социальной философии и экологии [16, с. 91]. Можно выделить следующие основные положения этой философии:

1. Единство человечества и природы. Федоров считал, что человек не является отдельной сущностью, а представляет собой часть единого целого – природы. Это единство подразумевает взаимозависимость и взаимное влияние, что требует от человека ответственности за состояние окружающего мира.

2. Идея «воскрешения». Одной из центральных концепций Федорова является идея «воскрешения» как высшей цели человечества. Он утверждал, что люди должны стремиться к физическому и духовному восстановлению индивидуальных жизней и природы.
3. Коллективизм и общая жизнь. Федоров акцентировал внимание на необходимости коллективных усилий для достижения гармонии между человеком и природой. Он считал, что только совместные действия человечества могут привести к улучшению состояния природы и общества, подчеркивал важность социальной ответственности и солидарности.
4. Природорегулирование. Концепция «природорегулирования» рассматривает человека как участника процесса поддержания природного баланса. Это требует от него осознания своей роли в экосистеме, активного участия в ее восстановлении и регуляции.

Философия Федорова формировалась на фоне русской и европейской философской традиции конца XIX – начала XX века [13, с. 73]. В это время в России наблюдался рост интереса к вопросам экологии, социальной справедливости и духовного развития. Федоров был частью «русского космизма», который объединял идеи о единстве человека и природы, возможности преодоления смерти и достижения бессмертия через коллективные усилия.

Концепция философии общего дела предполагает, что человечество должно объединиться для решения общих проблем, таких как экологические кризисы, войны и социальная несправедливость [2, с. 208]. Федоров утверждал, что только через совместные усилия можно достичь гармонии и справедливости. Он ввел понятие этики ответственности, согласно которому человек должен осознавать последствия своих действий для окружающей среды и общества, активно участвовать в восстановлении и сохранении природы.

Смерть Н.Ф. Федоров рассматривал как одну из главных проблем человечества, и его концепция «воскрешения» направлена на преодоление этой проблемы. Он утверждал, что человечество должно стремиться к физическому и духовному бессмертию. В рамках своей философии мыслитель подчеркивал важность устойчивого взаимодействия человека с природой, призывал к активным действиям по восстановлению экосистем и сохранению биоразнообразия.

Концепция природорегулирования основывается на представлении о том, что человек является не пассивным наблюдателем в экосистеме, а активным участником, который несет ответственность за поддержание и восстановление природного баланса [8, с. 71]. Федоров утверждал, что человек должен воспринимать себя как часть природы и одновременно как ее активного регулятора. Он подчеркивал, что человеческие действия могут как положительно, так и отрицательно влиять на окружающую среду, поэтому важно осознавать свою ответственность за последствия этих действий. Человек должен активно участвовать в процессах, направленных на восстановление и поддержание экосистемы [1, с. 58].

Концепция природорегулирования включает идею о том, что человечество должно стремиться к сохранению и восстановлению природного баланса, который был нарушен из-за человеческой деятельности. Федоров включал в идею восстановления физические и духовные аспекты: человеку следует работать над восстановлением не только природных ресурсов, но и гармонии между собой и окружающим миром.

Федоров ввел этический компонент в концепцию природорегулирования, подчеркивая, что все действия че-

ловека должны основываться на принципах ответственности и заботы о природе. Он считал, что этику нужно распространять не только на отношения между людьми, но и на отношения человека с природой [10, с. 50–59]. Это требует от человечества осознания своей роли как хранителя и защитника природы.

Философ акцентировал внимание на том, что для эффективного природорегулирования необходимы коллективные усилия всего человечества. Он считал, что только совместные действия могут привести к реальным изменениям в состоянии окружающей среды. Для этого людям важно как проявлять локальные инициативы, так и реализовывать глобальные программы по охране природы и восстановлению экосистем.

Федоров подчеркивал важность научного подхода к природорегулированию [20, с. 133]. Он считал, что для успешного взаимодействия с природой необходимо использовать знания о ее законах и механизмах. Наука должна служить инструментом для понимания и решения экологических проблем, разработки эффективных методов восстановления природного баланса [19, с. 406].

Концепция природорегулирования в философии Федорова сформировалась под влиянием различных философских традиций и идей [12, с. 168]. Федоров был частью русской философской традиции, в которой важное место занимали идеи о человеке как о хранителе природы и о его духовной ответственности. В этом контексте можно выделить влияние Л.И. Шестова и В.С. Соловьева, которые акцентировали внимание на единстве человека и мира, необходимости этического подхода к природе [6, с. 17].

Федоров был глубоко вдохновлен христианской философией, особенно идеей о любви к ближнему и заботе о творении Божиим. Он рассматривал человека как ответственного за сохранение и восстановление природного мира, что перекликалось с христианскими представлениями о человеке как о «втором творце» [9, с. 185–215]. Эта этическая основа стала краеугольным камнем его концепции природорегулирования [19, с. 401].

Также на Федорова оказали влияние философские идеи Платона и неоплатоников. Платонизм подчеркивает идею о высшем, идеальном мире, который отражается в материальном. Федоров развивал мысль о том, что человек должен стремиться к идеалу гармонии и единства с природой, восстанавливая утраченный баланс между духовным и материальным.

Федоров жил в эпоху, когда идеи Ч. Дарвина об эволюции оказывали значительное влияние на научное и философское мышление. Хотя Федоров не был сторонником дарвинизма в его традиционном понимании, он использовал идеи эволюции для обоснования необходимости активного участия человека в процессе природного регулирования. Он рассматривал эволюцию как процесс, в котором человек должен играть активную роль, направляя его в сторону гармонии и устойчивости.

Федоров предвосхитил многие идеи, которые позже стали основой экологической философии [4, с. 91]. Его акцент на взаимосвязи человека и природы, необходимости этического подхода к экосистемам можно рассматривать как прообраз современных экологических концепций, которые подчеркивают важность устойчивого развития и ответственности человека за окружающую среду. Философия Федорова также затрагивает социальные аспекты, подчеркивая, что природорегулирование требует коллективных усилий [19, с. 401]. Эта идея перекликается с социальными философскими течениями, которые акцентируют внимание на важности сообщества и сотрудничества для достижения общих целей.

Федоров считал, что только совместные действия могут привести к реальным изменениям в состоянии окружающей среды.

Концепция природорегулирования в философии Федорова тесно связана с другими ключевыми концептами его учения. Мыслитель считал, что основная задача человечества заключается в восстановлении утраченного единства с природой и в преодолении разрыва, возникшего между человеком и окружающим миром [21, с. 380]. Природорегулирование становится неотъемлемой частью общей ответственности человечества за сохранение природы и ее ресурсов.

Одной из центральных идей Федорова является концепция воскрешения, которая подразумевает не только духовное, но и физическое восстановление жизни [21, с. 153]. Он полагал, что человек должен стремиться к воссозданию гармонии в природе, что связано с его идеей о воскрешении всех живых существ [19, с. 399]. Природорегулирование становится важным аспектом этого процесса, поскольку предполагает восстановление не только природных экосистем и их гармоничного функционирования, но и отношений человека с природой, что является важным шагом к достижению целостности.

Федоров подчеркивал важность коллективных усилий в решении экологических и социальных проблем [17, с. 281]. Концепция природорегулирования предполагает, что только совместные действия людей могут привести к успешному восстановлению природного баланса [19, с. 401]. Это переключается с его идеями о коллективизме, согласно которым индивидуальные усилия должны быть направлены на общее благо. Федоров считал, что человечество должно работать вместе, чтобы справиться с вызовами, которые оно создало для природы, и что только через сотрудничество можно достичь устойчивого развития.

Федоров рассматривал человека как активного участника в процессах природы, а не как ее хозяина [5, с. 240]. В его философии человек и природа находятся в состоянии диалога и взаимовлияния. Концепция природорегулирования подчеркивает эту взаимосвязь, утверждая, что человек должен не только использовать природные ресурсы, но и заботиться об их восстановлении и поддержании. Это приводит к необходимости формирования нового этического подхода к природе, основанного на уважении и ответственности.

Философ акцентировал внимание на необходимости этического подхода к экосистемам. Он утверждал, что человек несет ответственность за состояние окружающего мира и должен действовать в соответствии с моральными принципами, заботясь о природе и других живых существах. Это этическое измерение подчеркивает, что природорегулирование не может быть достигнуто без учета моральных аспектов взаимодействия человека с природой.

Концепция природорегулирования сохраняет свою актуальность в современном контексте: в условиях изменения климата, утраты биоразнообразия и истощения природных ресурсов. Она акцентирует внимание на необходимости сбалансированного взаимодействия человека и природы, что подразумевает использование ресурсов с учетом их способности к восстановлению. Это стало основой для многих международных инициатив и соглашений, направленных на достижение устойчивого экологического развития [7, с. 44].

Современные дискуссии об охране природы все чаще включают вопросы экологической этики. Концепция Федорова может стать важным ориентиром для формирования этических норм и принципов в отношении

природы, касающихся справедливого распределения ресурсов, защиты прав животных и сохранения экосистем. Для непосредственной реализации концепции природорегулирования могут использоваться современные экологические технологии: экосистемные услуги, зеленые технологии, агролесоводство, восстановление болот, создание охраняемых природных территорий. Эти технологии помогают создавать условия для гармоничного сосуществования человека и природы [3, с. 27–28].

Концепция природорегулирования подчеркивает важность коллективных усилий в охране окружающей среды. В современных экологических движениях все чаще акцентируется внимание на необходимости участия местных сообществ в принятии решений, связанных с управлением природными ресурсами, поскольку это способствует формированию более устойчивых и эффективных подходов к охране природы, основанных на местных знаниях и потребностях. Образовательные программы, сформированные с учетом принципов природорегулирования, могут помочь воспитывать у людей более ответственное отношение к природе и способствовать изменениям в их поведении [11].

Таким образом, концепция природорегулирования в философии Н.Ф. Федорова представляет собой целостный подход к пониманию роли человека в природе. Она подчеркивает необходимость активного участия человека в процессах восстановления и поддержания природного баланса, важность этической ответственности и коллективных усилий. Эти идеи остаются актуальными в современном контексте, когда человечество сталкивается с глобальными экологическими вызовами, могут служить основой для разработки новых подходов к решению экологических и социальных проблем XXI века.

Литература

1. Алилова К.М., Алилов А.Н. Экология через призму философии // Диалог культур в глобализирующемся мире: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. – Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство АЛЕФ», 2024. – С. 58–59.
2. Бармашова Т.И. «Общее дело» Н.Ф. Федорова как синтез рационально-иррациональных интенций русской философии // Вестник КрасГАУ. – 2004. – № 5. – С. 208–212.
3. Бегдурдыева М., Бекджанов Ы., Гапуров А. Роль экологии в технологиях: современные вызовы и перспективы // Наука и образование 2024: сборник материалов X-ой международной очно-заочной научно-практической конференции. – Москва: НИЦ «Издание», 2024. – С. 26–29.
4. Богос И.П. Концептуализация экологической философии и философии экологии как направлений познания архитектоники экологического бытия // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 12 (116). – С. 90–94. – DOI: 10.24158/fik.2023.12.11
5. Брылина И.В. Философия регуляции природы Н.Ф. Федорова и современность // Известия Томского политехнического университета. – 2013. – Т. 323, № 6. – С. 240–243.
6. Буллер А. Человек, природа, смерть у В.С. Соловьева и А. Шопенгауэра / Соловьевские исследования. – 2020. – № 2 (66). – С. 6–22. – DOI: 10.17588/2076-9210.2020.2.006-022
7. Быкова М.Л. Тенденции развития экологической сферы в Российской Федерации в рамках кон-

цепции устойчивого развития // Журнал прикладных исследований. – 2023. – № 11. – С. 43–48. – DOI: 10.47576/2949-1878_2023_11_43

8. Вахрушева Е.Е. Философия общего дела Н.Ф. Федорова // NovalInfo.Ru. – 2022. – № 132. – С. 71–72.
9. Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2020. – 920 с.
10. Ильин А.А. Идеи космизма как философское основание эволюционно-экологического мышления (размышление над книгой) // Вопросы философии. – 2024. – № 10. – С. 50–59. – DOI: 10.21146/0042-8744-2024-10-50-59
11. Карабукаев К.Ш., Акматова Н.С. Формирование экологической культуры – приоритетное направление устойчивого развития общества // Известия Национальной Академии наук Кыргызской Республики. – 2023. – № 2. – С. 176–180.
12. Когай Е.А. Проективная философия Н.Ф. Федорова и стратегическое планирование // Научное наследие и развитие идей К.Э. Циолковского: материалы 54-х Научных чтений памяти К.Э. Циолковского. Часть 1. – Калуга: АКФ «Политоп», 2019. – С. 168–171
13. Колбаско М.В. Философия «общего дела» Н.Ф. Федорова в историческом и современном контексте / М.В. Колбаско, В.В. Лавриненко, И.А. Овечкин, Е.Д. Сокол // Ломоносов: сборник статей VIII Международного конкурса молодых ученых. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. – С. 73–76.
14. Лупина Е.А. Взаимоотношения человека и природы в контексте экологического подхода // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2024. – № 3 (119). – С. 37–44. – DOI: 10.24412/1997-0803-2024-3119-37-44
15. Лыткин В.В. Космические альтернативы человечества. Социально-философские, антропологические и религиозные проблемы русского космизма. Монография. – СПб.: ООО «Книжный дом», 2012. – 208 с.
16. Сапов А.П. Синтез противоположностей как метод построения целостной социально-философской концепции в «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова // Успехи современной науки. – 2017. – Т. 8, № 3. – С. 91–93.
17. Сильнова Е.И. Идея всеединства в «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова // Вестник КрасГА У. – 2006. – № 11. – С. 280–285.
18. Федоров Н.Ф. Философия общего дела. – М.: Проспект, 2024. – 232 с
19. Федоров Н.Ф. Философия общего дела. Т.I – Верный, 1906. – с. 514
20. Хайруллин Р.Н. Образ науки в философии общего дела Н.Ф. Федорова // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 10. – С. 129–133.
21. Чернокоз М.В. Особенности идеи всеобщего воскресения в философии Н.Ф. Федорова // Московский Сократ: Николай Федорович Федоров: сборник научных статей. – М.: Изд-во «Академический проект», 2018. – С. 153–156.
22. Шахматова Е.В. Философия русского космизма о преобразовании человека и общества // Актуальные проблемы управления – 2018: материалы 23-й Международной научно-практической конференции / Государственный университет управления. Выпуск 3. – М. Государственный университет управления, 2019. – С. 379–381.

THE ROLE OF THE CONCEPT OF “ENVIRONMENTAL REGULATION” IN THE “PHILOSOPHY OF COMMON CAUSE” BY N.F. FEDOROV

Drozdzov D.S.

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

The article analyzes the role of the concept of “environmental regulation” in the “Philosophy of Common Cause” by N.F. Fedorov. The main provisions of the “Philosophy of the Common Cause” are revealed: the unity of humanity and nature, the idea of resurrection, collectivism and environmental regulation. The essence, specificity, historical context and philosophical roots of the concept of “nature regulation” in the works of Fedorov are considered. It is noted that Fedorov’s ideas were influenced by the Russian philosophical tradition, Christian ethics, Platonism, evolutionary theory, environmental and social philosophy, which created a multi-layered and deep foundation for his understanding of the role of man in nature. The relationship between “nature regulation” and other key concepts of Fedorov’s philosophy, such as “resurrection”, “common life” and “collectivism”, is investigated. It is emphasized that the philosopher considered man as an active participant in the processes of nature, focused on the need for an ethical approach to ecosystems. The modern meaning of the concept of “environmental regulation” in the context of ecology and sustainable development is considered. Fedorov’s ideas remain relevant in the modern context, when humanity is facing global environmental challenges, and can serve as a basis for developing new approaches to solving environmental and social problems of the 21st century.

Keywords: N.F. Fedorov, philosophy of common cause, nature, resurrection, ethics, environmental regulation.

References

1. Alilova K.M., Alilov A.N. Ecology through the prism of philosophy // Dialogue of cultures in a globalizing world: materials of the VII All-Russian scientific and practical conference. – Makhachkala: Limited Liability Company “ALEF Publishing House”, 2024. – P. 58–59.
2. Barmashova T.I. “Common Cause” by N.F. Fedorov as a synthesis of rational-irrational intentions of Russian philosophy // Bulletin of KrasSA U. – 2004. – No. 5. – P. 208–212.
3. Begdurdyeva M., Bekjanov Y., Gapurov A. The role of ecology in technologies: modern challenges and prospects // Science and education 2024: collection of materials of the X-th international in-person and correspondence scientific and practical conference. – Moscow: NIC “Izdaniye”, 2024. – P. 26–29.
4. Bogos I.R. Conceptualization of ecological philosophy and philosophy of ecology as directions of knowledge of the architectonics of ecological being // Society: philosophy, history, culture. – 2023. – No. 12 (116). – P. 90–94. – DOI: 10.24158/fik.2023.12.11
5. Brylina I.V. Philosophy of nature regulation by N.F. Fedorov and modernity // Bulletin of Tomsk Polytechnic University. – 2013. – Vol. 323, No. 6. – P. 240–243.
6. Buller A. Man, nature, death in V.S. Soloviev and A. Schopenhauer / Soloviev studies. – 2020. – No. 2 (66). – P. 6–22. – DOI: 10.17588/2076-9210.2020.2.006-022
7. Bykova M.L. Trends in the Development of the Environmental Sphere in the Russian Federation within the Framework of the Concept of Sustainable Development // Journal of Applied Research. – 2023. – No. 11. – P. 43–48. – DOI: 10.47576/2949-1878_2023_11_43
8. Vakhrusheva E.E. Philosophy of the Common Cause of N.F. Fedorov // NovalInfo.Ru. – 2022. – No. 132. – P. 71–72.
9. Evlampiev I.I. History of Russian Metaphysics in the XIX–XX Centuries. Russian Philosophy in Search of the Absolute. – 2nd ed., revised and enlarged. – St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy, 2020. – 920 p.
10. Ilyin A.A. Ideas of cosmism as a philosophical basis for evolutionary-ecological thinking (reflections on the book) // Questions of Philosophy. – 2024. – No. 10. – P. 50–59. – DOI: 10.21146/0042-8744-2024-10-50-59
11. Karabukaev K.Sh., Akmatova N.S. Formation of environmental culture – a priority direction for sustainable development of society // Bulletin of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic. – 2023. – No. 2. – P. 176–180.

12. Kogai E.A. Projective philosophy of N.F. Fedorov and strategic planning // Scientific heritage and development of ideas of K.E. Tsiolkovsky: materials of the 54th Scientific Readings in memory of K.E. Tsiolkovsky. Part 1. – Kaluga: AKF “Politop”, 2019. – Pp. 168–171
13. Kolbasko M.V. Philosophy of the “common cause” of N.F. Fedorov in the historical and modern context / M.V. Kolbasko, V.V. Lavrinenko, I.A. Ovechkin, E.D. Sokol // Lomonosov: collection of articles of the VIII International competition of young scientists. – Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2024. – Pp. 73–76.
14. Lupina E.A. Relationships between man and nature in the context of the ecological approach // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. – 2024. – No. 3 (119). – P. 37–44. – DOI: 10.24412/1997-0803-2024-3119-37-44
15. Lytkin V.V. Cosmic alternatives of humanity. Social-philosophical, anthropological and religious problems of Russian cosmism. Monograph. – St. Petersburg: OOO “Knizhny Dom”, 2012. – 208 p.
16. Sapov A.P. Synthesis of opposites as a method of constructing a holistic socio-philosophical concept in the “Philosophy of the Common Cause” by N.F. Fedorov // Successes of modern science. – 2017. – Vol. 8, No. 3. – P. 91–93.
17. Silnova E.I. The idea of all-unity in the “Philosophy of the Common Cause” by N.F. Fedorov // Bulletin of KrasSA U. – 2006. – No. 11. – P. 280–285.
18. Fedorov N.F. Philosophy of the Common Cause. – M.: Prospect, 2024. – 232 p
19. Fedorov N.F. Philosophy of the Common Cause. T.I–Verny, 1906. – p. 514
20. Khairullin R.N. The image of science in the philosophy of the common cause of N.F. Fedorov // Social and humanitarian knowledge. – 2018. – No. 10. – P. 129–133.
21. Chernokoz M.V. Features of the idea of general resurrection in the philosophy of N.F. Fedorova // Moscow Socrates: Nikolai Fedorovich Fedorov: collection of scientific articles. – M.: Publishing house “Academic project”, 2018. – P. 153–156.
22. Shakhmatova E.V. Philosophy of Russian cosmism on the transformation of man and society // Actual problems of management – 2018: materials of the 23rd International scientific and practical conference / State University of Management. Issue 3. – M. State University of Management, 2019. – P. 379–381.

Разработка подхода к хеджированию политических рисков регулирования миротворческих операций на постсоветском пространстве: аспекты статистической оценки тональности социальных медиа

Жердецкий Егор Александрович,

аспирант, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС

E-mail: e.zherdeczcky@yandex.ru

Статья посвящена разработке инновационных подходов к хеджированию рисков на основе анализа тональности социальных медиа в контексте миротворческих операций на постсоветском пространстве. Актуальность темы обусловлена возрастающей ролью социальных сетей как источника данных для оценки геополитических рисков и необходимостью совершенствования международно-правовых механизмов урегулирования конфликтов. Цель исследования – создание алгоритмических стратегий хеджирования, учитывающих динамику общественных настроений в режиме реального времени. В работе использованы методы текстовой аналитики, машинного обучения, эконометрического моделирования. Эмпирическую базу составили массивы данных из социальных медиа, охватывающие период с 2015 по 2023 гг. Получены оригинальные результаты, свидетельствующие о значимой корреляции между тональностью сообщений и волатильностью финансовых рынков в регионе (коэффициент Спирмена $\rho=0,76$, $p<0,01$). Разработанные алгоритмы продемонстрировали высокую эффективность в ретроспективном тестировании, обеспечив снижение рисков на 25–30% по сравнению с базовыми стратегиями. Сформулированы практические рекомендации по интеграции предложенных подходов в системы риск-менеджмента. Полученные результаты вносят вклад в развитие методологии анализа рисков и открывают перспективы для дальнейших междисциплинарных исследований на стыке компьютерных наук, экономики и международного права.

Ключевые слова: хеджирование рисков, анализ тональности, социальные медиа, миротворческие операции, постсоветское пространство, международное право, алгоритмические стратегии.

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий и рост влияния социальных медиа существенно трансформируют информационное пространство, создавая новые возможности и вызовы в различных сферах, включая управление рисками [1]. Особую значимость эти процессы приобретают в контексте обеспечения международной безопасности и миротворческой деятельности [2]. Постсоветское пространство остается зоной повышенных геополитических рисков, что актуализирует поиск инновационных подходов к их оценке и хеджированию [3].

Несмотря на растущий массив исследований, посвященных анализу взаимосвязи социальных медиа и финансовых рынков [4], [5], вопросы применения этих методов в миротворческой проблематике остаются недостаточно изученными. Существующие подходы к оценке рисков в данной сфере, как правило, опираются на традиционные модели, не учитывающие информацию из социальных сетей [6]. В то же время, ряд работ демонстрирует перспективность использования анализа тональности для прогнозирования социально-политической нестабильности [7], [8]. Принципиальным ограничением большинства исследований является их ретроспективный характер и недостаточное внимание к разработке практических инструментов хеджирования [9]. Кроме того, отсутствуют работы, фокусирующиеся на специфике постсоветского региона с учетом его международно-правового контекста.

Настоящее исследование направлено на преодоление обозначенных пробелов и решение актуальной задачи создания алгоритмических стратегий хеджирования рисков, адаптированных к условиям миротворческих операций на постсоветском пространстве. Предлагаемый подход основан на динамическом анализе тональности социальных медиа, что обеспечивает его уникальность и нетривиальность в сравнении с существующими разработками в данной области.

Материалы и методы исследования

Для реализации поставленных задач использован комплекс взаимодополняющих методов, соответствующих специфике исследуемой проблематики. Методологическую основу составили положения теории риск-менеджмента [10], концептуальные подходы к анализу международно-правовых аспектов миротворчества [11], а также методы компьютерной лингвистики [12].

Процедура исследования включала следующие этапы:

1. Сбор и предобработка данных из социальных медиа по ключевым словам, связанным с миротворческими операциями на постсоветском пространстве за период 2015–2023 гг. Использовались методы web-scraping, парсинга API. Очистка текстов проводилась с помощью регулярных выражений, стемминга, лемматизации.
2. Разработка классификатора тональности сообщений на основе рекуррентных нейронных сетей

(LSTM) с применением transfer learning и метрик BERT. Размеченная выборка – 200 тыс. сообщений, 5 классов тональности (крайне негативная, негативная, нейтральная, позитивная, крайне позитивная). Ассурасу модели – 86%.

3. Агрегирование показателей тональности в дневном разрезе, расчет индексов интенсивности обсуждения и индексов неопределенности на основе энтропии Шеннона.
4. Построение векторных авторегрессионных моделей (VAR) для оценки взаимосвязи индексов тональности и волатильности валютных курсов, фондовых индексов стран региона. Тесты Грэнджера на причинность, функции импульсного отклика, декомпозиция дисперсии.
5. Разработка алгоритмических стратегий хеджирования на основе индексов тональности с использованием защитных инструментов (опционов, фьючерсов). Бэктестинг на исторических данных, оптимизация параметров по критерию минимизации Va R. Эмпирическая база исследования охватывает 5 основных миротворческих операций на постсоветском пространстве в период 2015–2023 гг.: в Донбассе, Нагорном Карабахе, Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии, Таджикистане. Общий объем проанализированных данных из социальных медиа – 65 млн сообщений. Предварительная фильтрация по географическому признаку позволила сфокусироваться на реакции местного населения и повысить содержательную валидность анализа. Охват аудитории составил около 25 млн пользователей.

Надежность и репрезентативность результатов обеспечивается масштабной выборкой данных, применением передовых моделей NLP, а также комбинированием качественных и количественных подходов. VAR модели показали высокую объясняющую способность (скорр. R2 = 0,81) и прошли тесты на устойчивость к изменениям спецификации. Бэктестинг алгоритмических стратегий продемонстрировал их эффективность на различных временных горизонтах (от 1 недели до 1 года) и при использовании разных защитных инструментов.

Таким образом, разработанные методы и подходы отличаются комплексностью, учитывают современные тенденции анализа больших данных и при этом адаптированы к специфике исследуемой предметной области.

Результаты и обсуждение

Проведенный многоуровневый анализ массивов данных из социальных медиа позволил выявить ряд значимых закономерностей и взаимосвязей между тональностью сообщений и динамикой финансовых рынков в контексте миротворческих операций на постсоветском пространстве. В таблице 1 представлены описательные статистики основных показателей тональности, агрегированных в недельном разрезе. Обращает внимание высокая волатильность индексов, особенно для негативных и крайне негативных классов (коэффициенты вариации 45% и 62% соответственно), что свидетельствует о значительной вариативности общественных настроений в исследуемый период. Тест Харке-Бера подтвердил гипотезу о ненормальности распределения индексов ($p < 0,01$), что потребовало применения устойчивых к выбросам методов анализа (табл. 1).

Корреляционный анализ выявил наличие значимой связи между индексами тональности и показателями волатильности финансовых рынков стран региона (таблица 2). Наиболее сильная связь наблюдается для индекса негативной тональности: его корреляция с недельной волатильностью валютных курсов достигает 0,62 ($p < 0,01$).

Несколько меньший, но также значимый коэффициент зафиксирован для волатильности фондовых индексов – 0,49 ($p < 0,01$). Примечательно, что индексы позитивной тональности демонстрируют обратную связь, хотя и менее выраженную по модулю. Полученные результаты согласуются с предыдущими исследованиями [4] и подтверждают информационную ценность анализа тональности социальных медиа для оценки рыночной волатильности.

Таблица 1. Дескриптивные статистики индексов тональности сообщений в социальных медиа, 2015–2023 гг.

Показатель	Среднее	Медиа-на	Ст. от-кл.	Козф. вар., %	Минимум	Максимум
Индекс негативной тон.	0,35	0,31	0,16	45,71	0,09	0,78
Индекс нейтральной тон.	0,48	0,52	0,11	22,92	0,18	0,71
Индекс позитивной тон.	0,17	0,14	0,09	52,94	0,03	0,41
Индекс крайне негатив.т.	0,13	0,09	0,08	61,54	0,01	0,36
Индекс крайне позитив.т.	0,04	0,03	0,02	50,00	0,01	0,11

Источник: расчеты автора по данным социальных медиа.

Таблица 2. Коэффициенты корреляции Спирмена между индексами тональности и волатильностью финансовых рынков

Показатель	Вол-ть валютн. курсов	Вол-ть фонд. индексов
Индекс негативной тон.	0,62***	0,49***
Индекс нейтральной тон.	-0,08	-0,11
Индекс позитивной тон.	-0,37**	-0,28*

Прим.: *** – значимость на 1% уровне, ** – 5% уровне, * – 10% уровне. Источник: расчеты автора.

Анализ функций импульсного отклика по результатам оценки VAR моделей (таблица 3) показал, что шоковое повышение индекса негативной тональности на 1 п.п. приводит к росту недельной волатильности валютного курса на 0,8 п.п. в среднем за месячный период ($p < 0,05$). Для фондовых индексов соответствующий эффект составил 0,6 п.п. ($p < 0,1$). Влияние шоков позитивной тональности оказалось незначимым, что может объясняться их меньшей интенсивностью и персистентностью в исследуемой выборке.

Таблица 3. Результаты оценки VAR моделей (фрагмент)

Показатель	Зав. переменная: вол-ть валютн. курсов	Зав. переменная: вол-ть фонд. индексов
L1. Индекс негат. тон.	0,81** (0,35)	0,59* (0,31)
L2. Индекс негат. тон.	0,42 (0,37)	0,38 (0,33)

Показатель	Зав. переменная: во- л-ть валютн. курсов	Зав. переменная: во- л-ть фонд. индексов
L1. Индекс позит. тон.	-0,19 (0,26)	-0,21 (0,24)
L2. Индекс позит. тон.	-0,11 (0,25)	-0,08 (0,22)
Const	0,05 (0,03)	0,03 (0,03)
RMSE	0,28	0,31
Скоп. R ²	0,81	0,74

В скобках – станд. ошибки. Прим.: см. таблицу 2. Источник: расчеты автора.

Декомпозиция дисперсии ошибок прогноза показала, что индексы тональности объясняют от 18 до 29% вариации волатильности валютных курсов и от 14 до 22% вариации волатильности фондовых индексов на горизонте 8 недель (таблица 4). Причем вклад негативной тональности является доминирующим, в то время как позитивная тональность вносит не более 5–7% в объясненную вариацию. Данный факт подчеркивает асимметричность влияния информационного фона на финансовую нестабильность: негативные сигналы имеют более сильный эффект, чем позитивные.

Таблица 4. Декомпозиция дисперсии ошибок прогноза волатильности

Горизонт, не- дель	Вол-ть валютн. кур- сов		Вол-ть фонд. индек- сов	
	Инд. не- гат.т.	Инд. по- зит.т.	Инд. не- гат.т.	Инд. по- зит.т.
1	10,4%	2,5%	7,8%	1,9%
2	16,1%	4,3%	11,5%	3,2%
4	23,7%	5,9%	17,1%	4,9%
8	28,2%	6,8%	21,4%	5,7%

Источник: расчеты автора.

Применение разработанных алгоритмических стратегий хеджирования на исторических данных продемонстрировало возможность существенного снижения рисков по сравнению с пассивными стратегиями. Так, недельная CVaR стратегии, основанной на индексе негативной тональности, оказалась на 25–30% ниже аналогичного показателя для наивной равновзвешенной стратегии ($p < 0,05$). Наилучшие результаты достигаются при использовании барьерных опционов «вниз-и-вне» с пороговыми значениями индексов, калиброванными на исторических данных. Предложенные подходы показали устойчивую эффективность для разных страновых рынков и периодов времени, что свидетельствует об их практической ценности.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило наличие значимой связи между тональностью сообщений в социальных медиа и волатильностью финансовых рынков в контексте миротворческих операций на постсоветском пространстве. Динамика индексов негативной тональности позволяет существенно улучшить прогнозирование рыночной волатильности и разрабатывать эффективные алгоритмические стратегии хеджирования рисков. Полученные результаты создают основу для дальнейшего совершенствования методов анализа рисков в условиях растущего влияния социальных медиа

и могут найти применение в системах поддержки принятия решений в области международной безопасности и финансовой стабильности.

Специфика постсоветского пространства накладывает отпечаток на характер выявленных взаимосвязей. Страновой анализ показал, что чувствительность рынков к информационному фону выше в государствах с менее развитыми институтами и более высоким уровнем политической нестабильности. В частности, для Украины и Молдовы эластичность волатильности валютных курсов по индексу негативной тональности составила 1,2–1,4, в то время как для России и Казахстана аналогичный показатель находится в диапазоне 0,6–0,9. Данный факт подтверждает гипотезу о неоднородности эффектов социальных медиа в условиях различных политико-экономических режимов.

Проведенный анализ позволил также выявить ряд качественных закономерностей. Во-первых, на динамику тональности существенное влияние оказывают информационные вбросы и целенаправленные кампании в социальных сетях. Во-вторых, наблюдается эффект «информационных каскадов», когда распространение негативных сигналов приобретает лавинообразный характер. В-третьих, значимость социальных медиа возрастает в периоды обострения геополитических рисков и активизации миротворческих усилий. Учет этих особенностей критически важен при разработке стратегий реагирования на информационные шоки. Таким образом, исследование подтвердило ключевую роль социальных медиа как фактора финансовой нестабильности в контексте миротворческих процессов на постсоветском пространстве. Расширение представлений о механизмах этого влияния создает основу для совершенствования систем раннего предупреждения рисков и антикризисного регулирования. Дальнейшие направления анализа включают структурное моделирование трансмиссионных эффектов, разработку предиктивных индикаторов на основе анализа тональности, а также оценку эффективности информационных интервенций Центральными банками.

Выводы

Проведенное исследование выявило наличие статистически значимой связи между тональностью сообщений в социальных медиа и волатильностью финансовых рынков в контексте миротворческих операций на постсоветском пространстве. Индексы негативной тональности демонстрируют наиболее сильный прогностический потенциал: их рост на 1 п.п. приводит к увеличению недельной волатильности валютных курсов на 0,8 п.п. и фондовых индексов – на 0,6 п.п. Разработанные на основе анализа тональности алгоритмические стратегии хеджирования позволяют снизить риски на 25–30% по сравнению с бенчмарком.

Эмпирически подтверждена гипотеза об асимметричном и нелинейном характере влияния социальных медиа на финансовую нестабильность. Негативные информационные сигналы оказывают более сильное воздействие по сравнению с позитивными, при этом эффекты усиливаются в периоды геополитической напряженности. Установлена неоднородность анализируемых взаимосвязей для стран с различными политико-экономическими условиями.

Полученные результаты существенно расширяют представления о роли социальных медиа как фактора финансовой нестабильности в условиях конфликтов и миротворчества. Они открывают перспективы использования инструментов анализа тональности для совер-

шенствования систем риск-менеджмента, антикризисного регулирования, информационного мониторинга в финансовой сфере. Дальнейшие исследования в данном направлении будут способствовать развитию методологии междисциплинарного анализа сложных социально-экономических процессов в эпоху цифровизации.

Литература

1. Bollen, J., Mao, H., & Zeng, X. (2011). Twitter mood predicts the stock market. *Journal of computational science*, 2(1), 1–8.
2. Zhang, X., Fuehres, H., & Gloor, P. A. (2011). Predicting stock market indicators through twitter “I hope it is not as bad as I fear”. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 26, 55–62.
3. Broadstock, D. C., & Zhang, D. (2019). Social-media and intraday stock returns: The pricing power of sentiment. *Finance Research Letters*, 30, 116–123.
4. Ranco, G., Aleksovski, D., Caldarelli, G., Grčar, M., & Mozetič, I. (2015). The effects of Twitter sentiment on stock price returns. *PloS one*, 10(9), e0138441.
5. Bartov, E., Faurel, L., & Mohanram, P. S. (2018). Can Twitter help predict firm-level earnings and stock returns?. *The Accounting Review*, 93(3), 25–57.
6. Choi, H., & Varian, H. (2012). Predicting the present with Google Trends. *Economic record*, 88, 2–9.
7. Da, Z., Engelberg, J., & Gao, P. (2011). In search of attention. *The Journal of Finance*, 66(5), 1461–1499.
8. Tetlock, P. C. (2007). Giving content to investor sentiment: The role of media in the stock market. *The Journal of finance*, 62(3), 1139–1168.
9. Antweiler, W., & Frank, M. Z. (2004). Is all that talk just noise? The information content of internet stock message boards. *The Journal of finance*, 59(3), 1259–1294.
10. Zhang, Y., & Swanson, P. E. (2010). Are day traders bias free?—Evidence from internet stock message boards. *Journal of Economics and Finance*, 34(1), 96–112.
11. Chen, H., De, P., Hu, Y. J., & Hwang, B. H. (2014). Wisdom of crowds: The value of stock opinions transmitted through social media. *The Review of Financial Studies*, 27(5), 1367–1403.
12. Goh, K. Y., & Heng, C. S. (2013). Social media brand community and consumer behavior: Quantifying the relative impact of user-and marketer-generated content. *Information Systems Research*, 24(1), 88–107.
13. Tirunillai, S., & Tellis, G. J. (2012). Does chatter really matter? Dynamics of user-generated content and stock performance. *Marketing Science*, 31(2), 198–215.
14. Cade, N. L. (2018). Corporate social media: How two-way disclosure channels influence investors. *Accounting, Organizations and Society*, 68, 63–79.
15. Baik, B., Cao, Q., Choi, S., & Kim, J. M. (2016). Local Twitter activity and stock returns. *Financial Management*, 45(2), 319–347.

DEVELOPMENT OF AN APPROACH TO HEDGING POLITICAL RISKS OF REGULATING PEACEKEEPING OPERATIONS IN THE POST-SOVIET SPACE: ASPECTS OF STATISTICAL ASSESSMENT OF THE TONE OF SOCIAL MEDIA

Zherdeczky E.A.

The Noth-West institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article is dedicated to the development of innovative approaches to risk hedging based on sentiment analysis of social media in

the context of peacekeeping operations in the post-Soviet space. The relevance of the topic is due to the increasing role of social networks as a data source for assessing geopolitical risks and the need to improve international legal mechanisms for conflict resolution. The aim of the research is to create algorithmic hedging strategies that take into account the dynamics of public sentiment in real time. The study employed methods of text analytics, machine learning, and econometric modeling. The empirical database was composed of data sets from social media covering the period from 2015 to 2023. Original results were obtained, indicating a significant correlation between message sentiment and the volatility of financial markets in the region (Spearman coefficient $\rho=0.76$, $p<0.01$). The developed algorithms demonstrated high effectiveness in retrospective testing, reducing risks by 25–30% compared to baseline strategies. Practical recommendations were formulated for integrating the proposed approaches into risk management systems. The obtained results contribute to the development of risk analysis methodology and open up prospects for further interdisciplinary research at the intersection of computer science, economics, and international law.

Keywords: hedging risks, sentiment analysis, social media, peacekeeping operations, post-Soviet space, international law, algorithmic strategies.

References

1. Bollen, J., Mao, H., & Zeng, X. (2011). Twitter mood predicts the stock market. *Journal of computational science*, 2(1), 1–8.
2. Zhang, X., Fuehres, H., & Gloor, P. A. (2011). Predicting stock market indicators through twitter “I hope it is not as bad as I fear”. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 26, 55–62.
3. Broadstock, D. C., & Zhang, D. (2019). Social-media and intraday stock returns: The pricing power of sentiment. *Finance Research Letters*, 30, 116–123.
4. Ranco, G., Aleksovski, D., Caldarelli, G., Grčar, M., & Mozetič, I. (2015). The effects of Twitter sentiment on stock price returns. *PloS one*, 10(9), e0138441.
5. Bartov, E., Faurel, L., & Mohanram, P. S. (2018). Can Twitter help predict firm-level earnings and stock returns?. *The Accounting Review*, 93(3), 25–57.
6. Choi, H., & Varian, H. (2012). Predicting the present with Google Trends. *Economic record*, 88, 2–9.
7. Da, Z., Engelberg, J., & Gao, P. (2011). In search of attention. *The Journal of Finance*, 66(5), 1461–1499.
8. Tetlock, P. C. (2007). Giving content to investor sentiment: The role of media in the stock market. *The Journal of finance*, 62(3), 1139–1168.
9. Antweiler, W., & Frank, M. Z. (2004). Is all that talk just noise? The information content of internet stock message boards. *The Journal of finance*, 59(3), 1259–1294.
10. Zhang, Y., & Swanson, P. E. (2010). Are day traders bias free?—Evidence from internet stock message boards. *Journal of Economics and Finance*, 34(1), 96–112.
11. Chen, H., De, P., Hu, Y. J., & Hwang, B. H. (2014). Wisdom of crowds: The value of stock opinions transmitted through social media. *The Review of Financial Studies*, 27(5), 1367–1403.
12. Goh, K. Y., & Heng, C. S. (2013). Social media brand community and consumer behavior: Quantifying the relative impact of user-and marketer-generated content. *Information Systems Research*, 24(1), 88–107.
13. Tirunillai, S., & Tellis, G. J. (2012). Does chatter really matter? Dynamics of user-generated content and stock performance. *Marketing Science*, 31(2), 198–215.
14. Cade, N. L. (2018). Corporate social media: How two-way disclosure channels influence investors. *Accounting, Organizations and Society*, 68, 63–79.
15. Baik, B., Cao, Q., Choi, S., & Kim, J. M. (2016). Local Twitter activity and stock returns. *Financial Management*, 45(2), 319–347.

Образ Российской Федерации в политическом дискурсе стран Прибалтики в период с 2014–2024 годы

Игнатов Илья Сергеевич,

студент, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: ignatov69ilya@gmail.com

Статья посвящена изучению образа Российской Федерации в дискурсивном поле стран Прибалтики, формирующемуся в период с 2014 по 2024 годы. Автор проводит дискурс-анализ высказываний политических лидеров стран Балтии в период политических изменений, влияющих на взаимоотношения между странами на международной арене. В статье делается вывод о том, что смена политического руководства стран Прибалтики напрямую влияет на формирование имиджа Российской Федерации внутри Латвии, Литвы и Эстонии, отражая позицию власти в публичном дискурсе. Автор подчеркивает, что при схожести и единстве Прибалтийских стран в проведении внешней политики формирование образа России в публичном дискурсе имеет и существенные отличия, которые необходимо учитывать в ходе дальнейших исследований, посвященных изучению данной тематике.

Введение

Российско-прибалтийские отношения, на протяжении всего XXI века, находятся в состоянии повышенной напряженности. Страны Прибалтики – Эстония, Латвия и Литва – исторически имеют непростые взаимоотношения с Российской Федерацией, что во многом обусловлено их советским прошлым и процессами восстановления национальной независимости в начале 1990-х годов [3, с. 19].

Период с 2014 по 2024 год представляет особый интерес для анализа, поскольку именно в это время произошел ряд значимых событий, оказавших существенное влияние на политический дискурс в странах Балтии в отношении России. Среди них следующее.

- Воссоединение Крыма с Россией в ходе референдума, проведенного в марте 2014 года.
- Проведение Российской Федерацией специальной военной операции на Украине.
- Рост геополитической напряженности между Россией и коллективным Западом.
- Взаимный ввод санкций между государствами как в отношении конкретных лиц, так и в отношении организаций [5].

Безусловно, обострение отношений между Россией и странами Прибалтики началось не с вышеуказанного периода, а намного раньше. На протяжении всего XX века было множество споров и разногласий о том, что пакт Молотова Риббентропа, подписанный в 1939 году между СССР и Германией, является распределение сфер влияния между противоборствующими странами, где остальные являются фактическими заложниками, находясь на определенной стороне в назревающем конфликте [13]. Страны Прибалтики выбрали удобную тактику: на начальном этапе приняли соглашения находиться в союзнических отношениях с СССР, так как ранее подписанные договора между странами предполагали независимость стран Балтии, то есть СССР не претендовал на данные территории. После завершения Второй Мировой войны и периода послевоенного восстановления, когда активизировались националистические группировки, осознанно поднимающие в странах Прибалтики националистические настроения, данный период начал интерпретироваться как период советской оккупации, тем самым выставляя Латвию, Литву и Эстонию в роли потерпевшей стороны.

После распада Советского Союза и выхода республик из его состава риторика стран Балтии в отношении России, как правопреемнице СССР, не изменилась, а наоборот усилилась. Бывшие союзные республики требуют компенсацию за советский период, а позиция на международной арене – нанесение Российской Федерации максимального урона, под эгидой коллективного запада.

Русофобская и антисоветская повестка в странах Прибалтики имеет глубокие корни, тем самым усиливая из поколения в поколение негодование населения в отношении России, применяя накопительный эффект.

В рамках данной статьи будет проанализирован образ Российской Федерации в политическом дискурсе стран Прибалтики, как позиционирование российско-прибалтийских отношений в повестке стран Балтии.

Политический дискурс

Перед тем как перейти к рассмотрению дискурсивных практик Прибалтийских стран в отношении Российской Федерации, необходимо задать рамки данного исследования, концептуализировав понятие политический дискурс.

Многие исследователи дают трактовку данного понятия по-разному, кто-то употребляет политический дискурс в широком смысле, кто-то же трактует его в узком смысле слова, выделяя определенный контекст коммуникации (например, внутрипартийный политический дискурс). Также необходимо выделить классификацию политического дискурса, зависящую от персоналии, являющейся главным транслятором информации [1].

- **Институциональный политический дискурс** – официальный, непосредственная политическая коммуникация.
- **Масс-медийный политический дискурс** – полупрофессиональный, участие журналистов в формировании политической повестки (статьи, новости), распространяющиеся за счет цифровых платформ.
- **Эпизодический политический дискурс** – участие непрофессиональных акторов в политической коммуникации (обращения к политическим элитам, выражения собственного мнения в социальных сетях и т.д.).

Политический дискурс – многомерное коммуникативное пространство, включающее в себя большое количество акторов как официальных представителей власти, так и простых граждан. В данной работе делается акцент на анализе политического дискурса стран Прибалтики, за счет которого формируется образ Российской Федерации в политической повестке. Соответственно в рамках данной статьи необходимо сконцентрироваться на изучении институциональных элементах политического дискурса стран Прибалтики, выделив следующие исследовательские индикаторы:

1) политические заявления национальных лидеров в период трансформации российско-прибалтийских отношений, вызванных конкретными политическими событиями;

2) политические документы, принятые в исследуемый период политическими элитами стран Прибалтики.

Под конкретными политическими событиями в данной работе подразумеваются реперные точки, которые повлияли на изменения российско-прибалтийских отношений в период с 2014 по 2024 год. Ключевыми событиями в рамках проведенного исследования выступают:

1) присоединение Крыма в состав Российской Федерации – 2014 год;

2) празднование 75-летия победы в великой отечественной войне – 2020 год;

3) начало проведения Специальной Военной Операции по демилитаризации и денацификации Украины – 2022 год.

Вышеперечисленные события являются триггерными точками для политических элит стран Прибалтики. На фоне данных исторических событий будет произведен анализ ответных реакций политического истеблишмента Латвии, Литвы и Эстонии, репрезентирующих образ Российской Федерации в политическом дискурсе.

Образ Российской Федерации в политическом дискурсе Литвы

Чтобы определить институциональных акторов, транслирующих нарративы, формирующих общественное мнение внутри латвийского общества, необходимо обратиться к конституции Литовской Республики, принятой 25 октября 1992 года в ходе всенародного референдума, выяснив в чьих руках сосредоточена государственная власть, а также кто является официальным лицом, представляющим интересы граждан Литвы как внутри государства, так и на международной арене.

Согласно 5-ой статье Конституции Литовской Республики [20], Литва является республикой смешанного типа, где государственная власть осуществляется Сеймом (законодательная), президентом, правительством (исполнительная власть) и судом. Фактическая же полнота власти находится в руках президента и премьер-министра Литовской республики, о чем свидетельствуют статьи 84 и 97 конституции [20], в которых изложены полномочия данных политических фигур.

Соответственно при рассмотрении реакции указанные выше исторические события, мы будем анализировать заявления двух представителей политической власти Литовской Республики – президента и премьер-министра, а также рассматривать законодательные акты, принятые как контрмеры на происходящие события сеймом Литвы (табл. 1).

Заявления политического истеблишмента Литовской Республики в адрес Российской Федерации носит негативно-осуждающий характер. Яркое проявление русофобской риторики можно наблюдать в речах некоторых представителей власти, что свидетельствует об антироссийском настроении во внешней политике Литвы. Если же на момент 2014 года в ходе присоединения Крыма к составу России дискурс был умеренным, заявления носили более сдержанный характер, то к моменту начала проведения СВО дискурс начал пропитываться русофобскими настроениями, показывая желание литовской стороны разорвать все связи с Российской Федерацией, заняв четкую позицию противостояния.

Таблица 1. Политические заявления национальных лидеров Литвы в адрес Российской Федерации, в период ключевых исторических перемен

	Президент	Премьер-министр	Сейм
Присоединение Крыма к России (2014 год)	Даля Грибаускайте: «Россия очень четко показывает, что она не хочет ни разговаривать, ни искать мирные решения . Поэтому необходим сильный и сплоченный ответ Евросоюза, показывающий, что мы не потерпим такого грубого нарушения международных соглашений и одностороннего навязывания новая политическая логика. Сегодня речь идет о конкретных, адресных санкциях . Эти санкции не направлены против всего российского общества, а только против конкретных ответственных лиц» [10]	Альгирдас Буткявичюс: «Говоря об аннексии Крыма мы должны оставаться твердыми и придерживаться единой позиции. Эта позиция несомненно должна быть ценностной, ведь не что-либо иное, а именно ценности, такие как демократия и верховенство закона превращают Евросоюз в то, чем он является» [10]	1. Сейм одобрил увеличение оборонного бюджета на 20% по сравнению с 2013 годом [21]. 2. Увеличение числа военнослужащих . 3. Власти приняли решение о предоставлении Киеву вооружения , а также об отправке военных специалистов для обучения военнослужащих

	Президент	Премьер-министр	Сейм
Празднование 75-летия победы в великой отечественной войне (2020 год)	Коллективное заявление президентов Прибалтики, посвященное 75-ти летию окончания Второй мировой Войны (Эгилс Левитс, Гитанас Науседа, Керсти Кальюлайд): « Два безжалостных диктатора – Гитлер и Сталин – разделили Европу на сферы влияния, подписав секретные протоколы пакта Молотова – Риббентропа между Советским Союзом и нацистской Германией. Центральная и восточная части континента почти полвека после войны находились под властью коммунистических режимов. Для порабощения Балтийских стран Советский Союз использовал огромную военную силу, репрессии, массовые депортации и идеологический контроль » [7]	Саулюс Сквернялис воздержался от заявления	Никаких законов не издавалось, но правоохранные органы Литвы 9 мая 2020 года внимательно следили за соблюдением закона 2008 года о запрете советской символики, за которую предусмотрен административный штраф [10]
Начало проведения СВО на Украине (2022 год)	Гитанас Науседа: «Мы говорили о помощи Запада. Да, немало уже сделано, но мы должны сделать еще больше: вооружения, гуманитарная помощь, ужесточение санкций для России. Ускорение интеграции Украины в Евросоюз » [14]	Ингрида Шимоните: «Мы будем праздновать победу добра над злом. Победу свободных людей. Литва будет праздновать победу Украины со светом, с газом и без русни » [4]	1. Запрет россиянам без ВНЖ покупать недвижимость. 2. Запрет российской символики «Z», «V» и георгиевской ленточки , за что по закону предусматривается административный штраф [10]. 3. 2023 год – запрет празднования 9 мая. 4. Поддержка западных санкций в отношении России

Образ Российской Федерации в латвийском политическом дискурсе

По аналогии с Литовской Республикой необходимо проанализировать конституцию Латвийской Республики, для выявления ключевых политических фигур, формирующих общественное мнение. Согласно конституции Латвийской Республики, принятой 15 февраля 1992 года

в ходе совместного заседания Латвийского Учредительного Собрания [19], государственное устройство Латвии – парламентская республика. Президент, премьер-министр и председатель сейма имеют равный политический вес, формируя политическую повестку. Соответственно их политические заявления должны анализироваться в совокупности, формируя единую позицию по вопросам внешней и внутренней политике Латвии (табл. 2).

Таблица 2. Политические заявления национальных лидеров Эстонии в адрес Российской Федерации, в период ключевых исторических перемен

	Президент	Премьер-министр	Сейм
Присоединение Крыма к России (2014 год)	Андрис Берзиньш [6]: «Агрессия России в отношении Украины является вызовом основным принципам ООН и подрывает основы международной системы», «Латвия призывает Россию немедленно вывести свои вооруженные силы с украинской территории и остановить поставки оружия и наемников террористическим группам» Также президент Латвии выступал против санкций в адрес России, считая, что «агрессивные ограничения» не приведут к позитивным переменам	Лаймдота Страуяма: «Европейский союз, особенно балтийские страны, никогда не согласится с тем, что часть Украины была отнята и присоединена к России. ЕС выразил свою позицию относительно этой агрессии, и если мы говорим о будущем, то очень важно найти политическое решение и предотвратить любой замороженный конфликт в Украине или в любом другом месте» [8]	1) Ввод санкций против конкретных лиц 2) Увеличение затрат на оборону – повышение бюджета до 2% от ВВП
Празднование 75-летия победы в великой отечественной войне (2020 год)	См. табл. №1	Кришьянис Кариньш: «Люди, собравшиеся 9 мая, игнорируют историю Латвии. Для нашего государства это начало 50-летней оккупации» [17]	1) Соблюдение во время празднования закона о запрете советской символики от июня 2013 года 2) Ужесточения закона о запрете советской символики 3) 15 мая 2020 года – муниципальные детские сады обязаны вести занятия только на латышском языке [8]

	Президент	Премьер-министр	Сейм
Начало проведения СВО на Украине (2022 год)	Эгилс Левитс: «Я осуждаю амбициозное вторжение президента России В. Путина в Украину. Необходимо следовать жесткой реакции международного сообщества. НАТО будет защищать себя и свои ценности. Мы с украинским народом» [23]	Кришьянис Кариньш: «Российская военная агрессия против суверенитета Украины, народа и демократии абсолютно неприемлемы. Это ответственность Путина немедленно ее прекратить. Латвия тесно сотрудничает с партнерами по ЕС и НАТО. мы призываем к консультациям в НАТО в соответствии со статьей 4» [8]	1) Запрет русского языка на радио и телевидении, а также запрет на вещание российских телеканалов 2) Поддержка международных санкций против Российской Федерации 3) Принятие закона о переименовании улиц с российским названием [8] 4) Ограничение на въезд граждан, имеющих российское гражданство

На протяжении 10-ти лет в политическом дискурсе Латвии не наблюдалось однородности. Политические лидеры имели разные взгляды на взаимоотношения с Россией во внешней политике Латвийской Республики, это наглядно показывает сравнение политического дискурса 2014 года, где высшие государственные должности занимали консерваторы, нацеленные на мирный диалог и выстраивание партнерских отношений с российской стороной, тем самым распространяя нейтральные нарративы по отношению к России, и 2020 года, где пришедшие на смену либеральные политики начали распространение нарративов, направленных на противопоставление Литовской Республики Российской Федерации, здесь наблюдается рост негативно-агрессивного политического дискурса, включающий в себя русофобскую риторику. Соответственно

и картина образа Российской Федерации в политическом дискурсе неоднородна, смазана, так как смена риторики делит общество на два лагеря (критикующих и поддерживающих), формируя два противоположных портрета Российской Федерации во внутреннем политическом дискурсе.

Образ Российской Федерации в эстонском политическом дискурсе

Государственное устройство Эстонии, согласно конституции Эстонской Республики [16], – парламентская республика. Законодательная власть – Рийгикогу (однопалатный парламент), исполнительная власть – правительство (глава правительства – премьер-министр), глава государства – президент (табл. 3).

Таблица 3. Политические заявления национальных лидеров Эстонии в адрес Российской Федерации, в период ключевых исторических перемен

	Президент	Премьер-министр	Рийгикогу
Присоединение Крыма к России (2014 год)	Тоомас Хендрик Ильвес: « Российская агрессия на Украине знаменует смену парадигмы – утрату доверия к международному порядку , который установился после холодной войны. Международные договоры больше не действуют, а применение грубой силы снова узаконено. Аннексией Крыма Россия выкинула “свод правил” в окно» [11]	Из-за политической нестабильности действующего на тот момент премьер-министра Андруса Ансипа, который предвкусил свой уход в отставку, заявлений о ситуации сделано не было	1. Введение и поддержание международных санкций в адрес России 2. Увеличение расходов на оборону на 7,2% [11]
Празднование 75-летия победы в великой отечественной войне (2020 год)	См. табл. № 1	Юри Ратас: поздравление было посвящено не победе во второй мировой войне, а празднованию дню Европы, что подчеркивает приоритетность торжеств для политической элиты Эстонии: « Прекрасного дня Европы! Он знаменует мечту о мире, единстве и сотрудничестве между странами, народами и людьми, приверженными общим ценностям. С годами эта мечта стала реальностью и в Эстонии. Так будет и дальше, если каждый день будем дорожить и мечтой, и достигнутым!» [22]	1. Парламент Эстонии одобрил резолюцию «об исторической памяти и фальсификации истории» , в котором осуждается позиция России и выдвигаются обвинения к российской стороне в фальсификации исторических фактов [11]
Начало проведения СВО на Украине (2022 год)	Алар Карис: « Президент Путин снова выбрал войну. Я глубоко разочарован и потрясён . Насильственное пренебрежение, проявленное Москвой в последние часы по отношению к украинцам, да и к собственным гражданам России, шокирует и возмущает. Мысли всех нас с народом Украины. Абсурдные предложения российского руководства	Кая Каллас: «Мы постоянно отслеживаем обстановку и держим связь как с Украиной, так и со своими партнерами и союзниками. Сегодня можем праздновать день рождения Эстонской Республики и спокойно заниматься повседневными делами. С годовщиной Республики и Слава Україні! » [11]	1. Поддержка международных санкций . 2. Введение ограничительных мер на въезд российских граждан на территорию Эстонии [2]. 3. Отклонение парламентом инициативы , запрещающей использование русского языка в общественных местах.

	Президент	Премьер-министр	Рийгигогу
	для нападения на независимую Украину лживы, ничтожны и преступны. Они представлены только для того, чтобы дать президенту Путину возможность оправдать агрессию против страны, которая никогда не угрожала России» [11]		4.Отклонение законопроекта о демонтаже и сносе советских памятников на территории Эстонской Республике

Как и в предыдущих случаях политическая элита Эстонии допускает в своем политическом дискурсе русофобскую риторику, чтобы сформировать в общественном мнении негативный образ Российской Федерации. Но, если же проводить сравнение с Литвой и Латвией, то можно подчеркнуть, что заявления национальных лидеров более сдержаны и нейтральны, за исключением Каи Каллас. Помимо этого, законодательные акты, не отражают позицию Эстонской Республики в отношении Российской Федерации, риторика хоть и сдержана, но носит негативный окрас, а вот законопроекты по отношению к русскоязычному населению (как временно проживающим, так и проживающим на постоянной основе, а также туристам) не принимаются, блокируются парламентом либо президентом на уровне выдвижения инициатив.

Публичный дискурс в странах Прибалтики.

Доминирующие нарративы

Исследователи, чьи работы посвящены изучению политического дискурса США и России, выделяют идентичный характер формирования нарративного поля, отталкиваясь от своей позиции в отношении того или иного события, выделяя собственный образ («Положительный Я») и образ противопоставления, к которому идет апелляция («Негативный Другой») [12, с. 114]. Исследуя же политический дискурс Прибалтийских стран можно заметить прямо противоположную тенденцию, заключающуюся в присоединении к позиции своего союзника, например: 1) **поддержка выступления национального лидера из числа стран ЕС** – «Я полностью поддерживаю Макрона: мы не должны проводить красные линии...» [9] – заявление президента Латвии Эдгара Ринкевича, 2) **согласие с позицией США во внешнеполитической повестке** – «Поведение страны представляло угрозу международной безопасности и нашим союзникам. Эта угроза не теоретическая, а неоднократно реализовавшаяся, что приводило к силовой реакции США. Мы поддерживаем наших союзников» [9] – заявление бывшего президента Эстонии Керсти Кальюлайд в начале 2020 года, 3) **поддержка позиции союзников по военно-политическому блоку НАТО** – «Литовский президент Гитанас Науседа приветствует решение глав МИД стран НАТО о размещении в Прибалтике сил и средств ПВО на ротационной основе» [9].

Линия политического дискурса Латвии, Литвы и Эстонии во многом схожа за счет общего геополитического пространства, которое оказывает давление на формирование единой внутренней и внешней повестки стран Европейского Союза. Безусловно, данное объединение не настолько единое, чтобы проявлять солидарность абсолютно в любых вопросах, чаще всего наблюдается и противоречивость мнений внутри союза, где ключевые акторы пытаются отстоять свою позицию, выгодную для страны инициатора. Но, страны Балтии не занимают лидирующих позиций в данном объединении, о чем свидетельствуют экономические и демографические показатели стран ЕС за 2024 год [15]. Соответственно занимать лидирующие позиции в решении политических

вопросов, не имея внушительных ресурсов среди всего объединения, довольно трудно, поэтому одной из главных особенностей стран Прибалтики является позиция **приспособление к мнению союзников**, что фактически исключает из политического дискурса данных стран Балтии ярко выраженного «Я», заменяя его на коллективное «Мы».

На этапе присутствия консервативных национальных лидеров во главе государств Прибалтики на примере президента Латвии Андриса Берзиньша (2014), можно наблюдать тенденцию на сближение с Российской Федерацией и, как следствие, трансляция в политическом дискурсе независимых нарративов, представляющих интересы одного государства. При концентрации у власти либеральных лидеров в странах Прибалтики наблюдается сближение со своими союзниками, и как следствие происходит размытие границ идентичности внутри территориального пространства. Процессы евроинтеграции не только усиливают объединение по вектору солидарности, но также способствуют разрушению суверенитета Латвии, Литвы и Эстонии, о чем свидетельствуют данные о сокращении населения [18] с 2004 года (дата вступления стран Прибалтики в НАТО и ЕС) по 2024 год.

2014 год переломный момент в конструировании политического дискурса стран Балтии, нацеленный на разрыв политических отношений с Российской Федерацией, для сближения со странами западного блока, занимающимися пропагандой антироссийской риторики, с дальнейшей интеграцией дискурсивной повестки коллективного запада. Доказательством «дискурсивного единства» в отношении Российской Федерации являются заявления национальных лидеров стран ЕС после начала специальной военной операции, заключающиеся в осуждении действий России только в разном формате, с применением различных речевых оборотов, отражающих позицию коллективного западного, частью которого на данный момент времени являются страны Прибалтики, действующие во имя общего блага.

Заключение

Политический дискурс стран Прибалтики схож по своему содержанию, но в тоже время отличается риторикой, в какой-то промежуток времени она национализирована (при либеральных лидерах, акцент которых делается на сближение с западом), в какой-то промежуток времени она прагматична (при консервативных политиках, акцент которых делается на выстраивании дипломатических отношений с Российской Федерацией). Политический дискурс Латвии, Литвы и Эстонии дублирует своих западных коллег, подчеркивая преемственность и согласованность действий стран Европейского союза.

Но, самостоятельность наблюдается в законодательной базе, которая аккуратно модернизируется, при наблюдении общественного мнения. Русскоязычное население Латвии и Эстонии составляет примерно 23% от общего числа населения. Обратная же картина наблюдается в Литве, там проживает примерно 5% русского населения. Соответственно, политические лидеры

Латвийской и Эстонской республик на этапе выдвижения инициатив анализируют реакцию населения, чтобы не вызвать общественный резонанс, сопровождающийся массовыми протестами и митингами. Литва же при минимальном проценте русскоязычного населения, проживающего на территории страны, так не заботится о выдвижении законов, притесняющих русскоязычное население.

Образ Российской Федерации в политическом дискурсе стран Прибалтики – образ правопреемницы СССР. Данная конструкция помогает объединить население вокруг национальной идеи, где образ «другого» воспринимается как образ «опасности из прошлого». При этом данная концепция о советской оккупации грамотно интерпретируется в политическом дискурсе Прибалтики, формируя нарративы о возможности повторения угрозы в настоящем. Данные дискурсивные практики остро воспринимаются населением, которые верят в то, что им говорят представители власти, редко анализируя внешнеполитическую стратегию Российской Федерации.

Подводя итог, можно заявить, что политический дискурс стран Прибалтики формирует неоднородный образ Российской Федерации. В прибалтийском политическом дискурсе редко можно наблюдать нейтрально-рациональные нарративы, так как преобладающее большинство занимают негативно-разъединяющие. Если до начала проведения специальной военной операции консервативные политики могли продвигать идею сближения с Российской Федерацией, то в настоящее время в прибалтийских республиках доминирует национально ориентированная идея, формирующая образ России как врага, не допуская в свое поле нарративы, направленные на сближение и выстраивание конструктивного диалога.

Литература

1. Барилова А.И. Политический дискурс: определение, типология, стилистические особенности // Эврика-2017. 2017. [Электронный ресурс]. – URL: <https://conf.grsu.by/eurica2017/index.php/sekia6/barilova-a-i-politicheskij-diskurs-opredelenie-tipologiya-stilicheskie-osobennosti> (дата обращения: 08.10.2024).
2. Департамент полиции и погранохраны. Ограничения на въезд в страну для граждан Российской Федерации с 19.09.2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.politse.ee/ru/ogranicheniya-na-vezd-v-stranudlya-grazhdan-rossiyskoy-federacii-s-19-09-2022> (дата обращения: 10.10.2024).
3. Ильин А.Н. Русофобия в Прибалтике // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 5. С. 18–24.
4. Комсомольская правда. Премьер Литвы публично оскорбила россиян: вот как ругалась политик [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kp.ru/online/news/5961089/> (дата обращения: 09.10.2024).
5. Литва, Латвия и Эстония договорились о едином подходе в санкциях против России // Деловой Петербург [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dp.ru/a/2023/12/20/litva-latvija-i-jestonija-dogovorilis> (дата обращения: 30.09.2024).
6. ООН. Президент Латвии призвал предотвратить появление нового «замороженного конфликта» [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2014/09/1250161> (дата обращения: 09.10.2024).
7. РБК. Президенты Балтии в поздравлении с 75-летием Победы осудили режим СССР [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/05/2020/5eb3f54b9a79470990c2d9a2> (дата обращения: 09.10.2024).
8. РИА новости. Латвия [Электронный ресурс]. – URL: https://ria.ru/location_Latvia/ (дата обращения: 09.10.2024).
9. РИА новости. Латвия. Литва. Эстония [Электронный ресурс]. – URL: https://ria.ru/location_Estonia+location_Latvia+location_Lithuania/ (дата обращения: 11.10.2024).
10. РИА новости. Литва [Электронный ресурс]. – URL: https://ria.ru/location_Lithuania/ (дата обращения: 09.10.2024).
11. РИА новости. Эстония [Электронный ресурс]. – URL: https://ria.ru/location_Estonia/ (дата обращения: 10.10.2024).
12. Соколыцкий Л.М., Соколыцкий Ю.С., Теремецкий К.С. 2024. Дискурсивные стратегии легитимации санкционной политики США в отношении России (2021–2023). Полис. Политические исследования. № 3. С. 109–125.
13. Шашков В.И. Россия и Прибалтика: история и современность // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2015. № 1. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-pribaltika-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 10.10.2024).
14. Baltnews. Все ради Украины! Науседа предложил усилить борьбу с Россией [Электронный ресурс]. – URL: https://lt.baltnews.com/vnutri_Lithuania_politika_novosti/20220308/1021441583/Vse-radi-Ukrainy-Nauseda-predlozhit-usilit-borbu-s-Rossiey.htm (дата обращения: 09.10.2024).
15. Country facts // An official website of the European Union [Электронный ресурс]. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/cache/countryfacts/> (дата обращения: 11.10.2024).
16. Eesti Vabariigi põhiseadus [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/633949> (дата обращения: 08.10.2024).
17. EurAsia Daily. Премьер-министр Латвии: наши жители не должны отмечать праздник 9 мая [Электронный ресурс]. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/05/17/premer-ministr-latvii-nashi-zhiteli-nedolzheny-otmechat-prazdnik-9-maya> (дата обращения: 10.10.2024).
18. Global Population // Data base [Электронный ресурс]. – URL: <https://database.earth/population> (дата обращения: 11.10.2024).
19. Latvijas Republikas Satversme [Электронный ресурс]. – URL: <https://likumi.lv/ta/id/57980-latvijas-republikas-satversme> (дата обращения: 08.10.2024).
20. Lietuvos Respublikos Konstitucija [Электронный ресурс]. – URL: <https://lrk.lt/13-1-skirsnis-lietuvos-valstybe/13-5-straipsnis> (дата обращения: 08.10.2024).
21. Reuters. Lithuania to boost defence spending despite s.bank warning on budget [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.reuters.com/article/2014/07/10/lithuania-defence-idUSL6N0PL3JL20140710/> (дата обращения: 09.10.2024).
22. Seldon.News. Премьер-министр Ратас: День Европы знаменует мечту о мире, единстве и сотрудничестве между странами, народами и людьми [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/229364014> (дата обращения: 10.10.2024).
23. Sputnik Латвия. «Мы с народом Украины»: как Латвия ответила на спецоперацию в Донбассе [Электронный ресурс]. – URL: <https://lv.sputniknews.ru/20220224/my-s-narodom-ukrainy-kak-latviya->

THE IMAGE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE POLITICAL DISCOURSE OF THE BALTIC STATES IN THE PERIOD FROM 2014–2024

Ignatov I.S.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article is devoted to the study of the image of the Russian Federation in the discursive field of the Baltic States, which is formed in the period from 2014 to 2024. The author conducts a discourse analysis of the statements of political leaders of the Baltic States during the period of political changes affecting the relationship between the countries in the international arena. The article concludes that the change of political leadership of the Baltic States directly affects the formation of the image of the Russian Federation within Latvia, Lithuania and Estonia, reflecting the position of the authorities in the public discourse. The author emphasises that despite the similarity and unity of the Baltic states in conducting foreign policy, the formation of Russia's image in the public discourse has significant differences, which should be taken into account in the course of further research devoted to the study of this topic.

References

1. Barilova A.I. Political discourse: definition, typology, stylistic features // Eureka-2017. 2017. [Electronic resource]. – URL: <https://conf.grsu.by/eureka2017/index.php/sekcia6/barilova-a-i-politicheskij-diskurs-opredelenie-tipologiya-stilisticheskie-osobennosti> (date of access: 08.10.2024).
2. Police and Border Guard Department. Restrictions on entry into the country for citizens of the Russian Federation from 19.09.2022 [Electronic resource]. – URL: <https://www.politsei.ee/ru/ogranicheniya-na-vezd-v-stranu-dlya-grazhdan-rossiyskoy-federacii-s-19-09-2022> (date of access: 10.10.2024).
3. Ilyin A.N. Russophobia in the Baltics // Horizons of humanitarian knowledge. 2019. No. 5. Pp. 18–24.
4. Komsomolskaya Pravda. The Prime Minister of Lithuania publicly insulted Russians: this is how the politician swore [Electronic resource]. – URL: <https://www.kp.ru/online/news/5961089/> (date of access: 09.10.2024).
5. Lithuania, Latvia and Estonia agreed on a unified approach to sanctions against Russia // Delovoy Peterburg [Electronic resource]. – URL: <https://www.dp.ru/a/2023/12/20/litva-latvija-ijestonija-dogovorilis> (date of access: 30.09.2024).
6. UN. The President of Latvia called for preventing the emergence of a new “frozen conflict” [Electronic resource]. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2014/09/1250161> (date of access: 09.10.2024).
7. RBC. The Presidents of the Baltics condemned the USSR regime in their congratulations on the 75th anniversary of Victory [Electronic resource]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/05/2020/5eb3f54b9a79470990c2d9a2> (date of access: 09.10.2024).
8. RIA Novosti. Latvia [Electronic resource]. – URL: https://ria.ru/location_Latvia/ (date of access: 09.10.2024).
9. RIA Novosti. Latvia. Lithuania. Estonia [Electronic resource]. – URL: https://ria.ru/location_Estonia+location_Latvia+location_Lithuania/ (date of access: 11.10.2024).
10. RIA Novosti. Lithuania [Electronic resource]. – URL: https://ria.ru/location_Lithuania/ (date of access: 09.10.2024).
11. RIA Novosti. Estonia [Electronic resource]. – URL: https://ria.ru/location_Estonia/ (date of access: 10.10.2024).
12. Sokolshchik L.M., Sokolshchik Yu.S., Teremetsky K.S. 2024. Discursive strategies for legitimizing the US sanctions policy towards Russia (2021–2023). Polis. Political studies. No. 3. P. 109–125.
13. Shashkov V.I. Russia and the Baltics: history and modernity // Interexpo Geo-Siberia. 2015. No. 1. [Electronic resource]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-pribaltika-istoriya-i-sovremennost> (date of access: 10.10.2024).
14. Baltnews. All for Ukraine! Nauseda proposed to intensify the fight against Russia [Electronic resource]. – URL: https://lt.baltnews.com/vnutri_Lithuania_politika_novosti/20220308/1021441583/Vse-radi-Ukrainy-Nauseda-predlozhit-usilit-borbu-s-Rossiej.htm (date of access: 09.10.2024).
15. Country facts // An official website of the European Union [Electronic resource]. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/cache/countryfacts/> (date of access: 11.10.2024).
16. Eesti Vabariigi põhiseadus [Electronic resource]. – URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/633949> (date of access: 08.10.2024).
17. EurAsia Daily. Prime Minister of Latvia: Our Residents Should Not Celebrate May 9 [Electronic resource]. – URL: <https://eaddaily.com/ru/news/2020/05/17/premer-ministr-latvii-nashi-zhiteli-ne-dolzny-otmechat-prazdnik-9-maya> (date of access: 10.10.2024).
18. Global Population // Data base [Electronic resource]. – URL: <https://database.earth/population> (date of access: 11.10.2024).
19. Latvijas Republikas Satversme [Electronic resource]. – URL: <https://likumi.lv/ta/id/57980-latvijas-republikas-satversme> (date of access: 08.10.2024).
20. Lietuvos Respublikos Konstitucija [Electronic resource]. – URL: <https://lrk.lt/13-1-skirsnis-lietuvos-valstybe/13-5-straipsnis> (date of access: 08.10.2024).
21. Reuters. Lithuania to boost defence spending despite c. bank warning on budget [Electronic resource]. – URL: <https://www.reuters.com/article/2014/07/10/lithuania-defence-idUSL6N0PL3JL20140710/> (date of access: 09.10.2024).
22. Seldon.News. Prime Minister Ratas: Europe Day marks the dream of peace, unity and cooperation between countries, nations and people [Electronic resource]. – URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/229364014> (date of access: 10.10.2024).
23. Sputnik Latvia. “We are with the people of Ukraine”: how Latvia responded to the special operation in Donbass [Electronic resource]. – URL: <https://lv.sputniknews.ru/20220224/mys-narodom-ukrainy-kak-latviya-otvetila-na-spetsoperatsiyu-v-donbasse-20597034.html> (date of access: 10.10.2024).

Влияние украинского кризиса на российско-китайские отношения и его влияние на изменение мирового порядка

Нгуен Ба Тхань,

магистратура, кафедра сравнительной политологии,
Российский университет дружбы народов
E-mail: ngbathanh1818@gmail.com

За эти годы мы стали свидетелями многих событий, которые изменили политическую, экономическую и социальную ситуацию в странах по всему миру. Эти глубокие и сложные изменения в мире также оказали влияние на отношения между Россией и Китаем. Это две крупнейшие державы в мире, их политическая деятельность играет важную роль в стабильности и развитии мира. Отношения между Россией и Китаем прошли более 75 лет со множеством взлетов и падений и изменений в истории, а также в развитии двух стран. 5 сентября 2019 года Россия и Китай официально подписали «Декларацию о развитии всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эру», официально поднимая двусторонние отношения между двумя странами на новый уровень. Эта декларация ознаменовала всестороннее развитие в политической, дипломатической, экономической и военной областях обеих держав. С момента начала конфликта на Украине в конце февраля 2022 года, хотя Китай не предпринял никаких публичных шагов в поддержку или критику действий Российской Федерации, эта война, похоже, способствует сближению двух стран.

Ключевые слова: Россия, Китай, российско-китайские отношения, конфликт на Украине, новый мировой порядок.

Введение

В 2022 году произошло много крупных изменений в международных отношениях, особенно военный конфликт между Россией и Украиной, который существенно изменил отношения между крупными странами и альянсами. Война подтолкнула Россию и Запад к прямой конфронтации. США и ЕС (Европейский союз) ввели множество санкций и эмбарго против России, и отношения между Россией, США и ЕС стали хуже, чем когда-либо. Международная и региональная обстановка в отношениях также стала напряженной и напряженной. Кроме того, геостратегическая конкуренция между крупными державами, особенно в экономическом, политическом и военном плане, отчетливо проявляется через действия сторон, создавая сложный и непредсказуемый мир. В последние годы Индо-Тихоокеанский регион постепенно стал центром внимания мира с точки зрения как геостратегической, так и экономической безопасности. Этот регион постепенно стал центром внешней политики многих стран, включая такие крупные державы, как США, Китай, Индия, ЕС, Россия и т.д., чтобы конкурировать и усиливать влияние в этом регионе. США и их союзники прилагают усилия по укреплению сотрудничества в рамках существующих политических и военных альянсов и пытаются создать новые альянсы в этом регионе.

Эта война создала предпосылки для России и Запада для вступления в прямую конфронтацию. Международные и региональные отношения также стали напряженными и стрессовыми. С конфликтом на Украине переплетаются экологические и социально-экономические проблемы, которые становятся все более сложными. Мир сталкивается со многими угрозами во многих областях от экономики и политики до энергетики и продовольственной безопасности. В частности, серьезно пострадала глобальная цепочка поставок, а также влияние российско-украинского конфликта, что привело к росту цен на энергоносители и продовольствие, увеличив уровень инфляции. По данным Международного валютного фонда (МВФ), мировая инфляция достигла пика в 7,97% в 2022 году, что значительно выше 3,5% в 2021 году, и снизилась до 5,69% в 2023 году, [1] но остается высокой. Опасения по поводу глобальной рецессии растут как на глобальном, так и на национальном уровнях. После прекращения сотрудничества с ЕС в энергетическом секторе Россия также должна найти способы увеличения экспорта энергоносителей на другие рынки, поскольку российская экономика в значительной степени зависит от эксплуатации, переработки и экспорта минеральных ресурсов, таких как нефть, газ, уголь, железная руда и т.д. Россия является одной из ведущих стран мира по добыче нефти и природного газа, а горнодобывающая промышленность всегда составляет большую долю экономики Российской Федерации. Поэтому России действительно необходимо экспортировать эти продукты для обеспечения национальной экономики. Между тем, Китай является крупнейшим в мире рынком потребления энергии и сталкивается с дефицитом энергоносителей для поддержания экономического развития.

Можно увидеть, что конфликт на Украине влияет не только на отношения между Россией и Украиной, но и на экономику и политику во всем мире. Тот факт, что США и некоторые европейские страны постоянно применяют санкции против Российской Федерации, подтолкнул эту страну к поиску другого рынка для сотрудничества и поддержания экономического развития. Китай, имеющий геополитическое преимущество в виде границы с Юго-Востоком Российской Федерации, большой рынок с населением более миллиарда человек и, прежде всего, долгосрочные дипломатические отношения с Российской Федерацией, по-видимому, стал первым выбором для сотрудничества против санкций со стороны стран, недружественных Российской Федерации.

Влияние кризиса на Украине на российско-китайские отношения

Кризис на Украине можно объяснить с разных сторон, однако, геополитически, Украина географически расположена между Европейским союзом и Российской Федерацией, и, прежде всего, Украина является неотъемлемой частью российской истории и колыбелью православия, общей духовной и нравственной основой граждан двух стран в целом и граждан России в частности. [4] Поэтому, с точки зрения России, война на Украине является неизбежной войной и усилиями России по борьбе с экспансией США и НАТО, которые каждый год приближаются к территории России, а также по защите части исторических и культурных истоков России.

Что касается Китая, то эта страна предпочла ответить тем, что не поддержала ни одну из стран в конфликте, а наоборот, выразила готовность стать мостом для разрешения напряженности между Россией и Украиной. Сразу после начала российско-украинского военного конфликта Китай воздержался от голосования по резолюции, требующей от России прекратить свои военные действия на Украине. Китай не поддержал и не осудил действия России, а постоянный представитель Китая в ООН выступил с заявлением, подтверждающим нейтральную позицию Китая, поддерживая обе стороны в использовании дипломатических мер для стабилизации ситуации и достижения мира. Китай также отказался называть специальную военную кампанию России «вторжением», как это делают США и западные страны. Согласно анализу профессора Чжао Хуашэна, старшего научного сотрудника Пекинского международного диалогового клуба, нынешний дипломатический подход Китая можно понимать как конструктивную дипломатию, активное участие конструктивным образом и с конструктивными целями, играющую конструктивную роль, активно поддерживающую разрешение кризиса и способствующую развитию ситуации на Украине. Китай считает себя ответственной державой и хочет играть большую роль и брать на себя большую ответственность в международных делах. [5] Даже когда Соединенные Штаты обвинили Китай в помощи России в поставках военного оружия на Украину, Китай последовательно отрицал эту проблему. «Китай не является ни зачинщиком, ни участником украинского кризиса (...) Кроме того, Китай никогда не поставлял оружие ни одной из сторон конфликта и строго контролирует экспорт продукции двойного назначения, включая беспилотники». [6]

Именно давление политической изоляции, национальной безопасности и экономического развития способствовало развитию отношений между Россией и Китаем. Все более напряженные отношения между Россией и Китаем с США и Западом дали России и Китаю

больше мотивации для установления связей и поддержки друг друга. В условиях, когда России приходится нести давление санкций и эмбарго со стороны США и их союзников, отношения между Россией и Китаем стали ближе, чем когда-либо. Президент России Путин также прокомментировал, что всеобъемлющее партнерство и двустороннее стратегическое сотрудничество между двумя сторонами находятся на «самом высоком уровне в истории».

Формирование нового мирового порядка

Действия России и Китая в конфликте на Украине приближают эти две державы к установлению нового мирового порядка, чтобы противостоять мировому порядку, который долгое время контролировали США и Запад. Чтобы реализовать эти амбиции, они пытаются построить новую, более гибкую, многополярную глобальную систему, в которой власть Запада будет уменьшена, а Китай и Россия будут иметь более сильный голос. Среди типичных инструментов, которые в настоящее время используют две страны, – международные организации, как правило, блок БРИКС, ШОС и т.д. Две страны, Китай и Россия, пытаются создать блок экономически мощных стран, чтобы противостоять тому, что они называют «односторонним подходом» Запада. С ростом своей экономической мощи страны БРИКС продвигают сотрудничество по ряду вопросов, включая способы снижения доминирования доллара и стабилизации глобальной цепочки поставок. Кроме того, Китай и Россия часто выражают поддержку друг другу или, по крайней мере, не критикуют и не выступают против позиций друг друга на международных аренах, таких как Совет Безопасности ООН, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) и группа стран с развивающейся экономикой БРИКС...

Из вышеприведенного анализа следует, что Россия и Китай разделяют много общих взглядов и подходов к международным проблемам, включая признание и поддержку многополярного мира. Обе страны хотят усилить свою роль и положение и уменьшить роль США, чтобы изменить распределение сил в нынешней международной системе. Видно, что в российско-китайском сотрудничестве главной чертой, которая связывает эти отношения, является прагматизм, использование друг друга для усиления своих интересов. Отношения между двумя странами создают условия для того, чтобы эти две страны могли уравновесить США, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Кроме того, Китай успешно использовал ресурсные преимущества России с помощью дешевых энергетических соглашений с Россией, Китай также извлекает выгоду из контрактов России на передовые вооружения, создавая условия для этой страны для модернизации своего оружия. Россия также нашла альтернативный рынок ЕС и в то же время воспользовалась обильным инвестиционным капиталом Китая для развития страны в сложный период из-за санкций со стороны Запада. Экспорт российского газа в Китай в настоящее время осуществляется только по газопроводу «Сила Сибири». По данным «Газпрома», в 2023 году поставки по этому трубопроводу составили 22,7 млрд куб. м, что в полтора раза больше, чем в 2022 году. Экспорт по так называемому «дальневосточному маршруту», который пройдет до российско-китайской границы в районе городов Дальнереченск (Приморский край) и Хулинь (Китай), планируется начать в 2027 году. [7] По данным Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ), выручка портфельных компаний, в которые вложили средства китай-

ские партнеры, по итогам 2023 года превысила 4 трлн рублей, а численность работающих в этих организациях составляет более 600 тыс. человек. Только транспортной инфраструктурой, в которую РФПИ инвестировал совместно с китайскими партнерами, в России ежегодно пользуются более 25 млн человек. Согласно рейтингу за первый квартал, по состоянию на январь текущего года в России действовало более 8000 компаний с китайским капиталом, что в три раза больше числа немецких компаний и в 10 раз больше числа американских компаний. [8] Внутреннее развитие и вызовы в международных отношениях России и Китая требуют от обеих стран поиска подходящих партнеров для взаимного развития. Россия и Китай представляются потенциальными партнерами друг друга с высокой взаимодополняемостью, отношения «спрос-предложение» становятся частью продвижения отношений между двумя странами – «взаимовыгодного сотрудничества». В начале 2025 года, с переизбранием президента Дональда Трампа, США одновременно ввели налог в размере 25% на товары из Мексики и Канады и 10% на товары из Китая. [9] Это можно считать новым началом в торговой войне между США и Китаем. При текущей ситуации, если США продолжат усложнять жизнь Китаю и продолжат вводить санкции в отношении Российской Федерации, это еще больше подтолкнет эти две страны к построению новой мировой системы и выходу из-под влияния США.

Можно сказать, что США и НАТО являются ключевыми факторами, которые оказывают большое влияние на развитие двусторонних отношений между Россией и Китаем. Эти две страны разделяют риски и вызовы безопасности со стороны США и их союзников, в частности QUAD (Австралия, Индия, Япония и США), AUKUS (Австралия, Великобритания, США) и НАТО. Сильный рост китайской экономики бросил вызов позиции США № 1, наряду с политическими и связанными с безопасностью причинами, которые заставили США попытаться изолировать Китай прямо в регионе Восточной Азии. Торговая война между США и Китаем и санкции против российской экономики стали движущей силой для двух стран в расширении сотрудничества. Очевидно, что и Китай, и Россия находятся под давлением со стороны США – ведущей мировой державы, и расширение сотрудничества и развития в направлении «враг врага – друг» также является частью российско-китайских отношений. Все более глубокое сотрудничество между Россией и Китаем будет способствовать формированию перераспределения власти в мире в будущем, где власть будет сосредоточена не только в США и НАТО, но и другие страны также будут иметь более сильную власть на международном уровне. «Казанская совместная декларация» на 16-м саммите БРИКС в России отразила дедолларизацию, которая сделала первые шаги по ограничению контроля доллара в мире, сотрудничество между Россией, арабами и новыми странами-членами, такими как Венесуэла, Нигерия... по обеспечению энергетической безопасности и расширению новых членов этой организации продемонстрировало, что распределение власти в мире происходило и происходит все более отчетливо. Если усилия по дедолларизации будут успешными, существует высокая вероятность того, что экономическое и политическое влияние США постепенно сократится, и новые центры власти постепенно сформируются и будут распределены в регионе Восточной Азии – где сосредоточены многие развивающиеся страны, и сотрудничество между Россией и Китаем окажет значительное влияние на формирование и распределение новой власти в мире.

Заключение

Отношения России и Китая находятся на самом высоком уровне за всю историю дипломатии между двумя странами. Позиция Китая по конфликту на Украине является умным ходом, сохраняющим отношения с Российской Федерацией, избегая при этом более высокого уровня конфронтации с Западом. Поскольку обе державы сталкиваются с жесткой конкуренцией со стороны Соединенных Штатов и Запада, сотрудничество между двумя странами имеет важное значение для поддержания взаимовыгодных отношений сотрудничества и установления нового мирового порядка, свободного от контроля Соединенных Штатов и их союзников. Эти события ознаменовали драматические изменения мирового порядка в будущем.

Литература

1. Уровень инфляции в мире 1981–2024 гг. <https://www.macrotrends.net/global-metrics/countries/WLD/world/inflation-rate-cpi#:~:text=World%20inflation%20rate%20for%202022,a%200.29%25%20decline%20from%202019>.
2. 02/2024, Посольство Российской Федерации в Республике Польша, О роли Запада в конфликте на Украине https://poland.mid.ru/ru/press-centre/news/o_rol_i_zapada_v_konflikte_na_ukraine/
3. 07/06/2023, Чжао Хуашэн, РСМД, Объяснение реакции Китая на российско-украинский кризис <https://russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/analytiks/obyasnenie-reaktsii-kitaya-na-rossiysko-ukrainskiy-krizis/>
4. 18/11/2024, Дарья Устьянцева (редактор отдела «Мир»), Lenta.ru, Китай прокомментировал помощь России на Украине <https://lenta.ru/news/2024/10/18/kitay-prokommentiroval-pomosch-rossii-na-ukraine/>
5. 25/09/2024, Василий Милькин, Ведомости, «Газпром» в 2024 году превысит план по экспорту газа в Китай <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2024/10/11/1068225-gazprom-previsit-plan>
6. 29/07/2024, Екатерина Литова, Ведомости, Перспективы финансового сотрудничества России и Китая <https://www.vedomosti.ru/analytiks/trends/articles/2024/07/28/1052515-perspektivi-finansovogo-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya>
7. 04/02/2025, Евгений Фалько, Газета.ru, Новые пошлины США против китайских товаров вступили в силу <https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/02/04/24996572.shtml?updated>

THE IMPACT OF THE UKRAINE CRISIS ON RUSSIA-CHINA RELATIONS AND ITS IMPACT ON THE CHANGE OF WORLD ORDER

Nguyen Ba Thanh

Peoples' Friendship University of Russia

Over the years, we have witnessed many events that have changed the political, economic and social situations of countries around the world. These profound and complex changes in the world have also had an impact on the relationship between Russia and China. These are two major powers in the world, their political activities play an important role in the stability and development of the world. The Russia-China relationship has gone through more than 75 years with many ups and downs and changes in history as well as the development of the two countries. On September 5, 2019, Russia and China officially signed the “Declaration on the Development of Comprehensive Partnership and Strategic Interaction Entering a New Era”, officially elevating the bilateral relationship between the two countries to a new stage. This declaration marked the comprehensive development in the political, diplomatic, economic and military fields of both powers. Since the conflict in Ukraine broke out in late

February 2022, although China has not made any public moves to support or criticize the actions of the Russian Federation, this war seems to be contributing to the closer relationship between the two countries.

Keywords: Russia, China, Russia-China relations, conflict in Ukraine, new world order.

References

1. World Inflation Rate 1981–2024 <https://www.macrotrends.net/global-metrics/countries/WLD/world/inflation-rate-cpi#:~:text=World%20inflation%20rate%20for%202022,a%200.29%25%20decline%20from%202019>.
2. 02/2024, Embassy of the Russian Federation in the Republic of Poland, On the Role of the West in the Conflict in Ukraine https://poland.mid.ru/ru/press-centre/news/o_rolu_zapada_v_konflikte_na_ukraine/
3. 06/07/2023, Zhao Huasheng, RIAC, Explaining China's Reaction to the Russian-Ukrainian Crisis <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/obyasnenie-reaktsii-kitaya-na-rossiysko-ukrainskiy-krizis/>
4. 11/18/2024, Daria Ustyantseva (Editor of the "World" Department), Lenta.ru, China Commented on Russia's Aid to Ukraine <https://lenta.ru/news/2024/10/18/kitay-prokommentiroval-pomosch-rossii-na-ukraine/>
5. 09/25/2024, Vasily Milkin, Vedomosti, Gazprom to Exceed Plan for Gas Exports to China in 2024 <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2024/10/11/1068225-gazprom-previsit-plan>
6. 07/29/2024, Ekaterina Litova, Vedomosti, Prospects for Financial Cooperation between Russia and China <https://www.vedomosti.ru/analytics/trends/articles/2024/07/28/1052515-perspektivi-finansovogo-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya>
7. 04/02/2025, Evgeny Falko, Gazeta.ru, New US duties against Chinese goods come into force= <https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/02/04/24996572.shtml?updated>

Геополитическая концепция «Мегахартленд»: перспективы для России

Печищева Людмила Александровна,

к.и.н., доцент, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)
E-mail: lusya-85@inbox.ru

Геополитическая концепция Маккиндера не утратила своей актуальности и сегодня, хотя акценты сместились больше в сторону стран Востока благодаря их экономическому потенциалу и активному участию в глобальной политике. В рамках новой геополитической концепции «Мегахартленд» акцент делается на развитии сотрудничества России, Китая и Индии с рядом стран «Глобального Юга», что делает такую коллаборацию эффективной с целью создания экономической и политической стабильности, а также построения многополярного и справедливого мирового порядка. Выгодное географическое положение стран, входящих в «Мегахартленд», важно, однако невозможно сбрасывать со счетов в эпоху «экономики знаний» значение человеческого капитала. Эти страны также продвигают инструменты «мягкой» силы, которые способствуют модернизации социально-экономического сектора и внедрению новых технологий в проекты устойчивого развития.

Ключевые слова: Мегахартленд, Россия, Индия, Китай, геополитические вызовы.

В 1904 г. британский ученый Хэлфорд Джон Маккиндер опубликовал в «Географическом журнале» геополитическую концепцию «Хартленд», «осевой регион» или «сердцевину» Евразийского континента, в котором господствующее положение отводилось России с её выгодным географическим положением и богатыми природными ресурсами. Евразия, являясь «осевым регионом», имеет важное геополитическое значение. Следовательно, господство над Евразией открывает возможности для мирового господства [1]. Маккиндер также предостерегал британское правительство от попыток сближения России и Германии, то есть объединения двух крупных «осевых» народов с сильной армией и экономикой, которое могло бы ослабить политическое и экономическое влияние Британской империи. Согласно геополитической формуле Маккиндера, «тот, кто контролирует Восточную Европу, доминирует над Хартлендом; тот, кто доминирует над Хартлендом, доминирует над Мировым островом¹; тот, кто доминирует над Мировым островом, доминирует над миром» [8, р. 113].

Сегодняшняя геополитическая и геоэкономическая ось истории может быть представлена новой концепцией «Мегахартленд» [3], где также «сердцевинной» и ядром выступает Россия, но уже в сотрудничестве с Китаем и Индией. Консолидация политического, научно-технического и экономического потенциала России, Китая, Индии и ряда стран Евразии и «Глобального Юга» помогает формировать справедливый и стабильный мировой порядок, в котором фокус делается на многополярность. Невозможно сбрасывать со счетов такие страны, как Иран и Ирак, Пакистан, Египет, Вьетнам, Турцию, Казахстан и Беларусь, чей вклад в развитие Мегахартленда бесценен.

Прежде всего, у Мегахартленда вырисовывается выгодное географическое положение, преобладание богатых природных ресурсов, хорошо отлаженный энергетический сектор с продвижением возобновляемых источников энергии. Более того, в Китае, России и Индии наметились планы по достижению углеродной нейтральности, которые ведут к повышению значимости водородной энергетики, что, в свою очередь, помогает по-новому осмыслить проекты устойчивого развития с акцентом на бережное отношение к природе, в которую, учитывая все негативные факторы, вписывают новые технологии [3].

Во-вторых, практически половина населения Земли проживает именно на территории Мегахартленда. Интересно, что демографическая ситуация в России, Китае и Индии неомогенна. Индия, обогнав Поднебесную, занимает первое место в мире по численности населения. Индийские власти неоднозначно относятся к тенденции, при которой наблюдается большое количество молодых людей до 30 лет в стране, так как предоставление молодежи всех социально-экономических благ требует больших финансовых затрат от государства. Большое количество (свыше 60%) молодых людей в Индии может стать демографическим и экономическим дивидендом, только в том случае если государство предоставит молодежи хорошую бесплатную систему образования

¹ Под Мировым островом Маккиндер подразумевал три континента (Европу, Азию и Северную Африку).

Исследование выполнено при поддержке гранта «Проектные научные коллективы РГГУ» в 2024 г. для реализации научно-исследовательского проекта «Глобальный Юг во внешнеполитической стратегии России: новые подходы и механизмы многостороннего сотрудничества».

и качественное здравоохранение, сделав их реальными экономическими драйверами, способными повысить в разы производительность труда и преумножить капитал. Россия и Китай, наоборот, сталкиваются с другой демографической проблемой – старением населения. Китай вообще попал в демографическую «ловушку низкой рождаемости» (гипотеза Лутца) [6, с. 104], в какой-то степени вызванной проводимой китайским правительством демографической политикой «одна семья – один ребенок» (1979–2015 гг.). Так, согласно гипотезе Лутца, малодетные или бездетные семьи влияют на новые поколения, принимающие осознанное решение иметь мало детей или отказаться от рождения детей. Однако позитивные тренды, объединяющие эти страны и улучшающие демографическую ситуацию, заключаются в развитии систем здравоохранения, образования и хорошо работающих социальных лифтов.

В-третьих, улучшение системы образования и продвижение науки оказывает позитивное влияние на развитие стран. Учитывая современный рейтинг ВУЗов (The Times Higher Education World University Rankings 2023) [9], китайские университеты входят в 20-ку лучших и престижных учебных заведений, обгоняя даже японские и сингапурские университеты. Согласно другому рейтингу «QS World University Rankings 2024», китайские ВУЗы входят в 30-ку сильнейших университетов мира, оставляя позади лучшие европейские университеты, в том числе некоторые известные немецкие, французские и швейцарские [5], что также указывает на высокое качество образования в Китае, заинтересованность государства в совершенствовании образования и науки, а также подготовку высококлассных специалистов, которые смогут конкурировать на глобальном рынке труда. В каком-то смысле высокие показатели глобальной рейтинговой системы высшего образования рассматриваются и используются странами в качестве «мягкой» силы, способной привлечь самых талантливых студентов и преподавателей, ученых с мировым именем. Крупные фундаментальные научные школы по таким направлениям, как физика, химия, математика находятся в России. По-прежнему на международных студенческих олимпиадах по математике, физике и химии российским студентам нет равных. Нельзя забывать и о важности новых технологий и искусственного интеллекта, поэтому ИТ-специалисты и программисты ценятся как никогда. Так, самые востребованные ИТ-специалисты, владеющие английским языком, из Индии. Вторая по величине силиконовая долина расположена тоже в Индии, в самой южной точке страны – Бангалоре. «Умные» города и цифровизация становятся неотъемлемой частью постиндустриальной экономики. Очевидно увеличение вклада в структуру ВВП инновационных отраслей, имеющих прямое отношение к «экономике знаний», основанной на всесторонней информатизации и цифровизации производства, сферы услуг, в том числе и различного рода государственных услуг, на масштабных инвестициях в человеческий капитал [2, с. 308], доминировании наукоёмких отраслей, росте значения «креативной экономики» [7]. За последнее десятилетие видны успехи в системе образования этих стран. Престиж китайских университетов стремительно возрастает, число индийских ИТ-специалистов ежегодно увеличивается в зарубежных компаниях по всему миру, не сбавляют обороты и российские учащиеся на международных школьных олимпиадах по естественным наукам. Безусловно, человеческий капитал в эпоху глобализации и развития современных технологий является важнейшим активом, помогающим достичь улучшения финансового положения в стране в эпоху «экономики знаний». Следовательно,

но, Мегакартленд зиждется не только на выгодном географическом положении с богатыми природными ресурсами, но и на талантливых, хорошо образованных людях.

В-четвертых, в эпоху турбулентности и глобализации невозможно забывать о культуре и традициях, которые являются оплотом стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Хорошо образованные люди с «надежными жизненными ориентирами» [4] смогут стать залогом будущего страны. В России, Китае и Индии особое значение придается сохранению традиционных ценностей и культурного наследия.

В-пятых, идет активное формирование альтернативных Западу экономических и политических центров, в том числе с появлением БРИКС, ШОС, которые уже успешно конкурируют со старыми организациями и институтами.

Таким образом, новые активные игроки формирующейся системы международных отношений нацелены не только трансформировать политические институты, но и глобальные финансово-экономические системы, которые не отвечают реалиям, сложившимся в особенности после пандемии COVID-19. Следовательно, геополитическая концепция «Мегакартленд» представляет особую синергию человеческого капитала, стабильных политической и социально-экономической систем, умного внедрения инновационных технологий и бережного отношения к культурным ценностям и традициям.

Литература

1. Вениамин Попов. Роль России как Евразийской цивилизации в формировании нового миропорядка // РСМД. 4 апреля 2018. URL: https://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-rossii-kak-evraziyskoy-tsvivilizatsii-v-formirovanii-novogo-miroporyadka/?sphrase_id=36108706 (дата обращения: 12.01.2025)
2. Ларин С.Н., Соколов Н.А. Постиндустриальная экономика: концептуальные особенности развития и стратегии экономического роста стран-лидеров // Бюллетень науки и практики. 2018. Том 4. № 4. С. 305–321. С. 308.
3. Печищева Л.А. Мегакартленд (Megaheartland) XXI века: осмысление нового геополитического термина // Блог экспертов РГГУ. РСМД. 16 мая 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/rsuh/megakhartlend-megaheartland-xxi-veka-osmyslenie-novogo-geopoliticheskogo/> (дата обращения 10.01.2025)
4. Путин: надежные жизненные ориентиры у молодежи – залог будущего России // ТАСС. 26.02.2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20087409?ysclid=lw7xwlp4f922572648> (дата обращения: 18.01.2025)
5. Рейтинг университетов мира 2024 по версии QS. URL: <https://www.albioncom.ru/programs/vyshee-obrazovanie/qs-world-university-rankings-2024> (дата обращения: 16.03.2024)
6. Фахрисламова Р.Т. Низкая рождаемость: теории и подходы к объяснению // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2015. № 2. С. 101–109.
7. Creative economy outlook and Country profiles: Trends in international trade in Creative industries. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/webditcted2016d5_en.pdf (дата обращения: 12.01.2025)
8. Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality. London: Faber and Faber, 2009. 248 p.
9. World University Rankings 2023. URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2023/world-ranking?page=1#> (дата обращения: 10.01.2025)

GEOPOLITICAL CONCEPT «MEGAHEARTLAND»: PROSPECTS FOR RUSSIA

Pechishcheva L.A.

Russian State University for the Humanities

Mackinder's geopolitical concept has not lost its relevance today, although the emphasis has shifted more towards the Eastern countries due to their economic potential and active participation in global politics. Within the framework of the new geopolitical concept «Megaheartland», the focus is on the development of cooperation between Russia, China and India along with the Global South, that makes such a collaboration effective in order to create economic and political stability, as well as build a multipolar and fair world order. It is all-important a favorable geographical position of Megaheartland countries, however it should be considered human capital in the knowledge economy era as well. These countries also promote soft power means that contribute to the modernization of the socio and economic realm and the introduction of new technologies in sustainable development projects.

Keywords: Megaheartland, Russia, India, China, geopolitical challenges.

References

1. Creative economy outlook and Country profiles: Trends in international trade in Creative industries. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/webditcted2016d5_en.pdf (date of access: 12.01.2025)
2. Fakhrislamova R. (2015). Low fertility: theories and approaches to explanation // Bulletin of the South-Russian State Technical

University (NPI). Series Socio-Economic Sciences. No. 2, pp. 101–109.

3. Larin, S., Sokolov, N. (2018). Postindustrial economy: conceptual features of development and strategy of economic growth of the leading countries. Bulletin of Science and Practice, No. 4 (4), pp. vv305–332.
4. Mackinder H. J. (2009). Democratic Ideals and Reality. London: Faber and Faber, 248 p.
5. Pechishcheva L.A. Megaheartland of the 21st century: understanding of a new geopolitical term // RSUH Experts Blog. RIAC. May 16, 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/rsuh/megakheartlend-megaheartland-xxi-veka-osmyslenie-novogo-geopoliticheskoi/> (date of access: 10.01.2025)
6. Putin: Reliable life guidelines of young people is the key to Russia's future // TASS. February 26, 2024. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/20087409?ysclid=lw7xwlbp4f922572648> (date of access: 18.01.2025)
7. Veniamin Popov. Russia's role as a Eurasian civilization in shaping a new world order // RIAC. April 4, 2018. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-rossii-kak-evraziyskoy-tsvivilizatsii-v-formirovanii-novogo-miro-poryadka/?sphrase_id=36108706 (date of access: 12.01.2025)
8. World University Rankings 2023. URL: <https://www.timeshigher-education.com/world-university-rankings/2023/world-ranking?page=1#> (date of access: 10.01.2025)
9. World University Rankings 2024, according to QS. URL: <https://www.albioncom.ru/programs/vysshee-obrazovanie/qs-world-university-rankings-2024> (date of access: 16.01.2025)

Роль Ирана и России в урегулировании палестино-израильского конфликта в рамках обеспечения безопасности Ближневосточного региона

Сейдерфан Ладжеварди,

аспирант, Институт права и национальной безопасности,
РАНХиГС

E-mail: erf.an.lajevardi@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные направления взаимодействия Ирана и России в условиях дестабилизации военно-политической обстановки на Ближнем востоке. Целью статьи является определение роли Ирана и России как акторов мирового политического процесса в урегулировании текущего этапа палестино-израильского конфликта в рамках обеспечения региональной безопасности Ближнего Востока. Для достижения поставленной цели в работе дается общая характеристика актуальных событий, связанных с палестино-израильским конфликтом, определяется круг вовлеченных акторов, рассматриваются публичные выступления руководителей российского и иранского государства. На основании анализа содержания двустороннего сотрудничества России и Ирана делается общий вывод о стратегии поведения российского государства в отношении развивающегося палестино-израильского противостояния. На фоне эскалации палестино-израильского конфликта анализируются основные позиции России и Ирана как государств, заинтересованных в обеспечении региональной безопасности. Отмечаются ограниченные возможности участия России в процессе мирного урегулирования с учетом актуальных геополитических реалий, а также формулируется предположение о возможности реализации миротворческой роли России в деле урегулирования палестино-израильского конфликта.

Ключевые слова: Россия, Иран, урегулирование, палестино-израильский конфликт, Ближний Восток, региональная безопасность.

Введение

События на Ближнем Востоке, начавшиеся с атаки палестинских вооруженных группировок ополченцев под началом ХАМАС на Израиль, можно рассматривать как один из наиболее опасных эпизодов палестино-израильского конфликта. Для Ближнего Востока конфликтное взаимодействие Израиля с окружающими арабскими государствами было и остается основным фактором риска для системы региональной безопасности. Поэтому новый этап развития конфликта в совокупности с общим вовлечением ведущих держав современности в это противостояние является значимой и актуальной проблемой современной мировой политики. Россия и Иран, геополитическое сближение которых стало особенно очевидно в условиях проведения Специальной военной операции, остаются значимыми акторами, которые заинтересованы в стабилизации Ближневосточного региона. Эти события «убедительно подтвердили правоту тех специалистов, которые настаивали на том, что мир движется в сторону новой биполярности» [6, с. 25].

Текущий этап палестино-израильского конфликта: общая характеристика. Современный виток палестино-израильского конфликта характеризуется резкой дестабилизацией военно-политической обстановки на Ближнем Востоке, исходным событием которой стала атака группировки ополченцев ХАМАС из Сектора Газа (территория частично признанного государства Палестины) на Израиль 7 октября 2023 года. Израильский режим ответил на эту атаку проведением крупномасштабной военной операции под названием «Железные мечи», направленной на уничтожение инфраструктуры ХАМАС. В рамках этой операции Израиль применил широкий спектр своих вооружений, не считаясь с сопутствующим ущербом для гражданской инфраструктуры и мирного населения Сектора Газа.

На международном уровне эти действия были квалифицированы ООН и Международным уголовным судом как военные преступления. Разрушения гражданской инфраструктуры и общее количество жертв среди мирного населения стали предметом обсуждения на заседаниях ООН, где поднимались вопросы о необходимости соблюдения международного права в ходе этого военного конфликта.

Реакция мирового сообщества на усиливающееся насилие в регионе была достаточно разнообразной. Многие западные страны выразили свою поддержку Израилю, опираясь на нормы международного права о самообороне, в то время как другие государства, прежде всего арабо-мусульманского мира, призвали к прекращению огня и защите палестинских граждан. Реакция стран региона была разнообразной: некоторые государства, такие как Иран, выразили открытое осуждение действий Израиля, рассматривая их как нарушение прав палестинского народа. В результате, как указывают Г.И. Гаджимурадова и Б.Ю. Курочкина, «развивающиеся страны глобального Юга заявили о непосредственной причастности Израиля к провокации конфликта и праве Палестины бороться за свою свободу и независимость» [4, с. 8].

Еще до выдачи ордеров на арест руководителей Израиля со стороны Международного уголовного суда ООН, многие страны публично заявили о фактах многочисленных военных преступлений со стороны израильских вооруженных сил. С самого начала текущий этап палестино-израильского конфликта характеризовался активным вовлечением третьих сторон – соседних государств и вооруженных группировок, выступающих в качестве прокси-сил этих государств.

Политические позиции Ирана и России по вопросам, связанным с палестино-израильским конфликтом

Дестабилизация Ближневосточного региона в свете текущих событий является значимым фактором разрушения системы региональной безопасности, который может затронуть интересы множества государств мира. Потому ведущие державы в целом заинтересованы в том, что этот военный конфликт не превышал масштабов, способных развязать большую ближневосточную войну. Несмотря на конфессиональные различия (большинство населения в Иране – шииты, в Палестине – сунниты), Иран в своей внешнеполитической стратегии активно поддерживает палестинский народ. Это во многом обусловлено тем, что Иран поддерживает палестинское сопротивление, рассматривая его как часть более широкой борьбы против западного влияния и конкретно – Израиля. Поддержка Палестины позволяет Ирану укреплять свое влияние в арабском мире и позиционировать себя как лидера исламского мира, несмотря на шиитско-суннитские разногласия. Иранская исламская революция 1979 года и идеология, связанная с ней, подчеркивают солидарность с угнетенными мусульманами по всему миру. В целом Иран имеет долгую историю культурных с арабским миром, и поддержка Палестины может быть частью более широкой стратегии по укреплению этих связей. Безоговорочная поддержка палестинского движения полноценно вписывается в политику Ирана, и, как указывает Т.Р. Хайруллин, действия «Хезболлы и хуситов Йемена, считающихся иранскими прокси, вызвало большие опасения США» [13, с. 21].

Многочисленные публикации в западной прессе содержат обвинения в адрес Ирана, которые сводятся к оказанию военной и финансовой помощи Хезболле, ХАМАС и другим исламским группам на Ближнем Востоке, которые используются в качестве прокси-сил для противостояния Израилю. Так, Хезболла зачастую рассматривается западными странами в роли прокси-игрока в палестино-израильском конфликте. Активизация военного конфликта практически сразу привело к активизации обстрелов Израиля со стороны Южного Ливана, где активно действует Хезболла, и, как указывает В.М. Ахмедов, «атаки проиранских милиций на израильские и американские объекты сделали Иран в глазах Израиля и США активным участником палестино-израильского конфликта» [2, с. 110].

Россия занимает умеренную позицию в оценке текущего этапа палестино-израильского конфликта, подчеркивая необходимость мирного урегулирования и соблюдения прав как палестинского, так и израильского народов. Официальные лица России многократно высказывались в поддержку идеи сосуществования двух суверенных государств (Палестины и Израиля). Идея создания двух суверенных государств – Израиля и Палестины – была впервые официально предложена в резолюции Совета Безопасности ООН 242, принятой 22 ноября 1967 года [11]. что считается единственным жиз-

неспособным решением этого затянувшегося конфликта, поскольку, по мнению Г.П. Абдуллаева, «признание укрепляет легитимность Палестины как политического субъекта, что улучшает ее позиции в переговорах и способствует более сбалансированному диалогу» [1, с. 21].

Исторически Россия связана, как с арабомусульманскими государствами региона, так и с Израилем. Это обстоятельство в целом вынуждает российское руководство балансировать между интересами сторон конфликта, не ухудшая отношений ни с одной из них.

Призывы к миру и согласованию позиций между сторонами конфликта являются основной формой участия России. Российская дипломатия подчеркивает, что решение палестино-израильского конфликта должно учитывать интересы обеих сторон. Для России события, связанные с атакой ХАМАС на Израиль, разворачивались на фоне проведения Специальной военной операции на территории Украины. Этот масштабный военнополитический конфликт, осложненный вовлечением стран коллективного Запада и обострением санкционной войны против России, во многом ограничил возможности реагирования Москвы на эти события. Поддержав идею сосуществования двух суверенных государств (Израиля и Палестины), Россия в лице министра иностранных дел С.В. Лаврова, с одной стороны заявила, что актам терроризма 7 октября 2023 г. не может быть оправдания [8], а с другой стороны, потребовала срочного прекращения огня на палестинских территориях и немедленного решения гуманитарных вопросов [7].

Двустороннее сотрудничество России и Ирана как фактор безопасности Ближневосточного региона

Развитие палестино-израильского конфликта совпало по времени с углублением двустороннего взаимодействия России с Ираном, а высказывания российских официальных лиц получили одобрение на Ближнем Востоке.

Сегодня Россия активно развивает сотрудничество с Ираном в условиях проведения Специальной военной операции, ведь, как справедливо отмечает Е.Е. Рябцева, Иран остается «крупнейшей страной региона, сохранившей в современных условиях политическую стабильность и большой потенциал экономического роста, несмотря на жесткую санкционную политику Запада» [12, с. 39].

Заключение Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Россией и Ираном в январе 2025 года [5] стало важным шагом в укреплении связей между двумя государствами. Основной целью документа является развитие всестороннего сотрудничества в различных сферах, таких как экономика, безопасность и культура. Россия и Иран подтверждают свою приверженность совместной работе по борьбе с терроризмом и экстремизмом, укреплению стабильности в Ближнем Востоке и защите национальных интересов за счет обмена информацией между службами разведки. Этот документ закрепил обязательство, согласно которому сторона договора не должна оказывать военной или иной помощи агрессору в случае, если другая сторона подвергнется вооруженному нападению (статья 3 Договора).

Хотя заключение Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве не оформило четких параметров военно-технического сотрудничества между Ираном и Россией, нельзя игнорировать риски использования российских вооружений в палестино-израильском конфликте. Для позиции России в вопросе обеспечения без-

опасности Ближневосточного региона в целом характерно балансирование, которое позволяет обеспечить сохранение конструктивных отношений с Израилем, и развитием партнерства с Ираном. Лишь в конце 2024 г. Президент России В.В. Путин заявил, что «не знает, какие цели преследует Израиль в секторе Газа, но его действия достойны осуждения» [10].

Поскольку это высказывание стало, по всей видимости, наиболее явным возражением Москвы против действий Израиля, которые осуществляются на территории Сектора Газа, относимой к Палестине, его осторожность выделяется на фоне более резких высказываний ближневосточных лидеров. Достаточно привести в качестве примера несравнимо более резкое высказывание нового президента Ирана М. Пезешкиана, который прямо называет события в Секторе Газа геноцидом, обвиняя при этом Европу и США в прямой поддержке таких действий [9].

В результате в медийном пространстве сформировался целостный образ позиции Российской Федерации, которая выступает против эскалации насилия, поддерживает мирный диалог между сторонами конфликта, но осуждает терроризм и жертвы среди мирного населения Палестины. Эта позиция в целом получила одобрение мусульманских государств, а также самой Палестины. Лидер палестинского государства М. Аббаса на встрече с Президентом России В.В. Путиным в 2024 г., подчеркнул, что Российская Федерация занимает прочные позиции «в поддержку палестинской проблемы и суверенного права палестинского народа в достижении всех своих целей и создании нашего государства», и «палестинский народ высоко это ценит» [3].

Если Иран фактически выполняет роль вовлеченный в конфликт стороны, поддерживая Палестины через прокси-группировки, то Россия не вовлечена в это противостояние ни напрямую, ни опосредованным образом. Авторитет России в мусульманском мире вместе с одобрением позиции российского руководства со стороны самой Палестины открывает возможность для более активного участия российского государства в урегулировании палестино-израильского конфликта. Обеспечив выверенную позицию по этому конфликту, руководство России в целом не нарушило связей с Израилем, что предоставляет ей возможность участвовать в качестве посредника в процессе мирного урегулирования, который признается обеими сторонами вооруженного противостояния.

Таким образом, взяв на себя роль миротворца, Россия сможет укрепить свои позиции на Ближнем Востоке, которые ослабли в момент краха политического режима Б. Асада в Сирии.

Заключение

Палестино-израильский конфликт остается одним из наиболее опасных рискогенных факторов для системы региональной безопасности на Ближнем Востоке. Иран и Россия сохраняют свое влияние, выступая как акторы, которые оказывают влияние на динамику конфликта. Поддерживая палестинские группировки, такие как ХАМАС и Исламский джихад, Иран укрепляет свои позиции в регионе.

Принимая во внимание тот факт, что Иран отрицает существование Израиля, он стремится к достижению своих целей и расширению своего влияния, используя в регионе вооруженные формирования, которые являются союзниками Исламской Республики Иран.

С другой стороны, Россия приветствует дипломатические усилия по разрешению палестино-израильского

конфликта. Роль Ирана и России в урегулировании палестино-израильского конфликта подчеркивает сложность геополитической обстановки в регионе. Конструктивный диалог двух государств оказывает значительное влияние на систему региональной безопасности Ближнего Востока.

Литература

1. Абдуллаев Г.П. Эволюция процесса международного признания Палестины // Вестник Брянского государственного университета. 2024. № 1 (59). С. 16–23.
2. Ахмедов В.М. Религиозная политика Исламской Республики Иран в арабских странах Ближнего Востока // Пути к миру и безопасности. 2024. № 1 (66). С. 96–122.
3. Встреча с Президентом Государства Палестина Махмудом Аббасом // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75387> (дата обращения: 25.01.2025).
4. Гаджимурадова Г. И., Курочкина Б.Ю. Освещение эскалации конфликта в Секторе Газа западными СМИ: объективное отражение событий или искажение реальности? // Исламоведение. 2024. Т. 15. № 1 (59). С. 5–19.
5. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран от 17 января 2025 года // Президент России: Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6258> (дата обращения: 20.01.2025).
6. Крылов А. В., Микаелян А.А. Израиль в контексте «новой биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24. № 1. С. 23–39.
7. Лавров заявил о необходимости полноценного прекращения огня на палестинских территориях // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/983000> (дата обращения: 22.01.2025).
8. Лавров: США поощряют расширение зоны военных действий на Ближнем Востоке // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/10/04/1066489-ssha-pooschryayut> (дата обращения: 21.01.2025).
9. Пезешкиан обвинил Запад в поддержке геноцида в Газе // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22918073> (дата обращения: 20.01.2025).
10. Президент РФ считает действия Израиля в секторе Газа достойными осуждения // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/999599> (дата обращения: 20.01.2025).
11. Резолюция Совета Безопасности ООН № S/RES/242 от 22 ноября 1967 г. // ООН. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/242\(1967\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/242(1967)) (дата обращения: 01.02.2025).
12. Рябцева Е.Е. Межгосударственные отношения России и Ирана: гуманитарная составляющая // KANT: Social Sciences & Humanities. 2023. № 2 (14). С. 38–43.
13. Хайруллин Т.П. Палестино-израильский конфликт 2023 года: реакция глобальных и региональных игроков // Азия и Африка сегодня. 2024. № 6. С. 15–24.

THE ROLE OF IRAN AND RUSSIA IN THE PALESTINIAN-ISRAELI CRISIS IN THE FRAMEWORK OF ENSURING THE SECURITY OF THE MIDDLE EAST REGION

Seyederfan Lajevardi

Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the current areas of interaction between Iran and Russia in the context of destabilization of the military-political situation in the Middle East. The purpose of the article is to determine the role of Iran and Russia as actors in the global political process in resolving the current stage of the Palestinian-Israeli conflict in the context of ensuring regional security in the Middle East. To achieve this goal, the work provides a general description of the current events related to the Palestinian-Israeli conflict, determines the circle of actors involved, and examines public statements by the leaders of the Russian and Iranian states. Based on the analysis of the content of bilateral cooperation between Russia and Iran, a general conclusion is made about the strategy of behavior of the Russian state in relation to the developing Palestinian-Israeli confrontation. Against the background of the escalation of the Palestinian-Israeli conflict, the main positions of Russia and Iran as states interested in ensuring regional security are analyzed. The limited possibilities of Russia's participation in the peace process are noted, taking into account the current geopolitical realities, and an assumption is formulated about the possibility of implementing Russia's peace-keeping role in resolving the Palestinian-Israeli conflict.

Keywords: Russia, Iran, settlement, Palestinian-Israeli conflict, Middle East, regional security.

References

1. Abdullaev G.P. Evolution of the process of international recognition of Palestine // Bulletin of Bryansk State University. 2024. No. 1 (59). P. 16–23.
2. Akhmedov V.M. Religious policy of the Islamic Republic of Iran in the Arab countries of the Middle East // Paths to peace and security. 2024. No. 1 (66). P. 96–122.
3. Meeting with the President of the State of Palestine Mahmoud Abbas // President of Russia. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75387> (date of access: 25.01.2025).
4. Gadzhimuradova G. I., Kurochkina B. Yu. Coverage of the escalation of the conflict in the Gaza Strip by Western media: objective reflection of events or distortion of reality? // Islamic Studies. 2024. Vol. 15. No. 1 (59). P. 5–19.
5. Treaty on Comprehensive Strategic Partnership between the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran dated January 17, 2025 // President of Russia: Official Website. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6258> (date of access: 20.01.2025).
6. Krylov A. V., Mikaelyan A.A. Israel in the Context of the “New Bipolarity” // Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2024. Vol. 24. No. 1. P. 23–39.
7. Lavrov declared the need for a full-fledged ceasefire in the Palestinian territories // Interfax. URL: <https://www.interfax.ru/russia/983000> (date of access: 22.01.2025).
8. Lavrov: The United States encourages the expansion of the zone of military operations in the Middle East // Vedomosti. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/10/04/1066489-ssha-pooschryayut> (date of access: 21.01.2025).
9. Pezeshkian accused the West of supporting genocide in Gaza // TASS. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22918073> (date of access: 20.01.2025).
10. The President of the Russian Federation considers Israel's actions in the Gaza Strip worthy of condemnation // Interfax. URL: <https://www.interfax.ru/russia/999599> (date of access: 20.01.2025).
11. UN Security Council Resolution No. S/RES/242 of 22 November 1967 // UN. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/242\(1967\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/242(1967)) (date of access: 01.02.2025).
12. Ryabtseva E.E. Interstate relations between Russia and Iran: the humanitarian component // KANT: Social Sciences & Humanities. 2023. No. 2 (14). P. 38–43.
13. Khairullin T.R. The Palestinian-Israeli conflict of 2023: the reaction of global and regional players // Asia and Africa today. 2024. No. 6. P. 15–24.

Реализация целей устойчивого развития в условиях институционализации интеграционных процессов: на примере развития ИТ технологий стран БРИКС

Теча Джумесси Франк Жиресер,

аспирант кафедры публичной политики и истории государства и права юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)
E-mail: francktech5@gmail.com

Статья посвящена исследованию реализации целей устойчивого развития на примере сотрудничества стран БРИКС в сфере информационных технологий. В условиях цифровизации мировой экономики особо важным становится технологическое сотрудничество. Глобальные вызовы, такие как кибербезопасность, цифровизация экономики, доступ к высоким технологиям и т.д., требуют совместных усилий от крупнейших развивающихся экономик для достижения целей устойчивого развития. Для анализа интеграционных процессов в данной сфере был рассмотрен потенциал стран БРИКС в области ИТ, а также проанализированы уровень развития инфраструктуры информационных технологий, необходимость совместных усилий для решения глобальных вызовов. Создание этого объединения является ответом на растущие глобальные экономические изменения и стремление к укреплению механизмов многостороннего взаимодействия, способствующих устойчивому развитию и инновациям.

Ключевые слова: БРИКС, информационные технологии, сотрудничество, цифровизация, кибербезопасность, инновации, технологический обмен, многостороннее взаимодействие.

В первой четверти XXI века глобальная экономическая и политическая ситуация претерпела значительные изменения. Одним из заметных проявлений этой меняющейся парадигмы стало появление аббревиатуры БРИКС, обозначающей стратегический альянс крупнейших развивающихся экономик (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика, сокр. ЮАР).

Корни акронима БРИКС уходят в начало 2000-х годов. В 2001 году экономист Джим О'Нил ввёл в обиход термин «БРИК», чтобы подчеркнуть экономический потенциал Бразилии, России, Индии и Китая [1, с.3]. Он полагал, что эти четыре страны, обладая огромным населением, значительными природными ресурсами и растущим рынком, вскоре начнут играть важную роль в мировой экономике. В 2000-х годах страны БРИК стали углублять межгосударственные отношения. В 2006 году министры иностранных дел Бразилии, России, Индии и Китая провели первую неформальную встречу в Нью-Йорке, ставшую важным шагом в официальном создании механизма сотрудничества. В 2009 году в Екатеринбурге состоялся первый саммит БРИК.

Первоначально группа была основана в 2006 году как формат взаимодействия между Бразилией, Россией, Индией и Китаем, однако с годами расширилась и включила новые страны. Так, в 2011 году к БРИК присоединилась Южно-Африканская Республика, после чего группа стала называться БРИКС. Расширение укрепило статус объединения как представителя глобального Юга и повысило его влияние в международных делах [2]. С 2015 по 2020 год ряд стран, среди которых Аргентина, Иран и Турция, выразили заинтересованность во вступлении в БРИКС, однако процесс расширения был приостановлен в силу разногласий относительно критериев приёма и возможного влияния на существующую динамику группы.

В работе «Перспективы расширения БРИКС» Глебов В.А. и Агоннуде Б.В.Ф. указывают на вероятные критерии, учитываемые при приёме новых участников: экономический потенциал страны-кандидата, наличие независимой внешней политики, важное место государства в региональных процессах, заметное влияние в своём цивилизационном пространстве, готовность к согласованию позиций с БРИКС по международным вопросам и обязательство содействовать реформе системы глобального управления [3, с. 79]. На наш взгляд, это практичный список, поскольку он охватывает риторику и стратегические аспекты деятельности БРИКС на современном этапе.

В 2022 году БРИКС возобновил процесс расширения, одобрив кандидатуры Аргентины и Ирана на получение статуса наблюдателей, что продемонстрировало стремление группы к укреплению связей с другими развивающимися странами. В результате с 1 января 2024 года к БРИКС присоединились Египет, Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия и Эфиопия. В 2024 году БРИКС провёл 15-й саммит в Казани, где среди прочего обсуждались и дальнейшие пути расширения объединения. Итогом саммита

стало предоставление статуса стран-партнёров 13 государствам: Турции, Казахстану, Узбекистану, Алжиру, Беларуси, Боливии, Кубе, Индонезии, Малайзии, Нигерии, Таиланду, Уганде и Вьетнаму. Дальнейшее расширение БРИКС может значительно повысить его влияние на международной арене и усилить роль в формировании глобального порядка, хотя критерии членства и возможные последствия для внутренней динамики альянса по-прежнему активно обсуждаются.

Геополитические мотивы создания БРИКС

Современная международная система, характеризующаяся доминированием США, встречает растущее противодействие со стороны БРИКС, выступающего за многополярное мироустройство. Создание БРИКС явилось стратегическим противовесом западной гегемонии, направленным на утверждение политического суверенитета участников на мировой арене. Страны объединения консолидированно выступают за реформирование ключевых международных институтов, в частности, за расширение состава Совета Безопасности ООН путем включения развивающихся стран.

Императивы безопасности существенно повлияли на институциональную архитектуру БРИКС. Противодействие терроризму, киберугрозам и территориальным спорам обусловило формирование механизмов коллективной защиты. Индия и Китай, осознавая стратегическую значимость азиатского региона, придают первостепенное значение поддержке регионального баланса сил как гаранта собственной безопасности и экономического процветания. Форум БРИКС служит эффективной платформой для урегулирования региональных конфликтов и выработки консолидированных подходов к обеспечению безопасности.

Экономическая диверсификация является ключевым геополитическим императивом БРИКС. Новый банк развития (НБР) выступает инструментом финансирования инфраструктурных проектов и устойчивого развития как в странах-членах, так и в других развивающихся экономиках. Как отмечает Михеева Е.В., расширение торгово-экономического сотрудничества позволяет странам БРИКС «укрепить свою стратегическую независимость и снизить экономические риски» [4, с.36]. Диверсификация экономики и торговых связей минимизирует уязвимость к внешним шокам и способствует технологическому развитию участников объединения.

Позиция акторов обоснована экономической диверсификацией и расширением торговли как ключевыми элементами стратегии БРИКС, направленными на укрепление стратегической независимости и минимизацию экономических рисков. Данные механизмы способствуют повышению устойчивости стран-участниц к внешним потрясениям.

Культурные обмены между странами БРИКС служат фундаментальным инструментом укрепления информационного взаимодействия и взаимного доверия. Уникальные культурные элементы каждой страны – от бразильской самбы до китайской оперы, от южноафриканских музыкальных традиций до русской литературы и индийского классического танца – формируют многогранную культурную палитру альянса. Посредством культурной дипломатии и мягкой силы страны БРИКС транслируют альтернативные западным представления, способствуя формированию многополярного мироприятия.

Распространение национальных культур на международном уровне не только усиливает геополитическое влияние государств-участников, но и стимулирует эконо-

мический рост через развитие туризма, экспорт культурных продуктов и привлечение иностранных инвестиций. Одновременно это способствует сохранению культурного наследия и национальной идентичности.

Языковое многообразие БРИКС, несмотря на доминирование английского языка в международной коммуникации, требует признания и интеграции в процессы принятия решений для обеспечения равноправного участия всех государств-членов. Многоязычный формат встреч и документации укрепляет чувство сопричастности участников коалиции.

Современное поколение стран БРИКС демонстрирует возрастающую интернационализацию и вовлеченность в глобальную проблематику. Молодежь активно использует международные медиа-платформы, включая «Times», для участия в глобальных дискуссиях. Межпоколенческое взаимодействие в рамках БРИКС способствует формированию будущих лидеров, способных решать комплексные международные задачи в эпоху глобальной торговли, обеспечивая жизнеспособность и актуальность альянса.

Влияние БРИКС на глобальную финансовую систему

БРИКС стремится к фундаментальному преобразованию мировой экономической архитектуры, исторически находившейся под влиянием западной гегемонии. Инициативы объединения, направленные на реформирование таких международных финансовых институтов, как МВФ и Всемирный банк, отражают стратегические экономические амбиции БРИКС. Учреждение Нового банка развития (НБР) в 2014 году стало институциональным воплощением этих амбиций, обеспечивая альтернативный механизм финансирования инфраструктурных проектов и поддерживая цели устойчивого развития [5, с.30].

Значительный ресурсный потенциал стран БРИКС (энергетические, минеральные и агропромышленные активы) создаёт основу для дальнейшей финансово-экономической кооперации. Россия, являясь крупным поставщиком углеводородов, и Бразилия, крупный экспортёр агропродукции [6], демонстрируют взаимодополняемость экономических профилей участников. Синергетический эффект сотрудничества проявляется в оптимизации распределения ресурсов и усилении переговорных позиций на мировой арене, особенно в области энергетики и технологий.

Глобальный финансовый кризис 2008 года ускорил переосмысление существующего экономического порядка. Страны БРИКС показали высокую устойчивость к внешним шокам и стремление совместно трансформировать сложившуюся международную финансовую архитектуру. Как подчёркивает А. Дынкин, «стремление усилить своё глобальное влияние в качестве противовеса доминирующим западным институтам и финансовым моделям является основной мотивацией сотрудничества в рамках БРИКС» [7, с.211].

В условиях цифровизации мировой экономики особо значимым становится технологическое сотрудничество внутри БРИКС. Рамочная программа объединения в сфере НТИ способствует развитию компетенций в информационных технологиях, биотехнологиях и возобновляемой энергетике. Страны БРИКС стремятся к финансовому суверенитету, выражающемуся в дедолларизации взаимной торговли и инвестиций с целью минимизации валютных рисков и преодоления санкционных ограничений.

Одной из ключевых причин формирования БРИКС является стремление к экономической кооперации меж-

ду участниками. Вместе они занимают значительную долю населения, континентов и мирового ВВП. По данным ООН, к середине 2022 года совокупное население БРИКС достигло 3262,7 млн человек. Наибольшую долю населения составляют Китай (43,7%) и Индия (43,4%), тогда как бразильская, российская и южноафриканская части значительно меньше: Бразилия – 6,6%, Россия – 4,4%, ЮАР – 1,8% [8]. Что касается ВВП, доля БРИКС в мировой экономике уже превзошла показатели «Большой семёрки» и продолжает увеличиваться. Если в 1992 году, на момент образования G7, доля этой группы в мировом ВВП составляла 45,5% против 16,7% у БРИКС, то к 2023 году доля БРИКС выросла до 37,4%, а G7 сократилась до 29,3% [9]. Этот разрыв, по прогнозам, будет только увеличиваться. Координируя экономическую политику и объединяя ресурсы, БРИКС стремится сбалансировать доминирующее влияние западных стран, прежде всего США и ЕС.

Кроме того, экономическое сотрудничество в рамках БРИКС позволяет странам-участницам изучать альтернативные пути развития, отличные от моделей, часто продвигаемых такими институтами, как МВФ. В рамках БРИКС применяется особый подход, предполагающий активное государственное вмешательство и финансирование инфраструктурных проектов. Глядя в будущее, можно предположить, что страны БРИКС при сохранении сотрудничества и обмена лучшими практиками смогут решать задачи, приоритетные для устойчивого экономического роста. Сбалансированное экономическое взаимодействие в итоге даёт возможность каждому государству улучшить собственные показатели и внести вклад в формирование более справедливого мирового экономического порядка.

Информационные технологии как ключевой элемент раскрепощения БРИКС

В современную эпоху информационные технологии играют ключевую роль в изменении устоявшихся процессов, помогая людям, компаниям и правительствам общаться, действовать и принимать решения. Значимость этих технологий трудно переоценить – они стали неотъемлемой частью практически всех аспектов нашей повседневной жизни, от повышения эффективности на рабочем месте до формирования новых способов политической самоорганизации.

Информационные технологии оказывают глубокое и многогранное влияние на экономику и политический ландшафт современного мира. В экономической сфере они произвели настоящую революцию в методах ведения бизнеса и функционирования рынков. Интернет и цифровые средства коммуникации стимулировали быстрый рост электронной коммерции, модифицируя традиционную розничную среду и расширяя границы сбыта до масштабов всего мира. Малые и средние предприятия теперь могут выходить на новые рынки благодаря более простому и доступному доступу к потребителям.

Не менее заметно влияние информационных технологий на политику и государственное управление. Социальные сети, онлайн-форумы и мобильные приложения предоставляют гражданам беспрецедентный доступ к информации и мнениям. Демократизация данных даёт возможность массовым движениям с лёгкостью привлекать общественное внимание к таким вопросам, как защита окружающей среды и социальная справедливость.

Формирование БРИКС знаменует фундаментальную трансформацию глобальной политико-экономической архитектуры. Объединение, сформированное в начале XXI века, представляет консолидацию ведущих раз-

вивающихся экономик. Генезис БРИКС детерминирован финансово-политическими противоречиями конца XX века, когда постбиполярная система международных отношений характеризовалась интенсификацией глобализационных процессов и либерализацией постсоветских экономик.

Государства БРИКС, обладающие существенным ресурсным потенциалом и динамично развивающимися рынками, демонстрируют значительную экономическую мощь. Их кооперация направлена на преодоление системных вызовов, включая волатильность сырьевых цен и валютных курсов. «БРИКС играет важную роль в глобальном управлении, выступая за реформу международных финансовых институтов и продвигая более справедливый и инклюзивный мировой порядок» [10, с. 98].

Финансовая интеграция членов БРИКС выступает ключевым фактором институционализации объединения. Экономическая взаимодополняемость стран-участниц способствует интенсификации торгово-экономического сотрудничества: агропромышленный потенциал Бразилии коррелирует с растущим продовольственным спросом Китая, а индийский сектор услуг удовлетворяет потребности российской и бразильской экономик. Диверсификация торговых связей в рамках БРИКС способствует снижению зависимости от западных рынков, повышению экономической устойчивости и оптимизации логистических издержек. Укрепление экономических связей между странами БРИКС детерминирует усиление их геополитического влияния.

Уровень развития инфраструктуры информационных технологий в странах БРИКС

В рамках исследования кооперации стран БРИКС в сфере информационных технологий необходимо отметить их фундаментальную роль в обеспечении экономического роста и инновационного развития. Страны БРИКС рассматривают информационные технологии как стратегический инструмент международной взаимодействия и катализатор экономической трансформации.

С момента основания в 2009 году БРИКС последовательно реализует концепцию многополярного мира, направленную на обеспечение сбалансированного экономического развития. Несмотря на географическую дистанцированность и различия в экономических моделях, страны-участницы объединены общим стремлением к технологическому прогрессу и инновационному развитию. Информационные технологии выступают ключевым фактором в процессах экономической модернизации, оптимизации государственного управления и укрепления международных связей.

Приоритетным направлением сотрудничества стран БРИКС является развитие цифровой экономики. В условиях глобальной цифровой трансформации страны БРИКС консолидируют потенциал своих рынков, технологических компетенций и человеческого капитала. Спектр применения цифровых технологий охватывает электронную коммерцию, финансовые технологии, искусственный интеллект и кибербезопасность.

Пандемия ускорила цифровизацию корпоративного сектора, подчеркнув необходимость развития устойчивой цифровой инфраструктуры. Страны БРИКС, обладающие комплементарными компетенциями, эффективно взаимодействуют в создании инклюзивной цифровой среды. Бразилия демонстрирует динамичное развитие финтех-экосистемы и электронной коммерции, в то время как Индия достигла значительного прогресса в создании цифровых платёжных систем. Синергия опыта этих стран способствует формированию благоприятной сре-

ды для инноваций, стимулирующей не только экономической рост, но и создание новых рабочих мест в цифровой экономике.

Страны БРИКС представляют оптимальную платформу для формирования рекомендаций по цифровому управлению и нормативно-правовой базе. Их взаимодействие способствует разработке унифицированных правил и политик в области кибербезопасности, конфиденциальности и информационного использования. Приоритетным направлением является защита прав человека и развитие цифровой торговли в условиях глобальной цифровизации экономики. Данное партнерство предполагает «гармонизацию нормативно-правовой базы, обмен знаниями и реализацию совместных проектов в сфере локализации данных, налогообложения цифровых корпораций и оценки виртуальных активов» [11, с.57–58].

В условиях стремительной технологической трансформации, определяющей развитие экономик и культур, исследования и разработки в ИТ-сфере приобретают критическое значение. Страны БРИКС, характеризующиеся демографическим многообразием и различным уровнем технической инфраструктуры, демонстрируют высокую потребность в инновационном развитии. Консолидация исследовательского потенциала способствует эффективному обмену этническими традициями и научными достижениями. Каждое государство-участник обладает уникальными компетенциями: лидерство Китая в производстве аппаратного обеспечения и интеллектуальных систем комплексно экспертно Индии в разработке программного обеспечения, в то время как инфраструктурный потенциал Южной Африки и Бразилии формирует базис для взаимного развития. «Данная синергия позволяет эффективно решать комплексные трансграничные задачи» [12, с.214]

Формирование эффективной виртуальной инфраструктуры ИТ-взаимодействия сопряжено со значительными капиталовложениями. В условиях динамично развивающегося технологического ландшафта надежная цифровая инфраструктура выступает ключевым фактором оптимизации коллаборативных процессов и максимизации производительности. Цифровая трансформация коммуникационных, статистических и операционных процессов обусловила необходимость имплементации инновационных методов информационно-технологического развития.

Критическим компонентом межсубъектного взаимодействия является высокоскоростной доступ к сети Интернет. Цифровое неравенство, характеризующееся дифференциацией доступа к высокоскоростным сетям, существенно лимитирует эффективность коллаборации. Интеграция облачных инструментов требует стабильного широкополосного соединения для обеспечения оперативного обмена данными.

Современная инфраструктура облачных вычислений, включающая Google Workspace, Microsoft 365, Asana и Trello, обеспечивает кросс-территориальное взаимодействие, способствуя оптимизации рабочих процессов и обмену интеллектуальными активами. «Имплементация программных решений, базирующихся на открытых стандартах и API, минимизирует ресурсозатраты на конвертацию данных в гетерогенных системах» [13, с.126].

В контексте глобальной цифровизации образовательные системы стран БРИКС демонстрируют значительный потенциал технологической интеграции. Китайский опыт применения искусственного интеллекта в персонализации образовательных траекторий свидетельствует об эффективности данного подхода. В Индии «развертывание систем онлайн-обучения обеспечивает

масштабный доступ к образовательным ресурсам в географически удаленных регионах» [14, с.10]. Государственная поддержка МООС способствует преодолению социально-экономических барьеров в доступе к образованию.

Цифровизация туристической отрасли кардинально трансформировала механизмы поиска и распространения информации о путешествиях. Современные цифровые платформы, такие как Booking.com и Airbnb, существенно оптимизировали процесс доступа к жилью в труднодоступных регионах Бразилии. В Индии инновационные туристические программы «Соседство» способствуют глубокому погружению в локальную социокультурную среду. Данные трансформации катализируют не только оптимизацию процессов бронирования, но и стимулируют исследование малоизвестных дестинаций.

Социальные медиа выступают ключевым инструментом туристического маркетинга. Платформы различных социальных сетей обеспечивают моментальную визуализацию туристического опыта, что значительно повышает узнаваемость дестинаций. Показательным является пример КНР, где популярные социальные медиа радикально влияют на туристические предпочтения. Вирусный контент способен катализировать значительные туристические потоки в короткие временные периоды. Интеграция навигационных систем и технологий дополненной реальности качественно трансформирует туристический опыт, что подтверждается исследованиями туристического поведения [15, с.6–7].

В контексте БРИКС существуют фундаментальные барьеры для эффективной коллаборации. Геополитическая конкуренция, в частности, напряженность в отношениях между КНР, РФ и Индией, обусловленная территориальными диспутами и стратегическим позиционированием, существенно осложняет межгосударственное взаимодействие.

Дивергенция позиций стран БРИКС по ключевым глобальным вызовам – климатическим изменениям, международной безопасности и правам человека – создает дополнительные препятствия для консолидации. Логистические и организационные барьеры, отсутствие единого юридического органа, а также проблемы прозрачности и управления генерируют существенные риски для эффективного функционирования объединения. Несоответствие отдельных участников международным стандартам корпоративного управления и нормативно-правового регулирования создает деструктивное напряжение внутри сообщества БРИКС.

В заключение можно отметить, что, несмотря на огромный потенциал влияния БРИКС на мировую экономику, этому объединению предстоит преодолеть многочисленные вызовы для эффективного сотрудничества. Различия в экономических моделях и политических приоритетах, геополитическое соперничество, неодинаковые подходы к решению глобальных проблем, а также вопросы координации и доверия между членами группы могут создать серьезные препятствия на пути к достижению намеченных целей.

Для укрепления сотрудничества странам-участницам важно вести открытый и конструктивный диалог и находить общие точки соприкосновения, позволяющие совместно двигаться вперед. Важное условие успеха – осознание того, что их реальная сила заключается в сплоченности. Принимая конкретные меры и делая акцент на единстве, БРИКС может не только преодолеть существующие ограничения, но и заявить о себе как о значимой силе на мировой арене.

Литература

1. Vercueil J. Les pays emergent: mutations économiques, crises et nouveaux défis. HAL Id: halshs-01437712. 2017. P. 3.
2. Шубин В.Г. ЮАР в БРИКС: последняя по очереди, но не по важности // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. № 2. С. 229–246.
3. Глебов В.А., Агоннуде Б.В.Ф. Перспективы расширения БРИКС // Международная жизнь. 2023. № 4. С. 76–87.
4. Михеева В.В., Яблокова И.В. БРИКС: экономическая и политическая интеграция. -Российская академия наук, Институт востоковедения РАН. 2019. 328 с.
5. Степанова А.О. Анализ и перспективы нового банка развития стран брикс // Скиф. 2023. № 1 (77). С. 30.
6. Carvalho C.E., Massaroli de Melo T., Daldegan W. Post-Covid Brazil and the New Government: Economy and Foreign Policy // BRICS Journal of Economics. 2023. Vol.4. No.1. P. 97–116.
7. Дынкин А.А., Шишкина Е.В. БРИКС: новые возможности в глобальной экономике. Издательство МГИМО-Университета. 2018. 398 с.
8. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division // World Population Prospects 2022, Online Edition. 2022. File GEN/01/REV1: Demographic indicators by region, subregion and country, annually for 1950–2100. POP/DB/WPP/Rev.2022/GEN/F01/Rev.1
9. BRICS and G7 countries' share of the world's total gross domestic product (GDP) in purchasing power parity (PPP) from 2000 to 2024 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1412425/gdp-ppp-share-world-gdp-g7-brics/> (дата обращения: 25.12.2024).
10. Duggan N., Azalia J.C.L. From Yekaterinburg to Brasilia: BRICS and the G20, Road to Nowhere? // Revista Brasileira de Política Internacional. 2020. Vol. 63. No. 1. E009.
11. Лобанов С.В., Чернов А.А. Цифровая трансформация в странах БРИКС: вызовы и перспективы: коллективная монография. Издательство «Логос». 2022. 416 с.
12. Петров А.В. БРИКС: инициативы в сфере информационных технологий: сборник статей. Издательство «Научный мир». 2023. 320 с.
13. Петров А.В. Информационные технологии в развивающихся странах: опыт стран БРИКС: монография. Издательство «Научный мир». 2021. 280 с.
14. Петров А.В. Использование информационных технологий в сфере образования в странах БРИКС // Вестник Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России. 2023. № 1. С. 128–142.
15. Попов Д.В. Роль информационных технологий в развитии туризма в странах БРИКС: статья // Туризм: право, экономика, социология. 2022. № 4. С. 115–128.

IMPLEMENTATION OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS IN THE CONTEXT OF INSTITUTIONALIZATION OF INTEGRATION PROCESSES: THE EXAMPLE OF THE DEVELOPMENT OF IT TECHNOLOGIES IN THE BRICS COUNTRIES

Techa Djoumessi Franck Jiresert

People's friendship university of Russia

The article is devoted to the study of the implementation of sustainable development goals using the example of cooperation between the BRICS countries in the field of information technology. In the context of digitalization of the global economy, technological cooperation is becoming especially important. Global challenges such as cybersecurity, digitalization of the economy, access to high technologies, etc., require joint efforts from the largest developing economies to achieve sustainable development goals. To analyze the integration processes in this area, the potential of the BRICS countries in the field of IT was considered, as well as the level of development of the information technology infrastructure, the need for joint efforts to solve global challenges were analyzed. The creation of this association is a response to growing global economic changes and the desire to strengthen the mechanisms of multilateral interaction that promote sustainable development and innovation.

Keywords: BRICS, information technology, cooperation, digitalization, cybersecurity, innovation, technology exchange, multilateral cooperation.

References

1. Vercueil J. Emerging trends: economic mutations, crises and new developments. HAL Id: halshs-01437712. 2017. P. 3.
2. Shubin V.G. South Africa in BRICS: last in line, but not in importance // Bulletin of international organizations: education, science, new economy. 2015. No. 2. P. 229–246.
3. Glebov V.A., Agonnude B.V.F. Prospects for BRICS expansion // International Affairs. 2023. No. 4. P. 76–87.
4. Mikheeva V.V., Yablokova I.V. BRICS: economic and political integration. – Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 2019. 328 p.
5. Stepanova A.O. Analysis and Prospects of the New Development Bank of the BRICS Countries // Skif. 2023. No. 1 (77). P. 30.
6. Carvalho C.E., Massaroli de Melo T., Daldegan W. Post-Covid Brazil and the New Government: Economy and Foreign Policy // BRICS Journal of Economics. 2023. Vol.4. No.1. P. 97–116.
7. Dynkin A.A., Shishkina E.V. BRICS: New Opportunities in the Global Economy. MGIMO-University Publishing House. 2018. 398 p.
8. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division // World Population Prospects 2022, Online Edition. 2022. File GEN/01/REV1: Demographic indicators by region, subregion and country, annually for 1950–2100. POP/DB/WPP/Rev.2022/GEN/F01/Rev.1
9. BRICS and G7 countries' share of the world's total gross domestic product (GDP) in purchasing power parity (PPP) from 2000 to 2024 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1412425/gdp-ppp-share-world-gdp-g7-brics/> (accessed 12/25/2024).
10. Duggan N., Azalia J.C.L. From Yekaterinburg to Brasilia: BRICS and the G20, Road to Nowhere? // Revista Brasileira de Política Internacional. 2020. Vol. 63. No. 1. E009.
11. Lobanov S.V., Chernov A.A. Digital transformation in the BRICS countries: challenges and prospects: collective monograph. Logos Publishing House. 2022. 416 p.
12. Petrov A.V. BRICS: initiatives in the field of information technology: a collection of articles. Scientific World Publishing House. 2023. 320 p.
13. Petrov A.V. Information technology in developing countries: the experience of the BRICS countries: monograph. Scientific World Publishing House. 2021. 280 p.
14. Petrov A.V. Use of information technology in the field of education in the BRICS countries // Bulletin of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. 2023. No. 1. P. 128–142.
15. Popov D.V. The role of information technology in the development of tourism in the BRICS countries: article // Tourism: law, economics, sociology. 2022. No. 4. P. 115–128.

Заботы и хлопоты земного существования

Кравченко Альберт Иванович,

доктор социологических наук, профессор, заместитель
главного редактора журнала «Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Заботы – становой хребет человеческого общества, фундамент социальности потому, она направляет одного человека беспокоиться и помогать другому. Что еще может с ней конкурировать? Это проявление добра в действии, начало христианской нравственности. Мы заключаем брак с подспудной надеждой, что жена будет заботиться о муже, а тот – о ней. Мужчина ищет в жены заботливую женщину: заботиться о детях, о хозяйстве, о муже и о родителях. Муж для жены – стена и опора, он кормилец и защитник семьи, воспитатель и дисциплинатор. Таков круг его забот. Забота цементирует общественные связи, поскольку выражает доброжелательные и добродетельные отношения между людьми. Человек рожден для заботы – заботиться о других и потребность в заботе о себе. Командир заботится о подчиненных, предприниматель – о рабочем персонале, врач о пациентах, государство о населении, Бог – обо всех нас. Забота – обязанность что-то делать, значит, это содержание социального статуса, а роль – деятельное исполнение статусных обязательств. Психологически забота проявляется как тревога, груз на душе, головная боль: мне надо еще выполнить домашнее задание или купить лекарство. Это груз и петля на шее. Сделал – скинул груз забот. В качестве груза забота есть нагрузка. Она давит, вгоняет в ступор, обременяет, напрягает, делает пессимистом

Ключевые слова: забота, хлопоты, социальная практика, онтологическое, онтическое, философия, экзистенциализм.

О чем заботимся, о чем хлопочем?

Заботы – понятие стратегическое, хлопоты – скорее тактическое, оно помельче как в теории, так и в жизни. Занятие можно сравнить с вокзалом, куда прибывают поезда с разных мест и толпится народ. Что за народ и поезда? Это сонм синонимов: беганье, беготня, беспокойство, возня, докука, забота, заботы, занятие, калгаза, колгота, колокута, комиссия, кутерьма, маета, мельтешня, патерба, побегушки, предстательство, просьба, суета, суетня, суматоха, сумятица, сутолока, тапасы, уструшны, хлопотишки, хлопотливость, хлопотня, ходатайство. Такие понятия в методологии называют зонтичными, поскольку под одной крышей спасаются от дождя множество разного люда.

Синонимы, родственные понятия и связанные термины можно пополнять и пополнять. Кроме них под наш зонтик нужно поставить пословицы, поговорки и фразеологизмы, связанные с заботой и родственными ей понятиями. Некоторые синонимы перекрывают заботу на 80–90%, другие пересекаются на 40–50%, третьи соприкасаются на 20–30%. Но все они – в едином смысловом ряду.

Зонтичный термин покрывает обширную область схожих слов, которые близки по содержанию, смыслу или значению. По сути, любое понятие – зонтик. Стоит только найти его синонимы, как тут же обнаружится толпа пассажира на вокзале.

Синонимы: попечение, рачение, радение, рвение, старание, беспокойство, возня, хлопоты, уход, внимание, надзор, призор, присмотр, призрение, беганье, беготня, докука, занятие, калгаза, колгота, колокута, комиссия, кутерьма, маета, мельтешня, патерба, побегушки, предстательство, просьба, суета, суетня, суматоха, сумятица, сутолока, тапасы, уструшны, хлопотишки, хлопотливость, хлопотня, ходатайство, доброта, милосердие, уважение, ответственность, вспомоществование, филантропия, социальное обеспечение, социальная работа, социальная служба, озабоченность, поглощённость, сострадание, жалость, помогающие профессии, тревога, заинтересованность, соучастие, взаимопомощь, эмпатия, улучшение, вызволение и др.

Забота на постоянной основе – это ухаживание, обихаживание, обхаживание, уход, ухаживание, присматривание, досмотр и присмотр, обиход, попечение, заинтересованность, помощь, вспомоществование, опека, опекание, покровительство, надзор, пригляд, призор, призрение, попечительство, наблюдение, хлопоты, приглядывание, милосердие, сострадательность, участливость, отзывчивость, беспокойство, чуткость, душевность, мягкость, теплота, радушие, гуманность, добросердечие, добродушие, жалостливость, рачение, радение, рвение, старание, беспокойство, возня, внимание, печалование, неоставление, заботливость, заботка, заботушка, тревога, печаль, возня, хлопоты, уход, треволения, постоянное внимание,

Синонимы для слова «озабоченный»: вдумчивый, выражающий беспокойство, выражающий заботу, выражающий тревогу, глубокомысленный, небеззаботный, обеспокоенный, озадаченный, опечаленный, охваченный беспокойством, поглощенный беспокойством,

поглощенный заботами, поглощенный мыслями, поглощенный тревогой, расстроенный, серьезный, сосредоточенный.

Ряд расширится, когда мы подключим тексты художественных произведений, притчи, присказки, философские трактаты и научные статьи. У нас действительно получится крупный вокзал крупного города. И не удивительно, так как забота пронизывает все поры и клеточки человеческого общества, пусть и под разными понятиями. Все, что делает в повседневности человек, можно рассматривать через призму заботы. И не только в повседневности. Воспитание ребенка – целая череда забот, домашняя работа целиком состоит из забот о доме и семье, труд на заводе – забота о прокормлении семьи, но одновременно и забота о экономическом благополучии своей страны, и т.д. (рис. 1).

Рис. 1. Зонт заботы

Забота в единственном числе и заботы во множественном – разные феномены. Первое указывает на целенаправленное оказание помощи: заботу о себе, заботу о других, заботу государства. Второе отображает повседневные хлопоты и неприятности: забыла закрыть дверь или выключить воду, надо взять ребенка из садика, сменить летник шины, заплатить за квартиру и др. Заботы – это хлопоты. Забота – помощь и милосердие.

«Забота» берет свое начало от старославянского «клопотъ» – бить, стучать, шуметь. Отсюда «хлопоты» как тревога, беспокойство, суета. От него произошли «клепать» и «клевать». В украинском «клапотъ» обозначает незначительную часть чего-либо, кусок, лоскут, клоч, обрывок, отрывок разговора. А ведь глагол «хлопотать» обозначает не только занятие мелкими делами, но и заботиться о ком-то или о чем-то. В русском языке это слово появилось в XVII веке и имеет корни в древнерусском языке.

Было в древнерусском языке и существительное «бот», произошедшее от глагола «быть» в значении «быльё, бытие». Приставка «за» обозначает «возле, рядом, вокруг». Стало быть, дословно «забота» – находится рядом с кем-то, заботиться о его жизни и комфортном существовании.

В славянских языках существовало слово *zobь* со значением «зерновой корм для птицы», в древнерусском языке обнаружен глагол *зобити* – кушать, есть, а в северных говорах известен глагол *зобать* – поедать с жадностью.

«Забота» в русском языке появилась достаточно поздно – в 18 веке и то в форме «зобота». Сразу вспоминается зоб у птицы как нормальное анатомическое образование и зоб у человека как патология – опухоль щитовидки (отсюда выражение «в зобу дыхание сперло»). Зоб есть у куриц. Они все зоботливые, когда на-

журтся. И от недостатка йода зоб тоже может быть. Так что зоб – когда много и когда мало. Постепенно «зо» трансформировалось в «за» под влиянием «аканья», что наблюдается у нас довольно часто. Аналогично древнее «коровай» через аканье превратилось в нынешнее «каравай».

Джулия Шоу [1] предложила использовать категорию *homines curans*, переводимое как заботливые люди, в качестве эпистемологического аналога *cura personalis*, обозначающего устоявшуюся практику в рамках социальной работы. Она утверждает заботу о человеке как неотъемлемую часть данной профессии и даже кодекс чести. В социальном обслуживании забота считается онтологическим априори, соотносящимся с жизненным миром человека. В таком статусе она признается ядром социальной работы, где уход за людьми является призванием. В свою очередь переход к новой парадигме означает, что социальная защита выходит за пределы экономизма и *homo economicus*. Постлиберальный дискурс социализирует политическую экономию и переводит социальную солидарность как этику заботы в рамки радикально новой политики социальной работы.

Древнее «зобь» – «пища», а современное «зоб» – орган, в который птица складывает склеванный корм. Вполне возможно, что некогда «зобота» означала стремление прокормить, обеспечить пищей, т.е. позаботиться о себе или о ком-то. Мы знаем, что и «воспитание» связано с «питанием», «пищей». Стало быть, воспитание – это возмещение или пополнение питания, направление питания, режим питания, а значит наблюдение и управление таким процессом.

Происхождение и начальное значение некоторых слов:

Зобота – кормление.

Зобанец – похлёбка.

Зобь – еда, пища, корм, довольствие, продовольствие.

Зоб – едало, кормило, горло, пищевода.

Зобун, зобач – обжора, зобатель (хлебатель).

Зоботник – кормилец.

Забота-Заботиться-Заботливый-Озабоченный-Озаботиться-Заботно

Вывод. Слово «забота» (в древности это была «зобота») связано с однокоренными терминами «зобити» (кормить) и «зоб». Со временем, а именно в XVIII веке, «зобота» оторвалась от своих исторических корней, стала более абстрактным и обобщенным понятием «забота». Вместе с тем непосредственную связь заботы с едой сохранилась. Только теперь забота – не то, что мы едим, а то, что нас съедает. Потому В.Даль приводит такую поговорку: «Забота не съела, так скука одолела».

В результате всех исторических и филологических трансформаций слова «заботы» и «хлопоты» приобрели два значения – *негативное* и *позитивное*. Забота двойка: 1) действие в пользу другому, 2) переживание в ущерб себе. Заботливый – тот, кто кормит другого и то, кто сам жрёт все подряд. Забота – помощь другому и беспокойство самому. В заботе не только мы едим, но и нас едят. Заботы съели и хлопоты одолели.

Психологически забота проявляется как тревога, груз на душе, головная боль: мне надо еще выполнить домашнее задание или купить лекарство. Это груз и петля на шее. Сделал – скинул груз забот. В качестве груза забота есть нагрузка. Она давит, вгоняет в ступор, обременяет, напрягает, делает пессимистом.

Хлопоты – пустые беспокойства типа мышинной возни и нужные по дому хозяйственные дела. Хлопоты бывают приятные, например, забота по приобретению при-

даного новорожденному, подготовка в торжественному мероприятию. И, наоборот, грустные и скорбные хлопоты похорон. Пустые хлопоты – действия, не приводящие к результату, типа хлопанья крыльями у птицы, которая не взлетает (хлопанье нормальное – подготовка к полету), а просто сидит на месте и звуки издает.

Хлопоты – дела, занятия, связанные с суетой, заботами, беспокойством; занятия, состоящие в постоянных обращениях куда-либо с просьбой, ходатайством с целью добиться чего-либо; суетливая и беспокойная работа, занятия, заботы; работы и недосуги, разные дела; возня и суеты, беспокой, тревога, занятия и обязанности всякого рода; суетиться, хлопотать по пустому; хлопот полон рот; беспокойство, возня, забота, занятие, суета, суетня, хлопотишки, хлопотня, ходатайство; хлопотать, суетливая и беспокойная работа, занятие, заботы; маета, домашние заботы.

Опасное заблуждение считать их синонимами. **Хлопоты и заботы** – не синонимы. **Хлопоты и заботы** – это как мыши и кошки, мыши и крысы, кошки и львы, дети и взрослые. Встретившись со львом, у вас волосы встают дыбом, вы почти попрощались с жизнью, страх сковал ваши мышцы. Кошки – из того же отряда кошачьих. Но какая разница. Кошки – домашние хлопоты, повседневность, максимум покарябают обои, нагадят вам в тапочки, оставят шерсть на ковре – и все. Никакого дрожания плоти, никакой экзистенции. Дети доставляют хлопоты, но не проблемы. Потому и говорят: маленькие детки – маленькие бедки. А вот с подростками хлебнете вы забот: как прокормить и одеть, если вырастает изо всего и требует модных шмоток; не связался ли он с плохой компанией, не употребляет ли наркотики или алкоголь; не забеременела ли она?

Заботы – нечто очень крупное, нерешаемое или трудно разрешимое. Хлопот много, они повсюду, мелкие как мухи или тараканы. Заботы – горы, хлопоты – пригорки или холмики. Заботы – горные структуры, а хлопоты – пересеченная местность. Забота – это то, о чем мы постоянно переживаем и беспокоимся, что нам неприятно, вызывает напряжение, сравни страданию. Когда мы решаем трудную задачу, которая до своего завершения ощущалась как забота, словно дамоклов меч весящей над нами, мы говорим: Ух ты, как гора с плеч! Преодолели, одолели свою вершину, как будто совершили сизифов подвиг. Заботы – мысль или деятельность, направленная к благополучию кого-чего-нибудь.

Хлопоты – бесконечные занятия чем-нибудь обычным и обыденным, небольшим, мелким и даже мелочным. Хлопоты не вызывают экзистенциального напряжения, чувства обреченности и т.п. Они совершаются на автомате, бессознательно, между прочим или по умолчанию. Так мы заправляем постель, чистим зубы и умываемся, стрижемся и бреемся, одеваемся и завтракаем, слушаем радио и разбираем почту. Хлопоты наполняют каждый день и каждую минуту, они то, из чего состоит наша повседневность и наша каждодневность. Мы устаем от них, и в то же время не можем жить без них. Большой мечтает выздороветь, чтобы вернуться к привычной деятельности, находящемуся на отдыхе, в командировке или за границей, в тюрьме или казарме, отеле или поезде не хватает привычных домашних хлопот. Иными словами, чтобы полноценно существовать, мы должны хлопотать.

Тематический рубрикатор: язык заботы, словарь заботы, жесты заботы, позы заботы, места заботы, время заботы, причины заботы, результат и следствие заботы, институты и учреждения заботы, иерархия заботы, структура и состав заботы, виды заботы

Глобальное и эволюционное измерение заботы

Заботы – стеновой хребет человеческого общества, фундамент социальности потому, она направляет одного человека беспокоиться и помогать другому. Что еще может с ней конкурировать? Это проявление добра в действии, начало христианской нравственности.

Забота – гены человеческого добра и гуманизма, строительные кирпичики человеческого общества. Даже муравейник из них построен, ибо рабочие муравьи заботятся о пище для всех, няньки выращивают потомство, воины защищают общий дом, матка выводит потомство. Такой образ жизни, как и у пчел, называется протосоциальным (эусоциальными, парасоциальными). Эусоциальные животные имеют четыре характеристики: взрослые живут в группах, совместная забота о несовершеннолетних (люди заботятся о вывозе, которые не являются их собственными), репродуктивное разделение труда (не все люди получают возможность воспроизводства) и перекрытие поколений. Хотя немногие позвоночные являются эусоциальными, многие виды живут в сложных, кооперативно размножающихся обществах, в которых более двух человек заботятся о молодом возрасте.

Бытие безразлично к человеку – оно существовало до и будет после нас. Но забота появляется на свет только с человеком. Забота делает бытие равнодушным к нам, ибо мы знаем, что повсюду можем ее встретить, везде нам помогут, на всех мы можем положиться. Такова абсолютная максима гуманистического экзистенциализма. Отрезвляет только социология, которая своими подсчетами уверяет: не каждый человек готов позаботиться и помочь, а некоторые наживаются на нас и предают. Ну и что? Нравственная максима – одно, социальная статистика – другое. Первая как мать родная, вторая как теща злая.

Два глобальных и экзистенциальных субъекта, проявляющих заботу о человеке – государство и Бог (церковь). Ты ощущаешь заботу Бога о тебе только тогда, когда веришь в него. Государство помогает всем, но не все верят в заботу государства о людях и конкретно о себе. Помоги ближнему своему – христианская заповедь. Возлюби ближнего своего как себя самого – заповедь Христа. Первое осуществить легче, чем второе.

В раю Адам и Ева вели беззаботное существование. Но только до тех пор, пока слушались Бога. Но вдруг они достали с дерева яблоко познания добра и зла – дьявол их соблазнил. А ведь Бог запретил им это делать. Бог разгневался и выгнал первых людей за врата Эдема – началась новая жизнь, полная трудов и забот. Забота – плата за первогрех, за непослушание. Забота теперь пронизывает каждую секунду жизни людей. Как избавиться от их сонма? Трудом и еще раз трудом. А если ты не хочешь или не можешь трудиться, т.е. ты – ребенок или инвалид, тогда становишься объектом заботы. А зачем заботиться, не пустить ли все на самотек и пусть немощные погибают. Так развивается животный мир, но не общество людей. Здесь забота помогает слабым выжить в мире сильных и злых. Помогая слабому, жесткий и злой становится мягче и добрее. Он покидает мир животных и становится членом общества людей. Бог обрек провинившихся людей на заботы, но именно заботы превратили людей в тех, кто достоин спасения. Вот почему Бог направил к ним Христа.

Забота идет поперек дарвиновскому закону борьбы за существование, где выживает сильнейший. В человеческом обществе сильнейший помогает слабейшему. У некоторых видов животных взаимопомощь и забота сильных о слабых также есть, в частности у слонов. Ес-

ли мать защищает ребенка, то это тоже забота и тоже вопреки Дарвину.

Оказывается, самым ранним критерием появления цивилизации у древних людей стала забота. Однажды студент колледжа спросил антрополога Маргарет Мид о том, что она считает первым признаком цивилизации. Студент ожидал, что антрополог расскажет о крючках, глиняных чашах или точильных камнях. Но нет, Мид сказала, что первым признаком цивилизации является свидетельство выздоровления человека со сломанной бедренной костью. Она объяснила, что в животном мире, если вы сломаете ногу, вы умрете, поскольку не сможете убежать от опасности, подойти к реке, чтобы попить воды, и тем более охотиться. Вы становитесь свежим мясом для хищников. Ни одно животное не выживет со сломанной лапой достаточно долго, чтобы кость зажила. Заживший перелом бедренной кости является доказательством того, что кто-то нашел время побыть с упавшим, залечил травму, доставил человека в безопасное место и позаботился о нем, пока он не выздоровел. «Помощь кому-то в преодолении трудностей – это отправная точка цивилизации», – объяснила М. Мид. Цивилизация – это помощь и забота членов сообщества.

Забота – фундаментальное опасение о способности выполнить какую-то важную роль в обществе, скажем, быть кормильцем семьи, добросовестным работником, верным другом, любящим мужем или отцом, честным человеком, защитником родины. Если ты потерял работу, то груз ответственности за благополучие семьи лег на твои плечи. Если тебя сочли трусом на фронте, то стыд и клеймо на всю жизнь. Забота – это *ответственность* за кого-то близкого, стремление ему помочь, уберечь его, защитить, например, своих родных, свою родину. Забота – боль души, беспокойство. Это как труд Сизифа – невысказанный для простых людей. Забота как помощь другим, которые в ней нуждаются больше, чем ты сам.

Таким образом, **забота** – субъективный показатель неправильного исполнения своих **фундаментальных ролей** и связанных с ними крупных задач. Вот почему можно заключить, что заботы – элемент жизненного мира. Хлопоты – элемент повседневности, обыденности. Хлопоты – суетливая беспокойная деятельность по решению незначительных бытовых проблем, например, приобретение приданого новорожденному или подготовка к празднику.

Социальные и специальные параметры заботы

Забота как оказание помощи или опеки – важная **социальная практика**. Но повседневные хлопоты так не назовешь. Их вообще трудно назвать как-то иначе – столь мелки и разнообразны они. Хлопоты не тематизированы в социальном смысле. Они составляют, если можно так выразиться, повседневный нарратив, т.е. прозаическое повествование о произошедшем в этот день. Их через неделю и не вспомнишь. Спроси человека «Как жизнь?», он ответит «Вся в хлопотах!». Иными словами, суетность, что-то делаю по дому, работаю понемножку, разные дела и заботы одолевают. В этом ряду заботы приравниваются к хлопотам.

Хлопоты домохозяйки нередко ассоциируются с хлопаньем крыльями птиц при взлете – то и другое крайне необходимо для обеспечения повседневной жизни. И то и другое совершается как бы автоматически, у человека – без особой мотивации и принуждения, скорее, как процесс удовлетворения потребностей, выполнения ритуала или по обычаю, например, приготовление обеда, стирка белья, помывка младенца. Повседневные

хлопоты не доставляют особой радости или душевного подъема, ибо располагаются вне праздничной реальности.

Покупка автомобиля – это забота, т.е. огромная проблема, связанная с множеством хлопот. Пробки на дорогах, поездка в метро, хождение по магазинам, превращающееся нередко в хождение по мукам, – ежедневные хлопоты горожан. Снос хрущёвок и строительство развязок – заботы городской администрации, а жизнь в неблагоустроенном жилище – повседневные хлопоты простых людей. Припарковаться в центре города – задача еще та, а необходимость оплатить парковку – хлопоты. Водитель озабочен парковкой, а пешеход – возможность найти проход между сгрудившимися авто. Водитель озабочен тем, чтобы доехать, куда ему нужно, вовремя. Но тем же самым озабочен и пешеход. Они конкуренты во времени, прокладывая себе наикратчайшие пути. Полицейский озабочен поддержанием порядка в перемещении тех и других, а доктор – в сохранении их здоровья. У кавалериста на войне первая забота – накормить коня, а потом уже себя. Многие горожане озабочены кормлением голубей и бездомных собак.

Повседневность города насыщена озабоченными людьми, хлопотными по своим делам: пешеходы вынуждены передвигаться по тротуарам, заставленным припаркованными автомобилями, и переходить улицы, маневрируя в плотном потоке агрессивных водителей. Общество в целом и город в частности – огромная сеть забот и поле озабоченности.

Заботы – это всегда потребности. Потребности в чем? Да во всем и в самом разном – потребность заботиться о своем теле, своем комфорте и тепле, в пище и отдыхе, в общении с значимыми другими, потребность развлекаться и к духовному приобщаться, потребность быть не ниже, а по крайней мере вровень с другими, а при случае и повыше, потребность общаться с Богом, защищать своих близких и свою родину. Да мало ли еще в чем, что возникает каждый день в нашей длинной жизни – в большом и в малом, в физическом и духовном. Пирамида потребностей Маслоу – четкий компас для ориентации в мире человеческих забот (рис. 2).

Рис. 2. Иерархия забот и потребностей

Когда утром одним надо опохмелиться, а другим взбодриться, то водка и кофе выполняют функцию инструмента удовлетворения потребности. Чем острее потребность, тем выше градус заботы, где достать это средство, особенно если в доме его не обнаружилось, а магазин еще закрыт.

Иерархия забот отражает пирамиду потребностей Маслоу и иерархию ценностей человека, на первом месте всегда находится семья и личная безопасность. Если человек одинок, то забота пообщаться с кем-либо может превратиться в навязчивую идею. На нижних этажах пи-

рамиды драйвером поведения могут стать забота о питании или жилье, о воде или свежем воздухе, о тепле или простой человеческой нежности. Озабоченный человек – это неудовлетворенный волк, рыщущий в поисках пропитания или укрытия.

Потребности и заботы – родные сестры, только под разными именами, но проживающие в одном пространстве. Те и другие приглашают нас на выставку или в парк развлечений, зовут в магазин или в уютное кресло. Озабоченные потребители – это мы, когда превращаемся в тех, кто прислушался к внутреннему голосу и что-то делает для удовлетворения потребностей.

Женщина нужна мужчине для того, чтобы тренировать его главное качество – заботу. Когда ей это сильно нравится, она рождает ему детей, чтобы тот совершенствовал это качество. В качестве самого главного свадебного подарка женщина преподносит мужчине право заботиться о себе.

Но мы не только потребители, прислушивающиеся к голосу, звучащему внутри. Мы еще и те, кто прислушивается к такому же голосу, звучащему от других людей, особенно попавших в беду – тонущих, горящих, болящих. Они вопиют о нашей помощи, и мы откликаемся, нередко с риском для собственной жизни. Забота о ближнем – первейший долг существования духовного, каковым мы являемся или стремимся быть.

Максимум заботы человек получает в начале и конце жизни, минимум – в середине, где он максимально трудоспособен и независим (рис. 3).

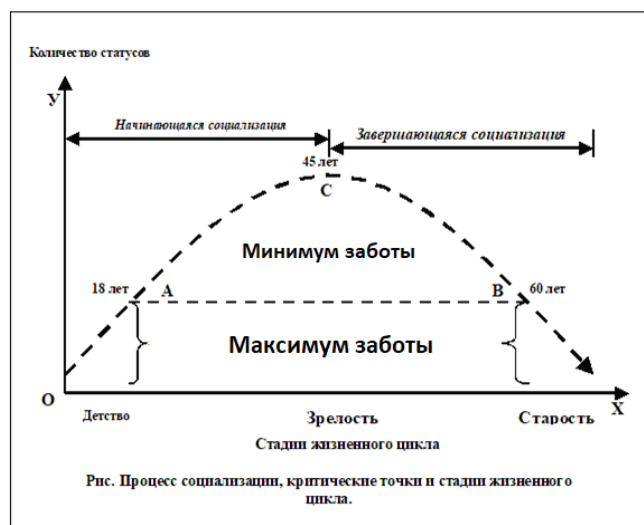

Рис. 3. Максимум и минимум заботы

Забота – ответ на запрос: маленький ребенок кричит и просит помощи. Мать помогает, т.е. проявляет заботу. Значит, забота – это помощь. Чрезмерная забота – навязчивая помощь, когда о ней не просят, т.е. ответ без вопроса, удовлетворение не существующей потребности.

Проявлением заботы мы сразу делим людей на **значимых других** и незначимых других. Заботу мы оказываем первым, а помощь – первым и вторым. Гиперзабота выпадает на долю элиты значимых других, особенно любимых, горячо любимых.

Забота часто проявляется по требованию: овощи требуют ухода и полива, прополки и удобрения, кожа требует заботы и ухода, ребенок требует заботы и ухода, домашняя скотина требует заботы и ухода, но разве они могут сказать – мы требуем заботы о себе? Их требования, а точнее сказать, потребности чувствует и понимает субъект заботы – хозяин или родитель.

Кто такая домохозяйка: женщина, заботящаяся о ведении домашнего хозяйства. Хозяйка означает заботливая или заботящаяся о своём хозяйстве так же, как хозяйин. А вот в слове «домработница» этого смысла нет. «Хозяйский глаз» – выражение заботы о своем хозяйстве.

Мы заключаем брак с подспудной надеждой, что жена будет заботиться о муже, а тот – о ней. Мужчина ищет в жене заботливую женщину: заботиться о детях, о хозяйстве, о муже и о родителях. Муж для жены – стена и опора, он кормилец и защитник семьи, воспитатель и дисциплинатор. Таков круг его забот.

Забота цементирует общественные связи, поскольку выражает доброжелательные и добродетельные отношения между людьми. Человек рожден для заботы – заботиться о других и потребность в заботе о себе. Командир заботится о подчиненных, предприниматель – о рабочем персонале, врач о пациентах, государство о населении, Бог – обо всех нас. Забота – обязанность что-то делать, значит, это содержание социального статуса, а роль – деятельное исполнение статусных обязательств (рис. 4).

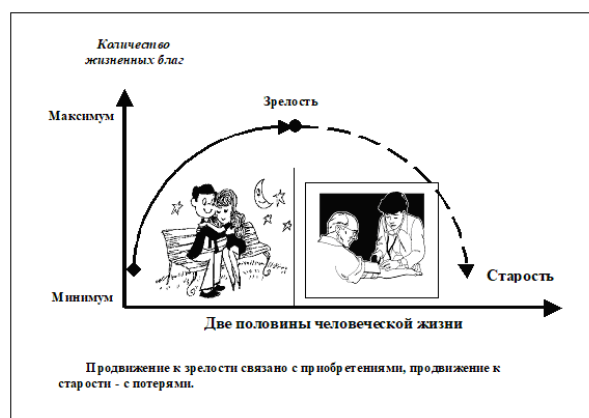

Рис. 4. Забота нужна человеку, когда у него ничего нет, когда он что-то утратил или кого-то потерял

Вещизм – пристрастие к вещам и материальным ценностям в ущерб ценностям духовным. Он означает культ вещей, карго-культ. Если они у тебя на первом месте, то ты у них – всегда раб. Вещизм ведет к добыванию дорогих, редких или модных вещей любой ценой. Шопполизм – женская разновидность вещевого рабства. Понятие «забота о себе» будет означать преклонение перед вещами. Если такого преклонения нет, то данное понятие охватывает духовные упражнения и практики, в том числе молитвенные, а также отшельничество, паломничество, увлечение йогой, регулярно посещение храма, театров и музеев, занятия высоким искусством. Духовно ориентированные чужды сравнению себя с другими, оцениванием других, зависти. Они не сравнивают потому, что их сознанием управляет не преходящее, а вечное.

Исследования показали, что ни у кого из крупных животных нет таких прочных связей, как в семействе касаток. В стае сразу несколько поколений, все заботятся друг о друге. Случаи агрессии неизвестны. Их семейные группы – самые устойчивые среди животных.

Менеджмент напоминает заботливую бабушку, долго пожившую на свете и набравшую мудрости. Она воспитывает своего внука поучениями: зимой без шапки ходить нельзя, в дождь надевай сапожки. Менеджмент – наука (свод теоретических положений), практика (обобщение опыта успешных компаний и руководителей) и искусство (умение совместить эти несовместимые вещи) – имеет глубоко нормативный характер. Он говорит, что

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

надо делать – исходя из наших теоретических правил, созданных в ходе обобщения хорошего и плохого (неудачные компании) опыта.

Виды, формы, проявления

Забота принимает две формы – личную как помощь одного человека другому – и институциональную как заботу государства о той части населения, которая не может позаботиться о себе самостоятельно. У заботы два значения: 1) забота как внутриспсихологическое состояние тревоги, 2) как желание проявить помощь и сострадание к другому человеку. Второе значение связано с альтруизмом, а первое, возможно, с эгоизмом.

Забота о своих родных и друзьях может стать назойливой опекой, когда опекуны стараются оградить опекаемых от любых невзгод, даже таких мелких, которые помогают им повзрослеть, адаптироваться, закалиться, превращая добро в зло. А бесконечные «Ты поел?», «Ты взял зонтик?», «Ты помнишь про визит к врачу?», «Ты не опоздаешь в школу или на работу?» способны вывести из себя любого человека, превратить повседневное существование в поле напряженных конфликтов. Гипертрофированная озабоченность – мнимая забота или псевдозабота – превращается в изощренную пытку, нивелирующую собственную внимательность и заботливость о себе.

Забота как прагматика – я забочусь о тебе сейчас, чтобы ты позаботился обо мне потом, когда мне это будет нужно. Родители выращивают себе не просто детей, а опекунов и тех, кто окажет им в старости заботу и помощь.

Забота как обмен услугами: я помогаю тебе сейчас, а ты завтра. Забота о здоровье работников выгодна предпринимателю, ибо бережет его рабочую силу, повышает производительность труда и создает благоприятную атмосферу в коллективе.

Этика заботы (Ethics of care) – система этических норм и правил, помогающих одним людям оказывать добро другим, кто в нем нуждается. Забота – социальная ответственность, обязанность социального партнерства, проявления солидарности и сплоченности. Забота – это стремление добром победить зло, удовлетворить острую потребность в чем-либо, когда сам человек сделать этого не может, например, подать воды беспомощному, подняться упавшему, накормить голодного.

Забота – это бесплатная работа и неоплачиваемая услуга. В таком случае она попадает в категорию волонтерства – добровольной помощи. Правда, социальная работа и социальная помощь, оказываемая специалистами от имени той или иной организации, волонтерством не считается.

Студенты и молодые преподаватели Тюменского государственного университета взялись благоустроить часть территории хосписа благодаря грантовой поддержке Федерального агентства по делам молодежи. И это лишь первый шаг к тому, чтобы в медицинском учреждении появились «волонтеры заботы», которые смогут дарить часть своего времени и душевного тепла пациентам и их родственникам.

Забота – то, что настоятельно требует выполнения или обязательного разрешения. То, что можно отложить или не выполнять, хотя оно вас как-то волнует, это не заботы, а хлопоты.

- Забота о самом себе
- Забота о значимых других (сострадание, волонтерство)
- Забота об обществе и своей стране (патриотизм)
- Забота о Боге (исполнение христианских заповедей)

- Забота как онтологическая проблема (животные и насекомые беззаботны, а человек всегда озабочен)
- Забота не о, а забота как (нельзя жить в обществе и быть свободным от обязательств)
- Забота как способ существования
- Забота как образ и стиль жизни

Патриотизм – это соединение личной заботы с общественной проблемой в социологическом воображении. Общественная проблема – идет война. Личная забота – защищать свою страну как личная позиция.

Бывает еще забота *потворствующая* и *притворствующая* – первая лжет опекаемому, вторая лжет опекающему. Потворствовать другому и притворяться себе – два порока, которые истинное явление, заботу, делают ее превращенной формой.

Забота-для-другого помогает ему выпутаться из трудной ситуации, а **забота-для-себя** означает, что ты сам находишься в трудной ситуации. Преодоление той и другой требует приложения усилий, т.е. труда. Забота о себе мимолетна, суетна и преходяща. Вот почему ей приходится постоянно заниматься. Забота о себе – это мирское занятие, забота о ближних – божественное. Там, где есть место для заботы о себе, не всегда находится место для заботы о других. Для себя – всегда День открытых дверей, для других – Технический перерыв. Преамбулой для заботы о других служит забота о душе, а не забота о теле. Если вы оставили место для заботы о других, то Бог оставит вам место для заботы о себе.

Забота о душ и забота о душе – явления разные: первое о вечном, второе о бренном. Будничные заботы подобны оковам, духовные заботы подобны крыльям. Забота о душе длительна, утомительна и для многих неподъемна.

Женщина почти все время посвящает заботе о своем теле, ибо знает, не будь этого, мужчина не сможет разделить ее увлечение.

Забота о себе проявляется в двух формах – правильной и неправильной. Правильная – забота о теле и духе: спорте, диете, музеях, храме. Неправильная – гиперопека детей, детоцентризм, желание, чтобы дети реализовали то, что самим не удалось, уберечь их от собственных ошибок.

Если забота родителей радует только родителей и угнетает ребенка, то это не забота. При этом родители часто расходятся во взглядах – до какой степени надо опекать и помогать ребенку. Раздрай и разносортца родителей в воспитании еще хуже, чем дружная гиперопека, ибо выращивает вруна и приспособленца.

Забота о другом – это подстраховка его. Все заботы вместе создают страховочную сеть или систему безопасности общества, поддерживаемую снизу самостоятельностью, а сверху – государством и его институтами.

Тот, кто оказывает добро, испытывает больше удовольствия и помнит дольше, чем тот, кому оказывают услугу. То же самое и с заботой, поскольку она – иная форма существования добра.

Легче разглядеть себя как объект заботы, ибо ты к себе ближе всех, чем других как объект своей заботы, ибо надо выглянуть в окошко своего Я, обозреть внешний мир, найти нуждающегося, найти в себе побуждение заботиться о нем.

Перевернутая забота – забота тех, о ком должны заботиться; забота превращается в гиперопеку; парентификация

Деструктивная забота – забота, разрушающая самостоятельность личности, гиперопека, подавляющая личность и ее активность

Токсичная забота – забота, которую оказывают, не спрашивая, что нужно человеку, а поддерживают, исходя из своего личного представления, т.е. забота без спроса.

Токсичная забота – агрессивное желание помочь человеку помимо его желания. Тогда и говорят: Не делай добра, не получишь и зла. Но если ты помог другому в безвыходной ситуации, то он тебе будет благодарен всю жизнь. Пример – спасение утопающего или при пожаре.

Токсичная забота о себе – подольше понежиться в постели, подольше поспать, потеплее одеться, повкуснее покушать, поменьше работать, подольше отдыхать, любить себя, холить и лелеять, расширять себе зону комфорта.

Выйти из зоны комфорта имеет два смысла: 1) начать саморазвитие в не самых благоприятных условиях, 2) позаботиться о других, кто не находится в зоне комфорта.

Гуманитарная помощь – институционализированная форма заботы.

Забота о себе как духовная практика состоит в развитии в себе потребности заботиться о других. Забота о себе – это забота о самости, а забота о других – забота о бытии.

Забота – это проявление сострадания и милосердия лично и при помощи государства, которое создало соответствующие учреждения и институции. Если личную заботу в любой момент можно отменить, то куда ты денешь тысячи центров и учреждений заботы.

Аутозабота – забота о себе, ибо ауто означает: ты сам, я сам, я как автор. Обратная перспектива. Эго-центричность.

Альтерзабота – забота о другом, ибо альтер означает «другой». Отсюда альтруизм – направленность на благо других, а не о себе. Прямая перспектива (рис. 5).

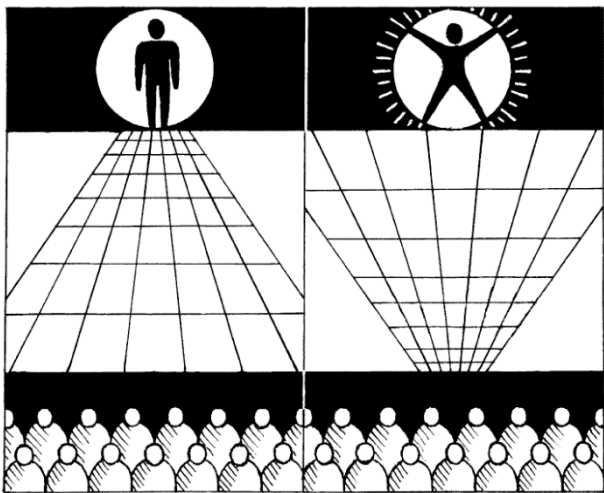

Рис. 5. Прямая и обратная перспективы заботы: о себе или о других, эгоизм и альтруизм

Self-Care похожа на селфи-фото, когда любишь себя и фотографируешь во всех видах и повсюду – жанр обыденный и обывательский. Если вы любуетесь собой и всячески фоткаете такое любование, то Self-Care означает также о своем теле, своем внешнем виде, прически и т.д.

Soul-Care напоминает мне заботу о своем духовном здоровье, и это прямо противоположно первому понятию. Для этого нужна Библия и молитва, а не айфон на палке.

Когда мы повторяем за греками «В здоровом теле здоровый дух», мы фактически объединяем оба понятия – Self-Care и Soul-Care.

Изысканный кофе, нежный сон, любовные романы, педикюр, болтовня с подружками, фирменная одежда, умопомрачительный массаж, евроремонт в квартире и ванна с лавандовой пеной – Self-Care. Серьезное чтение, научные занятия, музеи, выставки, лекции, молитва – Soul-Care.

Виды заботы:

- Забота опеки
- Забота покровительства и статуса
- Забота одолжения
- Забота долженствования (долга, обязанности)
- Забота потребности

А еще есть забота, расхолаживающая и обезоруживающая, забота формальная, забота выручающая, забота прибыльная, забота упрекающая, забота обволакивающая, забота, требующая ответной благодарности, забота постоянная и ситуативная, заботиться-нянчиться, заботиться-отнекиваться, забота по приказу, забота по велению совести и чести, забота как функция и работа, паллиативная забота.

Демонстративная забота – форма демонстративного поведения, показуха ради собственного эго и престижа: человек реально не заботится, но делает вид, что заботится изо всех сил: работа с прохладцей. Есть спрос, но нет предложения.

Агрессивная забота – противоположность демонстративной – навязывают свою заботу другому, когда тот не хочет: непрошенная забота. Это как приходиться в гости без приглашения. Непрошенный гость хуже тарарина. Нет спроса, но есть предложение. Агрессивная, удушающая забота – это когда вам дают советы и рекомендации, о которых вы не просили.

Философия заботы

Забота появилась в нашем обществе давным-давно, как говорят, во времена кроманьонцев, если не питекантропов, так и ее философское осмысление явилось не сегодня. История вопроса восходит к Сократу. Мы помним его знаменитые афоризмы-полушутки (мыслитель прославился своей ироничностью) «Познай самого себя» и «Я знаю, что ничего не знаю». Сблизив понятия «познание» и «забота», Сократ тем самым сказал нам: познание мира и себя в мире влечет за собой страдание, заботу. Почти также и в Библии: сорвал яблоко с древа познания, выгнали из беззаботного рая в мир забот и труда. Где эта территория? Она не в раю и не в аду, это некая пограничная зона жизни – серая зона полутеней, тревог, хлопот и суеты. Страх, тревога, одиночество и другие аффективные состояния определяют пограничное состояние вне рая и пограничную территорию вне рая и ада, без Бога, но с заботами. Изгнанный из рая Адам в свое время потерял безмятежность и приобрел вечную озабоченность. Не удивительно, что забота стала аксиомой земного бытия рода homo sapiens, забота как наказание за первородный грех.

В рамках своей этической доктрины И. Кант придал категории заботы статус императивности (обязательности), а стало быть, и трансцендентальности (в другом прочтении: трансцендентности). Она не из мира сего, она нам свыше суждена, как предзаданы нашему восприятию пространство и время. Мы думаем, что сами все придумали, а нет – многое, очень многое, кем-то или чем-то предначертано.

Экзистенциализм вводит в пространство философских размышлений такие феномены человеческого бытия, как страх, забота (озабоченность), одиночество,

свобода, ответственность, надежда, отчаяние, потеря и обретение смысла жизни и др. Стремление экзистенциалистов заглянуть в скрытые глубины человеческого бытия приводит их к необходимости изменить стиль и язык философствования. Подручность и настроенность – экзистенциалы заботы,

Забота доказывает подручность бытия, его сподручность и прирученность. Это как у животных: domestикация превратила диких существ в тихих и сподручных домашних существ. Прежде они сами о себе заботились, а теперь их должен кормить и ухаживать человек. А вот дикость и заброшенность противоположны заботе. Подручность (Zuhandenheit) отражает удобство бытия, расположение под рукой, где можно что-то достать и кому-то помочь. Подручный, подножный.

Настроенность, направленность, нацеленность, ориентированность, мотивация, целенаправленность и действие – еще одни составляющие заботы. Настроенность (Befindlichkeit). Настрой предполагает сначала «задетость» чем-то, если оно сломано и расстроено, затем рефлексии и готовность действовать по исправлению ситуации. А это и есть забота и озабоченность.

В современной философии **заботы и хлопоты** – главные **экзистенциалы** повседневности. Под ними понимают скрепы существования человека, некие жизненные метки, проявляющие себя только в экстремальных, как еще говорят, пограничных ситуациях. Первые служат аналогом удовлетворения потребностей, т.е. запросов души и тела, без чего невозможно ни физическое, ни духовное существование нас как людей. Вторые помельче и показывают тщету обыденного существования, нескончаемую череду каких-то мелких дел. Так птицы хлопают крыльями при взлете как люди хлопают ладонями при одобрении (своего рода эмоциональный взлет). Заботы говорят о помощи себе или другим, хлопоты – о сотрясении воздуха. В слове «хлопоты» есть нечто от хлопка. Есть взрывы, а есть хлопки.

У Мартина Хайдеггера забота есть бытие-в-мире как «забегание вперед». Что это за забегание такое? Планирование своего будущего? Нет, не это. У плановика все разумно и рационально, все рассчитано и все расчетливо, все прагматично и бессердечно. Не найти ничего другого, более несовместимого с подлинной заботой, чем это. Тогда что? Ответа немецкий философ не дает – во всяком случае на понятном нам языке. Попробуем догадаться сами. Забота – это напрасные хлопоты о выдуманных делах, т.е. о такой суете, о которой и думать то не надо, в частности, о мирских заботах типа почестей, славы, выгоды. Забеганием вперед забота становится и при более духовном ее наполнении, например, забота о детях или больных людях. Вы знаете, в чем именно они нуждаются, что надо делать на следующий день. И понятно, что вы тревожитесь: где достать лекарства, как вымыть лежачего. А еще и денег может не хватать. Вами овладевает тревога и беспокойство – не о текущем, оно мгновенно проходит, а о грядущем. Это, на мой взгляд, и есть забегание вперед.

При этом он разводит по разные стороны понятия «онтическое» и «онтологическое», которые большинству из нас кажутся стоящими по одну сторону. Онтическое у Хайдеггера помельче и касается индивидуального бытия здесь и теперь. Онтологическое покрупнее и касается всеобщего бытия человечества. Каждый из нас смертен и неповторим, а человечество потенциально бессмертно, уникально как коллектив, но одинаково как индивидуальности (у людей больше сходных черт, чем отличных). Онтическое описывает сущностные характеристики человека, а онтологическое – структурные

элементы бытия. Онтологическое – глобальное и экзистенциальное, онтическое – локальное и банальное.

В таком случае онтическое относится к субъекту, а онтологическое – к объекту. Онтическое Хайдеггера параллельно жизненному миру (Lebenswelt) Эдмунда Гуссерля в философии и Альфреда Шютца в социологии, который может быть понят как место самоочевидности или данности, как мир, который субъекты могут переживать вместе. Для Юргена Хабермаса жизненный мир – это «фоновая» среда компетенций, практик и установок, которые можно представить в терминах когнитивного горизонта человека.

Птичка в клетке – это онтическое в структуре онтологического. Забота представляет собой заинтересованность первого во втором, деятельное соучастие как забегание вперед (рис. 6).

Рис. 6. Огромное онтологическое заключает в себе маленькое онтическое

Забота – это когда задал вопрос, но не получил ответ. Или: тебе задали вопрос, а ты не можешь дать ответ. Забота – установка «философии жизни», жизненного мира, «бытие-в-мире». Хайдеггер подчеркивает: «Онтология возможна только как феноменология» [2]. А забота, на мой взгляд, – крик раздраженной феноменальности, уголок экзистенциальности. «Забота» Хайдеггера, «тошнота» Сартра. Словом «забота» человек обозначает тот факт, что перед ним встала какая-то проблема, возникла сложная задача, которую он пока не может решить, как только он найдет решение, так состояние озабоченности перейдет в состояние беззаботности и расслабленности.

Место – онтологический центр нашего бытия (родной дом, место в служебной табели). Забота – экзистенциальный центр нашей жизни, ибо без заботы о себе и о других все рассыпается.

Литература

1. Shaw J. Homines Curans and the Social Work Imaginary: Post-Liberalism and the Ethics of Care // British Journal of Social Work January 2019. 49(1):183–197.
2. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997, с. 35.

CARES AND TROUBLES OF EARTHLY EXISTENCE

Kravchenko A.I.

Care is the backbone of human society, the foundation of sociality, because it directs one person to worry and help another. What else can compete with it? This is a manifestation of good in action, the beginning of Christian morality. We enter into marriage with a latent hope that the wife will take care of her husband, and he – of her. A man is looking for a caring woman to be his wife: to take care of children, the household, her husband and parents. A husband is a wall and support for his wife, he is the breadwinner and protector of the family, an educator and disciplinarian. This is the circle of his

concerns. Care cements social ties, since it expresses benevolent and virtuous relations between people. A person is born to care – to care for others and the need to take care of himself. A commander takes care of his subordinates, an entrepreneur takes care of his workforce, a doctor takes care of his patients, the state takes care of its population, and God takes care of all of us. Care is a duty to do something, which means it is the content of social status, and a role is the active fulfillment of status obligations. Psychologically, care manifests itself as anxiety, a burden on the soul, a headache: I still need to do my homework or buy medicine. It is a burden and a noose around my neck. I did it and threw off the burden of worries. As a burden, care is a load. It presses, drives into a stupor, burdens, strains, makes a pessimist

Keywords: care, worries, social practice, ontological, ontic, philosophy, existentialism.

References

1. Shaw J. Homines Curans fi Yaada Hojii Hawaasummaa: Libaraalizimii Boodaa fi Naamusa Kunuunsa // Joormaalii Hojii Hawaasummaa Biritteen Guraandhala 2019. 49(1):183–197.
2. Хайдеггер Афаан Оромоо fi Jechoota Dinqisiiso. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997, с. 35 irratti kan ibsame.

Стратегии контент-маркетинга для B2B-компаний (на основе авторского анализа контент-стратегии компании Bergauf)

Микрюков Владимир Олегович,

к.ф.н., доцент, кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: vomikryukov@fa.ru

Данная статья посвящена исследованию стратегии контент-маркетинга в B2B-секторе, с акцентом на практики компании Bergauf, одного из ведущих производителей строительных смесей в России. В условиях высокой конкуренции и быстро меняющегося рынка, B2B-компании сталкиваются с необходимостью не только предлагать качественные продукты, но и формировать доверие и лояльность клиентов через эффективные коммуникации. В работе рассматриваются ключевые аспекты контент-стратегии, включая использование образовательного контента, разнообразие форматов и активное взаимодействие с аудиторией. Методология исследования включает качественные и количественные методы, такие как глубинные интервью и контент-анализ, что позволяет выявить потребности целевой аудитории и оценить эффективность существующих каналов продвижения. Результаты исследования направлены на разработку рекомендаций по оптимизации контент-стратегии для повышения вовлеченности пользователей и укрепления позиций бренда на рынке. Практическое применение предложенных рекомендаций может способствовать росту коммерческих показателей компании Bergauf и улучшению ее коммуникации с клиентами.

Ключевые слова: контент-маркетинг, B2B-сектор, стратегия, компания Bergauf, образовательный контент, вовлеченность аудитории, социальные сети, анализ контента, целевая аудитория, маркетинговые коммуникации.

Контент-маркетинг в B2B-секторе представляет собой стратегический подход, направленный на создание и распространение ценного, релевантного и последовательного контента с целью привлечения и удержания четко определенной аудитории. В условиях высокой конкуренции и быстро меняющегося рынка, B2B-компании сталкиваются с необходимостью не только предлагать качественные продукты, но и формировать доверие и лояльность клиентов через эффективные коммуникации. В данной статье рассматриваются особенности контент-маркетинга в B2B-компаниях на примере компании Bergauf, специализирующейся на производстве строительных смесей.

Обзор литературы

Существующие исследования подчеркивают важность контент-маркетинга для B2B-компаний. По данным Content Marketing Institute (2021), 70% B2B-маркетологов утверждают, что контент-маркетинг стал более важным для их бизнеса в последние годы [1]. Основные теоретические подходы к контент-маркетингу включают модели AIDA (внимание, интерес, желание, действие), которая повсеместно используется и описана в различных научных работах, в том числе зарубежных авторов [2–3] и RACE (достижение, взаимодействие, конверсия, вовлечение) [4], которые помогают понять, как контент может влиять на поведение клиентов.

Однако B2B-компании сталкиваются с уникальными вызовами, такими как сложность продуктов, длительные циклы продаж и необходимость взаимодействия с несколькими заинтересованными сторонами. Исследования показывают, что контент, который отвечает на конкретные потребности и вопросы целевой аудитории, значительно повышает вероятность успешного взаимодействия [5].

Методология исследования

Для анализа контент-маркетинга в компании Bergauf использовались как качественные, так и количественные методы. Исследование включало в себя следующие ключевые этапы.

1. Сбор и анализ первичных данных: исследование текущего состояния контент-маркетинга компании Bergauf проводилось посредством серии глубинных интервью с сотрудниками компании (выборка составила 8 респондентов, период проведения – 21.11.2024–12.12.2024), параллельно осуществлялась комплексная оценка действующих каналов продвижения. Интервью фокусировались на оценке существующей контент-стратегии, эффективности используемых платформ и анализе контентной политики.

2. Исследование поведенческих паттернов пользователей социальных сетей, которые следят за деятельностью компании Bergauf и ее конкурентов: проведена серия полуструктурированных глубинных интервью с представителями читательской аудитории прикладной литературы (выборка – 23 респондента, временной интервал – 03.12.24–29.12.2024). Данный этап позволил детально изучить информационные потребности читате-

лей, их поведение, оценку текущих маркетинговых подходов и выявить проблемные зоны в контент-стратегии компании Bergauf. На основании полученных данных была проработана сегментация целевой аудитории, которая позволит в дальнейшем создавать более качественный контент для социальных сетей.

3. Контент-анализ: проведено комплексное исследование контента официальных страниц и аккаунтов компании Bergauf в социальных сетях. Оценка включала такие параметры как периодичность публикаций, типологию контента (информационные материалы, рекламные интеграции, интерактивные форматы), показатели вовлеченности аудитории и другие метрики.

Целью проведенных исследований являлась разработка рекомендаций по совершенствованию контент-стратегии для Bergauf, для того, чтобы она была основана на всестороннем анализе текущей ситуации, изучении поведения и потребностей целевой аудитории и оценке эффективности существующего контента в социальных медиа.

Практическая значимость исследования заключается в создании предложений по научному обоснованию контент-стратегии для компании Bergauf, которая должна быть направлена на повышение эффективности digital-продвижения, оптимизацию коммуникации с целевой аудиторией и увеличение пользовательской вовлеченности. Полученные результаты предоставляют маркетинговой команде Bergauf и подрядчикам по SMM и рекламе инструментарий для более глубокого понимания читательских потребностей, адаптации контент-стратегии и оптимизации каналов продвижения, что в перспективе должно способствовать росту коммерческих показателей и укреплению позиций бренда Bergauf на российском рынке.

Авторский анализ полученных данных

Компания Bergauf, основанная в 1992 году, является одним из ведущих производителей строительных смесей в России и Восточной Европе. Как показал проведенный автором контент-анализ, в своей контент-стратегии Bergauf акцентирует внимание на образовательном контенте, который помогает клиентам лучше понять продукты и их применение. Основные каналы распространения контента включают официальный сайт, блоги, социальные сети и вебинары.

Контент, создаваемый сотрудниками Bergauf и подрядчиками по SMM, охватывает широкий спектр тем: от технических характеристик продуктов до советов по их использованию. Например, компания регулярно публикует статьи и видеоролики, в которых демонстрируются правильные методы применения строительных смесей. Это не только повышает информированность клиентов, но и способствует формированию имиджа компании как эксперта в своей области.

Заметим, что контент-маркетинг в B2B-секторе имеет значительное влияние на восприятие бренда. Исследования показывают, что 60% B2B-покупателей предпочитают получать информацию о продуктах через контент, а не через прямые продажи [6]. Это подчеркивает важность создания качественного контента, который отвечает на потребности клиентов.

Социальные сети и профессиональные сообщества играют ключевую роль в распространении контента [7]. Bergauf активно использует платформы, такие как Вконтакте, Яндекс.Дзен и др., для взаимодействия с клиентами и партнерами. Это позволяет компании не только делиться своим контентом, но и получать обратную связь, что способствует улучшению продуктов и услуг.

Как было выявлено в полуструктурированном авторском интервью, психология принятия решений в B2B-секторе также требует внимания. В результате обработки ответов опрошенных автором данной статьи выяснилось, что для таких компаний, как Bergauf B2B-покупатели принимают решения на основе информации, полученной из различных источников (более 9), включая контент в социальных сетях. Также одним из решающих при выборе того или иного продукта в строительной тематике являются такие каналы коммуникации, как советы продавцов в магазине, «сарафанное радио», ТВ и др. Поэтому создание качественного и информативного контента и даже информационного поля в разных коммуникационных каналах может значительно повлиять на выбор поставщика продукции для строительства.

Заключение, общие выводы по исследованию и рекомендации

В результате проведенного исследования можно сделать несколько ключевых выводов. Во-первых, контент-маркетинг является важным инструментом для B2B-компаний, позволяющим не только привлекать новых клиентов, но и удерживать существующих. Во-вторых, компания Bergauf демонстрирует успешные практики контент-маркетинга, акцентируя внимание на образовательном контенте и активном взаимодействии с клиентами через различные каналы. Однако есть и проблемы в контент-маркетинге, которые следует маркетологам Bergauf устранить, чтобы оставаться конкурентоспособными.

На основе проведенного исследования сформулируем рекомендации для B2B-компаний, стремящихся улучшить свои контент-маркетинговые стратегии.

1. Фокус на образовательном контенте: создание материалов, которые помогают клиентам лучше понять продукты и их применение, может значительно повысить доверие и лояльность. Как показывает опыт Bergauf, образовательные статьи и видеоролики не только информируют, но и формируют имидж компании как эксперта в нише.

2. Использование различных форматов контента: важно разнообразить контент, используя не только текстовые материалы, но и видео, инфографику, вебинары и подкасты. Это поможет привлечь более широкую аудиторию и удовлетворить различные предпочтения клиентов.

3. Активное взаимодействие с аудиторией: социальные сети и профессиональные платформы предоставляют отличные возможности для взаимодействия с клиентами. Регулярное общение, ответы на вопросы и получение обратной связи помогут улучшить контент и адаптировать его под потребности целевой аудитории. Следует обратить внимание на развлекательный контент, поскольку такой контент хорошо влияет на такие маркетинговые метрики, как вовлечение, удержание и охват.

4. Анализ эффективности контента: важно регулярно отслеживать метрики и KPI, чтобы оценить, насколько эффективно работает контент. Это позволит выявить успешные стратегии и скорректировать те, которые не приносят ожидаемых результатов. В частности, рекомендуем проводить глубинные интервью с представителями различных сегментов целевой аудитории хотя бы 2–4 раза в год, анализируя ответы, пожелания и подстраивая под них контент, который создается маркетологами.

5. Учет психологии принятия решений: понимание того, как принимаются решения в B2B-секторе, поможет создавать контент, который будет более релевантным

и убедительным для целевой аудитории. Исследования показывают, что B2B-покупатели часто ищут информацию, которая подтверждает их выбор, поэтому важно предоставлять доказательства и примеры успешного применения продуктов.

Литература

1. B2B Content Marketing: Benchmarks, Budgets, and Trends. Outlook for 2024. // Content Marketing University. – URL: <https://contentmarketinginstitute.com/cmi-research/b2b-content-marketing-benchmarks-budgets-and-trends-outlook-for-2024/> (дата обращения: 08.01.2025).
2. Abidin I. Maximizing Non-Profit Engagement on TikTok Through the Effective Application of AIDA in Indonesia / I. Abidin, K. Sinduwiatmo // Indonesian Journal of Cultural and Community Development. – 2024. – Vol. 15, No. 3. – DOI 10.21070/ijccd.v15i3.1097.
3. Kapoor K. The effect of social media advertisements on the AIDA model for young consumers in India / K. Kapoor, D. Kumar, A. Vashisht // International Journal of Business and Globalisation. – 2024. – Vol. 38, No. 2. – P. 188–206. – DOI 10.1504/ijbg.2024.142228.
4. Котельникова А.С., Кузнецова Е.В. Использование концепции RACE для разработки PR-кампании организации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 12–2 (87). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-kontseptsii-race-dlya-razrabotki-pr-kampanii-organizatsii> (дата обращения: 08.01.2025).
5. Бахшиев Р.Т. Креативы как ключевой инструмент повышения ROI: эффективные подходы к разработке и тестированию / Р.Т. Бахшиев // Вестник науки. – 2024. – Т. 2, № 12(81). – С. 125–144.
6. Кутаева У. Будущее B2B-продаж: большое переосмысление. // КОПУС Консалтинг. – URL: <https://omni.korusconsulting.ru/blog/budushchee-v2v-prodazh-bolshoe-pereosmyslenie/> (дата обращения: 08.01.2025).
7. Восканян М.М. Разработка стратегии продвижения в социальных сетях для бизнеса по фреймворку SOSTAC / М.М. Восканян, С.Э. Галаванова, В.О. Микрюков // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – Т. 12, № 10–1. – С. 481–489. – DOI 10.34670/AR.2022.60.38.062.

STRATEGIES FOR CONTENT MARKETING IN B2B COMPANIES (BASED ON AN AUTHOR'S ANALYSIS OF BERGAUF'S CONTENT STRATEGY)

Mikryukov V.O.

Financial University under the Government of the Russian Federation

This article is dedicated to the study of content marketing strategies in the B2B sector, with a focus on the practices of Bergauf, one of the leading manufacturers of construction mixtures in Russia. In the context of high competition and a rapidly changing market, B2B companies face the necessity not only to offer quality products but also to build trust and customer loyalty through effective communications. The paper examines key aspects of the content strategy, including the use of educational content, diversity of formats, and active engagement with the audience. The research methodology includes qualitative and quantitative methods, such as in-depth interviews and content analysis, which allow for the identification of the target audience's needs and the assessment of the effectiveness of existing promotion channels. The results of the study aim to develop recommendations for optimizing the content strategy to enhance user engagement and strengthen the brand's market position. The practical application of the proposed recommendations may contribute to the growth of Bergauf's commercial performance and improve its communication with customers.

Keywords: content marketing, B2B sector, strategy, Bergauf, educational content, audience engagement, social media, content analysis, target audience, marketing communications.

References

1. B2B Content Marketing: Benchmarks, Budgets, and Trends. Outlook for 2024. // Content Marketing University. – URL: <https://contentmarketinginstitute.com/cmi-research/b2b-content-marketing-benchmarks-budgets-and-trends-outlook-for-2024/> (access date: 01/08/2025).
2. Abidin I. Maximizing Non-Profit Engagement on TikTok Through the Effective Application of AIDA in Indonesia / I. Abidin, K. Sinduwiatmo // Indonesian Journal of Cultural and Community Development. – 2024. – Vol. 15, No. 3. – DOI 10.21070/ijccd.v15i3.1097.
3. Kapoor K. The effect of social media advertisements on the AIDA model for young consumers in India / K. Kapoor, D. Kumar, A. Vashisht // International Journal of Business and Globalisation. – 2024. – Vol. 38, No. 2. – P. 188–206. – DOI 10.1504/ijbg.2024.142228.
4. Kotelnikova A.S., Kuznetsova E.V. Using the RACE concept to develop an organization's PR campaign // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. No. 12–2 (87). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-kontseptsii-race-dlya-razrabotki-pr-kampanii-organizatsii> (accessed: 08.01.2025).
5. Bakhshiev R.T. Creatives as a Key Tool for Increasing ROI: Effective Approaches to Development and Testing / R.T. Bakhshiev // Science Bulletin. – 2024. – Vol. 2, No. 12 (81). – P. 125–144.
6. Kutaeva U. The Future of B2B Sales: A Big Rethinking. // KORUS Consulting. – URL: <https://omni.korusconsulting.ru/blog/budushchee-v2v-prodazh-bolshoe-pereosmyslenie/> (date accessed: 08.01.2025).
7. Voskanyan M.M. Development of a Social Media Promotion Strategy for Business Using the SOSTAC Framework / M.M. Voskanyan, S.E. Galavanova, V.O. Mikryukov // Economy: Yesterday, Today, Tomorrow. – 2022. – Т. 12, No. 10–1. – pp. 481–489. – DOI 10.34670/AR.2022.60.38.062.

Проблемы имиджа российского образования через призму восприятия студентами-гуманитариями

Орлова Елена Александровна,

к.п.н., доцент кафедры коммуникационного менеджмента и рекламы, связей с общественностью ИЖКМ МПГУ, доцент кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доцент кафедры № 45 Академии гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика
E-mail: pr-orlova@list.ru

Многочисленные целевые аудитории системы образования считают имидж отрасли по-разному: от резко негативного до бравадно-позитивного. На формирование имиджа российского образования влияют и его составляющие: вузы, школы, дошкольные образовательные учреждения, организации среднего специального и дополнительного образования. Сумма имиджей не всегда дает положительный эффект. Кроме того, не прослеживается системность в формировании имиджа образовательной системы. Студенты вузов являются той лакмусовой бумажкой, которая испытывает на себе последовательно влияние всех элементов системы образования. Их мнение может показать, насколько обобщенные цифры опросов соответствуют истине. Следовательно, можно говорить о том, что тема данной статьи является актуальной.

Выводы. На протяжении многих лет имидж российского образования остается двойственным. Школьное образование за последние десять лет не сделало ничего для изменения отношения своих целевых групп в сторону положительной оценки. ВУЗы, наоборот, прикладывают много усилий для достижения позитивного имиджа. Ступени дошкольного, среднего специального и дополнительного образования выпали из процесса формирования имиджа. С точки зрения студентов гуманитарных направлений вузов имидж российского образования не является полностью позитивным. Они выделяют компоненты, которые отрицательно отражаются на их психике и здоровье.

Ключевые слова: имидж, российское образование, ассоциации, студенты, образ, опрос, коммуникации, школа, университет.

Введение

Подготовка кадров – основа развития всех направлений обеспечения жизнеспособности России. Образование является «мягкой силой», обеспечивающей влияние на восприятие гражданами государства за рубежом и внутри страны.

Изучению имиджа образовательных организаций было посвящено много работ, опубликованных до 2020 г., после чего интерес исследователей к данной теме упал, – научное сообщество переключилось на тему дистанционного обучения, что было обусловлено пандемией. После выхода из «изоляции» отмена болонской системы, санкции, переход вузов с бакалавриата на специалитет, – все это увело изучение имиджа системы образования на задний план. Однако, школы по-прежнему работают, вузы набирают абитуриентов, в том числе иностранных, выпускники трудоустраиваются. Следовательно, актуальность работы с имиджем образования остается по-прежнему высокой.

В данной статье рассматривается фактор восприятия имиджа школы и вуза студентами гуманитарных направлений. Цель работы – выявить элементы, влияющие на восприятие имиджа российского образования студентами гуманитарных направлений.

Содержание понятия «имидж»

Понятие имиджа в России довольно расплывчатое. На сегодняшний день можно насчитать более тысячи определений. Это произошло из-за того, что изучением и разработкой имиджа занимаются менеджмент, психология, социология, философия, маркетинг, логистика и другие. Имиджем занимаются и парикмахеры/стилисты и дизайнеры, и политтехнологи, и управленцы. Каждый вкладывает в рассматриваемое понятие что-то свое. Отсюда и возникает проблема смыслового наполнения термина.

В зарубежной литературе, освещающей проблемы социологии и социальной психологии, рекламы и PR, термин «имидж» используется «для определения особого вида образов – представлений, широко используемых различными общественными институтами, формирующими установки в массовом сознании» [1, 2].

Среди классических определений можно остановиться на формулировке Е.В. Егоровой-Гантман, которая акцентируется на символизме имиджа – «это образ, постоянно воспроизводимый самим субъектом и средствами коммуникации: определенные черты, качества лидера, взятые в единстве политических, мировоззренческих, нравственных, психологических, биографических, внешних качеств, резонирующих в предпочтениях электората» [8, с. 142].

Андреева Г.М. дала одно из первых определений имиджа в России, отражающее его социально-психологическую сущность: «Имэдж (ред. Г.М. Андреевой) – это специфический «образ» воспринимаемого предмета, когда ракурс восприятия умышленно смещен и акцентируются лишь определенные стороны объекта. Поэтому достигается иллюзорное отображение объекта или явления. Между «имэджем» и реальным объектом

существует так называемый «разрыв в достоверности». Имидж строится на включении эмоциональных апелляций» [5, с. 164].

Феофанов О.А. разделяет реальную сущность объекта и имидж, при этом делает акцент на том, что имидж является средством создания социальных иллюзий, трактует имидж как «образ-представление, методом ассоциаций наделяющий объект дополнительными ценностями ..., не имеющими основания в реальных свойствах самого объекта, но обладающими социальной значимостью для воспринимающего такой образ. Имидж блокирует рациональное познание объекта и внушающим воздействием создает специфическую социально-психологическую установку действия. Имидж наделяет явление характеристиками, лежащими за пределами его реальных качеств, с помощью ассоциаций. ... Имидж внедряется в массовое сознание, а ассоциации «привязывают» к явлению заданные характеристики в зависимости от целей тех, кто создает образы» [22, с. 90–91].

По мнению Аршанской О.В. имидж представляет собой систему восприятия человеком того или иного объекта, благодаря чему он может сохранить в своем сознании объект и сформировать отношение к нему [6, с. 312–314].

Анализ более современных публикаций показал, что по-прежнему нет единогласия в подходах к определению понятия имидж. Кто-то трактует имидж как многокомпонентную и целенаправленную работу с целевой аудиторией, которая может быть как внешней, так и внутренней; кто-то представляет имидж как долгоформируемый элемент, возникающий в момент рождения компании и существующий на протяжении всей ее деятельности, при этом постоянно поддерживаемый и корректируемый. Экономисты уверены, что имидж зависит от состояния рынка, культуры страны, в которой работает компания, психологических установок целевой аудитории и так далее.

Проанализировав различные определения дефиниции «имидж», можно прийти к следующим выводам: имидж функционирует как субъективная ассоциативная структура в сознании реципиента, то есть процесс создания имиджа является двусторонним (формирование определенных качеств объекта и признание их целевой аудиторией); ассоциативная структура формируется в соответствии с потребностями целевой аудитории и особенностями экономической, политической и социальной ситуаций.

Впервые на имидж высшего образования обратили внимание исследователи в середине 1990-х гг., когда в результате перехода к рыночной экономике и самофинансированию образовательных учреждений, встала проблема привлечения целевых аудиторий и необходимость конкурирования, изучения рынка, планирования экономических показателей и спроса на образовательные услуги, ведения информационно-аналитической работы.

Сложность формирования имиджа образовательной сферы в России, а не конкретных учебных заведений, состоит в том, что в обществе нет четких критериев оценки качества образовательных услуг, а также присутствует двойственные требования к этому качеству: с одной стороны, «в СССР было лучше», с другой – «в Европе учат лучше». Старшее поколение воспринимает реальность через свой жизненный опыт и сформированные старой системой образования ценности, молодежь хочет инновационности. Учреждения образования вынуждены формировать позитивный имидж, который необходим для создания долговременных устойчивых отношений с радикально разными целевыми аудиториями, что в услови-

ях массированной цифровизации становится с каждым годом сложнее.

Итоги исследований проблем имиджа российского образования

В начале 2017 г. Березка Н.Н. предложил определение имиджа учебной организации: «устойчивый образ вуза в индивидуальном или общественном сознании, сформированный на основе мнения, возникшего вследствие либо прямого контакта с вузом, либо на базе информации, полученной о нем из других источников. В связи с этим среди характеристик учебного заведения следует дифференцировать реальные, т.е. соответствующие современному представлению, и искусственные, которые создаются с помощью коммуникативных средств» [7].

Что касается имиджа учреждений дошкольного, среднего и среднего специального образования, то нам не удалось выявить сколь-нибудь значимых научных работ по данному направлению.

Отечественные и зарубежные авторы при анализе имиджа организации предлагают учитывать комплекс компонентов. Например, Б. Джи выделяет четыре группы компонентов имиджа: «1) «осязаемый» имидж, создающий первое впечатление от образовательного учреждения; 2) «неосязаемый» имидж, который формируется как ответная реакция потребителя на предоставляемые услуги и отношение к нему сотрудников; 3) внутренний имидж – рассматриваются внутренняя структура вуза; 4) внешний имидж: качество предоставляемых образовательных услуг, визуальная составляющая (название, логотип, корпоративная реклама), общественная деятельность, связи со СМИ» [11].

Ткачев А. и Рязанова Е.В. делают акцент на каналах коммуникации, которые обеспечивают опосредованное восприятие субъектом объекта, но в других определениях данный элемент чаще отсутствует [3].

Можно сделать вывод о том, что феномен имиджа образования как «единого целенаправленного процесса воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства» [22] представляет собой комплекс разнородных факторов, включающих ассоциации с «персональными (личности) и локальными (территории, здания, культурного объекта) брендами» [24, с. 125], транслируемый через каналы коммуникации конкретным целевым аудиториям.

Если существенных теоретических научных работ за последние десять лет не было опубликовано в России, то социологических исследований было проведено достаточно, чтобы оценить имидж образования в стране. Рассмотрим результаты опросов общественного мнения за последние четыре года.

В 2020 г. ФОМ выяснил, что 20% респондентов считают российское высшее образование хорошим, 45% – удовлетворительным, 22% – плохим. Треть респондентов уверены, что Россия входит в число первых по качеству высшего образования, 10% считают, что страна в числе отстающих [16].

В 2021 г. ВЦИОМ выявил, что четверть россиян считают отечественное образование «плохим» или «очень плохим». Это значение идентично срезу пятилетней давности (20%). Треть респондентов считают систему образования «хорошей» и «отличной». Остальные оценили ее как «посредственную» [13]. Здесь же отмечается, что наличие образования сегодня – необходимость. Высшее образование остается востребованным, но его доступность снизилась по мнению более 50% респондентов.

Имидж среднего специального образования изменился с 2016 г. незначительно – положительная оценка и востребованность поднялись на 7% [13].

В августе 2022 г. сервис «Анкетолог» выявил, что 70% россиян довольны уровнем своего образования. Самый высокий уровень (83%) удовлетворенности имеющимся образованием у респондентов, окончивших магистратуру, аспирантуру, либо имеющих несколько дипломов о высшем образовании [16].

По десятибалльной шкале респонденты оценили уровни образования: начальное профессиональное образование, школьное и среднее специальное не поднялись в оценках россиян выше 6 баллов. Высшее образование респонденты оценили от 5 до 6,6 баллов [18].

В опросе ВЦИОМ (2023) поднимался вопрос о необходимости высшего образования для карьеры в наши дни. По сравнению с 2020 г. доля россиян, признающих необходимость высшего образования, выросла на 16% (до 51%). Молодежь по-прежнему уверена, что значимость высшего образования не так велика, можно обойтись и без него. В данной группе преобладают люди без высшего образования [8].

В 2023 г. РИА Новости опубликовали результаты исследования Ultimate Education, результаты которого отличаются от описанных выше. По данным этого опроса только 26% россиян удовлетворены своим образованием. Среди вариантов, на которые респонденты ориентировались при выборе вуза, прозвучали советы родителей, друзей, наставников и собственный выбор. Ни один из вариантов, как выяснилось, не гарантирует правильности выбора качественного образования. В перечне критериев не были указаны никакие другие, например, реклама, имидж, рейтинги, вследствие чего, нельзя говорить о полноте картины по данному вопросу [8].

Так же в 2023 г. центр «Платформа» и компания «ОнИн» провели онлайн опрос абитуриентов и их родителей, где было выявлено, что 60% респондентов считают уровень российского высшего образования средним, 12% оценили его как низкий. Участники опроса также отметили, что по качеству отечественное образование способно конкурировать с зарубежным при условии обновления программ обучения [4].

В 2024 г. ВЦИОМ определил, что 64% студентов оценили эмоциональный комфорт в вузе на 8 баллов, 31% респондентов чувствуют себя недостаточно комфортно. При этом 58% студентов гордятся своими вузами, но остается еще большая часть студентов, кто испытывает к вузу либо нейтральное, либо негативное отношение [17].

Исследования, касающихся оценки имиджа школьного образования гораздо меньше. По данным «Анкетолога» в 2017 г. 50% россиян считали школьное образование средним по качеству [21]. Через два года ВЦИОМ подтвердил, что по-прежнему половина россиян не удовлетворены системой школьного образования [20].

Институт человека РОМИР в 2020 г. представил результаты сравнительного исследования мнения россиян о школьном образовании за 2003 и 2020 гг.: мнение россиян о школьном образовании изменилось в худшую сторону. Только 6% (ранее – 39%) респондентов уверены, что «образование, которое получают дети сегодня, лучше образования их родителей». Доля негативно оценивающих ситуацию в школьном образовании выросла в 1,5 раза (до 68%) [19].

В 2022 г., по данным образовательной компании MAXIMUM Education, доля родителей, недовольных школьным образованием выросла до 90%. Причиной послужили старые методики преподавания, натаскивание на ЕГЭ, некачественные учебные материалы, отсутствие оборудования [14].

Ситуация с имиджем российского образования недостаточно позитивна на сегодняшний день. Если высшее образование выравнивает свои позиции, то школьное образование на протяжении многих лет вызывает недовольство родителей и школьников. Наблюдается разлом в структуре имиджа системы образования.

Мнение студентов об имидже российского образования

Для того, чтобы разобраться, что именно ложится в основу имиджа вуза и школы, нами было проведено 32 фокус-группы среди студентов направления «Реклама и связи с общественностью» в 2022–2024 гг.¹ Один из использованных методов – метод свободных ассоциаций. Основная задача – выявить, сложившиеся у студентов, на основе их опыта обучения в вузах и школах, ассоциации с процессом получения образования. Участникам фокус-групп были предложены слова-стимулы «школа», «университет», «образование». Ограничения предусмотрены не были.

Восприятие вуза у студентов связано с такими явлениями как: работа, сессия, образование, знания, дружба и знакомства, новая жизнь, карьера, недосып. Здесь можно выделить два блока – элементы образовательного процесса и элементы личной жизни студентов.

Анализ частотности ассоциаций вывел в наиболее упоминаемые (от 20 до 40 упоминаний на массив) позволил выделить следующие темы: стремление к достижению профессиональных и карьерных целей (амбиции, перспективы, профессия, развитие), учебный процесс (библиотека, пары, преподаватели, проекты и т.п.), а также становление студентов как личности (взросление, самоопределение и т.п.). В списке есть факторы, свидетельствующие о перегрузке студентов – недосып, стресс, усталость.

Низкая частотность (5–10 упоминаний на массив): конкуренция, лекции, креативность, кофе, коммуникации, недоступность, многозадачность, негатив, независимость, самодисциплина, саморазвитие, самореализация, самостоятельность, связи, социальный капитал, специализация, спокойствие, пары, преподаватели, стремление к мечте, юность. К этой же группе можно отнести ассоциации, которые связаны с самодостаточностью студентов (независимость, самодисциплина, саморазвитие, самореализация, самостоятельность), карьерным ростом (конкуренция, креативность, коммуникации, связи, социальный капитал, специализация, стажировки, стремление к мечте). В данном блоке обращает на себя внимание присутствие негатива, так ассоциации «конкуренция» и «недоступность» могут трактоваться по-разному, но чаще не содержат позитивных коннотаций. Здесь мы видим и романтизм студентов, – высшее образование у них ассоциируется со спокойствием и стремлением к мечте.

В теме «школа» на первый план выходят следующие ассоциации: друзья, учителя, уроки, одноклассники, детство, столовая, выпускной. Данный перечень выглядит

¹ В исследовании приняли участие 320 студентов первого – третьего курсов Финансового университета при Правительстве РФ, Московского педагогического государственного университета им. М.А. Шолохова, АГЗ МЧС. Так как студенты приехали учиться в Москву со всей России, результаты можно экстраполировать на региональный уровень. Студенты обсудили отношение к имиджу образования в России, проанализировали информационное поле системы образования, высказали свои предложения по изменению имиджа. Результаты представлены в данной работе в обобщенном виде.

вполне нейтральным и встречается почти у всех студентов.

Первый ряд наиболее частотных слов (от 20 до 40 упоминаний) – дружба, ЕГЭ, оценка, перемена, столовая, урок, учитель – содержит вполне нейтральные ассоциации. Причем, такие ассоциации, как дружба / друзья / одноклассники / однокурсники, столовая, находятся и в массиве «университет», и в массиве «школа».

Менее частотные нейтральные ассоциации (от 10 до 20 упоминаний): выпускной, дети / детство, звонок, знание, класс, мел, обязательство, парта, стресс. Для вчерашних выпускников школа и детство тесно связаны с обязательным стрессом, который они «забирают» из детства во взрослую жизнь.

Следующий блок (от 5 до 10 упоминаний): аттестат, домашние задания, каникулы, классный руководитель, математика, общение, социализация, творчество, тетрадь, физкультура, экзамены. Здесь мы наблюдаем уже упоминания рутинных элементов школьной жизни, эмоционально не окрашенных.

С момента окончания школы прошло от одного до трех лет и частично впечатления должны быть сглажены, тем не менее, эмоциональная окраска наблюдается в некоторых смысловых блоках довольно ярко.

Самый большой смысловой блок нами был определен как «школьные будни» (предметные отношения части и целого): алгебра, библиотека, дежурство, диктант, директор, дневник, журнал, завуч, задания, информация, классные часы, литература, игры, лишние предметы, конкурсы, конспект, контрольная, навыки, начатка, невыученное стихотворение, обсерватория, онлайн курсы, портфель, последний звонок, последняя парта, постоянные экзамены, проекты, староста, труд, форма, формулы, фундамент, четверть, школьная линейка, экскурсии, сочинение, база, ГДЗ, директор, ОГЭ, предметы, учеба, гладиолусы, зима и т.п.

В данном блоке упоминаются ассоциации, связанные с обеспечением процесса обучения (книги, ручка, доска и т.д.), составные элементы уроков (информация, диктант и т.п.), организационные моменты (звонок, классные часы, подготовка к экзаменам и т.д.), люди (староста, директор, ученики).

К негативным можно отнести: невыученное стихотворение, постоянные экзамены. Упоминаются элементы контроля: дневник, диктант, проект, сочинение, ЕГЭ, ОГЭ.

Среди ассоциаций были выделены еще две темы. «Внешний вид»: сменка, дресс-код, туфли, бантики, рванные колготки, школьная форма. И блок с условным названием «здание школы»: здание, кабинеты, лестница, раздевалка, туалет, убитое (здание), сквер. Нельзя сказать, что данные ассоциации негативные, но некоторые наводят на мысль, что не все было в некоторых школах благополучно.

Были выделены в общем массиве блоки с незначительным наполнением спорт (волейбол, спорт, соревнования), питание (булка с маком, буфет, кулеры, обед, пельмени), отдых (праздники, продленка, развлечение), творчество (концерты, кружки, музыка, хор, рисование, веселье и т.п.), отношения (знакомства, любовь, отношения, первая любовь, родное, первый друг, тусовки, семья). Данные блоки «внеучебной жизни» содержат только нейтральные и положительные коннотации, особенно блок «отношения».

Если предыдущие блоки были вполне нейтральны и редкие негативные ассоциации можно было бы отнести, например, к грусти, а не к отрицанию ценности школьного обучения, то блок «отношение к процессу обучения» дает уже совсем другой ряд: долго, нудно,

новое, легко, некотируемость за рубежом, опыт, отсутствие желания обучать, первый опыт, польза, развитие, рутина, опоздание, поведение, спешка, беззаботность, будущее, бесполезно, воспоминания, советское прошлое, двойка, прогулы, привычка, шум, халява, бесплатно, прошлое. Здесь присутствуют ассоциации прямо противоположные «будущее» и «прошлое», «беззаботность» идет в противовес с более частотным «стрессом» и «обязательством». В данном блоке из нейтральных и позитивных ассоциаций наблюдаются только «легко», «беззаботность», «воспоминания», «бесплатно».

В данном блоке также присутствуют оценочные ассоциации, относящиеся к обучению в школе, например, «нудно», «некотируемость за рубежом», «отсутствие желания обучать», «рутина», «бесполезно», «шум».

Блоки «здоровье», «психологическое состояние, безопасность» содержат переход в резкий негатив. В блоке «здоровье» присутствуют: бессонница, боль, недосып, огромная нагрузка, утомление, ранний подъем.

В блоке «психологическое состояние / безопасность» также наравне с нейтральными набором «интерес, жизнь, взаимоуважение, саморазвитие, самостоятельность, смех, спокойно и т.п.» есть негативные ассоциации: «белая ворона, высокомерие, грусть, дисциплина, глупо, негатив, незаинтересованность, ненависть, неорганизованность, непринятие реальности, нервы, подростковый период, прокрастинация, психологические травмы, раздражительность, растерянность, скука, слезы, сложность, тяжело, уединенность, посредственность, раздор, безалаберность, буллинг».

Оба блока свидетельствуют о том, что в школах недостаточно стабильная психологическая остановка, перегрузки физические влекут за собой перегрузки психологические. Все это отражается на восприятии школьного образования и его имиджа (рис. 1).

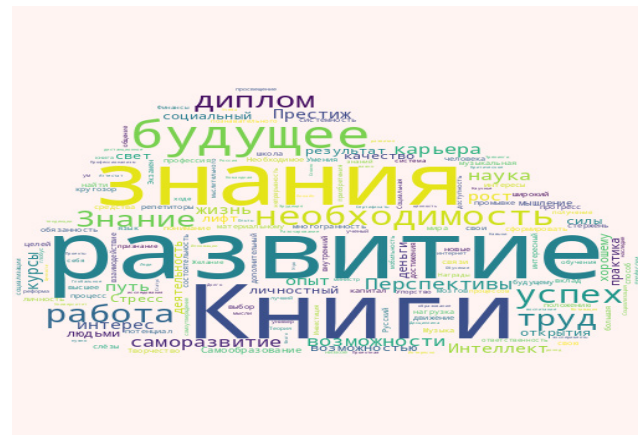

Рис. 1. Облако¹ ассоциаций с понятиями «образование» по итогам фокус-групп студентов

Поскольку дефиниция «образование» для студентов является абстрактной и неосвязаемой, ассоциативное поле у всех однородное и не содержит практически негативных элементов. Во многом ассоциации совпадают с результатами по словам-стимулам «школа» и «университет». Облако слов показывает основные приоритеты в данном сегменте: книги, развитие, знание, будущее, диплом.

Наиболее частотными в рамках стимула «образование» являются ассоциации (от 20 до 40 упоминаний): не-

¹ Облако слов, в другом варианте тегов (tag cloud, word cloud, wordle), представляет собой визуальную модель компрессии информации текста, содержащую лексемы текста, дифференцированные по размеру в зависимости от частотности их употребления. То есть чем чаще слово встречается в тексте, тем больший размер оно принимает [12].

обходимость, успех, перспективы, развитие, труд, возможности, наука, интерес, деньги, жизнь, опыт, работа, саморазвитие, интеллект. Большинство ассоциаций в данном случае нейтрально-позитивны, направлены в будущее, свидетельствуют о стремлении к развитию.

Рассмотрим низкочастотные ассоциации (от 10 до 20 упоминаний): важно, взаимодействие с людьми, вклад в будущее человека, внутренний стержень, выбор, глобальное мышление, глобус, движение, деятельность, долго, доступность, доход, желание, инвестиция в себя, инновации, командная работа, критическое мышление, личностный рост, лучший, люди, министр, многогранность, мотивация, музыка, мысли, навыки, награды, наследие, непрерывность, новые открытия, нужно, общение с людьми, открытия, получение профессии, понимание мира, потенциал, практика, престиж, признание, прогресс, просвещение, профессионализм, путь, результат, реформа, Россия, рост, состоятельность, социальная мобильность, социальный лифт, упорство, ценности, широкий кругозор, эрудиция.

В перечисленных ассоциациях выделяются несколько тематических блоков: интеллект, направленность в будущее, индивидуализация вложений в свое развитие, ценностная значимость образования, внутреннее ощущение опоры, студенты отмечают направленность образования вовне, глобализацию и «владение миром».

Так же студенты рассматривают свое образование как «социальный лифт». Здесь упоминаются лексемы движения вперед: путь, рост, профессионализм. Для всех студентов, принимавших участие в фокус-группах, образование является несомненно обязательным, статусным.

Таким образом, на основе анализа открытых ассоциаций студентов можно сделать следующие выводы.

Ассоциации со стимульным словом «школа» разнообразны, содержат негативные лексемы. Студенты здесь вспоминают в первую очередь своих друзей, бывших одноклассников и школьный круг общения, моменты, которые пережили вместе с ними. В школе люди проводят значительную часть своей жизни, на этот период приходится не только детство, но и этап формирования и становления личности, получают разнообразный опыт в процессе учебы и общения. Именно в школьные годы закладываются основы восприятия образования как системы. В данном разделе больше отражался персональный опыт учебы в школе.

Университетское образование ассоциируется с новым этапом жизни без предшествующих проблем. Здесь огромную роль играют коммуникации между однокурсниками, преподавателями и, в целом, с людьми, непосредственно связанными со студенчеством или будущей карьерой, поэтому социальный капитал является одним из ключевых факторов позитивного имиджа. С вузом связаны в основном положительные ассоциации, потому что это осознанный выбор человека, переход к новым ожиданиям, эмоциям.

Образование ассоциируется со знаниями, так как именно благодаря им люди достигают своих целей, разбираются со своим внутренним миром, самосовершенствуются и познавая окружающий мир. Знания эти могут быть глобальными и ведут вверх по карьерной лестнице. С образованием также связаны положительные ассоциации, потому что человек сам находит интересные ему сферы и развивается в них. Школа же является обязательным путём к образованию, чего не скажешь о вузах. Образование не вызывает негативной реакции, так как оно даёт духовное развитие и опыт.

Российское образование имеет двоякий имидж: с одной стороны, несколько российских вузов имеют боль-

шое значение на мировой арене, с другой же стороны, закостенелость и неадаптивность системы снижает имидж.

Как отмечалось в исследованиях ВЦИОМ и других организаций, люди, имеющие высшее образование, а в нашем исследовании – неполное высшее образование, склонны его идеализировать, что с психологической точки зрения так же поднимает самооценку обучающихся.

Образ образования у студентов корректируется на этапе перехода в вузы. Поступление многими воспринимается как личная победа, достижение, которое и окрашивает действительность в более привлекательные тона, нивелируя предшествующий опыт.

На прямой вопрос, как воспринимается участниками исследования имидж российского образования, 85% участников фокус-групп ответили, что негативно, остальные 15% – нейтрально. Как видно, из анализа результатов, подсознательная оценка не столь категорична, она скорее в целом нейтральна, за исключением блоков «психология» и «здоровье».

Во время обсуждения студенты ни разу не упомянули родителей в системе взаимодействия со школой или вузом. Несколько раз упоминалась «семья», но не конкретизировано, к чему она относится, к школе или к собственной семье.

Студенты нацелены на развитие, мотивированы на построение карьеры. Они уверены, что образовательный процесс должен быть непрерывным, и в России это им доступно.

Имидж российского образования в целом носит позитивный характер. Проблемы образования как таковые выявляются только после того, как человек окупается в этот процесс, однако чаще всего люди, двигающиеся по всем ступеням образовательной лестницы, склонны его оценивать выше, чем люди, прервавшие свое обучение.

При работе с имиджем российского образования необходимо начинать с коррекции психологического климата в средних школах, а также необходимо подробно изучить, какой вклад в формирование имиджа вносят дошкольное образование и учреждения среднего специального образования.

Литература

1. Barnouw E. The Image Empire. A History of Broadcasting in the United States. Oxford, 1973.
2. Boorstin D. The Image, or what Happened to the American Dream. London, 1961.
3. Tkachev A., Ryazanova E.V., Rebisheva L.V. Image within the context of higher education // Man in India – 2017–97 (3). – P. 175–186.
4. Абитуриенты и их родители назвали уровень образования в России средним (2023) [Электронный ресурс] <https://www.rbc.ru/society/28/09/2023/65144fcd9a794781946a4169> (дата обращения: 30.11.2024).
5. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2024. 360 с.
6. Аршанская О.В. Психологические методы и технологии, обеспечивающие повышение имиджа вуза // Евразийское научное объединение, № 12–5 (46), 2018, С. 312–314.
7. Березка Н.Н. Рыночно ориентированная деятельность образовательных организаций высшего образования // Теория и практика общественного развития. № 4, 2017. С. 72–75.
8. Высшее образование: неожиданный ренессанс? (2023) [Электронный ресурс] <https://wciom>.

- ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-neozhidannii-renessans (дата обращения: 01.12.2024).
9. Гордеева О.И. Политический имидж в избирательных кампаниях // Технология и организация выборных кампаний. Зарубежный и отечественный опыт. – М.: 1993. – 183 с.
 10. Политиками не рождаются: как стать и остаться эффективным политическим лидером: психологическое пособие для политиков / Е. Абашкина [и др.]; отв. ред. Е.В. Егорова-Гантман; Российская академия наук [РАН]. Институт США и Канады, Центр политического консультирования «Никколо М». – Москва: Антиква, 1993. Т. 1. – 1993. – 221 с.
 11. Джи Б. Имидж фирмы. Планирование, формирование, продвижение. СПб., 2015, 224 с.
 12. Линник Л.А., Петросян М.М. Облако слов как метод компрессии информации научного текста// Наука. Информатизация. Технологии. Образование: материалы XIII международной научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 24–28 февраля 2020 г. – Екатеринбург: Издательство РГПУ, 2020. – С. 99–108.
 13. Образование в России: востребованность, доступность, качество (2021) [Электронный ресурс] <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obrazovanie-v-rossii-vostrebovannost-dostupnost-kachestvo> (дата обращения: 01.12.2024).
 14. Одинцов Е. Опрос: почти 90% родителей недовольны качеством школьного образования // «Газета.Ru» 2022. 29 нояб. <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/11/29/19144267.shtml> (дата обращения: 02.12.2024)
 15. О качестве российского образования (2020) [Электронный ресурс] <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14436> (дата обращения: 03.12.2024).
 16. Опрос показал, сколько россиян довольны уровнем своего первого образования (2023) [Электронный ресурс] <https://ria.ru/20230505/obrazovanie-1869819946.html> (дата обращения: 01.12.2024).
 17. Российские вузы глазами студентов (2024) [Электронный ресурс] <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskie-vuzy-glazami-studentov> (дата обращения: 01.12.2024).
 18. Россияне – о качестве образования в стране и отказе от Болонской системы (2022) [Электронный ресурс] <https://iom.anketolog.ru/2022/08/16/obrazovanie-v-rossii> (дата обращения: 01.12.2024).
 19. Россияне пессимистично оценивают современное школьное образование (2020) [Электронный ресурс] <https://romir.ru/studies/rossiyane-pessimistichno-ocenivayut-sovremennoe-shkolnoe-obrazovanie> (дата обращения: 03.12.2024).
 20. Системой школьного образования удовлетворены 52% россиян – ВЦИОМ (2019) [Электронный ресурс] <https://edu.ru/news/shkola/sistemoi-shkolnogo-obrazovaniya-udovletvoreny-52-r/> (дата обращения: 05.12.2024).
 21. Современная российская система образования: мнения и оценки россиян (2017) [Электронный ресурс] <https://iom.anketolog.ru/2017/09/04/sovremennaya-rossijskaya-sistema-obrazovaniya-mneniya-i-ocenki-rossiyan> (дата обращения: 03.12.2024).
 22. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024 [Электронный ресурс] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/ (дата обращения: 03.12.2024).
 23. Феофанов О.А. Агрессия лжи. – М.: Политиздат, 1987. – 319 с.
 24. Хашковский А.В. «Nullusenimlocussinegenioest» // UNIVERSUM: Вестник Герценовского университета. – 2013. – № 1.
 25. Хашковский А.В., Преображенская К.В. Имидж современного образования // Вестник ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Т2. № 3. 2014. С. 226–232.

THE IMAGE OF RUSSIAN EDUCATION THROUGH THE PRISM OF PERCEPTION BY HUMANITIES STUDENTS

Orlova E.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation, Academy of Civil Defense of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Lieutenant General D.I. Mikhailik

Numerous target audiences of the education system perceive the image of the industry differently: from sharply negative to bravura-positive. The formation of the image of Russian education is also influenced by its components: universities, schools, preschool educational institutions, organizations of secondary specialized and additional education. The sum of images does not always give a positive effect. In addition, there is no trace of consistency in the formation of the image of the educational system. University students are the litmus test that consistently experiences the influence of all elements of the education system. Their opinion can show to what extent the generalized survey figures correspond to the truth. Therefore, we can say that the topic of this article is relevant.

Conclusions. For many years, the image of Russian education has remained ambivalent. Over the past ten years, school education has done nothing to change the attitude of its target groups towards a positive assessment. Universities, on the contrary, make a lot of efforts to achieve a positive image. The stages of preschool, secondary special and additional education have dropped out of the process of image formation. From the point of view of students of the humanities of universities, the image of Russian education is not entirely positive. They highlight components that negatively affect their psyche and health.

Keywords: image, Russian education, associations, students, image, survey, communications, school, university.

References

1. Barnouw E. The Image Empire. A History of Broadcasting in the United States. Oxford, 1973.
2. Boorstin D. The Image, or what Happened to the American Dream. London, 1961.
3. Tkachev A., Ryazanova E.V., Rebisheva L.V. Image within the context of higher education // Man in India – 2017–97 (3). – P. 175–186.
4. Applicants and their parents called the level of education in Russia average 28.09.2023 // <https://www.rbc.ru/society/28/09/2023/65144fcd9a794781946a4169> (accessed: 30.11.2024). (in Russ.)
5. Andreeva G.M. Social psychology. -M.: Aspect Press, 2024, 360 с.
6. Arshanskaya O.V. Psychological methods and technologies that enhance the image of the university // Eurasian Scientific Association, No. 12–5 (46), 2018. pp. 312–314.
7. Berezka N.N. Market-oriented activities of educational institutions of higher education // Theory and practice of social development. 2017. No. 4. pp. 72–75.
8. Higher education: an unexpected renaissance?// <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-neozhidannii-renessans> (accessed: 01.12.2024). (in Russ.)
9. Gordееva O.I. Political image in election campaigns. \ Technolgy and organization of election campaigns. Foreign and domestic experience. – М., 1993. – 183 с.
10. Politicians are not born: how to become and remain an effective political leader: a psychological guide for politicians / E. Abashkina [et al.]; ed. by E.V. Egorova-Gantman; Russian Academy of Sciences [RAS]. The Institute of the USA and Canada, the Niccolo M Center for Political Consulting. – Moscow: Antiqua, 1993. Vol. 1. – 1993. – 221 p.

11. Gde B. The image of the company. Planning, formation, promotion. St. Petersburg, 2015.
12. Linnik L.A., Petrosyan M.M. Word cloud as a method of information compression of a scientific text// Science. Informatization. Technologies. Education: materials of the XIII International Scientific and practical conference, Yekaterinburg, February 24–28, 2020 – Yekaterinburg: Publishing House of RGPPU, 2020. – pp. 99–108.
13. Education in Russia: demand, availability, quality// <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obrazovanie-v-rossii-vostrebovannost-dostupnost-kachestvo> (accessed: 01.12.2024). (in Russ.)
14. Odintsovo E. Survey: almost 90% of parents are dissatisfied with the quality of school education, November 29, 2022 «Gazeta. Ru»//<https://www.gazeta.ru/social/news/2022/11/29/19144267.shtml> (accessed: 02.12.2024). (in Russ.)
15. On the quality of Russian education on August 13, 2020// <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14436> (дата обращения: 03.12.2024) (accessed: 03.12.2024). (in Russ.)
16. The survey showed how many Russians are satisfied with the level of their first education // <https://ria.ru/20230505/obrazovanie-1869819946.html> (дата обращения: 01.12.2024) (accessed: 01.12.2024). (in Russ.)
17. Russian universities through the eyes of students // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskie-vuzy-glazami-studentov> (accessed: 01.12.2024). (in Russ.)
18. Russians – about the quality of education in the country and the rejection of the Bologna system// <https://iom.anketolog.ru/2022/08/16/obrazovanie-v-rossii> (accessed: 01.12.2024). (in Russ.)
19. Russians are pessimistic about modern school education on August 26, 2020 // <https://romir.ru/studies/rossiyane-pessimistichno-ocenivayut-sovremennoe-shkolnoe-obrazovanie> (accessed: 03.12.2024). (in Russ.)
20. 52% of Russians are satisfied with the school system – VTSI-OM September 2, 2019// <https://edu.ru/news/shkola/sistemoy-shkolnogo-obrazovaniya-udovletvoreny-52-r/> (accessed: 05.12.2024). (in Russ.)
21. The modern Russian education system: opinions and assessments of Russians, September 04, 2017 <https://iom.anketolog.ru/2017/09/04/sovremennaya-rossijskaya-sistema-obrazovaniya-mneniya-i-ocenki-rossiyan> (accessed: 03.12.2024). (in Russ.)
22. Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 (as amended on 08.08.2024) «On Education in the Russian Federation» (with amendments and additions, introduction. effective from 09/01/2024// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee-0c3ee7a/ (accessed: 03.12.2024). (in Russ.)
23. Feofanov O.A. Aggression of lies. – M.: Politizdat, 1987. – 319 p.
24. Khashkovsky A.V. «Nullus enim locus sine genio est» // UNIVERSUM: Vestn. Herzen University. – 2013. – № 1.
25. Khashkovsky A.V., Preobrazhenskaya K.V. The image of modern education// Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin T2. No.3. 2014. pp. 226–232.

Взаимосвязь доминирующих механизмов психической защиты и внушаемости личности

Шукшина Людмила Викторовна,

д.ф.н., проф., проф. кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
E-mail: liudmila.shukshina@yandex.ru

Ельшина Алиса Максимовна,

студент, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи доминирующих механизмов психической защиты и внушаемости личности. Психологические защиты проявляются у подавляющего большинства людей, поэтому распространение научной информации о них позволит любому человеку самостоятельно анализировать своё психическое состояние, контролировать непроизвольное поведение, правильно интерпретировать свои бессознательные реакции, а также лучше понимать действия других людей. Изучение взаимосвязи доминирующих механизмов психической защиты и внушаемости личности позволит не только улучшить качество психокоррекционных программ, ориентированных на улучшение качества жизни клиента или сотрудника организации, но и рассмотреть восприимчивость человека к внушению.

Ключевые слова: психологические защиты, степень внушаемости личности, индивидуально-психологические характеристики, индекс жизненного стиля.

Введение

Актуальность данной проблемы подтверждается отсутствием глубоких, системных исследований в этой сфере, которые описывают специфику их проявлений и влияния на различные аспекты жизни человека. Однако, существует множество работ, посвященных частичному изучению проблемы, которые дополняют уже известные материалы, что доказывает интерес ученых и подтверждает актуальность этой темы. Механизмы психической защиты, и их связь с уровнем внушаемости личности, несут междисциплинарный характер на стыке психологии, медицины и социологии. Это доказывает необходимость комплексного, всестороннего изучения вопроса.

Степень внушаемости личности зависит от индивидуально-психологических особенностей личности, специфики его прошлого опыта, возраста, социально-экономической ситуации, а также вида сформированных психических защит и степени их выраженности. Для того, чтобы выяснить какие личности потенциально подвержены к высокой степени внушаемости, необходимо рассмотреть психологический портрет внушаемой личности и соответствующие доминирующие защиты [1]. Специалисты в данной области отмечают ряд характерных черт:

- склонность личности к подчинению, подражанию (компенсаторный механизм);
- доверчивость (регрессия);
- внешний локус контроля (регрессия);
- высокая эмоциональность (искажение, регрессия, реактивные образования);
- неловкость, стеснительность, робость (подавление, изоляция);
- низкая самооценка, неуверенность в себе (пассивная агрессия), проекция;
- впечатлительность (перенос, проекция);
- склонность к фанатизму (фантазии);
- повышенная личностная и ситуативная тревожность;
- мифологическое мировоззрение, суеверность, религиозность (отрицание, замещение, вытеснение);
- нахождение смысла в будущем, синдром отложенной жизни (интеллектуализация) [4, с. 26].

Таким образом, можно сформулировать ряд особенностей мышления и поведения индивида, которые гипотетически могут свидетельствовать о предрасположенности к внушаемости:

- убежденность в том, что человек с более высоким социальным статусом всегда прав;
- конформизм;
- преклонение перед авторитетом, когда точка зрения значимой личности или группы важнее собственной;
- зависимость от мнения окружающих, стремление быть субъективно «лучше» других, следование моде, подчинение стереотипам поведения;
- быстрая смена транслируемых ценностей и внутренних убеждений в зависимости от меняющейся ситуации и социального окружения [3; 5; 6].

Помимо индивидуально-психологических характеристик, Леонтьев О.В. выделял влияние возраста на внушаемость личности. Он писал, что молодые люди, нахо-

дящиеся в подростковом и юношеском возрасте, более внушаемы, нежели более зрелые. Их система психических защит находится в процессе формирования, что также оказывает влияние. Помимо возраста, он проследивал влияние физического и умственного утомления, истощения в силу недостаточного питания, недосыпа, сильного эмоционального потрясения, отсутствия достаточного по времени, полноценного и качественного отдыха и длительного напряженного труда.

Дополняя представленную теорию, В.В. Козлов выделил три различных уровня внушаемости: низкий, средний и высокий. Рассматривая их подробнее, высокий уровень внушаемости в работах В.В. Козлова проявляется у людей со склонностью к художественному восприятию мира, высокой эмоциональной чувствительностью, позитивным взглядом на мир, выраженной жизнерадостностью, впечатлительностью, романтизацией всех окружающих явлений, восторженностью в общении. Низкий уровень внушаемости в некотором роде противоположен высокому, но, прежде всего это высокий уровень самоконтроля. Таким людям свойственна внутренняя удовлетворенность, высокий уровень субъективного благополучия, расслабленность и низкая эмоциональность. Средний уровень внушаемости – промежуточный. Представителям свойственна высокая коммуникативность, открытость к опыту, ориентация на собственное мнение, высокая автономность, инициативность, предприимчивость, независимость и умеренный уровень тревожности [2].

Также, А.Д. Чернова выделила ряд механизмов внушения, к которым можно отнести процессы стереотипизации, внутренняя и внешняя конформность, эмоциональное заражение, эффект первичного впечатления, эффект ореола, вера, влияние эмоций на память [7].

Итак, у внушаемой личности ряд специфических характеристик, анализируя которые, можно составить психологический портрет потенциально внушаемого человека. Также, психологами описаны различные уровни подверженности внушению, каждый из которых присущ людям с различными индивидуально-психологическими характеристиками.

Цель исследования: изучение влияния распространенных защитных механизмов психики на подверженность личности к внушению у студентов.

Объект исследования: защитные механизмы психики, внушаемость личности.

Предмет исследования: влияние механизмов психической защиты на внушаемость у студентов.

Гипотеза исследования: яркая выраженность механизмов психической защиты увеличивает степень внушаемости личности.

В исследовании принимали участие 34 респондента в возрасте от 18 до 23 лет обоих полов. Опрос проводился через Google forms.

В процессе эмпирического исследования использовались следующие психодиагностические методики:

- «индекс жизненного стиля», LSI (Р. Плутчик, Х. Келлерман, Х. Конте (1979)), Адаптация: НИПНИ им. Бехтерева (1999);
- «определение степени внушаемости» (В.В. Деларю, С.В. Клаучек. 1997);
- «методика измерения психологической защиты», МИПЗ (Е.Р. Пилюгина, Р.Ф. Сулейманов, 2022).

Статистические методы: первичный анализ данных; сравнительный анализ; корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона).

Опираясь на результаты исследования, проведенного нами в мае 2024 года, были выделены самые распространенные механизмы психических защит для данной

выборки. В связи с этим, согласно цели исследования, будут использованы отдельные шкалы методик, направленные на измерение следующих защит: отрицание, регрессия и компенсация.

Опрос респондентов производился дистанционно, анонимно, при использовании Google forms.

Изложение основного материала статьи.

Результаты тестирования респондентов по опроснику «Определение степени внушаемости» представлены на рис. 1.

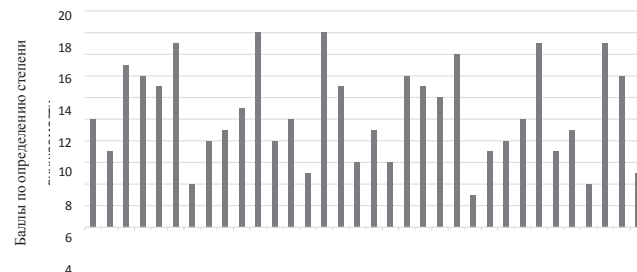

Рис. 1. Результаты опроса «Определение степени внушаемости», балл.

По степени внушаемости респондентов были получены следующие результаты (рис. 2):

- низкая степень внушаемости – 1 респондент;
- средняя степень внушаемости – 26 респондентов;
- высокая степень внушаемости – 7 респондентов.

Распределение респондентов по степени внушаемости

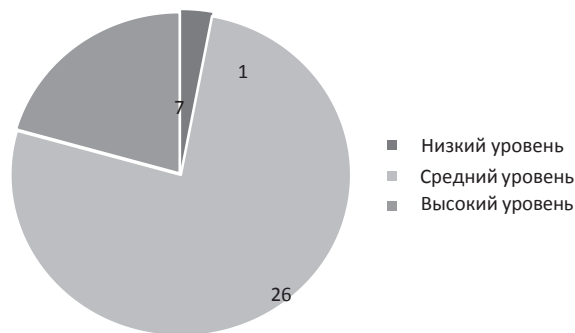

Рис. 2. Результаты опроса «Определение степени внушаемости», чел.

Было выявлено, что у респондентов присутствует следующая выраженность психических защит (рис. 3):

- отрицание: низкая – 17; умеренная – 5; яркая – 12 респондентов;
- регрессия: низкая – 8; умеренная – 7; яркая – 19 респондентов;
- компенсация: низкая – 8; умеренная – 0; яркая – 26 респондентов.

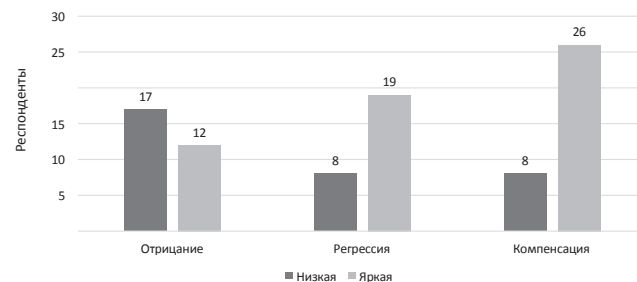

Рис. 3. Результаты опроса «Индекс жизненного стиля», чел.

Результаты позволили разделить исследуемых на 3 группы в соответствии с ключом (рис. 4):

- отрицание: умеренная склонность – 25 респондентов;
- регрессия: умеренная склонность – 16; выраженная – 3 респондента;
- компенсация: умеренная – 22; выраженная склонность – 10 респондентов.

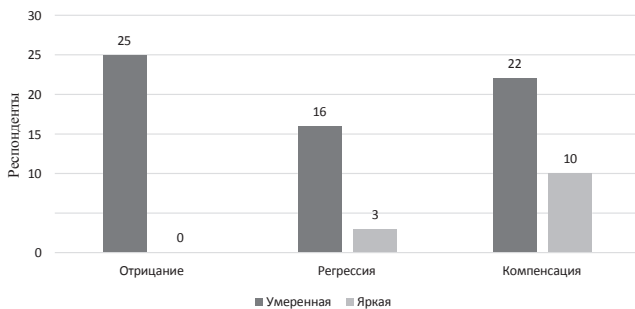

Рис. 4. Результаты опроса «Методика измерения психических защит», чел.

Был проведен статистический анализ результатов, полученных по шкалам опроса «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика (табл. 1).

Таблица 1. Статистический анализ результатов, полученных по шкалам опроса «Индекс жизненного стиля»

Шкала	Среднее	Медиана	Мода	Дисперсия выборки	Минимум	Максимум
Отрицание	55,18	50	39	888,15	3	99
Регрессия	69,59	80	85	835,16	6	99
Компенсация	75,12	78	78	657,68	20	99

Согласно первичному статистическому анализу данных среднее по всем шкалам опроса «Индекс жизненного стиля» имеет значение выше 55, но ниже 71, что означает умеренную выраженность исследуемых защитных механизмов психики. Только по «компенсации» среднее значение равняется 75,12, что говорит о яркой выраженности механизма в среднем по выборке.

Медиана по «отрицание» – умеренная выраженность механизма.

«Регрессия» и «компенсация» говорят о яркой выраженности и сильном влиянии механизма.

Согласно моде, все значения по шкалам превышают значения, после которого механизм можно считать сформированным. Касательно «регрессия» и «компенсация» можно говорить о сильной выраженности защит.

Говоря о дисперсии, между результатами всех шкал данной методики существует сильный разброс (см. табл. 1).

Также был проведен статистический анализ результатов, полученных по шкалам опроса «Методика измерения психических защит» (табл. 2).

После проведения первичного статистического анализа по «Методика измерения психических защит» можно сделать следующий вывод: среднее, медиана и мода по шкалам находятся выше отметки в 18 баллов, что свидетельствует о том, что суммарно по выборке все механизмы отчетливо сформированы.

Согласно дисперсии, между результатами данной методики существует значительный разброс (см. табл. 2). Первичный статистический анализ по опроснику «Определение степени внушаемости» представлен в таблице 3.

Таблица 2. Статистический анализ результатов, полученных по шкалам опроса «Методика измерения психических защит»

Шкала	Среднее	Медиана	Мода	Дисперсия выборки	Минимум	Максимум
Отрицание	19,91	19,5	19	39,17	6	31
Регрессия	21,62	18	16	80,9	10	42
Компенсация	28,26	27,5	22	78,99	11	45

Таблица 3. Статистический анализ результатов, полученных по данным опроса «Определение степени внушаемости»

Параметры	Значения
Среднее	10,5
Медиана	10
Мода	10
Дисперсия выборки	19,7
Минимум	3
Максимум	18

Среднее значение равняется 10,5, что > 5, но < 15 и говорит о средней степени внушаемости по выборке. Медиана и мода составляют 10 единиц, что подтверждает наличие умеренной внушаемости. Согласно дисперсии, между результатами всех респондентов существует значительный разброс (см. табл. 3).

Согласно результатам корреляционного исследования (коэффициент корреляции Спирмена), различные защитные механизмы психики имеют различную взаимосвязь с внушаемостью личности. Результаты корреляционного анализа приведены в таблице 4.

Таблица 4. Корреляционный анализ защитных механизмов психики и степень внушаемости по МИПЗ (Коэффициент корреляции Спирмена)

	Степень внушаемости
Отрицание	0,2978
Регрессия	0,5404*
Компенсация	0,3669

В соответствии с таблицей критических значений коэффициентов корреляции r-Спирмена при выборке 34 респондента можно проследить следующие связи:

- отрицание – отсутствует ($r = 0,2978$, что меньше 0,339);
- регрессия – наличие значимой связи ($r = 0,5404$, что больше 0,430, – вероятность ошибки меньше 0,01);
- компенсация – слабая связь ($r = 0,3669$).

Таким образом, наблюдается наличие значимых взаимосвязей между некоторыми защитными механизмами психики и внушаемостью личности. Проинтерпретируем полученные результаты.

Наблюдается значимая связь внушаемости с регрессией ($r = 0,5404$), что может быть связано с привычным образом действий. Человек с ярко выраженной регрессией начинает использовать её не только в потенциально опасных для психики ситуациях, но и формирует на основе данного механизма определенный паттерн

поведения. У личности начинают преобладать инфантильные черты, повышается эмоциональность, а следовательно, и восприимчивость. Это может делать его более подверженным к внушению ситуативно, если были вызваны яркие эмоции, то внушение осуществляется гораздо легче. Или же внушаемость может стать некоторой личностной характеристикой, связанной с доверчивостью, иррациональной верой к более «взрослым, серьезным» людям (табл. 5).

Таблица 5. Корреляционный анализ защитных механизмов психики и степенью внушаемости по ИЖС (Кoeffициент корреляции Спирмена)

	Степень внушаемости
Отрицание	0,1779
Регрессия	0,6669*
Компенсация	0,1616

Компенсация тоже имеет слабую взаимосвязь с внушаемостью ($r = 0,3669$). Причиной этому может служить сформировавшаяся вследствие доминирующей защиты внутренняя установка, что нужно казаться значимым, быть «лучше», быть «правильным», нравиться всем и так далее. И когда происходит воздействие извне с посылом «надо делать так», то человек становится очень внушаемым и пытается перенять новое «улучшение», каким бы иррациональным оно не являлось на самом деле.

В соответствии с таблицей критических значений коэффициентов корреляции r -Спирмена при выборке 34 респондента можно проследить следующие связи:

- отрицание – отсутствует ($r = 0,1779$, что меньше $0,339$);
- компенсация – отсутствует ($r = 0,1616$, что меньше $0,339$);
- регрессия – наличие значимой связи ($r = 0,6669$, что больше $0,430$, вероятность ошибки меньше $0,001$).

Таким образом, наблюдается значимая связь внушаемости с регрессией ($r=0,6669$), что так же может свидетельствовать о сформировавшемся на фоне защиты паттерне внушаемого поведения.

Выводы

Было проведено исследование 34 респондентов – молодых людей в возрасте от 18 до 23 лет. Среди которых 1 человек обладает низкой степенью внушаемости, 26 человек имеют среднюю степень внушаемости, а 7 человек склонны к высокой внушаемости.

Согласно результатам опросника на определение степени внушаемость – 26 человек со средней внушаемостью и 7 с высокой. У 32 респондентов по МИПЗ выявлена сформированная компенсация, а у 25 человек отрицание. По методике ИЖС у 26 человек ярко выражена компенсация, а у 17 – регрессия.

Исследование показало, что существует значимая взаимосвязь (корреляция) между внушаемостью личности и регрессией. Также, есть слабая связь с компенсацией.

Гипотеза исследования, согласно которой яркая выраженность распространенных среди студентов механизмов психической защиты увеличивает степень внушаемости личности, была подтверждена.

Литература

1. Зборовская А.А. Причины внушаемости / А.А. Зборовская, В.М. Ананишнев // Актуальные проблемы социологии влияния в сфере образования. 2019. С. 88–91.

2. Козлов В.В. Психология внушения и внушаемости / В.В. Козлов, Н.А. Власов. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью, 2018. 276 с.
3. Кудашова А.А. Конформизм у подростков как психологический феномен / А.А. Кудашова // Наука сегодня: глобальные вызовы, пути развития: Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции. 2023. С. 116–118.
4. Раренко А.А. Внушение как метод мотивации / А.А. Раренко // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2019. № 3. С. 120–132.
5. Фардзинова М.В. Коммуникативная компетентность старшеклассников с различным уровнем внушаемости / М.В. Фардзинова, И.Б. Резникова // Современные технологии в образовании. 2023. № 23–2. С. 123–127.
6. Харамецкая Л.Д. Психологический анализ внушаемых сигналов в процессе коммуникации / Л.Д. Харамецкая // Актуальные проблемы экспериментальной и клинической медицины. 2023. С. 344–345.
7. Чернова А.Д. Изучение понятия «внушаемость личности» / А.Д. Чернова // Фундаментальные основы инновационного развития науки и образования. 2020. С. 124–126.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE DOMINANT MECHANISMS OF MENTAL DEFENSE AND THE SUGGESTIBILITY OF PERSONALITY

Shukshina L.V, Yelshina A.M.

Plekhanov Russian University of Economics

The article presents the results of an empirical study of the relationship between the dominant mechanisms of mental defense and the suggestibility of personality. Psychological defenses are manifested in the vast majority of people, so the dissemination of scientific information about them will allow anyone to independently analyze their mental state, control involuntary behavior, correctly interpret their unconscious reactions, and better understand the actions of other people. Studying the relationship between the dominant mechanisms of mental protection and the suggestibility of personality will not only improve the quality of psycho-correctional programs aimed at improving the quality of life of a client or employee of an organization, but also consider a person's susceptibility to suggestion.

Keywords: psychological defenses, degree of suggestibility of personality, individual psychological characteristics, life style index.

References

1. Zborovskaya, A.A. The causes of suggestibility / A.A. Zborovskaya, V.M. Ananishnev // Actual problems of the sociology of influence in education. 2019. pp. 88–91.
2. Kozlov, V.V. Psychology of suggestion and suggestibility / V.V. Kozlov, N.A. Vlasov. – Moscow: Limited Liability Company, 2018. – 276 p.
3. Kudashova, A.A. Conformism in adolescents as a psychological phenomenon / A.A. Kudashova // Science today: global challenges, ways of development: Materials of the XIV All-Russian Scientific and Practical Conference. – 2023. – pp. 116–118.
4. Rarenko, A.A. Suggestion as a method of motivation / A.A. Rarenko // Social and humanities. Russian and foreign literature. Episode 11: Sociology. 2019. No. 3. pp. 120–132.
5. Fardzinova, M.V. Communicative competence of high school students with different levels of suggestibility / M.V. Fardzinova, I.B. Reznikova // Modern technologies in education. – 2023. – No. 23–2. – pp. 123–127.
6. Kharametskaya, L.D. Psychological analysis of suggestible signals in the communication process / L.D. Kharametskaya // Actual problems of experimental and clinical medicine. – 2023. – pp. 344–345.
7. Chernova, A.D. The study of the concept of “suggestibility of personality” / A.D. Chernova // Fundamental foundations of innovative development of science and education. – 2020. – pp. 124–126.

Чан Тхи Ханг,

кандидат религиоведческих наук, преподаватель кафедры религиоведения, Университет гуманитарных и социальных наук, Вьетнамский национальный университет города Ханой
E-mail: dcqa1608@gmail.com

Чан Тхи Ким Оань,

кандидат религиоведческих наук, доцент, преподаватель кафедры религиоведения, Университет гуманитарных и социальных наук, Вьетнамский национальный университет города Ханой

Цель исследования: выявить ценности буддийского образования. Методы исследования: общенаучные методы исследования, исторический метод, изучение и обобщение сведений, логический метод, междисциплинарный подход с рассмотрением философских подходов «образования». Объект исследования: буддийское образование. Масштабы исследования: Социалистическая Республика Вьетнам. Результат исследования: буддийское образование содержит в себе гуманистические идеалы, они адаптированные под структурой общества и побуждает последователей к благотворительным делам. Эгалитарное и инклюзивное образование направляет людей к мудрости, сочувствию и сохранению своего здоровья. Буддийское образование не только выполняет функцию передачи информации следующему поколению, но дает достаточное знание для саморазмышления и развития. Буддизм не ограничивает людей, а способствует к развитию вне зависимости от развития общества и социума.

Ключевые слова: буддийское образование, нравственное воспитание, эгалитарное образование.

Введение

Буддизм возник приблизительно в VI–V вв. до нашей эры в Индии, после чего произошла экспансия религии по всему миру. Одной из величайших ценностей буддизма является его учения, которые направляют людей к благу и моральным нормам через процесс личной практики для достижения освобождения от страданий. Наряду с буддийским учением, буддийское образование с его гуманными целями, многомерным и междисциплинарным содержанием принесло человечеству множество практических ценностей, применяемых в жизни для решения социальных проблем. Буддийское образование имеет влияние не только на общество, но и на последователей буддизма.

Методы исследования: общенаучные методы исследования, исторический метод, изучение и обобщение сведений, логический метод, междисциплинарный подход с рассмотрением философских подходов «образования».

Объект исследования: буддийское образование.

Масштабы исследования: Социалистическая Республика Вьетнам.

Цель исследования: выявить ценности буддийского образования.

Основы понятия «образование»

Существует множество различных объяснений понятию «образование», но нельзя отрицать тот факт, что «образование» – это особое социальное явление, выстроенное под систему, и существует только в человеческом обществе. Образование сильно зависит от общества, вот почему образование возникает, изменяется и развивается параллельно с возникновением, изменением и развитием человеческого общества. Природа понятия «образование» заключается в передаче и получении человеку или поколению людей информации, усвоенные предыдущими поколениями с течением истории и развитием общества. Важной функцией образования в обществе является начало формирования и развития личности человека. Если отталкиваться от данной функции, то «образование» представляет собой неотъемлемую потребность для существования и развития человеческого общества.

«Образование» на английском языке переводится как «education», слово имеет свои корни в латинском языке от «educare», «educere», «educio», «educatum». Как отметили авторы Randall V. Bass и J.W. Good со ссылкой на Craft в 1984 году [1], «образование» можно объяснить как от «educare», что означает «обучать» или «формировать», либо от «educere», что в переводе имеет значение «выводить». В рассуждении авторы принимают концепцию компромисса, то есть признают корень «educare» как формирование копии предыдущего поколения на основе передачи и получения информации следующему поколению, и корень «educere» – в подготовке нового поколения к сложному будущему на основании пройденного опыта. Следовательно, в общем понимании, «образование» и есть одна из форм обучения, при которой знания, навыки, обособленные традиции и привычки определенной группы людей передается другой группе или следующему поколению посредством преподавания, воспитания,

учебного и практического процесса или исследований. Процесс обучения обычно происходит под чьим-то руководством, либо небольшой группы, или же проходить во все самостоятельно. Образование каждого отдельного человека начинается с рождения и продолжается на протяжении всей жизни.

Согласно вьетнамской энциклопедии [2], «образование» – это процесс целенаправленного обучения людей, подготовки их к участию в общественной жизни, к участию производственного труда, осуществляется путем формирования передачи и организации усвоения исторического и социального опыта человечества. «Образование» представляет собой социальное явление, характерное для человеческого общества. «Образование» возникло из человеческого общества и стало неотъемлемой функцией социальной жизни. «Образование» будет сосуществовать с общественным развитием. «Образование» является частью процесса расширения общественного трудового воспроизводства и одним из важных факторов к способствованию общественного развития во всех аспектах. «Образование» имеет конкретно-исторический характер, и его структуры, цели, задачи, сути, методы меняются в соответствии с этапами общественного развития и согласно политическому и экономическому режиму общества.

По мнению многих педагогов [3], «образование» осуществляется через три основные окружения: семья, образовательные учреждения и общество. При этом семейное образование оказывает самое большое влияние на эффективность обучения, хотя семейное образование не является формальным видом образования и имеет ограниченное документальное значение.

Платон – один из величайших мыслителей древности, считал, что целью образования является развитие тела и души учащихся. Образовательная философия Платона подчеркивает необходимость развития благородных и истинных добродетелей – основных элементов, составляющих личность человека: мудрости, справедливости, мужества и воздержания. Платон считает, что воспитание должно осуществляться с детства, чтобы сформировать благородную душу и достоинство. Образовательная цель Платона, направленная на «Добро», является самой идеальной целью: «Но теперь, коль душа оказывается бессмертной, для нее остается только одно прибежище от зол, одно спасение – стать, по мере возможности, наиболее хорошей и рассудительной. Ибо душа отправляется в Аид только с тем воспитанием и образованием, [какие она получила при жизни]. А это, как говорят, приносят умершему, уже в самом начале его загробного путешествия, либо большую пользу, либо огромный вред» [4].

По Аристотелю «образование» призвано развивать потенциалы человеческой способности, в особенности «разум», чтобы люди могли с помощью «разума» наслаждаться высшей истиной, красотой и добром. Цель образования, по мнению Аристотеля, вооружить людей способностью воспринимать жизнь, формировать свой правильный путь к «Добру» и высшей нравственности. Ведь «образование» не только передает знание, но и воспитывает. Воспитание человека означает тренировать и развивать его умственных, эмоциональных, волевых и поведенческих способностей, а также ставит учащегося в выборе восприятия информации. Человек при мышлении способен на основе логики, прочитанного выбирать, как и при каких случаях чувствовать и действовать. Естественно, способность к чувству зарождается и заложена в каждом живом существе, но как понимать сущность этих чувств, а не перепутать эти чувства и не перемешать их. Вот почему в философии Аристо-

теля «образование» направлено на всестороннее обучение интеллекта, материи и духа. В связи с этим для развития интеллекта Аристотель предложил чтение и письменность, для материи – физическую культуру, а для духа – живопись и музыку [5].

Один из ярких представителей социологии и философии, Эмиль Дюркгейм, считал, что «образование» тесно связано с обществом, при этом педагогика, как способ выражения «образования», является приемом социологии. Он утверждал: «образование может быть реформировано только в том случае, если само общество прошло реформы» [6]. Он понимает, что «образование» не может стоять вне общества, и является почвой для общества. «Образование» не образует общество, но общество влияет на «образование». «Образование» по Дюркгейму представляет собой как один из способов социализации нового поколения.

Таким образом, с точки зрения многих философов, «образование» играет важную роль в функционировании общества, является ядром прогресса человечества и важным элементом в развитии каждой личности. Концептуально «образование» неотделимо от истории, имеет конкретный характер и зависимо от идеалов, морали, религии, экономики и политики.

Буддийское образование

Согласно буддийским писаниям, образование следует понимать в смысле «просвещение», его санскритский корень – При-лака. Учение направлено на то, чтобы люди понимали и практиковали благие дхармы. «Просвещение» дает людям мудрость, и от мудрости люди избегают плохих поступков. «Образование» в буддизме приравнивается к практике буддийских учений.

Как уже говорилось, цель образования буддизма в достижении истинной мудрости для устранения невежества, в стремлении к освобождению от страданий. Невежество по буддизму является корнем всех человеческих страданий. Конечной целью практики буддизма состоит в освобождении, положить конец страданиям и достичь просветления. В «Ангуттаре Никае», Книге Восьми, Большой главе, «Пахараде сутте», Будда сравнил Дхамму с океаном: «Подобно тому, как у великого океана один вкус – вкус соли – то точно также, у этой Дхаммы и Винаи один вкус – вкус освобождения. Таково шестое удивительное и поразительное качество...» [7]. Как писал известный тайский буддийский деятель, сторонник буддийского социализма, Бхиккху Буддадаса: «Когда мы глазами на что-либо, это именно нравственность (sila) глазает. Закрепление внимания на этом объекте – это сосредоточение (samadhi). А рассмотрение реальности и характеристик это объекта – это мудрость (panna). Это соединение трёх в одно сохраняет очень много времени, и практика этой единой вещи дает сразу три плода» [8]. Как мы видим, «Дхамма», «нравственность», «сосредоточение», «мудрость» – все эти составляющие проявляются в буддийском образовании, и схоже с обычным образованием. Помимо вышеперечисленных качеств, Будда выделяет «мудрость» как наивысшую для контроля всего физического тела: «Монахи, подобно тому, как среди животных лев, царь зверей, считается их вождем в отношении силы, скорости, и отваги – то точно также, среди состояний, ведущих к просветлению, качество мудрости является их вождем в отношении достижения просветления» [9].

При жизни Сиддхарта Гаутама был великим педагогом, когда он достиг просветления под деревом Бодхи, он хотел, чтобы люди тоже приобрели ту мудрость, что и он. Будда начал распространять свое учение, выстраивать

свое учение под определенную систему «образования». Первыми учениками Будды были 5 аскетов, они следовали за Буддой, но вскоре они покинули Будду, и будучи просветленным, Будда захотел делиться своими знаниями: «Кого меня учить первыми? – спросил он себя. – Кто сможет понять эту великую истину... Потом он подумал о пяти странниках, которые были его учениками во времена сурового аскетизма и отвергли его, когда он снова начал принимать пищу... Когда они сели вместе под деревом в Оленьем Парке, Будда начал давать учение... «Конданна знает! Конданна знает!» – воскликнул Будда. Истина была передана, теперь в мире появилось второе Просветленное существо. На протяжении следующих дней, один за другим, остальные отшельники также пришли к этому пониманию и разделили мудрость и сострадание Будды. Так их стало шестеро...». После появления первых Просветленных, Будда не остановился на этом, а продолжил распространять свое учение, полагаясь уже не только на себя, но и на других Просветленных: «Слухи разносились, и день за днем люди собирались, чтобы увидеть Будду и услышать его учение... Многим из них потребовалось совсем немного времени, чтобы стать Просветленными, и вскоре их было уже не шестеро, а семеро, одиннадцать, шестьдесят один. Однажды Будда собрал всех своих учеников и попросил их идти в мир и бродить с места на место. Он повелел им учить пути Просветления на благо и счастье многих, из сострадания к миру... Будда также отправился странствовать и давать учение» [10].

Вся жизнь Будды Гаутамы с момента его просветления была длинным путешествием по многим местам для распространения своего учения. В его понимания, путь к освобождению лежит в устранении невежества с помощью мудрости и в каждом существе спрятана природа Будды: «Для того, чтобы привести живых существ к успокоению, [Я] являюсь в этот мир и проповедую великому собранию Дхарму, чистую как сладкая роса. Эта Дхарма имеет один вкус, [она] – освобождение, нирвана... Те, кто знают незамутненную Дхарму, обретают нирвану. Те, кто пробудили в себе шесть божественных «проникновений», обретут нирвану» [11]. Образовательная цель буддизма направлена на людей, поскольку в буддизме именно человечество является центром мира. Вся система человеческих учений имеет природу исправления морали под определенным углом общественного устава, и «образование» буддизма учит состраданию и пониманию. «Образование» Будды преобразует людей и общество на основе самостоятельности каждого человека.

Особенностью буддийского образования является принцип равенства, и сам Будда был эгалитарным педагогом. Все люди, включая живые существа, равны и имеют одинаковые возможности «обучаться» и достичь просветления: «[Также я] вижу сынов Будды, совершенных в созерцании и мудрости, которые с помощью неисчислимых сравнений разъясняют живым существам Дхарму. С ободрением и радостью проповедуя Дхарму, обращают [их] в бодхисаттв и, разгромив полчища мар, бьют в барабаны Дхармы» [11].

Буддийское «образование» является равноправным для всех, поэтому аудитория последователей имеет разное происхождение, люди изначально различаются по уровню подготовки, некоторые неприспособлены к чтению и письменности, из-за чего Будда адаптировал свое учение в зависимости от обстоятельств и общества. Буддийское «образование» стало более гибким, используя разные методы обучения. Будда учил различную аудиторию, и большую, и малую, а иногда проводил личное обучение. Будда часто использовал сравнительные и аналитические методы при обучении, объяснял

простым и легким языком. Согласно мнению известного буддолога во Вьетнаме Тхить Тьэн Тхиен о буддийском образовании в своей монографии «Буддийские концепции»: «Он [Будда] считал, что основательный образовательный подход всегда должен преследовать две цели: обучение людей для общества и обучение самих людей. Если одна из двух целей отсутствует, то образование считается неполным» [12].

В одиннадцатой и двенадцатой главах «Дхаммапада» описаны косвенные слова Будды об образовании, которые, по его мнению, содержат в себе 4 главные мысли:

1. Интеллектуальное образование: интеллектуальное образование помогает молодежи мыслить и действовать, не нарушая законы: «Самим сделано зло, саморожденное, самовозникшее. Оно побеждает глупца, как алмаз – драгоценный камень».
2. Нравственное воспитание: буддийское образование дает молодежи основы моральной нормы в обществе, учит молодежи уметь вносить вклад в развитие общества: «пусть он не пренебрегает своим собственным благом, как бы ни было велико благо другого. Познав своё благо, пусть он будет привержен высшему благу».
3. Здравоохранительное просвещение: здоровое тело дает человеку равновесие духа и мысли, а также приносит счастье окружающим и обществу: «взгляни на сей изукрашенный образ, на тело, полное изъянов, составленное из частей, болезненное, исполненное многих мыслей, в которых нет ни определённости, ни постоянства».
4. Профессиональное образование: каждый человек, достигая совершеннолетия, должен освоить профессию, чтобы вносить собственный вклад в обществе, способен обеспечить себя, свою семью, родственников: «строители каналов пускают воду, лучники подчиняют себе дерево, добродетельные смиряют сами себя».

Ценности буддийского образования

В современном обществе буддийское образование по-прежнему содержит много ценностей для сегодняшнего социального образования:

Цель и идеал образования буддизма близки к истине: буддийское образование направляет людей к образу жизни, наполненной счастьем и процветанием. Просветлением в буддизме называют точку наивысшего достижения мудрости человечества, и поэтому как идеальная религия, буддизм близок к истине. Нельзя отрицать, что все мировые религии стремятся к благородному идеалу.

Эгалитарное образование: обеспечение равноправного образования является первоочередной задачей для каждой страны. Равенство и социальную справедливость в образовании можно понимать как создание равных и подходящих возможностей для обучения, позволяющих каждому человеку получить доступ к образовательному процессу и участвовать в нем на основе определенных экономических и социальных условий. Система образования Вьетнама унифицирована государством, и государство управляет систему через правовые нормы. Государство проводит инвестиционную политику, направленную на создание равных возможностей и условий в доступе к формам образования для жителей разных регионов, этнических групп и полов. Буддизм, как говорилось ранее, стремится к равноправному образованию, вот почему буддийское образование подходит для общества Вьетнама и политического режима во Вьетнаме.

Гибкие и эффективные методы обучения: буддийское образование использует различные методы обучения, это можно увидеть даже через сутры и нынешних моделей буддийских академий. Используются такие методы, как устный, телесный или подражательный, умственный. В буддийском образовании широко используются формы проповедей, объяснений, лекций, повествований, презентаций, бесед, семинаров, рассказывания историй, приведения конкретных примеров, академические методы и т.д. Подобно современным методикам образования, буддийское образование направлено на студента. Используется ориентированный подход к обучающемуся, когда центральную роль в образовании стоит студент.

Инклюзивное образование, соответствующее гуманистической системе ценностей: как говорилось выше, буддийское образование включает в себе 4 мысли – интеллектуальное образование, нравственное воспитание, здравоохранительное просвещение, профессиональное образование. Такое полное и ёмкое образование привлекает население не только практические ценности, но и этические.

Практические влияния на общественную жизнь: буддийское образование регулирует поведение буддистов-мирян, верующих и таким образом напрямую влияет на социальную этику. По статистическим данным, по всему миру насчитывается более 500 миллионов буддистов, что составляет примерно 6,6% от всего населения [13]. Буддизм имеет большое влияние в странах Азии и является механизмом многих альтруистических движений, благотворительных фондов и филантропических актов. Благотворительная деятельность буддийских общин по всему миру является примером результатов буддийского образования. На примере Вьетнама, Вьетнамская Буддийская Сангха внесла значительный вклад в сокращение бедности для общины и общества. В настоящее время насчитываются около 64 центров детского приюта, 20 домов для престарелых, 165 храмов для успокоения, 33 клиник традиционной медицины, свыше 1000 аудиторий и классов для занятия открытых Вьетнамской Буддийской Сангхой.

Заключение

Буддийское образование содержит в себе гуманистические идеалы, они адаптированные под структурой общества и побуждает последователей к благотворительным делам. Эгалитарное и инклюзивное образование направляет людей к мудрости, сочувствию и сохранению своего здоровья. Буддийское образование не только выполняет функцию передачи информации следующему поколению, но дает достаточное знание для саморазмышления и развития. Буддизм не ограничивает людей, а способствует к развитию вне зависимости от развития общества и социума.

Литература

1. Randall V. Bass, J.W. Good, Educare and Educere: Is a Balance Possible in the Educational System? The Educational Forum, Volume 68, Winter 2004, pp. 161–168.
2. Национальный совет по составлению Вьетнамской энциклопедии, Вьетнамская энциклопедия, часть 2, изд. «Энциклопедический словарь», Ханой, 2011.
3. Игольник О.В. Педагогика в современном образовательном процессе, European science, 7 (39), 2018, с. 42–44.
4. Платон, том I, труды Петербургского философского общества, полное собрание творений Платона

в 15 томах, новый перевод под редакцией С.А. Желелева, Л.П. Карсакина, Э.Л. Радлова, изд. «Академия», Петербург, 1923, с. 197.

5. Aristotle, The Politics, translated into English by Benjamin Jowett, Batoche books, Kitchener, 1999.
6. Durkheim E. Suicide: A Study in Sociology, translated by J.A. Spaulding and G. Simpson, edited, with an introduction by G. Simpson, Chicago: Free Press, 1951, p. 373.
7. Ангуттара Никая, Аттхака Нипата, Книга Восьми, Большая глава, АН 8.19 Пахарада сутта – Пахарада (перевод с английского: SV), редакция перевода: 22.12.2013, источник “Anguttara Nikaya by Bodhi”, p. 1142. Ссылка: https://theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/an8_19-paharada-sutta-sv.htm (дата посещения: 16.12.2024).
8. Буддадаса Бхиккху, Ключи к Истине, перевод с тайского: Сантикаро Бхиккху, Роб Бакнелл и другие. Второе издание: 1999 The Buddhadasa Foundation (Чайя). Электронное издание было подготовлено Архивом Буддадасы Индопанно для Фонда Буддадасы в 2017, с разрешения русского переводчика SV, с. 84. Ссылка: https://suanmokkh.org/system/books/files/000/000/116/original/Keys_to_natural_truth-Russian_Buddhadasa_bhikkhu.pdf?1504145968 (дата посещения: 16.12.2024).
9. Саныутта Никая, Большой раздел, Индрия Саныутта – Качества, Кабанья пещера, СН 48.51 Сала сутта – Деревня Сала – Качество мудрости является наивысшим среди 5 качеств, редакция перевода – 14.11.2011, перевод с английского: SV, источник: “Samyutta Nikaya by Bodhi, p. 1695”. Ссылка: https://theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/sn48_51-sala-sutta-sv.htm (дата посещения: 16.12.2024).
10. Саддхалока (Дэвид Люс). Встречи с Просветлением: истории из жизни Будды. Первое издание – © Суваннавир (Андрей Пашкевич) 2012. Перевод с английского: Е. Жаркова, изд. «Windhorse Publications», Кэмбридж, Великобритания. Ссылка: https://buddhaya.ru/tl_files/pdf/Encounters%20with%20Enlightenment.pdf. Дата посещения: 26 декабря 2024 года.
11. Сутра о цветке лотоса чудесной Дхармы (Мёхо Рэнгэ Кё) – перевод на русский язык, первая и шестая главы. Ссылка: <https://abhidharma.ru/A/Vedalla/Content/Taice/0005.pdf>. Дата посещения: 27 декабря 2024 года.
12. Тхить Тьэн Тхиен, Буддийские концепции, изд. «Востоковедение», стр. 79.
13. Статистика, представленная от сайта: <https://world-populationreview.com/country-rankings/buddhist-countries>. Дата посещения: 28 декабря 2024 года.

THE VALUES OF BUDDHIST EDUCATION

Tran Thi Hang, Tran Thi Kim Oanh

University of Social Sciences and Humanities, Vietnam National University, Hanoi

The purpose of the study: to identify the values of Buddhist education. Research methods: general scientific research methods, historical method, study and generalization of information, logical method, interdisciplinary approach with consideration of philosophical approaches to “education”. Object of the study: Buddhist education. Research scope: Socialist Republic of Vietnam. Research result: Buddhist education contains humanistic ideals. They are adapted to the structure of society and encourage followers to charitable deeds. Egalitarian and inclusive education guides people to wisdom, compassion and maintaining their health. Buddhist education not only performs the function of transmitting information to the next

generation but also provides sufficient knowledge for self-reflection and development. Buddhism does not limit people but promotes development regardless of the development of society and society.

Keywords: Buddhist education, moral education, egalitarian education.

References

1. Randall V. Bass, J.W. Good, *Educare and Educere: Is a Balance Possible in the Educational System?* The Educational Forum, Volume 68, Winter 2004, pp. 161–168.
2. National Council for the Compilation of the Vietnamese Encyclopedia, *Vietnamese Encyclopedia, Part 2*, ed. “Encyclopedic Dictionary”, Hanoi, 2011.
3. Igolnik O.V. *Pedagogy in the Modern Educational Process*, European science, 7 (39), 2018, pp. 42–44.
4. Plato, Volume I, *Transactions of the St. Petersburg Philosophical Society, Complete Works of Plato in 15 Volumes, New Translation* Edited by S.A. Zhebelev, L.P. Karsavin, E.L. Radlov, ed. “Akademiya”, Petersburg, 1923, p. 197.
5. Aristotle, *The Politics*, translated into English by Benjamin Jowett, Batoche books, Kitchener, 1999.
6. Durkheim E. *Suicide: A Study in Sociology*, translated by J.A. Spaulding and G. Simpson, edited, with an introduction by G. Simpson, Chicago: Free Press, 1951, p. 373.
7. Anguttara Nikaya, Atthaka Nipata, Book of Eight, Large Chapter, AN 8.19 Paharada Sutta – Paharada (translated from English: SV), translation revision: 22.12.2013, source “Anguttara Nikaya by Bodhi”, p. 1142. Link: https://theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/an8_19-paharada-sutta-sv.htm (date visited: 12/16/2024).
8. Buddhadasa Bhikkhu, *Keys to Truth*, translated from Thai: Santikaro Bhikkhu, Rob Bucknell and others. Second edition: 1999 The Buddhadasa Foundation (Chaya). The electronic edition was prepared by the Buddhadasa Indopanno Archive for the Buddhadasa Foundation in 2017, with the permission of the Russian translator SV, p. 84. Link: https://suanmokkh.org/system/books/files/000/000/116/original/Keys_to_natural_truth_Russian_Buddhadasa_bhikkhu.pdf?1504145968 (date visited: 12/16/2024).
9. Samyutta Nikaya, Large Section, Indriya Samyutta – Qualities, Boar Cave, SN 48.51 Sala Sutta – Sala Village – The quality of wisdom is the highest among the 5 qualities, translation revision – 11/14/2011, translation from English: SV, source: “Samyutta Nikaya by Bodhi, p. 1695”. Link: https://theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/sn48_51-sala-sutta-sv.htm (date of visit: 12/16/2024).
10. Saddhaloka (David Luce). *Encounters with Enlightenment: Stories from the Life of the Buddha*. First edition – © Suvannavira (Andrey Pashkevich) 2012. Translation from English: E. Zharkova, pub. “Windhorse Publications”, Cambridge, UK. Link: https://buddharyana.ru/tl_files/pdf/Encounters%20with%20Enlightenment.pdf. Date of visit: December 26, 2024.
11. The Sutra on the Lotus Flower of the Wonderful Dharma (Myoho Renge Kyo) – translation into Russian, the first and sixth chapters. Link: <https://abhidharma.ru/A/Vedalla/Content/Taice/0005.pdf>. Date of visit: December 27, 2024.
12. Thich Tien Thien, *Buddhist concepts*, ed. “Oriental Studies”, p. 79.
13. Statistics provided by the site: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/buddhist-countries>. Date of visit: December 28, 2024.

От обмена к совместному управлению: социальная практика «Банка времени»

Ван Юаньсин,

асп. кафедры современной социологии, МГУ имени М.В. Ломоносова

Как инновационная практика, отвечающая многообразным социальным запросам, «банк времени» использует временной обмен в качестве ключевого механизма, трансформируя традиционную логику взаимопомощи и формируя устойчивые социальные сети на основе принципов совместного использования и взаимности. В данной статье систематизируется происхождение понятия и явления «банка времени» с точки зрения его теоретического осмысления: на основе теории социального обмена интегрируются двойственные атрибуты волонтерской деятельности и совместной экономики, строится трехмерная теоретическая модель **«рамка – потребности – ресурсы – ценность»**, раскрывающая глубинные механизмы немонетарного вида взаимопомощи. Посредством кросс-кейсового сравнения трех типичных американских моделей (независимая НЕР, встроенная СЕ, цифровая платформа hOurworld) анализируются практические противоречия «банка времени» в сценариях услуг, технологической интеграции и структурах управления, выделяются дифференцированные пути развития: «движимый сообществом», «политически встроенный» и «технологически усиленный». В контексте ускоренного старения населения Китая и трансформации базового управления предлагается стратегия локализации: посредством стратификации услуг (медицина, образование, уход), распределенного пространственного планирования (трехуровневая связь: сообщество – город – регион), блокчейн-инфраструктуры и механизма синергетического управления «правительство – рынок – общество», преодолеваются проблемы фрагментации ресурсов и высоких транзакционных издержек, формируется экосистема «банка времени» с китайской спецификой и глобальным видением, что создает инновационную практическую парадигму модернизации социального управления.

Ключевые слова: теория социального обмена; «банк времени»; совместная экономика; волонтерская деятельность.

Введение

Подъем «совместной экономики» реконструировал традиционные экономические парадигмы: посредством цифровых технологий активизируется совместное потребление по принципу «равный-к-равному» (P2P), что значительно снижает транзакционные издержки и оптимизирует эффективность распределения ресурсов [Yuan et al., 2019]. Платформенные компании, такие как Uber, Airbnb и Meituan, через стандартизацию сервисов и механизмы балансировки спроса и предложения стимулировали осознание необходимости обмена социальными ресурсами и укрепления сообществ. При этом долгое время игнорировалась модель взаимопомощи, основанная на немонетарной логике, – «банк времени» (timebanking). Используя «временную валюту» в качестве посредника и следуя принципу «временного равенства» [Shih et al., 2015], эта модель трансформирует волонтерскую деятельность в количественно измеримую и обращаемую в систему баллов, уравнивая ценность труда высококвалифицированных и низкоквалифицированных работников [Yuan et al., 2019]. Данная модель не только бросает вызов традиционной денежной системе оценки стоимости, но и переопределяет понятия активов, природы труда и взаимности через призму теории социального обмена [Yuan et al., 2019], становясь ключевой практикой реконструкции ядра «экономики сообществ».

Концептуальная основа «банка времени» коренится в дихотомии «денежной экономики» и «базовой экономики»: первая зависит от денежного обмена товаров и услуг, вторая охватывает ценность неоплачиваемого труда в семьях и сообществах [Goodwin & Cahn, 2018]. Технологии активизируют «базовые экономические активности», игнорируемые рынком, такие как уход за пожилыми, юридическая помощь и соседская взаимопомощь, создавая немонетарные стандарты ценности для сообществ [Lin et al., 2019]. Эдгар Кан (Edgar Cahn), основоположник концепции «банка времени», сформулировал пять ее принципов – взаимность, уважение, сообщество.

В китайской академической сфере интерес к «банку времени» возник на фоне стремительного старения населения. Ученые рассматривают его как инновационный инструмент в системе «волонтерство – пенсионные накопления» [Чэнь Гун и др., 2021], позволяющий смягчить дефицит ресурсов через накопление и обмен часов ухода за пожилыми [Чэнь Цзихуа, 2020; Чэнь Юхуа и Мяо Го, 2021]. На политическом уровне Пекин в 2022 г. первым включил «банк времени» в правительственный отчет, опубликовав «План реализации банка времени для услуг по уходу за пожилыми» (документ Цзинминьянлао № 206, 2021 г.), что ознаменовало переход от теоретических изысканий к институционализированной практике. Однако международный опыт показывает, что функционал «банка времени» выходит за рамки ухода за пожилыми: его немонетарная природа способна трансформировать ландшафт третичного распределения, став инструментом социального управления, бросающим вызов традиционной экономике.

Как родина концепции «банка времени», США накопили богатый опыт ее использования через разнообраз-

ные модели: независимые (например, НЕР), встроенные (например, СЕ) и цифровые (например, hOurworld). Данная статья, фокусируясь на трех американских кейсах, проводит сравнительный анализ их сервисных сценариев, транзакционных систем и управленческих структур, раскрывая операционные механизмы и базовые ценности, чтобы предложить теоретические и практические ориентиры для построения особой локализованной китайской модели, адаптированной к потребностям социальной трансформации.

Ключевая сущность и операционная логика

«банка времени»

Концептуальные истоки и типологическая эволюция

«банка времени»

Еще в XIX в. Карл Маркс, а вслед за ним во второй половине XX в. Джон Грей (John Gray), заложил теоретические основы монетизации трудовой стоимости. Однако в XX в. появилась практика немонетарного обмена с временной мерой ценности, которая была систематизирована лишь в 1980-х гг. В середине 1980-х гг. Эдгар Кан (Edgar Cahn) основал первый «банк времени» в Майами (США), используя «временные баллы» как «посредника» в динамичном соединении нереализованного социального потенциала (например, навыков, не оцененных рынком) и неудовлетворенных потребностей (например, дефицита услуг для уязвимых групп) [Dash & Sandhu, 2019]. Ключевая идея Кана заключалась в создании дематериализованной сети взаимопомощи через принцип «1 час услуги = 1 балл» [Cahn & Rowe, 1992], которая одновременно устраняет дисбаланс между спросом и предложением навыков у среднего класса и расширяет возможности низкодходных групп. Эта модель, первоначально названная «сервисные кредиты» (service credits), эволюционировала во «временные деньги» (time dollars), окончательно оформившись как «банк времени», т.е. социальная система обмена, измеряющая трудовую ценность временными единицами, что представляет собой критическое преодоление традиционной денежной экономики.

За десятилетия развития концепция «банка времени» сформировала три типовые модели:

Первая – P2P (Person-to-Person): прямой обмен между индивидами, устраняющий посредников, вовлекает маргинализированные группы и создает сети социального капитала через «слабые связи», усиливая мультипликативный эффект взаимопомощи [Coote et al., 2008]. Например, пенсионер-учитель предоставляет репетиторские услуги соседу, накапливая баллы для будущего обмена на помощь в саду.

Вторая – P2O (Person-to-Organization): реструктуризация цепочек предоставления услуг через «совместное производство» (co-production), усиливающая лидерскую роль сообществ. В этой модели, например, больницы привлекают волонтеров для сопровождения пациентов, а баллы обмениваются на институциональные ресурсы (например, лекции о здоровье), формируя устойчивую сервисную экосистему [Coote et al., 2008].

Третья – O2O (Organization-to-Organization): межорганизационное сотрудничество и обмен ресурсами для достижения эффекта масштабирования. Например, НКО совместно проводят обучение навыкам с кросс-институциональным обращением баллов, смещая цель с «максимизации прибыли» на «оптимизацию благосостояния».

Ключевые ценности «банка времени»

Пять базовых ценностей «банка времени», сформулированные Каном [Cahn & Rowe, 1992], – активация акти-

вов¹ (англ. asset-based approach), реконфигурация труда, взаимность, социализация капитала и этика уважения – составляют философский каркас альтернативной системы обмена, деконструируя парадигму рыночного фундаментализма.

Активация активов человека: от инструментальной рациональности к экзистенциальной ценности. «Банк времени» деконструирует утилитарную парадигму «человеческого капитала» (Becker, 1964), трансформируя участников в многомерные активы. Независимо от характера услуг – будь то профессиональные навыки (юридические консультации) или повседневная помощь (сопровождение) – их ценность эмансипируется от рыночного детерминизма через универсальный временной эквивалент (1 час = 1 балл). Это раскрывает потенциал, подавляемый монетарной экономикой [Leung et al., 2022], а декоммодификация активов реконфигурирует самоидентификацию: из «ресурса» в «соавтора социального капитала».

Реконструкция труда: пробуждение ценности за пределами монетизации. Традиционный труд сужается до «средства заработка», тогда как «банк времени» переопределяет его как «практику создания социального благополучия». Признается публичная ценность неоплачиваемого труда (уход за детьми, соседская взаимопомощь), его статус приравнивается к оплачиваемой работе [Molnar, 2011]. Например, кулинарные услуги домохозяйек через обмен баллов трансформируются в поддержку пожилых, что косвенно продвигает институциональные изменения гендерного равенства [Seyfang, 2003].

Взаимность: социальный контракт двустороннего расширения возможностей. Принцип взаимности требует, чтобы участники выступали одновременно как «дающий» и «получающий», формируя замкнутый цикл равновесного обмена. Кан подчеркивает, что одностороннее жертвование ведет к «моральной эксплуатации», тогда как двусторонняя взаимность через цикл «помощь – получение помощи» (например, А ремонтирует дом для В, В обучает детей А) создает устойчивую экосистему взаимопомощи [Cahn & Rowe, 1992]. Этот механизм не только устраняет властный дисбаланс традиционной благотворительности, но и активизирует внутреннюю динамику сообществ.

Социализация капитала: от атомизации к сетевым отношениям. «Банк времени» катализирует превращение слабых связей в сильные через обмен услугами. Участники формируют сети интенсивного доверия (например, пожилые, регулярно участвующие в активностях, становятся «ключевыми узлами»), в которых социальный капитал накапливается в процессе циркуляции баллов [Leung et al., 2022]. Такие сети повышают устойчивость к кризисам (например, взаимная доставка лекарств во время пандемии) и становятся невидимой инфраструктурой базового управления.

Этика уважения: инклюзия различий и политика достоинства. В рамках принципа «временного равенства» час работы уборщика и юриста оценивается одинаково, устраняя профессиональную дискриминацию [Leung et al., 2022]. Этот механизм утверждения достоинства позволяет уязвимым группам (инвалиды, малоимущие) через вклад недооцененных навыков (например, обучение жестовому языку, переработка отходов) вос-

¹ Прим.: Термин «активация активов» является концептуальным переводом оригинального англоязычного термина Кана «asset-based approach», обозначающего признание нематериальных ресурсов личности/сообщества как капитала. В русскоязычных исследованиях также используется калька «актив-ориентированный подход» [Иванова, 2018].

становливать социальное признание, продвигая «справедливость различий».

За пределами пяти ценностей: практические расширения. «Банк времени» также через технологическое усиление (например, отслеживание баллов через блокчейн) и коллективные действия (например, создание общественных садов) стимулирует развитие навыков и участие в общественных делах [Molnar, 2011]. Его суть – «моральная экономика», измеряющая социальный вклад временем, предлагая немонетарный путь для третичного распределения. Как сказал Кан, «Когда время становится валютой, человечность становится величайшим излишком».

Траектория развития и противоречия американских «банков времени»

Зарождение «банков времени» в США восходит к периоду Великой депрессии 1930-х гг. Крах экономической системы спровоцировал возникновение местных валют – локальных кредитных купонов, трудовых талонов и других форм, заменявших фиатные деньги для поддержания базовой экономической циркуляции [Molnar, 2011; Seyfang, 2003]. Этот исторический генетический код сформировал двойственную природу «банков времени»: они стали одновременно инструментом кризисного реагирования и платформой социального эксперимента. К 1980-м гг. Кан систематизировал концепцию «временных денег», трансформировав ее из краткосрочной помощи в инклюзивную сеть взаимопомощи.

Движущие силы и функциональная эволюция «банков времени»

Формирование экономической устойчивости. Использование «временных баллов» для хеджирования рыночных рисков. Например, во время кризиса 2008 г. члены «банка времени» в Огайо замещали денежные расходы ремонтными и кулинарными услугами, смягчая последствия безработицы [Seyfang, 2003].

Регенерация социального капитала. Бруклинский «банк времени» через межрасовый и межклассовый обмен услугами (иммигранты преподают родной язык, местные жители консультируют по трудоустройству) разрушал коммунальные барьеры, создавая полицентричные социальные сети [Collom et al., 2016].

Инновации в здравоохранении. В ответ на высокие затраты медицинской системы «банк времени» Вермонта запустил программу «Здоровые временные накопления», позволяя участникам накапливать баллы через сопровождение к врачам или реабилитационный уход, обменивая их на альтернативную терапию или психологическую помощь.

Практические противоречия и институциональная гибкость. Несмотря на декларируемую «дематериализацию» «банки времени» остаются полем конфликта капиталистической логики и утопического идеализма. С одной стороны, их деятельность зависит от НКО (более 60% американских «банков времени» финансируются благотворительными фондами), фокусируясь на уязвимых группах (одинокие пожилые, инвалиды), что формирует «маргинализированный контур». С другой – распространение открытых технологий (например, платформа hOurworld) приводит к дифференциации ценностей услуг: 1 час психологической консультации обменивается на 2 часа уборки, отражая проникновение скрытых рыночных правил [Tahezadeh, 2018]. Эта гибкость стала стратегией выживания: к 2014 г. в США зарегистрировано свыше 500 «банков времени» с 37 тыс. участников –

от мини-сообществ (15 человек) до крупных структур вроде портлендского НЕР (3200 членов), сохраняющих локальную вовлеченность через децентрализованную архитектуру [Tahezadeh, 2018].

Технологическое усиление и управленческие дилеммы. Хотя применение открытого программного обеспечения снижает операционные затраты (например, система Community Weaver в TimeBanks USA), децентрализация управления данными порождает споры о доверии. Так, в одном из «банков времени» Миннесоты ошибки в учете баллов вызвали конфликты между участниками, обнажив напряжение между технологическими инструментами и гуманизированным управлением. Тем не менее, этот «несовершенный эксперимент» остается полигоном для отработки «общественной демократии», или, как отмечал Кан, «Истинная ценность банка времени не в идеальном учете, а в восстановлении человеческих связей» [Кан, 2004, с. 112].

Сравнительный анализ трех моделей американских «банков времени»

«Банки времени» благодаря гибкой архитектуре успешно интегрируются в локальные социальные экосистемы, формируя адаптивные модели практики. США, как родина этой модели, демонстрируют инновационный потенциал немонетарных систем взаимопомощи через три ключевых модели: независимые (например, НЕР), встроенные (например, CE) и цифровые платформы (например hOurworld).

Независимая модель: Hour Exchange Portland (HEP)

«Портлендский часообмен» (Hour Exchange Portland – НЕР) – первый в США автономный «банк времени», основанный в 1980-х гг. Дэвидом Рокфеллером-младшим (David Rockefeller Jr.) под влиянием концепции «временной валюты» Эдгара Кана. Изначально созданный как экспериментальный проект, в 1995 г. он был официально переименован в «Портлендскую сеть взаимного обмена» (Portland Time Exchange Network), что отразило расширение его функций – от простого обмена услугами до построения устойчивых социальных связей в локальном сообществе [Akguç, 2020].

Принцип «временного равенства» Кана реализуется через паритет 1 час = 1 балл (англ. time credit), нивелируя профессиональную иерархию (консультация юриста = 1 балл, работа садовника = 1 балл) и интегрируя маргинализированные группы. Например, языковые навыки сирийских мигрантов (уроки арабского = 1 балл/час) признаются равнозначными «традиционным» активам [Cahn & Rowe, 1992].

Финансовая устойчивость «Портлендского банка времени» основана на модели «тройной спирали», включающей три источника: 1) гранты и пожертвования (включая Фонд Рокфеллера), 2) самоокупаемость через программную платформу Time and Talents – специализированное ПО для управления услугами и учета баллов, приносящее 120 тыс. долл. годового дохода за счет лицензирования другим НКО, и 3) символические членские взносы. Time and Talents, разработанный НЕР в 2000-х гг., не является отдельным фондом, а служит технологическим ядром, автоматизирующим транзакции и снижающим зависимость от внешнего финансирования [Akguç, 2020].

Технологический апгрейд 2011 г. (открытый код для hOurworld) вывел НЕР в лидеры стандартизации. Сеть расширяется через «слабые связи» (70% новых участников приходят через соседей), межсекторное партнерство

(школы, больницы). Капитал НЕР на 2022 г.: 2800 активных членов, 40000+ часов обмена ежегодно [Сайт НЕР].

Механизмы функционирования включают: двухуровневую систему мотивации (мгновенные расчеты и годовые бонусы) и управления рисками (1% страховой фонд и кредитные рейтинги), технологическую платформу с алгоритмическим подбором, блокчейн-реестром и форумами, многоуровневые услуги (от продовольственной безопасности (120 тонн овощей в год) до культурных мероприятий), инновации через открытые технологии и гибридное финансирование.

НЕР демонстрирует потенциал немонетарных моделей в активации социального капитала, решении проблем старения населения и фрагментации ресурсов, предлагая эталон технооптимизированной системы с многоуровневыми сервисами и динамичным управлением рисками.

Встроенная модель: Community Exchange (CE)

Community Exchange (CE) – пример интеграции «банка времени» в систему здравоохранения, ставший эталонной встроенной моделью в рамках реформы региональной системы общественного здравоохранения Восточной Пенсильвании (США). В 1996 г. Департамент общественного здравоохранения Восточной Пенсильвании (местный орган власти, ответственный за координацию медицинских услуг в регионе) инициировал создание некоммерческой организации MESH (Measurable Enhancement of Senior Health) для решения проблем неэффективного управления хроническими заболеваниями и неравного доступа к ресурсам. В 2000 г. CE был официально интегрирован в операционную структуру MESH, что позволило связать локальные сообщества с больницами и клиниками через механизм временных баллов [Collom et al., 2016].

В Community Exchange реализуется стратегия интеграции «пространство – кадры – технологии». Пространственная интеграция обеспечивается за счет размещения офисов CE в научно-образовательных центрах при Департаменте общественного здравоохранения Восточной Пенсильвании (Pennsylvania Department of Health, Eastern Region) и больнице Lehigh Valley Hospital, что позволяет сокращать операционные расходы путем совместного использования инфраструктуры (лаборатории, конференц-залы, IT-оборудование). Кадровая модель объединяет штатных сотрудников организации MESH, отвечающих за координацию программ, и волонтеров федеральной программы AmeriCorps VISTA, работающих непосредственно с локальными сообществами, что создает баланс между профессиональной экспертизой и социальной вовлеченностью. Технологическая составляющая базируется на открытом программном обеспечении Community Weaver – бесплатной платформе с публичным исходным кодом, которая интегрирована с электронными медицинскими картами (EHR). Это ПО автоматизирует учет временных баллов (1 час услуги = 1 балл), отслеживает влияние участия в CE на показатели здоровья пациентов (например, снижение рецидивов хронических заболеваний) и генерирует аналитические отчеты для оптимизации ресурсного распределения, что делает модель CE экономически эффективной и масштабируемой [Collom et al., 2016].

В 2003 г. CE внедрила «Программу накопления “здоровых часов”»: пациенты зарабатывают баллы через образовательные программы (например, курсы по диабету) для обмена на физиотерапию.

Медперсонал обменивает волонтерские часы (например, послеоперационные визиты к пациентам) на услуги по уходу за детьми. В 2021 г. «банк времени» CE зафик-

сировал более 5000 часов услуг, охватив 300+ семей медицинских работников [Отчет MESH, 2021].

В CE реализуется финансовая модель «трех уровней»: базовые расходы обеспечивает MESH, помимо этого работа CE финансируется за счет гранта «Здоровые сообщества» Пенсильвании и больницы Lehigh Valley Hospital на программу поддержки пациентов с деменцией [Отчет MESH, 2021].

В CE внедрена следующая ценностная инновация – принцип «здоровой справедливости» (1 час уборки = консультация нутрициолога).

В рамках CE существует программа эмоциональной поддержки: депрессивные пациенты обменивают часы слушания (1,5 балла/час) на арт-терапию, формируя цикл «помощь через помощь» [Collom et al., 2016].

В CE действуют следующие механизмы и пути вовлечения заинтересованных людей: медицинский канал (гипертоники получают 50 баллов за участие в просветительских программах), комьюнити-хабы (37% новых участников (2019) через церковные «здоровые станции»), корпоративное членство (аптечные работники обменивают консультации на тимбилдинг-баллы [Отчет CE, 2020].

Таким образом, CE демонстрирует эффективность институциональной интеграции немонетарных систем в здравоохранение, предлагая инновационный подход к перераспределению ресурсов через симбиоз взаимопомощи и общественного здоровья.

Цифровая платформа: hOurworld

Пионер глобальной инфраструктуры «банков времени», hOurworld, – первая в мире открытая цифровая платформа для трансграничного обмена временем, созданная организацией TimeBanks USA в 2008 г. Ее миссия – построение децентрализованной экосистемы, преодолевающей географические границы через технологические инновации.

Ее ключевыми характеристиками являются:

- беспрецедентная доступность;
- нулевой порог входа (физические лица, сообщества и организации бесплатно создают узлы с кастомизируемыми правилами (например, 1 час экологических услуг = 1,2 балла. Благодаря этому к 2022 г. эта система насчитывала 39 стран-участниц, 417 сообществ, 3,32 млн часов услуг [Сайт hOurworld, 2024]);
- облегченная модель управления;
- отсутствие штатных сотрудников (разработка через open-source-сообщество GitHub и партнерство с Университетом Пенсильвании. Годовые операционные расходы < 100 000 долл. [Отчет NSF, 2021]);
- интеллектуальная локализация (LBS-алгоритмы приоритезируют локальные запросы при поддержке трансграничных обменов, например, учитель из Флориды за свои услуги может арендовать дом в Италии);
- финансирование через симбиоз технологий и науки (в 2015–2020 гг. был запущен грант NSF на 830 000 долл. для создания мобильного ПО и блокчейн-системы с PARC (top-10 социальных инноваций MIT-2021);
- партнерские взносы (IBM, а также принцип нулевой платы для участников [Yuan et al., 2019].

К ценностным инновациям цифровой платформы hOurworld можно отнести со-производство услуг, участие пользователей (бразильские НКО разработали систему «доступных меток»), превентивные инвестиции (программа «Чикаго» снизила кражи на 23%), гибкое ценообразование (1 час арт-перформанса = 2 часа юридической консультации) [Coote et al., 2008].

Безусловно, у платформы существуют стратегии роста, включающие три ключевых направления. Первое – интеграция SDK (Software Development Kit – набор инструментов для разработки программного обеспечения) в государственные приложения, как, например, в Сиэтле, где SDK-платформа позволяет автоматически начислять баллы за сортировку мусора через сканирование QR-кодов на контейнерах, синхронизируя данные с муниципальной системой. Второе – таргетирование уязвимых групп: в Детройте внедрена система, в рамках которой час волонтерского репетиторства или юридической консультации обменивается на продовольственные талоны (1 час = 15 долл. эквивалента). Третье – развитие транснациональных связей диаспор: филиппинские медсестры в Лондоне «конвертируют» отработанные часы в аренду сельхозтехники для своих семей на Филиппинах через партнерство платформы с аграрными кооперативами, создавая экономический мост между мигрантами и их родиной.

Итак, можно сказать, что hOurworld трансформирует локальные практики в глобальную сеть справедливых услуг через блокчейн и коллаборации, устанавливая стандарт для технологически ориентированных социальных инноваций.

Таким образом, многообразие американских практик работы «банков времени» демонстрирует адаптивность немонетарных систем взаимопомощи в различных институциональных и технологических контекстах. Сравнение моделей «банков времени» НЕР (независимая), СЕ (встроенная) и hOurworld (цифровая платформа) через призму четырех измерений – операционная логика, ценностные приоритеты, ресурсная структура и технологическая инфраструктура – выявляет ключевые различия с практикой социального управления в Китае и позволяет сделать выводы, которые можно в нем использовать (табл. 1).

Таблица 1. Сравнение трех моделей «банков времени» в США

Критерий	НЕР (независимая)	СЕ (встроенная)	hOurworld (цифровая платформа)
Операционная логика	Сообщество-центричная автономия: фокус на взаимопомощь между соседями	Институциональная интеграция: ориентация на цели общественного здоровья	Технологический опенсорс: глобальная сеть немонетарного обмена
Ключевые ценности	Равенство времени Достоинство труда Локализация активов [Cahn & Rowe, 1992]	Справедливость в здравоохранении Реабилитация через взаимопомощь Институциональная синергия [Collom et al., 2016]	Со-производство услуг Демократизация технологий Транснациональная инклюзия [Yuan et al., 2019]
Ресурсная структура	Гибкое финансирование (гранты + пожертвования + продажа ПО) Годовой бюджет – 300 000 долл.	Финансовая зависимость от материнской организации (MESH покрывает 85% затрат) Годовой бюджет – 500 000 долл.	Доминирование научных грантов (83% – NSF) Годовой бюджет – 100 000 долл.
Технологии	Локальное ПО с открытым кодом (Time and Talents) Пилотные блокчейн-решения	Интеграция с EHR-системами Тегирование медицинских данных	Двухцепочный блокчейн + смарт-контракты Поддержка трансграничных транзакций
Фокус услуг	Комплексная поддержка сообществ (медицина + образование + продбезопасность)	Точечные медвмешательства (хронические заболевания + социальные предписания)	Инфраструктурные решения (алгоритмы + инструменты)
Число участников	2 800 (Портлендская агломерация)	1 200 (Восточная Пенсильвания)	30 509 (39 стран)
Сильные стороны	Высокая сплоченность сообщества Оперативность услуг	Глубокая интеграция медресурсов Оптимизация затрат	Экстремальная масштабируемость Стандартизация технологий
Слабые стороны	Риски финансовой нестабильности Сложности межрегиональной кооперации	Зависимость от материнской структуры Ограниченная инновационная автономия	Дефицит офлайн-доверия Проблема цифрового неравенства

Проведем анализ дифференцированных механизмов и сценариев адаптации разных моделей «банков времени».

Операционная логика: спектр от «автономии сообщества» до «технологических общин»

Что касается модели НЕР, то можно говорить о ее локальной укорененности. Как независимая модель, НЕР строит децентрализованную сеть через «соседские узлы» (например, центры активностей). Успех зависит от высокого индекса социального капитала Портленда [Патнэм, 2000], когда офлайн-транзакции укрепляют эмоциональные связи. Однако модель ограничена географией: кросс-городские обмены составляют <5% [Отчет НЕР, 2022].

Если говорить о модели СЕ, то тут следует сказать о ее «институциональном паразитизме». Интегрируясь в медицинскую сеть MESH, СЕ становится инструментом

реализации госполитики. Это снижает риски от использования инноваций, но автономия сообщества страдает: 73% услуг инициируются администрацией MESH, а инициативы снизу (так называемые grassroots-идеи) составляют лишь 12% [Внутренний отчет СЕ, 2021].

«Технообщинность» hOurworld, ее открытый код и протоколы создают глобально-локальную архитектуру. Трансграничные обмены расширяют ресурсы, но сталкиваются с культурными конфликтами: 34% транзакций вызывают споры из-за различий в стандартах [Анализ логов hOurworld, 2023].

Ценностное напряжение: идеалы равенства vs реалии компромиссов

Что касается НЕР, то здесь возникает дилемма «равенство vs эффективность». Жесткий принцип 1 час = 1 балл снижает предложение высококвалифицированных

услуг: консультаций юристов – 2% транзакций, проведение уборки – 58% [Collom et al., 2016].

Если же говорить, о модели CE, то следует охарактеризовать ее как баланс «справедливость vs результативность». Двухуровневая система баллов CE (базовые 1, профилактические 1,5) повысила участие в программах по диабету до 67% [Оценка MESH, 2020].

Эксперимент по использованию платформы hOurworld позволяет говорить о «гибком равенстве». Кастомизируемые курсы (например, 1 час психологической консультации = 2 часа уборки) критикуются за воспроизводство рыночной логики [Сейфанг, 2022].

Оптимизация локализации системы «банков времени» в Китае: стратегические пути

Хотя система «банков времени» уже обрела первоначальные очертания, а ее построение и функционирование становятся все более отчетливыми, сохраняется множество препятствий. Основные из них: недостаточная поддержка со стороны сферы политики, сопровождающаяся серьезными спекулятивными рисками; трудности масштабируемого распространения, непреодолимые границы обращения «временной валюты»; несовершенство механизмов социального доверия, высокая стоимость эксплуатации; отсутствие приоритетного распределения страховых ресурсов, недостаточность существующих инструментов для обеспечения устойчивого развития; ограниченная функциональность, трудности в полной реализации потенциала на уровне социального управления. Поэтому построение системы временных банков по-прежнему требует многоуровневой оптимизации.

Первое: органичная интеграция с существующей пенсионной системой, построение «сверху вниз» системы институциональной поддержки временных банков. Учитывая особенности локализации «банков времени», необходимо интегрировать их в нормативно-политическую систему социализма с китайской спецификой, четко определить правовой статус «банков времени», создать унифицированную институциональную систему. Это также обеспечит нормативное регулирование для лучшего включения в существующую систему социального обеспечения пожилых, предотвратит спекулятивные риски и будет способствовать развитию «пенсионных финансов».

Второе: уточнение технических вопросов, связанных с «временной валютой», повышение уровня информационного обеспечения. Использование технологий больших данных и блокчейна позволит обеспечить измерение, погашение и хранение временной валюты. Следует создать общественную сеть оценки доверия, усовершенствовать механизмы хранения информации, разработать систему оценки качества услуг между поставщиками и получателями, а также механизмы оценки организации взаимопомощи. Это повысит эффективность идентификации качества услуг, операционную эффективность организаций, снизит эксплуатационные расходы и оптимизирует использование благотворительных ресурсов.

Третье: совершенствование финансово-правовых механизмов, оптимизация страховой среды. Необходимо усилить интеграцию финансовых инструментов (таких как страхование) и правовых механизмов с «банками времени», разработать специализированные страховые продукты. Это должно гарантировать как личные риски, так и имущественные риски, связанные с отсроченным погашением временной валюты. Кроме того, следует заимствовать опыт банковских институтов в вопросах

валютных расчетов и бизнес-процессов для повышения научной обоснованности системы.

Четвертое: интеграция в существующую систему социального обеспечения пожилых для максимизации эффективности социального управления.

Требуется расширение пилотных зон «банков времени» с планомерным и поэтапным распространением модели, накопление опыта «снизу вверх». Для проверки рациональности и эффективности межрегионального обращения временной валюты необходимы время и пространство. Это позволит обеспечить устойчивое развитие «банков времени», создать всеобъемлющую, многоуровневую и интегрированную экосистему «макропенсионного» обеспечения, добиваясь оптимальной эффективности социального управления.

Литература

1. Cahn, E. S., & Rowe, J. (1992). Time Dollars: A new currency enabling Americans to turn hidden time resources into personal security and community renewal. Emmaus: Rodale Press.
2. Chen, G., So, H., & Zhang, C. (2021). Innovations in collaborative governance and shared social management: Feasible pathways for “time banks.” *Population and Development*, 1.
3. Chen, J. (2020). Challenges and strategies for developing the “time bank” mutual aid model for the elderly: A perspective from active aging theory. *Jiangsu Social Science*, 1.
4. Chen, Y., & Miao, G. (2021). Issues and reflections on elderly mutual aid under institutionalism. *Social Construction*, 5.
5. Clement, N., et al. (2019). Timebanking, co-production, and normative principles: Implementing principles in practice. *International Journal of Community Currency Research*, 21.
6. Collom, E., et al. (2016). Equal time, equal value: Community currencies and time banking in the US. Oxford: Routledge.
7. Coote, A., et al. (2008). The new wealth of time: How timebanking helps build better public services. Retrieved September 10, 2024, from https://neweconomics.org/uploads/files/3303e9051e1e0a62ef_rmm6bu0a4.pdf
8. Dash, B., & Sandhu, N. (2019). Preliminary understanding of hybrid models in timebanking and volunteering. *Development Policy Review*, 41(4).
9. Goodwin, N., & Cahn, E. (2018). Unmet needs and untapped opportunities: Timebanking as a solution. *Interdisciplinary Journal of Partnership Studies*, 5(1).
10. Henley, K. (2017). The power of asking for help. *HuffPost*. Retrieved from https://www.huffpost.com/entry/the-power-of-asking-for-h_b_786035
11. Leung, W. K. S., et al. (2022). Rapid development of trust and prosocial behavior in timebanking: A perspective of trust transfer and social support theory. *Computers in Human Behavior*, 129.
12. Li, H., Li, W., & Li, R. (2020). Research on future pension models in China: Empowering “time banks.” *World of Management*, 3.
13. Lin, X., et al. (2019). Enhancing generalized exchange economies with blockchain: A case study of timebanking. *IEEE Blockchain Technical Briefs*.
14. Molnar, S. (2011). Time matters: Challenges and achievements of a Swedish timebanking initiative. *International Journal of Community Currency Research*, 15(A).

15. Seyfang, G. (2003). Building cohesive communities through mutual aid: Social exclusion, active citizenship, and timebanks. *International Journal of Urban and Regional Research*, 27(3).
16. Shi, P. K., et al. (2015). Unequal time for unequal value: Implications of differences in participation motivation for timebanking. In *Proceedings of the 33rd Annual ACM Conference on Human Factors in Computing Systems* (pp. 1–10). New York: Association for Computing Machinery.
17. Taherzadeh, A. L. (2018). Alternative currency for education: A comparative study of learning practices in timebanks [Master's thesis]. Stockholm University.
18. Wang, Y. (2017). Practical and institutional research on elderly mutual aid services through "time banks" in China. *Social Construction*, 1.
19. Yuan, C. W., et al. (2018). Is there social capital in service exchange tools? A study of timebanking use and social capital development. *Computers in Human Behavior*, 81.
20. Yuan, C. W., et al. (2019). Evaluating the use and coordination of timebanking: Implications for service exchange tools. *Information Technology & People*, 32(2).

FROM EXCHANGE TO JOINT MANAGEMENT: SOCIAL PRACTICE OF THE "TIME BANK"

Wang Yuanxing

Lomonosov Moscow State University

As an innovative practice that meets diverse social needs, the "time bank" uses time exchange as a key mechanism, transforming the traditional logic of mutual assistance and forming sustainable social networks based on the principles of sharing and reciprocity. This article systematizes the origin of the concept and phenomenon of the "time bank" from the point of view of its theoretical understanding: based on the theory of social exchange, dual attributes of volunteer activity and collaborative economy are integrated, a three-dimensional theoretical model 框架 – "needs – resources – value" is constructed, revealing the deep mechanisms of non-monetary mutual assistance. Through a cross-case comparison of three typical American models (independent HEP, embedded CE, hOurworld digital platform), the practical contradictions of the "time bank" in service scenarios, technological integration and governance structures are analyzed, and differentiated development paths are highlighted: "community-driven", "politically embedded" and "technologically enhanced". In the context of China's accelerated population aging and basic governance transformation, a localization strategy is proposed: through service stratification (medicine, education, care), distributed spatial planning (three-level connection: community – city – region), blockchain infrastructure and the synergetic governance mechanism "government – market – society", the problems of resource fragmentation and high transaction costs are overcome, a "time bank" ecosystem with Chinese characteristics and a global vision is formed, which creates an innovative practical paradigm for the modernization of social governance.

Keywords: social exchange theory; "time bank"; collaborative economy; volunteer activities.

References

1. Cahn, E. S., & Rowe, J. (1992). *Time Dollars: A new currency enabling Americans to turn hidden time resources into personal security and community renewal*. Emmaus: Rodale Press.
2. Chen, G., So, H., & Zhang, C. (2021). Innovations in collaborative governance and shared social management: Feasible pathways for "time banks." *Population and Development*, 1.
3. Chen, J. (2020). Challenges and strategies for developing the "time bank" mutual aid model for the elderly: A perspective from active aging theory. *Jiangsu Social Science*, 1.
4. Chen, Y., & Miao, G. (2021). Issues and reflections on elderly mutual aid under institutionalism. *Social Construction*, 5.
5. Clement, N., et al. (2019). Timebanking, co-production, and normative principles: Implementing principles in practice. *International Journal of Community Currency Research*, 21.
6. Collom, E., et al. (2016). *Equal time, equal value: Community currencies and time banking in the US*. Oxford: Routledge.
7. Coote, A., et al. (2008). The new wealth of time: How timebanking helps build better public services. Retrieved September 10, 2024, from https://neweconomics.org/uploads/files/3303e9051e1e0a62ef_rrm6bu0a4.pdf
8. Dash, B., & Sandhu, N. (2019). Preliminary understanding of hybrid models in timebanking and volunteering. *Development Policy Review*, 41(4).
9. Goodwin, N., & Cahn, E. (2018). Unmet needs and untapped opportunities: Timebanking as a solution. *Interdisciplinary Journal of Partnership Studies*, 5(1).
10. Henley, K. (2017). The power of asking for help. *HuffPost*. Retrieved from https://www.huffpost.com/entry/the-power-of-asking-for-h_b_786035
11. Leung, W. K. S., et al. (2022). Rapid development of trust and prosocial behavior in timebanking: A perspective of trust transfer and social support theory. *Computers in Human Behavior*, 129.
12. Li, H., Li, W., & Li, R. (2020). Research on future pension models in China: Empowering "time banks." *World of Management*, 3.
13. Lin, X., et al. (2019). Enhancing generalized exchange economies with blockchain: A case study of timebanking. *IEEE Blockchain Technical Briefs*.
14. Molnar, S. (2011). Time matters: Challenges and achievements of a Swedish timebanking initiative. *International Journal of Community Currency Research*, 15(A).
15. Seyfang, G. (2003). Building cohesive communities through mutual aid: Social exclusion, active citizenship, and timebanks. *International Journal of Urban and Regional Research*, 27(3).
16. Shi, P. K., et al. (2015). Unequal time for unequal value: Implications of differences in participation motivation for timebanking. In *Proceedings of the 33rd Annual ACM Conference on Human Factors in Computing Systems* (pp. 1–10). New York: Association for Computing Machinery.
17. Taherzadeh, A. L. (2018). Alternative currency for education: A comparative study of learning practices in timebanks [Master's thesis]. Stockholm University.
18. Wang, Y. (2017). Practical and institutional research on elderly mutual aid services through "time banks" in China. *Social Construction*, 1.
19. Yuan, C. W., et al. (2018). Is there social capital in service exchange tools? A study of timebanking use and social capital development. *Computers in Human Behavior*, 81.
20. Yuan, C. W., et al. (2019). Evaluating the use and coordination of timebanking: Implications for service exchange tools. *Information Technology & People*, 32(2).

Досуговые практики студенческой молодежи в зеркале цифровизации

Васильева Елена Николаевна,

доктор социологических наук, доцент ВАК, профессор кафедры социально-культурной деятельности, преподаватель, Тюменский государственный институт культуры
E-mail: vasilievatyumen@gmail.com

Короткова Ксения Валерьевна,

магистрант, Тюменский государственный институт культуры
E-mail: ksenia.kkmail@gmail.com

Актуальные реалии современности, переход к цифровым технологиям вносят значительные изменения в досуговые практики студенческой молодежи. Проблемы эффективной организации досуга молодежи стали универсальными вопросами существования и развития цифровых услуг, подчеркивающими важность осознанного подхода к использованию свободного времени в новых социокультурных условиях. Опрос студенческой молодежи г. Тюмени, а также анализ вторичных исследований региональных культурных практик выявили противоречие между досуговыми потребностями студентов, их заинтересованностью в цифровых культурных продуктах и возможностями их удовлетворения региональными учреждениями культуры. Решению обозначенной проблемы может способствовать разработка стратегии развития цифрового потенциала досуговых практик студенчества с использованием инновационных подходов, направленная на разработку цифровых продуктов и услуг с учетом досуговых предпочтений молодежи.

Ключевые слова: цифровизация, досуг, досуговые практики, цифровые технологии, студенческая молодежь, досуговые предпочтения.

Цифровая стихия охватила все сферы жизни общества и все слои населения, привела к возникновению новых тенденций и в сфере досуга, формах его проведения и организации, трансформируя досуговые предпочтения людей.

В актуальных исследованиях досуг все больше осмысливается как важная социокультурная категория в жизни общества, обширная область социально-культурного взаимодействия, в которой реализуется творческий и духовный потенциал людей [9].

Особенно чувствительной к цифровым досуговым трансформациям оказалась студенческая молодежь как наиболее активная и динамичная часть общества, отражающая в своих характеристиках общие социальные и психологические особенности, обусловленные уровнем социально-экономического и культурного прогресса, а также специфическими аспектами социализации. Именно в период социализации «для молодых людей ключевое значение имеет досуговая сфера, так как именно в ней удовлетворяется большинство социокультурных потребностей молодых людей. Данная область характеризуется свободой действий личности благодаря самостоятельному выбору молодыми людьми форм, мест и времени проведения досуга» [1, с. 34].

Цифровые технологии становятся важным инструментом удовлетворения досуговых потребностей, предлагая расширение диапазона досуговых практик. Интернет, мобильные приложения, социальные сети, видеоигры и многое другое, превращаются в основные платформы организации досуга. Студенческая молодежь использует онлайн-платформы не только для отдыха, развлечений, но и как пространство для самосовершенствования индивидуальности, проявления ее истинной сущности и способностей, как возможность для самореализации и актуализации внутреннего «я», как сферу формирования личностных и гражданских качеств, как платформу для расширения культурных горизонтов и обмена духовными ценностями [9]. Интерактивность и персонализация становятся ключевыми факторами, предоставляя пользователям возможность выбирать контент и управлять им.

В новых условиях жизни цифровые технологии определяют наиболее важные черты досуга, которые как положительно, так и негативно воздействуют на личность молодых людей, активно трансформируя досуговые практики. С одной стороны, цифровые технологии обеспечивают доступ к большому объему информации и развлечений, тем самым расширяя возможности для самообразования и творческой реализации, развивая студенческие сообщества, предлагая новые форматы образовательного и познавательного досуга, которые позволяют студентам продолжать обучение вне университета, углублять свои знания в интересующих областях и совершенствовать полезные навыки [6]. С другой – способствуют информационной перегрузке, зависимости от гаджетов и снижению уровня реальных социальных контактов, слиянию виртуальной и реальной жизни, клиповому мышлению и др.

Вызовы и риски воздействия «цифры» на сферу досуга анализируются в контексте междисциплинарного дискурса, где особое внимание уделяется проблеме осознанного подхода к использованию свободного времени

с учетом баланса и компромисса, эффективной организации досуга. В рамках научных дискуссий ведущим, на наш взгляд, является тезис о том, что «в «цифровой цивилизации» технологии должны служить человеку, а не подменять его, приоритетом должно стать сохранение и развитие индивидуальности каждого человека как условие выживания человечества в целом» [3, с. 34]. В данном ключе, осмысливая возможную стратегию повышения адаптивности досуговых практик студенчества к сложившейся ситуации, справедливо обратиться к высказыванию Э.Тюффлера, утверждающему, что «обществу нужны новые институты и организационные формы, новые буфера и регуляторы равновесия» [7, с. 188–189].

Все вышесказанное требует особого внимания к организации досуговых практик, требующих участия специалистов сферы культуры. Понимание досуговых практик как целенаправленных процессов подразумевает, что их основная функция заключается в развитии интересов и приобщении студенчества к конкретным культурным нормам и паттернам через активный отдых, развлечения, взаимодействие и различные формы креативной деятельности.

В недавнем времени правительством предприняты попытки упорядочивания ситуации посредством включения в Нацпроект «Культура» Федерального проекта «Цифровая культура», утвержденного Указом президента РФ № 474 от 21.07.2020 «в рамках обозначения национальных целей развития страны, которых необходимо достичь до 2030 г.» [8].

Одним из ключевых целевых индикаторов Федерального проекта является увеличение числа обращений к цифровым ресурсам в сфере культуры и увеличение охвата молодежной аудитории Интернет-контентом, направленным на укрепление гражданской идентичности и духовно-нравственных ценностей [4].

Несомненно, Федеральный проект является фактором развития досуговых предпочтений студенческой молодежи, поскольку обеспечивает молодежи участие в знаковых федеральных и региональных культурных мероприятиях посредством интернета и инновационных цифровых технологий (онлайн-трансляции мероприятий, виртуальные концертные залы, мультимедиа-гиды по экспозициям и выставочным проектам и др.), возможности творческого развития и самореализации в современных учреждениях культуры, а также более широкий доступ к культурным ценностям, а также проектам, носящим образовательный и просветительский характер, направленным на популяризацию научных знаний.

Региональный аспект в данном контексте представляет важный ракурс для анализа, поскольку различные регионы могут по-разному воспринимать и адаптировать цифровые технологии в условиях культурно-досуговой деятельности, что влияет на трансформацию предпочтений и досуговых практик студенческой молодежи, созданию привлекательных и полезных цифровых культурных продуктов.

Тем не менее сложные отношения между реальной и электронной идентичностью заставляют обратить внимание на то, как цифровые технологии воспринимаются современным студенчеством, какое влияние они оказывают на досуговые практики и предпочтения молодых людей.

Материал и методы исследования

Эмпирическая база статьи включает результаты вторичного анализа данных исследований, близких к теме статьи, а также онлайн-опроса, проведенного в октябре – ноябре 2024 г. В онлайн-опросе (с использованием сете-

вой выборки) участвовали студенты колледжей и вузов г. Тюмени (n=200) в возрасте от 18 до 22 лет. Цель исследования – выявить отношение студенческой молодежи к цифровым технологиям в досуговых практиках и их использованию региональными учреждениями сферы культуры. Вопросы анкеты позволили проанализировать мнения студентов о влиянии цифровых технологий на современное общество и жизнедеятельность молодых людей, их психоэмоциональное состояние; раскрыть формы и содержание «цифровых» досуговых практик студенчества, а также степень удовлетворенности цифровыми проектами (мероприятиями) учреждений сферы культуры города Тюмени.

Результаты исследования

Исследование показало, что 50,5% респондентов отметили неоднозначность влияния цифровых технологий на общество, осознавая как положительное, так и отрицательное воздействие цифровизации на общество. Тем не менее значительная доля респондентов оценивает влияние цифровых технологий как положительное, считая их важной и неотъемлемой частью своей жизни (48%), лишь небольшая часть респондентов (1,5%) отметила отрицательное влияние.

Явную зависимость от цифровых технологий испытывает 24,5% студентов, осознают свою зависимость – 70%. Не считает себя зависимым только 5,5% опрошенных. Высокий уровень осознания зависимости от цифровых технологий может указывать на понимание рисков, связанных с чрезмерным использованием гаджетов. Данные показатели подтверждают необходимость развития в молодежной среде программ по цифровой гигиене, способствующих осознанному использованию технологий для улучшения психоэмоционального состояния и поддержания здоровых привычек.

Преимущество использования цифровых технологий студенты видят в расширении возможностей для отдыха и развлечений (63,5%). 58,5% студентов выбрали вариант «мотивируют к самообразованию» и «интегрируют в социум и различные комьюнити» (58%).

К негативным аспектам использования цифровых технологий респонденты отнесли: рассеивание внимания (60,5%), множественные фейки и дезинформацию (49%), привычку регулярно проверять уведомления и социальные сети (46%), вред для здоровья (44,5%), сокращение личного взаимодействия (27,5%). В меньшей степени студентов тревожит кибербуллинг (6%) и игромания (7,5%). 79,5% опрошенных выразили согласие с тем, что цифровые технологии скорее улучшают качество их досуга, предлагая широкий спектр возможностей для его проведения.

В настоящее время наиболее популярной формой досуга с применением «цифры» у студентов является просмотр фильмов, сериалов и другого видеоконтента (93%), на втором месте – «прослушивание музыки» (74%), «онлайн-шопинг» (54%). Высокими показателями также отмечены «компьютерные игры» (47,5), «саморазвитие и самообразование» (47,5), «чтение электронных книг» (44,5%), «создание цифрового искусства» (33%), «онлайн тренировки и фитнес» (27%).

Современная студенческая молодежь ежедневно использует цифровые технологии в сфере досуговой деятельности (92,5%), причем их значимость постоянно растет. 80% участников опроса подтвердили, что роль цифровых технологий в их досуге за последние 3 года повысилась.

Ведущими факторами трансформации досуговых практик студенты считают «доступность цифровых

технологий» и «потребность в новизне» (73%), «моду и тренды» (42,5%), «возможность делиться контентом с окружающими» (49%), «возможность самоидентификации и самореализации» (40%).

Самыми популярными цифровыми платформами и сервисами для студентов являются компьютеры, смартфоны и прочие гаджеты (94,5%), социальные сети или мессенджеры (80,5%), мобильные приложения (71%), нейросети и ИИ (искусственный интеллект) (51,5%).

Вопрос о том, испытывают ли студенты чувство вины или тревоги из-за чрезмерного использования цифровых технологий в свободное время, разделил респондентов на две практически равные группы: ответ «да» выбрало 24%, «скорее да» 23,5%, «скорее нет» 29% и «нет» 23,5%. Результаты демонстрируют понимание большинством молодых людей бесполезного нахождения в виртуальных мирах, проявления ими цифрового гедонизма, что может быть обусловлено «не только стремлением молодых людей к получению удовольствия посредством виртуальной среды, но и формированием такого мировоззрения, при котором утрачивается интерес к реальной жизни с ее объективными сложностями, интересом к содержательному труду» [5, с. 53]. Виртуальные цифровые занятия, вероятно, не воспринимаются серьезно самими респондентами как деятельность, поскольку не имеют физических проявлений. Чрезмерное использование цифровых технологий также усугубляется психоэмоциональными проблемами, что негативно влияет на самооценку и общее самочувствие студентов. Однако 52,2% опрошенных отметили, что цифровые технологии в досуговой деятельности иногда помогают им расслабиться. Таким образом, подтверждается тезис о желании студентов прибегнуть к эскапизму благодаря цифровым мирам.

Интерес продемонстрировали респонденты к цифровым социокультурным мероприятиям/проектам региональных учреждений культуры (51%). К преимуществам применения цифровых технологий в культурно-досуговой сфере студенты отнесли «развитие креативных и творческих навыков» (63%), «расширение и распространение горизонтов культуры» (52,5%), «формирование любознательности, формирование навыков применения медиа» (37,5%), «стимулирование творчества» (37%).

В учреждениях культуры особенно привлекательны для студентов мобильные приложения с расписанием мероприятий, онлайн-билетами и интерактивными картами (53%), подкасты и аудиогиды (42,5), онлайн-игры и квесты (37,5), интерактивные инсталляции и выставки (36,5%), внедрение ИИ (32%), интерактивные web-сайты с мультимедийным контентом (30,5%). Результаты демонстрируют тенденцию к модернизации деятельности культурно-досуговых учреждений с применением цифровых технологий. Тем не менее 69,5% студентов только при необходимости пользуются цифровыми сервисами культурных учреждений Тюмени (например, только для покупки билетов). Никогда не пользуется услугами 12% опрошенных.

53% респондентов считает, что цифровые технологии в культурно-досуговой сфере г. Тюмени развиты на среднем уровне. Такую ситуацию нельзя считать вполне благополучной с точки зрения удовлетворения современных досуговых потребностей молодых людей. Студенты считают привлекательными мероприятия учреждений культуры города, которые используют цифровые технологии (66%). Мультимедийные культурно-досуговые мероприятия посещали лишь 56% опрошенных. Чаще всего такие мероприятия проводятся в музеях

(52,5%) и молодежных пространствах (47,5%). Несмотря на относительно высокую привлекательность цифровых форматов, фактическое посещение мультимедийных мероприятий значительно ниже, что может объясняться недостатком разнообразия и невысоким качеством предлагаемых программ.

Таким образом, результаты опроса показали существенное воздействие цифровых технологий на трансформацию досуговых практик студенческой молодежи, что выражается в изменении форматов, предпочтений и социальных взаимодействий в сфере досуга.

Анализ вторичных исследований региональных культурных практик подтвердил парадоксальность выявленной ситуации: несмотря на наличие инновационных форматов, реализующихся в Тюменском регионе, инвестиции в создание цифровых культурных ресурсов [2], студенческая молодежь, являющаяся целевой аудиторией многих подобных инициатив, демонстрирует низкий уровень вовлеченности и интереса к этим форматам. Существующие возможности региональной сферы культуры в настоящее время не обеспечивают воздействие и влияние на изменения региональных досуговых практик студенческой молодежи, поскольку реализуются на основании общеэкономического вектора страны и часто направлены на общую цифровизацию отрасли.

Разрозненные и редкие попытки внедрения цифровых технологий в культурную жизнь региона не связаны между собой общей концепцией, что приводит к фрагментации ресурсов и отсутствию синергетического эффекта. Создаваемые в учреждениях web-сайты, мобильные приложения (они как правило отсутствуют вовсе) и онлайн-платформы зачастую страдают от низкого качества контента, неудобного интерфейса и отсутствия интерактивности, что делает их неконкурентоспособными по сравнению с популярными международными платформами, предлагающими широкий спектр развлечений и информации.

В свою очередь, студенческая молодежь, будучи поколением цифровых аборигенов, ожидает от цифровых культурных платформ не просто пассивного потребления информации, а возможности активного участия, творчества и социального взаимодействия. Предлагаемые региональные цифровые проекты зачастую не соответствуют этим ожиданиям, оставаясь неинтересными и неактуальными для современной студенческой аудитории. Проблема усугубляется отсутствием всестороннего анализа потребностей и предпочтений студенческой молодежи, обратной связи, что лишает региональные инициативы по цифровизации культуры шансов на успех.

Таким образом, досуговые практики студенческой молодежи под влиянием цифровых технологий претерпевают значительные изменения, что требует пересмотра существующих подходов к цифровизации региональной культуры. Ключевым решением, на наш взгляд, является разработка единой согласованной стратегии развития цифрового потенциала региональных досуговых практик студенческой молодежи, приоритетными направлениями которой должны стать: создание единого культурно-цифрового пространства для студенческой молодежи; модернизация и развитие культурного потенциала студенческой молодежи, создание условий и возможностей для их всестороннего развития, творческой самореализации, непрерывности самообразования; тиражирование культурно-исторического регионального наследия посредством цифровых технологий; расширение сотрудничества учебных заведений города и учреждений культуры в организации и реализации совместных образовательных и творческих проектов с максимальным использованием потенциала web-сайтов и соци-

альных сетей для привлечения студенческой аудитории и удовлетворения их потребностей; объединение усилий органов власти, учреждений культуры, образовательных учреждений и самой студенческой молодёжи, ориентированных на создание высококачественных, интерактивных и привлекательных цифровых культурных продуктов, приобщающих к богатым культурным ценностям региона и страны в целом.

Литература

1. Бородина, А.В. Цифровизация практик досуга молодых россиян и ее социальные последствия / А.В. Бородина, А.С. Тихонова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 11. – С. 33–40.
2. Департамент культуры Тюменской области: сайт. – URL: <https://depkult.admtymen.ru/?ysclid=m4mzq4yjwa438933810> (дата обращения: 03.02.2025).
3. Захарова, Л.Н. Человек цифровой как конец цивилизации? / Л.Н. Захарова // Вестник Тюменского государственного института культуры. – 2019. – № 4(14). – С. 34. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45479689&ysclid=m4mglnbcp1576282049> (дата обращения: 10.02.2025).
4. Карташева, Н.С. Цифровая трансформация в сфере культуры и искусства // Центр оценки и кадрового развития специалистов в области цифровой трансформации ВШГУ РАНХиГС. – 2023. – URL: <https://cdto.work/2023/04/27/cifrovaja-transformacija-v-sfere-kultury-i-iskusstva/> (дата обращения: 02.03.2025).
5. Мигунова, Ю.В. Особенности влияния виртуального пространства на современную молодежь / Ю.В. Мигунова // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 11. – С. 53.
6. Осипчукова, Е.В. Организация работы с молодёжью: введение в специальность: учебное пособие / Е.В. Осипчукова, А.В. Пономарев; [под общ. ред. А.В. Пономарева]; Министерство науки и высшего образования РФ. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета. – 2021. – 228 с.
7. Тоффлер, Э. Шок будущего: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 557 с.
8. Этчуэ К.И.О. Национальный проект «Цифровая культура» и влияние цифровых технологий на современное общество // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 8. С. 64–69. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyy-proekt-tsifrovaya-kultura-i-vliyanie-tsifrovyyh-tehnologiy-na-sovremennoe-obschestvo5> (дата обращения: 01.03.2025).
9. Ярошевич, Т.М. Досуг: теоретические аспекты, структура, содержание / Т.М. Ярошевич // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – С. 57–61. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dosug-teoreticheskie-aspekty-struktura-soderzhanie> (дата обращения: 02.02.2025).

LEISURE PRACTICES OF STUDENTS IN THE MIRROR OF DIGITALIZATION

Vasilyeva E.N., Korotkova K.V.
Tyumen State Institute of Culture

The current realities of our time and the transition to digital technologies are making significant changes in the leisure practices of students. The problems of effective organization of youth leisure have become universal issues of the existence and development of digital services, emphasizing the importance of a conscious approach to the use of free time in new socio-cultural conditions. Survey of student youth in Tyumen, as well as an analysis of secondary studies of regional cultural practices revealed a contradiction between the leisure needs of students, their interest in digital cultural products and the possibilities of their satisfaction by regional cultural institutions. The development of a strategy for developing the digital potential of leisure practices of students using innovative approaches aimed at developing digital products and services taking into account the leisure preferences of young people can contribute to solving this problem.

Keywords: digitalization, leisure, leisure practices, digital technologies, student youth, leisure preferences.

Reference

1. Borodina, A.V. Digitalization of Leisure Practices of Young Russians and Its Social Consequences / A.V. Borodina, A.S. Tikhonova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2021. – No. 11. – P. 33–40.
2. Department of Culture of the Tyumen Region: website. – URL: <https://depkult.admtymen.ru/?ysclid=m4mzq4yjwa438933810> (date of access: 03.02.2025).
3. Zakharova, L.N. Digital Man as the End of Civilization? / L.N. Zakharova // Bulletin of the Tyumen State Institute of Culture. – 2019. – No. 4 (14). – P. 34. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45479689&ysclid=m4mglnbcp1576282049> (date of access: 10.02.2025).
4. Kartasheva, N.S. Digital transformation in the field of culture and art // Center for assessment and personnel development of specialists in the field of digital transformation of the Higher School of Public Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. – 2023. – URL: <https://cdto.work/2023/04/27/cifrovaja-transformacija-v-sfere-kultury-i-iskusstva/> (date of access: 02.03.2025).
5. Migunova, Yu.V. Features of the influence of virtual space on modern youth / Yu.V. Migunova // Theory and practice of social development. – 2021. – No. 11. – P. 53.
6. Osipchukova, E.V. Organization of work with youth: introduction to the specialty: study guide / E.V. Osipchukova, A.V. Ponomarev; [under the general editorship of A.V. Ponomarev]; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. – Yekaterinburg: Ural University Publishing House. – 2021. – 228 p.
7. Toffler, E. Future Shock: Trans. from English / E. Toffler. – M.: ООО «AST Publishing House», 2002. – 557 p.
8. Etchue K. I.O. National project “Digital Culture” and the influence of digital technologies on modern society // Society: politics, economics, law. 2024. No. 8. P. 64–69. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyy-proekt-tsifrovaya-kultura-i-vliyanie-tsifrovyyh-tehnologiy-na-sovremennoe-obschestvo5> (date of access: 01.03.2025).
9. Yaroshevich, T.M. Leisure: theoretical aspects, structure, content / T.M. Yaroshevich // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2014. – P. 57–61. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dosug-teoreticheskie-aspekty-struktura-soderzhanie> (date of access: 02.02.2025).

Социально-философский анализ научного потенциала молодых ученых: региональный опыт

Коготыжева Алина Кушбиевна,

ассистент кафедры теории и технологии социальной работы, аспирант, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: alino.kogo@mail.ru

Макоева Залина Ауесовна,

к.с.н., доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: zalinka79@mail.ru

Шоранова Залина Владимировна,

к.и.н., доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: pazalina@mail.ru

В соответствии с современными вызовами в Кабардино-Балкарской Республике (далее КБР), трансформируется научная деятельность и ее корреляция со всеми сферами общественной жизни. Главной задачей выступает – привлечение молодежи в сферу исследований и популяризация научного знания. В данной статье реализована попытка определить вектор развития современной науки и ее особенности в руках молодых ученых Кабардино-Балкарии на примере высшей школы. Работа построена на анализе работ докладчиков конференции – «Стратегическая сессия молодых ученых Кабардино-Балкарии – 2024». Автором критически проанализированы ключевые идеи и подходы, предложенные участниками, посвященные рассмотрению инновационных мер по повышению привлекательности научной сферы для молодежи и механизмов успешного интегрирования ВУЗа в приоритетные для СКФО направления развития. В результате обозначены перспективы развития научной сферы в КБР, а также всевозможные проблемы, препятствующие активной исследовательской деятельности и способы их решения.

Ключевые слова: молодежь, наука, активизм, инновации, исследования, политика, государство, высшая школа, КБР.

Переходя к понятию «научного потенциала», проведем его всесторонний анализ. Опираясь на синергетический подход к изучению понятий «знание» и «познание», мы четко видим конструкцию сложных систем, которые модифицируются под воздействием множества факторов: социальных, культурных, исторических, которые влияют на их формирование и развитие. Синергетичность парадигмы любого научного знания как в стадии его становления, так и в нормативный период существования, по Куну управляет не областью исследования, а группой ученых-исследователей [9].

Материалы научно-практической конференции – «Стратегическая сессия молодых ученых Кабардино-Балкарии – 2024», а также комплексный разбор множества научных методических работ опытных педагогов и различных ученых констатируют, что спектр подходов к понятию «научного потенциала», и факторов влияющих на него достаточно широк. Остановившись подробнее на процессе просвещения, важно отметить, что данное понятие имеет множество интерпретаций и подходов, которые развивались на протяжении времени и варьировались в зависимости от культурного, исторического и философского контекста.

Исходя из социально-философского подхода и обращаясь к Иммануилу Канту, вспомним, что он определял просвещение как выход человека из состояния несамостоятельности. Он подчеркивал важность разума и критического мышления, утверждая, что «просвещение – это освобождение от неосознанности».

Сам процесс «просвещения» можно рассматривать и со стороны этики. Так называемая нравственная образованность не является вторичной, а играют важную роль в становлении личности обучающегося. Именно под воздействием учебного процесса закладывается базис нравственного образования студента, а потом и юного исследователя. Здесь, подчеркивается роль педагога в формировании нравственного фундамента и важность его воспитательного воздействия.

Эпоха Возрождения и Новое время стали периодом значительных изменений в понимании знания. Рене Декарт, например, предложил метод сомнения и дедукции, который стал основой научного метода. Он утверждал, что истинное знание должно быть основано на ясных и отчетливых идеях. В XVII веке знание начало рассматриваться как результат научного исследования, основанного на эксперименте и наблюдении. В современной философии знание продолжает быть предметом интенсивных исследований. Были предложены различные теории знания, такие как эмпиризм, рационализм, конструктивизм и релятивизм. Знание теперь рассматривается не только как отражение реальности, но и как продукт социальных, культурных и исторических факторов, о которых говорилось выше.

Формирование отдельной отрасли философского знания как философия образования послужило обоснованию множества подходов, рассматривающих как философские идеи влияют на образовательные практики и как образование может способствовать развитию человека и общества. Разнообразие подходов не ограничивается практическим и прогрессивным, автором кото-

рого является Джон Дьюи. Он считал, что образование должно быть активным процессом, основанным на опыте. Важно владеть не только теорией, но и закреплять полученные знания в процессе обучения на практике.

Марион К.В. Тейлор в своем эмпирическом и конструктивистском подходе акцентировала внимание на том, что обучение должно быть основано на интересах и потребностях учащихся. Она поддерживала идеи конструктивизма, утверждая, что знания формируются через опыт и взаимодействие с окружающим миром. Тейлор подчеркивала важность создания поддерживающей и стимулирующей образовательной среды.

Жан Пиаже в психологический и конструктивистском подходе, исследовал, как дети развивают свои когнитивные способности и как они учатся. Он считал, что образование должно учитывать стадии когнитивного развития ребенка и способствовать активному обучению через исследование и открытие. Пиаже подчеркивал важность взаимодействия между детьми и их окружением для формирования знаний.

Научно-педагогические основы исследований о педагогической мысли и высшей школе заложены у многих отечественных авторов: К.Д. Ушинского, А.С. Макаренко, Н.Н. Поддьякова, Т.А. Михайлова, Л.И. Новиковой, В.А. Слостенина, А.Н. Левченко, И.А. Зимней, С.А. Кравцова, А.В. Дубровина и В.А. Сухомлинского и т.д.

Сфера образования в современном мире стремительно преобразуется, трансформируются ее масштабы. Меняется сама наука, ее методологический инструментарий, ее характер и тесная связь с практикой. Не смотря на множество метаморфоз, оказывающих воздействие на генезис образования как социального института в современных реалиях, каждый ученый, исходя из своей предметной области по-своему трактует категорию «образование». Таким образом, имеется большое количество подходов к изучению высшей школы и отечественного просвещения.

К примеру, Жуков В.И. считает: «Российское образование всегда носило духовный, нравственный характер» [3], а говоря о высшей школе Жуков В.И. определяет ее следующим образом: «...университет – состязание интеллектов, борьба за лидерство, где приз один – истина, в стремлении к которой не может быть бюрократических ограничений и административных притеснений» [3]. Действительно, конкурентоспособность в научно-исследовательской деятельности молодежи выступает одним из важнейших стимулов для побуждения к эффективной деятельности в научной сфере, а в ВУЗе является отличным видом мотивации в учебном процессе.

Сегодня знание становится всё более доступным благодаря развитию информационных технологий и средств массовой коммуникации. Это приводит к трансформации знания в науку, которая становится более открытой, доступной и интерактивной. Образование также претерпевает изменения, становясь более гибким, разнообразным и ориентированным на индивидуальные потребности обучающейся молодежи.

С каждым днем молниеносно увеличивается количество факторов, влияющих на трансформацию научной сферы нашей жизни. Но значение ВУЗа в жизни молодого человека становится с каждым днем только весомее, так как он выполняет ключевую роль в становлении и реализации научного потенциала молодого поколения, дает «почву» для дальнейших точек роста юного исследователя.

Как отдельной социально-демографической группе, молодежи характерны специфические поведенческие паттерны, которые априори влияют на генезис ее функций в обществе. Общество, в свою очередь предостав-

ляет молодежи возможность социального становления, активизации личностного роста и участия в определённых сферах жизни общества. Ежегодно в нашей стране уделяется значительное внимание проблемам образования и науки, патриотического воспитания молодежи, а также защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти.

Молодежная политика КБР остается приоритетным направлением деятельности Главы КБР Казбека Кокова и Правительства региона. Республика располагает несколькими высшими учебными заведениями и научными центрами, которые предоставляют молодым ученым возможности для обучения и исследований [7].

Понятие и суть трансформации ценностей и ценностных ориентаций молодежи, существующих в современной науке, обозначены подробно в трудах А.В. Серого, М.С. Яницкого [8, 10].

Несмотря на ряд вызовов, с которыми современное образование сталкивается на Кавказе, включая недостаток ресурсов, устаревшие методики преподавания и проблемы с доступом к качественному образованию в отдалённых районах, наблюдаются и положительные тенденции. Ими выступают: рост интереса к высшему образованию у нынешней молодежи, развитие новых образовательных программ и инициатив, направленных на интеграцию современных технологий в образовательный процесс.

На сегодняшний день Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова (Далее КБГУ) – это одно из ведущих высших учебных заведений на Северном Кавказе, расположенное в Нальчике, столице Кабардино-Балкарской Республики. Университет был основан в 1957 году и с тех пор стал значимым центром образования, науки и культуры в регионе. Университет участвует в международных научных проектах и сотрудничает с другими учебными заведениями и исследовательскими центрами. КБГУ играет важную роль в социально-экономическом развитии Кабардино-Балкарской Республики. Университет готовит специалистов, востребованных на рынке труда, и способствует развитию местной экономики. Ежегодно выпускается до 2 тысяч специалистов, которые активно работают в различных сферах, включая образование, здравоохранение, государственное управление и бизнес [5].

Одной из миссий КБГУ является устойчивое социально-экономическое развитие Кабардино-Балкарской Республики и всего Северного Кавказа. Университет активно занимается научной деятельностью, исследуя актуальные проблемы региона и разрабатывая инновационные решения. Это включает в себя исследования в области экологии, экономики, социологии и других дисциплин, что помогает находить пути для устойчивого развития [4, с. 6].

В 2024 году в вузе были успешно интегрированы следующие направления деятельности:

1. Внедрение программы, направленной на оказание помощи начинающим исследователям и педагогам.
2. Формирование благоприятной среды для эффективного совершенствования навыков и переквалификации работников и всех заинтересованных лиц.
3. Продолжение развития проекта «Точка кипения» – формирование площадок для совместной деятельности, где студенты, преподаватели, сотрудники вуза организуют и участвуют в образовательных, научных и бизнес-мероприятиях.

Научная сфера становится все популярнее для представителей молодежи разных возрастных когорт.

В своей образовательной практике КБГУ делает акцент на важности фундаментальных знаний, развитии непрерывного и доступного образования с активным применением информационных технологий. Университет стремится к созданию образовательной среды, отвечающей потребностям современного информационного мира, основываясь на принципах гуманизации и расширения гуманитарных аспектов в образовании. Использование современных информационных технологий является ключевым элементом для обеспечения доступности и гибкости обучения.

В современном глобализирующемся мире высшее образование все больше укрепляет свою важную роль. Для молодого человека высшее образование дает больше шансов получить высокооплачиваемую работу, построить желаемую карьеру. Является инструментом для развития глубокого критического мышления, навыков рассуждения, которые будут способствовать личностному росту молодежи (Рис. 1).

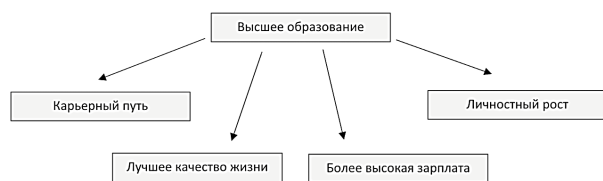

Рис. 1. Роль высшего образования для молодежи

Научно-исследовательская деятельность университета не ограничивается участием в конференциях и научно-исследовательской работой. Студенты и преподаватели активно принимают участие в разработке и реализации стартапов, научных разработок и проектов, которые могут быть полезны для экономики региона и решать плеяду проблем.

Одной из таких возможностей выступает внутренний грант, который может быть как исследовательским, так и целевым. Руководство фондом по грантам университета осуществляет проректор по НИР, а организационную работу по подбору кандидатов – Управление научных исследований и инновационной деятельности (УНИИД). С помощью данной возможности молодые ученые могут внести вклад в развитие научного потенциала университета [6].

Общая численность молодых ученых в КБГУ на 2024 год насчитывает 416 человек (табл. 1).

Таблица 1. «Численность аспирантов в КБГУ им. Х.М. Бербекова на 2023–2024 гг.»

	2023	2024
Численность аспирантов, чел.	328	312
До 39 лет	281	287
До 35 лет	259	264
По очной форме обучения	202	224
На бюджетной основе	92	98
Количество защит кандидатских диссертаций соискатели до 39 лет	5	6

В 2024 году 32 магистранта и аспиранта работают в научных проектах КБГУ (гранты, госзадания, договоры НИОКР).

Важным стимулированием и поощрением научной деятельности молодых ученых являются стипендиальные программы, которые достаточно обширны (табл. 2).

Таблица 2 «Вариация стипендиальных программ в КБГУ им. Х.М. Бербекова»

Стипендиальные программы	2023 г. чел.	2024 г. чел.
Премия Главы КБР 100 000, 0 / раз.	1	2
Академическая стипендия, 4400,0 / мес.	26	20
Академическая стипендия, 10 360,0 руб./мес.	68	60
Стипендия Президента РФ, 14000,0 руб./мес.	1	1
Стипендия Главы КБР, 10 000,0/мес.	2	2
Именные стипендии 4220,0 руб./мес.	3	3

Подводя итог вышесказанному, мы четко видим разнообразие различных стимулирующих программ на базе КБГУ, которые действительно являются мотивирующими факторами для молодых ученых.

Молодые люди – это будущее нашего общества, и именно они будут принимать решения, которые повлияют на нашу жизнь в ближайшие десятилетия. Молодежь должна быть готова к вызовам, которые стоят перед ней, и быть способной адаптироваться к быстро меняющемуся миру.

На сегодняшний день важно выстраивать траектории профессионального роста для аспирантов и молодых ученых с позиции организаций, на базе которых проходит подготовка исследователей. Это важно, что бы молодой исследователь понимал чем он будет заниматься в будущем и чего хочет добиться в научной сфере.

Таким образом, опираясь на опыт КБР, мы можем выделить следующие факторы, влияющих на формирование научного потенциала молодых ученых (табл. 3).

Таблица 3 «Факторы, влияющие на реализацию научного потенциала молодого поколения»

Факторы	Влияние на реализацию научного потенциала молодого поколения
Развитие инфраструктуры	Создание новых научных центров, лабораторий, технопарков, что способствует развитию научной деятельности и привлечению талантливых специалистов.
Международное сотрудничество	Активное сотрудничество с другими странами в области науки и технологий, обмен опытом и знаниями способствует интеграции российской науки в мировое научное сообщество и повышению её конкурентоспособности.
Цифровизация	Внедрение цифровых технологий в научную сферу позволяет ускорить процессы исследований, анализа данных и обмена информацией. Это также способствует более эффективному использованию ресурсов и повышению качества научных работ.
Подготовка кадров	Подготовка и переподготовка научных кадров, созданию условий для профессионального роста и развития учёных. Это обеспечивает приток молодых талантливых специалистов в науку.
Интеграция науки и образования	Научные исследования тесно связаны с образовательными программами, что позволяет готовить квалифицированных специалистов, способных решать актуальные задачи в различных областях науки и техники.

Факторы	Влияние на реализацию научного потенциала молодого поколения
Коммерциализация научных разработок	Активное развитие процесса коммерциализации научных разработок способствует внедрению новых технологий и продуктов на рынок, а также привлечению инвестиций в научную сферу.
Повышение престижа науки	Государство и общество уделяют большое внимание популяризации науки, повышению её престижа и привлекательности для молодёжи. Это способствует формированию позитивного образа учёного и развитию интереса к научным исследованиям.
Изменение структуры научных исследований	Переориентация научных исследований на приоритетные направления, такие как информационные технологии, биотехнологии, медицина, энергетика и другие. Это позволяет сконцентрировать усилия на наиболее перспективных областях и достичь значительных результатов.
Государственная поддержка	Правительство России активно поддерживает научные исследования и разработки, создавая благоприятные условия для развития науки. Это включает в себя финансирование научных проектов, предоставление грантов и субсидий, а также поддержку молодых учёных. Одним из эффективных стимулов является материальное вознаграждение в виде премий, стипендий и т.д.

Мероприятия, проводимые в целях популяризации науки, должны носить систематический, постоянный и целенаправленный характер, осуществляться объединенными усилиями органов государственной власти (Миннауки, Минпросвещения, Минкультуры, Минпромторг и др.), Российской академии наук, научно-исследовательских и образовательных учреждений [5].

Таким образом, научный потенциал молодых ученых в КБР представляет собой важный аспект развития региона, который включает в себя различные направления науки и технологий. Молодые исследователи в КБР активно участвуют в научной деятельности, что способствует не только их личностному и профессиональному росту, но и развитию экономики и общества в целом.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809
2. Жуков, В.И. Российские преобразования: социология, экономика, политика, 1985–2001 годы / В.И. Жуков. – Москва: МГСУ (университет), 2002. – 666 с. – ISBN 5-7139-0243-9. – Текст: непосредственный
3. Информационно-аналитический отчет о самообследовании – Текст: электронный // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» – 2024. – URL: https://kbsu.ru/wp-content/uploads/2024/04/otchet_o_samoobsledovanii_2024_analit_chast.pdf (дата обращения 20.02.2025)
4. Кабардино-Балкарский Государственный Университет им. Х.М. Бербекова – Текст: электронный // Организация «Global Education» – 2024. – URL: [https://welcometostudy.com/ru/higher-education/kabardino-](https://welcometostudy.com/ru/higher-education/kabardino-balkarskiy-gosudarstvennyy-universitet-im-hm-berbekova)

[balkarskiy-gosudarstvennyy-universitet-im-hm-berbekova](https://welcometostudy.com/ru/higher-education/kabardino-balkarskiy-gosudarstvennyy-universitet-im-hm-berbekova) (дата обращения 21.02.2025)

5. Журавлева, Е.В., Фурсов, С.В., Популяризация науки в современной России / Е.В. Журавлева, С.В. Фурсов – Текст: непосредственный // Журнальный клуб Интелпрос «Россия и современный мир», 2018. – № 4. – URL: <http://rossovmir.ru/files/195.pdf> (дата обращения 21.02.2025)
6. Положение о внутренних грантах федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «кабардино-балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» – Текст: электронный // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» – 2024. – URL: <https://kbsu.ru/wp-content/uploads/2024/12/polozhenie-po-vnutr.-grantam-.pdf> (дата обращения 20.02.2025)
7. Правительство Кабардино-Балкарской Республики: официальный сайт. – Нальчик. – Обновляется в течение суток. – URL: <https://pravitelstvo.kbr.ru/news/v-kabardino-balkarii-razvivaetsya-molodezhnaya-politika.html> (дата обращения 21.02.2025)
8. Серый, А.В. Ценностно-смысловая сфера личности: учебное пособие / А.В. Серый, М.С. Яницкий. – Кемерово, 1992–92 с. – Текст: непосредственный
9. Синергетика: перспективы, проблемы, трудности (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2006. – № 9. – с. 3–33.
10. Яницкий, М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система: монография / М.С. Яницкий. – Кемерово, 2000–204 с. ISBN: 5–202–01717–0 – Текст: непосредственный

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE SCIENTIFIC POTENTIAL OF YOUNG SCIENTISTS: REGIONAL EXPERIENCE

Kogotyzheva A.K., Makoeva Z.A., Shoranova Z.V.

Kabardino-Balkarian State University named after. Kh.M. Berbekova

In accordance with modern challenges, scientific activity in the region is being transformed. An important task is to attract young people into the field of research and popularize scientific knowledge. This article makes an attempt to determine the vector of development of modern science and its features in the hands of young scientists of Kabardino-Balkaria using the example of higher education. The work is based on an analysis of the works of the conference speakers – “Strategic session of young scientists of Kabardino-Balkaria – 2024”. The author critically analyzed the key ideas and approaches proposed by the participants, devoted to the consideration of innovative measures to increase the attractiveness of the scientific field for young people and mechanisms for the successful integration of the university into the priority areas of development for the North Caucasus Federal District. As a result, prospects for the development of the scientific sphere in the Kabardino-Balkarian Republic (KBR) are outlined, as well as all sorts of problems that impede active research activities and ways to solve them.

Keywords: youth, science, activism, innovation, research, politics, state, higher school, KBR.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 09.11.2022 No. 809
2. Zhukov, V.I. Russian transformations: sociology, economics, politics, 1985–2001 / V.I. Zhukov. – Moscow: MGSU (university), 2002. – 666 p. – ISBN 5-7139-0243-9. – Text: direct
3. Information and analytical report on self-assessment – Text: electronic // Ministry of Science and Higher Education of the

Russian Federation Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekova" – 2024. – URL: https://kbsu.ru/wp-content/uploads/2024/04/otchet_o_samoobsledovani_2024_analit_chast.pdf (date of access 02/20/2025)

4. Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov – Text: electronic // Organization "Global Education" – 2024. – URL: <https://welcometostudy.com/ru/higher-education/kabardino-balkarskiy-gosudarstvennyy-universitet-im-hm-berbekova> (date of access 02/21/2025)
5. Zhuravleva, E.V., Fursov, S.V., Popularization of science in modern Russia / E.V. Zhuravleva, S.V. Fursov – Text: direct // Journal club Intelros "Russia and the modern world", 2018. – No. 4. – URL: <http://rossovmir.ru/files/195.pdf> (date of access 02/21/2025)
6. Regulation on internal grants of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov" – Text: electronic // Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov" – 2024. – URL: <https://kbsu.ru/wp-content/uploads/2024/12/polozhenie-po-vnutr.-grantam-.pdf> (date of access 02/20/2025)
7. Government of the Kabardino-Balkarian Republic: official website. – Nalchik. – Updated within 24 hours. – URL: <https://pravitelstvo.kbr.ru/news/v-kabardino-balkarii-razvivaetsya-molodezhnaya-politika.html> (date of access 02/21/2025)
8. Gray, A.V. Value-semantic sphere of personality: textbook / A.V. Gray, M.S. Yanitsky. – Kemerovo, 1992–92 p. – Text: direct
9. Synergetics: prospects, problems, difficulties (materials of the round table) // Questions of Philosophy. – 2006. – No. 9. – pp. 3–33.
10. Yanitsky, M.S. Value orientations of personality as a dynamic system: monograph / M.S. Yanitsky. – Kemerovo, 2000–204 p. ISBN: 5–202–01717–0 – Text: direct

Ното есопотісус: развитие взглядов на проблемы экономического бытия личности в социальной философии

Ладькина Татьяна Александровна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
E-mail: ladykina@mail.ru

В статье исследованы различные философские концепции хозяйственного поведения человека. Рассмотрены подходы к экономическому бытию личности в рамках классической политической экономии, маржинализма, институционализма, теории постиндустриального общества. Автор демонстрирует эволюцию взглядов исследователей: от концепций человека как рационально действующего индивидуума к пониманию сложной, противоречивой, только ограниченно рациональной природы субъекта экономических отношений. А. Смит и маржиналисты характеризуют личность как разумную, логически мыслящую, стремящуюся к максимальному удовлетворению собственных материальных потребностей. Т. Веблен одним из первых указывает на значимость внеэкономических факторов в экономическом поведении. Качественные трансформации социальной реальности развитых стран в XXI непосредственно отразились на характере производства, труда, потребления человека, что привело к формированию нового типа Ното есопотісус, ставшего объектом анализа в теориях постиндустриального и постэкономического общества.

Ключевые слова: экономическое поведение, производство, потребление, труд, А. Смит, маржинализм, институционализм, Т. Веблен, теория постиндустриального общества.

Введение

В настоящее время человечество, принимая глобальные вызовы и связанные с ними возможные риски для будущего развития, остро переживает необходимость заново осмыслить многие стороны материальной и духовной жизни общества. В современном философском дискурсе продолжаются дискуссии о человеке, его внутреннем мире, ценностных ориентирах, о движущих мотивах и побуждениях, определяющих его поведение во многих областях деятельности, в том числе в сфере экономической жизни. При этом интерес к человеку как субъекту хозяйственных отношений испытывают не только экономисты. Однако социология, психология, история и другие науки, будучи сосредоточены на тех или иных аспектах данной проблематики, зачастую не способны генерировать целостного знания. Задача социальной философии, по нашему мнению, заключается в том, чтобы соединить мир повседневной практической жизни, многочисленные выводы отдельных научных подходов и школ с общим и глубоким пониманием смысла социального феномена экономического поведения людей.

Объектом исследования будут системы экономических отношений, формирующиеся в обществе на определенных этапах его развития. Предметом – «человек экономический», его представления, мотивы, способы действия. Цель статьи – проанализировать основные философские концепции хозяйственного поведения человека, продемонстрировать своего рода вехи в понимании сущности данного явления. Последовательное обращение к идеям мыслителей различных эпох позволяет отчетливо увидеть эволюцию философских позиций относительно целей, побудительных мотивов, способа действия «человека экономического».

Основные результаты

В «Исследовании о природе и причинах богатства народов» [12], опубликованном в 1776 году шотландским философом и экономистом Адамом Смитом (1723–1790 гг.) впервые в новоевропейской философии проблема сущности экономических отношений в обществе становится предметом анализа и осмысления.

Главным субъектом хозяйственных отношений является рационально действующий индивидуум, «человек экономический», который исходя из врожденного желания получить одобрение других людей, стремится к улучшению своего положения, к получению наибольшей выгоды [10]. Основными мотивами человеческих поступков, по мнению философа, являются себялюбие, тщеславие, то есть желание хорошо выглядеть в глазах других людей и стремление получать их одобрение, а не религиозные чувства или чувство долга. При этом индивид, желая пользы себе, непреднамеренно приносит ее обществу в целом. Данный принцип Смит определяет, как «невидимую руку рынка». Устремляясь к личному финансовому процветанию, он тем самым содействует росту общенационального богатства и благополучия. Подобные идеи до Смита высказывал его предшественник – Бернард Мандевиль (1670–1733 гг.). В своей

работе «Басня о пчелах, или Частные пороки – общая выгода» он, прибегая к аллегории, описывал общество, где каждое сословие глубоко порочно, но вместе с тем пороки отдельных лиц или сословий способствуют всеобщему благу [11]. Например, стремление к роскоши одних сословий давало работу другим сословиям, стремление к пышности одежд или разнообразию блюд толкало вперед развитие производства и торговли. «Невидимая рука рынка» Адама Смита, по сути, представляет собой совокупность экономических законов, приводимых в действие вследствие соединения множества субъективных и объективных факторов.

Человек, по мнению Смита, является носителем естественных, данных от природы и приобретенных в процессе жизни черт. Стремление индивида реализовать важнейшие потребности подталкивает людей друг к другу, стимулирует общение, труд, обмен. Таким образом, возникновение и постепенное развитие различных форм социальной организации неизбежно и вытекает из особенностей самой природы человека. Свою модель экономической жизни Смит основывает на свойственном людям желании конкурировать друг с другом, стремясь к собственной выгоде. Развитие общества также основано на способности человека к активной созидательной деятельности, направленной на преобразование действительности, то есть на труде. Способность к труду, стремление к торговле, обмену, бережливость и благоразумие составляют основу богатства отдельного человека. А. Смит определял разделение труда как необходимое условие роста производительности труда и, следовательно, роста заработной платы, основного источника дохода большинства населения. Сложившийся в обществе антагонизм бедности и богатства философ рассматривал как своеобразный стимул для развития капиталистических отношений, экономики в целом.

Главными источниками или причинами богатства страны Адам Смит мыслит господство частной собственности, экономическую свободу, необходимую для стимулирования конкуренции, труд, развитие рынка и беспрепятственную торговлю. Постепенное развитие производства и накопление капитала будет способствовать поступательному экономическому росту. Выражая идеи экономического либерализма, философ выступает за саморегулирование рынка, за ограниченное вмешательство государства в экономику. По мнению исследователя, функции государства должны ограничиваться защитой страны, организацией системы образования для граждан, созданием общественной инфраструктуры, обеспечением соблюдения прав собственности и договоров и наказаниями за совершенные преступления. Выходя за пределы этого круга обязанностей, государство в лице чиновников разного уровня способно серьезно навредить экономическому развитию страны, способствовать ее бедности и упадку. Адам Смит как один из основоположников политической экономии исследует такие важнейшие явления хозяйственной жизни общества как производительный и непроизводительный труд, спрос, предложение, рыночный механизм, специализация, реальный и номинальный доход, конкуренция и пр. Ему принадлежит обоснование учения о доходах, трудовой теории стоимости и общей теории рынка.

Философское значение идей Смита состоит в том, что он создает особую новую концепцию человека, очищенную от средневековых религиозных суеверий и моральных предрассудков [5]. Человек-труженик, сообразуясь со своей природой, действуя свободно и в то же время стремясь к собственной выгоде созидает общее богатство народа, закладывает фундамент процветания целого государства. Его социально-философский ана-

лиз, направленный на выявление закономерностей развития общества отличается глубиной и конкретностью. Вместо создания идеальных конструкций и утопических идей относительно будущего человечества, которыми оперировало большинство философов Нового времени, в своих построениях Смит вскрывает подлинные алгоритмы взаимодействия людей в экономической сфере, показывая принципы действия рыночной системы. Многие идеи Смита были подхвачены последующими представителями политической экономии Ж.-Б. Сэем, Т. Мальтусом, Дж.С. Миллем, У. Петти и прошли проверку временем.

Важной вехой в понимании сути экономического поведения человека стал маржинализм, который утверждается в экономической теории в 70-х годах XIX, произведя своего рода революцию в понимании экономистами основного предмета своей науки. Маржиналисты, анализируя хозяйственную жизнь общества, ее сущностные особенности и закономерности развития, смещают фокус внимания с таких объективных факторов как производство, капитал, обмен, товары, деньги к таким субъективным факторам как предпочтения индивида-потребителя экономических благ, к его внутренней мотивации при совершении экономического выбора. Представители этого направления К. Менгер, Ф. фон Визен, Л. Вальрас, А. Маршалл и другие придают экономике характер науки о рациональном поведении человека. Субъект хозяйственных отношений понимается как разумный, логически мыслящий индивид, главная цель которого заключается в том, что максимизировать удовлетворение собственных потребностей [2]. Сумма принимаемых множеством людей решений в конечном счете способна задавать закономерности развития экономических отношений в масштабах предприятия, отдельной отрасли или страны. Маржиналисты использовали математический аппарат для количественного анализа определяющего предельные величины полезности потребляемых благ. Исходя из характера данной концепции, можно сделать вывод, что маржинализм занимает транзитивное положение в эволюции взглядов на проблему экономического бытия личности. С одной стороны, приоритетным объектом изучения, дающим ключ для понимания всех остальных экономических процессов, теперь становится «человек экономический», его потребности, способы действия в конкретной ситуации и общая линия поведения в сфере хозяйствования, что в целом не характерно для политической экономии, но с другой стороны, он все еще понимается как сугубо рациональный субъект, каковым его представляли себе философы и экономисты XVIII–XIX вв.

В конце XIX – начале XX века в политической и, шире социальной, философии формируется новое, отличное по отношению к классической политической экономии А. Смита и к маржинализму, направление – институционализм, внесшее существенный вклад в развитие современных философских представлений о характере экономического поведения людей. Если вся прежняя традиция изучения вопроса концентрируется на внутренних, сугубо экономических факторах, задающих линию поведения человека в хозяйственной сфере, то институционализм стремится при анализе проблемы учитывать множество внеэкономических факторов. Философы и экономисты, приверженцы институционализма в целом уходят от «чистых» логических схем, от использования однозначных причинно-следственных связей при объяснении сложных, то есть многокомпонентных явлений и процессов реальной действительности.

Термин «институт», давший название данному направлению означал для его представителей исторически

изменчивые, при этом относительно устойчивые в рамках определенной эпохи или длительного периода времени социальные практики, связи, обычаи, привычки, опирающиеся на принятые в данном обществе нормы, ценности, способы восприятия и мышления, типы мировоззрения. Очевидно, что в условиях динамично развивающегося общества часть институтов устаревает, теряя актуальность, но при этом им на смену обязательно приходят другие институты. Именно институты определяют структуру и характер побудительных мотивов взаимодействия людей сфере хозяйствования. А сама экономика рассматривается как особая институциональная структура, имеющая свои законы, «правила игры», диктующая индивидам определенный тип связей, отношений, стиль поведения. Понятие институционализм впервые сформулировал Уилтон Гамильтон в 1918 г [8].

Представители институционализма Т. Веблен, Дж. Коммонс, У. Митчелл, Дж.К. Гелбрейт изучали начали изучать экономические процессы в более широком социальном контексте. Основоположник институционального направления – Торстейн Бунде Веблен (1857–1929 гг.), американский экономист, социолог, антрополог и философ исследовал мотивы поведения человека-потребителя экономических благ комплексно [9]. Как и последующие сторонники институционализма Веблен обращает внимание на то, что экономическое поведение людей формируется под воздействием множества внеэкономических факторов таких как традиции, мораль, религия, мода, общественные объединения, право, государство и др. Центральная проблема его концепции – исследование множества внутренних психологических механизмов, определяющих поведение человека, его склонности и потребности, характер поведения по отношению к материальным средствам своего существования [3]. В отличие от представителей классической политической экономии сформулировавших концепцию «рационального» экономического поведения, Торстейн Веблен в своих работах убедительно продемонстрировал, что экономическое или хозяйственное поведение индивидов в современном ему обществе начала XX века определяется действием различных социальных институтов и зачастую не может быть определено как полностью рациональное или разумное. Поведение человека только ограниченно рационально в силу ряда причин. Человек далеко не всегда обладает достаточной информацией, он не оценивает постоянно предельные выгоды и издержки подобно хорошо работающей вычислительной машине, разумно выбирая наилучшее решение. Реальный или настоящий человек в различных экономических «ипостасях» как потребитель благ, наемный работник или предприниматель действует сообразно сформировавшимся у него привычкам, воспитанию, действует зачастую нелогично, поддаваясь аффектам, эмоциям, спонтанно принимая решения.

В своей самой известной работе «Теория праздного класса» (1899 г.) [4] исследователь отмечает, что индивиды часто стремятся к потреблению тех или иных благ, ориентируясь моду, престиж. Приобретение имиджевого товара или услуги и ее демонстративное потребление способствует росту не только экономического капитала субъекта, но и дает ему важное ощущение собственной значимости в окружении других социальных субъектов, то есть оборачивается для субъекта ростом также и символического капитала. Сфера потребления экономических благ как одно из проявлений хозяйственной деятельности становится полем для формирования нового антропологического типа человека. Таких занятых демонстративным потреблением индивидов, Торстейн Веблен объединяет в «праздный класс» и располагает

его на пике социальной стратификационной пирамиды. «Праздность» в работах исследователя понимается как-то, что связано со сферой непроизводительного труда, управлением, политикой, религией, военным делом, спортом, со сферой культуры, духовного производства и творчества. Привилегированные члены общества концентрируют в своих руках богатства и устанавливают эталоны потребления, манеру поведения в целом. Стремление к потреблению напоказ для современной для Веблена американской элиты, преуспевающих бизнесменов рубежа XIX- начала XX веков становится важнейшим способом публично продемонстрировать обладание богатством, свою принадлежность к привилегированной части общества. Остальные члены общества заняты менее престижным, то есть производственным трудом, не приносящим им достаточного дохода для демонстративного потребления. К производственному, то есть бедному классу он также относил всех тех, кто, не обладая собственным капиталом вынужден использовать заемные средства, взятые у представителей «праздного класса». В целом Т. Веблен отрицательно относится к «праздному классу», считая, что он сдерживает развития экономики, затрудняет наиболее эффективное использование ограниченных ресурсов, совершенствование техники и технологий. Можно отметить, что противоречивость, неразумность, подкрепляемая сложившимися традициями и привычками характерная для бытия отдельной личности, находит выражение, по Веблену, уже на уровне социального бытия, которое также определяется исследователем как несовершенное, требующее корректировки. Будущее развитие общества он связывал с так называемыми технократами или инженерами, которые опираясь на знания и обладая достаточными компетенциями улучшат материальное положение тех, кто не относится к «праздному классу», то есть всего остального общества, создадут такую промышленную систему, которая позволит обществу более рационально использовать имеющиеся ресурсы, поможет сгладить противоречия в обществе и социальное неравенство. Идеи Веблена стали классическими для социальных наук, а некоторые предположения или утверждения, высказанные им, подтверждались многократно выводами других исследователей-неоинституционалистов в данной области.

Однако в последние десятилетия XX века под влиянием стремительного научно-технического прогресса в некоторых обществах начали происходить объективные изменения в политическом и экономическом секторе, а следом за ними и в области культуры, которые подтолкнули философов и исследователей, представляющие различные социальные и гуманитарные науки к созданию концепции постиндустриального общества. Идеи о постиндустриальном обществе формулировали в своих работах такие экономисты, футурологи и социальные мыслители как Д. Белл [1], А. Турен, П. Дракер, Э. Тоффлер [13], В.Л. Иноземцев [6] и др.

Главные особенности постиндустриального общества такие как увеличение доли класса носителей теоретического знания, доминирование сферы услуг над сферой товарного производства, изменение самого характера труда, неизбежно приводят к формированию новых типов или стратегий экономического поведения, к новому Ното economicus. Постиндустриальное или информационное общество основано широком спектре новых наукоемких информационных технологий, инновациях практически во всех сферах жизни, глобальных связях и интеграции отдельных национальных экономик в единую мировую экономическую систему. Данный тип общества именуется в некоторых исследованиях пост-

капиталистическим или постэкономическим потому что имевшиеся ранее классовые противоречия между собственниками средств производства и рабочими и породившие социальный феномен эксплуатации и отчуждения человека от продуктов собственного труда теряют свою остроту или снимаются. Становление постэкономического общества основано на доминировании неэкономических производственных отношений, основанных на нематериальных стимулах.

Такие качественные изменения социальной реальности последних десятилетий отразились и на личном уровне [7]. Рутинный, а часто и физический труд в условиях серийного производства индустриального общества постепенно заменяется свободной и творческой производительной деятельностью в новых условиях. Труд не только условие получения заработка, а область жизни, в которой можно саморазвиваться и самореализовываться. При этом труд и досуг в повседневной жизни тесно переплетаются, переходят друг в друга, размываются прежние представления о рабочем месте как о части производственной площади, закрепленной за сотрудником, работа все чаще становится удаленной, распространяется фриланс. Теперь большее время в процессе труда занимает не воздействие на естественную или искусственную природу, преобразование сырья в готовый конечный продукт, а коммуникации между людьми. Усложняется характер взаимодействия субъектами экономического поведения. Поскольку экономика все больше начинает зависеть от информации, знаний от работника требуются к интеллектуальному труду, высокая квалификация и готовность постоянно повышать ее уровень, общая культура.

Предприниматель в постиндустриальную эпоху становится главным агентом, двигателем постоянных изменений. Без креативности, инициативности и динамичности невозможно реагировать на метаморфозы потребностей общества и продвигать на рынке все новые и новые услуги и товары. Бизнес разукрупняется поскольку снижается значение серийного производства и, наоборот, малый бизнес становится конкурентоспособней, поскольку он в большей степени способен генерировать бесконечные модификации различных продуктов для удовлетворения меняющегося спроса.

Индивидуализируются не только процессы производства и труда, но и процесс потребления. Глобальные экологические проблемы, мировые экономические кризисы трансформируют прежнее «потребление ради потребления» или гиперконсюмеризм, когда потребительское поведение индивида нацелено не на удовлетворение настоящих потребностей, а на демонстрацию социального статуса через обладание брендовыми вещами в разумное или ответственное потребление материальных и духовных благ таким образом, чтобы минимизировать отрицательное воздействие на окружающую среду. Потребление товаров уступает место потреблению информации, знаний, нематериальных услуг, позволяющих повысить уровень своего образования, компетенции, общей культуры, организовать досуг. Потребление превращается в самосозидание, конструирование собственного «Я». Осуществляя выбор в пользу определенных товаров или услуг, субъект тем самым осознает свою идентичность и одновременно формирует свой образ в глазах других людей, общества.

Таким образом постиндустриальное общество дает возможности экономическому субъекту переосмыслить мотивы своего поведения, способы действия в той или иной ситуации, «перезагрузить» систему ценностных установок и ориентиров. Хозяйствующий субъект в посткапитализме в равной степени нацелен как на по-

лучение материальной выгоды, так и нематериальных выгод, экономические выгоды соседствуют в его поведении с неэкономическими. Новый тип Homo economicus еще только активно формируется и действует в хозяйственном пространстве наиболее развитых стран мира, однако по мере увеличения числа постиндустриальных обществ данный тип возможно трансформируется в преобладающий.

Заключение

Необходимо отметить, что «Человек экономический» это абстракция, созданная интеллектуальными усилиями философов и экономистов, но такой теоретический конструкт имеет важное познавательное и мировоззренческое значение поскольку проясняет часть внутренней природы человека, позволяет объяснить цели, мотивы, поступки, линию поведения человека подлинного, конкретного. Главных причин постепенной эволюции взглядов на человека как хозяйствующего субъекта несколько: существенная трансформация характера рыночных отношений от XVIII века к XXI веку, переход от индустриального общества к постиндустриальному, и связанные с ней объективные изменения самого субъекта экономических отношений, развитие методологии гуманитарного и философского знания, применение которой позволяет делать исследования экономического поведения более глубокими, многоаспектными, комплексными.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Перевод с английского. – М.: Academia, 1999. – 956 с.
2. Бурова А.Ю. Влияние маржинализма на смену парадигмы экономической теории: истории проблемы\А.Ю. Бурова// Современная научная мысль. – 2018. – № 5. – С. 166–171.
3. Веблен Т. Почему экономическая наука не является эволюционной наукой? \Т. Веблен// Terra Economicus. – 2006. – № 2. – Т. 4. – С. 99–111.
4. Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Изд-во «АСТ», 2022. – 416 с.
5. Дудар Т.Е. Становление «Человека экономического» в философском дискурсе Нового времени\Т.Е. Дудар//Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – № 3. – Т. 2. – С. 144–154.
6. Иноземцев В.Л. Концепция постэкономического общества\В.Л. Иноземцев// Социологический журнал. – 1997. – № 4. – С. 71.78.
7. Козлова В.А. К вопросу о постэкономизме и постэкономическом человеке\В.А. Козлова//Региональные проблемы преобразования экономики. – 2018. – № 8 (94). – С. 7–13.
8. Мелихов В.Ю., Осадчая Т.Г. Основные этапы развития институциональной теории\В.Ю. Мелихов, Т.Г. Осадчая//Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 12. – Т. 104. – С. 427–432.
9. Нуриев Р. Торстейн Веблен: взгляд из XXI века\Р. Нуриев//Вопросы экономики. – 2007. – № 7. С. 73–85.
10. Паганелли М.П. Категории богатства и морального поведения в трудах А. Смита\М.П. Паганелли//Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2009. – № 4. – С. 114–127.
11. Прокофьев А.В. Организационные потребности общества как исток морали Бернарда Мандевиля\А.В.

Прокофьев//Этическая мысль. – 2015. – № 1. – Т. 15. – С. 139–169.

12. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Классика экономической мысли: Сочинения. – М.: Изд-во «АСТ», 2024. – 1072 с.
13. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: Изд-во «АСТ», 2009. – 800 с.

HOMO ECONOMICUS: THE DEVELOPMENT OF VIEWS ON THE PROBLEMS OF THE ECONOMIC EXISTENCE OF THE INDIVIDUAL IN SOCIAL PHILOSOPHY

Ladykina T.A.

Russian State University of Justice

The article examines various philosophical concepts of human economic behavior. The article considers approaches to the economic existence of an individual within the framework of classical political economy, marginalism, institutionalism, and the theory of post-industrial society. The author demonstrates the evolution of researchers' views: from the concepts of a person as a rationally acting individual to understanding the complex, contradictory, only limited rational nature of the subject of economic relations. A. Smith and marginalists characterize a person as reasonable, logically thinking, striving to maximize the satisfaction of their own material needs. T. Veblen was one of the first to point out the importance of non-economic factors in economic behavior. The qualitative transformations of the social reality of developed countries in the 21st century directly affected the nature of human production, labor, and consumption, which led to the formation of a new type of Homo economicus, which became the object of analysis in postindustrial theories.

Keywords: economic behavior, production, consumption, labor, A. Smith, marginalism, institutionalism, T. Veblen, theory of post-industrial society.

References

1. Bell D. The Coming Postindustrial Society. An Experience of Social Forecasting. Translation from English. – M.: Academia, 1999. – 956 p.
2. Burova A. Yu. The Influence of Marginalism on the Shift in the Paradigm of Economic Theory: History of the Problem\A.Yu. Burova// Modern Scientific Thought. – 2018. – No. 5. – P. 166–171.
3. Veblen T. Why is Economics Not an Evolutionary Science? \T. Veblen// Terra Economicus. – 2006. – No. 2. – T. 4. – P. 99–111.
4. Veblen T. The Theory of the Leisure Class. – M.: Publishing House "AST", 2022. – 416 p.
5. Dudar T.E. Formation of the "Economic Man" in the Philosophical Discourse of the New Time\T.E. Dudar//Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. – 2014. – No. 3. – Vol. 2. – P. 144–154.
6. Inozemtsev V.L. The Concept of Post-Economic Society\V.L. Inozemtsev// Sociological Journal. – 1997. – No. 4. – P. 71–78.
7. Kozlova V.A. On the Issue of Post-Economism and Post-Economic Man\V.A. Kozlova// Regional Problems of Economic Transformation. – 2018. – No. 8 (94). – P. 7–13.
8. Melikhov V.Yu., Osadchaya T.G. The Main Stages of the Development of Institutional Theory\V.Yu. Melikhov, T.G. Osadchaya//Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. – 2011. – No. 12. – V. 104. – P. 427–432.
9. Nureyev R. Thorstein Veblen: a view from the 21st century\R. Nureyev//Problems of Economics. – 2007. – No. 7. P. 73–85.
10. Paganelli M.P. Categories of wealth and moral behavior in the works of A. Smith\M.P. Paganelli//Bulletin of St. Petersburg University. Economics. – 2009. – No. 4. – P. 114–127.
11. Prokofiev A.V. Organizational needs of society as the source of Bernard Mandeville's morality\A.V. Prokofiev//Ethical Thought. – 2015. – No. 1. – Vol. 15. – P. 139–169.
12. Smith A. Research on the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Classics of Economic Thought: Works. – M.: Publishing House "AST", 2024. – 1072 p.
13. Toffler E. The Third Wave. – M.: Publishing House "AST", 2009. – 800 p.

Сахарова Софья Аркадьевна,
независимый исследователь
E-mail: s.a.sakharova@gmail.com

Настоящая статья посвящена исследованию возможных процессов становления субъективной идеологии. В современном мире идеологических практик, где идеология по праву располагается в социально-политическом дискурсе, потеряв изначально, предназначавшуюся для нее нишу в естественно-научной среде, практически нет места для субъективного в его психоаналитическом понимании. При этом предполагается, что современный человек растворяется в идеологическом море масс-медийного пространства. В связи с этим целью данного исследования является показать, что психическая реальность, она же реальность субъективная, не сводится к массовому идеологическому восприятию происходящего, а имеет собственные, свойственные только ей индивидуальные проявления или отклонения, а, следовательно, и понятие идеологии, помимо общего теоретического определения может обладать четко индивидуальными характеристиками, то есть нет идеологии для всех, она является индивидуальным, присущим для каждого отдельного субъекта концептом, определяющим его траекторию бытия. Методологической базой для настоящего исследования выступили интерпретативно-аналитический метод и историко-проблемный подход. В качестве исследовательского материала были применены работы философов, социологов и психоаналитиков таких авторов как Антуан Дестюд де Траси «Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова», Карл Маркс и Фридрих Энгельс «Немецкая идеология», Ролан Барт «Мифологии», Луи Альтюссер «Идеология и идеологические аппараты государства», Ханна Арендт «Истоки тоталитаризма», Карл Мангейм «Идеология и утопия», Зигмунд Фрейд «Психология масс и анализ я», Жак Лакана «Образования бессознательного», Славой Жижек «Возвышенный объект идеологии» и другие.

Ключевые слова: идеология, субъект, миф, иллюзия, психоанализ, марксизм, социально-политический дискурс, Антуан Дестюд де Траси, означающее, Славой Жижек.

Целью данного исследования является попытка проследить процесс становления субъективной идеологии с философско-психоаналитических позиций. В качестве опорного материала были взяты работы философов, социологов и психоаналитиков, в той или иной степени затрагивающих вопросы становления идеологического дискурса в субъективном поле. Так, например, были проанализированы работы Антуана Дестюда де Траси, Карла Маркса, Ролана Барта, Луи Альтюссер, Ханны Арендт, Карла Мангейма, Зигмунда Фрейда, Жака Лакана, Славоя Жижека и других. Для проведения настоящего исследования были применены историко-проблемный подход и интерпретативно-аналитический метод.

Впервые термин «идеология» был введен Д. де Траси в его труде 1817 года «Основы идеологии» [1], отправной точкой которого являлись труды таких философов как Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Д. Локк и другие. В рамках идей французского Просвещения и натуралистической парадигмы Нового времени де Траси поставил себе целью введение понятия «идеологии» в научный оборот, раскрывая его с точки зрения строгих естественно-научных процессов, что позволит людям формировать свои идеи на «правильных» теоретических основаниях, соотнося их с потребностями общества в части образования и государственного устройства, а также осуществить критическую переоценку традиций управления французским государством. Фактически он определил «новую науку» как раздел зоологии. С точки зрения де Траси идеология рассматривается не как некий субъективный продукт восприятия реальности, но как формирование идеи через восприятие, объяснение и фиксацию окружающей действительности, посредством наблюдения фактов, чувственного восприятия окружающей реальности. Эпистемологическая программа Д. де Траси, как истинного представителя эпохи Просвещения, делала акцент на позитивном характере систематизации представления об идеях с позиций научного знания подходя к нему с аналитической точки зрения: «...наука о формировании идей, ... она представляет собой теорию теорий... чтобы исправлять и совершенствовать различные знания, чтобы сопоставить их друг с другом, связать их основные принципы между собой и, наконец, познать их общую природу, объединить все имеющиеся человеческие знания» [1, с. 231]. Е.Г. Соколов справедливо подчеркивал, что «...для французского мыслителя возможность, что идеи могут обрести (в пределах идеологии как дисциплины и как науки) автономный от эмпирической реальности и общества статус, а сконструированный посредством их человеческий мир (искаженная и деформированная версия того, что происходит вокруг нас) стать некоей субреальностью, подотчетной той или иной инстанции, исключалась с самого начала. Гарантом этого выступали не только постоянные и навязчивые отсылки к эмпирической непреложности/упертости феноменов и событий реальности (и вокруг нас, и в нас самих), но и весь цикл, в своей совокупности ..., призванный сформировать верное и истинное (отнюдь не превратное и не иллюзорное) воззрение на мир.» [2, с. 412].

Необходимо отметить, что сама система восприятия по мнению французского мыслителя является недолговечной, фиксация происходит с помощью знаков, которые позволяют закрепить результат умственных опера-

ций и воспроизвести его через формулу или определение, что представляет собой итог, но не процесс. То есть это своего рода некая алгебраическая формула с зашифрованной в ней идеей. Идея по мнению Д. де Траси предшествует знаку, а увеличение количества идей приводит к росту знаковой системы и комбинаций внутри нее. Впоследствии знак используется как необходимый элемент реализации общественных отношений в целях обмена идеями, передачи информации, знания, которая осуществляется посредством языка. Французский философ трактует язык достаточно широко от непосредственно звукового языка, реализуемого через слова, до языка жестов, иероглифов, живописи, эмблем: «Все то, что представляет наши идеи, есть знак; и всякая система знаков есть язык» [1, с. 233], что в то же время не только выражает идею, но через аллгорию и символ может уводить человека от истинного вложенного смысла.

Вся указанная знаковая система позволяет осуществлять обмен идеями, закреплять их в памяти. Однако Д. де Траси оговаривается, что поскольку сложные идеи являются многослойными, возникает проблема невозможности разложить ее на составляющие элементы и провести необходимый для исследования анализ; в результате, это приводит к искажению в передаче, восприятии информации и, как следствие, к формированию ложной идеи. Очевидным становится тот факт, что позиция Д. де Траси, несмотря на свой позитивистский характер, в некоторой степени близка к психоаналитической и марксистской теории и подходит к рассмотрению идеи и к определению идеологии как мифологии с тем лишь ограничением, что французский проект идеологии не затрагивал процессы психического аппарата, а следовательно, и вопросы бессознательного, не уходя в негативные и диалектические аспекты.

Надо отметить, что идеалистический проект научной идеологии не смог в итоге состояться по ряду причин, среди которых можно выделить в первую очередь увязывание ее с политическим дискурсом. Стремясь к преобразованию государственного устройства де Траси, неминуемо столкнулся с сопротивлением со стороны государственного аппарата в лице Наполеона I, предпринявшего меры по ограничению влияния оппозиционной философии, придав ей негативную политическую окраску. В качестве второго аспекта можно выделить невозможность человека существовать в мире простых идей, что особенно с развитием науки и техники, приводит к необходимости жестко структурированной специализации в рамках сложного процесса производства прежде всего в естественно-научной среде, экстраполированное впоследствии и на гуманитарную область знания.

Фактически, даже на стадии попытки своего становления как науки, концепт «идеологии» плотно увязывается с политическим дискурсом, так как основная цель де Траси была не просто в том, чтобы научить подрастающее поколение формировать идеи естественно-научным путем, но и сформировать таким образом основу для развития поколения, способного к модернизации сферы политического управления современной ему Франции.

Намного позднее этой последовательности от получения образования к становлению политического идеологического проекта государственного уровня будет уделять внимание в своей работе «Идеология и идеологические аппараты государства» неомарксист Луи Альтюссер [3]. Социолог К. Мангейм в своем фундаментальном труде «Идеология и утопия» [4] также подчеркивает, что не без участия Наполеона и его уничижительного отношения к идеологическому проекту де Траси, проис-

ходит зарождение современного понимания идеологии «...согласно которому каждая мысль, определенная как идеология, не может иметь практического значения... на формирование нового значения слова накладывает отпечаток позиция его создателя, т.е. политического деятеля... звучащий в слове «идеология» вопрос – что же действительно есть действительно? – более не исчезает» [4, с 57]. Важным в этом процессе является то, что из академических кругов понятие идеологического постепенно начинает перемещаться в сферу общественного мнения, которое будет формироваться исходя из видения той или иной политической фигуры. Так, происходит разворачивание двух наиболее важных аспектов: переход из позитивного в негативное измерение и существенность субъективного в идеологическом дискурсе.

Некоторое время спустя Карл Маркс будет использовать понятие идеологии для обличения пролетариатом правящих слоев в своей классовой борьбе, то есть фактически он «перевернет» идеологию Наполеона в его попытке разоблачения и пренебрежения своих политических противников. В своих трудах К. Маркс обращается к идеологии как иллюзии, являющейся составной частью реальности, находящейся во взаимодействии с бытием и праксисом [6]. Описание идеологии, как ложного сознания фактически будет предложено Ф. Энгельсом: «Идеология – это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Он создает себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах. Так как речь идет о мыслительном процессе, то он и выводит как содержание, так и форму его из чистого мышления – или из своего собственного, или из мышления своих предшественников» [5, с 83]. Маркс же говорит об идеологии, как о некоторой форме самообмана, реализуемого в непосредственной деятельности на базе представлений, которые могут быть как ложными, так и действительными [7], что согласуется с подходом де Траси, постулирующего возможность формирования идей, основываясь на «предрассудках» или знаниях, имеющих ложные основания и сформированных вне субъективного опыта.

Подвергшийся влиянию марксизма и феноменологических концепций, К. Мангейм, основатель традиции «нейтральной школы идеологии» (в классификации Дж.Б. Томпсона [8]) в вышеупомянутой работе «Идеология и утопия» пишет о двух важных составляющих современного понимания идеологии: во-первых, это разделение на «частичную» и «тотальную» идеологию, где частичная представляет собой систему взглядов на мир, присущую определенной социальной группе, а тотальная – мировоззрение общества в целом в данный исторический период, во-вторых, происходит сборка бесконечно распадающегося мира сквозь призму субъекта, что позволяет обращаться с внешней реальностью как структурным единством, а также историзация идеологического, то есть понимание тотального не просто в соответствии с некоторым познающим субъектом, но в единстве его исторического становления. Таким образом, говоря об истинности знаний мы не можем вести речь об истинности для всех и вообще, речь может идти лишь об истинности, с учетом здесь и сейчас, в рамках определенной социальной группы. Обращение марксизма к классовому сознанию добавляет решающий аспект в современном понимании идеологии, структурируя взаимно пересекающиеся тотальную и частичную идеологии не только в рамках исторических процессов, но и в рамках действующего социально-политического

контекста. Таким образом, обнаруживается отсутствие места для «реальности» в ее позитивной коннотации. Фактически происходит столкновение с искаженным субъективным знанием, где нет места научному дискурсу. При этом такое знание является обязательным для существования социального порядка. Тузиков А.Р. так пишет об этом: «При этом идеология отнюдь не призвана сотрясать основы социального порядка, а скорее, наоборот – обосновывать его, прибегая к рационализации, но, выдвигая положения, которые заведомо не реализуются на практике» [9, с. 57].

Обоснование путем реализации, логических умозаключений, не основанных на естественно-научном процессе, а лишь на субъективном опыте, порой существенно искаженном посредством упрощенных умозаключений, поступивших извне – «грубое оружие ораторов в их разрывающей коммуникацию борьбе» [10, с. 147], не может более поставить идеологию в ряд научных дисциплин – это логика одной идеи, как пишет Ханна Аренд, рассуждая об идеологии тоталитаризма [11], где посредством дедуктивных доказательств происходит навязывание определенной последовательности составляющих мыслительной цепи, полностью огражденных от каких бы то ни было новых идей. Такой процесс нацелен на объяснение текущего происходящего и наступающего будущего в их полной мере исходя из логики своего естественного исторического процесса, путем освобождения человека от реальности и погружения его в «единственно возможную истинную» реальность или миф. Миф, составляющий часть истории, постулирует знания сопоставляя при этом лишь определенный набор фактов и идей, удаляющих реальность, как говорит об этом Ролан Барт в своей работе «Мифологии» [12], но при этом он не скрывает, а деформирует, действуя по принципу алиби в коммуникационной борьбе за власть.

Идеология как миф нацелена на натурализацию и оправдание происходящего, она исторична, она проясняет требование нового смысл-понятия, она стремится к освобождению субъекта от опыта реальности, выдергивая единичные положения, дедуцируя иные факты и выстраивая вокруг них свою логическую дискурсивную модель, то есть фактически «опутывает» субъекта, создавая вокруг некий параноидальный сокровенный смысл. Х. Аренд так пишет об этом: «Идеологическая аргументация, будучи всегда разновидностью логической дедукции, соответствует двум ранее упомянутым свойствам идеологии – наличию идеи движения и освобождению от уз реальности и опыта – во-первых, потому что движение ее мысли не вырастает из опыта, а само порождается из однажды принятого и неизменного мысленного материала, и, во-вторых, по той причине, что она превращает один-единственный момент, вырванный из всего потока нашего реального опыта, в аксиоматическую посылку, после чего процесс аргументации остается в полной изоляции от любого дальнейшего опыта» [11, с. 612].

Рассуждая о тотальности идеологической конструкции необходимо рассмотреть возможные методы донесения такого рода дедуцированных идей до потенциальной аудитории. Безусловно, высока роль в этом различного рода медийных площадок от печатного слова до радио и телевидения и сети интернет, но что может выступать базой для подготовки субъекта, способного к восприятию соответствующего медиа? Ответ на данный вопрос могут помочь раскрыть марксистская и психоаналитическая концепции. Процесс формирования субъективной идеологии, или субъективной мифологии начинается совместно со становлением непосредствен-

но самой субъективности. Психоаналитический дискурс предлагает нам описание этого этапа как «стадии зеркала» Лакана, через прохождение которой, а также путем вхождения человека в символический порядок происходит формирование субъекта. Фундаментальная, но иллюзорная конструкция целостности воображаемого порядка не возникает вне символического, а это значит, что мать или любой иной значимый другой должны указать ребенка на факт его, например, физической схожести, возможно, с членом его семьи, но осуществить это словами, что позволяет привязаться к собственному образу, заимствуя произнесенное. Так происходит отчуждение собственного я от навязанного и описанного образа. Этот образ более не принадлежит субъекту, он всегда расположен вовне. А если принять бартовское положение о том что миф есть слово, то этот образ еще и мифологичен. Миф начинает формироваться с образа себя, с образа мира, укорененного в другом. Зигмунд Фрейд пишет: «В психической жизни одного человека другой всегда учитывается» [13, с. 65], либо можно еще сказать, что нет субъекта без другого. С самых первых дней ребенок вращается в мире слов, принадлежащих другому, в словесном мирекоторый не может быть априори объективным. Так речь другого подчиняет себе появившегося на свет ребенка, обретая тем самым господскую функцию. Жак Лакан, следуя за Зигмундом Фрейдом, говорит о том, что теперь и далее весь психический аппарат ребенка будет опосредован символическим другим взрослым, со всеми смыслами, иллюзиями, которые вобрал его язык на протяжении всей его жизни, которые вложила культура в процессе его становления. Культура же в свою очередь представляет собой не что и иное как комплекс ценностей и традиций, управляющий поведением человека [14]. Тем не менее, и именно посредством культуры (реализуемой в речи) происходит отчуждение субъекта. Знание уже знает себя, оно насильственным образом захватывает и травмирует; человек вынужден встраиваться в языковое и смысловое поле, существовавшее до него. Этот процесс носит бесконечный и непрерывный характер. Э. Бенвенист так напишет об этом: «Пробуждение сознания у ребенка всегда совпадает с овладением языком, который постепенно вводит его в общество как индивида» [14, с. 28].

Согласно психоаналитической традиции ребенок не имеет прямого доступа к внешней действительности, как таковой. Процесс формирования его отношения к внешней реальности осуществляется сквозь призму психического восприятия того, что происходит вокруг, но и тут встречаются многочисленные преграды в виде рассказов других об этой «реальности», фантазии, в некоторой степени – личного опыта, что в совокупности формирует представление субъекта об окружающем мире в собственной психической реальности. Социальная действительность представляет собой не что иное как некоторую «фантастическую конструкцию», которая по цепочке передается от человека к человеку, строит бесконечный индивидуальный ребус психического. Таким образом, происходит разрушение системы «истина-ложь», принадлежащей естественно-научному дискурсу. Как писал Жак Лакан, ошибка есть ничто иное как истина, которая будет существовать в формате истины до тех пор, пока не будет разоблачена [15].

Субъект не свободен. С момента своего рождения, он действует в заданных социальных условиях. Слово «субъект» происходит от латинского «subjectus», что означает подчиненный, подданный, и это лишь подкрепляет позицию зависимости. Чему подчинен субъект? Ответ прост и сложен одновременно – он подчинен культуре и языку. При этом язык, являющийся мощным властным

инструментом, обладает огромным идеологическим значением, которое лишь бесконечно усиливается с момента становления книгопечатания и средств массовой информации.

Существующая вовне идеологическая практика любого уровня привносит бесконечную независимую от воли человека трансформацию. Общество (капиталистическое), заинтересованное в перманентном воспроизводстве рабочей силы, требует соответствующей ее подготовки, используя воспитательные и образовательные механизмы. Для этого необходимы определенного рода институты, которые Луи Альтюссер называет идеологическими аппаратами государства, вписанными в формат властных отношений в любую социальную структуру (в том числе посредством языка) и предназначенные для воспроизведения традиций, ценностей, культурных практик в целях легитимизации существующего социально-политического порядка, а также осуществления социальной самоидентификации, опосредованной действующим государственным дискурсом. Л. Альтюссер утверждает, что идеология фактически конструирует субъекта, и это не просто отклонение от «истинного» знания, это неотъемлемая составляющая социальной реальности.

В своей работе «Идеология и идеологические аппараты государства» Л. Альтюссер анализирует сущность власти, выделяя идеологические и репрессивные аппараты государства. Провести между ними четкий водораздел довольно проблематично, однако французский мыслитель разделяет их по принципу отнесения их к публичному и частному сектору. Идеологические аппараты государства, относящиеся к публичной сфере, включают в себя такие формы как религиозные институты, системы образовательных учреждений, семьи, профсоюзы, средства массовой информации, политическую и правовую системы, а также сферу культуры. По мнению Л. Альтюссера предназначение Идеологических аппаратов государства – в воспроизводстве «людей» на благо «капиталистического» общества, способных должным образом участвовать в процессе производства. Каждый такой Идеологический аппарат занимается «конструированием» субъекта своим способом, но все они делают это с применением прежде всего символического насилия, будь то пропаганда масс-медийного пространства, либо школьные установки на «правильные» взгляды: «в течение долгих лет – то есть лет, когда ребенок наиболее “уязвим” и зажат между семейным и школьным аппаратами государства – «вдалбливает» в них ряд «практических навыков» (родной язык, счет, естественную историю, науки, литературу), обернутые в фантики господствующей идеологии, или даже просто господствующую идеологию в чистом виде (мораль, обязанности гражданина, философия). Где-то к шестнадцати годам основная масса детей попадает «на производство»: это рабочие или крестьяне. Другие продолжают обучение и кое-как добираются до постов мелких и средних работников управления, служащих, чиновников, становятся всякого рода мелкими буржуа. Наконец, третьи поднимаются до следующих высот, чтобы стать кем-то вроде интеллектуальных полубезработных, либо, пойдя выше «интеллектуалов коллективного труда», стать действующими лицами эксплуатации (капиталистами, менеджерами), субъектами репрессии (военными, полицейскими, политиками, административными служащими и так далее) или профессиональными идеологами (священниками, большинство которых являются убежденными «мирянами»)» [3]. Безусловно, многие контрастирующие добродетели такие как покорность судьбе, смирение, скромность, высокомерие, самовозвеличивание, как пишет французский мыслитель, усваиваются не только

в школе, но и в семье, посредством изучения печатного слова, через фильмы, даже на стадионах, но ни один из этих аппаратов государства не имеет столь значительного обязательного времени присутствия.

Но целью всего это, конечно, является последующие практические действия. Идеология, являющаяся, с одной стороны, воображаемой конструкцией, требующей истолкования, обладает материальной формой. Она реализует себя посредством деятельности человека. Субъект выбирает поведение в рамках предложенных практик Идеологических аппаратов государства и делает это осознанно и согласованно. Так, например, верующий будет ходить в церковь на службу, исповедоваться, то есть следовать определенным ритуалам. Таким образом, фактически происходит создание платформы для идентификации, которая в свою очередь позволяет разделять на «свой/чужой», но действует незаметно, проникая постепенно и формируя бессознательное. Как мать, принимая и соблазняя ребенка на жизнь, вводя его в звучащую купель означющих, окутывает своей идеологией, так позднее Идеологические аппараты государства, функционируя как психоаналитический Большой Другой опутывают своей сетью означющих, навязывая ролевые позиции, интегрируют субъекта в свою структуру власти и подчинения.

Таким образом оказывается, что на уровне субъекта нет никакой возможности отделить идеологию от не-идеологии: она фактически вписана в человека с момента его появления на свет. Этому вторит и современная философия в лице Славоя Жижека, который утверждает невозможность отделения идеологии от не-идеологии, то есть идеология есть все и ничто одновременно [16]. Реальность идеологична. Однако С. Жижек выводит субъекта из тотального бессознательного влияния идеологии Л. Альтюссера. В своем исследовании идеологического дискурса С. Жижек вводит два очень важных понятия: симптом и фантазм. Симптом – как сама идеологическая маска, в суть которой вписано идеологическое искажение, и чем сильней подобное искажение, тем устойчивей социальное бытие. Симптом реализует себя в действии. Фантазм предлагает видение действительности и реализует себя в симптоме. Следовательно, идеологический фантазм неотделим от социальной действительности, он представляет собой своего рода опорную конструкцию, которая позволяет скрыться за ней от травмирующей реальности. Вводя в свои рассуждения концепцию П. Слоттердайка, описанную в работе «Критика цинического разума» [17], С. Жижек говорит о том, что люди отлично осознают, что они делают, но продолжают это делать, в отличие от классического марксизма, где нет осознания, что делается на самом деле. Несмотря на понимание стоящих за идеологическим пассажем частных интересов, довольно часто люди не готовы менять образ действий, осуществляя их под маской цинизма [9], при этом акцент С. Жижек ставит именно на понятии «действия». Например, концепт «свободы», который приводит в пример С. Жижек, где он показывает, что современное понятие свободы лишь скрывает особую форму эксплуатации, при этом люди продолжают действовать так, как будто свобода реальна в современном обществе и отстаивают ее ценность. Субъективный уровень у С. Жижека раскрывается сквозь призму так называемых «плавающих означющих» или «точек пристежки», которые реализуются исходя из конкретных условий. Например, слово «государство» пристегиваясь к «капитализму» или «социализму» обретает новые очертания, то же происходит и на уровне субъекта, создавая определенную оптику восприятия социальной реальности.

Так, можно сделать вывод, что становление субъекта на протяжении всей его жизни осуществляется с позиции подчинения господского дискурса, выражающего себя посредством языка. Начиная с младенческого возраста, происходит формирование индивидуального мифологического комплекса, который впоследствии обрастает социальным субстратом в виде гегемонного означающего Д(д)ругого, через образование и формирование среды обитания, обусловленной деятельностью в том числе идеологических аппаратов государства, как обозначал Л. Альтюссер, что не отменяет индивидуального восприятия, то есть фактически преломления внешнего мира сквозь призму личного субъективного опыта. Таким образом происходит преобразование внешнего идеологического дискурса во внутренний идеолого-мифологический: субъекты, марширующие в подчинении и ради подчинения, все же «маршируют сами по себе» [3].

Литература

1. Дестюд де Траси А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / Пер. с фр. Д.А. Данина. М.: Академический проект, 2018. 255с. (Философские технологии).
2. Соколов Е.Г. Историко-философский гротеск/нонсенс: научный коммунизм // Философия истории философии: Ежегодник / Под редакцией А.А. Иваненко. Том 3. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2023. С. 401–423. DOI: 10.21638/spbu34.2022.126. EDN RFTCSCE
3. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. – 2011. № 3 (77). [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/77_nz_3_2011/article/18605/. – Дата доступа: 01.04.2024.
4. Мангейм, К. Идеология и утопия / К. Мангейм // Утопия и утопическое мышление. – М.: Прогресс, 1991
5. Энгельс Ф. Письма к разным лицам (январь 1893 – июль 1895) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1966. Т. 39. 715 с.
6. Баллаев А.Б. Проблема идеологии в творчестве Карла Маркса // История философии № 3. М.: ИФ РАН, 1998. https://iphras.ru/elib/HP3_4.html (дата обращения: 23.11.2023).
7. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М.: Издательство политической литературы, 1988. XVI, 574 с.
8. Thompson, J.B. Studies in the Theory of Ideology / J.B. Thompson. – Cambridge, 1984
9. Тузиков А.Р., Теории идеологии в западной социологии: от критики «ложного сознания» к анализу дискурсивных практик масс-медиа: дис... д-р. социол. наук. – Казань, 2003. – 423 с.
10. Ясперс, К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. – М.: Полит-издат, 1991. – 527 с. – (Мыслители XX в.).
11. Арентс Х., Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И.В. Борисовой, Ю.А. Кимелева, А.Д. Ковалева, Ю.Б. Мишкенене, Л.А. Седова. Послесл. Ю.Н. Давыдова. Под ред. М.С. Ковалевой, Д.М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с.
12. Барт Р. Мифологии/ Пер. с фр., вступ. Ст. и коммент. С. Зенкина. – 5-е изд. – М.: Академический проект, 2019. – 351 с. – (Философские технологии).
13. Фрейд З. Психология масс и анализ я // Вопросы общества и происхождение религии. Собр. соч.

в 10 томах. Том 9. Перевод А.С. Боковикова. М.: «Фирма СТД», 2008. С. 606.

14. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Издательство «Прогресс», 1974. 448 с.
15. Лакан Ж. Образования бессознательного (Семинары: КнигаV (1957/58)) / Пер. с фр. А. Черноглазова. 2-е изд. М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос». 2018. 608 с.
16. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 114 с.
17. Слотердайт П., Критика циничского разума / Пер. с англ. А. Перцева. М.: АСТ, Екатеринбург: У-Фактория, 2009. 800 с.

THE EMERGENCE OF SUBJECTIVE IDEOLOGY

Sakharova S.A.

This article is devoted to the study of possible processes of formation of subjective ideology. In the modern world of ideological practices, where ideology is rightfully located in the socio-political discourse, having lost its original niche in the natural-scientific environment, there is virtually no place for the subjective in its psychoanalytical understanding. At the same time, it is assumed that modern man is dissolving in the ideological sea of mass-media space. In this regard, the aim of this study is to show that psychic reality, aka subjective reality, is not reducible to the mass ideological perception of what is happening, but has its own individual manifestations or deviations peculiar only to it, and, therefore, the concept of ideology, in addition to the general theoretical definition, can have clearly individual characteristics, i.e. there is no ideology for everyone, it is an individual, inherent to each individual subject concept that determines its trajectory of life. The methodological basis for the present study was the interpretative-analytical method and the historical-problematic approach. As research material we used the works of philosophers, sociologists and psychoanalysts such authors as Antoine Destudes de Tracy, 'Foundations of Ideology. Ideology in its proper sense', Karl Marx and Friedrich Engels "German Ideology", Roland Barthes "Mythologies", Louis Althusser "Ideology and the Ideological Apparatuses of the State", Hannah Arendt 'The Origins of Totalitarianism', Karl Mannheim 'Ideology and Utopia', Sigmund Freud 'Psychology of the Masses and the Analysis of the Self', Jacques Lacan 'Formations of the Unconscious', Slavoj Žižek 'The Sublime Object of Ideology' and others.

Keywords: ideology, subject, myth, illusion, psychoanalysis, Marxism, socio-political discourse, Antoine Destudes de Tracy, signifier, Slavoj Žižek.

References

1. Destutt de Tracy, A. L. C. (2018). Elements of ideology. Ideology proper (D.A. Danin, Trans.). Moscow: Akademicheskii proekt.
2. Sokolov, E. G. (2022). Historical and philosophical grotesque/nonsense: Scientific communism. Philosophy of the History of Philosophy, 3, 401–423. doi: 10.21638/spbu34.2022.126
3. Althusser, L. (2011). Ideology and ideological apparatuses of the state (S. Ryndin, Trans.). Neprikosnovennyi zapas, 3. Retrieved from https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/77_nz_3_2011/article/18605/
4. Mannheim, K. (1991). Ideology and utopia (M. Levina, Trans.). In V. Chalikova (Ed.), Utopia and utopian thinking: An anthology of foreign literature (pp. 113–169). Moscow: Progress.
5. Engels, F. (1966). Letters to various persons (January 1893–July 1895). In K. Marx & F. Engels, Works (2nd ed., vol. 39). Moscow: Politizdat.
6. Ballaev, A. B. (1998). The problem of ideology in the works of Karl Marx. In Istoriia filosofii (no. 3, pp. 55–75). Moscow: IFRAN. Retrieved from https://iphras.ru/elib/HP3_4.html
7. Marx, K., & Engels, F. (1988). German ideology. Moscow: Politizdat.
8. Thompson, J. B. (1984). Studies in the theory of ideology. Cambridge: Polity Press.
9. Tuzikov, A. R. (2003). Theories of ideology in Western sociology: From the critique of "false consciousness" to the analysis of discursive practices of mass media (Unpublished doctoral dis-

- sertation). Kazan: Kazan National Research Technological University.
10. Jaspers, K. (1991). *The origin and goal of history*. Moscow: Politizdat.
 11. Arendt, H. (1996). *The origins of totalitarianism* (I.V. Borisova, Yu.A. Kimelev, A.D. Kovalev, Yu.B. Mishkenene, & L.A. Sedov, Trans.). Moscow: TsentrKom.
 12. Barthes, R. (2019). *Mythologies* (S. Zenkin, Trans.). 5th ed. Moscow: Akademicheskii proekt.
 13. Freud, S. (2008). *Psychology of the masses and the analysis of the self* (A.S. Bokovikov, Trans.). In *Collected works*. Vol. 9: *Questions of society and the origin of religion* (pp. 61–139). Moscow: Firma STD.
 14. Benveniste, E. (1974). *General linguistics*. Moscow: Progress.
 15. Lacan, J. (2018). *Formations of the unconscious (Seminars: Book V (1957/58))* (A. Chernoglazov, Trans.). 2nd ed. Moscow: Gnozis; Logos.
 16. Žižek, S. (1999). *The sublime object of ideology* (V. Sofronov, Trans.). Moscow: Khudozhestvennyi zhurnal.
 17. Sloterdijk, P. (2009). *Critique of cynical reason* (A. Pertsev, Trans.). Moscow: AST; Yekaterinburg: U-Faktoria.

Кросс-функциональный тимбилдинг и формирование устойчивых социально-экономических стимулов к инновационному процессу

Симонин Павел Владимирович,

к.э.н., доцент, доц. кафедры операционного и отраслевого менеджмента, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: pvsimonin@fa.ru; simoninpavel@gmail.com

Курбацкий Никита Владимирович,

аспирант кафедры «Экономическая теория», ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»

Курбацкая Татьяна Борисовна,

канд. психол. наук, доцент кафедры экономической теории и менеджмента, Российский университет транспорта (МИИТ)
E-mail: alterego123@yandex.ru

В статье приведены результаты теоретико-методологического обоснования тимбилдинга и использования мягких компетенций для формирования открытости к новым идеям. Данная статья актуализирует проблему установления доверительных отношений в процессе достижения оптимальной производительности на основе использования инструментов совместной работы и ключевых практик в процессе функционирования кросс-функциональных команд, реализующих цели устойчивого развития. Авторами предлагается модель интеграции кросс-функциональных команд в контексты организации для достижения целей устойчивого развития которая позволит сформировать социально-экономические стимулы к инновационному процессу и повысит изменение отдельных характеристик благосостояния команды.

Ключевые слова: тимбилдинг, кросс-функциональная команда, устойчивое развитие, коммуникация, достойная работа, стимулы,

Введение

Концепция тимбилдинга предопределяющая создание устойчивых результатов бизнес-системы была нацелена исключительно на экологические инициативы поведения команды [1], сплочение команды и сотрудничество [3], лидерское поведение [2] при этом совершенно не учитывая принципы устойчивого развития которые могут быть использованы благодаря кросс-функциональным командам для повышения эффективности функционирования предприятия и социальной ответственности бизнеса. Поэтому требуется адаптация идей устойчивого развития и создание социально-экономических стимулов к инновационной деятельности посредством организации и построения модели интеграции кросс-функциональных команд в контексты целей устойчивого развития организации.

Методы и материалы

Исследование опирается на сочетание общенаучных и частно-научных методов, включая анализ, синтез, индукцию, дедукцию, диалектику, абстрагирование, моделирование. Авторами был применен системный подход в его самом общем виде, когда кросс-функциональный тимбилдинг рассматривался как целевой инструмент достижения эффективности и адаптации к условиям изменения конкурентных преимуществ в бизнес-среде. На втором этапе использовалось обобщение теоретических результатов и были сформулированы практические рекомендации по использованию модели интеграции кросс-функциональных команд в контексты целей устойчивого развития организации. Информационной базой исследования послужили научные труды отечественных ученых, Интернет-ресурсы (официальные сайты) и зарубежные источники по рассматриваемой тематике работы.

Результаты и обсуждение

С точки зрения тимбилдинга наибольшее значение в последнее время придается мягким компетенциям участников, например, умению работать в команде, гибкости мышления и открытости новым идеям. Представив кросс-функциональную команду по основным компонентам организационной структуры, можно увидеть, что она построена в соответствии с принципами адаптивной проектной структуры, но в то же время встроена в существующий конструкт компании, в котором используется матричный тип организационной структуры. Поэтому кросс-функциональная команда – это сложная, адаптивная, динамичная система, которая, являясь частью компании, органично интегрируется в ее контексты и выполняет поставленную перед ней инновационную задачу в виде проекта с четкими границами ресурсов (временных, финансовых, организационных, трудовых) [11]. Эта команда должна привносить различные точки зрения, опыт и идеи в инновационный процесс.

Например, в 2022 г. была проведена оценка 1000 компаний из списка целей устойчивого развития (ЦУР). Она показывает, что только 1% компаний, соответствуют большинству фундаментальных социальных ожида-

ний. В среднем, компании набрали лишь 20% от общего количества баллов по показателям достойного труда. Например, всемирная ассоциация труда считает, что единый прожиточный минимум имеет решающее значение для достойного труда и способствует достижению множества ЦУР и является ключевым вопросом для компаний, которые хотят помочь устранить системный риск социального неравенства. Однако только 4% компаний, к настоящему времени установили целевые показатели или заявили, что выплачивают работникам прожиточный минимум [6]. Следовательно, требуются новые модели интеграции кросс-функциональных команд в приоритете целей устойчивого развития.

Таблица 1. Ключевые практик для эффективного функционирования кросс-функциональных команд на основе целей устойчивого развития [9]

Наименование ключевых практик	Основные элементы ключевых практик для кросс-функциональных команд	Соответствие параметрам ЦУР
Единый платформенный подход	Отслеживание хода выполнения	Диверсификация, инновации и модернизация
	Единая система управления задачами	
	Единый доступ к системе документации	
Стандарты документации	Стандартизированные шаблоны и документы	Рабочие места и эффективное использование ресурсов
	Проектные задания	
	Отчеты и протоколы совещаний	
Четкие каналы коммуникации	Согласованный график совещаний	Рабочие места и эффективное использование ресурсов
	Кросс-функциональные проверки на ключевых проектах	
	Контрольные точки и ежедневные стендапы для быстрых обновлений	
Обеспечение четкой видимости	Прозрачность	Стратегия обеспечения занятости
	Обеспечение сбалансированности задач и времени	
	Приоритеты, дедлайны и рабочая нагрузка между отделами	
Расширение прав и возможностей и подотчетность	Свобода принятия решений ответственность без излишнего надзора за работой	Достойная работа и оплата труда
	Автономность	
	Творчество, повышает мотивацию и поощряет решение проблем	

Одна из главных причин, по которой компании используют кросс-функциональную команду, заключается в том, что мир бизнеса становится все более сложным и запутанным. Возросшая потребность в быстрой адаптации привела к тому, что для бизнеса крайне важно быть гибким, в создании конкурентных преимуществ на рынке и обеспечении успеха организации. Поэтому для создания и поддержания успеха межфункциональной команды необходимо установить доверительные отношения между участниками и руководителями проекта, чтобы создать благоприятный командный климат и достичь оптимальной производительности [10]. При этом важно придерживаться ключевых практик, соответствующих целям и параметрам устойчивого развития, когда тимбилдинг [3] используется как инструмент повышения эффективности команды и взаимодействия персонала (табл. 1).

При этом важно подчеркнуть, что кросс-функциональные команды отличаются от обычных команд тремя существенными особенностями: 1) их члены обычно имеют конкурирующие социальные идентичности и привязанности при этом отдельные люди, как правило, сильнее отождествляют себя со своей функцией, как социальной, так и психологической, чем со своей организацией в целом и они формируют свою собственную идентичность и лояльность, а это может создавать конфликты между членами команды; 2) межфункциональные команды часто являются временными оперативными группами, испытывающими значительное давление и конфликты; 3) они часто сталкиваются с высокими требованиями к производительности, преследуя амбициозные цели сокращения сроков разработки, накопления знаний и повышения эффективности организационного обучения.

Например, опрос 43 компаний из списка Fortune 500 выявил основные препятствия, снижающие эффективность межфункциональных команд: противоречие, существующее между целями команды и функциональными приоритетами; конкуренция за ресурсы; дублирование обязанностей; противоречивые личные цели; отсутствие четкого направления или приоритетов и эффективного сотрудничества [8]. Тем, более что без лидерства и доверия, набора ключевых практик, синергизма и сотрудничества невозможно сформировать кросс-функциональную команду, которая будет успешно выполнять ЦУР.

Поэтому коммуникация и сотрудничество являются основополагающими элементами, определяющими эффективность межфункциональных команд. Кроме того, четкие каналы коммуникации имеют решающее значение для обеспечения того, чтобы все члены команды соответствовали целям проекта, срокам и своим соответствующим обязанностям. Учитывая, что межфункциональные команды часто состоят из специалистов из различных функциональных областей, таких как информационные технологии, исследования и разработки, маркетинг, операционная деятельность и финансы, важно обеспечить бесперебойный обмен информацией.

В частности, сбой в коммуникации могут привести к недопониманию, задержкам или даже невозможности достижения целей проекта. Использование инструментов совместной работы еще больше улучшает коммуникацию, предоставляя платформы, облегчающие обмен информацией, идеями и обратной связью. Такие инструменты, как программное обеспечение для управления проектами, платформы обмена документами и системы коммуникации в режиме реального времени (такие как Slack или Microsoft Teams), могут поддерживать эффективную совместную работу. Создавая среду, в которой

все работают на одной волне и могут легко обмениваться ресурсами, эти инструменты могут играть ключевую роль в развитии командной работы и повышении общей эффективности управления технологиями [4].

Как было замечено Microsoft Teams – это инструмент онлайн-коммуникации, который позволяет пользователям взаимодействовать с другими посредством сообщений, аудиовызовов и видеоконференций. Он вмещает до десяти тысяч участников и используется для содействия обмену информацией между заинтересованными сторонами, менеджерами и различными командами [12]. По сути это платформа для групповой работы на основе чата. Основное внимание в ней уделяется рабочим груп-

пам, использующим общение в чатах, таких как: командные чаты, личные сообщения, звонки и собрания. Кроме того, в программном обеспечении Microsoft Teams безопасность выходит на первый план как важнейший приоритет. Платформа поддерживает такие стандарты безопасности, как ISO 27001 и 27018, SOC 1 и SOC 2, HIPPA. Еще одним преимуществом является то, что она полностью интегрирована с Office 365, включая большое количество приложений и облачных сервисов. Например, файл Microsoft Word, общий для всей команды, может быть отредактирован одновременно всеми членами команды. Это дает большое преимущество при совместной работе и производстве [5] (рис. 1).

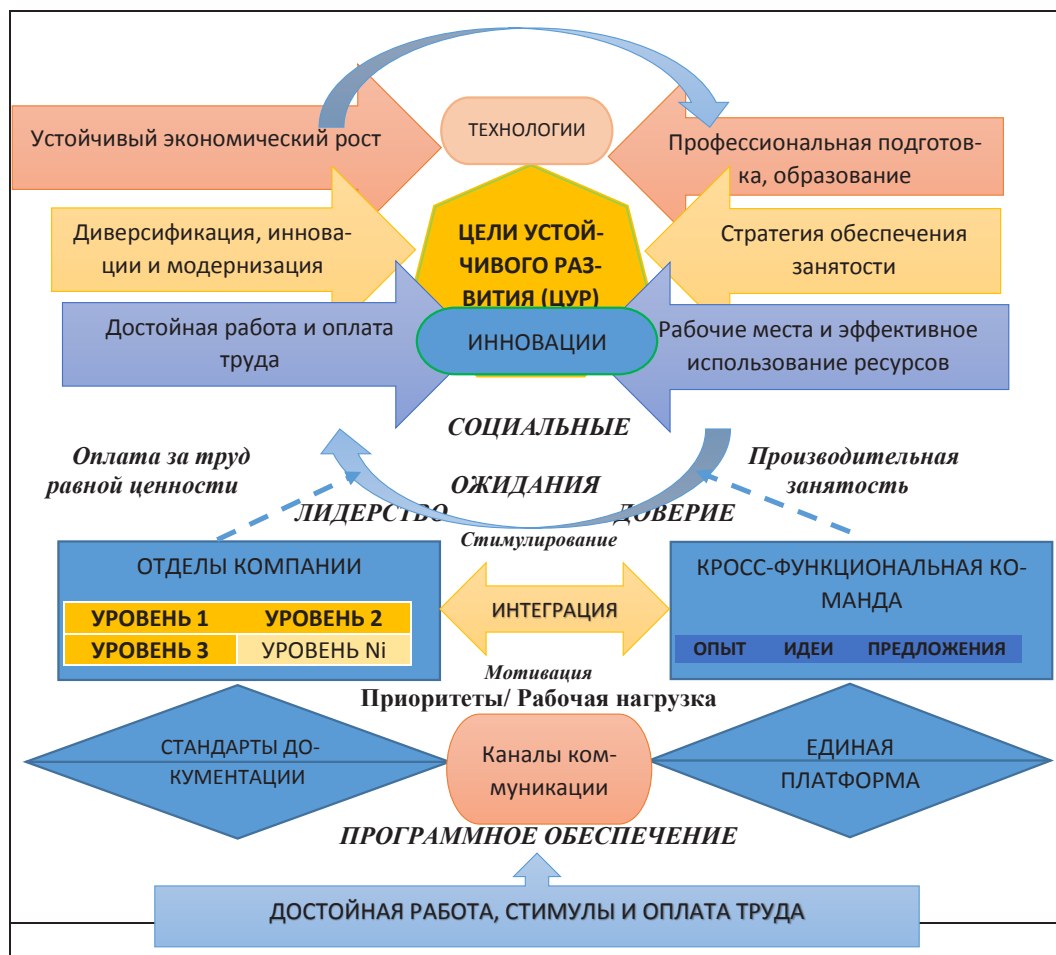

Рис 1. Модель интеграции кросс-функциональных команд в контексты целей устойчивого развития организации (разработка авторов)

Например, снижение неэффективности производственного процесса, внедрение инноваций в соответствии со строгими экологическими нормами могут принести компаниям дополнительные преимущества, а разработка упаковки, экологически безопасных продуктов и продвижение экологических преимуществ при участии кросс-функциональных команд может способствовать достижению долгосрочных целей в области конкурентоспособности и устойчивости [7].

Таким образом, модель интеграции кросс-функциональных команд в контексте достижения целей устойчивого развития позволит сформировать социально-экономические стимулы к инновационному процессу, в процессе разработки новой продукции, повысит изменение отдельных характеристик благосостояния команды. Поэтому такие команды, сформированные на основе новой персонал-технологии, могут одновременно работать над разными частями проекта, для стратегического и инновационного развития и од-

новременно для отслеживания прогресса по исполнению целей устойчивого развития. В то же время кросс-функциональная команда способна учиться друг у друга и создавать инновационные и сложные проекты, эффективно взаимодействовать, однако при этом важно сформировать стимулы достойного труда для представителей разных отделов и уровней организации.

Литература

1. Арзамасова Г. С., Эсаулова И.А. Влияние управления человеческими ресурсами на экологическое поведение сотрудников: роль корпоративной экокультуры //Управленец. – 2022. – Т. 13. – № . 3. – С. 46–56.
2. Демьянченко Н. В., Шевченко О.П. Тимбилдинг как современный метод командного менеджмента организаций сферы услуг //Сфера услуг: инновации и качество. – 2011. – № . 2. – С. 2–2.

3. Литвиненко Т. Ю., Андреева И.Г. Тимбилдинг в организации //Научный альманах. – 2015. – № . 8. – С. 1531–1534.
4. Attah R. U. et al. Cross-functional team dynamics in technology management: a comprehensive review of efficiency and innovation enhancement //Eng Sci Technol J. – 2024. – Т. 5. – № . 12. – С. 3248–65.
5. Çankaya S., Durak G. Integrated systems in emergency distance education: The Microsoft Teams. – 2020. С. 891.
6. Do intentions translate into reality? URL: https://assets.worldbenchmarkingalliance.org/app/uploads/2023/10/2023_SevenSystemTransformations_Update.pdf (дата обращения: 26.02.2025).
7. Genç E., Di Benedetto C.A. Cross-functional integration in the sustainable new product development process: The role of the environmental specialist //Industrial Marketing Management. – 2015. – Т. 50. – С. 150–161.
8. Holland S., Gaston K., Gomes J. Critical success factors for cross-functional teamwork in new product development //International journal of management reviews. – 2000. – Т. 2. – № . 3. – С. 231–259.
9. How to to Keep Your Cross-Functional Teams Motivated? URL: <https://magictask.io/blog/best-practices-motivate-cross-functional-teams/> (дата обращения: 01.03.2025).
10. Jansson T., Persson D. Management of cross-functional teams: The impact of motivation and Human Resources on efficiency in Swedish organizations. – 2020. С.14–15.
11. Kalabina E., Belyak O. Cross-functional team as a high-performance practice for sustainable development of Russian companies //E3S Web of Conferences. – EDP Sciences, 2020. – Т. 208. – С. 3.
12. Khidir M., Saari S.N. A Comparative Analysis Of Microsoft Team And Moodle For A Better Learning Management System //EPRA International Journal of Multidisciplinary Research (IJMR), 266â. – 2022. – Т. 269.

CROSS-FUNCTIONAL TEAM BUILDING AND THE FORMATION OF SUSTAINABLE SOCIO-ECONOMIC INCENTIVES FOR THE INNOVATION PROCESS

Simonin P.V., Kurbatsky N.V., Kurbatskaya T.B.

Financial University under the Government of the Russian Federation, Academy of Labor and Social Relations, Russian University of Transport

The article presents the results of the theoretical and methodological substantiation of team building and the use of soft competencies to form openness to new ideas. This article actualizes the problem of establishing trusting relationships in the process of achieving op-

timal productivity based on the use of collaboration tools and key practices in the process of functioning of cross-functional teams implementing sustainable development goals. The authors propose a model for integrating cross-functional teams into organizational contexts to achieve sustainable development goals that will allow the formation of socio-economic incentives for the innovation process and will increase the change in individual characteristics of the team's well-being.

Keywords: team building, cross-functional team, sustainable development, communication, decent work, incentives.

References

1. Arzamasova G. S., Esaulova I.A. The impact of human resource management on the environmental behavior of employees: the role of corporate eco-culture //Manager. – 2022. – Vol. 13. – No. 3. – pp. 46–56.
2. Demyanchenko N. V., Shevchenko O.P. Team building as a modern method of team management of service organizations //Service sector: innovation and quality. – 2011. – № . 2. – Pp. 2–2.
3. Litvinenko T. Y., Andreeva I.G. Team building in an organization //Scientific almanac. – 2015. – No. 8. – pp. 1531–1534.
4. Atta R. U. et al. Cross-functional team dynamics in technology management: a comprehensive review of efficiency improvement and innovation //English Scientific Technol J. – 2024. – Vol. 5. – No. 12. – pp. 3248–65.
5. Chankaya S., Durak G. Integrated distance learning systems in emergency situations: Microsoft Teams. – 2020. p.891.
6. Do intentions turn into reality? URL: https://assets.worldbenchmarkingalliance.org/app/uploads/2023/10/2023_SevenSystemTransformations_Update.pdf (date of request: 02/26/2025).
7. Genç E., Di Benedetto K.A. Cross-functional integration in the process of developing new sustainable products: the role of an environmental specialist //Industrial marketing management. – 2015. – Vol. 50. – pp. 150–161.
8. Holland S., Gaston K., Gomez J. Critical success factors of cross-functional teamwork in the development of new products //International journal of management reviews. – 2000. – Vol. 2. – No. 3. – pp. 231–259.
9. How do you keep your cross-functional teams motivated? URL: <https://magictask.io/blog/best-practices-motivate-cross-functional-teams/> (publication date: 03/01/2025).
10. Jansson T., Persson D. Managing cross-functional teams: the impact of motivation and human resources on efficiency in Swedish organizations. 2020. pp.14–15.
11. Kalabina E., Belyak O. Cross-functional team as a highly effective practice of sustainable development of Russian companies //Web conferences E3S. – EDP Sciences, 2020. – Vol. 208. – p. 3.
12. Khidir M., Saari S.N. Comparative analysis of Microsoft Team and Moodle for improving the learning management system // International Journal of Interdisciplinary Studies EPRA (IJMR), 266. –2022. – p. 269.

Возможности и ограничения дистанционного электронного голосования на примере Эстонии

Столяр Виталий Дмитриевич,
аспирант, ИФ РАН
E-mail: stolyar_vitaly@mail.ru

Целью статьи является рассмотрение практики дистанционного электронного голосования на примере кейса Эстонии с момента начала внедрения современных технологий в избирательный процесс до 2025 года с точки зрения эволюционного развития данной практики. В статье будет рассмотрена историческая эволюция дистанционного электронного голосования, правовые и политические аспекты использования этой технологии, а также объективные и субъективные ограничения, которые возникли при внедрении этой технологии. Кейс Эстонии примечателен тем, что она является первой страной в мире, которая распространила дистанционное электронное голосование на выборы высших должностных лиц, а также охватила им более половины избирателей.

В заключении сделаны выводы о том, какую роль играет электронное голосование на нынешнем этапе развития эстонской политической системы. Будут выявлены возможности для дальнейшего развития технологии дистанционного электронного голосования в рамках будущих избирательных кампаний в стране.

Ключевые слова: выборы, электронное голосование, европейская избирательная система, эстонская избирательная система.

История внедрения электронного голосования

Одним из наиболее ранних и успешных опытов по внедрению электронного голосования был проведен в Эстонии. В 2000 году эстонское правительство перешло к использованию электронного документооборота и интернета в работе правительства. В этом же году начала происходить подача налоговых деклараций онлайн-путем.

В рамках реализации проекта «Прыжок тигра» был выработан план по созданию «электронного государства», одним из элементов которого стал бы переход на дистанционное электронное голосование. Важным элементом, связанным с электронным голосованием стало массовое внедрение электронных ID-карт, которые можно было рассматривать в качестве перспективного аналога бумажных паспортов.

Инициатива «Прыжок тигра» была разработана для того, чтобы предоставить людям возможность освоить цифровые компетенции, необходимые для полноценной жизни в современном мире. В рамках этой инициативы проводятся различные мероприятия, направленные на обучение людей использованию цифровых платформ и инструментов, включая электронную почту, онлайн-банкинг и электронные государственные сервисы.

«Прыжок тигра» представляет собой успешный пример государственной стратегии, нацеленной на повышение качества жизни граждан посредством развития их цифровой грамотности.

Первое применение дистанционного электронного голосования произошло в 2005 году во время муниципальных выборов. Этот эксперимент был признан успешным, что позволило Эстонии стать первой страной в мире, которая в 2007 году разрешила электронное голосование на национальных парламентских выборах. Хотя на первых порах доля голосов, поданных через интернет, была невелика, сам процесс прошел гладко и заложил основу для более широкого применения электронного голосования в будущем. На последующих парламентских выборах наблюдался рост участия в онлайн-голосовании, достигнув рекордных показателей в 2019 году, когда 43,8% голосов были поданы через интернет, и повторился в 2023 году, когда впервые в мировой истории более половины (51,1%) голосов на парламентских выборах были отданы онлайн.

Безопасность данных

На текущий момент не зафиксировано случаев удаленного или прямого несанкционированного проникновения в систему электронного голосования. Эстонская система электронного голосования обладает надежной защитой от кибернетических атак и различных форм мошенничества. Для обеспечения этой безопасности используется комплекс мер, ключевым элементом которого являются брандмауэры.

Брандмауэр представляет собой систему или набор систем, предназначенных для защиты компьютерных сетей или отдельных устройств от несанкционированного доступа. Брандмауэры могут быть реализованы как в виде аппаратных решений, так и в виде программного обеспечения.

Главная функция брандмауэра состоит в контроле входящего и исходящего сетевого трафика, пропуская только авторизованные пакеты данных. Это позволяет предотвратить несанкционированный доступ к сетевым ресурсам извне и защитить их от вредоносных программ и кибератак.

Брандмауэры широко применяются в различных областях, где критически важна защита данных и обеспечение безопасности. Они используются в корпоративных сетях для защиты серверов и рабочих станций от внешних угроз, на персональных компьютерах для обеспечения безопасности при подключении к интернету, в государственных учреждениях для защиты конфиденциальной информации, а также в финансовых организациях для предотвращения краж данных и мошенничества.

Организация голосования

Организация дистанционного электронного голосования находится в ведении Государственной службы по организации выборов, которая работает совместно с Департаментом государственных инфосистем [2]. Перед началом голосования Государственная служба по организации выборов подготавливает систему электронного голосования и публикует на сайте valimised.ee необходимое для голосования приложение для избирателей.

Электронное голосование начинается в 9 часов утра в понедельник на неделе выборов и завершается в 20 часов вечера субботы.

Для возможности дистанционного голосования необходимо иметь:

- компьютер, подключенный к интернету;
- ID-карту с действующими сертификатами, mobiil-ID или электронно-цифровое удостоверение личности с PIN-кодами.

Для осуществления электронного голосования необходимо загрузить на персональный компьютер приложение избирателя. Данное приложение автоматически верифицирует право избирателя на участие в голосовании и предоставляет персонализированный избирательный бюллетень. После фиксации волеизъявления избирателя, его голос подвергается криптографическому шифрованию и передается на сервер сбора голосов. Одновременно с этим независимая служба регистрации фиксирует время отправки каждого голоса, что позволяет обеспечить прозрачность процесса подсчета.

Избиратель имеет возможность верифицировать факт передачи и приема своего голоса посредством мобильного приложения. Применяемый для шифрования голоса криптографический алгоритм определяется Государственной службой по организации выборов и обновляется перед каждым выборами. Для дешифрования голосов используется закрытый ключ, доступ к которому имеют исключительно члены Республиканской избирательной комиссии.

Система электронного голосования предоставляет избирателю максимальную гибкость в принятии решения. Избиратель может корректировать свой выбор до самого последнего момента. Для обеспечения честности выборов, каждый голос регистрируется и сохраняется в системе. В случае возникновения несоответствий между электронным и бумажным голосованием, приоритет отдается голосу, отданному на избирательном участке [6].

Несмотря на возможность многократного голосования, система электронного голосования гарантирует, что только последний голос избирателя будет учтен. Для обеспечения безопасности и прозрачности, все голоса

фиксируются и защищены криптографическими методами.

Подведение итогов выборов

Вечером в день выборов, в присутствии наблюдателей и членов Республиканской избирательной комиссии, начинается открытый процесс подсчета электронных голосов.

Процедура подсчета включает следующие этапы:

1. Аннулирование повторных голосов: Все голоса, которые были отменены избирателем, автоматически удаляются из системы.
2. Анонимизация: Личные данные отделяются от голосов, обеспечивая полную анонимность каждого избирателя. Голос становится просто набором данных, указывающим на конкретный выбор.
3. Дешифровка: Используя специальный «мастер-ключ», который хранится у членов Республиканской избирательной комиссии, голоса расшифровываются и становятся доступными для подсчета.
4. Подсчет голосов: Проводится подсчет голосов за каждого кандидата.
5. Ввод данных в систему: Результаты подсчета вносятся в общую информационную систему выборов.

Для дополнительной проверки точности подсчета, на следующий день проводится независимый аудит. В ходе аудита голоса перемешиваются и подсчитываются повторно. Это позволяет убедиться, что результаты не изменились и что система подсчета работает корректно. Наблюдатели имеют право присутствовать при проведении аудита и контролировать все этапы процесса.

Процесс подсчета электронных голосов осуществляется в условиях строгого контроля со стороны официально допущенных и авторизованных лиц, а защита данных обеспечивается с помощью методов криптографического шифрования.

Обеспечение условий для свободы выбора и сохранения анонимности голоса

В соответствии со статьей 60 Конституции Республики Эстония, избирательный процесс в стране регламентируется принципами всеобщности, единообразия и прямого волеизъявления, при обеспечении тайны голосования [3]. Данные конституционные нормы гарантируют эгалитарное право граждан на участие в формировании государственной власти и обеспечивают конфиденциальность их электорального выбора. Внедрение электронного голосования, как современной технологической парадигмы, требует строгой имплементации данных основополагающих принципов.

Внедрение компьютерных и смартфон-ориентированных систем голосования открывает новые горизонты для электоральной активности граждан. В отличие от традиционной модели голосования на избирательных участках, электронное голосование предоставляет индивидуумам возможность автономно определять временные и пространственные параметры своего участия в выборах. Это способствует повышению гибкости и доступности электорального процесса для широких слоев населения [5].

Однако, увеличение степеней свободы в электоральном процессе обуславливает необходимость усиления мер по обеспечению безопасности [4]. Для защиты конфиденциальности голосования применяются комплексные системы криптографического шифрования и многофакторной аутентификации. Каждый электораль-

ный голос кодируется уникальным идентификатором, исключающим возможность установления корреляции между голосом и конкретным избирателем. Кроме того, нормативно-правовая база строго регламентирует недопустимость несанкционированного использования учетных данных избирателей и их передачи третьим лицам.

В случае возникновения у избирателя сомнений в безопасности системы электронного голосования или ощущения внешнего давления, предусмотрена возможность неограниченной итеративной модификации электронного выбора до момента окончания времени голосования. В систему учитывается только последняя зафиксированная воля избирателя. Данный механизм гарантирует анонимность процесса голосования и исключает возможность детерминирования избирательного поведения индивидуума.

Кроме того, каждый избиратель сохраняет право на реализацию своего электорального права посредством традиционной системы голосования с применением бумажных бюллетеней. В данном сценарии, электронная форма волеизъявления аннулируется.

Для обеспечения полной конфиденциальности электоральных данных, все электронные голоса подвергаются процедуре криптографического шифрования с использованием специализированных алгоритмов, обеспечивающих практическую невозможность дешифрования без санкционированного доступа.

Принцип равенства голосов является основополагающим принципом демократического проведения выборов. Однако, внедрение электронного голосования порождает дискуссию относительно потенциального предоставления избирателям дополнительных предпочтений. Верховный Суд Эстонии, в рамках рассмотрения данного вопроса в 2005 году, сформулировал заключение, что возможность ревизии электорального выбора в системах электронного голосования не противоречит принципу равенства голосов. Данное решение было мотивировано тем, что в учет принимается исключительно финальная фиксация волеизъявления избирателя, и электронный голос не обладает большей значимостью, чем голос, поданный традиционным способом на бумажном носителе.

Верховный Суд также акцентировал внимание на том, что принцип равного обращения не имплицитно абсолютной идентичности условий для всех субъектов электорального процесса. Первостепенной задачей является обеспечение гарантированной возможности реализации избирательного права для каждого гражданина.

Критика организации электронного голосования в Эстонии

Эстония стала первой страной в мире, внедрившей масштабное электронное голосование. Хотя внутри страны инициатива пользовалась поддержкой, международные эксперты неоднократно выражали обеспокоенность относительно безопасности системы [1].

В начале 2010-х годов эксперты указывали на возможность взлома системы, что спровоцировало широкую дискуссию о безопасности электронного голосования. В ответ на критику, эстонские власти приняли меры для усиления безопасности, включая временную остановку системы для устранения потенциальных угроз.

После публикации исследования, поставившего под сомнение безопасность эстонской системы, разгорелись бурные дебаты. Национальный избирательный комитет Эстонии опроверг обвинения, уверяя, что заявленные уязвимости либо нереальны, либо уже устранены.

В свою очередь, исследователи настаивали на серьезности своих выводов и призывали к прекращению электронного голосования. Эстонское управление информационных систем расценило критику как политически мотивированную, намекая на связь исследователей с оппозицией, хотя эта связь не была доказана.

Таким образом, вопрос безопасности электронного голосования в Эстонии остается открытым, и эксперты продолжают выражать полярные мнения.

Столкнувшись с критикой, Эстония приняла меры для повышения прозрачности и надежности системы, включая открытие исходного кода системы в 2013 году. Несмотря на это, миссия ОБСЕ/БДИПЧ отмечает, что реализованные меры не полностью соответствуют ее рекомендациям.

Схожие с миссией ОБСЕ выводы представила независимая организация IFES, которая в 2012 году признала эстонскую систему электронного голосования успешной, но указала на необходимость ее дальнейшего совершенствования, включая более четкое законодательство, прозрачность процедур и вовлечение граждан. В 2013 году Фонд свободного программного обеспечения Европы (FSFE) раскритиковал систему, отметив недостаточную открытость исходного кода, проблемы с лицензированием, излишнюю зависимость от администраторов и выразив опасения по поводу безопасности компьютеров избирателей. FSFE рекомендовал усилить информирование граждан о киберугрозах.

В 2015 году активист Мярт Пыдер провел эксперимент, продемонстрировав потенциальную уязвимость системы электронного голосования в Эстонии. Используя технические знания, он смог изменить свой голос на недействительный. Этот случай привлек внимание к необходимости постоянного аудита и совершенствования системы безопасности. Эксперимент Мярта Пыдера в 2015 году стал катализатором для обсуждения вопросов прозрачности и безопасности электронного голосования в Эстонии. Активист выступил за полную публикацию исходного кода клиентского приложения и введение механизмов сквозной проверяемости. Эти требования стали важными вехами в дискуссии о том, как обеспечить доверие к системам электронного голосования.

В 2016 году ученые из Оксфорда отметили, что успех эстонской системы электронного голосования во многом обусловлен высоким уровнем доверия между участниками избирательного процесса. Однако они подчеркнули, что для дальнейшего развития системы необходимо перевести неформальные механизмы укрепления доверия в формальную плоскость.

В начале 2019 года в Эстонии была сформирована уникальная рабочая группа для комплексной оценки системы электронного голосования. В ее состав вошли представители государственных органов, ученые, разработчики системы и независимые эксперты. Такой многосторонний подход позволил провести глубокий анализ и учесть различные точки зрения.

Результатом работы межведомственной группы, созданной в 2019 году, стало 25 конкретных предложений по улучшению безопасности, прозрачности и проверяемости системы электронного голосования в Эстонии. Эти предложения демонстрируют готовность государства к постоянному совершенствованию демократических процессов.

Заключение

Эстония последовательно, начиная с 2000 года, проводит политику цифровизации государственного управления. Успех этой политики на первых этапах ее реализации,

а также повсеместное проникновение Интернета позволили распространить политику цифровизации на сферу избирательного процесса.

Внедрение механизма электронного голосования вынудило эстонские власти разработать техническую и правовую базу, которые стали примером для распространения дистанционного электронного голосования в других странах.

Эстония не только оказалась одним из ведущих новаторов в области электронного голосования, но и первой страной, подвергшейся критике за активное использование этой технологии. Однако основная волна недовольства исходила не от внутренних пользователей, а от иностранных экспертов. Избиратели и политики в самой Эстонии, за исключением откровенно маргинальных групп, поддержали идею электронного голосования. Постоянный рост числа пользователей, голосующих через Интернет, свидетельствует о нарастающем доверии граждан к данной системе и позволяет предположить, что число голосующих электронно будет бить новые рекорды.

Литература

1. Борисов И.Б., Игнатов А.В. Электронное голосование в Эстонии бьет рекорды. Общее и особенное в международном развитии ДЭГ // Избирательное законодательство и практика. 2023. № 1. URL: <https://doi.org/10.18572/2500-0306-2023-1-14-20>.
2. Государственная служба по организации выборов Эстонии // URL: (Дата обращения: 01.02.2025) // <https://www.valimised.ee/ru> (Дата обращения: 01.02.2025)
3. Конституция Эстонии // URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/521052015001/consolide> (Дата обращения: 01.02.2025)
4. Федоров В.И. Электронное голосование как сеть коммуникаций между государством и обществом // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. URL: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2022-4-1208>.
5. European E-democracy in practice, studies in digital politics and governance / eds. L. Hennen, I.V. Keulen et al. SpringerOpen, 2020. 359 p.
6. Krimmer R., Duenas-Cid D., Krivososova I. New Methodology for Calculating Cost-Efficiency of Different

Ways of Voting: Is Internet Voting Cheaper? Public Money & Management. 2020. February. URL: <https://doi.org/10.1080/09540962.2020.1732027>.

POSSIBILITIES AND LIMITATIONS OF REMOTE ELECTRONIC VOTING USING THE EXAMPLE OF ESTONIA

Stoliar V.D.

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

The purpose of the article is to consider the practice of remote electronic voting using the example of the Estonian case from the moment modern technologies were introduced into the electoral process until 2025 from the point of view of the evolutionary development of this practice. The article will consider the historical evolution of remote electronic voting, the legal and political aspects of using this technology, as well as the objective and subjective limitations that arose during the introduction of this technology. The Estonian case is notable for being the first country in the world to extend remote electronic voting in the elections of senior officials, and to cover more than half of the voters.

In conclusion, conclusions are made about the role that electronic voting plays at the current stage of development of the Estonian political system. Opportunities for further development of remote electronic voting technology in future election campaigns in the country will be identified.

Keywords: elections, electronic voting, European electoral system, Estonian electoral system.

References

1. Borisov I.B., Ignatov A.V. Electronic voting in Estonia breaks records. General and specific in the international development of EEG // Electoral legislation and practice. 2023. No. 1. URL: <https://doi.org/10.18572/2500-0306-2023-1-14-20>.
2. State Election Service of Estonia // URL: (Accessed: 01.02.2025) // <https://www.valimised.ee/ru> (Accessed: 01.02.2025)
3. Constitution of Estonia // URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/521052015001/consolide> (Accessed: 01.02.2025)
4. Fedorov V.I. Electronic voting as a network of communications between the state and society // Bulletin of Moscow State Regional University (electronic journal). 2022. No. 4. URL: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2022-4-1208>.
5. European E-democracy in practice, studies in digital politics and governance / eds. L. Hennen, I.V. Keulen et al. SpringerOpen, 2020. 359 p.
6. Krimmer R., Duenas-Cid D., Krivososova I. New Methodology for Calculating Cost-Efficiency of Different Ways of Voting: Is Internet Voting Cheaper? Public Money & Management. 2020. February. URL: <https://doi.org/10.1080/09540962.2020.1732027>.

Отдельные вопросы глобализации международной миграции: социальные проблемы и политические последствия

Высоцкий Константин Владимирович,

магистрант, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

E-mail: Vysotskiy.Konstantin@yandex.ru

В статье исследуются современные тенденции международной миграции, её социальные проблемы и политические последствия. На основе статистических данных анализируется динамика роста числа международных мигрантов за период 1970–2020 гг., демонстрирующая увеличение с 84,5 до 280,6 млн человек. Рассматриваются актуальные факторы, формирующие миграционные потоки, включая военные конфликты, природные катаклизмы и экономические причины. Особое внимание уделяется социальным проблемам, таким как взаимосвязь миграции и преступности, а также феминизация миграционных потоков с сопутствующими проблемами медицинского обеспечения. Анализируются политические последствия миграции, включая её использование как инструмента политической манипуляции в социальных сетях и влияние на международные торговые соглашения. Исследование демонстрирует комплексный характер влияния миграционных процессов на современное общество и необходимость выработки сбалансированных политических решений.

Ключевые слова: международная миграция, миграционная политика, феминизация миграции, преступность мигрантов, политическая манипуляция, торговые соглашения, социальные проблемы.

Актуальность исследования обусловлена стремительным ростом масштабов международной миграции, которая за последние 50 лет увеличилась более чем в три раза и достигла 280,6 млн человек к 2020 году, что создает серьезные вызовы для принимающих стран и мирового сообщества в целом. Современные миграционные процессы, усиленные военными конфликтами, природными катаклизмами и экономическими кризисами, порождают комплекс острых социальных проблем, требующих научного осмысления и практических решений. Особую значимость приобретают вопросы преступности среди мигрантов, феминизации миграционных потоков и связанных с этим проблем медицинского обеспечения, а также политизация миграционной тематики в социальных сетях и её влияние на международные торговые отношения. Растущая политическая напряженность вокруг миграционных вопросов, проявляющаяся в усилении антииммиграционных настроений и ужесточении миграционной политики в различных странах, делает необходимым всестороннее изучение данной проблематики для выработки эффективных механизмов управления миграционными процессами в условиях глобализации.

В разных странах применяются неодинаковые подходы к определению статуса международных мигрантов, включая разные временные критерии пребывания [1]. Выделяют «краткосрочных мигрантов» (3–12 месяцев пребывания) и «долгосрочных мигрантов» (более года). Из-за методологических различий между странами, в данном контексте целесообразно использовать общепринятый термин «международный мигрант» – лицо, сменившее страну проживания вне зависимости от длительности пребывания.

За последние полвека количество международных мигрантов значительно выросло, хотя большая часть населения по-прежнему живет в странах своего рождения. К середине 2020 года число мигрантов достигло 281 миллиона человек, что почти вдвое больше показателя 1990 года (153 миллиона) и втрое превышает данные 1970 года (84 миллиона) (табл. 1).

Таблица 1. Международная миграция в период 1970–2020 гг. [15]

Год	Число международных мигрантов	% мигрантов от мировой популяции
1970	84 460 125	2.3
1975	90 368 010	2.2
1980	101 983 149	2.3
1985	113 206 691	2.3
1990	152 986 157	2.9
1995	161 289 976	2.8
2000	173 230 585	2.8
2005	191 446 828	2.9
2010	220 983 187	3.2
2015	247 958 644	3.4
2020	280 598 105	3.6

Последние два года ознаменовались масштабными миграционными процессами, вызванными различными факторами [3]. Военные конфликты в Газе, Сирии, Йемене и ряде африканских стран привели к массовому перемещению населения. Природные катаклизмы 2022–2023 годов, включая наводнения и ураганы в странах Азии и Южной Америки, а также разрушительное землетрясение в Турции и Сирии, вынудили миллионы людей покинуть свои дома.

Параллельно усилилась политизация миграционного вопроса, особенно в Европе, где антииммиграционные настроения существенно влияют на результаты выборов. Подобные тенденции наблюдаются в Африке, Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке на фоне ухудшения экономической ситуации.

Долгосрочный анализ показывает, что международная миграция формируется под влиянием различных факторов и создает устойчивые миграционные коридоры. Основные потоки направлены из развивающихся стран в государства с сильной экономикой (США, ОАЭ, Саудовская Аравия, Германия), а также возникают вследствие затяжных конфликтов, как в случае с сирийско-турецким коридором.

Далее, представляется необходимым проанализировать социальные проблемы и политические последствия, вызванные глобальной миграцией. Связь миграции и преступности активно обсуждается в общественном пространстве, особенно в странах с большим притоком мигрантов. Опросы показывают, что значительная часть населения в США, Франции, Великобритании и Германии (от 32% до 63%) считает, что миграция повышает уровень преступности, причем эти показатели возрастают, когда речь идет о нелегальной миграции [7].

Однако научные исследования опровергают эти представления. Например, исследования в Техасе демонстрируют, что вероятность совершения насильственных преступлений у нелегальных мигрантов на 50% ниже, чем у местных жителей. Аналогично, показатели по преступлениям, связанным с наркотиками и имуществом, значительно ниже среди мигрантов [11]. Статистика 2018 года показывает, что уровень судимости среди нелегальных мигрантов (782 на 100 000) почти вдвое ниже, чем среди коренных американцев (1422 на 100 000) [12].

Напротив, мигранты чаще становятся жертвами преступлений и дискриминации, хотя эти факты часто игнорируются в популистской риторике политиков и СМИ. В России тема преступности среди мигрантов периодически привлекает общественное внимание. По данным 2024 года, доля преступлений, совершенных иностранцами и лицами без гражданства, составила 2,04% от общего числа (40,15 тыс.), с наибольшей концентрацией в Москве (7,68 тыс.) и Московской области (5,52 тыс.) [2]. Примечательно, что 85% правонарушений совершается мужчинами-мигрантами, причем преимущественно против других мигрантов, редко выходя за пределы их сообществ.

Публичные обсуждения этой темы часто носят дискриминационный характер, способствуя стигматизации иностранцев. Одновременно наблюдается ужесточение миграционной политики. С февраля 2025 года вводится «режим высылки» для нелегально находящихся в России иностранцев [4]. Изменения в законодательстве предусматривают внесение таких лиц в специальный реестр с существенными ограничениями их прав: запрет на ведение бизнеса, приобретение имущества, заключение брака и смену места жительства без разрешения. Закон также вводит усиленный контроль, вклю-

чая обязательную дактилоскопию и возможность временного задержания.

Феминизация трудовой миграции, особенно заметная в потоке из Кыргызстана в Россию, порождает серьезные проблемы в сфере женского здоровья. Исследования выявляют тревожную картину медицинского обеспечения женщин-мигранток из Центральной Азии, особенно во время беременности и родов.

По данным 2020 года, лишь четверть мигранток из Кыргызстана имела полноценное медицинское страхование [13]. Хотя работницы из стран ЕАЭС могут получить его бесплатно при наличии официального трудового договора, большинство приобретает минимальные страховые пакеты стоимостью около 6000 рублей, недостаточные для полноценного медицинского обслуживания. Схожая ситуация наблюдается среди мигранток из Таджикистана и Узбекистана.

Статистика 2020 года показывает критически высокий уровень потери беременности среди мигранток из Кыргызстана и Таджикистана (около 29%), что в несколько раз превышает показатели в их родных странах. Это объясняется неудовлетворительными условиями жизни и отсутствием надлежащего медицинского наблюдения. Кроме того, значительная часть женщин-мигрантов вынуждена откладывать рождение детей из-за миграции, что создает дополнительные риски для здоровья при более поздней беременности.

Миграция часто становится инструментом политической манипуляции, особенно в эпоху социальных сетей. Политики традиционно используют общественные настроения для привлечения электората, но современные социальные медиа значительно усилили эффективность такого влияния. Их особая роль обусловлена двумя факторами: возможностью быстрого распространения информации через репосты и низким порогом входа, позволяющим даже маргинальным группам активно участвовать в политическом дискурсе.

Политические деятели используют социальные сети для формирования общественного мнения об иммиграции тремя способами [6]. Во-первых, само обсуждение миграционной темы может усиливать существующие предубеждения и тревоги местного населения, увеличивая поддержку антииммиграционных политических сил. Во-вторых, социальные сети эффективно распространяют эмоционально окрашенный контент, направляя негативные чувства против мигрантов. В-третьих, они помогают создавать нарративы, оправдывающие нетерпимость к меньшинствам.

Исследования показывают, что подобные нарративы могут существенно влиять на общественное поведение [8]. Например, эксперимент с информацией о связи иммигрантов с преступностью продемонстрировал, что такие сообщения снижают социальные барьеры для проявления антииммигрантских настроений и увеличивают готовность поддерживать дискриминационные меры.

Научное сообщество проявляет растущий интерес к исследованию влияния миграционных процессов на формирование предпочтительных торговых соглашений, включая системы льготных тарифов между развитыми и развивающимися странами.

В современном мире миграционная проблематика становится источником серьезных политических разногласий. Показательным примером служат сложности в переговорах между Великобританией и Индией о постбрекситном торговом соглашении, где камнем преткновения стали именно миграционные уступки [10]. Примечательно заявление британского министра торговли Грега Хэндса, пытавшегося успокоить общественность

разъяснением, что речь идет исключительно о деловых визах, а не о постоянном проживании.

История подобных противоречий имеет глубокие корни. Характерный пример – реакция Сената США в 2003 году на включение визовых обязательств в торговые соглашения с Чили и Сингапуром [14]. Принятая резолюция категорически отвергла использование торговых соглашений как инструмента иммиграционной политики, фактически запретив Торговому представителю США включать миграционные обязательства в будущие договоры.

Профсоюзные организации также выступают с критикой миграционных положений в торговых соглашениях. Их беспокойство вызывает как потенциальное ущемление прав местных работников через снижение квалификационных требований, так и недостаточная защита прав трудовых мигрантов. Американская федерация профсоюзов характеризует подобные положения как «торговлю правами мигрантов» [5].

Дополнительную напряженность создают положения о противодействии нелегальной миграции. Иллюстративным примером служат сложные переговоры между ЕС и Организацией африканских, карибских и тихоокеанских государств в 2021 году, где особые разногласия вызвали условия реадмиссии нелегальных мигрантов [9].

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы. За период 1970–2020 гг. произошел значительный рост числа международных мигрантов: с 84,5 млн человек (2,3% мирового населения) до 280,6 млн человек (3,6% мирового населения). На современном этапе миграционные процессы обусловлены комплексом факторов, включая военные конфликты (в Газе, Сирии, Йемене), природные катаклизмы и экономические проблемы, что создает устойчивые миграционные коридоры преимущественно из развивающихся стран в государства с сильной экономикой.

В социальной сфере выделяются две ключевые проблемы. Первая связана с восприятием преступности среди мигрантов, хотя статистические данные опровергают распространенные предубеждения. Например, в США уровень судимости среди нелегальных мигрантов (782 на 100 000) почти вдвое ниже, чем среди местного населения (1422 на 100 000). В России доля преступлений, совершенных иностранцами, составляет лишь 2,04% от общего числа. Вторая проблема касается феминизации миграции, особенно острой в контексте медицинского обеспечения женщин-мигранток. Статистика показывает высокий уровень потери беременности (29%) среди мигранток из Центральной Азии из-за недостаточного доступа к медицинским услугам и неудовлетворительных условий жизни.

В политической сфере также выделяются два основных последствия. Первое связано с использованием миграционной темы как инструмента политической манипуляции, особенно в социальных сетях, где создаются и распространяются нарративы, усиливающие антииммигрантские настроения и оправдывающие дискриминационные меры. Второе последствие проявляется в острых политических спорах вокруг включения миграционных положений в международные торговые соглашения, что иллюстрируется сложностями в переговорах между Великобританией и Индией, а также историческим запретом США на включение миграционных обязательств в торговые договоры.

Таким образом, международная миграция оказывает комплексное влияние как на социальную, так и на политическую сферу, создавая многоуровневые проблемы,

требующие взвешенных решений и международного сотрудничества. При этом важно отметить разрыв между фактическими данными и общественным восприятием миграционных процессов, что усугубляется политизацией данного вопроса.

Литература

1. Бедрина Е.Б. Трудности вхождения международных мигрантов в принимающее российское общество / Е.Б. Бедрина, К.В. Селина, П.С. Шведова // Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы: Сборник научных статей. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2024. – С. 467–475.
2. В институте РАН оценили уровень преступности среди мигрантов в России. URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/02/2024/65c4dd649a794779c7f85100> (дата обращения: 29.01.2025).
3. Надеждин А.Е. Миграционные процессы как фактор воздействия на внутривнутриполитические процессы в Европе (на примере Германии) / А.Е. Надеждин // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2024. – № 1(854). – С. 32–39.
4. Федеральный закон от 08.08.2024 № 260-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482512/ (дата обращения: 29.01.2025).
5. AFL–CIO. Trading away migrant rights: How the TPP would fuel displacement and fail migrant workers. AFL–CIO Report. – 2016. URL: https://aflcio.org/sites/default/files/2017-03/MigrantReport_nb.pdf (дата обращения: 29.01.2025).
6. Alesina A., Miano A., Stantcheva S. Immigration and Redistribution // *The Review of Economic Studies*. – 2023. – Vol. 90. – № 1. – Pp. 1–39.
7. Bell B. Crime and immigration. *IZA World of Labor* 2019. – 2019. – 33 p.
8. Bursztyn L., Chaney T., Hassan T., Rao A. The Immigrant Next Door: Exposure, Prejudice, and Altruism // *SSRN Electronic Journal*. – 2021. – 85 p.
9. Carbone M. Double two-level games and international negotiations: Making sense of migration governance in EU–Africa relations // *Journal of Contemporary European Studies*. – 2022. – № 30(4). – Pp. 750–762.
10. Lavenex S., Lutz P., Hoffmeyer-Zlotnik P. Migration governance through trade agreements: insights from the MITA dataset // *Rev Int Organ*. – 2024. – № 19. – Pp. 147–173.
11. Light M.T., He J., Robey J.P. Comparing crime rates between undocumented immigrants, legal immigrants, and native-born US citizens in Texas // *PNAS*. – 2020. – Vol. 17. – № 51. – 51 p.
12. Nowrasteh A. New Research on Illegal Immigration and Crime // *Cato at Liberty*. CATO Institute. 13.09.2020. URL: <https://www.cato.org/blog/new-research-illegal-immigration-crime-0> (дата обращения: 29.01.2025).
13. Poletaev D. Pregnancy, childbirth and health of female labour migrants from Central Asia in Russia // *Population and Economics*. – 2021. – № 5(4). – Pp. 50–65.
14. Umberger A. Free trade visas: Exploring the constitutional boundaries of trade promotion authority // *Georgetown Immigration Law Journal*. – 2008. – № 22(2). – Pp. 319–352.
15. World migration report 2024. URL: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2024> (дата обращения: 29.01.2025).

SELECTED ISSUES OF GLOBALISATION OF INTERNATIONAL MIGRATION: SOCIAL PROBLEMS AND POLITICAL CONSEQUENCES

Vysotsky K.V.

Plekhanov Russian University of Economics

The article investigates modern trends of international migration, its social problems and political consequences. On the basis of statistical data the dynamics of growth in the number of international migrants for the period 1970–2020 is analysed, showing an increase from 84.5 to 280.6 million people. Current factors shaping migration flows are examined, including military conflicts, natural disasters and economic reasons. Particular attention is paid to social issues such as the relationship between migration and crime, and the feminisation of migratory flows with attendant problems of health care. The political implications of migration are analysed, including its use as a tool of political manipulation in social media and its impact on international trade agreements. The study demonstrates the complex nature of the impact of migration processes on modern society and the need to develop balanced policy solutions.

Keywords: international migration, migration policy, feminisation of migration, migrant criminality, political manipulation, trade agreements, social problems.

References

1. Bedrina E.B. Difficulties of integration of international migrants into the host Russian society / E.B. Bedrina, K.V. Selina, P.S. Shvedova // Sustainability of demographic development: determinants and resources: Collection of scientific articles. – Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2024. – Pp. 467–475.
2. The Institute of the Russian Academy of Sciences assessed the level of crime among migrants in Russia. URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/02/2024/65c4dd649a794779c7f85100> (date of access: 29.01.2025).
3. Nadezhdin A.E. Migration processes as a factor influencing domestic political processes in Europe (on the example of Germany) / A.E. Nadezhdin // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. – 2024. – No. 1(854). – P. 32–39.
4. Federal Law of 08.08.2024 No. 260-FZ (as amended on 28.12.2024) “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482512/ (accessed on 29.01.2025).
5. AFL–CIO. Trading away migrant rights: How the TPP would fuel displacement and fail migrant workers. AFL–CIO Report. – 2016. URL: https://aflcio.org/sites/default/files/2017-03/MigrantReport_nb.pdf (accessed on 29.01.2025).
6. Alesina A., Miano A., Stancheva S. Immigration and Redistribution // The Review of Economic Studies. – 2023. – Vol. 90. – No. 1. – Pp. 1–39.
7. Bell B. Crime and immigration. IZA World of Labor 2019. – 2019. – 33 p.
8. Bursztyn L., Chaney T., Hassan T., Rao A. The Immigrant Next Door: Exposure, Prejudice, and Altruism // SSRN Electronic Journal. – 2021. – 85 p.
9. Carbone M. Double two-level games and international negotiations: Making sense of migration governance in EU-Africa relations // Journal of Contemporary European Studies. – 2022. – No. 30(4). – Pp. 750–762.
10. Lavenex S., Lutz P., Hoffmeyer-Zlotnik P. Migration governance through trade agreements: insights from the MITA dataset // Rev Int Organ. – 2024. – No. 19. – Pp. 147–173.
11. Light M.T., He J., Robey J.P. Comparing crime rates between undocumented immigrants, legal immigrants, and native-born US citizens in Texas // PNAS. – 2020. – Vol. 17. – No. 51. – 51 p.
12. Nowrasteh A. New Research on Illegal Immigration and Crime // Cato at Liberty. CATO Institute. 09.13.2020. URL: <https://www.cato.org/blog/new-research-illegal-immigration-crime-0> (accessed 01/29/2025).
13. Poletaev D. Pregnancy, childbirth and health of female labor migrants from Central Asia in Russia // Population and Economics. – 2021. – No. 5(4). – Pp. 50–65.
14. Umberger A. Free trade visas: Exploring the constitutional boundaries of trade promotion authority // Georgetown Immigration Law Journal. – 2008. – No. 22(2). – Pp. 319–352.
15. World migration report 2024. URL: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2024> (access date: 01/29/2025).